

ТРИ
ВЕДУЩИХ
АВТОРА
FANTAZY

Андрэ
НОРТОН
Мэрион Зиммер
БРЭДЛИ
Джулиан
МЭЙ

Золотой ТРИЛЛИУМ
Леди ТРИЛЛИУМА
Небесный ТРИЛЛИУМ

ТРИ ЛУНЫ
ТРИ ТАЛИСМАНА
ТРИ ПРИНЦЕССЫ

Андрэ
НОРТОН,
Мэрион Зиммер Брэдли, Джулиан Мэй

Золотой Небесный
ТРИЛЛИУМ

Актриса

HORTON

Маркони Еммануэр

БРЭДЛИМ

Дружеская

МЭЙ

Зеленый Призыв

Леди Призывная

Небесный Призыв

Серия «Триллиум»

Андрэ Нортон
ЗОЛОТОЙ ТРИЛЛИУМ

Мэрион Зиммер Брэдли
ЛЕДИ ТРИЛЛИУМА

Джулиан Мэй
НЕБЕСНЫЙ ТРИЛЛИУМ

Андрэ
НОРТОН

Золотой Триллиум

Мэрион Зиммер

БРЭДЛИ

Леди Триллиума

Джулиан

МЭЙ

Небесный Триллиум

УДК 820(73)
ББК 84(7 США)
Н 82

Andre NORTON
GOLDEN TRILLIUM

Copyright © 1993 by Andre Norton

Marion BRADLEY
LADY OF THE TRILLIUM

Copyright © 1995 by Marion Zimmer Bradley
and Elizabeth Waters

Julian MAY
SKY TRILLIUM

Copyright © 1996 by Starikon Productions, Inc

Серийное оформление художника *А. Саукова*

Серия основана в 2001 году

Н 82 **Нортон А., Брэдли М. З., Мэй Дж.**
Золотой Триллиум. Леди Триллиума. Небесный
Триллиум: Фантастические романы / Пер. с англ. —
М.: Изд-во Эксмо; СПб.: Изд-во Домино, 2004. —
944 с. (Серия «Шедевры фантастики»).

ISBN 5-699-03236-3

Сестры-принцессы Кадия, Харамис и Анигель, разделенные пространством и обстоятельствами, вновь объединяются, когда в мире Трех Лун вспыхивает кровавый мятеж скритиков-топителей. Немало испытаний выпадает на долю сестер, прежде чем им удастся выяснить, что организатор страшных событий не кто иной, как маг Орогастус, их вечный преследователь и противник.

УДК 820(73)
ББК 84(7 США)

© Перевод. И. Гурова, М. Шиков,
Н. Берденников, 2003
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо». 2003

ISBN 5-699-03236-3

Три Луны изменили свой свет с бледно-охрового на чистый, сверкающий, серебристый. Вокруг них появились три радужных лепестка. Центральный взлетал вверх до самого зенита, два других, казалось, охватывали весь горизонт.

— Мой бог, — прошептала Анигель. — Что это?

— Небесный Трилистник, — ответила Кадия.

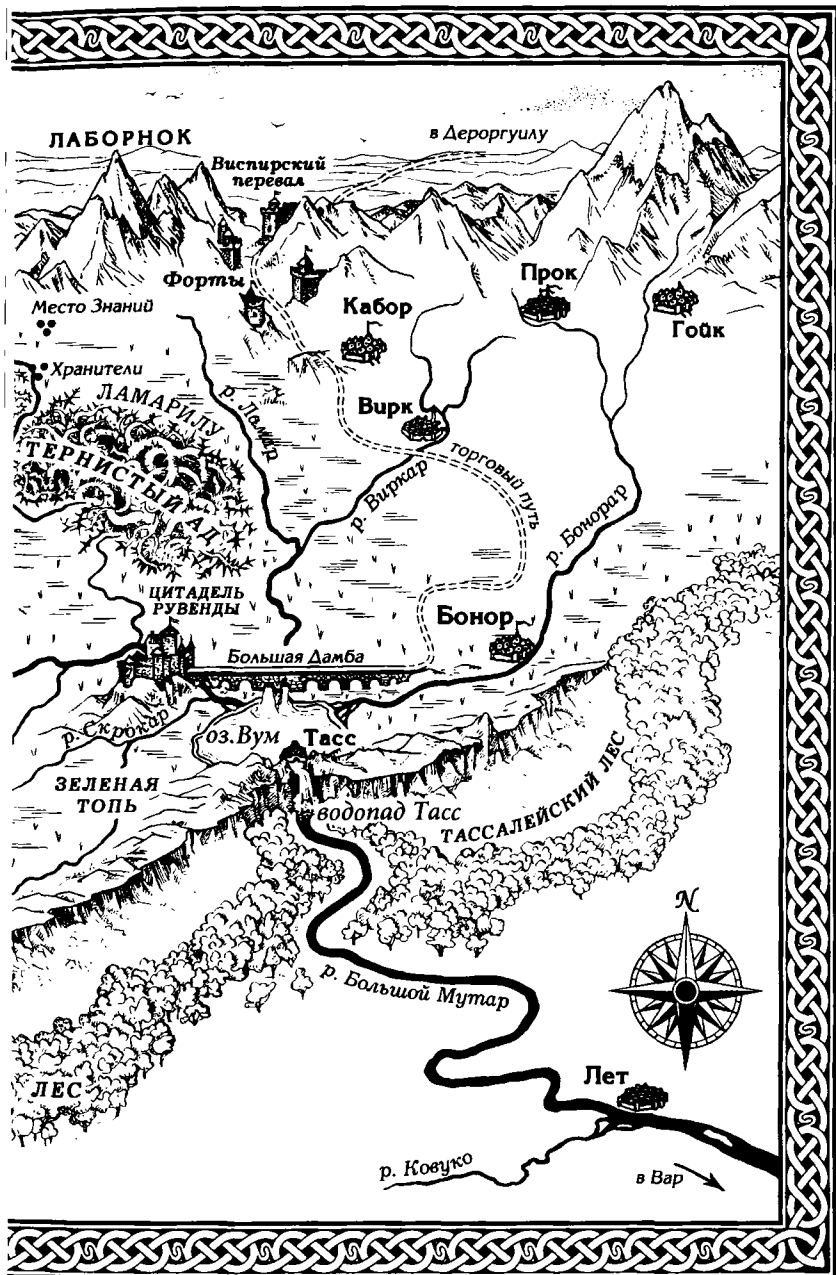
— Мы просили, — сказала Харамис, — исцелить мир в удобное богу время. Посмотрите на ледяной покров.

Они увидели клубы пара, поднимающиеся с блестящей поверхности. Клубы разрастались, соединялись между собой, пока весь континент не скрылся под облаками. Масса облаков вытянулась и, подхваченная ветром, медленно потекла на восток.

— Что происходит? — спросила Анигель.

— Мне кажется, — сказала Харамис, — лед начал таять.

•
Андрэ

НОРТОН

Золотой Триллиум

•

Ингрид и Марку, чья поддержка никогда не обманывала ожиданий. А также Бетси Митчелл за различные сверхплановые услуги, за которые автор бесконечно благодарен

Пролог

Их было трое, дочерей Черного Триллиума. Достигнув расцвета своей женственности, они должны были стать: Харамис — колдуньей, Кадия — воительницей, а Ангель — королевой. Они появились на свет все вместе, что само по себе было странным и неслыханным, и в миг их рождения Великая Волшебница Бина (та, что, по слухам, была полновластной Хранительницей всей страны) приветствовала их и дала им имена.

Бина предсказала, что они будут надеждой и спасительницами своего народа. Каждую она одарила амулетом из янтаря с крошечным бутончиком легендарного Черного Триллиума внутри, знаком их королевского рода и страны.

Страна Рувенда уже много поколений служила приютом человечеству, но все еще таила много неразгаданного. Значительную часть ее занимали болота с островами твердой земли между ними. На многих островах сохранялись развалины, иные такие обширные, что вполне могли быть руинами больших городов. Король жил в Цитадели, тоже наследии былых времен, но хорошо сохранившейся.

К востоку люди осушили болота и превратили плодородную землю в поля и пастбища. Рувенда служила перевалочным пунктом для торговцев лесом с юга, в котором крайне нуждались их северные соседи в Лаборноке. Другие товары поступали из болотистой местности: целебные

травы, пряности и ребристые раковины водяных моллюсков — одни цветные и сверкающие, точно драгоценные камни, другие такие твердые, что из них изготавливали панцири воинов. Самыми редкостными были вещи (иные настолько странные, что нельзя было понять, для чего они делались), которые находили в древних развалинах.

Разыскивали их оддлинги, обитатели болот, которых рувендиане встретили, появившись в этих краях, и с которыми прекрасно уживались, поскольку не имели друг к другу территориальных претензий. Было два племени оддлингов: ниссомы, более дружелюбные (некоторые даже служили в королевской Цитадели), и уйзгу, робкие дикари, обитавшие дальше на западе в неисследованной части болот. Свои товары уйзгу приносили ниссомам, а уж те предлагали их гильдиям торговцев. Торг обычно происходил в большом разрушенном городе, который люди называли Тревиса, куда туземцам было легко добираться по реке.

В болотах жило еще одно племя, считавшее своей собственностью северо-западные пределы, но его все чужались. Топители — так называли их оддлинги, а ученые мужи употребляли слово «скритек». Это было кровожадное племя ящеров, они пытались и убивали людей без причины. Иногда они нападали на осушенные земли, чаще выискивали жертвы среди оддлингов, и никто никогда не сказал ничего хорошего про их хищный род.

В детские годы трех принцесс в Рувенде царил мир, если не считать таких вот налетов. Люди и не подозревали, что на севере уже собираются грозные тучи.

Король Лаборнока был стар и правил очень давно, пережив многих своих современников. Его наследник, принц Волтрик, устал ждать. Много времени он проводил за морем, где научился иным обычаям и нашел себе союзников, включая великого колдуна Орогастуса. Вернувшись на родину, принц привез с собой и этого чародея. И когда Волтрик наконец надел королевскую корону, Орогастус стал его первым советником.

Волтрик возжелал подчинить Рувенду — не из-за ее болот, его манили торговля лесом и несметные сокровища,

по слухам, спрятанные в разрушенных городах. И едва утвердившись на престоле, он нанес удар.

Горные крепости, охранявшие единственный перевал, были сметены с лица земли молниями, которые обрушились на них чары Орогастуса. А потом предатель-купец стал их проводником, и с быстротой жалящей змеи лаборнокцы взяли великую Цитадель.

Король Крейн и те его вельможи, которые не пали в битве, по приказу Волтрика были преданы лютой смерти. Его жена пала под ударами мечей тех, кто дал клятву истребить всех женщин королевской семьи, ибо, согласно пророчеству, только от них могла прийти гибель победителям. Три принцессы спаслись благодаря своим амулетам, но бежали они порознь.

Харамис, с помощью чар Бины (успевшей состариться и утратить былую силу, не то лаборнокцы никогда бы не вторглись в страну), унеслась по воздуху на спине огромного ламмергейера на север. Кадия с помощью охотника-оддлинга, давно обучавшего ее тайнам болот, ушла в непроходимые топи по древнему подземному ходу. А Анигель со своей наставницей Имму, старой уйзгу, ведавшей свойства всех трав, ускользнула в город Тревишту, стоявший у слияния двух рек.

По очереди каждая принцесса посетила Великую Волшебницу в Ноте, и каждой было поручено отыскать часть великого колдовского оружия, которому суждено освободить страну.

Много испытаний выпало на их долю. Орогастус выследил Харамис в горном краю и искусно ее очаровал, сначала просто из желания обезвредить, а затем потому, что увидел в ней достойную помощницу в собственной тайной борьбе за власть. Но овладеть серебряным жезлом с талисманом Харамис он не сумел.

Кадью увели в погибший город Исчезнувших, и там она обрела меч, выросший из стебля Черного Триллиума.

Анигель, бежавшая на юг с помощью уйзгу, добралась до Тассалейского леса, где вырвала корону из пасти растения — пожирателя жизни. Там ее нашел принц Антар, сын Волтрика, которому было приказано схватить

принцессу. Но Антара настолько возмущали жестокости отца и пугало растущее могущество Орогастуса, что он предпочел поклясться Анигель в верности и стать ее защитником.

Кадия во главе армии уйзгу и ниссомов присоединилась к Анигель для штурма Цитадели, но положить конец власти Орогастуса было дано Харамис, когда она соединила силу всех трех талисманов в единый великий всепобеждающий магический фокус.

Харамис отказалась от короны, принадлежавшей ей по праву перворожденной, и предпочла стать преемницей Бины, Великой Волшебницей, когда на смертном одре колдунья отдала ей плащ Хранительницы. Кадия также отказалась от своего наследства, ибо ее манили тайны болот, к тому же в глубине души она знала, что корона и трон — не для нее.

Анигель вступила в брак с Антаром и объединила две прежде враждовавшие страны. Как королева и король Лабровенды они дали клятву править в полном согласии и поддерживать мир.

Харамис удалилась в северные горы к сокрытой там мудрости, которая влекла ее больше всего на свете. Но перед этим она разъединила три талисмана и забрала с собой жезл. Свой амулет Анигель вставила в царскую корону как часть наследства, а Кадия оставила себе меч с обломанным острием, в рукояти которого помещались три волшебных разящих глаза: один — цвета ее собственных, другой — как у оддлингов, а третий, верхний и слепящий, не был похож ни на чей орган зрения, известный Кадии.

Кадия вернулась к своей оддлинговской армии и повела ее в болота в самом начале сезона дождей. Она не знала, что хочет найти, но была уверена, что искать должна.

Глава 1

Над болотами хлестал дождь. Речки и реки вздулись, разлились, помутнели и увлекали вниз по течению вырванные с корнем деревья и кусты. Лианы извивались в

воде, точно змеи, а настоящие змеи брюхом кверху запутывались в камышах. Повсюду громоздились завалы, смертельные ловушки для любого суденышка, осмелившегося отправиться в путь. Завывания ветра заглушали все звуки, кроме шума дождя и рева воды.

И все же смельчаки нашлись. Как ни боялись жители болот стихий, бушующих в это время года, они преодолели страх. Армия вышла из трясин — клан сошелся с кланом, племя с племенем.

Некогда тут произошла битва, и подобной не было никогда прежде. Зло нанесло удар с помощью огня и непостижимых чар, а потерпев поражение, рассыпалось золой и пеплом. Теперь те, кто решался плавать тут по рекам и речкам, старались избегать поля бывшего сражения. Победа досталась жителям Рувенды, но тень произошедшего была подобна черным тучам, затянувшим небо.

Численность армии в пути все время уменьшалась. То один отряд, то другой сворачивал к островку или свайной деревне. Первыми отделились ниссоны, так как их владения были ближайшими. Уйзгу, их дальние родичи, плыли в плоскодонных челнах, влекомых боевыми товарищами и помощниками — обитающими в воде дрессированными римориками, которые, как ни были сильны, еле справлялись с бешенством вод. Все чаще и чаще они исчезали в замаскированных растительностью притоках, которые вели к их крепостям, не ведомым пока еще никому из посторонних, кроме горстки искателей приключений, всегда незваных гостей.

Как ни старалась быстро уменьшающаяся армия не думать о прошлом, на глаза то и дело попадались жуткие напоминания о царившем здесь ужасе. Среди занесенных илом камышей показались останки человека, одного из вражеских воинов, нашедших здесь роковой конец.

Девушка, яростно взмахивавшая веслом в челноке, плывшем среди первых, поспешно отвела глаза. Какой-то скритек попиrowал тут, утолив гнусный голод плотью недавнего союзника.

Скритеки... Многие поспешили бежать перед бешеным натиском бури. Они хорошо знали, какая судьба ждала

тех из них, кто остался в живых после поражения и попал в руки победителей.

Теперь вперед продолжал плыть совсем небольшой отряд, углубляясь в Тернистый Ад — жуткое место, где колючие заросли будто сдавливали сердце капканом страха. Словно бы предчувствие беды разъедало язвами лишайников мертвые стволы погибших деревьев. Те, кто решался избрать этот кратчайший путь к своей цели, остерегались заглядывать за щетинящийся шипами занавес терновника, тянувшийся по обоим берегам реки.

Струи дождя застилали глаза. Гребцы сутулились, вжимали головы в плечи, но это мало помогало. Кадия — некогда жившая в роскоши королевского дворца — стойко терпела непогоду и рукоятку меча в ножнах, которая упиралась ей в ребра всякий раз, когда она взмахивала веслом. Упорство, к которому приучила ее война, не изменяло ей и теперь. Кадия не могла и не хотела принять приглашение тех, кто звал ее повернуть с ними и найти приют в ближайших селениях. Не могла она и остаться в Цитадели, ныне очищенной от злых сил, сразивших ее родителей. Возмездие свершилось. Однако Кадия еще не была свободна...

Вновь возложенное на нее бремя превосходило все, чем могла грозить ей буря, и все препятствия, которые преодолевала она и ее спутники.

Почему она испытывает эту непреодолимую потребность спешить, иной раз граничащую с отчаянием? Она чувствовала, что ею движет чужая воля. В первый раз она бежала от красной смерти, огня, конца ее прежней жизни. А теперь... что гонит ее теперь, гонит сквозь неистовство бури?

Островки, где они устраивались на ночлег, состояли из жидкой грязи и мокрых кустов. Укрыться там было нелегко. Сон давал лишь краткое забвение усталости, от которой мучительно ныло все тело. И все же, едва проснувшись, она торопилась вновь отправиться в опасный путь.

Правда, буря и нескончаемый дождь избавляли от некоторых невзгод: ни один вур не парил над рекой, из тря-

сины не вырывалась чешуйчатая ксанна, угрожая им могучими щупальцами, усеянными присосками. И хищные растения свернулись улитками в ожидании, когда спадет разлив.

На седьмой день Кадия и оставшиеся при ней спутники достигли конца речной дороги. Только один челн уткнулся носом в поросший травой берег. Здесь уже не шетинились шипастые заросли.

Кадия бросила свой заплечный мешок на пригорок и, ухватившись за лиану, выбралась на берег. Потом повернулась к тем, кто сопровождал ее в пути без жалоб и возражений, и устало подняла руку в прощальном приветствии.

Многое изменилось за последние дни, но древние клятвы все еще соблюдались свято. Как ни смелы были оддлинги в битве, которая исторгла их край из лап Тьмы, ни один из них, будь то мужчина или женщина, не решился бы ступить на эту запретную землю — никто, кроме Джегана, охотника, открывавшего Кадии тайны болот. Он сейчас взбирался на берег по ее сразу же заполнившимся водой следам. Да и он клялся когда-то не посещать этих мест, но вера и пример Кадии освободили его от клятвы.

Остальные теперь внимательно следили за ней огромными желто-зелеными глазами, словно их взгляды могли ее удержать, — так не хотелось им отпускать девушку.

— Светоносная! — одна из двух женщин-воинов с мольбой воздела к ней руку. — Останься с нами. Ты — оплот наших надежд. Настал мир. Мир, которого мы добились победой. Позволь нам предложить тебе наш кров. Не ищи места, увидеть которого не дано...

Девушка откинула мокрую прядь, выбившуюся из-под шлема, сделанного из кости ксанны. Она обнаружила, что у нее еще достало силы улыбнуться.

— Джоската, это на меня возложено свыше. — Ладонь Кадии коснулась твердой рукоятки меча-талисмана. — Мне нельзя остановиться, пока я не исполню еще один долг. Дайте мне совершить назначенное, и обещаю, я с

радостью вернусь ко всем вам — ибо ваша дружба влечет меня более всего на свете. Но выбирать мне пока не дано. Еще не все сделано.

Ниссомка поглядела через плечо девушки на затянутую сеткой дождя землю. Ее лицо омрачилось тоской и страхом.

— Да будет все лучшее сопутствовать тебе, Пророчица. Да будет тверда земля под твоими стопами и свободна тропа, по которой должна ты идти.

— Да будут ваши лодки быстрыми, мои друзья, — ответила Кадия, надевая мешок на плечи, — а путь прямым. Если повелит судьба, я еще свижусь с вами.

Джафен, военный предводитель клана, возглавлявший их и в этом плавании, все еще держал чалку.

— Госпожа Меча, помни условный знак. Кто-нибудь всегда будет нести дозор. Когда свершишь то, что должна...

Кадия медленно покачала головой, на глаза ей падали со шлема капли дождя.

— Вождь, не жди быстрого возвращения. Поистине мне неизвестно, что ждет меня впереди. Когда же я стану свободной, то вернусь к тем, чьи копья служили стеной, преградившей дорогу Тьме.

Воспоминание... Перед ней сейчас был не вождь ниссомов, а тот грозный некто, кого она видела лишь единственный раз, когда была отчаявшейся, гонимой беглянкой. И потому, что встреча с тем неизвестным в саду древнего покинутого города тогда вдохнула в нее мужество, теперь воспоминание об этом вновь словно пришло к ней.

Пятеро в челноке не сразу оттолкнулись от берега, а продолжали провожать взглядом ее и Джегана, пока они не исчезли из поля зрения.

К счастью, топкая грязь скоро осталась позади, но дороге им нередко преграждали широкие лужи, и Джеган древком копья проверял их глубину. Так что шли они медленно, а путь предстоял долгий.

Укрываться на ночлег было негде, дичь не попадалась, и провизия, занимавшая значительную часть их заплеч-

ных мешков, быстро убывала, как ни старались они растянуть ее. А потом настал вечер, когда они легли спать голодными, и утром тоже не утолили голод. Однако, хотя небо по-прежнему затягивала серая пелена туч, дождь, к их радости, почти прекратился, и Кадия наконец увидела маячащие вдали развалины.

Это было Место Знаний, оплот синдон, Исчезнувших. Девушка остановилась. Окутают ли ее древние чары, когда она войдет в разрушенные ворота? Кадия зашлепала к ним по грязи, но тут же, спохватившись, оглянулась: — Джеган?

Лицо у него было хмурым, точно перед битвой, но он шел за ней, не глядя по сторонам, как человек, ждущий встречи с неминуемой опасностью. И хоть еще тогда, когда они впервые направились сюда, она сняла с него древнюю клятву, тяготеющую над всеми ниссомами, похоже, он все равно чувствует себя нарушителем-святотатцем.

Охотник не ответил и продолжал идти вперед. Тут на них обрушилась стена ливня, будто сам муссон тщился преградить им дорогу в последний миг. Спотыкаясь, они миновали руины ворот, но последний штормовой удар воды и ветра заставил их опуститься на колени.

И вдруг... буря в мгновение ока стихла. Как будто они вошли в теплый дом с уличной непогоды. Однако над ними по-прежнему простиралось открытое небо. В воздухе висела водяная пыль, похожая на утренний туман. А перед ними...

Никаких развалин, никаких нагромождений обрушенных временем камней. Кадия уже наблюдала подобное преображение, когда в прошлый раз вступила в город с другой стороны. Снаружи глаза созерцали только руины, а внутри это был город, не тронутый временем, хотя безмолвный и безлюдный. Перед ними простирались пустые улицы. Здания по краям тротуаров, пусть и оплетенные лианами, стояли целые и невредимые. Как время не оставило меток на Цитадели, где она родилась, так не тронуло оно и этого места, хотя все остальные горо-

да, покинутые Исчезнувшими, превратились в груды развалин.

Мешок Джегана соскользнул с его плеч и со стуком упал на мостовую. Старый охотник что-то бормотал про себя: привыкший жить по законам природы, он растерялся, столкнувшись с тем, над чем они не были властны.

— Это место... — Он замялся, будто не находя нужного слова.

Тучи совсем почернели: ночь нагоняла бурю.

— Это Место Силы, — ответила Кадия, и сгушающийся туман чуть приглушил ее голос. — И меня ждет дело.

Она не оглянулась посмотреть, идет ли он за ней, и не стала ждать ответа, но поспешила вперед. По обеим сторонам тянулся строй неповрежденных зданий. В сумерках сплетения лиан выглядели почти черными. Из-за этих живых завес окна словно следили за ней, похожие на огромные глаза, лишённые век. Нигде не колебалось приветливое пламя светильника, факела или свечи. Но ее не коснулась тревога, там не затаилась угроза.

Она сворачивала с улицы на улицу, пересекала площади в поисках самого сердца этого места. Обогнула подернутый туманом бассейн и остановилась перед широкой лестницей. Обеими руками она стиснула рукоятку меча, но оставила его в ножнах. Слева и справа на каждой ступени стояли статуи в натуральную величину, лицом друг к другу, так что никто не мог пройти между ними, оставшись незамеченным для неподвижных глаз скульптур. Мужчины и женщины... они были словно живыми, но скованными магическими чарами. Несомненно, это — подобия Исчезнувших. Каждое лицо было неповторимым, как посмертная маска.

Кадия сняла заплечный мешок, вытащила меч, взялась за лезвие и, точно это давало ей право войти, начала подниматься по ступеням.

Достигнув верхней колоннады, девушка остановилась, ища взглядом вторую лестницу, которая вела вниз, в сад, не похожий на сады в известном ей мире. Здесь плоды и цветки делили одну ветвь. Время исчезло: не было прошлого, не было будущего — только вот этот миг. Ту-

ман почти рассеялся, а сумерки медлили, точно для ночи здесь не было места.

В воздухе танцевали искорки света, многоцветные, как драгоценные камни, вдруг обретшие крылья. С цветка на цветок, с плода на плод перелетали они, кружа и выписывая зигзаги. Нигде в болотах ей не доводилось видеть ничего подобного.

Со вздохом Кадия опустилась на верхнюю ступеньку. Вся усталость долгого пути вдруг настигла ее. Она подняла руку, чтобы сбросить шлем, внезапно ставший невыносимо тяжелым. Шлем со звоном упал на белый камень, и этот звук заставил ее нахмуриться.

Волосы прилипли к ее обрызганному грязью лицу, мокрыми прядями падали на укрытые кольчугой плечи. Они словно впитали болотные запахи, и благоухание сада было ей как упрек.

Меч она положила себе на колени. Три глаза рукоятки были закрыты, сомкнуты так плотно, словно никогда и не открывались, не исторгали необоримую силу. Кадия провела ладонью по лезвию. Когда-то ее прикосновение пробуждало в талисмане звенящую жизнь. Но не теперь. Да, несомненно, здесь это было невозможно.

Но, поглаживая меч, она смотрела в сад. Тот, кто явился ей здесь, кто послал ее на битву с Тьмой, для того чтобы узнать, кто она или чем может стать, не явится ли он перед ней снова?

Нет. Только сумрак наконец вступил в свои права. Нигде ни движения, лишь кружат крылатые огоньки. Кадия поднялась со вздохом и медленно спустилась в сад. Густая трава, покрывавшая всю землю между кустами, клумбами и вьющимися растениями, расступалась лишь в одном месте, где земля словно сияла.

Кадия, спотыкаясь, поспешила туда, наклонилась и, крепко сжав в руках пластины, укрывавшие магические глаза на рукояти, вогнала обломанный меч-талисман в обнаженную землю. Лезвие будто наткнулось на препятствие, и девушке пришлось напрячь всю свою силу. Но когда она отступила на шаг, меч остался стоять вертикально — необычный росток в приюте спокойствия и мира.

Ее ладони прижались к груди и сжали другой символ Силы, который она носила всю жизнь, — янтарный амулет с крохотным цветком внутри.

Кадия ждала.

Она вернула этот меч Силы в ту землю, из которой он вырос. Но, против ее ожиданий, он не изменился. Девушка напряглась, ее плечи распрямились. Она отняла руки от амулета, чтобы отбросить с лица пряди волос и видеть яснее. Ничто не шелохнулось.

Кадия откашлялась. Она говорила вслух, но слова звучали глухо, точно издалека:

— Все свершилось. Мы исполнили возложенную на нас задачу. Зло побеждено. Харамис теперь Великая Волшебница. Анигель правит и друзьями, и теми, кто недавно был врагом. Чего ты требуешь от меня?

Будет ответ? Или неизменившийся меч останется единственным ответом ей? Или она находится в месте, не ведающем времени? Вновь она поддалась своему обычному нетерпению! Кадия с решимостью заговорила снова:

— Когда я была здесь раньше, тот, кто встретил меня, сказал, что это Место Знаний. Моя... моя нужда казалась тогда великой, ибо я боролась со всей мощью, какую наши враги смогли обратить против нас. — Девушка помолчала, ища нужные слова. — И вновь моя нужда велика. Чего ты хочешь от меня? Что ожидает меня в грядущем и что я должна отдать взамен? Харамис обрела желанные знания и силу, Анигель — свое королевство. Если я истинно заслужила грядущее, каким оно будет? Ответа я не знаю, но что-то влекло меня сюда. Так ответь же мне ты, тот, кто укрывается здесь, ведь однажды ты уже указал мне путь!

И вновь — ничего, кроме мелькающих в воздухе огоньков. Сомкнулась ночная мгла, но вонзенный в землю меч окружало бледное сияние.

Кадия протянула руку к мечу, но тут же ее отдернула. Сначала необходимо понять. Она повернулась и, не оглядываясь, поднялась вверх.

Усталость девушки утроилась, но еще сильнее было ощущение пустоты и потери. Нет, не потому, что она оставила в саду часть своей Силы, а потому, что ей мнилось, будто чья-то чужая воля удержала ее за порогом, встала между ней и Знанием.

Но она не утратила своего упорства, которое никогда не смирялось с беспомощностью и не смирилось теперь. Нет, за всем этим скрыта некая цель! Тут у нее сомнений не было. И она узнает, что это за цель. Если не сейчас, то в будущем.

— Госпожа...

У подножия лестницы Хранителей, перед бассейном, стоял бедняга Джеган, держа заплечные мешки — ее и свой. Копье он упирал наконечником в землю, как положено в присутствии старейшин клана. Возможно, сейчас почтение он оказывал не ей, но тому, что некогда обитало тут.

Кадия спустилась к нему твердым шагом. Шлем она держала в руке, меч остался в саду, а на поясе висел только кинжал. Никаких опасностей для жизни здесь быть не могло, в этом она не сомневалась. Но было другое... И она узнает — что!

— Охотник,— сказала она, указывая на здания по ту сторону бассейна.— У нас богатый выбор крыш над головой, и мы им воспользуемся.

Глава 2

Хотя дом, в который они вошли, был несравненно удобнее тех мест, где им приходилось ночевать с тех пор, как они покинули Цитадель, развести огонь было негде, и кругом царил сырость. Мрак в проеме двери внушал неизъяснимый страх, и Кадия невольно помедлила на пороге, стараясь разглядеть хоть что-то внутри. Нет, умение улавливать опасность, которое она медленно обретала, странствуя по болотам, оставалось еще слишком ненадежным. Никаких дурных предчувствий у нее не воз-

никло, но из этого вовсе не следовало, что внутри их не подстерегает кто-нибудь или что-нибудь.

Джеган рылся в своем мешке. Хотя Кадия обладала даром предвидения, для одлингов темнота всегда была много прозрачнее. Охотник вытащил трубку длиной в половину его руки и вышел наружу. Кадия различала только кусты по краям мостовой. Затем глаз ей уколол слабый лучик. Джеган нашел светляка и теперь извлекал его из убежища под листом. Еще один светляк, и еще, и еще были засунуты в трубку. Когда старый охотник вернулся, в руке у него был жезл, испускающий слабый, но такой желанный свет.

Быстрый осмотр убедил их, что они нашли комнату, в которой не было ничего, кроме четырех стен, каменного пола и потолка, но зато в ней им не угрожал дождь.

Негнушимися пальцами Кадия дернула застежки чешуйчатого панциря. Она поморщилась, ощутив запах своих волос и вымазанного болотным илом тела. Как ни влекли ее тайны болот, неизбежная грязь всегда вызывала у нее брезгливость. Освободившись от брони, расстегнув липкую кожаную куртку, она почувствовала себя чуть легче.

С застежками мешка тоже пришлось повозиться: камышовые волокна совсем задубели. Кадия сломала ноготь и выругалась.

При свете импровизированного светильника она сумела найти полотенце. Снаружи был бассейн, но ночью она не собиралась к нему подходить. Однако мягкий перестук капель за дверью подсказал, что ливень сменился тихим дождем. Она сняла промокшую изношенную одежду и вышла под его струи. Пучок листьев послужил отличной мочалкой, а когда листья истрепались, она сорвала новые.

Кадия давно уже коротко подстригала свои пышные волосы, чтобы носить шлем, так что они едва касались дрожащих от холода плеч. Она хорошенько их промыла, распутала колтуны и расчесала волосы пальцами, чтобы хоть как-то привести их в порядок.

Совсем замерзнув, она поспешила в свое убежище и изо всех сил растерлась крохотным полотенцем. А потом с наслаждением надела чистую нижнюю куртку и зашнуровала ее у горла. Ей вспомнились удобства и роскошь женской половины дворца в Цитадели — все, чем теперь пользовалась Анигель. Но Кадия тут же встряхнула головой, не только отгоняя непрощенные мысли, но и стараясь просушить волосы.

В первый раз Джеган нарушил молчание:

— При тебе нет меча.

Его большие глаза отражали слабый свет и словно излучали собственное сияние. Он сидел, поджав ноги, и копался в своем мешке.

Кадия расправила полотенце и снова встряхнула волосами.

— Он... он не был принят назад,— сказала она.— Я воткнула его в землю там, где он вырос из стебля Великой Волшебницы. Но он не преобразился. Не преобразился...— повторила она, а затем добавила: — Но как это может быть, великий охотник? Разве пророчество не исполнилось? Мы, женщины Дома Крейна, добыли великое оружие древних. Волтрик и Орогастус мертвы. Их войско принесло присягу Антару. А так как он избранник и супруг Анигели, то бывшие враги присягнули и Рувенде, которую пытались раздробить и уничтожить. Скритеки бежали в свои гнусные логова. Я видела, как моя сестра была торжественно коронована и вступила в счастливый, как она считает, брак. Я видела, как моя старшая сестра отбыла в свое Место Знаний, обретя ту Силу, которую искала. Но мой рок все еще тяготеет надо мной.

Она опустила на колени, так что ее глаза оказались на одной высоте с глазами оддлинга. Она всматривалась в них, будто ожидая ответа.

— Скажи, Джеган, почему мне отказано в награде за хорошо исполненный долг?

— Пророчица, кому дано постигнуть строителей этого города? Тут их нет уже сотни сотен лет.— Он быстро

поглядел по сторонам и сказал шепотом: — Они владели неведомыми силами, и их жизнь была иной, чем наша.

— Да, их давно нет.

Джеган кивнул:

— Великая Бина была последней, в чьих жилах текла их кровь. Она пожелала остаться здесь Хранительницей, когда остальные исчезли. Теперь время взяло и ее.

Охотник достал их последнюю лепешку из толченых корней и аккуратно разломил пополам. Половину он протянул Кадии. Хотя девушка умирала от голода (ощутив это особенно остро при виде своей скудной доли), она не сразу впилась зубами в твердый как камень хлеб, а продолжала вертеть кусок лепешки в пальцах.

— Джеган, расскажи мне про Исчезнувших. Да, я знаю все, что записано в наших летописях в Цитадели,— я долго рылась в них перед тем, как мы отправились в путь. Знаю, что некогда весь этот край был огромным озером, даже, может быть, морским заливом, и что в нем были острова, где жили иные люди — не оддлинги и не мои соплеменники. Легенда гласит, что они обладали силами, нам неизвестными, и очень долго жили в полном покое. Далее говорится, что вспыхнула великая война и грозное оружие, какое нам и не грезилось, было пущено в ход обеими сторонами... Впрочем, возможно, среди того оружия, что Орогастус употребил против нас, были и эти носители смерти. Война поразила самую природу этого края, и вода ушла, а города были покинуты. Но куда они отправились, эти Исчезнувшие? Не могли ведь они все погибнуть в аду, который сами создали? И кто они были? Помнишь, Джеган, когда мы в первый раз пришли сюда, то следовали указующей руке статуи, очищенной от облепившей ее грязи. Ты знал имя того, кого изображала эта статуя,— Ламарил. Скажи мне, охотник, кем был этот Ламарил?

Кадия не знала, почему она вдруг задала такой вопрос, когда у нее в голове теснилось множество других. Может, ей следовало спросить про того, кто, скрытый под покрывалом, разговаривал с ней тогда? А не был ли он, пора-

зила ее внезапная мысль, одним из Исчезнувших, подобно Бине решившим остаться?

Кадия напрягла память, и ей вдруг показалось, что та встреча была словно бы иллюзорной — в ней отсутствовала ясная определенность ее встречи с Великой Волшебницей. В недоумении она невольно задала еще вопрос.

— Меченосица, — произнес ее спутник почтительно, — никто из моего племени не приближался к этому месту. Никто не смел нарушить связывающую нас клятву.

— Но тебя она более не связывает, Джеган. Талисман освободил тебя от нее. — Девушка вспомнила разрешающие слова, вдруг вырвавшиеся у нее, когда она увидела, в какое отчаяние он впал, сочтя себя клятвопреступником. И она повторила их: — Сними бремя со своей души.

Он некоторое время пристально смотрел на трубку со светляками, точно видел там нечто, как видит ведунья в чаше с водой. Потом сказал:

— Ты спросила про Ламарила. Да, у моего племени тоже есть сказания, но очень старые и оттого теперь во многом непонятные. Он был воин, Хранитель, Щит против Тьмы. Говорят, в конце он вступил в единоборство с одним из самых могучих слугителей Зла, победил его во имя Света, но потом умер. А еще он был покровителем моего племени, и после его кончины мы воздали ему все почести, какие могли...

Он помолчал.

— Пророчица, Исчезнувшие создали нас. Мы были подобны тем, кто все еще бродит по болотам без разума, не помня вчерашний день, не думая о завтрашнем. С помощью Исчезнувших мы стали истинными людьми. Их познания о жизненной силе, о тайнах жизни были необъятными, и они умели делать такое, что теперь кажется сказкой. Своей властью они создали нас из низших тварей, и мы свято храним память о них. Но источники своего могущества они нам не открыли, ибо мы были как дети, которым нельзя позволять играть наточенным кинжалом. Когда Тьма начала угрожать им, те, что подняли нас из болотной трясины, взяли с нас нерушимую

клятву, что мы не станем разыскивать то, что они скрыли покровом тайны, а затем велели нам хорошенько спрятаться, чтобы Зло нас не настигло.

— Но какие они были? — спросила Кадия больше у себя самой, чем у Джегана. — Я видела их статуи, несущие стражу на лестнице. Я видела статую Ламарила. В чем-то они похожи на нас, людей, а в чем-то совсем другие.

— В сказаниях, передающихся от Говорящих Говорящим, ни разу не упоминается о том, чем они были прежде — до того, как подняли нас из болотного ила. Не думаю, чтобы они были в родстве с тобой и твоим народом, Пророчица. Ну а погибли они все в войне с Тьмою... Нет. Говорят, некоторые уцелели и удалились куда-то — может быть, туда, откуда явились к нам.

— А эта Тьма? О, я знаю, что так мой народ называет великое Зло, какое на нас обрушил Орогастус, но откуда взялось оно?

— Пророчица, есть тайны в сердцах твоих соплеменников и одлингов, быть может, во всем живом, нам не дано многого знать. Исчезнувшие не все служили Свету. Наверное, у них были свои волтрики, свои орогастусы. Во всяком случае, в сказаниях о той войне есть такие намеки... Но название их Зла до нас не дошло. Тогда же, когда ниссомы и уйзгу были подняты Светом, преобразены в мыслящие создания, полные жизни и надежды, тогда же, гласят сказания, были созданы скритеки, чтобы помогать Злу, которые затем, оставшись без хозяев, стали бичом нашего края.

— Но был же тот, кто говорил со мной... хотя ясно я говорящего не разглядела. — Кадия теперь осмелилась задать более важный вопрос: — Я слышала, что во всех живущих есть сущность, высвобождающаяся со смертью тела. Не такую ли сущность я встретила здесь? Или из Хранителей не только Бина осталась в этом краю? Джеган, мне надо это узнать!

Она с сожалением подумала о времени, растроченном понапрасну. Харамис всегда сидела над старинными книгами и летописями Цитадели, но Кадии еще со вре-

мени нежного детства все это докучало. Стремление действовать брало верх: даже теперь, когда она принялась за лепешку, ее снесало нетерпение. Она думала про сад — он был совсем рядом. Там ведь полно съестного, и плоды, конечно, куда вкуснее этой золы, хрустящей у нее на зубах.

Оддлинг ничего не ответил. Кадия сама знала, чем следует заняться: утром необходимо отправиться на поиски того, что важнее пищи. В изуродованных временем развалинах ниссомы и уйзгу нашли столько интересных неизвестных вещей. Так что же найдет она тут, где поиски были запрещены?

Проглотив последнюю крошку, девушка протянула руку к трубке со светляками.

— Разреши мне взять ее на время, охотник. Хочу посмотреть, какое убежище мы выбрали для ночлега.

Он кивнул, но не последовал за ней, когда она направилась с трубкой к ближайшей стене. Да, она не ошиблась, несмотря на полутьму, — что-то тут есть. И она поднесла трубку к каменной поверхности стены.

Изображения! Почти одни цветы. Но между ними кое-где виднелись какие-то фантастические существа — настолько стертые временем, что их трудно было различить. Удивительная картина! Точно она смотрит из окна в сад под колоннадой. Цветки и плоды на одной ветке, а в воздухе над ними — летающие существа, чуть более яркие, чем в жизни, — они словно выпрыгивали из стены даже в слабом сиянии светляков.

Медленно двигаясь вдоль стены, Кадия различала все новые и новые рисунки, которые заслуживали более подробного изучения, но, кроме летунов, изображений живых существ не было. Работавший здесь художник или художники не оставили ни собственных портретов, ни портретов тех, кто поручил им расписать стены.

Кадия дошла до угла и повернулась ко второй стене. Ближе к середине цветы сменились линиями — завитками и зигзагами. Письмена? Пожалуй. Но она не понимала их. Она провела кончиком пальца по линиям, будто прикосновение к ним могло раскрыть тайну.

Затем перед ней открылся темный дверной проем. Она протянула в него руку со светильником, но свечение было слишком тусклым и она ничего не разглядела. В другом месте такой вход, который нечем было загородить, ей не понравился бы, но здесь она не ощутила ни малейшей тревоги, хотя порога и не переступила.

Дальше стену вновь покрывали письма. Второй угол, а за ним наружная стена. И новая картина, но не пышный сад, а словно бы водоем. Но не тусклая чернота болотной воды, не желтизна реки, не зеркальность бассейна. Нет, мерцающая голубизна с серебристым отливом, а за краем берега, изображенного почти у самого пола,— силуэт того, что могло быть островом.

Ни единая лодка не бороздила поверхность чистой воды, но это был не просто огромный пруд, как свидетельствовали изгибы волн. Неужели это изображение великого моря, которое было здесь когда-то?

Четвертая стена оказалась совсем иной. Едва осветив ее, Кадия вскрикнула, увидев существ, словно готовых прыгнуть в комнату с шершавой поверхности.

— Джеган! — позвала Кадия охотника, который тем временем разворачивал их спальные циновки.— Джеган, кто они?

Он подошел к ней, и девушка поднесла трубку почти вплотную к изображениям.

— Вот эти... Я никогда таких не видела.

— Не знаю, Пророчица.

Она не знала, почудилось ей или его голос действительно прозвучал уклончиво и даже угрюмо:

— В старину тут могло быть много такого, о чем никто теперь не знает.— Он резко повернулся и пошел назад к циновкам готовить ночлег.

Нарисованные фигуры стояли прямо. Их верхние конечности напоминали руки, но только вместо пальцев были снабжены набором внушительных когтей. Очертаниями их фигуры напоминали доспехи воинов — широкие сверху (на уровне плеч) и сильно сужающиеся к ногам. Голова, казалось, была посажена прямо на плечи без намека на шею. Грудь покрывали твердые на вид пласти-

ны. Умелый художник изобразил на этих фигурах кое-где сохранившийся глянec, какой Кадии доводилось видеть на крыльях насекомых. Они были зеленовато-синими, включая и головы, формой напоминавшие капли воды, повисшие на краю горлышка кувшина. Вверху — два больших уха, ниже лица сужались и удлиннялись, переходя почти в хобот. Маленьким глазкам художник придал красноватый оттенок: они заблестели в слабом свете, и изображения словно ожили.

Как ни странно, в этих фигурах не было ничего угрожающего. Когтистые руки были широко разведены, точно в дружеском приветствии. В неведомых существах было даже что-то привлекательное.

Кадия нерешительно потрогала лоб одного, почти ожидая ощутить не шероховатость стены, а живое тепло. Но иллюзию жизни создало искусство художника, это были лишь изображения.

— Пророчица! — в голосе Джегана звучало требование. — Сейчас время отдыхать, а не рассматривать стены.

И вновь девушка почувствовала, что эта стена и изображения на ней смущают его. Достаточно было легкого подозрения, чтобы ей захотелось узнать побольше. Но он сказал правду: она с ног валилась от усталости. Кадия прижала ладонь ко лбу: как всегда, когда она слишком уж себя не жалела, в висках появлялась тупая боль. Она вернулась к входной двери, здесь Джеган предпочел расстелить циновки.

На этот раз ни шум или шорох дождя, ни хлещущий ветер не усугубляли неудобств обычного ночлега, превращая его в пытку. Трубку Кадия положила между их циновками. Она добралась до конца пути — то есть той части пути, которую видела до этого вечера. Побуждение, которое заставило ее покинуть Цитадель и вело всю дорогу, теперь исчезло. Но, засыпая, девушка вспомнила меч, который оставила вонзенным в землю, не желавшую его принять.

Внезапно Кадия проснулась, как часто просыпалась по ночам, которые они проводили в болотах, окруженные врагами.

Чуть приоткрыв веки, она осмотрелась. Трубка уже почти не светилась — оставшиеся надолго без пищи светляки засыпали. Но Джеган ей был все-таки виден: охотник лежал неподвижно. Кадия вся обратилась в слух. В комнате стояла мертвая тишина, не нарушавшаяся звуками ночи. Она различила легкое, чуть шипящее дыхание своего спутника. И все. Но ведь что-то же ее разбудило!

Возможно, ее собственные сказанные раньше слова о сущностях, которые могли остаться здесь от бывших обитателей города, не лишены оснований?

Во всяком случае, смрада скритека она не уловила — эти убийцы умели двигаться совсем бесшумно, когда подкрадывались. Нет. И Кадия застыла, стараясь настроиться на иное восприятие.

Да!

Она быстро приподнялась, откинув край циновки, которой укрывалась. Вот оно! Точно сигнал рожка, призывающий к бою. Но она не протянула руку за снятой броней, а только застегнула на талии пояс, с которого рядом с кинжалом все еще свисали пустые ножны.

Осторожно выйдя наружу, Кадия увидела по ту сторону бассейна беловатые пятна — статуи Хранителей на лестнице — и медленно направилась к ним. Приобретенная дорогой ценой осторожность боролась в ней с нетерпением. Победу одержала внутренняя потребность действовать.

Она начала подниматься по ступенькам, останавливаясь на каждой, чтобы взглянуть на неподвижных часовых справа и слева. Почему-то их лица были хорошо видны и в ночном мраке — как будто в них таилась жизнь.

Наконец Кадия остановилась между колоннами и обернулась к бассейну, к городу из зданий, увитых лианами. И тут она увидела свет.

По привычке ее рука тотчас сжала рукоятку кинжала. Да, несомненно... вон там справа она увидела свечение.

Сияние туманной фигуры, встреченной здесь в прошлый раз? Невозможно. И все же...

Ниссомы или уйзгу? Нет. Оддлинги обшаривали другие развалины в поисках сокровищ, которые можно продать на рынке в Тревисте, но не осмеливались приближаться к городу, огражденному закланием. И слишком недавно кончилась война, всколыхнувшая весь болотный край, чтобы его обитатели отправились на большую охоту, какую порой устраивали.

Война... Лаборнокцы, утопившие край в крови, посмели углубиться в болота. Их полководец Хэмил почти добрался до этого города. Так не попрятались ли тут его воины, бежавшие от наседавших на них оддлингов? Ввергнутые в ужас самой природой края, которую не понимали.

Или кто-то... что-то совсем иное? Кадия так живо помнила встречу с таинственным существом под покрывалом.

Ночь кончалась. Теперь контуры города стали виднее. Если тут кто-то есть, необходимо как можно быстрее узнать об этом все, что будет в ее силах.

Кадия сбегала по лестнице, увидела боковую улицу, свернула в нее, и тут осторожность, к которой она себя приучила за последние месяцы, принудила ее замедлить шаги и всмотреться в сумрак впереди.

Мостовая здесь была узкой, здания стояли вплотную, а обвивавшие их растения были не менее густыми, чем там, откуда она шла. Идти приходилось зигзагами, сворачивая в узкие проходы, вновь возвращаясь на улицу, и она думала только о том, как не сбиться с дороги.

Туман, сменивший дождь, сгушался, завиваясь спиралями вокруг нее, заставляя идти еще медленнее. Ступив несколько шагов, Кадия останавливалась, прижимаясь спиной к ближайшей стене, и вглядывалась вперед, в полосы тумана, которые могли замаскировать чье-то присутствие.

К счастью, ее промокшие болотные сапоги совсем не стучали по каменным плитам, и она двигалась крадучись, пустив в ход всю охотничью сноровку, которую пере-

няля у Джегана, великого мастера отслеживать дичь и укрываться от врага.

Еще проход, более узкий, настолько стиснутый зданиями, что в нем царил глубокий сумрак. Стены по сторонам выглядели сплошными — ни единого дверного или оконного проема. На полдороги с высоты второго этажа свисала плеть лианы — точь-в-точь петля силка, только ничем не замаскированная. Сделав шаг-другой, Кадия останавливалась и прислушивалась, пытаясь пробудить в себе то особое чувство, в котором не была до конца уверена.

Пока при ней был меч-талисман, она всегда улавливала опасность заранее. Но теперь меч она лишилась. Оддлинги также обладали способностью ощущать приближение опасности. В болотах на них можно было положиться. Но в городе? Среди чуждых им стен и зданий? Чуждых даже ей, хотя она родилась и выросла в Цитадели, тоже наследии далекого прошлого.

Подчиняясь порыву, Кадия закрыла глаза и попыталась мысленно прощупать окружающее пространство. Однажды ей более или менее удалось с помощью мысли оградить себя от Тьмы. Так нельзя ли использовать мысли и для других целей?

Ответ был словно прикосновение перышка к коже, но только изнутри. Кадия шумно выдохнула — ведь ответа она не ждала. Но времени размышлять, сомневаться или проверять не было. И она сосредоточилась на том, чтобы удержать это ощущение, — как могла бы одним поворотом кисти руки завязать крепкий узел на веревке. Только она вовсе не хотела притянуть это ощущение к себе, но, наоборот, найти дорогу к его источнику.

Оттолкнувшись от стены, Кадия открыла глаза — и обнаружила, что попытка удержать этот путеводный лучик подвергла ее серьезной опасности. Петля лианы молниеносно развернулась, рассекла воздух... Девушка отпрыгнула, споткнулась и упала, больно ушибив колено.

Свирепый рывок заставил ее громко вскрикнуть: конец хищной плети захлестнул густую гриву ее волос и дернул. Боль была страшной: Кадии почудилось, что воло-

сы вот-вот будут с корнем вырваны, а с головы снят скальп...

Девушка выхватила кинжал и, хотя не видела свесившуюся удавку и каждое движение причиняло новую страшную боль, изворачиваясь, рубила у себя над головой. И часто лезвие задевало невидимую цель.

По лицу Кадии катились слезы боли, а удавка тащила и тащила ее вверх. Ноги уже почти не касались мостовой. Перед ней вдруг упало второе подобие живого каната. И она нанесла удар. Клинок глубоко вонзился в лиану, почти перерезав ее, и щупальце отдернулось к стене. Эта маленькая победа сказала и на лиане, которая держала ее за волосы: она перестала тянуть ее вверх, и девушка принялась отчаянно резать собственные туго натянутые волосы. Острота лезвия спасла ее: внезапно освободившись, она ничком упала на каменные плиты и, не пытаясь встать, поползла вперед, раздирая ладони о камни мостовой. Что-то со свистом рассекло воздух прямо над ней. Девушка судорожно рванулась в надежде оказать-ся вне досягаемости врага, перекатилась в сторону и сильно стукнулась о противоположную стену.

В ее мозг копьем вонзилось ощущение чужой слепой злобы, но оно скорее подбодрило ее — это была злоба охотника, лишившегося добычи.

Кадия поднялась на ноги, прижимаясь спиной к стене, глядя на врага. Щупальце хлестало по воздуху, стараясь дотянуться до нее, и раза два его кончик чуть было не задел лицо девушки. Она торопливо побежала вдоль стены дальше.

Аура жаркой ярости причиняла новую боль. Девушка трясла головой, задыхаясь, совсем ослабев. Но теперь она уже была вне пределов досягаемости врага.

В ней всколыхнулся ответный гнев. Так, значит, ощущение тихого покоя, охватившее ее, едва она вступила в город, было обманом? Приманкой в ловушке? Минуту назад она верила, что эти пустые здания не таят никакой угрозы, но теперь...

Тяжело дыша, она левой рукой стиснула амулет столь же крепко, как правой сжимала кинжал, а потом воззва-

ла к той Силе, частицей которой владела, в чем убеждалась уже не раз.

У Тьмы была собственная выдававшая ее эманация — точно зловоние скритеков. Она встречалась с Тьмой и навсегда запомнила отвратительный запах, уловить который могло лишь внутреннее чувство. Но здесь и сейчас она не ощущала никаких признаков этой мерзости. Хотя в воздухе появился незнакомый запах. Исходил он от густого вязкого сока, сочившегося из обрубленного конца лианы. Сок... или кровь?

В болотах прятались растения, угрожавшие всему живому. Вовсе не порождения черной магии, но хищные по самой своей природе. Здесь, в городе, всю свободную от камня землю захватили растения. Кадия видела на многих зданиях ветви, похожие на те, болотные.

И эта лиана, все еще продолжавшая извиваться, могла пустить корни по ту сторону стены. Но если она — хищник, подобно тем, что растут на болотах, то чем питается тут, где как будто нет ничего живого?

Кадия провела лезвием кинжала по своим обтрепанным дорожным штанам, стирая с него липкую влагу. Другой рукой осторожно пощупала ноющую макушку. В пальцах у нее остались окровавленные прядки волос.

Колени были ободраны, и ее все еще сотрясала дрожь после отчаянного напряжения. Благоразумие требовало вернуться на место ночлега, заняться кровоточащими ссадинами, посоветоваться с Джеганом.

Она по-прежнему держала в напряжении свое особое чувство. Бешенство ее врага оставалось угрожающим, но к нему примешивалась боль, словно причиной такой ненависти была нанесенная ему рана. Однако главенствовало нежное прикосновение, в котором Кадия теперь распознала призыв.

Сколько вопросов без ответов! И разобраться в них можно, только подчинившись этому призыву. В ней вновь пробудилось суровое упорство, которое помогало ей в поисках меча-талисмана. И Кадия решила идти вперед.

Серый свет ранней зари позволял видеть довольно далеко. Девушка вышла из опасного прохода на широкое открытое пространство. Хотя окаймлявшие его здания не были высокими, выглядели они внушительно. Фасады украшала резьба, особенно затейливая вокруг дверей и окон. Там и тут виднелись группы растений, от которых веяло пьянящим ароматом цветов. При появлении Кадии послышался шорох — и по воздуху унеслись стайки каких-то существ, величиной с ее ладонь. Так, значит, тут все-таки есть жизнь!

Кадия старательно обходила стороной растения, пока шла к центру площади с фонтаном. Навстречу друг другу взметывались две серебристые струи, сталкивались над серединой и вместе ниспадали в чашу.

Кадия, пошатываясь, подошла к широкому краю чаши и не столько опустилась, сколько упала на опоясывающую фонтан скамью. Она положила кинжал так, чтобы его можно было схватить в одно мгновение, а затем нагнулась к воде и опустила в нее обе руки.

К ее несказанному изумлению, вода оказалась не холодной, но теплой, будто нагретой летним солнцем. Она зачерпнула ее в горсть и поднесла к лицу. От воды исходил легкий приятный запах.

Кадия решила вымыть в ней руки по плечи и промыть ссадины на коленях, а затем осторожно наклонила голову к самой поверхности, чтобы намочить кровоточащие порезы. Вода в чаше фонтана была совсем прозрачной, а на дне что-то блестело — солнце еще не поднялось, и видно было плохо. Кадия перегнулась через край и схватила блестящий предмет. Ее рука извлекла из воды металлическую цепь изяшной работы — одно из тех таинственных сокровищ прошлого, которые ставили в тупик кузнецов ее отца в Цитадели. Металл не был ярким, как золото, не блестел холодно, как серебро, — цепь казалась сплетенной из нитей, составленных из зеленовато-голубых драгоценных камешков.

Кадия подняла цепь повыше, и вода закапала с разноцветных светящихся «самоцветов». Девушка рассматривала находку как зачарованная. Всю свою жизнь она

слышала истории про сокровища в развалинах и видела обломки предметов, которые торговцы привозили с ярмарки в Тревисте, но это всегда были лишь части неведомо чего. А эта цепь выглядела целой, безупречной, не поврежденной временем.

Расправив находку, девушка увидела, что она состоит из нескольких полукружий, которые лягут на грудь, если застегнуть ее на шею. У ее матери были драгоценности — некоторые такие прекрасные, что она надевала их только на торжественные церемонии, — но ни одно не шло ни в какое сравнение с этим.

А в чаше играли бликами и переливались еще какие-то украшения. Сжимая ожерелье, Кадия вгляделась в воду. Что за несметное богатство! Если то, что там мерцает и искрится, хотя бы наполовину равноценно ожерелью, клад на дне красотой и ценностью превосходил все содержимое сокровищницы Цитадели. Ничего подобного ее соплеменникам даже не грезилось! Девушка в упоении поворачивала ожерелье то так, то эдак. Подвески были точно капли воды, в которых играет радуга!

Но почему сокровища брошены тут столь небрежно?

Струи фонтана осыпали ее лицо теплыми брызгами, но они уже не освежали. Радость находки вытеснялась тревогой. Внезапно Кадия разжала пальцы, и ожерелье упало на дно чаши. Девушка не опустила руку в воду, чтобы снова поднять его или достать другие предметы, которые разглядела в воде.

Исчезнувшие были иными, чем ее соплеменники, хотя их статуи и напоминали людей, разительно отличавшихся от синдонов.

Два сезона назад пришел ее черед возглавить церемонию весеннего сева, как ни раздражали ее всяческие торжественные обряды. Но таков был долг женщин королевского дома, и они свято его выполняли.

Она тогда принесла положенные жертвы судьбе, плодородию и полям, дабы урожай был хорошим. Она прошествовала к пруду с водой, хотя и не такой прозрачной, как та, что играла в фонтане, но все же не очень мутной от болотного ила, и в заключение ритуала сняла с руки

любимый литой золотой браслет — ибо жертва должна быть дорогой — и бросила в пруд, куда затем побросали свои цветочные гирлянды Весенние Девы ее свиты. Дань некой силе, но никто не объяснил ей, что́ это за сила и почему она требует жертвоприношений.

Кадия уставилась на чашу фонтана. Не служила ли и она для жертвоприношений, как пруд в полях? И сокровища на дне — не воплощали ли они чьи-то моления о счастье? Девушка медленно встала со скамьи. Так или нет, но она не возьмет отсюда ничего.

Теперь, когда утро полностью вступило в свои права, туман наконец рассеялся. Но упрямое чувство, заставившее ее прийти сюда, не ослабло. Она повернулась, оглядывая здания вокруг площади. Да, изукрашены они куда больше всех, которые она видела где-либо еще!

Осмотреть каждое...

Эта мысль не успела ее испугать, как сквозь плеск фонтана она расслышала мелодичные перезвоны словно бы хрустальных колокольчиков. Они притягивали ее, и она обогнула чашу, направляясь к зданию с портиком, отбрасывавшему глубокую тень.

Приблизившись, Кадия увидела ничем не загороженный дверной проем, тоже со статуями по сторонам. Только фигуры этих Хранителей ничем не напоминали ее собственную. Нет, двое часовых повторяли облик изображенных на стене существ, про которых Джеган не захотел ничего сказать.

В отличие от статуй на лестнице, в этих двух не ощущалось никакой потаенной жизни. И они, решила Кадия, при всей своей гротескности не должны были внушать страх. Она поочередно разглядывала их, как вдруг уловила нечто — из темных глубин проема до нее донесся знакомый аромат. В Цитадели по большим праздникам зажигались высокие фонари, заправленные душистым маслом, которое пахло почти так же. Не подобный ли фонарь был источником света, на поиски которого она отправилась? Но фонарь такого маяка должен был быть установлен где-то высоко, иначе она ничего не увидела бы. Оддлинги такими фонарями не пользовались.

Кадия осмелилась войти. Хорошо хоть, что ее сапоги ступали бесшумно. Правая ладонь лежала на рукоятке кинжала, и она невольно его выхватила, едва второй шаг погрузил ее в полный мрак. Голова у нее мучительно закружилась. Что, если в этой непроницаемой темноте ее подстерегает ловушка?

Головокружение усилилось. Надеясь преодолеть его движением, Кадия бросилась вперед сквозь завесу темноты и, очутившись среди серого света, вновь обрела способность видеть.

Перед ней простирался величественный зал. Она замерла, с трудом переводя дух. Строгая роскошь вокруг намного превосходила убранство тронного зала в Цитадели. Она искала взглядом возвышение, трон и заметила какое-то движение, словно скользили тени, а то, что их отбрасывало, оставалось невидимым. Тени... но цветные тени! Она заморгала, посмотрела, снова заморгала. Стоило ей сосредоточить взгляд на одном призрачном абрисе, как он ускользал или гас. Но уголком глаза она словно бы продолжала видеть величавые фигуры в праздничных одеждах.

Вновь раздался перезвон, на этот раз отдаваясь эхом среди высоких стен. Почему-то этот звук придал ей смелости. И когда он замер, она осмелилась заговорить:

— Великие... — Кинжал она вложила в ножны сразу же. Перед владыками не стоят с обнаженной сталью в руке, пусть даже те, кого она видела лишь смутно, были только теньями. — Великие, если я не ошиблась, меня призвали, и вот я пришла.

Глава 4

Правда ли, что тени сошлись, выстроились двумя длинными рядами, словно открывая ей дорогу? Вновь и гораздо продолжительнее зазвучал перезвон. По этому, лишь смутно видимому, коридору — единственному открытому пространству — приближались две невысокие

странные фигуры твердой походкой реальных, живых существ.

Они были почти вдвое ниже ее. Первая драпировалась в шаль или широкий шарф, накинутый на мощные плечи, один его конец прикрывал голову. Второй волочился по полу. Из-под шарфа высывались две конечности, напоминавшие руки и державшие жезл с большим кольцом вверху. В кольце покачивались хрустальные колокольчики, звеня при каждом шаге.

Вторая фигура была одного роста с первой, но облачена в одеяние, явно с чужого плеча. Рукава были засучены, а капюшон скрывал лицо столь же надежно, как край шарфа — лицо первой.

В когтистых руках у фигуры был светильник — сосуд с носиком, над которым колебалось пламя. От светильника и доносился аромат, который она уловила раньше, — казалось, в нем горело масло, выжатое из благоуханных цветов. Непомерно длинное одеяние волочилось за этой фигурой, точно тяжелый шлейф.

Одежды вошедших горели красками, переливались всеми цветами радуги, вспыхивавшими на гранях хрустальных колокольчиков. Оба существа, казалось, не замечали теней справа и слева, хотя те при их приближении словно уплотнялись, однако на такой короткий миг, что Кадия ничего не успевала рассмотреть. Шагала парочка торжественно. Точно двое детей нарядились в ритуальные одежды жрецов и старались поточнее копировать обрядовые движения, которые им доводилось наблюдать, держась при этом с глубочайшей серьезностью и важностью. При всей необычности их внешности, ничто в них не вызывало тревоги, и Кадия, продолжая смотреть на них и дивиться, понемногу расслаблялась.

Направлялись они, несомненно, к ней, но что, собственно, могли они видеть, если их лица закрыты плотной тканью? Назвать их Великими? Нет, это им никак не подходит.

И она приветствовала их, словно одлингских старейшин, сложив ладони и наклонив голову.

— Да будут вам ниспосланы ясная погода, хороший урожай, удачная охота и свободное течение рек, — произнесла она на торговом наречии одлингов, надеясь, что они поймут.

Существо с колокольчиками трижды прозвонило, а затем жезл замер в его когтях, пока перезвон не затих. Затем оно защебетало — Кадия впервые слышала подобные звуки. Ничего похожего на язык одлингов.

Кадия растерялась. Найти способ объясниться с этой парочкой было необходимо. Но как?

Джеган обучил ее языку знаков, которыми пользовались в болотах, когда требовалось хранить тишину, — например, в засаде на скритеков. Девушка пошевелила пальцами, а затем сложила их в простейшем знаке, означавшем мирные намерения.

В ответ существо трянуло своим инструментом. Может, короткий громкий звон означал согласие? Оно повернулось, маня Кадия за собой.

Почему-то Кадия не испытывала ни страха, ни тревоги, а только разгорающееся любопытство. Второе создание, со светильником, тоже повернулось, запуталось в шлейфе и высвободило когтистую руку, чтобы расправить его.

Кадия пошла за ними по длинному залу, стараясь не наступать на волочащиеся по полу конец шарфа и нижний край одеяния, которое, как она разглядела вблизи, совсем износилось, и только что-то вроде жилки из металлических нитей мешало ему рассыпаться грудой лохмотьев. Некогда оно было великолепным, поистине королевским — возможно даже, во времена Исчезнувших. А теперь вот служило в торжественных случаях чем-то вроде обрядовой мантии.

По мере того как она шла вперед, тени, дразнившие ее глаза, все больше таяли, и когда их маленькая процессия достигла конца длинного зала, в воздухе только кое-где плавали клочья тумана. Слабые лучи светильника не достигали стен, спрятанных в густом сумраке. Кадия чуть замедлила шаг — в ней проснулся врожденный страх перед всем неведомым, что таили болота.

Следом за своими вожатыми она прошла сквозь арку в стене в еще более густой сумрак. Зазвонили колокольчики, слышались другие звуки: шорохи, поскребывание, перестук, трепыхание крыльев.

Лучи светильника выхватили из мрака голову, затем вторую... Кадия вздрогнула. Длинное рыло, почти хобот, большие уши, покрытые не кожей, а чем-то вроде радужных чешуек. Нет, не статуи, не изображения на стенах, но живые!

Хотя их кожу покрывала чешуя, а может быть, и роговые пластины, никакого сходства с кожей скритеков она не имела. Не чувствовалось в воздухе и никакого зловония, хотя, судя по звукам и небольшому освещенному пространству, носителей хоботов вокруг было много. Глазобусины были прикованы к ней, и Кадия почувствовала, что своей персоной вызывает не меньше удивления, чем испытывает сама.

Ее вожатый поставил светильник на стол, и сразу же точно по сигналу вокруг вспыхнули другие огоньки. Рядом с первым светильником уже теснились другие, иные оставались висеть в воздухе, так что Кадия могла наконец осмотреться.

Стол был низенький — как раз по росту тех, кто ее окружал. Покрытые пластинами тела были или обнажены, если не считать усаженных драгоценными камнями ожерелий и поясов, или одеты в ветхие отрепья.

Светильники на столе озаряли неширокий круг, в который вступил кто-то, видимо важный, так как остальные поспешно расступились перед ним. Его туловище не было закутано в изношенную мантию, но с плеч у него ниспадало подобие плаща, на котором в беспорядке были прикреплены броши, ожерелья и другие украшения, с виду столь же драгоценные.

Он сделал Кадии знак приблизиться, а двое других тотчас подтащили к столу скамью с ее стороны — явное приглашение сесть.

Захлопотали не только они. На столе тотчас появились блюда с плодами, какие она видела в саду. Блюда были хрустальными, некоторые с богатой огранкой, слагающей-

ся в прихотливые узоры, другие поражали прихотливостью формы: птицы с распростертыми крыльями с впадиной между ними для плодов, раковины разных болотных обитателей и даже цветы с красиво изогнутыми лепестками. И ни единой трещины или шербинки. За подобные редкости любой торговец разве что жизнью не пожертвовал бы.

И еще — два кубка из зеленовато-голубого металла. Один поставили перед ней, а другой — перед владельцем изукрашенного плаща.

Кубки наполнили из высокого кувшина. Струя не заиграла рубиновыми отблесками праздничного вина, она была прозрачной, как чистая вода.

Тот, кому, видимо, было назначено разделить с ней трапезу, возможно входящую в какой-то обряд, поднял кубок и чуть наклонил в ее сторону, словно предлагая тост. Кадия, помедлив, переборола осторожность, села напротив него и повторила его жест.

Из рыла ее сотрапезника выскочил черный язык-трубочка и погрузился в кубок, высасывая жидкость. Кадия отпила глоток. Да, бесспорно, вода, но с легким привкусом фруктового сока.

Кончив пить, гостеприимный хозяин (или хозяйка?) придвинул к девушке блюдо в форме цветка. Там, укрытый собственными листьями, покоился спелый орнан — редкое лакомство, которое в Цитадели она пробовала нечасто. Кадия взяла плод, благодарно кивнув, и впилась зубами в его выпуклый бочок, смакуя чудесный сок и нежную мякоть, что не помешало ей заметить, как ее сотрапезник вонзил в орнан кончик длинного языка.

Отдавая должное угощению, Кадия насытилась плодами и даже съела что-то вроде пюре, которое пришлось черпать с блюда сложенными пальцами, так как ложек, вилок и ножей не было и в помине.

Вокруг нее все время слышались пощелкивания. Звук их речи, решила она. Такой язык ставил ее в тупик, а у нее в голове роились вопросы, беря верх над терпением, которому она научилась с таким трудом.

И вдруг в ее мозгу молниеносно сложились слова:

Мы наблюдали и ждали очень долго, Благороднейшая. И ныне день великой радости, ибо, согласно обещанному, ты вернулась к нам.

Ее сотрапезник смотрел ей прямо в глаза, и Кадия не сомневалась, что мысленная речь исходит от него. По преданию, прямой обмен мыслями был частью старинной магии, но так разговаривали только в сказках. Малую часть подобной Силы она обретала, общаясь с сестрами. Но это была подлинная речь, хотя и беззвучная.

Кадия не знала, как ответить. Сформировать в голове мысли-образы? Но как их передать?.. Она понятия не имела о том, что где-то за пределами знакомых болот обитают такие существа. Кто они? За кого принимают ее?

Я — Кадия, — начала она медленно, словно нащупывая дорогу в темноте, пытаясь писать слова в уме. — Дочь короля Крейна, властвовавшего над Цитаделью. И на меня был возложен обет — обрести часть Великого Талисмана Черного Триллиума, дабы целое могло противостоять силам Зла. Назначенную мне часть я обрела в этом месте, и, объединив все три, мы употребили Талисман во благо.

Кадия сосредоточилась, создавая в мыслях образ меча с круглой рукоятью, который теперь был воткнут в землю сада, откуда она его раньше унесла. Затем она воссоздала образ стебля Триллиума, из которого он вырос.

Теперь я вернулась возратить эту Силу той Воле, которая даровала ее нам.

Вокруг стола все задвигались. Она уловила изумление и радость. Но каким-то образом ей стало ясно, что они ожидали от нее чего-то другого.

Переданный ей образ напоминал таинственного обитателя этого мира, который послал ее в битву, а также статуи на лестнице. Один из Исчезнувших! Неужели эти странные малыши связывают ее с древними и грозными держателями Высшей Силы?

Кадия покачала головой. Нельзя допустить, чтобы они поверили, будто она не та, кем является на самом деле, что она претендует на подобное!

Эти Великие жили очень давно.

Превратить эту мысль в зрительный образ оказалось не так-то просто. И удалось ли ей это? Но должны же они знать, что с тех пор, как в городе еще жили его строители, успели смениться сотни и сотни поколений. И не могут они не видеть разницы между девушкой в изношенной одежде и величавыми статуями.

Наступила долгая тишина. Всякое движение, всякие звуки вокруг них прекратились, пока она смотрела в глаза предводителя.

Если бы тебя не ждали, ты бы не пришла.

Ответ был двусмысленным, и Кадии оставалось только гадать, что он подразумевал. Тут есть стражи, которые остановят всякого незваного гостя? И ее не впустили бы в город, если бы эта встреча не была предопределена?

Предопределена? И сейчас она получит ответы, которые искала с того мига, как воткнула меч в землю и он не преобразился? И поймет необоримое побуждение, которое влекло ее через болота в самый разгар муссона, вело к этой встрече?

Мы ждали долго,— продолжалась речь в ее мозгу.— *Мысленные поиски велись много, много раз. Мы тщились отыскать тех, кто должен вернуться.*

Но я с ними не в родстве! — быстро возразила она.

Если бы ты не была своей, ты бы не прошла этот путь.

Утверждение было категоричным, и Кадия поняла, что никакие ее доводы ничего не изменят. Но что нужно от нее этим существам? Они избрали болота своим владением, но не замешана ли в этом иная Сила?

Я — Кадия,— повторила она.— *И не в родстве с теми, кто правил тут. Во мне нет ни капли их крови. Хотя это место я отыскивала по милости одной из них — Великой Волшебницы Бины. Я принадлежу к иному народу, который пришел в эти края много лет спустя после того, как Исчезнувшие их покинули. Оддлингов я знаю. Они были моими боевыми товарищами. Скритеков я знаю, и они наши враги. Поведай, Говорящий, кто ты? От имени кого говоришь?*

Она назвала его высшим титулом, известным жителям болот, не зная, как еще обратиться к тому, кто, несомненно, был вождем.

Опять наступила тишина. На этот раз ее нарушило движение среди столпившихся вокруг, но тот, к кому она обращалась, не изменил позы.

Затем последовал ответ. Не очень ясный.

Перед тобой Госел, глава хасситти, которым назначено ждать.

Кадия учтиво наклонила голову.

Назначено ждать,— повторил Госел.— Таков долг, возложенный на нас, когда Светлоликие удалились в свой край. Нам ниспосылались сны, много снов в течение долгих лет, и в каждом мы видели опять то, что было, и получали обещание, которое должно сбыться,— что мы не остаемся в одиночестве, хотя и не могли последовать по их пути, не предназначенному для нас подобных. Мы ждали прихода того, кто обещан... но очень долго...

Если мысль способна исчезнуть во вздохе, то произошло именно это. Кадия ощутила отзвуки глубочайшей тоски, не находящей утolenия.

Я не одна из тех, кто вас покинул.

Необходимо заставить их понять! Необходимо сразу погасить надежду, что она — вернувшаяся к ним обитательница города.

Ты приведена к нам! — упрямо возразил Госел.— Ты, несомненно, пришла по воле Великих, или тебя бы тут не было. А потому хасситти опять станут жителями дворов, друзьями сердца, как было раньше.

— Друзьями я назову вас с радостью! — ответила Кадия и протянула руку через стол.

Ее пальцы и его когти соприкоснулись, и Кадия ощутила такую теплоту, радость и благожелательность, какие ей редко приходилось встречать. В этих хасситти было что-то необычайно обаятельное, и она испытала по отношению к ним то же чувство, что к оддлингам и болотам, только много сильнее.

— Мы сохранили в целости все, что сумели, к твоему приходу, — сказал Госел с живостью ребенка, думающего угодить взрослому. — Пойдем с нами, Благороднейшая, и погляди, как хасситти старались исполнить все требования долга.

И она вышла из трапезной в сопровождении Госела — того, кто держал жезл с колокольчиками, — но светильники теперь несла целая толпа. Вот так, все вместе, они переходили из комнаты в комнату, где стояли останки великолепной мебели — столов и стульев, настолько более высоких, чем те, к которым Кадия привыкла, насколько стол Госела был ниже. Стены были расписаны. Некоторые картины она хотела бы рассмотреть поподробнее, но проводники увлекали ее все дальше и дальше. В одной комнате по стенам были развешаны полки, на них громоздились металлические коробки, некоторые тронутые ржавчиной.

По распоряжению Госела несколько коробок сняли и открыли. Внутри хранилась беспорядочная смесь различных предметов: драгоценные украшения, вроде тех, что лежали в чаше фонтана и сверкали на лохмотьях хасситти. А еще жезлы с выпуклыми инкрустациями, а также свертки того, что ей показалось выделанной кожей, на которой ее соплеменники запечатлевали законы и другие государственные документы. И опять ей не дали осмотреть их внимательнее, потрогать.

Некоторые комнаты были так заставлены всякой всячиной, что войти в них было невозможно и приходилось довольствоваться взглядом с порога, а тусклые лучи светильников не позволяли толком рассмотреть, что там находилось. По большей части это было что-то большое и громоздкое.

Кадия пришла к заключению, что либо прежние обитатели города, либо хасситти в своем стремлении сберечь и сохранить перетащили сюда всю обстановку из остальных зданий. Потребуются дни и дни, чтобы разобраться в таком хаосе, если это вообще возможно. Но в ней все равно вспыхнул азарт искателей кладов. Такая находка рувендианам и пригрезиться не могла!

Наконец лабиринт комнат и коридоров остался позади, и они вышли во двор. Там бил еще один фонтан, и воздух был свежим и бодрящим.

Только теперь она получила возможность рассмотреть своих провожатых. Большинство шеголяло в подобии

одежды — в шaliaх, увешанных драгоценностями, или в потрепанных мантиях. Их чешуйчатая кожа при дневном свете переливалась разными цветами, подобно драгоценным камням, — зеленым, голубым, красным и оранжевым. Они все были одного роста — ей по плечо. Детей, судя по росту присутствовавших, тут нет, решила Кадия.

Те, кто нес светильники, задули их и разбрелись по двору. Некоторые нагнулись к фонтану и высунули длинные языки, чтобы напиться.

Хотя солнца видно не было, Кадия вдруг спохватилась, что времени прошло много. Джеган, конечно, давно проснулся, увидел, что ее нет, и отправился на поиски. Искусство охотника поможет ему проследить ее путь, тем более что она и не пыталась запутать следы. Но его подстерегают опасности вроде хищных лиан, и ей вовсе не хотелось, чтобы он тревожился из-за нее.

Она легко узнала Госела по плащу с драгоценностями и подошла к нему, стараясь побыстрее нарисовать мысленный образ охотника-ниссома.

— Мой боевой товарищ — он, наверное, ищет меня.

— Болотный житель уже явился, — спокойно сообщил Госел. — Он запутался в лабиринте. Ты желаешь, чтобы его освободили?

Так хасситти и ниссома — враги? Она вспомнила, как на Джегана действовали изображения на стене. Ему было известно о существовании хасситти, и по какой-то причине он это скрывал?

— Он мой верный друг! Проводите меня к нему! — сказала она резко, тоном приказа.

Глава 5

Насколько положение Джегана было опасно? Вновь ее нетерпеливость поставила другого в трудное положение. Неужели она так никогда ничему и не научится? Хотя хасситти умели семенить очень быстро, Кадия шагала так то-

ропливо, что далеко обогнала Госела и была вынуждена пойти медленнее, чтобы он ее нагнал.

Их вновь сопровождала большая свита. Треск и щебет их слышимой собственной речи отражался от стен. Они не вернулись в здание прежним путем, а свернули в длинный коридор, в потолок которого были вмонтированы прозрачные квадраты, пропускавшие смутный зеленоватый свет.

Коридор изгибался, и Кадия не сомневалась, что они направляются к площади, где она нашла фонтан с драгоценностями. Однако наружу они не вышли, а коридор сменился уходящим вниз пандусом. Светящиеся квадраты в потолке исчезли.

Но полумрак словно бы не смущал хасситти. Никто не нес светильников, но все уверенно шагали вперед. А Кадия охватила тревога, и она пошла медленнее. Ее спутники до сих пор выражали ей только самые добрые чувства, но их приветливость могла обернуться притворством. Они же признали, что Джеган оказался в плену. И не поймали ли они в ловушку и ее — ведь она вела себя так опрометчиво!

Кадия споткнулась — темнота была уже почти полной — и столкнулась с кем-то из хасситти. Ее руку стиснули шершавые когти, она попыталась вырваться — и не сумела.

Великая... мы поведем тебя. Опасности нет никакой.

Кадия почувствовала, что краснеет от досады. Так быстро и так открыто она выдала свою тревогу! Неведомое необходимо встречать хотя бы внешне спокойно.

Но ведь тут совсем нет света! Теперь она шла, держась за руку этого чешуйчатого существа, через плотную черноту, совершенно непроницаемую для ее взгляда. Казалось, она угодила в яму из мрака.

Вожатый потащил ее влево, и она покорно подчинилась. Остальные уже не перешелкивались, но она слышала нескончаемое царапанье когтистых ступней о камень.

И вдруг — свет впереди! До того яркий, что глаза Кадии ослепли от взрыва красок. Она прижала к ним ладо-

ни, а потом прищурилась и посмотрела сквозь чуть раздвинутые пальцы.

Словно колоссальный костер заполнял пространство, равное парадному залу, где-то далеко наверху. Но языки пламени не устремлялись ввысь, а изгибались слева направо в непрерывном движении. И были они не просто красно-желтыми. С треском проносились голубые, лиловые, зеленые и до рези в глазах белые полосы пламени. Они сверкали, взмывали вверх, выравнивались и уносились прочь.

Хасситти вывели ее как будто на площадку (она все еще почти ничего вокруг не видела). Перед ними проносились эти молнии слепящих красок, взлетали, повисали над каким-то огромным вместилищем, находившимся гораздо ниже их площадки. Хотя не раз языки этого странного пламени взметались выше, ни одно не поражало площадку, даже не приближалось к ней. И Кадия не ощущала жара.

Это лабиринт, — возникло у нее в мозгу объяснение Госела.

В бешеной игре ярких лучей не было никакой упорядоченности. Но ведь лабиринты — это сплетение путей, заводящих в тупики, если не знать их секрета? Кадия пыталась различить такие пути. Ничего, кроме света в обжигающем глаза непрерывном движении.

Она обернулась к Госелу:

— Где мой товарищ? Что вы с ним сделали?

Хасситти указал на озеро света:

— Он там.

В этом пламени? Вне себя от гнева, Кадия сделала два шага к краю площадки. Но как отыскать его?

— Уведите его оттуда! — приказала она.

Руки Госела поднялись в явно беспомощном жесте. Он смотрел на нее странным взглядом, с большим напряжением поворачивая голову, закутанную шалью, чтобы ее видеть.

Великая, нет способа...

Свет сжигал зрение, а не плоть! Как сейчас мучается Джеган, чье племя обитало в темных болотах, почти все-

гда окутанных туманом! Если ей эти молниеобразные вспышки причиняют страдания, то какую же пытку терпит он?

Способ должен быть,— сказала Кадия про себя, а ее оскаленные зубы сделали ясными эти слова и хасситти.

— Великая,— ответил Госел.— Все пути туда закрыты для тех, кто не обладает Силой.

Силой? Ее руки коснулись амулета у нее на шее, ей вспомнился меч с магической рукоятью. Может, две эти силы — ключ к лабиринту?

Но прежде необходимо убедиться, что Джеган и правда там, выяснить, где именно вести поиски. Кадия открыла сумку у себя на поясе и вытащила полую тростинку чуть больше пальца длиной. Это был ниссомский музыкальный инструмент, и она не раз с успехом им пользовалась. Почему бы и не теперь? Девушка осторожно вложила в рот один конец хрупкой трубочки и расположила пальцы по дырочкам в ней.

Кадия дунула, и раздался звук, напоминавший звон колокольчиков хасситти. Пламя, заполнявшее пространство перед ней, не ревело и не гудело. Услышит ли Джеган этот зов охотников?

Она снова дунула в дудочку, сигнал прозвучал с большей настойчивостью. Хасситти молчали. Не сомневаются, что у нее ничего не выйдет?

И она сыграла сигнал в третий раз.

Еле слышный... Да, несомненно! Ответный сигнал!

Она уже отказалась от своего первого плана броситься в лабиринт самой. Не удастся ли ей призвать Джегана сюда? Как один охотник, отыскав след добычи, помогает другому найти себя? Именно так в дни сражений они собирали вспомогательные отряды оддлингов, когда в них возникала необходимость.

Кадия играла сигнал снова и снова, прерывая его лишь для того, чтобы набрать воздуха в легкие. И ответ всякий раз звучал все громче и громче. Нет, слух ее не обманывал!

Вновь прозвучал призыв. Слепящие лучи резали ей глаза, которые теперь она уже не могла закрыть. Наверты-

вающиеся слезы мешали ей всматриваться в водоворот красок — не мелькнет ли там фигура Джегана?

Высокие ноты, низкие ноты — сколько времени она сигналит? Пальцы занемели на дырочках. Вдохнуть поглубже, и снова...

Из жгуче-оранжевой полосы, пошатываясь, возник черный силуэт Джегана.

Кадия убрала дудочку в сумку и легла на край уступа. Оддлинг внизу, покачиваясь, брел зигзагами, точно обесилев от потери крови или так утомившись, что ноги его больше не слушались. Кадия по плечи высунулась за край обрыва. Ее ноги придавила какая-то тяжесть. Она оглянулась, напрягая полуослепшие глаза. Двое хасситти прижали ее к камню, чтобы она не сорвалась с уступа.

— Джеган! — крикнула Кадия, протягивая руки вниз.

Он зашатался, еще больше понунив голову, так что мог видеть лишь собственные ноги. Возможно, только так он мог оберегать глаза от бешеной пляски лучей.

— Джеган!

Он чуть не упал, наткнувшись на барьер у подножия уступа, откинул голову и поднял к ней лицо. Глаза его превратились в узенькие шелки, из них сочилась какая-то слизь, собираясь в густые капли. Но он разглядел Кадия и стал карабкаться вверх. Вскоре его пальцы сомкнулись с ее пальцами, и она начала отползать, напрягая все силы, чтобы втащить оддлинга сюда, извлечь его из гибельной ловушки. В нее вцепились когтистые пальцы, помогая ей.

Она уже отползла настолько, что над краем появились голова и плечи Джегана. Хасситти засеменили к оддлингу и втащили его на спасительный уступ.

Он лежал неподвижно, лицом вниз, и девушка поспешно перевернула его на спину. Рот его был разинут, тело под ее руками совсем обмякло. Кадия обуял страх. Кое-как она усадила его рядом с собой так, что оба оказались спиной к водовороту огненных красок. Его голова упала ей на плечо. Она не могла понять, дышит ли он еще. Какие муки он вытерпел в лабиринте? Оддлинга они могли и убить.

— Вы...— Она поглядела на Госела.— Что вы с ним сделали?

Хасситти стоял рядом с ней, наклонив хобот к Джегану, словно приносиваясь.

Способен он понять хоть что-то? Кадия шупала шею оддлинга в поисках пульса, прижимая его к себе, ощущая резкий запах, который издают ему подобные, испытывая предельный ужас.

Его надо унести отсюда? — беззвучно приказала она больше себе, чем хасситти. Но как? Джеган был ниже ее ростом, но вовсе не пушинкой, и ей никогда не одолеть длинного темного коридора с ним на руках. Осторожно опустив его на камень, она обернулась и сорвала шаль с ближайшего хасситти, а затем расстелила ее рядом с Джеганом. Глаза щипало и резало, но она не обращала на это внимания, а уложила охотника на шаль, которая оказалась много плотнее, чем выглядела. Расстилая ткань, она проследила, чтобы украшения находились на нижней стороне. Она сняла пояс, завернула охотника в шаль, насколько сумела, и обмотала его поясом. После чего взялась за свободный конец ткани. Он был коротким, так что выпрямиться было невозможно. Ну что же, придется приспособиться. Но тут когтистые руки выхватили у нее рабочий конец импровизированной волокуши, и Госел послал ей мысль:

Мы понесем болотника...

Это вы довели его до такого состояния! — вспыхнула Кадия. Благостное чувство, охватившее ее, едва она увидела хасситти, исчезло. Доверять им Джегана теперь? Пока он жив — ни за что!

Он пришел без мирных слов. Он оддлинг, а не Благороднейший, а лабиринт был создан, чтобы ловить незваных пришельцев, — возразил Госел.— *Мы можем его излечить. Если Благороднейшей нужен этот болотник, мы поможем...*

Четверо уже выстроились по сторонам закутанного в шарф охотника, а теперь ухватили его и подняли. Кадия отступила на шаг. Они легко понесли его, покачивая, что ей было бы не под силу, в сторону проема, через который вышли на площадку. А на ее запястье легла чешуй-

чатая шершавая ладонь — Госел тянул ее за собой. Она пошла, не спуская разболевшихся глаз с Джегана и его носильщиков.

Назад они шли очень долго. Кое-кто из хасситти поспешил вперед, но остальные остались, по очереди сменяя носильщиков. При каждой остановке Кадия старалась обнаружить в их ноше хоть какие-то признаки жизни.

Во второй раз она ощутила на ладони его слабое дыхание.

— Джеган? — И она прочитала его мысли, как в разговоре с Госелом.

Многоцветный вихрь, страшная боль... и за этим что-то еще, что больно ее хлестнуло. Он боялся за нее. Эти опасения и завели его в ловушку.

Кадия попыталась передать ему мысленно:

Все хорошо, воин. Я здесь. Мне ничего не угрожает...

Возможно, это была неправда, но она твердо решила думать так, пока не выяснится обратное. Тут послышалось шарканье подошв, и к ним присоединились еще двое хасситти. У одного в руке были зажаты мятые полоски, нарезанные из длинных листьев, второй нес фляжку. Все это она разглядела, так как за ними следовал третий со светильником, подвешенным на цепочке. Все остальные вновь отошли от Джегана. Но Кадия упрямо опустила на колени рядом с охотником. Дышал он теперь глубоко, но глаза оставались закрытыми. На веках запеклись желтые комочки слизи.

Хасситти с листьями осторожно разложил их рядом с Джеганом, другой поднес светильник поближе, а третий быстро откупорил фляжку.

В душном воздухе подземного хода разлилось благоухание, которое Кадия узнала сразу. Будто дохнуло ароматами заветного сада, дивного приюта мира и покоя. Когтистые пальцы соединились, зачерпнули светло-зеленую мазь из фляжки, и аромат чудесных растений усилился.

Опустившись на пол, третий хасситти начал водить когтями с мазью по самой короткой полоске листа, накладывая снадобье густо и ровно.

Затем к делу приступил первый, кутавшийся в шаль, до того изукрашенную, что казалось, будто он с трудом выпростал из нее руки, чтобы взять намазанный лист.

Тостлет пришла помочь! — Казалось, Госел ожидал, что Кадия запретит им прикасаться к охотнику. — *Она хорошо лечит.*

Ведуны-целительница? А что? Какими бы разными ни были племена, в каждом должны быть те, кто лечит. Хотя Кадия еще не научилась различать пол хасситти, она решила, что Госел принадлежит к мужскому.

Тостлет поковыряла мазь когтем и, видимо, одобрила: во всяком случае, она взяла лист и очень бережно положила его на глаза Джегана, а вернее сказать, на всю верхнюю часть его лица. Он попытался высвободиться из пояса, удерживающего его на импровизированных носилках, словно хотел содрать пластырь. Однако Тостлет и ее помощник приподняли его голову и приклеили пластырь на место, раздирая оставшиеся листья на совсем уж узкие полоски.

Затем следом за хасситти со светильником они возобновили долгий путь вверх, но не раньше, чем Тостлет наложила мазь на последнюю полоску листа и не протянула ее Кадии.

— Для глаз, Благороднейшая, — сказала она, и Кадия на ходу стала по очереди прижимать полоску то к одному глазу, то к другому.

Огненные зигзаги, все еще словно мелькавшие перед ней, побледнели, а затем исчезли, прошла и резь в глазах. Да, окажись она в лабиринте, то, наверное, ослепла бы от бешеной пляски этих лучей.

Наконец они поднялись на уровень города и вышли во двор с фонтаном. Кадии почудилось, что дневной свет померк. Неужели ее зрение пострадало? Хотя глаза уже не болят. Каково это — ослепнуть, навсегда затеряться во мраке? Ужас пронизал ее мысли.

Джегана положили у фонтана. Он заворочал головой, постанывая.

— Темно... больно... пить... — Эти слова, сказанные на языке оддлингов, Кадия хорошо поняла. Она бросилась

к фонтану и зачерпнула горсть воды. Тут ее тронули за плечо. Кто-то протягивал ей кубок, столь же богато изукрашенный, как тот, из которого она пила церемониальный напиток.

Девушка наполнила кубок до краев, встала на колени рядом с Джеганом, прижала его голову к груди и поднесла кубок к губам под пластырем из листьев.

— Пей, брат по щиту.— Она старалась произносить оддлинговские слова как можно чище, но рувендианам эти звуки давались плохо.

Джеган подчинился. Он вновь пошевелил руками, и Кадия, все так же его обнимая, сделала знак ближайшему хасситти расстегнуть пояс. Охотник с трудом приподнял руку, пошарил в воздухе, а когда его пальцы коснулись запястья Кадии, крепко его стиснул.

— Пророчица! — Теперь он говорил на языке торговцев.— Это и вправду ты? И тоже поймана в этом месте множества холодных огней?

В его словах прятался страх, и она поспешила ответить:

— Мой товарищ, мы далеко от этого места. Мы опять под открытым небом. Пей! Это чистая вода, какую редко найдешь в наших краях.

И он напился, а затем поднял обе руки к повязке на глазах. Однако Кадия перехватила их.

— Пока нельзя, мой товарищ. Это лечение от света.

Он чуть повернул голову, прижатую к ее плечу. Она увидела, что его плоские ноздри расширились, как если бы он шел по следу. Казалось, он вынюхивает опасность.

— Здесь есть кто-то еще.— Он продолжал говорить на языке торговцев, но голос понизил до шепота.

— Те, кто увел нас обоих из места огней. Они называют себя хасситти.

Прижимавшееся к ней тело вдруг напряглось.

— Хасситти...

Тут она перехватила мысленную речь. Госел! Способен ли Джеган «слышать» и ее? Хасситти, видимо, считали, что да.

Мы те, кто ждет, болотник. Мы ждем, пусть твой род ждать не захотел и пошел дальше дорогами, которые сам избрал.

Это было обвинение.

— Хасситти! — вновь повторил Джеган вслух. — Но про них говорится в сказаниях о Тьме...

Болотник! — В этой мысли проскользнул нарастающий гнев. — Никогда мы не пособничали Тьме. Мы из тех, кто служил, кого оставили тут, кому вверили город! Когда вы забрались в свою грязь, мы остались!

Джеган еще немного повернул голову, так что его забинтованная щека коснулась груди Кадии.

— Пророчица, покажи в мыслях изображение этих, дай мне их увидеть.

Она чуть приподняла голову и посмотрела прямо на Госела, слагая в уме образ того, кто, видимо, был предводителем этих существ.

— 3-3-3-начит, — (Джеган процедил это слово сквозь зубы), — древние предания поведали правду. Но как же так? Сказано, что хасситти удалились с Исчезнувшими, которые странным образом питали к ним дружбу и никогда бы их не бросили.

Мы сами остались, — получил он мысленный ответ. — Ибо мы принадлежали к последним из тех, кого знали Хранители. И... — Кадия захлестнуло ощущение такой боли и тоски, что она вскинула руки, будто защищаясь от удара. — А когда те, что преградили путь Тьме, наконец пали, мы остались. Мы знали, что так все кончиться не может. Величие не умирает. Оно восстает вновь. И посмотри, разве мы рассудили неверно? Эта Благороднейшая вернулась, как мы видели, в снах!

— Джеган, — (Кадия попробовала устроить его поудобнее), — хасситти верят, будто я — одна из Исчезнувших. Хотя я твержу им, что это не так.

Ты пришла к нам! — Госел посмотрел прямо на нее. — Сны были верны. Что надо сделать, Благороднейшая, чтобы ты вернулась к своему народу?

Кадия вспомнила меч, воткнутый в землю в саду. Она вернулась, но бремя с нее не снято. Так что ей предстоит?

Над городом все еще нависало серое, сумрачное небо сезона дождей, хотя ни ливни, ни бешеные ветры туда не проникали. Еще одно волшебство Исчезнувших, решила Кадия.

Она стояла у окна на верхнем этаже и смотрела на угрюмые ряды зданий, строгость очертаний которых там и тут смягчали заросли вьющихся растений. Находилась она не во дворце с парадным залом, куда ее вначале привели хасситти, а в примыкавшей к нему башне, куда они проводили ее теперь и куда по ее настоянию принесли Джегана.

Тут имелась и мебель. Видимо, в этой и двух других комнатах, занимавших весь этаж, прежде жил некто высокопоставленный, и хасситти старались, как могли, сохранить все в порядке.

На круглом возвышении стояло ложе странной формы, напоминающей створку раковины. Возможно, материалом для его изготовления послужило вещество, созданное из толченых ракушек. Стол на низких ножках отливал тем же перламутровым блеском. Рядом лежала стопка циновок, застланных богато вышитой тканью, выцветшей, но без прорех. Сумрак в дальних углах разгоняли горящие лампы с абажурами из раковин.

Росписи на стенах изображали широкий залив, написанный столь искусно, что Кадия была готова поверить, будто видит волнующуюся воду, если бы не три окна, выходившие в реальный мир. У берега залива бродили длинноногие птицы, вздымались заросли камыша с золотыми стрелами цветов.

И еще — большой сундук. Две хасситти женского пола, бывшие среди ее провожатых, поспешили откинуть крышку. Внутри заблестели складки расшитой драгоценными камнями материи, а в небольшом отделении лежали ожерелья, браслеты и другие сверкающие украшения.

Олла и Рунна заявили, что теперь все это принадлежит Кадии, и явно огорчились, когда она не поспешила тотчас сменить свою изношенную дорожную одежду на

все это великолепие. Девушка только отмахнулась от их настояний, занятая тем, чтобы Джегана устроили поудобнее на тюфяке, набитом камышом, где он все время оставался бы у нее под наблюдением.

Лишь совсем недавно Тостлет сняла повязку и осмотрела глаза оддлинга. Немного погодя Джеган повернулся к Кадии с радостным восклицанием, которого она опасалась никогда от него не услышать:

— Королевская дочь, я вижу!

Он вцепился ей в плечо, когда она опустилась на колени возле него, и притянул к себе. Никогда еще она не видела на его лице такого счастья.

— Так хорошо, Пророчица! Так хорошо!

Вошла Тостлет с чашей в когтях.

— Дай этому испить.— Она протянула чашу Кадии, словно опасаясь, что из ее рук Джеган чашу не возьмет.— Испей и усни. Теперь нужен только сон.

Он выпил. Кадия ласково помогла ему лечь, и его веки сомкнулись. Они все еще были красными, а кожа вокруг опухла.

Кадия удостоверилась, что он уснул, и тогда отослала хасситти. Если они и вправду завлекли Джегана в этот водоворот огненного света, то хотя бы постарались исцелить его, когда он оттуда выбрался. Ее гнев утас. Вполне вероятно, что они лишь исполняли какой-то давний завет, когда заманили Джегана в лабиринт или не помешали ему войти туда. Теперь она уже их в этом не винила.

А лабиринт внушал ей благоговейный ужас. Какие неведомые познания требовались, чтобы создать такую ловушку! Наверное, даже Орогастус на вершине своей мощи не сумел бы установить подобную защиту. А как давно был создан лабиринт и когда приведен в действие? Если его не воссоздали хасситти, то неужели он пребывает в этом виде со времен Исчезнувших?

Кадия провела ладонью по лбу. Столько вопросов, столько загадок!

Этот день снова и снова напоминал ей, как она невежественна. Но Великой Волшебницей стала Харамис. Ма-

гией занимается Харамис, а не она. Быть может, ее сестре следовало бы искать тайны не в горах, а в болотах!

Она устало отошла от окна. Наступала ночь, а утомление и пережитые ужасы совсем ее измучили. Она вновь остановилась перед сундуком, который Олла оставила открытым, и, подчиняясь внезапному порыву, вынула верхний сверток и расправила его, подняв повыше. Он засверкал, точно роняя капли росы, так как был расшит множеством маленьких хрустальных подвесок, которые мелодично позванивали, стоило ей шевельнуть рукой.

Одеяние походило на обветшалые мантии, которые она видела на некоторых хасситти, но только выглядело совсем новым в своем великолепии. Словно сшили его только вчера. Длинные пышные рукава застегивались на запястьях хрустальными браслетами. Спереди оно хитро зашнуровывалось, для чего служили выпуклые хрустальные пуговицы.

Основной цвет был белый, но когда Кадия ближе рассмотрела его складки, то заметила, что они переливаются радужными красками, точно внутренность раковины. Она приложила платье к себе. Очень длинное, несомненно предназначенное для кого-то заметно выше ее, оно хотя бы не грозило расплзтись на ней от ветхости.

Приняв решение, Кадия перекинула одеяние через руки и, еще раз проверив, все ли в порядке с Джеганом, прошла в соседнюю комнату. Там струя воды, столь же чистой, как в фонтанах снаружи, изливалась из рта каменной рыбы в чашу, достаточно вместительную, чтобы она могла омыться в ней.

Кадия положила одеяние в стороне и потянула застежку своей чешуйчатой кольчуги. И вдруг заметила сбоку какую-то фигуру. Девушка испуганно схватилась за кинжал и лишь потом сообразила, что смотрится в зеркало невиданных размеров — высотой от пола до потолка! И жалкое существо в нем — она сама! Спутанная грива густых волос с проплешиной на макушке — памятка о схватке с удавоподобной лианой, разбухшие болотные са-

поги... Даже земледелец в затопленных полях весной и то выглядит пристойнее!

Она поспешно сбросила одежду, пропитанную болотным илом, и погрузилась по шею в ванну. Вода была теплой, как в первом фонтане. Кадия сразу угадала назначение ящичков на полке под рукой — быть источником одного из главных удовольствий, ожидавшего ее в Цитадели после дня, проведенного в болотах с Джеганом. В них хранились толстые квадратные куски густого мха, который, если его намочить и выжать, покрывал руки душистой пеной. Она смыла грязь с тела, а затем взялась за волосы, хотя пена больно обжигала кожу там, где прядки были вырваны с корнем.

Наготове было и полотенце из пуха камыша. Она хорошенько вытерлась, а потом облеклась в царское одеяние. Всю свою жизнь она видела перед собой церемониальные наряды, иной раз, стиснув зубы, сама их носила, но во всем богатейшем гардеробе ее матери не нашлось бы ничего, сравнимого с этим.

Но наряд оказался ей велик, так что пришлось отчистить собственный пояс с помощью мха, а потом вытереть его досуха, чтобы как-то подобрать отягощенные хрусталем складки. Рукава она высоко подвернула, но подол, несмотря на пояс, все-таки волочился по полу, так что она опасалась споткнуться и упасть.

Кадия повернулась к зеркалу и состроила гримасу своему отражению.

На фоне белизны одежды ее лицо и руки выглядели огрубевшими и темными. А что делать с проплешинками на голове? Остается только надеяться, что волосы снова отрастут. Нет, такие наряды не для нее. Однако, поглядев на свою валяющуюся на полу одежду, она не смогла заставить себя сменить роскошное одеяние на это рубище.

Ей даже не хотелось, чтобы чудесная материя хотя бы соприкоснулась с ним. Но бросать старую одежду тут не годилось. Надо будет поискать способ, как ее вычистить, залатать порехи, вывести все пятна.

Кадия собрала все вместе и, на вытянутых от брезгливости руках, отнесла в первую комнату, где положила на циновку в углу. Уж конечно, Олла или Рунна покажут ей, что можно будет сделать.

Разбросанные по полу мягкие кремово-желтые циновки нежно прикасались к подошвам ее босых ног, но тяжелый пояс, стягивающий тонкую ткань на талии, раздражал, и она, порывшись в сундуке, вытащила шарф, словно бы сотканный из серебра — из нитей тоньше шелка, и скрутила из него кушак, к которому тут же прицепила свой кинжал. Слишком уж долго он неизменно был у нее под рукой, и остаться без него ей не хотелось. За служившим дверью занавесом из тонких деревяшек раздались негромкие звуки. Хасситти! Она улавливала движение их мыслей, хотя и не попыталась в эти мысли заглянуть.

— Входите! — Подобрав одеяние, чтобы оно не мешало ходить, Кадия увидела, как Олла вносит поднос, уставленный серебряными тарелками, в сопровождении Рунны, держащей приятно пахнущий светильник.

Направляясь к столу, обе почтительно наклонили головы в ее сторону.

Олла указала на стол, а затем на Кадия: ее щебечущий голос напоминал веселый стрекот насекомого в траве. Кадия послушно опустила (не без труда из-за обильных складок платья) на сложенные циновки. Рунна бросилась расправлять сбившиеся в ком складки, а Олла сняла крышки с двух мисок и налила воды в такой же кубок, как те, из которых они пили с Госелом.

Вновь еда состояла из плодов и своего рода густой похлебки, но теперь они позаботились найти для нее ложку, правда огромную. Кадия ела с большим аппетитом, улыбаясь и благодарно кивая хасситти.

Все это происходило словно во сне. Душистый дымок завивался над светильником, темнота сгушалась, и маленькие лампы-раковины не могли разогнать сумрак. Когда она поужинала и хасситти унесли поднос, Кадия села возле Джегана. Спал он спокойно, но его близость возвратила ее к реальности.

Девушка поглаживала пальцами подол платья, укравший ее скрещенные ноги. На ощупь ткань была самой настоящей, да и комната не выглядела призрачной.

И все же ей было не по себе. Словно она взялась делать что-то, о чем не имела ни малейшего понятия. Прежде все представлялось ясным: добраться до сада и избавиться от своей части Великого Талисмана, а затем открыть... узнать, как обещал ей некто под покрывалом при их встрече. Но узнать — что? Неизвестно.

Магические чары? Нет, это удел Харамис. Королевство в болотах? Она не ищет короны и не соперничает с Анигель. Внутри нее — пустота, и необходимо узнать, как ее заполнить. И чем.

Прежде никто из ее народа не чувствовал себя на болотах так свободно. Ниссомы и уйзгу пришли сражаться по ее призыву — а может, их привело известие, что она воскресила древнюю Силу. Трясины и обычаи их обитателей она, по ее убеждению, знала как никто другой в Рувенде — даже самые предприимчивые торговцы.

Но это был край тайн, скрывавших другие тайны. Возможно, одной жизни было мало, чтобы постигнуть их все.

Великая Волшебница Бина пребывала в своей башне в Ноте... но должна была знать много. Если и правда она принадлежала к Исчезнувшим и была оставлена здесь Хранительницей, тогда она ведала все о прошлом — том обветшавшем прошлом, которое хасситти старались содержать в подобии порядка.

Кадия медленно и решительно закрыла глаза. Она сумела вступить в общение с Госелом, улавливала, хотя бы поверхностно, мысли его соплеменников. А теперь — найти того, кто обещал ей Знание. Ведь для этого она и пришла сюда.

Как прежде она старалась подчинить себе свои мысли, чтобы достичь мыслей хасситти, так теперь она попыталась создать в уме образ той фигуры, которая мнилась облаком тумана, позвать...

Кадия вся напряглась, но не крикнула, хотя крик готов был сорваться с ее губ. Она, дрожа, мысленно отпрянула и невольно зажала уши руками.

В своем неведении она коснулась чего-то настолько темного, настолько угрожающего, что, казалось, к ее горлу приставили лезвие кинжала. Она открыла глаза.

Теней вокруг было много. Она принудила себя осмотреть по очереди все углы комнаты, ища хотя бы намек на источник этой угрозы. Ничего! Только Джеган вскрикнул и замахал руками, точно отбиваясь от врага. Но он не привстал, не открыл глаз, и Кадия решила, что он так и не пробудился, а охватившее ее чувство вызвало у него тревожный сон.

Сон! Хасситти говорили про сны, упоминали, что следуют им...

Но тут ее размышления оборвались, так как возле двери послышались звуки, и Кадия узнала мысли Госела, словно увидела его перед собой.

Благороднейшая! — Зов был настойчивым.

Войди!

Он вбежал в дверь. Волочащуюся шаль он подобрал, чтобы двигаться быстрее.

Благороднейшая!

К удивлению и досаде Кадии, он распростерся перед ней, протягивая руку к краю ее одеяния, но не касаясь его. Хасситти был весь во власти страха, передавшегося и ей. Джеган на постели из циновок задвигал головой и испустил тихий стон.

Оно шевельнулось... — Госел смотрел на нее так, словно хотел силой взгляда вырвать ответ на вопрос «что делать?». — *Сон посетил Куава,* — продолжал он после краткого молчания. — *Вещий сон. Зло двинулось, хотя куда и как, сон не открыл. Но Куав в большой тревоге. Благороднейшая, прибегни к Силе, скажи нам, что грядет, и скажи, что мы должны делать.*

Они ничего не желают слушать, они все еще считают ее Исчезнувшей. Как убедить их, что у нее нет Силы?

Госел! — Кадия старалась привести свои мысли в порядок, сделать их ясными. — *Я уже говорила тебе, что я не та, за кого ты меня принимаешь. Мой народ не владеет Великой Силой...* — Тут она вспомнила Харамис и поправилась: — *Почти никто из нас ею не владеет, и я в том*

числе. Сюда меня привел обет. Кто наложил его на меня и для чего, я не ведаю. Но... — Она закусила губу. — Когда мне предложили корону, Госел, я предпочла взамен край трясин. Возможно, потому что верила, будто Тьма покинула болота, когда мы сокрушили Волтрика и Орогастуса. Но выбор я сделала и не отреклась от него. Ты показал мне здесь хранилище знаний, которые, кажется мне, далеко превосходят все, что известно моему народу, недоступны пока они и мне. Я обладала Силой, но по воле чего-то, что оставалось вне Кадии, дочери Крейна. Не обманывай себя. Я не могу метать молнии или заставить ветры служить мне. Я не могу вызывать демонов, не могу защитить вас или кого-либо еще в этом краю. Однако я узнаю то, что смогу узнать, и сделаю то, что смогу сделать!

Госел уже встал, чуть отвернув голову, и лампы отбрасывали на ложе-раковину его причудливую тень.

— Сон посетил Куава, и Васпа, и Трага, а прежде — Занью, Юситу и Варк, и еще прежде — многих других... Те, кто были тут, вернутся. А что может призвать их, как не движение, которое Куав увидел среди теней сна? Прийти сюда могут лишь те, кому назначено. Ты бывала тут раньше, тебя видели. Но тогда мы знали, что время еще не пришло. А теперь мы молим тебя, Благороднейшая: встань между нами и тем, что грядет.

Кадия вздохнула. Она сделала все, что могла. И может быть, верно, что теперь она обречена потерпеть неудачу, но в ней вспыхнуло бывшее упорство. Опасаться несчастья — значит навлечь его на себя. Раз хасситти не желают принять правду, она просто должна сделать все, что сумеет. Но ее и без того нелегкое положение осложнялось тем, что она не знала, с чем ей предстоит столкнуться.

— Какое Зло зашевелилось? — спросила она.

Госел покачал головой:

— Куаву это не открылось. Лишь то, что оно древнее и темное. Оно было долго погружено в дремоту...

— Те, кто некогда обитал здесь, вели летописи. Если оно такое древнее, нельзя ли поискать в них упоминаний?

Хасситти ответил поспешно и с проблеском надежды:

— Это возможно, Благороднейшая. Правда, для поисков того, что нужно найти, необходим светильник. И сновидцы попробуют опять. Сейчас же!

И он, взметнув шалью, торопливо ушел.

Кадия вынула кинжал. Любимое оружие было опорой, напоминанием о реальности в этом мире сновидцев и неясных угроз. Записи, которые она видела в одной из комнат, набитых тем, что оставили тут Исчезнувшие... способны ли хасситти читать их? В том, что ей такая задача не по силам, она не сомневалась.

— Пророчица...

Кадия быстро повернулась к Джегану:

— Что я могу сделать для тебя, мой товарищ?

Она увидела, как его широкий рот растянулся в улыбке.

— Речь пойдет, королевская дочь, о том, что могу сделать для тебя я. Не допусти, чтобы эти прыгунки с их снами и заботами о том, чего они не понимают, сделали из тебя свою защитницу.

— Но что ты вправду знаешь об этом народце, Джеган? — спросила она.

Он перестал улыбаться.

— Очень мало, Пророчица. Пока я не увидел их своими глазами, думал, что эти мои знания — как клочок болотного тумана, даже легковеснее. Они — создания Исчезнувших, как и наши племена... и скритеки. Но все полагали, что они последовали за Великими в неведомое. Словно у них не было никакой собственной жизни, тогда как нам во владение были отданы болотные трясины. Они в родстве с нами не больше, чем скритеки, хотя в отличие от последних и не являются порождением Тьмы.

— И ты видел сны, охотник?

Он помолчал и чуть отвернул голову от нее.

— Да, видел. — Она заметила, как он содрогнулся. — Но теперь их не помню. Быть может, все это, — он описал рукой полукруг, — место сновидений. И нам лучше уйти отсюда.

Кадия устало покачала головой:

— Я бы согласилась... если бы не меч. Он остается неизменным, и, значит, я не вольна идти своей дорогой. Но ты ничем не связан, Джеган.

Он посмотрел прямо ей в лицо, и она устыдилась своих последних слов.

— Друг мой,— поспешила она сказать,— я не отсылаю тебя. Выбор принадлежит тебе.

— И я сделал его уже давно,— ответил он.

Глава 7

Кадия оставила гореть одну лампу. Но и в ее смутном сиянии она видела, как поблескивают подвески на одеянии, которое она бросила в ногах кровати. Эта раковина не была устлана спальными циновками, к которым привыкла девушка, а заполнена пухом, видимо камышовым, в это гнездышко, вероятно, и полагалось ложиться.

Кадия легла, заложив руки под голову, и попыталась четко представить себе то, что предстояло. Поиски вслепую, если только не удастся отыскать сведения в грудях записей, которые она мельком заметила, когда хасситти показывали ей свои хранилища.

Она никогда не заглядывала в старинные летописи, даже написанные на знакомом языке... а язык этих ей, конечно, неизвестен. Задача для Харамис!

Харамис...

Кадия прижала руки к амулету у себя на шее, взяла его в ладони и закрыла глаза, пытаясь обратить мысленную речь к сестре. Но не ощутила ни ответа, ни даже сближения... Она, правда, и не слишком надеялась на удачу.

Однако амулет вливал тепло в ее руку, и оно разливалось по ее телу, проникая в самое сердце. Кадия крепко прижала амулет к груди, больше уже не пытаясь достичь того, чего не понимала. И ее мысли обратились к саду. Утром она пойдет туда...

Она пробудилась так внезапно, словно прозвучал сигнал тревоги. Лампа еще горела — маяк во мраке. Кадия

выбралась из пуховой подстилки, которая вздымалась вокруг нее, точно волны.

Перейдя через комнату, она убедилась, что даже за этот короткий срок хасситти успели заняться ее дорожной одеждой: все, что можно было вычистить, они вычистили, все, что можно было починить, — починили, и она могла надеть привычный костюм без отвращения.

Разбудивший ее призыв все еще звучал в голове. Помедлив лишь для того, чтобы проверить, спит ли Джеган, она тихонько вышла из комнаты.

Внизу виднелось слабое сияние, словно там был оставлен светильник. Она спустилась по лестнице и оказалась перед массивной дверью — первой, которую увидела в городе. Но дверь открылась при первом же толчке, и Кадия вышла в ночной мрак.

Вновь она сжала амулет в руке. Он опять засиял так же, как много лун тому назад, когда привел ее к башне Вины. Искра света внутри скользила по крохотному Черному Триллиуму, то вспыхивая, то угасая, пока Кадия осторожно поворачивала амулет то так, то эдак.

Этот подарок Бины новорожденным сестрам был создан магией Исчезнувших. И девушка верила, что тут, в самом сердце их страны, ему можно довериться. Подчиняясь внутреннему толчку, ее разбудившему, она пошла вперед сквозь ночную мглу. Но Кадия не забывала следить за тем, что было вокруг, — схватка с хищной лианой научила ее многому.

И в темноте Кадия не сомневалась, что идет снова тем же путем, который привел к хасситти, а потому не удивилась, когда подошла к первой ступеньке садовой лестницы с безмолвными и неподвижными Хранителями по сторонам.

И вот она уже, стоя между колонн, смотрит вниз, туда, где искорки прекрасных насекомых кружат между цветками. Спускаясь по внутренней лестнице, она наслаждалась благоуханием, которое казалось сильнее даже пряного аромата светильников хасситти. Яркая зелено-ватоголубая искорка подлетела к ней и на миг-другой

повисла над амулетом, который девушка протянула ей навстречу.

— Я пришла! — сказала Кадия вслух и встала около меча, воткнутого в землю и ни в чем не изменившегося.

Нет... перемена все-таки произошла. С того момента, как меч вернулся к ней, сослужив свою службу как часть Великой Силы, веки трех глаз оставались плотно сомкнутыми. А теперь они чуть раскрылись, словно должны были вот-вот подняться.

Кадия страшилась дотронуться до меча-талисмана, хотя и знала, что выбора у нее нет. Она нагнулась и сжала руку на клинке чуть ниже рукоятки. Меч словно бы сам выпрыгнул из земли в ее руку.

Время, которого она не ищет, но должна нести! Кадия подняла его, чтобы получше рассмотреть рукоятку. Да, веки разомкнулись. Девушка торопливо убрала меч в ножны, не желая пробудить Силу, заключенную в нем. Тут не ощущалось никакой угрозы, и ей не верилось, что где-то неподалеку затаилась опасность.

Однако она не избавилась от какого-то тревожного чувства.

Кадия вернулась к лестнице и поднялась на ступеньку, глядя, как сад затягивается туманом. Хотя была глубокая ночь, она различала кусты, деревья, цветы. И вновь, охваченная томлением, сходным с болью, она простерла обе руки ко всему, что росло тут, ко всему, что могло вырасти...

— Скажите мне... откройте, чья это воля. Один обет на меня возложила Бина. Кто теперь делает меня своим орудием?

Раздался шорох, закачались ветки, которые она различала в сумраке с трудом. Искорки насекомых метнулись друг к другу, будто им что-то угрожало и они хотели быть вместе. Кадия затаила дыхание, не сомневаясь, что сейчас появится тот, кого она встретила тут в прошлый раз.

Но видела она только колеблемые ветром ветки да рой искр. Затем искры разлетелись во все стороны, каждая сама по себе, точно причина их испуга исчезла.

Кадью охватил гнев — тот гнев, который она знавала в прошлом, когда оказывалась бессильной перед препятствием. Словно распахнулась дверь — и все-таки в нее нельзя войти.

Кадия медленно поднялась к колоннаде. Туман как будто успел еще стуситься. Статуи Хранителей были словно укутаны покрывалами. И все же, спускаясь, она на каждой ступеньке поворачивалась то к одной, то к другой, протягивая к ним амулет, словно его сияние могло что-то высветить в этих стражах. Один раз она шагнула к статуе справа и коснулась пальцами холодящей поверхности.

В ней проснулась уверенность, что эти статуи скрывают какую-то тайну и она должна узнать какую. Ах, если бы только она не была такой невежественной! Глухой внутренний гнев обращался теперь на нее саму.

Вновь с мечом в ножнах Кадия прошла по улицам безмолвного города и вновь поднялась в спальню в башне. Ей не встретился ни единый хасситти, и она решила, что у них есть какие-то помещения, где они спят. И видят сны?

Она легла в постель, извлекла меч из ножен и положила рядом с собой. Глаза на рукояти не открылись, но и не закрылись совсем. Сила, возможно, дремала, но она не покинула меча.

Если в конце ночи кому-то и снились сны, Кадия к их числу не принадлежала. Хотя она вновь взялась за оружие, в душе у нее воцарился мир. Джеган совсем оправился и разделил с ней завтрак, к молчаливому, но явно-му неодобрению Оллы и Рунны.

Мысли Кадии занимала библиотека — та комната, где она видела много книг и свитков. Если она узнает побольше о прошлом, не удастся ли ей лучше разобраться в том, чего от нее требует настоящее?

— У наших Говорящих есть своя ткань времени, — заметил Джеган, когда она сказала ему, где думает начать поиски. — В некоторых селениях хранятся очень старые свитки. Но читать их, а затем толковать способны только они сами. У них эти знания от рождения. Так же как

птенец, когда он достигает положенного возраста, вылетает из гнезда самостоятельно, так и они читают. То, что для одних остается тайной за семью печатями, для других — хранилище знаний.

— Ну а ты, охотник? Эти записанные истории тебе ясны?

Раз у оддлингов имелся свой способ сохранять прошлое, возможно, он основывался на каком-то искусстве, которым владели их наставники — Исчезнувшие. В таком случае помощь Джегана была бы бесценной. На помощь хасситти Кадия особенно не рассчитывала, так как у нее сложилось впечатление, что они упрямо сохраняли многое им непонятное.

— Нет, Пророчица, я владею иными знаниями — о повадках животных, о растениях в болотах, о временах года. Эти знания я получил, потому что желторотым птенцом был отдан в обучение Руслугу, величайшему охотнику в моем селении. Кое-чему я научился от твоих соплеменников, так как жил в Цитадели и служил королю. Но древние тайны, записанные на свитках... тут не жди от меня многого.

Кадия ухватила за последнее слово.

— Ты сказал «многого», так, значит, что-то тебе известно?

Джеган заерзал и, поспешно схватив кубок, начал пить, словно в размышлении оттягивая ответ.

— Пророчица, Говорящая моего клана всегда старалась приобрести больше знаний. Когда юношей я был болотным гонцом и искателем старинных вещей, она показала мне, чему отдавать предпочтение. Я умею распознавать некоторые древние знаки. И все.

— Но это уже кое-что, — возразила Кадия и отставила свою пустую миску, слизнув с ложки последние капли похлебки. — Я бы могла многому научиться, но мне не нравилось терять часы в спертom воздухе библиотеки, как и тратить их на вышивание красивых узоров. У Харамис была любовь к знаниям, у Анигели — ловкие пальцы, а у меня были болота.

Комната, где хранились записи, ошеломила Кадия. В первый раз она просто заглянула в нее с порога, когда хасситти водили ее по своим хранилищам. Теперь, когда она попросила проводить ее туда снова, с ней отправились трое, двое несли светильники.

Поиски обещали быть тяжелой задачей, тем более что она не знала, что ищет. С порога светильники озарили только переднюю часть комнаты. Полки, которые увидела девушка, были завалены свитками — в футлярах и без, брошенными на милость времени, а может быть, и насекомых-точильщиков. Под полками у стен громоздились ящики, а между ними виднелись толстые книги, вроде тех, которые торговцы иногда привозили ее отцу. Он брал их охотно, хотя содержание могло и не поддаваться прочтению. Обложки были деревянными, и многие скреплялись металлическими застёжками.

С каких начать? И что искать? Не тайны магии и заповедные предания, которые всегда влекли Харамис. А историю тех, кто написал все это. Да, магией они владели, но Кадия хотела узнать больше о них самих, о том, куда они удалились и почему. Что-то подсказывало ей, что сновидцы, предсказавшие приход Зла, были связаны с прошедшим и что настоящее порождалось прошлым.

Хасситти остановились у двери. Они сердито защебетали между собой, когда Кадия забрала у одного светильник и отдала его Джегану, а второй взяла сама. Они загородили дверь, словно чтобы помешать ей войти, но посторонились, когда она решительно шагнула внутрь.

Кадия высоко подняла светильник. Джеган отошел к ближайшей стене, и свет упал на ящики, свитки и тусклый металл книжных застёжек. Хотя света было мало, она увидела неподалеку стол, заваленный свитками в футлярах, и кресло с богатой резьбой, в завитках которой скопилась белесая пыль.

Вот и место для работы! Кадия опустила светильник так, чтобы яснее увидеть столешницу. Прямо перед креслом свитки были отодвинуты в сторону. В вазе блеснула металлическая трубка. Рядом лежала полоска пергамента, почти такая же темная, как поверхность стола.

Видимо, того, кто сидел тут последним, внезапно оторвали от его занятий.

Кадия провела пальцем по пергаменту, на палец налипла пыль, скрывавшая какие-то знаки — волнистые линии, какие она видела на стене самого первого здания.

— Джеган! — подозвала она охотника. — Посмотри-ка!

Охотник нагнулся над пергаментом, а потом провел пальцем под верхней линией, словно это могло подсказать ключ к разгадке.

— Это, — сообщил он, — знак, обозначающий горы.

Кадия удивилась. Горы на севере и востоке надежно защищали Рувенду, пока магия Орогастуса и людское предательство не преодолели эту преграду и не принесли смерть в единственный мир, который она знала. Харамис отправилась в горы за Знаниями и Силой, а потом вернулась в них по доброй воле, чтобы отточить уже достигнутое мастерство и обрести еще больше Знаний.

Кадия видела горы лишь издали, когда посещала земли, отвоеванные у болота. Эти небесные высоты были населены, но их жители никогда не спускались в низины, а люди остерегались их тревожить.

— А дальше? — спросила девушка.

Джеган пожевал губами и опустил пониже собственный светильник, который вдруг задрожал в его непроизвольно дернувшейся руке.

— Вот! — Его голос исполнился тревоги, а палец уперся в точку другой волнистой линии, в которой как будто не выделялось отдельных букв. — Зло... Великое Зло. Это предостережение.

Вновь его палец заскользил по линии, потом он покачал головой:

— Пророчица, больше я ничего прочесть не могу.

— Кто-то писал здесь, — рассуждала девушка вслух, — что-то важное, я уверена. И оставил лежать на виду. Нарочно? Чтобы предостеречь тех, что придут после? Горы и Зло... предвидение? У Орогастуса было тайное убежище в северных горах. Он собирал тайные знания и использовал бы для этого Харамис, не воспротивясь она, пото-

му что думал почерпнуть у нее знаний пока неизвестных. Предостережение против Орогастуса из глубин времени?

Но заглянуть настолько далеко в будущее? Возможно ли это? Наверяд ли. Значит, некогда в горах пребывало Зло столь сильное, что даже Исчезнувшие сочли нужным предупредить о нем. Она обернулась к Джегану:

— Горы... Ты знаешь их знак. Поищем его сначала тут.

Такая маленькая подсказка! Сколько придется потратить времени? А если они и отыщут другой такой знак, что толку, если остальные им ничего не скажут?

— Пророчица,— медленно произнес Джеган,— ты вновь надела меч суровой справедливости. Может, он поспособствует нам в поисках?

Кадия с удивлением поставила светильник и вынула меч, старательно избегая прикосновения к прищуренным глазам талисмана. Глаза, дабы видеть. А верхний таил Силу Древних. Подчиняясь безотчетному порыву, девушка наклонила рукоять к пергаменту, пролежавшему тут столько времени.

— С-с-с-а-а-а,— Джеган зашипел, как змея саль.

Кадия крепко сжимала меч. Он не сопротивлялся ей, но верхний глаз широко открылся и отбросил кружок света на длинную полосу.

Часть волнистых линий начала менять цвет, хотя краски были неяркими. Темно-зеленые оттенки, точно плавающие листья ликана, красные пятнышки — как капли крови, расплывающиеся в воде. Голубизна, а рядом мазок синева, переходящий в лилово-бурый цвет трясинного ила.

Сплетение, ей вовсе непонятное. И не похожее ни на какие известные ей письмена.

Джеган вытаращил глаза.

— Записи Говорящих!

— Ты их можешь прочесть? — Кадия все еще надеялась. Если это письмена одлингов, Джеган, конечно, разберется в них!

Он нагнулся, упираясь ладонями в стол по сторонам пергамента и напряженно в него вглядываясь.

— Место Салей,— медленно произнес он.— Остерегайтесь... опасность... горы...

— Место Салей...— повторила Кадия.— Где оно?

Он посмотрел на нее с выражением почти благоговейного ужаса.

— Было такое селение, но прошли великие дожди, и река завладела им. Жители — кто уцелел после бешенства воды — построили новое селение в другом месте. Его, Пророчица, ты знаешь. Это селение моего клана!

Кадия хорошо помнила, как посетила этот поселок, где дома были построены на платформах, опирающихся на сваи у берега озера. Оно было далеко отсюда, у Золотой Топи, вниз по реке за Тернистым Адом. Она обвела глазами свитки, ящики, книги. Быть может, глаз способен сделать явным и другое? Девушка держала светильник в одной руке, а меч в другой, пока Джеган развертывал свитки и раскрывал те книги, застежки которых поддавались. Кадия обошла стол, наклоняя рукоять над записями. Но ничто не менялось. И никаких знакомых знаков она не различала, как и Джеган.

Движение в дверях заставило их обернуться. Вошел Госел в сопровождении Тостлет. Оба тщательно кутались в свои рваные одеяния, опасаясь ненароком что-нибудь задеть и опрокинуть.

Благороднейшая! — Кадия сразу же сосредоточилась на этой мысли.— *Куав снова видел сон. Грядет Тьма. Призови свою Силу, чтобы преградить ей доступ сюда.*

Кадия встала перед хасситти.

— Госел, я не владею истинной Силой. Вот это,— она повернула меч так, чтобы он увидел три ока в рукояти,— с моей помощью сослужило моему народу хорошую службу. Но мне неведом сам источник Силы, я не знаю, могу ли вызвать ее по своему желанию. Проверять это в битве было бы неразумно. Вот все, что он сделал для нас сегодня.— Повинуясь ее жесту, Джеган взял пергамент с изменившимися письменами.— Мой боевой товарищ говорит, что это письма его племени, но он им не обучен. Что ты, Госел, способен прочитав в этом месте?

Хасситти ответил ей недоуменным взглядом.

Благороднейшая, нам не было предназначено вести записи. Мы, — его когтистая рука обвела комнату, — снесли сюда на хранение все, что нашли, но нам неизвестно, что запечатлено в этом.

Ваш сновидец, — сказала Кадия, теряя вспыхнувшую было надежду, — что ему открылось?

Тьма и Тьма, Благороднейшая. — Госел нерешительно протянул руку к мечу, но даже когтем к нему не прикоснулся. Веко верхнего глаза было открыто, казалось, он всматривается в хасситти.

Госел тоже устался на глаз, а затем, к удивлению Кадии, поднял когтистые руки и прикоснулся к собственной переносице.

Благороднейшая! — донеслась до нее его мысль. — *Это Сила, нам неведомая. Знаем только, что она способствует непостижимым деяниям и подвигам. —* Он чуть повернул голову и посмотрел на пергамент в руках Джегана. — *Если Сила показала тебе это, Благороднейшая, то ты должна знать, в чем тут смысл.*

Кадия от раздражения чуть было не зашипела, как Джеган. Сколько она ни ищет, ответа нет, а только все новые вопросы.

Ну хорошо, они получили весть, оставленную здесь. Узнали о ней благодаря мечу — единственному предмету из известных ей, который, несомненно, обладает тем, что ее соплеменники называют магией. Весть упоминала селение, которое уничтожила буря в давние времена и которое возникло вновь как родное селение Джегана. Если ничего яснее тут отыскать невозможно, зачем понапрасну терять время, роясь в этих непонятных записях существ высшего разума, и слушать предупреждения тех, кто видит зловещие сны?

Свою находку она отнесет в селение Джегана. Уж конечно, у них должны быть более понятные записи, которые могут оказаться полезными. Горы, темные забытые селения — если и возможно разобраться во всем, то лишь действуя. Таков был обычай Кадии. Свою находку им следует доставить туда, где из нее сумеют извлечь полезные сведения.

Кадия решила отправиться в путь, но ей пришлось убеждать хасситти, что это необходимо. Маленький народец был накрепко связан с городом и даже представить себе не мог, что кто-то захочет добровольно его покинуть. Она выслушивала предостережения и мольбы, которые совсем истощили запас ее терпения. Ей уже начинало казаться, что хасситти попробуют удержать их насильно, прибегнув, например, к какой-нибудь ловушке вроде лабиринта из световых лучей.

Однако Кадия не напрасно училась терпению на горьком опыте: снова и снова она повторяла, что ей необходимо уйти. К ее изумлению, неожиданная поддержка пришла от сновидцев, когда Госел и другие старейшины пригласили ее на совет.

Главой этих сонных мудрецов был Куав, хасситти, чьи глаза не походили на блестящие бусины, но были подернуты мутной пленкой, будто видел он не ими. Его соплеменники обходились с ним очень почтительно. Когда он вошел в комнату собрания, сопровождавший его служитель нес чашу, но не металлическую, какие тут видела Кадия, а вырезанную из потемневшего от времени дерева.

Когда Куав уселся в кресло, которое поспешно освободил Госел, чашу поставили на стол перед ним. Он нагнулся над ней, вглядываясь в наполнявшую ее темную жидкость. Следующее его движение было столь неожиданным, что застало Кадия врасплох, — когтистая лапа хасситти молниеносно высунулась из-под края его плотной шали и схватила ее за запястье руки, лежавшей на столе.

Хватка была такой сильной, что девушка невольно нагнулась, а Куав поднял голову и уставился на нее словно бы слепыми глазами.

— Сны пришли! — Слова Куава будто вонзились в ее мозг. — Благороднейшая, если ты не сновидица, то гляди! Призови то, в чем нуждаешься, для достижения своей цели.

Что ей нужно? Мысли Кадии путались. Ей нужны Знания — сокровенные, которых в глубине души она страшится. Кто может обладать этими Знаниями? Не спросить ли оддлинговских ведуний? И остается еще Харамис.

Девушка уставилась в чашу, сосредоточивая мысли на сестре, стремясь вообразить ее в чаше такой, какой видела последний раз в Цитадели.

— Харамис... — произнесла она вслух ее имя, продолжая мысленные поиски. Жидкость в чаше осталась неподвижной, но ее темная поверхность начала светлеть — в центре вспыхнула искра, и ее смутное сияние расширилось к краям.

Образ вырисовывался неясный. То появлялись, то исчезали стены, вроде бы увешанные полками с книгами и свитками, расположенными в куда более строгом порядке, чем в хранилище, где они с Джеганом нашли древнюю запись. Стол, загроможденный колбами и ретортами, со стопкой пергаментных листов на середине. Ту, что сидела там с пером в руке, разглядеть оказалось еще труднее, чем окружающие ее предметы.

— Харамис! — Кадия напрягла всю свою волю, чтобы установить связь с сестрой.

Отражение Харамис в чаше внезапно подняло голову, будто откликаясь на зов, и повернулось, так что Кадия увидела лицо сестры. Ее губы шевелились, глаза сощурились, словно стараясь проникнуть взглядом сквозь огромное расстояние.

— Харамис! — Картина в чаше пошла рябью, точно чашу покачнули, и жидкость в ней заколыхалась.

— Кто Ткачиха Снов, которую ты ищешь? — спросил Куав и выпустил ее руку.

— Моя сестра Харамис, которую Великая Волшебница и Хранительница Бина назначила своей преемницей.

— И Сила этой Харамис велика?

— Из нас всех она владеет наибольшей Силой, — ответила Кадия. — Я умею пользоваться им, — она осторожно прикоснулась к мечу, — но магии я не обучена. Вот почему мне необходимо узнать как можно больше. Меня не посещают сны, чтобы предостеречь или наставить.

Она пыталась говорить внятно, чтобы Куав понял ее беспомощность и убедил остальных.

Несколько мгновений сновидец не отвечал. Он кивнул служителю, принесшему чашу, и тот ее забрал.

— Так может быть,— наконец ответил Куав.— Мы не владели Силами, подвластными Благородным. Если ты, Предсказанная Сном, думаешь, что должна искать знания, то тем самым доказываешь, что принадлежишь к Древним, ибо они не переставали их искать.— Он суетливо расправил свою шаль и взглянул на Госела.— Если явившаяся к нам должна уйти, да будет оказана ей помощь. Грядет то, что затемнит небо чернее самых черных туч, какие нам доводилось видеть. Благороднейшая,— он повернулся к Кадии,— в былом явилось Зло, и те, кого ты знаешь, сражались с ним. Зло вновь зашевелилось. Так будь осторожна в своих поисках, по любой тропе ступай легким шагом и держи наготове свои глаза и это орудие Силы. Последнее время меня посещают сны. Мне кажется, что-то начинает погружать нас в тень, чтобы мы не увидели грозящую нам опасность.

Он встал и наклонил голову в сторону Кадии. Ощущая мощную волю сновидца, девушка тоже наклонила голову.

Теперь хасситти готовы были помочь им. Джегана это обрадовало. Вновь им придется испытать ярость бурь, спускаясь по течению Верхнего Мутара через Тернистый Ад. И все-таки лучше отправиться в путь сейчас, чем дожидаться хорошей погоды: силы ветра и воды принуждают многих враждебных обитателей болот прятаться в логовах.

Им были нужны припасы на дорогу и лодка, обзавестись которой будет куда труднее, чем провизией. Однако едва Кадия заговорила об этом, как Госел показал им ялик странной формы, который мог плыть по реке и скользить по жидкому илу — во всяком случае, так решил Джеган, тщательно его осмотрев.

В прошлом хасситти принимали и других гостей, точнее, злополучные путешественники уже попадали в ловушки города. Хасситти забирали снаряжение таких

жертв, старались разобраться в назначении разных вещей, а потом, по своему обычаю, убирали в какое-нибудь хранилище.

Джеган заявил, что ничего подобного этой лодке он не видел, но она ему понравилась и он хотел незамедлительно испробовать странный ялик. А может быть, ему не терпелось убраться из города.

Провиантом они запаслись без труда, любимую густую похлебку хасситти можно было легко высушить в твердые кусочки на огне. Плоды были размяты и запечатаны в кувшины. А Тостлет снабдила их грудой свертков с пластырями, мазями и напитками, постаравшись растолковать Кадии, как надо пользоваться их содержимым и для поддержания здоровья, и для лечения.

Утром, когда они отправились в путь, небо за воротами встретило их низко висящими черными тучами. Ялик был снабжен лямками, в которые Кадия с Джеганом дружно впряглись, чтобы доволочь судно до реки. Хасситти столпились под аркой, провожая их, но густая пелена дождевых струй вскоре скрыла из виду все, кроме общих очертаний развалин.

Как все охотники, Джеган обладал врожденным и хорошо развитым чувством направления. Он уверенно шел вперед, правда очень медленно из-за обременительного груза. Кадия заменила кое-какую свою одежду, изъеденную болотной гнилью, воспользовавшись подходящими вещами из запасов хасситти. К большому своему удовольствию, она убедилась, что не ошиблась в выборе, — некоторые вещи оказались даже непромокаемыми.

До Мутара им надо было пройти не такое уж маленькое расстояние. Джеган и в сезон дождей сохранял обычную бдительность. Да и Кадия высматривала хищников, не только ползающих и прыгающих в иле, по которому они брели, но и пустивших в нем корни. И, почувствовав внезапно тошнотворный запах, она сразу взяла на изготовку короткое копье, которое нашлось в хранилищах хасситти, как Джеган — духовую трубку.

Прямо перед ними из топкой грязи выползла крупная чешуйчатая тварь с витыми рогами на голове, которая ка-

залась слишком большой и тяжелой для небольшого туловища со множеством ног.

Кадия сделала обманный выпад, тварь метнулась влево, и Джеган рассчитанным ударом поразил врага в выпуклый глаз. Этот маневр они проделывали на охоте много раз, но такую гадину девушка видела впервые.

В глазу твари торчал дротик, но она извивалась, из полуоткрытой пасти сочилась желтая слизь. И Кадия воцпила копьё в эту пасть, повернув его в глотке. Тварь отдернула голову, вырвав копьё из рук девушки, но не кинулась на них, а зарылась в грязь, чтобы спрятать свое умирающее тело, сегмент за сегментом, с парой ног на каждом.

Ее движения перешли в судорожные подергивания, и Кадия с Джеганом осторожно приблизились к ней, чтобы забрать свое оружие. Потом охотник вынул нож, вырезал из пасти два верхних клыка, завернул их в лист и сунул в мешок. Будущие наконечники для остроги, решила Кадия.

К мертвому чудовищу начинали подползать другие обитатели болота, намереваясь попировать, но их было трудно обходить, и вскоре шевелящийся участок грязи остался позади.

Для ночлега они выбрали большую кочку и уложили на ней камыши как пол убежища, крышей которому послужил ялик. Однако о том, чтобы развести костер среди такой сырости и грязи, нечего было и думать. Несмотря на усталость, Кадия беспокойно ворочалась на постели из камыша, накрытого спальной циновкой.

— Джеган... — Она знала, что охотник тоже не спит — до нее все время доносилось шуршание камыша, он никак не мог найти удобную позу. Дождь на время затих, но грозил вот-вот зарядить снова. — Почему твой клан поселился так далеко? Ты же говорил, что ваше селение построено на самой границе края ниссомов. Все из-за того давнего потопа?

— Ты хочешь узнать, почему мы откочевали на север, королевская дочь? Эта история почти забыта за многие

годы. Говорят, нашему клану всегда было присуще желание увидеть, что находится дальше. В нашем селении больше охотников, чем в других. У нас в обычае странствовать. Так я попал ко двору твоего отца. И решил остаться там, потому что хотел узнать побольше о рувендианах: почему они делают то или это не так, как в обычае у нас. Я стал придворным охотником, как тебе известно...

— Да! — Она с такой ясностью помнила те дни, когда в первый раз увидела Джегана. С ним были два молодых интона, которых он обучил разным незатейливым штукам — незатейливым, но поражавшим всех, кто видел их представления. Ведь интоны — робкие животные и редко показываются людям на глаза.

— Исса и Итта! — вспомнила она их клички. — А потом ты провожал торговцев особыми путями, и они возвращались с грузом ральских раковин и кож вуров.

— Другие из моего клана могли бы сделать это не хуже, — заметил он. — Но было и иное. Наша Говорящая, как я тебе рассказывал, интересовалась новыми знаниями. И ей я сообщал многое из того, что узнал в Цитадели и во время моих странствий. За это клан оказал нам честь, и на Больших Говорениях мои родичи занимают почетное место. А я делал это с радостью, потому что и во мне живет желание узнать то, о чем многие забыли или никогда не ведали. А теперь мне есть что еще добавить к записям нашей Говорящей. — Кадия уловила в его голове тихую гордость.

— Эти хасситти, то есть их сновидцы, предрекают великое Зло, — задумчиво произнесла она.

— Пророчица, болота — это край развалин, и стал он таким по злему умыслу. И Злу бродить по ним столь же естественно, как камышам приносить семена. Мы знаем, что смута может наступить снова.

— Лаборнокцы?

— Теперь твоим и их краем правит одна королева, рожденная в одночасье с тобой, Пророчица. И она тоже помогла сотворить Великий Талисман.

— Кроме того, Орогастус мертв. Как и Волтрик,— медленно сказала Кадия.— А Харамис — Хранительница, но только она далеко. Бина выбрала для обитания селение Нот в краю трясин, а моя сестра удалилась в горы. Опасность же таится в горах... Джеган, в дни своих странствий ты когда-нибудь бывал в западных горах? Кто или что обитает там?

— Пророчица, об этом я знаю столько же, сколько и ты. Нет, я никогда не заходил так далеко в край уйзгу, который тянется до подножия гор. И не только я, но и ни один охотник моего клана, чьи записи я видел. А теперь усни, королевская дочь. Первую стражу буду нести я.

Кадия неохотно закрыла глаза, но она думала о Харамис, о смутном видении своей сестры, которое ей показал сновидец-хасситти. Харамис рассказывала о виспи, владыках снега и льдов на горных высотах, которые редко показываются тем, кто осмеливается подняться туда. Нашла ли Харамис друга и опору в одном из них, как она, Кадия,— в Джегане? Или она пребывает в одиночестве? Кадия вздрогнула. Быть все время одной... нет, этого она Харамис не пожелала бы. Сама она с детства любила болота и их настоящих хозяев — оддлингских охотников. Церемонная жизнь при дворе всегда вызывала у нее нетерпение: она чувствовала, что предназначена для другого. Оддлинги были ей куда ближе придворных. И тут ей вдруг подумалось, не охватит ли ее в трясинах чувство одиночества, раз она не из местных? Никогда прежде этот вопрос ее не тревожил.

Снова полил дождь, капли громко стучали по дну лодки у них над головой. Беспокойно ворочаясь на пропахшей болотом постели, Кадия старалась отогнать мысли об одиночестве. В конце концов она уснула.

Когда Джеган ее разбудил, она некоторое время сидела, положив меч на колени, и всматривалась в пелену дождевых струй. В этом сумраке глаза не различали ничего, а все звуки заглушались шумом льющейся воды. Кадия неловко прибегла к внутреннему чувству, которым научилась пользоваться лишь недавно,— к мысленным поискам признаков жизни по соседству.

Проблески сигналов мелких животных, которых — в отличие от более крупных — не пугали опасности ливня и жидкой грязи, Кадия улавливала без опасения. В них был только голод, потребность наполнить брюхо. А еще чувствовалась сосредоточенность идущего по следу хищника, но далеко. И больше ни малейших признаков жизни.

Но мало-помалу девушка осознала кое-что еще. Амулет с Триллиумом, который она носила со дня рождения, стал теплым. Она вытащила его из-под куртки и увидела свечение в глубине — точно бледный огонь окружал заключенный в нем цветочек. Подчиняясь невольному порыву, она прикоснулась им ко лбу.

Да, он излучал тепло! Но не только. Она ощутила биение, точно цветочек внутри дышал. И прежде ее талисман оживал. Он послужил ей надежным проводником, когда она искала Бину. Если бы ей было известно, какую помощь он мог оказать! Сила принадлежала Харамис, которая соединила их талисманы в одно победоносное оружие. Кадия провела рукой по лезвию меча с обломанным кончиком, следя за тем, чтобы не прикоснуться к трем глазам. Вот ее Сила, и она убивала с ее помощью. И должна будет убивать снова?

Когда они тронулись в путь, их все еще окружала утренняя мгла. Джеган древком копья проверял, не подстерегает ли их впереди предательская яма жидкой грязи, готовая поглотить; снова и снова приходилось сворачивать в сторону. Весь день они упрямо брели вперед, но не встречали неизвестных опасностей. Огонек в амулете Кадии светился по-прежнему — теплый маячок в сумраке дня и мыслей.

Когда после четырех дней тяжелых переходов они добрались до реки, Кадия глубоко вздохнула от облегчения и, следуя указаниям Джегана, помогла ему спустить ялик на воду.

Река вздулась от дождей, и течение было стремительным. Джеган орудовал длинным кормовым веслом, внимательно следя за рекой и берегами. Грести не требовалось, и Кадия, примостившись на носу, распахнула врата

мысленного восприятия как можно шире. Жизнь! Тут она ощущалась везде, но без угрозы. Через десять дней после того, как они покинули город, лодка свернула через протоку в озеро, где на середине на широком помосте виднелось родное селение Джегана. Вода в озере стояла гораздо выше, чем в первый раз, когда Кадия побывала тут. С того дня, когда она посмела нарушить обычай, произошло много перемен и с ней, и в мире. Тогда она искала помощи ниссомов беглянкой, за выдачу которой была назначена награда, явилась просить помощи против общего врага. Однако, если не считать волн, разбивавшихся о сваи заметно выше, тут все словно бы осталось прежним.

Как и тогда, дозорные оповестили об их приближении. Приветственный свист еще не стих, когда ялик стукнулся бортом о причал у длинного дома.

Вновь их встретили четыре женщины-ниссомки, словно не замечавшие дождя, который смывал узоры, наведенные краской на щеки, и промочил их одежду насквозь, так что она облепляла тело. Двух Кадия узнала. Как-то они встретят ее теперь? Джеган склонил голову:

— Привет тебе, Первая В Доме! Да будет все благополучно под взорами Тех, Кого Не Должно Называть.

Женщина смотрела на них молча очень долго, как показалось измученной Кадии, и лишь потом произнесла положенный ответ:

— Да будет этот кров над тобой, охотник, и над тобой, королевская дочь, вновь посетившая нас.

Кадия ответила почтительным жестом, которому научилась в Треviste, когда только начала посещать болота, а потом сказала:

— Я, Кадия, желаю блага всем и всему внутри.— Она прижала ладонь к протянутой руке женщины.

Ниссомка улыбнулась:

— Да будет благо и тебе здесь, королевская дочь. Мы слышали о том, что совершили ты и твои соратники вдали отсюда, сокрушив великое Зло. Тогда между нами было родство битвы, а здесь между нами будет родство мира.

Тут ее улыбка исчезла, и она уставилась в глаза девушки, словно что-то в них читая.

— В твоём сердце тревога. Этот родственный кров приветствует тебя, соблаговолившую посетить нас. Все права гостя — твои.

Женщины, стоявшие по сторонам каждой двери длинного зала, кланялись, когда Первая В Доме повела Кадия в комнату, которая ей запомнилась так хорошо. Ее роскошь, хотя и непривычная, была отрадой после дождя и грязи.

Кадия приняла ванну, вспоминая тот первый раз, когда заботы этих друзей немного облегчили ей боль в сердце, как их притирания и мази облегчили боль ее тела. Она тогда бежала от кровопролития, пожара и жестокостей таких зверских, что прежде и вообразить не могла. Ее мир погиб за один день и одну ночь — у нее не осталось никакой опоры, кроме собственной твердой воли и мысли о мести.

Горсть мягкого мыла, которое она зачерпнула из раковины, поставленной под рукой, защищала ссадины на голове, но это был пустяк. Она нежилась в воде, вновь воспринимая мир и покой, исходившие от ниссомов.

Она укуталась в халат с бахромой, который ей подали, и расчесала мокрые волосы гребнем из рыбьего хребта. К ее еще влажной коже льнул аромат цветочных лепестков, и ей было приятно хотя бы на время избавиться от запаха болот.

Вновь, как и в тот первый раз, собрался Совет Старейшин, состоявший из шести старейших женщин, возглавлявших шесть кланов. Кадия села на мягкий табурет лицом к ним. Молодая женщина принесла Чашу Дома, из которой все испили по очереди. Кадия не забыла окропить пол, как требовал обычай.

— Королевская дочь, я увидела, что ты носишь в себе тревогу, как бремя. Но до нас не доходили вести о появлении вражеских войск с тех пор, как вернулись те из нас, кто способствовал победе над темным королем из-за гор и его злым магом, которые задумали растоптать нас. Ты носишь на шее вот это, — Первая В Доме указала на амулет Кадии, — а у пояса вот это. — Теперь палец указал на меч, который девушка положила у своих ног. — В обо-

их — жизнь. Так, значит, мы еще не покончили с бедами? Какой новый король задумал разорить наши края?

Кадия поколебалась, но решила, что будет лучше рассказать все.

— Никакой король не вторгнулся еще в наши пределы, Говорящая. Моя сестра Анигель носит теперь двойную корону обеих стран и правит в мире. Однако мне был послан знак, что Зло угрожает нам по-прежнему. Или же новые приспешники Тьмы готовятся испытать наши силы, подбираясь к нам с гор.

И она начала свой рассказ о произошедшем после того, как она покинула Цитадель, подчиняясь таинственному настоянию отправиться в Сад Меча.

Глава 9

Когда Кадия заговорила о хасситти, ее слушатели переглянулись, а Первая В Доме перебила ее:

— Королевская дочь, ты говоришь о старых преданиях.

— Это правда,— твердо возразила Кадия.— Они живы и считают себя хранителями всего, что оставили Исчезнувшие.

Женщины-ниссомки перешептывались — удивленно, а не недоверчиво, решила Кадия и быстро описала испытания Джегана в слепящем лабиринте. Первая покачала головой:

— Ловушка! Вот что они готовят нам, которые служили Исчезнувшим руками и ногами в дальних местах! Такого стерпеть нельзя!

— Госпожа Дома,— продолжала Кадия после короткой паузы,— ловушки, по-моему, устроили не эти малыши. Они действуют с той поры, как Исчезнувшие удалились. А хасситти утверждают, что они хранители и защитники всего, что оставили им их владыки. И действительно, они делают все, что могут.

И она описала бесчисленные комнаты с сокровищами. А затем перешла к утверждениям сновидцев, и тут ее снова перебили:

— Они утверждают, что познают сны! И сны эти, по твоим словам, полны темных предупреждений. Но разве мы только что не завершили войны с пришельцами из-за гор? Не могли же они вновь напасть?

— То были горы на севере, а теперь речь идет о западных. Хасситти внимательно слушают своих сновидцев и верят им.

— И ты хочешь узнать про эти горы от нас, королевская дочь? Почему? Наш народ не покидает трясины ради высот.

— Меня к вам привело вот это. — Кадия открыла сумку из непромокаемой кожи силаса, которую захватила с собой после купания, и развернула полоску пергамента с письменами, которые преобразило око талисмана.

Первая сначала словно бы не захотела его брать, но затем пересилила себя, как будто готовясь исполнить неприятный долг, взяла пергамент и расстелила на коленях. Одна из сидевших вблизи быстро встала и посмотрела на него через плечо Говорящей.

Волнистые линии, которые проявило око, не вышли и казались четкими. Первая провела по ним кончиком пальца, словно прикосновение к пергаменту должно было сделать еще яснее содержащуюся в них весть.

Затем она подняла глаза, как бы советуясь с той, что тоже смотрела на них. Та сказала:

— Надписи ясны, Первая. Это язык ниссомов.

— Но очень старая письменность, очень! — возразила Первая. — В дни моей матери она уже была почти забыта. Есть ли у нас подобные записи?

Женщина медленно кивнула:

— Да, есть три похожие. Две из них пришлось переписать в последний сухой сезон. Они были так стары, что могли рассыпаться от ветхости. Смысл их такой: «На западе пребывает Зло, но оно крепко сковано и заперто столь надежно, что трясинам не нужно вооружаться против него. Препоны ему установили Исчезнувшие».

Она внимательно взгляделась в пергамент, расстеленный на коленях Кадии, и кивнула головой.

— Здесь сообщается о могучей Силе Исчезнувших... Да, они обладают Силой, нам неведомой. Великая Бина обладала ею. Ты сама, королевская дочь, прикасалась к этой Силе или к части ее. Место Бины теперь занимает та, что делит с тобой кровь сердца,— твоя сестра. Но никому не дано сравниться с Исчезнувшими в их знаниях и умении. У нас такой Силы нет. И негоже нам обращаться к тому, что не рождено среди нас. Все долгие годы с тех пор, как Исчезнувшие покинули нас, мы искали только тех знаний, что помогут сохранить наш народ. Мы соблюдали древние клятвы, и место, откуда ты сейчас явилась, было для нас запретным. Но быть может, среди нас могли родиться неразумные злоумышленники, которые воспылали желанием завладеть болотами и Рувендой? Если Зло зашевелилось,— она шагнула чуть вперед Первой, и ее голос посуровел,— возможно, оно пробудилось потому, что за последние луны слишком уж часто в ход пускалась древняя Сила. Колдун Орогастус, прибегавший к запретным тайнам, превратил в свое оружие огонь туч, и как знать, не нарушил ли он древнее равновесие, высвободив то, что считалось заточенным навеки?

По знаку Первой она умолкла.

— Королевская дочь, ты дала нам много пищи для размышлений.— Ладонью она разгладила пергамент.— У нас есть свои записи, которые мы храним так бережно и надежно, как только можем. Из-за этих предостережений сновидца, из-за этого меча, что ты носишь с собой и не можешь вернуть, нам следует поверить, что Зло действительно зашевелилось. Права гостя и права товарищества принадлежат тебе здесь, и ты получишь помощь, какая понадобится. Хотя наш народ не торопится замахнуться копьями или пустить дротики, мы не закрываем глаза и уши против предупреждений.

— Приношу тебе свою благодарность, Говорящая. Ибо некоторые предприятия требуют многих рук. Твои слова приятны слуху,— ответила Кадия.

Женщины встали и одновременно подняли руки и наклонили головы в церемониальном приветствии, а затем удалились во главе с Первой.

Затем прибежали две молодые девушки и поклоном пригласили Кадия пойти с ними. Они проводили ее в покои, которые, решила она, предназначались для гостей, не состоящих в кровном родстве с кланом.

Там был накрыт стол, и она с аппетитом принялась за кушанья, которые полюбила с тех пор, как еще девочкой ходила с Джеганом в болота. Они были совсем не похожи на мягкие плоды и густые похлебки хасситти, и Кадия с наслаждением хрустела поджаристыми корешками озерного камыша.

Молоденькая служанка, когда убрала со стола, указала на камышовое ложе, приглашающе приподняв край одеяла, отлично сплетенного из травянистых стеблей с добавлением сухих душистых цветочных лепестков, которые, по поверью, дарили сладкий сон.

Кадия опустилась на ложе и уже собралась укрыться одеялом, как из-за дверного занавеса донесся тихий зов. Кадия откликнулась. Вошла не служанка, а пожилая женщина, которую все называли Ткачихой, — та самая, которая читала пергамент, привезенный Кадией.

Ниссомка осторожно несла что-то в руках перед собой. Упругая камышина была согнута в овал, заплетенный внутри древесными волокнами, которые образовывали нечто вроде кривой паутины. С одной стороны свисали две камышовые веревки, выкрашенные одна в зеленый цвет, а другая в голубой. Они были разной длины. К свободным концам обеих были привязаны пучки перьев, отливавших металлическим блеском даже при скудном освещении.

— Ты когда-нибудь видела это, королевская дочь?

— Нет, Ткачиха. Еще одно вместилище Силы?

— Воистину! Это паутина сна, перехватывающая дурные видения, чтобы они не тревожили спящего. Раз тебя предупредили, что они вырвались на волю, мы поступим разумно, если оградимся от них.

Держа паутину сна в одной руке, Ткачиха встала на цыпочки и притянула к себе почти невидимую нить, висевшую над ложем, к которой и привязала «оберег».

Овал покачивался, поворачивался, и перья на веревках колыхались.

Ткачиха критически оглядела свое сооружение, подергала одну из веревок, так что обе заплясали, а потом удовлетворенно кивнула:

— Спи крепко, королевская дочь. Черные сны теперь до тебя не доберутся.

Дверной занавес опустился за ней прежде, чем Кадия успела выразить благодарность. Оставленный на табурете светильник угасал, и Кадия завернулась в душистое одеяло.

В полумраке тени набегали на тени, паутина сна все еще покачивалась. Что сказал бы об этом сновидец-хасситти? Оказывается, ниссомы не так охотно принимают сны со значением, как обитатели древнего города. Было ли причиной утомление или «оберег», но Кадия будто провалилась в глубокий сон без сновидений. Впрочем, причина ее не интересовала: ей было достаточно погрузиться в теплую желанную дрему.

Если библиотека в городе показалась Кадии царством хаоса, то та, куда ее проводила Ткачиха в селении Джегана, содержалась в образцовом порядке и была местом больших работ. Женщина, руководившая этими работами, ничего не стала объяснять своей гостье, и Кадия быстро пришла к заключению, что ткачество письмен составляет тайну, ревниво оберегаемую от посторонних. А письма действительно ткались.

Небольшие ткацкие станки на столах мало чем отличались от тех, которые ей доводилось видеть в Тревисте, где на них ткали материи из шерсти и камышового волокна.

Из трех станков работали два. На больших шпульках были намотаны выкрашенные в разные цвета нитки из волокон камыша и травы. Челноки отсутствовали — их заменяли длинные иглы с вдетыми нитками, с помощью которых девушки выводили линии, показавшиеся Кадии вначале бессмысленными.

Возле третьего станка лежала привезенная ею полоска, а на очень большой шпульке были намотаны ленты почти такой же ширины.

Две молодые женщины продолжали прилежно ткать, а Ткачиха подвела Кадью к среднему станку и с величайшей осторожностью начала сматывать со шпульки широкую ленту, которая поддавалась ее усилиям словно с неохотой. В воздухе вокруг заплясали пылинки. Наверное, старинная запись, решила Кадия.

Хотя ставни были плотно закрыты, чтобы не пропускать сырости, лампы, подвешенные к потолочным балкам, давали достаточно света, и Кадия следила, как разноцветные нити сплетались, разделялись, образовывали кольца и петли.

Ткачиха отмотала лишь небольшую часть ленты, а затем взяла полоску, принесенную из города, и приложила к ленте.

— Это работа Джассоа, которая была Ткачихой сто лет тому назад. Отличная ткань, совсем не тронутая временем. Это рассказ о бурях, которые тогда затопили наше селение. Но тут есть и еще кое-что... Сообщение уйзгу о том, что они опасаются некоего Зла, обитающего у их пределов. Недобрым предзнаменованием считают они то, что горы тряслись, а ветер и дождь несли потоки грязи с высот...

— Могло это быть преднамеренным Злом? — перебила Кадия и поспешно добавила: — Прости меня, Ткачиха, нетерпеливость понуждает меня к невежливости.

Ткачиха, которая при их первой встрече показалась Кадии гораздо суровой Первой, чуть-чуть улыбнулась:

— Королевская дочь, стремление к знанию порой берет верх над вежливостью. А на твой вопрос я отвечу: нет. Рожденный бурей грязевой поток не был нападением Зла. Однако, если в результате открылась скрытая тропа или дверь, это можно счесть деянием Зла.

— Тропа или дверь, — повторила Кадия, — ведущая к северным горам... к виспи? Моя сестра имела с ними дело, и ничем хорошим это не кончилось. Они обитают и у пределов уйзгу?

— Не знаю, — ответила Ткачиха. — Нам уйзгу никогда не говорили о таком народе. Однако, — тут она снова по-

смотрела на ленту,— дальше никаких упоминаний о бедствиях нет.

— И нигде больше не сообщается, чего боялись уйзгу?

— Уйзгу, наверное, ведут свои записи. И нам сообщают только о том, что угрожает всем трясинам. И прислали тогда лишь эту весть.— Она начала наматывать ленту записей назад на шпульку.

— О горах за владениями уйзгу известно хоть что-нибудь еще? — не отступала Кадия. Ей становилось все яснее и яснее, как мало она знает об окружающем,— а она-то так гордилась собой из-за дружбы с Джеганом и своих путешествий, которые теперь показались ей совсем незначительными! Во время войны ей довелось побывать в далеких местах, о самом существовании которых ей было прежде неизвестно, но теперь и этого оказывалось слишком мало, чтобы вырваться из пут невежества.

— Мы записываем то, что знаем о трясинах и о жизни наших племен,— сказала Ткачиха.— Что нам горы? Уйзгу с нами в родстве, но встречаемся мы с ними только для торговли или во времена великих бедствий.

Она кончила наматывать ленту и собиралась водворить шпульку на ее место среди других, стоящих аккуратными рядами на полках по трем стенам комнаты, как вдруг в воздухе раздался страшный вой.

Но был ли он слышимым или только мысленным? Кадия невольно зажала уши ладонями, чтобы заглушить его. Но звук раздавался все так же пронзительно. Значит, его слышали все. Кадия даже пошатнулась.

Оддлинги в комнате тоже зажали уши, и теперь их лица исказились от боли. Нет, это был не вой бури, прооравшийся снаружи.

Звук замер, и Кадия выпрямилась. Положив руку на меч, она поспешила к двери. Ткачиха следовала за ней по пятам, бормоча:

— Идет беда.

В коридоре снаружи уже собралась толпа, к которой присоединялись все новые и новые жильцы семейных комнат. Многие устремлялись наружу, где были привязаны

их лодки. Все они, заметила Кадия, вооружились. Лес копий, трубки с дротиками наготове — у мужчин, у женщин. Только малышей взрослые нетерпеливыми шлепками прогоняли назад в комнаты.

Тревога воцарилась не только в длинном доме — Кадия увидела, что обитатели селения толпятся перед всеми жилищами, его составляющими. Воины прыгали в свои легкие лодки и плыли по волнам озера к берегу.

Она увидела Джегана среди тех, кто отвязывал лодки, и протолкалась к нему.

— Что случилось? — спросила она, перекрикивая остальных, возбужденно переговаривающихся на своем языке.

Он даже не повернул головы, высматривая свободное место в отчаливающих лодках. И Кадия ухватила его за рукав, чтобы он не уплыл прежде, чем она узнает, в чем дело.

— Надо ехать. Смертельная весть! — И резким движением он стряхнул ее руку.

Кадия не прыгнула следом за ним в лодку. Сейчас толку от нее было бы мало: она плохо владела оружием ниссомов и не умела сражаться на воде.

Первая и все самые уважаемые женщины стояли впереди толпы, не обращая никакого внимания на дождь, вновь поливший как из ведра. В каждой отчаливающей лодке кто-нибудь торопливо вычерпывал воду.

К большому удивлению Кадии, лодки плыли в разные стороны — часть направилась к устью реки, а остальные гребли в других направлениях. Когда первая лодка добралась до берега, оддлинги привязали ее и осторожно скользнули в кусты.

Кадия знала, как оддлинги умеют использовать для обороны особенности родных болот. Теперь в чаще скрывалось уже достаточно бойцов, чтобы преградить дорогу к озеру, сердцу их владений, даже большому отряду.

Скритеки? Других врагов тут быть не могло. Если какие-то воины Волтрика еще блуждают в чашобах, то вряд ли они могли собраться в достаточном для нападения на ниссомов количестве. А скритеки предпочитали

действовать исподтишка — укладкой пробирались в обитаемые места и устраивали засады в надежде захватить врасплох десятков оддлингов. Она ни разу не слышала, чтобы топители нападали на селения, если не считать недавно миновавших тяжелых недель, когда воины Волтрика гнали их в открытый бой. Одни они так не воевали.

Девушка подошла к Первой и ее советницам. Никакие иные звуки не вплетались в шум дождя. Рушащиеся на озеро струи иногда заслоняли берега, словно колышущиеся занавеси. И это смущало Кадью. Что, если скрипки научились во время войны новой тактике, а теперь какой-нибудь их находчивый вождь решил ее применить?

Лодки, направлявшиеся к дальнему концу озера, стали почти невидимыми. По берегам озера всегда выставлялись дозорные, как и у прохода через завал, маскировавший устье речки, и вдоль нее.

Она старалась следить за лодками, даже прибегла к своему хваленому дальнему зрению, как вдруг раздался тот же вой. Он не был таким ошеломляющим, как в первый раз, — или теперь она просто более стойко его вынесла?

Среди женщин рядом с ней произошло движение, и одна подала Первой большую витую раковину, из которой можно было извлечь звук. Первая поднесла ее к широкому рту и несколько раз дунула в нее, извлекая звуки, несколько напоминающие голос ниссомов.

Раздался еще один вопль, теперь уже слышный только ушами, и Первая снова ответила. У дальнего конца озера две лодки повернули назад. Кадия разглядела между ними третью, в которой съжились две фигуры.

Едва она различила их рваные вымокшие плащи, как узнала в них уйзгу. Самое их появление тут означало какую-то беду.

Хотя между двумя племенами оддлингов никогда не возникали распри, общались они мало. Уйзгу были куда более дикими, чем ниссомы, и держались особняком от всех, кто не принадлежал к их народу. До войны она почти не видела их в Треviste, хотя они отправлялись в далекие странствования по трясинам, но владений рувен-

диан избегали, используя в случае необходимости посредничество ниссомов.

Появление этих двух здесь было большой неожиданностью. А когда сопровождаемая лодка приблизилась к причалу, где стояла Кадия, девушка изумилась еще больше. Сидевшая на носу ялика откинула плащ и подняла голову. Женщина! У нее, как и у всех членов ее расы, были большие глаза и рот, волосы плотно прилегали к черепу. Узоры, по обычаю испещрявшие лицо, дождь почти смыл, и лишь кое-где сохранились слабые мазки. Ее спутником был мужчина, совсем молодой, сильный на вид и, судя по тому, как он умело орудовал веслом, отличный гребец.

Сопровождающие лодки слева и справа тоже ткнулись носами в причал. Одной командовал Джеган. Уйзгу медлили привязать свой ялик, словно опасаясь, что окажутся нежеланными гостями.

Вновь молчание нарушила Первая, но не протрубив в раковину, а выкрикнув какие-то слова достаточно громко, чтобы их можно было слышать сквозь шум дождя. Но этого языка Кадия не знала.

Теперь мужчина-уйзгу бросил веревку, которую поймал стоявший на краю ниссом. Ялик осторожно подтянули так, чтобы женщине было удобнее подняться на причал — один из мужчин-ниссомов протянул ей руку.

Но она не выпрямилась, а продолжала горбиться, и спутник быстро подал ей посох, на который она оперлась.

Кто-то из сопровождавшей лодки что-то торопливо сказал Первой, и она вновь протрубила в раковину, а потом протянула руку женщине-уйзгу, будто они были сестрами по клану, и увела в дом. Советницы, а с ними и Кадия пошли следом.

Юноша-уйзгу вскинул на спину большой дорожный мешок и пошел рядом с Кадией, изумленно тараща на нее глаза. Он поднял руку и сделал странный жест, который Кадии уже доводилось видеть. Именно так шевелились когти хасситти, когда они встретились. Хасситти, уйзгу — что между ними может быть общего? Еще один из бесчисленных вопросов, которые ее мучили.

На этот раз на табурете для расспрашиваемого гостя сидела женщина-уйзгу, а Кадия тихонько встала позади скамьи Старейшин. Хотя уйзгу пригласили отдохнуть и подкрепиться, она нетерпеливо отказалась и пожелала сразу же поговорить с Первой.

Причем потребовала, чтобы призвали Первых остальных пяти кланов селения, и согласилась напиться и перекусить, только пока ждала их.

Ее юный спутник тоже прошел в комнату Совета и теперь примостился чуть позади Кадии, положив руки на свой дорожный мешок, словно его содержимое было драгоценным и требовало особой заботливости.

Возможно стараясь быть понятой всеми, женщина-уйзгу заговорила мысленно:

Я — Салин из Дома Сафора клана Сегина. Я — та, кто видит... — Она сделала жест рукой, который Первая тотчас повторила. — Пришел мрак, какого не видывали сотни и сотни лет. Он убивает, он сеет великий ужас. Для него у нас нет ни названия, ни памяти. И я приплыла просить ваших Ткачих Былого, чтобы они искали и ответили — какова природа этого ползучего ужаса. Узнав это, мое племя попытается вступить с ним в бой.

То, о чем ты говоришь, каково оно?

Вот! — Не повернув головы, уйзгу прищелкнула пальцами. Юноша быстро достал из мешка широкую чашу из того же зелено-синего металла, каким пользовались хаситти.

В нее он налил прозрачную жидкость, хранившуюся в бурдючке из рыбьей кожи, а затем принес чашу к ногам уйзгу.

Сидевшая напротив Первая нагнулась, заглядывая в чашу. Уйзгу закрыла глаза, ее дыхание стало медленным и размеренным. В комнате воцарилась глубокая тишина. Кадия знала, что происходит. В Треviste она встречала ясновидцев, «читавших по воде» для просителей. Некоторые уверяли даже, что способны заглянуть в недалекое

будущее, другие — что показывают то, что происходит сейчас в другом месте.

Вода в чаше заволновалась, образуя миниатюрный водоворот. Она темнела, утрачивала прозрачность.

Обретя цвет болотного «окна», вода словно застыла. Уйзгу простерла ладонь над чашей, ее длинные пальцы шевелились и изгибались. Голову она втянула в сгорбленные плечи, большие глаза закрылись.

Затем она устало опустила руки на колени, а на поверхности жидкости словно вновь возникло движение — но не водоворот, а какая-то игра света на темном фоне.

Кадия незаметно встала так, чтобы ясно видеть картину, складывавшуюся в чаше. Все наблюдавшие вместе с девушкой, будто крылатые квимы, смотрели с высоты на широкое пространство твердой земли острова в болоте. Именно на таких островах сохранялись развалины, но здесь земля была вся в бороздах — по некоторым признакам, тут недавно собрали урожай пулина.

Но большую часть плодородного поля покрывала желто-зеленая масса, пронизанная кроваво-красными прожилками. Она как будто пульсировала и ползла по доброй земле, подобно гигантскому слизию Золотой Топи.

В этой массе было что-то омерзительное, чуждое. Кадия сглотнула, сдерживая тошноту. Такому не было места в здоровом мире рувендиан и оддлингов. Но самым страшным был даже не этот колеблющийся ковер, пожирающий почву, но лежащее сбоку тело, скорченное в последних муках. Это был, несомненно, уйзгу, на его руках, обхвативших согнутые колени, виднелись мерзкие зелено-желтые пятна цвета бесформенной массы рядом.

Изображение в чаше увеличилось. Теперь зрители словно парили над самым телом, и Кадия увидела, что в грудь скорченной жертвы был вонзен охотничий нож.

Затем вода в чаше замутилась, а когда вновь успокоилась, они увидели уже другую картину. На этот раз светлая речка омывала другой поднимающийся из трясины остров. Вновь та же гнусная желто-зеленая масса заполняла воду, выплескиваясь, словно из гигантского кувшина. У них на глазах чужеродное пятно расширялось.

Еще картина — покачивающийся на воде ялик, а рядом брюхом вверх плавает риморик — один из постоянных спутников уйзгу, дружественное покладистое животное, буксирующее их лодки с большой скоростью. На его брюхе виднелось желто-зеленое пятно, а в ялике лежал уйзгу.

Сцена не была статичной. Уйзгу в ялике зашевелился, и ялик опасно накренился. Теперь они увидели левую ногу уйзгу, от шиколотки до бедра покрытую уже знакомой желто-зеленой массой. На их глазах уйзгу с видимым трудом достал скребок для чистки рыбы с очень острым краем и в последнем судорожном усилии перерезал себе горло.

Вода заколыхалась, картина исчезла, но Кадия, как и все остальные, не сомневалась, что видела случившееся на самом деле.

Новой картины в чаше не появилось. Женщина-уйзгу открыла глаза и подняла голову, чтобы посмотреть прямо в лицо Первой в Доме.

— Вот что случилось с нами, ведуньи. Это Зло распространяется по нашему краю, словно нашу землю топчет огромное чудовище, в каждом отпечатке своих следов оставляя гнусную смерть. Все живое, к чему прикасается желтая отрава, обречено на гибель. Мы потеряли целый клан — его члены попытались помочь охотнику, который вполз в дом весь в пятнах этой жидкости. Теперь все, кого коснется зараза, кончают с собой, чтобы не передать ее другим. Сотканных записей у нас очень много, они повествуют о сотнях прошедших лет. Но в них нет упоминания о таком Зле и не говорится, как его можно победить. Оно же ширится и угрожает всему живому — и нам, и вам. Я спрашиваю вас, что можете вы сказать мне о нем?

Ткачиха стояла возле чаши, в которой неподвижная вода медленно светлела.

— Мне это неизвестно, а я Хранительница записей уже шестьдесят лет, Сестра По Силе. Но ты права: записей много, и в них можно искать.

Кадия с прежней порывистостью шагнула к ним.

— Дальновидица! — обратилась она к уйзгу. — С какой стороны движется Зло?

Та чуть нахмурилась и смирила Кадью взглядом с головы до пят. Между ее племенем и рувендианами Цитадели никогда не было никаких связей. Возможно, она Кадии не доверяла.

Подчиняясь внезапному порыву, Кадия протянула свой меч над чашей, и... один прищуренный глаз приоткрылся — глаз оддлинга — и словно бы посмотрел на женщину-уйзгу.

Ее низенькая фигура напряглась. Она чуть-чуть приподняла ладонь с колена, а потом взглянула на Кадью.

— Носительница Силы, — как прежде юноша, она сделала жест хасситти, — ты вновь вернулась! Что ты скажешь про это? — И она кивнула на чашу.

— Я ничего не знаю, ведунья. Но ответь: эта губительная жижа ползет с западных гор?

Уйзгу удивленно заморгала:

— Да, Носительница Силы, оттуда.

— А куда она движется?

— В сторону края скритеков.

— Ткачиха, — сказала Первая, — надо начать поиски.

Но у Кадии был еще вопрос:

— Что в краю скритеков может привлекать подобное Зло?

Рот Первой скривился, словно она собиралась плюнуть.

— Кто что знает о скритеках, черных Злодеях нашего мира? Разве враги, напавшие на твой народ, королевская дочь, не постарались заручиться их помощью? Разве не были они приспешниками колдуна, опустошавшего наши края? И если новая злая Сила обратится к ним, ничего удивительного в этом не будет. — Затем она обратилась к ведунье: — Сестра По Силе, твой путь был долг, и ты утомилась. Отдохни же, пока будут просматриваться записи. Не сомневайся: ты получишь всю помощь, какую мы сможем оказать тебе. Если это Зло расползется дальше, пусть твое племя укроется у нас. Объединим наши копыя и дротики против него, как против скритеков.

Хранилище записей озарялось десятком светильников. Стол был освобожден, и из соседних помещений принесли еще табуреты, так что сесть за него могли не только Ткачиха и ее помощницы, но и Первая с Кадией. Уйзгу Салин и ее спутник поели и теперь отсыпались после тягот пути.

Записи умело и осторожно разворачивала Ткачиха. Некоторые она откладывала сразу и отдавала своим помощницам вновь намотать на шпульку. На столе остались лишь три — и полоска, которую Кадия принесла из города Исчезнувших. Кончиком пальца Ткачиха водила по сине-зеленым линиям, иногда прикасаясь к красным пятнышкам. Кадия старалась подавить нарастающее нетерпение. Она вспомнила записи, собранные хасситти и хранящиеся в полном беспорядке. Не должна ли она будет вернуться в город и постараться отыскать там добавочные сведения? Досадной помехой было ее невежество. Она не умела читать эти древние знаки. Да и здесь никто, конечно, на это не способен. А Харамис?

Когда Харамис облеклась в мантию Великой Волшебницы, к ней перешел и пост Хранительницы, который так долго занимала Бина. Значит, ее касается и это бедствие, постигшее болота.

Кадия поднесла руку к янтарному амулету на своей груди. Однажды он послужил связью между ней и сестрой. Почему бы и не теперь?

Тишину в комнате нарушало только шуршание ногтя Ткачихи, скользящего по полоскам. Девушка осторожно отошла от стола, крепко сжимая амулет. Она закрыла глаза и сосредоточилась, как могла, на мысленном образе сестры — такой, какой она видела ее в той сумрачной комнате.

Харамис! — Кадия призывала безмолвно, но ей казалось, что кричала. — *Харамис...*

Будто туманная дымка окутывала ту, кого она искала. Она напряглась — и словно натолкнулась на невидимую стену.

Харамис?

Ни отклика. Точно их разделяла запертая дверь. Но она чувствовала, что не сама Харамис отгородилась от нее. Или зашевелились силы, превосходившие те, какими располагала ее сестра? Кадия стиснула амулет, словно пытаясь вырвать у него ответ, в котором нуждалась.

— А!..— палец Ткачихи наконец остановился, и она обернулась к помощнице: — Принеси свиток Листы. За четвертый год!

Та немедленно встала и направилась к дальней стене. Ее рука скользнула по тесному ряду свитков. Она взяла один и вернулась к столу. Свиток был вложен в прозрачный футляр из рыбьей кожи, который Ткачиха осторожно разрезала и с такой же бережностью начала разворачивать полосу. Две женщины, ближайшие к ней, чихнули, а ноздри Кадии уловили незнакомый запах.

— Вот слово из глубокой древности,— сказала Первая.— Есть ли там намек на подобное Зло?

— «Желтая смерть»...— прочитала Ткачиха, растопырила пальцы, чтобы помешать тугой полоске свернуться, и начала в нее вглядываться.

Кадия заметила, что полоса эта отличается от других сотканых записей. Нет, строчки в ткани были, но они не располагались ровными рядами, а закручивались горизонтальными спиралями.

— В четвертый год ткачества Листы в наши пределы вторглись скритеки. Опасность была столь велика, что уйгу и ниссомы объединились, чтобы отразить их нападение. Один отряд из этого селения зашел далеко в пределы скритеков. Они захватили скритековского Глашатая Крови. Один ниссом обладал Силой понимать копыя его мыслей. И таким образом он узнал, что в сердце их Зловонного края есть скопление Зла, скрытое за подобием двери. И нечто выбралось оттуда, «желтая смерть», готовая напасть на нас: Но Зло это было слабым, недолговечным, оно пошло на убыль и исчезло, после того как Благороднейшая Бина послала против него мысленный удар такой яростной мощи, что дверь эта вновь была запечатана, а все, что успело из нее выйти, было испепелено.

Кадия не сдержалась:

— А теперь эта «желтая смерть» ползет по нашим краям, быть может, к этому месту, известному прежде?

Ткачиха обернулась к девушке:

— Да, так может быть.

— А действовала она тогда так же? — не отступала Кадия.

— Об этом ничего не написано.

Девушка вынула меч и поднесла рукоять к строчкам на полосе. Их коснулось пятно света. На этот раз открылся глаз Исчезнувшего.

— С-с-с-а-а-а... — Ткачиха отпрянула. Остальные издали такое же шипение.

Свет исчез, глаз опять почти закрылся. Кадия убрала меч.

— У меня нет Силы, как у Великой Волшебницы, — сказала она. — Я хочу поговорить с сестрой. Знания ее велики, и, быть может, у нее найдется ответ. Но мои слабые мысли не достигают ее. Если среди вас есть кто-то с такой Силой, вы могли бы мне помочь.

— Под нашей кровлей есть лишь одна такая — та, что сама просит о нашей помощи, уйзгу Салин. — Первая поднялась на ноги. — Когда она отдохнет, пусть попробует... Разве мы уже не убедились в ее Силе? Ткачиха, пусть с этого сделают копию. — Она указала на свиток Листы. — Надо что-то срочно предпринять.

Казалось, записи этого селения больше ничего поведавать не могли — а нашлось в них очень мало, подумала Кадия. Ведунья-уйзгу доказала, что обладает Силой. Однако если свою Силу она уже потратила на «чтение по воде», то много ли ей удастся сделать?

Кадия вернулась в отведенную ей комнату. Вновь она перебрала вещи в своем дорожном мешке. Передать новости Харамис? Но для этого ей надо было самой увидеть «желтую смерть», проследить, куда она движется.

Прижав к себе меч, она опять попыталась связаться с сестрой. Но и в этот раз ничего не получилось: даже колеблющегося тумана она не увидела.

Вновь они собрались после долгого томительного ожидания. Салин поставила перед собой свою чашу, остальные расположились среди колеблющихся теней — горели только два светильника.

Женщина-уйзгу выглядела еще более слабой и измученной дорогой, но руки ее твердо держали чашу. Когда жидкость в чаше потемнела, Салин сказала Кадии, не отрывая взгляда от поверхности:

— Носительница Силы, думай о той, к кому хочешь воззвать.

Кадия тоже уставилась на темную жидкость.

Харамис!

Вновь она позвала, вложив в этот зов все силы, держа одну руку на амулете, другую на мече.

В чаше заколебалась дымка, за клубился туман, но не рассеялся, не сменился картиной.

Харамис! — воззвала Кадия и вновь наткнулась на невидимую стену — и так сильно, что почувствовала боль, словно пыталась телом пробить камень.

Салин провела рукой над чашей, скрючив пальцы, словно стараясь сорвать покров тумана. Но ничего не помогло: туман остался.

— Что-то противится нам,— сказала она медленно, словно каждое слово давалось ей с трудом.— Сила крепнет, и это не Сила Света.

Кадия опустила амулет на грудь, но руку с меча не сняла.

— Ведунья, если ты не можешь достичь моей сестры, так не покажешь ли мне еще раз «желтую смерть»? Тянется ли она по-прежнему в том же направлении?

Салин хлопнула в ладоши над чашей. Туман исчез, но жидкость не посветлела.

Наоборот, она словно сгустилась и еще потемнела от теней, которые затем обрели четкость. Вновь они увидели часть болота, где смертоносной слизью поблескивали желтые пятна. Но было и кое-что новое — черный круг среди этой мерзости. Однако он оставался четким, и они не поняли, что это такое.

Он оставался неподвижным лишь несколько мгновений, затем взметнулось пламя, и картина исчезла. Салин отпрянула с криком:

— Черная Сила... И Сила, которая знает, что мы следим за ней!

Глава 11

— Это место я знаю,— нарушила молчание одна из советниц Первой.— Остров Саль.

Все женщины возбужденно переглянулись, а Первая вновь магически прошипела и посмотрела на Ткачиху:

— Разверни для нас указатель путей.

На освобожденной части стола был развернут квадрат ткани такой большой, что его пришлось загнуть по краям, не то он не уместился бы. Кадия увидела волнистые линии и поняла, что это карта! Она сразу узнала изгиб реки Мутар.

Первая ладонью разгладила карту.

— Позовите Джегана,— распорядилась она.— Это дело разведчика.

Появление мужчины на таком совете явно противоречило обычаю — некоторые женщины зароптали, но Первая строго взглянула на самую младшую, и та с неохотой вышла.

Салин уже некоторое время вглядывалась в карту. Теперь она протянула руку и провела пальцем от края до края.

— Как далеко оно уже расплзлось!

Хотя на стене Большого зала в Цитадели была нарисована карта страны болот, Кадия редко обращала на нее внимание. Выцветшие краски ни о чем ей не говорили, все эти линии были так не похожи на край трясин, полный жизни! И ту карту она почти не помнила, особенно западную ее часть, где находились владения уйзгу.

Посланная вернулась с Джеганом, и он почтительно приветствовал Первую.

— Охотник! — Она сразу перешла к делу.— Ты посещал башню острова Саль.

Это было скорее утверждение, чем вопрос.

— Один раз. Я встретился с Сину из клана Валь. Он хорошо знал тот край, так как его родной примыкает к нему. А башня Саль окружена тайнами, и мне захотелось на нее посмотреть.

Первая нагнулась над картой, и ее палец провел черту, которая вела с запада к точке, обозначавшей остров Саль.

— Вот,— сказала она.

Джеган напряженно следил за движением ее пальца, а когда она опустила руку, прижал к карте собственный палец.

— Да, оно движется так. Башня в самой середине. Если оно не свернет, то углубится в край скритеков.

— Прежде чем оно распространится дальше,— сказала Кадия,— нам необходимо узнать больше. Раз твоя Сила, ведунья, не способна ясно показать, с чем мы должны бороться, нужно посмотреть на все своими глазами. Нельзя сражаться с врагом, не зная, что он собой представляет и каким оружием располагает. Нам следует отправиться к башне Саль.

Она отогнала мысли о том, что им показала Салин, и сосредоточилась на другом образе — образе меча во всей его силе, когда он запылал разрушительной мощью. Как знать, не сумеет ли она покончить с этим Злом, кем бы или чем бы оно ни было, когда встретится с ним?

Первая потеряла пальцем край карты.

— Силы, королевская дочь, иной раз удастся измерить, только когда уже поздно. Мы знаем одно: что знаем слишком мало. У тебя есть защита, но только твоя. Если ты решила, да будет так.

Кадия крепко сжала меч. Что же, она сама предложила, так сожалеть ли, что ее предложение приняли? И правда, подумала она, куда лучше проследить эту ползучую смерть до ее источника, чем наблюдать в чаше, как она уби-

вает, и ничего не знать о ней, кроме того, что она губит все живое. Девушка обратилась к Джегану:

— Товарищ по шиту, ты пойдешь?

— Пророчица, дело это наше!

Но тут Кадии пришла в голову еще одна мысль.

— Да, наше! — она посмотрела на Первую. — Большой отряд легко обнаружить. Если Джеган будет выбирать путь и нас будет только двое, есть больше надежды все узнать самим и остаться незамеченными.

— И нас с внуком двое, королевская дочь. — Салин подняла голову и посмотрела через карту на Кадю. — Поистине это тоже мое дело, и я связана клятвой. Мы отправимся вчетвером.

Кадия хотела тут же возразить, но почему-то не смогла выговорить ни слова. В этой ведунье чувствовалась та же властность, что и в Первой. И она явно не привыкла к тому, чтобы с ней спорили.

Муссон почти истощил свое бешенство. Когда они вновь сели в лодку (более просторную и крепкую, чем та, на которой приплыли Салин и ее внук), с неба уже не рушилась вода, заставляя все время быть настороже и без конца работать черпаком. Селение снабдило их самой лучшей своей провизией. К тому же погода теперь позволяла находить пищу на земле, а вернее, в воде, так как Смайл, внук Салин, оказался искусным рыболовом. Кадия, которая уже давно научилась стойко переносить все тяготы пути, безропотно съедала свою порцию сырой рыбы.

Каждый вечер, когда они останавливались на ночлег, отыскав подходящий островок, Салин доставала свою чашу. Однако ей уже не удавалось получить ясных картин, как прежде в селении на сваях. На поверхности возникали тени, но они не слагались в четкий образ. Дважды они с Кадией пытались установить связь с Харамис, но не видели ничего, кроме клубящегося тумана.

Наконец Джеган направил лодку не к островку, а к берегу, где виднелись остатки развалин — несколько нагроможденных друг на друга камней. Ему удалось поразить копьем перлига, который проснулся от сезонной спячки,

а у камней Смайл нашел почти сухой местный мох, так что его маслянистые стебли и крохотные веточки дали достаточно жару, чтобы хотя бы опалить тушу добычи.

— Отсюда,— объявил охотник,— мы пойдем пешком. Здесь проходят остатки древней дороги, хотя путь нам все равно надо будет почти нащупывать.

При утреннем свете, уже не таком сумрачно-сером, они со Смайлом втащили лодку повыше на берег, закрепили и завалили хворостом. Кадия разложила припасы по трем мешкам, так как, решила она, Салин потребуются все ее силы, чтобы, опираясь на посох, брести по неровной земле.

Внимательно высматривая — нет ли где желтых пятен, они шли очень медленно. Местами ливни смыли наносную почву, и Кадия увидела каменные плиты, которыми, очевидно, была вымощена древняя дорога. Она радовалась, что тут можно было ускорить шаги, не боясь провалиться в глубокую грязь.

Они вышли на широкое открытое пространство, где обнажились камни древней дороги.

— Берегись! — подал мысленный сигнал Джеган, и Кадия тотчас взяла копье на изготовку, а Смайл сжал в руке духовую трубку.

Вдруг Кадию поразила волна такой страшной мысленной боли, что девушка еле устояла на ногах. Она услышала, как Салин застонала. Женщина-уйзгу упала на колени, сжав виски ладонями.

Из кустов в дальнем конце поляны, подрагивая, выползала рыхлая желтая масса. Отростками, словно руками, она цеплялась за неровности почвы и медленно подтягивалась вперед.

Ветер дул к ним, и Кадия сглотнула тошнотворный комок в горле от гнилостного смрада. Ей было все труднее противостоять безумному нескончаемому приступу боли у нее в голове.

— Нет! Не приближайтесь к этому! — крикнула Салин и схватила за руку Кадия, шагнувшую было вперед.

Смайл поднес трубку ко рту, тщательно прицелился, и дротик впился в маленькую голову, высовывающуюся

из раздувшейся массы. «Желтая смерть» содрогнулась, судорожно заерзала по камням и подалась назад.

И Кадия в ужасе увидела, что из желтой бесформенной массы торчит пораженная дротиком голова оддлинга.

— «Желтая смерть». — Юное лицо Смайла было испуганным. Салин схватила его за руку и потянула к себе.

— Не подходи к нему. Надо выбрать другую дорогу. Это желтое слишком опасно.

Как ни пугал ее мертвец, Кадия заставила себя не трусить. Ей необходимо было узнать как можно больше про этот ужас. Переложив копье в левую руку, она вынула меч из ножен и подняла его так, чтобы глаза были обращены к обезображенному телу.

Девушка отважно сделала шаг вперед, потом еще один. Сумрачный свет дня прорезала огненная струя. Все три глаза полностью открылись, и словно сплетение трех сверкающих лучей ударило в труп оддлинга, обволакиваемого желтой массой.

Вспышка пронзительно-синего света почти ослепила Кадия. Затем пронеслась волна зловония, а на обнаженной каменной плите остался только дымящийся желтый след. Враг отступил на два десятка шагов.

Чьи-то пальцы ухватились за пояс Кадии. Цепляясь за нее, Салин поднялась с земли.

— Высвободи Силу, королевская дочь, очисти наш край!

Кадия пошатнулась — так тяжело опиралась на нее немощная уйзгу. Девушка все еще держала меч перед собой, но теперь рукоять нагибалась к земле. Словно непомерный груз тянул вниз ее руку, Кадия испытывала слабость, будто эта бешеная вспышка пламени истощала ее силы.

Джеган осторожно направился к останкам оддлинга, но остановился на порядочном расстоянии от них. Кадия увидела то же, что и он: стена кустов на глазах засыхала, принимая отвратительный желтовато-белесый цвет. Видимо, ползущий заражал все, к чему ни прикасался.

Зараза распространялась с ужасающей быстротой. Кадия подумала, что желтизна, может быть, старается замкнуть кольцо вокруг них, четверых.

С большим трудом она снова подняла меч и, нацелив на засыхающие кусты, на пораженные гнилью лианы, всей силой воли призвала его к жизни.

И вновь вспышка. На этот раз у нее возникло ощущение, что огонь высасывает ее последние силы, питаясь ими.

На этот раз дело не ограничилось одним большим взрывом — на ветках и петлях лиан мелкие вспышки следовали одна за другой, открывая перед ними проход.

Кадия старалась удержаться на ногах сама и держать меч неподвижно, но больше не сумела извлечь из него ничего. Свет померк и угас. Три глаза опять закрылись, и Кадия рухнула на колени, совсем измученная. Джеган мгновенно подбежал к ней:

— Пророчица!

— Я... я больше не могу... — кое-как выговорила она, задыхаясь, точно после долгого бега, руки беспомощно опустились, и обломанный конец меча звонко ударился о камень.

Чья-то рука обняла ее плечи.

— Смай! Питье Предвидящих!

Нетерпеливый приказ прозвучал и в мозгу девушки. Поддерживала ее теперь Салин, как перед этим она поддерживала ведунью. Юноша-уйзгу сбросил с плеч мешок, достал закупоренный бурдюк и вытащил пробку. В еще не рассеявшийся смрад влился новый запах — чистый аромат целебных трав. Кадия сделала глоток.

Каждое движение ей все еще давалось с трудом, но теперь по ее телу разлилось приятное тепло и дышать стало легче. Джеган встревоженно наклонился над ней, потом кивнул не то ей, не то Салин.

Поправив мешок на спине, он направился к проходу, проложенному мечом, всмотрелся в даль.

— Оно все еще погибает, — сообщил он. — Однако нам вряд ли следует идти и дальше этой дорогой, пусть она и кажется очищенной.

Кадия подумала, что ей и меньшая дорога сейчас не по силам, и очень испугалась. Ей ли не знать, как дорого обходится каждое употребление меча! Пусть у нее в руке средство очистить край, только ее тело этого напряжения не выдержит.

— Королевская дочь, ты можешь уничтожить Зло.— Впервые Смайл обратился к ней прямо.— Ты освободишь от него нашу землю...

Кадия с трудом покачала головой:

— Я слишком слаба. Великой Силой я не наделена.— Она подняла меч. Да, глаза на рукоятке были плотно закрыты. Быть может, не только она отдала все. И то, что обитает в ее талисмане, тоже ослабело. А вдруг навсегда?

Она кое-как вложила меч в ножны и, опираясь на копье, поднялась на ноги, поддерживаемая Смайлом и Салин. Она пошатывалась, словно после долгой болезни.

Такая слабость вызвала в ней гнев. Она не какая-нибудь изнеженная красавица! Болото многого требует от тех, кто ходит по нему. А она ходила и будет ходить! Такой выбор она сделала по доброй воле.

Облизнув губы, Кадия быстро осмотрелась вокруг и спросила Джегана:

— А другой путь вперед есть, охотник?

Он указал чуть правее пепелища, выжженного мечом Силы. Там не было заметно никаких следов желтизны или увядания.

— Вот путь, Пророчица, но он — дальний.

Каким-то образом Кадия сумела улыбнуться.

— Так и будет, товарищ по шиту. Ведь я после каждого шага буду останавливаться!

Глава 12

Джеган повел их в обход отступившей на время заразы, и идти действительно стало много труднее. Под почвой и растениями тут не скрывались древние каменные плиты, и Джеган со Смайлом поочередно шли вперед, древком копья проверяя, выдержит ли земля их вес.

К удивлению Кадии, остров, на который они высадились, оказался большим, возможно, даже больше того острова на юге, где была построена Треви́ста.

Силы постепенно возвращались к ней, и на второй день она уже могла идти быстрее. Меч она больше не вынимала, только иногда поглядывала на рукоять — глаза талисмана оставались закрытыми. Кадия тревожилась: что, если в этих вспышках она израсходовала всю заключенную в нем Силу?

В середине четвертого дня они увидели открытую воду. Муссон бушевал тут особенно сильно, хотя теперь разлив уже спал. Однако бурный поток перед ними выглядел таким темным и густым, словно весь ил со дна поднялся к поверхности. На другом берегу вставали темной сплошной стеной заросли, высотой не уступавшие деревьям лесов на осушенных землях; их густо переплетали лианы. Даже на таком расстоянии были видны торчащие на ветках колючки длиной с дротик в колчане на плече Джегана. Ошибиться было нельзя: это начинался Тернистый Ад, оплот скритеков.

Кадия уже дважды проезжала его, но по реке между берегов, заросших жуткими колючими зарослями, а пробиваться сквозь них ей не доводилось. И она была не уверена, что это вообще возможно.

Они порылись в мешках и вытащили ластообразные водоступы, надежно прикрепили их ремнями к сапогам. Джеган поправил ремень с духовой трубкой так, чтобы в случае нужды суметь быстро выстрелить. Смайл последовал примеру охотника, но прежде проверил, как закреплены водоступы ведуньи.

Они пошли вперед. Водоступы отлично удерживали их на поверхности. Кадия вглядывалась в мутную воду, не сомневаясь, что там прячутся хищники, и только надеясь, что между ними не найдется настолько крупный, чтобы угрожать им.

Колючая стена была уже близко, но девушка не различала в ней ни единого прохода, а ведь скритеки проscalaзываются сквозь заросли с поразительной легкостью!

Топители были почти водяными существами и часто подстерегали свои жертвы, плавая под водой и нападая снизу. Так, может, они пользуются какими-нибудь потаенными протоками, чтобы пробираться сквозь заросли?

Однако если колючая стена и поставила Джегана в тупик, он ничем это не выдал. Кадия призвала на помощь все полученные от него охотничьи знания, чтобы обнаружить хоть какие-нибудь признаки бреши в сплетении веток. Она никак не ожидала, что он вонзит копьё в густой куст и ухватится за него, напрягая мышцы, вздувающиеся буграми в прорехах его куртки.

Смайл скользнул вперед на водоступах, всадил копьё рядом с копьём Джегана и тоже принялся тянуть копьё вместе с кустом на себя.

Куст этот в высоту почти равнялся деревьям в саду древнего города. Он весь сотрясался, и Кадия увидела, как с верхней ветки соскользнула ярко-алая змея, растопырила похожие на плавники крылья и спланировала на другую вершину в стороне. Взметнулось облако насекомых, настолько густое, что на мгновение заслонило куст.

Джеган и юный уйзгу только удвоили усилия.

Кадия не очень верила, что их усилия могут увенчаться успехом, но вдруг увидела, как куст медленно вылезает из почвы и опрокидывается влево. За ним открылось темное отверстие, неровный проход в гуще зарослей. От черной взрыхленной земли исходил гнилостный запах.

Продолжая отгибать куст, Джеган позвал:

— Пророчица, Салин, сюда!

Кадия подчинилась, по привычке доверившись знаниям охотника, хотя опасалась, что застрянет между колючками, такими длинными и крепкими, что они вполне могли легко пронзить человека насквозь.

Это был вход в туннель, ведущий сквозь стену зарослей, но предназначался он для существ одлинговского роста, и Кадии пришлось согнуться в три погибели, чтобы колючие ветки и болтающиеся петли лиан не сорвали с нее шлем. На лианы она поглядывала с опаской, еще не забыв своей схватки в городе Исчезнувших.

Ноздри ее улавливали не только обычные запахи болот, но иногда и зловоние скритеков. Однако чумного смрада «желтой смерти» она не различила.

Тут ей пришлось посторониться, так как Джеган протиснулся вперед, чтобы вести их дальше.

— Тропа скритеков? — спросила она почти шепотом.

— Это вход, — ответил он, — единственный известный нам. Путь недлинный и ведет прямо к башне Саль.

Салин пошла третьей, а Смайл охранял их тыл. Кадия ощущала тепло амулета на своей груди. Опустив взгляд вниз, она различила золотистое сияние янтаря, просвечивавшее сквозь почти прозрачные чешуи ее доспехов. Но она не нуждалась в таком предостережении.

Воды, где мог бы укрыться скритек, тут не было, но ведь колючая стена могла внезапно раздвинуться, а за ней мог быть вражеский отряд.

Джеган продвигался вперед уверенно, как бы точно зная, что делает, и в девушке, привыкшей доверять его сноровке и опытности, проснулась надежда, что они минуют туннель, не попав в засаду. Да и запах скритеков был застарелым — последнее время они этой тропой явно не пользовались.

Позади нее раздался треск, и она стремительно обернулась, готовая схватиться с врагом, но оказалось, что просто Салин отломил колючку с нависающей ветки — не тускло-черную, как остальные, но светло-серую, и Кадия увидела, как ведунья протянула руку к еще такой же колючке и отломил ее.

— Зачем? — удивилась Кадия, когда Салин отломил третью колючку.

— Дротики, — ответила она. — Такие дротики очень нам пригодятся.

Смайл отозвался одобрительным хмыканьем. Однако он не отложил оружия, чтобы тоже наломать этих колючек.

Пока они пробирались дальше, Салин к запасу колючек добавила несколько листьев с лиан и даже пук зловещего вида цветков, на взгляд Кадии, слишком уж похожих на голову вибон — опаснейшей гадюки.

Вокруг стояла влажная духота. На лбу под шлемом девушки выступил пот. Его капли скользили по лицу и срывались с подбородка. Ладонь, сжимавшая древко копья, стала скользкой, и она заметила, что дышать становится все труднее. Способа измерять время или расстояние не было, а Джеган шагал и шагал вперед, будто его что-то гнало.

Остановился он, только когда они вновь уперлись в словно бы непрístupную колючую стену. Он сбросил мешок со спины, и Смайл последовал его примеру. Вновь юный уйзгу встал рядом с Джеганом, но теперь в тесноте прохода они почти прижимались друг к другу.

Оба копья вонзились в куст, и ниссом с уйзгу объединили свои усилия.

Сначала тщетно — только шипастые ветки угрожающе закачались, будто обладали способностью осознанно сопротивляться. Кадия тоже сбросила мешок. Хотя впереди места для нее почти не оставалось и она не могла выпрямиться, девушка вогнала свое копье между копьями оддлингов как могла глубже. Наконечник засел прочно, и она прибавила свои усилия к усилиям охотника и юноши.

Наконец дело подалось. Они словно вытаскивали пробку из фляжки. Девушка и оддлинги напряглись в решающем усилии.

Куст выскочил так неожиданно, что они невольно сделали несколько шагов назад, чтобы не упасть. В сумрак туннеля ворвался свет. Но не только он. А еще... смрад «желтой смерти».

Джеган и Смайл осторожно выглянули наружу. Впереди открылась широкая поляна, а за ней — барьер из камней, не позволявших колючим зарослям укореняться в земле. Когда разведчики приблизились к нему, он оказался массивнее, чем виделся на первый взгляд. Они всматривались, ища проход. Несомненно, это были развалины стены. На одном из внушительных камней, до которого Джеган мог бы легко дотянуться рукой, грелась гадюка, окрашенная в алые и черные полосы. Предупреждение за-

мерло на губах Кадии — охотник ловким молниеносным движением нанес удар древком копья с такой силой, что хребет гадюки был сразу сломан, хотя змея продолжала конвульсивно извиваться.

Кадия не сомневалась, что подобные места служат приютом ядовитым гадам, но теперь она оглядывала развалины в поисках присутствия мерзости — того Зла, которому они пока не нашли другого названия, кроме «желтой смерти», и запах которой явно чувствовался.

И наконец она увидела желтое пятно, полускрытое тенью развалин башни — некогда внушительного сооружения, от которого сохранился только первый этаж с остатками второго.

Смайл скорчился возле камня, где только что грелась гадюка, отрезал мертвую голову, затолкал ее в мешочек и крепко, очень крепко затянул ремешок. Смазанный ее ядом дротик становился поистине смертоносным оружием.

Кадия, обшаривая копьем землю перед собой, осторожно переступала с камня на камень в направлении башни. Теперь, когда колючая чаша осталась позади, она смогла лучше рассмотреть это пятно. Оно было не очень большим. Видимо, отсутствие тут растительности мешало ему распространиться. Но она заметила следы, ведущие от стены, которую «желтая смерть» преодолела.

Развалины эти, решила она, послужили местом отдыха или даже ночлега «желтой смерти» — если она, конечно, нуждалась в ночлеге. Кое-где зараженные растения образовали комки разлагающейся гнили. То там, то здесь валялись скелеты мелких зверьков, причем в пасмурном свете они немного флуоресцировали.

На соседний камень поднялся Джеган.

— Оно пришло и ушло, — сказал охотник, взглянув на следы.

Она вспомнила черный круг, который увидела в чаше. Да, в ней было запечатлено именно это место. Но куда ушла «желтая смерть»? След вел к противоположному краю поляны, окружавшей башню.

Кадия прикоснулась к мечу. Ее талисман уничтожил часть «желтой смерти», но если им придется пойти по смрадному следу дальше, хватит ли Силы, чтобы проложить для них чистый путь? Дорогу к башне Джеган знал, и потому они добрались сюда, обойдя «желтую смерть». Но теперь очевидно, что башня не была конечной целью того, с чем им предстоит сражаться.

А тем временем начало смеркаться. Им нужно найти какое-то убежище — но не в зараженной башне! — чтобы переночевать. Менее подходящего места для ночлега, чем это нагромождение камней, где водятся гадюки, ей видеть не приходилось.

Но и дальше идти было нельзя. Все они утомились. Салин присела на каменную плиту и стала растирать ноги. Вся ее поза говорила, что ведунья совсем обессилела.

— Остановимся тут? — нерешительно сказала девушка, отводя взгляд от зловещей башни. Дождь перестал, хотя в воздухе висела промозглая сырость. Пожалуй, можно было переночевать под открытым небом, не опасаясь вымокнуть.

Джеган взобрался на высокий камень и, внимательно осмотревшись, указал копьем на три обломка стены, которые наклонились друг к другу, образовав подобие шалаша. Охотник спустился со своей дозорной высоты, осторожно направился туда и заглянул внутрь, слегка нагнувшись. Случайное сооружение находилось далеко в стороне от омерзительного следа, между ними пролегло широкое пространство голых камней, и, значит, заразы там можно было не опасаться.

По знаку Джегана Кадия, которая уже вскинула на спину дорожный мешок, протянула руку Салин, с трудом поднявшейся на ноги, опираясь на посох, воткнутый в щель между двух камней.

Не так уж и плохо, подумала Кадия, когда Джеган со Смайлом выгребли насыпавшиеся между плитами мелкие камешки и убедились, что гадючьих нор там нет. Пол под плитами был каменным и холодным. О костре в такой сырости нечего было и думать. Но все-таки здесь лучше, чем под открытым небом.

Ужинали они тем, что взяли с собой, запивая водой. Салин порылась в дорожной сумке и достала несколько сухих скрученных листьев. Она выдала всем по одному, и они принялись жевать. Неказистый вид листьев ничего не говорил о вкусе. Когда Кадия разжевала свой как следует, он оказался очень вкусным. Девушка и ее спутники почувствовали прилив бодрости.

Ведунья отдала собранные колючки внуку. Тот достал точильный камень из колчана с дротиками и начал стачивать с растений кожицу. Обработав колючку, он передавал ее Джегану, а тот ножом осторожно заострял сужающиеся концы, работая больше на ощупь, так как уже заметно стемнело.

Кадия сидела, поджав под себя ноги, и водила руками по мечу. Глаза в рукояти оставались закрытыми. И все же, если только она себя не обманывала ложной надеждой, от рукояти как будто исходило тепло — она ощущала его, приближая пальцы к сомкнутым векам. Грел ее и амулет, хотя свет его затемнялся кольчугой.

— Ведунья, — спросила она, — не получала ли ты новых вестей? Куда направилось это Зло? Не можешь ли ты взглянуть в чашу и сказать нам?

Лица женщины-уйзгу она не различала, но чувствовала, что та встревожена.

— Владеющая Силой, теперь мы в краю, где правят другие. Скритеки всегда были слугами Зла. А у Зла есть свои глаза и уши, а также иные чувства, кроме зрения и слуха. Если я обращусь к своей Силе, это может привлечь к нам что-то, с чем мы не совладаем. Но есть еще способ... — Она нерешительно умолкла, точно не была уверена в том, что собиралась предложить.

Кадия ощутила рядом с собой какое-то движение, а затем металл звякнул о камень.

— Королевская дочь, вынь амулет, который носишь на груди! — Слова ведуньи прозвучали требовательно, будто приказ, и Кадия послушно вытащила амулет на цепочке наружу и сняла с шеи.

Мудрая уйзгу взяла его. В тот же миг свет нагретого янтаря с Триллиумом усилился, и девушка увидела, что

амулет покачивается над пустой чашей Салин. Свет отражался от внутренних стенок чаши, и казалось, что в ней горит светильник.

— Дай Силу, королевская дочь! — приказала Салин.— Удели мне от своей Силы. Пожелай этого!

Кадия, как могла, сосредоточилась на амулете, мысленно рисуя образ Салин.

И девушке почудилось, что свет в чаше забурлил, как прежде — жидкость. И как в те мгновения, когда она поднимала меч, чтобы убивать, так и теперь она почувствовала, что ее силы начинают истекать вниз по руке, питая через пальцы амулет.

И сам амулет задвигался, описывая круги над колышущимся туманом света. В чаше стала складываться картина — маленькая, чуть больше подушечки пальца в диаметре, но поражающе ясная.

Скритеки и с ними кто-то еще. Нет, не беглец из разбитого войска Волтрика, а словно бы уродливое подобие кого-то другого, точно — Хранителя погибшего города! Это его скульптура стояла близ Сада Меча. Те же черты, хотя искаженные, обострившиеся, та же фигура, но согнутая и съжившаяся, точно перчатка, снятая с руки. Да, она видела одного из Исчезнувших, но только воплощавшего собой смерть и гниение. И эта обезображенная фигура флуоресцировала тем же зеленовато-желтым свечением, что и жертвы «желтой смерти».

Фигура шла — скритеки справа и слева от нее, но не сзади, где оставались пятна гнилостности, возможно сочившейся из ее подошв. Эти гнусные полужидкие пятна будто жили собственной чудовищной жизнью — некоторые быстро сливались воедино и растекались в поисках пищи. Таинственный некто шел скованной походкой и, как Салин, опирался на посох, чтобы не упасть. Так может идти мертвец, поднятый из гробницы и движимый чем-то, чему невозможно противиться.

Вскоре свет в чаше угас, и Кадия обессиленно опустила руку.

— Куда оно идет? — спросила Кадия, не надеясь получить ответа.

— Мы ведь только идем за ним, — сказал Джеган. — По смертельным следам, которые оно оставляет.

— Исчезнувший... — медленно произнесла девушка. — Как мог Исчезнувший стать таким?

— Одни из них ткали Свет, а другие — Тьму, — ответил Джеган. — И работа эта привела к страшной войне, которая изменила мир. «Желтая смерть» из тех времен: высвободилась и идет...

Кадия вздрогнула и положила руку на меч. Исходит ли от него тепло? Амулет больше не светился, а рука отяжелела и двигалась, лишь подчиняясь огромным усилиям ее воли. В темноте, сомкнувшейся вокруг них, когда амулет погас, она осторожно провела пальцем по выпуклости трех глаз. Они были закрыты.

Говорят, запретная дверь скрыта в этих местах горечи и смерти, — донеслась до нее мысль Салин. — *«Желтая смерть» ищет ее.*

— Но зачем? — быстро спросила Кадия.

В узком шалаше они сидели в такой тесноте, что девушка ощутила, как шевельнулась ведунья, задев щуплым плечом кольчугу на ее плече.

— Владычица Силы, то, что оставляет такой смертоносный след, словно бы само умирает и ищет помощи. Быть может, от средоточия Зла, которое обновит его. Древние предания повествуют, что Исчезнувшие, увидев, как опустошила край их междоусобица, удалились куда-то. Туда вела дверь, и они вошли в нее.

— Но если так удалились те, что служили Свету, — возразила Кадия, — зачем же воплощение Зла теперь хочет пойти тем же путем?

— Быть может, в поисках исцеления, — ответила ведунья. — Судить о мыслях Исчезнувших нам не дано. Мы их творения, но не должны рассуждать об их намерениях или силах, которыми они владеют.

Вновь Кадия потрогала меч. Эта «желтая смерть»... это, явившееся неизвестно откуда, отравляло все, мимо чего проходило. Даже если оно с помощью каких-то чар покинет их земли, зараза, которую оно посеяло, будет распространяться дальше — ведь Кадия встретила и уничтожила лишь малую его часть, и у нее нет Силы пройти всю дорогу и сжечь все, что было поражено.

Если догнать эту ползучую смерть, прежде чем она окрепнет или обновится, вдруг удастся покончить с мерзостью в самом ее источнике? Это не будет привычным боем или сражением вроде тех, в которых она участвовала против Волтрика или даже скритеков. То были враги из плоти и крови, их можно было убить. А этот враг, даже погибая, способен остаться победителем, заразив болота. Но иного выхода не было. Ей надо постараться нагнать его и разделаться с ним, как с военачальником Волтрика.

Она приподняла голову, и ее шлем задел нависающий камень. Сейчас она не может призвать на помощь войско, не может даже воззвать к сестрам, к Харамис, чей жребий — быть Стражем и Хранительницей Рувенды. Это предназначено для Кадии: наверное, потому-то ей и пришлось спешно покинуть Цитадель. Ее призвали не для того, чтобы она вернула меч, но для того, чтобы она снова обратила его против врага, на этот раз куда более страшного, чем противники одной с ней крови.

— Джеган, Салин, Смайл! — произнесла она со всей властью, на какую была способна. — Мой долг — помешать этому Злу достигнуть цели. Но я не прошу никого из вас пойти со мной.

— Пророчица, Зло это — древнее, а наше племя связано с тем днем, в который оно родилось. Не говори, что ты пойдешь по этой тропе одна! — В голосе Джегана прозвучала резкость, с какой он обращался к ученице в прошлом лишь дважды, когда полагал, что она легкомысленно подвергает себя опасности.

— Королевская дочь, — сказала Салин, — я решила пойти по этой тропе до того, как мы встретились с тобой. И пройду по ней до конца. Пусть Силы у тебя больше,

чем у меня, но все, чем я владею, я обращаю против этой гнусности. Смайл мой внук и обязался клятвой перед старейшинами сопровождать меня. И теперь мы не сойдем с тропы.

Кадия вздохнула. Джегана связывали с ней общие путешествия и сражения и взаимное уважение к способностям друг друга. Он стал ее настоящим товарищем по щиту, и без него она почувствовала бы себя брошенной. Уйзгу не были ей близки, но они без обиняков намеревались исполнить взятый на себя долг.

— Значит, мы идем следом за ним,— сказала Кадия глухо.

Спала она беспокойно, а утром не сомневалась, что ее мучили сновидения, только она их не помнила, лишь чувствовала, что были они дурными.

Утром не только дождь не полил снова, но даже, когда они покинули камни башни Саль, сквозь тучи пробилось туманное солнце. След, по которому они шли, был четким, но двигались они медленно, избегая пятен разлагающейся смерти, чей смрад окружал их.

Быть может, тут под слоем почвы лежали каменные плиты, мешавшие растениям пускать глубокие корни, но в любом случае заросли не сплетались в сплошную стену, а словно бы расступались перед ними. Они все время были настороже, высматривая признаки присутствия гадюк, но увидели только одну. Она, несомненно, коснулась желтого пятна, так как была мертва и уже сильно разложилась.

Постепенно заросли снова сомкнулись, оставляя только узкий проход, где сохранились остатки мостовой, так что заразы избегать было легче, поскольку тут для нее не было пищи, кроме редких ползучих лиан да поганок. Затем они увидели перед собой шест, глубоко всаженный в щель между двумя плитами.

Его увенчивал череп — и не древний: на костях кое-где еще сохранились лохмотья плоти. На плитах под ним багровела полоса крови — теперь приманка для насекомых и других летающих тварей.

Знак скритеков! Кадии уже доводилось видеть подобное. Так эти ящеры обозначали границы своих владений или направление пути. Гряда камней за шестом указывала, что некогда тут стояло какое-то здание, разрушенное давным-давно. Они перебрались через эту преграду и вновь увидели перед собой открытую воду — узкий залив, отходивший от большого озера. На самом берегу смрадная куча показывала, что совсем недавно там росли камыши. Совершенно очевидно — «желтая смерть», за которой гнались, отправилась дальше по воде.

Но здесь не было лодки. Джеган спустился к самой воде, двигаясь на почтительном расстоянии от зараженных камышей. Острым концом копья он принялся шарить в уцелевших камышах и вскоре обнаружил такое средство передвижения по воде, какого Кадии видеть прежде не приходилось.

Ничего похожего на искусно сделанные ялики и челноки оддлингов, скорее, неуклюжий плот скритеков, сплетенный из веток очень плотно, плотнее, чем колючки зарослей. Когда стараниями Джегана это странное суденышко оказалось на воде, девушка увидела, что именно колючки, цепляясь одна за другую, и скрепляли все сооружение. Однако шипы, которые торчали бы вверх или вбок, были обломаны, а ветки укрыты слоем камышей.

Неказистый плот выглядел таким ненадежным, что у Кадии возникли сомнения, стоит ли доверяться ему. Однако Джеган уже смело прыгнул на него, удержался на ногах, когда плот от толчка накренился, и, вонзив копьё в дно, кивнул, приглашая их присоединиться к нему.

Да, ни удобным, ни безопасным плот не оказался. Они положили мешки на середину, устроились рядом для равновесия, и Джеган со Смайлом, вытащив из ила спрятанные там шесты, начали толкать плот в сторону озера.

Как и в каждое утро с начала их путешествия, они намазали кожу специальным снадобьем, спасаясь от жалящих насекомых. Но здешних летающих кровососов это не отпугнуло, а отмахиваться от них они не решались, чтобы не перевернуть плот. Кадия старалась мужественно вы-

держивать укусы этого гнуса, хотя кровавые точки вскоре испещрили ее руки, а судя по нестерпимому зуду, и лицо тоже.

Плот полз вперед, Джеган и Смайл умело работали шестами, чтобы он двигался вдоль берега. Девушка внимательно высматривала, не появятся ли там гниlostные следы, оставленные тем, кого они преследовали. А кусты там мало-помалу сменились высокими деревьями, длинные ветки которых склонялись к воде, образуя кривые арки. Иногда колыхание воды под наиболее широкими из них выдавало присутствие жизни, однако, решила Кадия, это не были засады скритеков.

Они не заметили ни единого дозорного, значит, скритеки в своем краю ничего не опасались и не сочли нужным принять меры предосторожности.

Терпя непрерывные муки от кровососов, они медленно продвигались вперед. Никаких признаков «желтой смерти» заметно не было, но вдруг на Кадия, заставляя забыть обо всем, пахнуло теплом, не похожим на испарения, поднимающиеся от темной воды.

Ее амулет, уснувший после того, как она воспользовалась им для провидения, вновь пробудился. Она осторожно извлекла его из-под кольчуги. Крохотный Триллиум в сиянии янтаря казался живым. Он вновь станет проводником? Он настроен на Силу, и если там, впереди,— Сила, амулет, наверное, отзывается на нее.

Девушка кивнула на амулет своим спутникам, а затем осторожно продвинулась вперед посередине неустойчивого плота и нацелила амулет на левый берег. Стоило повернуть его в сторону или назад, как он немедленно тускнел.

А ветви все больше нависали над водой. Теперь и воздушные корни образовывали такие высокие арки, что они могли бы проплыть под ними, хотя, конечно, Джеган ничего подобного делать не собирался.

Никаких признаков «желтой смерти»... но внезапно амулет задвигался в руке Кадии, и, не сожми она инстинктивно пальцы покрепче, он вырвался бы.

— Туда! — Кадия указала на высокую арку из толстых корней. Дерево, которое они поддерживали, было, вероятно, очень старым.

Джеган мгновенно повернул плот влево, и вскоре они плыли в тени арки. Но впереди они видели не берег, а все новые и новые корни, образывавшие туннель, удививший во мрак.

Она искала взглядом опасную желтую слизь. Однако если то, что они преследовали, и свернуло сюда, то следов не оставило.

Они миновали четвертую арку. После каждой свет мерк все больше, так как деревья вверх, видимо, плотно смыкались, не пропуская солнечных лучей. Тут пахло болотным илом и испарениями растений, но только не смрадом, который прежде предупреждал их об опасности.

Джеган перебрался на нос плота, умело орудуя шестом, а Смайл осторожно перешел на другую сторону, поднимая и опуская шест в одном ритме с охотником.

Кадия не сомневалась, что где-то впереди находится источник Силы. Но доброй или злой? Амулет откликнулся и на мощную эманацию зла, а не только добра, его сотворившего.

Теперь его разгорающееся сияние освещало им путь. Над ними, как и в туннеле сквозь колючую чашобу, смыкались корни, не оставляя просвета. Однако чуть позже, слегка приподняв амулет, Кадия обнаружила, что это уже настоящие стены древней кладки, обросшие мокрыми водорослями и мхом.

В свете амулета блеснули чьи-то глаза. Кусок мха шевельнулся, оторвался от пучка и соскользнул в воду. Значит, и тут есть свои жители.

Тишину нарушали только всплески, когда шести извлекались из воды и вновь в нее опускались. Внезапно Кадия услышала, как Джеган вскрикнул, и в сиянии амулета увидела, как он с силой вогнал шест в дно и плот остановился в этом подземном канале.

Кадия протянула руку с амулетом через плечо охотника. Перед ними была преграда — такая, какие и приличествуют жутким забытым местам.

Раза два на краю Золотой Топи ей доводилось видеть замысловатую паутину рокслинов. Но та паутина плелась существами величиной с подушечку ее большого пальца. Эта же, сплетенная не менее искусно, затягивала все видимое пространство перед ними от одной сырой стены до другой, от поверхности воды до потолка, что терялся во мраке у них над головой.

Ее безупречные круги были сплетены не из тонких нитей, а из прядей толщиной со шнуры на болотных сапогах. Во многих местах в паутине виднелись погибшие насекомые и другие жертвы. Среди них оказалась ящерица, такая же зеленая, как водоросли и мох вокруг, — наверное, это она тогда спрыгнула в воду. Ящерица, по внешнему виду, весила немало, но шнуры не провисали под ее тяжестью.

Рокслинов следовало избегать. Хотя убить крупную жертву они не могли, укусы их были ядовиты и оставляли долго не заживающие ранки. Но рокслин, способный сплести такую сеть, будет серьезным противником!

Опираясь на плечо Джегана, чтобы сохранить равновесие, потому что плот закачался, Кадия подняла амулет над головой. Ни справа, ни слева в стенах не было видно мест, где могло бы укрыться огромное насекомое. Значит, хищник прячется где-то вверху. Она подняла амулет как можно выше, но тьма под потолком была слишком густой. Прикоснувшись к паутине, они, конечно, привлекут внимание рокслина, который поспешит посмотреть, какая добыча попала в его сети.

А нападение сверху, когда под ногами у них такая ненадежная опора, может оказаться роковым.

Не опуская амулета, Кадия переложила его в левую руку и извлекла меч из ножен, глаза под ее пальцами были закрыты. Ни копье, ни дротики тут не помогли бы.

— Освободите для меня побольше места, — сказала она спутникам негромко, опасаясь, что звук ее голоса может стать сигналом к нападению.

Джеган посторонился и чуть попятился, и Кадия сделала два шажка вперед, чувствуя, как плот зловеще покачнулся. Надо торопиться, пока он не накренился че-

ресчур круто. Если это произойдет, им будет очень плохо.

Джеган обхватил ее за пояс, продолжая удерживать воткнутый в дно шест,— небольшая, но все-таки помощь.

Кадия быстро ударила мечом по паутине. Хотя меч стал короче, наточенное лезвие рассекло шнуры. Второй такой же удар, третий... В любой миг она с напряжением ожидала нападения. Изящные круги исчезли, вместо них в воде купались безобразные лохмы, и, судя по крохотным завихрениям возле них, кто-то уже вознамерился попить, пожирая налипшее на них угощение.

Кадия удивляло, что тварь, чью работу она уничтожила с такой беспощадностью, все еще не дала о себе знать. Поверить, что ловушка осталась без присмотра, было трудно. Но чем больше она рубила мечом, тем вероятнее ей это представлялось.

В сиянии амулета они разглядели, что дыра в паутине стала достаточно большой, чтобы проплыть сквозь нее. Но что, если паук затаился и ждет, чтобы они начали это неустойчивое движение?

— Попробуем? — Она верила в охотничью сноровку Джегана и предоставила решать ему.

— Да.

Кадия вернулась на свое прежнее место, держа меч наготове и чувствуя у своей щеки частое дыхание Салин.

Джеган выдернул шест и приготовился воткнуть его в дно чуть дальше, Смайл повторил его движение, и плот качнулся. Они поплыли вперед, но медленно. Заставить плот двигаться быстрее было нельзя. Когда они проплывали под остатками паутины, девушка невольно поежилась, все еще не веря, что мстительное нападение рокслина им не угрожает.

Благодаря объединенным усилиям Джегана и Смайла паутину они миновали мигом. Она услышала свистящий вздох Салин и догадалась, что ведунья разделяла ее страхи.

— Ну вот,— сказал Джеган, отталкиваясь шестом,— теперь ясно, что те, за кем мы гонимся, тут не проплывали.

К лучшему это или к худшему? Что, если амулет отозвался на какую-нибудь древнюю эманацию и увел их в сторону от следа?

Задав себе эти вопросы, Кадия вновь начала водить амулетом из стороны в сторону, но он смутно освещал лишь каменные стены, темные, облепленные водорослями. Внезапно плот наткнулся на какое-то подводное препятствие.

Вновь Кадия пошатнулась, но обрела равновесие и протянула амулет вперед, на этот раз качнув его на цепочке, чтобы осветить как можно больше.

Из воды перед ними покато уходил вверх пол из того же камня, что и стены. Было ясно, что тут их плавание кончается. Смайл следом за остальными спрыгнул на эту пристань и помог охотнику вытащить на нее плот.

Кадия пошла первой. Свет амулета упал на нижнюю ступеньку лестницы, ведущей вверх. Смрала «желтой смерти» тут не ощущалось.

Девушка поправила за спиной свой мешок. Джеган, Смайл и Салин, опиравшаяся на посох, последовали за нею к лестнице. Первой начала подниматься Кадия, освещая путь перед собой.

Глава 14

На третьей широкой ступеньке Кадия внезапно остановилась. Снизу доносился легкий плеск воды о каменную пристань, словно в подземном канале было течение, которого они не замечали, пока плыли. Но теперь она уловила новый звук, очень слабый — легкую вибрацию камня над ней. Девушка еще не поняла, что это такое, но инстинктивно похолодела внутри.

— Скритеки! — прошептал Джеган.

Пожалуй, только глупцы стали бы подниматься выше, но амулет в ее руке сиял все ярче. Несомненно, они приближались к мощному средоточию какой-то Силы. Считалось, что топители не обладают мудростью, а также и оружием, кроме клыков, когтей и грубых копий с дубин-

ками. Умение подкрадываться — вот что чаще всего объясняло успешность их нападений. С другой стороны, Кадия и ее спутники находились теперь в их краю, а кто знает, какими умениями они располагают у себя дома?

Тут она услышала не слова, а мысль Салин:

Скрытеки сейчас не охотятся, они воздают почести.

Уверенность, прозвучавшая в этих словах, успокаивала. Но кому чешуйчатые чудовища воздают почести? Какому-то своему вожаку или... или тому, чье появление сеет смерть по всей стране?

Возврата назад не было: им оставалось только со всей осторожностью идти вперед. Все чувства Джегана обострились, как всегда бывало именно в таких случаях.

Кадия решительно поднялась на следующую ступеньку. Против ее ожиданий, звуки не становились громче. Наоборот, порой они вдруг совсем затихали.

Внезапно Кадия заметила, что к свету амулета добавился и другой, становившийся все ярче по мере того, как она поднималась выше. Источник света находился наверху лестницы, но вниз он падал узкими лучиками, словно через небольшие отверстия.

Кадия повесила амулет на грудь и прикрыла пальцами. Его тепло перешло в жар. Амулет обжигал, но она продолжала прижимать его к себе.

Когда лестница кончилась, свет снаружи внезапно обрел почти режущую яркость. Он пробивался сквозь отверстие в резной стене, преграждавшей им путь.

Но это ей знакомо. В стенах Цитадели Рувенды потайные ходы образовали сложную сеть. Многие были известны, и в детстве Кадия не раз подбивала Харамис или Анигель забираться в них. Некоторые были замаскированы резными панелями в стенах. Панели эти снаружи выглядели просто украшениями, но они пропускали свет и воздух в потайные ходы.

Именно такая панель и была перед ними теперь. По другую сторону, видимо, горело много светильников. Кадия посторонилась, чтобы на площадку могли подняться и тоже заглянуть в помещение ее спутники.

Они увидели комнату. Ее стены были из того же не поддающегося времени белого камня, что и в городе Исчезнувших. В них были вмонтированы крючья, с которых на цепях свисали светильники. Они сильно дымили — по стенам расходились веера черной копоти.

Все стенные панели были покрыты богатой резьбой, как и та, за которой скрывались Кадия и ее спутники. Видимо, когда-то они были еще и покрашены — местами можно было различить красные, голубые и желтые выцветшие пятна. В резьбе не замечалось ни единого изображения живых существ. Только зигзаги, круги, выпуклые розетки, закручивающиеся спиралями линии, слагавшиеся в геометрические загадки.

Все четверо внезапно замерли. Вновь раздалось бормотание скритеков. Кадия опять прикрыла амулет ладонью, вздрогнув от прикосновения к горячему янтарю. Но нельзя было допустить, чтобы его сияние заметили из комнаты. Насколько надежным укрытием окажется панель? Но им обязательно надо было выяснить, что происходит здесь. В этом Кадия не сомневалась.

И вот из двери слева от них — единственного входа в эту комнату без окон — появилась жуткая фигура.

Переступая с одной когтистой лапы на другую, к центру направлялся скритек. На голову ящерицы был водружен череп, похожий на его собственный, но только огромный, словно бы от вымершего гигантского скритека. Гребень этого странного головного убора был выкрашен в красный цвет, а в глазницы помещены светляки, которыми пользовались для освещения все обитатели болот.

Кроме черепа, служившего, видимо, короной, на скритеке, по обычаю его племени, надето было очень мало. Чешуйчатые плечи пересекали два ремня, скрещивавшиеся на груди и спине. На них были тесно подвешены кости, гремевшие при каждом его шаге. Третий ремень, вырезанный, видимо, из чьей-то шкуры с мехом, перепоясывал брюхо топителя. К нему был подвешен меч, а также большая сумка. В одной руке скритек держал посох с укрепленным на нем еще одним черепом — человеческим.

Дойдя до середины комнаты, скритек повернулся к стене, поднял этот посох, знак своего достоинства, а затем начал стучать им по полу в такт хриплому бормотанию, вырывавшемуся из его клыкастой пасти. Видимо, решила Кадия, он совершает какой-то обряд.

Комнату заполнила вонь, которая усилилась, когда вошли еще два смердящих скритека. Головы их не украшались черепами, а вместо посохов они держали грубо сделанные копыя. Оба вошедших встали спиной почти вплотную к панели, за которой скрывались Кадия и ее спутники.

Их увенчанный черепом вожак продолжал стучать и бормотать нараспев. В комнату вошел еще кто-то. Высохшая, пораженная желтой заразой фигура, которую Кадия видела в чаше, пошатываясь, вступила в самое освещенное место. Через некоторое время следом за ней вошли еще четыре скритека с копиями.

Исходящая от них вонь, не говоря уж о смраде зараженного, по мнению Кадии, перебивала запах ее оддлингов, и плюс к тому его скрывал аромат мази из душистых трав, которой они ежедневно натирались от жалящих насекомых. Как бы то ни было, она не заметила никаких признаков, что компания врагов заподозрила их присутствие за панелью.

Испустив заключительный громкий рык, скритек с черепом стукнул посохом в последний раз и обернулся к больному. Тот выглядел ужаснее болотных демонов, но было件нятно, что прежде он обладал красотой статуй, которые Кадия видела в городе.

А теперь он был согбен, почти как Салин. Его изъеденная гнойниками голова походила на обтянутый кожей череп.

Однако едва он сделал еще шаг, как вождь скритеков упал на колени, а затем простерся перед ним ниц.

Урод остановился и пошатнулся, очевидно, ему было нелегко удерживать равновесие. Одна рука его конвульсивно дернулась, и во все стороны разлетелись желтые брызги.

Голову Кадии пронзила резкая боль, и девушка чуть не ударилась о панель, но Джеган успел поддержать ее. Ей показалось, что в голове у нее раздается невыносимый вой. До крови закусив губу, она попыталась заблокировать мозг от чудовища в комнате.

Распростертый на полу скритек судорожно извивался, возможно испытывая те же муки, что и Кадия. Урод смотрел на своего прислужника глазами, почти скрытыми дряблыми складками век. Он дрыгнул ногой, пинком отбросил посох с черепом и, шатаясь, шагнул к стене.

С видимым усилием зараженный выпрямился. Обе брызжащие ядом руки протянулись вперед, сгнившие до костей пальцы прикоснулись в четырех местах к завитушкам сложного узора.

Раздался жалобный скрип, точно камень противился тому, к чему его принуждали. Затем в стене появилась щель. Из нее хлынул свет, багровый, как языки пламени. Урод с трудом шагнул раз, другой, багряное сияние сомкнулось вокруг него, и он исчез.

Распростертый на полу скритек встал на четвереньки, голова ящера повернулась к стене, за которой исчезли и сияние, и тот, кто его вызвал. Затем жрец (если это был жрец) поднялся на ноги и что-то резко приказал стражам. Они тотчас ушли.

Однако вожак задержался и подошел к закрывшейся стене почти вплотную. В мыслях Кадии возникло нечто иное, чем вой, которым сеятель смерти объяснялся со своими служителями. Этот скритек жаждал узнать тайну и был зол, что ее от него скрыли.

Концом посоха топитель тыкал в завитушки, которые должны были отпереть дверь, — сначала чуть-чуть, потом с силой. Но тщетно. Кадия ощутила растерянность и разгорающуюся злобу.

Наконец скритек оставил бесплодные попытки проникнуть в тайну и вышел из комнаты, сердито стуча посохом по полу.

Кадия отдернула руку от амулета — он обжег ей пальцы. Более того, он повис в воздухе, удерживаемый толь-

ко цепочкой. А ею овладела непреодолимая потребность...

Дверь... надо было открыть эту дверь, преследовать... Остатки благоразумия понуждали ее остановиться.

— Джеган... Салин...— Ей нужна была их поддержка, помощь, чтобы разобраться в непонятном стремлении, овладевшем ею.

Пророчица...— Слова охотника звучали у нее в мозгу, и она ухватилась за них.— *Это место Великой Силы!*

— Да,— согласилась Салин.— Однако, королевская дочь, эта Сила сама по себе ни добра, ни зла и может служить и тому и другому.

— Но она поможет или поймает в ловушку? — гневно спросила Кадия.— Что-то толкает меня. Но я не позволю увлечь себя в эту комнату за стеной, пока все не обдумаю.

Ее решимость воспротивилась зову. Как в разгар муссона ее гнало к древнему городу, так теперь неведомая воля понуждала ее выйти за панель, встать перед стеной напротив, последовать за чудовищем, сломавшим древнюю печать.

Кадия пошла вдоль панели, ища способ проникнуть в комнату, не в силах больше сопротивляться чужой воле. Скритеки, правда, ушли, но ведь они могут вернуться! Однако Джеган и уйзгу шагнули за ней, словно подчиняясь тому же принуждению, что и она.

Когда они пробрались в комнату, Джеган со Смайлом подошли не к потайной двери, но к входу, из которого прежде появились скритеки и сеятель смерти. Смайл держал наготове дротик — колючку, обработанную змеиным ядом. Джеган поднял копье.

Шаг за шагом ноги против ее воли несли Кадия вперед. Амулет по-прежнему обжигал ее. Но теперь она ощутила и нечто новое — как будто то накатывалась, то откатывалась волна,— словно что-то рвалось на свободу, терпело неудачу и вновь повторяло попытку.

Девушка старательно обходила желтые пятна на полу, отмечавшие путь губителя. На стене среди завитушек она

заметила такие же фосфоресцирующие пятнышки отравы — след прикосновения костлявых пальцев.

Кадия вытащила из ножен свой меч-талисман. Тот источал тепло, хотя и не жег, как амулет. Она увидела, что веко большого ока поднимается, и повернула рукоять так, чтобы направить око на ядовитые отпечатки пальцев.

Но меч ей не подчинился. Ей не удавалось держать его неподвижно. Луч, вырвавшийся из верхнего глаза, слился с лучами из двух других. Но как ни стискивала она руки, меч наклонялся, поворачивался, вел себя самостоятельно.

Тройной луч упал на стену, но не туда, куда она его направляла. Он выбрал собственную цель. Луч касался завитушек, но только не тех, которые выбрало чудовище.

Вновь раздался тягучий скрип. На нее хлынул свет. Но не темно-бордовый, а яркий, будто солнечный. Он принес с собой еще что-то — благоухание, которым она дышала в саду, где обрела меч, послуживший сейчас ключом.

Золотое сияние поглотило ее, как пламя — сеятеля смерти. Мгновенно комната исчезла. Кадия ахнула. Кажалось, она не могла сделать вдох, словно в этом месте не было воздуха. И еще одно ощущение — она уносилась все выше, выше, кружась, будто ее подхватила буря, сделала своей игрушкой — как муссон играл ветками и листьями, которые срывал с деревьев.

И столь же внезапно она начала опускаться, и ее охватил страх, что она может разбиться. Она судорожно всхлипывала, пытаясь дышать. Затем опасное падение замедлилось. Ее ступни коснулись твердой поверхности. Сила, унесшая ее, теперь позволила ей обрести равновесие.

Но ее глаза по-прежнему слепил золотой блеск, она не видела даже меча, хотя знала, что все еще сжимает его в руке.

Кадия зажмурилась, но все так же ей мерещилось нестерпимое сияние, потом оно поугасло, и она осмелилась открыть глаза. И действительно, золотой блеск померк и словно рассеивался, как туман над болотами.

Она стояла в зале, таком огромном, что дальняя его стена точно находилась в конце улицы. Каменный пол под ее изношенными болотными сапогами был узорчатым, словно ковер, мягкие краски которого бледнели, смешивались в сочетании, приносили облегчение ее утомленным глазам, пока она в них вглядывалась.

На стенах висели полотнища легких тканей с золотыми знаками, такими же, как те, которые она видела в книгохранилище древнего города,— письма, ей неизвестные.

Слева к ней, кудрявась, потянулась струйка голубого дыма, источающего аромат цветов, и она взглянула туда. Там стоял кубический камень, окантованный сине-зеленым металлом Исчезнувших. Видимо, камень был полым, так как из него поднималось растение, подобных которому ей видеть не доводилось. Крепкий стебель был высотой примерно в ее рост, листья длинные, как ее руки, но венчал стебель настоящее чудо.

Цветок с тремя гигантскими лепестками, формой схожий с тем, который она знала с рождения,— знаком ее рода, крохотный бутон которого заключен в ее амулете. Но только цвет был другой, не черный, а золотой, перламутрово переливающийся, точно цветок окунули в радугу.

И пока Кадия созерцала чудесный цветок, он наклонился в ее сторону. Никогда в жизни Кадия не испытывала подобного изумления и благоговения. Она медленно опустила меч, а потом невольно преклонила колени, однако голову продолжала держать высоко — казалось, цветок приковал к себе ее взгляд.

Послышалась звонкая трель. Это голос цветка? Кадия не знала, но тут она готова была поверить любому чуду.

Она вскинула меч, лишенный острия, в почтительном приветствии рукоятью вверх. Все три ока были открыты, но не излучали ничего.

— Великий...— Кадия решила, что перед ней воплощение Силы. Возможно, и неразумное в том смысле, в каком она привыкла понимать разум, но по-своему об-

ладающее жизнью, как ее соплеменники. — Великий, — повторила она. — Меня призвали.

Теперь она взяла меч в одну руку, а другой достала амулет. Янтарь казался золотым, почти как цветок. Внутри него четко вырисовывался Черный Триллиум.

Вновь прозвучала музыкальная трель. Ей стало грустно, что она не способна понять. Не задан ли ей вопрос? И она заговорила в третий раз, отвечая:

— Великий, я — одна из трех принцесс Рувенды, великой страны трясин. Это мне при рождении подарила Великая Волшебница Бина. — Кадия прикоснулась к амулету. — А это, — она подняла меч повыше, — было даровано мне, когда Бина возложила на меня обет, после того как слуги Зла захватили Рувенду. Я пыталась вернуть его, когда мой труд был завершен, но земля, из которой он вырос, не приняла его обратно. И, Великий, он привел меня сюда, когда я выслеживала нового врага. Я Кадия, королевская дочь, но выбрала болота. И всякое Зло, тревожащее их, — моя забота. Великий, нынче я видела, как это Зло прошло передо мной сквозь дверь в стене... О нет!

Кадия стремительно обернулась. Они подошли бесшумно... или цветок так ее заворожил, что она ничего не слышала. Трое...

Ее глаза широко раскрылись.

Исчезнувшие! И не статуи, которым дивишься, о которых грезишь.

Глава 15

Не были они окутаны туманной дымкой, как тот, кто явился ей в саду. Они показались ей такими же живыми, как она сама.

Они были выше ее, как она — выше оддлингов. Оддлинги! Впервые с того мгновения, как она опустилась сквозь золотое марево в храм, Кадия вспомнила про своих спутников. Быстрый взгляд налево, направо убедил ее, что она здесь одна.

Девушка оперлась на меч, но продолжала держать его за лезвие, чтобы не заслонять глаз. Хотя ее сковал благоговейный страх, она вглядывалась в Исчезнувших. Двое мужчин и женщина. Легкие одежды из такой тонкой ткани, что их тела просвечивали сквозь нее. У мужчин на груди и спине перекрещивались две перевязи, сверкавшие белыми и зелеными драгоценными камнями и скрепленные на груди пряжками, тоже украшенными камнями. Пояс, еще больше изукрашенный, удерживал на талии тунику, не достигавшую колен. На ногах серебрились тонкие сапожки.

Женщину, стоявшую чуть сзади, облекало свободное одеяние, скрепленное на плечах широкими брошами из драгоценных камней и перехваченное поясом, столь же изукрашенным, как у мужчин. На ногах у нее были высокие сандалии.

Одежда контрастировала с цветом кожи, темной, как у лаборноццев — жителей равнин, трудившихся под палящим солнцем. Мужчины выглядели безбородыми, но их головы, точно шапочки, покрывали густые, коротко подстриженные кудри. Волосы женщины ниспадали ей на плечи.

Однако Кадью заставили замереть их лица! Из этой троицы двоих она видела прежде — изваянных из камня в лигах и лигах отсюда. Одного она даже могла назвать по имени...

— Ламарил!

Он был живым воплощением статуи, которая, когда ее удалось освободить от брони затвердевшего ила, указала Кадии путь к древнему городу в тот первый раз! Ламарил, по словам Джегана, великий воин, сражавшийся с Тьмой!

Знала она и женщину, хотя не по имени. Ее статуя стояла слева на четвертой ступеньке лестницы, ведущей в сад.

Однако все трое смотрели на нее сурово, Ламарил и женщина нахмурились. Заговорил третий:

— Кто ты, дерзко вторгнувшаяся во Врата?

Его холодный вопрос заставил Кадью очнуться словно бы от сна. Она вздернула подбородок и твердо посмо-

трела на них, хотя одна ее рука еще крепче сжала меч, а другая прикоснулась к амулету.

— Я Кадия, королевская дочь. Мой отец Крейн правил в Цитадели Рувенды. На меня был возложен долг оборонять край трясин от Тьмы. Мы те, кто пришел, после того как вы удалились.

— Край трясин...— повторил он.— Твое имя и твоя страна нам неизвестны, но ты прошла сквозь Врата, словно по полному праву. И мы слышали, как ты лепетала, что последовала сюда за Злом. В этом месте Зла нет!

Теперь заговорил Ламарил:

— Ты назвала мое имя, ты, именующая себя королевской дочерью. Но я никогда прежде тебя не видел. Какие темные чары думала ты сотворить, назвав мое имя?

Его губы гневно сжались, но Кадия не устрасил его холодный взгляд.

— Я видела не тебя, а твое изображение.— Она не знала, каким почетным титулом его величать, но в это мгновение ей было все равно.— Твоя статуя стоит на страже этой земли, хотя давным-давно ее затянуло илом, а очистили ее от грязи враги. Джеган из племени ниссомов называл мне тогда твое имя как великого полководца, который противостоял Тьме в смутные времена.

Суровость внезапно исчезла с его лица, сменяясь удивлением, словно он вдруг услышал, как заговорил камень.

Кадия не замедлила воспользоваться этим, как она решила, небольшим преимуществом.

— А тебя,— обратилась она прямо к женщине,— я называть по имени не могу. Однако и твоя статуя сохранилась в городе с дивным садом, в Месте Знания. Она несет стражу на лестнице, ведущей в этот сад.

— Ялтан! — Женщина шагнула вперед.— Ялтан,— повторила она с нежностью в голосе и, подняв руку, протянула ее к Кадии.— Ты, пришедшая сюда, скажи, что такое Ялтан теперь?

— Забытый город... Нет,— поправила девушка,— забытый многими. Но обитаемый. Его жители называют себя хасситти и стараются сохранять в целости все, что осталось. В саду там...— Кадия подняла меч,— возрос вот он.

Бина, Великая Волшебница, заклала меня и моих сестер в миг нашего рождения стать спасительницами Рувенды. Она дала мне корень, который привел меня в город, и там я посадила его в вечно плодоносном саду. И вырос меч. И меч этот стал третьей частью могущественного талисмана, спасшего нашу страну. Каждая из нас нашла его часть, и Харамис, моя сестра, ставшая преемницей Бины, соединила их в необоримое целое. Сослужив свою службу, оно вновь разделилось, и каждая из нас получила то, что нашла, подчинившись своему обету. Что-то властно приказывало мне вернуть меч в сад, но когда я воткнула его там в землю, он не изменился. И я поняла, что свое предназначение он еще не свершил и свой долг я тоже исполнила не до конца.

Она говорила все быстрее и быстрее, словно понуждаемая открыть им все.

— Великая Волшебница Бина! — сказал мужчина, первым заговоривший с ней. — Та, что предпочла остаться. Ты ее видела?

— Она возложила на меня обет. Но ее власти подходил конец. Последняя попытка отразить Тьму слишком ее ослабила. Она избрала своей преемницей мою сестру Харамис и скончалась.

— Бина! — Мужчина неуверенно прижал руку к виску. — Ее имя... не забыто здесь.

— Ты сказала, что пришла сюда следом за Злом! Но это не может быть правдой... — К Кадии вновь обратился Ламарил. — Как ты отыскала Врата? И для чего?

Девушка покраснела. Его нескрываемое недоверие больно ее уязвило.

Решительно обуздав свою нетерпеливую вспыльчивость, Кадия начала свой рассказ с находки полосы пергамента с древним предупреждением и с тревоги сновидца хасситти. Шаг за шагом описала она, как отправилась с Джеганом в его селение, появление Салин со Смайлом и то, что они увидели в чаше ведуньи. Она заметила, что трое ее слушателей становятся все внимательнее. Когда она упомянула западные горы, рука Ламарила метнулась к поясу, словно он схватился за оружие.

Когда же она рассказала про «желтую смерть», выражение их лиц изменилось. В глазах женщины мелькнул ужас. Но они ее не прервали, и Кадия торопливо изложила, что произошло в комнате с резными стенами.

— Вот так я попала сюда,— завершила она свое повествование.

Ламарил отнял руку от пояса и протянул к Кадии — вернее, к мечу. Прозвучала трель, которую она слышала раньше. Огромный золотой цветок всколыхнулся. С его лепестков слетело облачко радужных пылинок. Они, кружась, опустились на рукоять ее меча, засверкав по краям век всех глаз.

— Он был красным... свет, который встретил зараженного,— красным.

Хотя слова эти не содержали вопроса, Кадия ответила женщине:

— Словно пламя костра, которое обволокло его... и втянуло внутрь. Но я прикасалась к другим местам. Он,— она приподняла меч,— выбирал их для меня.

— В убежище Варма,— сказал Ламарил,— один из спящих... пробудился?

— Я никаких спящих не знаю,— ответила Кадия, подумав, что вопрос был обращен к ней.— Хасситти говорили, что Сила, которую призвал Орогастус, могла нарушить равновесие и высвободить какое-то Зло до того, как тройной талисман уничтожил самого Орогастуса. Я владела небольшой Силой, но в подобных вещах я осведомлена плохо. Я не понимаю их, хотя с рождения была выбрана Биной для служения моему народу.

Возможно, он ее не слушал, а просто рассуждал вслух.

— У Варма есть Сила, и большая, как мы убедились, когда столкнулись с ним прежде. Королевская дочь! — Вот теперь он обратился прямо к Кадии: — По твоим словам, что-то послало тебя, влекло и привело к Тому, Что Пребывает Вечно.— Он взглянул на цветок.— Он принял тебя, далее сомневаться нельзя.

Кадия вздохнула с облегчением. И вновь вспомнила трех одлингов, которые не последовали за ней сюда. Остались ли они в святилище, охраняемом скритеками, или

перенеслись куда-то еще? Как мало осведомлена она в магических знаниях! Джеган, Салин и Смайл разделяли с ней ее поиски, и она не может бросить их, обречь на смерть!

Девушка смело спросила:

— Те, что пришли со мной, — они все еще остаются там? Или их захватили и куда-нибудь утащили? Они — мои спутники, и я обязана защищать их.

Женщина покачала головой:

— Войти сюда с тобой им дано не было. Тебе вход открылся только потому, что с тобой дар Ялтана. — Она указала на меч. — Они остались там.

— Джеган не успокоится! Он будет искать путь сюда, и, возможно, его схватят скритеки. Если ваши Врата открылись, чтобы впустить меня, они, конечно, откроются снова, чтобы я вернулась к моим спутникам. Чудовища, за которым я шла, тут нет, а ведь ищу я его!

Теперь головой покачал Ламарил:

— Королевская дочь, Врата мы можем открыть, лишь когда на это согласятся все и соединят свои усилия. Они останутся до тех пор запертыми.

Кадия не сомневалась, что он сказал правду. Благоговение — и страх, рожденный этим благоговением, — которое охватило ее при виде этих троих, возрастало, хотя и чуть поутихло, пока она рассказывала свою историю. Так пути назад нет? Она ощущала жар амулета, вибрацию Силы в мече. Она еще не была готова смириться с тем, что должна остаться тут.

Однако она последовала за ними, когда они прошли в глубину зала. Ее промокшие сапоги громко чавкали по узорчатому полу, и Кадия вдруг сообразила, как жалко должна она выглядеть в этой обители света, порядка и красоты. Грязная, потрескавшаяся кольчуга из раковин, помятый шлем, из-под которого выбиваются спутанные пряди волос, — и эта нелепая фигура объявляет себя противником древнего Зла! Кадия больно закусил губу и постаралась идти в ногу с этими тремя, хотя они были выше ее и ступали изящно и быстро.

Выход из длинного зала вел прямо наружу, и Кадия увидела залитые теплым солнцем просторы под ясным небом без единой тучи. По равнине, точно горсть небрежно оброненных раковин, были разбросаны здания ослепительно белого цвета с перламутровым отливом. Ничего похожего на улицы Ялтана. Их разделяли цветники и кусты с яркими листьями.

По дорожкам между зданиями ходили люди, которые, увидев Кадия и ее эскорт, начали приближаться к ним. Исчезнувшие смотрели на нее с тем же удивлением, какое испытала она, встретив в храме первых трех.

Они безмолвствовали, но Кадия почувствовала в голове словно дальний ропот и решила, что они пользуются незнакомым ей видом мысленной речи. Толпа расступилась перед ней и теми, кто ее сопровождал, но некоторые пошли следом. Девушка вглядывалась в их лица: не видела ли она кого-нибудь среди статуй в Ялтане.

И действительно, она узнала еще одну женщину. Тем временем они приблизились к зданию, почти такому же внушительному на вид, как то, которое хасситти в Ялтане выбрали для своего обитания и хранилищ. Однако стены этого не были оплетены лианами, а перед входом был ухоженный цветник. Лицо ей овеял теплый ветерок, напоенный благоуханием. Ее восхищение росло. Исчезнувшие, о которых было создано столько сказаний, оказывается, удалились в край такой красоты, какую она и вообразить не могла!

Дверей в здании как будто не было. Ламарил вышел вперед и приложил ладонь к сверкающей дощечке, вделанной в стену рядом с порталом. Прозвучала короткая мелодия.

Кадия увидела только сплошное сине-зеленое мерцание, преграждавшее вход. Не успела смолкнуть музыка, как эта завеса (Кадия сочла мерцающее полотнище завесой) раздвинулась, и они смогли войти.

Перед ними был широкий коридор с дверными проемами по сторонам. Все с занавесами из света, насколько ей было видно, всех оттенков — от темно-синего до

светло-зеленого. Одна из них в дальнем конце коридора раздвинулась, и из двери навстречу им вышли двое.

Исчезнувшие, которые встретили ее в храме, внушали благоговейный страх, но эти были воплощением высочайшей, но сдерживаемой Силы. Кадия пошатнулась и упала на колени. Она всегда чувствовала, что Великим Волшебникам следовало воздавать высшие почести, а эти, мужчина и женщина, выглядели так, что сама Бина могла бы служить им. Излучаемая ими Сила действовала на нее, точно лучи полуденного солнца в разгар сухого сезона.

На мече в ее руке три глаза, обведенные сияющей пылью, которую стряхнул на них цветок, были широко открыты и устремлены на дивную пару, точно талисман узнал власть, его подчиняющую. Амулет на груди пылал янтарным огнем. Однако Кадия ощущала себя ничтожной, хотя, подумалось ей, она ведь не притворялась чем-то большим, чем была на самом деле.

— Дочь земли, откуда мы удалились,— заговорила женщина,— зачем ты явилась тревожить нас? Мы покинули землю, ибо так было справедливо; упрямая гордость и темные страсти ее обитателей обрекли нас на изгнание. Мы покинули тех, чьими жизнями руководили, чтобы они могли выбирать сами — жить в мире или нет.

Кадия не смела поднять глаза на говорящую.

— Великая, быть может, в прошлом и был сделан выбор, но сейчас мира там нет. Носитель Зла, который выглядит похожим на вас, но обезображен мерзким недугом, посеял на земле смерть, с которой те, кого вы оставили там, бороться не могут. Следуя за ним, я попала в эту вашу обитель. Хотя не понимаю, как подобный может разделять ее с вами.

— Его здесь нет,— ответил мужчина.— Исчадие Варма вернулось к своему господину, и вошел он не в наши Врата. Однако слугитель Варма зашевелился. Дочь новых земель, отдохни и не тревожься. Нам теперь надобно поразмыслить.

И они исчезли — исчезли, словно задутые огоньки свечи, хотя Кадия не сомневалась, что были они из плоти и

крови, как она сама. Девушка, стоя на коленях, смотрела на место, где они только что были.

Точно так же растворилась в пространстве туманная фигура, которую она встретила тогда в саду.

К ее плечу кто-то прикоснулся. Она оглянулась и увидела женщину, проводившую ее сюда.

— Королевская дочь, идем. Тебя ждут еда и отдых. Поистине, подумать нужно о многом.

Кадия с трудом поднялась на ноги. Сияние амулета померкло, глаза на рукояти полузакрылись. Сила, заставившая их открыться, могла оставить их, однако девушка не испытывала обычной слабости, какая охватывала ее, когда она прибегала к помощи амулета. Но ее томила усталость. Она вспомнила, что не ела уже очень давно, и все тело ее ныло.

Женщина провела ее по коридору к двери с зеленой завесой, исчезнувшей при их приближении.

Кадия привыкла к удобствам королевских покоев в Цитадели, хотя и считала их излишне изнеживающими. Но они не шли ни в какое сравнение с тем, что она нашла тут.

Девушка опустилась в ванну в форме раковины, куда перед этим женщина бросила горсть порошка, образовавшего пену, целительную для ссадин, царапин и прочих следов тяжелого пути.

Она расслабилась в приятной истоме, а женщина села рядом на табурет и, кивнув в ответ на благодарные слова Кадии, сказала:

— Расскажи мне про Ялтан, пришелица. Я — Лалан и некогда принадлежала к внутренней страже. Иногда мне снится, что я брожу по улицам, спускаюсь в сад...— Ее голос замер.

— Город таит в себе волшебство,— начала Кадия.— Издали он кажется такими же развалинами, какие сохранились на многих островах. Но стоит войти в ворота,— она запнулась,— и кажется, будто он ждет хозяев, как ждут хасситти.

— Хасситти! — Тоска исчезла с лица женщины, ее губы изогнулись в легкой улыбке.— Эти малыши! Они все-

гда были рядом, готовые к забавным выходкам, которые вызывали смех, когда на сердце было тяжело. Так что теперь с хасситти, королевская дочь?

Кадия вновь рассказала о своей встрече с обитателями Ялтана, но на этот раз с мельчайшими подробностями, и всячески хвалила усердие, с каким они старались сберечь все, по их мнению, ценное, что принадлежало покинувшим город.

Лалан кивнула:

— Такими они были всегда... рачительными хранителями вещей. Жаль, что мы не могли взять их с собой. Без их веселой игривости как-то пусто.

— А взять их было нельзя?

Лалан покачала головой:

— Врата не впустили бы никого иной крови. Мы избрали изгнание ради блага тех, кого ты называешь оддлингами, а также хасситти. Мы взрастили их из странного семени, и настало время, когда им следовало расти без ухода, чтобы стать тем, кем суждено было стать.

— Но Врата впустили меня! — сказала Кадия, выйдя из ванны и вытирая мокрые волосы.

— Да. И это непонятно, — ответила Лалан, протягивая девушке такое же легкое одеяние, какое носила сама, но не белое, а серебристо-серое, как утренний туман, поднимающийся с реки. Броши на плечах были из серебра и украшены камнями в форме пузырьков — прозрачными, но с крохотными радугами внутри. Кадия отложила в сторону пояс из металлических звеньев и предпочла свою старую перевязь с мечом. Голод она утолила угощением вроде того, что предлагали ей хасситти, — плодами и вкусным кремом.

Когда Кадия насытилась, Лалан, разделившая ее трапезу, снова начала расспрашивать ее про край болот. Быть может, подумала девушка, не из простого любопытства, а с какой-то целью.

Но у Кадии был и свой вопрос:

— Великие все покинули Ялтан? Я, кажется, встретила там одного из них... Он говорил о знаниях, которые

нужно обрести. Было это наяву, или во сне, или я разговаривала с тенью?

Лалан непритворно удивилась.

— Расскажи подробнее! — потребовала она, и Кадия подчинилась.

Когда она закончила, Лалан глубоко вздохнула.

— Значит, Карнот преуспел в этом. Но чтобы оно действовало так долго...— Она опять вздохнула.— Он был из тех, кто отказывался верить, что наше время вправду миновало. И поклялся, что за нами придут другие, достойные нас. Почти до самого конца он трудился — а его Сила и знания были редкостными. Он старался в помощь тем, кто придет,— если они будут детьми Света.— Она внимательно всмотрелась в Кадия.— Так его вестник явился тебе?

— Только однажды,— ответила девушка.— Я надеялась, что, посетив Ялтан второй раз, снова его увижу, но тщетно.

— Сила истощается со временем. Быть может, одна встреча уничтожила творение Карнота. На его создание у него было мало времени, так как он получил смертельную рану и погиб еще до нашего ухода. Тем не менее труд оправдал себя: так ты нашла путь, который привел тебя к нам... Ну, довольно разговоров: ты ведь утомлена, пришелица. Отдыхай.

Снаружи уже смеркалось, и она проводила Кадия в другую комнату, узкую, но с открытым окном, впускавшим душистый воздух. Там стояло ложе из мягких тюфяков.

Положив рядом меч, Кадия погрузилась в мягкий пуховик, прошептала слова благодарности Лалан, и ее веки сомкнулись.

Глава 16

Все было красным, как свежепролитая кровь, как чудовищный дождь, выпавший после небесной битвы. И в этом кровавом дожде двигались существа в багряной

одежде — и звуки, слишком тихие, чтобы улавливать слова, и все же многозначительные.

Кровавая завеса непрестанно колыхалась и, казалось, закрывала доступ воздуха, так что было трудно дышать. И тут Кадия обрела способность видеть — колышущееся пламя перестало ее ослеплять.

Она смотрела в провал мрака, где огромные тени тяжело повисли с трех сторон над огромным троном. На нем горбилась фигура с упавшей на грудь головой, точно у нее не было сил поднять ее. Руки бессильно лежали на подлокотниках. Изможденное тело не было ничем укрыто, если не считать пятен желтой коросты, казалось, прячущих незаживающие гниющие раны.

Кадия знала, что видит того, кого они выслеживали по смрадной дороге «желтой смерти». Тело выглядело столь безжизненным, что девушка приняла его за мертвеца.

Трон под ним начал наливаться краснотой, точно разгорающаяся головня. Свечение становилось все более ярким, но не разгоняло сумрак, а словно бы притягивало его. Фигура на пылающем троне извивалась, голова то вскидывалась, то поникала. Незрячие глаза открылись, рот, лишенный губ, скривился. Существо вопило от муки, но слышался лишь еле различимый странный напев.

Огонь как будто начинал преобразать сидящего. Желтая короста потемнела, исчезла, сгорев. Тощее туловище начало оживать, там, где только что кожа обтягивала кости, появились мышцы. Сведенная судорогой челюсть расслабилась, рот закрылся. А глаза словно бы вновь начали видеть.

Теперь на троне сидел, выпрямившись и разглядывая свои руки, точно любуясь их обновлением, один из Исчезнувших. И в нем ощущалась та же внушающая благоговение Сила, которую Кадия почувствовала в тех двоих, что властвовали за стеной.

Потому что это было совсем иное место, далекое от храма золотого цветка и комнаты, где она заснула. Кадия понимала, что спит, но не сомневалась, что видит происходящее наяву.

Мужчину на горящем троне накрыла тень. Он схватил ее, прижал к себе — и облекся в чешуйчатый панцирь, похожий на доспехи одлингов, но только глянцево-черный, при каждом движении отливавший багряными отблесками огня.

Он вновь протянул руку к тени и оторвал клоч мрака. Теперь он сжимал в руке жезл длиной примерно в треть копыя. На верхушке жезла возник зыбкий шар, который вскоре застыл в форме черепа — миниатюрной копии того, который служил короной скритеку — вождю или жрецу.

Глазницы черепа пылали тем же багровым огнем, что и трон. Мужчина высоко поднял жезл в торжествующем жесте. Он встал, и трон, его преобразивший, сразу начал тускнеть и вскоре стал пепельно-серым.

Теперь он, держа жезл в обеих руках, поднес его ко рту, подул в открытые челюсти черепа, а потом быстро повернул. Из челюстей вырвался зеленовато-желтый луч... того же цвета, что и «желтая смерть».

Луч был направлен прямо на Кадю. Властитель с жезлом уловил ее присутствие? Впрочем, если он намеревался поразить ее, у него ничего не получилось.

Вновь огненная вспышка, и полный мрак. Легкий ветерок коснулся ее щеки, и Кадия открыла глаза — в той же комнате, в какой уснула. За окном землю окутывали мягкие сумерки. Кадия встала посмотреть, какой из него открывается вид. Сад. Такой безмятежный в вечерней дымке. Внезапно Кадия почувствовала, что не может оставаться в четырех стенах, что ее неотразимо влечет этот приют спокойствия и красоты.

Приют покоя и красоты, такой далекий от обитателя мрака и огня, где некто только что получил новую жизнь и опасное мощное оружие.

Она знала, что это был вещий сон, про который твердили хасситти, и он, как чаша Салин, показал ей, что происходило вдали отсюда. Да, она видела то, что случилось на самом деле.

Чистота, свежесть и мир призывали ее так властно, что Кадия, пренебрегая дверью, выпрыгнула в окно. Ее бо-

сые ноги ступали по пружинящему ковру густой травы, вокруг высокие густые цветущие кусты чуть колыхались от дуновений вечернего ветерка. Девушка остановилась, глубоко вдыхая душистый воздух.

Кадия знала, что должна рассказать о том, что видела, тем, кто оказал ей гостеприимство, но ей очень не хотелось этого делать. Будто открывшееся ей зрелище заставило прикоснуться к грязи. Невозможно было проникнуть сквозь кровавое пламя, взглянуть на Силу, воплотившуюся на этом троне, и остаться незапятнанной.

Девушка шагнула вперед. Стоило ей вспомнить — и она вновь как бы ощутила омерзительный смрад «желтой смерти». И, наклонившись, она погрузила лицо в большой цветок, вдыхая его аромат. Искрящееся насекомое, совсем такое же, как в саду Ялтана, опустилось к ней на руку и затрепетало крылышками, сверкающими, точно драгоценные камни.

— Да! — вдруг громко сказала Кадия. — Да! Это... — Она запнулась в поисках слова, которое выразило бы все, что она чувствовала в этот миг.

— Что — это, королевская дочь?

Внезапно раздавшийся голос заставил Кадия вздрогнуть. Ее рука опустилась на меч, который она не забыла прицепить к поясу, прежде чем покинуть спальню. Человек вышел из-за высокого куста и остановился, глядя на нее, как ей показалось, с вызовом.

— Ламарил!

Он бесшумно приблизился к ней и, прежде чем она успела догадаться о его намерении, приподнял ее голову за подбородок, чтобы посмотреть ей прямо в глаза.

— Ты продолжаешь называть мое имя, королевская дочь. Или ты задумала каким-то образом заняться колдовством? Что тебе известно о том, как употреблять Силу?

— Почти ничего. — Резким движением она высвободилась из его пальцев. Обретенный было душевный покой покинул ее. — Зачем мне заколдовывать тебя, воин?

— Расскажи о моем подобии, которое ты видела.

В нескольких словах Кадия поведала, как они с Джеганом на забытой дороге увидели занесенные илом бугры. Последний, раскопанный, скрывал статую, указывающую путь к Ялтану.

— Джегану известны старинные предания,— заключила она.— Он сказал мне, что в последней битве ты показал себя могучим героем.

В первый раз она увидела его улыбку — его губы чуть-чуть изогнулись, как губы Лалан, когда были упомянуты хасситти.

— Немногим дано узнать правду,— заметил он.— Впрочем, древние сказания порой искажают все до неузнаваемости... Итак, дозорные еще стоят на своем посту, пусть их всех и затянуло илом. Невольно задумаешься. Эроус, Гуерс, Исьят, Фаэль и я... последний из них.

— Есть и другие. В городе на лестнице, ведущей в чудесный сад,— сказала Кадия.— Мужчины и женщины. Они тоже стражи?

Улыбка исчезла с его губ, он кивнул.

— Да,— произнес он тихо, и его взгляд обратился куда-то вдаль.— Нас было много, а потом... потом осталось мало — тех, кто пробился к Вратам. В конце восстала сама земля и вышвырнула нас всех вон. Тьму и Свет вместе. Королевская дочь...

— Меня зовут Кадия,— перебила она.— Если в именах заключена какая-то Сила, я даю мое для честного обмена.

Вновь легкая улыбка тронула его губы.

— Кадия! — Он повторил ее имя, словно пробуя его на вкус.— Необычное имя, но ты носишь его гордо, Носительница Силы. А теперь расскажи мне про старые земли. Наверное, они сильно изменились.

— Сперва ответь мне,— возразила она,— где стоит огненное кресло, в которое может сесть умирающий и встать здоровым?

Улыбка исчезла. Золотые глаза сузились.

— Что ты знаешь о Варме?

— Ничего. Только его имя, которое назвали здесь. Но я увидела сон, по-моему, вещий,— так, словно смотрела

в волшебную чашу.— И она рассказала ему о том, что узрела в том месте огня и теней.

— Так! — Его голос прозвучал странно, словно тоскливо.— Оно снова восстает. Быть может, эта борьба бесконечна. Однако Уоно и Лика должны немедленно узнать об этом. Идем! — Он взял ее за плечо и повел по дорожке через сад к входу в здание, которое она покинула не общепринятым способом.

На этот раз он нетерпеливо забарабанил пальцами по входной дощечке, и раздавшийся звук был густым и властным, требовавшим немедленного отклика.

Кадия не пыталась высвободиться из его хватки, понимая, что дело действительно важное. И еще она чувствовала, что в эту минуту Ламарил будет ей такой же опорой, как Джеган.

Вновь она оказалась перед парой, приветливо ее принявшей, и вновь рассказала свой сон, замечая, что они обмениваются многозначительными взглядами.

Когда она умолкла, мужчина сказал почти с такой же тоской, которая прозвучала в голосе Ламарила:

— Опять! Неужели этому не будет конца?

— А возможен ли конец? — спросила женщина.— У всего есть своя противоположность, и равновесие сохраняется. Где Свет, там и Тьма, быть может, для того, чтобы лучше узнать Свет. Но как бы то ни было, Сила Варма пробудилась, и думается мне, поле битвы вновь ждет нас. Одно лишь пока определено: Врата закрыты.

— И Врата не откроются ни для кого! — объявил мужчина, но Ламарил перебил его:

— А Хранители?

— Это задача для...— Ответ предназначался не воину. Женщина смотрела прямо на Кадия строгим оценивающим взглядом, и девушка напряглась, словно ожидая нападения.

— Это осуществимо...— задумчиво произнес мужчина и тоже посмотрел на девушку.

Кадия ждала, что последует дальше, а ее благоговение перед ними поугасло.

— Благороднейшие, меня влекло сюда для выполнения какой-то задачи? А теперь вы медлите сказать мне — какой? Трясины я избрала по доброй воле. Теперь на них обрушились «желтая смерть» и, может быть, другие бедствия. Пока меч у меня и я не чувствую, что его надо вернуть в Ялтан, я должна следовать по пути, который он указывает.

Но они продолжали оценивающе смотреть на нее.

— Ты принадлежишь к поколению людей, нам неизвестному,— медленно сказала женщина.— Видимо, вы каким-то образом сделали старые земли своими. Если Бина покровительствовала вам, значит, она сочла вас достойными. Расскажи нам подробнее, королевская дочь, о своем народе и о старых землях. Ибо речь идет о деле, с которым нельзя торопиться.

Хотя в детстве Кадия предпочитала бродить с Джеганом, а не корпеть над древними свитками, историю своего народа ей все-таки выучить пришлось. И теперь она попыталась привести в порядок все запомнившиеся ей сведения. О том, как ее народ прибыл из-за моря и завладел болотами, надежно огражденными стеной гор на востоке и западе, а с юга — дремучим Тассалейским лесом.

Она рассказала, как на севере болота осушили и превратили в плодородные поля, о том, как они ладили с оддлингами, о ярмарке в Тревисте, об уважении ее народа к обитателям болот, об узах дружбы, нередко их связывающих.

— Мы не великий народ,— продолжала она, хотя их взгляды встречала как равная,— но землям принесли пользу. Где могли, мы противостояли Тьме. Ниссомы с нами приветливы, уйзгу не считают врагами. В их владениях мы бываем только ради торговли, а наши открыты для них. Сражаемся мы только со скритеками, но ведь и все обитатели трясин держат наготове оружие против них.

Кадия постаралась описать картину двора ее отца в Цитадели, поведала о том, как Великая Волшебница Бина посетила Цитадель, когда родились она и ее сестры, чтобы одарить каждую амулетом Силы.

Тут на девушку нахлынули воспоминания о кровопролитии, жестоких убийствах, прочих ужасах, и она пове-
ла рассказ о нападении лаборнокцев, о свирепой беспощадности Волтрика и его могущественного советника Орогастуса. Она говорила о поисках своих сестер, Харамис и Анигель, которые завершились битвой великих Сил, чуть не сокрушившей весь известный им мир.

Говорила она долго. Дважды Ламарил подносил ей чашу, и она с благодарностью увлажняла пересохшее горло.

За окном сгущалась ночная темнота, но на стенах комнаты под самым потолком засияли огни, и она хорошо видела лица своих слушателей.

— О том, как я вернулась в ваш Ялтан и что случилось там, вы уже слышали. И о том, что сейчас происходит в трясинах.

— Ялтан...— повторила женщина по имени Лика, и ее голос смягчился.— Ялтан, где мы оставили прощальные дары в вечно струящейся воде...— Она протянула руку к Кадии.— Скажи, пришедшая к нам, что сейчас с Ялтаном?

— Город не разграблен.— Кадия вспомнила сокровища в чаше фонтана.— Ваши дары, Благороднейшая, лежат никем не тронутые. В нем есть обитатели. Они называют себя хасситти, и они старались и стараются сохранить все, что там осталось. И сам...— Тут Кадия подняла меч, чтобы он был виден весь.— Он родился в этом саду. Великая Волшебница Бина избрала меня и моих сестер быть спасительницами Рувенды. И дала мне корень, который привел меня в Ялтан, и я посадила его в саду. И из корня выросло то, что вы видите. Третья часть могучего талисмана, спасшего нашу страну. Но больше я ничего там не взяла.— Ей вспомнилось ожерелье в фонтане.

Женщина провела рукой по лбу.

— Столько нового... столько странного, словно речь идет не о тех землях, которые мы знали когда-то.

— Все это — правда! — Кадия отпила из чаши и отняла ее от губ. Вода? Пожалуй, хотя с незнакомым привкусом, пряным, но освежающим усталое горло.

— Мы в этом не сомневаемся, королевская дочь. Теперь правдой стала твоя правда. Но часть ее связана с иной, более темной и грозной правдой. Мы — те люди, которые всегда искали знания. Тайны были вырваны у земли, из источника самой жизни. Мы могли повелевать скалами, морем, ветрами. Мы искали... быть может, слишком уж жадно. И слишком увлеклись Силами, которые обрели. Мы вмешивались в законы природы... Мы создали тех, кого вы называете оддлингами. И хасситти. Мы изменяли рост растений, чтобы получать плоды или услаждать зрение. Однако,— продолжала она, помолчав,— Сила привлекает Силу. А владеющие Силой ненасытны и вечно ищут, как ее увеличить. И некоторые среди нас начали создавать новую природу и энергию. Сила восстала на Силу. Другие вовремя спохватились и поняли, куда ведут эти исследования и действия. Была война...

Она снова умолкла, и ее губы сморщились, словно она взяла в рот что-то очень горькое.

— Тогда мы узнали Тьму, обратную сторону Силы. Суша была раздроблена, вода хлынула, покрывая ее. Страна изменилась, возникли трясины. Те, кто жаждал Тьмы, дали волю своим созданиям — скритекам и растениям, которые убивают и пожирают свою добычу. Города захватывались врагами и гибли, но мы продолжали борьбу — мощь против мощи, вырывая новые тайны у земли под нами и у неба в вышине. Под конец нас повсюду сопровождала смерть. Некоторые исчадия Тьмы, применившие худшие из Черных Знаний, оставались неуязвимыми. Их была горстка. Избегая последнего боя, они укрылись в горах. Там они приготовили себе надежное убежище. Среди них был могучий провидец по имени Варм.

Это имя она произнесла с испепеляющей ненавистью.

— Но его и их это не спасло, ибо мы уже наложили на них проклятие. Если бы они вышли из своего тайника, на них обрушились бы все болезни мира, они истлели бы заживо. Все они, кроме Варма и двух его учеников, затворились там и легли в гробницы, чтобы проспать до

предсказанного Вармом дня, когда, как заверил он, власть над миром вернется к ним. Наш передовой отряд почти настиг их, но когда он добрался до горного убежища, Варм и два его приспешника уже скрылись. Тем не менее наши наложили на этот приют спящей смерти нерушимое заклятие, которое, по их расчетам, должно было действовать вечно.

Она помолчала.

— У Варма было еще одно свое потаенное место. Тем, кто не имеет наших знаний, это трудно понять. Ты прошла сквозь преграду — преграду из времени и пространства. Это место находится вне твоего мира, и мы, решившиеся удалиться сюда, не можем вернуться. Варм нашел себе такой же приют, воспользовавшись собственной Силой. Но он принадлежал Тьме, а не Свету, и оказался не здесь... Нам остается прийти к заключению, что кто-то из спящих сном смерти выбрался из заточения и отправился на поиски Варма, чтобы узнать от него, как освободить остальных.

Ламарил подошел к Кадии и ласково коснулся ее плеча:

— Кадия, расскажи еще раз свой сон.

— Не думаю, что это был сон, — медленно произнесла девушка. — Дальновидением я не наделена, хотя способна видеть образы в чаше. Но еще раз клянусь, я все это видела, пока спала.

И она повторила свой рассказ, стараясь не упустить ни одной подробности, касавшейся огненного кресла и того, кто сидел в нем.

Прежде чем ее слушатели успели что-то сказать, Кадия задала вопрос и почти потребовала ответа на него.

— Вы сказали, что не можете вернуться в трясины. А этот сторонник Варма смог? И сам Варм сможет? Мы все еще залечиваем раны, оставленные войной. Так предстоит ли нам сразиться с еще более сильным врагом?

Не один вопрос, а несколько, и, ожидая ответа, она вновь ощутила глубоко внутри себя привычный тягостный холод.

— Королевская дочь! — первым заговорил мужчина, Уоно.— Наши с Вармом дороги давно разошлись в разные стороны. Мы смирились с тем, что возврата нет. Возможно, он попытался найти способ вернуться. Или же слугитель, которого он призвал к себе, был заранее подготовлен для возвращения.

Кадия смотрела на них с пристальным вниманием. От прежнего благоговейного страха не осталось и следа.

— Благоднейшие, хотите ли вы сказать, что не сможете оказать нам никакой помощи? И мы лишимся наших земель и самой жизни, уступив их этой ползучей «желтой смерти» Тьмы? Думаю, что даже Харамис со всей ее ученостью не сумеет найти оружия против этого Зла!

— Есть способ...— Вновь она увидела, что Ламарил стоит рядом с ней.— Быть может, Безмолвные были оставлены ради этой цели? И вот та, кто может призвать их, если вы того пожелаете.

Лица решительно кивнула:

— Это Зло возникло из-за нас. И мы не можем остаться в стороне, если оно вновь распространяется. Некогда была произнесена клятва. Командующий синдонами,— она обратилась к Ламарилу,— ты хочешь сдержать ее?

— Да, Лица, как и все те, кто связал себя клятвой.

Глава 17

Кадия переминалась с ноги на ногу. Она распростилась с выдавшей виды кольчугой из раковин, с помятым шлемом, со всей своей изношенной дорожной одеждой. Не была она облачена и в полупрозрачное одеяние. Нет, ее плечи плотно облегал кольчуга из звеньев сине-зеленого металла, подобранная на складе Исчезнувших. А ниже — штаны из материала крепче отлично выдубленной кожи, но мягко сгибающегося, как самые тонкие ткани в Цитадели.

Ее рука прижимала к левому боку новый шлем, спереди снабженный полумаской. Надетый, он закрывал

все лицо до рта, а смотреть можно было сквозь прорези со вставленным в них зеленоватым стеклом. По краям шлем опоясывал узор из Триллиумов — золотых, как величественный цветок, который чуть покачивался справа от нее.

Кадии объяснили, что нужно делать, но помощи не обещали. А предстояла ей задача столь странная, что место ей было только в сказке, чтобы поражать удивленных слушателей. Однако те, кто выстроился перед ней, заверили, что подобное возможно, и оставалось только положиться на их слова.

Шестеро стояли впереди во главе с Ламарилом. Двенадцать — позади, и каждое лицо ей знакомо. Хранители! Их изображения она видела в камне, и вот они рядом с ней — живые, дышащие!

Все нагие, без оружия. Найдут ли они броню и оружие по ту сторону Врат? В груди всякого добра, собранных хасситти, оружия она не заметила. Но, быть может, их оружие совсем не похоже на мечи и копья?

Огромный золотой цветок покачивался, рассыпая радужную пыльцу. К дальней стороне алтаря приблизились Уоно и Лика. Женщина держала чашу золотистого оттенка, почти прозрачную. Мужчина нес серебряную фляжку с широким горлышком, небольшую, какую легко можно было прицепить к поясу — такому, как старый пояс на Кадии.

Гармоничные трели разнеслись от цветка во все концы огромного зала, песня, которой внимали собравшиеся проводить отправлявшихся в путь. Хотя Кадия не понимала слов, она ощутила смысл этого гимна.

К битве ее соплеменников призывали трубы. Раковины-рожки одлингов здесь прозвучали бы резко и грубо. Это не был призыв к победе, но прощание. Да, у идущих с ней был шанс вернуться, но всего лишь шанс, и положиться на него целиком было нельзя.

Они не такие, как она. Какой бы серьезной ни казалась причина, ей бы не удалось сделать то, что намеревались сделать они. Ее глаза вновь и вновь обращались на Ламарила. Но видела она не того, кто стоял перед ней,

а статую, выпачканную илом, восставшую из болотной мути.

За три последних дня Ламарил приходил к ней дважды и задавал вопросы, какие задает полководец, готовясь к битве.

Доверие! Они доверяли ей. Ей было знакомо упоение победой, когда они разбили превосходящее численностью войско Волтрика и Орогастуса. Но ничего подобного предстоящему ей еще не доводилось испытывать.

Кадии объяснили, что это место находится вне времени, как его понимает она. Прошлого тут не было, будущее не имело значения, и только длилось бесконечное настоящее. Теперь она должна вернуться в реальное время, покинув место, одарившее ее покоем, какой она не обретала даже в саду Ялтана, ибо сад был лишь слабым отражением того, что властвовало тут.

Пение переходило в трели, трели переходили в пение. Цветок на алтаре покачивался все быстрее. Лица выступила вперед и точным движением поставила чашу возле наклоняющегося стебля. Из самого сердца цветка вырвалось золотистое облачко пыльцы, и чаша наполнилась сиянием от опускающихся в нее частиц.

Исчезнувшие запели громче. Возможно, они призывали, чтобы цветок сыпал и сыпал пыльцу. Когда чаша заполнилась наполовину, огромный цветок содрогнулся и поник, три лепестка утратили упругость, сочный цвет побледнел.

Лица преклонила колени перед алтарем. Ее пальцы зарылись в темную землю, в которой коренился цветок. Она откинула голову, закрыла глаза, возле ее рта напряглись складки.

Кадия понимала ее. Как ее собственная энергия питала меч-талисман, так эта Исчезнувшая отдавала свои силы цветку.

Пение стало тише, трели ели звучали. Лица наклонилась вперед, пока ее лоб не коснулся края алтаря. Цветок выпрямился, лепестки упруго расправились, он снова стал прежним.

Теперь настал черед Кадии. Ее обучили части ритуала, который она не понимала.

Девушка положила шлем на пол и осторожно подошла к Лике. Протянув руки над плечами согбенной женщины, она осторожно взяла чашу, зная, что содержимое ее невосстановимо. Ее предупредили, что второй раз понуть цветок сбросить пыльцу невозможно.

Держа чашу перед собой на уровне груди, Кадия сошла со ступеньки на пол храма и пошла назад.

Первым был Ламарил. Она все еще плохо понимала, что должно произойти, и знала лишь одно: то, что в чаше, если она ее не уронит, соединит обитателей этого мира с ней — с ней и с той стороной преграды, которую она преодолела.

Остановившись перед командиром синдон, Кадия приподняла чашу чуть повыше. Его рука протянулась, пальцы погрузились в содержимое. Закурилась струйка золотой пыльцы и завилась нитью вокруг головы Ламарила.

Золотая нить расплылась туманом, стала облаком, которое опустилось и окутало его с головы до ног. Из облака опять возник кончик золотой нити, которая втянулась назад в чашу. А Ламарил исчез.

Кадия судорожно вздохнула и крепче сжала чашу. Одно дело услышать, что произойдет, и совсем другое — увидеть своими глазами.

Одна за другой синдоны исчезали, пока она стояла перед каждой и ждала. Однако чаша в ее руке не становилась ни тяжелее, ни легче. Такого чародейства ей еще видеть не доводилось.

Едва исчезла последняя, как Кадия вернулась с чашей к алтарю. Лика уже поднялась на ноги, хотя и прислонялась к каменному вместилищу цветка, все еще во власти непомерной слабости.

Она протянула руку, и Кадия отдала ей чашу. Лика обернулась к Уоно, державшему наготове открытую фляжку с широким горлышком. Туда Лика начала сыпать пыльцу очень осторожно, частицу за частицей. Уоно завинтил крышку, лизнул правый указательный палец и приблизил его к цветку, который вновь сбросил

облачко радужных пылинок. Уоно размазал их по краю крышки, запечатывая ее.

Затем он отдал фляжку Кадии. Девушка аккуратно прикрепила ее к поясу рядом с мечом и лишний раз проверила, надежно ли.

Потом она подняла с пола свой шлем. Какие слова прощания найти? Они сделали все, что было в их силах, ради земель, им более не принадлежащих. Да, она могла бы заверить их, что выполнит все точно, но это они знали и так. Она всегда была столь же быстра на язык, как часто опрометчива в поступках. Но сейчас словами ничего нельзя было выразить. И даже мыслями.

Впрочем, пара у алтаря, казалось, не ждала от нее изъятий благодарности. Уоно взмахнул рукой, и, подчиняясь его жесту, Кадия послушно встала между ним и Ликой. Они проводили ее до стены.

Даже теперь девушка толком не знала, что ее ожидает, и ей почудилось, что они разделяют ее неуверенность. Но она могла сделать лишь то, что ей представлялось правильным.

Кадия вынула меч из ножен. Глаза меча, все еще окаймленные сверкающими блестками — даром цветка, были широко раскрыты. Она крепко взяла меч за обломанный конец и повернула глазами к стене.

Из них вырвался единый силовой луч, и девушка почувствовала так хорошо ей знакомое истечение энергии. Там, где луч ударил в стену, расширялся круг света, превращаясь в колышущийся световой занавес.

Кадия, не сводя взгляда с круга света, шагнула вперед. Наступил решающий миг. Каменная преграда исчезла. Перед ней открылась дверь.

Девушка запечатлела ее в памяти. Опять головокружение, ощущение, что ее насильственно оторвали от всего надежного и знакомого. И вновь — подземное помещение, куда они проникли по следу служителя Варма. Прямо перед ней — один занес копьё, другой — прижимая духовую трубку к губам — стояли Джеган и Смайл, а позади них Салин чертила в воздухе магические знаки.

Увидев ее, они не обрадовались. Кадия ощутила только опасливую настороженность. Тут она вспомнила, что новый шлем закрывает лицо, и поспешила поднять забрало.

— Пророчица! — приглушенно, но радостно воскликнул Джеган. — Но... — Его глаза широко раскрылись от удивления. — Ты пропала. И вернулась. В новых доспехах...

— Надолго я пропала, Джеган? — Она помнила, как долго отсутствовала — ровно столько дней, сколько пальцев на руке. Неужели эти трое так и простояли тут все это время?

— Надолго? Я едва успел бы освежать молодого хорика, — ответил он.

— Но нет же! Миновали дни! — По спине Кадии пробежала холодная дрожь. Что говорили те? Будто в месте их обитания времени нет?

Но ведь вернуться сюда могла не только она!

— А ходячая смерть? А прислужник Варма? — спросила она поспешно. — Он тоже вернулся?

Трое одлингов покачали головой.

— Только ты, Пророчица. И отсутствовала ты совсем недолго, а не дни, как тебе кажется.

Она оглянулась через плечо на стену, сквозь которую прошла. Значит, она выиграла немножко времени, ее времени. Тот еще не вернулся!

— А скритеки? — осведомилась Кадия.

— Тоже не возвращались, — ответил Джеган. — Салин установила предупредительную защиту, и ее ничто не нарушало.

Вновь им улыбнулась удача. Девушка погладила фляжку, надежно закрепленную на поясе. Впереди их ждал долгий путь, и необходимость пробиваться к цели силой означала бы промедление, если не полный проигрыш.

— Королевская дочь, что ты нашла там? — спросила Салин.

— Тех, кто некогда правил здесь. Благороднейших Исчезнувших.

— И они окажут нам помощь? — Ведунья посмотрела на стену.

— Какую смогут,— ответила Кадия.— Но сюда они к нам не придут. И будет лучше уйти отсюда, пока не вернулся тот. С собой он принесет порождение Черной Силы. Поторопимся!

Она уже подошла к панели, скрывавшей потайной ход. Остальные последовали за ней без дальнейших расспросов. Вновь лестница, но теперь они спускались. Неказистый плот, на котором они приплыли к ее подножию, находился в том же положении, в каком они его оставили. Ноздри трех оддлингов расширились. Кадия поняла, что они пытаются уловить запах скритеков. Но если эти чудовища и знали про потайной ход, они очень давно им не пользовались.

Вновь они забрались на неуклюжий плот и поплыли обратно. Кадия внимательно следила за тенями вверх: не выдаст ли себя каким-нибудь движением гигантский паук, чью паутину они прорвали. Однако они проплыли под ее остатками без всяких помех.

Кадия не расслабилась и когда они вплыли под сумрачные арки корней. Ведь они все еще находились в краю колючих зарослей и чудовищ. Ей не верилось, что удача им не изменит. Небо затягивали тучи, но дождя не было.

К вечеру они добрались до места их ночлега возле зловещих развалин башни. В пути они не разговаривали: слишком велико было напряжение. Спутники Кадии, очевидно, разделяли ее тревогу. Однако ее, кроме того, мучило нетерпение. Скорей бы обрести помощь, в которой они так нуждались!

Теперь их подстерегала новая опасность. Вернее, старая, но усугубившаяся. Зараза, посеянная служителем Варма, продолжала распространяться, и им приходилось соблюдать величайшую осторожность, обходя омерзительные желтые пятна. Уже совсем смерклось, но, к счастью, смрадные пятна предупреждали о себе свечением. Однако разлагающаяся растительность лишала их возможности идти напрямик, вынуждала часто искать обход.

А затем они вышли к непреодолимой преграде — стене колючих зарослей. Здесь тлением были поражены сами шипы, которые покрылись шишками, точно гнойниками. На глазах Кадии они лопались и выбрасывали крохотные капельки зеленоватой жидкости, которые парили в воздухе, готовые поразить и разесть все там, куда их занесет ветер.

Она вынула меч. Да, она вновь обессилит себя на время, но выбора нет. Глаза меча так и оставались открытыми с тех пор, как она покинула Храм Цветка, Не Знающего Времени. И даже казались ярче из-за сверкающих блесков по краям век.

Кадия напрягла волю. Верхнее око вновь, как тогда, когда отворило стену-дверь, послало режущий луч, с которым тотчас сплелись лучи из остальных двух. Секира блеска рубила гниющие заросли, и Кадия двигала ею из стороны в сторону, точно сражаясь с вооруженным врагом.

Огонь в зарослях пожирал заразу. Оддлинги следовали за ней гуськом. Она слышала, как они тихо запели, а потом ощутила прикосновения к плечу. Салин приблизилась к ней, и теперь в нее вливалась энергия ведуньи, в которой она так нуждалась. Ток усилился, когда Джеган и Смайл присоединили и свою энергию.

Запах горящих кустов заметно заглушал смрад смерти. Кадия удвоила усилия. Ведь они выдали свое присутствие, и вот-вот сюда явится какой-нибудь скритек, посмотреть, что происходит.

Она споткнулась: из земли торчали полустогоревшие корни, образуя коварную ловушку. Она все еще взмахивала мечом, хотя ее рука отяжелела. Ей пришлось замедлить шаг. Несмотря на помощь оддлингов, она продолжала слабеть.

Кадия снова пошатнулась, еле удержавшись на ногах. Луч света, которым она рубила, стал короче. Раз два он на миг угас. Закусив губу, она упрямо продвигалась вперед. Весь ее мир теперь сосредоточился на этом луче, на черной стене зарослей перед ней.

Пророчица! — Не голос, но мысль, достаточно сильная, чтобы прорваться сквозь ее сосредоточенность. — *Мы миновали заразу.*

— Но не заросли, — возразила она вслух, опасаясь потратить хотя бы ничтожную долю энергии на мысленную речь.

Это уж наша забота, Пророчица. Дай расчистить путь нам.

Предложение Джегана действовало. Ее рука опустилась, и как девушка ни стискивала зубы, ей уже не удавалось удерживать меч в нужном положении. Луч коснулся земли, замерцал в такт биению сердца и погас. Никакое усилие воли не помогло ей вновь поднять руку.

Салин встала с ней рядом, закинула левую руку девушки на свои согбенные плечи, поддерживая их обеих с помощью своего посоха. Теперь, когда меч больше не освещал их путь, Кадия брела сквозь мрак, точно слепая. Она не столько увидела, сколько почувствовала, что Джеган со Смайлом прошли вперед.

Но чем они будут расчищать путь? Впереди вновь слышался треск, но на этот раз не огня. Салин медленно повела ее вперед. Да, проход был прорублен, но такой узкий, что колючки то и дело царапали гладкую как шелк броню девушки, однако не находили отверстия, чтобы вонзиться в плоть под ней.

Иди, — смутно донеслась до нее мысль Салин. — Они рубят ножами, Благороднейшая. Уже недалеко — я чую запахи воды.

Идти Кадия могла только с помощью ведуньи. Ей показалось, что заросли редуют. Она подняла глаза. Прорези шлема ограничивали поле ее зрения, но ей почудилось, что она видит мерцание звезд в ночном небе, где тучи разошлись. Она подумала, что вот-вот упадет.

Девушка удивилась силам ведуньи, которая не только ее поддерживала, но еще и заставляла идти.

Потом она почувствовала, что ложится на спину и смотрит на звезд, обрамленную тучами. Их чернота как будто опустилась на нее, и, погружаясь во мрак, она успела только сжать меч, чтобы не потерять единственное оружие, которое считала по-настоящему своим.

Звучали голоса, но Кадия не могла разобрать ни единого слова. Она открыла глаза, и в них ударили солнечные лучи. Приподнявшись на локте, девушка осмотрелась. Оддлинги сгрудились вместе. Перед Салин стояла ее чаша, а справа и слева от нее мужчины на коленях сосредоточенно следили за картиной в чаше. Пальцы Салин выписывали знаки в воздухе. Джеган внезапно вскрикнул, и его рука опустилась на лежащее рядом копье.

Кадия могла и не заглядывать в чашу: всех троих окутывала эманация страха, точно болотный туман. С усилием она встала на колени.

Они находились на пригорке, кое-где поросшем кустами, но без колючек. Девушка ощутила запах гнили, исходящий из болотной глубины, но он был не похож на смрад «желтой смерти».

— Что-то приближается? — Кадия с трудом обрела голос. Даже легкие движения требовали от нее больших усилий.

Она посмотрела на своих спутников. Когда Джеган оглянулся на нее, его голова дернулась.

— Зло, Пророчица. — Он вскочил и подошел к ней. Его руки ухватили ее за плечи и подняли с силой, неожиданной даже для его крепкой фигуры. — Вот, взгляни сама.

Кадия с его помощью добрела до чаши и опустилась на колени там, где только что стоял он. Наклонившись вперед, она заглянула в чашу.

Вновь картина была столь ясной, словно она смотрела на нее в окно. Фоном служила колючая стена, сквозь которую они недавно пробились.

Там двигался отряд скритеков, вооруженных грубыми копьями и дубинками. Но яснее всего Кадия разглядела того, кого они сопровождали. Это был тот, кто сидел на огненном троне. У него не замечалось никаких следов ужасной болезни. Теперь он был высок, строен, с чистой кожей и окружен аурой, не уступавшей ауре Ламарила. В руке он сжимал жезл. И скритеки, хотя, несомненно, его сопровождали, держались позади.

Служитель Варма шел широким шагом, глядя перед собой, точно выискивал взглядом цель, к которой стремился. Затем он внезапно остановился и поднял жезл, оглядываясь по сторонам. В его позе была настороженность.

Салин провела рукой над чашей. Подчиняясь этому жесту, жидкость заколыхалась, и картина исчезла, но на лице женщины-уйгу был написан страх.

Этот, — донеслась до Кадии мысленная речь, — *понял, что за ним следят!* — Ведунья потрогала чашу. — *Больше нам ею пользоваться нельзя.*

— А если мы попробуем с ее помощью увидеть кого-нибудь другого, — спросила Кадия, — это нас тоже выдаст?

Она думала о Харамис. Вдруг ее сестра сможет сразу же вооружить их понадежнее? Знание сильнее простого оружия.

Салин покачала головой:

— Королевская дочь, всякий раз, когда я обращаюсь к чаше, повсюду распространяются воздушные волны, которых мы не видим, и по этим колебаниям он может разыскать нас.

— У тебя же есть... — Джеган указал на меч.

— И не только он, — ответила Кадия. — Но прежде, чем воспользоваться этим, я должна призвать эту помощь. Исчезнувшие присоединятся к нам — по-своему и через наше содействие. Джеган, мы должны добраться до дороги синдон. Ты сумеешь ее найти?

Он нашел ее, но только после довольно долгих поисков. Зашло солнце. Ночь они провели настороже. И еще день. Силы вернулись к Кадии, и она шла быстро, а фляжка постукивала ее по боку при каждом шаге, подгоняя, подгоняя...

Бутры затвердевшего ила остались точно такими же, какими она их помнила, — вехи на забытой дороге в Ялтан. Первым в ряду статуй, покрытых илом, стоял Ламарил, единственный очищенный от твердой скорлупы. Не совсем такой, с каким она встретилась в стране за стеной, но такой, каким мог быть некогда в их мире.

До места они добрались под вечер. Местность была открытая, и Кадия могла лишь надеяться, что те, кого они

увидели в чаше, направились в другую сторону. У прислужника Варма было свое неотложное дело, и времени у него, как и у нее, оставалось совсем мало.

— Мы должны очистить все статуи,— она указала на бугры спекшейся рыжей грязи,— и как можно быстрее.

Они не стали задавать вопросов — как не задавали их с того часа, когда она вернулась к ним. Кадии казалось, что время от времени Джеган все еще исподтишка поглядывает на нее с почтительным страхом.

Они взялись за работу, скалывая окаменевший ил наконечниками копий и ножами. Кадия быстро орудовала своим кинжалом. Спекшийся панцирь плохо поддавался, работа была утомительно однообразной, хотя порой удачный удар откалывал целый пласт.

Смеркалось, но Кадия и оддлинги продолжали трудиться — ее спутники тоже чувствовали, что необходимо торопиться. Развести костер на открытом месте они не решились, чтобы не выдать своего присутствия, но Смайл отлучился ненадолго и вернулся с камышовой плетенкой, в которую посадил таких же светляков, как Джеган в Ялтане в трубку-фонарь.

Этот слабый свет все-таки позволял определить, куда и как нанести очередной удар.

Рыжая грязь, покрывавшая старую дорогу, вехами которой были статуи, с наступлением темноты будто ожила. Ее поверхность колебалась, словно под ней кто-то копошился. Салин отложила нож, порылась в дорожном мешке, извлекла небольшой сосуд и обошла место их работы, рассыпая красноватый порошок.

Хотя новый шлем защищал ее глаза от мошек, Кадия ощущала зудящие укусы, несмотря на мазь от насекомых, которой пользовались все, кто отправлялся в болото. Но она упрямо взмахивала кинжалом.

Статуя женщины по имени Лалан была уже почти вся очищена. Девушка уцепилась содранными пальцами за последний кусок ила и рванула. Скорлупа отвалилась, и статую больше уже ничего не сковывало.

Неподалеку внезапно появилось зеленое сияние, и Кадия резко обернулась, застигнутая врасплох. Оно висело

неподвижно, а затем поплыло по воздуху к ним. Если источник сияния несло какое-то существо, было непонятно, почему свет не падал вниз. Они не могли понять, факел ли это или что-то другое.

И огонь этот был не одинок. Рядом появились еще три. Смайл отступил от статуи, которую почти очистил.

— Костные огни! — Салин вновь бросилась к мешку. На этот раз она достала баночку, в которую Смайл обмакнул дротик, а потом поднес к губам трубку.

Было слишком темно, чтобы проследить полет дротика. Раздался хлопок. Ближайший из приближающихся огненных шаров вдруг перестал быть шаром и пылающими лохмотьями упал в грязь. Один за другим Смайл поразил остальные.

Кадия раскашлялась. Ей словно опалило ноздри, а затем их заполнила такая вонь, что к горлу подступила тошнота.

Одной рукой она уперлась во второй бугор, который начала очищать, и извергла остатки ужина, недавно разделенного с оддлингами. Салин оказалась рядом с девушкой, едва та утерла рот.

— Съешь! — ведунья протянула ей комок смятых листьев.

Кадия послушалась не очень охотно. Вкус оказался резко кислым, и она чуть не выплюнула снадобье, но верх взяло доверие к Салин, к ее умению защищаться от всех болотных напастей. Девушка заставила себя проглотить сок из комка, и ее сразу перестало тошнить.

Это была ночь полной луны, и когда она всплыла над краем земли, добавив свои лучи к сиянию светляков, Кадия и ее спутники смогли продолжать работу, хотя легче она не стала.

Когда наконец со всех статуй была сбита илистая скорлупа, Кадия решила, что время идет к утру. Плечи у нее ныли, пальцы, изрезанные острыми краями, которые она обламывала, онемели и плохо ее слушались. Но ее прищипывала мысль, что отдых сейчас был бы равносильен проигрышу сражения до того, как оно началось. Нет, она не поддастся сну!

Вновь всех выручила Салин, смазав целебным снадобьем порезы и ссадины. Однако Кадия почти сразу же стерла ее, опасаясь, как бы липкая мазь не помешала ей сделать то, что от нее требовалось теперь.

Девушка отцепила фляжку от пояса, и оддлинги отошли в сторону. Кинжалом, совсем затупившимся, она сковырнула крышку.

В сером свете наступающего утра она уже могла разглядеть статуи достаточно хорошо, чтобы совершить предстоящий ритуал. Стиснув зубы, чтобы рука с фляжкой не дрожала, Кадия еще раз вытерла пальцы правой руки о штаны. Затем подошла к статуе Ламарила. Большим и указательным пальцами она взяла щепотку пыли и, встав на цыпочки, нанесла ее на лоб между драгоценными камнями глаз.

Еще щепотка — для губ.

Она чуть-чуть попятилась. Ей объяснили, что надо сделать, но поверить в происходящее, а тем более понять было трудно.

И серый свет такой смутный! Статуя хоть как-то изменилась?

И вдруг... Лицо, столько сотен лет обращенное в одну сторону, повернулось. Глаза поглядели вокруг и вниз на нее. Голова чудовища, которую Ламарил держал в каменной руке как предостережение, была отброшена в грязь.

— Сделано! И безупречно...

Кадия посмотрела ему в глаза.

— Тогда я повторю, — ответила она дрожащим голосом и, обрадованная удачей, отошла ко второй из тех, кого они освободили из плена спекшегося ила.

Они начинали жить, дышать, осматриваться.

— Но... это... — Одна из освобожденных женщин ошеломленно охнула. — Что же это такое?

Солнце уже поднялось достаточно высоко, чтобы озарить наносы грязи, скрывавшей древнюю дорогу. Многие места в болотах обладали своей особой красотой, но тут царила мерзость запустения.

— То, чего не удалось избежать.

— Зло! — Еще одна синдона подошла к краю рыжей коросты.

— Не Зло, — сказала Кадия. — Причиной было болото, а не козни Тьмы.

Если они видят Зло в этом, то что скажут, когда узрят пятна «желтой смерти»!

— Болото, — повторил Ламарил. — И время. Вновь мы встречаемся со временем. Но в путь, и чем скорее, тем лучше. — Он вскинул руку в том же жесте, каким его статуя указывала на древнюю дорогу.

— Дорога опаснее, чем кажется, — предостерегла Кадия. — Джеган!

Вздвигнув, оддинг подошел к ней. Он и уйзгу в благоговейном ужасе смотрели на тех, кого воскресила Кадия.

Теперь он прошел вперед, держа копье, чтобы прощупывать плиты дороги под наносами. Водоступы они не надели, но Кадия не сомневалась, что Джеган помнит, как они проходили этим путем прежде. Хранила она и собственные воспоминания — самые мрачные. Тогда впереди шла смерть, оставляя омерзительные следы.

Открытая местность наконец кончилась. Они добрались до твердой земли, где кусты, гнувшийся камыш и ползучие растения сменились настоящими деревьями. Кадия испытывала тягостную усталость — ночные труды вызвали ту же слабость, которая охватила ее, пока она прокладывала путь мечом сквозь Тернистый Ад.

Не успели они углубиться под деревья, как ее плеча коснулся Ламарил.

— Тебе необходимо отдохнуть, как и малышам, так отлично поработавшим. — Он кивнул в сторону оддингов. — Хотя этот путь очень изменился — и к худшему, нам он известен. Мы пойдем вперед, а вы следуйте за нами. Но прежде устроим привал.

Воздух здесь был почти свободен от тяжелых запахов болота. Кадия опустилась на землю и только тогда поняла, насколько обессилела.

Тут была жизнь: в ветвях чирикали птицы, а по кривому стволу быстро взбежал пушистый зверек. Смайл из-

влек из своего мешка что-то, завернутое в листья и закрепленное прутиками. Кадия начала возиться с застежками своего мешка, как вдруг его осторожно забрали из ее рук. Рядом с ней на коленях стоял Ламарил. Остальные синдоны разбрелись между деревьями, а он смотрел, как она извлекает сверточек со спрессованными сушеными корнями, совсем безвкусными, но достаточно подкрепляющими в пути. Кадия на примятых листьях папоротника разложила свою долю припасов. Джеган добавил связку вяленых рыбешек, которые пахли не очень-то аппетитно. У Смайла были лепешки из молотых корней камыша, рассыпавшиеся серыми пыльными крошками. Маловато даже для них, и совсем нечем поделиться с новыми спутниками.

Однако те уже возвращались, и не с пустыми руками, а с плодами, мелкими и кислыми по сравнению с дарами сада, какими-то кореньями, еще облепленными черной землей, а двое несли камышину с нанизанными на ней серебристыми рыбками.

Это было очень скромное пиршество, но все было поделено поровну. Происходящее, даже больше всего, что она уже видела, убедило Кадия, что она сотворила волшебство, хотя и не понимала как. Статуи живут, едят и между глотками смотрят по сторонам широко открытыми глазами, ища...

— Нуерс!

Одна из синдон быстро поднялась и подошла к командиру, сидевшему возле Кадии.

— Мы отправляемся. Фазль посторожит, пока они не отдохнут...

Кадия хотела было возразить, но понимала, что он прав. Проработав всю ночь, она и оддлинги не могли идти дальше. Хотя она думала, что без ее помощи в Ялтане Хранители не обойдутся.

Многое могло храниться в городских сокровищницах, куда хасситти отнесли все, что осталось после Исчезнувших. Ламарилу и его товарищам понадобится немало времени, чтобы осмотреть содержимое набитых добром

комнат. Поэтому она промолчала, когда синдоны отправились дальше — все, кроме одной, оставленной с ними.

Благодаря такому стражу девушка впервые почувствовала, как спадает с нее бремя ответственности. Она прижала папоротники, сняла шлем-маску и, уютно свернувшись, уснула.

Когда Кадия проснулась, солнце уже зашло, хотя по небу еще тянулись багряные полосы. Джеган сидел возле своего мешка, вода наконечником копья по оселку. Смайл приподнялся с земли одновременно с ней и широко зевнул, показав заостренные зубы. Салин все еще лежала, но едва Кадия шевельнулась, глаза ведуньи открылись.

Их страж коротал время по-своему. Рядом с ним лежали длинные куски лиан, которые он разделял на волокна и плел тонкую зеленую веревку, проверяя ее крепость через каждые несколько дюймов. Когда одлинги встали, он намотал ее на руку, и оказалось, что второй ее конец завязан петлей.

Кадия провела ладонью по голове. Ссадины, оставшиеся после схватки с хищной лианой, зажили. Аркан Фазля неожиданно напомнил ей о петле, стянувшей ее волосы.

Хотя приближалась ночь, ей не хотелось задерживаться тут. Фляжка и мысль, что ее долг исполнен лишь наполовину, требовали, чтобы она торопилась.

Они прошли мимо места смерти, где тогда она избавила истерзанного уйзгу от мучений. Теперь опасаться негодяев Волтрика не приходилось, но как знать, не затеют ли набега скритеки?

Наконец они добрались до туннеля, через который она впервые попала в Ялтан. Кадия предупредила одлингов о том, что их ожидает, к тому же она знала, что они хорошие пловцы от природы. Ну и, конечно, синдона, всю дорогу молчавшая, не могла быть в неведении.

Близился рассвет. Они шли быстро. Даже Салин не отставала. Да и идти по почти всюду обнаженным плитам было легко.

Кадия вновь смело вошла в темноту, где когда-то искала убежище. Вода поднялась до пояса, и она поплыла, хотя меч немного мешал ей. Но прежде она проверила, плотно ли закупорена фляжка. Фаэль собрал все дорожные мешки, связал их своей веревкой и тоже поплыл. Ни Кадия, ни оддлинги не возразили — казалось, он хорошо знает, что делает.

Девушка вынырнула в бассейне, в сумерках вода не голубела, как в тот, первый раз, когда она попала в город этим путем. Перед ней была лестница со статуями Хранителей. Среди них Кадия заметила какое-то движение и замерла в воде, опасаясь выбраться из бассейна.

Затем подпрыгивающие светильники озарили тех, кто вышел к ним навстречу. На ступеньках толпились хасситти, но ее взгляд привлекла высокая фигура среди них. Отблески света играли на граненых, как драгоценные камни, звеньях кольчуги, но голову и лицо не прятал шлем. Когда девушка встала в воде напротив него, Ламарил нагнулся, схватил руку, которую она бессознательно подняла в приветственном жесте, и вытащил ее из воды с такой легкостью, словно она была цветком котты, плававшим в бассейне.

Глава 19

Ялтаң был очень древним, и очень долго его окутывала тишина. Теперь же в окнах зданий вокруг бассейна горели светильники, озаряя путь к саду. Там и сям слышался торопливый топот ног. Хасситти, сходя с ума от радости, суетились, стараясь отыскать еще что-нибудь для удобства тех, кто наконец-то вернулся.

Кадия погрузилась в ночную безмятежность сада, обретая спокойствие духа и легкость тела. Одна рука придерживала теперь пустую фляжку. Она исполнила желание Исчезнувших — на ступенях у нее за спиной не осталось ни единой статуи. Ожившие мужчины и женщины удалились в здания, некогда служившие им домами. Она толком не знала, что именно они ищут. Возможно,

броню, какую надел Ламарил, а может быть, и оружие, куда более мощное, чем даже ее меч.

А пока ей выпала, наверное, краткая передышка. И она впитывала тихую целительность сада, следя слипающимися глазами за пляской крылатых огоньков, перелетающих с цветка на лист, с листа опять на цветок.

Болота, несмотря на их липкую грязь и опасности, всегда ее завораживали. Страна Исчезнувших была исполнена несказанной красоты и свободна от опасностей. Но сад... Кадия вздохнула. Даже теперь, когда она попыталась забыть настороженность, отбросить нетерпеливость, все равно ощущала себя здесь чужой. Но где же она своя? Она надменно покинула Цитадель, выбрав для себя болота. Да! Королевский двор не для нее. Ангель будет править справедливо и гордо с трона, предназначенного для истинной королевы. Харамис в северных горах будет жить ради знаний, стремясь все больше и больше обогащать свою внутреннюю Силу. Когда все опасности останутся позади, если она не погибнет, что потом? Девушка решительно отогнала от себя этот вопрос.

Совсем недавно она попробовала еще раз связаться с Харамис с помощью чаши Салин, но зов ее остался без ответа. Или ее сестра узнала об опасности и покинула свои горные высоты, чтобы стереть следы Тьмы?

Кадия чуть подняла голову. Волосы она заплела в тугие косы, и только на макушке кудрявились короткие прядки, оставленные ее кинжалом. Кожа у нее была вся в царапинах и ссадинах, она совсем исхудала... В городе она приняла ванну со всеми принадлежностями, какие только нашлись у хасситти. Не без труда она отказалась от драгоценностей и сохранившихся роскошных одеяний, которые они притащили ей. И вновь на ней была кольчуга из Страны Цветка.

Позади нее послышался шорох. Опять явился какой-нибудь хасситти узнать, не пожелает ли она чего-нибудь?

Обитель сновидений...

Нет, эта мысленная речь не могла принадлежать хасситти. Кадия оглянулась и хотела встать, но Ламарил удер-

жал ее и сел рядом, царапнув кольчугой по каменной скамье.

— Ялтан, каким он стал сейчас,— задала она вопрос, который преследовал ее весь этот день,— вызывает у тебя печаль?

Он не ответил, и она смутилась. Быть может, с обычной своей опрометчивостью она вторглась куда не следовало? Сумрак мешал ей уловить выражение его лица. А вдруг воспоминания дарят ему только удовольствие и радость?

— Ты видишь глубоко,— наконец донесся до нее ответ.— Эти стены прячут сны, которые переносят нас в дни детства, заставляют искать бывшее тепло и безмятежность. Да, это лишь тень былого... Но не следует позволять, чтобы тени заслоняли то, что существует теперь. Мне был знаком былой Ялтан. А этот — иной, и мне надо знакомиться с ним заново... если хватит времени.

— Горы...— Она опустила ладонь на рукоять меча.

— Горы нас ждут,— согласился он.— Салин говорила со своими. И сновидцу-хасситти нашлось что сказать нам. Да, Тьма возвращается, чтобы выпустить на свободу древнее страшное Зло.

— Так что же нам делать?

Она знала, как сражаться с людьми, со скритеками. Может быть, теперь, как в дни вторжения, она должна обратиться к Харамис и Анигели, чтобы каким-то образом они вместе вновь превратили талисман в грозное оружие?

— Они спят. Пятеро ждут, чтобы шестой вернулся от Варма и разбудил их. Это владыки Тьмы, сразить которых нам не удалось. Тогда мы связали их, заточили с помощью заклятий, которые считали вечными.

— А потом Орогастус вмешался и нарушил равновесие сил? Так? Но если вы не смогли сразить их тогда, как можем мы надеяться, что нам удастся сделать это теперь? — спросила Кадия.

— Спящие, они беспомощны. Мы должны остановить вестника прежде, чем он их разбудит. Но, королевская дочь иных времен, ты уже исполнила возложенный на тебя долг...

Кадию словно обожгло. Значит, ее отошлют, точно ребенка, который выполнил небольшое поручение, но не должен мешать старшим, когда они занимаются серьезным делом?

— Да, времена теперь иные! — Она старалась подавить вспышку гнева, убедить его, не выдав своих чувств. — Несколько десятков дней назад я дала клятву служить трясинам и всей Рувенде. Мои соплеменники плохо знают болота. Но с самого нежного детства я слышала зов этой затопленной земли. Когда я попросила о помощи ниссо-мов, пришли и уйзгу, хотя они прежде не покидали трясинны ни для кого — даже для моего отца Крейна. Все, что касается этого края, все, что угрожает ему, для меня самое важное, так как это мои времена. Вот здесь, в саду, мне в руку было вложено оружие. — Она вынула меч из ножен. Глаза на рукояти были широко открыты, хотя не посылали губительных лучей. Казалось, будто они видят по-настоящему, рассматривают ее и Ламарила. — И пока он со мной, всякая война в трясинах — мое дело.

Он помолчал, а потом медленно наклонил голову.

— Раз ты решила твердо, Кадия, мы не можем тебе отказать. Но ты не знаешь, что ждет впереди. В ход может быть пушена такая Сила, что твой талисман обратится в пепел. Даже мы не знаем, удастся ли нам противостоять спящим, если они пробудятся и Варм вооружит их. Слишком долго мы жили вне времени и в покое. Нет, мы не забыли того, что умели, но долго не пользовались этим умением. Не думай, будто мы всемогущи. Мечи ржавеют в ножнах, если остаются в них год за годом. В этом времени мы можем погибнуть столь же легко, как твои люди или малыши, которых вы называете оддлингами.

Внезапно он схватил ее свободную руку и положил к себе на запястье. Кожа под ее пальцами казалась совсем такой же, как ее собственная. Холод камня исчез.

На его палец опустилось какое-то насекомое. Он согнал его, а потом сказал:

— Видишь, крылатые твари жалят и нас. Мы очень уязвимы.

— Но вы же — Исчезнувшие! Этот город был покинут, и его опутали лианы прежде, чем мой народ переселился сюда, а мы здесь уже шестьсот лет. И все же ты помнишь эти улицы и дома, помнишь, как жил тут прежде.

— Здесь правит время. Только за Вратами кончается его власть. Мои соплеменники долговечны, но конец ждет и их. Разве Бина не умерла? Она решила остаться во времени, и оно сжимало свои тиски все крепче и крепче. Когда ты помогла нашим сущностям проникнуть за преграду и вновь обрести тела, мы попали во власть времени и смерти, вернулись в иную жизнь.

— Значит, мы отправляемся в горы,— объявила Кадия.

Да, сказители говорили, что Исчезнувшие бессмертны. Но Ламарил объяснил, что, вернувшись сразиться со Злом, они вновь стали подвластны смерти и времени.

— Дорогу мы знаем, хоть нам и неизвестно, что ждет нас в ее конце. Кадия, расскажи мне о своем народе. Ты сказала, что выбрала трясину как свою долю после гибели колдуна Орогастуса. Но, сделав такой выбор, от какой жизни ты отказалась?

Да, она избрала иную жизнь — как Ламарил и его товарищи, когда они решили вернуться. Она подумала о Цитадели. Хотя некоторые воспоминания о ее жизни там были точно яркие прекрасные цветы, многое ей хотелось забыть навсегда: страшные дни, когда Волтрик взял Цитадель и ее прежняя беззаботная и счастливая жизнь кончилась безвозвратно.

Она заговорила о счастливых годах, протекавших в огромной крепости, конечно построенной тоже соплеменниками Ламарила, о празднике Трех Лун в пору смены сезонов, о прибытии торговцев, плывущих в Треvistу, об охоте на болотах с Джеганом, о докучных дворцовых церемониях, когда она едва подавляла зевоту.

Затем она намеренно перешла к ужасам: позорная мучительная казнь ее отца и его рыцарей, труп ее матери, разрубленный вражескими мечами и секирами, бегство

по потайным ходам, уводившим все ниже и ниже к самому сердцу земли.

— Про остальное я уже рассказывала, — закончила она. Ее пробирала дрожь, хотя ветерок в саду был теплым. Можно ли смыть кровь, обагрившую память?

Вновь он взял ее руку и сжал не крепко, но ласково, и тепло этого прикосновения прогнало внутренний холод. Кадии пришла в голову мысль, за которую она ухватилась, укрылась за ней, как можно укрыться за щитом. Между ней и сестрами существовала связь, но хрупкая: слишком уж они были не похожи, и говорила в них лишь общая кровь.

С Джеганом ее связывало боевое товарищество, но они принадлежали к разным народам. Она знала, что он всегда придет к ней на помощь, но внезапно она обнаружила внутри себя пустоту, настолько скрытую, что прежде она о ней и не подозревала.

Это пожатие было точно ее меч — ключом к чувству, ей доселе незнакомому.

Нет, она не хочет повернуть этот ключ! Здесь и сейчас — ничего больше! Никаких волнений, никакого заглядывания в будущее!

Кадия вырвала руку почти грубо и поторопилась задать новый вопрос:

— А этот горный тайник, он далеко?

— За Золотой Топью, — ответил он. — По ту ее сторону лежат предгорья. Дорога туда была завалена, скрыта, насколько это было нам по силам в прежние дни. Путь предстоит нелегкий.

Кадия вскочила со скамьи.

— А есть ли в трясинах легкие пути? Реки и речки могут послужить нам, но текут они не прямо. Мы пойдем к горе Джидрис или Бром? Там живет Харамис. Ее Сила...

— Нет. Мы обогнем Тернистый Ад, отправимся на юг через страну уйзгу, а оттуда к вершине Ротоло.

— Но виспи? Там их страна. Разве они не знают про опасность?

Ламарил покачал головой:

— Мы думаем, что древняя ограда заклинаний вокруг спящих еще держится. Служителю Варма, который возвращается разбудить их, было выгодно сохранить ее до своего возвращения. Салин искала, и маленький сновидец хасситти старался найти то, что угрожает горному краю. Но он находит только страх и еще ужас смерти, расползающейся по трясинам. Уже все уйзгу отправились на юг, спасаясь от этой губительной опасности, которая превращает их край в гниющую пустыню.

— Но ты уверен, что знаешь, где погребены спящие? — Кадия не понимала, почему задала этот вопрос. Конечно же, он уверен!

К ее изумлению, он ответил не сразу.

— Земли изменились, — медленно произнес он. — Двое среди нас обладают дальновидением. И видят они опустошения, оставленные «желтой смертью». Нам надо как-то пройти через зараженные болота.

Кадия подумала о своем мече. Хватит ли ее энергии, чтобы расчистить им путь?

— Огонь — (он словно читал ее мысли, хотя она не ощутила прикосновения к ним) — послужит нам. Это в наших силах. Если тот, кто идет туда же, не употребит еще какое-нибудь оружие.

Сказания, которые она слушала с детства, повествовали о всемогуществе Исчезнувших, и в ней жила вера в это. Но его слова не успокаивали ее, не укрепляли ее веру, а посеяли в ней сомнения. Быть может, настоящей безопасности обрести нельзя — во всяком случае, по эту сторону стены. Но это ее земля, и жить она хочет здесь!

Утром они отправились в путь очень рано. К большому удивлению Кадии, к ним присоединились шестеро хасситти. Лохмотья пышных одежд они сбросили, хотя некоторые оставили драгоценные ожерелья. На спине у каждого был дорожный мешок. Двоих впереди Кадия узнала — целительницу Тостлет и сновидца Куава.

Они были вооружены длинными ножами, которые при их маленьком росте больше походили на мечи, и еще пал-

ками с ремнями на конце. Для чего могли служить эти подобия хлыстов, Кадия не знала.

Она не понимала, зачем синдоны взяли малышей-хасситти с собой. Но Ламарил и все остальные как будто сочли это само собой разумеющимся.

Из города они вышли через ворота, снаружи казавшиеся разрушенными, и направились на запад, в противоположную сторону от Тернистого Ада. Земля тут была по большей части твердой, и можно было не опасаться зыбких ловушек. Кадия воспринимала мысленную речь, если ее посылали прямо ей, но не могла уловить тех слов, которыми обменивались синдоны между собой, а может, и с хасситти.

Она шла рядом со своими товарищами — Джеганом, Смайлом и Салин, которая опиралась на посох, Ламарил во главе отряда шел не очень быстро.

Затем Джеган и Смайл ушли вперед на разведку, хотя синдоны, казалось, не считали нужным принимать такую меру предосторожности.

Они уже были от Ялтана довольно далеко, когда Кадия восприняла мысленное предостережение оддлингов и поспешила нагнать Ламарила.

— Скритеки! Боевой отряд. Джеган пересек их след.

Женщина, шедшая за командиром, обернулась. Кадия знала, что это Лалан, хотя ее лицо скрывал шлем. Она вскинула голову, точно к чему-то принохиваясь.

Арьергард, — она послала эту мысль всем. — *Исчадие Варма идет быстро, и чешуйчатые следуют за ним.*

И уйзгу, — Кадия восприняла новую мысль Джегана. — *Они бегут от заразы. Смайл поспешил вперед предупредить их.*

Ламарил только кивнул, но ускорил шаг, и Кадия с неохотой вернулась к Салин: идти так быстро без чьей-либо помощи ведунье было бы не по силам.

Все равно они начали отставать, и тут их окружили хасситти. Двое из них бесцеремонно отодвинули Кадия и понесли старушку.

Мы справимся, Благороднейшая, — восприняла она успокаивающую мысль. — *А ты иди вперед, где понадобится Сила!*

Часть хасситти засемили так быстро, что присоединились к головной части отряда одновременно с Кадией.

Ламарил извлек из футляра на поясе, где мог бы висеть меч, тонкий жезл, кончик которого словно задрожал. Кадия пошатнулась, лоб ей пронзила острая боль. Синдона, рядом с которой она шла, протянула руку и опустила забрало ее шлема, которое она подняла, так как ей надоело смотреть в узкие прорезы.

И сразу боль исчезла. Девушка уже обнажила меч и теперь почувствовала, как он теплеет в ее руке. Глаза на рукояти открылись, и, подчиняясь порыву, она подняла меч повыше, как бы заботясь о том, чтобы они видели лучше, понимали, что происходит и что требуется от них.

Синдоны нарушили тесный строй, которым двигались от Ялтана, и развернулись полумесяцем, точно загонщики на большой охоте,— так, вспомнила Кадия, ниссомы загоняли дичь в сети на большом острове, где стояла Тревиса.

Теперь все они держали в руках жезлы, и хотя Кадия более не слышала этого пронзительного звука боли, она не сомневалась, что он поражает всех, на ком нет шлема. Однако он как будто не действовал на хасситти — малыши все так же бодро семенили вперед, иногда опережая синдон.

Они уже почти достигли густых кустов — первого препятствия на их пути с тех пор, как покинули Ялтан. Внезапно ветки начали бешено трещать и раскачиваться. Из них, шатаясь, появился скритек. Из его разинутого рта капала зеленая пена. Глаза горели тем багровым огнем, который, как знала Кадия, разгорался в них вместе с жадной кровью.

Однако если этот скритек и был прежде вооружен, свое оружие он бросил. Обе руки он прижимал к голове с вытянутой зубастой пастью. Она тряслась. Выскочив из кустов, он не удержался на ногах и теперь, как ни пытался, не мог подняться с колен.

Красные глазки туманились болью, и Кадия ощутила жар его ненависти к ним. К нему подбежал хасситти, и

Кадия рванулась вперед, не сомневаясь, что страшные челюсти перекусят малыша пополам. Но рука Ламарила преградила ей путь.

Хасситти подскочил к скритеку, хлыст в его руке со свистом опустился на чешуйчатую морду. Топитель попытался подняться на ноги, замахнулся когтистой лапой на врага. Но хасситти успел отскочить, глядя, как его жертва упала ничком, судорожно дергаясь всем телом.

Несколько мгновений малыш переминался с ноги на ногу, словно в победной пляске. Какой силы удар нанес этот хлыст, Кадия судить не могла, но, несомненно, своей цели он достиг. Ни синдоны, ни хасситти больше не удостоили распростертого скритека ни единым взглядом, хотя он явно был еще жив: Кадия видела, что он дышит, хотя и с мучительным трудом.

Теперь они оказались перед преградой из сплетенных кустов и остановились. Ламарил отломил веточку, покал ее вместе с листьями между пальцев, а затем поднес мягкий комок к носу, чтобы определить по запаху, что он сорвал.

Затем он бросил комок и медленно провел пальцем по жезлу. То же сделали и его товарищи. А потом подняли жезлы и пошли вперед так спокойно, будто путь перед ними был открыт. Но он и был открыт. Листья, ветки, толстые стебли... исчезли. В воздухе повис зеленый туман, точно густой дым. Шагая позади Ламарила, Кадия помахала рукой и почувствовала, что кожа увлажнилась, увидела, как она стала зеленой, точно ее намазали краской, какой уйзгу покрывают свои тела.

Едва кусты исчезли, как стало видно, что впереди еще пять скритеков катаются по земле, бросив оружие. Вновь хасситти, к которому присоединился еще один, пустил в ход хлыст, и омерзительные твари утратили способность двигаться.

Только одного им пришлось преследовать: он упрямо полз и полз, мотая головой и угрожающе лязгая зубами. Его чешуйчатую шею обвивала черная металлическая цепь, с которой свисали серые косточки — фаланги паль-

цев. Кадия узнала отличительный знак искусного охотника, вожака. Он повернулся и двинулся им навстречу.

Его голова вскинулась, словно он собирался воем излить свою муку небесам. Кадия попятилась — этот вой поражал, точно звук, который синдоны использовали как оружие. Это была обнаженная иступленная ненависть, такая жгучая, что казалось, будто ей в лицо брызнули ядом.

Трое хасситти двинулись на него, но осторожно. Скритек тяжело оперся на одну лапу и замахнулся другой. Его растопыренные когти почти задели пластины на груди ближайшего хасситти. Двое других прыгнули — Кадия никогда бы не подумала, что с такими короткими ногами и плотными туловищами они способны на подобные прыжки. Их хлысты одновременно опустились на голову врага.

Последняя вспышка необузданной ярости... И все. Хотя тело на их дороге все еще дергалось, пока они его обходили.

Глава 20

Вечером они устроились на ночлег там, где земля была твердой, и Лалан, опустив свой жезл концом вниз, обошла их лагерь. Из кончика жезла вылетела золотая искра, и Кадия поняла, что теперь они находятся под невидимой защитой.

Уже на краю неба вырисовывались зубчатые вершины гор, Харамис была почти рядом, и Кадия попробовала вновь связаться с сестрой. Она села напротив Салин над чашей, глядя на темную зеркальную поверхность внутри.

Девушка взяла руки ведуньи в свои, приказывая чаше показать то, что было ей нужно. В зеркале что-то задвигалось, и Кадия наклонилась пониже.

Из тумана, белого, как снега на вершинах, вырисовалась фигура, закутанная в плащ.

Харамис! — В этот мысленный зов Кадия вложила всю свою волю, подкрепленную энергией Салин.

Сестра повернулась лицом к ней. В ее руке был посох, могучий источник Силы, равный мечу, который лежал на коленях Кадии. Но лицо Харамис не выразило ответной радости. Выражение его стало вопросительным, а затем встревоженным. Закрытая капюшоном голова поворачивалась направо, налево, глаза чего-то искали.

Харамис! — Если посланная мысль может обернуться криком, то зов Кадии должен был прозвучать очень громко. И губы ее сестры зашевелились, словно она заговорила.

Харамис! — В третий раз Кадия вложила в свой зов всю силу воли, какую сумела собрать.

До нее донесся еле слышный шепот, и она сумела уловить лишь несколько слов:

— Сестра... Зло... преграда... еще не знаю...

Посох в руке Харамис поднялся над обледенелой скалой, на которой она стояла. И, словно пером великана, колдунья начала чертить в воздухе какие-то знаки. Они закружились как снежные хлопья, но Кадия видела их, даже ощущала их воздействие. Это были защитные Силы Харамис — и преграда, и предупреждение.

Образы в чаше стерлись, исчезли.

— Она права!

Голос, раздавшийся над головой Кадии, заставил ее обернуться. Чуть позади нее на коленях стоял Ламарил, глядя в померкшую чашу.

— Там есть преграда. В свое время то, против чего нам придется пустить в ход свои силы теперь, было очень стойким. Мы его преодолели, но смести с лица земли не смогли, ибо оно — порождение земли, как и то, чем владеем мы.

Кадия пробрала дрожь, будто на нее посыпались те дальние снежные хлопья. Харамис, унаследовавшая древние Силы Бины, потерпела поражение, а веру Кадии в могущество синдон подорвало признание их предводителя.

— Если нам удастся не допустить вестника к спящим, мы станем победителями в этом времени и месте. Он во-

оружен, и, конечно, вооружен хорошо — уж об этом Варм позаботился. Но разбудить их он не должен!

Он обратился к Салин:

— Ведунья, как далеко можешь ты заглянуть сейчас? Уловит ли твоя чаша его след?

Женщина-уйзгу молчала — очень долго, как показалось Кадии, — и только чертила в воздухе знаки длинными пальцами.

— Благороднейший! — сказала она наконец. — Один раз мы попытались, когда он шел за помощью, и он почувствовал это! Бывали случаи — я помню о них, беря чашу, — когда смерть поражала смотрящего, потому что те, за кем он наблюдал, были сильны и поймали его взгляд.

— Верно. Но этот пока один, и схватиться с нами он не захочет. Он не истратит Силу, что несет, ибо она нужна, чтобы пробудить спящих. Не посмеет — его хозяин, конечно, наложил на это запрет. Но узнать его путь нам необходимо. Чем ближе он к своей цели, тем меньше наши шансы победить.

Пальцы Салин вновь обхватили чашу, но она по-прежнему не спускала глаз с Ламарила, который сказал Кадии:

— Королевская дочь, тут старые звенья цепи крепче новых. Ты и прежде смотрела с Салин, ты видела того, кого мы ищем. Ты согласишься для нас?

Кадия вспомнила страх, который испытала в вещем сне, ощущение Силы, данной тому, за кем они собирались подглядывать. По ее груди разлилось тепло. Амулет исполнился жизни. Она посмотрела на меч. Его глаза казались всевидящими, их взгляды словно бы сосредоточились на ней.

— Да! — ответила она, и это коротенькое слово ввергло ее в холодную дрожь. Что же, пусть он заметит! Свое обещание она сдержит.

Он встал позади нее, и его руки легли ей на плечи. Она почувствовала, как позади него выстраиваются остальные — синдоны образовали живую цепь.

Кадия облизнула внезапно пересохшие губы и сказала Салин:

— Начинай!

Женщина-уйзгу хрипло запела, склонив голову, словно от невыносимой тяжести. Кадия никогда еще не испытывала притяжения такой мощи. Какое-то движение: кто-то встал позади Салин, но девушка не решилась отвлечься. Она мысленно рисовала образ того, кто сидел на огненном троне.

На этот раз жидкость в чаше не заколыхалась, как раньше, а забурилась, будто чаша стояла на раскаленных углях. Раскаленных... Чаша почти обжигала ее пальцы, сплетенные с пальцами Салин.

Бурлящая жидкость сгустилась. Но на этот раз не застыла, превратившись в темное зеркало, а больше походила на вязкое, мерзкое варево. Поверхность разгладилась, и на ней возник образ. Он мгновение оставался расплывчатым, а потом стал четким настолько, что она узнала слугу Варма.

Он стоял на пригорке, а перед ним дымился тусклый костер — языки пламени были словно обведены черной каймой. Вокруг костра толпились скритеки. Они поднимали связанного пленника, который тщетно пытался вырваться из их лап, и бросили его в костер.

Кадии стало плохо, к горлу подступила тошнота. А болотные чудовища уже тащили к костру пленницу — юную девушку-уйзгу, почти еще девочку. Они затеяли игру с ней: развязали, перекидывали ее от одного к другому, а потом, крепко держа, поставили перед прислужником Варма. Его лицо... Кадия зажмурилась, только бы не видеть этого лица, но напрасно; она видела его внутренним зрением.

Движением, почти изящным, он наклонил свой жезл, и из него вырвалась узкая струя пламени. Взад и вперед, взад и вперед водил он истечением Черной Силы по трепещущему тельцу, которое изгибалось в мучительной агонии.

Затем скритеки бросили опаленную жертву в костер. Картина в чаше вдруг стала больше, и вожак оказался в самом ее центре. На миг его лицо заполнило все созданное ими зеркало.

Его глаза сузились. Он понял!

И тут же его изображение сменилось, внимание всех сосредоточилось на том, что лежало за спящей толпой скритеков. Кадия, подчиняясь безмолвному требованию, догадалась, что нужно синдонам, — какая-нибудь примета, какой-нибудь намек, где находится это место мучений и страданий.

А времени у нее почти не оставалось. Картина искажилась, начала чернеть по краям, словно ее подпаливал огонь. Внезапно жар под ее ладонями стал нестерпимым.

Пальцы Ламарила крепче прижались к ее плечам, он привлек девушку к себе, так что ее руки оторвались от чаши и рук Салин. Она смогла отвести взгляд от взбаламученной жидкости, колыхания которой постепенно замирали. Но даже легкое движение отдавалось в ней болью.

Ламарил не отпустил ее, а, наоборот, прижал к себе, и в нее хлынули новые силы. Но ничто не могло стереть из ее памяти увиденное.

— Это место я знаю, — объявил молчаливый Смайл. А Кадия даже не заметила, что они с Джеганом вернулись из разведки! — Это Клыки Рапана. Около Нотара.

Ламарил осторожно отпустил ее.

— Отдохни, Кадия, — сказал он ласково. — Ты сражалась как настоящая героиня. И ты тоже, Салин.

Лалан встала на колени перед ведуньей, прижав ладони к ее склоненной голове. Кадия догадалась, что она помогает Салин обновить силы, как Ламарил помог ей.

А предводитель синдон уже выровнял небольшое пространство земли и поместил по его краям два фонаря со светляками, а потом принялся чертить кинжалом какие-то линии, говоря при этом:

— Времени миновало много, и произошли всякие изменения. Юный воин, ты сумеешь показать, где находятся эти твои Клыки?

— Нотар течет вот так, беря начало в пещерах горы Джидрис, полных льда, так, во всяком случае, рассказывают. — Смайл опустил на колени рядом с чертежом и

указал длинным пальцем: — Да, у истоков Нотара есть пещеры. Туда-то и лежит наш путь.

— Ну а Клыки? — спросил Ламарил.

— Они вот тут! — Смайл ткнул пальцем в точку к западу от реки. — Благоднейший, «желтая смерть» широко расплзлась в этих местах. Клань уйгу бежали оттуда на юг. Этот путь означает смерть. Мы говорили с разведчиками. По их словам, безопасно только там. — Его палец скользнул далеко на восток. — Нот — крепость Великой Волшебницы — теперь лежит в развалинах, но, видно, какие-то чары она еще хранит, раз «желтая смерть» в ту сторону не поползла.

— И тот, кого мы преследуем, сейчас там... — Ламарил посмотрел на чертеж. — Зараженная земля его не пугает?

Видимо, он говорил сам с собой, потому что, не дожидаясь ответа, задал новый вопрос:

— А через трясины есть достаточно твердая дорога?

— Нет, Благоднейший. Но мы говорили с разведчиками. На восходе к нам придут знающие охотничьи тропы. И по нашему обычаю, на речках и озерах в местах переправ всегда спрятаны лодки. Те, кто придет, знают эти места.

Кадия не понимала, как они различают хоть что-нибудь при таком слабом освещении. Однако они уверенно обсуждали расстояния и взвешивали, не слишком ли длинным окажется тот или иной путь. Тот, за кем они гнались, шел со скритеками, а эти болотные исчадия были опасными врагами.

— Мы сделаем то, что должны. — К группе у импровизированной карты присоединился Гуерс. Рядом с ним малыш хасситти почти уткнулся в чертеж длинным носом, точно обнюхивая каждую линию.

Затем он выпрямился во весь свой крохотный рост и указал не на карту, а на запад, что-то возбужденно шепча и прищелкивая. Ламарил выслушал его быструю речь, а затем сказал:

— Это Куав из рода сновидцев. Он просит, чтобы мы разрешили ему сегодня ночью обозреть для нас даль. Ве-

дунья, для этого нужны особые травы. А у нашей целительницы Тостлет запас не полон. Ты не поделишься с ней?

Салин быстро кивнула, хасситти подошла к ней, и они вместе начали рыться в мешке. Наконец Тостлет взяла связку перекрученных листьев. Салин внимательно следила за ней.

Сама Кадия и думать не хотела ни о каком дальновидении. Тошнота, вызванная тем, что показала чаша, становилась все сильнее. Она даже не смогла укунить лепешку, хотя и была голодна. Свернувшись на спальной циновке, она крепко прижала к груди обнаженный меч, повернув его глаза от себя — пусть несут стражу.

К счастью, снов в эту ночь она не видела. А лагерь укрепили и охраняли синдоны, и она могла ни о чем не заботиться. Всю ночь она спокойно спала.

Раздалось щебетание, и к плечу Кадии прикоснулись чьи-то пальцы. Она открыла глаза и увидела серый туманный рассвет. Над ней склонилась Тостлет. Целительница погладила ее по лицу. Осторожное движение когтей несло приятную прохладу. В другой руке хасситти держала чашку с чем-то густым и жирным. В отличие от мази, с помощью которой обитатели болот спасались от жалящих насекомых, содержимое чашки источало благоухание и освежало кожу.

— Целительница! — Кадия стряхнула с себя остатки сна. — Прими мою благодарность. — Она приподнялась, села и улыбнулась Тостлет.

— У мудрой Салин есть свои снадобья, у меня свои, и вместе мы отгоняем крылатых кровососов, — сказала хасситти не без самодовольства. — Но мое не мучает нос дурным запахом.

— Ты права, Тостлет, — засмеялась Кадия. — И в этом месте лучше не придумашь!

В первый раз за очень долгое время она проснулась, чувствуя себя уверенной и спокойной. В этом сражении они обладали значительными преимуществами. Вопреки всем предостережениям Ламарила, она не сомневалась, что синдоны способны применить Силы, какие ее сопле-

менникам и не грезились,— быть может, много превосходящие мощь Талисмана Трех.

Свертывая спальную циновку, перед тем как убрать ее в мешок, Кадия заметила, что она делает это чуть ли не последней. Большинство уже завтракали — и не только дорожными запасами, но еще и свежезажаренной горбой. Она заметила, как Ламарил облизал пальцы. Стань свидетелями этого обитатели Цитадели, они сразу бы забыли почтительный страх, который внушали им Исчезнувшие.

Завязав мешок, Кадия подошла к дотлевающему костру и взяла последний кусок горбы, насаженный на прут.

— Ясный день, легкий путь,— церемонно поздоровался с ней Ламарил, и она постаралась ответить в том же тоне:

— Да будет так для всех здесь! — Ожидая, пока рыба чуть остынет, она спросила: — А что сновидец?

— Видел сон,— ответил Ламарил совсем невесело, и безмятежная уверенность Кадии поугасла.— Нам предстоит идти быстро и далеко.

Джегана и Смайла нигде не было видно. Кадия догадалась, что они вновь ушли на разведку. Но их мешки она увидела на плечах двух синдон, которые вдобавок несли и свое снаряжение. Лалан держалась рядом с Салин, когда они тронулись в путь, но не поддерживала ее, так как посох ведуньи в это утро служил не столько опорой, сколько почетным символом.

Вскоре они сошли с полосы твердой земли, которая так долго облегчала им путь, и теперь продвигались заметно медленнее, огибая топи. Дважды они выходили к речкам, и оба раза находили там лодки. Однако риморинов, чтобы буксировать их, не было, так что синдоны брались за шесты и перевозили отряд на другой берег.

Теперь они пробирались между высоких стеблей, цветущих топь была обязана своим названием Золотой. Хотя муссон обломал верхушки с семенными коробочками, они уже пустили новые ростки. Синдоны поочередно втыкали копыя в путаницу стеблей, разгоняя притаившихся там тварей. Хасситти все время шли за ними,

и Кадия два раза видела, как малыши нагибались, протягивая когтистую руку, а затем распрямлялись, сжимая извивающуюся гадюку, ловким движением ломали ей хребет и отбрасывали подальше.

В полдень им не удалось сделать привал, потому что не нашлось сухого места, и они замедлили шаг. Салин вновь тяжело опиралась на посох, и Кадия держалась рядом с ней, чтобы поддержать, если понадобится.

Хотя ходили слухи, что в Золотой Топи немало развалин и уйзгу привозили в Тревисту сокровища из этого края, но на протяжении всего дня им ничего подобного не встретилось.

Под вечер появился Джеган, когда они наконец выбрались на твердый островок, где можно было передохнуть после утомительной ходьбы по вязкой грязи и скользким кочкам.

С охотником пришли три уйзгу, чьи лица были покрыты сложными узорами. Кадия узнала боевую раскраску.

Раздобытые Джеганом сведения заставили их сразу же повернуть на запад, а вновь пришедшие вызвались служить им проводниками. Здесь даже кое-где росли деревья, и они вспугнули стаю дросков — шесть птиц с блестящими перьями, очень ценившимися торговцами, широкими спиралями взмыли в небо. Переливы нежно-оранжевого оперения на фоне неба выглядели особенно красиво. Зато вместо звонких трелей красавицы испускали только хриплое карканье. Питались дроски падалью и обладали повадками, плохо сочетавшимися с их прелестной внешностью.

Но притом они отличались пугливостью и улетали при появлении любых крупных обитателей болот, не говоря уж о людях, из чего следовало, что путники нашли место для лагеря, где вокруг не было опасных четвероногих, а уж двуногих и подавно.

Уйзгу собирались вместе, сообщили их проводники. «Желтая смерть» словно бы дальше не распространялась, но заразила уже добрую четверть их края. Их целительницы и ведуньи усердно искали способ, как его очистить, но пока тщетно.

А скритеки осмелели и нападали почти открыто, как в дни Волтрика. Уже произошла большая схватка, в которой уйзгу потеряли столько же воинов, сколько и скритеки. Однако топители словно бы торопились куда-то на запад, к горам, и, как убедились идущие по их следу воины-уйзгу, не сворачивали с дороги, чтобы причинить новый вред и ущерб.

И еще уйзгу заметили, что теперь они могли идти даже через зараженную землю почти без опаски, хотя, когда могли, обходили желтые пятна. Возможно, то, что их оберегало, действовало недолго.

— Мы переправимся через Нотар, — объявил Лама-рил. — Затем пойдем на запад. Там больше твердой земли, и мы будем продвигаться быстрее.

— А прислужник Варма? — спросила Кадия.

— Он идет по этому берегу. Так, во всяком случае, показал сон.

— И как быстро? — не отступала девушка.

У него не было времени ответить: небо над ними словно расколол визгливый вопль. Ничего подобного Кадии еще слышать не доводилось. Будто кричали голод, ярость, грозная опасность.

Они вскочили, хасситти сгрудились вокруг них, подняв свое оружие.

Вопль ворвался в их уши второй раз. Кадия посмотрела вверх, так как доносился он словно с неба. Но теперь кусты в дальнем конце островка, где они устроились на ночлег, заколыхались так сильно, что это было видно и в вечернем сумраке.

Глава 21

Из кустов выпрыгнула тварь, не выше человеческого роста, но с туловищем настолько широким, что выглядела она настоящим чудовищем. Кадия ни разу не слышала о таком от охотников. Из разинутой пасти, величиной почти в дверной проем, вновь вырвался отвратительный визг.

Складки бородавчатой кожи почти прятали красные глаза, помешавшиеся сверху. Чудовище распространяло вонь, такую же страшную, как визг.

Передние лапы с перепонками между пальцев были вытянуты вперед. Чудовище оперлось на них, и между ними заколыхалось серое брюхо.

Кошмарное зрелище! Тем более ужасное, что Кадия теперь догадалась о его происхождении. Это было непомерно увеличенное обычное земноводное камышовых зарослей. Только те были не больше ее ладони.

Из пещеры пасти вывалился скрученный канат языка, толстого, обмазанного слизью. Целилось чудовище в одного из хасситти и схватило бы малыша, если бы Ламарил молниеносно, как опытный воин, не выхватил свой жезл и не ударил им по клейкому языку.

Яркая вспышка. Язык дернулся вверх, и по всей его длине пробежала лента зелено-синего огня.

Пламя ударило в морду чудовища рядом с одним из глаз. Чудовище подобралось, и Кадия успела броситься в сторону, увлекая с собой Салин, едва оно взвилось в новом прыжке, видимо рассчитывая раздавить их всех своей тяжестью.

С неба донесся визг, и тут же Кадия чудовище все-таки сбило с ног, задев лапой. Она упала и несколько мгновений не могла опомниться. Девушка впивалась пальцами в сырую землю, стараясь подняться. Вокруг стоял оглушающий шум.

В глазах у нее мутилось, но она сумела оглядеться и увидела настоящее поле боя. Теперь им всем угрожала не только чудовищная лягушка, в небе кружили вурсы. Не такие уж и большие, но вурс даже средней величины мог поднять в воздух оддлинга и растерзать его на лету.

Кадия схватилась за меч. Без острия он не годился для рукопашной, но она надеялась, что Сила вновь сделает его грозным оружием.

Но ее пальцы не ощутили тепла. В мече не чувствовалось жизни. Глаза были почти закрыты.

Жезлы синдон посыпали вспышки за вспышками. Лягушка взревела, подняла лапу и хлопнула ею по зем-

ле. Кадия содрогнулась: из-под перепонки торчала нога одного из хасситти.

Затем, точно боевой клич, в голове у нее прозвучало мысленное слово:

Иллюзия!

Но она же еле увернулась от этой лапы! Из пасти чудовища дрябло свисал язык, но конец его извивался, точно отрубленный змеиный хвост.

Иллюзия! — вновь тот же властный сигнал.

Но как же так? Нога хасситти все еще торчала из-под лапы. Кожу чудовища усеивали дротики, а с неба, растопырив смертоносные когти, устремлялся вниз охотящийся вур.

Она увидела Лалан рядом с тремя другими синдонами. Они как будто не собирались отражать это нападение сверху. Или они действительно во власти какой-то иллюзии?

Кадия наконец обрела голос:

— Берегитесь! Вур!

Никто из них не поднял головы, чтобы посмотреть вверх. А когти хищника уже смыкались на шлеме Лалан. Пусть вур и не сумел бы ее поднять, когти его могли нанести смертельные раны.

Иллюзия! — в третий раз то же мысленное слово.

Кадия стиснула пальцы на бесполезном мече. Когти вура сомкнулись на шее Лалан. Гнусная тварь била крыльями, пытаясь взлететь с добычей. Но женщина не подняла жезла, чтобы отогнать убийцу, и даже не шевельнулась.

Иллюзия? Кадия поднесла руку к груди. Амулет! Она потянула цепочку, достала янтарную слезку и, сняв шлем, поднесла ее ко лбу. Она не могла бы объяснить, почему сделала это, но что-то ее заставило.

Она почувствовала режущую боль, словно амулет обладал Силой расколоть ее череп. В глазах у нее потемнело, а затем зрение вернулось к ней.

Небо было пусто. Лалан стояла спокойно, и никакой вур ее не терзал. Кадия ахнула и оглянулась на другого

чудовищного врага. Бородавчатого страшилища величиной с торговую лодку она не увидела. Ламарил наклонился над обыкновенной болотной лягушкой. Он ткнул раздутое тело, и оно съжилось от его прикосновения.

Иллюзия... только иллюзия! И все-таки девушке не верилось. Она подползла к лежащему ничком хасситти там же, где могучая лапа опрокинула его... ее... Тостлет... Не может быть!

Амулет покачивался у нее на груди, а Кадия обеими руками, очень бережно, перевернула тельце хасситти на спину. Земля хранила его отпечаток. Это не было игрой ее воображения. А тело Тостлет под ее руками было ослабленным и неподвижным.

Кадия прижала пальцы к шее целительницы, ища признаков жизни. Разве иллюзия может убить? Или гибельна вера в иллюзию?

Тостлет? — она прибегла к мысленной речи, ища доказательства, что целительница жива. — *Тостлет, все это был лишь обман чувств!*

Ламарил сумел послать ей мысль, а теперь она старалась послать такую же мысль Тостлет.

Длинный нос вздрогнул. Высунулся кончик языка-трубочки, маленькие глаза открылись.

Это был обман чувств, Тостлет! — Девушка прижала к себе щуплое тельце, не обращая внимания на то, что естественный панцирь хасситти больно царапает ей кожу. — *Иллюзия! Посмотри сама!*

Кадия приподняла ведунью так, чтобы она увидела безобразную обитательницу камышовых чашоб.

Хасситти охнула, испустила чирикающий возглас, а потом ухватила Кадия за локоть и откинула голову, чтобы заглянуть девушке в лицо. Кадия подкрепила мысленную речь энергичным кивком.

Обман, Тостлет. Обман, чтобы мы сами себя погубили!

— Верно! — К ним подковыляла Салин и с трудом опустилась на колени, держась за посох. — Но такой похожий на правду. — Она покачала головой. — Поистине порождение великой Тьмы.

— Но кто? — спросила Кадия, все еще прижимая Тостлет к себе. — Какая Сила?

И почему меч не помог ей? Девушка вздрогнула. Не начала ли она сама слишком уж полагаться на свою Силу? Хотя не понимает ее и никогда не понимала?

Ламарил наконец отвернулся от ставшего маленьким чудовища.

— Все как встарь: земля превращает свои порождения в оружие. — Его губы, не закрытые забралом шлема, искривились. — Но это игра для незнающих. Как прислужник Варма мог вообразить, что мы ее не разгадаем, что она причинит нам вред?

— Но ведь вред некоторым из нас она причинила! — мрачно отозвалась Кадия. — Я видела смерть... а Тостлет ее почувствовала. И мы попались в ловушку, пусть твои друзья и избежали ее. Способен ли он проверить, как велики наши Силы? Даже мой меч ничем мне не помог.

— Но помогло то, что ты носишь на шее, — заметил Ламарил.

— Только благодаря твоему предостережению, — упрямо стояла она на своем. — Иначе... Наверное, эти иллюзии убили бы нас. Разве нет?

Он не ответил.

— Разве нет? — повторила Кадия. — Я не принадлежу к твоему народу, как и оддлинги, как и малыши, которые так долго лелеяли память о вас. Если мы не способны разгадать иллюзии, которые создает искусный колдун, то нас же ждет смерть, правда?

— Да, — ответил он наконец. — Но такие иллюзии теперь раскрыты и мы предупреждены...

— Предупреждены, что не должны доверять тому, что видят наши глаза, тому, что слышат наши уши. Эта земля и так уже враждебна нам. И теперь каждая топь, каждый бочаг может обернуться ловушкой.

Он кивнул, и Кадия пробрала дрожь. Она хотела от него другого — заверений, что это вовсе не так. Ей случалось бояться. Но прежде страх вызывало что-то настоящее, понятное. А что ей делать теперь?

— Королевская дочь... Кадия! — Ламарил подошел поближе. — Ты многое свершила. Забудь о том, что тебе не дано, подумай лучше о том, что можно сделать. Пусть меч не отзывался в час твоей нужды, но дар, полученный в час рождения, помог тебе. Ты не беспомощна.

Кадия надеялась только, что его мысль не проникнет глубже, не откроет ему смятение ее чувств, черные тени сомнений... Ее всегда считали опрометчивой, необдуманно смелой. А теперь она думает, и смелость изменяет ей при виде разверзающейся непреодолимой пропасти.

— Я делаю то, что должна, — пробормотала девушка и обрадовалась, когда кто-то из синдон позвал Ламарила и он отошел.

Тостлет приподнялась в ее объятиях.

— Благороднейшая...

Кадия вздрогнула.

— Тостлет, ну пожалуйста! Ты же видишь, что я не принадлежу к великим. Зови меня Кадия или просто «друг».

— Друг... — повторила хасситти. — Да, между нами благие чувства. Но все равно мы называли тебя как должно. Ты носишь на груди Силу.

Она указала на амулет, но не прикоснулась к нему. Сияние Триллиума, навеки заключенного в янтаре, радовало и даже согревало взгляд.

— Не принижай себя в собственных глазах, друг, — продолжала Тостлет. — Мы идем померяться Сила с Силой, и у каждого есть что предложить. Когда кузнец соединяет металл с металлом, он создает более крепкое оружие. И мы станем таким оружием, какое освободит наш край.

Если иллюзия была создана, чтобы задержать их, наставший ее маг не преуспел. Теперь они пошли даже быстрее, и синдоны в очередь с разведчиками проверяли, не подстерегают ли их впереди еще такие же ловушки.

Быть может, враг хотел усыпить их бдительность: в следующие два дня ничего неожиданного не случилось. На второй день они сели в лодки, присланные за ними. Лодками не только управляли уйзгу, но к ним были припря-

жены риморики, так что поплыли они со скоростью, на какую Кадия и не надеялась.

Плыли они вверх по небольшому притоку Нотара. Солнце заходило за могучие хребты западных гор. Дважды разведчики-уйзгу сообщали, что к горам направляется большой отряд скритеков. Однако на южном берегу реки против них собиралось войско — уйзгу и ниссомы северных кланов.

Многих воинов-ниссомов Кадия узнавала — они воевали против Волтрика. И два раза она просила, чтобы ее высадили на берег: надо было предупредить вождей об иллюзиях.

Сновидец-хасситти был вне себя. Никакими средствами ему не удавалось рассеять облако мрака, окутавшее север. И Кадия не решалась вновь поискать Харамис.

На третье утро после их борьбы с иллюзиями они достигли предгорий. Вода в реке уже не была коричневатой, как среди болот, и стала очень холодной — чтобы помыться в ней, требовалась большая решительность. Ведь реку питали вечные снега на вершинах.

Да и воздух утратил тепло болот. Оддлинги кутались в плащи из камыша и предложили их своим спутникам. Для синдон они были слишком малы, но Кадия с благодарностью тоже закуталась в плащ. Он, правда, оказался не такой хорошей защитой от горных ветров, как она надеялась.

Затем уйзгу, управлявшие лодками, с сожалением сказали, что не могут просить римориков продолжать путь: такой холод не для обитателей болот.

Так что им пришлось вновь идти пешком, а это было заметно медленнее. Но земля под их ногами тут была твердой.

Впервые Кадия увидела корявые, исхлестанные ветрами горные деревья. А воздух по утрам был таким ледяным, что обжигал горло. И дышалось ей тяжело. Утром, после того как уйзгу высадили их на западном берегу, Ламарил использовал свой жезл совсем по-новому. Уравновесив его на ладони, он сосредоточенно уставился на сверкающий металл.

Кадия теперь носила амулет поверх кольчуги, чтобы легче уловить предупреждение. Уже несколько дней он светился и был теплым — верный знак, что они приближаются к источнику Силы.

Жезл на ладони Ламарила дрогнул и чуть повернулся, указывая на юг. Он возвратил его в прежнее положение, но жезл вновь повернулся. И они пошли в этом направлении.

Перед ними открылась долина между двумя отрогами гор. Галька под ногами указывала, что идут они по руслу высохшей речки, а может быть, потока, который нес тут свои воды только в определенный сезон. Пышная растительность болот исчезла, сменилась жесткой сероватой травой с острыми краями, как убедилась Кадия, когда поскользнулась на гальке и ухватилась за пучок стеблей, чтобы не упасть, — потом она еще долго слизывала кровь с порезанных пальцев.

Шли они не бесшумно. В узких местах оружие звенело, задевая валуны. Один раз сверху донесся крик, и они увидели в небе распростертые крылья ламмергейера: огромная горная птица спустилась пониже, словно желая получше рассмотреть, кто это вторгся в ее горы. Ламмергейеры были в услужении у Харамис. Если бы можно было послать ей весть с этим дозорным! Кадия проводила взглядом улетающую птицу. Но, наверное, ее сестра знает, что надвигается беда, и ламмергейер предупредит ее об их появлении.

Долина сузилась в ущелье с высокими скалистыми стенами, которые становились все выше. И уже ни деревьев, ни травы, а на каменных обрывах — древние следы, которые оставил бешеный поток, пролагая себе путь.

Крутой поворот — и путь им преградила каменная стена, серую поверхность которой там и сям покрывали тускло-красные и бледно-желтые пятна. Видимо, кристаллы, решила Кадия, всмотревшись в них. Русло здесь уводило на юг, но Ламарил остановился перед каменной стеной — жезл указывал прямо на преграду.

Кадия ахнула. Жезл вырвался из руки Ламарила — нет, он не метнул его! — и, ударившись о камень, замер го-

ризонтально, словно вонзившись в него. И в тот же миг ее амулет взлетел, натягивая цепочку, которая впиалась ей в шею, и тоже повис в воздухе. А когда девушка схватила его, ей показалось, что он зажат в невидимых тисках.

Кристаллы на каменной стене засветились. Теперь Кадия увидела, что они слагаются в узоры, напоминающие вытканые записи племени Джегана или знаки в древних книгах Ялтана.

Ламарил протянул руку к жезлу и оторвал его от стены. Несколько мгновений надпись продолжала светиться, затем угасла. Синдоны собрались тесной группой. Губы Ламарила сурово сжались.

Кадия ощутила тревогу — не то чтобы страх, но скорее смущение, словно после прямого нарушения какого-нибудь старинного запрета; что-то подобное испытывал Джеган, когда они впервые отправились с ним по дороге в Ялтан, куда путь ему возбраняла древняя клятва, данная его племенем.

Ламарил повернулся влево к каменной осыпи, опасной и ненадежной на вид, возле которой стена кончалась.

Они сняли заплечные мешки и связали их в несколько тюков. Готовясь к трудному подъему, они сбросили и плащи. Кадия посмотрела на Салин — сможет ли немощная уйзгу одолеть такую крутизну?

Но ведунья выглядела спокойно. Она привязала посох к спине и стояла, вытянув руки и разминая пальцы, словно чтобы придать им цепкость.

Хасситти уже столпились у подножия осыпи и проверяли ее надежность. Их когтистые ноги и руки были словно созданы для такой задачи, и они начали уверенно карабкаться вверх. Джеган и уйзгу последовали за ними медленнее и дважды замерли в неподвижности, когда мимо скатывался сорвавшийся камень.

Кадия проверила, надежно ли прикреплен меч, а короткое копье оставила с мешком.

Она не знала, насколько ловко сумеет взобраться, но тем не менее надо было помочь Салин. Она указала на свернутую веревку у мешка одной из синдон.

Вместе! — послала она мысль ведунье.

Ламарил, хотя направляла она мысль не ему, резко обернулся. Но возражать не стал, а просто взял веревку у синдоны и протянул ей.

Салин покачала головой и попятилась. Но Кадия без лишних разговоров накинула петлю на талию маленькой ведуньи и затянула, прежде чем та успела ускользнуть. Девушка решительно направилась к осыпи, а сзади наготове стоял Ламарил во главе более тяжелых синдон.

Глава 22

Кадии еще ни разу не приходилось проверять свою сноровку подобным образом, ведь в болотах не было скал. Однако она понимала, что должна смотреть только на камни перед собой. Щелей, чтобы цепляться руками и ногами, было предостаточно, но выдержат ли камни ее вес? Они ведь иногда покачивались и под оддлингами, которые ниже ее и легче.

Продвигалась она очень медленно, тщательно проверяя надежность каждой опоры. Она ободрала кончики пальцев и обломала все ногти, всовывая их в узкие щели, пока ее обутое в сапоги ноги нащупывали отверстия пошире. Но так или иначе, она понемногу поднималась все выше и выше.

Как и Салин. Веревка между ними ни разу не натянулась: пока ведунья не отставала от нее. Внезапно камень под правым сапогом девушки покачнулся. Она отчаянно уцепилась руками, распластавшись на вертикальной стене.

Чьи-то сильные пальцы сжали ее лодыжку, она ощутила их уверенную хватку даже сквозь сапог. Миг спустя носок ее сапога был вдвинут в щель, и она смогла найти опору. Но ее била дрожь, и, хотя дул знобящий ветер, она обливалась потом. Из-под шлема он струйками стекал на подбородок.

Кадия переводила дух и медлила, стараясь успокоиться, обрести уверенность, чтобы снова начать подъем. Ей удалось себя принудить. Она цеплялась пальцами, отыс-

кивала опору ногами и поднималась, поднималась... Потом на ее запястьях сомкнулись сильные руки, и ее втянули на уступ. На четвереньках Кадия отползла от края, и тут опоясывающая ее веревка натянулась, но Смайл и кто-то из хасситти тотчас втащили Салин на уступ, который, впрочем, тоже особой безопасности не сулил.

Ведь они еще не выбрались на вершину горы. Это был довольно узкий карниз, на котором они могли стоять спиной к каменной стенке. У самых их ног спускалась местами осыпающаяся стена. Карниз прежде, несомненно, был много шире, но змеившиеся по нему там и сям трещины показывали, что немалая его часть обломилась и скатилась в сухое русло.

И еще кое-что! Кадия откинула голову, ее ноздри расширились, улавливая чуть заметный запах. Очень слабый, но он нес гибель!

— «Желтая смерть»! — Она облекла предупреждение в слова, а не ограничилась предостерегающей мыслью. Тут не было гниющей растительности, ничего живого, что могло бы питать губительную плесень, но не узнать этот смрад было нельзя. Стоявшие возле нее посторонились, и на уступ поднялся Ламарил. Значит, он карабкался прямо за нею. Не его ли рука поддержала ее в опасный миг? Эта мысль промелькнула в голове Кадии и исчезла. В месте, где возникла осыпь, карниз заметно сужался, так что им пришлось пробираться мимо выемки, отчаянно прижимаясь к стене, столь же осторожно, как и во время подъема. Высоким синдонам не хватало места, и они были вынуждены пробираться вдоль самого края. Но страшнее всего был чумной смрад.

Однако этот карниз был единственной дорогой, так как огибал кристаллическую преграду. Ламарил и Фаэль шли первыми из людей, а перед ними семенили хасситти. Малыши из Ялтана оживились, словно участвуя в состязаниях по бегу. Верх стены был широким, а карниз все больше сужался, и те, кто шел впереди, взобрались наконец на стену. Оттуда они увидели, что дальше опять идет русло, а на обрывах по его берегам высоко видны следы, оставленные водой, словно прежде плотина запирала не-

большое озеро. Кое-где на камнях виднелись яркие пятна, которые Кадия приняла было за цветы,— так четко они выделялись на общем сером фоне. Но затем она разглядела, что они слагались из красных и желтых кристаллов, какие она уже видела на гладкой стене, верха которой они теперь достигли.

Теперь им предстояло спуститься назад в русло, так как верхний путь был слишком узок. Сначала мешки, а затем одлинги, хасситти и Кадия соскользнули вниз по веревкам, которые крепко держали синдоны.

Один за другим спустились и Исчезнувшие. Наконец наверху остались только Ламарил и Фаэль. Они встали на колени и прижали свои жезлы к каменной поверхности, точно сверла, которыми пользовались строители лодок. И действительно, тонкие концы ушли в камень. Привязавшись к ним веревкой, Ламарил и Фаэль быстро спустились. Едва их подошвы ударились о старое галечное дно, как они дернули веревку. Кадия услышала очень высокий свист и увидела, что жезлы завертелись, высвободились из камня, взлетели в воздух и упали так, что хозяева поймали их на лету.

Ламарил провел пальцем по всей длине своего удивительного оружия-инструмента. Кадия не видела его лица, скрытого шлемом, но ощутила тревогу, излучавшуюся им и Фаэлем, словно каким-то образом они уменьшили Силу, на которую полагались. Но если это и так, они сразу с этим смирились, так как Ламарил тут же обернулся к ним.

— Мы пойдем так,— он указал вперед,— но следите за тем, чтобы не коснуться кристаллов. Они своего рода стражи, а мы не знаем, как велика их Сила, как велика их мощь сейчас.

Выслушав его предостережение, они двинулись в путь гуськом, внимательно оглядывая землю и огибая то одно яркое пятно, то другое. В воздухе по-прежнему висел смрад «желтой смерти», хотя он был заметно слабее в сравнении с тем, который исходил от омерзительных следов на болоте. Тем не менее Кадия внимательно высматри-

вала не только скопления кристаллов, но и растения, которые могли таить заразу. Но пока ее взгляд встречал лишь бесплодный камень.

Русло все время уходило вверх, и, хотя окружающий мир заслоняли обрывы, впереди они видели темную громаду гор, а ветер, свистевший в этой теснине, нес с собой холод льда и снега.

Дневной свет начинал угасать, а в ущелье и так было сумрачно. Близился вечер, но им не удавалось найти место, достаточно свободное от кристаллов, чтобы устроить лагерь. Однако отдохнуть и поесть им необходимо, подумала Кадия. Во всяком случае, оддлингам, хасситти и ей. Хотя синдоны, возможно, ни в чем подобном не нуждаются.

В полумраке кристаллы начали светиться, и теперь избегать их стало проще. Однако конца им видно не было, во всяком случае насколько хватало ее взгляда. Внезапно Кадия заметила, что дальше над руслом висит туман, похожий на болотный. Но ведь тут нет воды!

Края тумана выглядели странно плотными, усилился и смрад. Кадия замедлила шаг и послала мысленное предупреждение, надеясь, что его воспримут все члены их отряда. Однако синдоны продолжали идти все так же быстро.

— Ламарил,— она догнала предводителя,— впереди пахнет «желтой смертью».

— Другого пути нет, королевская дочь,— ответил он.

Она очень боялась за оддлингов, быстро семенящих хасситти. Возможно, синдонам «желтая смерть» представляется неопасной. Но она-то ее видела!

На всякий случай Кадия извлекла меч из ножен. Рукоять была чуть-чуть теплой — глаза приоткрылись, и из них исходило слабое сияние. Они жили, эти странные очи, они испепелили в ничто зараженные участки на болотах. Но выдержат ли они долгое использование их Силы?

Туман впереди теперь превратился в черный занавес и выглядел таким плотным, что казалось, его можно бы-

ло пощупать. Они приближались к его клубам, не сбавляя шага. Кадия все время принюхивалась, однако смрад не усиливался.

Ламарил протянул жезл. В занавес ударил луч света не толще мизинца. Он резал его, словно нож.

Но темное облако не рассеялось, а развернулось в длинные полосы, которые поползли к ним. Еще одна иллюзия? Нет, решила Кадия. Было ясно, что это не охрана, оставленная в древности Исчезнувшими, а враждебное порождение.

Одна из черных лент протянулась влево. Хасситти Куав прильнул к камням и отполз назад. Лалан подняла жезл и ударила режущим лучом по этой полосе.

И полоса отпрянула, словно отдернулась обожженная рука. Но на камне, которого она коснулась, остался мазок поблескивающей слизи, на этот раз черной, распространявшей знакомый смрад.

Еще три синдоны присоединились к своему предводителю. Кончики их жезлов теперь испускали яркие лучи, которые поражали извивающиеся лохмотья мрака.

По ним побежал огонь, они корчились, точно живые существа, брошенные в пылающую печь. Вскоре облако исчезло, и им снова открылся путь вперед. Однако теперь его усеивали вонючие пятна. Кадия подняла меч и нацелила глаза на рукояти на ближайший комок слизи. Но талисман не подчинился ее воле. И испепелила комок одна из синдон.

Кадия ошеломленно осмотрела оружие, на которое так долго привыкла полагаться. Глаза были открыты, она могла в них заглянуть: в зеленоватый оддлинговский, карий с золотистыми блестками, похожий на ее собственный, и самый большой и блестящий, подобный глазам синдон.

Они просто наблюдают... или ждут чего-то? Но чего? Берегут свою мощь для грядущего испытания? Ее смятенный ум выискивал множество ответов, но кто знает, верны ли они?

Тем не менее она не стала вкладывать меч в ножны, шагая позади синдон рядом с оддлингами и хасситти, ко-

торые замыкали отряд. От тумана не осталось и следа. Она поглядела вперед.

Высохшее русло уходило вдаль, а слева виднелись узкие ступеньки, прорубленные в скале и ведущие наверх. А на ступеньках темнели пятна, совсем сухие, похожие на скорлупу, но издающие все тот же смрад. Ламарил взял жезл на изготовку и начал подниматься, очищая лучом каждую ступеньку перед собой. Они были крутыми и явно предназначались для длинных ног Исчезнувших. Хасситти карабкались по ним на четвереньках, а Кадия останавливалась на каждой, чтобы помочь взобраться Салин. Ведунья выглядела еще более уставшей, но она не позволяла себе ни единой жалобы. Вытащив из сумки на поясе горсть высушенных листьев, она принялась их жевать в надежде, что это принесет ей облегчение.

Сумерки сгустились, но темнота, казалось, не была препятствием для синдон. Возможно, они обладали даром ночного видения. Кадия старалась не смотреть на внешнюю, ничем не огороженную сторону лестницы, подниматься по которой было немногим легче, чем карабкаться по каменной скале. Но ведь наступит когда-нибудь конец! Они уже миновали предгорья и находились в настоящих горах. Она вздрагивала от пронизывающего ветра, к счастью, дул он не настолько сильно, чтобы сбросить их с лестницы.

Наконец они добрались до площадки — такой ровной, что она казалась вымощенной плитами. С одной стороны она была открыта всем ветрам наступающей ночи, с другой была вертикальная скальная стена без всяких ступенек.

Ламарил и те синдоны, которые поднимались первыми, уничтожая черный туман, сразу направились к стене. Они направили жезлы перпендикулярно скале, и тут же жезл Ламарила сам собой сорвался с ладони и впился в камень чуть выше гребня его шлема. Жезлы его товарищей воткнулись слева и справа.

Кадия увидела, как жезл Ламарила начертил тоненькую горизонтальную линию света. Остальные тем же

способом начертили две вертикальные линии. В результате высветился прямоугольный контур двери.

Однако эти линии замерцали и погасли почти сразу же, как появились. Ламарил поспешно прикоснулся к жезлу, но не стал отрывать его от камня. Вновь вспыхнули линии и тотчас погасли.

Ламарил прижал ладони к камню внутри прямоугольника, начертанного жезлами. Он напрягся. Два его товарища подошли к нему сзади и положили ему руки на плечи — один на правое, другой на левое.

Сила! Кадия почувствовала, как много они ее расходовали. Синдоны пытались проломить вход. Но нарастали и волны ответной, сопротивляющейся энергии. Меч под рукой Кадии протестующе дернулся. Она увидела, как словно от боли закрылись глаза на рукояти.

Новый прилив Силы, но Ламарил и его товарищи по-прежнему стояли перед сплошной стеной. Линии померцали и больше не зажигались.

— Запечатано! — Ламарил отступил, оторвав свой жезл от скалы. — Запечатано, как тогда, но нам не поддается.

Прицепив жезл к поясу, он вновь повернулся к стене, осторожно прижал к камню кончики пальцев обеих рук и начал водить их кругами, оставаясь в пределах прямоугольника, теперь уже не обозначенного линиями.

Здесь мрак, сотканный мрак! — мысленная речь исходила не от Ламарила, а от Салин, которая вышла вперед. Лицо ведуньи выражало отвращение, под которым таилась страх.

— Мрак, — повторила она, когда Ламарил наклонил голову и посмотрел на нее.

— Это сделано прислужником Варма! — Лалан вздрогнула. — Значит, он опередил нас.

— Не думаю, — медленно произнес Ламарил. — Будь так, вход был бы открыт. Ведь он хочет, чтобы те, кто там, вышли наружу. Последнее заклятие наложил Каскар, а он не принадлежал Тьме. Как и Бина, которая присутствовала при этом, чтобы потом нести постоянную стражу. Кадия! — Теперь его мысль коснулась мыслей девушки. —

Ты рассказывала об Орогастусе, который посягал на запретное. Что он был за человек?

Она пыталась вспомнить все, что слышала от Харамис. Но она знала, что о многом, касавшемся колдуна, ее сестра умолчала, хотя в конце сама выступила против Орогастуса и сразила его Силой их соединенных талисманов.

— Он знал многое, но он был чужеземцем. Нам неизвестно, откуда Волтрик привез его как своего советника. Знаем только, что Волтрик во всем его слушался с тех пор, хотя, может быть, сам того не знал. Харамис говорила, что он хотя и постиг много знаний, искал их еще и еще. И он верил, что найдет новые сокровенные тайны в развалинах среди трясин. Он, без всяких сомнений, принадлежал Тьме и всегда тшилсЯ овладеть Силой.

— Чужеземец...— задумчиво повторил Ламарил.— Сила притягивает Силу. Это место могло притянуть его.

— Его башня была здесь, в горах,— сообщила Кадия.

— Искатель, который посягнул... и наложил запрет, чтобы скрыть свои посягательства, пока он снова сюда не вернется,— предположила Лалан.

— Быть может. Но один из заключенных здесь вырвался и добрался до Варма. И теперь нам препятствует запрет, наложенный уже им. Вот так.— Ламарил снова обернулся к стене.— Мы можем сделать то же. И когда он доберется сюда, это его задержит.— Он посмотрел на ведунью-уйзгу.— Что ты знаешь о запечатавающей Силе?

Она сидела на камне, поджав под себя ноги. По ее знаку Смайл принес их мешок и развязал его.

— То, чем владею я, Благороднейший, невелико. Я вижу вдаль, я передвижу немножко. Знаю кое-что об искусстве исцеления. Знаю заговоры для охотников, странников, тех, кого мучают плохие сны...

— Сны! Это касается хасситти! — перебил Куав, подковыляв к уйзгу.— Сны — мое дело. Но какой прок от них тут?

Салин тем временем вытащила из мешка три сверточка и металлическую тарелочку величиной с ладонь Кадии.

— Пока, возможно, никакого, малыш,— ответил Ламарил.— Но свой прок есть у любого вида Силы...

Салин накрошила на тарелочку сухие листья и добавила по щепотке порошка из двух других сверточков.

Уже совсем стемнело. Тарелочка стала испускать самостоятельное сияние. Жезлы синдон пылали как свечи. Хранители окружили ведунью, но так, чтобы не заслонить от нее гору.

— Вот самая большая Сила, какой я владею, Благороднейший! — Ведунья достала щепочку и дотронулась ею до тарелочки. В смесь ударила искра, и закурился дым — светящийся, хорошо видный. Салин взмахнула рукой, и вертикальная струйка дыма стала горизонтальной, коснулась стены...

Ламарил опустил на одно колено, переводя взгляд с Салин на стену и обратно. Даже при этом скудном освещении Кадия увидела, как расширились его ноздри. Она тоже уловила запах, острый, дразнящий, словно исходящий от пряного блюда.

— Заркон? Да,— ответил он сам себе.— А твоя песнь, ведунья?

Все еще направляя дым протянутой рукой, Салин откинула голову, как бы взывая к чему-то невидимому в воздухе над ними.

Из ее уст полились странные дрожащие звуки, не похожие на песни, которые знала Кадия. Смайл встал позади нее на колени и начал ритмично ударять ладонью по камню. Кадия услышала, как точно хлопки отбивают ритм гортанного песнопения.

Ламарил встал и шагнул к обрыву. Он протянул жезл к струйке дыма. Ее конец обвился вокруг жезла, и когда он поднял жезл, дым поднялся следом.

Широким движением руки он направил укрощенный дым к потаенной двери и начал водить ярко вспыхнувшим жезлом по ее поверхности. Вновь на камне появились линии, на этот раз очень тонкие и серые. Линии дыма сплетались в плотную паутину. Но дверь не поддавалась...

Джеган обошел всю площадку, на которой они находились, и обнаружил малозаметное углубление в стене. От него Кадия, а следом за ней и остальные принялись карабкаться по расселине. Девушке, оддлингам и хасситти это удавалось легко, но для синдон она оказалась тесноватой.

Расселина вскоре кончилась, и они очутились в небольшом удобном углублении. Почти все пространство занимала огромная куча сучьев и сухой травы, выложенная изнутри остатками пуха. Гнездо ламмергейера!

Опытный Джеган, тщательно осмотрев его, заверил остальных, что оно пустует уже давно. Огромные птицы выводят птенцов всегда в одном и том же гнезде, значит, по той или иной причине это было покинуто навсегда.

Хотя в гнезде довольно скверно пахло, все кое-как расположились в его довольно тесном пространстве.

Кадия поняла, что им остается только ждать, когда появится слугитель Тьмы. Если он, выбравшись из тайника наружу, действительно наложил запрет на дверь, желая обезопасить оставшихся там, то заклинание, сотворенное Ламарилом и Салин, должно его задержать.

Только когда девушка прилегла в тесноте и утолила голод лепешками, она отдалась усталости, накопившейся за этот тяжелейший день. Утомленные мышцы мучительно ныли. Раньше Кадия думала, что давно доказала свою выносливость, но только теперь она узнала, что такое настоящие трудности.

На этот раз синдоны не очертили место ночлега защитным кругом и не зажгли костер, хотя сухие остатки гнезда послужили бы прекрасным топливом. Очевидно, они не хотели, чтобы чары или огонь предупредили того, кого они ждали, об их присутствии.

Удастся ли им справиться с колдуном, который, торжествуя, поднялся с огненного трона? Ей не было известно, сколь велика Сила, к какой могут прибегнуть синдоны или колдун, но поведение Ламарила сказало ей, что

Исчезнувшие считают этого древнего своего врага с их кровью в жилах очень опасным противником.

Гнездо защищало их от буйства ночного ветра, но Кадия чувствовала, как дрожат Салин и Тостлет, прижимавшиеся к ней справа и слева. Они не лучше ее переносят холод, не знакомый обитателям болот. Их плащи из камыша, оберегающие от влажных туманов, от подобного ветра почти не защищали.

Кадия старалась заснуть, отгоняла мысли о том, что ждет впереди. Если бы синдоны не потерпели неудачи с дверью, сомнения ее не грызли бы. Она всю жизнь свято верила в непобедимую Силу Исчезнувших, и теперь признать, что и у этой Силы есть предел, значило лишиться твердой почвы под ногами.

Если бы они могли позвать Харамис! Здесь, среди гор, которые сестра выбрала для своего обитания, конечно же, с ее помощью всем было бы легче. Но всякие чары были запрещены — для их же безопасности.

Наконец усталость взяла верх над всеми сомнениями и тревогами, и Кадия уснула. Никакие сонные видения ее не посещали.

Когда она проснулась в этом тесном убежище, только-только забрезжил серый рассвет. Спавшая справа от нее Салин тоже проснулась и теперь сидела, о чем-то задумавшись. На фоне светлеющего неба виднелись силуэты двух голов в шлемах. Синдоны несли стражу.

Королевская дочь... — почувствовала она легчайшее прикосновение мысли, обращенной к ней Тостлет.

— Что случилось? — Кадия стряхнула остатки сна и вдруг заметила кое-что новое: прижатая к ее боку рукоять меча была теплой и становилась все теплее.

— Тут есть тайна... — Последнее слово прозвучало неуверенно.

— Где?

— Прямо под нами.

Тостлет принялась разгребать ветки и всякую труху в том месте гнезда, где сидела. Потом ее когти начали тихонько царапать по камню. В сумраке Кадии было пло-

хо видно, что делает хасситти, но, несомненно, она разбирала камни. Тостлет протянула руку, когти сомкнулись на запястье девушки и прижали ее пальцы к чему-то. Камень, но не только... Таким гладким может быть только металл! Вделанный в камень. Кадия нащупала твердый металлический прут. Она наклонилась пониже, и амулет у нее на груди ожил, засиял золотым светом.

Кадия!

Прикосновение мысли Ламарила. Она безошибочно его узнавала.

Здесь есть что-то. Связанное с Силой.

Спящие вокруг них зашевелились, видимо, разбуженные тем же мысленным сигналом. Ламарил подполз поближе.

В сиянии амулета она увидела, как он поднес ладонь к расчищенному месту.

— Сила! — подтвердил он. — Попробуем узнать о ней побольше.

Места для осмотра было мало, все подвинулись, попятись, насколько могли. Труха издавала слабый неприятный запах, непохожий на смрад «желтой смерти».

Они расчистили это место, солнце взошло выше, и они увидели решётку, намертво укрепленную в скале. Просветы ее были узки и забиты пылью. Металл держался в камне очень крепко.

— Решетка темницы спящих! — объявил Ламарил.

— И тоже заклата,— заметила Тостлет.— Благороднейший, это могучая защита древности.

— Верно. Но она может нам пригодиться. Удачная находка!

Он хотел еще что-то сообщить, но его перебил мысленный сигнал тревоги:

Они поднимаются.

Амулет Кадии дернул цепочку, качнувшись влево, в сторону входа в расселину. Кадия напряглась. Она посмотрела на меч — меч ожил. Всякая тусклость исчезла из очей на рукояти.

Вверху с обеих сторон собираются скритеки!

Впадина, в которой они переночевали, превратилась в ловушку!

Синдоны направились к расселине, ведущей назад к площадке. Их жезлы были повернуты вниз. Уйзгу попятись, чтобы дать им пройти, а сами уже приготовили духовые трубки. Хасситти с хлыстами прикрывали отряд с тыла. Кадия также находилась сзади. Крупные фигуры синдон совсем перекрыли узкий спуск.

Девушка оглядывала обрывы, образовывавшие подобие клина, в острие которого находились они теперь.

В сером небе захлопали широкие черные крылья. Вуры! Что привлекло их сюда? Холодный воздух гор им должен быть совсем не по вкусу. Значит, ими каким-то образом повелевает прислужник Варма. Крылатые хищники могли нанести Кадии и ее спутникам серьезный урон. Ламмергейеры, огромные хозяева вершин, подчинялись Харамис, а эти, следовательно, врагам. Не только вуры угрожали им сверху — ветер, дувший с обрыва, доносил вонь скритеков. Отряд Тьмы обнаружил их и готовился напасть со всех сторон.

Раздался грохот, и с вершины обрыва, под которым еще укрывалась Кадия и большая часть их отряда, свалился большой камень. Он упал так близко от девушки, что она съезжилась от испуга. Стоявшие рядом уйзгу успели отскочить.

Это было лишь началом. Посыпался град камней — их намеревались либо раздавить, либо согнать вниз. Да, они оказались в ловушке. Один вур устремился на них в атаку, но внезапно перекувырнулся в воздухе и хрипло закричал. Оддлинги были начеку. Вур упал на обломки гнезда, в его теле торчал дротик — из тех, что Смайл изготовил из колючек и намазал гадючьим ядом.

А сверху все сыпалось. Раздался вопль, в кого-то из их отряда угодил камень.

Вуры продолжали кружить над ними, а камни падали и падали, грозя их уничтожить. Кадия не видела способа добраться до нападающих над обрывом. Джеган утром поднимался туда и вернулся, чтобы предостеречь их. Те-

перь же того, кто попытается как-то атаковать скритеков, забросают камнями.

Внизу они, очевидно, будут в большей безопасности. Кадия подала мысленную команду остальным, и жавшиеся у стен послушно направились к спуску.

Затем она попыталась послать мысль Ламарилу. Что с ним и остальными синдонами происходит там, внизу?

Несколько мгновений она словно видела его глазами. Скритики пытались забраться на площадку у потаенной двери и один за другим погибали от вспышек. Но продолжали лезть вперед, и даже сквозь грохот камней она различала их лающие крики.

Мысленная связь разорвалась так, словно ее и не было. Ламарил, что с ним? Но если он пал, как враги подобрались к нему? Она не видела, чтобы хотя бы один скритек залез на площадку. Кадия напрягала всю волю, чтобы восстановить связь, но натыкалась только на непроницаемый занавес. Лалан... Она мысленно вызвала ее образ, постаралась удержать его, но Тьма все стерла.

Погибли! Неужели Ламарил и Лалан погибли? Нет, она не верит, не смеет поверить!

Салин обладала Силой. Сновидец-хасситти обладал подобием Силы, но все же сейчас их единственной защитой, наверное, оставался ее меч. Спускаться было нельзя — может быть, прямо в лапы скритиков!

По ее приказанию оддлинги и хасситти вернулись наверх, хотя Джеган и Смайл пытались возражать, пока она не пригрозила им мечом: при виде открытых горящих глаз на рукояти они уступили.

Чтобы спускаться, ей требовались обе руки, но и меч следовало держать наготове. И Кадия зажала его в зубах как могла крепко. Он становился все горячее и обжигал уголки губ. Но она упрямо терпела и заставляла себя думать лишь о том, за что ухватиться, куда поставить ногу.

Кадия была уже на половине спуска, когда на нее обрушилась Сила, точно вал, проносящийся по реке в разгар муссона. Она уцепилась за выступы, стараясь удержаться, не упасть. Первый удар сменился нарастающим

давлением. Продолжая спускаться, она словно погружалась в водоворот энергии, которая могла в любой миг расплющить ее о стену, что было куда опаснее, чем камни, которые швыряли скритеки.

Каждое движение давалось ей с невероятным трудом. А меч в ее зубах словно превратился в раскаленный уголь из жаркого костра. Но Кадия упорно продолжала спуск. Почувствовав наконец под ногами ровную поверхность, она продолжала цепляться за камни — давление чуждой Силы настолько увеличилось, что она не знала, долго ли сумеет ему сопротивляться.

Она понимала, что не должна больше искать мысленной связи. Иначе Сила уловила бы ее попытку и разделалась с ней напрямую. Меч... Вся дрожа, Кадия подняла руку и высвободила меч из судорожно сжатых зубов. Сила притягивает Силу... Но у нее не было способа управлять ни мечом, ни амулетом, который пылал у нее на груди.

Девушка осторожно вышла на площадку. Тяжесть Силы там была огромна. Так, значит, синдоны еще живы и сражаются... или же они скованы давлением, которое испытывает и она?

Теперь она посмотрела туда и увидела спины синдон... прямые... значит, они хотя бы живы. Ей пришлось высунуться, чтобы увидеть Ламарила, не покидая глубокой расщелины.

Он стоял чуть впереди остальных. Его жезл пылал. А перед ним стоял главный противник. Его обволакивало странное мерцание, как будто он был одет не в броню, а в энергию, исходящую от его телом. Он был без шлема, с открытым лицом.

На губах прислужника Варма играла улыбка. В глазах точно горели два красных угля. И никаких следов омерзительного недуга. Стоял он с небрежностью, полный уверенности в себе.

Мысленная речь... Ну конечно же, они разговаривают мысленно, вот почему они так неподвижны. Кадия облизнула потрескавшиеся губы. Решиться ли подслушать

их? Или это каким-то образом нарушит равновесие, привлечет опасное внимание?

Но просто смотреть и ждать, что произойдет, она не могла. Нет, надо узнать! С самого начала вела эту битву она! Остальные вступили в борьбу позже, взяли все на себя, но и она не отступит! Этот мерцающий чужак угрожает трясинам, нанеся им такой вред, какой не удавался и Орогастусу. Кадия узнала, о чем переговаривались враги.

Было предсказано, что этот день настанет, глупец. Ваши чары распались — я живое тому доказательство!

Но не ты их разрушил, Рагар. Другой вмешался, но его более нет. Ты призвал его, Рагар?

Какой ты догадливый, Ламарил! Ты как будто поумнел, так долго нежась в этом вашем раю. Да, с тем, кто звался Орогастусом, можно было вступить в связь и во сне. Сны очень могущественны, и даже спящий способен использовать их. Управлять им, конечно, мы не могли — слишком крепки были наши узы, но мы внушили ему, что в горах есть тайник, который стоит отыскать, а он был любопытным ничтожеством и вмешивался в то, чего не понимал.

Только он ведь не освободил вас, Рагар. А просто дал толчок к этому.

Достаточно, что была отперта одна дверь, Ламарил. И мне пора действовать. Позади вас то, что я запер, а теперь хочу открыть. Тот, кто послал меня, не отличается терпением, и ждал он слишком долго.

Спящие спят,— спокойно ответил Ламарил.— Ты их не потревожишь, Рагар.

Уголки губ Рагара изогнулись, превращая улыбку в жестокую усмешку.

Не тревожусь? И это ты говоришь мне?!

Он прицелился жезлом. Пламя было темным, как цвет засохшей крови, лишенным благородства доброго огня.

Оно ударило в золотистую преграду, созданную оружием синдон. Поднялся клуб черного дыма, пронизанный мечущимся багровым пламенем. Дважды багровый огонь прогибал золотую преграду, но был отражен. Ка-

дия пошатнулась под ударом отраженной Силы. Но каким-то образом ее достигли и скрытые мысли Ламарила. Синдоны держались, но атаковать сами не могли. В свое оружие Рагар влил клокочущую ненависть — топливо, питающее его Силу. Древняя ожесточенная ярость, отточенная за бесчисленные годы, дождалась своего часа.

Пламя хлестало о пламя с пронзительным воем, будто сцепились два хищных зверя.

И вот — удар огня, золотая вспышка, и язык пламени пронзил золотую преграду рядом с Ламарилом. Синдона слева от него зашаталась и упала на колени. Нуерс!

Рагар испустил торжествующий вопль. Темное пламя прильнуло к стене. И хотя золотой огонь отсек его от жезла, оно продолжало ползть по камню.

Еще нет, Рагар, еще нет! — в этой мысли слышалась нерушимость клятвы. А Нуерс не двигался. Жезл, который он уронил, переломился, точно сухая ветка.

Но скоро, Ламарил, очень скоро! — пьянящая уверенность в победе Рагара была как удар.

Глава 24

Стена света, создаваемая синдонами, держалась. Но и ползающий по каменной стене клоч пламени не угасал, хотя дверь все не появлялась. Хриплый крик нарушил поток энергии, питавшей пламя.

С неба на стоящих перед стеной устремился вур — такого крупного Кадии еще видеть не доводилось, — и он целился в Ламарила. Девушка в безотчетном порыве подняла меч, направив глаза на устремляющуюся вниз смерть.

Из большого ока на рукояти вырвался луч, толщиной в палец, и поразил хищника в голову. Вур смолк и рухнул, точно камень, туда, где багровый огонь бился с золотым. Произошла вспышка, такая ослепительная, что Кадия на мгновение утратила способность видеть. Но она услышала вопль торжества, не мысленный, но сотрясший

воздух. Стена золотого света проломилась, язык багрового пламени устремился к Ламарилу.

Кадия повернула меч навстречу ему. Но на этот раз меч не откликнулся. Ламарил упал, свет его жезла потускнел. Атакующее пламя пронеслось над ним к потаенной двери.

Прочь! Прочь! — прозвенело у нее в голове. Кадия сжала меч обеими руками. Она сразила вура, и вот что произошло! Оборона синдон оказалась прорвана его трупом! Она с трудом различала своих друзей полуослепшими от пышки, слезящимися глазами.

Если дверь сейчас откроется, если скрытые за ней выйдут наружу, можно просто сдаваться на милость победителей...

Она попятилась. Оставалась лишь одна возможность, такая неверная, что надежды не было почти никакой, и тем не менее она должна ее использовать.

Кадия обернулась. Позади нее теснились одлинги и хасситти — некоторые еще висели на стенах расселины, потому что им некуда было спуститься.

А камни сверху все еще сыплются! Быть может, то, о чем она думает, погребено под ними... но все же, все же...

— Джеган, — обратилась она к охотнику, почти прижатому к ней. — Я должна подняться туда...

Остальные сразу поняли, она услышала шепот, щебет хасситти:

— Если к спящим есть еще вход, мы должны воспользоваться им и напасть сами!

Они посторонились, оставшиеся в расселине прижались к стенам. Джеган полез первым. Кадия следом за ним. Вновь она стиснула меч зубами, терпя его жар, который увеличивался с каждым мигом, и начала подниматься.

Наверху камни больше не падали, но кучи их громоздились на месте бывшего гнезда. И уж конечно, за всем должен был наблюдать дозорный скритек, высматривая, не вернутся ли осажденные.

То, ради чего она поднялась сюда, находилось на открытом месте, хорошо видном сверху. Но выбора не было. Кадия взяла меч за острие и с отчаянием оглядела гру-

ды камней. Решетка... она должна быть вон там! И она была не завалена.

Ее толкнули сзади, и она слышала громкий нетерпеливый щебет. Хасситти забрались наверх следом за ней. Она чуть не упала, когда первый протиснулся мимо нее.

Кадия попыталась удержать его, но он упал на живот, пополз вперед и принялся разгребать оставшуюся труху, от которой они еще не освободили решетку. Поднялось облако пыли, неся застарелый запах высохшего помета.

А камни? Кадия взглянула на верхний край обрыва: ни единого скритека.

Она опустила на четвереньки, потом, как хасситти, легла на живот и поползла к решетке. Пыль ударила ей в нос и горло, но она не могла даже кашлянуть, так как держала в зубах меч и напряженно прислушивалась: не закричат ли, торжествуя, скритеки, не полетят ли снова камни.

Ничего... но это тоже причина для страха. Эти твари ведь, наверное, не ушли и готовы разделаться с теми, кто осмелится вернуться.

Она продолжала ползти. Оказавшись на открытом месте, девушка съежилась, словно могла стать невидимой. Она так поспешно вытащила меч изо рта, что почувствовала резкую боль, и по ее подбородку заструилась кровь.

Они нащупали решетку и очистили ее до конца. Опредивший ее хасситти водил когтями на месте стыка металла и камня, ища трещинку.

Назад! — мысль Кадии была приказом, и хасситти подчинился.

Сверху донесся стук — камень! Кадия вся сжалась. Если он попадет в цель... Она подняла голову, и лицо ей осыпали новые осколки и пыль. Но увидела она и кое-что еще: Джеган и Смайл карабкались вверх по обрыву. Вокруг них быстро сгущался странный тускло-зеленый туман, все больше их скрывая. Он серел, сливаясь с каменным фоном. Сила... но чья? Раздумывать над этим времени у нее не было.

Кадия снова легла на живот и протянула меч вперед, стараясь думать только о том, что предстояло сделать — напитать меч всей энергией, какую ей удастся собрать.

Меч раскалится, она испытывала мучительную боль, но три глаза обрушили лучи на решетку. Она чуть поворачивала меч, и они скользили по металлу взад и вперед. Боль становилась невыносимой, но она упрямо подавляла желание закричать, бросить меч... Это должно, должно быть свершено!

Решетка замерцала... или ее обманывает зрение? Нет! Металл светился и там, где лучи переставали его касаться. Собрав последние силы, Кадия продолжала чертить светом по решетке, как Ламарил чертил по двери вниз. Но сейчас требовалось не укрепить преграду, но убрать ее... если энергия света на это способна.

А Сила словно выпивала ее всю! К первому хасситти присоединился еще один. То, что решетка накалилась, им как будто совсем не мешало: они продолжали засовывать когти между ее прутьями.

Резкий треск! Хасситти дружно нажали, и решетка поддалась!

На ее месте теперь зияла черная дыра. Кадия взглянула вниз. Времени терять было нельзя.

Стараясь не думать о камнях сверху, только удивляясь, отчего они не падают, она села и наклонила меч над дырой. Глаза меча почти закрылись и не осветили темный провал. Амулет! Может быть, он? Кадия сняла цепочку с шеи и опустила амулет вниз. Опустившись ниже уровня решетки, он действительно засветился — настолько ярко, что она увидела широкое пространство внизу и пол, на который легко было прыгнуть.

Обожженные губы невыносимо болели, и меч пришлось прицепить к поясу. Кадия повисла в дыре на руках, а затем прыгнула. За ней последовали двое уйзгу, а затем и третий.

Очутились они не в природной пещере. Стены вокруг были гладкими и отражали сияние амулета. У стен стояли металлические сундуки вроде тех, которые она видела в Ялтане. И все.

Медленно поворачивая амулет в руке, девушка увидела на дальней стене темное пятно. Она побежала к нему, уйзгу бросились за ней. К ним присоединилась Салин, а также хасситти, которым пришлось пролететь до пола куда большее расстояние.

Приблизившись к пятну, Кадия увидела, что это дверь, а вернее, проем, словно бы ничем не перегородженный. Однако едва она сделала шаг вперед, как наткнулась на стену — невидимую, но твердую на ощупь.

Ей был известен только один ключ — тот, который хорошо послужил ей прежде. Она вынула меч и подняла его вертикально, направив на неведомое.

Из рукояти заструился свет, но очень слабый — только из одного глаза, того, который походил на ее собственный. Она начала водить лучом взад и вперед, как прежде по решетке.

Кадия ощупала дверь свободной рукой. Путь был свободен, но она не видела, что ждет их дальше. Блеск амулета словно замкнулся внутри первого помещения.

И все-таки девушка пошла вперед, остальные последовали за ней по пятам. Стоило ей миновать проем, как свет разгорелся настолько ярко, ослепив ее, что она чуть не споткнулась на двух ступеньках, ведущих вниз.

Держа меч в одной руке, а амулет в другой, Кадия осторожно пошла вперед. Пол под истертыми подошвами ее сапог казался гладким. Его покрывала густая пыль, которая за клубилась от их движений, так что они все закашляли.

Затем луч амулета упал на что-то за колышущейся завесой этой пыли. Еще один сундук — но длиной в рост синдоны. Бока его были из сине-зеленого металла, которым широко пользовались Исчезнувшие, но крышка даже в слабом сиянии амулета ярко заблестела. Подойдя ближе, девушка увидела, что крышкой служила массивная плита, усаженная острыми кристаллами.

К ней подошла Салин.

— Спящий, — ответила ведунья на невысказанный вопрос Кадии.

Хасситти, оставшиеся за пределами кружка света, отбрасываемого амулетом, просеменили к ним.

— Здесь еще три таких же, запечатанных, и один, вскрытый огнем,— сообщил Куав.

Кадия пошла посмотреть. Хасситти был прав: инкрустированная кристаллами крышка дальнего сундука была разбита и черна от копоти, будто опаленная огнем. На полу валялись ее осколки.

Изнутри поднимался мерзкий запах, напомнивший Кадии о «желтой смерти».

— Не подходите к нему,— быстро предостерегла она и направилась к другим сундукам.

Если синдоны, оборонявшие площадку, потерпели поражение, если... если Ламарил пал, то заточенные здесь восстанут, дабы творить волю Тьмы. И займутся они этим усердно. Может быть, нащлют новую заразу, чтобы сгноить трясины уже совсем. Зараза доберется до Рувенды, посеет смерть во всех землях.

Есть только один выход: они не должны пробудиться!

— Салин, Куав! — позвала она ведунью и сновидца. Они обладают некоторой Силой, как и она, хотя и меньшей. Но можно ли сплести их воедино? Надо! И времени не остается. Их чары замкнули внешнюю дверь, но Сила Тьмы теперь наложена поверх их заклатья. Два слоя Зла способны уничтожить тот, что заключен между ними! А синдоны, возможно, в этот самый миг погибают, как, возможно, погиб Ламарил.

Низенькая уйзгу и коротышка хасситти встали справа и слева от нее.

Кадия указала на сундук, стоящий рядом со вскрытым.

— То, что лежит внутри, не должно проснуться!

— Убить! — мгновенно отозвался хасситти.

— Королевская дочь, нашей Силы не хватит, чтобы еще сильнее запечатать его. Малыш прав — спящего надо уничтожить.

— Но сначала надо открыть крышку.— Кадия с сомнением посмотрела на плиту, всю в зубах кристаллов.

К ним подошли остальные воины-уйзгу. Рядом с сундуком они выглядели щуплыми и слабыми, но один уже

шарил по краю в поисках замка или задвижки. Затем все встали вокруг сундука. Крышка чуть-чуть выступала по краям, так что ее можно было ухватить, и теперь они дружно попытались ее поднять.

Но ее тяжесть, а может быть, и мощь заклęcia сделали их усилия тщетными.

Кадия попыталась подсунуть под нее обломанный конец меча, но крышка не шелохнулась.

— Заклęcie! — сообщила ведунья.

Наложенное ли Исчезнувшими в давние времена или сеятелем смерти, который сейчас сражается снаружи и позаботился обезопасить себе подобных до своего возвращения? Так ли, эдак, ей такого заклęcia не снять. У нее есть только меч... Но не сделать даже попытки, признать себя побежденной... Нет, только не это!

Она сказала Салин и Куаву:

— Надо соединить наши силы!

Какой внутренней энергией обладал сновидец-хасситти, Кадия судить не бралась. Но за такими снами должна, должна стоять Сила!

Салин приблизилась к ней, ее рука легла на плечо девушки, а хасситти тут же коснулся плеч обеих. Кадия глубоко вздохнула и, подняв меч, навела его вновь открывшиеся глаза на край крышки.

Вспыхнул луч света и сосредоточился там, где крышка смыкалась с боковой стенкой. Затем, хотя ее рука оставалась неподвижной, меч сдвинулся так, что копьё света скользнуло по крышке, зажигая кристаллы внутренним огнем, вызывая слепящие вспышки.

Теперь кристаллы словно пылали настоящим пламенем — Кадии даже почудилось, что они плавятся. Скользил луч — девушка подчинялась тому, что теперь овладело ее оружием.

Она смутно сознавала, что позади нее происходит какое-то движение, что к ним подошли другие воины-уйгу, но она старалась не отвлекаться, сосредоточиться.

Раздался оглушительный треск. Во все стороны брызнули осколки кристаллов. Кадия вздрогнула: боль словно разрезала ее щеку от нижнего края шлема до подбо-

родка. Крышка стремительно ломалась, куски с грохотом падали на пол. Исходящая из руки энергия, казалось, протаскивала ее вперед на несколько шагов, и девушка едва успела заслонить лицо, как ощутила такую боль, точно в нее впились дротики оддлингов.

Когда Кадия рискнула посмотреть, она увидела, что крышка расколота — часть кусков вывалилась наружу, остальные провалились внутрь.

Меч тускнел. Несмотря на добавочную энергию, он явно был почти истощен. Кадия почувствовала, что ее собственная воля надламывается.

Она была мокра от пота, измучена, но еще держалась на ногах. Сзади раздался пронзительный, душераздирающий вой. Она посмотрела через плечо на стену.

Там появились очертания двери — точно такие же, какие она видела снаружи, но обведенные не золотым светом синдон, а багровым — прислужника Варма.

Стиснув зубы, Кадия занялась саркофагом. Воины-уйзгу встали лицом к наружной стене и поднесли к губам духовые трубки. Девушка не думала, что они смогут оказать сопротивление, если синдоны падут, но дверь еще держалась.

Кадия заглянула в саркофаг. Там висела туманная дымка, словно испарялась вязкая жидкость. Но она различила и подобие человеческой фигуры, сложением напоминающей синдон.

Она сомневалась, что дротики или копья способны покончить с тем, кто спал там. А жидкость заволновалась, и от нее поднялся гнусный смрад «желтой смерти» — такой отвратительный, что ей почудилось, будто ее по окровавленному лицу хлестнули разлагающейся падалью.

Пламя меча уничтожало следы «желтой смерти», пламя меча — вот все, к чему она могла прибегнуть теперь. Кадия вновь ощутила прикосновение Салин и добавочный слабый, но ровный ток энергии, видимо исходивший от Куава.

Кадия протянула меч горизонтально над тем, что скрывалось в вязкой мути. Возник луч, но не от верхнего ока, а от двух остальных, и он был не толще иглы, сов-

сем не похожий на тот, который ей удалось вызвать раньше.

Однако она продолжала стоять и твердой рукой посылала двойной луч в темную внутренность саркофага.

Свет ударил в то, что покрывало спящего, и растекаясь по нему, вызывая мерцание, перебегающие вспышки. И вдруг, точно костер, раздутый ветром, вся фигура спящего запылала, распространяя зловоние смерти.

В глубине сознания Кадия уловила слабый отголосок исступленного вопля. Действительно ли фигура, еле различимая под пляшущим огнем, судорожно дернулась?

Глаза на рукояти меча закрылись. Приходилось смириться с тем, что они истратили всю энергию, какую могли. Но ведь они обезвредили только одну гробницу, только одну!

В отчаянии Кадия оглядела три оставшиеся. Сделать это у нее нет сил, но она должна. Девушка прислонилась к гробнице с догорающим огнем и со страхом взглянула на очертания двери.

Теперь это были уже не просто очертания. Заключенная в этих линиях часть стены вся светилась. Но ей почудилось, что тусклая багровость посветлела, будто ее чем-то разбавили. Может быть, сопротивление синдон истощило Силу врага? Однако Кадия не сомневалась, что и остатки этой Силы далеко превзойдут все, что есть в распоряжении у нее.

Она отступила от саркофага, с которым они разделились, и, пошатываясь, приблизилась к соседнему. Ведунья ее опередила, а Куав обхватил девушку за талию, чтобы поддержать, с силой, какой она не ожидала от маленького хасситти.

— Сила трясин, — сказала Салин, — Сила твоего народа, королевская дочь. Быть может, только Сила Древних тут не властна. Но если это Сила трясин...

Она не просто прикоснулась к Кадии, но положила ладонь на правую руку девушки, лежавшую на мече. А Куав встал позади, ухватившись за обеих.

— Продолжим! — это слово прозвучало у Салин как боевой клич.

Кадия с усилием подняла меч и напрягла волю... Она ощутила, что в него вливается более мощная энергия, чем в предыдущий раз. Теперь она знала, что следует делать, и с помощью уйзгу, поддерживающих меч, быстро обвела кристаллы крышки.

Вновь крышка разлетелась, и краем глаза Кадия увидела, как на плече Салин выступила полоска крови, почувствовала, как осколки кристаллов стучат по ее кольчуге. И вновь лучи только двух глаз пожрали то, что лежало внутри.

Кадия держалась на ногах лишь с трудом. Рука с мечом так отяжелела, что ее охватил страх — сумеет ли она поднять его еще раз? Она не стала смотреть, как огонь уничтожает этого спящего, и в сопровождении Салин с Куавом побрела к следующей гробнице. Их осталось две. Хватит ли теперь энергии?..

Дверь на стене раскалилась так, что воины-уйзгу попятись. Но отливала она золотом. Синдоны? Неужели они выстояли? Ламарил... Но она прогнала мелькнувшее воспоминание о нем, сейчас было не до этого. Сейчас значение имели только эти две гробницы, которые необходимо было выжечь.

Салин тоже пошатывалась, но они вновь сомкнули руки и, получая энергию от хасситти, разбили лучом крышку. На этот раз разлетающиеся осколки ранили ее в шею, к счастью, шлем надежно оберегал глаза. Вновь свет зажег огонь, покончивший с тем, что лежало внутри.

Они повернулись к последней из гробниц. Кадия подумала, что упадет, не дойдя до нее.

И тут раздался ржавый скрип, совсем не похожий на оглушительный треск разбитой плиты, и они увидели, что крышка последней гробницы медленно поднимается.

Глава 25

То, что вылезало оттуда, двигалось медленно, словно с большим трудом. С закутанной фигуры сползала вязкая жидкость, похожая на липкие выделения болотного

слизня. Фигура высвободила обе руки, скрюченные пальцы ухватились за край гробницы.

Закутанная голова повернулась. Кадия увидела не лицо, а только два глаза, горящие темным огнем Варма.

Она инстинктивно попятилась вместе со своими помощниками и выставила меч против этого ужаса, покидающего свое древнее ложе.

Проснувшийся поднялся на ноги, и на пол плеснула жидкость, зеленоватая, как квинтэссенция гнилости. Одна рука резко вытянулась, и брызги чуть-чуть не долетели до девушки.

Длинная нога свесилась через край, и пробудившийся уже почти выбрался из своего ложа-гробницы.

Меч... Ни единого проблеска в верхнем глазу. Он выглядел остекленевшим, безжизненным, но из двух других вырвались два тонких луча, которые и слившись были не шире камышовой нити.

Кадия прицелилась, сознавая, что может совершить роковую ошибку, не распознав наиболее уязвимого места пробудившегося. Как бы то ни было, она направила слабый луч на шар головы, с которой все еще сползала тягучая слизь. Луч поразил цель, и пробудившийся, пошатнувшись, вскинул руку, словно заслоняясь. В том месте, где луч коснулся головы, вспыхнул огонек, будто загорелся сухой пруттик. Огонь этот не нес в себе ни темной багровости Варма, ни золотого сияния синдон, он был зеленым, точно молодые побеги речного камыша.

Огонек не угасал, и от него потянулись, змеясь по голове, совсем уж тоненькие нити. Вопль пробудившегося ударил не в уши Кадии, а пронизал невыносимой болью ее мозг. Она упала бы навзничь, если бы хасситти не удержал ее.

Голову пробудившегося стремительно окутывала зеленая сеть. Второй его крик вырвался из горла — вопль, в котором ярость преобладала над болью. Он двинулся вперед, протягивая руки, раскидывая их, словно собираясь заключить в объятия всех.

Смерть! Он нес смерть всему живому, к чему прикоснулся бы. Кадия прижалась к уничтоженной гробнице, понимая, что избежать этой атаки невозможно.

Амулет на ее груди словно превратился в еще одно пламенеющее желтое око. Он раскачивался, хотя девушка застыла в неподвижности. В ее ушах стоял оглушительный звон, будто слагавшийся из стонов тысячи обитателей трясин. Оддлинги, всевозможные звери, птицы, водяные твари, а может быть, даже и растения испускали боевые кличи, готовые защищаться.

Голова пробудившегося теперь вся была густо окутана нитями зеленого света, среди которых тлели глаза-угли. Возможно, бушевавшая внутри него огненная буря ненависти сохраняла ему зрение, чтобы он мог сразить своих врагов.

Обе руки поднялись выше, сбрасывая капли гнусной жижи, в которую он был так долго погружен. Меч оттягивал руки Кадии. Теперь остекленели и остальные два глаза.

В воздухе мелькнул дротик и впился в красный глаз пробудившегося. Один из уйзгу за спиной Кадии показал себя метким стрелком.

Пробудившийся будто не заметил этого, хотя Кадия не сомневалась, что оддлинг поразил его отравленным дротиком. Быть может, это исчадие Зла было само настолько ядовито, что змеиный яд ничем не мог ему повредить.

Оно рванулось вперед, и тут в этом наполнившемся смрадом подземелье раздался новый голос:

— Во имя Цветка, стой!

Из-за спины Кадии вылетело облачко золотой пыли. Коснувшись сияния амулета, оно выбросило многоцветные искры, будто состояло из осколков хрустала. Мерцающий покров окутал пробудившегося, скрывая от взгляда паутину зеленого цвета на голове и плечах. Кадия уже не различала свирепой красноты его глаз. Но его руки еще тянулись к ней.

И тут девушку оттащили, кто-то высокий и сильный прижал ее к себе. Она почувствовала такое облегчение, что все вокруг закружилось. К горлу подступила тошно-

та, и, стараясь справиться с ней, девушка почти не заметила, что ее подхватывают на руки и выносят из зловоения на свежий воздух.

Она открыла глаза. Над ней простиралось безоблачное небо, солнце ласково согревало кожу. И тут Кадия рискнула повернуть голову, чтобы увидеть своего спасителя. Он осторожно усадил ее на камень в углу площадки, теперь исполосованной черными линиями, которые оставили огненные лучи.

— Ламарил!

Но он же упал, когда оружие его товарищей оказалось слабее...

— Прислужник Варма? — Она чуть повернула голову и увидела среди линий широкое пятно — омерзительное, черное, словно тень, оставленная человеком, который скорчился в смертной агонии.

Ламарил прислонился к скале. Дверь в пещеру спящих была теперь как разинутая пасть.

Кадия поднесла дрожащую руку к лицу, почувствовала сладковатый вкус крови. Ее пальцы скользнули по царапинам, оставленным разлетавшимися кристаллами.

— Значит, все позади? — Она была так измучена, что слова и мысли ей изменяли.

— У Варма больше нет входа в эти земли. С древними ужасами покончено, Кадия. Узы прошлого с настоящим разорваны — наконец-то! Мы допустили роковую ошибку, что не завершили все тогда же. Но хладнокровно убить наших пленников мы не могли, хотя было бы лучше, если бы тогда мы решились на кровопролитие. Ведь он чуть было не победил. Если бы не ты и не сотворенные нами, мы потерпели бы неудачу. Это мы запомнили навсегда. Мы не всемогущи, хотя и одержали победу в те дни. Мы всего лишь мужчины и женщины с особыми способностями, но нас могут постигнуть и несчастья, и смерть.

— Трясины спасены,— вздохнула Кадия.

Это был не вопрос, а утверждение, которое могло послужить утешением в будущем. Зачем ей вдруг понадо-

билось утешение, Кадия не совсем понимала: слишком усталой и измученной она была.

Девушка посмотрела на меч. Ее руки были в крови — она так крепко сжимала его, что даже затупленное лезвие оставило раны. Глаза были закрыты, веки плотно сомкнуты. Кайма блесток на веках исчезла. Всем своим существом она ощущала перемену. Сила, приходившая к ней на помощь, истощилась полностью. В мече не осталось жизни.

Она потрогала амулет. Ее пальцы оставили кровавые пятна на кольчуге, когда она касалась груди. Амулет совсем остыл. Тоже утратил жизнь? Быть может...

Стремления Харамис к Силе у нее не было. Ту, которая ей досталась, она использовала как сумела лучше. А теперь Сила оставила ее. Кадия растерянно посмотрела вдаль — на черное пятно на камне там, где нашел свой конец прислужник Варма. Ее пробрала дрожь. Ветер нес холод горных вершин.

— Куда теперь? — спросила она не столько его, сколько себя.

— Мы возвращаемся в Ялтан. — Эта мысль несла с собой холод отчуждения.

Кадия понимала, что значит вернуться в Ялтан: те, кого она вызвала в царство времени, возвратятся туда, где оно не властвует.

— Королевская дочь!

Кадия резко обернулась. К ней приближался Джеган. Одна его рука висела на перевязи, он прихрамывал, и его поддерживал воин-уйзгу.

— Джеган! А что со Смайлом?

Охотник улыбнулся:

— С ним целительница. Он сразил трех скритеков, но четвертый чуть не раздавил его о скалу. Когда раздался предсмертный крик пособника Варма, все оставшиеся в живых скритеки бежали. Но мало кому из топителей удалось ускользнуть от наших дротиков и копий.

— Отлично.

Как ни напрягала Кадия свою волю, ее тело все больше поддавалось неодолимой слабости. Веки будто нали-

лись свинцом, и она уступила усталости, тяжелой, как камни, которые сыпались в котловину с гнездом. Волны темноты накатывались на Кадю, баюкали ее и нежили, как мягкое одеяло. Со вздохом она предалась целительному забытью.

Долго ли оно длилось, девушка не знала, но потом до нее донесся зов, от которого она не могла уклониться.

Кадия... — ее мысленно звали откуда-то издалека, настойчиво и требовательно.

Она попыталась не отвечать.

Сестра! — теперь звучало близко. Далее противиться было нельзя.

Кадия не могла бы сказать, где они встретились и в каком эфирном пространстве. Возможно, подходящего места в том мире, какой она знала, вообще не существовало. Харамис оставалась лишь зовом.

Какая беда пришла на нашу родину? — вопрос был настойчивым. — Она была укрыта от моего взгляда много дней. Что вторглось в Рувенду?

— Зло из далекого прошлого. — Кадия ответила не сразу, потому что ее все еще сковывала усталость. Но теперь наконец она знала, что Харамис слышит ее.

И она поведала обо всем, что случилось в прошедшие дни: «желтая смерть», открытие места, куда удалились Исчезнувшие, их возвращение, поход в горы, битва.

— Ламарил сказал мне, — заключила Кадия, — что земля теперь очищена, а он и его товарищи удалятся в края по ту сторону времени.

Харамис обиделась.

— Меня величают Хранительницей, а это началось и завершилось без моего участия.

Кадия всем существом ощутила горечь сестры. Задета была не просто гордость Харамис, но и ее любовь к родному краю.

— Не знаю, почему это было возложено на меня, — устало сказала Кадия. — Я ведь не обладаю большой Силой. — Она вспомнила мертвенную тусклость меча, амулет, в котором угас огонь. — То есть теперь, мне кажется

ся, я не обладаю никакой Силой. Возможно, мне просто было легче добраться до Великих. Харамис, с Силой я рассталась. Вернее, она рассталась со мной.

— Верь, сестра,— ответила Харамис,— я найду средство предотвращать подобное в будущем. Бина знала так много, а у меня еще совсем не было времени...— Она помолчала.— И часть моих знаний была извращена, так как Орогастус принадлежал Тьме и стремился увлечь меня за собой.

— Но ты устояла,— напомнила Кадия сестре.— И у тебя великие цели. Ламарил и остальные уйдут, но в Ялтане есть хранилища знаний. Мне они недоступны, но, если пожелаешь, я буду охранять их... даже и без Силы, если понадобится.

Харамис снова помолчала и ответила:

— Моя маленькая сестра, ты обладаешь куда большим величием, чем думаешь, и станешь еще более великой. Я знаю. Ну, до встречи, родная.

И вновь ласковая темнота, слияние с ничем, отдохновение для тела и духа.

Когда Кадия наконец пробудилась, то оказалась в привычном, хорошо знакомом мире. Зеленеющие ветви на фоне ясного неба, ароматы молодых побегов, которые так и рвались из земли после муссона. Она лежала, завернутая в камышовые плащи, в челноке. Перед ней сидел уйзгу, управляя вожжами запряженного риморика, и они быстро скользили по воде.

— Благороднейшая госпожа...

Кадия повернула голову на голос. Она все еще чувствовала себя такой слабой, словно очнулась после долгой тяжелой болезни. Она увидела Салин и Тостлет.

— Где мы?

— Ты долго спала, Благороднейшая Госпожа. Великий сказал, что тебя нужно выхаживать, что мы должны очень стараться, потому что ты слишком много отдала Силе. Сейчас мы плывем в Ялтан.

Кадия попыталась собраться с мыслями. Плывем... Значит, позади — большой путь...

Салин продолжала негромко:

— Синдоны из внешнего дозора, те, что следуют за Ламарилом, уже, как им заповедано, отправились туда, где стояли их изображения. А те, кто из Ялтана, едут с нами. Не все вышли живыми из битвы, королевская дочь. Пятеро ушли в Последнее Пламя. Ибо Сын Тьмы обладал большим могуществом. Разбуди он спящих, призови их к себе на помощь, никто из нас не уцелел бы.

Но Ламарил не погиб. Кадия смутно помнила, что видела его на площадке перед дверью. И он ушел со своими товарищами... Кадия почувствовала странный голод, но не тот, который утоляет пища. Она как будто потеряла часть себя.

И никогда никто еще не заполнял эту пустоту, как она убедилась теперь. Ее мать, отец — у них было свое место в ее жизни, и их жестокая гибель ввергла ее в глубокое горе, вызвала жгучий гнев. Харамис... у нее так мало общего со старшей сестрой! То, что составляет смысл жизни Харамис, ей чуждо, пусть в их жилах течет одна и та же кровь. Анигель... Вновь она испытала легкое презрение, которое породил в ней брак этой ее сестры с сыном их злейшего врага. Став королевой, Анигель избрала жизнь, которая для нее, Кадии, была бы подобием заточения в темницу. Но ведь Анигель была рождена носить корону. Джеган? Да, она не могла представить себе, как жила бы без него. Но он оддлинг с собственными мыслями и верованиями, которые для нее закрыты. Салин? Девушка посмотрела на ведунью. Салин — ее друг тоже, и ей не хотелось бы ее потерять.

Но...

Кадия опустила голову на камышовую подушку. Она. Не. Будет. Думать! Не может. Для него она — словно оддлинг, словно хасситти. Чужое существо, с которым ничего общего быть не может. И он уже ушел, чтобы оставить свое изображение охранять дорогу в Ялтан. И конечно, теперь он по ту сторону времени.

Лежа на дне лодки, Кадия вела битву с собой, зная, что победы ей не одержать. Да, раны заживают, но оста-

ются неизгладимые шрамы. Пока она была с ним, эта перемена в ней происходила незаметно. Только когда он упал от удара исчадия Тьмы, когда она решила, что он мертв, только тогда правда открылась ей, а теперь стала лишь яснее и глубже.

Но слабой ее назвать нельзя! Она это доказала. Можно жить и с самыми мучительными воспоминаниями. Пройдет время... Она же вновь там, где время непрерывно движется.

Остальные Хранители, те, что стояли на лестнице, ведущей в сад, плыли в двух других челноках уйзгу впереди. На привалах они не разговаривали с ней и вообще держались особняком. Ей чудилось, что они уже почти удалились в свой вневременной рай. Да она и не искала их общества: даже взглянуть на них было достаточно, чтобы почувствовать все увеличивающуюся стену между ними и жителями болот.

Силы возвращались к Кадии. Она ела все, что предлагала ей целительница, слушала рассказы уйзгу, как их кланы выискивают уцелевших скритеков, которые пробираются назад в свой смрадный край. Наверное, топители потерпели такое сокрушительное поражение, что их еще долго можно будет не опасаться. Но, конечно, разведчики и дозоры будут следить за ними. Кадия не сомневалась, что скритеки всегда будут опасны.

Когда настал час расстаться с лодками, Кадия без труда совершала дневные переходы. К ее тайному облегчению, они не выбрали дорогу Хранителей. Она не хотела вновь увидеть изображение Ламарила — холодный камень, запачканный илом.

Едва они вошли в Ялтан, как Исчезнувшие так ускорили шаг, что все остальные далеко отстали. Они стремительно обогнули бассейн, но Кадия упрямо следовала за ними. Хотя всякая связь между ними и ею порвалась, она чувствовала, что должна присутствовать при завершении чуда, которое ей было дано однажды сотворить.

Они сбросили броню на ступеньки, небрежно, словно больше в ней не нуждались. К ногам Кадии скатился чей-то шлем. Исчезнувшие приняли те же позы, в которых их пробудила золотая пыльца.

И тут... жизнь исчезла из них, словно задули огонек светильника. Вновь перед ней стояли древние статуи и хранили облик тех, кого она видела живыми еще мгновение назад.

Вокруг нее сновали хасситти, хватая брошенные кольчуги и шлемы, растаскивая их, словно насекомых, отщипывающие кусочки от мертвой твари, пока от нее не останутся одни кости.

Кадия начала медленно подниматься по лестнице. На каждой ступеньке она останавливалась, смотрела налево, направо, стараясь припомнить имена синдон. Многих она просто не знала — имена тех, кто с самого начала держался высокомерно.

Пустые глаза вызывали у нее неприязнь, но она заставляла себя вглядываться в каждое изваяние. Да, они вновь исчезли — все до единого, и, конечно, больше не вернутся никогда. Мир, изуродованный их давней страшной войной, возродился иным, чуждым для них. Ей вспомнилась мирная счастливая страна, по ту сторону стены времени. Некогда и Рувенда была такой, но пути в былое нет — как и она не может снова стать той девушкой, которая жила при прежнем дворе ее отца.

Ей предстояло открыть, кто же она теперь. Задача долгая и мучительная, решила Кадия. Она высокомерно объявила трясину своей собственностью и тем самым возложила на себя тяжкое бремя ответственности. Заглянуть в будущее? Ведь Салин обладает такой способностью, пусть и несовершенной. Кадия покачала головой. Нет, попросить об этом ведунью можно лишь при приближении опасности. Пусть каждый новый день приносит свое, а она будет встречать его как сумеет.

Она вынула меч из ножен. Жизни в нем не было. Веки сомкнулись так плотно, будто и не открывались никогда. Да, этот этап ее жизни кончился бесповоротно. Аму-

лет висел у нее на груди. Просто красивое украшение. Она увидела внутри Черный Триллиум — и ни искорки живого огня.

Кадия сняла шлем, положила его на ступеньку, но осталась в кольчуге. Впрочем, хасситти подберут более подходящий наряд для той, что перестала быть воином.

Она прошла между колоннами и медленно, ступенька за ступенькой, спустилась в сад. Сгушались сумерки, между цветов уже плясали искорки насекомых, а благоухание цветов становилось все более пряным.

Сжимая меч в обеих руках, Кадия вновь направила шаги к кружку голой земли среди густой травы. Она подняла меч повыше и с силой опустила его сломанным острием вниз. Но отсутствие острия не стало помехой — земля приняла его словно с радостью.

Кадия присела на корточки в ожидании. Появилось слабое сияние. Становясь все ярче, оно окутало меч, скрыло от ее взгляда и лезвие, и рукоять.

Рождался цветок — она видела такой же в ином месте, в иное время. Не Черный Триллиум, но золотой. Он скрыл в себе меч и чуть покачнулся, словно от легкого ветерка, и посыпался радужный дождь пыльцы.

Кадия благоговейно ахнула. И вся напряглась, потому что ощутила тяжесть на обоих плечах. Чьи-то руки...

Она медленно обернулась и посмотрела вверх. Он стоял позади нее на коленях, но все равно возвышался над ней.

— Ламарил! — Ее вдруг пересохшие губы беззвучно прошептали его имя.

Он был без шлема, и она ясно увидела его открытое лицо. Ей стало трудно дышать.

— Но... но ты же вернулся туда,— еле выговорила Кадия.

Он покачал головой:

— Нам всегда дано выбирать. И я охотно сделал свой выбор. Поток времени не разделит нас, избранница сердца. Взгляни! — Он уже заключил ее в объятия, а теперь нежно повернул лицом к Золотому Триллиуму, пу-

стившему крепкие корни.— Вот ответ для нас обоих. Ялтан мертв. Мир, которым он управлял, канул в прошлое, но перед нами на много лет вперед простирается новое. Столько нужно узнать, столько сделать! Вместе!

Ветерок подхватил драгоценную пыльцу Триллиума, и она осыпала их. Кадия блаженно вздохнула. К чему заглядывать в будущее, когда ее обнимают эти руки? Но нет! Именно в них и заключено будущее!

•

Мэрион Зиммер

БРЭДЛИ

Леди Триллиума

•

Эта книга посвящается всем обитателям Ледяного Замка, без поддержки и участия которых она никогда не была бы написана.

Мне очень часто приходилось сравнивать написание книги с вынашиванием ребенка (хотя, если судить по продолжительности «беременности», «Туманы Авалона» следовало бы считать слоненком), и обычай требует с благодарностью признать заслуги всех людей, которые, подобно акушеркам, помогли появлению ребенка на свет.

Что касается данной книги, то я хотела бы здесь высказать искреннюю признательность моей кузине и секретарю Элизабет Уйзерс, чей вклад в подготовку романа далеко не сводится к роли акушерки — скорее ее можно было бы назвать второй матерью. Прими же мою огромную благодарность, Элизабет.

Глава 1

Каменная башня одиноко возвышалась среди поникшей растительности. Окружавший ее ров был когда-то наполнен водой, теперь же лишь на дне его пенилась темная жижа. В воздухе витал призрак смерти. Девушка миновала подъемный мост, внутренний двор, сад и вбежала в комнату Великой Волшебницы, чтобы присутствовать при кончине этой старой женщины, чье бездыханное тело на ее глазах превратилось в прах. Потрясенная, девушка застыла на месте и не успела опомниться, как вдруг и сама башня вокруг нее рассыпалась в пыль, тут же развеянную ветром. Единственное, что осталось на память о Великой Волшебнице, — это белый плащ...

Харамис, Белая Дама, покровительница Рувенды, неожиданно проснувшись, почувствовала себя такой же старой, особенно по сравнению с той молоденькой девушкой, которой была во сне. «В этом, собственно говоря, нет ничего удивительного», — подумала женщина. Ведь она прожила на свете уже несколько обычных жизней, ибо была Великой Волшебницей Земли. Она давно пережила двух своих сестер. Они родились в один день, но пути их разошлись много лет назад, и теперь в живых оставалась лишь одна Харамис, старшая из принцесс-тройняшек.

Средняя сестра, Кадия, ушла первой. После великой битвы с захватчиками из Лаборнока и злым чародеем Оро-

гастусом она удалилась в любимые ею болота вместе со своей бывшей нянькой из племени ниссомов, захватив с собой и талисман, Горящий Глаз, — одну из частей великого магического Скипетра Власти, с помощью которого принцессы одолели Орогастуса. Первое время они с Харамис еще общались с помощью магии, но прошло уже много лет, как Кадия пропала. «Ее давно нет на свете», — со вздохом подумала Харамис.

Младшая, Анигель, вышла замуж за принца Антара из Лаборнока, объединив два королевства, дожила до преклонных лет и почилла с миром в окружении детей и внуков. Трон объединенного государства перешел к ее потомкам. Кто сейчас им владеет — внуки или правнуки? Харамис не могла припомнить, годы летели слишком быстро. Может быть, даже прапраправнуки.

Харамис, старшей из них, выпал жребий заменить Великую Волшебницу Бину. И вот уже много лет Рувенда процветала, и Харамис любила свою страну как родное дитя. В каком-то смысле так оно и было.

Но теперь ее преследовали странные сны. Вот уже третью ночь подряд она видела смерть Бины и просыпалась после этого такой разбитой, что не могла встать с постели. Не предупреждение ли это о том, что ей предстоит скоро умереть?

Быть может, приближается время, когда ее заменит другая? Если преемница определится скоро, у Харамис, возможно, будет даже время обучить ее. Сама Харамис так нуждалась в этом, когда на нее пал выбор, но пришлось до всего доходить самой. Наследнице своей она желала лучшей участи. Но кто станет этой наследницей?

Бина просто отдала Харамис свой плащ и умерла, а башня, в которой она жила и работала, рассыпалась в прах вместе с телом покойной. Харамис, наследница трона, воспитывалась как будущая королева, и неожиданно свалившиеся на девушку новые обязанности, мягко говоря, вызвали у нее замешательство. Не стоило ставить в подобное положение свою преемницу.

Харамис выбралась из постели, стараясь не обращать внимания на боли в суставах и слабость. Если б она по-

прежнему жила в столице Рувенды, где родилась, сейчас, несомненно, чувствовала бы себя гораздо хуже. Огромный каменный замок невозможно было как следует протопить, в отличие от башни, в которой Харамис поселилась, став Великой Волшебницей. Здесь очень тепло, несмотря на то что башня стоит на вершине горы Бром возле границы Рувенды и Лаборнока, а на дворе зима. До нее тут обитал Орогастус, наполнивший башню всевозможными предметами роскоши, какие только мог разыскать, украсть или купить. Особый интерес у него вызывали приборы и приспособления Исчезнувших. По большей части они представляли собой смертоносное оружие, хотя встречались среди них и весьма практичные вещицы, приносившие удобства в повседневную жизнь.

На свою беду, Орогастус так никогда и не усвоил разницу между изобретениями Исчезнувших и настоящей магией, с помощью которой Харамис и ее сестрам удалось в конце концов его победить. Уж слишком он понадеялся на древние приборы.

Для Харамис различие между волшебством и приборами Исчезнувших было столь очевидно — хотя она и затруднялась его объяснить, — что она до сих пор не понимала, как Орогастус, сам наделенный кое-какими способностями к магии, мог совершить такую глупость.

Харамис до сих пор вздрагивала, вспоминая, как ему ненадолго удалось очаровать ее. «Но это вышло ему боком, — вспомнила она. — Орогастус внушил себе, что любит меня и что я в конце концов отвечу ему взаимностью и стану помогать в осуществлении его планов. Поэтому он и упустил момент, когда еще мог навредить мне».

Она приблизилась к украшенному замысловатой резьбой деревянному шкафу, извлекла из ящика серебряную чашу, поставила ее на стол в центре комнаты и, до половины наполнив чистой водой из кувшина, склонилась над ней.

У оддлингов, населявших болота вокруг Цитадели, это называлось «глядеть в воду». Многочисленные племена этих существ, не принадлежавших к человеческой расе, весьма различались между собой по внешнему виду, и ес-

ли одни были почти полной копией людей, то другие напоминали персонажей кошмарных снов. С людьми большинство из них жили в мире.

Вполне человеческую внешность имели, например, оддлинги из племени ниссомов, служившие при королевском дворе Рувенды, когда Харамис была ребенком. В их числе был и ее лучший друг, придворный музыкант по имени Узун, обладавший помимо музыкальных талантов незаурядными способностями мага; он-то и научил Харамис глядеть в воду. Эта процедура использовалась и как гадание, хотя считалась не слишком-то надежной, и как средство связи. Однако Харамис, став Великой Волшебницей, обнаружила, что способна ее усовершенствовать.

И вот теперь она постаралась отогнать все посторонние мысли, хотя полностью избавиться от впечатлений пережитого во сне оказалось невозможно, и посмотрела в воду.

Почти тут же Харамис почувствовала себя летящей по воздуху на спине ламмергейера — могучей птицы, всегда приходившей ей на помощь в трудную минуту. Вскоре внизу возникли очертания какого-то здания, в котором она узнала главную башню Цитадели — относительно недавнюю постройку, воздвигнутую людьми не более пятисот лет назад, в отличие от основного здания, сохранившегося со времен Исчезнувших.

Она легко приземлилась на крышу башни, и ее астральное тело соскользнуло в комнату через люк под самым потолком. Сейчас здесь царила пустота. Когда Харамис в последний раз посетила ее во плоти, за ней и Узунем гнались лаборнокские солдаты, и лишь своевременное появление двух ламмергейеров, поднявших ее с крыши башни, позволило беглецам уйти живыми. На Харамис вновь нахлынули воспоминания того давно ушедшего дня...

Этажом ниже некогда располагалась солдатская казарма. Безумная идея разместить стражу Цитадели семнадцатью лестничными пролетами выше всех прочих обитателей принадлежала, насколько Харамис могла теперь припомнить, ее деду. Что касается ее отца, то он был боль-

ше ученым, чем воином, и не удосужился произвести необходимые перестановки.

И все-таки у кого-то, очевидно, нашлось достаточно здравого смысла, чтобы изменить прежний порядок, не дожидаясь, пока он превратится в незыблемую традицию. Хотя в комнате по-прежнему стояло с полдюжины коек и тумбочек, сейчас в этой бывшей казарме находилось всего два человека, и это были дети — мальчик и девочка, которым на вид можно было дать лет по двенадцать. Они сидели друг против друга на полу посреди большого пятна света, проникавшего в открытое окно.

— Думаю, он работает от света,— произнес мальчик.

Он был строен и худошав, а его темные волосы давно нуждались в стрижке. Густая прядь упала на лицо, когда мальчик нагнулся над исследуемым предметом, и он машинально отбросил ее назад. Волосы снова упали, как только он убрал руку, но мальчик не обратил на это внимания.

— Это слишком просто,— возразила девочка.

Небрежно завитые огненно-рыжие косы доходили ей до пояса. Таких волос Харамис не видала с тех пор, как рассталась с Кадией, а по виду девочки можно было понять, что она заботится о своей внешности ничуть не больше, чем заботилась когда-то ее сестра. Одежда обоих подростков, несомненно, перешла им по наследству от старших братьев и сестер, и к тому же, видно, ни один из них не чувствовал потребности содержать ее в чистоте. Деревянный пол выглядел так, словно его никогда не подметали, и тем не менее, судя по следам, оставленным в толстом слое пыли, эти дети — или кто-то другой — частенько на нем полеживали. А девочка была еще более худая, чем мальчик. «Неужели об этих детях никто не заботится?» — подивилась Харамис.

— В темноте же он не работает,— стоял на своем мальчик.

— Я и не спорю, что ему нужен свет, чтоб он заработал. Но если б одного света было достаточно, то не только нижние, но и все ноты заиграли бы сразу.

Астральное тело Харамис пересекло комнату. Она хотела взглянуть, что у девочки в руках, и сразу распознала одну из любимейших игрушек своего детства. Это был музыкальный ящик, один из реликтов времен Исчезнувших — небольшой куб, издававший звуки разной высоты в зависимости от того, на какую сторону его положат.

— Гляди, Файолон,— говорила девочка, держа куб так, что одним углом он касался пола.— Если б нужен был только свет, он играл бы сейчас по крайней мере один звук: солнечные лучи падают прямо на него.

Они поставили куб на пол, и тот зазвучал.

— Видишь? Одна его сторона должна лежать на полу или...— Она приподняла куб, и музыка продолжала звучать.— Параллельно полу.

— Ты хочешь сказать — горизонтально,— заметил мальчик.

— Это одно и то же, если пол ровный. А теперь смотри.— Она медленно и аккуратно перевернула кубик на другую сторону.— Если его нагнуть больше, чем на ширину двух пальцев, звук умолкает, а когда горизонтальной становится другая сторона, музыка возобновляется не сразу. И во время этой паузы,— закончила она с торжествующим видом,— я чувствую, как в кубике «что-то» движется. Музыка не заиграет, пока это «что-то» не опустится на дно.— Она потрясла кубиком над ухом.— Там какая-то жидкость. Я бы с удовольствием его вскрыла, чтобы узнать, что там внутри и как оно действует.

Файолон выхватил у нее игрушку:

— Не смей, Майкайла! Он у нас только один, и мне он очень нравится. Если ты его сломаешь, я не стану на тебе жениться, когда мы вырастем.

— Я снова его соберу,— возразила Майкайла.

— А откуда ты знаешь, что сможешь его собрать? — рассудительно заметил Файолон.— Тебе неизвестно, что там за жидкость — для воды она слишком тяжела,— и ты непременно хоть немного да прольешь, когда будешь открывать. Так мы никогда и не услышим настоящую музыку Исчезнувших.

Майкайла рассмеялась:

— Для тебя любой источник музыки — святыня. Отец твой, видно, был музыкантом.

Файолон пожал плечами:

— Этого мы никогда не узнаем.

Девочка взяла куб и взвесила его на ладони.

— Думаю, ты прав насчет жидкости. Она действительно слишком тяжела для воды. И что бы там ни было внутри, оно движется куда медленней, чем если бы плавало в воде. — Она вздохнула. — Хорошо бы найти такие еще.

— Да, — согласился Файолон. — Может, тогда мы услышали бы и другие звуки.

— А если бы нашли точную копию этого, я смогла бы его разобрать и выяснить, что там внутри.

— Почему тебе вечно хочется узнать, как устроены разные вещи?

Майкайла пожала плечами:

— Не знаю. Почему тебе вечно хочется писать песни обо всем на свете?

Файолон повторил ее движение.

— Не знаю.

Они глянули друг на друга и весело расхохотались.

Харамис тоже засмеялась и тут же обнаружила себя сидящей в собственной башне перед чашей. От ее дыхания по воде пробежала рябь, и видение исчезло.

«Ну что ж, — подумала Харамис, — они и вправду выглядят умными. Но я с трудом вижу ее в роли Великой Волшебницы. Придется разузнать о ней побольше, да и о нем тоже. Из его слов по поводу женитьбы можно подумать, что они помолвлены, но то, что он не знает, кем был его отец, слишком уж странно. А их одежда хотя и с чужого плеча, но все-таки добротная, да и разговаривают эти дети не как прислуга».

Харамис быстро оделась и вышла к завтраку. Ей предстояло еще писать письма и отдавать распоряжения.

Все, что происходило с природой, Харамис могла слышать так же легко, как собственное сердцебиение. Добыть сведения о людях было куда сложнее. Прошло несколько недель, прежде чем Айя, служанка дворца из племени ниссомов, получила записку Великой Волшебницы, добыла

разрешение навестить свою сестру и удалилась от Цитадели на расстояние, достаточное для того, чтоб сестра на ламмергейера незамеченной. Никто из королевской семьи не знал, что сестра Айи служит у Белой Дамы, и Харамис это положение устраивало.

Наконец перед башней появился ламмергейер, с тщательно укутанной фигуркой на спине. Харамис вышла навстречу птице и собственноручно перенесла маленькую женщину в помещение. Главное неудобство жизни в таком месте — это то, что слуги-ниссомы не могут спокойно выйти на улицу. Даже два века спустя Харамис отчетливо помнила тот день, когда ее друг и компаньон Узун едва не замерз насмерть, пока они искали ее талисман. У нее пропал целый день пути из-за того, что пришлось возвращаться вниз и отогревать музыканта, а потом все отправить его в долину и продолжать поиски одной. Из всех одлингов одни только виспи могли существовать в горах, да и те предпочитали местечки возле горячих ключей.

И вот Харамис внесла бесформенный узел внутрь башни и препоручила свою гостью Энье, чтобы та отвела сестру в подготовленную комнату и накормила после долгого пути.

Наконец они втроем удобно расселись в кабинете Харамис, прихлебывая из кубков горячий сок ладу, и Белая Дама спросила Айю об увиденных ею в чаше воды детях.

— Принцесса Майкайла и лорд Файолон? — удивилась женщина. Харамис видела, что ей не терпится узнать, почему Белая Дама вдруг заинтересовалась этими детьми, но предпочла воздержаться от объяснений — по крайней мере пока. Поэтому она просто кивнула и приготовилась слушать.

— Майка — принцесса Майкайла — шестая из семи королевских детей. Сам король сосредоточился на обучении наследника, а королева суетится вокруг своего «малютки», которому сейчас десять лет. Остальные четверо близки между собой по возрасту и держатся вместе. — Айя вздохнула. — Поэтому никого особенно не заботит, чем

занята Майка. Что же касается Файолона, то он сирота и тоже предоставлен сам себе. Так что им с Майкой друг без друга было бы совсем одиноко.

Харамис задумалась.

— У меня всегда был верный и надежный друг — Узун, — сказала она, повернувшись к полированной арфе с костяной инкрустацией на деке, что стояла возле кресла, и глаза ее потеплели. Она любовно погладила инструмент. — И все-таки я не могу представить свое детство без сестер. Они всегда были рядом, хотела я этого или нет. — Мысли ее вернулись к сегодняшнему дню. — Так кто такой Файолон?

Айя продолжила объяснение:

— Лорд Файолон — родом из Вара. Его матерью была младшая сестра тамошнего короля и нашей королевы. Бедняжка умерла при родах, но только шесть лет спустя нашей королеве удалось убедить брата отдать ей на воспитание сына покойной сестры.

— А отец? — Харамис не давал покоя этот вопрос с тех пор, как она подслушала детский разговор.

Айя пожала плечами:

— Никто не знает, кто он. Мать Файолона не была замужем.

Харамис подняла брови:

— У сестры варского короля рождается ребенок, и никто не догадывается, кто его отец? Это неслыханно! Разве можно утаить что-либо подобное при дворе? Неужели не высказывалось никаких предположений?

— Говорят, перед смертью она клялась, будто это один из Владык Воздуха.

Брови Харамис опять приподнялись.

— Никогда не слыхала, чтобы Владыки Воздуха обретали телесные формы, не говоря уж о том, чтоб зачинать детей.

Айя вздохнула:

— Она умирала и, может быть, бредила. Хотя я тоже нахожу странным, что никто ничего не знает о его отце. Это очень странно.

— Не думаю, что это столь важно.— Харамис пожала плечами.— Во многих больших семьях есть побочные дети. Они с Майкайлой помолвлены?

Айя покачала головой:

— Разговоры об этом идут, но до помолвки пока дело не дошло, хотя мне кажется, это было бы очень кстати. Майкайла ведь тоже как бы лишняя в своей семье, насколько это вообще может случиться с принцессой. Они друг в друге души не чают.

— Жаль,— сказала Харамис.— Поскольку Майкайле предстоит стать очередной Великой Волшебницей, ей придется его оставить.

Айя широко раскрыла глаза.

— Майка? Волшебница? — Она поднялась, а затем робко призналась: — Госпожа, я думаю, ей это наверняка не понравится.

— Не имеет значения, понравится ей это или нет,— мягко возразила Харамис.— Такую судьбу не выбирают. Это ее предназначение. Так же было и со мной.

Глава 2

Харамис чувствовала, что откладывать больше нельзя. Она твердо решила, что не может оставлять девочку в таком же неведении, в каком некогда пребывала сама. А раз так, то она обязана, как бы жестоко и преждевременно это ни показалось ее преемнице (и, конечно, Айе), начать готовить Майкайлу к той миссии, которая в один прекрасный день будет возложена на ее плечи.

Айя несколько дней гостила в башне, проводя время в компании Эньи, а Харамис между тем готовилась в дорогу. Она, конечно, могла просто вызвать пару могучих ламмергейеров, чтобы те отвезли ее в Цитадель и вместе с Майкайлой доставили обратно, но ей хотелось, чтобы девочка хорошо познакомилась со страной, которой ей предстояло править. А потому, отправив Айю на ламмергейерах, она в тот же день оседлала фроняла и, навью-

чив второго припасами, взяла курс на юг, к Цитадели, где прожила свою жизнь ее сестра Анигель.

Первые дни дорога шла через горы. Харамис было холодно, хотя эта зима и выдалась довольно мягкая и снег не падал (Белая Дама решила, что с нее довольно и тех сугробов, сквозь которые приходится пробираться, и не позволяла новому снегу сыпаться с неба). По утрам у нее болело все тело, несмотря на отлично утепленный спальный мешок. Наконец к вечеру пятого дня она выбралась из снегов и увидела впереди красный шар солнца, погружающийся в болото.

Теперь путь пролегал по давно забытым тайным тропам в болотах Рувенды. Когда-то она знала здесь каждую кочку так же хорошо, как полки собственной библиотеки. Боль в мышцах вновь напомнила Харамис, что она слишком долго почивала в стенах своей комфортабельной башни. Правда, пока в стране все спокойно, ей нет надобности покидать башню. «Но все-таки,— подумала Харамис,— стоило бы выбираться из дому почаще». Сколько лет прошло с тех пор, как она в последний раз видела эту землю, не прибегая к магии? Хорошо все-таки иметь возможность попутешествовать, невзирая на боль во всем теле.

Харамис приняла вид обычной женщины, далеко уже не молодой, но по-прежнему бодрой и крепкой, несмотря на белые как снег волосы. Разъезжая по стране, она всегда предпочитала иметь такую внешность, даже будучи еще юной девушкой. Это обеспечивало достаточно уважительное к ней отношение, лишенное, однако, того благоговения и трепета, что всегда сопутствует появлению Великой Волшебницы. Но теперь каждый вечер Харамис подумывала о том, что ее бодрость становится больше напускной — чем-то вроде принимаемой внешности.

Она опять вспомнила, что может вызвать одного из служивших ей ламмергейеров. Соблазн был велик, да и срочность ее миссии будто бы оправдывала такое решение.

Но переполошить всю Рувенду, приземлившись у королевского дворца, означало, по мнению Харамис, дать

девочке, а может, и куда более осведомленным ее родителям, совершенно превратное представление об обязанностях и заботах Великой Волшебницы и месте магии в повседневной жизни. Везде же на фрониалах не было ничего сверхъестественного, Орогастус держал целую конюшню этих животных. Они были его единственным транспортным средством, ибо вызвать ламмергейера он не мог, и Харамис просто продолжала его племенную работу.

Такой большой любитель эффектов, как Орогастус, непременно воспользовался бы в подобных обстоятельствах ламмергейером, если б это было в его власти. Но Харамис не такова.

Она продолжала свое одинокое путешествие, всякий раз спешиваясь и беря фрониала под уздцы, когда пригибающиеся книзу ветки деревьев не позволяли ехать верхом, и ничем не напоминала волшебницу, если не считать плаща и жезла. Висевший на ее шее талисман, Трехвекий Диск, скрывала одежда. Ноги были обуты в прочные непромокаемые сапоги. Но не простые, а заговоренные: тому, кто носил их, не грозила опасность заблудиться даже в самом дремучем лесу. Разумеется, такая предосторожность для Великой Волшебницы была совершенно излишней, просто Харамис с детства обожала заговоры и не переставала в них практиковаться.

Уже много лет нога ее не ступала на дороги и тропы Рувенды, и теперь самое время вспомнить былое. Поэтому, имея возможность выбрать себе любую свиту и любое — обычное или магическое — средство передвижения, Харамис предпочла пуститься в путь верхом на фрониале. И все-таки она надеялась, что, невзирая на все это, правнучатая племянница усмотрит в ее прибытии некий магический смысл.

Начать обучение девочки будет гораздо легче, если в ней обнаружатся кое-какие природные способности к магии. И хотя, судя по первому впечатлению, Майкайла скорее стала бы анализировать, почему именно то или иное заклинание действует, чем попыталась бы его прочувствовать, Харамис в качестве своей преемницы увидела именно ее, а значит, такие способности у девочки долж-

ны быть. Файолон же, по мнению Харамис, на эту роль вряд ли годился: во-первых, он мальчик, а во-вторых, происходит из Вара.

Неторопливо пробираясь через болота, Харамис потратила еще четыре дня, за которые больше, чем хотела бы, сблизилась с рувенданской землей — в основном в виде липкой грязи. За долгую жизнь среди заснеженных вершин она почти забыла, как эта грязь выглядит. Снег можно легко отряхнуть, а то, что от него остается, мгновенно испарится, стоит только войти в теплое помещение. Грязь же прилипала к телу, засыхала и вызывала зуд. Харамис почувствовала огромное облегчение, выбравшись на Большую дамбу, где липкую колею сменила мощеная дорога. Здесь уже не нужно было все время смотреть под ноги, и Харамис с любопытством огляделась по сторонам.

В окрестностях Цитадели почти всю зиму идут дожди, но этот денек выдался на редкость теплым и солнечным. Добравшись до зеленого холма, на котором стояла столица Рувенды, Харамис с удовлетворением заметила распустившиеся, несмотря на зимний сезон, черные цветы Триллиума. В пору ее детства Черный Триллиум был чудом и необычайной редкостью. А потом наступило время, когда этот цветок остался единственным, и его хранила Великая Волшебница. Но с тех пор, как Харамис и ее сестры одолели Орогастуса, растения эти волшебным образом распространились по всему холму. Теперь они — столь же обычное явление, как сорная трава. «И наверняка,— подумала Харамис,— так же мало ценятся».

В Цитадели она появилась в то время, когда кончается утро и начинается день. Король приветствовал ее с величайшим изумлением.

— Госпожа, вы оказываете нам великую честь,— начал он с некоторым беспокойством в голосе.— Чем можем служить?

Королева же, видимо, восприняла появление Харамис без свиты и без предупреждения как старческий каприз.

— Вы, должно быть, утомлены, госпожа?

Повинуясь королевскому взгляду, к ним заспешила экономка.

— Позвольте прислуге отнести ваши вещи в комнату для гостей и позаботиться о животных. А сами отдохните с дороги.

Десять дней путешествия среди зимы на весьма своемравном фрониае (его мало беспокоили горы, но болота он ненавидел) подточили не только физические силы Харамис, но и ее самообладание.

— Можете обойтись без церемоний, — коротко сказала она. — Мой приказ касается не вас двоих, а Майкайлы.

— Майкайлы? — Король выглядел озадаченным.

— Вашей дочери Майкайлы, — сквозь зубы подтвердила Харамис. Она всю жизнь не переносила дураков, а после стольких лет одиночества почти забыла придворные манеры. К тому же, будучи Великой Волшебницей, она не заботилась о том, что о ней подумают люди. — Шестой из ваших семерых детей. Вы ведь еще помните ее, правда?

Король изобразил вымученную улыбку:

— Да, разумеется, я ее помню. Но она ведь еще маленькая девочка. Что вы от нее хотите?

К счастью для терявшей остатки самообладания Харамис, королева мыслила более практически. Эта пара вдруг напомнила Харамис собственных родителей — короля Крейна, рассеянного ученого, и королеву Каланту, рассудительную и спокойную. Королева отослала экономку проследить за тем, чтобы в комнате для гостей было все необходимое и чтобы слуги перенесли туда багаж волшебницы и позаботились о фрониах. Айю, которая, как и ожидала Харамис, вертелась возле экономки, королева тут же отправила разыскать принцессу Майкайлу и немедленно привести ее в небольшую гостиную. Затем она пригласила в эту гостиную Харамис, усадила ее в самое удобное кресло и приказала служанке подать еды.

— Обед скоро будет, — объявила королева, — но, может быть, вы не откажетесь от сушеных фруктов с сыром?

Харамис уселась прямо, стараясь не выдать свою усталость. На улице под ярким солнцем она чувствовала

себя хорошо. Но здесь, несмотря на яркий огонь, было мрачно и сыро. Белая Дама взглянула на короля, который последовал за ними и теперь неуверенно топтался у двери. Было видно, что он предпочел бы заранее подготовить Майкайлу к встрече с ее престарелой родственницей. Судя по всему, то же самое должна была чувствовать и королева, но она лучше это скрывала. «А может быть,— подумала Харамис,— королю и впрямь трудно припомнить Майкайлу. Он, видно, не очень-то обращал на нее внимание, раз думает, что она до сих пор маленькая».

Подали угощение, и Харамис вежливо за него принялась, едва сдерживая нетерпение, хотя и понимала, что ведет себя неразумно: зачем волноваться, если Айя вот-вот приведет девочку?

Но Айя вернулась одна.

— Где моя дочь? — требовательно спросила королева. Служанка выглядела невеселой.

— В Цитадели ее нет, ваше величество. Боюсь, что они с лордом Файолоном опять отправились в какую-нибудь экспедицию.

Королева погрузилась в кресло и потеряла переносицу, как будто на нее неожиданно навалилась головная боль. Новость была, несомненно, для нее неприятна, но Харамис чувствовала, что в самом факте нет ничего необычного. Действительно, единственной реакцией королевы оказалось лишь мягкое: «Почему сегодня?»

Зато король, кажется, совсем не понимал, что происходит. Харамис же такое поведение было хорошо знакомо. Ее сестра Кадия имела привычку неделями пропадать в болотах в сопровождении одного лишь охотника-ниссома Джегана. Она так много времени проводила среди ниссомов, что ее сделали почетным членом одного из племен.

— В экспедицию? — вспыхнул король. — Что это значит? Уж не хочешь ли ты сказать, что моя дочь бродит одна по болотам?

— Нет, ваше величество, — поспешно ответила Айя, — я уверена, что она не одна. У них с лордом Файолоном много друзей в селении ниссомов к западу от холма. И я

не сомневаюсь, что они взяли с собой по крайней мере проводника.

Король готов был взорваться. «Мужчины,— подумала Харамис,— все время спрашивают не о том, что действительно важно». И задала вопрос:

— Куда они могли направиться?

— Месяц назад я слышала их разговор о каких-то древних развалинах вверх по реке Голобар,— сказала Айя,— но тогда они пришли к заключению, что уровень воды недостаточно высок, чтобы лодка могла туда добраться. Разумеется,— добавила она,— с тех пор прошло много дождей.

Харамис знала, о каких развалинах идет речь, хотя сама там никогда не бывала. Они находились на стыке Черной и Зеленой Топей, примерно посередине между истоком Голобара и его устьем — местом слияния с Нижним Мутаром, до которого от Цитадели один день пути в западном направлении. Итак, один день уйдет на то, чтобы добраться до Голобара, и, видимо, в лучшем случае неделя, чтобы подплыть к руинам, принимая, конечно, во внимание...

— Скритеки! — воскликнула вдруг Харамис. — Она знает, что там множество скритеков?

— Что? — взревел король.

— Вы хоть что-нибудь знаете о своем королевстве? — перебила его Харамис. — Я уже поняла, что о собственной семье вам неизвестно практически ничего.

— Не волнуйся, мама, скритеки не тронут Майку,— с убеждением проговорил детский голос у двери. — Она говорит с ними, и они оставляют ее в покое.

Харамис с сомнением покачала головой. Разумеется, сама она могла приказать вышедшему на охоту скритеку убираться, но то она — Великая Волшебница.

Скритеки, которых прозвали топителями, известны своей повадкой прятаться под водой, поджидая добычу, которой могли служить все прочие оддлинги и крупные животные, а потом хватать ее и топить. Наземный способ охоты выглядел еще кошмарнее. Они действовали стая-

ми. Харамис однажды довелось наблюдать нападение скритеков на людей: их стая истребила изрядную часть войска Волтрика. Но поскольку король Лаборнока Волтрик вторгся в Рувенду, убил ее родителей и пытался прикончить сестер и ее саму, Харамис не стала по этому поводу лить слезы.

Таковы были взрослые скритеки. А молодняк, пожалуй, еще хуже. Скритеки откладывали яйца, будучи единственными оддлингами, проходившими в своей жизни стадию личинки, и забывали о них. Личинка заботилась о себе сама — и ей это превосходно удавалось — до тех пор, пока она не удалялась в кокон и, преобразовавшись, вылезала на свет в виде маленькой изголодавшейся взрослой особи. Харамис преследовало тяжелое чувство, что один из сухих перелесков, в которых скритеки плетут свои коконы, попадет на пути детям. Она решила при первой же возможности это проверить...

Королева с гордостью представила Белой Даме своего малютку, десятилетнего принца Эгона. Он по всем правилам склонился к руке Харамис — к ее большому, хотя и хорошо скрытому удивлению. Юный денди — ни дать ни взять. У него были пышные золотые кудри и большие невинные голубые глаза; он сильно походил на Анигель. «Вот и снова выплыли наружу наследственные черты, — подумала Харамис. — Надеюсь, он не лишен мозгов, хотя с такой внешностью мог бы прожить и без них».

— Так, значит, твоя сестра говорит со скритеками? — спросила она мальчика. — И что же она им говорит?

— Она говорит, что им запрещено враждовать с людьми.

Харамис удивилась. Это действительно так, и одна из обязанностей Великой Волшебницы — следить за соблюдением запрета. Но откуда Майкайле это знать? И каким образом она обсуждает такие темы со скритеками? Вряд ли те относятся к запрету серьезно. Но если Майкайла думает иначе...

Ясно, что Харамис должна познакомиться с девочкой как можно скорее.

Глубины реки хватало как раз, чтобы плоскодонные лодки ниссомов добрались до развалин. Майкайла и Файолон со своими проводниками Квази и Транео потратили несколько дней, по очереди работая шестами на мелководье и веслами в более глубоких местах, чтобы продвинуть лодки вверх по течению. Это была тяжелая работа, не прекращающаяся с раннего утра и до захода солнца.

Когда темнота уже не позволяла разглядеть ничего вокруг, плоскодонки вытаскивались на берег, и путешественники, съев точно отмеренные порции захваченного с собой вяленого мяса, укладывались спать внутрь одной из лодок, надежно прикрепив сверху вторую в виде крыши. Так им не приходилось всю ночь караулить друг друга. Скритеки, единственные достаточно крупные существа, которые могли бы разломать лодки, не нападают на людей, если их не провоцировать. К тому же пока Квази и Транео спят между Майкайлой и Файолоном, ни один оказавшийся поблизости скритек не учует их запаха.

Разыскиваемые развалины показались из-за поворота реки на третий день после того, как они ступили на землю скритеков.

— Смотрите, здесь когда-то была деревня! — взволнованно заговорил Файолон. — Может быть, среди этих руин мы разыщем новые музыкальные ящички или еще что-нибудь не менее интересное.

— Навряд ли что-нибудь другое может оказаться столь же интересным, — засмеялась Майкайла, — по крайней мере для тебя.

— Принцесса, — подал голос один из проводников — маленький ниссон Квази. — Вы ведь не пойдете в эти развалины. Выше по реке есть другие, гораздо интереснее.

Майкайла взглянула на него с подозрением:

— Ты хочешь, чтоб мы продолжали плыть вверх по реке через землю скритеков, все больше рискуя с ними встретиться? Чем тебе нехороши эти развалины?

— Лично мне они нравятся,— сообщил Файолон,— и я хочу побольше узнать об Исчезнувших.

— А я действительно намерена разыскать музыкальные ящички,— добавила Майкайла,— и узнать, как они действуют.

— Король будет очень разгневан, если с вами что-нибудь случится, мой господин,— отважился вымолвить Транео, явно чем-то напуганный.— Он строго-настрого предупредил меня, что я головой за вас отвечаю.

— Вздор,— возразил Файолон.— Королю до меня нет дела. Он, небось, не знает, где мы.

Майкайлу так поразили эти слова Файолона и его уверенный тон, что на мгновение она даже забыла, что хотела сказать.

— Но ты так и не открыл, какая опасность может таиться в этих развалинах,— спохватилась она наконец, обернувшись к Квази.

— Они до сих пор живы,— отозвался тот, нервно вращая глазами.

— Живы? — переспросил Файолон.— Развалины? Ты хочешь сказать, что эти дома были и до сих пор остались живыми? Никогда не слыхал, чтобы кому-то, даже Исчезнувшим, удалось сделать здание живым.

— Как только в них кто-нибудь входит,— с дрожью проговорил Квази,— на землю выходят голоса и говорят на непонятном языке.

— Может быть, там до сих пор работают какие-нибудь приборы Исчезнувших! — воскликнула Майкайла.— Мы должны туда пойти!

— Не сейчас,— твердо сказал Транео.— Уже почти сумерки. Прошу вас, принцесса, не поступайте опрометчиво. Подождите до утра, раз уж вы собрались туда идти.

— Ладно, давайте тогда подыщем подходящее место для лагеря,— ответила Майкайла,— и не знаю, как вы, а я проголодалась. Что скажете?

— Я уже три дня живу впроголодь,— сухо заметил Файолон.— Это же ты настояла на строгой экономии наших припасов.

— Я и сейчас считаю, что это правильно,— сказала Майкайла.— Если еда кончится, нам придется возвращаться, а мне это не по душе, по крайней мере сейчас.

— И что, по-твоему, нам надо делать? — спросил Файолон.

— Мне кажется, Квази и Транео надо подыскать подходящее место для ночлега.

Файолон вопрошающе взглянул на Квази, и тот быстро ответил:

— У нас сейчас не так много времени до темноты, мой господин, но я сделаю все, что смогу.

Они еще немного проплыли вверх по течению, и Транео дал знак причалить к берегу около небольшого выступа, покрытого гладкими круглыми камнями.

— Можно попробовать здесь, лорд Файолон. Здесь, по крайней мере, скритекам не спрятаться.

— Это точно,— согласилась Майкайла.— В этой травке не скрыться никому крупнее лугового фанта.

Она выпрыгнула из лодки в поисках сухой травы для разжигания костра, но замерла, едва коснувшись ногой земли.

— Майка,— Файолон, стоя в лодке, тревожно глядел на нее,— что случилось?

— Не знаю,— неуверенно произнесла Майкайла.— Но что-то здесь не так, на этой земле.

Транео уже выбрался из лодки и бродил поблизости, подыскивая место для лагеря. Майкайла медленно двинулась за ним, пытаясь определить источник своего беспокойства.

Она приблизилась к гладким камням и ступила на один из них, но, к ее удивлению, ощутила под ногой необычно мягкую, похожую на кожу поверхность. На глазах у Майкайлы камень начал медленно раскачиваться взад-вперед. Но ведь она не так уж сильно его пнула... Пока девочка стояла, с удивлением уставившись на него, камень со странным треском раскололся. Из расширившейся щели показалась отвратительная зеленая морда с двумя выпяченными черными кругами на макушке.

Майкайле до сих пор не приходилось видеть личинку скритека, но у нее не возникло сомнений, что это именно она. Мерзкая зеленая пасть раскрылась, показав два ряда удивительно длинных и острых зубов, хотя характерные для скритека клыки отсутствовали, а сама личинка была в семь раз меньше взрослой особи.

Быстрое движение отвратительной твари застало девочку врасплох. Казалось, она растет на глазах. С невообразимой скоростью личинка подползла к ним, ухватила челюстями Транео и потащила его к воде. К великому ужасу Майкайлы, это существо начало пожирать ниссома, даже не убив его. Транео пронзительно кричал. Белая пленка кожи все еще покрывала выпученные глаза личинки, но она уже явно обрела зрение и видела свою жертву. В следующее мгновение крик Транео резко оборвался. Раздался всплеск, и лишь круги на воде обозначали теперь место, где мерзкая тварь увлекла за собой на дно растерзанное тело ниссома.

Майкайла в ужасе отпрыгнула назад, споткнулась о камень и растянулась на песке. Ей и раньше доводилось видеть гибель живых существ, но никогда еще зрелище смерти не было столь отталкивающим. Майкайла судорожно пыталась подняться, и ей это почти удалось, но еще одно яйцо попало девочке под ногу, и, поскользнувшись, она вновь с размаху упала на спину, да так резко, что у нее перехватило дыхание. А тем временем из яйца успела вылупиться новая личинка. Маленький скритек уже разинул пасть, но тут же неожиданно покачнулся и повалился на бок, пораженный метко брошенным камнем.

С облегчением переведя дух, Майкайла вскочила на ноги и наткнулась на Файолона, который не слишком галантно схватил ее, втащил в лодку и оттолкнулся шестом от берега. Самообладание начало возвращаться к девочке лишь тогда, когда они оказались на середине реки. Но и после этого она еще долго оплакивала Транео. Думал ли он, что умрет такой страшной смертью?

— Я так понимаю, что... что это был скритек, а эти похожие на камни шары — яйца скритеков, — прервал молчание Файолон.

Квази, сидевший во второй лодке и державшийся рукой за корму, мрачно подтвердил догадку мальчика. Майкайла бросила взгляд на берег.

— Я могу поладить со взрослым скритеком, но не с этой штуковиной. Чем ближе с ними знакомишься, тем меньше симпатий они вызывают,— заметила она.— А уж так близко, как сегодня, я никогда больше не намерена с ними общаться. Если это ты, Файолон, запустил камень — спасибо; думаю, ты спас мне жизнь. Что же нам теперь делать?

— Мне кажется, стоило бы вернуться к развалинам,— не без дрожи в голосе сказал Файолон.— Лучше уж иметь дело со странными голосами, чем с вылупившимися скритеками.

— Согласна,— ответила Майкайла.— Вы только взгляните, что там творится.

На берегу раскачивались и трескались все новые и новые яйца. Лишь только очередная личинка появлялась на свет, как ее свежевылупившиеся старшие братья, скрежеща смертоносными челюстями, наваливались сверху и рвали ее на куски. Вскоре весь берег покрылся сплошной массой грызущихся и разрывающих друг друга личинок, обрызганных и перемазанных мерзкой грязно-зеленой кровью. Путешественники с отвращением отвели глаза от берега.

Плоскодонки стремительно неслись вниз по течению. Файолон стоял у руля, а Квази по-прежнему держался за корму, не давая лодкам разойтись. Майкайла, все еще немного дрожа, стала ему помогать. Разумеется, ей и раньше доводилось видеть печально известных топителей, но со всеми встречавшимися ранее можно было объясниться. А вот создания, которых нельзя ни в чем убедить, ибо они вообще слов не понимают,— это совсем другое дело!

Майкайла с Файолоном почти одновременно проснулись на самой заре, готовые исследовать развалины. У Квази эта затея не вызывала энтузиазма. Но оставить-

ся одному ему тоже не хотелось, и поэтому оддлинг, скрепя сердце и не переставая ворчать, отправился вместе с подростками.

Они осторожно пробирались по заросшей тропинке, тянувшейся к развалинам, высматривая по дороге камневидные яйца, но не нашли ни одного.

— Наверное, эти яйца можно встретить только выше по течению,— заметил Файолон.

— Будем надеяться,— мрачно ответил Квази.

— Я не чувствую тут никакой опасности,— сказала Майкайла и обернулась к оддлингу.— Квази, ты говорил, что приходившие сюда слышали голоса. А что было потом? Кто-нибудь из них пострадал?

— Любой здравомыслящий оддлинг, принцесса,— язвительно отозвался Квази,— сразу повернет назад, заслушав странные голоса.

— Другими словами,— подытожила Майкайла,— здесь ни с кем никогда ничего не приключалось?

— По крайней мере, мне об этом неизвестно.— Судя по тону, Квази не разделял оптимизма девочки.

— Во всяком случае, пока ничьих скелетов мы не обнаружили,— бодрым голосом произнесла Майкайла.

— Глядите! — воскликнул Файолон так неожиданно, что Майкайле сперва показалось, будто он и впрямь нашел скелет.— Вон то здание впереди — оно смотрится как новенькое!

Дети рванулись вперед, и Квази недовольно поспешил за ними.

Здание действительно было целехонько, и как только они переступили порог, голоса, о которых говорил Квази, дали о себе знать.

— Они не звучат угрожающе,— заметила Майкайла, остановившись и прислушиваясь.

Файолон сосредоточился.

— Я думаю, они говорят одно и то же на разных языках — какое-нибудь приветствие или, может быть, объявление. Обрати внимание на ритм и интонации. Чувствуешь, как они похожи?

Майкайла слушала до тех пор, пока голоса не затихли, а потом сокрушенно покачала головой:

— Видимо, у меня не тот слух, что у тебя, Файолон, но ты наверняка прав. Пройдемте, господин музыкант, посмотрим, не найдется ли тут для вас еще одного музыкального ящичка.— Она взяла его под руку и потащила в глубь здания.

Здание было каменным, с просторными комнатами и большими решетчатыми окнами, сплошь увитыми снаружи виноградной лозой, что не служило, однако, препятствием для солнечного света.

— Видимо, здесь была школа,— предположила Майкайла, когда они проходили через комнату, заставленную столами и скамейками.

— Или театр.— Файолон провел ее в следующее помещение.— Смотри, скамейки поднимаются рядами вокруг сцены.

— Да,— согласилась девочка.— Это похоже на тот театр, что я видела на рисунке в одной книжке. Но ведь и школа могла иметь собственный театр?

— Тогда это была очень богатая школа,— заметил Файолон.

— Может, по сравнению с нами Исчезнувшие были богачами,— сказала Майкайла.— Кое-какие вещи, наверняка служившие им всего лишь забавными безделушками, для нас просто бесценны.— Она ткнула пальцем в маленькую комнатку за сценой.— Думаю, это что-то вроде кладовки, но тут слишком темно. У тебя есть фонарик?

Светильник и огниво ей протянул Квази, хотя и с большой неохотой. Пробурчав при этом, что кое-какие вещи, возможно, не предназначены для яркого света.

Майкайла пропустила мимо ушей его слова и лишь поблагодарила за фонарь. Они с Файолоном вошли в комнату и разинули рты от удивления. Тут было полно вешалок, полок и шкафов. Майкайла тут же принялась исследовать их, а мальчик вернулся в главное помещение театра взять у Квази еще один фонарь. На первой полке оказалось много масок, стилизованных, но, судя по форме и цвету, несомненно изображавших человеческие

лица. В масках были проделаны дырки для глаз, через которые можно было смотреть, и еще по одному небольшому отверстию на месте рта — явно для того, чтобы дышать и говорить. Возле полки стояла вешалка с костюмами, но когда Майкайла попыталась снять один, от ее прикосновения он рассыпался на куски.

— Что я натворила! — ахнула она в испуге.

Файолон взял у нее фонарь, зажег от него свой и начал ощупывать лоскутки костюма на полу. Они продолжали расползаться в руках.

— Ничего ты особенного не сделала, Майка,— ободрил он.— Это какая-то разновидность шелка, а шелк с годами ветшает. Теперь стоит к нему лишь чуть-чуть прикоснуться, и он разлезется.

— Понимаю,— вздохнула Майкайла.— И все же тяжело сознавать себя разрушительницей исторических ценностей.

— К таким вещам нельзя прикоснуться, не повредив их,— спокойно повторил Файолон.— А теперь я хочу заглянуть в шкафы. Если в этой комнате и есть музыкальные ящички, то в одном из них.

— Иначе б мы их слышали,— согласилась девочка и предложила: — Давай я быстренько осмотрю остальные вешалки, а потом займусь шкафами с противоположной стороны, и мы встретимся посередине.

Файолон промычал что-то в знак согласия и начал методически открывать шкафы один за другим. Майкайла осмотрела оставшиеся костюмы, стараясь их не задеть, и подошла к полке, заваленной серебряными шариками размером с ноготь ее большого пальца. Каждый шарик был снабжен колечком, и к нему крепились разноцветные ленточки из какого-то необычного материала, которого Майкайле еще не доводилось видеть. Судя по длине ленточек, они служили подвесками, и каждой из них, видимо, соответствовала другая, парная первой. Майкайла коснулась одного шарика пальцем, и он тихонько зазвенел, раскачиваясь.

Звук был слабым, но он сразу привлек внимание Файолона.

— Что ты там нашла? — полюбопытствовал он, под-
ходя ближе.

— Не знаю,— сказала Майкайла.— Но они хороши,
правда?

Файолон принялся проверять звучание шариков.

— Каждый звук помечен своим цветом,— машиналь-
но отметил он.

— Мне нравится вот этот.— Майкайла взяла один из
той пары, в которой были зеленые ленточки, и повесила
себе на шею.— Видишь,— сказала она, надевая второй
Файолону,— нам все-таки попало что-то музыкальное.

Она провела пальцем по висевшей на шее ленточке.

— И из чего бы ни была сделана эта лента, она куда
крепче шелка.— Она прошла в другой конец комнаты.—
А теперь займусь своей половиной шкафов.

Файолон встряхивал над ухом звенящие шарики и
прятал их в складки своего плаща. Потом он вернулся к
шкафам, просмотрел еще два или три, но когда открыл
следующие, раздалось сразу множество перемешавших-
ся вдруг в сплошную какофонию звуков.

— Смотри-ка, Майка! — воскликнул он.

Та рассмеялась:

— Мне не надо смотреть, я и так слышу. Страннова-
то они звучат все сразу, правда? Сколько их там?

— Семь,— ответил Файолон, засовывая несколько в
поясную сумку.

Девочка приблизилась к нему и положила в свою
сумку оставшиеся. Как только на последний из шкафчи-
ков перестал падать свет фонарей, наступила тишина.

— Нельзя ли нам теперь вернуться? — слышался из-
за двери голос Квази.— Прощу вас.

Майкайла и Файолон обменялись полными тоски
взглядами.

— Хорошо,— вздохнул мальчик,— пошли. К тому же,
Майка, мне кажется, эти шарики повторяются и среди них
есть совершенно одинаковые.

— Мы в любом случае сможем вернуться сюда, когда
у этих отвратительных скритеков закончится период

размножения,— задумчиво произнесла принцесса Майкайла.

— Вот и хорошо,— сказал Квази,— а теперь давайте выбираться отсюда. Я хочу попасть домой целым!

Майкайла засунула под одежду висящий на шее шарик, чтобы он ни за что не цеплялся, и, погасив фонари, компания вернулась к реке.

Квази грустно взглянул на лодки.

— Лучше б нам оставить одну здесь,— сказал он.— Мы прекрасно уместимся во второй и доберемся домой гораздо быстрее.

Быстро переложив все припасы в одну плоскодонку, они оттащили другую подальше на берег и повернули вверх дном.

— Ее можно будет забрать в следующий раз,— сказала Майкайла.

Квази фыркнул и оттолкнулся от берега.

Поток быстро нес их вниз по реке, и скоро показалось место слияния Голобара с Нижним Мутаром. Майкайла смотрела вперед, изучая устье.

— Кажется, сейчас течение гораздо быстрее, чем когда мы шли вверх,— деловито проговорила она.

Квази поднял голову, и у него отвисла челюсть.

— Ложитесь на дно и держитесь изо всех сил! — приказал он. Едва дети успели его послушаться, как лодка вошла в Нижний Мутар и сильный порыв ветра перевернул ее, как детскую игрушку.

Глава 4

К счастью, к этому моменту лодка почти достигла противоположного берега Нижнего Мутара, и течение продолжало нести троих ее пассажиров в том же направлении. Файолон очень скоро нащупал ногами дно, подхватил Квази и вытолкнул его на берег.

Майкайле не повезло: она всплыла на поверхность прямо под одним из одеял, плывущих по воде и не дававших набрать воздуха. Девочка вновь погрузилась в воду и с си-

лой вынырнула обратно, подняв вверх сжатые кулаки. Теперь над головой у нее оказалось немного воздуха. Перебирая руками, она кое-как добралась до края одеяла и, окончательно выбравшись из-под него, увидела прямо перед собой встревоженное лицо Файолона.

— Твои упражнения смотрелись довольно необычно,— заметил он.— На мгновение я даже испугался, что ты утонешь.

— Ну, до этого бы дело не дошло,— возразила Майкайла,— хотя, по правде сказать, дышать через толстое одеяло не самое приятное занятие.

Они вместе вытащили злополучное одеяло из воды и повесили его сушиться на сук, зная, что ночью без него не обойтись.

— Нет худа без добра,— сказала Майкайла, выжимая воду из косичек.— По крайней мере, мы удалились от земли скритеков.

— Да и до дома осталось не так уже далеко,— добавил Файолон.— Квази, в твоем селении смогут тебя отсюда услышать?

Некоторые оддлинги обладали способностью переговариваться друг с другом на расстоянии с помощью телепатии, и Квази был большой мастак по этой части.

Но теперь он, онемев, уставился в небо. Дети проследили за его взглядом и увидели пару огромных птиц, опускавшихся прямо на них.

Таких крупных птиц Майкайле еще не доводилось видеть. А когда они приблизились, девочка поняла, что это просто гиганты. Туловища у птиц — размером не меньше, чем у фрониала — оказались белыми, крылья — в черно-белую полоску, а лишённые перьев шеи и головы — почти того же цвета, что и кожа Майкайлы. Их глаза светились умом, чего девочка еще никогда не замечала у птиц. По обеим сторонам темно-коричневых клювов виднелись небольшие отверстия.

За считанные секунды птицы спланировали с небесных высот и приземлились прямо перед промокшими и перепачканными путниками. На спине у одного из них

сидела странного вида женщина. Оба подростка удивленно уставились на нее.

— Никогда не слыхала, чтобы птицы могли перевозить людей,— проговорила Майкайла.

Файолон ничего не ответил, продолжая внимательно разглядывать незнакомку.

Однако та, похоже, не собиралась терять время.

— Майкайла,— властно сказала она,— садись вот сюда, впереди меня.

Она протянула девочке руку и почти втащила ее на спину птицы.

— Ты же, Файолон,— добавила незнакомка, указывая на второго гиганта,— залезай на него.

Мальчик медленно встал, вскарабкался на широкую спину и, опасливо поглядывая на мощный клюв птицы, попытался втащить за собой Квази. Оддлинг вначале упирался, но женщина кивнула ему, и тогда он занял место у самого основания птичьей шеи.

Незнакомка сказала что-то птицам, и они взлетели. Майкайла решила бы, что все это сон, если б не боль в руке, которую новая знакомая ей вывернула, затаскивая на птицу, да в высшей степени неприятные ощущения от моментально смерзшейся на высоте мокрой одежды. Все это говорило о том, что Майкайла не спит и — по крайней мере пока — не отправилась в мир иной.

Через час они прибыли к башне, покрыв все то расстояние, которое Харамис с таким трудом преодолела на своем фрониае.

Майкайла почувствовала тот момент, когда птицы начали снижаться: воздух стал плотнее и теплее, хотя тепло это было относительным. Она подняла голову, спрятанную от ледяного ветра среди перьев, и поглядела вверх крыла птицы. Путь их лежал вниз, к белой башне, возвышавшейся на уступе скалы. Если бы не черные облака вокруг окон и такого же цвета зубцы наверху, ее было бы трудно разглядеть среди снежных сугробов. У башни оказался балкон, достаточно большой для того, чтобы птицы могли на нем приземлиться. Направлялись они, видимо, именно туда.

Птицы сели, сложили крылья, и Майкайла, освободившись от удерживавших ее рук женщины, соскользнула на каменные плиты. Смерзшаяся одежда похрустывала при каждом ее движении. Девочка обернулась, ища взглядом Файолона.

Тот тоже уже слез с птичьей спины, держа на руках не подававшее признаков жизни тело Квази. Огромные птицы снова взмыли в воздух, но Файолон этого даже не заметил.

— Квази! — твердил он и все тряс маленького оддлинга. — Проснись!

Неуклюже ступая онемевшими за время полета ногами, женщина подошла к ним, с трудом нагнулась к Квази и прикоснулась к его лбу.

— Он тебя не слышит, — коротко сказала она. — Пойдем, я покажу, куда его перенести. — И пошла вперед, ни разу не оглянувшись.

Майкайла помогала Файолону нести неподвижное и ужасающе холодное тело оддлинга. Наконец, сами совершенно окоченевшие и скованные, как броней, промокшей одеждой, они кое-как протиснулись в дверь со своей ношей и очутились внутри башни. Ее хозяйка стояла в углу большого зала и смотрела вниз, на лестницу, откуда раздавались легкие торопливые шаги. Почти тут же в зале появились пятеро слуг. Трое из них были ниссо-мы, двое — виспи. Майкайле до сих пор не приходилось видеть виспи, но она сразу узнала их по описаниям, встречавшимся в книгах, которые они читали с Файолоном.

Виспи больше походили на людей, чем ниссомы. Они были выше ростом, с более узкими лицами, а их носы, рты и небольшие ровные зубы Майкайла сочла вполне нормальными. Правда, глаза у них были огромные — такие же, как у ниссомов, только не золотисто-желтые, а зеленые. Портрет довершали серебристо-белые волосы, заостренные уши и руки с тремя пальцами, увенчанными скорее коготками, чем ногтями.

— С возвращением вас, госпожа Харамис, — почтительно произнесла женщина из племени ниссомов.

— Спасибо,— коротко ответила Харамис. Она кивнула двум мужчинам-ниссомам на безжизненное тело Квази.— Вы вдвоем возьмите его и отогрейте. А ты,— обратилась она к женщине-виспи, показывая на Майкайлу,— займись девочкой. Пусть она вымоется и переоденется.— И добавила, глядя на мужчину-виспи: — А тебе поручаю мальчика.

Бесчувственного Квази унесли, а Майкайлу с Файолоном повели вверх по лестнице.

— Приготовь мне ванну, Энья,— распорядилась Харамис,— и проследи, чтобы затопили очаг в кабинете. Мы там перекусим, когда дети переоденутся.

Харамис погрузила свое продрогшее тело в теплую ванну и стала размышлять («И как раз вовремя»,— похвалила она себя) о том, что думают царственные родители о внезапном исчезновении своего дитяти. Она мысленно связалась с одним из ламмергейеров, находившихся поблизости, попросив его отвезти кого-нибудь из слуг к королю и королеве с запиской. Ламмергейер согласился, и Харамис велела Энье выбрать подходящего для этой миссии слугу и позаботиться о том, чтобы тот оделся потеплее. Служанка кивнула и вышла из комнаты.

— Я становлюсь старовата для подобных перелетов,— проворчала Харамис себе под нос, сидя в ванне в ожидании, пока застывшие конечности прогреются и станут более послушны.

И что это ей взбрело в голову притащить их всех сюда, вместо того чтобы спокойно вернуться в Цитадель? Ведь их одежда совершенно не годилась для полетов в такую погоду, а этот оддлинг мог вообще распроститься с жизнью. Она-то отлично знала, что значит подняться на такие высоты совершенно незащищенного ниссома. Даже по прошествии двух с лишним столетий Харамис отчетливо помнила тот день, когда позволила Узуну сопровождать ее в горы в поисках талисмана. Она коснулась Трехкрылого, висевшего и теперь на золотой цепи посередине ее груди. Тогда ей пришлось потерять два дня, чтобы спустить Узуну вниз и отогреть. Стоило бы вспомнить об этом,

прежде чем дать ниссому забраться на ламмергейера. Среди тех топей, откуда они взлетели, оддинг оставался бы в гораздо большей безопасности, а здесь он ей совершенно не нужен, так же как и мальчик. Ей нужна одна Майкайла. «Уж не впадаю ли я в старческий маразм?» — размышляла Харамис.

Она нахмурилась, снова и снова обдумывая свой поступок. Прожив долгие годы в роли Великой Волшебницы, Харамис заметила, что иногда принимает очень странные на первый взгляд решения, но потом, задним числом, для них находят очень веские причины, о которых она поначалу и не подозревала. Вот и сейчас она чувствовала, что произошел именно такой случай. Но какие именно причины могли бы оправдать ее поступок? На ум приходило лишь, что родители Майкайлы могли отказаться отдать ей дочь. Но, судя по тому, что Харамис о них знала, это было маловероятно. А если б король с королевой попытались помешать, она все равно бы забрала девочку, и им пришлось бы примириться с этим.

Недоуменно пожав плечами, Харамис выбралась из ванны, надела самую теплую одежду, хотя в ее комнате никогда не было прохладно, и отправилась проводить гостей.

Слуги подыскиали им кое-какую одежонку, пусть не по размеру и оттого глядевшуюся довольно странно. Вскоре, обсохнув и согревшись, подростки уже сидели у очага в кабинете и наслаждались вкусным обедом. Вокруг них радостно хлопотала Энья. Она любила готовить и никак не могла примириться со скудным рационом Белой Дамы, от которого, по словам Энии, и малая пташка протянула бы ноги. И вот наконец-то здоровый аппетит юных гостей позволил вовсю развернуться ее талантам.

Квази достаточно отогрелся и тоже смог к ним присоединиться, хотя все еще выглядел вялым и очень мало ел. Дети заметно о нем беспокоились, то и дело спрашивая о самочувствии, пока Харамис наконец не потеряла терпение и не велела им есть молча.

Когда пустые тарелки с помощью магического заклинания отправились обратно на кухню, Великая Волшебница окинула острым взглядом своих гостей.

— Хлопот с вами не оберешься,— сварливо проговорила она.— Я все думаю: стоит ли хоть один из вас тех неудобств, что вы причинили мне и моим ламмергейерам?

Квази, заметно оправившийся за время обеда — наверное, оттого, что сидел ближе всех к огню,— и чуть осмелевший, произнес:

— Прошу великодушно простить, госпожа, конечно, с вашей стороны было очень хорошо прийти нам на помощь, и мы вам бесконечно благодарны,— но ведь ни один из нас не просил перенести его сюда. А уж что будет с королем и королевой, когда они узнают о бесследном исчезновении принцессы и молодого господина, мне и подумать страшно.

— Это уж точно,— подала голос Майкайла,— мама с папой начнут жутко волноваться, не получив от нас ни единой весточки.

— Только вздумайте мне еще дерзить,— цыкнула Харамис.— Королю с королевой я отправила записку, и им очень скоро сообщат, что вы у меня и вам ничто не угрожает. Вдобавок, судя по тому, что я знаю о твоих родителях, да и о вас тоже,— добавила она язвительно,— ясно, что они вообще начнут о вас волноваться не раньше чем через несколько дней.

Майкайла закусила губу и потупилась.

Про себя Харамис подумала, что если бы родителям Майкайлы и опекунам Файолона пришлось пару дней за них поволноваться, они б получили как раз по заслугам за столь небрежное отношение к собственным обязанностям.

— Но нас вообще было незачем спасать! — собравшись с духом, выпалила девочка.— Вы понимаете, мадам? — Она понятия не имела, кто ее собеседница, но уже одно обилие седых волос говорило, что к этой пожилой даме следует относиться с подобающим уважением.— Мы ускользнули от скритеков, и нам удалось благополучно выбраться на берег, а селение Квази было уже совсем близко... То есть мы вполне бы управились своими силами, а значит, спасая нас, вы наверняка имели на то собствен-

ные причины — может быть, кто-то из нас оказался вам нужен. Разве не так? А значит, мы совершенно не виноваты, что очутились здесь, верно?

— Майка, не надо выставлять себя такой неблагодарной! — укоризненно проговорил Файолон. — Я уверен, что кто б ни была наша хозяйка, у нее имелись крайне веские причины так поступить.

Вплоть до последнего мгновения Великой Волшебницы не приходило в голову, что ее юные гости понятия не имеют о том, кто она такая. Харамис подняла голову.

— Разве вы не знаете, кто я? — спросила она раздраженно.

— Совершенно не имеем об этом представления, госпожа, — вежливо ответил Файолон. — Судя по вашим птицам, вы, должно быть, могущественная волшебница. Я слышал лишь об одной женщине, которая могла приказывать ламмергейерам, но был уверен, что она давным-давно умерла. Неужели вы та самая Белая Дама Рувенды? — Он с сомнением покачал головой.

Харамис следовало быть к этому готовой. Если бы она подумала о встрече заранее, то сообразила бы, что никто из детей до сих пор ее не видел. А судя по поведению короля, можно побиться об заклад, что их образованием с детства пренебрегали.

— О нет, я не старая Великая Волшебница, — объявила она. — Ту звали Биной, и скончалась она много-много лет назад. Я новая Великая Волшебница — эпитет «молодая» сейчас уже вряд ли мне подходит. Меня зовут Харамис.

Файолон ахнул. Для него это имя явно что-то значило. Лицо же Майкайлы оставалось бесстрастным. Харамис хмуро поглядела на девочку:

— Для тебя я еще и родственница. Только не воображай, что я горжусь этим, — добавила она язвительно. — Нет, нисколечко.

Майкайла поднялась и сделала реверанс. «У нее прекрасные манеры, только она редко пускает их в ход, — подумала Харамис. — Королеве, видимо, в свое время при-

шлось потратить немало сил, чтобы обучить дочь придворному этикету. Он девочке явно не по нутру».

— Дозволите ли спросить, с какой целью мы здесь находимся, госпожа?

Харамис тяжело вздохнула. У нее пропало желание видеть в этой нетерпеливой девочке свою преемницу. Но, в конце концов, разве у нее есть выбор? Ведь на самом деле ее долг не выбирать, а только подготовить девочку. Хорошо уже и то, что это праправнучка (или прапраправнучка?) Анигель, и ей должны передаться кое-какие таланты предков. Харамис придется только развить их, насколько это возможно.

Она призвала на помощь все свое самообладание и как можно спокойнее произнесла:

— Как и все живые существа, я смертна. Но прежде, чем я умру, мне придется подготовить себе преемницу. Как ты отнесешься к тому, Майкайла, чтобы стать Великой Волшебницей, когда я, следуя закону всего живого, перейду в следующую стадию своего существования, какой бы она там ни была?

Майкайла глядела на собеседницу разинув рот. Харамис хотела бы надеяться, что такое выражение лица вызвано удивлением, но нет, на нем явно лежала печать ужаса. Лишь через несколько минут девочка обрела дар речи:

— Подобная мысль никогда не приходила мне в голову, госпожа. А чем должна заниматься Великая Волшебница?

— Майка! — Осуждающий шепот Файолона достиг ушей Харамис, и та гневно взглянула на него.

— Вы что-то хотите сказать, молодой человек? — холодно поинтересовалась она.

Его вежливость довольно быстро отошла на второй план под напором любопытства.

— Вы та самая Великая Волшебница Харамис, одна из принцесс-тройняшек? — спросил мальчик. — Та, что вела великую битву со злым чародеем Орогастусом и одолела его... — У него, кажется, не хватало слов; он взволнованно огляделся. — А это та самая башня, в которой когда-то жил Орогастус, верно? — с жаром спросил он.

Брови Харамис поднялись.

— Да, все именно так,— ответила она.— А откуда тебе известны эти древние предания?

— Я люблю музыку,— застенчиво признался Файолон, глядя себе под ноги,— и выучил наизусть все баллады, какие мне удалось отыскать и прослушать, включая все то, что сочинил господин Узун.

Струны одиноко стоявшей в углу арфы вдруг тихо зазвенели, как будто инструмент услышал нечто приятное для себя, и Файолон резко перевел взгляд в его сторону.

— Он не просто любит музыку,— гордо добавила Майкайла,— а может играть на любом инструменте, и у него замечательный голос. Король просит его поиграть в тронном зале всякий раз, когда у нас гости.

Харамис улыбнулась:

— Тогда ты, пожалуй, не откажешься исполнить мне что-нибудь перед отъездом.

Файолон привстал и вежливо поклонился:

— Это было бы для меня большой честью, госпожа.

— Когда мы уезжаем? — спросила Майкайла.

Харамис повернулась к ней, подавив очередной вздох. «Надеюсь, Бине не пришлось во мне столь сильно разочаровываться»,— подумалось ей.

— Ты, Майкайла, никуда не поедешь,— сказала она.— Ты должна остаться здесь, чтобы я смогла подготовить тебя как свою преемницу.

— Но я намерена выйти замуж за Файолона,— возразила Майкайла, протягивая к нему руку. Тот взял ее в свою. Лицо мальчика помрачнело. Он, видно, куда лучше осознавал происходящее.

— Это единственное преимущество самой молодой из принцесс: у моих родителей и так хватит дочерей, чтобы с помощью браков упрочить политические союзы, и они не имеют ничего против нашей свадьбы. Мы собираемся поселиться в небольшом имении возле Зеленой Топи, исследовать окрестные развалины и научить своих детей всему тому, что узнаем об Исчезнувших...— Но речь Майкайлы оборвалась, как только она поймала взгляд Великой Волшебницы.— О нашей помолвке должно быть

объявлено следующей весной, — не сдавалась девочка. — Родители дали слово. Как принцесса я просто лишняя, во мне нет никакой надобности.

— Зато ты нужна мне, — твердо сказала Харамис. — Самой стране ты нужна.

Она посмотрела на Файолона, и тот неохотно отпустил руку Майкайлы. Девочка попыталась за него ухватиться, но он, дружески похлопав ее по спине, отстранился.

— У меня что, совсем нет выбора? — Майкайла взглянула сперва на жениха, потом на Харамис.

— Нет, — резко ответила Великая Волшебница. — Дело слишком важно, чтобы ставить его в зависимость от капризов ребенка.

Майкайла ответила долгим взглядом, и Харамис почти физически ощутила, сколь напряженно работал мозг девочки.

— Если выбора у меня нет, — сказала та, — значит, мое мнение тоже не имеет никакого значения. — Она поклонилась Харамис и добавила: — Я в вашем распоряжении, госпожа.

Однако Харамис понимала, что происходит в душе у девочки, да и жесты выдавали ее состояние. Майкайла, может, и будет исполнять волю волшебницы, но пройдет немало времени, прежде чем эта воля станет ее собственной. Слишком много времени.

«Может, и стоило подождать, пока я не окажусь при смерти, а потом разом взвалить на нее все обязанности, — устало подумала Харамис. — Обучать такую, как она, совсем не просто».

Глава 5

В кабинете Харамис стояла тишина, нарушаемая лишь потрескиванием огня.

Файолон встал и подошел к изящно инкрустированной арфе — она оказалась под стать его росту — с серебряными струнами и деревянным и полированным корпусом красноватого цвета. Верхняя часть деки была отделана костью.

— Какая великолепная арфа, госпожа Харамис,— восхищенно произнес он.— Можно мне поиграть на ней? Я уверен, что по своему звучанию она не уступит ни одной из тех, какие мне приходилось слышать.

— Ты умеешь играть на арфе, юный Файолон? — удивилась Харамис.

— Умею, хотя тут я не профессионал. Меня обучали игре на множестве инструментов, но арфа для меня — самый любимый. Из нее практически невозможно извлечь звук, который не был бы красивым.

— Думаю, ты прав,— сказала Харамис, поднимаясь с кресла.— Только это не просто арфа, и на ней никто никогда не играет, как на обычном инструменте. Это Узун, мудрейший из моих советников-оддлингов.

— Вот это — господин Узун? — изумленно воскликнул Файолон.— Я считал, что он умер много лет назад.

— Когда в конце концов он достиг предела своей обычной жизни,— объяснила Харамис,— я впервые воспользовалась великими возможностями магии, соединив его дух с этой арфой, чтобы продолжать пользоваться его мудрыми советами. Сейчас я тебя ему представлю. И если он пожелает, то заговорит с тобой или даже что-нибудь споет.

— В жизни не слыхивала подобной чепухи,— пробормотала Майкайла.— Как это арфа может служить советником?

— Не знаю,— мягко ответил Файолон,— но по крайней мере у меня до сих пор не было причин подвергать сомнению любые слова Белой Дамы. Будь благоразумной, Майка.

Харамис бросила на Майкайлу резкий взгляд, но ничего не сказала.

— Добрый вечер, Узун,— произнесла она, приблизившись к арфе.

— Добрый вечер, госпожа,— прозвучал в ответ сильный протяжный голос, казавшийся мягким и певучим и как будто действительно выходивший из резонатора арфы. Харамис краем глаза следила за Майкайлой. Девочка, видимо, все еще не верила собственным ушам и на-

верняка пыталась убедить себя, что это просто какой-то хитроумный трюк.

— А кто эти молодые люди? — спросил голос. — Мне кажется, я их раньше не встречал.

— Господин Узун, — сказала Харамис, — я хотела бы представить тебе моих юных родственников, принцессу Майкайлу Рувендскую и лорда Файолона Барского, сына младшей сестры королевы.

— Очень рад познакомиться с вашими родственниками, госпожа, — ответил Узун. Голос его словно прожурчал по струнам. — Давно вам пора опереться на чью-нибудь помощь в исполнении такого множества тяжких обязанностей. Это же вы избрали взять на себя бремя ваших забот, когда уже не сможете управляться с ними?

— Как хорошо ты меня понимаешь, Узун, — нежно проговорила Харамис.

Она взглянула на Майкайлу и, казалось, почти услышала мысли, роившиеся в незрелой, необученной голове девочки: «У арфы нет глаз — по крайней мере их нигде не видно, — тогда как она может нас видеть? Тут, очевидно, происходит нечто странное».

— Ну, теперь ты мне веришь, глупая девчонка? — резко спросила Харамис.

Майкайла посмотрела на нее с сомнением:

— Госпожа моя, вы действительно хотите, чтобы я поверила, будто вы кого-то превратили после смерти в арфу?

— Хорошо, что ты, по крайней мере, откровенна, — сказала Харамис. — Если будешь сомневаться в моих словах, никогда этого не скрывай. Я постараюсь тебе все объяснить. Лучше честно высказывать свои сомнения, чем притворно соглашаться. Лучше все время говори правду, даже если эта правда меня разозлит. — «Тебя она уже разозлила», — подумала вдруг Харамис, а вслух добавила: — Ты ведь сердился на меня, Майкайла?

— Да. — Девочка обернулась к Файолону. — Не гляди на меня так, она сама спросила. Да и как же мне не быть сердитой, если она, по существу, похитила нас обоих и заявляет, что намерена держать меня здесь против моей

воли? Чего от нее ожидать, коль скоро она способна превратить человека в арфу?

— Но, Майка,— сдерживая волнение, проговорил Файолон,— много ли проку сердиться на того, кто может обратить тебя в какую-нибудь вещь? Уж лучше держать язык за зубами, тем более что тебе самой пока ничего не грозит.

— Принцесса Майкайла,— зазвучала арфа голосом Узуна,— вы несправедливы к госпоже Харамис. Она не превратила бы меня в арфу без моего согласия, и это превращение стоило ей больших усилий.

Майкайла подошла к Узуну, подняла руку и прикоснулась указательным пальцем к костяной накладке на верхней части арфы.

— Как она это сделала? — спросила девочка.— Эта кость была частью вашего тела? Она вас убила, чтобы заговор начал действовать, или вы умерли естественным образом и ей оставалось разрубить труп? И кстати, вы, очевидно, обладаете слухом, но можете ли вы видеть? Можете ли двигаться по собственному усмотрению?

— Ваша нездоровая жажда познать все подробности может обождать до тех пор, пока вы хоть немного научитесь и станете понимать, о чем говорите,— ответила арфа.— И доведу до вашего сведения: я предпочитаю, чтобы ко мне не прикасались, не испросив на то разрешения.— В звучном голосе Узуна чувствовалась досада. Когда он затих, Харамис улыбнулась.

— Куда он ушел? — спросил Файолон.— Скажите ему, чтоб вернулся. То есть я имею в виду, попросите его, пожалуйста.

Лицо Харамис было мрачно.

— Даже я не отдаю Узуну приказаний, мой мальчик. Между нами говоря, я опасаясь, что вы его сильно обидели. И он, может быть, только очень нескоро вновь заговорит с кем-то из вас или даже со мной, ибо я позволила вам совершить такую грубую бестактность — задавать ему вопросы.

Глаза Майкайлы округлились.

— Чего ради ему винить вас за наше поведение? Вы только сегодня с нами познакомились и до сих пор не имели никакого отношения к нашему обучению и воспитанию. При чем же тут вы?

— Тебе следовало бы быть с ним повежливее, Майкайла,— возразил Файолон.— Я ведь тебе о нем рассказывал, помнишь? Господин Узун был придворным музыкантом короля Крейна, а заодно и магом-любителем и поначалу сопровождал принцессу Харамис в поисках ее талисмана.

Майкайла вздохнула:

— Скажи честно, Файолон, ты правда в точности помнишь все песни, которые слышал?

Мальчик на минуту задумался.

— Да, кажется, я помню все.

— Ну что ж, не забывай тогда и того, что я их не помню. Многие из твоих любимых баллад написаны две сотни лет тому назад, и все они кажутся мне одинаковыми. А что это за король Крейн?

— Он был моим отцом,— ответила Харамис,— и трагически погиб во время нашествия Лаборнока — жуткие подробности этой истории я опущу. Вам уже пора спать, и лучше обойтись без ночных кошмаров.— Она резко дернула шнур звонка и молча села в кресло. Никто из присутствующих не осмелился нарушить молчание, пока не пришла Энья. Харамис приказала ей проследить, чтобы детей и Квази уложили в постели, и тут же вышла из комнаты, не дожидаясь, пока служанка ответит.

— Не следовало бы тебе упоминать о ее отце,— шепнул Майкайле Файолон, едва волшебница повернулась к ним спиной.— На моем месте я бы вообще не заговаривал о ее семействе.

Чуть позже детей уложили спать в комнате для гостей на две стоявшие рядом узкие кровати. Харамис направилась к себе и подготовила магическую чашу с водой. «Посмотрим, что эти двое станут делать, оставшись наедине»,— пробормотала она себе под нос.

Сперва ничего интересного она не замечала. Майкайла, пережив столь длинный и утомительный день, быстро уснула, но Файолон долго ворочался и выглядел явно обеспокоенным.

Харамис подозревала, что он припоминает сцену с Узун и ему хочется снова сойти вниз и перед сном помириться с музыкантом. У мальчика было достаточно здравого смысла, чтобы понимать, что Майкайле меньше всего стоило бы наживать себе врага в лице Узун.

«И он прав,— подумала Харамис,— Майкайле следовало бы побеспокоиться о том, чтобы оставаться с Узун в хороших отношениях. Даже будучи заключен в такую оболочку, как теперь, он все-таки единственный из моих советников, кто до сих пор жив. Не считая нескольких слуг-оддлингов, большей частью виспи, в башне сейчас никто не живет, кроме меня и Узун».

Харамис не пыталась остановить мальчика, когда тот выбрался из постели и направился вниз. Она просто сидела и смотрела, с любопытством ожидая предстоящую бурную сцену между ними. Узун всю жизнь был необыкновенно упрям, и в высшей степени интересно, как они поладят с Файолоном.

Кабинет был пуст. На огромной арфе играли отблески пламени камина. Файолон преклонил перед ней колени.

— Господин Узун,— прошептал он,— умоляю вас простить мою кузину Майку. Она действительно не хотела вас обидеть. Просто так уж она устроена: никогда ни во что не верит, пока сама не изучит и не исследует. Она принадлежит к тому типу людей, что любят разбирать вещи, дабы определить принцип их работы; она не склонна принимать что-либо на веру или доверяться магии, если не видит объективных законов, заставляющих все это действовать.

Узун упорно хранил молчание. Харамис с любопытством наблюдала. Затем Файолону пришло в голову (была ли это его собственная мысль или стоявший перед ним молчаливый маг внушил ее мальчику?), что если господин Узун когда-нибудь и простит Майкайлу, то лишь в

том случае, если она сама принесет извинения за свои бездумные слова. Он поднялся и направился к лестнице. Харамис продолжала отслеживать его путь в магической чаше.

Файолон не терял времени. Он быстро поднялся наверх в гостевую комнату и дернул безмятежно спящую кухню за рыжий локон.

— Файолон? Ты чего не спишь? Еще ведь, кажется, далеко до утра. В чем дело?

— Майкайла, ты должна спуститься вниз и, не откладывая дела, попросить прощения у господина Узуна.

— Ты в своем уме? Да сейчас самая середина ночи! Узун наверняка спит — если только он вообще когда-нибудь спит. — Она нахмурилась. — А голос у тебя какой-то странный. Не заболеваешь ли ты? Мы все промерзли до костей, пока сюда добирались, но я, по крайней мере, сидела между Харамис и спиной птицы и была кое-как прикрыта от ветра, а тебя, видно, продувало насквозь. — Она прикоснулась рукой к его лбу и присвистнула. — Файолон, да у тебя жар. Немедленно полезай в постель!

— Не раньше, чем ты извинишься перед господином Узуном.

Майкайла вздохнула:

— Ну хорошо. Чего не сделаешь, чтобы ты не вел себя по-идиотски. Ты ведь болен. Тебе надо лежать в постели.

Она встала, надела тапочки и пошла за ним вниз по лестнице.

Огонь в камине угас, и только угли таинственно мерцали в темноте. Файолон подбросил дров и раздул небольшое пламя, а тем временем Майкайла, опустившись на колени возле поблескивающей арфы, пыталась вызвать на разговор Узуна.

— Умоляю вас простить меня, господин Узун, — церемонно произнесла она. — Если Белая Дама действительно выбрала меня своей преемницей, мне здесь не обойтись без друзей. И я смиреннейше прошу у вас прощения, уверяю, что не имела намерения оскорбить вас и вовсе не питала к вам недоверия.

В ответ не раздалось ни звука.

Комната погрузилась в тишину. Затем, издав длинный, похожий на вздох звук, струны проиграли небольшую музыкальную фразу.

— Конечно, я вас с огромным удовольствием прощаю, юная госпожа принцесса Майкайла,— выдохнул он наконец.— С этого мгновения, надеюсь, мы станем друзьями. И с вами тоже, юный господин Файолон. С вашей стороны было очень учтиво постараться устранить это недоразумение.

Он не сказал, но Харамис, глядя из своей комнаты, тем не менее поняла это так же ясно, как если бы Узун сам произнес эти слова,— что ему хотелось бы продлить знакомство с Файолоном. Однако Узун, конечно, понимает, что мальчик здесь не задержится.

— Вы не должны чувствовать себя здесь пленницей, принцесса,— сказал Узун, будто читая мысли Майкайлы,— быть избранной на роль Великой Волшебницы — великая честь, и я уверен, что вы прекрасно справитесь с задачей, когда придет время, и сможете воспользоваться плодами хорошего обучения — роскошью, которой госпожа Харамис была лишена.

— Почему она выбрала именно меня? — спросила Майкайла.— Характером я совершенно не подхожу в волшебницы.

Файолон не смог удержаться, чтобы не усмехнуться. Видно, он был полностью согласен с такой оценкой.

— Волшебница не выбирает свою преемницу,— объяснил Узун.— Мне кажется, выбор делает сама страна. Но в нужное время она об этом узнает, чтобы передать свои полномочия по назначению.

— А как была избрана сама госпожа Харамис? — с любопытством спросил Файолон.— Ваши баллады об этом не рассказывают.

— Это все из-за слабости моего тогдашнего организма,— вздохнул музыкант.— В этот момент меня не было рядом с нею. Когда она отправилась на поиски талисмана, я оказался вынужден ее покинуть.

— Вы бы замерзли насмерть, если бы попытались сопроводить ее,— вежливо встала Майкайла. Харамис с удовлетворением отметила, что девочка хоть немного способна обращать внимание на чувства других.— Квази сегодня совершенно промерз, и его долго пришлось отогревать. Помните, каким он был вялым за ужином?

— Квази? — спросил Узун.— Это тот ниссом, что был с вами? Мне его никто не представил.

Майкайла долго и пристально разглядывала арфу.

— Вы слепы,— уверенно сказала она,— и не способны передвигаться, правда? Вы заключены в корпус арфы, можете слышать и разговаривать, но не более того. Как она могла сотворить с вами такое?

— Ей хотелось оставить меня в живых,— спокойно ответил Узун.

— Вы научили госпожу Харамис магии, когда она была еще ребенком,— заговорил Файолон, торопясь сменить тему.— Об этом говорится в одной из летописей. Поэтому она и была избрана — из-за того, что уже знала магию?

— Этого быть не может,— возразила Майкайла, прежде чем Узун успел ответить. Харамис подавила вздох. Хорошие манеры Майкайла явно приберегала на крайний случай.— Потому что тогда выбор не пал бы на меня. Я не очень-то сильна в магии, Файолон. Ты сам меня намного превосходишь.

Мальчик покраснел так густо, что даже в мерцающем свете камина этого нельзя было не заметить.

— Это же всего лишь мелкие ухищрения, ничто по сравнению с возможностями господина Узуна или Великой Волшебницы. Но магию знала каждая из принцесс-тройняшек, Майка. Поэтому готов держать пари, что и ты ее освоишь. Ты ни разу не пыталась произнести ни одного серьезного заклинания и не можешь утверждать, есть у тебя магические способности или нет.— Он на минуту задумался и добавил: — Мне кажется, что ты ими обладаешь. Вспомни, как ты почувствовала неладное как раз перед тем, как скритеки начали вылупляться.

— По крайней мере, я точно знаю, что магия меня не интересует,— пробурчала Майкайла.— Жаль, что выбрали именно меня.

— Я знаю, что для вас это настоящий шок, дитя мое,— мягко проговорил Узун,— но все обернется к лучшему, вот увидите.

Девочка вздохнула:

— Мне всегда хотелось просто-напросто выйти замуж за Файолона и заниматься исследованием Зеленой Топи.

— В таком случае у вас с Харамис куда больше общего, чем вам кажется,— сказал Узун.— Она была помолвлена с Фиомакаем, принцем Барским. Но ровно за пятьсот дней до свадьбы армия короля Волтрика вторглась в Рувенду. Принцесса Харамис была наследницей трона; поверьте, у нее было множество планов, в которые никак не вписывалась перспектива стать Великой Волшебницей.— По струнам арфы пробежал звук, похожий на усмешку.— А уж то, что она затеет со своей предшественницей Биной жаркий спор, у меня не вызывало сомнений.

«Я действительно попыталась,— подумала Харамис,— но когда та столь неожиданно умерла, дискуссия, увы, оборвалась».

— Вам пора возвращаться в постели, молодые люди,— сказал Узун.— Желаю доброй ночи и самых приятных сновидений.

Тон его ни у кого не оставил сомнений, что аудиенция окончена. Прощание выглядело так, будто дело происходит в палатах придворного вельможи. Дети поклонились и зашагали по лестнице в спальню. Как только они заснули, Харамис вылила воду из чаши и несколько неуклюже прошла к собственной кровати: сидеть в одной позе, согнувшись над чашей, для постаревшего тела оказалось довольно утомительным. Засыпая, она подумала, что Узун, пожалуй, окажется большой подмогой в обучении Майкайлы. А ведь одним Владыкам Воздуха известно, как сильно ей нужна помощь — любая помощь — в этом деле!

Харамис решила отправить Файолона домой на следующий же день. Девочка гораздо быстрее усвоит то, чему Харамис должна ее обучить, если старый товарищ по детским играм не будет ее отвлекать. Майкайле пора повзростеть и начать привыкать к своим новым обязанностям.

Но, к несчастью, прошлой ночью Майкайла оказалась права, утверждая, что Файолон болен. Когда дети проснулись — это произошло довольно поздно, и утро уже переходило в день, — выяснилось, что мальчику тяжело дышать; он жаловался на боли в груди. Харамис, придя проведать больного, поймала на себе гневный взгляд Майкайлы.

— У него воспаление легких, госпожа, — огрызнулась та. — Да этого и следовало ожидать после вчерашнего перелета в промокшей насквозь одежде под ледяным ветром! Удосужились ли вы вообще заметить, что его одежда совершенно замерзла прямо на теле, когда мы сюда добрались?

Говоря по правде, Харамис слишком сильно промерзла сама и в тот момент чувствовала себя слишком неудобно, чтобы что-нибудь заметить, но признаваться в этом было бы, пожалуй, неразумно.

— Не трать свой пыл понапрасну, девочка, — сказала она. — Я сожалею, что он заболел, но моя экономка позаботится о твоём друге, и он быстро поправится.

«Лучше бы он действительно поправился поскорее, — подумала Харамис про себя. — Чем раньше я от него избавлюсь, тем лучше».

— А что касается тебя, — она сурово поглядела на Майкайлу, — то его болезнь не является оправданием того, чтобы оставаться в пижаме в такое время дня. Немедленно переоденься и приходи в мой кабинет.

Она покинула комнату, не обращая внимания на то, что за спиной у нее сердито топнули ногой.

Когда Майкайла, как ей и велели, появилась в кабинете, было уже слишком поздно, и завтрак, который Ха-

рамис велела подать для девочки, окончательно остыл. Сама Харамис поела несколько часов назад.

— Ты можешь выбирать, Майкайла, — заявила она девочке, — приходить к столу вовремя или же есть все холодным. Сегодня ты выбрала холодный завтрак, ешь его побыстрее. У нас много дел.

— Каких? — спросила девочка, запихивая в рот холодную овсянку.

— Не говори с набитым ртом, — машинально произнесла Харамис. — Тебе придется изучить магию — начиная, несомненно, с самых азов. Полагаю, ты по крайней мере умеешь читать?

Майкайла кивнула, продолжая жевать овсянку. Она, кажется, не замечала ни вкуса, ни температуры еды и даже, пожалуй, не вполне осознавала, что сидит за столом и ест. Харамис нахмурилась. Перед ней, видимо, не тот человек, которого можно стимулировать пищей. Что вообще эта девочка ценит в жизни, кроме своего Файолона? Как найти с ней общий язык?

Майкайла покончила с едой и со звоном уронила ложку в пустую тарелку.

Харамис отправила использованную посуду на кухню взмахом руки — и Майкайла даже не обратила на это внимания. Конечно, она видела, как волшебница обращалась с грязными тарелками вчера вечером, и уже знала, что это возможно, но если она намеревается воспринимать магию как нечто само собой разумеющееся... Впрочем, может быть, это даже поможет в обучении. По крайней мере, эта девочка не станет тратить целые часы, восхищаясь каждой мелочью. Хотя нет никакого сомнения в том, что чувство удивления, обладая она им хотя бы в малой степени, оказалось бы очень полезным...

Харамис отвела Майкайлу в библиотеку и начала в самых общих чертах объяснять основы и принципы действия магии:

— Ты, очевидно, знаешь крайне мало о магических силах, Майкайла, так что пусть это будет твоим первым уроком в нашем искусстве. Маг никогда и ничего не должен делать без необходимости — даже самые простые вещи.

Сегодня утром я отправила Квази домой верхом на ламмергейере, ибо в противном случае он замерз бы насмерть. Перед этим я вызывала ламмергейеров, отправляясь к вам, — только потому, что вам грозила страшная опасность. Вы лишились лодки и слишком мало знали о том, как вести себя со скритеками. Ситуация вынудила меня вытаскивать вас из той ловушки, в которую вы попали по собственной глупости. Ты меня понимаешь.

— Нет, — сказала Майкайла, — я вас не понимаю. Во-первых, никакая особенная опасность нам не угрожала. До ближайшего скритека было полдня пути — на лодке, да еще вниз по течению.

— Встреча со скритеком — слишком большой риск, чтобы здравомыслящий человек подвергал этому свою жизнь, а человек ответственный — жизни своих товарищей.

Майкайла непроизвольно вздрогнула, вспомнив судьбу Транео. Но она не забывала и кое-что другое.

— Мы находились совсем недалеко от родного селения Квази, когда вы забрали нас оттуда и притащили сюда. Квази едва не замерз насмерть, а Файолон заработал воспаление легких. Но даже если отбросить все эти мелочи, что, собственно, дурного в использовании ламмергейеров?

— Дурного ничего, — спокойно ответила Харамис, словно не замечая сарказма собеседницы, — но только это неразумно и излишне. Кто знает, может быть, над нами или над страной неожиданно нависнет страшная опасность, а ламмергейеры окажутся совершенно измученными и уставшими как раз в тот момент, когда они больше всего нужны? Придет день, когда, я надеюсь, ты поймешь, что необходимо, а что — нет, и это знание ты не найдешь ни в одной книге, ни в одном устройстве Исчезнувших. Если это знание ты не обнаружишь в своем собственном сердце, Майкайла, ты в нужный момент не отыщешь его нигде. Это единственное, чему я могу научить тебя, и если нам повезет, этого окажется достаточно. Все остальное, вроде заклинаний и тому подобного, тебе может сообщить любая знахарка из оддлингов. Вот

именно этих-то знаний и недоставало Орогастусу — хотя кое-кто и не хочет себя утруждать выслушиванием моих наставлений.

Но Майкайла из ее речи ухватила лишь слова, меньше всего относившиеся к делу.

— Вы говорили, что мы слишком мало знаем о том, как общаться со скритеками. Не могли бы вы тогда научить меня языку их личинок?

Харамис кивнула:

— Говоря точнее, ты научишься общаться с ними без слов, своим сердцем. Слова здесь не подходят; не знаю, есть ли у них вообще такая вещь, которую можно назвать языком. Но все-таки ты сможешь их понимать.

— Понимать личинок скритеков? Я, пожалуй, с куда большей охотой научилась бы убивать их! — Перед глазами Майкайлы все еще стояла картина гибели Транео, которого личинка утянула в воду.

— Это слишком жестокая и ограниченная точка зрения. В жизни найдется свое место и предназначение даже для скритеков, хотя, признаюсь, мне оно неизвестно. — Волшебница поймала удивленный взгляд Майкайлы, и в глубине души он ее позабавил. — Да-да, на свете есть множество вещей, которых не знаю даже я.

Лицо Майкайлы красноречиво говорило, что прежде ей не приходило в голову, будто старая волшебница может чего-то не знать.

— Ты так думаешь о скритеках оттого, что сама не можешь найти им никакого применения, верно? — Харамис продолжала урок.

— Я представить себе не могу, чем они вообще могут быть кому-нибудь полезны.

— Чья тут вина — самих скритеков или ограниченности твоего воображения? — спросила Белая Дама. — Возьмем хотя бы то, что их яйца употребляют в пищу некоторые оддлинги.

Майкайла не переставала удивляться, почему оддлинги не держат вместо этого какую-нибудь домашнюю птицу. Хотя в болотах действительно, пожалуй, не найдется подходящих мест для ее разведения. А еще она по-

думала, что ради того, чтобы поменьше встречаться со скритеками, стоит найти какую-нибудь другую пищу. Но выглядеть спорщицей девочке не хотелось, и она решила не поднимать этот вопрос.

Харамис продолжала свою лекцию до полудня, а потом, выбрав одну из книг о глэдении в воду, протянула Майкайле:

— После полдника начни ее читать. И не забудь, что я тебя потом проверю, так что читай внимательно. В жизни нет ничего важнее, чем учение. Никогда не забывай этого. В самый неожиданный момент что-то, выглядевшее совершенно несущественным, может оказаться важнее всего. Нас чаще всего губят или спасают не самые важные, а какие-нибудь мелкие детали.

Майкайла кивнула, но выглядела она утомленной, хотя все такой же непокорной. «Ну и пусть,— решила Харамис.— Мне безразлично, что она обо мне думает, куда она не оставляет занятий. Но я совершенно ее не понимаю. Я отдала бы все на свете за науку, которой она теперь обучается с моей помощью».

После полдника, пока Харамис разговаривала в своем кабинете с Узуном, Майкайла исчезла. Харамис думала, что та в библиотеке, пока не пошла звать ее к обеду. Библиотека оказалась пуста, так же как и спальня, которую волшебница велела Энне приготовить для девочки. Показал ли ей кто-нибудь новую комнату? Харамис направилась через зал к комнате Файолона, уверенная, что найдет девочку там.

Уже подходя к комнате, она отчетливо услышала голос Майкайлы и остановилась возле двери, прислушиваясь к разговору, но уже через несколько мгновений поняла, что это не разговор: девочка читала вслух книгу по магии. Харамис заглянула в комнату. Файолон спал, но Майкайла продолжала сидеть на деревянной табуретке возле кровати. Левой рукой она держала его за руку, а правой придерживала лежащую на коленях книгу, читая мальчику вслух.

— Не думаю, что ему удастся многое понять,— заметила Харамис.— И уже пора обедать.

Майкайла заложила книгу пальцем и обернулась.

— Если вы о том, что он не улавливает каждое произнесенное мною слово,— холодно сказала она,— то вы, без сомнения, правы. Он был в бреду, прежде чем заснул. Но звук моего голоса, как видно, его успокаивает. И кроме того,— добавила она, прежде чем Харамис успела подвергнуть критике место, выбранное ею для чтения,— я лучше запоминаю прочитанное, если читаю ему вслух.

Харамис решила, что об этом не стоит спорить. Она устала, голодна и не привыкла общаться с детьми.

— Иди и съешь обед,— сказала она,— а после обеда, надеюсь, переберешься в свою комнату.

— У меня будет другая комната? — спросила Майкайла.

— Да,— твердо сказала Харамис.— Я скажу Энье, чтобы провела тебя туда после обеда.

Майкайла оглядела комнату, которую указала ей Энья. Находилась она на том же этаже, что и прежняя, и это девочку заметно обрадовало. Ей не хотелось удаляться от Файолона. Одна из стен комнаты оказалась каменной — видимо, внешняя стена башни,— с двумя небольшими застекленными окошками, за которыми из-за темноты ничего не удавалось разглядеть. Оставшуюся часть стены прикрывали гобелены.

Здесь оказалось на удивление тепло, даже слишком, и дело тут было не только в выложенном изразцами каминем и обшитых деревом стенах. Присмотревшись, Майкайла нашла в стене возле кровати небольшое отверстие, забранное решеткой,— примерно на уровне своего колена. Оттуда струился горячий воздух. Майкайла припомнила другие комнаты, виденные в этой башне, и поняла, что такие решетки есть в каждой. Вот почему башня остается достаточно теплой, чтобы Харамис могла держать слуг-ниссовов, живя в таком климате. И наверняка по этой же причине виспи носят здесь столь тонкие одеяния вместо обычных своих костюмов.

Кровать оказалась самой роскошной из всех, на которых Майкайле доводилось спать. Нависавший над нею

парчовый балдахин на резной конструкции сработан из гонтского дерева, а матрац был такой толщины, что доходил девочке до плеч. На кровати покоились мягкие простыни, большое стеганое одеяло и три подушки разных размеров. Майкайла поняла, что простуда ей не грозит.

На скамеечке возле кровати, рядом с платяным шкафом, кто-то положил для нее ночную рубашку. Положив посвященную глядению в воду книгу, которая, к счастью, оказалась не такой скучной, как опасалась Майкайла, на стол, она надела рубашку, забралась по миниатюрной трехступенчатой лестнице в кровать и нырнула под одеяло. Под балдахином было душно, но Майкайла заснула слишком быстро, чтобы обращать на это внимание.

За следующие несколько дней она узнала множество интересных вещей, хотя это и не заглушило полностью тоску по дому. Когда с первой книгой было покончено, Харамис научила свою подопечную глядеть в воду. Они рассматривали Зеленую Топь, южную часть Запутанной Топи. Поскольку эта местность лежит в противоположной от стоящей на горе Бром башни части страны, Майкайле стало очевидно, что она научится видеть по крайней мере всю свою страну.

Харамис заставляла разглядывать мельчайшие детали — вплоть до крошечных насекомых-кровососов, — и девочке доставляло большую радость, что она наблюдает их, сидя в башне, а не бродит по болотам, подвергаясь нападениям их полчищ.

— Я полагаю, в их существовании ты тоже не находишь никакого смысла? — спросила Харамис с вызовом.

Майкайла, глядя на этих отвратительных маленьких насекомых, угрюмо ответила, что лично она действительно не видит никаких особых причин для их существования, но, зная уже кое-что об образе мыслей Харамис, более чем уверена, что такие причины можно отыскать, хоть ей они и неизвестны. Впрочем, она предполагает, что по крайней мере тамошние рыбы ловят их с большим удовольствием, а следовательно, насекомые эти хоть чем-нибудь да хороши, пусть всего лишь в качестве корма для рыб.

— Хорошо, — сказала Великая Волшебница. — Ты начинаешь понимать кое-что в жизни страны.

Майкайла не представляла, какую пользу могут дать подобные знания, но надеялась, что когда-нибудь Харамис разъяснит ей этот вопрос — если, конечно, ей вообще полагается в нем разобраться. В противном случае вообще не имеет смысла забивать ей голову подобными вещами.

Каждый вечер девочка проводила в комнате Файолона, читая ему вслух каждую выданную ей книгу и рассказывая о своих занятиях. Но она заметила, что Харамис решила как можно реже оставлять их наедине. Не считая самого первого дня, всякий раз, даже когда мальчик был совсем болен и бредил, рядом с ними в комнате всегда был кто-то из слуг.

Прошло несколько недель, болезнь стала отступать, и ум Файолона проявился. Девочка радовалась возможности вновь вести с ним разумную беседу, но какой-нибудь слуга по-прежнему всегда сидел рядом, и в Майкайле крепла уверенность, что это вовсе не забота Харамис о его здоровье.

Но Харамис действительно всерьез беспокоилась о здоровье Файолона. Она не могла дожидаться того дня, когда тот достаточно окрепнет, чтобы отправиться в дорогу. Но болезнь все не отступала, и хотя бред довольно быстро прошел, мальчик был еще очень слаб, исхудал и сделался совсем бледен; слуге и Майкайле приходилось изрядно потрудиться, чтобы перенести его с кровати в кресло.

В начале лета, опасаясь, что у Файолона может оказаться кроме воспаления легких и какая-нибудь другая болезнь, Харамис решила даже послать ламмергейера за врачом-лечебником из селения Мовис на горе Ротоло.

Гора Ротоло была самым западным из трех пиков, а гора Бром, на которой располагалась башня Харамис, — самым восточным. Средний пик, гора Джидрис, считался священным, и на нем никто не жил. Сама Харамис побывала там лишь однажды, разыскивая свой талисман. Тот оказался в ледяной пещере на южном склоне, и пещера эта вокруг нее сразу же обрушилась, как только Харамис

взяла талисман. Ламмергейер подросел как раз вовремя, чтобы вытащить ее из-под ледяных обломков. С тех пор она ни разу не бывала там и не собиралась этого делать.

Целительница тщательно обследовала Файолона, долго беседовала с ним наедине, постаралась приободрить Майкайлу, а Харамис посоветовала запастись терпением.

— Боюсь, ему придется задержаться у вас еще на несколько месяцев,— сказала она,— но со временем он окончательно поправится, в этом я уверена.

И вот Харамис продолжала обучать Майкайлу по утрам, воздерживаясь от вопросов о том, как та проводит вечера, и следила, чтобы в комнате Файолона все время присутствовал слуга, когда Майкайла там. Девочка, по крайней мере, продвигается в своем образовании. За прошедшие месяцы она полностью освоила процедуру глядения в воду и простейшую разновидность телепортации, которую Харамис постоянно использует, чтобы убрать посуду со стола или взять книгу из библиотеки. Хотя Майкайле она велела брать книги собственноручно, чтобы та запомнила, где каждая из них стоит, и потом ставила все на свои места.

— Всегда помни, что поставленная не на свое место книга — это потерянные знания.

Майкайла вздохнула, кивнула головой и запомнила расположение всех книг на полках библиотеки.

Она также научилась обращаться с ламмергейерами, хотя Харамис и не позволяла ей летать на них. Теперь у нее была подходящая одежда, чтобы носить в помещении, но ничего теплого, в чем можно было бы выйти на улицу, так и не появилось в гардеробе девочки. Майкайла намеревалась в один прекрасный день что-нибудь по этому поводу предпринять, попутно изучая, в чем и как она может противостоять Харамис и чего от той можно добиться. А куда ей позволяли видеть Файолона каждый день, она старалась не слишком раздражать хозяйку башни.

Но так уж случилось, что однажды вечером Харамис, войдя в комнату, застала Майкайлу и Файолона играющими в телепортационный захват — игру, выдуманную ими самими. В нее следовало играть маленьким и жела-

тельно небьющимся предметом. На этот раз они воспользовались плодом ладу. Суть игры состояла в том, чтобы телепортировать объект в такое место, где партнер мог бы достать его рукой, а тот при этом должен был схватить его, не дав упасть на пол или на кровать, и отправить обратно. Поскольку объект можно материализовать в любом месте — впереди или с любой стороны от игрока, вовремя заметить и схватить его оказывалось не так-то легко, если, конечно, чуть-чуть не сжульничать и не определить с помощью телепатии, куда партнер посылает его. Но это, в свою очередь, не сработает, если соперник воспользуется защитой от телепатии...

Они разработали несколько вариантов правил, и игра стала просто захватывающей. Сегодня, например, каждый защищал свой мозг от телепатии, а это требует изрядного внимания и напряжения. Харамис довольно долго наблюдала из-за двери, прежде чем ее заметили, и поняла, что хотя Майкайла в своем деле вполне компетентна, Файолон все-таки значительно превосходит подругу.

На следующий день Харамис вновь вызвала знахарку, и Файолон немедленно подвергся интенсивному лечению. Через неделю он уже вполне мог ходить, хотя еще и не слишком бойко, а через две недели Харамис решила, что парень достаточно оправился для того, чтобы вернуться домой, в Цитадель. Она напрочь отвергла доводы Майкайлы о том, что Файолон все еще слишком слаб, чтобы перенести зимнее путешествие.

— Здесь такой климат, что зима не сильно отличается от лета, — заметила Харамис. — Следующим вопросом, который мы с тобой начнем изучать, как раз и будет погода и чувство земли. Вот тогда ты хорошо научишься различать времена года — даже здесь.

Глава 7

Харамис велела приготовить для Файолона дорожную одежду и все необходимое для ночевки в пути. В башне не было запасов одежды, но, к счастью, мальчику пришлось

впору то, что носили виспи. Как только слуги одели его и собрали вещи, Харамис повела Файолона и Майкайлу вниз по длинным лестничным переходам, миновав которые они вышли на огромную площадь. Майкайла до сих пор этой площади не видела: ламмергейеры приземлились с другой стороны здания и почти на самом верху его, а на улицу она с тех пор не выходила. В компании Файолона боязнь замкнутого пространства девочке не грозила, но теперь, расставаясь, Майкайла стала опасаться за себя. Большую часть жизни, прежде чем очутиться здесь, она провела на улице и уже многие годы привыкла выходить и возвращаться, когда ей вздумается, а теперь вот приходится сидеть взаперти в этой башне. Приближающийся отъезд Файолона расстроил девочку, и она куда острее стала ощущать свое положение пленницы, чем в ту пору, когда разделяла эту судьбу с ним.

Харамис не позаботилась о том, чтобы снабдить свою подопечную годной для улицы одеждой, и Майкайла подзревала, что это не случайно. Сейчас ей пришлось укутаться в одну из мантий самой Харамис — слишком длинную и неудобную, но достаточно теплую, чтобы не заколоться.

Однако ноги Майкайлы, по-прежнему обутые в тапочки, успели промокнуть и стали замерзать. Площадь была по щиколотку засыпана снегом.

На противоположном конце площади зияла глубокая расседина, перебраться через которую казалось невозможным. Майкайла ожидала, что волшебница вызовет ламмергейеров, но вместо этого слева от собравшихся открылась большая дверь и слуга-виспи вывел к ним по специальному наклонному помосту пару фрониалов.

Майкайла изумилась.

— Как они переберутся на ту сторону? — спросила она, указывая на провал. — С помощью магии?

— Нет, конечно, — отозвалась Харамис. — Орогастус, построив эту башню, заполнил ее всеми устройствами Исчезнувших, какие только мог разыскать, выпросить, купить или украсть. Разумеется, — добавила она презрительно, — он-то считал все это волшебством. По-моему, даже

прожив в окружении этих шутовщин долгие годы, он так и не понял разницы. Но ты, Майкайла, должна — по крайней мере в процессе обучения — эту разницу осознать. Вызывать ламмергейеров, если можно обойтись и без магии, неразумно. Это должно послужить тебе одним из самых важных уроков: надо знать, когда надлежит пользоваться волшебством, а когда нет.

— И мне, конечно, надлежит все это узнать от той, которая с помощью волшебных чар убирает со стола после завтрака,— пробормотала Майкайла.

Но Харамис не обратила на нее внимания. Теперь, после столь длительной практики — а одним лишь Владыкам Воздуха известно, как много такой практики выпало на ее долю,— игнорировать подобные высказывания становилось все легче и легче.

Фрониалы оказались хорошо подобранной парой, и Файолон с удивлением наблюдал, как смирно они стоят, пока конюх-виспи нагружает на одного поклажу.

Он заглянул через край скалы в глубь огромного провала, по дну которого бежала река.

— Было бы просто замечательно, если бы фрониалы, или я, или мои вещи могли бы перелететь на ту сторону,— сказал он вежливо.— Вы собираетесь научить меня летать? Или они уже это умеют?

— Ну, разумеется, нет,— ответила Харамис.— Хотя Орогастус, конечно, наверняка считал, что вот это — тоже магия.— Она извлекла из недр своего плаща небольшую серебряную дудочку и подула в нее. Раздался высокий пронзительный звук, и на глазах у удивленных детей из скалы на краю пропасти начала выдвигаться стальная полоса, быстро превратившаяся в узенький мост.

Майкайла затаила дыхание. Изучить такую технику было бы в высшей степени интересно — по крайней мере, не менее интересно, чем музыкальные ящички, которые они с Файолоном столь щепетильно поделили между собой. У нее теперь оставалось три, два из которых были точными копиями тех, что они отыскиали. Все остальные Файолон аккуратно упаковал вместе с едой и одеждой. Пока она вынуждена оставаться здесь, стоило бы изучить

как можно больше — желательно то, что интересует саму Майкайлу, а не только то, что Харамис считает нужным сообщить своей преемнице.

Но, к сожалению, Харамис, видимо, нисколько не интересовалась техникой. «Она может что угодно говорить о моем равнодушии к магии,— решила Майкайла,— но я по крайней мере прекрасно чувствую себя рядом с приборами. А она в лучшем случае умеет ими пользоваться — если смогла как-то догадаться об их предназначении или услышала об этом от Орогастуса, прежде чем убила его».

Не обращая внимания на неодобрительные взгляды волшебницы и набившийся в тапочки снег, Майкайла перешла площадь и приблизилась к тому месту, где Файолон собирался влезть на головного фрониала.

— Ты ведь будешь осторожен, правда? — сказала она.— Не знаю, почему ей вздумалось отправить тебя в разгар зимы на фрониале.— Она не закончила фразу.

Файолон ободряющим жестом обнял ее за плечи:

— Не беспокойся. Мне уже приходилось ночевать зимой вдали от дома. Мы проделывали это пару лет назад, помнишь?

— Да, но тогда ты был не один. Я тоже была там, да еще мы захватили с собою двух гвардейцев — иначе мои родители не отпустили бы нас. Они все говорили, что это слишком опасно.— Майкайла закусила губу.— Не думаю, что Харамис станет проливать слезы, если ты вдруг погибнешь от несчастного случая.— Она посмотрела ему прямо в глаза.— Но я тебя предупреждаю, Файолон: если ты позволишь себя убить, я... я перестану с тобой разговаривать!

Они рассмеялись.

— Я не позволю себя убить. Обещаю,— сказал наконец Файолон. Он посмотрел на Харамис и вздохнул.— Похоже, наша хозяйка сердится. А мне действительно надо отправляться, пока еще не стемнело.

— Да,— согласилась Майкайла,— понимаю.

— Тогда, может быть, ты отпустишь мою куртку? — улыбнулся мальчик.

Оказалось, Майкайла, сама того не замечая, крепко держала Файолона за рукав. С трудом заставив окоченевшие пальцы разжаться, она, не таясь, наклонила голову и поцеловала его в щеку.

— Будь осторожен,— повторила она с жаром,— и прощай!

— Будь здорова, Майка,— сказал Файолон, похлопывая собеседницу по плечу. Затем повернулся, сел на фрониаля и еще раз глянул на нее сверху.— Веди себя хорошо.

— Неужели ты думаешь, что Харамис допустит иное поведение? — Майкайла попыталась улыбнуться. Ей во все не хотелось в последний раз запечатлеться в памяти Файолона с заплаканной физиономией.

Улыбку ей удавалось сохранять лишь усилием воли — до тех пор, пока Файолон не повернулся спиной и не оказался уже на середине моста. Тут Харамис, миновав площадь, подошла к ней. Рука Белой Дамы опустилась на плечи Майкайлы, но та резко стряхнула ее.

Когда Файолон переехал мост и спустился по противоположному склону, постепенно исчезая из поля зрения, Майкайла снова спросила:

— Почему вы решили отправить его в такое длинное путешествие в одиночку, по ненадежным дорогам и перевалам, покрытым глубоким снегом? Вы могли бы приказать ламмергейеру, и Файолон сегодня же был бы в полной безопасности у себя дома.

— Сколько раз надо повторять тебе, Майкайла,— вздохнула Харамис,— что неразумно использовать ламмергейеров, если в этом нет крайней необходимости.

Девочка пожала плечами и стала взбираться по ступенькам, опустив голову и глядя себе под ноги. Харамис неторопливо шла позади, то и дело останавливаясь, чтобы перевести дух, но девочка не обращала на нее внимания и продолжала с той же скоростью подниматься к середине башни — единственной обитаемой ее части. Она не разговаривала с Харамис до самого вечера.

После ужина волшебница дала девочке небольшой, обшитый тканью ящичек, внутри которого Майкайла обнаружила два серебряных шарика, и, взяв один в руку,

услышала тот же мелодичный перезвон, что издавали и те шарики, которые они с Файолоном нашли в развалинах. Только этот звук был громче и ниже — может быть, из-за того, что шарики волшебницы оказались примерно вдвое больше.

Что касается шарика, висевшего на шее у девочки, то она решила не показывать его Харамис, надеясь сохранить при себе как память о Файолоне. Если волшебница и знала об этой маленькой круглой подвеске, то по крайней мере не подавала виду и просто велела Майкайле вытащить второй шарик из ларца. Он звенел чуть иначе, чем первый, хотя внешне они не различались.

— Почему у них разные тона? — спросила Майкайла.

— Разве? — удивилась Харамис. — Я никогда не обращала особого внимания на звуки. Мне от тебя нужно вот что... — Она взяла оба шарика в одну руку и стала катать один вокруг другого сперва в одну, затем в другую сторону, так что при этом не раздавалось ни единого звука. — Попробуй-ка проделать это.

Волшебница вернула шарики Майкайле. Уложенные рядом, они как раз заполняли всю ширину ладони девочки, и когда она попыталась их повернуть, шарики ударились друг о друга, издав металлический звук. Девочка попыталась крутить их в другую сторону, но уронила один, и он с громким звоном покатился по полу. Майкайла поморщилась от резкого звука и торопливо полезла за шариком под стол.

Выбравшись оттуда, она поймала страдальческий взгляд Харамис.

— Захвати их в свою комнату и тренируйся каждый вечер перед сном и с утра, как только проснешься. По крайней мере, если ты уронишь их на кровать, такого грохота не будет! — Харамис поднялась, явно собираясь идти спать. — Тебе надо упражняться до тех пор, пока не научишься каждой рукой поворачивать их в обе стороны бесшумно.

Задание было столь неожиданным, что Майкайла даже не догадалась спросить, чего ради ей приобретать такие навыки. А Харамис уже вышла из комнаты. В недоумении

девочка положила шарики в шкатулку и поднялась в предназначенную для нее спальню. Переодевшись в ночную рубашку, она сразу улеглась в постель, ибо больше здесь просто нечего было делать.

Майкайла думала о том, как одинока она была в детстве, пока Файолон не переехал жить в Цитадель. Но ведь тогда с нею была семья, пусть даже и очень редко ее замечавшая. Да и прислуга в Цитадели всегда оставалась очень дружелюбной. Здесь же одна только Энья изредка разговаривает с ней... Если Майкайле случалось проходить мимо кого-то из прочих слуг, те смотрели сквозь нее, словно она — невидимка. Узун отныне всегда готов беседовать с нею, и она часто долго просиживает рядом с ним, пока Харамис по вечерам занимается чем-то своим. Но Узун, будучи арфой, совершенно не может передвигаться; к тому же Майкайла, осторожно задавая вопросы, скрытые среди разговоров на общие темы, убедилась, что он действительно слеп. По-видимому, последняя, унесшая жизнь, болезнь свалила оддлинга неожиданно, или Харамис сделала из него арфу только потому, что таково было первое попавшееся ей заклинание, способное сохранить его разум. Майкайле доводилось слышать о слепых арфистах, а сами арфы, разумеется, вообще не обладают глазами. Но ведь арфы, как правило, и неодушевленные! У Узунa замечательный слух, куда лучше, чем у Майкайлы — а у нее он не так уж плох, — и он компенсирует им неспособность видеть и двигаться, но все-таки ему известно лишь то, что можно услышать в кабинете Харамис и прилегающем коридоре. Майкайла все время думала, сильно ли это его беспокоит. Она всегда чувствовала, что от него исходит какая-то грусть, даже когда «голос» Узунa звучит более чем ободряюще, а когда он сам себе играет какие-нибудь песни, они оказываются полны меланхолии.

Усевшись на кровати, Майкайла снова взялась за шарики. Она подносила каждый к уху и встряхивала, вслушиваясь в разницу между тонами и раздумывая, чем она вызвана. Ей так хотелось, чтобы рядом оказался Файо-

лон: можно было бы спросить его или хотя бы просто дать ему на них посмотреть.

«Они бы ему полюбились,— подумала она с тоской,— и жаль, что его здесь нет. Как-то он теперь себя чувствует там, на дороге?»

Держа шарики Харамис на правой ладони, она вытащила из-под одежды свою подвеску на зеленой ленточке и, забавляясь, стала постукивать ею по двум большим шарикам и вслушиваться в их звучание. Майкайла заметила, что если маленькую сферу поднести к большим сверху, то она трижды отражается в каждой из них. А если поместить ее рядом и смотреть сверху вниз, отражение образует между ними треугольник. Сперва сквозь этот треугольник была видна ее ладонь — она ведь как раз и была под шариками,— но через минуту пристального разглядывания изображение расплылось, а затем, когда оно снова прояснилось, Майкайла разглядела Файолона, лежавшего, закутавшись в спальный мешок, возле маленького костра. Подобный оборот дела так ее поразил, что Майкайла уронила шарики на кровать, а взявшись за них вторично, уже не смогла вернуть видения. В ту ночь она все же уснула с улыбкой на лице, думая о том, что шарики могут иметь назначение, о котором Харамис даже и не подозревает.

На следующее утро она проснулась почти на заре и сразу же снова взялась за шарики. Мысль о том, сможет ли она еще раз поймать изображение Файолона, как это случилось вчера, не давала ей покоя. Майкайла покатала шарики на ладони, заметив, что справляется с этим уже гораздо лучше. И тут обнаружила, что начинает входить в транс. Шарики на ладони стали разогреваться — так, что их трудно уже было держать. Она прикоснулась своей круглой подвеской к тем двум шарам и направила взгляд между ними.

Файолон был виден совершенно отчетливо. Он спал на земле рядом с двумя привязанными фрониалами, запрятавшись в свой спальный мешок. «Ну лежебока,— удивилась Майкайла.— Интересно, не смогу ли я его разбу-

дить?» Она слегка качнула шарики на ладони, и они тихонько зазвенели.

В ее видении Файолон открыл глаза и резко сел, схватившись за грудь. Может быть, его шарик тоже звякнул? Майкайле очень хотелось не только видеть, но и слышать все, что происходит вокруг него.

«А что, может быть, и удастся. По крайней мере стоит попробовать». Она почувствовала, как сознание движется куда-то вдаль и в голове возникает некое напряжение. И вот послышалось тихое посапывание спящих фрониалов, шелест деревьев и даже дыхание Файолона — несколько отрывистое, как если бы его только что разбудили, не дав досмотреть сон.

— Файолон,— мягко произнесла она, даже не понимая, вслух разговаривает или нет,— ты слышишь меня?

Он завертел головой, оглядываясь по сторонам:

— Майка? Где ты?

«Это просто чудо! — подумала девочка.— Может быть, Харамис вообще никогда не удастся нас разлучить».

— Я до сих пор торчу в этой дурацкой башне. Там, где ты меня оставил! — добавила она с укором.— Но я, кажется, обнаружила нечто интересное. Взгляни-ка на шарик, висящий у тебя на шее.

Файолон еще раз осмотрелся по сторонам и, пожав плечами, вытащил наконец из-под своего плаща шарик. Тот зазвенел, и маленькая подвеска в руке Майкайлы отозвалась таким же звуком, хотя девочка держала ее совершенно неподвижно. Большие шарики, касаясь подвески, начали резонировать и тоже зазвенели. Мальчик держал свой шарик перед глазами, и лицо его появилось на маленьком шарике Майкайлы, вытеснив изображения всех остальных предметов.

— Я вижу на нем твое лицо, Майка! — сказал Файолон удивленно.— Это что, какая-нибудь магия? Это волшебница научила тебя?

— Нет, она меня не учила,— сухо отрезала Майка,— просто у меня еще сохранились мозги. Я не уронила их в реку, когда она сажала нас на ламмергейеров. А что касается магии,— добавила девочка, подумав,— то Харамис,

по-моему, была бы сильно раздражена, если б услышала, что ты называешь это магией. Вспомни, где мы их нашли! Наверняка это какие-то приборы Исчезнувших, с помощью которых они общались друг с другом. Может быть, их использовали в театре, чтобы подсказывать актеру позабытую роль.

— Пожалуй, ты права, — согласился Файолон. — Там их было великое множество, но те, что мы взяли, совершенно одинаковы. Может быть, они как-то связаны друг с другом? Но если они предназначались только для театра, как мы можем разговаривать на таком большом расстоянии?

— У меня есть на этот счет одна гипотеза, — объяснила Майкайла. — Харамис дала мне ящичек с двумя шариками того же типа, только побольше, — жаль, что не могу тебе их показать; они совершенно одинакового размера, но издают звуки разной высоты. А когда я спросила Харамис — почему, выяснилось, что она не знает или не желает в этом разбираться. Думаю, она вообще никогда не замечала разницы. Как тебе кажется, может, у нее даже нет музыкального слуха?

— Я слышал, что такие люди бывают, — сказал Файолон. — Но тогда вряд ли она превратила бы господина Узуну в арфу, ведь музыка была бы для нее просто пустым местом. Да и все старые песни говорят, что она была музыкальна.

— Может быть, острота музыкального слуха снижается от старости, — сказала Майкайла. — Она ведь очень стара, да?

— Ей чуть больше двух столетий, — подтвердил Файолон. — Она должна была выйти замуж, когда произошло последнее Великое Тройное Соединение. А следующее должно наступить примерно через четыре года. Значит, ей лет двести десять — двести пятнадцать.

— Но люди не способны прожить так долго! — возразила Майкайла. — Ты ничего не путаешь?

— Она не совсем обычный человек, — сказал Файолон, — она Великая Волшебница. И я больше чем уверен, что если она та самая Харамис, одна из принцесс-трой-

няшек, нанесших поражение злому чародею Орогастусу, то теперь ей более двухсот лет.

— Не думаю, что захотела бы жить так долго,— произнесла Майкайла с содроганием. Шарик негромко зазвенели.

— Зачем она дала тебе эти шары? — любопытствовал Файолон.

— Велела потренироваться, катая их на ладони один вокруг другого. Но я не имею представления для чего.

— Наверняка для того, чтобы ты разработала пальцы и улучшила координацию движений. Помнишь магические жесты одлингов, когда, например, они хотят защитить от дурного глаза? Она, видно, собирается учить тебя магии, требующей совершенно точных жестов.

Такое объяснение показалось Майкайле убедительным.

— Может, ты и прав: в этом был бы смысл. Жаль, что она не тебя выбрала: ты и сейчас владеешь руками гораздо лучше, чем я вообще когда-нибудь сумею научиться. Я не могу играть даже на маленьких гуслях.

— Но она выбрала тебя, Майка, и, должно быть, знала, что делала. В конце концов, она действительно Великая Волшебница.

Майкайла пожала плечами:

— Она явно делает то, что ей самой нравится. Вспомни, что стало с беднягой Узуном. Но я рада, что мы с тобой имеем возможность переговариваться, хотя и не можем быть рядом.— И она закусила губу.— Мне тебя очень не хватает. Зачем ей понадобилось нас разлучать? Я готова поклясться, что гораздо быстрее осваиваю все премудрости, если ты учишься вместе со мной.

— Она знает, что ты этим занимаешься? — Файолон помрачнел.— То есть разговариваешь со мной с помощью этих шариков?

— Не имею понятия. Это зависит от того, насколько верны слухи о том, что она всеведущая. На тот случай, если они окажутся ложными, я предпочитаю пока что ей ничего не сообщать. Так что мне, пожалуй, лучше теперь встать и одеться, пока кто-нибудь не начал меня искать. Я потом еще поговорю с тобой, хорошо? Мне положено

тренироваться с этими шариками с самого утра и перед сном, поэтому мы, наверное, в это время и будем видеться.

— Если ты считаешь, что Харамис не будет возражать...— неуверенно произнес Файолон.

— Я думаю, что если у нее появятся возражения, она мне их выскажет,— ответила Майкайла.— Пожалуйста, Файолон... Мне ведь так нужна помощь... Я бы, например, сама никогда не догадалась, для чего она велела возиться с этими шарами. Ты мне можешь очень сильно помочь, если захочешь.

— Конечно, помогу, Майка. Насколько это в моих силах.

Майкайла старалась усвоить то, чему учила Харамис, хотя давалось это довольно трудно. Будучи в хорошем настроении, девочка говорила себе, что Харамис до сих пор не приходилось никого обучать, да и сама она не получила никакого образования, а потому вовсе не удивительно, что ее уроки бессистемны. Все новости Майкайла обсуждала с Файолоном, который куда лучше чувствовал магию и все с ней связанное. А если им и вдвоем не удавалось в чем-то разобраться, девочка дожидалась ночи и, когда Харамис ложилась спать, прокрадывалась в ее кабинет, чтобы спросить господина Узун. У него ответ был готов почти всегда, а порою он указывал, в каком месте библиотеки найти нужную книгу. Майкайла в конце концов очень полюбила оддлинга-арфу и часто навещала его по ночам просто ради беседы, не собираясь задавать никаких особенных вопросов. Она была одинока и подозревала, что Узун еще более одинок, чем она даже может себе представить. Узун подолгу рассказывал о том, какой Харамис была ребенком, хотя такие сведения имели теперь весьма относительную ценность.

— Она наверняка очень сильно изменилась, став волшебницей,— сказала Майкайла в один из вечеров, сидя у очага рядом с Узун. — Девочка из твоего рассказа очень мало напоминает пожилую женщину, с которой мне приходится иметь дело.

— В какой-то период,— задумчиво сказал Узун,— она действительно сильно изменилась. Она стала более мягкой, менее самоуверенной, не так упорно придерживалась мнения, что ее методы всегда наилучшие. Но время шло, все знакомые ее молодости умерли, и тогда она стала меняться в обратную сторону.

— И наконец даже превзошла саму себя,— вздохнула Майкайла.— Сейчас она не сомневается, что ее методы вообще единственные из возможных, ее установления — единственные, с которыми следует считаться, даже если они противоречат одно другому.— Девочка уткнулась подбородком в колени и устремила взгляд в огонь.— Она говорит, что лучше не пользоваться приборами — вроде тех, что сохранились от Исчезнувших,— а магией можно пользоваться только в случае крайней необходимости, и тут же применяет магию, чтобы отсылать грязную посуду на кухню. Но стоило ей только застать нас с Файолоном за использованием той же самой магии в игре, прекрасно оттачивающей то самое мастерство, которому она меня обучает, и вот она уже выходит из себя и выпроваживает его — на фрониае, сквозь снега, посреди зимы. Думаю, ей было совершенно безразлично, что он еще раз может подхватить воспаление легких. Лишь бы все это произошло не здесь и не было ей помехой.

По струнам арфы пробежало нисходящее глиссандо, заменявшее у Узунa тяжелый вздох.

— Я думаю, что тебе это тяжело, принцесса,— сказал он,— но постарайся быть с нею терпеливой. Ты же знаешь, Файолон в конце концов добрался до Цитадели без приключений.

— Да, слава Владыкам воздуха! — сказала Майкайла.— Но мне так его не хватает! Если для Харамис было не обязательно расставаться с тобой, то почему Файолон вынужден уехать?

— Я думаю, тебе пора в постель,— заметил Узун,— уже совсем поздно, а тебе необходимо хотя бы чуть-чуть выспаться.

— Иначе говоря, ты отказываешься мне ответить.— Майкайла поднялась на ноги. Она не стала тратить вре-

мя на поиски свечи: каждый поворот между кабинетом и ее спальней уже был известен ей до мелочей, так что она могла бы пройти здесь в полной темноте совершенно бесшумно.

— Спокойной ночи, Узун.

— Спокойной ночи, принцесса.

Но как ни старалась Майкайла быть терпеливой, ей это не слишком-то удавалось. Один из уроков, следовавший через несколько дней, она просто не смогла вынести. Предыдущей ночью ей не удалось как следует выспаться, а тот кратковременный сон, которым она успела забыться после обеда, оказался полон кошмаров. Голова болела, вкус еды во время полдника казался каким-то странным, и девочка стала подозревать, что подхватила простуду. Она чувствовала себя совсем разбитой, и это немедленно сказалось во время урока. Майкайла не менее пяти раз успела уронить на пол шары, пока Харамис наконец не вздохнула с видом глубокого страдания и не велела их отложить, после чего ее ученица умудрилась перевернуть чашу с водой. Вода в чаше на сей раз была чистой, без примеси чернил, которые они иногда использовали, но все-таки Харамис восприняла это весьма болезненно.

Белая Дама дала понять, не прибегая к помощи слов, что считает Майкайлу глупой, ленивой, дурно воспитанной, неподготовленной и совершенно непригодной на роль Великой Волшебницы. Хотя подобное отношение и неприятно, Майкайла была бы готова с ним примириться, если бы оно означало желание Харамис не обращать более на нее внимания и отправить домой. Но не тут-то было. Та опять, в который раз, завела свою лекцию на тему о том, как Майкайле повезло, что ее обучают, вместо того чтобы просто взвалить на плечи неподготовленной юной девушки обязанности волшебницы, как это случилось с самой Харамис. И почему это Майкайла не желает приложить хоть немного усилий во время занятий? Нельзя быть такой вечно надутой и неблагодарной.

Майкайла и сама могла воспроизвести эту речь до последнего слова по памяти. Она старалась как могла, и хотя сегодня действительно не очень-то хорошо получалось,

но ее разобрала такая злость, что захотелось перекидать в Харамис все предметы в этой комнате, которые только можно оторвать от пола. Но поскольку это непременно вылилось бы по крайней мере в маленькую магическую дуэль, что уже выходило бы за рамки сегодняшних желаний Майкайлы, она предпочла прибегнуть к словам.

— До тех пор, пока вы не похитили меня,— крикнула она,— у меня была жизнь и у меня были родные — пусть даже они и не очень-то обращали на меня внимание. И у меня был друг, а вы привезли меня сюда и просто заявили, что мне все это предстоит, затащили меня в эту кошмарную пустыню и заставляли зубрить все эти дурацкие уроки, не обращая внимания на то, хочу я их выучить или нет!

Раньше я была свободна! Я могла уходить из дома, когда хотела. Не представляю, как вы собираетесь привить мне здесь какое-то чувство земли! Я тут оторвана от земли больше, чем только можно вообразить. Вы даже не позволяете мне выйти во двор, не говоря уже о Топях, Дайлексе и любом другом районе нашей страны, где хоть одна травинка может вырасти!

Пускай дома обо мне не сильно заботились, но по крайней мере не досаждали. Там никто не стоял каждую минуту у меня над душой, вечно повторяя: «Ты должна сделать то-то, и ты не должна поступать так-то». Прежде чем очутиться здесь, я была Майкайлой; теперь я просто «будущая Харамис». Я хочу, чтобы мне вернули мою жизнь! Мою собственную жизнь! Я ненавижу это место! Лучше бы я вообще умерла.

Каждый раз, когда я нахожу какой-нибудь прибор Исчезнувших, который по-настоящему вызывает интерес, или что-нибудь, из чего я могла бы выудить новые знания, вы его отбираете, заявляя, что он только отвлекает от изучения настоящей магии. А она, магия, якобы единственная достойная цель Великой Волшебницы — лицемерие с вашей стороны невообразимое, если учесть, что вы уже сотни лет живете в башне, которую Орогастус снабдил всей техникой Исчезнувших, какую только смог сюда понатащить! Как же, ведь волшебнице не подобает пользоваться-

ся чем-нибудь нормальным; Великая Волшебница должна быть единым целым с землей. Вот что, лично я не желаю соединяться в одно целое с землей! Я хочу остаться самой собой! Хочу получить назад свою собственную неповторимость! Я не желаю превращаться в такую, как вы!

К концу этого словесного извержения Харамис смотрела на Майкайлу, широко раскрыв рот и лишившись дара речи. Девочка ускользнула в свою комнату и заперлась изнутри, прежде чем Белая Дама сообразила, что предпринять, и не выходила оттуда до конца дня. К обеду ее никто не позвал.

На следующий день, спустившись к завтраку, Харамис вела себя так, будто ничего не произошло. Она просто изложила план дневных занятий, как если бы никогда не слышала от Майкайлы ни слова возражений по поводу перспективы сделаться волшебницей. Майкайла вдруг представила себе картину долгих лет подобного существования — сидеть напротив Харамис во время еды, слушать ее бесконечные лекции... Казалось, она обречена. Ей захотелось просто забраться куда-нибудь подальше, свернуться в клубок и умереть. Но она была молодой и здоровой, да, кроме того, и не хотела на самом деле умирать. У нее просто не было желания жить именно такой жизнью.

Глава 8

Харамис поглядела через стол на сидящую напротив Майкайлу, с безразличным видом помешивающую свою кашу, и подавила очередной вздох. После отъезда Файолона прошел почти год; в Майкайле по-прежнему отчетливо виден талант волшебницы, хотя магические способности ее и не возросли в той мере, на какую надеялась Харамис, полагавшая, что все уладится, как только мальчишка перестанет путаться под ногами. Однако Майкайла оставалась все такой же мрачной. Неужели этой угрюмой и замкнутой девочке суждено стать Великой Волшебницей?

Правда, теперь от нее уже не услышишь грубости, припомнила Харамис. В этом отношении поведение ее подопечной после отъезда Файолона заметно улучшилось. Она сделалась спокойной, говорила только тогда, когда к ней обращались, была послушна и в точности исполняла то, что ей говорят. Но едва успев выполнить очередное задание, она тут же погружалась в ближайшее кресло и упиралась глазами в пол. В ней нельзя было заметить никакого интереса к магии, несмотря на несомненные способности к ней. И что гораздо хуже, она, казалось, потеряла вообще всякий интерес к жизни. Харамис, конечно, понимала, что и сама мало чем интересуется, кроме магии, но это ведь отнюдь не дает ей повода впасть в депрессию. Сейчас даже Узун кажется более живым, чем эта девочка.

— Майкайла...

Та равнодушно приподняла голову, отрываясь от пищи, и встретила глазами с Харамис. Волшебница попыталась выдумать какую-нибудь фразу, чтобы разбудить девочку, но, увы, ей ничего не приходило на ум.

— Ты упражнялась сегодня с шариками?

— Да, госпожа.— Выражение лица девочки не изменилось. Вернее, лицо это вообще ничего не выражало.

— Как ты с ними справляешься?

— Очень хорошо, госпожа.

— Ешь свой завтрак,— велела Харамис, отбросив бесплодные попытки расшевелить ее. Складывалось впечатление, что, не получив прямой команды, Майкайла продолжала бы сидеть так все утро. Надо бы сказать Энье, чтобы та разузнала о любимых блюдах Майкайлы и приготовила их; Харамис не хотелось, чтобы девочка и дальше продолжала терять в весе.

«Что бы такое придумать, чтобы заинтересовать ее? — Харамис мысленно вернулась к своему первому впечатлению от Майкайлы, когда та предлагала Файолону разобрать музыкальный ящик на части и посмотреть, как он работает.— Если ей нравятся музыкальные ящички,— думала Харамис,— ее должны интересовать и другие приборы Исчезнувших. А одним лишь Владыкам Возду-

ха известно, как много этих приборов Орогастус здесь собрал. Придя сюда, я рассовала их по кладовкам в самом нижнем, подвальном, этаже, но кое-какие из них, может быть, действуют до сих пор. Однако мне лучше сперва самой взглянуть на них: кое-что может оказаться и смертоносным». Для Харамис, которая вовсе не интересовалась техникой и терпеть не могла правил, которые приходится понимать умом, а не душой и сердцем, это занятие было как нож острый.

«Она б, наверное, просто влюбилась в «магическое зеркало» Орогастуса,— подумала Харамис.— Но я подожду ей это показывать, пока она не научится смотреть в воду так хорошо, что эта процедура делается для нее абсолютно привычной. Не хотелось бы наводить девочку на мысль, что приспособления Исчезнувших могут заменить наши собственные способности».

Оставив Майкайлу доедать завтрак, Харамис вернулась в кабинет, села, прислонив Узун к своему плечу, как будто он был на самом деле обычной арфой, и прижалась щекой к отполированной древесине — фамильярность, которую Узун терпел, понимая, что его старшую подругу что-то очень сильно беспокоит.

— Скажу тебе честно, Узун, я не знаю, что делать с этой девочкой.

— Она выполняет все, что вы ей говорите,— заметил Узун.

— Верно,— вздохнула Харамис,— но дело в том, как она это делает. Если б такое было возможно, я решила бы, что взяла не того ребенка. Однако ведь в качестве будущей Великой Волшебницы я увидела именно ее.

— Вы уверены, что от вас требуется обучить ее? — спросил Узун.— Волшебница Бина вас не обучала, а вы справились прекрасно.

— Ты сам обучил меня, Узун,— ответила Харамис.— Я не оказалась полным профаном, заняв свое место. Майкайлу же никто и никогда не обучал магии, пока она не оказалась здесь.

— У нее, несомненно, есть способности к волшебству,— успокаивающе сказал музыкант,— за последние два

года она многому научилась. Она имела обыкновение приходить сюда по вечерам и рассказывать мне о том, что изучает. И Файолоң приходил с нею — с тех пор, как встал на ноги после болезни, и до самого своего отъезда.

— Да? — с удивлением спросила Харамис.

— О, они, наверное, ждали, пока вы уснете, — предположил Узун. — Я все время удивлялся, почему они выбирают столь позднее время.

— У нее есть талант, но явно нет желания им воспользоваться, — продолжала Харамис. — Я никогда такой не была. Я следовала за тобой как тень, требуя обучить меня, — даже раньше, чем научилась как следует ходить!

Она откинулась в кресле, резко и неожиданно отпустив Узунa. Он закачался, вновь опираясь только на свою подставку. Арфа издала звук, напоминающий нечто среднее между брэнчанием струн и человеческим восклицанием.

— Харамис... — позвал Узун. — Что случилось?

Но та не отвечала. Она чувствовала себя очень странно. Всю левую половину тела как бы покалывало мелкими иголочками, как если бы она отлежала ее во сне. А попытавшись ею пошевелить, Харамис обнаружила, что не может этого сделать. Она пришла в замешательство. У нее было впечатление, будто что-то не так, что-то очень важное, но она не понимала, что именно. Не случилось ли со страной какого-нибудь бедствия, которое она не заметила? «А может, я умираю? — подумала волшебница. — Но как же так? Ведь Майкайла еще не обучена!»

Казалось, она пролежала целую вечность в кресле, а Узун все что-то с возбуждением говорил возле нее. Но в действительности эта сцена не могла продолжаться более двадцати минут. А затем это (что это могло быть? какое-нибудь заклинание?) исчезло, и Харамис вновь смогла двигаться. Но с какой стати кому-то насылать на нее порчу? Врагов у нее нет.

Она поняла, что не хочет об этом думать сейчас, и постаралась успокоить Узунa:

— Думаю, тут нет ничего страшного. Я, наверное, просто спала эту ночь в неудобной позе, вот и все.

«Это напомнило мне о том, что еще предстоит проделать», — заметила она про себя. Харамис выбралась из кресла, стараясь скрыть, каких усилий ей это стоило.

— Пойду разыщу Майкайлу. По-моему, пора научить ее управлять погодой. Это очень важная часть обязанностей.

— Мне кажется, пока еще рановато, — попробовал возразить Узун.

— Это уж мне судить, дружище, — улыбнулась она, отчасти, чтобы смягчить свои слова, а отчасти, чтобы скрыть свой неожиданный испуг, на мгновение позабыв, что собеседник не способен ее увидеть. «Может быть, мне осталось куда меньше времени, чем я предполагала», — мелькнуло у нее в голове.

— Вы всегда были упрямы. — Голос Узун прожурчал как мелодичное глассандо струн. — Поступайте как хотите. Вы ведь все равно сделаете по-своему.

Харамис нашла Майкайлу в спальне на неприбранной постели, склонившейся над чем-то.

— Что ты делаешь? — спросила Харамис.

Майкайла подскочила. На кровать упали два серебряных шара. Харамис подошла и взяла их. Ей показалось, будто Майкайла прячет что-то за вырез платья, но она не была в этом уверена, да и к тому же ей не хотелось отвлекаться от куда более важных вещей.

Она вернула девочке шарики, в этот раз необыкновенно теплые — не иначе как от горячих рук Майкайлы, — и произнесла:

— Убери их, и пойдем в рабочую комнату. Пора тебе переходить на следующую ступень обучения.

И, повернувшись, вышла из спальни своей подопечной.

Майкайла дотащилась до мастерской только тогда, когда Харамис уже готова была, потеряв терпение, послать за ней Энью. Но она уже знала, что поучения не вызовут в девочке ничего, кроме протеста, и заставила себя улыбнуться:

— Подойди и встань рядом со мною возле стола, дитя мое. Узнаешь?

Майкайла неловко приблизилась к столу и увидела на месте крышки ящик с песком — такие обычно используются военными на тактических занятиях. Но вместо макетов и разной армейской символики на разноцветном песке были разбросаны камешки, рассыпан белый песок и поблескивали лужицы воды.

— Это наше королевство,— полувопросительно сказала Майкайла.— Здесь — Зеленая Топь.— Она указала пальцем на песок зеленого цвета.— А тут сливаются Голбар и Нижний Мутар — то самое место, где вы...— она чуть помедлила,— нашли нас с Файолоном.

Харамис подумала, что собеседница наверняка хотела сказать «похитили», а не «нашли», и подивилась, что она вовсе не упомянула сопровождавшего их оддлинга, хотя тот постоянно был рядом.

— Вот это — Черная Топь,— продолжала Майкайла,— это — Золотая, а Цитадель — вот здесь, на скале. А мы с вами сейчас вот тут.— Она безошибочно указала на горку белого каменного порошка, изображавшего гору Бром. А Файолон здесь,— добавила она уверенно, указывая на холм Цитадели.

Харамис предпочла не заметить последних слов.

— Ты права, Майкайла, этот стол — модель страны. Но это не игрушка и не просто карта. У него есть предназначение. Можешь догадаться какое?

Майкайла сделала круглые глаза и вдруг снова быстро опустила взгляд.

— Нет,— ответила она, опять принимая послушный вид.

Харамис захотелось ухватить девчонку за плечи и хорошенько встряхнуть.

— Тогда останься здесь и изучи его, пока не найдешь ему применения,— сказала она язвительно.— Встретимся за завтраком.

И, резко повернувшись, покинула комнату.

Пять минут спустя Харамис уже рассказывала по кабинету, изливая свое раздражение перед Узуном.

— Этот ребенок сведет меня с ума! — жаловалась она.

— Может быть, это уже произошло.— Струны звучали беспокойно.— Вы сказали, что оставили ее одну, без присмотра, и предложили поиграть с песочным столом?

— Разумеется, нет,— нетерпеливо ответила Харамис.— Я велела ей изучать его, а не трогать.

— Вы запретили ей к нему прикасаться? — с тревогой в голосе спросил Узун.

— Нет. Но почему ты так волнуешься, Узун?

— Потому что стол — один из самых важных магических объектов в башне,— резко произнес Узун.— И, не взирая на те эпитеты, которыми вы ее награждаете, принцесса Майкайла обладает ясным умом и природными способностями к магии.

— Которыми она отказывается пользоваться,— напомнила Харамис.

— Это может в любой момент перемениться. Уверен, что вы ее сильно недооцениваете. Да не так уж много интеллекта требуется, чтобы понять, что стол можно использовать для магического управления погодой. Особенно если сосуды с водой и каменный порошок, с помощью которого вы создаете дождь и снег, стоят возле самого стола.

— Они, как и полагается, в выдвижном ящике сбоку стола,— сообщила Харамис.— Где же им еще быть? Без соответствующего заклинания это просто крупички камня и капли воды.

— Для выполнения магической задачи можно составить новые заклинания, и сработают они ничуть не хуже старых и общепризнанных,— сухо ответил Узун.— Магия основана на целеустремленности и сосредоточении, а у Майкайлы есть и то и другое.

— Ты слишком уж сильно беспокоишься, приятель.— Харамис нежно улыбнулась, касаясь гладкой деревянной поверхности арфы.

— В самом деле? — произнес Узун мягким, журчащим голосом. Казалось, все это его почти забавляет.— А вы планировали на сегодня дождь?

Харамис, резко обернувшись, бросилась к окну. Узун оказался прав: узкий поток дождевой воды падал прямо

в центр двора, и непосредственно под ним снег таял, образуя круглую лужу. Вполголоса выругавшись, она услышала позади усмешку арфы и бросилась бежать в рабочую комнату.

— Прекрати! — крикнула Харамис с порога.

Майкайла оторвала взгляд от стола, на который аккуратно капала водой с мизинца правой руки, нацелившись точно на гору Бром.

— Думаю, я правильно оценила назначение этого стола,— сказала она, невинно улыбаясь.— Он прекрасно подходит для того, чтобы делать погоду.

Харамис испытала острый приступ головной боли и с трудом удержалась, чтобы не вцепиться в свою ученицу. Нет уж, достаточно того, что она еле дышит. Не хватало еще проявлять и другие признаки слабости!

— Я велела тебе исследовать этот стол, но не трогать его,— перебила она.— Я предупреждала, что это не игрушка.

Лицо Майкайлы выражало недоумение.

— Но если бы это было хоть немного опасно, несомненно, вы не оставили бы меня здесь одну. Да и как я могла изучать, не прикасаясь? Все изучается лишь с помощью эксперимента, построения теории, ее проверки и создания новой теории, если первая окажется несостоятельной,— пока не построишь в уме некую модель, которая в полной мере отображает реальность или по крайней мере ту часть реальности, с которой приходится иметь дело. И кстати, вам нужен песочный стол гораздо больших размеров,— добавила она.— На этом нет места ни для Лаборнока, ни для Вара. Лаборнок-то уж точно относится к той области, ответственность за которую лежит на вас: наши королевства объединены уже две сотни лет.

У Харамис не было никакого желания обсуждать с Майкайлой и вообще с кем бы то ни было свою мнимую ответственность перед жителями страны, напавшими на ее родину, зверски убившими ее родителей и готовившими ту же участь и ей самой. Даже если упомянутые события и произошли много лет назад, перед глазами Харамис они

и поныне стоят так же ясно, как если бы случились на прошлой неделе. «Я, видно, совсем постарела, — подумала она, — если помню далекое прошлое гораздо отчетливее, чем то, что было недавно».

— Пойди умойся перед обедом, Майкайла, — произнесла она вслух. — Встретимся за столом.

И направилась было за чаем из ивовой коры, чтобы унять головную боль, как вдруг услышала сзади голос:

— Но сейчас еще время завтрака!

После еды Харамис дала Майкайле старую летопись Рувенды — в надежде, что это, по крайней мере, займет девочку на сегодняшний день и его остаток пройдет спокойно. Волшебница была слишком утомлена, чтобы с нею возиться.

Харамис прошла в свою комнату, чувствуя потребность побыть в одиночестве, хотя и старалась не думать о странном происшествии, случившемся с нею ранним утром. Она прилегла на кровать, намереваясь отдохнуть часок-другой, но усталость совсем одолела ее, и она продолжала лежать совершенно неподвижно до тех самых пор, пока Энья не пришла выяснить, почему ее госпожа не спустилась к обеду.

— К обеду? — Харамис села и откинула упавшие на лицо волосы. — Разве уже время обедать? — Она выглянула в окно и с удивлением заметила, что стало совсем темно. — Я, видно, заснула.

— О да, госпожа, — отозвалась Энья. — Принцессу Майкайлу я уже накормила, и она беседует с господином Узуном, так что о ней у вас нет причин беспокоиться. Почему бы вам просто не остаться в постели и не подождать, пока я принесу поднос? Судя по вашему виду, вам не помешал бы отдых.

— Спасибо, Энья, — сказала Харамис. — Я немного устала, и поднос с едой в комнате, пожалуй, пришелся бы кстати.

Служанка вышла, Харамис встала и подошла к зеркалу. Энья права: совершенно очевидно, что она переутомилась, ибо тот внешний вид, который ей всегда удавалось поддерживать автоматически — заклинание, заставлявшее

людей видеть ее такой, как она сама хотела, — теперь исчез. Из зеркала на Харамис смотрело ее настоящее лицо — бледное, исхудавшее и очень старое. «Пожалуй, лучше оставаться в своей комнате, пока опять не соберусь с силами, — пробормотала она себе под нос. — Узун меня не видит, а Энья знает, какова я на самом деле. Но объяснять это Майкайле пока рановато».

Харамис забыла, что Майкайла уже видела ее в этот день и во все глаза глядела на волшебницу во время завтрака, но та этого даже не заметила, и теперь у Майкайлы шел длинный и невеселый разговор с Узун.

— Не больна ли Харамис? — спросила девочка. — Она неважно выглядела за завтраком и вовсе не сошла к обеду. Энья говорит, что госпожа просто утомилась, но сегодня она выглядела гораздо хуже, чем просто усталой.

— Что ты подразумеваешь под этим «хуже, чем усталой»? — спросил Узун.

— Как бы мне хотелось, чтобы ты сам все видел! — вздохнула Майкайла. — Обычно у нее такой вид, что очень трудно определить возраст, то есть волосы ее седые, но все-таки она не похожа на старуху.

Послышался слабый перезвон струн.

— В детстве у нее были черные волосы, но, сделавшись волшебницей, она переменила цвет на белый. В то время ей было около двадцати лет — слишком рано для естественной седины. Тогда же она изменила и остальные свои черты, стала выглядеть старше — лет примерно на сорок, и с тех пор сохраняла одну и ту же внешность — пока я мог ее видеть. Не знаю, произошли ли в ней какие-нибудь изменения с тех пор, как я стал арфой...

— Нет, — сказала Майкайла. — Точно так же она выглядела всегда, вплоть до сегодняшнего дня. А сейчас ее волосы стали какими-то желто-серыми, лицо осунулось, и щеки ввалились. Она все эти годы пользовалась заклинанием, чтобы изменить внешний вид?

— Самым простым, — ответил Узун. — Слово «заклинание» даже не очень подходит к этой незамысловатой фразе.

— О, это мне известно! — припомнила Майкайла.— Я пользовалась чем-то подобным, когда была совсем маленькой. Это один из тех заговоров, что служат для того, чтобы тебя не замечали, когда ты не хочешь. Например, выбегаешь погулять, но опасаясь, что по дороге из замка кто-нибудь тебя остановит. Или сидишь в комнате, и тут входит кто-нибудь, кому ты не хочешь показываться на глаза. Надо просто сидеть неподвижно и мысленно повторять: «Меня здесь нет» — и никто ничего не заметит.

— Похоже, тут действует один и тот же принцип,— согласился Узун.

— Из твоих слов выходит, с его помощью я могла бы сделать вид, что прекрасно выгляжу, тогда как на самом деле моя одежда перемазана грязью, а косы расплетаются? — спросила девочка.— Мне надо бы научиться и этому. Так я избавилась бы от множества попреков.

Узун усмехнулся:

— Магические формулы способны послужить и для этого. Но я подозреваю, что для тебя, принцесса, упрёки были скорее досадной мелочью, чем серьезной проблемой, и потому ты просто не задумывалась над тем, чтобы использовать магию в подобных целях.

— Ты прав,— рассмеялась Майкайла.— Мне всегда казалась неимоверно глупой идея о том, что одежду следует непременно всегда сохранять чистенькой и красивой. Когда бродишь по болотам, она обрастает грязью, и ничего уж тут не поделаешь. Да, по совести говоря, никому и не было дела до моего внешнего вида, пока не приближалось какое-нибудь важное событие, а тогда уж я позволяла горничным нарядить меня как следует и оставалась чистой и аккуратной до конца торжества.

Она нахмурилась, подумав, как ко всему этому отнеслась бы Харамис.

— Значит, если наша госпожа с помощью магической формулы поддерживала свою внешность неизменной на протяжении стольких десятилетий, а сейчас этот образ неожиданно исчез, она либо ни с того ни с сего перестала придавать ему значение, либо... она больна и у нее нет сил, чтобы его поддержать?

— Боюсь, что ты права,— сказал Узун.— Сегодня утром с ней случился какой-то приступ, когда она сидела здесь, около меня,— на некоторое время она лишилась возможности говорить и передвигаться. Потом сказала, что все это ерунда, а я обратил ее внимание на то, что идет дождь, и госпожа довольно быстро удалилась.

— Она велела мне выяснить, для чего предназначен стол,— изрекла Майкайла с издевкой в голосе.— Как будто мне это не было очевидно с первого взгляда. Но вот что странно,— продолжала она,— это не просто приспособление для регулирования погоды, хотя с его помощью погодой очень просто управлять. Когда я к нему прикоснулась, то как бы почувствовала через него всю страну, саму землю, несмотря на то что это всего лишь маленькая модель.

— Почувствовала страну? — Голос Узуна звучал одобряюще.— Что ты этим хочешь сказать?

Глава 9

Весь вечер Харамис оставалась в постели, и Майкайла решила не упускать возможность. Она прошла в свою спальню, забрала шкатулку с шариками и отправилась в рабочую комнату.

Хотя ей и не удавалось общаться с Файолоном каждое утро и каждый вечер, за последний год они выходили на связь достаточно часто, и теперь это уже не составляло труда. Она уже стала гораздо искуснее вертеть шарики на ладони, как велела Харамис,— этим Майкайла тоже не пренебрегала. Однако сегодня она покрутила их ровно столько, чтобы образовался энергетический заряд, необходимый для установления связи.

— Файолон,— зашептала она возбужденно, разглядев лицо собеседника,— я собираюсь показать тебе нечто невозможное. Ты там один?

Файолон кивнул.

— Я в нашей старой игровой комнате,— сказал он,— здесь мне никто не мешает.— Он на мгновение сделал-

ся грустным.— Ты знаешь, когда тебя нет, на меня вообще никто не обращает внимания. Тут стало очень одиноко.

— Прости,— смущенно проговорила Майкайла.— Я тоже очень скучаю по тебе. Мне бы очень хотелось, чтобы ты был здесь и увидел бы все это сам, а не с помощью наших шариков.

— Увидел — что? — Файолон смешно вытянул шею.

— Гляди.— Она подняла шарики над столом, передвигая их в разные стороны, чтобы создать ему хороший обзор.

— Это Рувенда! — тут же воскликнул Файолон.— И гораздо подробнее, чем на любой из карт, какие мне приходилось видеть. Ты сможешь подождать, пока я сбегаю за чернилами и пергаментом и срисую себе копию?

— Это не составит труда,— ответила Майкайла.— Харамис и слуги отправились спать, а Узун не горазд разгуливать по комнатам. Если потребуется, у нас есть время до самого утра. Собери все, что тебе нужно, а потом вызывай меня своим шариком.

— Всего одним шариком? — переспросил Файолон.— Мы еще никогда не пробовали.

— Так давай попробуем,— заметила Майкайла.— Если я тебя не услышу, пока не сгорит одна свеча, то сама стану вызывать. Но я уверена, что тебе удастся. Ты от природы куда сильнее в магии, чем я.

Файолон улыбнулся и, ничего не говоря, прервал контакт. Майкайла присела у окна, вертя шарики и глядя во двор. Результат сегодняшнего эксперимента заставил ее нахмуриться. На большей части двора снег растаял, но когда ступились сумерки и похолодало, там все еще было полно воды, и теперь вся площадь покрылась льдом, поблескивающим в лунном свете. «Пожалуй, лучше мне этого так не оставлять,— сказала она себе,— а не то с утра прислуга будет скользить по всему двору и падать, ломая руки и ноги. Вызывать дождь было действительно неразумно. Чтобы насолить Харамис, хватило бы и куда более безобидной перемены погоды».

Она вернулась к столу с песком, изучая стоящие с краю сосуды, потом погрузила кулак в белый порошок. Раздался звук — звук человеческих шагов на снегу. «Ну конечно, — догадалась она. — Вода — это дождь, а этот порошок — снег! Следовало бы понять это еще утром, тем более что именно из него сделаны горы».

Она почувствовала теплоту в голове и услышала голос Файолона:

— Майкайла, ты меня слышишь?

— Да, — ответила девочка, поднося шарик к лицу так, чтобы он ее увидал. — Ну вот, теперь я подержу шарики так, чтобы тебе был виден стол, и ты сможешь рисовать, пока я работаю.

— Работаешь? — переспросил он.

Майкайла усмехнулась:

— Сегодня утром Харамис оставила меня здесь одну с заданием выяснить, для чего предназначен этот стол. Видимо, была уверена, что у меня уйдет на это целый день, если я вообще догадаюсь. Ты бы видел, с какой поспешностью она прибежала обратно, когда я устроила дождик около башни!

— Ты уверена, что это не совпадение? — спросил Файолон. — Разве там не идут дожди по весне?

— По виду Харамис, когда она на меня кричала, было вполне очевидно, что у нее нет на этот счет сомнений. Я в первый раз увидела ее так сильно запыхавшейся. Ну и поделом: нечего обращаться со мной как с идиоткой.

Файолон открыл было рот, но промолчал, видно решив воздержаться от комментариев.

— И к тому же, — добавила она, — здесь никогда не бывает дождей, даже летом, — только снег.

— Так каким делом ты занимаешься теперь?

— Мелкий ремонт. Утром, когда я устроила дождь, он растопил слишком много снега, и теперь двор покрыт слоем льда.

— Так ты хочешь растопить его?

— Здесь уже совершенно стемнело, и совсем холодно. Растапливать лед — значит действовать наперекор природе.

— Ты права, — согласился Файолон, продолжая делать зарисовки. — Я должен был об этом догадаться. А если устроить среди ночи достаточно теплую погоду, чтобы растопить лед, где-нибудь внизу наверняка случится паводок.

— Или пройдет лавина, — подтвердила Майкайла. — Нет, я думаю, лучше всего теперь просто покрыть лед толстым слоем снега. Тогда, выйдя во двор, придется пробираться через сугробы, и снег не даст поскользнуться. А потом, когда погода естественным образом потеплеет через денек-другой, я разужнаю у Харамис, как растопить лед таким образом, чтобы двор остался сухим. — Она поглядела на расставленные вокруг стола сосуды. — Я пока еще точно не знаю, чем воспользоваться, чтобы в каком-то месте стало жарко...

— Может, фонарем или факелом? — предложил мальчик.

— Может быть. Но я больше чем уверена, что этот мраморный порошок изображает снег. А если нет — я быстро это выясню.

— Тогда попробуй, — сказал Файолон, — только поосторожнее. Ничего, если я за тобой понаблюдаю? Мне хочется увидеть все это в действии.

— Конечно. — Майкайла взяла небольшую горсть белой каменной крошки и стала осторожно сыпать ее с ладони на макет башни на столе, сосредоточившись на образе снега. Она представила себе мягкий спокойный снегопад, покрывающий белой пеленой ледяную поверхность на дворе, крыши и балконы здания. Казалось, она сама парит где-то в стороне от башни и смотрит, как снег падает вокруг нее. Это ощущение показалось Майкайле очень странным, не похожим ни на одно из тех, что ей доводилось испытывать прежде. Сосредоточившись еще сильнее, девочка почувствовала вдруг, как она постепенно становится все меньше и меньше, сокращаясь до размеров небольшой снежинки, медленно парящей в ночном воздухе. Вот на ней оседает атмосферная влага и, замерзая, превращается в изящные кружевные формы...

Разбудил Майкайлу бледный свет зари. Она лежала на голом полу возле самого стола, чувствуя во всем теле напряжение и тупую боль. «С какой стати я сплю на полу, если у меня такая замечательная постель?» — удивилась она, но тут вернулись воспоминания прошедшей ночи. Девочка мгновенно вскочила на ноги; все тело ее дрожало и, казалось, протестовало против этого резкого движения. Преодолевая усталость, она бросилась к окну и выглянула во двор.

— А ведь я справилась с этим! — воскликнула она с огромным удовлетворением. Весь внутренний двор башни покрывал слой снега, и, взглянув на перила ближайшего балкона, Майкайла поняла, что толщина этого покрова оказалась точно такой, как она планировала. «Интересно,— подумала девочка,— успело ли это количество снега выпасть до того, как я уснула, и действие заклинания прекратилось в этот самый момент или же оно продолжало действовать и тогда, когда я уже спала? Что ж, может быть, об этом расскажет Харамис, если нынешним утром встанет в хорошем настроении».

Майкайла на цыпочках вернулась в свою спальню, переоделась в пижаму, забралась в постель и изрядно в ней повозилась, чтобы кровать выглядела так, как будто на ней спали всю ночь. А потом потянулась к шкатулке с шариками и мгновенно поняла, насколько она сегодня устала. «Ничего страшного, если я разок посплю подольше,— сказала она себе.— Еще слишком рано, и к тому же очень холодно». Девочка расслабилась, рука ее, протянутая было к шкатулке, упала на постель, и, свернувшись калачиком под теплым одеялом, Майкайла мгновенно погрузилась в сон.

Вновь проснувшись, она обнаружила, что вся комната залита солнечным светом: оказывается, она забыла закрыть занавески.

— Нет, не может быть! — воскликнула девочка во весь голос, выпрыгивая из постели и бросаясь к лежащей одежде.— Я же опоздала к завтраку!

Задержавшись лишь на секунду, чтобы провести гребнем по волосам, она понеслась в столовую, но перед

самой дверью остановилась и перешла на чинный и неторопливый шаг. Мама всегда говорила, что принцессам ни в коем случае не подобает бегать, — она повторяла это так часто, что Майкайла наконец выработала привычку появляться в комнате изящной походкой настоящей дамы.

На подносе лежал приготовленный завтрак, но блюдо оказалось только одно. «Харамис, должно быть, уже поела, — подумала Майкайла. — Остается только надеяться, что она не слишком сердится на то, что я так долго спала». Девочка наскоро позавтракала давно успевшим остыть поджаренным бутербродом и соком из плодов ладу и отправилась разыскивать Харамис.

Сперва она заглянула в кабинет, но, просунув в дверь голову, обнаружила там одного только Узун.

— Кто здесь? — мягко пропели струны арфы.

— Это я, Майкайла, — отозвалась девочка. — Доброе утро, Узун.

Последнее время эта арфа-оддлинг необычайно полюбились ей, особенно с тех пор как пришлось расстаться с Файолоном.

Майкайла по-прежнему считала, что со стороны Харамис было довольно жестоко заключить Узун в нынешнюю его форму. Полная слепота для него, несомненно, большое мучение. «Даже если он и согласился сам на подобное перерождение, — думала она, — все-таки в высшей степени эгоистично поместить его в такую клетку, как эта арфа».

— Доброе утро, принцесса Майкайла, — вежливо проговорил Узун. — Хорошо ли ты выпалась?

В голове Майкайлы вдруг зазвучал голос матери, повторявшей очередное правило хорошего тона: «Это только приветствие, дочка, а вовсе не вопрос!» Она даже не осознавала — до тех пор, пока не оказалась здесь, — как сильно впитала в себя все эти материнские наставления. Ведь дома, в Цитадели, и сама она, и все, кто был с нею знаком, готовы были бы поклясться, что все уроки матери-королевы для юной принцессы — как с гуся вода.

И вот теперь она совершенно неосознанно отвечает на слова Узун:

— Спасибо, Узун, хорошо. А ты? — И тут же спохватилась: — Извини, я даже не знаю, спишь ли ты вообще когда-нибудь. Но если спишь, то надеюсь, нынешней ночью ты выспался хорошо.

— Я и сам не смог бы с уверенностью утверждать, сплю я или нет, принцесса, — ответила арфа. — Вот если ты как-нибудь войдешь сюда и тебе придется меня разбудить, тогда мы оба эту проблему и выясним. Но в чем я абсолютно уверен, так это в том, что никогда не вижу снов.

— Тебе этого не хватает? — полюбопытствовала Майкайла.

— Да. — Ответ его прозвучал настолько печально, насколько печален может быть вообще голос арфы.

Майкайла закусила губу. «Какая досада! Угораздило же меня ляпнуть такое! — подумала она. — Как бы мне теперь хотелось быть чуть больше похожей на своих сестер... И как хотелось бы очутиться сейчас рядом с мамой!»

— Извини, — коротко произнесла она вслух.

В конце концов, что тут еще можно сказать? И к тому же Майкайла слишком хорошо знала, что, продолжая в таком же духе, непременно сморозит еще какую-нибудь глупость. Пора, пожалуй, сменить тему.

— Ты не знаешь, Узун, куда отправилась с утра госпожа?

— Нет, — вздохнула арфа. — Она сегодня не заходила даже сказать «доброе утро».

— Как-то это странно, — проговорила Майкайла. — Свой завтрак она, похоже, уже съела.

— Дерни за шнурок звонка, дитя мое, — отрывисто проговорил Узун. — Узнай у Эньи, что случилось.

Энья появилась через несколько минут. И едва успела показаться на пороге, как Узун уже спрашивал, где Харамис и что с ней.

«Может, он и слеп, но по крайней мере слух у него великолепный, — подумала Майкайла. — Кажется, он услышал ее приближение на добрых полминуты раньше меня».

— Она покинула башню,— объяснила Энья.— Все-
лишь с минуту посидела за столом, глядя куда-то в пу-
стоту — вы ведь знаете эту ее привычку, принцесса,— а
затем вдруг отставила тарелку, надела свою мантию и уле-
тела на одной из этих ее огромных птиц.

— Куда она отправилась? — спросил Узун.— Она не
говорила?

— Видите ли, господин Узун,— немного смущенно от-
ветила Энья,— это ведь совершенно не мое дело — спра-
шивать о том, куда она отправляется или откуда прихо-
дит, поэтому, мне кажется, я действительно не могла бы...

Струны арфы сердито зазвенели, и Энья нервно сжа-
ла в ладонях фартук.

— Она полетела куда-то к югу, может быть, к Цита-
дели. Точно я ничего не знаю.

Майкайла судорожно вздохнула, с ужасом понимая,
что это не сулит ничего хорошего.

— Файолон! — воскликнула она и опрометью выбе-
жала из комнаты.

Только добравшись наконец до своей спальни и запе-
рев дверь на засов, девочка решила перевести дух. За-
тем схватила шкатулку и высыпала шарики на ладонь. Они
закрутились почти без ее помощи, а магическая сила про-
явилась мгновенно, как только послышались звуки, а не
изображения. Шарик Файолона, несомненно, надежно
спрятан под рубашкой, поэтому ничего и не видно. Зато
идущий где-то около него оживленный спор отчетливо
слышен.

— Должно быть, вы ошибаетесь, госпожа,— холодно
и уверенно говорила королева.— Моя дочь большая про-
казница, но она не могла повести себя безнравственно.
Так же как и сын моей сестры.

— Очевидно, что она ошибается,— рассерженно заго-
ворил Файолон.— Я ни разу в жизни не прикасался к Май-
кайле с подобными мыслями. В прошлом году должна бы-
ла состояться наша помолвка, а затем мы собирались
пожениться, и я, разумеется, просто не мог иметь наме-
рения обесчестить свою будущую жену.

— Она вовсе не твоя будущая жена! — сердито перебила его Харамис.

— В тот период, о котором вы говорите, — ответил Файолон, — уверяю вас, мы все считали ее таковой. Я люблю Майкайлу и всегда буду ее любить — независимо от того, что вы с нею сделаете, — и никогда в жизни не причинил бы ей никакого вреда.

— Да это просто смехотворно... — слабым голосом запротестовал король. — Посмотрите же наконец на него: они же едва только вышли из детского возраста. Да и кроме того, — добавил он гораздо тверже, — последние два года Майкайла почти все время жила у нас. Они просто не могли лечь в одну постель, если только не допустить мысли, что вы сами впали в соблазн соединить их.

— Что?! — задышавшись, выкрикнула Майкайла вслух.

Файолон, несомненно, ее услышал, но, к счастью, его резкое «т-с-с!» заглушило голоса взрослых.

«Но я ведь еще слишком молода, чтобы вообще ложиться в постель с мужчиной, — подумала Майкайла. — Я хорошо помню свою старшую сестру в возрасте, когда выходят замуж. И в сравнении с ней я еще совершенно незрелая, что, кстати, довольно странно: ведь, кажется, обе сестры были именно такого же возраста, когда вступали в брак. Неужели Харамис что-то специально делает, чтобы оставить меня ребенком? Нет, такого не может быть: если бы она этим занималась, то понимала бы, что говорить теперь про нас с Файолоном — суший вздор. Может быть, это побочный эффект изучения магии...»

— Но если они не испытали физической близости, — резко перебила Харамис, — тогда как вы мне объясните, что они так прочно между собою связаны?

— Что вы имеете в виду под словом «связаны»? — спросила королева.

— Именно то, что они действительно связаны и находятся в постоянном контакте друг с другом, — нетерпеливо говорила Харамис. — Откуда, по-вашему, тут столько снега — и в самой Цитадели, и по всему холму?

— О нет! — в ужасе прошептала Майкайла.

— Но какое отношение имеет ко всему этому снег? — Король, казалось, был окончательно сбит с толку.

— Спросите у этого юноши, — холодно ответила волшебница.

— Это случилось нечаянно, — стал спокойно объяснять Файолон. — Я вовсе не собирался устроить здесь снегопад. Я просто смотрел на Майкайлу, которая заставляла снег падать на башню, и тут мы оба уснули. А после этого заклинание каким-то образом стало проявляться и здесь.

— Что значит «заставляла снег падать»? — резко спросила Харамис. — Она совсем не знает, как вызвать снегопад.

— Госпожа, — вежливо ответил Файолон, — стоит только посмотреть на стол, как становится совершенно очевидно, что нужно сделать, чтобы вызвать снегопад. Она делала это только для того, чтобы закрыть слой льда, которым нечаянно покрыла внутренний двор башни утром того же дня. Когда стемнело, вода после прошедшего дождя все еще оставалась на дворе, и ночной мороз вызвал там настоящий гололед. Майкайла просто не хотела, чтобы слуги на каждом шагу падали и получали увечья.

— Но не проще ли было растопить снег? — спросил король. — И какой прок покрывать его слоем снега?

— Чтобы растопить такой слой льда, да еще ночью, нужно слишком много энергии, — объяснил мальчик. — Кругом очень холодно и совершенно темно, так что солнцем воспользоваться нельзя, а ни одна из лун не дает достаточно сильного света. А если все-таки собрать достаточно энергии, чтобы растопить весь лед во внутреннем дворе башни, стоящей возле самой вершины горы, неизбежно растает и слишком много снега вокруг, и вниз пойдет по крайней мере снежная лавина, а может, даже и селевой поток. А вот если покрыть этот ледяной каток слоем снега, то по сугробам можно свободно ходить, и ноги при этом перестают скользить...

— Гм! — задумчиво произнесла Харамис. — И что же, Майкайла сама до всего этого додумалась? Или ты ей помогал?

— Мы обсудили это вместе,— сказал Файолон.— Мы давно привыкли работать вдвоем. Но бóльшая часть плана принадлежит самой Майкайле, и, как правило, именно она всегда выдвигала оригинальные идеи, а на мне всю жизнь лежала обязанность следить за тем, чтобы не дать ей броситься сломя голову в какое-нибудь рискованное предприятие, не обдумав его до конца. А о том, что снег может уменьшить скольжение, мы отлично знаем — с тех пор, как три года назад ходили в поход в горы.

— А я и не знала, что ты раньше видел снег,— машинально проговорила Харамис. Ее голос стал теперь гораздо мягче.

Однако Файолон неожиданно испытал противоположные чувства.

— Не хотите ли вы сказать,— с трудом проговорил он, стиснув зубы,— что в тот момент, когда вы снабдили меня парой фронялов, мешком с продуктами и одеждой, отправляя сюда дорогой, идущей лишь заснеженными горными перевалами, на прохождение которой требуется не менее четырех дней, вы думали, что я понятия не имею о том, что такое снег?

— Да я просто не задумывалась над этим вопросом! — сказала Харамис.— Что тут такого?

— Боги небесные! — рассерженно воскликнул он.— Да вам и вправду нет абсолютно никакого дела до жизни людей! Вам вообще нет дела ни до чего, кроме собственного удобства и благополучия! Ведь если бы у меня уже не было опыта и если бы я не знал, как разбить лагерь в лесу, я бы просто умер — неужто вам это даже не пришло в голову? Или вы именно этого и хотели, чтобы не сомневаться уже, что мы с Майкайлой разделены навсегда! Предупреждаю вас: если вы меня убьете, я вернусь с того света и стану преследовать вас и буду вечно сопровождать Майкайлу — до тех пор, пока она жива, да и после ее смерти тоже!

— Я вполне осознаю, что этих двух детей с рождения все считали лишними,— прозвучал страдальческий голос Харамис, обращенный к королю с королевой,— но было бы вполне резонно, если бы хотя бы кто-нибудь потра-

тил немного времени на то, чтобы сделать из них цивилизованных людей. В жизни не сталкивалась со столь дурными манерами!

— Только не вздумайте обвинять их,— перебил Файолон.— Они свое дело сделали и научили нас хорошим манерам. Но если с нами обращаться не как с людьми, а как с вещами, то ничего иного, кроме самых отрицательных черт характера, пробудить не удастся. А в том, что вы обращаетесь с людьми как с бездушными марионетками, нет никаких сомнений. Посмотрите хотя бы, что вы сделали с Узунум!

Майкайла услышала шаги Харамис и догадалась, что она прошла к окну. Девочка собрала все силы своего ума, сосредоточилась и в дополнение к звукам сумела уловить изображение. Харамис глядела из окна на лежащий во дворе Цитадели снег, Файолон смотрел на нее. Заклинание, с помощью которого волшебница всегда придавала себе одну и ту же внешность, теперь снова действовало: она выглядела как обычно. Только Майкайла уже знала, что все это лишь видимость.

После нескольких минут рассматривания пейзажа за окном Харамис вновь переключила внимание на Файолона.

— Я позаботилась о последствиях вашей маленькой пурги,— сообщила она.— За несколько часов весь снег здесь растает. А вот что касается вашей связи с Майкайлой,— тут она оглядела комнату, подошла к развешанным на стене мечам и взяла один из них,— то я намереваюсь разорвать ее и советую вам самим мне в этом помочь.

— А что, если мы откажемся? — спросил Файолон.

Губы Харамис в раздражении сжались.

— В любом случае я все равно разорву эту связь и пре-секу все ваши попытки восстановить ее. А тебя отправлю обратно в Вар, там ты будешь приписан к королевскому флоту и отправлен как можно дальше в открытое море. На таком огромном расстоянии никто не может поддерживать связь. Тем более находясь посреди огромного водного пространства с сильным морским течением.

Она взмахнула мечом, прочертив в воздухе большую дугу. Затем направила его острие вниз. И в то же мгновение Файолон с Майкайлой одновременно закричали от боли. Связь оборвалась.

Глава 10

Майкайла очнулась и поняла, что лежит на боку, свернувшись калачиком и держась за живот, у себя на кровати. Чувствовала она себя так, будто передняя часть платья полыхает огнем. В голове тоже будто что-то горело — начиная от середины лба и до самой макушки. Майкайла услышала какие-то всхлипывающие звуки и лишь через несколько минут поняла, что издает их сама. Закусив губу, она заставила себя замолчать, но боль от этого не утихла. Девочка попыталась распрямиться, и неприятные ощущения тут же усилились. Оставалось лишь продолжать лежать, свернувшись в клубок, и ждать, пока боль сама собою утихнет. Прошло еще некоторое время, и сознание вновь покинуло Майкайлу, а боль оставалась по-прежнему сильной.

Во второй раз она проснулась оттого, что кто-то стучал в дверь. «Уйдите отсюда,— подумала она,— я не желаю просыпаться».

— Принцесса Майкайла,— раздался заботливый голос Эньи,— с вами ничего не случилось?

— Все хорошо,— отозвалась девочка. Однако слова ее прозвучали невнятно и походили скорее на птичье щебетанье.

— Уже время полдника. Вы не хотите поесть?

Мысль о еде казалась просто нестерпимой. Казалось, что отныне она никогда уже не захочет есть.

— Спасибо, Энья, но я действительно совсем не голодна. Передайте госпоже, что я поглощена учебой и не хочу отвлекаться на полдник.

— Она еще не вернулась,— ответила служанка.— А вы не знаете, где она?

— Наверное, все еще в Цитадели, — ответила Майкайла, пытаясь сообразить, сколько же прошло времени: когда она смотрела на Харамис с помощью шариков, была примерно середина утра, а теперь, судя по словам Эньи, время полдника...

«Значит, я была без сознания часа два».

— Если она не вернется к обеду, — проговорила вслух Майкайла, — не утруждайте себя приготовлением еды. Я сама наведуюсь в кухню, когда решу сделать перерыв в занятиях. — Ей хотелось надеяться, что голос ее звучит так, как будто она действительно очень занята учебой, а не мучается от боли.

Энья, как видно, ничего подозрительного не заметила.

— Как хотите, принцесса, — ответила она спокойно. — Да, кстати, господин Узун хотел бы вас видеть, когда вы освободитесь.

— Спасибо, Энья, я очень скоро спущусь к нему.

«Как только смогу проделывать такие сложные манипуляции, как, например, встать с постели и пройтись», — добавила Майкайла про себя. Из-за двери слышались удаляющиеся шаги, и девочка опять погрузилась в сон.

Когда она снова открыла глаза, за окном было совсем темно. Комнату едва освещали лишь последние огоньки в очаге; все дрова выгорели почти дотла. Несмотря на продолжавшую поступать из отверстия возле кровати струю теплого воздуха, Майкайла сильно промерзла: засыпая, она не нашла в себе сил даже натянуть одеяло.

С величайшей осторожностью девочка выпрямилась. Все тело затекло от долгого лежания в одной позе, но, к счастью, самая сильная волна боли уже схлынула, в животе еще немного ныло, и не покидало чувство какой-то пустоты внутри. «Надо встать с постели, — сказала Майкайла вслух, как будто это должно было помочь выполнить намерение. — Надо пойти в библиотеку и отыскать описание того заклинания, которому Харамис нас подвергла. И выяснить, как ему противостоять».

Девочка медленно подползла к краю кровати, свесилась с матраса и постепенно приняла вертикальное положение, коснувшись ногами пола, а руками все еще про-

должая держаться за постель. Она немного постояла и, убедившись наконец, что ноги ее слушаются, взяла со стола подсвечник, словесной командой заставила свечу загореться и направилась к двери.

Майкайла все еще чувствовала большую слабость и сильное головокружение. Даже на такую простую вещь, как отодвинуть задвижку двери, ей пришлось потратить несколько минут. Когда это наконец удалось, девочка медленно побрела в сторону библиотеки.

— Майкайла! — повелительно раздался перезвон струн арфы, когда она поравнялась с дверью в кабинет.

«Ах да, конечно, Узун ведь хотел меня видеть», — вспомнила Майкайла. Она приоткрыла дверь и просунула голову в кабинет; там было так же темно, как и в ее спальне, если не считать пламени камина. Здесь, в кабинете, огонь в очаге постоянно поддерживается, чтобы температура в комнате оставалась неизменной и благоприятной для Узунa. Арфы не очень-то легко переносят перепады температуры, даже если они наделены разумом. Во время одной из длинных ночных бесед Узун объяснил все это Майкайле до мельчайших подробностей.

— Подойди ко мне и присядь рядом, дитя мое. Или упали рядом, если это тебе будет легче проделать, — ласково проговорил он. — И скажи же мне наконец, ради Владык Воздуха, что в этом доме происходит? Харамис до сих пор не вернулась, ты вся разбита... Что случилось?

Майкайла осторожно поставила свечу на стол и куда менее осторожно плюхнулась в ближайшее кресло. Впрочем, в кресло ей попасть не удалось; она промахнулась и приземлилась прямо на пол. Прислонившись к креслу, она положила голову на сиденье и закрыла глаза. Делать еще какие-то движения — слишком тяжелый труд.

— Я сама толком не пойму, что произошло, — сказала она, — но как же мне больно!

— Про вчерашний дождь я уже знаю, — заговорил Узун. — А снегопад сегодня ночью — тоже твоих рук дело?

— Да, — угрюмо ответила Майкайла, — мне не хотелось, чтобы слуги скользили по льду и получали увечья. Никто ведь не пострадал, правда?

— Насколько мне известно, нет. Но рассказывай дальше.

— Когда я вызывала снег, мы с Файолоном были связаны.— Майкайла вдруг расплакалась.— Он зарисовывал магический стол, потому что этот стол гораздо лучше любой карты, какие можно разыскать в Цитадели. Ведь Файолон по-прежнему имеет право заниматься научными исследованиями, невзирая на то что мне приходится жить здесь, взаперти. Верно?

— Не вижу никаких причин, по которым ему нельзя было бы это делать,— отозвался Узун.— Если, конечно, он не собирается в одиночку отправляться в дебри Запутанной Топи или в какое-нибудь другое небезопасное место.

— Он никогда не пускается в рискованные предприятия,— фыркнула Майкайла.— Это я обычно вытворяю что-нибудь сумасбродное и совершаю самые разные глупости, а он как раз все время занимается тем, что вытаскивает всю компанию из тех передраг, в которые я ее ввергла.

— Очень ценное для друга качество,— утрировано прокомментировал Узун.

— Да.— Майкайла снова принялась плакать — на этот раз главным образом от обиды.— Но Харамис этого не понимает. Можешь ли ты поверить, что она и вправду отправилась сегодня к моим родителям и обвинила нас с Файолоном в безнравственном поведении?

— Но что заставило ее так подумать?

— Исключительно то, что в Цитадели начался снегопад в тот же самый момент, когда я вызывала снег. Она заявила, что мы с Файолоном в связи и связь эту она собирается разорвать, потом сняла со стены меч и...— Майкайла призадумалась.— Я не вполне уверена, что именно она после этого сделала; мне стало вдруг очень больно, и я упала в обморок, так что понятия не имею, что случилось с Файолоном, и очень за него волнуюсь.

— Заклинание, которое ты описала, очень простое,— проговорил Узун,— надо лишь взмахнуть мечом в воздухе как раз между двумя людьми и тем самым временно

разрубить связь, а потом отчетливо представить себе пламя, сжигающее пучок нитей, что связывает этих людей.

— Теперь я понимаю, почему так себя почувствовала,— сказала Майкайла.— У меня все болело — начиная от макушки и до самого живота.

— Но ниже талии у тебя ничего не болит? — спросил Узун.

— Нет. А почему там должно болеть? — спросила Майкайла в недоумении.— Я и так по горло сыта тем, что у меня болит вся верхняя половина туловища.

— В зависимости от того, какого рода связь существует между людьми,— объяснил Узун,— нити тянутся к различным частям тела. Например, если бы вы с Файолоном были женаты, то при разрыве связи ощутили бы боли в ногах, а раз твоя боль доходит только до талии, совершенно очевидно, что Харамис не права.

— Файолон ей это объяснил еще до того, как она начала размахивать мечом,— сказала Майкайла,— но разве она желает кого-нибудь слушать?

— Да, это отнюдь не лучшая ее черта,— согласился Узун,— но я за нее очень беспокоюсь.

— Оттого что она до сих пор не вернулась?

— Отчасти да, но главное не в этом. Я чувствую, с нею что-то не так. Вчера утром, как раз перед началом вашего урока, с ней случилось нечто вроде приступа. Ей следовало бы по крайней мере несколько дней отдохнуть, а она вдруг сорвалась и отправилась в Цитадель.

— И ведь дело не в том, что у нее была какая-то необходимость разобраться с вдруг выпавшим вокруг Цитадели снегом,— заметила Майкайла.— Даже среди зимы в тех краях он растаял бы не позднее, чем через пару часов после обеда, а ведь сейчас уже весна.

— У нее весьма своевольный характер,— признал Узун,— она привыкла все делать по-своему.— Он вздохнул.— Принцесса, тебе, наверное, уже легче; может быть, ты сумеешь найти силы, чтобы с помощью магии увидеть ее и узнать, как она?

— Не знаю,— медленно проговорила Майкайла.— Наверное, можно попытаться, хотя мне до сих пор еще плохо. Я чувствую внутри какую-то пустоту.

— Попытайся, пожалуйста,— начал умолять Узун,— если уж не ради нее, то хотя бы ради меня. Я б, конечно, сам все это проделал, если бы по-прежнему мог...

— Для тебя, Узун, я это сделаю.— Майкайла вытащила свой маленький шарик из-под платья.

«У меня нет никаких сил, чтобы разыскивать подходящую для глядения в воду чашу, и если я сейчас вообще смогу что-нибудь увидеть, то шарик для этого вполне подойдет»,— решила она и вслух добавила:

— Я по-прежнему уверена, что с ее стороны было крайне дурно оставить тебя слепым.

Впервые за всю историю их отношений Узун не стал спорить и не бросился защищать Харамис. Все время, пока Майкайла пристально вглядывалась в шарик, играющий отражениями огней камина, оддинг не произнес ни звука.

Вот она стоит в той самой комнате, что служила им для детских игр, посреди старинной башни Цитадели, и смотрит в окно в сторону горы Бром... В комнате темно, светит лишь одна свеча, стоящая где-то позади на полу. За окном слышен шум дождя. Видно, это именно из-за него на улице такая плохая видимость. Если кто из обитателей Цитадели и может оказаться в этой комнате — так только он.

— Файолон,— прошептала девочка.

— Майкайла? — прозвучал в ответ шепот мальчика.— У тебя все в порядке?

И тут вдруг она почувствовала себя превосходно. Голова уже не болит, живот тоже, да и это противное чувство внутренней пустоты моментально исчезло. Если, конечно, не считать того, что тут же навалилось сильнейшее чувство голода. Майкайла вспомнила, что после скудного завтрака совсем ничего не ела.

— Да, теперь мне совсем хорошо,— сказала она.— А ты как?

— Только что прошла боль,— отозвался он.— Наверное, это надо понимать так, что мы восстановили свою связь?

— Думаю, что да,— сказала Майкайла, оборачиваясь к арфе.— Узун, мы с Файолоном неожиданно перестали чувствовать боль. Означает ли это, что связь восстановлена?

— Да, именно так,— ответил тот.

— Ух ты,— воскликнул Файолон,— я слышу его голос!

— Очень хорошо,— проговорил Узун,— тогда слушай меня внимательно. Сперва ваша связь возникла оттого, что вы очень много времени проводили вместе, правильно?

— Почти что каждую минуту на протяжении семи лет, если только не спали,— подтвердил мальчик.

— И даже когда Харамис пыталась разлучить вас, вы оба очень хотели остаться вместе: постоянно думали друг о друге и даже старались разговаривать через пространство — и, насколько я понимаю, это вам удавалось, верно?

— Ты прав,— подтвердила Майкайла.

— Разорвать такую связь было бы в высшей степени трудно, даже если б связь эта не была такой мощной, если б вы оба не обладали такой огромной магической силой...

— Мы обладаем магической силой? — Майкайла с трудом перевела дух.— То есть я хочу сказать, что всегда знала, насколько талантлив в этой области Файолон, но я сама...

— Да-да, вы оба. Но даже если бы это было не так, разорвать подобную связь оказалось бы более чем трудно, потому что она существует уже много лет. Даже если бы вы оба желали ее разорвать и прилагали бы много сил для этого, бо́льшая часть нитей этой связи исчезла бы не раньше, чем через месяц, а то и два, а в чрезвычайных обстоятельствах, например в случае опасности, связь все равно возобновилась бы. Если бы ее хотел разорвать лишь один из вас, на это ушло бы не меньше полугода,

а то и год, а если б второй человек при этом еще и сопротивлялся разрыву, то в несколько раз больше.

— Значит ли это, что Харамис не способна разорвать ее? — с надеждой спросила Майкайла.

— Действуя против воли вас двоих? — сухо проговорил Узун. — Очень сильно в этом сомневаюсь.

— По крайней мере, сейчас она ничем не может помешать нам, это уж точно, — вставил Файолон. — Готов поклясться, что она даже не знает о том, что связь восстановлена.

— А что случилось с нею самой? — взволнованно спросил Узун. — Я чувствую: что-то случилось, что-то очень нехорошее!

— Мне очень жаль, Узун, — ответил Файолон, — я знаю, как ты к ней привязан... Врачеватели уверены, что со временем она вполне поправится, — торопливо добавил он. — Нынешним утром с ней случилось что-то вроде припадка или очень сильного душевного потрясения. Я, к сожалению, практически не видел, как все произошло; как раз в это время я корчился от боли прямо на полу. Могу только сказать, что она вдруг рухнула и теперь не может пошевелить ни единым мускулом на левой стороне тела. И еще она не способна теперь вызвать ламмергейеров — она хотела послать тебе весточку, Узун... Речь ее очень трудно понимать, потому что двигается лишь половина рта, а другая половина парализована.

Файолон помолчал и затем добавил:

— Я мог бы сам вызвать ламмергейеров, но боялся, что это только огорчит ее еще больше. Она и так мною очень недовольна.

— Есть там кому о ней позаботиться? — с тревогой в голосе спросил оддлинг.

— В основном ею занимается Айя да еще несколько лекарей из Зеленой Топи. Ей дают принимать препараты из яда болотных червей, чтобы разжижить кровь и предотвратить таким образом блокирование новых отделов мозга. Лекари сходятся в том, что последствия болезни большей частью могут быть устранены, то есть что она

со временем сможет двигать левой частью тела, снова обретет способность ходить и все остальное.

— А как насчет ее магических способностей? — спросила Майкайла.

— В данный момент, кажется, у нее их совсем не осталось.— Файолон пожал плечами.— А вернутся ли они потом, никому не известно. Узун, может быть, из этого следует, что Майкайла уже теперь стала Великой Волшебницей?

— О нет, только не это! — воскликнула Майкайла.— Я еще совершенно не готова стать волшебницей!

Узун призадумался над вопросом.

— По-видимому, нет,— ответил он наконец.— Если б сила передалась Майкайле, она бы это почувствовала. Остается только ждать. Что будет, то будет.

— Что значит «если б сила передалась Майкайле»? — переспросил Файолон — Что Майкайла автоматически станет волшебницей, как только Харамис умрет?

— Да,— ответил Узун,— если, конечно, Харамис права в том, что ее преемницей должна стать именно Майкайла. Если же она ошибается, сила перейдет к кому-нибудь другому — к тому, кому действительно надлежит стать Великой Волшебницей.

— Не хочешь ли ты сказать, что неизвестно кто может вдруг обрести эту силу, а мы даже не будем об этом догадываться? — произнесла Майкайла.

— Теоретически это возможно, но на практике почти невероятно,— уверенно ответил Узун.— Я больше чем уверен, что именно ты должна будешь занять место Харамис.

— А что случится с тобой, если умрет Харамис? — спросила Майкайла.— Я хочу сказать, что раз уж она сделала тебя арфой с помощью заклинания и таким образом продлила твою жизнь усилиями собственной воли и соответствующими действиями, не умрешь ли и ты вместе с нею? — Майкайла, почувствовав вдруг себя совсем беззащитной, пододвинулась к Узуну и обняла рукой переднюю стойку его рамы.— Тебе что-нибудь известно о том заклинании, которым она воспользовалась?

— Его можно найти в библиотеке в одной из книг, — сказал Узун. — Завтра ты можешь этим заняться. А сейчас, юная госпожа, стоило бы тебе что-нибудь проглотить и отправиться спать. Это же касается и тебя, лорд Файолон, — добавил он, — ты успел сегодня хоть что-нибудь съесть?

— После завтрака — ничего, — сказал Файолон, — сперва было слишком больно, а потом все бросились суетиться вокруг госпожи Харамис, и мне захотелось только одного — уединиться, и вот я пришел сюда...

— Сюда — это куда? — переспросил Узун.

— Сюда? — повторил мальчик. — Ах да, ты же не можешь меня увидеть. Извини. Я в старой казарме гвардейцев, на самом верху башни. Вы с принцессой Харамис проходили через эту комнату, спасаясь от захватчиков; я сейчас в той комнате, что двумя этажами ниже того места, где вы сели на ламмергейеров, чтобы улететь.

— Да, очень хорошо ее помню, — сказал Узун. — Гвардейцы там больше не живут?

— Нет, здесь совершенно пусто, не считая нескольких предметов прежней мебелировки. Мы с Майкайлой много лет пользовались этой комнатой для игр.

— Ну да, понимаю, — проговорил Узун, — и наверняка тебя никто не станет мучительно разыскивать, если ты куда-нибудь исчезнешь.

— Нет. Поскольку, чтобы сюда попасть, пришлось бы преодолеть семнадцать лестничных пролетов, никто из слуг не удосужится пойти за мной. Нас с Майкайлой никто и никогда не пытался разыскивать. Лишь бы мы вовремя появлялись за столом, а чем уж мы будем заниматься в перерывах между трапезами — это мало кого интересует.

— Прекрасно, — сказал Узун, — я хотел бы, чтобы ты сделал вот что. Сейчас поешь и отправляйся спать; тебе не меньше, чем Майкайле, следует собраться с силами, а потом, с утра, отправляйся к Харамис. Скажи, что видел меня во сне и я сказал тебе, что знаю о болезни Харамис и что сам позабочусь о Майкайле и буду обучать ее до тех пор, пока Белая Дама не сможет вернуться домой.

— Ладно,— согласился Файолон.— Такая версия должна пройти без всяких затруднений. Она наверняка решит, что этот сон ты сам послал мне, и, считая, что ты пользовался своей собственной магической силой, не станет интересоваться, не восстановили ли мы с Майкайлой нашу связь.

— Но если вдруг об этом задумается,— возразила Майкайла,— она ведь обязательно поймет, что связь восстановлена. Узун, ты же сам говорил, что она не способна разорвать нашу связь, если только мы сами не станем помогать ей.

Легкий перезвон прошел по струнам арфы.

— Она вполне способна поверить, что вы станете помогать ей только потому, что она так велела. А поскольку сейчас у нее тяжелый приступ, она наверняка и вовсе об этом не станет задумываться. Может быть, она вообще сейчас не сможет ни о чем думать.

Глава 11

Харамис проснулась и увидела заливающий всю комнату свет. Ей показалось это очень странным, ведь в ее спальне никогда не было окна. Нет, все правильно, так и должно быть: солнце все время вот так же заливало комнату, и, будучи еще совсем маленькой девочкой, она играла в этих ярких лучах, рисуя таинственные знаки на запылившейся мебели. С телом что-то не так; какое-то странное чувство, будто бы долго спала в неудобной позе. Левая рука и нога спят до сих пор и не желают просыпаться. Кажется, ими и вправду невозможно пошевелить. С большим трудом, из-за того, что половина мышц не слушалась, Харамис отвернула голову от слепящего солнечного света и увидела сидящего с правой стороны кровати мальчика. «Кажется, я его уже знаю»,— подумала она и все-таки не смогла сразу понять, кто это такой.

— Где моя мама? — спросила Харамис.— И где Имму? Где мои сестры? — Она почти не обратила внимания, что говорит очень невнятно.

Впрочем, мальчик, кажется, без труда понял каждое слово, но почему-то сильно побледнел и издал тяжелый вздох:

— Вы понимаете, где находитесь, госпожа?

— Обращаясь ко мне, надлежит говорить «принцесса», а не «госпожа». Или ты не понимаешь, с кем разговариваешь?

— Э-э-э...— Мальчик на мгновение запнулся и вдруг выпалил: — Как вы считаете, кто вы такая?

— Уж я-то прекрасно знаю, что я принцесса Харамис, наследница трона Рувенды,— вскипела она.— А вот кто такой ты? И что ты вообще здесь делаешь?

Харамис обвела глазами комнату. Как это она оказалась здесь наедине с этим бестолковым мальчишкой?

— И кто это сменил в моей комнате занавески? А где все остальные? Где Узун?

— Узун в башне,— поспешно заговорил мальчик.— Он явился мне во сне прошлой ночью и сказал, что ему известно о вашей болезни. Он велел передать вам, что позаботится о принцессе Майкайле и станет ее обучать, так же как это делали бы вы сами, до тех пор, пока вы не будете в состоянии вернуться.

— Кто такая Майкайла? И ты кто такой?

— Майкайла — это... м-м-м... ваша дальняя родственница. Вы обучали ее магии, пока не заболели. А я — лорд Файолон Барский.

— Ах так, значит, ты имеешь отношение к моей помолвке? — спросила Харамис.— Ты сюда приехал вместе с ним?

— С принцем Фиомакаем? — Мальчишка, видно, все еще чувствовал себя неловко.— Мы с ним тоже дальние родственники, но, к сожалению, сейчас его здесь нет.

— Так когда он появится? Нам уже скоро справлять помолвку.

— Не знаю,— сказал Файолон,— но мне не следует оставаться здесь и утомлять вас разговорами; я должен был только пересказать вам все, что велел сообщить господин Узун. Почему бы вам не постараться отдохнуть, госпожа...

то есть я хочу сказать, принцесса. Я сейчас скажу экомке, что вы уже проснулись.

— Имму наверняка будет изо всех сил стараться напичкать меня своими несносными лекарствами.— Харамис сделала гримасу.— Давно я заболела? И вообще, что со мной?

Мальчик ушел, ничего не ответив, кажется, он только и ждал момента, чтобы выскользнуть из этой комнаты.

Харамис вздохнула. Что-то слишком уж странное тут творится. Однако она устала. Очень, очень устала — чересчур, чтобы о чем-то беспокоиться. И Харамис вновь погрузилась в сон. Такая сонливость очень ее удивила бы, если бы у нее еще оставались силы на то, чтобы удивляться.

Майкайла мучилась над тарелкой с завтраком, притащив ее с собой в кабинет, чтобы быть поближе к Узуну. Чувствовала она себя еще довольно вялой, но что ж тут удивительного: такие события, как вчера и нынешней ночью, утомили бы кого угодно. Жуткая боль, вызванная разрывом связи с Файолоном, правда, тут же прошла, как только связь восстановилась, но тело еще не вполне оправилось от всех этих передраг.

Спрятанный под платьем на груди шарик начал вдруг делаться все теплее и теплее, и в тот же момент раздался голос Узун:

— Что это там за шум?

Майкайла выудила шарик из-за выреза платья. Он трясся как заводной и издавал, несмотря на свои крошечные размеры, почти что колокольный звон.

— Видно, Файолон старается меня вызвать,— объяснила она.— Эти маленькие шарики мы нашли однажды в развалинах, исследуя Черную Топь. Каждый из них размером примерно с ноготь моего большого пальца,— добавила Майкайла, вспомнив, что Узун ничего не видит.— Что-что, а уж глаза-то Харамис, по крайней мере, должна была тебе дать,— в очередной раз посокрушалась она, чувствуя горькую обиду за Узун. Арфа ответила молча.— Те два, что мы с Файолоном взяли,— со вздохом

продолжила она свои длинные описания,— как раз пары друг другу. Это, видно, какое-то приспособление, которым Исчезнувшие пользовались, чтобы общаться на расстоянии. Хотя мне кажется, что мы с Файолоном разговариваем через гораздо большее пространство, чем то, для которого эти шарики предназначены.

Шарик затрясся еще сильнее, раскачиваясь взад-вперед на ленточке, хотя Майкайла совершенно не двигала его.

— Лучше я погляжу, чего от меня хочет Файолон; похоже, он сильно расстроен. — Она опустила взгляд на шарик и увидела направленные на нее глаза мальчика.

— Так вот ты где, Майка,— сказал тот.— Что-то ты сегодня не торопишься мне ответить!

— Я как раз завтракала,— мягко начала Майкайла,— а в чем дело?

— Узун там, рядом с тобой?

— Я здесь,— отозвался оддлинг.— Что-то с Харамис? Ей что, хуже?

— Видите ли, дело в том, что она, похоже, не помнит ни меня, ни Майку, что само по себе можно было бы считать даже добрым знаком,— пустился в объяснения Файолон,— но когда я сообщил, что я из Вара, она вдруг спросила, не сопровождаю ли я ее суженого и где он сам, ее мама, сестры и Имму. Имму ведь, кажется, была экономайкой еще в бытность Харамис совсем маленькой девочкой, верно? Это ведь та самая Имму, что отправилась с принцессой Анигель на поиски талисмана?

— Да, да,— подтвердил Узун.— Так, значит, ты хочешь сказать, Харамис уверена, что она до сих пор маленькая девочка?

— Похоже, она думает именно так,— нервно продолжал Файолон.— Она начала спрашивать, кто сменил в ее комнате занавески. Значит, как я предполагаю, ее уложили в постель в той самой комнате, что служила ей спальней в детстве. Это, видимо, и способствовало такому повороту мыслей Харамис. Кстати, когда я назвал ее госпожой, она сделала мне выговор и заявила, что обращаться к ней следует не иначе как к принцессе, и доба-

вила, что она — наследница трона Рувенды.— Файолон вздохнул.— Я передал ей ваши слова, господин Узун, и постарался как можно быстрее убраться, чтобы не пришлось объяснять, что большинство людей, о которых она спрашивает, мертвы уже больше двух столетий.

— Ничего себе! — сказала Майкайла.— Это же просто невероятно! Она даже не знает, что она Великая Волшебница?

Девочка призадумалась. «Что ж, в таком случае я, наверное, смогу отсюда выбраться. Хотя, пожалуй, мне не подобает так поступать...»

— Если она меня не помнит,— снова заговорила Майкайла,— надо ли мне продолжать свои занятия и готовиться стать волшебницей?

— Да, конечно, надо,— ответили одновременно Узун с Файолоном.

— Но ведь раз она забыла обо мне, пожалуй, может выбрать и кого-нибудь другого,— с надеждой в голосе продолжала Майкайла.

— Не надейся,— ответил Файолон.— В настоящее время она и собственное имя не очень-то хорошо знает.

— А сегодня, кстати, ты собиралась найти заклинание, с помощью которого она обратила меня в арфу,— напомнил Узун.

— Да, верно,— сказала Майкайла. «Даже если Харамис и забыла обо мне, я не собираюсь бросать здесь Узун. Он такого обращения отнюдь не заслуживает»,— решила она.— Да, я вспомнила, мы как раз говорили об этом прошлой ночью.— Она сделала магический знак, отправляя грязную посуду на кухню.— Файолон, у тебя есть ко мне какие-нибудь поручения?

— Когда будешь в библиотеке, посмотри, не найдешь ли чего о приступах, болезнях мозга и потере памяти,— попросил он.

— Посмотрю,— пообещала Майкайла.— Но медицина, кажется, не относится к вещам, которые интересуют Харамис. И все-таки, пока она больна, я буду продолжать рыться повсюду. Посмотрим, что удастся найти. Навер-

няка тут множество интересных вещей, которые она не удосужилась мне показать.

— А я проверю остатки здешней библиотеки — то, что еще не успел прочитать, — сказал Файолон. — Это, по крайней мере, займет нас до сегодняшнего вечера и не даст дурным мыслям лезть в голову.

— Послушай, — медленно заговорила Майкайла, — она ведь действительно тяжело больна, верно?

— Да, но не стоит так волноваться, Майка. Доктора утверждают, что со временем Харамис вполне поправится.

— И сколько же должно пройти времени?

— Я полагаю, надо рассчитывать не меньше чем на несколько месяцев, — сказал Файолон. — Врачеватели точно не говорят, но по их настроению можно сделать именно такой вывод.

— Несколько месяцев, — повторила Майкайла, изо всех сил стараясь сохранять скорбное выражение лица. Внутри у нее все сияло и пело. Месяцы! И все это время — в спокойствии, без опеки Харамис, вечно цепляющейся к ней, шпионящей, бросающей строгие взгляды через стол во время еды, стремящейся сделать из своей подопечной нечто такое, чем Майкайла вовсе не является и не желает становиться.

— Ну что ж, когда она достаточно поправится, чтобы вспомнить меня, передай мои наилучшие пожелания.

— И мою огромную любовь, — быстро добавил Узун.

— Передам, — пообещал Файолон. — Уж тебя-то, Узун, она, по крайней мере, помнит. Это хороший признак, правда? — Мальчик вздохнул. — Что ж, пойду копаться в пыли библиотеки. Если услышишь кашель из своего шарика, Майка, не обращай внимания.

— Хорошо, — усмехнулась Майкайла, — удачи тебе в поисках. Если сама что-нибудь найду, сразу тебе сообщу.

— Удачи тебе, — отозвался Файолон.

Он убрал шарик, и лицо его исчезло из поля зрения Майкайлы, а когда шарик оказался под рубашкой, она вообще перестала видеть что-нибудь в своем, кроме отражения окружающих предметов.

— Пойду в библиотеку,— произнесла Майкайла, вставая.— К полднику обязательно вернусь сюда. Скажу Энье, чтобы всякий раз подавала еду в кабинет — до тех пор, пока мы тут обитаем вдвоем. Если, конечно, ты не предпочитаешь больше времени проводить в одиночестве.

— Разумеется, нет,— энергично сказал Узун.— В одиночестве я провел уже достаточно времени — слишком много для одной жизни.

— Не сомневаюсь, что это именно так,— горестно вздохнула Майкайла.

«До сих пор в голове не укладывается, как Харамис могла сделать такое, а ведь говорит, что любит его. И у нее после этого еще язык поворачивается рассуждать о чьем-то эгоизме»,— подумала она и добавила вслух:

— Я в первую очередь займусь поисками того заклинания, с помощью которого она обратила тебя в арфу.

На это ушло несколько дней, но в конце концов Майкайла разыскала книгу, в которой, по всей вероятности, такое заклинание должно было быть. Теперь книга лежала перед ней на обеденном столе, но Майкайла подождала, пока Энья выйдет, и лишь затем открыла ее. Полдник оказался на редкость скудным — всего лишь хлеб с сыром да нарезанный ломтиками плод ладу на десерт.

«Если в ближайшие два-три дня еда не улучшится,— подумала девочка,— я сама отправлюсь на кухню и поговорю с поваром, а пока, пожалуй, диета из хлеба с сыром не должна мне повредить».

— Узун,— проговорила она, шагая вокруг арфы и внимательно ее разглядывая,— вот эта костяная накладка на верхушке твоей рамы — она ведь когда-то была твоим черепом, так?

— Думаю, что так, принцесса,— ответила арфа.— Но я был без сознания в то время, когда проводилась эта часть магического ритуала.

— Ты не станешь возражать, если я слегка тебя наклоню, чтобы лучше рассмотреть? — спросила Майкайла.

— Можешь меня наклонить,— сказал Узун,— только будь осторожна, не урони.

— Я аккуратно,— пообещала девочка. Она крепко взялась за арфу — одной рукой за верхнюю перекладину рамы, а другой обхватила ее сзади и прижала инструмент к груди. «Теперь, если он даже и упадет, то, по крайней мере, приземлится на меня»,— решила она.

Майкайла занялась тщательным изучением кости, то и дело переводя взгляд с арфы на рисунок в книге, лежащей на соседнем столе. Покончив с этим, она осторожно поставила Узуна на место, в его обычное вертикальное положение, не отпуская рук до тех пор, пока не убедилась, что арфа стоит устойчиво.

— Это действительно похоже на макушку черепа,— проговорила она наконец.— Извилистые линии на кости соответствуют тем, что нарисованы в книге. И если этой книге верить, для того, чтобы сделать заклинание действенным, была необходима еще и кровь — наверное, Харамис воспользовалась своей собственной,— которую полагается залить в тоненький желобок посередине верхней части рамы.

— Похоже, так и было,— сказал Узун.— Эту часть ритуала я помню. Я умирал, а Харамис стояла над душой у мастера, заканчивавшего изготовление арфы, и велела ему поторапливаться. Когда мастер завершил работу, на верхней части арфы все еще оставалось незакрытое отверстие. Я хорошо помню, как Харамис надрезала себе руку и держала ее так, чтобы кровь стекала в отверстие... Да, это мое самое последнее воспоминание. В тот момент у арфы еще даже не было струн.

— Наверняка она их натянула за то время, пока насекомые объедали мясо с твоих костей,— проговорила Майкайла, с аппетитом пережевывая ломтик плода ладу.

— Насекомые? — В голосе Узуна чувствовалось невероятное возмущение.

— Да, они с этой работой справляются гораздо быстрее и аккуратнее, чем человек или оддлинг. Гораздо эффективнее просто погрузить тело в бочку с землей, перемешанной в соответствующей пропорции с нужными насекомыми вроде муравьев. И через пару дней получишь аккуратненький чистый скелет.

— Харамис всегда руководствовалась в основном соображениями эффективности,— еле слышно пробормотал Узун,— а судя по тому, с каким аппетитом ты продолжаешь уплетать полдник, рассуждая на эти темы, я готов предположить, что ты под стать ей: у тебя полностью отсутствует чувство брезгливости.

— Ну, Узун,— заметила Майкайла,— ты ведь не был все это время в сознании. Ты даже не был тогда жив.

— О да, слава Владыкам Воздуха! — с содроганием проговорил он.

— Ну ладно, теперь я знаю, каким образом она обратила тебя в арфу.— Майкайла снова погрузилась в книгу.— И кстати, как давно все это было? Насколько я припоминаю, она говорила, что тогда впервые воспользовалась великой силой магии.

— К тому времени она уже была Великой Волшебницей около двух десятилетий,— сказал Узун после продолжительного размышления,— поэтому я бы не сказал, что это было ее первое мощное заклинание. Хотя не сомневаюсь, что в тот раз она впервые воспользовалась магической силой в собственных интересах,— медленно добавил он.— Принцесса, если вдруг тебе не удастся изготовить для меня новое тело, сможешь ли ты освободить мой дух после смерти Харамис?

— Без труда,— ответила Майкайла.— Для того чтобы тебя освободить и отправить в следующую стадию существования, какой бы она там ни была, нужно будет лишь снять этот кусочек кости с верхушки арфы, стереть его в порошок и развеять по ветру. А я,— добавила она с жаром,— вовсе не Харамис. Я сразу же освобожу тебя, как только пожелаешь, невзирая на то, насколько сильно мне будет тебя не доставать! — Неожиданно девочка расплакалась и никак не могла остановиться.— Прости, Узун,— всхлипывала она,— сама не понимаю, что со мной.

— Мне кажется, ты куда больше волнуешься о Харамис, чем хочешь признаться даже самой себе,— мягко проговорил он.

— Но я не чувствую к ней совершенно никакой симпатии,— сказала Майкайла, продолжая всхлипывать,—

а она — она меня ненавидит! Критикует на каждом шагу. Что бы я ни делала, это никогда не бывает хорошо. А если уж я вдруг сделаю что-нибудь лучше, чем она от меня ожидала, наша госпожа тут же превращается в какую-то ведьму. Она забрала меня из дома, оторвала от семьи, держит тут вот уже два года взаперти — я ведь не могу даже выйти во двор, потому что у меня нет никакой одежды, кроме легонького домашнего платья да пары ночных рубашек! Она отослала подальше моего лучшего друга, пыталась разорвать связь между нами и причинила обоим огромную боль. И знаешь ли, Узун, что во всем этом самое скверное? Она ведь ждет от меня благодарности! Вот уж этого я совсем не могу понять!

— Она старается дать тебе то,— вздохнул Узун,— что, как ей кажется, сама хотела бы получить в твои годы; поэтому-то она и ждет от тебя благодарности.

Майкайла несколько минут сидела молча, обдумывая слова оддлинга.

— Знаешь, тут ты совершенно прав. Она даже говорила об этом. Я теперь отлично это припоминаю: что-то вроде того, что сама она отдала бы все на свете, чтобы получить такие возможности, которые предоставляет мне. Пожалуй, она действительно ни перед чем не остановилась бы ради этого. Это же самый жестокосердный человек из всех, кого мне только доводилось встречать.— Майкайла протянула руку за последним кусочком ладу и отправила его в рот.— Может быть, она думает, что и ты должен быть ей благодарен за то, что она обратила тебя в арфу?

— Я думаю, теперь она чувствует себя немного виноватой. Особенно с тех пор, как здесь появились вы с Файолоном и так ясно высказались на этот счет. Думаю, она очень жалеет, что сделала меня слепым.

— Ну уж сейчас-то,— фыркнула Майкайла,— держу пари, она куда больше жалеет, что сделала тебя неподвижным и неспособным отправиться в долгое путешествие. Из слов Файолона я поняла, что она тебя помнит, но, видно, совершенно забыла, что ты теперь арфа. Как тебе ка-

жется, долго ли она протерпит, прежде чем начнет требовать, чтобы ты явился в ее комнату?

— Если она не помнит, что обратила меня в арфу,— вздохнул Узун,— то наверняка начнет спрашивать меня, как только проснется.

— А если вдруг вспомнит, что ты арфа,— добавила Майкайла,— то наверняка начнет сразу же строить планы насчет того, как бы тебя запаковать и перевезти в Цитадель.

Узун почти что задрожал — насколько это вообще возможно для арфы.

— Путешествие на спине ламмергейера было для меня просто ужасом, даже когда у меня еще были руки, чтобы держаться за птичью шею, а уж теперешнее мое тело вряд ли вообще сможет пережить перепады температуры и влажности.

— Никто тебя не посмеет никуда отправлять, если, конечно, мое слово вообще что-нибудь значит,— пообещала Майкайла. «А действительно, значит ли оно здесь хоть немного?» — подумала она.— Узун, а кто тут остается за главного в отсутствие Харамис или когда она больна?

— Не знаю,— ответил он,— прежде таких ситуаций не возникало.

— Пожалуй, для нас обоих было бы лучше убедить слуг, что сейчас следует слушаться меня,— сказала девочка.— Разумеется, с тем условием, что я прислушиваюсь к твоим советам, поскольку ты занимаешься моим обучением.

«При таком раскладе я, может быть, сумею раздобыть себе теплую одежду,— добавила она про себя,— и получу наконец возможность выходить время от времени на улицу».

— В этом есть смысл,— согласился оддлинг.— В конце концов, Харамис объявила, что ты ее преемница.

— Хорошо,— решительно заявила Майкайла.— Тогда я буду просто вести себя так, словно вся ответственность лежит теперь на мне. Ты меня поддержишь, и будем надеяться, что никто вообще не задаст никаких вопросов. А как только у всех войдет в привычку меня слушаться,

любой приказ Харамис поступить с тобой вопреки твоему желанию обязательно попадет ко мне, а не к кому-нибудь еще... А что касается нового тела для тебя,— заговорила снова Майкайла, как будто ее неожиданно осенило,— ты, кажется, сказал, что Харамис уже была волшебницей пару десятилетий, прежде чем обратила тебя в арфу?

— Да,— сказал Узун.— Это имеет какое-то значение?

— А что, Харамис всегда так сильно интересовалась книгами, как теперь?

— Да. С того самого дня, как научилась читать, она всегда что-нибудь изучала. Не позже чем к четырнадцати годам Харамис успела перечитать все книги в библиотеке Цитадели — по меньшей мере по одному разу.

«А я прочитала всего около четверти,— подумала Майкайла.— Ничего удивительного, что Харамис считает меня ленивой и тупой. Но ведь у меня полно других интересов — куда больше, чем у нее».

— А с тех пор как сделалась волшебницей, она все время жила здесь, в башне?

— Харамис переехала сюда сразу же, как только Анигель сделалась королевой. К моменту коронации сестры она уже была Великой Волшебницей, пожалуй, около месяца. Но еще во время поисков талисмана она провела здесь достаточно времени вместе с Орогастусом.

— Значит,— заявила девочка, переходя к сути дела,— к тому моменту, когда ты был обращен в арфу, Харамис наверняка уже успела прочитать все книги и в этой библиотеке, так?

Несколько секунд стояло напряженное молчание. Потом струны Узун начали вибрировать, издавая звук, исполненный такого отчаяния, что по спине у девочки пробежали мурашки.

— Да-да-да...— прошептала арфа.— Она прочитала их все до одной. Следовательно, никакого другого заклинания не существует.

— Вовсе не обязательно,— проговорила Майкайла, стараясь, чтобы ее голос звучал как можно убедительнее.— Но заговор этот найдется наверняка не в библио-

теке, а где-нибудь еще. Сегодня вечером я начну исследовать все закоулки башни. Тут множество вещей, которые совершенно не интересовали Харамис, и я не сомневаюсь, что именно среди них мы найдем ответы на все жизненно важные вопросы.

Узун вздохнул:

— Что верно, то верно. Все, что не является книгой или музыкальным инструментом, Харамис оставит, пожалуй, совсем без внимания. Только будь очень осторожна, когда начнешь лазить по всяким закоулкам. Орогастус собрал тут множество самых разных вещей, и некоторые из них смертельно опасны.

Глава 12

Майкайла решила начать поиски сверху и постепенно продвигаться вниз. Самые интересные вещи наверняка собраны в нижних этажах и в подвале, но кто его знает, может быть, и наверху найдется что-нибудь стоящее. За все то время, пока Майкайла пробыла в башне, Харамис никогда не выходила за пределы средних этажей. Самые верхние ярусы оказались переполнены всевозможным хламом — покрытыми толстым слоем пыли сундуками со старым тряпьем (Майкайла однажды провела целый вечер, развлекаясь тем, что переодевалась в самые разные костюмы, которые по большей части были ей велики), набитыми старомодной посудой. Один сундучок оказался полон странных, шитых серебром одеяний, комплект которых дополнялся перчатками и парочкой таких же странных и тоже серебряных масок. Это, очевидно, был набор из двух парных костюмов — одного для мужчины и одного для женщины. На ощупь они оказались сделанными из какого-то странного и необычного материала; у Майкайлы даже мурашки побежали по спине от этого прикосновения. Она аккуратно засунула костюмы обратно, даже не подумав их примерить. «Они что, тоже принадлежали Орогастусу? — задумалась она. — Я почти уверена в

этом; но для кого тогда тот второй, женский? Не надевала ли его когда-нибудь Харамис?»

После нескольких недель тщательного обследования всей башни, за исключением спальни Харамис — Майкайла знала, что та не на шутку разозлилась бы, если бы ее подопечная начала там рыться без разрешения, — она наконец добралась до самого нижнего уровня. Девочка очень надеялась, что именно там устройства Исчезнувших, а Узун совершенно определенно говорил, что Орогастус всю жизнь собирал их и доставлял сюда. Поскольку эту коллекцию она до сих пор не нашла, значит, все собранное Орогастусом хранится где-то на нижнем уровне башни, а может быть, и под ним. Что находится там, ниже этого самого первого уровня, она не знала, но решила в конце концов выяснить.

Майкайла шагала по винтовой лестнице, сложенной, как и вся башня, из камня, вниз. Ее очень удивило, что лестница идет не только до самых конюшен, которые казались ей самым нижним из уровней башни, но и куда-то еще дальше. Здесь, однако, лестница разделилась на две. Одно ответвление выходило на площадь, а другое, изгибаясь, продолжало углубляться куда-то дальше, под тот настил с наклонной поверхностью, что выводил из конюшен к площади.

Под конюшнями оказалась обширная кладовая — размерами во все пространство основания башни. Майкайла произнесла заклинание, зажигавшее свет во всех остальных помещениях, и загорелась единственная лампа, свешивающаяся с потолка. Огонек мерцал довольно тускло и постоянно мигал; лампу давно следовало привести в порядок, вычистить и подрезать фитиль.

В тусклом свете девочке все-таки удалось рассмотреть содержимое комнаты. В ней оказалось полно корзин и бочек, нагроможденных совершенно хаотично. На каждой такой емкости была соответствующая надпись, сделанная большими, легко читаемыми даже при этом тусклом свете буквами. Вернее, они были бы читаемы, если бы хоть одно слово оказалось написанным на знакомом девочке языке.

«Все это не похоже на домашнюю кладовку для удовольствия, — подумала Майкайла, вздыхая и оглядываясь по сторонам. — Не иначе как мне придется вскрывать каждую емкость, чтобы понять, что там внутри».

Пол устлала плиты из какого-то странного серебристо-черного материала. Майкайла никогда не видела ничего подобного. У нее возникло ощущение, что об этих плитах следует непременно что-то узнать, что-то очень важное, но что именно, она пока еще не могла понять. «Что ж, это понимание придет потом», — подумала она.

Девочка прошла в дальний конец комнаты. «Лучше начать с самого отдаленного угла и постепенно продвигаться обратно... Владыки Воздуха, да что же это такое?»

«Это» оказалось длинным туннелем в самой задней части комнаты, ведущим куда-то в сторону башни. Судя по направлению хода и по монолитным каменным стенам, он, очевидно, уходит прямо в центр горы. По бокам со вбитых в стены штырей свисали лампы, расположенные на одинаковом друг от друга расстоянии, но ни одна из них не горела.

Майкайла прошептала магическое слово, зажигавшее все светильники наверху, и, к огромной ее радости, здесь оно тоже подействовало. Лампы в туннеле начали оживать по очереди, начиная с той, что висела ближе всего к Майкайле, и дальше вглубь, как если бы огонь постепенно передавался от одного светильника к другому. Из головы девочки мгновенно вылетели все предупреждения Узуна, и, не обращая внимания на холодную как лед поверхность скалы под ногами, обутыми в легкие тапочки, она заспешила вперед, к дальнему концу туннеля.

Ход этот закончился покрытой изморозью дверью. Она была почти вдвое выше девочки. Майкайла ухватила за огромное кольцо, служившее дверной ручкой, и потянула всю эту громадину на себя. Дверь неохотно подалась, петли жалобно закрипели, как будто им стало больно от такого резкого и ставшего уже непривычным движения, но Майкайла ни на что не обращала внимания и быстро протиснулась внутрь.

Оглядевшись, она увидела, что попала в большой сводчатый зал с каменными стенами, в швах каменной кладки которых виднелись вкрапления горного льда. Пол устилали ровные плиты из черного камня; тот же камень послужил материалом и для встроенных в стены шкафов, а также дверей, которые, по-видимому, вели в соседние комнаты. К одной из таких дверей и приблизилась Майкайла. Она толкнула ее, но с таким же успехом могла толкнуть стену. Ни единого выступа, за который можно было ухватиться и потянуть на себя, на двери не было — лишь маленький желобок вдоль одного края. И тут Майкайла наконец сообразила, что эта штукавина предназначена для того, чтобы отодвигать ее в сторону, а не толкать или тянуть на себя. Она вставила пальцы в желобок, и дверь подалась неожиданно легко.

Открывшаяся за нею комната оказалась совсем маленькой, всего лишь около шести шагов в длину, и жутко холодной. «Все же мне абсолютно необходимо раздобыть теплую одежду», — подумала Майкайла, пряча ладони под мышки и переминаясь с ноги на ногу. Того и гляди подхватишь простуду. Но зато теперь перед ней, пожалуй, самые интересные вещи, какие только приходилось в жизни встречать. Знает ли о них Харамис?

Большая часть стены, которую она рассматривала, скрывалась под слоем льда, но темно-серого цвета участок в самой середине оставался довольно чистым. На темной блестящей поверхности Майкайла видела собственное тусклое отражение.

— Что это такое? — прошептала она почти что благоговейно.

Прямо у нее на глазах зеркало вдруг посветлело, и откуда-то изнутри его раздался голос. Был он на удивление тихим, и Майкайле даже сперва показалось, что это только игра ее воображения.

— Сделай запрос, пожалуйста.

«Это сон», — подумала девочка. — А может, все дело в том, что я слишком много времени проводила с говорящей арфой. Зеркала не умеют говорить... Может, это какая-то необычная разновидность устройства, чтобы сле-

дить за происходящими где-то далеко событиями? Как бы мне хотелось, чтобы здесь был Узун! Если бы он оказался здесь, то наверняка сразу же пожелал бы увидеть Харамис».

— Я хочу видеть Харамис,— сказала она вслух.

— Вызвать изображение принцессы Харамис? — шепотом осведомился голос.

Майкайла невольно вздрогнула: голос этот явно не принадлежит ни человеку, ни одлингу...

— Да,— решительно проговорила она.

— Сканирую...

В зеркале появилось изображение Харамис. Цвета выглядели довольно тусклыми, но все-таки каждая деталь была ясно различима. Майкайла сразу узнала комнату для гостей в Цитадели, в которой спала Харамис. Рядом, возле кровати, сидела Айя, присматривая за своей подопечной. Девочка заметила, что заклинание, которым Харамис постоянно пользовалась в присутствии других людей для изменения внешности, сейчас не работает, но дыхание волшебницы, судя по звуку, остается глубоким и равномерным.

Изображение вдруг исчезло, и еле слышный голос шепотом сообщил:

— Системы энергопитания разряжены. Для продолжения работы требуется подзарядка или использование солнечных батарей.

«Какое совпадение,— усмехнулась про себя Майкайла,— солнце нужно и мне. Похоже; я совсем замерзаю!»

Она заставила себя подняться, вышла из комнаты, потом быстро миновала похожий на пещеру коридор и снаружи навалилась плечом на ведущую в него дверь, ибо опасалась, что, если дверь оставить открытой, расположенные в подземелье приборы могут пострадать от перемены температур или влажности.

Освещающие туннель огни едва теплились. «Да это вообще чудо, что они хоть как-то горят,— подумала Майкайла, торопясь скорее добраться до теплых помещений.— Готова поклясться, что слуги сюда никогда не заглядывают. Надо будет расспросить обо всем этом Узу-

на, может быть он хоть что-нибудь знает. И первым делом принять горячую ванну. А уж прежде чем снова сюда спустись, я обязательно должна раздобыть теплую одежду, зимние сапоги, да и перчатки тоже!»

Когда она наконец отогрелась, воспользовавшись ванной в той самой комнате, где принимала водные процедуры Харамис, время обеда уже прошло. Майкайла надела сразу два домашних платья и отправилась побеседовать с Узун, задержавшись только на несколько минут возле кухни, чтобы захватить поднос с едой, а заодно кувшин горячего сока ладу.

— Узун,— спросила она, перекусив и выпив полкувшина сока ладу, после чего почти пришла в себя,— ты когда-нибудь слышал о пещере в горе под этой башней?

— Да,— неторопливо ответил он,— Харамис мне говорила, что Орогастус поклонялся силам Тьмы в здешних пещерах из черного льда и что там у него было магическое зеркало, которое позволяло видеть любого человека или оддлинга в нашем королевстве, стоило лишь назвать его имя. С помощью этого зеркала он показывал Харамис ее сестер.

— Значит, то, что показывает зеркало, происходит на самом деле?

— Насколько мне известно, да. Я так понимаю, что ты его нашла? Мне казалось, уже много лет, как оно перестало работать. Ну и что же ты там увидела?

— Харамис, спящую в комнате посреди Цитадели, и Айю — это одна из тамошних служанок,— сидящую возле ее кровати.

— Айю я знаю,— произнес Узун,— это сестра Эньи.

— Правда? — Майкайлу это озадачило, и она призадумалась. «Вероятно, Покровительница не так уж всевидяща, как хочет нам показать. Просто у нее полно шпионов по всему королевству».

— Как выглядела Харамис? — взволнованно спросил оддлинг.

— Ее заклинание не действовало,— ответила девочка,— а потому выглядела она старой и уставшей, но дыхание у нее по-прежнему глубокое и ровное. Судя по всему, она

спокойно спала. Там, в Цитадели, о ней, видимо, очень хорошо заботятся,— добавила Майкайла успокаивающе.— Кстати, как именно она говорила: зеркало Орогастуса действительно магическое или это он так считал?

— Она говорила, что он называл его магическим зеркалом.

— Это ничего не значит. В нем нет ни капли магического, это просто один из древних приборов Исчезнувших, и к тому же он не слишком хорошо работает: зеркало показывало мне то, о чем я спрашивала, очень недолго, а потом заявило, что ему требуется дополнительная энергия.— Майкайла нахмурилась, стараясь в точности припомнить, что произнес голос.— Оно говорило что-то о подзарядке солнечных батарей.

— Что такое «солнечная батарея»? — спросил Узун.

— «Солнечная», очевидно, означает, что она имеет какое-то отношение к солнцу...— Майкайла вдруг замолкла, неожиданно поняв, почему серебристо-черное покрытие пола показалось ей столь знакомым.— Я сейчас вернусь,— заявила она Узуну и побежала в свою комнату за спрятанными там музыкальными ящичками.

Через несколько минут она возвратилась, неся в руке один из этих ящичков, и поставила его на стол между подсвечниками, отправив оставшиеся от обеда тарелки на кухню, чтобы они не мешали. В свете свечей ящичек начал издавать мягкие, мелодичные звуки.

— Это старая музыкальная шкатулка Харамис,— проговорил оддлинг.— В детстве это была самая любимая ее игрушка. Не знал, что она ее сохранила. А эта штука, видимо, сильно износилась за прошедшие годы. Раньше музыка была громче.

— Она вовсе не сохраняла его,— сказала Майкайла.— По крайней мере, я склонна считать, что это именно ее ящичек мы с Файолоном нашли в своей комнате для игр в Цитадели. И он по-прежнему там. А это один из тех, что мы обнаружили в развалинах возле реки Голобар, как раз перед тем как Харамис отыскала нас там.

— Ты говоришь, один из них? — произнес Узун в таком возбуждении, какого Майкайла не ожидала от него.—

Так вы нашли и другие? Были ли там такие, что играют другие ноты?

— Да ты ничуть не лучше Файолона! — рассмеялась девочка. — Мы нашли их там шесть или семь, если мне не изменяет память. Он почти все забрал с собой, когда Харамис отправила его домой, но у меня в комнате осталось еще два. Хочешь их послушать?

«Ну и глупый же вопрос», — подумала она про себя.

— Ну конечно, хочу, — ответил Узун, — только потом. Я так понимаю, что для тебя он сейчас важен по какой-то другой причине, а не из-за музыки. Перед тем как пойти в свою комнату, ты что-то говорила про солнечные батареи.

— Да, — сказала Майкайла, — а еще раньше ты сказал о том, что музыка стала очень тихой. Так вот, слушай внимательно.

Она достала еще четыре свечи, расставила их вокруг ящичка. Музыка стала громче.

— Теперь звук гораздо сильнее, — сказал Узун, — и все-таки он не такой громкий, каким должен был бы быть.

— Вспомни, когда ты слушал его раньше, на него ведь падал прямой свет солнца, да?

— Да, — в недоумении подтвердил он. — Харамис держала его на столе около окна, когда намеревалась развлечься этой музыкой, а если она вдруг убирала его в темноту, он замолкал.

— Вот именно! — воскликнула Майкайла удовлетворенно. — Он получает силу от света — предпочтительно солнечного, поскольку свет солнца самый яркий и, соответственно, дает больше всего энергии.

Она потушила лишние свечи, и музыка вновь стала тихой.

— Помнишь, как этот ящичек выглядит? — спросила Майкайла.

— Боюсь, что только приблизительно.

— С каждой стороны, — напомнила Майкайла, — вставлен кусочек некоего блестящего черного материала, гармонично вписывающегося в общий внешний вид ящичка. А теперь прислушайся, что произойдет, если я

закрою такое пятнышко.— Майкайла аккуратно прикрыла пальцами каждый серебристо-черный кусочек. Музыка стала стихать и наконец совсем замолкла.— Я прикрыла только те места, где инкрустированы кусочки этого самого вещества,— объяснила она,— вся остальная поверхность ящичка по-прежнему освещена. Я полагаю, что это и есть те самые «солнечные батареи», только очень маленькие: музыкальному ящичку не нужно слишком много энергии. А вот так называемое «магическое зеркало» Орогастуса требует ее куда больше. Эту башню ведь построил он сам, верно?

— Если верить преданиям, именно он. И уж совершенно точно, что во времена моего отца никакой башни здесь не было.

— Пол в комнате под конюшными вымощен плитами из такого же на вид материала, как и эти «солнечные батареи», а пол этот находится как раз вровень с внутренним двором башни. Ты знаешь, как выглядит двор, когда он не покрыт снегом?

— Нет, я никогда не видел его без снега.

— А вот я видела,— заявила Майкайла,— вечером того самого дня, когда я тут устроила дождь, и как раз перед тем как укрыла образовавшийся ледяной каток слоем снега. Конечно, тогда все было покрыто льдом, и поэтому я не вполне уверена, но мне кажется, что весь двор — большая солнечная батарея. Честно говоря, я думаю, что и вся башня построена на поверхности той площадки, что предназначалась для снабжения энергией установленных в ледяных пещерах приборов Исчезнувших. Это было бы вполне в духе Орогастуса, уверенно-го, что все эти приборы — магические.— Слово «магические» она произнесла с неповторимым сарказмом, вспомнив, что говорила Харамис о том, как понимал магию Орогастус.— Ему и в голову не пришло поискать другой, реальный источник энергии. Готова дать голову на отсечение, что он ни за что не узнал бы этот источник, даже найдя его у себя под ногами, что, собственно, и произошло — в буквальном смысле.

— Я думаю, ты, по всей вероятности, права, — сказал Узун. — Сможешь ли ты это проверить? Удастся ли тебе заставить это зеркало работать, чтобы следить за Харамис?

Майкайла нахмурилась:

— Там, в кладовке под конюшнями, можно, конечно, развесить фонари, но большая часть пола закрыта, да и фонари вряд ли окажутся достаточно яркими... Кажется, нужно воспользоваться магией погоды. Ты велел Файолону передать Харамис, что будешь учить меня. Это означает, что ты меня можешь научить?

— Да, разумеется, я могу тебя научить, принцесса, — отозвался оддлинг. Казалось, он немного задет подобным вопросом.

— Можешь ли ты научить меня магии, связанной с погодой? — спросила она. — То есть я имею в виду, можешь ли ты это сделать теперь, когда не можешь передвигаться и видеть?

— Справимся, — коротко ответил Узун. — Другого выбора у нас нет. Так чему ты хочешь сперва научиться?

— Вначале, наверное, мне следует убедиться, что я не ошиблась в том, что весь двор — большая солнечная батарея. Я очищу на нем маленький кусочек возле самого обрыва, чтобы можно было сваливать снег оттуда вниз. Стоило бы мне заполучить несколько виспи в качестве помощников, как тебе кажется? Они ведь хорошо переносят холод. И кстати, — продолжила она, — мне придется порыться в гардеробе Харамис: никакой одежды для улицы у меня нет. И придется поручить слугам приготовить мне такую одежду на будущее. Я, пожалуй, спрошу Энью за завтраком, но вполне возможно, что при этом мне не обойтись без твоей поддержки. Подозреваю, что Харамис могла приказать ни в коем случае не давать мне теплую одежду, чтобы у меня не осталось шансов удрать отсюда.

— Этого не может быть! — вспыхнул Узун. — Харамис ни за что так не поступила бы.

— В таком случае тот факт, что у меня есть только легонькое домашнее платье и тапочки, пригодные лишь для

ходьбы по чистому сухому полу, следует считать странным совпадением.

— Мы раздобудем тебе теплую одежду, — пообещал Узун. — Я и вправду забыл, как здесь холодно — за пределами этого кабинета и остальных натопленных комнат в середине башни. С тех пор как я куда-то передвигался, прошло так много лет...

«Ну вот, — подумала Майкайла, расстроившись, — опять я ранила его чувства». Она быстро вернула разговор в прежнее русло:

— Если весь двор — это солнечная батарея, я сброшу как можно больше снега в пропасть, а потом с помощью дождя очищу все остальное. Поверхность площади перед башней слегка наклонена в сторону пропасти, поэтому все должно получиться. Тебе знакомы окрестности башни? Не случится ли внизу какое-нибудь бедствие, если сбрасывать в пропасть снег, а потом дать стечь туда дождевой воде?

— Не должно бы, — сказал Узун, — но не забывай, что мои знания об этой местности происходят только от магического рассматривания ее да от наблюдений за тем, как Харамис колдовала над столом для погодной магии. Здесь слишком холодный климат, чтоб ниссом мог выходить на улицу. Если Харамис нужно послать кого-то из них в долины — например, с запиской, — она упаковывает его в особого рода спальный мешок и прикрепляет этот мешок ремнями к спине ламмергейера. Ламмергейер приземляется где-то в деревне, в теплой долине, примерно у края Большой дамбы. Местные селяне распаковывают мешок с вестником, после чего он продолжает свой путь пешком или верхом на фронiale.

— Но как же он в этом мешке дышит? — не без подозрения спросила Майкайла. — Мешок ведь должен практически не пропускать воздуха, чтобы в нем сохранялась температура, приемлемая для ниссомов.

— В нем действительно становится очень душно, — признал Узун, — но перелет длится очень недолго.

— А не проще ли послать одного из виспи? — спросила Майкайла.

Узун рассмеялся:

— Виспи категорически отказываются покидать горы. В чем, в чем, а уж в этом они совершенно непреклонны.

— Почему?

— Точно сказать не могу,— ответил оддлинг.— Вероятно, одна из причин — их связь с мифическими Глазами Урагана, о которых мало что известно.

— Подождем до утра,— сказала Майкайла решительно,— и будем надеяться, что они своим ураганом сметут хоть сколько-нибудь снега в пропасть.

Она мысленно перечислила свои задачи на следующий день, расставляя все по местам: выяснить, действительно ли там на дворе солнечная батарея, и если да, то расчистить его, чтобы солнце зарядило приборы...

— Я поняла, что мне нужно. Ближайший раздел погодной магии, который надо изучить,— это как сохранить небо безоблачным. Сможешь научить меня?

— Без труда,— заверил Узун.

— Спасибо,— сказала Майкайла.— А теперь я, пожалуй, отправлюсь спать. Спокойной ночи, Узун.

— Спокойной ночи, Майкайла,— ответила арфа, и струны ее машинально начали наигрывать колыбельную. Девочка шагала вниз по лестнице и улыбалась, слыша позади музыку.

Глава 13

На следующее утро Майкайла первым делом спустилась в кабинет, прихватив с собой шарики, которые ей когда-то дала Харамис. Солнце едва успело взойти.

— Я кое о чем подумала вчера, отправляясь спать,— обратилась она к Узуну.— Пожалуй, можно будет не просить прислугу подыскать мне теплую одежду. Лучше я скажу Файолону, чтобы он привез мне что-нибудь из дома. А если я уже выросла из старых своих костюмов, то всегда найдется что-нибудь с плеча старших братьев и сестер: у экономки полные сундуки такой одежды.

— Госпоже это не понравится,— предупредил Узун.

— Что ей не понравится?

— То, что Файолон сюда вернется.

— Ну, в таком случае ей следовало бы оставаться дома и пребывать в добром здравии, чтобы высказывать все эти возражения,— вспылила Майкайла.— К тому же она даже не помнит о моем существовании.

— Возможно, теперь уже вспомнила,— с надеждой произнес Узун.

— Потому-то я и взяла с собой эти шарики,— сказала Майкайла.— Мы можем связаться с Файолоном и узнать, как там у нее дела.

— Очень хорошо,— вздохнул оддлинг.— Впрочем, в любом случае я вряд ли смог бы тебе помешать.

— Ты говоришь так, будто я собираюсь заниматься черной магией! Да что, в конце концов, Харамис имеет против Файолона? — Об этом Майкайла думала уже давно, с тех самых пор, как поняла, что волшебница его недолюбливает.

— Он мужского пола.

— Ну и что?

«Вряд ли это убедительное объяснение,— думала Майкайла.— А ведь у Харамис должна быть по-настоящему серьезная причина, чтобы не любить его, хотя я до сих пор понять не могу, в чем она состоит. Он все время вел себя куда корректнее меня, был всегда вежлив и почтителен с нею. Куда уж мне до него!»

— Я серьезно, Майкайла,— ответила арфа.— Думаю, что других причин нет. Дело в том, что единственный человек мужского пола, занимавшийся магией, которого Харамис видела в своей жизни,— это Орогастус. А общаясь с ним, трудно составить приятное впечатление о мужчинах-магах.

— Но это же было почти два столетия тому назад! — возразила Майкайла.— Прошло невообразимо много времени, да и глупо относиться с подобным предубеждением ко всем представителям мужского пола только из-за того, что один из них оказался негодяем!

— Харамис не склонна часто менять свое мнение,— мягко ответил Узун.

— Если бы ты не был так вежлив, тебе надлежало бы назвать ее упрямой как ослица.— Она вздохнула.— Посмотрим, не сообщит ли нам Файолон что-нибудь новое.

На этот раз связаться с Файолоном оказалось несколько труднее, чем обычно, поскольку Майкайле пришлось при этом разбудить его. Наконец сонное лицо мальчика появилось на ее шарике.

— Чего тебе? — пробормотал тот.

— Доброе утро! — отозвалась Майкайла.— Начнем с того, что Узун хочет узнать, как дела у Харамис.

— Надежды докторов, похоже, окрепли,— сказал Файолон,— но все-таки, когда я заходил к ней вчера очень ненадолго, она назвала меня лаборнокским шпионом. Кажется, она снова переживает тот момент своей жизни, когда началось вторжение. Постоянно спрашивает, где Узун, почему он не здесь, не рядом с ней. То есть совершенно очевидно, она не помнит о том, что обратила его в арфу.

— О, как бы мне хотелось быть рядом с ней! — с жаром проговорил оддлинг.— Не кажется ли вам, что если меня как следует упаковать...

— Нет, боюсь, что это невозможно,— ответила Майкайла.— Ни в один из мешков, которыми она пользуется для переправки в долины ниссомов, ты не влезешь. К тому же у тебя такие формы, что привязать тебя на спину ламмергейеров почти невозможно. Да и сама Харамис была бы крайне расстроена, если бы ты при этом получил хоть малейшее повреждение, не говоря уже о том, что в данный момент для нее стало бы просто шоком неожиданно осознать, что ты теперь арфа.

— Пожалуй, ты права,— вздохнул Узун.

— Так, значит, Файолон,— продолжала она с надеждой,— Харамис не помнит ни тебя, ни меня и, пожалуй, некоторое время еще не вспомнит, так?

— Похоже, что так.

— Хорошо,— с удовлетворением сказала Майкайла.— Кто-нибудь другой вряд ли станет тебя разыскивать, если ты предупредишь, что отправляешься в экспедицию.

— А в какую это экспедицию я отправляюсь? — осторожно спросил Файолон.

— Тебе она очень понравится, — пообещала Майкайла. — Все это здание Орогастус построил над несколькими ледяными пещерами, битком набитыми приборами Исчезнувших. Потом он собрал все вещи, что сохранились от их времен, которые только мог найти, и теперь все это хранится в бочках и сундуках на самом нижнем этаже башни, под конюшнями. Это настоящий кладезь знаний!

— Если ты собираешься везе совать свой нос и обследовать всевозможные устройства, что собрал Орогастус, то мне лучше за тобой приглядывать. — Файолон произнес это с большим воодушевлением.

— Разумеется, это совершенно необходимо, — тут же согласилась она. — Кто знает, в какие неприятности я тут влипну, если ты не будешь сдерживать мою страсть к новым и непонятным вещам?

— Стоит ли мне привести обратно фрониалов, на которых Белая Дама отправила меня домой? — спросил Файолон.

— Нет, оставь их там, — сказала Майкайла. — Они могут ей понадобиться, когда госпожа поправится и будет готова вернуться. Я говорила с ламмергейерами: никто из них не может с ней теперь общаться — с тех пор, как Харамис заболела.

Узун тяжело и тревожно вздохнул.

— Разумеется, — поспешила добавить Майкайла, — все это может перемениться, как только ей станет лучше. Сейчас она наверняка просто не помнит, что в состоянии говорить с ними. Вероятно, это и есть единственная причина. В любом случае, — продолжала она инструктировать Файолона, — собери всю теплую одежду, которую только сможешь разыскать, — для себя и для меня. Поройся в сундуках, если понадобится, — думаю, что я наверняка подросла с тех пор, как в последний раз была в Цитадели. Но что подойдет тебе, то, пожалуй, и мне будет по росту. Не забудь теплые перчатки и обувь. В этих ледяных пещерах страшно холодно, а нам наверняка придется провести там немало времени. Потом со-

чини прислуге что-нибудь правдоподобное по поводу своего отъезда, но только не сообщай им, что едешь сюда: после той глупой сцены, что устроила Харамис перед самой своей болезнью, об этом, пожалуй, не стоит объявлять. Двигайся на восток, в сторону Большой дамбы, а потом по ней — до того места, где дамба пересекает реку. После этого повернешь на север и пройдешь пол-лиги по западному берегу реки; там тебя будет ждать ламмергейер. Все запомнил?

— Да,— сразу подтвердил Файолон. Сонливость его как рукой сняло.— Я буду там примерно к середине дня или чуть-чуть позже.

— Замечательно,— сказала Майкайла.— Я велю Энью подготовить тебе комнату, но, скорее всего, не скажу ей ничего определенного о том, как долго ты здесь останешься.

— Пожалуй, это правильно,— согласился мальчик,— поскольку мы и сами не знаем, долго ли я там у вас пробуду.

Майкайла уже собрала всю самую теплую одежду, которую смогла найти в комнате Харамис, хотя Энья пыталась протестовать против использования костюмов госпожи без разрешения. Девочка воспользовалась моментом и сообщила, что к вечеру ожидает прибытия Файолона, который привезет ее собственную одежду, и попросила Энью подготовить ему комнату.

— А что касается леди Харамис, то в Цитадели за ней очень внимательно ухаживают, и доктора полны надежд на то, что она со временем вполне поправится. Но я боюсь, что в настоящий момент госпожа не в состоянии вообще что-нибудь разрешить или запретить. Вплоть до ее выздоровления я буду продолжать занятия под руководством господина Узуна.

Энья, возможно, была от всего этого и не в восторге, но ей ничего не оставалось, как подчиниться. По требованию Майкайлы она поручила одному из виспи помочь очистить двор от снега.

Под ярким солнечным светом Майкайла словно ожила. К ней вернулось чувство связи со всем тем огромным

внешним миром, от которого так прочно отделяли каменные стены башни. И к тому же сегодня она вновь встретится с Файолоном. Она просто не могла припомнить, когда еще была в своей жизни так счастлива. Даже утрюмое ворчание виспи, которому Энья поручила помогать ей, не могло развеять этого праздничного настроения.

Все утро они вдвоем убирали снег с небольшого участка площади перед башней, возле самой пропасти. Зато в середине дня Майкайла уже смогла вернуться домой и плюхнуться в ванну Харамис, а когда все тело наконец прогрелось, велела подать обильный полдник в кабинет, где и сообщила Узуну хорошие новости.

— Это действительно солнечная батарея, — сказала она, — слава Владыкам Воздуха! Если бы она не проходила по двору, то, чтобы подзарядить приборы, нам наверняка пришлось бы сносить все здание. — Она усмехнулась. — Вот это Харамис уж точно не понравилось бы.

— Так что ты собираешься делать дальше? — спросил Узун.

— Я попросила того виспи перекидать в пропасть как можно больше снега с площади. То есть мне придется растопить куда меньше снега и льда, когда я сотворю дождь. А это я собираюсь проделать завтра. Сегодня вечером, надеюсь, ты сможешь объяснить мне, как поддерживать на дворе достаточно высокую температуру, чтобы дождь не превращался в снегопад, и как сохранить небеса безоблачными, когда мы очистим площадь от снега. Как хорошо, что она лежит к югу от башни: по крайней мере, солнечный свет ничто не будет загораживать. И все-таки на перезарядку приборов может уйти несколько дней. Зато как только зеркало станет работать надежно и бесперебойно, можно будет все время следить за состоянием Харамис. Да и кто знает, может быть, это зеркало или какая-нибудь из хранящихся там, в подвале, вещей натолкнет меня на мысль о том, как сделать для тебя новое тело.

— Новое тело? — раздался голос из-за двери. — Неужели с арфой что-то случилось?

— Файолон! — Майкайла вскочила и бросилась на шею старому другу. Она даже не представляла, до какой степени изголодалась по общению с людьми и как недоставало ей Файолона. За время разлуки он вырос куда сильнее, чем Майкайла: когда они виделись в последний раз, то были примерно одного роста, а теперь он уже на полголовы выше. А в остальном все такой же — надежный и уверенный, лучший для нее друг, почти что ее второе «я». Что и говорить, духовная связь — это очень хорошо, но увидеть друга воочию — гораздо лучше.

— Как же я рада тебя видеть! — Майкайла усадила Файолона в кресло около стола, а сама уселась напротив и принялась разглядывать его. Волосы теперь длиннее, чем он носил раньше. От скоростного полета они все еще спутаны ветром и припорошены снегом, но, как бы то ни было, Майкайле он кажется чрезвычайно красивым, особенно когда взглянет прямо на нее и улыбнется. На душе у нее потеплело.

— Проголодался? — спросила она. — Я заказала такой большой полдник, что хватит на нас двоих.

— Замечательно, — сказал он, пододвигая к себе тарелку. — Я голоден как волк, зато привез все, что ты просила, а заодно захватил с собой все музыкальные ящички: мне пришло на ум, что господин Узун, может быть, не слышал всех тех нот, которые играют устройства, найденные в руинах.

— Прекрасная мысль, лорд Файолон, — заговорил Узун, и голос его выражал такой энтузиазм, на какой только способна арфа. — С нетерпением буду ждать возможности их услышать.

Файолон помедлил, проглатывая изрядный кусок пищи, и повернулся к Узуну.

— Так неужели с арфой что-нибудь не в порядке? — спросил он взволнованно.

— О нет, ничего подобного, — заверил оддлинг. — Дело лишь в том, что после того, как Харамис улетела и мы остались тут вдвоем с Майкайлой, я начал вдруг чувствовать некую стесненность своего положения.

— Да, между тем, чтобы любить музыку, и тем, чтобы самому быть музыкальным инструментом,— согласно кивнул Файолон,— очень большая разница. А уж следить за тем, что собирается проделать Майкайла, очень нелегко, если вынужден вечно оставаться на одном месте. Я сделаю все, что смогу, чтобы помочь вам.

— Можешь начать с изучения погодной магии вместе с принцессой,— довольно едко прокомментировал Узун.— Еще одна нечаянно устроенная снежная буря нам совершенно ни к чему.

Вечер они провели втроем, в подробностях обсуждая механизм изменения погоды и способы управлять ею. Сразу после ужина оддлинг предложил своим юным друзьям отправляться спать.

— Завтра вам предстоит тяжелый день, так что лучше соберитесь с силами.

Ни Майкайла, ни Файолон не стали спорить и тут же отправились по своим комнатам. Один трудный день оба уже успели пережить сегодня.

На следующее утро они позавтракали очень рано и сразу же повторили с Узунем вчерашний урок, прежде чем отправиться в рабочую комнату. Теперь, когда заклинания они произносили вдвоем, вызывать дождь оказалось очень просто. Прорекламировав самый главный заговор, оба подошли к окну и стали наблюдать за его действием.

Сначала только чуть-чуть начало моросить, но постепенно тяжелые тучи сгущались, и дождь усилился. В рабочей комнате, которая, в отличие от жилых, была лишена встроенных в стену решеток, из которых поступал теплый воздух, сделалось совсем холодно и сыро.

— Что ни говори, погода тоскливая,— заметил Файолон.

— Зато этот дождь обязательно очистит площадь перед башней,— напомнила Майкайла.

— Почему ты так уверена?

Майкайла улыбнулась, уловив знакомые ворчливые нотки в голосе Файолона. Но надо признать, на этот раз его ворчание не беспочвенно. Кроме дождя, сильного ветра, а также снега, что падает далеко, на самой вершине

горы, в результате их заклинания вокруг башни образовалось еще и огромное облако тумана, из-за которого почти ничего не видно. Майкайле пришлось признать — хотя и не вслух, а только про себя, — что этого она не предусмотрела. Со стороны облако выглядело как огромное привидение в форме виспи.

— Радуйся, что тут нет Харамис, — сказала она. — Помнишь, как в самом начале, когда она только принималась за мое обучение, у нее была назойливая привычка выбрать какую-нибудь вещь или явление, совершенно ничемное, и потребовать, чтобы я объяснила, что во всем этом хорошего?

Файолон кивнул.

— Ну, так вот: что, например, хорошего в тумане?

— Если наблюдать, в какую сторону он переползает, станет ясно, куда дует ветер. Дождь или снег для подобных наблюдений слишком осязаемы; туман — субстанция очень легкая и в то же время достаточно хорошо видимая, чтобы составить представление о розе ветров.

— Хм.. — Файолон несколько минут наблюдал. — Ветер, кажется, дует с запада, со стороны горы Джидрис, той самой, где, как тебе известно, Харамис нашла свой талисман.

— Разве? — спросила Майкайла. — Нет, я этого не знала. И что там, на этой горе Джидрис?

— Несколько ледяных пещер, довольно непрочных и часто подверженных обвалам. Так что не советую отправляться в экспедицию в те места.

— Пока я этого делать не собираюсь... Ой-ой-ой, наши дела, похоже, идут не слишком гладко. — Майкайла указала на небо.

День клонился уже к вечеру, и капли дождя начали превращаться в градины.

— Надо что-то делать! — крикнул Файолон, бросаясь к рабочему столу. — Немедленно!

Майкайла тут же последовала за ним, и вдвоем им удалось переместить град на нижние склоны горы, подальше от башни. Когда тучи рассеялись, солнце светило уже

довольно тускло, нависая на западе над самой линией горизонта.

— На дворе все еще мокро,— вздохнула Майкайла,— а за ночь вода может замерзнуть. Хотелось бы надеяться, что, подзарядив приборы, мы сумеем отыскать способ постоянно поддерживать двор чистым от снега.

— Мне тоже хотелось бы на это надеяться,— сказал Файолон.— Мысль о том, что придется пару раз в неделю проделывать то, чем занимались сегодня, меня как-то не вдохновляет.

— Ну что ж, по крайней мере, на сегодня мы свою работу закончили,— заметила Майкайла.— Остальное постараемся доделать завтра. А теперь пойдем-ка спустимся на кухню. Хочу выпить чего-нибудь горяченького, а заодно сказать слугам, чтобы не выходили во двор. Не хотелось бы, чтобы они переломали себе руки и ноги.

Энья подыскала для них парочку маленьких табуреток и тут же подала горячие напитки. У нее как раз стоял на огне объемистый котел подогретого сока ладу. Возле очага сидели несколько виспи. Выглядели они очень печальными.

— Что вы сделали с погодой? — спросил один из них. По интонации его было ясно, что он пребывает в столь дурном настроении, что позволяет себе некоторую грубость по отношению к тем, кто выше его по положению.— Здесь никогда не должно быть сыро! Этот туман просто раздражает мне легкие.

Он болезненно закашлялся. Остальные виспи уныло передвинулись поближе к очагу.

И Майкайла поняла, что он прав. Если с неба валит снег, горный воздух остается сухим. В этих местах даже снег все время очень сухой и рассыпчатый, а уж воздух на таких высотах совершенно чист и кажется очень легким. Она припомнила смех Узуна в ответ на вопрос о том, почему Харамис не отправляет виспи в качестве посланцев в долины.

— Это ведь именно из-за сырости вы никогда не покидаете гор, верно? — спросила она.— Вы привыкли к

очень сухому и чистому воздуху; внизу вас раздражает не жара, а влажность.

— Мой дед,— произнес один из молодых виспи,— попытался однажды спуститься с горы. Ушел он совсем недалеко, а когда вернулся, сказал, будто у него было такое ощущение, что он вдыхает адоповый суп!

— Он прав,— согласился Файолон.— Стоит только побыть некоторое время здесь — и сразу привыкаешь к высокогорному воздуху, а потом, когда вернешься в долину, тот воздух, что там вдыхаешь, кажется каким-то густым и слишком теплым.

— В таком случае я никогда даже не заикнусь о том, чтоб кто-нибудь из вас спускался с горы,— сказала Майкайла,— а насчет этого дождя и тумана... Через день-два погода опять переменится, а если повезет, то, может быть, и завтра. Кстати, должна предупредить вас, чтобы никто не выходил на двор. Боюсь, что сегодня к ночи там опять будет сплошной гололед.

Виспи заохали, и даже ниссомы, которые никогда не выходят в таких местах на улицу, как-то сникли.

— Принцесса,— вздохнула Энья,— надеюсь, вы не станете возражать, если я приготовлю здесь на полу постели для виспи, чтобы они могли переночевать возле огня?

— Конечно нет, если ты сама не имеешь ничего против,— ответила Майкайла и встала.— Спасибо за горячее питье, Энья. А теперь мы с Файолоном пойдем, чтобы вам не мешать. Как насчет того, чтобы устроить обед примерно через час? Ничего особо изысканного готовить не надо, сойдет любое горячее блюдо. Даже адоповый суп.

Энья усмехнулась:

— Обед будет подан в кабинет через час, принцесса. И думаю, что сумею приготовить вам что-нибудь лучше, чем адоповый суп.

Высушить площадь оказалось чуть потруднее, чем предполагала Майкайла. На следующий день, даже когда солнце поднялось высоко над горизонтом, погода все-таки оставалась слишком холодной, чтобы растопить лед и высушить поверхность солнечной батареи. К то-

му же крупные облака продолжали плыть над головой со стороны горы Джидрис, добрую половину дня заслоняя солнце. В какой-то момент даже начали падать снежинки, и Майкайла с Файолоном тут же бросились в рабочую комнату, чтобы остановить грозящий завалить снегом все вокруг снегопад.

Наконец оба они облачились в теплую одежду, взяли каждый по паре факелов и занялись растапливанием льда безо всяких магических ухищрений. Поскольку площадь слегка наклонялась в сторону провала в скалах, они нашли разумным начать работу от самой двери. Лед таял, образовавшаяся вода, будучи достаточно теплой, помогала растопить его дальше по склону, и шаг за шагом они продвигались по площадке двора. Когда солнце начало уходить за горизонт, примерно треть всей поверхности была уже очищена ото льда и подсыхала.

— Думаю, сегодня мы больше ничего сделать не успеем,— произнесла Майкайла, разогнувшись и тяжело вздохнув. Спина болела. Еще бы, провести целый день согнувшись в три погибели, да еще с опущенными до земли факелами в руках! «Да ладно уж,— подумала она,— по крайней мере, на этот раз ноги не промочила».

— Завтра, пожалуй, мы сможем закончить,— подытожила Майкайла.

— Если повезет,— простонал Файолон,— и мы вообще завтра сможем пошевелиться.

— Может быть, эта штукавина отчасти уже зарядилась,— ободряюще проговорила девочка.— Факелы ведь дают не только тепло, но еще и свет.— Она бросила взгляд на своего друга.— Не хочешь ли посмотреть ледяные пещеры прямо сейчас?

Первой реакцией с его стороны был тяжелый вздох.

— Давай завтра, ладно? — произнес он утомленным голосом.— Сейчас я думаю только о горячей ванне и столь же горячем обеде.

— Да и я тоже,— созналась Майкайла.— В пещеры мы можем наведаться завтра около полудня. К этому времени нам все равно придется передохнуть.

— Ничуть не сомневаюсь,— вздохнул Файолон.— Майка, а ты уверена, что это вообще сработает?

— Ну, абсолютной уверенности у меня нет,— призналась она,— но я думаю, что у нас очень хорошие шансы. Зеркало говорило, что требуется подзарядка солнечных батарей, а эта мостовая выглядит точно так же, как инкрустация на музыкальных ящичках, на которую должен падать свет, чтобы заиграла музыка. Вот мы и очищаем поверхность этой мостовой и открываем ее солнечному свету. Так что, по-моему, все должно получиться.

— Похоже, что действительно должно,— согласился Файолон.— И я на это сильно надеюсь. Очень не хотелось бы, чтобы столько усилий пропало зря.

Глава 14

Сразу же после обеда Майкайла отправилась в постель и мгновенно уснула как убитая. Проснувшись на следующее утро, она с ужасом увидела, что солнце уже совсем высоко. Вскочив, она поспешно переоделась, не обращая внимания на тупую боль во всем теле.

Она спустилась вниз и заглянула в отведенную Файолону комнату. Самого Файолона не было видно, но скомканная груда одежды возле кровати говорила о том, что он тоже проспал.

— Файолон! — позвала она.

Прошло не меньше минуты, прежде чем занавески над кроватью заколыхались и оттуда послышались какие-то неразборчивые звуки.

— Я собираюсь поработать на дворе,— сообщила Майкайла.— Можешь присоединиться в любую минуту.

По дороге вниз она чуть задержалась в кабинете, чтобы поздороваться с Узуном и сообщить, куда направляется. Арфа ответила на приветствие, но от комментариев воздержалась. Майкайла отправилась дальше, зашла в кухню и взяла там ломоть хлеба и пару факелов. Зажгла один от огня в очаге, попутно заметив, что толпившие-

ся здесь прошлой ночью виспи куда-то ушли, и заспешила дальше — вниз по лестнице и затем во двор.

Едва выйдя за дверь, Майкайла тут же остановилась и с огромным удивлением и радостью начала оглядываться вокруг. Небо было ярко-синим и безоблачным, нигде до самого горизонта не виднелось ни единой тучки. Солнце ярко освещало всю площадь, заметно потеплело. Воздух, конечно, по-прежнему казался холодным, но температура явно поднялась уже выше нуля, и почти весь лед на площади успел растаять. Тот участок, который они с Файолоном обрабатывали вчера, по-прежнему оставался сухим; пожалуй, лишь пятая часть площади, у самого обрыва, была покрыта ручейками воды, стекавшими в пропасть между скалами.

Обходя двор, Майкайла доела хлеб, зажгла второй факел от первого и занялась просушкой тех участков двора, что еще не успели высохнуть сами. Когда наконец Файолон присоединился к ней, Майкайла продвинулась уже весьма далеко. С его помощью очень скоро всю работу удалось закончить. Когда пришло время обеда, они с удовлетворением оглядели чистенькую сухую площадь — солнечную батарею, — успешно впитывавшую в себя солнечные лучи. Когда Майкайла из любопытства сняла перчатки и, наклонившись, коснулась мостовой, то едва не обожгла руку.

— Теперь все будет в порядке! — заявила она. — Зеркало должно заработать как надо. Пойдем-ка посмотрим на него!

— А ты пообедала? — спросил Файолон.

Майкайла уставилась на него в недоумении:

— Как можно думать о еде в такой момент!

— Просто я тебя слишком хорошо знаю, Майка. Стоит тебе только забраться в эту пещеру, и ты захочешь провести там весь день до самого вечера. Так что давай сперва пообедаем, хорошо?

— Нас ждут там чудеса, оставленные Исчезнувшими, а ты хочешь так вот просто пойти и приняться за еду!

— Чудеса Исчезнувших никуда не денутся, — резонно заметил Файолон, — они спокойно лежат там уже по

крайней мере парочку столетий, так что ничего страшного, если они подождут еще немножко. К тому же, — добавил он с ухмылкой, — у тебя, по-моему, уже урчит в животе.

К несчастью, он оказался прав. Желудок Майкайлы явно не разделял энтузиазма своей хозяйки по поводу научных изысканий.

— Ладно, — вздохнула она со страдальческим видом. — Раз уж ты так настаиваешь — пойдем.

— Да, я настаиваю, — сказал Файолон, хватая собеседницу за руку и увлекая ее в направлении кухни.

После еды, прихватив закрытый фонарь — Файолон убедил, что те факелы, которыми они только что разогревали лёд на дворе, могут оказаться небезопасны: вдруг что-нибудь из того, что хранится в кладовке на самом нижнем уровне башни, окажется огнеопасным или легко взрывающимся, — они вышли на лестницу и отправились вниз. Дойдя до хранилища, Файолон с большим интересом принялся изучать этикетки на бочках, корзинах и ящиках.

— Мне так хочется все это прочитать... — проговорил он.

— Хорошо бы по крайней мере разобраться в этом алфавите, — добавила Майкайла. — Что ж, может, мы со временем найдем способ освоить эту письменность.

— Это и вправду было бы крайне интересно, — признал Файолон, следуя за Майкайлой в туннель.

Поскольку сегодня у них был фонарь, Майкайла не стала зажигать светильники, развешанные по стене. И вот перед ними предстала дверь в пещеру. Они вдвоем ухватились за ручку и изо всей силы потянули ее на себя. Та наконец приоткрылась настолько, что в получившуюся щель удалось пробраться, и Майкайла повела своего спутника дальше, в комнату с «магическим зеркалом».

— Ого! — воскликнул Файолон, не пытаясь скрыть впечатления, которое на него произвел прибор Исчезнувших.

— Сделайте запрос, пожалуйста, — проговорил голос.

Голос этот теперь звучал куда громче, чем несколько дней назад, и Майкайла сразу заметила, что на стене вокруг зеркала гораздо меньше инея, так что сама его поверхность сделалась обширнее.

— Покажите принцессу Харамис,— тут же произнесла Майкайла.

— Сканирую...

В зеркале, так же как и в прошлый раз, появилось изображение, но теперь цвета на нем уже не выглядели бледными, а мелкие детали были видны так четко и ясно, что казалось, можно протянуть руку и дотронуться до Харамис, мирно спящей в постели, и Айи, сидящей возле кровати. Волшебница по-прежнему выглядела обыкновенной разболевшейся старухой, но дыхание ее оставалось глубоким и равномерным. Майкайла даже без труда услышала легкий скрип кресла в тот момент, когда Айя переменила позу.

— Во имя Цветка,— прошептал Файолон,— на что же еще способна эта штуковина?

— Я сама хотела бы это выяснить,— пробормотала Майкайла.

— Сделайте запрос, пожалуйста,— вновь повторил голос, хотя изображение Харамис совершенно не изменилось.

— Покажите Квази,— сказала Майкайла, подумав вдруг о том, как-то теперь себя чувствует их старый друг и наставник.

— Субъекта в списке нет,— ответило зеркало.

«Оно не знает, кто такой Квази,— поняла Майкайла.— Но того же самого эффекта можно наверняка добиться и другим способом».

— Покажите холм Цитадели,— сказала она.

Зеркало с готовностью выдало изображение Цитадели и холма, на котором она стоит. Точка обзора оказалась такой, будто висишь где-то в воздухе и смотришь вниз.

Майкайла закусила губу, пытаясь сообразить, как сформулировать следующий запрос.

— Изобразите район к западу от холма,— сказала она, надеясь, что зеркало правильно поймет ее слова.

— Выдать статичное изображение,— переспросило зеркало,— или начать просматривать всю территорию постепенно?

Майкайла не очень-то была уверена, что вполне поняла, о чем спрашивают, поэтому ответила наугад:

— Просматривайте.

Изображение в зеркале пришло в движение, будто бы смотрящий полетел от Цитадели к западу. Майкайла мысленно отметила, что означает фраза зеркала «просматривать постепенно», и принялась искать глазами деревню Квази.

— Стоп! — произнесла она, как только нужный поселок попал в поле зрения. Вглядевшись в изображение, Майкайла нахмурилась. Что-то тут не так. В такое время года пейзаж должен быть совершенно другого цвета.

— Хорошо бы увидеть все это поближе,— пробормотал стоящий рядом Файолон.

— Выдать увеличенное изображение зданий? — спросило зеркало.

Майкайла с Файолоном взглянули друг на друга и согласо кивнули.

— Да,— ответила она.

Деревня на картинке начала увеличиваться, как будто смотрящий пикировал прямо на нее. Майкайле стало ясно, почему тут совсем не те цвета. Вся растительность вокруг деревни увядала. Изображение становилось все крупнее по мере того, как точка обзора приближалась к земле, и вот уже стали видны несколько ниссомов, рассевшихся на лавках перед своими хижинами. Среди прочих удалось различить и Квази.

— Это Квази! — взволнованно произнес Файолон.— Да я же его сто лет не видел — с тех самых пор, как Харамис увезла нас сюда.— Он помолчал и нахмурился.— Он кажется изрядно постаревшим — посмотри-ка, Майка! Неужели и вправду прошло так много времени?

— Да нет, прошло только два года, ну, от силы три. Знаешь, я здесь, похоже, теряю чувство времени. И все-таки мы с ним виделись не так уж давно.

Фигурку Квази на изображении неожиданно очертила ярко-красная линия.

— Объект Квази? — спросил голос.

— Да,— ответила Майкайла.

— Объект Квази отмечен на будущее.

«Хорошо бы еще узнать, что означает “отмечен”»,— подумала Майкайла, и тут зеркало добавило к изображению звук.

— Дожди пошли совсем не вовремя,— говорил кто-то из оддлингов.

— И земля то и дело трясется,— откликнулся другой, приближаясь к сидящей на скамейке компании.— Все это дурные предзнаменования.

— И почему только Белая Дама не следит за страной? — спросил кто-то.— Квази, ты ведь встречал ее. Разве это не могущественная волшебница? Почему она допускает, чтобы подобные вещи случались?

— Она больна,— с печальным видом ответил Квази.— Видишь ли, одна из моих сестер занимается врачеванием...

— Это мы все знаем,— перебил первый оддлинг.

— ...и вот ее вызвали в Цитадель пару недель назад, чтобы лечить Белую Даму,— продолжал Квази.— С помощью зелья из яда болотных червей,— добавил он каким-то зловещим тоном. Видимо, все присутствовавшие хорошо понимали, что все это значит, потому что лица у всех разом помрачнели.

— Она поправится? — спросил кто-то.

— Сестра думает, что да,— ответил Квази. Он посмотрел вокруг, обводя глазами умирающую растительность.— Что ж, давайте молиться Владыкам Воздуха, чтобы она поправилась поскорее. Вся страна заболевает, когда Великая Волшебница делается старой и больной.

Майкайла нахмурилась и, посмотрев на Файолона, заметила, что он тоже расстроен. Теперь, после последнего замечания Квази, стало наконец понятно, о чем они там говорят. Она и сама подсознательно давно чувствовала, что с Рувендой что-то не в порядке — будто сама земля заболела. Что и говорить, даже Майкайла и та чувствовала се-

бя нездоровой. Страной сейчас никто не управляет. Все дела пошли вкривь и вкось. Майкайла чувствовала, что наверняка смогла бы исправить положение, вот только как это сделать... Да, сейчас потребность знать магию стала вдруг куда сильнее, чем в те времена, когда Харамис оставалась бодрой и управляла всеми делами сама. А это значит, что нужно поскорее подыскать новое тело Узуну, чтобы он обрел способность как следует ее обучить. Не сможет ли зеркало хоть как-то помочь в этом?

Майкайла принялась обдумывать, как же сформулировать свой вопрос.

— Покажите магов,— сказала она наконец, все еще не вполне уверенная, что подобрала нужную фразу.

— Уточните: всех подряд или какую-то отдельную группу?

Майкайла на минуту задумалась.

— Людей,— пояснила она.

Зеркало начало одну за другой выдавать картинки занимающихся магией представителей человечества. Каждая картинка появлялась на короткое время, и вскоре ее сменяла следующая. В одном из изображенных Майкайла узнала волшебника, время от времени появлявшегося в Цитадели. Однажды на вечеринке по поводу дня рождения принца Эгона он устроил воистину впечатляющее зрелище. Изображение снова сменилось.

— Стоп! — глубоко вздохнув, воскликнула вдруг девочка.

— Сохранить данное изображение на экране и пометить на будущее?

— Да,— сказала Майкайла, зачарованно уставившись на экран. На картинке группа мужчин толпилась вокруг стола, на котором покоилась деревянная статуя женщины. Один из них мазал статую какими-то благовониями, другой стоял возле головы, размахивая кадиллом, третий поднес что-то ко рту статуи. Сама статуя с ярко нарисованными, широко открытыми глазами выглядела как живая. Еще один человек стал сбоку и принялся громко читать какой-то текст.

— Отверзание уст, — провозгласил он. В руках у мужчины явно было какое-то руководство по магии.

Последовавшие затем фразы остались для Майкайлы пустым звуком, но она продолжала наблюдать за церемонией. На статую надели новое платье и поставили ее на ноги. Возле стола лежала сваленная в кучу старая одежда, снятая со статуи раньше. Майкайла оглядела комнату, в которой шло магическое действо, в попытке найти что-нибудь, что помогло бы определить, где все эти события происходят. Комната была явно вырублена внутри цельной скалы, но следов инея на стенах не оказалось. Помещение выглядело тесным, с низким потолком, и было набито людьми до отказа. Майкайла подозревала, что это где-то в горах, вот только где?

— Где они находятся? — произнесла она вслух.

— Показать местоположение храма Мерет? — спросил голос.

— Это происходит в храме Мерет? — переспросила девочка.

— Да.

— Покажите местоположение храма Мерет, — повторила Майкайла.

Картинка исчезла, и вместо нее показалась карта полуострова с двумя отметинами на ней — черной точкой, в которой Майкайла узнала то место, где они с Файолоном теперь находились, и красной точкой на северном склоне горы Джидрис — возле самой вершины, но все-таки явно на территории Лаборнока. Возле обеих точек засветилось несколько надписей, но все они оказались на том самом непонятном языке, что и этикетки на ящиках с приборами Исчезнувших.

— Как бы мне хотелось суметь прочитывать все это! — разочарованно проговорил Файолон.

— Запустить языковую учебную программу? — спросило зеркало, среагировав на высказывание мальчика.

Майкайла с Файолоном взглянули друг на друга, и глаза у них полезли на лоб от удивления. «Так что же это за штуковина? — не переставала удивляться Майкайла.—

Остается надеяться, что она сама когда-нибудь объяснит, что собой представляет, а пока что...» И кивнула Файолону, чтобы тот ответил зеркалу.

— Да,— произнес он. Голос его вздрагивал от нервного возбуждения.

— Сообщите имя учащегося.

— Файолон Барский,— ответил тот.

— Имя второго учащегося?

— Майкайла.

Зеркало на мгновение потемнело, затем на нем зажглась буква, а рядом с нею — небольшой рисунок домика.

— Алеф,— произнес прибор.

— Алеф,— повторил Файолон.

Зеркало поочередно выдало еще четыре буквы, а затем на экране появилось без всяких картинок слово из пяти букв, одна из которых светилась ярче прочих.

Файолон молчал, а Майкайла не переставала думать о том, чего же хочет от них зеркало. Спросить, однако, она не решалась, так же как и вообще что-нибудь произнести. Прошло примерно полминуты, и зеркало наконец заговорило само.

— Алеф,— произнесло оно.

— Я, кажется, понимаю,— сказал Файолон.— Оно меня проверяет: узнаю ли я только что выученные буквы.

— Алеф,— повторило зеркало.

— Алеф,— отозвался мальчик.

Буква мигнула еще раз, и Файолон, не дожидаясь повторного приглашения, снова повторил слово «алеф». Зеркало, видимо, этим удовлетворилось и перешло к следующей букве. Буквы менялись одна за другой, и Файолон, теперь уже не задерживаясь, произносил их названия. Затем упражнение повторилось, и он справился с ним без затруднений, после чего зеркало вновь вернулось к изображению отдельных букв, на этот раз уже новых.

Вся процедура повторялась еще четыре раза, и Файолон запоминал новые буквы и называл их во время тестов. В конце концов на экране появилось изображение всех двадцати пяти букв, расположенных пятью строчка-

ми — по пять букв в каждой. Этим, видимо, и исчерпывался весь алфавит, потому что после того, как мальчик назвал каждую из изображенных букв без ошибок, зеркало произнесло:

— Урок номер один успешно пройден учащимся Файолоном Барским.

Затем буквы алфавита начали появляться вновь с самого начала.

— Учащаяся Майкайла, — произнес голос.

Майкайле не сразу удалось запомнить все буквы: она обращала на них гораздо меньше внимания, чем Файолон, но со второй попытки ей это удалось, и зеркало произнесло:

— Урок номер один успешно пройден учащейся Майкайлой. — Затем оно помолчало и добавило: — Уровень энергообеспечения понижен. Перерыв для подзарядки.

Поверхность зеркала вновь стала серой, и Майкайла с Файолоном молча покинули комнату, аккуратно закрыв за собой дверь.

На обратном пути, шагая по туннелю, Майкайла с удивлением заметила, что у нее болят ноги.

— Сколько же времени мы там простояли? — спросила она.

— Не знаю, — отозвался Файолон, отсутствующим взглядом уставившись на фонарь в руке. — Но наверняка прошло немало времени, — добавил он, — в лампе выгорело почти все масло.

Они зашли в кухню, чтобы вернуть фонарь.

— Наконец-то! — с явным облегчением сказала встретившая их Энья. — Куда вы оба с утра подевались? Прошло уже три часа с тех пор, как пора было бы пообедать, и господин Узун сильно за вас волнуется.

— Надеюсь, это не значит, что вы теперь откажетесь нас кормить? — спросил Файолон с явным беспокойством. — Мы опоздали совершенно случайно. Просто не заметили, что уже пора, исследуя следы далекого прошлого.

Энья покачала головой.

— Эх, дети, дети! — вздохнула она. — Кем бы вы ни были — людьми или оддлингами, — все вы одинаковы. Ну, ясное дело, я вас накормлю. Ступайте-ка оба в кабинет и поторопитесь уведомить господина Узуна, что живы и здоровы. Я сейчас подам туда обед.

— Спасибо, Энья, — сказала Майкайла. — Мы стараемся больше не опаздывать к столу.

Узун встретил их довольно хмуро.

— Извини нас, — сказала Майкайла. — Мы долго отсутствовали, зато у меня есть хорошая новость. По-моему, мы нашли кое-кого из тех людей, кто может помочь сделать для тебя новое тело.

— Правда? — искренне удивился оддлинг. — Так быстро? Где? И кто они такие?

— На горе Джидрис есть некое местечко под названием храм Мерет, — сказала Майкайла.

— Верно, — подтвердил Файолон. — Только я сильно сомневаюсь, что тебе стоит туда отправляться, Майка.

— Я знаю, ты говорил, что этот склон горы непрочен и находится на нем небезопасно... — начала Майкайла.

— Даже очень небезопасно, — вставил Узун.

— Но храм-то на другой стороне горы, а там все выглядит довольно устойчиво. Да и то, что мы видели, происходило не в ледяной пещере. Та пещера углубляется в монолитную скалу. К тому же если бы она была ненадежна, эти люди не стали бы там находиться.

— Действительно, — медленно проговорил Узун, — принцесса Харамис нашла свой талисман в ледяной пещере с этой стороны горы Джидрис. И пещера тут же обвалилась, едва только она успела взять талисман. Лишь благодаря тому, что вовремя подоспел верный ее ламмергейер Хилуро, принцесса осталась в живых и благополучно завершила свою миссию.

— Поскольку до храма Мерет я могу добраться не иначе как на ламмергейере, — заметила Майкайла, — совершенно очевидно, что я смогу тут же взлететь, если заподозрю, что северный склон горы непрочен.

— Верно,— согласился Файолон.— И все-таки у меня в связи с этим какое-то дурное предчувствие.

— Я буду разговаривать с тобой каждый вечер,— сказала Майкайла, поправляя рукой зелененькую ленточку на шее,— обещаю тебе. Таким образом, ты будешь все время в курсе моих дел и станешь сообщать новости Узуну.

— Ты хочешь, чтобы я оставался здесь без тебя? — недоуменно посмотрел на собеседницу Файолон.— А что, если Харамис вернется?

— Если она вернется, ты можешь отсюда улететь,— сказала Майкайла.

— Да уж придется,— пробормотал Файолон.— Она ведь непременно меня выставит.

— Однако похоже, в ближайшее время ее возвращение нам не грозит,— произнесла Майкайла и добавила: — К тому же ты можешь следить за ней ежедневно с помощью нашего ледяного зеркала. То есть если она соберется в обратный путь, ты об этом заранее узнаешь и даже успеешь сообщить мне, так что я вернусь раньше нее. Но главная причина, по которой я прошу тебя остаться здесь,— продолжала Майкайла,— состоит в том, чтобы не оставлять Узуну в одиночестве. Он ведь не может спуститься в ледяную пещеру, чтобы узнать, как дела у Харамис, и если тебя с ним не будет, Узуну останется лишь сидеть тут и предаваться мрачным мыслям.

Файолон кивнул:

— Верно, Майка. Стоило бы мне и самому догадаться.

— Добро пожаловать, лорд Файолон,— церемонно произнес Узун.— Оставляйся и будь моим гостем. Для меня будет огромным удовольствием познакомить тебя с той музыкой, что мне известна. И ты, кстати, кажется, упоминал о музыкальных ящичках из тех развалин, что остались со времен Исчезнувших?

— Буду безмерно рад выучить каждую ноту и запомнить каждое слово, что вы мне скажете о музыке, господин Узун,— просиял Файолон,— а также разделить с вами удовольствие послушать эти музыкальные ящички.

— Замечательно,— подытожила Майкайла.— Тогда так и сделаем. А после того, как ты проверишь с помощью зеркала, как чувствует себя Харамис,— добавила она,— сможешь продолжать свои уроки чтения.

— Уроки чтения? — переспросил Узун.— Не может быть, чтобы вы до сих пор не умели читать.

— Да, но не на языке Исчезнувших,— сказал Файолон.— В этом зеркале, по-видимому, есть что-то вроде обучающей программы вдобавок к его удивительной способности показать любого жителя королевства, где бы он в данный момент ни находился и что бы ни делал. Кстати, Майка, я ведь наверняка смогу увидеть в зеркале и тебя. Оно непременно должно тебя узнать, запомнив по этим языковым урокам.

— А если даже и не запомнило,— заметила девочка,— оно в любом случае знает, где храм Мерет.

Она попыталась понять, каким образом зеркало находит нужного человека независимо от его местопребывания. Если бы оно было способно находить только тех, кого уже знает...

— А как это зеркало сумело понять, кто мне нужен, когда я в первый раз попросила показать Харамис? — полюбопытствовала она.

— Его уже просили показать Харамис раньше,— разъяснил Узун.— Орогастус пользовался этим зеркалом, чтобы следить за нею и ее сестрами. Харамис потом сама мне об этом рассказывала.

— Но как, интересно, он в самый первый раз объяснил зеркалу, кто они такие? — недоумевала Майкайла. Арфа ответила молчанием.

Назавтра с утра Майкайла с Файолоном отправились к зеркалу. Харамис уже проснулась, но, видимо, по-прежнему жила в далеком прошлом. Она продолжала спрашивать, где Имму и Узун, и что вообще вокруг происходит, и близко ли уже подошла лаборнокская армия, и по какому это праву ей ничего толком не говорят.

— Похоже, она сильно не в духе,— сказала Майкайла.— Это очевидно, хотя речь у нее все еще довольно не-

внятная. Я знаю, что с моей стороны это очень эгоистично,— вздохнула она,— но все-таки я очень рада, что Харамис здесь нет. Да что и говорить, в Цитадели куда больше народу, и они могут по очереди ухаживать за нею гораздо лучше, чем здешняя прислуга.

— Ты права,— согласился, подумав, Файолон.— Здесь не очень-то много слуг, и, по-моему, им всем и так хватает работы. Если б Харамис лежала больная здесь, положение сделалось бы слишком затруднительным.

— Очень даже затруднительным,— согласилась Майкайла.— Все наверняка ожидали бы, чтобы я за нею ухаживала, а сиделка из меня из рук вон плохая. К тому же Харамис не питает ко мне никаких теплых чувств.

— Ну, на данный момент я бы сказал, что она вообще не питает к тебе никаких чувств — ни теплых, ни прохладных. Она тебя просто совсем не помнит.— Файолон снова взглянул на экран.— Кто знает, может быть, когда Харамис поправится, у вас будет шанс начать все сначала.

— Возможно,— мрачно согласилась Майкайла.— Только сомневаюсь, что это поможет. Не думаю, что из меня когда-либо выйдет человек того типа, что ей нравится.

Файолон молча похлопал Майкайлу по плечу и попросил зеркало начать урок чтения номер два.

После завтрака девочка попрощалась с Узунем и сама удивилась, насколько грустно оказалось с ним расставаться. «Думаю, это в основном из-за того, что он был здесь единственным, кто готов принять меня такой, какая я есть, и никогда не оказывал давления, пытаясь со-творить из меня подобие Харамис».

— А вы с Файолоном старайтесь побольше друг о друге заботиться,— сказала она, пытаясь удержать дрожь в голосе.— Я попытаюсь вернуться как можно скорее и привезти тебе новое тело.

— Счастливого пути, принцесса,— ответил Узун.— И будь осторожнее.

— Ладно,— сказала Майкайла,— хотя я действительно не думаю, что та сторона горы грозит обвалом.

— Гора, может быть, и в порядке,— пробормота Файолон,— но одним лишь Владыкам Воздуха известно, что там за люди.

Глава 15

Ламмергейер приземлился неподалеку от храма, но в таком месте, где их прилет остался незамеченным, и Майкайла зашагала к главным воротам. Природа здесь, на этой стороне горы, казалась какой-то другой, почти дикой, как будто у страны нет и никогда не было покровительницы. «Но ведь Харамис, конечно, должна быть Великой Волшебницей и Лаборнока,— с недоумением подумала Майкайла,— а не одной только Рувенды».

Она сразу отметила, что храм излучает энергию, причем в этой энергии чувствовалось что-то такое, с чем Майкайле не приходилось до сих пор сталкиваться. Свою энергию храм черпал не из земли и не из воздуха, и, по-видимому, на землю она никак не влияла. Энергия храма струилась где-то в воздушном пространстве, как тот туман, что окутал башню, когда они с Файолоном занимались погодной магией. «Да,— поняла Майкайла,— именно на тот туман она и похожа. Это как бы переливающийся через край избыток энергии, не замеченный теми, кто с помощью магии откуда-то ее выкачал».

Произнеся заклинание, чтобы сделаться неприметной, как научил ее Узун, Майкайла тихо вошла в храм и, услышав голоса, направилась в их сторону. Ближайшая к входу часть здания оказалась огромным залом; потолок располагался так высоко, что она едва могла его различить, и хотя все помещение заполняли колонны, весьма разнообразно стилизованные, расстояние между ними оставалось так велико, что здесь свободно мог бы пролететь взрослый ламмергейер, раскинув крылья во всю ширь.

Продолжая идти через зал, Майкайла внимательно рассматривала колонны. У самого входа стояли опоры в форме сросшихся посередине сталактитов и сталагмитов си-

невато-белого цвета, напоминавшего лед. Освещался зал исключительно солнечным светом, проникавшим снаружи, поэтому по мере того, как девочка уходила вглубь, вокруг нее делалось все темнее и темнее. И все-таки здесь было еще достаточно светло, чтобы она смогла различить перемену в форме колонн. Те, что стоят дальше, ближе к середине зала, раскрашены в самые разные цвета и обтесаны в форме всевозможных растений — в основном деревьев, хотя Майкайла узнала среди них и несколько цветов, в том числе и незнакомых ей. Она пожалела, что рассматривает все это не через зеркало и не может спросить древний прибор, как они называются.

Следующая комната, в которую попала Майкайла, располагалась несколько выше уровня первого зала, а потолок ее, наоборот, оказался гораздо ниже. Освещала комнату пара масляных ламп, свисавших с потолка возле дальней стены. Под лампами располагалось некое возвышение, скрытое с одной стороны занавесом; остальную часть комнаты занимали деревянные скамейки, богато украшенные резьбой с причудливым рисунком, расположенные по обеим сторонам центрального прохода. Практически все места на этих скамейках оказались заняты, но в одном дальнем ряду Майкайла отыскала свободное и присела. Ее, кажется, никто не заметил; люди разговаривали друг с другом, ожидая какого-то события.

И вот вошли два человека в длинных черных одеяниях и с золотыми масками на лицах и поднялись на возвышение. Один что-то коротко сказал — Майкайла не разобрала его слов, — и тут же наступила тишина.

Все запели какие-то молитвы, повторяя слова за теми двумя, что стояли на возвышении. Прошло несколько минут, и Майкайла обнаружила, что и сама поет вместе со своими соседями, хотя до сих пор ей не приходилось слышать этой молитвы. Распев этот неумолимо затягивал, и любой человек неизбежно становился его частью — даже если бы закутался с ног до головы непрозрачной тканью и забился в самый темный угол. А может быть, и наоборот, этот распев — как бы часть каждого человека...

— О Мерет, госпожа Южного пика, будь милосердна к нам...

— О Мерет, создающая Ноку, реку жизни, чтобы поднималась она из подземного мира и даровала жизнь стране, будь милосердна к нам...

— О Мерет, избавляющая нас от яда ползучих тварей, будь милостива к нам...

— О Мерет...

Текст молитвы был очень прост и полон повторений; каждый, как бы ни был он бестолков, глух к музыке или совершенно незнаком со здешними обрядами, смог бы уловить его и понять за пару минут. Возможно, именно для этого он создан таким простым.

Однако, несмотря на внешнюю незамысловатость этого распева, Майкайла вдруг погрузилась в какие-то странные ощущения. Казалось, она засыпает, и, хотя по-прежнему продолжает петь, глаза ее сами собой закрываются, несмотря на титанические усилия держать их открытыми, а голова начинает клониться вперед. «Это какое-то волшебство,— поняла она вдруг.— Совсем не того рода магия, с которой знакома я, но все-таки, несомненно, магия». Она изо всех сил постаралась сосредоточиться и воздвигнуть вокруг себя защитное поле — вокруг себя и собственных мыслей, а затем, ощутив по крайней мере временную безопасность, вновь расслабилась, погружаясь в молитвенный распев.

Примерно через полчаса песнопения окончились, и одна из фигур в золотых масках — судя по голосу, мужчина — заговорила. Кое-что из его речи Майкайле показалось уже знакомым; ей приходилось читать об этом в книгах из библиотеки Харамис. Человек продолжал говорить, но вскоре девочка поняла, что отстаиваемая им точка зрения совсем не похожа на то, о чем она читала. В какой-то момент она даже поймала себя на том, что вслух произносит: «Неправда!» К счастью, ее высказывание прозвучало не слишком громко, и голос затерялся в дружном хоре одобрительных восклицаний сидящих рядом людей, выражавших полное согласие со словами своего предводителя. Майкайла наконец окончательно

проснулась и сбросила с себя все чары, навешанные этим песнопением.

Надо признать, что этот оратор здорово умел убеждать. Выглядел он абсолютно искренним, да, вполне вероятно, так оно и было. Но вот идеи, которые он провозглашал, например об абсолютной необходимости жертвоприношения и огромной роли крови (о том, чья это должна быть кровь, он не сказал), предназначенной, чтобы смыть все беды, явно устарели еще много столетий тому назад. Как бы то ни было, Майкайла оставалась уверенной в одном: все книги, которые ей удалось прочитать о религиях подобного рода, были написаны очень, очень давно. А Харамис говорила, что в Рувенде всяческие кровавые жертвоприношения прекратились еще задолго до того, как родилась Великая Волшебница Бина. Так с какой стати кто-то проповедует их теперь?

«Ну что ж, это ведь Лаборнок, а не Рувенда,— подумала Майкайла.— И все-таки Лаборнок с Рувендой объединены почти два века тому назад, с тех пор как принц Ангар вступил в брак с принцессой Анигель; а этот принц был последним отпрыском королевской семьи Лаборнока, если мне не изменяет память.

Конечно, будучи самой младшей из принцесс, я так толком и не изучала историю правящей династии, и все-таки в том, что Лаборнок управляется теперь из Цитадели, никаких сомнений быть не может. Каким же чудом уцелела здесь подобная религия?

А все же, пожалуй, стоит порадоваться, что она уцелела, если с ее помощью можно будет раздобыть подходящее тело для Узуна. Все остальное в данном случае не имеет значения. И к тому же если сама Харамис использовала кровь, чтобы обратить Узуна в арфу, значит, связанные с кровью магические ритуалы не являются такими уж запретными и их не стоит огульно отвергать».

Здесь, в этой комнате, явно присутствуют волшебные чары. Майкайла отчетливо чувствовала поднимающийся уровень энергии. С энергетическими полями и их волшебной силой она знакома давно. Еще с детства она всем этим пользовалась, когда, например, нужно было пере-

говорить с Файолоном, не открывая рта. Но тогда Майкайла не понимала еще, что занимается магией,— не понимала до тех пор, пока Харамис не начала ее обучать.

Однако та магическая сила, с которой она так хорошо знакома,— это личная сила, создаваемая одним человеком или оддлингом, хотя саму энергию личность может почерпнуть и извне, сидя, например, на ярком солнечном свете и заряжаясь теплотой его лучей. А с тех пор как Харамис начала преподавать свой довольно сумбурный и переполненный курс под названием «Великое множество трудных уроков на тему о том, как стать Великой Волшебницей», Майкайла успела уже очень много узнать о самых разных источниках энергии и их использовании для магических целей.

И все-таки то, что она почерпнула из уроков Харамис, по-прежнему базируется на магической силе одной личности, связанной с самою страной, но никак не с другими людьми. Здесь же происходит что-то совсем другое. Группа людей связана воедино и составляет единый источник энергии — даже сама Майкайла, несмотря на достаточно высокую подготовку в области магии и воздвигнутые поля персональной защиты, чувствует, что ее тоже втягивает в это единое целое. Так кто же распоряжается всей собранной энергией?

Мужчина на возвышении окончил речь, и продолжились песнопения. На этот раз, хотя все собрание, включая недавнего оратора, распевало те же самые слова, что и прежде, другой стоящий на возвышении человек, а также, судя по голосам, несколько женщин запели нечто иное. Музыкальные фразы составляли контрапункт к первым, а текст звучал на каком-то неизвестном девочке языке. Майкайла огляделась и не заметила в зале ни единой представительницы женского пола, кроме себя самой. Но ведь часть возвышения впереди скрыта занавесом; наверное, за ними-то и спрятаны певицы. Все действие производило впечатление чего-то необычайного и мистического. «Пожалуй,— подумала Майкайла,— это даже наводит на мысль о привидениях».

Молитвенный распев вновь захватил девочку целиком. Вскоре ей уже казалось, что он всегда был неотделим от нее и продолжаться будет вечно; вряд ли ей удалось бы теперь вспомнить хотя бы короткий миг жизни, проведенный вне этой комнаты, вне этого пения, этой монотонной молитвы, вместе со всеми присутствующими. Она не заметила, как уснула.

— Так-так! Что же это такое у нас появилось? Дар Богини?

Майкайла села, протерла глаза и перевела их на стоящего над ней юношу. Далеко не сразу ей удалось понять, где она находится, вспомнить храм Мерет и наконец догадаться, что уснула на той самой скамье, на которой сидела во время молитвы. Стоящий рядом парень, примерно на три-четыре года старше ее, небрежно держал в руке веник. «Видно, заклинание, делавшее меня незаметной, перестало работать, когда я уснула,— сообразила Майкайла.— Вот он меня и нашел, когда добрался до этого угла».

— Ищешь тепленькое местечко, чтобы переночевать? — спросил парень, нахально обшаривая Майкайлу плотоядными глазами.— Могу составить компанию на ночь, красотка. Держу пари, мы славно поладим.

Он отбросил веник на скамью, подался вперед, прижал Майкайлу к стене и поцеловал. Сперва она была так ошарашена, что не смогла даже пошевелиться, но когда этот тип попытался просунуть язык между ее губами, Майкайлу охватила неистовая ярость. Сжав правую руку в кулак, она изо всех сил двинула ему под дых. Парень опустил руки и согнулся пополам, отчаянным усилием пытаясь вздохнуть.

— Да как ты смеешь! — воскликнула она, оттолкнув этого наглеца и перебегая в середину комнаты, дабы ее снова не загнали в угол.— Ты что, умом тронулся? Чтобы со мной так обращались — да это же просто неслыханно!

— Эй, девчонка! — фыркнул парень, когда смог наконец нормально вздохнуть, и снова двинулся к ней, хотя уже и с некоторой опаской.— Скажи же, наконец, во

имя червей болотных, какая муха тебя укусила? Ведешь себя как царственнородная девственница!

— А я и есть царственнородная девственница! — таким же тоном ответила Майкайла.

— Ну да, разумеется, — издевательски произнес он, — а я тогда Супруг Богини Мерет!

— Вот как? — перебил вдруг невозмутимо спокойный голос со стороны возвышения в передней части комнаты. — Это довольно необычно, мне-то всегда казалось, будто я сам занимаю сей пост.

Майкайла тут же узнала того самого мужчину, который руководил ритуалом. На нем по-прежнему была длинная черная накидка, но золотая маска уже не прикрывала лица.

Лицо Майкайле понравилось. Обрамленное довольно густыми седыми волосами, оно имело правильные черты и теперь озарилось легкой веселой насмешкой.

— Так в чем дело, Тимон?

— Она, — Тимон с насмешливым презрением указал на Майкайлу, — утверждает, будто является царственно-родной девственницей.

Супруг Богини отнесся к этим словам вполне серьезно. Лицо его выразило задумчивость. Потом он вдруг проделал руками какой-то необычный жест — пальцы мужчины причудливо вывернулись, но Майкайла не успела уследить, как именно. Вокруг нее вдруг засветилась голубая аура. От удивления она едва перевела дух.

— Тебе нечего бояться, дитя мое, — заговорил Супруг Богини, — если, конечно, ты будешь говорить одну правду. Так ты девственна?

— Да, — ответила Майкайла. Голубое свечение несколько не изменилось.

— Ну вот, Тимон, — проговорил мужчина, — как видишь, она действительно девственна. А девственницы столь редки, что мы просто не можем ни одну из них потерять. — Его взгляд, обращенный на молодого парня, сделался вдруг очень жестким. — Так что забудь-ка обо всех планах, которые ты на ее счет тут строил, и раз и навсегда оставь ее в покое.

Тимон заметно помрачнел, однако поклонился в знак покорности.

Супруг Богини обернулся к Майкайле:

— Ступай со мною, дитя мое.

Майкайла на мгновение призадумалась, не вызвать ли ламмергейера и не улететь ли на нем подобру-поздорову. «Но я ведь не просто так сюда прилетела,— напомнила она себе,— мне надо раздобыть новое тело для Узуна. Возвращаться прямо сейчас не имеет никакого смысла, да и вряд ли Супруг Богини Мерет замышляет против меня что-то недоброе. Внешность его внушает доверие. Пожалуй, он согласится помочь мне».

Жрец провел ее через дверь, в которую перед этим входил сам, затем по коридору куда-то налево, и наконец они достигли комнаты, по всей видимости служившей библиотекой. Вокруг Майкайлы до сих пор продолжала сверкать голубая аура — она двигалась вместе с нею,— но девочка перестала обращать на нее внимание. Все ее мысли заняли разложенные по всей комнате свитки. «Да их библиотека будет побольше, чем библиотека Цитадели и Харамис вместе взятые,— с благоговением перед этим кладезем знаний подумала она.— Наверняка здесь должны найтись ответы на самые трудные вопросы, с которыми придется столкнуться, чтобы помочь Узуну».

Супруг Богини два раза резко хлопнул в ладоши, и в комнату вбежал одетый в короткую черную тунику, подпоясанную тонким шнурком, мальчик.

— Да, отец мой,— произнес он, явно ожидая приказаний.

— Поприветствуй от моего имени Старшую Дочь Богини Мерет и скажи, что я буду ей очень признателен, если она как можно скорее придет сюда ко мне.

Мальчик не произнес ни слова. Он только поклонился и выбежал из комнаты. Через пару минут раздался звук шагов — ноги, видимо, были обуты в сандалии — по каменному полу, и в комнате появилась высокая женщина в черном одеянии.

— Что будет угодно, отец мой? — спросила она почтительно и тут заметила Майкайлу.— Кто эта девочка?

Супруг Богини уселся на богато украшенное резьбою кресло и указал Майкайле на стоящую тут же скамью. Женщина в черном присела на стул возле одного из предназначенных для чтения столиков.

— Мне хотелось бы, чтобы ты ответила на несколько вопросов.— Мужчина ободряюще улыбнулся, глядя на Майкайлу.— Ты говорила, что ты девственница, правда?

— Да,— ответила девочка, стараясь не показать, что все это начинает наводить на нее скуку. Она уже устала повторять одно и то же. «Ну и что такого жизненно важного они находят в девственности? — размышляла она.— Нет человека, который не был бы девственным — сразу после рождения».

— И ты принадлежишь к королевскому роду? — При этих словах Супруга Богини глаза женщины вдруг сверкнули, резко расширившись.

— Да,— подтвердила она.

— Кто твои родители?

Майкайла внезапно решила, что называть имена родителей не следует. Может, свою роль сыграло то, что Узун когда-то сообщил ей во время уроков по магии. «Имена наделены большой силой,— говорил он.— Знать чье-то имя — значит иметь власть над этой личностью».

— Мой отец — король Рувенды и Лаборнока,— сказала Майкайла, не углубляясь в подробности,— а мать — королева.

— Твоя мать тоже принадлежит к королевской фамилии по рождению? — спросил жрец.

— Принцесса Барская,— кратко ответила Майкайла.

— Прошу великодушно простить меня, отец мой,— тихим голосом начала женщина,— не позволите ли?

Мужчина кивнул.

— Означает ли это, что ты одна из прямых потомков принца Ангара Лаборнокского?

— Того самого, что женился на принцессе Ангель? — Живя у волшебницы, Майкайла узнала о принцессах-тройняшках и об истории поисков их талисманов даже больше, чем ей хотелось, несмотря на то что становилась в высшей степени рассеянной и невнимательной,

когда разговор переходил на эту тему. К тому же Файолон и Узун проводили долгие часы, распевая баллады, посвященные этим давним событиям.

— Да,— подтвердила женщина.

— В таком случае я действительно отношусь к его потомкам. Ангар и Анигель — мои... я не знаю сколько раз прапрапра... дедушка и бабушка.

— Принцесса из Лаборнокской королевской семьи,— потеплевшим голосом произнесла женщина,— с трудом верится. Воистину Мерет благоволит нам.

— Воистину,— пробормотал мужчина себе под нос.— А твои родители знают, что ты здесь? — осведомился он, возвращаясь к вопросам более практическим.

— Нет,— сказала Майкайла.— Если они вообще обо мне вспоминают, то, скорее всего, думают, что я сижу взаперти в башне Великой Волшебницы.

Две пары бровей одновременно поползли вверх, и две пары глаз задумчиво уставились на Майкайлу.

— Сидишь взаперти? — переспросил мужчина.— Почему?

— Волшебнице стукнула в голову сумасшедшая идея, что мне надлежит стать ее преемницей,— объяснила Майкайла.— Она прибрала меня к рукам, когда мне было двенадцать, и с тех пор я не видела собственную семью и вообще не покидала башню.

— Похоже, у тебя отнюдь не сладкая жизнь,— заметила женщина.— Кем же, по мнению Великой Волшебницы, ты стала теперь и почему она вдруг отпустила тебя в путь?

— Она меня никуда не отпускала,— ухмыльнулась девочка,— и понятия не имеет о том, где я теперь. По моим последним сведениям, она сейчас даже не помнит, что я вообще существую.

Устремленные на Майкайлу две пары глаз приняли недоуменное выражение, и она стала объяснять подробнее:

— Она отправилась в Цитадель, и там ее вдруг свалила болезнь — что-то вроде приступа. Теперь она многого не помнит, особенно последних событий. А со мной она знакома только около двух лет.

Супруг и Старшая Дочь Богини обменялись многозначительными взглядами.

— Два года,— повторил он. Очевидно, для него эта цифра не была пустым звуком.

— Она тебя обучала, чтобы подготовить к роли Великой Волшебницы,— произнесла Дочь Богини. В ее словах не было вопроса, но Майкайла все равно кивнула.— Это многое объясняет,— заметила женщина.

«Они что, тоже заметили происходящие с землей странности? — размышляла Майкайла.— Харамис ведь должна быть Покровительницей не только Рувенды, но и Лаборнока; нарушила ли ее болезнь порядок и равновесие и здесь тоже? Вообще-то, у меня не создалось такого впечатления, но ведь я не знаю Лаборнок так же хорошо, как Рувенду».

— Да,— согласился Супруг Богини и снова обратился к Майкайле: — В таком случае для чего ты оказалась здесь?

Девочка решила умолчать о «магическом зеркале». Она слишком хорошо помнила, как рассердилась Харамис при упоминании приборов Исчезнувших, а ведь эти люди тоже связаны с магией...

— У меня есть друг,— начала она объяснять,— и ему нужно новое тело. В одном видении я обратила внимание на ваш храм: здесь несколько человек проделывали некий ритуал над статуей.— Она сдвинула брови, стараясь поточнее припомнить увиденную картину и найти подходящие слова, чтобы ее описать.— Ритуал был связан с чем-то вроде «отверзания уст», вот я и подумала, может быть, здесь смогут помочь мне сделать для моего друга новое тело.

— А что случилось с его теперешним телом? — спросил мужчина.

— Это арфа.

— Арфа? — В голосе Супруга Богини прозвучали нотки недоверия.— Ты ничего не путаешь?

— Разумеется, нет,— сказала Майкайла.— Мы ведь жили с ним в одной башне. В настоящее время он является арфой. Он слеп, не способен передвигаться и оттого

несчастен. Особенно с тех пор, как волшебница заболела, потому что он не может при помощи магических средств глядеть в воду, чтобы увидеть ее так, как вижу я. А она продолжает о нем расспрашивать — забыв, что примерно сто восемьдесят лет назад обратила его в арфу, — и ему очень хочется отправиться к ней, но это, увы, невозможно.

— Так он пробыл арфой почти два века? — спросил Супруг Богини.

Девочка кивнула.

— И каким образом его обратили в эту арфу?

— Какой-то мастер изготовил сам инструмент, — объяснила Майкайла, — а волшебница вылила немножко собственной крови в прорезь на середине верхней части рамы. К верхушке арфы приделана костяная накладка, когда-то служившая моему другу черепом.

— Следовательно, у тебя есть доступ к частице его первоначального тела — этому кусочку кости, — задумчиво произнес жрец, — а дух его покоится внутри некой арфы. Да, пожалуй, при таких условиях я могу гарантировать, что нам удастся сделать для него новое тело. — Он взглянул на Майкайлу: — Как твое имя?

Ее по-прежнему окружала голубая аура, и она не сомневалась, что это результат действия некоего магического детектора лжи. Отказаться же назвать имя — значит наверняка не добиться от этих людей никакой помощи...

— Майкайла.

— Принцесса Майкайла, — Супруг Богини слегка поклонился ей, — я полагаю, мы сможем изготовить для вашего друга новое тело. Готова ли и ты помочь нам?

— Если смогу, — осторожно ответила она.

— Мы хотим, чтобы каждый год на протяжении следующих семи лет ты проводила один месяц с нами, — произнес жрец. — Каждую весну, когда разливаются река и Три Луны сходятся вместе, — согласна ли ты проводить в это время один месяц с нами в качестве Дочери Богини, живя вместе с другими Дочерьями и принимая участие в обрядах?

— Тогда кому-нибудь придется обучить меня вашим обрядам,— сказала Майкайла.

«Понять не могу, что проку в том, если у них будет одной Дочерью Богини больше. Какое это имеет значение для исполнения обрядов? — размышляла она.— Но если это все, чего они хотят, то я наверняка справлюсь. По крайней мере, будет хоть какая-то перемена в жизни, не вечно же выслушивать придирки Харамис или причитания Узуна».

— Мы обучим тебя всему, что полагается знать,— сказала Старшая Дочь Богини.— Но осознаешь ли ты, что тебе придется остаться девственницей на все предстоящие семь лет?

— Ну, с этим уж никаких проблем не будет,— сказала Майкайла.— Харамис вообще хочет, чтобы я осталась девственной до самой смерти.

— Харамис — это Великая Волшебница? — спросил Супруг Богини.

«Ох-ох-ох! Я же вовсе не собиралась произносить ее имя...— подумала Майкайла.— Хотя, с другой стороны, о ней сложено столько баллад, что ее имя давно уже не секрет». Она кивнула.

— Давала ли ты ей какие-нибудь обеты? — спросил мужчина.— Или кому-нибудь другому?

— Нет,— сказала Майкайла, и в голосе ее прозвучала накопившаяся за два года обида на Харамис.— Она с утра до вечера пичкает меня наставлениями, и ни до чего другого у нее руки не доходят.

Ее собеседники улыбнулись.

— А вот мы попросим тебя дать слово,— сказал Супруг Богини.— Итак, в обмен на новое тело для твоего друга согласна ли ты проводить с нами по одному месяцу каждый год на протяжении следующих семи лет?

— Да,— сказала Майкайла,— согласна.

— Очень хорошо,— подытожил мужчина.— Я поговорю с Дарующим Жизнь о новом теле для твоего друга. На то, чтобы сотворить его, потребуется семьдесят дней. Сможешь ли ты все это время оставаться с нами?

Майкайла припомнила, в каком состоянии в последний раз лицезрела Харамис. «Вряд ли она вспомнит обо мне раньше, чем пройдут эти семьдесят дней,— подумала она.— Семьдесят дней — это не так уж много. Но даже если она и вернется раньше, дело того стоит. Пускай сердится на то, что я покинула башню, мне все равно. Узун — настоящий друг, он всегда был так добр и внимателен, и я отдам все силы для того, чтобы помочь ему».

— Да, я смогу пробыть здесь все это время,— произнесла она вслух.

— Замечательно,— сказал Супруг Богини и обернулся к женщине: — Поручаю эту девочку тебе, Старшая Дочь.

Та встала, и Майкайла поспешила последовать ее примеру.

— Да, отец мой,— поклонилась женщина и повернулась к Майкайле: — Пойдем со мною, юная сестра.

Девочка с достоинством поклонилась жрецу.

— Благодарю вас, отец мой,— произнесла она.

Тот улыбнулся и кивнул, явно давая понять, что аудиенция окончена. Старшая Дочь взяла Майкайлу за руку и торопливо повела по коридорам.

— Тебя поселят вместе с Дочерьми Богини,— объяснила она.— Личные имена у нас здесь не в ходу. Вижу, ты осознаешь, что имя наделено силой: я заметила, что ты не стала называть имена родителей. Теперь, будучи одной из Дочерей Богини, ты должна обращаться к ее Супругу как к отцу. Меня называй старшей сестрой, а прочих Дочерей Богини зови сестрами. Тебе все понятно?

— Да, старшая сестра,— сказала Майкайла, стараясь запомнить все, что ей говорят. У нее создавалось впечатление, что эти люди ожидают быстрого и точного усвоения всех преподанных уроков, и в первый раз за долгое время ей захотелось оправдать надежды учителей.

Она ведь пришла сюда сама, по собственной воле и ради собственных целей. Она дала слово и получила от этих людей равноценное обещание в ответ — что и говорить, ситуация совсем не такая, как в башне Харамис. Майкайла не очень-то хорошо понимала, чего именно от нее хотят и чему придется научиться, но ради Узунa, ра-

ди того, чтоб раздобыть для него подходящее тело, она готова стараться изо всех сил и стать для этих людей тем, кем они хотят ее видеть. «И к тому же,— подумала девочка,— они меня спрашивали, согласна ли я; они не ограничились просто словами “сделай то-то и то-то” и не стали ожидать механического исполнения приказаний, как от безмозглой куклы».

Женщина привела Майкайлу в переднюю, и они проследовали через закрытый занавеской дверной проем. По другую сторону занавеса оказалась большая комната, вырубленная прямо в скале. Ее освещали укрепленные на стенах через равные промежутки факелы. Ярко раскрашенные занавески скрывали вход в другие помещения.

— Здесь живут Дочери Богини,— объяснила женщина.— За эти занавески тебе не следует заходить без разрешения. Так же как и покидать это жилище без сопровождения кого-нибудь из Дочерей. Тебе все понятно?

— Да, старшая сестра.

— Хорошо.— Жрица резко хлопнула в ладоши; звук эхом прокатился по помещению. Из боковых комнат вышли четыре девушки; всем им на вид было на четыре—шесть лет больше, чем Майкайле. Они с любопытством принялись разглядывать ее; впрочем, все они оказались очень милы. На каждой девушке было одеяние из плотной белой материи с длинными рукавами, закрывавшее всю фигуру от самой шеи до кончиков ног. Поясами служили такие же белые шнуры.

— У нас появилась новая сестра,— объявила Старшая Дочь.

— Добро пожаловать, сестра,— хором пробормотали девушки, Майкайла тут же заметила, что говорят они одновременно, в одном ритме и на одной ноте.

— Благодарю вас за гостеприимство, сестры,— ответила она.

Хотелось надеяться, что она сумеет хорошо вписаться в эту компанию. Ну что ж, по крайней мере, в отличие от Харамис, ни одна из этих девушек, кажется, не намерена с первого взгляда проникнуться к ней неприязнью. Может быть, удастся завязать с ними настоящую дружбу.

— Твоей комнатой станет та, на которой зеленая занавеска, — сообщила Старшая Дочь, — там есть сундук с одеждой, которая тебе должна подойти. Переоденься, пожалуйста, и присоединяйся к нам. Тебе многому предстоит научиться.

— Да, старшая сестра. — И Майкайла поспешила сделать то, что ей сказали.

Глава 16

Она быстро обследовала свою новую комнату — маленькую и с очень низким потолком, до которого девочка свободно дотягивалась рукой. Вдоль одной стены стояла кровать, покрытая какой-то шкурой, — Майкайла так и не смогла понять, какому животному она принадлежит. У изголовья кровати располагалась полка с кувшином воды, тазиком для умывания и полотенцем из грубой ткани. Сундук с одеждой, о котором упоминала Старшая Дочь Богини, стоял с другой стороны, в ногах.

Майкайла переделалась в такое же белое платье, какие носили другие Дочери Богини. В сундуке их оказалось несколько, а заодно и пара одеяний другого цвета. Майкайлу весьма порадовало, что высокий вырез платья не позволит никому увидеть ленточку, на которой висит у нее шарик, а толстая ткань напрочь заглушит любой звук, который может от него исходить.

В отличие от помещений в башне эти комнаты не слишком хорошо прогреваются — наверняка именно из-за этого здесь пользуются такой плотной одеждой. Однако единственная обувь, которую Майкайла нашла в сундуке, оказалась сандалиями. Она переобулась в них, припоминая, что и Супруг Богини, и Старшая Дочь тоже носят точно такие же. Видно, этот обычай распространяется на всех. Особенно если человеку нет причин покидать храм. Майкайла стала вспоминать, как он выглядит снаружи. Когда она приближалась к храму по воздуху, летя на ламмергейере, то сверху он был практи-

чески невидим. Даже если глядеть прямо на него — а сверху это невозможно, — храм все равно будет смотреться как обычная природная пещера. Здешние обитатели, видимо, никогда не выходят наружу. Однако где же, в таком случае, они добывают еду и все необходимое?

«Ну, хватит об этом, — сказала себе Майкайла, — сейчас нет времени пускаться в детальные исследования здешнего общества. Надо сперва привыкнуть к новой обстановке и усвоить все, чему будут учить».

Она вернулась в общую комнату. В дальнем ее конце стояла одна большая скамья, расположенная прямо перед камином. Все остальные Дочери Богини уже сидели там и поджидали Майкайлу. Та, что располагалась с самого краю, хлопнула ладонью по скамье рядом с собой, и девочка тут же заняла указанное место.

Старшая Дочь Богини встала и повернулась лицом к остальным.

— Поскольку наша новая сестра еще не знает обычаев, начнем с песнопений Зари. — Она перевела взгляд на Майкайлу. — Я буду петь по одной строчке, а ты повторяй.

Майкайла кивнула.

— Приветствуем тебя, о Мерет...

— Приветствуем тебя, о Мерет, — не без труда повторила девочка. К счастью, все Дочери Богини произносили тексты вместе с нею, поэтому любая ошибка, которую Майкайла могла бы совершить, резко не выделялась. И все-таки ее не покидало неприятное чувство, что Старшая Дочь Богини все равно слышит эти ошибки все до единой. Однако Майкайла, по крайней мере, не чувствовала себя одинокой или выставленной напоказ, как это бывало, когда Харамис принималась обучать ее.

— Госпожа вечности и царица Богов...

— Госпожа вечности и царица Богов...

— Обладающая множеством имен и священная во своем воплощении...

— Обладающая множеством имен и священная во своем воплощении...

— Госпожа таинств во своем храме...

— Госпожа таинств во своем храме...

К тому времени, когда подали ужин — весьма скромный, состоящий из хлеба, фруктов и воды,— они уже разобрались с песнопениями Зари, Первого часа после восхода солнца. Третьего часа. Часа, когда солнце пребывает в зените. Девятого часа. Часа, когда солнце обнимает Священный Пик, и Второго часа тьмы. Майкайлу уже не удивляло, почему все Дочери Богини говорят в унисон: пожалуй, куда больше необычного было бы, если бы им удавалось сохранить способность говорить по отдельности.

За ужином Старшая Дочь принялась читать длинное и скучное повествование о простом крестьянине, у которого бесчестный староста несправедливо отобрал имущество. Когда крестьянин со своей жалобой дошел до мирового судьи, того так поразила необычайная способность этого крестьянина четко и красиво излагать свои доводы, что он растянул слушание дела на целых десять заседаний суда только ради того, чтобы послушать виртуозные речи истца.

В конце концов судья вынес решение в пользу крестьянина и справедливость все-таки восторжествовала. Но от внимания Майкайлы не ускользнуло, как долго тянулась вся история, как много прошло времени от ее начала до благополучного завершения. «Мой отец разрешил бы такое дело с первого раза,— подумала она.— Да и любой здравомыслящий человек поступил бы так же».

— Скажи мне, младшая сестра, чему учит нас эта история?

Майкайла с замиранием сердца подумала было, что Старшая Дочь Богини обращается к ней. Но тут ответила одна из девушек, и Майкайла поняла, что «младшая сестра» — видимо, какой-то особый титул, потому что ответившая выглядела далеко не самой младшей среди всех.

— Рассказ учит нас ценить молчание и делать нашу речь простой и краткой, если уж речь действительно необходима,— отчеканила девушка.— Если б крестьянин не

был столь велеречив, дело его решилось бы на первом же заседании суда. Красота слога дорого обошлась ему.

«Да уж, он убил не меньше, чем целый год жизни,— подумала Майкайла.— А может, и больше — в зависимости от того, как часто этот судья устраивал заседания».

Раздался звук гонга, в который ударили где-то со стороны центральной части храма. Все Дочери Богини одновременно встали, Майкайла последовала их примеру.

Старшая Дочь Богини добродушно ей улыбнулась.

— Настало время обряда, посвященного Второму часу тьмы, моя юная сестра,— сказала она,— но сегодня тебе не обязательно в нем участвовать. Мы дадим тебе время как следует свыкнуться с нашими ритуалами, прежде чем ты присоедишься к их исполнению. Так что сейчас можешь спокойно ложиться спать.

— Спасибо, старшая сестра,— произнесла Майкайла с чувством искренней благодарности.

Дочери Богини построились гуськом вслед за Старшей и вереницей удалились за занавес, начав мелодично распевать молитву еще в прихожей.

Майкайла отправилась в свою комнату и переоделась в пижаму, которую отыскала в том же сундуке. Пижамы эта была сшита из такой же плотной и тяжелой ткани, как и дневные одежды. Но Майкайла была этому только рада, поскольку в комнате царил холод. Она забралась в постель и вытащила из-под одежды шарик. Лицо Файолы показалось на нем почти мгновенно.

— Майка, у тебя все в порядке?

— Да, все замечательно,— уверила Майкайла.— Тебе бы здесь понравилось: они меня учат пению. Сегодня мы прошли семь религиозных служб, и все они предназначены для повседневного исполнения, а ведь у них наверняка множество особых песнопений для выходных дней и праздников.

— Я видел, как этот Тимон пытался тебя поцеловать,— мрачно произнес Файолон,— но когда к вам вышел жрец, я вдруг лишился возможности что-либо наблюдать.

— Так, значит, ты не видал библиотеки? — спросила Майкайла.— Вот это досадно; у них там больше книг и

рукописных свитков, чем в Цитадели и у Белой Дамы, вместе взятых. Насчет Тимона можешь не беспокоиться: он больше не посмеет ко мне подойти. Меня поместили вместе с Дочерьми Богини, так что обо мне будут так заботиться, что сама Харамис не нашла бы повода придраться. Да, кстати, как там Харамис?

Файолон пожал плечами:

— Примерно так же. А когда ты вернешься?

— Через семьдесят дней, начиная с сегодняшнего. За такой срок они обещают сделать новое тело.

— Так, значит, они могут с этим управиться? — Его взгляд выразил радостное удивление. — И они согласились?

— Да, — улыбаясь, ответила Майкайла, — наконец-то я начинаю делать хоть что-то полезное. Знал бы ты, как прекрасно это осознавать. Особенно после двух лет жизни возле Харамис!

— А что они желают получить взамен? — Файолон выглядел озабоченным.

— Как раз то, что я делаю сейчас, — заверила Майкайла. — Они захотели лишь, чтоб я была некоторое время одной из Дочерей Богини.

— Ну, в этом, кажется, нет никакой опасности. Но если что-нибудь вдруг будет не так, тут же вызывай ламмергейера и выбирайся оттуда, ясно?

— Так и сделаю, — успокоила его девочка, — хотя не думаю, что это понадобится. Все здешние обитатели выглядят очень милыми и добродушными, за исключением разве что Тимона. Но ему строго-настрого приказали оставить меня в покое.

— И ты считаешь, что он подчинится этому приказу? — с сомнением спросил Файолон.

— Насчет этого не волнуйся, — сказала Майкайла, — я в этом не сомневаюсь. Супруг Богини, судя по всему, человек добрый, но вовсе не из тех, кого можно слушаться.

— Будь осторожна, Майка.

— Не беспокойся! — Она зевнула. — Я собираюсь спать. Сегодняшний день меня изрядно вымотал. Пере-

дай Узуну привет и наилучшие пожелания. Спокойной ночи, Файолон.

— Спокойной ночи, Майка.

Майкайла снова засунула шарик за вырез пижамы.

— Не иначе как я начну скоро распевать эти молитвы даже во сне,— пробормотала она, укладываясь поудобнее и натягивая на себя меховое одеяло.

Перед самым восходом солнца Майкайлу разбудил перезвон колокольчика в главной комнате жилища Дочерей Богини. Она торопливо поднялась, умылась, переоделась в одно из тяжеловесных белых дневных платьев и, убедившись, что ленточка, на которой подвешен шарик, не видна, вышла в главную комнату. Остальные Дочери Богини уже собрались там. Майкайла с удовлетворением отметила, что одеты они точно так же.

«Кажется, я выбрала именно ту одежду, что нужно,— сказала она себе,— стало быть, пока все идет как надо».

К ней приблизилась Старшая Дочь Богини и зашептала на ухо:

— До конца ритуала, посвященного Первому часу, ты не должна разговаривать. Следуй за нами в Святилище. Займешь там свое место вместе с остальными, но только не говори ничего, пока я не подам знак, что уже можно.

Майкайла молча кивнула и пристроилась в конце вереницы. Девушки вышли за занавеску.

Отведенным им местом в Святилище оказалась скамья, установленная сбоку от возвышения, на котором Майкайла впервые увидела Супруга Богини. От остальной части комнаты эту скамью отделял занавес, так что прочие собравшиеся здесь не могли их видеть. Майкайла очень этому порадовалась, вспоминая, какими глазами смотрел на нее вчера Тимон.

С другого конца комнаты вошел Супруг Богини, одетый во все черное и с золотой маской на лице. Старшая Дочь тоже взяла свою маску, хранившуюся на полке над скамьей, надела ее и приблизилась к жрецу. Начался молитвенный распев, к которому присоединились Дочери Богини и все собрание. Майкайла изо всех сил сжимала челюсти, чтобы не запеть вместе с остальными.

Приветствуем тебя, о Мерет,
Госпожа вечности и царица Богов,
Обладательница множества имен,
Благословенная во своих воплощениях,
Госпожа таинств во твоём храме,
Благороднейшая духом, первейшая в Дероргуиле,
Дарующая Лаборноку обильные урожаи,
Госпожа памяти в справедливом суде,
Сокрытый дух пещер,
Благословенная в ледяных пещерах.
Священный Пик есть тело твое,
Река Ноку есть кровь твоя...

Песнопения продолжались с полчаса, и вдруг Майкайла поняла, что не помнит даже половины слов, а когда распев повторился вновь и Дочери Богини перешли на другую мелодию, запев на непонятном языке, она совершенно растерялась. Этой части ритуала Майкайлу даже не начинали обучать.

«Во имя Цветка,— подумала она,— как же много мне придется выучить, прежде чем я смогу хотя бы сделать первые шаги в качестве одной из Дочерей Богини! Остается лишь надеяться, что все-таки справлюсь». На этот раз она не впала в транс, в котором пребывала вчера во время подобного ритуала. Она так и не смогла решить, хорошо это или плохо, хотя, что ни говори, сидеть здесь, изо всех сил пытаясь расслышать и запомнить слова и повороты мелодии, чувствуя, что лишь с трудом способна что-нибудь понять, не очень-то приятно. Вот если бы опять погрузиться в транс и уснуть... Однако, пожалуй, тогда Майкайла забудется и присоединится к общему хору, а этого наверняка никто не одобрит.

Наконец в череде песнопений зазвучало место, в котором Майкайла узнала окончание ритуала, связанного с восходом солнца. Она вся напряглась, сидя на своем конце скамьи, готовая повторить каждое движение вслед за другими. Однако все продолжали сидеть так же спокойно и неподвижно, за исключением Старшей Дочери. Та тоже зашла за занавес и уселась на скамью с противоположной от Майкайлы стороны. Девочка вытянула шею,

разглядывая свою наставницу, и заметила, что Старшая Дочь Богини даже не сняла маски. Остальные сидели смирно, опустив глаза долу и глядя на свои сомкнутые ладони. Майкайла скопировала эту позу и стала ждать, что произойдет дальше.

Некоторое время все молчали — эта пауза показалась Майкайле бесконечной, — а затем Старшая Дочь Богини снова встала и, выйдя на возвышение, присоединилась к жрецу. Распев потянулся снова, и через несколько минут Майкайла узнала в нем ритуал, посвященный Первому часу после восхода солнца.

«О,— поняла она наконец,— между этими двумя ритуалами так мало времени, что никто даже не уходит отсюда.— Девочка попыталась вспомнить, насколько длинен обряд, посвященный Первому часу.— По-моему, он чуть короче, чем тот, что связан с восходом солнца, хотя, возможно, я выдаю желаемое за действительное... О, Владыки Воздуха, как же я голодна! Ладно, будем надеяться, что завтрак подадут сразу же, как только все это кончится».

Но вот обряд подошел к концу, и Старшая Дочь Богини вернулась к скамье, сняла маску и убрала ее, а затем повела всех в жилые комнаты. К огромной радости Майкайлы, на столе уже ждал завтрак. Состоял он из хлеба и фруктов, а питьем служила простая вода, но, по крайней мере, пищи было много, а новоприобретенные сестры не переставали протягивать Майкайле все новые и новые куски, так что она в конце концов насытилась.

Завтрак окончился, но никто не встал из-за стола. Началось обсуждение предстоящего дня.

— Дарующий Жизнь желает говорить нынешним утром с нашей новой сестрой,— объявила Старшая Дочь Богини.— Вы,— она указала на сидящих возле Майкайлы двух девушек,— проводите ее в мастерскую по окончании Третьего часа.

Девушки кивнули.

«По окончании Третьего часа», насколько Майкайла могла понять, означало то время, когда закончится соответствующий ритуал. Постепенно она начала осознавать

свое место в жизни храма. «Мне нужно только держать язык за зубами и следовать повсюду за сестрами, а уж с такой задачей справиться не трудно, — рассуждала она. — Как странно, что никто на тебя не кричит, не придирается, не распекает, называя неблагодарной. Мне и вправду начинает здесь нравиться».

— До наступления Третьего часа мы с вами еще раз поработаем над распевом Зари, — объявила Старшая Дочь Богини. Девушки, так же как и в прошлый раз, расселись по местам на стоящей возле очага скамье и принялись петь. На этот раз Дочь Богини не стала произносить сначала каждую строку сама — они пели все вместе. И Майкайла отчетливо чувствовала, как распев проникает куда-то внутрь ее мозга.

«Я скоро запомню все тонкости, — с удовлетворением подумала она. — В конце концов, не такая уж я безнадежная дура».

Мастерская Дарующего Жизнь оказалась самым удивительным из всех мест, где Майкайле довелось побывать. На одной стене, закрывая ее всю от пола до потолка, были развешаны сетки с заготовками из всевозможных пород дерева, о многих из которых Майкайла вообще никогда не слыхала. На другой стене располагался огромный щит с укрепленными на нем на особых крючках и подставках инструментами самого разнообразного назначения. Майкайла тут же весьма пожалела, что вынуждена исполнять роль одной из Дочерей Богини, — куда интереснее было бы попасть в услужение к этому мастеру.

Сам Дарующий Жизнь оказался человеком относительно молодым, особенно по сравнению с Супругом Богини.

Пожалуй, этого мужчину лишь недавно стали называть «человеком средних лет», однако, глядя на руки мастера, когда тот рядом со своей рабочей скамьей поставил для нее табуретку, Майкайла осознала, что руки эти заняты работой уже долгие годы. Сопровождавшие ее Дочери Богини уселись бок о бок на скамью возле двери мастерской.

— Насколько я понимаю, мне надлежит изготовить новое тело для живущего ныне духа, — начал мужчина. — А что это тело должно уметь делать?

Майкайла сосредоточилась, стараясь не упустить чего-нибудь важного.

— Оно должно обладать зрением, слухом, уметь говорить и быть в состоянии передвигаться, в том числе подниматься и спускаться по лестнице. А еще — хорошо переносить низкие температуры.

— Следовательно, тело должно быть почти что человеческим, — заметил мастер, делая небольшие пометки на кусочке пергамента. — А как насчет возможности есть или пить?

— Если это будет необходимо, чтобы поддерживать в теле жизнь. Впрочем, теперешнее тело моего друга не вкушало ни еды, ни питья на протяжении уже почти двух веков. — Майкайла слегка улыбнулась. — И он, кажется, ни разу не пожаловался на это.

— Я слышал, он в данный момент является арфой? — спросил мужчина, явно не вполне готовый в это поверить.

— Да, это верно, — мягко произнесла девочка.

— Невероятно, — пробормотал Дарующий Жизнь. — А каким это новое тело должно быть в смысле пола?

— Мужским.

— Нет, я имею в виду функциональную сторону.

Майкайла озадаченно уставилась на собеседника и довольно долго сидела молча: ей представилось, как на подобное среагировала бы Харамис...

— Не думаю, что это необходимо, — наконец выдавила она из себя. — Волшебнице это вряд ли пришлось бы по душе. И к тому же всех, кого он знал когда-то, давно уже нет в живых.

— Хорошо. И еще один вопрос: как должно это новое тело выглядеть?

— Ох! — Майкайла закусила нижнюю губу. — Я даже не знаю, какая у него раньше была внешность: его обратили в арфу задолго до моего рождения. Могу только сказать, что он ниссом, хотя, конечно, не знаю, насколько это поможет делу.

— Для начала достаточно, — ответил мастер. — С такой информацией я уже могу приступить к работе. — Он протянул собеседнице лист пергамента и угольную палочку.

ку.— И все-таки очень желательно, чтобы через несколько дней ты смогла дать мне какой-нибудь набросок, приблизительную его внешность: голова и, главное, лицо. Лица всегда очень важны.

— Постараюсь,— сказала Майкайла. «Что ж, может, Файолону удастся описать мне, как выглядел Узун, выведав об этом у него самого»,— решила она.

— И еще одну вещь мне необходимо знать,— сказал Дарующий Жизнь, переходя на шепот.— Настоящее его имя.

— Узун,— так же тихо прошептала Майкайла.

Дарующий Жизнь встал, и она тоже поднялась.

— Благодарю тебя, Дочь Богини,— официальным тоном произнес мастер.— Я немедленно приступлю к работе.

— Спасибо,— ответила Майкайла, глядя на собеседника и лучезарно улыбаясь. Затем повернулась и вместе с сопровождавшими ее двумя Дочерьми Богини отправилась в их общее жилище.

Остаток дня прошел в исполнении ритуалов, на которых Майкайла по-прежнему лишь молча присутствовала, и разучивании песнопений. После обряда, посвященного Часу, когда солнце находится в зените, подали полдник, а по завершении посвященной Часу, когда солнце обнимает Священный Пик, службы — обед. Слуги в жилище Дочерей Богини появлялись, видимо, лишь в те часы, когда обитательницы его исполняли религиозные обряды, потому что грязная посуда из помещения исчезала, полы оказывались чисто выметены, огонь в камине главной комнаты все время горел ярко, умывальный тазик в комнате Майкайлы вновь становился чистым и сухим, а кувшин — полным свежей воды. Но никого из прислуги она так ни разу и не встретила.

После Девятого часа наступил перерыв, и Дочери Богини отправились в купальню — комнату с покрытым толстыми плетеными циновками полом и небольшим горячим ключом в самом центре. Майкайла засунула свой шарик в чистую одежду, которую принесла с собой, и, пе-

реодеваясь после мытья, вновь незаметно повесила его на шею.

Весь день прошел довольно утомительно и показался очень длинным. Когда обед подходил к концу, Майкайле уже с трудом удавалось сидеть прямо. Она позавидовала тому, как прочим Дочерям Богини с такой неприужденностью удается сохранять великолепную осанку. И когда Старшая Дочь Богини опять освободила Майкайлу от участия в обряде, посвященном Второму часу тьмы, девочка готова была просто расплакаться от радости. Вместо этого, однако, она лишь степенно произнесла слова благодарности и удалилась к себе в комнату. Ей не хотелось ничем заниматься, кроме как забраться в постель и уснуть, но взгляд тут же упал на лежащий возле умывальника листок пергамента, что вручил ей Дарующий Жизнь. Новоявленная Дочь Богини переделалась в ночную рубашку, извлекла свой шарик и вышла на связь с Файолоном.

— Да ты просто ужасно выглядишь! — воскликнул он.

— Да все у меня в порядке, — усталым голосом произнесла Майкайла, — просто слишком устала. Файолон, мне нужно, чтобы ты узнал, как должно выглядеть новое тело Узуна. Тот человек, что взялся за его изготовление, хочет получить рисунок, в особенности лицо. Ты сможешь выяснить у Узуна подробности?

— Могу даже гораздо лучше все устроить, — с энтузиазмом заговорил Файолон. — Я сегодня нашел кое-что интересное в зеркале. Тебе известно, что оно сохраняет в памяти те образы, которые когда-то показывало?

— Нет. Но чем это нам может в данном случае помочь?

Файолон тем временем обувался в зимние башмаки и натягивал теплую одежду.

— Орогастус этим зеркалом пользовался, чтобы шпионить за принцессой, — пояснил он, — припоминаешь? А в первой части похода Узун ее сопровождал.

— Ух ты! — воскликнула Майкайла. — Ты, кажется, хочешь сказать, что у зеркала есть портрет Узуна?

— Даже несколько, — уверил Файолон.

— Это здорово поможет, — сказала Майкайла, разглядывая мелькающие на ее шарике стены: Файолон сбегал вниз по лестнице. — Однако жаль, что ты не здесь. Ты ведь куда лучше рисуешь.

Файолон миновал кладовую, торопливо проследовал по коридорам, прошел ледяные пещеры и попал наконец в комнату с зеркалом. Не прошло и минуты, как он уже вызвал нужное изображение.

В зеркале напротив друг друга стояли Узун и Харамис. Оддлинг оказался очень низкорослым: его подбородок маячил на уровне талии стоящей рядом дамы. Голова у него была совсем круглой, глаза — темно-желтого цвета, почти как янтарь, широкий рот с мелкими заостренными зубами, необыкновенно короткий нос и, наоборот, слишком длинные — будто для компенсации — устремленные вверх уши, кончики которых торчали наружу сквозь копну светлых шелковистых волос, дополняли картину. Все время, пока Майкайла рассматривала изображение, уши ниссома то и дело поворачивались взад-вперед, явно стараясь уловить, откуда раздается звук, который лишь он, Узун, и мог слышать.

Майкайла усмехнулась:

— А он был весьма привлекателен. Просто симпатяга! — Она потянулась за пергаментом и угольной палочкой. — Вот только удалось бы теперь все это запечатлеть...

— Устанавливай со мной внутреннюю связь, — сказал Файолон, — и я нарисую все за тебя.

— А у тебя получится? — спросила Майкайла.

— Думаю, что да. По крайней мере, попробовать стоит. Ты просто прислонись к стене, возьми в руки лист пергамента и уголек, закрой глаза и расслабься.

Майкайла так и сделала. За день она уже успела так сильно устать, что расслабиться труда не составило; ее даже начало клонить в сон. Однако когда рука неожиданно пришла в движение, девочка даже вздрогнула.

— Прекрати мне сопротивляться, — сказал Файолон. — Разумеется, у тебя рука будет двигаться: это вообще единственный способ что-нибудь нарисовать. Просто-напро-

сто расслабься и позволь мне манипулировать твоими пальцами.

— Прости,— извинилась Майкайла,— это я просто от неожиданности. Давай еще раз попробуем.

Она откинулась к стене, закрыла глаза и перестала обращать внимание на движения собственной руки. Когда раздался наконец голос Файолона, Майкайла уже почти спала.

— Майка, проснись!

Она заморгала, протерла глаза и взглянула на листок пергамента. На нем был запечатлен во всей красе господин Узун — точь-в-точь такой, каким показало его зеркало.

— Ну, как он тебе? — поинтересовался Файолон.

— Отлично.— Майкайла с трудом подавила зевоту.— Я бы никогда не справилась с этим так здорово.

— Всегда рад помочь, Майка. А теперь убери этот листок в какое-нибудь надежное место и ложись спать. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи,— пробормотала в ответ Майкайла, почти уже засыпая. Она затолкала шарик обратно за вырез ночной рубашки, уложила пергамент в сундук с одеждой, легла в постель и тут же погрузилась в сон.

Глава 17

Семьдесят дней пролетели куда быстрее, чем ожидала Майкайла. Она все время была так занята, что не заметила даже, как прошел ее пятнадцатый день рождения. К тому времени мастер уже завершил работу над новым телом Узунa, а она выучила наизусть каждое из песнопений, предназначенных для повседневных религиозных служб на обоих языках, и почти все праздничные обряды тоже. Последние дни тридцать ее допускали к участию во всех без исключения дневных службах, включая и обряд, посвященный Второму часу тьмы. Все эти тридцать дней она была лишена возможности связаться с Файолоном, поскольку теперь ни на мгновение не оставалась

одна, но, поразмыслив, Майкайла решила, что, в конце концов, Файолон может увидеть ее с помощью зеркала.

И вот наконец тело для Узуна готово, и Супруг Богини Мерет еще раз призвал Майкайлу в библиотеку храма.

— Ты усердно училась и служила Богине с подобающей преданностью,— сказал он.— Все мы тобою очень довольны.

Старшая Дочь Богини, сопровождавшая Майкайлу, кивнула в знак согласия.

— Благодарю вас,— почтительно произнесла Майкайла.

Жрец протянул ей свиток:

— Здесь разъясняется, как вдохнуть в новое тело жизнь и переместить в него дух, обиталищем которого оно призвано служить. Само тело уже упаковано.— Он указал на внушительный сверток, уложенный на скамью возле самой двери.— У тебя найдется способ перевезти его?

Майкайла сосредоточилась, исследуя силой мысли окрестности храма, и тут же определила, где находится ближайший из ламмергейеров.

— Да, отец мой,— ответила она.

— Готова ли ты отправиться в путь прямо сейчас?

— Да, отец мой. Благодарю вас за все, что вы для меня сделали. И вам также огромное спасибо, старшая сестра.

— Помни: тебе надлежит вернуться весною,— напомнила жрица.

— Не забуду,— заверила Майкайла,— я всегда держу слово.

— Очень хорошо,— заметил жрец,— именно этого мы и ожидаем от своих Дочерей.

Они прошли через основное здание храма и вступили в колонный зал. Майкайла тащила сверток с телом Узуна — совсем легкий, хотя нести его было довольно неудобно.

— Мерет святая! — ахнула старшая Дочь Богини, глядя на внушительных размеров птицу, рассевшуюся возле стоящих около самого выхода колонн.— Откуда это чудище?

— Ламмергейер? — переспросила Майкайла. — Это я его позвала. Он прибыл, чтобы отвезти меня домой.

— Что ж, ступай с миром и прими наши благословения, — произнес жрец, на секунду опустив ладонь ей на голову, — и не забывай, что отныне здесь тоже твой дом.

— Я помню, — сказала Майкайла. — В любом случае мне предстоит вернуться в храм через несколько месяцев, — она улыбнулась, — вряд ли вы успеете соскучиться.

Майкайла аккуратно уложила приготовленное для Узун тело на спину птицы, а сама уселась позади. Она навалилась на сверток, удерживая его на месте, и покрепче сжала полученный от жреца свиток.

— Счастливо оставаться, — произнесла она.

— Счастливого пути, — ответили Супруг и Дочь Богини, — и возвращайся в назначенное время.

Не прошло и часа, как ламмергейер опустился на балкон башни. Майкайла поблагодарила птицу и втащила сверток в помещение. Ламмергейер снова взмыл в небо.

— Файолон! — позвала она. — Ты где?

Ответа не последовало, и Майкайла потащила сверток вниз по лестнице.

— Кто здесь? — отрывисто спросила арфа. Майкайла как раз втаскивала сверток в кабинет.

— Это я, Узун, — ответила она. — Я привезла тебе новое тело.

Она аккуратно положила сверток на пол, а свиток засунула на полку позади стоящих в ряд книг, чтобы он никуда не укатился.

— Слава Владыкам Воздуха, цела и невредима! — воскликнул Узун.

— А что могло со мной случиться? — спросила она. — Последние семьдесят дней я провела вместе с храмовыми девственницами, а самой тяжелой из всех моих обязанностей было пение.

Она потянулась, обратив внимание, что у нее изрядно замерзли ноги. Тут только она заметила, что на ней до сих пор легкие сандалии и костюм Дочери Богини.

— Извини, пожалуйста,— проговорила Майкайла.— Надо было мне сначала принять горячую ванну и потеплее одеться. Сам знаешь, как холодно сидеть на спине ламмергейера.

— Конечно, принцесса,— сказал Узун.— Ступай, отогрейся как следует. Хорошо, что ты наконец вернулась.

— Просто замечательно, что ты уже здесь,— раздался из-за двери голос Файолона.— Но лучше спрячь подальше свое одеяние. Харамис уже отправилась в обратный путь.

— На ламмергейере? — с ужасом спросила Майкайла.

— Нет, на фрониале. Но, пожалуй, она здесь появится не позднее чем через час.

Майкайла торопливо выскользнула из комнаты. Где-то за спиной слышались голоса: Файолон принялся объяснять Узуну, отчего только сейчас заметил приближение Харамис. А для Майкайлы теперь важнее всего было поскорее одеться как подобает. Когда вернется Харамис, она не должна обнаружить ни намека на то, что Майкайла отлучалась из башни.

Никогда еще в жизни Майкайла не принимала ванну с такой поспешностью. Помывшись, она спрятала одежду из храма под матрасом и переоделась в одно из тех платьев, которыми снабдила ее Харамис. Платье стало заметно короче, чем прежде: Майкайла явно подросла за время пребывания в храме.

Вернувшись в кабинет, она застала Узуну и Файолона за тем же самым разговором — обсуждением столь скоропалительного возвращения Харамис.

— Да,— соглашался Файолон,— следовало бы мне получше за нею понаблюдать. Но ведь она уже шла на поправку, так что я перестал тревожиться. И к тому же обнаружил в этом зеркале особую систему записи музыкальных звуков, которой пользовались Исчезнувшие,— я ее нашел как раз две недели тому назад. Ты бы, Узун, при виде этой музыкальной нотации заинтересовался не меньше, чем я, а значит, конечно же, поймешь, почему я не уследил за госпожой.

— Я-то, по крайней мере, отлично тебя понимаю.— Майкайла попыталась сдержать усмешку, но из этого ничего не вышло.

— Мы потеряли ее из виду,— горестно проговорил Узун.— Ни в коем случае нельзя нам было столь беспечно относиться к ее здоровью.

— А разве с ней что-нибудь случилось? — спросила Майкайла.

— Так у нее был приступ, Майка! — с укоризной ответил Файолон.

— Прекрасно знаю, он случился еще до того, как я отсюда улетела, помнишь? Но если уж мои родители позволили ей отправиться в путь, значит, ей уже значительно лучше. Так что не вижу никаких причин для беспокойства, если, конечно, ты, Файолон, не увидел в зеркале, что ее погребли под собою снежная лавина, камнепад или что-то в этом роде.

— Нам следовало быть в курсе дела,— упрямо повторил Узун.

Но Майкайла уже перестала обращать внимание на его речи.

— Сколько там с ней народу, Файолон? — спросила она.

— Всего их трое. Сама Харамис путешествует в чем-то вроде гамака, подвешенного между двумя фрониалями, и сопровождают ее еще две женщины. Люди,— добавил он.

— Да, люди лучше переносят мороз,— машинально произнесла Майкайла.— Скажу Энье, чтобы подготовила комнаты.

Она потянулась к шнурку звонка.

— Тут есть одно затруднение,— сказал Файолон.— Каким образом они переберутся через пропасть?

— Ах да,— воскликнула девочка,— ты прав. Улетела-то она на ламмергейере, значит, та серебряная дудочка, что Харамис использует для выдвижения моста, наверняка осталась где-то у нее в комнате, а искать ее некогда. Может быть, найдется другой способ выдвинуть мост. Возможно, Энья что-нибудь знает.

Энья, как раз в этот момент появившаяся в кабинете, оказывается, действительно знала.

— В будке у ворот есть специальное устройство. Прикажете кому-нибудь из виси, и они его вам покажут.— Она начала считать, загибая пальцы.— Госпожа Харамис, вы, лорд Файолон и еще двое людей — значит, обед надо готовить на пятерых.— Энья подозрительно посмотрела на объемистый сверток посреди комнаты.— Я не знаю, что у вас там, но думаю, вам следовало бы убрать это отсюда, пока не настало время обеда. Кстати, о времени, принцесса.— Тут она сурово взглянула на Майкайлу.— Где вы пропадали последние несколько месяцев? Госпожа наверняка об этом спросит.

— Я была в храме Мерет, на самой дальней отсюда стороне...

— Тихо! — перебила вдруг Энья, особым образом складывая пальцы. Такой жест ниссомы используют, дабы оградить себя от могущественных сил зла.— Не произносите больше этого имени! Это место — средоточие тьмы.

— Подавляющее большинство пещер в горах внутри абсолютно темные,— добродушно проговорила Майкайла.— А что касается госпожи, то я вовсе не желаю, чтобы ты ей лгала. Я оставлю на твое усмотрение, что именно сказать совсем старой женщине, которая до того больна, что не в силах даже ехать на фрониале верхом.

Энья помрачнела, и у Майкайлы не осталось вдруг никаких сомнений, что Харамис не услышит ни слова об отсутствии своей подопечной ни от экономки, ни от кого-нибудь из прочих слуг.

— Не сомневаюсь, ты содержала спальню госпожи в полной готовности, так что она могла бы вернуться в любую минуту и найти свою комнату чистой и уютной,— продолжала Майкайла,— но для двух сопровождающих ее женщин понадобятся еще комнаты.

— Откуда вы знаете, что их только две? — спросила Энья подозрительно.

— В воду глядела,— ответила девочка.

— Гм-м...— И женщина-оддлинг отправилась заниматься своими обязанностями.

— Если та штука, которую Энья посоветовала до обеда отсюда убрать,— мое новое тело, то, думаю, следует именно так и сделать,— заявил Узун.— Госпожа и без того окажется шокирована тем, что встретит тут Файолона, и не стоит преподносить ей дополнительных сюрпризов.

— Представляю, как бы она отреагировала, войдя сюда и застав нас во время исполнения обряда по перемещению тебя в новое тело,— усмехнулась Майкайла.

— Так что нам делать с этим свертком? — Файолон с сомнением поглядывал на доставленный Майкайлой груз.— Больно уж он велик.

— Он совсем не тяжелый,— заверила она,— и состоит в основном из упаковочного материала, защищающего тело от повреждений. Дарующий Жизнь потратил семьдесят дней, чтобы его изготовить, так что уж поверь, он хорошенько обмотал и увязал свое изделие, прежде чем отдать его мне. В таком виде его, наверное, можно даже швырнуть с балкона и оно останется целым и невредимым.

— Не думаю, чтобы у меня когда-нибудь возникло желание это проверить,— сказал Файолон.

— У меня тоже,— согласилась Майкайла,— но если мы с тобой возьмём этот сверток за оба конца, то с легкостью сумеем отнести его вниз.

Она наклонилась и взялась за край упаковки. Файолон поднял новое тело Узунa с другой стороны, они выбрались с грузом из кабинета и принялись спускаться по лестнице.

— Где нам его положить? — спросил Файолон.

— Лучше всего, я думаю, где-нибудь среди приборов Исчезнувших — получше упрятать между корзинами, бочками и ящиками.— Майкайла нахмурилась.— Я во все не уверена, что Харамис одобрит идею снабдить Узунa новым телом, так что лучше, если она вообще его не найдет.

— Не может быть, чтобы она оказалась такой эгоисткой и захотела навечно оставить его в виде арфы! — возразил Файолон.

— Ты когда-нибудь видел, чтобы Харамис поступала человечно, а не как самодур?

— Но в древних балладах...

— Я не говорю о тех временах, когда она еще была девушкой.

Остаток пути Файолон хранил молчание, а добравшись до кладовой, направился в самый темный угол. Уложив тело, он принялся нагромождать перед ним бочки и ящики, так что в конце концов сверток уже совсем нельзя было увидеть.

— Замечательно,— похвалила Майкайла, любуясь плодами его труда,— она с минуты на минуту прибудет.

Майкайла молча последовала за Файолоном к будке перед воротами. Да, Файолон все-таки не желает признать, что Харамис, героиня великого множества его любимых баллад,— отнюдь не идеальная личность.

Глава 18

Устройство, управляющее мостом, оказалось вовсе не трудно разыскать. Оно сразу было встроено в стену примерно на уровне глаз и сразу бросилось в глаза. Майкайла нажала кнопку, и они с Файолоном вышли на площадь. Солнце быстро клонилось к закату, дул вечерний бриз, но снабженная солнечной батареей площадь по-прежнему оставалась теплой, это ощущалось даже сквозь подошвы обуви. Майкайла вдруг поняла, что совсем не чувствует холода, несмотря на то что была в одном платье. Файолон, подобравший в кладовке и натянувший на себя какую-то коротенькую накидку, рассматривал подругу полными удивления глазами.

— Неужели ты не мерзнешь?

— Нет.— Майкайла покачала головой.— Я только что как раз осознала, что за время пребывания в храме привыкла к куда более низким температурам. Там, в общем—

то, холодно, но очень скоро перестаешь это замечать. Хотя когда я слезла с ламмергейера, то почувствовала, что здорово продрогла, но ведь мы летели через открытое пространство и на куда большей высоте, чем стоим теперь. А здесь мне тепло и вполне хватает того тепла, которое дает поверхность солнечной батареи.

Файолон поднес ладонь ко лбу и посмотрел в ту сторону, где извивающаяся по противоположному краю пропасти дорога приближалась к мосту.

— Вон они,— произнес он.

Вдали показалось несколько фрониалов. Они подошли к мосту и без колебаний вступили на него.

— Точно, это фрониалы Белой Дамы,— подтвердила девочка.— Обыкновенного, не привыкшего к подобным переходам фрониала на этот мост не загонишь, иначе как навесив ему шоры на глаза.

— Ну вот,— с удовлетворением произнес наконец Файолон,— все благополучно перебрались на эту сторону. Пойду снова беру мост.

Майкайла улыбнулась, отлично понимая его желание не попадаться Харамис на глаза как можно дольше.

Сопровождавшая Харамис женщина, восседавшая на первом фрониае, спешила; то же сделала и та, что ехала сзади.

— Принцесса Майкайла! — заговорила первая из них.

Девочка тут же вспомнила, как зовут женщину.

— Стражница Нелла,— произнесла она,— добро пожаловать в башню госпожи. Слуги сейчас выйдут и позаботятся о фрониалах.— Она кивнула второй женщине, в которой узнала одну из приближенных королевы, знавшую толк в целебных травах...

— Добро пожаловать, госпожа Бевис. Как себя чувствует Белая Дама? — И она с волнением стала вглядываться в лицо Харамис. Та, судя по всему, спала.

— Довольно неплохо,— заверила Бевис,— но мы проделали длительное путешествие, и ее следует как можно скорее уложить в постель. Где спальня госпожи?

Майкайла указала на возвышающуюся перед ними башню:

— К сожалению, ее комната довольно высоко. Придется подняться примерно на две трети высоты башни.

Нелла и Бевис обменялись испуганными взглядами.

Харамис проснулась, огляделась по сторонам и нахмурилась, пытаясь сообразить, где же она находится. Путешествие было долгим и утомительным, да и к тому же необходимость передвигаться вот так, лежа подвешенной между двумя фрониалями, ставила волшебницу в довольно неловкое положение. Единственное, чего ей теперь хотелось, это оказаться дома, в собственной постели. Харамис подняла глаза и увидела башню.

— Ну вот,— произнесла она,— наконец-то мы дома.

Она еще раз огляделась и нахмурилась. Что-то выглядело не так, как всегда.

— А что приключилось с площадью? Она должна быть белой.

— Просто снег растаял, госпожа,— почтительно произнесла Майкайла.

— А-а.— Харамис сконфузилась и выглядела озадаченной. За все время, что ей довелось здесь прожить, снег на площади не таял ни разу. Может быть, это проделки несносной девчонки? Она взглянула на Майкайлу.— Ты что, собираешься держать нас здесь до утра?

— О нет, госпожа. Просто мы задумались о том, как лучше доставить вас в вашу комнату. Тут ведь довольно длинная лестница,— добавила она извиняющимся тоном.

«А она, кажется, в конце концов усвоила кое-какие манеры,— не без удовлетворения подумала Харамис.— Надо непременно поблагодарить Узуна».

— Так позови кого-нибудь из слуг,— резко произнесла она.

— Сию минуту, госпожа,— произнесла Майкайла, едва заметно улыбаясь и вежливо кивая.

Над площадью показались три ламмергейера. Один приземлился, а двое других зависли в воздухе в ожидании, пока Майкайла отвязывала от переднего фрониаля

носилки Харамис и закрепляла их ремни на гигантской птице. С минуту понаблюдав, Нелла последовала ее примеру и занялась другим концом носилок, не без опаски поглядывая на диковинного представителя мира пернатых. Было заметно, что она никогда еще не подходила ни к одному ламмергейеру так близко.

Фрониалы стояли на месте как ни в чем не бывало. Даже Харамис это несколько удивило. Разумеется, она потратила немало времени и усилий, обучая и тренируя этих животных, и все-таки сама не сознавала, что вышколила их до такой степени.

Две птицы одновременно взмахнули огромными крыльями, медленно и плавно поднялись в воздух и понесли волшебницу к балкону. Через мгновение взлетел и третий ламмергейер, неся на спине Майкайлу. Когда птицы осторожно опустили носилки, их подхватил один из находящихся в услужении Харамис виспи. Майкайла взялась за носилки с другого конца, и они вдвоем с осторожностью отнесли Харамис в спальню, где их встретила Энья.

Харамис едва смогла подавить вздох облегчения, оказавшись в конце концов в собственной кровати. «Наконец-то я дома. Можно больше не делать никаких движений; не придется больше раскачиваться в этом гамаке между двумя фрониалами, бредущими по горным тропам. Я в собственном доме», — с умиротворением думала она.

— А где Узун? — спохватилась она вдруг. — Почему он не пришел меня встретить?

Майкайле стало не по себе.

— Он в кабинете, госпожа, — проговорила она.

«А девочка, кажется, чем-то взволнована», — заметила Харамис.

— Разве он не знает, что я вернулась?

— Конечно, знает, — заверила Майкайла, — и могу вас уверить, жаждет вас увидеть, когда вы будете в состоянии спуститься вниз.

— А почему он не удосужится перетащить свое ленивое тело сюда? — с раздражительной требовательностью

произнесла Харамис. «Неужели ему непонятно, насколько я больна?» — добавила она про себя.

Энья пробормотала что-то по поводу предстоящего обеда и поспешила выскользнуть из комнаты, бросив напоследок взволнованный взгляд в сторону своей хозяйки.

«Что это с ней приключилось? — удивилась Харамис. — И почему они все так странно себя ведут?»

— Госпожа, — после неловкого молчания заговорила Майкайла, — разве вы забыли, что обратили господина Узуну в арфу? Он ведь не может вскарабкаться по лестнице; он даже не в силах самостоятельно сдвинуться с места.

«Во имя Цветка! — мелькнуло в голове у Харамис. — Я и впрямь об этом забыла. Но как бы то ни было, я не собираюсь это вслух признавать и не допущу, чтобы со мной обращались как с выжившей из ума старухой».

— Что ж, скажите тогда слугам, чтобы перенесли его! — категорическим тоном заявила она.

— Прямо сейчас?

— Да, именно сейчас!

— Как прикажете. — Майкайла сделала реверанс и вышла.

«Удастся ли когда-нибудь добиться, чтобы в этом доме что-то делали, не вступая в пререкания?» — раздраженно подумала Харамис.

Ответ на этот вопрос пришел чуть позже. Энья принесла Харамис легкий ужин; та принялась за еду, а леди Бевис сидела рядом и присматривала за своей подопечной. Дверь спальни оставалась открытой, и не составляло никакого труда расслышать доносившиеся из коридора голоса.

— И все-таки мне не кажется, что это удачная мысль. — Голос принадлежал какому-то юноше, но Харамис не смогла узнать говорившего.

— Так распорядилась сама Великая Волшебница, — ответила Майкайла таким тоном, что сразу же стало ясно: она полностью согласна с собеседником.

— Но мы ведь уже перенесли арфу по лестнице и нигде ничего не задели. — Это, по-видимому, произнесла та самая стражница, которую король послал сопровождать

Харамис. Как ее там зовут? Ах да — Нелла. Или что-то в этом роде... — Так что же еще может нам помешать?

— Арфа — инструмент очень деликатный, — объяснял молодой человек. — Мы Узун ни разу не передвигали с места уже много лет. Он все время стоял там, в кабинете, и теперь перемена в температуре и влажности воздуха может ему сильно повредить.

— Мне безразлично, чем все это грозит. — «А это не кто иной, как сам Узун», — догадалась Харамис. Тембр речи соответствовал звучанию струн арфы.

Затем вдруг раздался глухой звук удара.

— Осторожнее! — воскликнули разом три голоса: два человеческих и один — арфы.

— Простите, — произнес голос Неллы, — но меня ведь никто не предупредил, что она разговаривает.

— А ведь твои струны, Узун, уже расстроились, — заметил юноша. — Я же говорил тебе, что в коридорах слишком холодно.

— Ты вполне можешь меня подстроить, когда мы окажемся в спальне госпожи, — спокойно ответил оддлинг.

Теперь уже и Харамис не могла не заметить, что арфа расстроена. «Эта неуклюжая стражница наверняка его уронила», — решила она.

— Мое место — рядом с госпожой, — продолжал Узун, — несмотря ни на что.

Харамис начала смутно припоминать, как когда-то была с ним в горах (или это ей просто-напросто приснилось?). В тот раз он совсем промерз и едва не умер.

Наконец арфу втащили к ней в комнату.

— Вот он, госпожа, — сказала Майкайла, — где вы хотели его разместить?

Харамис кивнула направо:

— У изголовья.

— Но ведь это прямо перед решеткой отопления, — заспорил юноша, — такой сильный перегрев может вызвать в корпусе арфы трещины.

— Он же долгие годы простоял у камина, — возразила Майкайла.

— Да, возле камина, но не вплотную к нему!

— Хватит! — оборвала Харамис. — Я уже устала от ваших пререканий. Разместите его вон там, настройте и оставьте нас.

— Хорошо, — вздохнула Майкайла, и они осторожно поставили арфу в указанное место.

Юноша вытащил замотанный в собственный пояс ключ для настройки и с осторожностью принялся подтягивать струны. Харамис сдвинула брови, стараясь сообразить, кто же это такой. Лицо явно знакомо, но она не припоминает, чтобы он был среди ее слуг; у нее, кажется, вообще нет слуг-людей и никогда не было. Но Майкайла явно разговаривает с ним свысока. Не наняла ли девочка в отсутствие Харамис новых слуг?

«Сколько же времени меня здесь не было? — пыталась она сообразить. — Надо спросить Узун, когда мы останемся одни».

Казалось, эта нудная процедура растянется на целый год, но вот Узун наконец снова настроен.

— А теперь оставьте нас — все, — приказала Харамис.

Нелла поклонилась и быстро вышла из комнаты; она и так все время стояла возле двери с таким видом, будто присутствует здесь из одолжения. Бевис взяла опустевший поднос Харамис, сделала реверанс и элегантно удалилась. Майкайла задержалась, чтобы ласково похлопать по корпусу арфы, и тоже последовала за Бевис, однако в дверях остановилась, явно ожидая молодого человека. Тот провёл ладонью по верхней перекладине корпуса арфы, озабоченно сдвинул брови и прошептал:

— Извини, Узун.

Затем парень присоединился к Майкайле, и они вместе вышли.

— Кто он такой? — с досадой в голосе спросила Харамис. — Что, эта девочка наняла дополнительных слуг, пока меня тут не было? Кстати, сколько прошло времени с тех пор, как я уехала? И продвинулась ли она хоть чуть-чуть в обучении?

— Я рад от всей души, что вы благополучно вернулись, госпожа, — ответил Узун. — Я так боялся, что никогда уже

больше не смогу увидеть вас снова — вернее, что никогда больше не услышу вашего голоса.

— Я тоже безмерно рада тебя видеть,— произнесла мгновенно обезоруженная Харамис,— ты ведь старейший из моих друзей. Но скажи же, наконец, что тут происходило, пока меня не было?

— Ничего особенного,— ответил он.— Я обучал принцессу Майкайлу магии, и она изрядно преуспела. За это время она успела прочитать все книги вашей библиотеки и отлично научилась глядеть в воду. В качестве тренировки я поручал ей смотреть, как там у вас дела, через каждые пару дней.

— Так, значит, вот каким образом она узнала, что я подъезжаю, и вышла навести мост,— задумчиво проговорила Харамис.— А ламмергейеров она вызвать может?

— Да, я в этом абсолютно уверен.

— Похоже, она сильно выросла из того платья, которое для нее сшили, с тех пор как уехал Файолон...— Харамис неожиданно умолкла: она вдруг вспомнила, кто этот юноша.

— Это ведь был Файолон, верно? — требовательно спросила она.— Как он опять тут оказался?

— Вы, наверное, помните,— помедлив, произнес Узун,— что как раз перед вашим отъездом лорд Файолон нечаянно вызвал снегопад в Цитадели.

— Да, отлично помню.— Харамис вдруг восстановила все события тех дней. Конечно, между ними существовала связь, и сегодня она наверняка уже стала неразрывной! — Да как ты мог допустить такое? — в ярости воскликнула она.

— Майкайла по-прежнему девственна,— твердо ответил Узун,— и я абсолютно уверен, что и Файолон тоже. Их связь чисто эмоциональная, и установилась она — прочно установилась — еще за пять лет до того, как вы предприняли столь неразумную попытку ее разорвать.

У Харамис перехватило дух. Никто еще не осмеливался разговаривать с нею в таком тоне на протяжении почти двух веков.

— Их связь восстановилась через десять часов,— продолжал оддлинг,— а из того, как каждый из этих детей описывал свою боль, мне стало абсолютно ясно, что она совершенно не затрагивает нижних центров. Не думаю, чтобы вам вообще когда-либо удалось бы ее разорвать навсегда без энергичного содействия со стороны их обоих. А уж в том, что вам не удастся сделать это сейчас, я абсолютно уверен. Вы отсутствовали более полутора лет, и я очень долго обучал и Майкайлу, и Файолона.

— Ты обучал этого мальчишку?! — с ужасом воскликнула Харамис.— Ты что, рассудок потерял? Уж не хочешь ли ты сотворить еще одного Орогастуса?

— Лорд Файолон не имеет ничего общего с Орогастусом,— возразил Узун.— Кроме того, ребенок, обладающий некоторыми познаниями в области погодной магии и не способный правильно распорядиться ими, очень опасен. Его совершенно необходимо было обучить — ради безопасности его самого и всех окружающих и на благо страны.

— Так, значит, ты решил все это проделать за моей спиной? Обучать его здесь, в моем доме!

— Но разве это и не мой дом тоже? — спокойным голосом произнес Узун.— К тому же вы были в таком состоянии, что не только спросить у вас дозволения, но и просто поставить вас в известность было совершенно невозможно. Вы ведь даже не помнили о том, что Файолон и Майкайла вообще существуют на свете. Я поступил так, как считал наилучшим — для них самих и для страны. Теперь он хорошо обучен и подготовлен, и то, что сделано, уже невозможно изменить.

— Что ж, может, ты и прав,— неохотно признала Харамис,— только здесь ему оставаться нельзя. Так не полагается. Что скажут его близкие? Не следовало оставлять его жить здесь все это время без присмотра — в одном доме с принцессой Майкайлой.

— Об этом вряд ли вообще кто-нибудь знает,— заметил Узун.— Он говорит, что в Цитадели его так до сих пор и не хватились. А теперь, когда вы сами здесь, никто уже не скажет, что они оставлены без присмотра.

— Он отвлекает Майкайлу от учебы,— не терпящим возражений тоном произнесла Харамис,— и потому завтра же покинет башню. В этот раз я вызову ламмергейера и отправлю Файолона прямо в Вар!

— Так, значит, вы снова способны вызвать ламмергейера? — обрадовался Узун.— Это добрая весть. Вначале, когда вы только что заболели, им вообще не удавалось вступить с вами в разговор. И мы за вас очень волновались.

— Мы? — переспросила Харамис. Она до сих пор была не вполне уверена, что ей удастся вызвать ламмергейера, но не собиралась этого признавать.

— Файолон, Майкайла и я,— пояснил Узун,— прислуге, разумеется, мы не сообщали о том, насколько серьезно вы больны.

Харамис порадовалась, что слуги не получали повода для сплетен о ее здоровье. И вдруг почувствовала, как сильно устала за этот день.

— Теперь я, пожалуй, усну, Узун. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, госпожа,— услышала она в ответ голос арфы, погружаясь в сон.— Приятных сновидений.

На следующее утро Харамис призвала к себе Майкайлу с Файолоном и объявила о намерении отослать юношу сегодня же.

— Но мне потребуется его помощь,— запротестовала Майкайла,— чтобы перенести дух господина Узуна в новое тело. Для одного человека заклинания слишком сложны, а весь обряд очень длинный и замысловатый.

— Новое тело? — переспросила Харамис.

— Так вы об этом не говорили? — Майкайла перевела взгляд на Узуна.

— Мне не важно, какое у меня тело, куда я с госпожой,— спокойно произнес тот.

Файолон обнял корпус арфы.

— Ты ведь не протянешь больше полугода в нынешнем своем виде, если будешь оставаться в этой комнате и на этом месте,— произнес он тоном эксперта.

— Я уверена, что скоро встану на ноги и смогу сама ходить куда хочется,— сказала Харамис.— Тогда мы перенесем его обратно в кабинет.

— Этим вы лишь немного продлите его существование — не более,— стоял на своем Файолон.

— К тому же быть слепым и неспособным двигаться — это очень угнетает,— заговорила Майкайла.— Когда болезнь вынудила вас оставаться в Цитадели, Узун особенно остро осознал все недостатки своего теперешнего положения. Он ведь даже не мог поглядеть в воду и вынужден был довольствоваться лишь нашими описаниями. Господину Узуну было поистине тяжело.

— Ну, в общем-то, положение мое не было таким мрачным,— сказал Узун.

— Просто ты не хочешь ранить ее чувства! — воскликнула Майкайла.— В прошлом-то году ты совсем не так говорил.

«Он всегда щадил и будет щадить мои чувства,— подумала Харамис.— Сколько раз он повторял, что почтет за счастье умереть, служа мне».

— А где вы раздобыли новое тело? — спросила она.— И на что оно похоже?

— Внешне оно выглядит как тело ниссома, а сделано из дерева и раскрашено. Все суставы изготовлены подвижными,— сказала Майкайла.— Эту работу выполнил Дарующий Жизнь из храма Мерет. Мы постарались, чтобы тело как можно больше напоминало прежнего Узунa.

— Ни разу не слыхала ни о каком храме Мерет.— Харамис почувствовала, что у нее начинает болеть голова.

— Он стоит на северном склоне горы Джидрис, как раз напротив того места, где вы отыскиали свой талисман,— с надеждой в голосе произнес Файолон.

— Мерет — что-то вроде лаборноксской Богини земли,— ответила Майкайла,— гора Джидрис считается частью ее тела, а река Ноку — ее кровью, которой она питает всю страну.

— Они используют магию, построенную на крови? — резко спросила Харамис.

— Только чисто символически,— завершила Майкайла.

— И все-таки это мне не очень нравится,— проговорила Харамис,— так что ничего не предпринимай, пока я не разберусь, в чем тут дело. И Файолон тебе ни к чему. Если я пойму, что в этом плане ничего дурного нет, то сделаю весь ритуал сама.

— Но ведь вы не знакомы с ритуалом! — возразила Майкайла.— У меня ушли долгие месяцы только на то, чтобы выучить самые простые ежедневные обряды, посвященные Богине Мерет.

— Я и вправду не на шутку опасуюсь за целостность корпуса арфы,— добавил Файолон.

— Чего опасаясь ты,— холодно заметила Харамис,— меня не интересует. Ты отправишься в Вар, и при этом сегодня же. Так что пойд и собери все вещи, которые сможешь перевезти на ламмергейере.

Файолон не шевельнулся.

— Ступай! — повторила волшебница.

Файолон перевел взгляд на Майкайлу, в досаде пожал плечами и вышел из комнаты.

— Вы не можете отправить его в Вар,— запротестовала девушка,— он же там не был долгие годы, с тех самых пор, когда был еще совсем ребенком. Его дом здесь, в Рувенде.

— И здесь он продолжает увиваться вокруг тебя, как муха возле банки варенья! — фыркнула Харамис.— Я намерена отослать его как можно дальше, чтобы он прекратил отрывать тебя от занятий.

— Мне гораздо легче учиться, если мы занимаемся вместе,— заметила Майкайла,— а наши отношения всегда были целомудренными, и все ваши обвинения — суший вздор! Неужто Узун не объяснил вам, что к чему? Или вы просто не способны понимать, о чем он говорит?

Девочка явно вышла из себя, но Харамис никак не могла понять, из-за чего именно.

— То, что он влияет на тебя дурно, совершенно несомненно,— холодно произнесла она.— Лишь только

речь заходит об этом юноше, у тебя вдруг проявляются совершенно варварские манеры.

— Просто он мне небезразличен,— сказала Майкайла.— Мы с раннего детства были друзьями и собирались пожениться — до тех пор, пока не появились вы и не расстроили все. Только не ждите, что я перемену свои чувства к нему по вашей указке.

— Я полагаю, что твои к нему чувства изменятся, когда я удалю этого юношу на достаточно почтительное расстояние — в Вар. Цитадель, как выяснилось, все-таки слишком близко.

— И как же вы собираетесь перенести его в Вар? — спросила Майкайла.

— Госпожа может вызвать ламмергейера,— произнес Узун,— она говорила об этом прошлым вечером.

— Она ошибается. Ламмергейеры сообщили мне сегодня утром, что им до сих пор не удастся с ней заговорить.

— Значит, ты и вызовешь для меня одного из них,— нашлась Харамис,— раз уж ты на это способна.

— Да, я могу с ними разговаривать,— с вызовом произнесла Майкайла.— Как по-вашему, кто их попросил вчера поднять вас на балкон? Но только отчего вы решили, что я помогу отослать отсюда Файолона?

— Ты, кажется, начинаешь забывать, девочка, что это мой дом,— заметила Харамис.

— Разве это также не дом Узуна? — спросила Майкайла.— А ведь он пригласил Файолона жить здесь.

— Да, Узун мне сказал, что у него было намерение некоторое время обучать Файолона, но, насколько я понимаю, обучение это уже завершено. Так ведь, Узун?

— Теперь он уже не может по неосторожности причинить вред себе или окружающим,— произнес оддлинг с явной неохотой.

В этот момент Файолон вернулся, облаченный в теплую зимнюю одежду и с небольшим рюкзаком за плечами.

— Я готов отправляться в Вар,— объявил он.

— Ей не удастся,— злорадно проговорила Майкайла. Харамис от всей души пожалела, что у нее нет сил, что-

бы схватить эту девчонку и как следует отшлепать. — Она до сих пор не способна общаться с ламмергейерами.

— Зато это можешь сделать ты, — заметил Файолон.

— Но с какой стати?

— Потому что я тебя об этом прошу, — вежливо произнес он. — Не стоит так волноваться, Майка; я справлюсь. Все будет в порядке. Как бы то ни было, я по-прежнему остаюсь племянником короля.

Он отвел Майкайлу в сторонку, полным нежности жестом положил ладони на ее плечи и несколько минут говорил что-то вполголоса. Харамис напряглась, стараясь уловить слова Файолона, но безуспешно. Как реагирует Майкайла, она тоже не могла видеть: та стояла спиной. Лицо же самого юноши не менялось до самого конца беседы. Видимо, Майкайла согласилась вызвать для него ламмергейера, потому что Файолон вдруг улыбнулся.

Харамис неожиданно почувствовала приступ зависти. Она не помнила, чтобы за всю ее долгую жизнь кто-нибудь хоть раз посмотрел на нее вот так. В улыбке Файолона было столько любви и доброжелательности, что Харамис это просто озадачило. «Как можно относиться с такой заботой к этому злему, упрямому и капризному созданию?» — недоумевала она.

Файолон слегка наклонился и поцеловал Майкайлу в лоб.

— Ты же понимаешь, что я, в конце концов, никуда не пропаду, — проговорил он, — ты по-прежнему сможешь видеть меня в своем зеркале.

«Что он этим хочет сказать?» — удивилась Харамис.

Майкайла, дрожа всем телом, прильнула к Файолону и спрятала лицо на его плече. Тот бережно обнял ее и стоял так, покуда она не совладала с чувствами. Затем отстранился от девушки, обернулся к Харамис и поклонился:

— Благодарю вас за гостеприимство, госпожа.

— Желаю удачи в пути, — бесстрастно ответила Харамис.

Майкайла, выходя из комнаты вслед за Файолоном, не произнесла ни слова и даже не обернулась. Через несколько минут Харамис слышала шум крыльев: ламмер-

гейер приземлился на балкон. Еще через мгновение раздался звук, указывающий на то, что птица взлетает.

Майкайла не возвратилась в комнату Харамис. Когда волшебница спросила, где она, Энья сообщила, что Майкайла заперлась в спальне и не отвечает.

— Не иначе как опять надулась,— вздохнула Харамис.— Ладно, оставьте ее в покое. Ничего страшного, выйдет, как только проголодается.

«Клянусь Цветком, дрессировать фрониалов куда легче»,— решила она про себя.

Глава 19

Майкайла наблюдала, как гигантская птица уносит Файолона на юг. Она вполне понимала его нежелание задерживаться в башне после возвращения Харамис. Только поэтому она согласилась вызвать ламмергейера; для Харамис она вряд ли стала бы это делать.

Девушка прошла к себе в комнату, заперлась, уселась на кровать и выудила из-под платья шарик. Она вызвала изображение летящего на ламмергейере Файолона, но говорить с ним не стала. Не стоит отвлекать внимание человека во время подобного путешествия. Она видела, как птица пролетает над Тернистым Адом, Черной Топью, затем Зеленой Топью, как мелькают под ее могучими крыльями верхушки деревьев Тассалейского леса и как где-то внизу появляется наконец русло реки Большой Мутар, протекающей через Вар и впадающей в Южное море. Направляемая Файолоном птица стала снижаться, чтобы опустить седока на западном берегу, примерно в одной лиге к югу от границы между Рувендой и Варом. «А у него ведь вовсе и не было никаких причин просить меня вызвать ламмергейера,— осознала вдруг Майкайла.— С таким же успехом он мог бы проделать это и сам».

Не успела она об этом подумать, как тут же на довольно длительное время вовсе лишилась способности рассуждать здраво. Файолон соскользнул с птичьей спины, и как только ноги его коснулись земли Вара, весь мир начал,

будто юла, вращаться вокруг юноши и, соответственно, вокруг Майкайлы, ибо между ними существовала связь. Она бессильно опрокинулась на кровать, а сам Файолон рухнул на землю. Странное ощущение овладело юношей, а через него и Майкайлой.

Казалось, будто вся варская земля, вся страна протянула могучую руку и схватила его; будто сам Вар пытается заполнить собою тело Файолона. Здешние реки, в особенности Большой Мутар, заменили ему кровь. Дующие с Южного моря ветры сделались его дыханием, наполнили юноше легкие и стали распространять свою энергию по всему телу. Происшествие того дня, когда их лодочка перевернулась в месте впадения Голобара в Нижний Мутар, показалась сущим пустяком по сравнению с этими ощущениями.

Несмотря на то что уже начиналась зима, повсюду было полно зелени, но в отличие от неукротимого буйства растительности, что покрывает дикие болота Рувенды, то были аккуратны возделанные поля озимых злаков. Они занимали большую часть варской земли — от Тассалейского леса, сокрывшего под ветвями своих могучих деревьев границу с Рувендой, и почти до самого моря.

Файолон оказался совершенно не готов к встрече с морем, и оно потрясло его. От одного края горизонта до другого плескалась вода, оmyвая длинное варское побережье. Файолона охватило такое чувство, будто часть его тела лежит на берегу и каждая накатывающаяся волна оmyвает его, в то время как в другой части тела протекает Большой Мутар, а еще какую-то часть составляют засеянные поля.

И все-таки в его теле нашлось место и для городов — маленьких, подобно рувендским, и многолюдных, как Мутавари, столица Вара и его главный порт. Откуда-то из глубин детства пришло смутное воспоминание о жизни в Мутавари, но все-таки Файолон не представлял себе, что столица так велика и в ней такое множество народа. Все пространство вокруг многочисленных причалов, построенных по обоим берегам полноводной реки, было запружено кораблями. Тут же взад и вперед сновали тол-

пы людей, прибывших из самых отдаленных уголков обозримого мира. Они спешили по делам, разгружали и нагружали свои суда, заключали сделки друг с другом... К счастью, он не был связан со всеми этими людьми. И все-таки Файолон чувствовал, как чей-то мозг начинает взаимодействовать с его собственным...

— Майка? — Мысль эта скользнула как-то слабо и мимолетно, но Майкайла тут же ухватила ее. Что бы там ни происходило с Файолоном, никакие события не могут разорвать прочную связь между ними, даже когда оба чувствуют себя так, будто голова сейчас взорвется от переполнивших ее рек, полей, городов и побережья Вара. Да и все тело кажется до смешного маленьким, чтобы вместить то, что вливается в него.

— Я здесь, Файолон.

— Ты их слышишь?

— Эти голоса? Да. — Майкайла отчетливо слышала, как волна за волной накатывает какая-то причудливая смесь разговоров и мыслей. — Это не человеческие голоса...

Оба поняли это одновременно.

— Это туземцы.

Если раньше они с Файолоном вели лишь обыкновенные разговоры, то теперь в обеих головах одновременно шел единый поток мыслей — настолько единый, что определить, кому из них принадлежит та или иная мысль, было попросту невозможно.

— Это не ниссомы... не виспи... совершенно ясно, что не скритеки... хотя некоторые из них явно дикари... Да, верно, их здесь две разные группы... дело происходит в Варе, значит, это глисмаки — именно они относятся к разряду дикарей — и еще вайвило.

— А почему мы способны их услышать? — Эта мысль явно принадлежала Файолону.

— Я могу их слышать, потому что можешь ты, — раздался ответ Майкайлы. — А теперь ответ мне: у Вара когда-нибудь бывали Великие Волшебницы?

— Я, по крайней мере, об этом ничего не слышал. — Голова у Файолона кружилась, река продолжала струиться сквозь его тело, а море — омыwać его накатывающи-

мися через равные промежутки волнами, и все-таки рас-судок начинал проясняться. — Разумеется, я не был в Ва-ре со времен самого раннего детства и не знаю его исто-рии так хорошо, как знаю нашу. И все-таки точно могу сказать, что никогда не слышал, чтобы у Вара была Ве-ликая Волшебница.

— Ну, теперь такая личность в Варе есть.

— Кто?

— Ты, Файолон. Ты и есть Великий Волшебник. По-думай сам: Харамис с Узуном провели три года, усердно стараясь обучить меня всему, что должна знать и уметь Ве-ликая Волшебница, а ты с легкостью усвоил все, что узна-ла я, да еще до многого дошел сам. Ты отлично понима-ешь, что Вар все эти долгие годы ждал именно тебя...

— Ждал, чтобы вцепиться в первую же попавшуюся подходящую кандидатуру...

Файолон чувствовал землю всем своим телом.

— Ясно, что страна меня заарканила, — продолжал он рассуждать, — но как мне с нею управляться? Я даже не знаю, сколько времени лежу здесь пластом и ощущаю всю землю, но не чувствую толком собственного тела и со-вершенно не могу двигаться.

— Попытайся применить музыку, — прозвучала у не-го в голове мысль Майкайлы, — она ведь всегда была тво-им излюбленным методом создания гармонии из хаоса.

— Музыка...

Файолон глубоко вдохнул и сделал медленный выдох, стараясь взять верх над эмоциями.

Шум ветра начал трансформироваться и перешел по-степенно в звучание ансамбля духовых различных разме-ров и диапазона. И вот они зазвучали слаженно и гармо-нично. Накатывающиеся на берег волны обратились в четкий ритм ударных инструментов — ведущий ритм, до-полнявшийся вторившими ему переливами вод Большого Мутара. Все, что пульсировало на этой земле, постепенно пришло в гармонию. Файолон слышал удары собственного сердца, укладывавшиеся в тот же самый ритм, — казалось, это сам Большой Мутар несет свои воды к морю. Произ-водимый глисмаками и вайвило шум стал стихать, отошел

на второй план и, обретя наконец свое место в общей гармонии, сделался контрапунктом основной музыкальной линии. Теперь он не мешает воспринимать все остальное; подробнее его можно будет рассмотреть и изучить попозже.

Файолон открыл глаза и медленно сел. Все тело затекло и побаливало — значит, пролежал он так довольно длительное время. Но рядом по-прежнему стоял ламмергейер, спокойно наблюдая происходящее.

— Белый Лорд,— птичьи мысли вошли в голову Файолона так же ясно и четко, как и размышления Майкайлы,— желаете ли вы продолжить путешествие?

— Ты можешь доставить меня в Мутавари? — Юноша удивленно посмотрел на птицу.

— Разумеется, Белый Лорд.

Ламмергейер вытянул крыло, помогая Файолону взобраться на свою спину, и вскоре они уже летели дальше на юг, в сторону моря, к королевскому двору Вара.

Майкайла открыла глаза и попыталась сесть. Когда это не удалось, она просто скатилась на пол. «Неужели Харамис именно это имела в виду,— подумала Майкайла, неуклюже стоя на четвереньках,— когда говорила о том, что нужно чувствовать землю? Надо будет ее спросить».

Девушка с трудом поднялась на ноги и заковыляла по комнате, хватаясь руками за стены и мебель. Она продолжала ходить до тех пор, пока ноги наконец не стали снова ее слушаться. «Сколько же времени я так провалилась? — думала она.— Было бы очень кстати раздобыть что-нибудь поесть; голод кажется просто невыносимым».

Однако желание узнать, что с Файолоном, оказалось сильнее, чем голод. Майкайла придирчиво осмотрела себя в зеркало, рассудив, что в ее внешности не должно быть ничего, что раздражало бы Харамис. Хотя, конечно, трудно было что-либо поделаться с бледным, осунувшимся лицом. Оставалось лишь причесаться да привести в порядок платье, что Майкайла и сделала перед тем, как отправиться в спальню волшебницы.

Сквозь приоткрытую дверь она увидела погруженную в сон Харамис. Бевис дежурила тут же, сидя в кресле возле постели. Майкайла искала глазами Узуна, но место у изголовья кровати, где она видела арфу в последний раз, оказалось пусто. «Ах да,— вспомнила Майкайла в тревоге,— Файолон ведь говорил, что здесь слишком жарко для инструмента».

Она побежала в кабинет. Узун стоял на прежнем месте — в углу, возле самого камина.

— Узун! Что с тобой? — воскликнула Майкайла. Она тут же плюхнулась на колени перед камином и принялась раздувать огонь.

— Файолон оказался прав.

Майкайла почувствовала, как глаза ее переполняются слезами. Струны арфы оказались совершенно расстроены, а голос Узуна звучал совсем не так, как прежде, сделавшись скрипучим. Майкайла с помощью магической фразы зажгла лампы, комната осветилась тлеющими углями, и она разглядела облупившийся лак и трещины на раме инструмента.

— В комнате госпожи было слишком жарко,— продолжал Узун,— а в коридорах — слишком холодно. Да и здесь, в кабинете, температура теперь не та, что нужно...

Майкайла пришла в ярость. Она вскочила на ноги и принялась не переставая дергать за шнур звонка.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем экономка услышала и явилась в кабинет — в пижаме и не переставая зевать.

— У вас, кажется, дурное настроение? — Энья недружелюбно взглянула на Майкайлу.— Госпожа приказала накормить вас, как только вы пожелаете покинуть вашу комнату. Но все-таки я хотела бы спросить: имеете ли вы какое-нибудь представление о том, сколько сейчас времени?

— Мне дела нет, сколько сейчас времени! — яростно накинулась на нее Майкайла, указывая на арфу.— Ты посмотри только на камин! Вы что тут, умышленно стараетесь сжить со свету Узуна? Ты-то уж наверняка знаешь,

прослужив здесь столько лет, какое должно быть пламя в камине.

— Во имя Цветка! — Энья растерянно перевела взгляд с арфы на камин, затем на мгновение закрыла глаза и с помощью телепатии вызвала других слуг. — Через пару минут сюда принесут еще дров, принцесса, — торопливо заговорила она. — Прошу прощения; я раскаиваюсь до глубины души. Дело в том, что мы перестали поддерживать огонь, когда Харамис повелела перенести господина Узуна наверх, — ведь с тех пор этой комнатой никто не пользовался. Госпожа только вечером велела перенести его обратно, и вот мы... — И тут голос Эньи затих.

«Вы забыли», — мысленно закончила Майкайла. Продолжать ее отчитывать уже нет смысла: замечание сделано, и Энья отлично понимает, что произошло.

— Теперь господин Узун снова здесь, да и я намерена продолжать пользоваться этой комнатой, — сказала она спокойным тоном, — поэтому была бы очень признательна, если бы температура поддерживалась такой, как и прежде.

— Да, принцесса, — быстро ответила Энья, — я об этом позабочусь. А теперь пойду принесу вам поднос с едой, вы ведь не ели уже несколько дней.

— Спасибо, Энья. — Майкайла заставила себя улыбнуться, несмотря на то что ее все еще переполняло раздражение. — Очень мило с твоей стороны. Я, кажется, заработалась и потеряла счет времени.

— Заработалась? — переспросил Узун, как только Энья удалилась настолько, что не могла уже их слышать. — Сидя взаперти в собственной комнате больше двух дней? Что же такое ты там могла делать?

— Больше двух дней? — поразилась девочка. — В таком случае неудивительно, что я так проголодалась. Надеюсь, Файолона как следует накормят, когда он доберется до Мутавари.

— Ты опять поддерживала связь с Файолоном. — Слова Узуна не были вопросом, а значит, и не имеет зна-

чения, что он не видит, как Майкайла кивнула.— А что с ним случилось?

— Все это странно, Узун,— начала Майкайла и остановилась, потому что вошел виспи с большой охапкой дров и стал разводить огонь. Он все еще продолжал возиться у камина, когда вернулась Энья с глубоким блюдом адопового супа и половиной буханки хлеба на подносе.

Но вот они остались одни, и Майкайла подробно рассказала о случившемся.

— Как ты думаешь, Файолон теперь действительно покровитель Вара? — спросила она, закончив повествование.

— Судя по твоему рассказу, это, пожалуй, действительно так,— ответила арфа.— Но, на мой взгляд, Харамис об этом не стоило бы рассказывать.

— Я и не собираюсь,— заверила Майкайла.— Но если спросить у нее, какие испытываешь ощущения в тот момент, когда становишься Великой Волшебницей, она ничего не заподозрит, как ты думаешь?

— По крайней мере, никаких подозрений по поводу Файолона у нее не возникнет,— сухо заметил Узун и с удовлетворением вздохнул.— Ну вот, огонь разгорелся, и я теперь чувствую себя гораздо лучше, принцесса. Благодарю тебя.

— Им следовало позаботиться об этом и без моих напоминаний,— сказала Майкайла с досадой,— но раз уж они умудрились позабыть, что ты мыслящее живое существо, о котором надлежит заботиться, я сама буду следить, чтобы такого больше никогда не случилось!

На следующее утро она отправилась к Харамис. Навести старуху на воспоминания о днях юности не составило труда, и вскоре Майкайла, слушая ее подробные описания, перестала сомневаться в верности своей гипотезы. С Файолоном случилось именно это.

Однако когда Майкайла попыталась задать довольно общий вопрос по поводу того, что ощущаешь, когда начинаешь чувствовать землю, Харамис ответила вдруг торопливым подозрительным взглядом.

— У тебя возникло чувство земли по отношению к Рувенде? — резко спросила она.

— Нет! — в испуге ответила девушка.

«Во имя Цветка,— пришло ей вдруг на ум,— ведь Харамис утратила чувство земли! Но совершенно точно, что у меня его нет, да и у Файолона тоже — по отношению к Рувенде. Так к кому же оно теперь перешло? Или в данный момент его вообще нет ни у кого?»

Ситуация выглядела более чем печальной. Майкайла сосредоточилась, стараясь почувствовать, что же творится со страной. В ответ она получила лишь слабые отголоски происходящего. Страна по-прежнему нездорова, а Майкайла ничего не может с этим поделать.

— Я только полюбопытствовала, вот и все,— пояснила она.— Вы как-то об этом упоминали.

— Ну а это пока что тебя не касается.— Харамис бросила на собеседницу высокомерный взгляд.— Отправляйся в библиотеку и продолжай заниматься.

— Иду, госпожа.— Майкайла сделала реверанс и вышла.

Она давно уже прочитала все до единой книги в библиотеке Харамис, но понимала, что если поступит сейчас вопреки приказанию, слуги об этом сообщат, а потому пошла в библиотеку и провела остаток дня за размышлениями, уставившись отсутствующим взглядом в раскрытую книгу. Размышления эти вряд ли можно было бы назвать радостными.

Глава 20

— Узун, во имя Владык Воздуха, прекрати мне твердить, чтобы я не расстраивала госпожу Харамис!

Майкайла не без раздражения смотрела на арфу. Она пришла к Узуну за сочувствием после очередного препирательства с Харамис, но поддержки на сей раз не находила. Волшебница возобновила уроки, но все обучение Майкайлы сводилось к тому, что девушка сидела у ее постели на протяжении долгих часов, а Харамис вновь и

вновь пересказывала одни и те же истории. И все это время Майкайла проводила в тяжелой и, видимо, в конце концов обреченной на неудачу борьбе с самой собой, дабы не впасть в истерику и не закричать во весь голос от досады.

— Понять не могу, как тебя самого все это не раздражает в ней, — набросилась она на Узуна. — Посмотри только, что она с тобой сделала! Сперва обращает тебя в арфу, потом, когда мы с таким трудом добываем для тебя новое тело — ты даже не знаешь, каких обещаний мне пришлось надавать ради этого, — вдруг запрещает переселить в это тело твой дух. А в довершение всего велит перетащить тебя в собственную комнату, где по ее прихоти стоит такая жара, от которой арфа повреждается настолько, что, может быть, ее вообще уже не починить. И это после того, как Файолон предупредил обо всем! Да на твоём месте я просто лопнула бы от злости!

Узун вздохнул:

— Мне нет нужды сердиться на нее, Майкайла: ты уже разозлилась настолько, что этих чувств хватит на двоих. Не забывай, что она была больна. Она вовсе не хотела причинить мне вред, так же как не желает вредить и тебе.

— Твои доводы были бы куда убедительнее, если бы она уделяла нам чуть-чуть больше внимания до того, как заболела. Она ведь и здоровая считалась с окружающими ничуть не больше, чем теперь.

— Я лишь прошу тебя: не заводишь и не набрасывайся на нее. Все это ранит ее чувства и замедляет процесс выздоровления.

— Чего ради стану я заботиться о ее чувствах? Она-то о моих несколько не заботится! До моих чувств вообще никому нет дела; я всего лишь пешка. Конечно! Зачем усложнять себе жизнь? Выбери просто какого-нибудь более или менее подходящего кандидата и лепи его по нужному тебе образу и подобию. Какое имеет значение, что пробки обычно круглые? Если ты предпочитаешь бутылки с квадратными горлышками, просто-напросто не долго думая обрежь у пробки края. Что там пробка при этом чувствует, не имеет никакого значения. Точно так

же и с будущей Великой Волшебницей: делай свое дело и не обращай внимания на ее желания, чувства, не обращай внимания на то, какой вред ей наносишь, и позабудь о том, кем она хотела стать до того, как ты вмешалась в ее жизнь. Харамис все это безразлично. Да и кому вообще здесь до меня дело? Если тут хоть кто-нибудь и беспокоится о чем-то, так это о Харамис да о том, что госпоже угодно! — Майкайла сделала паузу, дабы утереть нос. — И что бы там ни произошло с Харамис, все как один, не сговариваясь, обвиняют в этом меня! Если у госпожи болит голова — значит, это моя вина. Если она впадает в дурное настроение или же забывает съесть полдник — то это, конечно, тоже из-за меня. Если она вдруг свалится с лестницы в тот момент, когда я буду на другом конце башни, то никому даже не придет в голову, что я могу быть в этом не виновата! Она говорит, что меня обучает, что старается сделать из меня настоящую Великую Волшебницу. Однако ты уж мне поверь: в тот день, когда она поймет, что я по всем статьям превзошла ее, наша Белая Дама от злости и досады выпрыгнет из башни, пробив крышу собственной головой!

— Тебе должно быть в высшей степени стыдно за то, что ты позволяешь себе говорить о госпоже Харамис в таком тоне, — сухо произнес Узун.

— С какой это стати стыдно должно быть мне? Я никогда не мечтала здесь поселиться. Я тут стараюсь вовсю, а в ответ слышу одни упреки. Все меня ненавидят, все меня обвиняют в каждом пустяке — всякий раз, когда что-то идет не так. Мне уже и жить-то не хочется! — Она залилась слезами, но все еще продолжала говорить сквозь всхлипывания: — А стоит только мне самой грустить, все лишь пожимают плечами и заявляют: ты только ни в коем случае не расстраивай Харамис. Раз уж госпоже Харамис так вредно расстраиваться, ей, пожалуй, стоило бы выбрать в качестве преемницы кого-нибудь другого! Мне известно, что она в каком-то смысле моя родственница, и предполагается, что я должна ее любить; мне известно, что она моя повелительница, и я должна ее слушаться... — Голос ее прерывался от рыданий. — Но ведь я

нисколько не испытываю к ней симпатии... я ее совсем не люблю... и себя тоже не люблю... и жизнь такую совсем не люблю. Уж лучше поселиться среди скритеков.— Она внезапно встала и направилась к двери.— Пойду прогуляюсь.

— Не вздумай! — запротестовал Узун.— Это же опасно. Куда ты пойдешь в такое время? Скоро стемнеет.

— Я отправлюсь туда, куда захочу,— бросила Майкайла,— а вернусь тогда, когда мне заблагорассудится. Очень даже может быть, что не раньше, чем Три Луны дружно взойдут на западе!

«Да, теперь и вправду трудно сказать, когда я вернусь и вернусь ли вообще,— мрачно подумала Майкайла несколько часов спустя. Она успела промерзнуть до костей и окончательно заблудиться в наступившей тьме.— Я ведь могу здесь и погибнуть. Выскочить вот так из башни — без теплой одежды, без фонаря, без пищи, на пороге ночи — это, пожалуй, вряд ли самое разумное из моих решений. Кажется, следовало бы поумерить пыл и держать себя в руках».

Она продолжала методично пробираться вперед, не имея понятия о том, куда движется, но зная, что если остановится, то мгновенно замерзнет. «А теперь, когда смерть действительно стала весьма вероятным исходом путешествия, я уже вовсе не уверена, что умереть было бы лучше... И все-таки я еще меньше уверена, что мне следует вернуться в башню и стать примерной маленькой девочкой, благодарной воспитанницей Харамис. Хорошо бы найти какое-нибудь другое местечко, где можно было бы укрыться,— продолжала размышлять Майкайла,— а для этого, кстати, неплохо бы знать, куда же именно я шагаю».

И в этот момент что-то вдруг заскользило под ее ногой, а может быть, это она сама поскользнулась.

Как бы то ни было, Майкайла почувствовала, что соскальзывает, сваливается с какой-то кромки, с какого-то обрыва, и летит вниз — все быстрее и быстрее. Падение продолжалось довольно долго, но вот наконец она при-

землилась — точнее, приводнилась посреди сбегающей вниз по склону водной струи.

«Надо же, — с удивлением подумала девушка, — я и не догадывалась, что где-то здесь есть хоть один незамерзший ручей. Куда я, интересно, попала? Хотя, конечно, теперь это не имеет значения: через несколько минут я от холода потеряю сознание, а потом довольно быстро умру». Однако, несмотря на столь безрадостную перспективу, Майкайла продолжала барахтаться и держать голову над водой, чтобы не захлебнуться. И тут вдруг кто-то ухватил ее сзади за платье, поднял в воздух и понес куда-то.

Процедура оказалась невообразимо болезненной. Майкайла промокла насквозь, а тот, кто теперь тащил ее по воздуху — кто бы это ни был, — летел очень быстро. Ледяной ветер хлестал в лицо, подхватывал пучки длинных промокших волос и бил ими, как хлыстом. И когда толстую прядь порывом ветра занесло Майкайле прямо в рот, зубы девушки поймали просто сосульку, и она обнаружила, что и волосы, и одежда совершенно обледенели. Удерживавшие ее в воздухе когти насквозь пронзали платье и то и дело царапали по спине. Разглядеть что-либо в крошечной тьме ночи было по-прежнему невозможно. Майкайла чувствовала себя так скверно, что даже не беспокоилась о том, куда ее несут и с какой именно целью — чтобы спасти или просто-напросто использовать на ужин.

Они взлетели выше, и тут сделалось еще холоднее. Казалось, этот полет будет продолжаться вечно. Но вот они, по-видимому, миновали горный кряж и снова начали снижаться. Воздух показался вдруг гораздо теплее; Майкайла вспомнила, что среди гор существуют долины, согреваемые горячими источниками, — в них как раз и живут виспи, да и ламмергейеры тоже. Но ведь ламмергейеры ведут исключительно дневной образ жизни; в такой час эта птица просто не может не спать. К тому же во тьме ей не удастся абсолютно ничего разглядеть.

Однако кто бы там ни нес теперь по воздуху Майкайлу, он все отлично видел. Размахивавшие где-то над головой девушки крылья откинулись вдруг немного назад и подогнулись. Леденящий встречный ветер сделался

слабее, и Майкайла заметила, что они влетают в некий узкий туннель или пещеру.

Здесь державшие ее когти разжались, девушка упала и еще раз погрузилась в воду. Только на этот раз вода оказалась горячей как кипяток. «Ему не просто нужен ужин,— подумала она, закричав от боли,— ему нужен хорошенько проваренный ужин». Майкайла ухватилась за камень на берегу водоема, в котором барахталась, и постаралась выбраться, но заочневшие мышцы не слушались. Ей удалось лишь высунуть голову и время от времени делать судорожные вдохи. По лицу струились слезы; такой боли, кажется, она еще никогда в жизни не испытывала...

Похоже, прошла целая вечность, прежде чем Майкайла поняла, что попала вовсе не в кипяток, а в слегка теплую воду — достаточно теплую, чтобы ее согреть, а согреться ей после всех сегодняшних приключений совершенно необходимо, несмотря на всю ощущаемую при этом боль. Впрочем, постепенно боль уменьшалась, и девушка начала успокаиваться. И тут услышала над своей головой чей-то голос.

— ...вот они и любят повторять, что у меня куриные мозги! — говорил он. — А что ты там делала одна ночью? Объясни же, в конце концов.

— Совершала побег,— раздраженно ответила Майкайла. — А сейчас, я думаю, ты меня просто-напросто возьмешь и отнесешь обратно.

Откуда-то из коридора, слева от воды, струился приглушенный свет, при котором удавалось разглядеть бледную фигуру спасителя.

— Ты ведь ламмергейер, верно?

— В некотором роде,— ответила птица, нагибаясь, чтобы получше рассмотреть собеседницу.

Майкайла поняла, что ошиблась, сочтя, будто ламмергейер весь запорошен снегом: он и впрямь оказался абсолютно белым от макушки до когтистых лап, а глаза у него...

— Называй меня Красный Глаз,— сказал тот, вздохнув,— меня так все зовут.

— У тебя и впрямь необычная расцветка,— Майкайла постаралась произнести это как можно вежливее.— А меня можешь звать Майкой.

— Что ж, я могу вернуть тебя в то место, откуда ты убежала, где бы оно ни находилось,— продолжала птица,— но могу этого и не делать. С тех пор как я сам убежал от своих создателей, мне близки и понятны все беглецы.

— От создателей? — переспросила Майкайла.— Ты хочешь сказать, что вовсе не родился таким, каков сейчас?

— Видела ли ты когда-нибудь хоть одно живое существо, которое родилось бы, не обладая подобающей ему окраской?

— Мне доводилось об этом читать. Такое иногда случается в природе — и с животными, и с людьми. Их называют альбиносами.

— Что ж, по крайней мере, в моем случае природа была ни при чем,— фыркнул Красный Глаз.— Таким меня сделали; они хотели мною командовать, хотели, чтобы я выполнял их приказания, шпионил за теми, за кем они хотят, разыскивал что-нибудь в темноте, перевозил по ночам грузы и тому подобное. Именно поэтому я и получил такую внешность: им требовался ламмергейер, способный действовать в темное время суток.

— Им — это кому? — заинтригованно спросила Майкайла. Придание живому существу другой внешности, изменение его природных свойств — это магия такого уровня, с которой она доныне не сталкивалась.

— Жрецы Времени Тьмы,— ответил Красный Глаз.— Живут они на одной из соседних гор.

— На которой? И где сейчас находимся мы? Я изрядно заплутала в темноте.

Птица внимательно вслушивалась в речь Майкайлы, наклонив голову набок:

— Ты из Рувенды, верно?

— Да,— ответила Майкайла,— а как ты об этом узнал?

— По твоему выговору,— ответил ламмергейер.— Я нашел тебя на горе, которую вы называете Бром. А сейчас мы на той, что вы называете горой Ротоло. А что

касается того, где живут жрецы Времени Тьмы, то, если тебе повезет, об этом ты никогда не узнаешь.

Слова эти ламмергейер произнес так мрачно и непреклонно, что Майкайла удержалась от того, чтобы высказать предположение, что обиталищем этих жрецов служит гора Джидрис, — в конце концов, в окрестностях лишь три высоких пика, и гора осталась единственной, которую птица не назвала. Майкайла вспомнила, как упоминание о горе Джидрис напугало когда-то Энью.

Она неохотно выбралась из пруда. Температура воды казалась теперь естественной и приятной, но кожа на руках начинала уже сморщиваться — явный признак того, что пора вылезать.

— Там, позади, ты найдешь гору всяких шкур, — произнес Красный Глаз, махнув крылом в сторону огня, горевшего в конце туннеля. — Развесь свою одежду, чтобы она хорошо высохла, а сама заворачивайся в шкуры и поспи. Я пока полечу на охоту и вернусь приблизительно на заре, но ты, пожалуйста, не забывай, что сплю я днем, так что все, что с тобою произошло, мы обсудим следующей ночью.

В подобном плане Майкайла не видела никаких изъянов; она чувствовала себя смертельно усталой и решила последовать совету ламмергейера.

— Спасибо, — сказала ему девушка, — и желаю удачной охоты.

Гостить у Красного Глаза было весьма приятно. Девушка поняла, что птица очень одинока и общество Майкайлы ее радует. В ближайшие дни девушка решила оставаться в пещере и отдыхать, а питаться тем, что ламмергейер приносит с охоты. Приносил он зачастую такие деликатесы, как птица тогар, которая — Майкайла отлично это знала — живет лишь в болотах. Очевидно, ламмергейер пускался в далекие и утомительные перелеты ради того, чтобы побаловать гостью. Сам он питался попроще, да и Майкайла, отнюдь не будучи гурманкой, впоследствии удовлетворялась средних размеров грызунами.

Красный Глаз категорически заявил, что одежда ее совершенно бесполезна в здешнем холоде, и научил Майкайлу сохранять температуру тела с помощью магии. Оказалось, он знает немало магических приемов, неизвестных ей. Она не переставала размышлять о том, где он мог этого набраться, но, помня, с какой горечью ламмергейер упоминал о собственных создателях, решила не задавать вопросов.

Когда она как следует научилась управлять температурой собственного тела, Красный Глаз начал брать Майкайлу с собой в ночные перелеты. Вскоре она тоже полностью перешла на ночной образ жизни и целыми днями спала.

Однажды вечером ее разбудил звон шарика, висевшего на ленточке посреди груди; Майкайла, зевая, села на своем ложе, потянула за ленту, извлекла шарик и, поднеся его к лицу, отчетливо увидела изображение Файолона. Шарик, казалось, светится сам собою, однако Майкайла знала, что это всего лишь лампы, горящие в той комнате, где находится теперь Файолон.

— В чем дело? — сонным голосом произнесла она.

— В чем дело? — повторил Файолон раздраженно. — Ты выскакиваешь как уторелая из башни — в потемках, перед самым наступлением ночи, — и больше туда не возвращаешься, заставляя стражницу Неллу и две поисковые партии виспи целую неделю разыскивать твое закончившее тело. Ты даже не удосуживаешься ничего сообщить мне. И вот в тот момент, когда я сам с тобою связываюсь, ты начинаешь зевать и спрашиваешь, в чем дело!

— Прости, Файолон, — по-прежнему сонным голосом извинилась Майкайла, — я еще не успела проснуться, и у меня как-то вылетело из головы, что при тебе нет зеркала, которое ты мог бы спросить и увидеть меня.

— Узун с того и начал, что попытался это сделать! — воскликнул юноша.

— Он спрашивал зеркало? Каким образом ему это удалось? Неужели Харамис наконец перестала возражать против нового тела для него?

— Нет, Харамис ничуть не изменилась.

— Значит, она и обо мне не волнуется, — усмехнулась Майкайла, — да я и не ожидала, что с ней такое случится.

— Давай не будем обсуждать Харамис, ладно? — вздохнул Файолон.

— С огромным удовольствием сменю тему, — согласилась девушка. — Мне очень жаль, что я заставила беспокоиться Узун; я совершенно не хотела его расстраивать, просто находиться там стало совершенно невыносимо. А как теперь Узун? Когда его таскали туда-сюда, он изрядно пострадал — именно так, как ты и предупреждал.

— Я вполне могу понять твоё желание покинуть башню, — сказал Файолон. — Но ты действительно заставила Узун волноваться самым ужасным образом; он боялся, что ты уже погибла. А что касается его самого, то сейчас состояние арфы стабилизировалось, дальнейшего ухудшения не происходит. Я как раз собираюсь отослать в башню мастера — специалиста по арфам — вместе со стражницей Неллой. Он посмотрит и на месте разберется, что там можно исправить.

— Нелла с тобой? — спросила Майкайла. — Кстати, где ты сейчас?

— Я в Лете.

— В Лете? Насколько я знаю, в последний раз ты отправлялся в Мутавари.

— Верно, — ответил Файолон. — Но мой дядюшка, король Вара, выяснил, что я способен общаться с вайвило, и отправил меня в Лет, чтобы связаться с ними и провернуть одно хозяйственное предприятие. Я организую отсюда доставку строевого леса; лес этот на королевских кораблестроительных верфях просто на вес золота, а посему его величество во мне души не чает. Начал поговаривать о том, чтобы вручить мне герцогский титул.

— Все это гораздо привлекательней, чем сидеть взаперти в башне, воздвигнутой посреди какого-то медвежьего угла, — прокомментировала Майкайла.

— Моя новая работенка, впрочем, довольно непроста, — заметил Файолон. — Не обладая чувством земли, я не смог бы с ней толком управиться. Ведь деревья надо рубить вы-

борочно и с большим расчетом; просто-напросто свести под корень всю поросль на одном участке, как бы мал он ни был, ни в коем случае нельзя: неизбежно начнется разрушение почвенного слоя, а это нанесет вред как земле, так и рекам. Но, честно говоря, я получаю удовольствие, занимаясь таким делом,— признался юноша.— А что касается магических способностей, то я не стал скрывать, что в некоторой степени обладаю ими, хотя никому не говорю, как они на самом деле велики. Не хочу, чтобы все окружающие начали ко мне относиться со священным благоговением, как к какому-то сверхъестественному существу. Я намерен применять свои способности и навыки на пользу стране и всем ее обитателям, но в то же время не собираюсь ради этого отказаться от общения с людьми.

«Тогда с какой стати это сделала Харамис,— подумала Майкайла,— и с какой стати она хочет, чтобы я следовала ее примеру? Если быть Великой Волшебницей — значит, всего лишь обладать чувством земли и использовать его на пользу стране и ее обитателям, тогда это, пожалуй, не так уж плохо...»

— Как бы то ни было,— продолжал Файолон,— Узун в конце концов призвал Неллу, взял с нее клятву молчать и объяснил, как пользоваться зеркалом. Она попросила прибор показать тебя и увидела одну сплошную черноту. Как, кстати говоря, и я теперь в своем шарике. Слышу я тебя замечательно, но не видно абсолютно ничего.

— Здесь совершенно темно, Файолон,— мягко проговорила Майкайла,— ты меня не увидел бы, даже если б сидел на расстоянии вытянутой руки.

— Наверное, в этом все и дело,— отозвался он,— потому что, когда Узун попросил Неллу спросить зеркало обо мне, оно сработало безукоризненно. Тогда он отправил стражницу найти меня, а я, в свою очередь, нашел тебя.

— Бедняга Узун,— вздохнула Майкайла,— если бы у него сейчас было новое тело, наверняка он сам бы спра-

вился с процедурой магического глядения в воду. И уж совершенно точно воспользовался бы зеркалом.

— А это его новое тело — оно сможет выдерживать та-
мошние холода? — спросил Файолон. — Ниссомы ведь на
это не способны.

— Мы ведь положили тело в кладовку, помнишь?
А там точно такой же мороз, как и в комнате с зеркалом, —
напомнила Майкайла. — А когда я разъяснила тем людям,
каково должно быть это новое тело, то специально гово-
рила о том, что оно должно выдерживать самые суровые
морозы.

— Я об этом не знал, — задумчиво произнес Файолон, —
мне казалось, что его можно хранить в этой кладовке лишь
потому, что оно как следует укутано.

— Нет, — покачала головой девушка, — оно бы отлич-
но там себя чувствовало и без всякой упаковки. Однако
пока приходится думать не об этом. Надеюсь, твой ма-
стер по музыкальным инструментам знает толк в арфах.
Ты ведь сам не видел, насколько поврежден Узун, так?

— Нелла довольно толково описала мне его.

— Она тебе сообщила, что лак почти везде покоробил-
ся и вот-вот облезет, а сама рама треснула в трех местах?

— Она сказала, что рама потрескалась, и еще говори-
ла, что лакировка выглядит какой-то странной.

— Что ж, пожалуй, это она верно подметила.

— Однако ты до сих пор не сказала, где находишься,
Майка.

— В пещере, где-то на горе Ротоло.

— Не очень-то точное указание места, — заметил
Файолон.

— Ты просто скажи Узуну, что я в полном порядке и
безопасности. Поверь, Харамис вовсе не желает, чтобы я
действительно вернулась. Старуха просто ненавидит ме-
ня, готова в этом поклясться. Она с самого начала не очень-
то меня любила, а что уж говорить теперь, когда она сов-
сем стара, больна и лишилась способности пользоваться
магией, а я молода, здорова, полна сил и освоила уже поч-
ти все, что может проделывать маг, хотя Харамис с завид-
ным упорством не желает этого признавать. Сейчас, на-

пример, она даже не помнит, что я способна говорить с ламмергейерами. Все ее идеи о моем «обучении» сводятся к тому, чтобы я просто сидела возле ее постели и прилежно вслушивалась в поучения, как малое дитя.

— Но это, на мой взгляд, не так уж и скверно,— сказал Файолон.— Конечно, все это наверняка бессмысленно, но я бы не сказал, что такая жизнь совсем уж невыносима.

— Она рассказывает одну и ту же историю ежедневно. Одно и то же день за днем, день за днем, день за днем...

— В таком случае это, пожалуй, действительно невыносимо.

— Я знала, что ты поймешь,— вздохнула Майкайла.— Я там просто начала сходить с ума, терять человеческий облик, и мне не оставалось другого выхода, кроме как отсюда убраться. Я ведь не только ее стала ненавидеть, но и саму себя. А теперь я живу в таком месте, где мне не приходится себя ненавидеть, и намереваюсь здесь еще какое-то время пожить, может быть, даже до тех самых пор, когда надо будет возвратиться в храм.

— В храм?

— Ты ведь помнишь тот храм, Файолон. Мне надлежит оставаться девственной и на протяжении следующих семи лет отправляться туда каждую весну на один месяц. Это плата за тело для Узуна.

— Но ведь он не пользуется этим новым телом,— возразил Файолон.

— Ну а это уже не их вина,— заметила Майкайла,— они свое слово сдержали, и я намерена сдержать мое, а уж как поступает Харамис,— добавила она с горечью,— это совершенно от нас не зависит.

— Верно,— согласился юноша.— Завтра я отправлю Неллу вместе с мастером назад на ламмергейере и передам для Узуна весточку, что у тебя все в порядке. А что уж он сообщит Харамис, пускай решает сам.

— Передай Узуну привет и скажи, что я его очень люблю и мне очень жаль, что доставила столько огорчений и беспокойства своим поведением.

— Так и сделаю,— отозвался Файолон.— Будь там осторожнее и время от времени разговаривай со мной.

— Ладно, не волнуйся за меня.

Файолон еще пробормотал что-то невнятное, а затем шарик погас.

— Что это было? — тихо отозвалась в голове Майкайлы мысль Красного Глаза.

— Это мой кузен,— объяснила Майкайла.— Он обо мне очень волновался. И он прав, мне нужно было давно с ним связаться.

— Вы общаетесь с помощью вот этого маленького шарика? — Птица наклонила голову набок, с любопытством разглядывая шарик, который Майкайла держала перед собой.

— Да,— ответила девушка, снова запрятывая его за вырез платья.— Мы их нашли — у него там точно такой же — в развалинах на реке Голобар пару лет назад. Я подозреваю, что мы и без них сумели бы друг с другом разговаривать, но с ними проще — они помогают сосредоточиться.

— Так он способен общаться с ламмергейерами? — спросил Красный Глаз.— Я, кажется, слышал, он об этом говорил, правильно? И как он это проделывает?

— Не знаю.— Майкайла пожала плечами.— Просто он это делает, вот и все. В общем, это ведь не так уж сложно: я вот могу слышать, что говоришь ты, и готова поклясться, что большая часть виспи тоже сможет тебя слышать, если ты захочешь с ними заговорить. Файолону же помогает, видно, еще и то, что он покровитель Вара.

— Так, значит, у Вара теперь есть покровитель,— произнес Красный Глаз.— Это довольно интересно. Очень жаль, что у Лаборнока до сих пор его нет.

— Разве нет? — переспросила Майкайла.— Мне всегда казалось, что покровительница Рувенды — заодно и покровительница Лаборнока, ведь в конце концов эти два королевства объединились с тех пор, как она сделалась Великой Волшебницей.

Глаза у птицы сузились, что, видимо, означало то же, что хмурое выражение лица у человека. Ламмергейер

медленно согнул шею и стал опускать голову, пока наконец глаза его не оказались на уровне глаз Майкайлы. Она уже немало времени прожила бок о бок с этой птицей и не сомневалась, что такой жест служит выражением крайнего неудовольствия.

— Покровительница никогда не исполняла свой долг перед Лаборноком, — произнес ламмергейер, — а в последнее время она точно так же игнорирует и Рувенду. Это очень плохо — плохо для обеих стран и для всех их обитателей.

— В последнее время она была больна, — объяснила Майкайла, — так что это скорее ее беда, а не вина — в том, что касается Рувенды. А насчет Лаборнока я думаю, она так и не простила его жителям гибель собственных родителей.

— Благополучие страны гораздо важнее, чем личные чувства покровительницы, — сухо и жестко проговорил Красный Глаз.

Майкайла решила, что сейчас не наилучший момент сообщить ему, что именно ей предстоит стать следующей Великой Волшебницей. «Да и кроме того, — подумала она, — Харамис в этом вопросе вполне может и ошибаться. Я не приобрела чувство земли в тот момент, когда Харамис его потеряла, может быть, им обладает теперь кто-то другой. Не исключено, что страна давно уже выбрала себе нового покровителя».

Глава 21

Время, проводимое Майкайлой в жилище Красного Глаза, текло спокойно и размеренно, и размеренность эта лишь иногда нарушалась переговорами с Файолоном. Вскоре после того как зима перевалила за середину и в Лете начался Сезон дождей, когда продолжать вырубку леса довольно затруднительно, Файолон отправился обратно в столицу страны Мутавари, к королевскому двору. Майкайла даже однажды утром решила не засыпать, чтобы как следует рассмотреть этот огромный город гла-

зами своего друга,— тот как раз шагал по улицам и таким образом показывал ей Мутавари.

В один прекрасный весенний вечер Майкайла, проснувшись раньше, чем Красный Глаз,— предыдущей ночью он летал куда дальше обычного и потому изрядно устал,— извлекла из-под одежды шарик. Она вызвала изображение королевского дворца, собираясь связаться с Файолоном. Тот оказался в своей комнате, и Майкайла решила убедиться, что он там один. Поскольку на этот раз она не стала сразу устанавливать с ним связь, то смогла увидеть не только юношу, но и его окружение. Файолон в комнате оказался отнюдь не один. В его кровати лежала женщина — вернее, даже девушка, всего лишь на несколько лет старше Майкайлы, и — приходилось это признать — гораздо привлекательнее. У нее была великолепная фигура, чем Майкайла пока еще не могла похвастаться, длинные темные волосы и бирюзовые глаза. Майкайла ее с первого взгляда возненавидела, а тот факт, что платье дамочки, небрежно скомканное, валялось на одежном сундуке, отнюдь не делало всю сцену привлекательнее.

Очень осторожно Майкайла наконец установила с Файолоном связь — так мягко и ненавязчиво, что он не сразу даже это заметил. Разумеется, внимание юноши поглощала разлегшаяся на постели женщина, но очевидно, что он только что вошел и обнаружил ее тут уже в таком виде: сам он был одет. К тому же Майкайла почувствовала, что Файолон удивлен не меньше ее самой.

— Что вы здесь делаете? — произнес он, обращаясь к даме.

— Пришла поздравить вас, лорд герцог,— ответила женщина с пленительной интонацией.

— Вы прекрасно могли сделать это в большом зале дворца в тот самый момент, когда король объявил об этом событии,— заметил юноша, стараясь оставаться спокойным, хотя Майкайла безошибочно ощутила, что Файолон нервничает.

— В большом зале? — игриво рассмеялась неведомая дамочка.— Ваш взлет следует надлежащим образом от-

праздновать, что в большом зале дворца абсолютно невозможно.

Она выскользнула из кровати и пересекла комнату — «как болотный червяк», злобно подумала Майкайла, — обвила соблазнительными руками шею Файолона и страстно поцеловала юношу в губы. Майкайла почувствовала, как ее вдруг передернуло, и поняла, что налаженная с Файолоном связь передает ей каждое чувство юноши. А чувства его на этот раз были очень странны. Они оказались совсем не похожи на то, что испытала Майкайла, когда ее пытался поцеловать Тимон; по телу Файолона разливалось какое-то тепло, он почувствовал головокружение, будто на него влияет какая-то магия, будто какая-то энергия протекает между его телом и телом этой женщины. Такое ощущение напомнило Майкайле о том, как влияло песнопение на людей в храме Мерет, и о тех ощущениях, что испытала она в самый первый день, проведенный там. Мысли Файолона начали отступать куда-то на задний план — точно так же, как случилось тогда с Майкайлой, — его духовная и магическая защита совершенно разрушились, а женщина высасывала из него энергию, будто скритек, тянувший свою жертву ко дну.

— Файолон! — торопливо начала звать к нему Майкайла. — Проснись! Сопrotивляйся!

— Майка! — Он поднял голову и в растерянности принялся озиpаться по сторонам.

— Одумайся, Файолон! Что ты делаешь?

— Майка? — требовательно переспросила женщина, продолжая висеть на Файолоне и стараясь крепче к нему прижаться, что — Майкайла готова была поклясться — в данном положении было бы уже физически невозможно. Майкайла чувствовала, что все тело Файолона горит как в лихорадке, да и саму ее не покидали странные ощущения. Когда он наконец с усилием оттолкнул женщину от себя, Майкайла почувствовала в душе боль — отражение той боли, что пронзила Файолона.

— Моя суженая, — объяснил он даме, хватая с крючка возле двери плащ. — Я теперь ухожу, а вам советую одеться и сделать то же самое. Если я снова найду вас здесь,

когда вернусь или же когда-нибудь впоследствии, то обещаю, что вы об этом пожалеете.

Файолон говорил столь мрачным тоном, что на лице женщины отразился испуг.

— Я ведь не знала, что вы помолвлены,— нервно проговорила та.— Почему же вы в таком случае ни разу о ней не упоминали?

— Исключительно потому, что пустая болтовня и всякого рода слухи никогда не относились к моим любимым занятиям,— все с той же твердостью отрезал Файолон и, развернувшись на каблуках, вышел из комнаты.

Он покинул дворец и отправился на пустынный участок побережья. По всему берегу были разложены вытащенные на песок и перевернутые кверху дном лодки; их хозяева, несомненно, отправились уже домой и принялись ужинать.

Файолон сунул руку за пазуху и вытащил свой шарик. Лицо его выглядело усталым и озабоченным.

— Майка,— позвал он.— У тебя там все в порядке?

— Вроде бы,— нетвердым голосом ответила Майкайла.— Что у тебя там произошло? Кто она такая?

— Одна из придворных дам, у которой здравого смысла даже меньше, чем моральных принципов.

— Однако мне показалось, она пыталась воздействовать на тебя магией,— с беспокойством проговорила Майкайла.

— Нет.— Файолон покачал головой.— Это была не магия, это просто похоть. Единственное, на что способно большинство придворных дам.

— Именно из-за этого ты и сказал, что мы помолвлены? Чтобы она оставила тебя в покое?

— Что ж, это, может быть, и поможет,— вздохнул Файолон.— Она, конечно, начнет распускать на эту тему слухи; они все так поступают. И все-таки тот факт, что я помолвлен, кое-кого из ей подобных не остановит. Среди них есть такие, что не остановились бы и в том случае, если б я оказался женат.

— А если там узнают, что в действительности между нами не было помолвки?

— Я переговорю с королем и позабочусь, чтобы он не стал этот слух опровергать,— сказал Файолон.— Отсюда весьма редко кто-нибудь отправляется в Цитадель, поэтому вряд ли здесь будет у кого-то возможность расспросить твоих родителей; и к тому же в Цитадели не знают, где ты и чем теперь занимаешься.

— Но они знают, что мне предстоит стать волшебницей...— Тут новая неожиданная мысль поразила Майкайлу.— Ты ведь покровитель страны, и никто, похоже, не ожидает от тебя обета безбрачия. Не означает ли это, что и для меня оно не обязательно? — На мгновение она переполнилась надеждой; быть может, в конце концов они с Файолоном смогут пожениться...— Ах да, они ведь не имеют понятия, что ты покровитель, так?

— Да, об этом никто не знает,— сказал Файолон.— И все-таки я не думаю, что это что-то меняет, ведь меня все равно считают могучим волшебником, и к тому же я уже успел понаблюдать жизнь других придворных магов. Похоже, кое-кто из них ни разу в жизни даже и не задумывался о том, чтобы хранить целомудрие.— Он вдруг нахмурился и призадумался.— Надо будет мне точнее этот вопрос выяснить,— решил он наконец.

— А когда этим займешься,— сказала Майкайла,— выясни заодно, почему у меня до сих пор не наступила физическая зрелость. Все мои сестры в нынешнем моем возрасте были уже физически совершенно взрослыми. Я, собственно говоря, совершенно не обращала на это внимания, но сегодняшние события заставили об этом вспомнить.

— Постараюсь выяснить все, что смогу,— пообещал Файолон.— У меня, похоже, возрастные изменения происходят тоже медленно. Я полагаю, это может оказаться результатом того, что мы имеем дело с магией.

— Но если ты тоже не достиг еще полной физической зрелости,— спросила Майкайла,— почему тогда эта женщина тебя домогалась?

— О, тут все понятно,— ответил Файолон.— Мой дядюшка, король Вара, только что даровал мне титул гер-

цого Детского. Сегодня в присутствии множества придворных он как раз и объявил об этом событии.

— Ясно.

Майкайла вполне оценила ситуацию. Будучи еще ребенком, она, конечно же, не очень много внимания уделяла придворной политике, и все-таки надо быть абсолютно глухой и слепой на оба глаза, чтобы не осознать, как делаются дела при дворах, годам уже к девяти-десяти, не говоря уже о двенадцати. На сегодняшний день Файолон — лакомый кусочек; он сделается мишенью для каждой амбициозной девицы Варского королевства. Стоит ли после этого удивляться его настойчивому желанию считаться помолвленным!

Ну что ж, такое положение Майкайлу вполне удовлетворяет, хотя, если б не обещание, данное служителям храма Мерет, да еще тот факт, что Харамис непременно не на шутку разозлилась бы и постаралась им насолить, Майкайла сегодня же вечером полетела бы в Вар и вышла за Файолона замуж.

Поблизости раздался шелест перьев: Красный Глаз просыпался.

— А теперь мне пора на охоту, — сказала Майкайла, — а ты чем займешься?

— Мне придется вернуться во дворец, — поморщился Файолон. — Переодеться и подготовиться к торжественному приему в честь дарованного мне королем герцогского достоинства. Надеюсь, что сумею охранить свою спальню от непрошенных вторжений.

— А как насчет магических иллюзий и всякого там обмана зрения? — предложила Майкайла. — Например, гигантские лингиты, развешивающие свои липкие сети вокруг кровати, или же ночные каролеры, в огромном количестве летающие по всей комнате и норовящие запутаться крыльями в волосах всякого, кто явится тебя потревожить?

— Прекрасная мысль, — одобрил Файолон, и лицо его осветилось задумчивой улыбкой.

— И кстати, дорогой мой герцог, — добавила Майкайла с легкой иронией, придавая своему голосу маняще-со-

блзняющий оттенок.— Не поймите меня неправильно, но все-таки — мои поздравления!

Файолон вскинул голову и громко расхохотался, вспугнув нескольких морских птиц.

— Благодарю вас, принцесса! — произнес он, отвесив церемонный поклон.— И желаю доброй охоты.

— А тебе удачно укрыться от охотниц,— ответила Майкайла.— Будь здоров, Файолон.

Майкайла продолжала совершать ночные прогулки по воздуху вместе с Красным Глазом. А Файолон при первой же возможности вернулся в Лет. Случившийся в тот раз эпизод, однако, напомнил девушке об обещании вернуться в храм Мерет, когда настанет весна. Она постоянно следила за положением лун, чтобы не упустить нужный момент.

— Послушай, Красный Глаз,— сказала она в одну из прекрасных весенних ночей, когда они с ламмергейером собирались отправиться в очередной полет.— Я живу здесь просто замечательно — мне даже трудно словами выразить, как мне у тебя хорошо,— но завтра мне необходимо быть в другом месте. Можешь ли ты отвезти меня на заре на гору Джидрис?

— Джидрис?

«Забавно,— подумала Майкайла,— похоже, он совершенно сбит с толку и напуган. Ах да, там ведь, кажется, живут те, кто его создал!»

— Тебе не придется надолго там задерживаться,— проговорила она ободряюще.— Всего лишь прилететь на эту гору перед самым восходом солнца и оставить меня неподалеку от храма Мерет. Он стоит на северной стороне...

— Я прекрасно знаю, где он находится,— утрюмо произнесла птица.— Какие у тебя могут быть там дела?

— Надо выполнять обещание,— ответила Майкайла.

— В чём состоит это твое обещание?

— Оставаться девственницей и каждую весну проводить по одному месяцу в качестве одной из Дочерей Богини Мерет на протяжении ближайших семи лет.

Красный Глаз утрюмо опустил голову и окинул Майкайлу тоскливым взглядом:

— Чем же они отплатили тебе?

— Они изготовили новое тело для одного моего друга, дух которого томится внутри арфы. Они сдержали свое слово, и теперь я должна сдержать свое.

— Знает ли обо всем этом твой кузен? — спросил Красный Глаз. Он взял за правило не спать и слушать разговоры девушки с Файолоном: его, видимо, сильно озадачила мысль, что покровитель страны может быть мужского пола. — И он не возражает против этих твоих намерений?

— Я не его собственность, — заметила Майкайла. — Тем не менее он об этом знает.

Красный Глаз с отвращением пробормотал что-то невнятное.

— А что он вообще знает об этом храме? — произнес он после некоторого молчания.

— Не слишком много, — начала объяснять Майкайла. — Когда меня только начинали там обучать, я с ним разговаривала каждый вечер, пока остальные Дочери Богини занимались обрядом, посвященным Второму часу тьмы. Однако как только я достаточно выучилась, чтобы участвовать вместе с ними во всех ритуалах, мои возможности переговариваться с ним поубавились, и в последние недели пребывания в храме я вовсе не могла общаться с ним.

— Это оттого, что вы с ним разговариваете вслух, — заметил Красный Глаз.

— Разумеется. Так гораздо проще, — признала Майкайла. — А в храме Мерет не очень-то легко отыскать укромный угол. Мне и без того пришлось соблюдать изрядную осторожность, чтобы никто не заметил этого шарика.

— Если ты отправишься туда в той же одежде, что носишь теперь, — Красный Глаз окинул ее взглядом, — шарик сразу же заметят.

Майкайла с тревогой оглядела себя. С тех пор как этот ночной ламмергейер научил ее магическими способами сохранять температуру тела постоянной, своей одежде девушка уделяла весьма мало внимания. Разумеется, она ре-

гулярно стирала платье, однако постепенно оно совсем вылиняло. К тому же либо села ткань, либо это Майкайла снова успела вырасти, так что одеяние сделалось совершенно несурзным и уже не скрывало зелененькую ленточку, на которой висел шарик.

— Ты прав,— проговорила она и посмотрела в два красноватых глаза, продолжавших внимательно ее разглядывать.— Не мог бы ты его здесь сохранить для меня? — спросила она ламмергейера — Всего лишь один месяц.

Красный Глаз еще ниже поник головой.

«Он и впрямь не на шутку расстроен,— подумала Майкайла,— но почему?»

— Я надежно сохраню твой шарик,— проговорила птица.— Я отвезу тебя к храму перед самой утренней зарей, а через месяц снова заберу оттуда, но я хочу, чтобы ты в ответ кое-что пообещала.

— Что?

— Каждую ночь, когда после исполнения ритуала, посвященного Второму часу тьмы, ты будешь отправляться спать, прежде чем уснуть, обязательно переговори со мною, что бы ни происходило и какой бы усталой ты ни была. Каждый вечер без исключения, перед отходом ко сну. Ты сможешь проделать все это, не произнося вслух ни единого звука; никто из окружающих не догадается, чем ты занята. Могу ли я полагаться на твое обещание?

— Вполне.

— Каждый вечер?

— Каждый вечер.

— Хорошо. А если твой кузен, который способен разговаривать с ламмергейерами, воспользуется своим шариком, чтобы связаться с тобою, я ему сообщу, где ты.

Поддавшись внезапному порыву, Майкайла вдруг вскочила и обняла огромную птицу, насколько у нее хватило для этого рук:

— Огромное спасибо, Красный Глаз! Ты настоящий царь всех ламмергейеров.

— Ну что ж, в таком случае пошли,— Красный Глаз вытянул крыло,— нам пора в полет.

Незадолго до восхода солнца Майкайла уже стояла опять на тропинке возле храма Мерет и провожала взглядом улетающего Красного Глаза. Шарик на зелененькой ленточке был надежно привязан к птичьей лапе.

— Удачного перелета, Красный Глаз,— прошептала она. Затем повернулась и зашагала по тропинке к храму, не забыв воспользоваться заклинанием, которое делало ее невидимой — до тех пор, пока не проберется в отведенную ей комнату, умоется, переоденется и будет вполне готова к участию в обряде, посвященному восходу солнца.

Когда Майкайла присоединилась к прочим Дочерям Богини, приготовившимся, как всегда, чинно проследовать в Святилище, Старшая Дочь приветствовала ее одобрительным взглядом. Однако в соответствии с обычаями этого храма никто ни слова не произнес, пока не окончился завтрак. К тому времени Майкайла уже вновь все припомнила и вошла в колею; религиозные службы, последовательность разных ритуалов и весь распорядок дня показались ей такими естественными, будто она вовсе и не покидала храма.

— Ты не забыла о своем обещании, сестра,— проговорила Старшая Дочь.— Наша Богиня довольна тобою.

— Благодарю, старшая сестра,— произнесла она. «Хорошо, когда тебя встречают добрым словом. Начинаешь понимать, что человеческое общество может быть порой приятным».

Майкайла, как и обещала, каждый вечер разговаривала с Красным Глазом, хотя ей и нечего было ему рассказать. Всякий последующий день был в точности похож на предыдущий. Проведя в храме несколько дней, она все больше и больше поддавалась впечатлению, что вовсе не покидала его. Единственной новинкой оказался праздник Весны, посвященный ежегодному разливу реки Ноку, вызванному таянием снегов.

Во время этого празднования Младшая Дочь представляла саму Богиню в большой торжественной процессии, восседая на богато изукрашенном резьбой деревянном

троне с высокой спинкой, который юные служители мужского пола постоянно носили на руках. Прочие Дочери Богини, облаченные в зеленые одеяния, шагали по бокам с опахалами в руках. Опахала, использовавшиеся в сей процессии, были столь велики, что большая часть собравшихся вряд ли вообще могла увидеть, сидит на этом троне кто-нибудь или же он совершенно пуст. К этому празднику всем им пришлось выучить несколько новых песнопений, но теперь для Майкайлы это уже не составляло труда; все ритуалы храма казались простыми и легко запоминающимися.

Все это она добросовестно пересказала Красному Глазу, добавив от себя, что праздник, в общем-то, по-настоящему утомителен. Ламмергейера, кажется, это позабавило.

Затем однажды вечером Супруг Богини Мерет пришел в покои Дочерей. Майкайла сперва очень удивилась, остальные восприняли его приход как явление естественное. Пожалуй, они выглядели немного возбужденными, явно старались не выказывать охватившего их волнения, но удивления, видимо, не испытал никто.

— Зачем он здесь? — прошептала Майкайла сидящей рядом девушке.

Та ответила удивленным взглядом.

— Настал момент Избрания, — зашептала она. — Он выберет ту, что должна стать Младшей Дочерью Богини на следующий год.

— А-а-а. — Майкайла молча стояла на месте, последовав примеру остальных девушек. На память ей пришла первая ночь, проведенная здесь, и тот поздний осенний вечер, когда ей стало ясно, что одну из Дочерей Богини называют младшей, независимо от того, действительно ли она моложе других или нет. Однако о том, как эту «младшую» выбирают, Майкайла еще не имела понятия. «Кажется, сейчас я и это выясню», — решила она.

Жрец, как обычно, оделся для этого ритуала во все черное; на нем была и золотая маска. Старшая Дочь Богини также надела маску, очевидно, заранее принесенную с собой из Святилища, где та обычно хранится. Жрица

прошла в свою комнату и принесла оттуда небольшую шкатулку, поставив ее на скромный алтарь, установленный возле боковой стены общей комнаты Дочерей Богини. Майкайла, разумеется, замечала уже этот алтарь — с тех самых пор, как впервые появилась в храме, но ни разу еще не видела, чтобы им пользовались. Старшая Дочь Богини открыла шкатулку и извлекла из нее некий золотой головной убор, на который Майкайла уставилась с благоговейным удивлением. Такой необычайной вещицы ей еще видеть не приходилось: сделанный, похоже, из чистого золота, судя по тому изрядному усилию, которое приложила Старшая Дочь Богини, чтобы вытащить его из шкатулки, внешне этот головной убор представлял собой фигуру ламмергейера. Шея его была изогнута, а голова смотрела прямо вперед — на уровне лба того, кто надел бы его. Искусно сделанные крылья — на золотой поверхности можно было разглядеть каждое перышко — чуть загибались книзу, закрывая уши и щеки человека, надевшего сей диковинный узор. «Какой тяжеленный», — подумала Майкайла, наблюдая, как Старшая Дочь и Супруг Богини вдвоем держат его, стоя перед алтарем.

Дочери Мерет отправились к длинной скамье перед камином и расселись по своим местам; Майкайла торопливо последовала за ними. Если кто-то и заметил ее пристальный удивленный взгляд, то, по крайней мере, не подал вида, однако девушка почувствовала себя как-то неловко и неуверенно — впервые с тех пор, как окончательно выучила все песнопения и ритуалы.

Жрец принялся распевать молитву — новую, никогда еще Майкайлой не слышанную.

- Воздайте хвалу Пику юга, — начал он речитативом.
- Поцелуйте землю пред нею, пред хемсут, — отозвалась Старшая Дочь Богини.
- Восхвалите Мерет, могущественную.
- Восхвалите Мерет, сокрытую.
- Восхвалите Мерет, величественную.
- Восхвалите Мерет, мать всея земли.
- Восхвалите Мерет, источник великой реки.

- Восхвалите Мерет, источник самого моря.
- Хвала Мерет в ее безграничности.
- Хвала Мерет в ее сокрытости.
- Хвала Мерет во мраке ее.
- Хвала Мерет в выборе ее.

Супруг и Старшая Дочь Богини вдвоем проходили вдоль сидящих в ряд девушек и некоторое время держали над головой каждой из них золотой головной убор. Дочери Богини продолжали сидеть тихо, спокойно и неподвижно. Краем глаза Майкайла следила за происходящим, пытаясь разобраться, в чем тут смысл; ничего существенного, кажется, не происходило. Но вот жрец и жрица подошли к ней, подняли золотого ламмергейера над головой Майкайлы, и тут он, кажется, сам собою выскользнул из их рук.

Расстояние между головным убором и головой девушки было, пожалуй, не больше, чем толщина одного-двух пальцев, но Майкайла почувствовала такой удар, будто эта груда золота упала с огромной высоты. Под тяжестью согнулась шея, а пальцы рук инстинктивно сцепились. На какое-то мгновение Майкайлу охватило странное чувство, что головной убор движется, как если бы птица, в форме которой он изготовлен, была жива и старалась поудобнее устроиться на голове — удобнее для самого убора. Что касается Майкайлы, то она подумала, что эту тяжелую штукковину никогда и ни за что не назвала бы удобной шапкой.

— Хвала Мерет в выборе ее! — Прочие Дочери Богини присоединились к Старшей и жрецу, повторяя песнопение. Одновременно они помогли Майкайле подняться на ноги и подвели ее к алтарю. Она стояла спокойно, не переставая гадать, чего же от нее хотят. Судя по всему, ничего особенного ей делать и не требовалось, поскольку никто не выказал ни единого знака неодобрения, не намекнул, что она не справляется с обязанностями.

Наконец Дочери Богини стали строиться — в таком же порядке, как и всегда, когда наступало время отправляться в Святилище; Майкайла сообразила, что пришло

время ритуала, посвященного Часу, когда солнце обнимает Священный Пик. Однако, прежде чем она двинулась, чтобы занять свое привычное место в процессии, Супруг и Старшая Дочь Богини вмешались и поставили Майкайлу между собою.

Прибыв в Святилище, Дочери Богини уселись на скамью, причем каждая из девушек немного сдвинулась с прежнего места, так что на том конце, где обычно сидела Старшая Дочь, образовалось два свободных места. Старшая Дочь и Супруг Богини, все еще державшие Майкайлу за руки, отвели новоизбранную Младшую Дочь на возвышение и представили всему собранию. Майкайла, на которую такое множество народа не смотрело ни разу с тех пор, как однажды на важном, государственного значения, обеде, дававшемся королем, она, будучи еще десяти лет от роду, со звоном уронила на пол нож, теперь почувствовала вдруг такую неловкость, что просто окаменела. «Не стоит так переживать, — твердо сказала она себе. — Супруг и Старшая Дочь Богини вовсе не желают, чтобы ты понаделала ошибок, и, разумеется, позаботятся об этом».

К счастью, никто, кажется, не ждал, чтобы она что-нибудь произнесла. Это оказалось очень кстати, потому что Майкайла вообще сомневалась, что сможет разговаривать, держа на голове такую тяжесть. Супруг и Старшая Дочь взяли все разговоры — точнее, песнопения — на себя. Они представили Майкайлу в качестве избранной, возлюбленной Младшей Дочери Богини. Затем Старшая Дочь повела Майкайлу обратно за занавес и указала на место рядом с собой. Следующая после Майкайлы девушка, которая была Младшей Дочерью в прошлом году, держала на коленях шкатулку, в которой хранился головной убор, надетый теперь на Майкайлу. Старшая Дочь наконец сняла его с головы девушки и уложила в шкатулку. Освобожденная от огромной тяжести на голове, Майкайла с трудом подавила вздох облегчения. Старшая Дочь Богини вновь возвратилась на помост, и с этого момента ритуал пошел обычным чередом.

Когда исполнение обряда закончилось и Дочери Богини вернулись в свое жилище и принялись за ужин, Майкайлу начали поздравлять с оказанной ей огромной милостью Богини. Во время ужина она сидела между Старшей Дочерью Мерет и той девушкой, что была Младшей Дочерью в предыдущий год; Майкайла поняла, что таков будет порядок во время их трапез и шествований по крайней мере до следующего года — тогда, если Младшей Дочерью Богини изберут другую, произойдут новые перемены.

Обряд, посвященный Второму часу тьмы, прошел так же, как и ежедневно, если не считать того, что Майкайла сидела теперь на новом месте. И все-таки, отправляясь спать, она почувствовала, что устала куда больше обычного — так сильно, что едва не уснула, не успев связаться с Красным Глазом.

Лишь с огромным трудом удавалось ей сопротивляться наваливавшемуся сну, направляя все мысли к горе Ротоло.

— Красный Глаз!

— Майка! — Птица, как и всегда, ответила мгновенно. Майкайла начинала подозревать, что ее распорядок ламмергейер знал так же хорошо, как и она сама.— Надеюсь, очередной день прошел спокойно.

— Ну, в общем-то, не совсем,— мысленно ответила Майкайла.— На меня пал выбор.

— Стала Младшей Дочерью Богини на следующий год? — Вопрос прозвучал несколько взволнованно.

— Да,— ответила Майкайла,— а этот золотой головной убор наверняка весит не меньше, чем ты. Я так устала...

— Майка! — Мысль прозвучала громко и резко.— Там никто ничего не говорил о Юбилее?

— Нет,— сонно подумала Майкайла,— какой еще Юбилей?

— Ты абсолютно уверена? — настаивал Красный Глаз.

— Да, несомненно. Я такого слова вообще в жизни ни разу не слышала.— Это навело ее на другую мысль, поборовшую даже ненадолго сонливость.— Кстати, в риту-

але прозвучало какое-то слово, которое мне совсем непонятно.

— И что это за слово? — настаивал Красный Глаз.

— Сейчас подумаю и постараюсь вспомнить. — Майкайла стала припоминать события дня. — «Поцелуйте землю пред нею, пред хемсут» — так сказала Старшая Дочь Богини. Что означает «хемсут»?

— Ах это, — с облегчением отозвался Красный Глаз, — об этом совершенно не стоит волноваться. Это просто-напросто особое слово для обозначения духа женского пола. Она ведь говорила о Богине, так?

— Да, — снова сквозь сон подумала Майкайла, — все это было одной строкой из длинного песнопения, посвященного восхвалениям Богини.

— Ну, значит, все в порядке. Можешь засыпать, Майка.

Для Майкайлы не было ничего проще, чем последовать этому совету.

На следующее утро после окончания ритуала, посвященного Первому часу, Старшая Дочь вновь надела золотой головной убор на Майкайлу и повела ее за собой в отдаленные помещения храма.

— Куда мы идем? — еле слышно проговорила Майкайла, от волнения забыв, что нельзя говорить ни слова до завтрака.

— Тебе надлежит быть представленной Богине, — прошептала в ответ Старшая Дочь, — и давай соблюдать молчание.

Майкайле пришлось закрыть рукою рот, чтобы заглушить удивленное восклицание, когда они наконец прибыли к месту назначения. Та часть Майкайлы, что проживала в храме Мерет, поняла, что перед нею святая святых — обитель самой Богини, куда разрешен доступ лишь жрецам самых высоких рангов; а та часть Майкайлы, которая когда-то изучала вместе с Файолоном башню Орогастуса, узнала в этой комнате то самое помещение, в котором несколько магов колдовали над статуей в «магическом зеркале» Исчезнувших.

Супруг Богини оказался уже здесь, и с ним был еще один мужчина, облаченный с ног до головы во все черное и в черной же маске на лице. Этого второго Майкайла никогда еще не видела. Жрецы открыли раку — нечто вроде стенового шкафа в монолитной стене (комната была вырублена в едином массиве скалы) — и почтительно вытащили оттуда деревянную статую Богини.

Майкайла не переставала пристально наблюдать за Старшей Дочерью, чтобы по реакции своей спутницы понять, что предстоит делать. Статую раздели и положили на стол. Жрец в черной маске принялся натирать ее какой-то разновидностью масла — запах его показался Майкайле очень странным; он даже отдаленно не напоминал ничего знакомого. Все это время Супруг Богини стоял у головы статуи и размахивал кадилом, из которого валил густой дым каких-то благовоний.

Когда обряд помазания статуи закончился, присутствующие служители женского пола вновь одели статую, вынув из стоявшего в углу комнаты сундука новое платье, в то время как мужчины доставали из другого сундука еду и вино, которые расставили на маленьком столике возле раки. Затем жрецы подняли статую, поставили ее на ноги. Старшая Дочь легонько подтолкнула Майкайлу, давая понять, что той надлежит стать на колени перед Богиней.

Майкайла преклонила колени и посмотрела на лицо статуи. Даже зная, что это всего лишь раскрашенная деревяшка, она готова была поклясться, что глаза эти действительно ее видят, разглядывают и оценивают, пока Супруг и Старшая Дочь Богини просят Мерет благословить свою избранную Младшую Дочь. Когда ритуал закончился и Старшая Дочь повела Майкайлу назад, в то Святилище, где проходили ежедневные ритуалы, чтобы положить на место головной убор, девушка почувствовала огромное облегчение. Когда золотая птицеподобная корона очутилась в шкатулке, а они вернулись в жилые комнаты и присоединились к остальным сестрам, как раз подошло время завтрака.

Оставшуюся часть месяца Майкайла прилежно исполняла дневные ритуалы с их песнопениями либо изучала обязанности Младшей Дочери Богини и ее роль в празднике Весны будущего года. Здешняя жизнь протекала приятно и спокойно, и девушка искренне огорчилась, когда месяц истек и для нее настало время вернуться во внешний мир.

Однако так или иначе, пора было прощаться с храмом до следующей весны. Красный Глаз встретил ее сразу же после наступления темноты, по окончании ритуала Часа, когда солнце обнимает Священный Пик. Посадив девушку себе на спину, он направился прямо к башне Харамис.

— Это Файолон тебе сказал, чтобы ты отвез меня туда? — спросила Майкайла.

— Да, — ответила птица, — он говорит, что ты им нужна.

— Ну вот, — вздохнула она, слезая со спины ламмергейера на балкон башни. Красный Глаз протянул лапу, чтобы девушка смогла отвязать прикрепленный там шарик. Она вновь повесила ленточку себе на шею и крепко обняла громадную птицу.

— Удачного перелета, Красный Глаз, — произнесла она. — И доброй охоты!

— Удачи тебе, Майка, — ответила птица и взлетела, утонув в черном ночном небе.

Майкайла тихонько пробралась в помещение и, никем не замеченная, прошла в свою комнату. Там, в храме, она не успела сегодня поужинать, а бродить по башне в поисках пищи вовсе не хотелось. Лучше уж улечься в постель голодной, чем среди ночи столкнуться с кем-нибудь в коридоре.

Глава 22

Проснувшись Майкайла неожиданно. Она сразу же почувствовала, что до восхода солнца около двух часов; несмотря на добротное отопление башни, в спальне у нее

оказалось довольно холодно: осень вступала в свои права. Тревожное ощущение внезапно охватило девушку, и она никак не могла понять, откуда оно возникло. И тут вдруг ее кровать заходила ходуном, затряслась из стороны в сторону.

— Кто здесь? — воскликнула Майкайла и тут же опомнилась: если бы в комнате кто-нибудь был, она знала бы об этом еще с вечера.

Прошло несколько мгновений, и тряска прекратилась. Майкайла села в постели, произнесла фразу, зажигающую свечу, и огляделась по сторонам. Подушка, которую она от себя оттолкнула во сне, свалилась с кровати на пол, однако в комнате не произошло никаких перемен. «Землетрясение», — подумала Майкайла. Так вот, значит, что ее разбудило: она почувствовала, что скоро произойдет небольшое землетрясение.

Но ведь в Рувенде не бывает землетрясений, а особенно в этом районе. Причина должна крыться в чем-то другом. Может, это какая-нибудь разновидность магии, которой в ее отсутствие занимается Харамис?

Достаточно ли оправилась Белая Дама от своей болезни, чтобы практиковать магию?

Прошло уже полгода с тех пор, как Майкайла снова побывала в храме Мерет и возвратилась в башню. Стражница Нелла и госпожа Бевис примерно через месяц покинули волшебницу, утверждая, что та уже достаточно поправилась и в них более не нуждается. Женщины снова отправились в Цитадель, однако Майкайла все-таки не замечала никаких признаков того, чтоб Харамис вновь обрела способность заниматься магией.

Харамис в состоянии теперь самостоятельно переодеваться и принимать пищу, и хотя передвигается она все еще довольно неуклюже, но все-таки может ходить, спускаться в кабинет и проводить там долгие часы за разговорами с Узуном. Тот по-прежнему остается арфой, а Файолон сдержал обещание и организовал ремонт инструмента еще в ту пору, когда Харамис оставалась прикованной к постели.

Майкайле хотелось просто-напросто лечь снова в кровать и погрузиться в сон, но она подозревала, что очень скоро понадобится Харамис, и поэтому поднялась, натянула тапочки и отправилась разузнать, что же именно случилось.

Харамис не было ни в рабочей комнате, ни в кабинете, где Майкайла обнаружила Узуна сдвинутым с места: во время землетрясения тот, видимо, начал падать, но, к счастью, стена послужила ему подпоркой. Она поспешила восстановить нормальное положение арфы.

— Что случилось, Узун?

— Произошло землетрясение, принцесса, и это, боюсь, служит нам дурным предзнаменованием. — Минорно прозвучал голос арфы: оддинг явно был озабочен. — Очень рад, что ты здесь.

— Землетрясение? — с недоумением переспросила Майкайла. — Мы находимся на монолитной скальной платформе! Каким образом здесь может произойти землетрясение?

— Понятия не имею, — ответил Узун. — А где госпожа?

— Не знаю, — сказала Майкайла, — я как раз ее искала, когда зашла сюда. Я думала, что она, наверное, пустила в ход какое-то магическое заклинание, но когда заглянула в рабочую комнату, то никого там не обнаружила. Не может же она продолжать после всего этого спать — это просто невозможно.

В кабинет торопливо вошла Энья.

— Так вот вы где, принцесса, — проговорила она. — С вами ничего не случилось? А как господин Узун?

Майкайла успокаивающе кивнула:

— Все в порядке, если, конечно, не считать того, что я не в восторге от столь раннего пробуждения. До восхода солнца ведь еще часа два. А ты не видела госпожу?

— Нет, не видела, — нахмурилась Энья. — А ведь она всегда первая поднимает шум, если случится что-нибудь необыкновенное.

— Пожалуй, нам стоило бы пойти и разыскать ее, — помедлив, проговорила Майкайла. — Вообще-то я сомневаюсь, что ее следует будить, если она все еще спит, но...

— Невероятно, чтобы она продолжала спать после всего случившегося. — Энья покачала головой. — При таких событиях она непременно проснулась бы, так что лучше давайте пойдем и проверим, все ли с нею в порядке.

Энья осторожно приоткрыла дверь в спальню и вскрикнула. Майкайла заглянула ей через плечо и увидела Харамис лежащей на полу возле кровати. Проникавший из коридора свет давал возможность ясно рассмотреть открывшуюся картину. Они подбежали к волшебнице. Та лежала с открытыми глазами и, судя по всему, узнала вошедших, но когда попыталась заговорить, речь ее оказалась так неразборчива, что не удалось понять ни слова.

Энья судорожно перевела дух и сделала знак, призванный предохранять от злых чар.

Майкайла подавила нараставшее чувство страха и заставила себя не поддаваться панике. «Еще один приступ, — поняла она. — Ну да, иначе и быть не могло... А я понятия не имею, как ей помочь! Но здесь, кажется, вообще никто об этом не имеет понятия, а значит... А что, если она умрет? Неужели в этом будет моя вина? Нет, я ведь на протяжении долгих месяцев не делала ничего, что могло бы ее расстроить! А если порою мысленно и заявляла, что желаю ей смерти, так ведь на самом деле я вовсе не имела это в виду!»

Майкайла перевела взгляд с Эньи на Харамис, решив, что пора перейти от вздохов и рассуждений к каким-нибудь, хотя бы простейшим, действиям. От Эньи, кажется, толку мало: экономка, видно, все еще относится к произошедшему как к результату воздействия какого-то злого заговора или порчи.

— Давай-ка снова уложим ее в постель, — предложила девушка. — Не думаю, чтобы госпоже было слишком удобно лежать на полу.

К счастью, Харамис никогда не была грузной — действительно к счастью, потому что когда Майкайла с Эньей втаскивали ее неподвижное тело на кровать, им пришлось нелегко. Волшебница, видимо, опять не чувствовала ни своей левой руки, ни ноги. Все это еще раз убедило Майкайлу, что случившееся — лишь повторение предыду-

щего приступа, что произошел в Цитадели. «И лучше бы уж она оставалась там,— подумала девушка.— В Цитадели, по крайней мере, знают, каким образом позаботиться о больной».

Когда Харамис вновь очутилась в постели, Энья, кажется, пришла в себя и к ней вернулась способность здраво рассуждать.

— Тут неподалеку живет одна старуха знахарка,— заговорила она.— Мы всегда к ней обращаемся, если заболит кто-нибудь из слуг. Так что, думаю, можно будет вызвать ее и на этот раз. У госпожи очень холодные руки и ноги; пойду приготовлю для нее горячий чай, а к ногам положу разогретые камни. По крайней мере, все это ни сколько не повредит.

Когда Энья вернулась с чаем, ей пришлось удерживать больную в полусидячем положении и поить с ложечки. Майкайла, не имевшая никакого желания исполнять роль сиделки, с удовольствием приняла предложение Эньи не теряя времени отправиться в комнаты слуг и, пока экономка кормит госпожу, отдать приказание вызвать лекарку.

— Ее зовут Кимбри,— сообщила Энья.— Покровительница всегда отличалась таким крепким здоровьем, что ей до сих пор не приходилось пользоваться услугами лекарей — по крайней мере, в тот период, что она прожила в этой башне. Поэтому здесь нет ни единого доктора.

Майкайла торопливо спустилась в кухню, где одна из женщин, занимавшихся выпечкой хлеба, сказала, что Кимбри отправилась в жилище супруги садовника, которая вот-вот должна была родить. Здесь, в кухне, похоже, собрались все слуги, жившие в башне. Общей для всех темой разговора служило землетрясение и подробности того, как все они от этих подземных толчков сегодня проснулись. Майкайла послала мужчину-виспи, служившего при конюшнях, разыскать знахарку. Увидев, каким удивленным взглядом этот виспи на нее уставился, девушка вспомнила, что до сих пор одета в пижаму. Она сбегала в свою комнату, натянула первую попавшуюся одежду и заспешила в прихожую поджидать врачевательницу.

Старушка появилась довольно скоро. Это была хрупкого и болезненного вида виспи с уложенными кольцом вокруг головы длинными седеющими волосами. Впрочем, что касается здоровья знахарки, то тут можно было с уверенностью сказать, что внешность обманчива. Майкайла сообщила вречевательнице о случившемся, стараясь казаться спокойнее, чем на самом деле.

— Ну что ж, она ведь далеко уже не молода, — успокаивающе произнесла старушка, — так что нечему удивляться, что госпожу начинают преследовать возрастные болезни. Моя собственная бабушка к девяноста годам, помню, сделалась совсем немощной. Не стоит особенно пугаться: вряд ли она умрет, если жива до сих пор. От такого приступа если и умирают, то мгновенно. Весьма вероятно, что госпожа проживет еще долгие годы.

— Очень на это надеюсь, — сказала Майкайла. — Если с ней что-нибудь случится, Белой Дамой сделаюсь я, а я еще совершенно к этому не готова.

Она последовала за Кимбри вверх по лестнице. Войдя к больной, знахарка нагнулась над обмякшим телом Харамис и нащупала пульс.

— Ну что ж, пока мы больше ничего не можем для нее сделать, — сообщила она Майкайле. — Скорее всего, она будет жить и постепенно поправится, хотя, может быть, и нет; что-либо изменить мы пока не в силах.

— Но из-за чего все это произошло?

— Этого никто не знает. В таких делах разбирались древние, но до наших дней дошла лишь малая часть их мудрости.

— Но... разве мы совсем ничем не можем помочь? Такое с нею уже случалось, когда госпожа была в Цитадели, и там ее лечили ядом болотных червей.

— А знаете ли вы, в каких количествах и в каком виде его применяли? А также где нам теперь его раздобыть? — вежливым тоном спросила Кимбри.

Майкайла отрицательно покачала головой.

— Ну, если нет, тогда нам остается только запастись терпением, — проговорила старушка и добавила дружеским тоном: — Хотя порою это, пожалуй, самое трудное.

И постарайтесь следить за тем, чтобы у госпожи по возможности всегда было приподнятое настроение.

Майкайла решила, что самым трудным наверняка будет обеспечить последнее. Ей отлично известно, что Харамис хуже всего переносит болезни и физическую слабость, делаясь крайне раздражительной и ворчливой. И попробуй тогда создать ей приподнятое настроение!

У Майкайлы не было сомнений, что Харамис поправится. Ей никогда не приходило в голову, что она получит свободу, если та умрет; девушка уже понимала, что такого не произойдет никогда. Она уже стала свыкаться с мыслью, что ей придется сделаться очередной Великой Волшебницей. «Но, ради всего святого,— подумала девушка,— только не теперь!»

Она вздохнула и отправилась вниз по лестнице исполнять следующую свою обязанность: сообщить все новости Узуну.

Арфа всхлипывала как дитя. Струны судорожно взды-хали.

— Я так люблю ее,— выговорил наконец Узун.— Если бы не она и не ее магия, я бы давно уже отправился к праотцам, в то неведомое будущее, в тот неизвестный мир, который ожидает нас за пределами этой жизни. Я остался здесь лишь ради нее. Если госпожи не станет, жизнь моя потеряет всякий смысл.

Майкайла старалась всеми силами успокоить старого оддлинга, хотя и сама была изрядно напугана.

— Не переживай так, Узун, она скоро поправится.

— Правда? Она ведь куда старше меня, а вся моя семья и родственники покинули сей мир уже много лет назад. Если с ней что-нибудь случится, я сделаюсь совсем одиноким.

Майкайле хотелось сказать что-то вроде: «Нет, Узун, ведь остаюсь еще я, и к тому же; если с Харамис что-нибудь случится, твои советы будут мне необходимы гораздо больше, нежели ей...» — но девушка понимала, что ее отношения с Узунуном совсем другого рода, и потому предпочла обойтись без комментариев.

И тут, будто и без этого мало было забот, Майкайла вспомнила, как Харамис однажды рассказала, что в момент смерти предыдущей Великой Волшебницы башня, в которой та жила, мгновенно рассыпалась и превратилась в пыль. Именно поэтому Харамис пришлось переселиться вот в это, построенное Орогастусом, здание. Майкайле очень хотелось надеяться, что с башней Харамис подобного не произойдет.

Она вдруг почувствовала себя совсем маленькой девочкой, поняла, что вот-вот готова расплакаться, что сдерживать эмоции уже почти нет сил... Но ведь для Узуна происшедшее с Харамис — такой сильный удар, такое большое горе, что от него сейчас не приходится ожидать сочувствия и понимания.

— Не плачь, Узун,— с некоторой неловкостью произнесла она, похлопывая арфу по верхней перекладине рамы, и еще раз порадовалась, что верный слову Файолон организовал починку инструмента.— Кимбри говорит, что многие в такой ситуации поправляются, а Харамис уже пережила нечто подобное, и в тот раз ей постепенно сделалось лучше. Ее бы очень огорчило, если бы она увидела тебя столь опечаленным и упавшим духом; тебе надо собраться с силами, чтобы быть готовым помочь, когда ты ей понадобишься. Иногда бывает,— хитро добавила она, вспоминая слова знахарки,— что веселая ободряющая компания служит единственной причиной того, что человек в подобной ситуации поправляется и остается жить, тогда как лишенный поддержки друзей погибает. Так что соберись с силами и ни в коем случае не плачь, когда с ней встретишься. Ее голове и нервам нужен отдых, а твои слезы только сделали бы ее несчастной.

— Ты права,— всхлипнул Узун, и струны зазвучали как падающие капли воды,— я постараюсь выглядеть жизнерадостным и оказывать ей поддержку.

— Вот и хорошо,— сказала Майкайла.

Она задумалась вдруг о том, что произойдет с Узуну, если Харамис умрет, он по-прежнему останется арфой, оживленной с помощью ее, Харамис, крови. Не рассыплется ли он в пыль точно так же, как и башня прежней

волшебницы и все ее имущество? Конечно, подобный вопрос нельзя было задать самому Узуну. А что касается Харамис, то ей, разумеется, еще долго нельзя будет задавать никаких вопросов.

Следующие несколько дней состояние Харамис не делалось ни лучше, ни хуже. Сиделками ей служили одлинги, а на долю Майкайлы оставалось не так уж много обязанностей — разве что утешать и ободрять Узуну, который хотя и перестал лить слезы, но явно питал слишком мало надежд на то, что Белая Дама одолеет болезнь. Честно говоря, Майкайла и сама разделяла такое мнение, хотя врачевательница и говорила, что с каждым днем больной, выживший после приступа, получает все больше и больше шансов на полное выздоровление.

Майкайла практически постоянно ощущала, что происходит со страной, хотя и старалась изо всех сил от этого избавиться. Это ощущение явно не было тем чувством земли, которым обладает истинный покровитель, — тем чувством, которое испытывал, например, Файолон по отношению к Вару. То, что испытывала Майкайла, далеко не так интенсивно. И все-таки у нее было такое ощущение, что в порывах ветра она слышит голоса и какие-то крики, хотя и не может разобрать слов, или что в каждом углу прячутся какие-то тени, но тут же исчезают, как только она пытается их разглядеть. Что ж, страна теперь далека от счастья и благоденствия, точно так же, как и сама Майкайла.

Примерно через десять дней Майкайле пришлось занять место Кимбри возле постели Харамис: старушка отправилась навестить родных, а также проведать остальных пациентов.

Майкайла чувствовала себя беспокойно и очень одиноко. Присматривать за больной старухой — занятие весьма скучное, и Майкайла едва не уснула в кресле, но тут заметила вдруг, что глаза Харамис широко открыты и та внимательно ее разглядывает.

— Вы не спите, госпожа? — чуть помедлив, тихим спокойным голосом спросила Майкайла.

— Разумеется, не сплю, разве тебе не ясно? — Голос старухи прозвучал невнятно и неразборчиво, и в нем сквозило раздражение. — А где Энья? И что ты здесь делаешь?

Майкайла дорого бы дала, чтобы сейчас на ее месте оказалась Энья, или Кимбри, или кто-нибудь другой, но Харамис вопрошала так резко и требовательно, что ничего не оставалось делать, кроме как попытаться с ней объясниться.

Поскольку у Майкайлы не было уверенности, что Харамис вообще ее помнит, девушка решила избегать каких-либо деталей.

— Вы были очень серьезно больны, госпожа Харамис. Хотите, чтобы я пошла и позвала Энью?

— Нет, пока не надо, — сказала Харамис — Сколько времени я проболела? И почему со мною нет Узун?

Майкайла не знала, стоит ли сообщать Харамис, что та пролежала без сознания десять дней, но та продолжала требовательно смотреть на нее, и девушке пришлось сказать:

— По-моему, около десяти дней. Мы за вас очень переживали.

— Где Узун? Почему его нет рядом? Если он так обо мне заботится, то почему бы ему не подняться по лестнице и не навестить меня? Или этот старый хрыч не способен уже прошагать до следующего этажа?

Майкайла молчала, не вполне понимая, что сказать в ответ. Однако через мгновение неловкая ситуация разрешилась сама собой: в голове у старой волшебницы, видимо, прояснилось.

— Ах да, — произнесла она, — как же это у меня опять вылетело из головы. Узун, разумеется, теперь не способен ходить. Что ж, попозже, если мне так и не удастся сойти вниз, кто-нибудь сумеет принести его наверх, чтобы мы повидались, — но только не по винтовой лестнице. Даже в своей прежней жизни он постоянно имел с этой лестницей изрядные неприятности. До сих пор не пойму, зачем Орогастус вообще построил тут такую штуковину. Хотя что с него взять? Он все время предпочитал вычурный стиль удобству и практичности.

Волшебница закрыла глаза, и некоторое время даже казалась спящей.

— А уж то, что ты не сможешь его перенести, совершенно очевидно,— проговорила она затем.— Что ж, пожалуй, совет Узуна мне сейчас нужен гораздо больше, чем отдых. Помоги-ка мне сесть прямо. Похоже, я уже не в состоянии садиться самостоятельно.

Майкайла обхватила старуху обеими руками, помогла сесть и спросила:

— Не сбегать ли мне вниз, не сказать ли Узуну, что вы о нем спрашиваете? Он будет безмерно рад узнать, что вы наконец очнулись. Он, разумеется, смертельно за вас боялся и очень переживал, как и все мы.

— Ну и какой от этого будет прок, если он все равно не может прийти ко мне? — ворчливо проговорила Харамис.— Чего ради без причины дергать доброго старого Узуна? А Кимбри здесь?

— Она отправилась проведать жену садовника, которая должна скоро родить. Как только вернется, я позабочусь, чтобы она сразу же к вам пришла.

— Не стоит так все усложнять,— сказала Харамис,— я ведь не просто так сделалась Великой Волшебницей.

И тут она произнесла — так, будто говорила с кем-то находящимся здесь же, в комнате, даже не повышая голоса:

— Кимбри, приди ко мне. Ты мне нужна.

Через пару минут знахарка уже бегом поднималась по ступенькам. Майкайла встретила ее у двери.

— Ты слышала, что госпожа тебя зовет? — тихо спросила она.

— Нет,— прошептала в ответ Кимбри,— просто я проведала супругу садовника, выяснила, что с нею все в порядке, и решила еще раз пойти взглянуть на госпожу. А что, она звала меня?

Девушка кивнула.

— Как приятно видеть, что вам уже до такой степени лучше,— воскликнула Кимбри, увидев Харамис сидящей.

Лекарка начала ее обследовать, Майкайла, воспользовавшись представившейся возможностью, улизнула из комнаты и заспешила сообщить хорошие вести Узуну.

Она вприпрыжку сбежала по лестнице и, добравшись до кабинета, обнаружила громадную арфу в дремлющем состоянии. Никому так и не удалось выяснить, спит ли когда-нибудь Узун на самом деле или же нет, но только с тех пор, как Харамис заболела, Майкайла, приходя поговорить с одлингом, стала все чаще и чаще заставлять его в таком далеком от энтузиазма настроении, что казалось, арфа действительно дремлет.

— Проснись, Узун! — крикнула она. — Госпожа очнулась и тут же начала спрашивать о тебе.

Если о деревянной арфе можно сказать, что она выглядит самодовольной, то Узун на этот раз выглядел именно так.

— Значит, ты говоришь, она обо мне спрашивала? Что ж, нетрудно было догадаться, что она сразу вспомнит обо мне, как только придет в сознание, — произнес он. — Может, меня отнесут наверх?

— Нет, — вздохнула Майкайла. — Харамис считает, что тебя нельзя тащить по всем этим лестницам. Кроме того, я прекрасно помню, что с тобой приключилось, когда в последний раз тебя попытались перенести в ее спальню. Однако я могу взять на себя роль связной и передавать вам весточки друг от друга.

— Что ж, наверное, так придется поступить, — вздохнул Узун.

— Да, придется, — твердо сказала Майкайла, — если у тебя, конечно, не возникает желания превратиться в грудлу разошедшихся деревяшек, которыми так удобно растап-ливать камин.

Глава 23

Трудно сказать почему, однако Майкайла не очень-то удивилась, что Харамис явно перестала принимать в штыки идею о том, чтобы снабдить Узуна новым телом.

Первый намек на эти перемены в настроении Белой Дамы Майкайла заметила на следующей неделе, когда Кимбри вновь пришла провести свою подопечную.

— Как сегодня себя чувствует госпожа? — спросила она почтительно.

— Не слишком хорошо, — ответила Харамис. В ее голосе чувствовалась усталость, и было совершенно очевидно, что принадлежит он совсем старой женщине. — Не настолько хорошо, чтобы обучать Майкайлу всем тем вещам, которые ей необходимо освоить, прежде чем стать Великой Волшебницей. Сейчас, по крайней мере, я не нахожу в себе для этого достаточно сил. Но в то же время чувствую, что откладывать уже больше нельзя. — Она откинулась на спину и закрыла глаза. — Я думаю, первым делом тебе, Майкайла, следует научиться быть в курсе всех событий, происходящих в нашем королевстве, — произнесла она через некоторое время, все еще не открывая глаз, — поддерживать зрительный контакт с любым уголком страны. Я уже начинала тебе объяснять, что такое чаша для глядения в воду и как ею пользоваться. Пойди принеси ее и приготовь все необходимое.

Майкайла отправилась за серебряной чашей, наполнила ее до краев чистой водой, как учила когда-то Харамис, и вернулась. Вряд ли стоит сейчас объяснять волшебнице, что та уже обучила Майкайлу глядеть в воду, заглядывая в любой уголок королевства, несколько лет назад. У девушки было сильное подозрение, что Харамис не помнит, сколько времени юная преемница уже живет в этой башне. «Пожалуй, очень хорошо уже и то, что она вообще меня помнит, — подумала Майкайла, — а расстраивать ее совершенно ни к чему. В конце концов, Кимбри ведь говорила, что надлежит следить за тем, чтоб Белая Дама как можно меньше волновалась».

— Что бы тебе больше всего хотелось увидеть в нашем королевстве? — спросила Харамис, когда девушка возвратилась.

Майкайла призадумалась. Ведь Харамис впервые за всю историю их знакомства поинтересовалась, что именно предпочитает ее подопечная. Что же выбрать? Скрытков?

Ну, разумеется, нет. Руины древнего города, к которому они с Файолоном направлялись в тот самый день, когда впервые встретили волшебницу?

— Мне хотелось бы посмотреть, как поживает мой кузен Файолон,— после некоторых раздумий осторожно произнесла Майкайла.

— В таком случае гляди в воду.— Харамис сделала слабый жест кистью правой руки.

Майкайла заглянула в чашу, припоминая наставления, что когда-то давала на этот счет волшебница. Девушка хорошо помнила, как пользоваться чашей с водой, хотя для собственных нужд применяла шарик, висящий у нее на шее на ярко-зеленой ленточке. Через некоторое время отражения окон спальни Харамис на водной поверхности стали дрожать, затем расплылись, и на их месте показалась миниатюрная картинка: Файолон, обутый в теплые сапоги, предназначенные для верховой езды, и одетый в зимнюю накидку, восседал на сером фрониале. Позади шагал еще один фрониал, поменьше, с объемистой поклажей на спине. Майкайла узнала местность: Файолон уже недалеко, он направляется как раз к башне. «Зачем он сюда едет? — удивилась она.— Харамис ведь все равно отправляет его всякий раз куда-нибудь подальше, стоит только Файолону здесь появиться».

— Итак, дитя, что же ты видишь? — отрывисто произнесла Харамис.

Майкайла закусил губу. «А здоровье у нее явно все еще плохое, раз уж, глядя на меня, она видит дитя,— подумала девушка.— Но сообщать, что сюда едет Файолон,— значит, пожалуй, разозлить ее. Да она ведь все равно узнает. Слуги не станут ей лгать — по крайней мере, в этом».

— Файолон едет сюда,— ответила Майкайла,— у него два фрониала. Сейчас он примерно в полулиге от скалистой пропасти, что начинается возле края площади перед башней.

— Это, наверное, те фрониалы и те вещи, что я оставила у его родителей в тот день, когда вызвала ламмергейеров, чтобы спасти вас от скритеков,— без тени со-

мнения сразу же заговорила Харамис.— Вот Файолон и направляется сюда, чтобы вернуть все это мне.

Харамис, очевидно, снова погрузилась в прошлое. Она явно живет не сегодняшним днем, но теперь, по крайней мере, Майкайле более или менее понятно, какой отрезок времени Харамис ныне переживает. «Хорошо еще, что она не рассержена приездом Файолона,— подумала Майкайла.— И кстати, она сказала “его родители”, то есть наверняка принимает его за одного из моих братьев».

— Загляни в верхний ящик стола, что возле моей кровати, Майкайла,— начала Харамис.— Там должна быть маленькая серебряная дудочка, с помощью которой я заставляю мост выдвигаться. К тому времени, когда ты выйдешь на двор, он как раз подъедет, так что отправляйся прямо сейчас.

Майкайла сомневалась, что Файолон окажется здесь так быстро, но в данном случае она послушалась волшебницу с удовольствием и поторопилась выйти из комнаты. Схватив серебряную дудочку, она заспешила вниз по длинной череде ступенек, добралась до выхода из башни и очутилась наконец на краю площади с южной стороны здания. Девушка с удовлетворением отметила, что солнечная батарея абсолютно чиста; она подозревала, что магическое зеркало Орогастуса им очень скоро может понадобиться. «Файолон не потащился бы сюда без серьезной причины»,— решила она.

Майкайла стояла на площади, ожидая появления Файолона, и нетерпеливо размышляла о теперешнем состоянии Харамис. От знахарки она успела узнать, что из-за подобной болезни старики порою теряют память, а также могут лишиться дара речи и даже рассудка. Подобная перспектива наверняка привела бы Харамис в ярость, если бы она осознала вдруг, что с нею происходит.

Но и о нынешнем состоянии Харамис Майкайла не могла думать без содрогания. Совершенно очевидно, что та отчасти лишилась способности здраво рассуждать, хотя сама этого и не понимает. Старуха все еще считает Майкайлу совсем маленькой и ничему еще не обученной де-

вочкой, и лишь одним Владыкам Воздуха известно, что она думает о Файолоне.

«Целая страна лишилась человека, который о ней заботился, и будто осиротела. Ну что ж, в некотором роде...»

Майкайла стояла на площади, предаваясь этим безрадостным мыслям, до тех самых пор, пока в поле зрения не показался Файолон. Она поднесла к губам дудку и прогудела сигнал, как это делала Харамис в тот раз, когда впервые отправляла отсюда Файолона. С тех пор прошло несколько лет — лет, о которых Харамис теперь совершенно ничего не помнит!

Мост плавно выдвинулся, перекинувшись через громадную пропасть, почти точно в тот момент, когда к краю расселины подъехал Файолон со своими двумя фрониалами. Майкайла сгорала от нетерпения, и как только он оказался на этой стороне, девушка побежала навстречу, желая задушить его в объятиях, и буквально стащила юношу с фрониаала на землю.

— Ох, Файолон, как я рада! Когда я увидела, что ты направляешься к башне, глазам своим не поверила!

— Так ты об этом знала? — Файолон обнял девушку и крепко прижал к себе. — Тогда понятно, почему ты встретила меня на улице. Ты как, готова сделаться волшебницей? Насколько я понимаю, с Харамис случилось что-то серьезное?

— Да, — сказала Майкайла, — ты прав. Боюсь, что, увидев ее, ты заметишь разительные перемены, и притом отнюдь не в лучшую сторону. Последнее время она была очень больна, так что мы даже опасались за ее жизнь.

Файолон вздохнул:

— Еще один приступ?

Майкайла кивнула.

— А ты, как я полагаю, не готова занять ее место. Ну что ж, это объясняет всю неразбериху, что творится вокруг.

Хотя Майкайла сама давненько уже подумывала именно об этом, ей отнюдь не польстило, что именно здесь кроется главная причина прибытия Файолона.

— Я прекрасно понимаю, что еще не готова,— произнесла она довольно раздражительным тоном,— последние несколько дней Харамис только об этом и говорит, да и Узун тоже. Послушать их — так мне до сих пор лет шесть от роду. Почему бы теперь тебе не нанести госпоже визит? Вы, к всеобщему удовлетворению, вполне сойдетесь во мнениях на мой счет.

Она повернулась и пошла сказать конюху, чтобы тот позаботился о фрониалах. Файолон последовал за ней.

— Прости меня, Майка,— сказал он, обнимая девушку за плечи.— Тебе, наверное, невообразимо тяжело жить здесь бок о бок с нею.

— Чего уж там говорить,— произнесла Майкайла с каким-то мрачным удовлетворением.— Скоро сам получишь возможность на нее взглянуть и все поймешь.

— И кстати, я не хотел сказать, что ты не сможешь прямо сейчас сделаться Великой Волшебницей,— продолжал юноша.— Честно говоря, я считаю, что ты просто обязана это сделать.

— Но ведь это может убить ее!

— Что ж, возможно, ей действительно лучше было бы умереть, чем продолжать делать со страной то, что по ее милости творится теперь,— спокойно ответил Файолон.— Рувенде причинено уже столько вреда, что бедствия начинают распространяться даже на Вар. Я чувствую это и именно поэтому приехал сюда.

— Я знала, что у тебя непременно должна найтись очень веская причина, чтобы совершить это путешествие,— сказала Майкайла,— принимая во внимание, что Харамис вечно отправляет тебя куда-нибудь подальше, как только ей доведется тебя увидеть. Однако в настоящий момент она, весьма вероятно, и не вспомнит, кто ты такой. Она, кажется, принимает тебя за одного из моих братьев.

— В таком случае не стану ее переубеждать и обещаю тебе, что не скажу ей о том, что являюсь покровителем Вара. А то от такой вести, пожалуй, ее хватит очередной удар. Как я понимаю, ты никогда ей об этом не говорила.

— Разумеется, нет. Узун об этом знает, но он тоже ничего не скажет Харамис.

— Ну, значит, все в порядке. Пойдем посмотрим, насколько тяжелое создалось положение.— Он нежно хлопал девушку по спине.

Молодые люди поднялись по лестнице и прошли в комнату к старой волшебнице.

— Госпожа Харамис,— официальным тоном произнесла Майкайла,— Файолон явился, чтобы навестить вас.

— Проходи, дитя мое,— ответила Харамис, слабым жестом вытягивая руку в сторону юноши.

«С нею то же самое, что и в прошлый раз,— неожиданно поняла Майкайла.— Она способна управлять правой половиной своего тела, но левая ей неподвластна. Интересно, отчего так получается?»

Файолон церемонно поклонился.

«А у него явно вырабатываются утонченные манеры придворного,— осуждающе подумала Майкайла.— Ну конечно, он-то проводит все свое время при дворе. Это я вынуждена торчать всю жизнь в этом медвежьем углу, запертая в каменной башне посреди гор».

Она стояла в дверях и бросала хмурые взгляды на Файолона, пустившегося в светскую беседу с Харамис. Он осмотрительно выбирал темы, подходящие для обсуждения в разговоре с пожилой дамой, от которой трудно ожидать, чтобы она была в курсе последних событий. «Это было бы просто чудовищно, если бы не было так трогательно»,— думала Майкайла, слушая, как Файолон уверяет старуху в том, что родители его чувствуют себя прекрасно. Видно, Харамис и впрямь весьма смутно представляет, с кем говорит. Иначе она непременно вспомнила бы, что мать этого юноши умерла во время родов, а о личности отца никому не известно. «Что ж, может, его батюшка и действительно чувствует себя прекрасно,— пришло в голову Майкайле.— По крайней мере, этому у нас нет никаких опровержений».

Харамис быстро утомилась. Сказав Майкайле, чтобы та велела экономке приготовить комнату для своего брата, она попросила оставить ее одну.

Девушка повела Файолона в свою комнату, чтобы поговорить наедине. Они уселись в кресла перед маленьким столиком возле камина и обменялись тревожными взглядами.

— У нее и вправду не все дома,— вздохнула она.

— Боюсь, что тут ты права,— согласился Файолон.— Когда я успел стать твоим братом?

— Не иначе как в тот день, когда Харамис решила, что тебе лучше было бы быть для меня именно братом.— Майкайла помрачнела.— Бывают дни, когда я по-настоящему ненавижу ее. Она думает об окружающих вещах так, как ей хочется о них думать, и требует, чтобы все с нею соглашались. И ведь заметь, все именно так и делают. Если б она сказала, что небо зеленое, то и Узун, и вся прислуга начали бы дружно заверять, что оно никогда и не бывало другого цвета.

Она вечно рассказывает одни и те же длинные истории из собственного детства,— продолжала жаловаться вконец измученная Майкайла.— Поначалу они были мне даже интересны, но после двадцатого раза меня от этих рассказов просто начинало трясти.

— Она забывает о том, что уже говорила? — спросил Файолон.

Майкайла кивнула:

— Она мне напоминает теперь тот музыкальный ящик, что был у нас в Цитадели,— самый первый из них. Мы еще были совсем детьми, помнишь? Он вечно играл одну и ту же ноту, если переворачивать его на ту же самую сторону. Судя по всему, мозг Харамис функционирует по какой-то схожей системе. Стоит мне только услышать первые два-три предложения — и всю дальнейшую речь я уже могу слово в слово, с той же интонацией пересказать сама. В конце концов мне становится до того невмоготу, что хочется кричать!

Помнишь ту башню в Цитадели, где мы так часто играли? Там можно было проводить целые часы, и никто нам не мешал, а здесь, стоит мне только отлучиться на полчаса, как она посылает Энью меня разыскивать. Она не желает, чтобы у меня была минута свободного време-

ни. Она не хочет, чтобы я где-нибудь находилась без ее ведома. Она, похоже, даже не хочет, чтобы я о чем-нибудь думала без спросу... Все это слишком утомительно и по-настоящему раздражает. У меня такое впечатление, будто она пытается стереть мою личность и заменить своей собственной, вселить в мое тело собственный дух, чтобы ее душа управляла двумя людьми... Но у меня ведь есть своя душа, верно?

— Ну разумеется, есть, — заверил юноша. — Возможно, у тебя просто сдают нервы. Тебе хотя бы удастся как следует высыпаться? И хватает ли тебе еды? Или тут опять такая неразбериха, что прислуга забывает подавать обед?

— Я могу перехватить каких-нибудь фруктов или еще чего-нибудь, если проголодаюсь, — сказала Майкайла. — А что касается сна, то я уже начинаю мечтать о том, чтобы не спать совсем: ночью меня мучают кошмары, а проснувшись, я вновь погружаюсь в эту жуткую реальность и вижу, что по-прежнему в ловушке, из которой мне не вырваться.

— А по-моему, ты здесь совсем не в ловушке, — заметил Файолон. — Ты ведь никогда не давала обещания тут оставаться.

— Но я же сижу тут взаперти уже много лет. — Майкайла посмотрела на него с недоумением. — Она просто похитила меня, притащила сюда и все эти годы «обучает», так ни разу не спросив, чего же хочется мне самой.

— Да, — согласился Файолон. — Она привезла тебя сюда, не спрашивая твоего мнения, но все это было много лет назад, и ты в любой момент могла бы отправиться домой, стоило только захотеть, — с тех самых пор, как научилась разговаривать с ламмергейерами, да и до этого, если бы решилась предпринять путешествие на фрониа-ле через ледники и заснеженные перевалы. То есть на сегодняшний день то, что ты до сих пор остаешься здесь, — результат твоего собственного выбора, даже если выбор этот ты сделала неосознанно. Так что обдумай ситуацию и принимай решение.

— Ах вот как, у меня, оказывается, есть еще и выбор! — саркастически проговорила Майкайла. — Во имя Богов,

Файолон, хоть ты-то не затевай подобных разговоров. Если ты мне друг — а мне действительно совершенно необходим друг, и ты самый близкий человек для меня,— то не становись на ее сторону вместе со всеми, очень тебя прошу. Мне это просто невыносимо; я больше не в состоянии жить в таких условиях.

— В каких же условиях ты хотела бы жить?

— Теперь я уже сама не знаю,— всхлипнула Майкайла.— У меня здесь просто голова идет кругом.

Только в одном я уверена: такая жизнь, как теперь, мне совершенно не нужна. Если бы это было не так, я бы не сделалась тут такой несчастной.— Она попыталась собраться с мыслями и понять, чего же ей действительно хочется.— Подозреваю, что мне нужно то же самое, что и всем: любимый муж, желательно ты, несколько детей, уютный домик в каком-нибудь приятном местечке, небольшой сад, друзья и подруги...

— У тебя есть Узун,— вставил Файолон.

— Я все же предпочла бы друзей чуть более подвижных,— вздохнула Майкайла.— Я не хочу сказать, что Узун чем-то плох, но чтобы полностью оценить его, как он того достоин, надо и впрямь не на шутку любить музыку... Лучшим из друзей для меня всегда был ты, а тебе не хуже, чем мне самой, известно, что стоило Харамис пригласить нас сюда, как она сразу же постаралась отослать тебя куда-нибудь подальше. Она желает, чтобы я оставалась совершенно одинокой и полностью зависела от нее, и только от нее!

— Но, Майка, ты ведь можешь вызвать ламмергейера, верно? Даже если понадобится скрыться отсюда среди ночи. Красный Глаз всегда готов по первому же зову поднять тебя в небо и перенести через горные вершины и бездонные пропасти.

— Да, верно.

— Значит, было бы несправедливо утверждать, что у тебя нет выбора,— заметил Файолон.— Ты способна вызывать ламмергейера, улететь, куда только тебе самой захочется, и никогда больше не возвращаться. Следовательно, если ты все-таки остаешься здесь, то, по-моему, ты

уже сделала выбор. Мне искренне жаль, что ты так несчастна, но наверняка у тебя есть веские причины здесь оставаться.

— Это может показаться бредом сумасшедшего,— нахмурилась девушка,— но у меня такое впечатление, что этого от меня хочет страна.

— Я тоже думаю, что дело именно в этом.

— С тех пор как болезнь свалила Харамис в последний раз, мне не перестает казаться, что я слышу какие-то крики и плач. Меня не на шутку волнует, иногда становится просто-напросто жутко, но я не знаю, что могла бы сделать, дабы исправить положение. У меня нет чувства земли — в той степени, что есть у тебя,— но главная беда в том, что, по-моему, Харамис уже тоже его лишилась.

— Этого я не знаю,— Файолон пожал плечами.— Чувство земли не из тех вещей, о которых можно судить, глядя со стороны. Конечно, если бы оно появилось у тебя,— он дотронулся кончиками пальцев до груди, прощупывая сквозь ткань свой шарик,— то я, разумеется, сразу об этом узнал бы, но что касается Харамис, тут остается только гадать.

Рука Майкайлы тоже потянулась к небольшому буторку на ее груди, постоянно скрытому не менее чем двумя слоями ткани,— точной копии того шарика, что висит на шее Файолона. Свой шарик она всегда надевала прямо на голое тело; это была единственная вещь, сохранившаяся со времен, когда в жизни Майкайлы еще не появилась Харамис. Он служил постоянным напоминанием о счастливых временах.

— Неужели между нами столь мощная связь? — спросила она.— У меня всегда было такое чувство, будто я постоянно ощущаю твое присутствие, а в мелодичном перезвоне этого шарика мне слышался твой голос, но я думала, что все это лишь игра воображения.

— Майка! — широко улыбнулся Файолон.— У тебя всегда было множество талантов, но вот воображения тебе вечно не хватало.

Он встряхнул свой шарик, и раздался перезвон. Майкайла тут же почувствовала, как в ответ начал резонировать ее собственный шарик.

— Говорят, что процедуры типа глядения в воду ненадежны, особенно если ими пытаются заниматься люди, но с помощью этого шарика в качестве связующего звена мы в любой момент можем без помех войти в контакт друг с другом. Я много лет следил таким образом за твоими уроками и даже выучил кое-что из тех песнопений, в которых ты практиковалась в храме Мерет.

Майкайла вздохнула, припоминая некоторые из пройденных ею за эти годы уроков.

— И ты, кстати, куда лучше со всем этим справляешься,— произнесла она.— Помнишь, когда ты приземлился в Варе и у тебя появилось чувство земли, тебе скоро удалось с ним совладать, а я двое суток провалилась в постели совершенно разбитая оттого только, что у меня была с тобой связь.

— По-моему, теперь тебе лучше просто-напросто расслабиться и не пытаться разрешить все проблемы в мире одним махом.

— Не сомневаюсь.

— Я все думаю, нет ли в здешней библиотеке книг, из которых можно было бы узнать, чем грозит стране нынешняя ситуация, когда наряду с Великой Волшебницей существует и ее вполне подготовленная преемница.

— Вполне подготовленная? — удивилась Майкайла.— Я? Да тут все как один считают, что я еще совершенно не готова.

— Но ты училась куда дольше, чем успел проучиться я, когда сделался покровителем Вара,— напомнил Файолон.

— Ты прав,— сказала Майкайла.— Выходит, все дело в том, что мне не полагалось получать никакой предварительной подготовки? Может, именно поэтому Харамис продолжают преследовать эти приступы — оттого, что нас здесь двое?

— Заглянем лучше в библиотеку,— предложил Файолон.

— В основной библиотеке ничего на эту тему нет. Все здешние книги я прочитала, однако если мы отправимся в ледяные пещеры и исследуем то, что там хранится, то, может быть, найдем что-то полезное среди собранного Орогастусом барахла — нечто такое, что прежде проглядели.

— Толковая мысль, — сказал Файолон. — Если верить древним легендам и балладам, его куда больше интересовала проблема разнообразного использования энергии и всяческих естественных и сверхъестественных сил, чем Харамис, которая вообще на такие вещи обращала мало внимания.

— Похоже на правду, — согласилась девушка. — И кстати, может быть, мне удастся разыскать что-то полезное в библиотеке храма Мерет, хотя я абсолютно не представляю, как мне там объяснить причину такого любопытства. — Она задумчиво поглядела на Файолона. — А что нового в Варе? Придворные дамочки все еще не дают покоя?

— Я не очень-то обращаю на них внимание, — нахмурился он. — Ни одна из варских девиц не питает ко мне никаких серьезных чувств, несмотря на нынешний мой высокий титул, тем более что большую часть времени я теперь провожу в собственном герцогстве, а не при дворе короля. Ходит множество историй о том, что отцом моим был демон или какое-то столь же мрачное и мистическое создание, а уж в том, что я незаконнорожденный, ни у кого нет сомнений.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что не находится девушек, которым это показалось бы таинственным и романтичным? — поддразнила Майкайла.

— Ну, я не стану, конечно, отрицать, — вздохнул юноша, — что при дворе всегда найдутся девицы достаточно глупые, чтобы предаваться подобным чувствам. Но ты же знаешь, Майка, что я никогда не находил слабоумие чертой привлекательной. К счастью, у тебя-то мозги есть — несмотря на то, что в данный момент ты, похоже, ими не очень-то активно пользуешься.

— О нет, Файолон, тут ты, увы, не прав, у меня теперь совсем нет мозгов. Это у Харамис два мозга — ее

собственный, а заодно и мой. А что касается некоей Майкайлы, то отныне она нечто среднее между неодушевленной собственностью Харамис и какой-то незначительной частью ее тела.

— Ты только посмотри, как она обращается с Узуном,— продолжала девушка.— Когда-то он был независимой личностью, ее учителем и другом... Кто он такой теперь? Ее арфа. Он не способен самостоятельно сдвинуться ни на миллиметр, зато она может в любой момент схватить его и перетащить куда ей вздумается. Единственное затруднение, разумеется, в том, что таскать столь большую и тяжелую арфу не слишком легко. Итак, он теперь вещь, я — тоже вещь, и все слуги не более чем вещи, а ты — просто-напросто досадная помеха. То есть станешь помехой, когда она наконец вспомнит, кто же ты такой,— горячилась Майкайла,— потому что, несмотря ни на что, останешься самостоятельной личностью. И она в очередной раз постарается отослать тебя в далекие края.

— Ты даже не представляешь себе, что происходит теперь в Варе,— произнес Файолон.— На этот раз я никуда не уеду, что бы она ни говорила. Мне давно уже не двенадцать лет.

Глава 24

— Да, на этот раз ей не удастся тебя так просто выставить,— согласилась Майкайла,— но что же именно происходит у тебя в Варе?

— К низовьям Большого Мутара движется что-то не совсем понятное и убивает на своем пути рыбу. Когда все началось, я как раз был в Лете, присматривая за погрузкой на речные суда заготовлённой строевой древесины, и заметил неладное. Я тут же отправил своему дядюшке, варскому королю, записку, что отправляюсь поточнее выяснить ситуацию, и заспешил в Цитадель. Путь лежал мимо озеро Вум — вся рыба в нем оказалась мертвой. Кроме того, погибло немало разумных существ, оказавших-

ся близости в тот момент, когда произошла эта катастрофа.

— Вайвило?

— Да, в основном там были вайвило, хотя погибли и некоторые люди, а очень многие из них тяжело заболели.

— Как такое вообще могло произойти? — Майкайла с трудом перевела дух.

— Не знаю. — Файолон выглядел невесело. — Рувенда — не моя страна, а потому, хотя я и чувствую, что здешние дела довольно плохи и многое пошло не так, я все-таки не способен точно определить, что за этим стоит.

— А будучи в Варе, ты мог определить источник беды?

Файолон покачал головой:

— Причина бед находится не в Варе. Я только чувствовал, что из Рувенды вниз по реке движется что-то страшное. Я тебе еще вот что скажу, — добавил он, — ситуация была бы гораздо хуже, если бы господствующие ветры дули из Рувенды в Вар, а не наоборот. Так хоть в воздухе я не чувствовал никаких дурных перемен до тех пор, пока не пересек рувендианскую границу. А направляясь от Цитадели сюда, я воспользовался фрониалом — чтобы проехаться по всей Запутанной Топи и посмотреть, в каком она состоянии. — Файолон поднял голову и посмотрел собеседнице прямо в глаза. — Майкайла, твоя страна очень, очень тяжело больна.

— Страна Харамис, — напомнила та.

— Во имя Цветка, Майка, это же твоя родина! Неужели тебе до этого нет никакого дела?

— А что изменится, если мне до этого будет дело? — пожала плечами Майкайла, пытаясь скрыть душевную боль. — Ты что, действительно думаешь, будто Харамис позволила бы мне что-нибудь в связи с этим предпринять? Как ты считаешь, почему я так дожидалась твоего приезда?

Файолон немного растерялся и не сразу нашелся, что ответить.

— Видишь ли, все дело в том, что Харамис, почувствовав себя серьезно больной, решила, что следует уско-

рительное мое обучение. Теперь она принялась учить меня глядеть в воду.

— Что ты хочешь этим сказать? В воду она научила тебя глядеть, когда ты только здесь появилась — четыре с половиной года назад!

— Мне это прекрасно известно,— заметила Майкайла,— и тебе тоже. Но не ей.

— Быть не может...— только и сумел выговорить Файолон.

— Я абсолютно уверена, что у нее давно уже нет чувства земли,— проговорила Майкайла, припоминая последние события,— и я думаю, что лишилась она его уже с момента своего первого приступа.

— Но если она его лишилась, то у кого же оно теперь?

— Понятия не имею,— вздохнула Майкайла.— И Узун тоже ничего не знает — я его расспрашивала. Мы с ним решили, что если бы чувство это перешло к кому-нибудь другому, то нам было бы уже об этом известно. То есть, по всей видимости, его еще не обрел никто. Я абсолютно уверена в одном: у меня его по-прежнему нет.

— Ну что ж, даже если у тебя и нет чувства земли, нам все равно нужно что-нибудь сделать! Надо как-то покончить со всей этой сумятицей.

— Попробуем,— сказала Майкайла.— Ты можешь составить примерный перечень тех проблем, что в первую очередь требуют нашего вмешательства?

Файолон поморщился и покачал головой:

— Я не настолько хорошо знаю Рувенду, чтобы справиться с подобной задачей. Тут нужно очень подробное и глубокое знание страны.

— Подробное и глубокое! — Майкайла хлопнула вдруг в ладоши и вскочила.— Пошли,— проговорила она и побежала к дверям.

— Куда ты меня ведешь?

— К зеркалу. Если тебе нужны подробности, то это самый лучший способ о них разузнать.

— Если ты хочешь спуститься туда,— заметил Файолон,— тебе надо как следует одеться.

— Вовсе не обязательно,— усмехнулась Майкайла.— Красный Глаз научил меня в прошлом году регулировать температуру тела. Ты же одевайся потеплее, а я пока пойду отыщу пергамент и чернильницу и буду ждать тебя внизу.

К тому времени, когда Файолон появился наконец в комнате с зеркалом, Майкайла уже сидела, скрестив ноги, прямо на ледяном полу напротив прибора Исчезнувших и что-то поспешно записывала.

— Я отыскала то, что убивает рыбу, Файолон,— произнесла она,— это некая разновидность микроскопического растения, которое при определенных условиях вырабатывает сильнейший яд. Такие условия возникают, к счастью, крайне редко. Когда с Харамис случился последний приступ, здесь произошло изрядное землетрясение...

Она прервала объяснение и обратилась к зеркалу:

— Зеркало, покажи произошедшие за последние два месяца землетрясения.

— Информация обрабатывается,— ответило зеркало.

Затем на экране появилась карта Рувенды, покрытая сеткой бледно-голубых линий. Несколько секунд изображение не менялось, затем в разных местах одна за другой стали возникать ярко-синие точки; от точек расходились в разных направлениях неровные линии, потолще и поярче, чем покрывающая карту сетка голубых линий.

— Здесь, вот в этом месте,— проговорила Майкайла, протягивая руку и тыча пальцем в точку, изображенную в северо-западной части Тернистого Ада,— произошло самое первое. Оно случилось в то утро, когда мы нашли Харамис лежащей в ее спальне на полу — еще до зари. Затем серия землетрясений охватила почти всю северную часть Золотой Топи.— Она обернулась к Файолону.— Ты ведь проехал примерно вот здесь, так?

Тот кивнул, подозрительно вглядываясь в изображение.

— Поверхность земли в тот момент была еще неустойчива и иногда вздрагивала, верно? — спросила Майкайла.

Юноша снова кивнул.

— Насколько сильны были эти толчки и как часто они случались?

Файолон еще раз взглянул в зеркало, и тут Майкайла поняла, что его так беспокоит.

— Все в порядке, ты можешь свободно разговаривать, и на изображение это никак не повлияет. Прибор теперь реагирует на запрос только тогда, когда запрос начинается с его названия.

— Названия?

— Того названия этого прибора, которым мы договорились пользоваться, а что касается его первоначального наименования, то мне оно, по крайней мере, неизвестно, — объяснила Майкайла. — Зеркало, укажи те места в Запутанной Топи, где уровень воды не соответствует норме.

— Информация обрабатывается...

Изображение сменилось, появилась черно-белая карта Запутанной Топи, на которой большие участки окрасились в различные оттенки коричневого и синего цветов.

— Синим расцвечены те области, где уровень воды выше нормы, — объяснила девушка. — Чем темнее и насыщеннее синий цвет, тем толще слой воды на данном участке. Коричневым помечены те места, где выше нормы теперь уровень земной поверхности, — чем интенсивнее окраска, тем более возвышенный участок земли ей соответствует.

Файолон поежился:

— Да, неудивительно, что со страну творится нечто неладное.

— Верно, — согласилась Майкайла, — так что, считай, тебе повезло, что ты не заблудился, пока добрался сюда.

— Еще как заблудился, — признался Файолон, — и притом не один раз. Просто-напросто, когда я переставал понимать, где нахожусь, я все время пользовался своим шариком, чтобы определить, в какой стороне искать

тебя. Таким образом, я, по крайней мере, был уверен, что в конце концов непременно с тобой встречу — независимо от того, где ты находишься. Ты ведь далеко не все время проводишь в этой башне,— заметил он.— Взять хотя бы твою небольшую полугодовую прогулку в жилище Красного Глаза — пещеру на горе Ротоло, не говоря уже о том времени, что ты регулярно проводишь в храме Мерет.

— Ну, когда я там, об этом нетрудно узнать,— заметила Майкайла.— Это происходит исключительно весной и не более одного месяца в году. Однако сдается мне, для того чтобы как-то выправить положение, нам придется на некоторое время покинуть башню. Уже одно только озеро Вум требует серьезного внимания.

— И все-таки давай сперва пообедаем,— вздохнул Файолон,— а потом уж разберемся со всем остальным, ладно?

— Ну разумеется,— усмехнулась Майкайла.— Ты не боюсь голоден как волк.

Она поднялась на ноги, собрала свои письменные принадлежности и произнесла:

— Зеркало, благодарю тебя. Подзарядись.

— Перерыв на подзарядку,— ответило зеркало и потемнело.

Майкайла направилась обратно в жилые помещения башни, с помощью магических слов зажигая и гася светильники по пути.

— Ты что, с каждой вещью здесь общаешься с помощью слов? — спросил Файолон.

— С вещами — в основном, да,— ответила Майкайла,— а вот с народом здесь не очень-то поговоришь. Энья вечно чем-нибудь занята, прочие слуги меня совершенно игнорируют, а что касается Харамис...— Она вздохнула и решила не продолжать.

Проходя мимо кухни, они повстречали Эню.

— Так вот вы где, принцесса! — сказала та.— Вам надо немедленно отправиться в комнату госпожи: уже целых два часа она не перестает о вас спрашивать.

Майкайла многозначительно посмотрела на Файолона. «Ну вот, что я тебе говорила!» — красноречиво читалось на ее лице.

— Госпожа велела подать обед в свою спальню, — добавила экономка.

Майкайла кивнула и отправилась дальше по лестнице.

— Какое счастье! — прокомментировала она полным сарказма голосом, удалившись на достаточное расстояние, дабы Энья не могла ничего расслышать.

— Майка, да относись же к ней хоть с некоторым уважением, — попытался урезонить ее Файолон, — просто не может быть, чтобы она была такой законченной злодейкой.

— Если бы сама земля не требовала, чтобы мы как можно скорее отправились наводить порядок, — произнесла Майкайла, — я бы посоветовала тебе остаться здесь, побыть немного на моем месте, чтобы самому оценить положение. Однако в данной ситуации нам лучше всего переселить Узун в новое тело, и пусть теперь он сидит возле Харамис и целыми днями слушает ее байки.

— Только разрешит ли она нам это сделать? В последний раз, насколько я помню, она отнеслась к этому резко отрицательно.

— На этот раз, — твердо ответила Майкайла, — я и не собираюсь спрашивать у нее никакого разрешения. Если сам Узун согласится, я это сделаю, пусть даже мне придется заниматься всем в одиночку.

Она вопросительно посмотрела на Файолона.

— Если ты будешь заниматься этим ритуальным действием, — сказал он, — то я тебе помогу. Всякий обряд, происходящий из храма Мерет, наверняка нуждается в том, чтобы в нем участвовало как можно больше народу.

— Спасибо. — Майкайла улыбнулась, но тут же придала лицу нейтральный, ничего не выражающий вид. Они входили в комнату Харамис.

— Где ты была, девочка? — строго спросила волшебница.

— Внизу.

— Неужели тебе не пришло в голову, что ты можешь мне понадобиться?

— Извините, если я оказалась вам нужна, когда меня не было поблизости,— произнесла Майкайла, стараясь не отвечать прямо на заданный Харамис вопрос. К счастью, тут вошла Энья с обедом и избавила девушку от продолжения невеселой беседы — по крайней мере, на некоторое время.

За обедом Харамис беспрестанно сетовала на то, что не может повидаться с Узун. Майкайла воспользовалась этим.

— Вполне возможно, что через пару дней,— сказала она,— мы сможем устроить вам встречу с ним. А пока вам необходимо отдыхать, набираться сил, а потому нам, пожалуй, пора пожелать вам доброй ночи.

Она встала и легким движением руки отправила грязную посуду на кухню.

Файолон поклонился Харамис и следом за девушкой вышел из комнаты.

— Как думаешь, не заняться ли нам перемещением Узун в новое тело? — прошептала Майкайла, едва они вышли из спальни волшебницы.— Или ты слишком для этого устал?

— Я вполне в силах тебе помочь,— ответил Файолон,— но, пожалуй, нам следовало бы подождать до утра.

— Согласна,— сказала Майкайла,— но мне кажется, чтобы начать переселение духа Узун в новое тело, его надо предварительно прогреть до той же самой температуры, что и арфа. Так что давай перенесем его в кабинет и положим рядом с Узун, так чтобы к утру все было готово.

Юноша согласно кивнул.

— Осталось уладить еще одно небольшое дельце,— сказала Майкайла, заталкивая Файолона в кабинет, мимо которого они как раз проходили.— Узун,— проговорила она,— это Майкайла с Файолоном.

— Лорд Файолон! — отозвалась арфа.— Вот это приятный сюрприз! Что тебя привело к нам?

— Боюсь, что причина моего приезда не очень-то радостна,— ответил юноша,— со страной происходит множество бед.

— Я давно боялся, что будет именно так в случае болезни госпожи,— вздохнул Узун.— Ох, как бы мне хотелось пойти к ней; не сомневаюсь, что она сильно по мне скучает.

— На этот раз она, по крайней мере, помнит, что ты теперь арфа,— сказала Майкайла,— значит, она не так сильно больна, как тогда, в Цитадели. Однако ты совершенно прав: она все время, пока мы сидели за обедом, жаловалась на то, как ей тебя недостает.

— Эх, если б хоть что-нибудь можно было сделать...— Струны арфы прозвенели печально и разочарованно.

— Что ж, может быть, кое-что сделать и удастся,— сказала Майкайла.— Помнишь то тело, что я добыла для тебя в храме Мерет?

— Я думал, Харамис его уничтожила.

Майкайла взглянула на Файолона.

— Оно до сих пор лежит там, где мы его оставили,— сказал тот.— Я специально это проверял на пути в ледяные пещеры. На нем даже обертка совершенно не тронута.

Девушка приблизилась к книжной полке и, сняв несколько томов, увидела свиток, по-прежнему лежащий на том самом месте, куда она положила его после возвращения из храма Мерет.

— Мы сейчас принесем тело сюда и распакуем его,— произнесла она,— и если с ним все в порядке, ответь, Узун, пожелаешь ли ты переселиться в него?

— А как происходит такое переселение? — спросил оддлинг.

Майкайла развернула начало свитка.

— Здесь у меня есть подробные наставления по поводу этого ритуала,— сказала она.— Похоже, он мало отличается от того, что использовала Харамис, помещая тебя в арфу.

— В таком случае мне хотелось бы его опробовать,— сказал Узун.— Но только не забудь, что ты мне пообещала на тот случай, если что-нибудь будет не так.

— Если нас постигнет какая-нибудь серьезная неудача, я освобожу твой дух от всяких уз. Обещаю.

Она поместила свиток обратно в тайник и обернулась к Файолону:

— Пора принести тело.

На то, чтобы перенести сверток наверх по длинным лестницам и развернуть его, ушел почти целый час. К счастью, к тому времени вся прислуга уже улеглась спать, так что Майкайле с Файолоном никто не мог помешать.

— Настоящее произведение искусства,— проговорил Файолон, с восхищением разглядывая расписную деревянную статую, сгибая суставы этого нового тела и убеждаясь, что все они великолепно работают.— Оно выглядит так же, как выглядели вы, господин Узун, то есть по крайней мере так же, как изображение, которое мне показывало зеркало. Вы там были вместе с Харамис.— Он оторвал взгляд от деревянного тела и посмотрел на Майкайлу.— Мне кажется, фигура что надо,— прокомментировал Файолон, затем неожиданно для самого себя зевнул и поспешил извиниться.

— Почему бы тебе не пойти прямо сейчас спать? — предложила Майкайла.— Сама я, пожалуй, переночую прямо здесь, чтобы быть уверенной, что никто в это дело не вмешается. И к тому же мне хочется еще раз перечитать описание обряда.

— Что ж, давай так и сделаем,— сказал Файолон.— Спокойной ночи.

— Приятных снов,— ответила Майкайла.— Я запру дверь, как только ты уйдешь. Так что перед тем, как ты с утра сюда вернешься, переговори со мной с помощью шарика.

— Ладно.

Файолон отправился в предназначенную для него комнату, а Майкайла заперла дверь, подбросила в камин лишнее полено, извлекла из тайника свиток, развернула его и принялась за чтение. Песнопения и магические за-

клинания она читала про себя, а указания о том, что выполняющий обряд должен при этом проделывать,— вслух, чтобы Узун знал, что ему предстоит.

Покончив со свитком, она обернулась к арфе.

— Ты по-прежнему желаешь этого? — спросила Майкайла. — Ты ведь понимаешь, что в любой момент можешь отказаться.

— Мне долгие годы хотелось этого,— отозвался Узун,— и я не собираюсь идти теперь на попятный.

— Тебе известно, что большую часть ритуала не сможешь осознать, что с тобою происходит? Как только мы проделаем самый первый шаг, то есть удалим с верхушки арфы костяную накладку, ты уже ничего не будешь знать и чувствовать до тех самых пор, пока обряд не закончится.

— Сколько сейчас времени? — спросил Узун.

Майкайла и так внутренне чувствовала время, но все-таки выглянула в окно и проверила положение звезд на уже темном ночном небе.

— Примерно два часа до полуночи,— ответила она.

— В таком случае, поскольку самый первый шаг этого ритуала состоит в том, чтобы вымачивать ту кость, что относилась когда-то к моему черепу, в чаше со слезами от полуночи до утренней зари, ты, пожалуй, можешь уже начинать,— произнес Узун.— А иначе тебе придется ждать до следующей ночи, и целый день пропадет даром. К тому же,— добавил он довольно резко,— потерять целый день для вас, пожалуй, было бы слишком большой роскошью. Насколько я понимаю, вам с Файолоном нужно отправиться лечить пострадавшую страну как можно скорее — как только я стану способен присматривать за Харамис.

— Ты и вправду мудрец, Узун. Что ж, тогда я начну прямо сейчас. Как ты думаешь, та чаша, которую Харамис использует, чтобы глядеть в воду, годится под слезы?

— Да, я думаю, она подойдет как нельзя лучше.

Майкайла представила себе чашу на том самом месте, где она оставила ее последний раз, а затем — в собствен-

ных руках. Чаша тут же приземлилась на вытянутые ладони, с едва слышным хлопком вытеснив воздух. Девушка снова заглянула в свиток, дабы на всякий случай проверить еще раз описание самого начала ритуала.

«Вымочите эту кость на протяжении всего времени от полуночи до утренней зари в серебряной чаше, заполненной слезами девы, оплакивающей смерть сего человека. Слезы должны полностью покрывать кусок кости».

Майкайла наклонилась над чашей и стала думать об Узуне, о том, как он добр к ней, какой он надежный и верный друг, с каким мужеством встречает опасность, и о том, как тяжело, к несчастью, больна Харамис. Она представила себе те чувства, которые охватили бы ее, если бы весь этот ритуал окончился неудачей, если бы она потеряла Узуну. Слезы обильно потекли из глаз, наполняя чашу.

Майкайла не знала, сколько времени проплакала; казалось, в виде этих слез из нее вытекает вся боль, накопившаяся в целой стране, в дополнение ко всей боли и обидам, которые ей пришлось испытать за всю свою жизнь, и той боли и опасениям, что испытывает она теперь, думая об Узуне. Девушка плакала до тех пор, пока собственное тело не показалось ей почти высушенным; похоже, в ней не было больше ни единой слезинки. Сосредоточившись, Майкайла разглядела чашу, которую держала в руках. Слезы заполняли всю емкость почти до краев. Она отставила чашу в сторону и проверила, сколько времени. До полуночи оставалось совсем чуть-чуть.

— Чаша со слезами готова, Узун,— произнесла она,— а ты?

— Я тоже.

Струны арфы чуть-чуть дрожали, но Узуну вряд ли можно за это винить. Она отлично понимала, что если бы у нее самой сейчас были струны, они дрожали бы во много раз сильнее. Девушка взобралась на кресло, чтобы достать до верхушки арфы, и, осторожно подцепив кончиками ногтей костяную накладку, сняла ее с корпуса инструмента и понесла к чаше, вглядываясь в ночное небо. В ее руках покоилась теперь настоящая кость Узуну,

принадлежавшая когда-то природному телу одлинга. Когда положение звезд указало на то, что наступила полночь, Майкайла погрузила кусок черепа в собственные слезы. Уровень жидкости в чаше поднялся так, что туда уже больше нельзя было ничего добавить; слезы едва не переливались через край.

Глава 25

Девушка вздремнула на диване возле камина; сон ее был чутким и беспокойным. Она то и дело просыпалась и наконец, когда приближалась уже утренняя заря, извлекла из-за выреза платья шарик и принялась будить Файолона.

— Майка, ведь даже еще и светать не начало, — запротестовал тот, — а я не одну неделю провел в пути. Неужели ты не можешь подождать пару часов?

— Ты уж меня извини, — сочувственно проговорила Майкайла, — но Узун настоял на том, чтобы начать еще ночью. Не позже чем через час ты мне понадобишься. А по пути, — добавила она, — скажи Энье, что мы будем работать вместе с Узунуном в кабинете Харамис до самого вечера и нам необходимо, чтобы никто нас не беспокоил, что бы ни случилось — даже если мы понадобится самой Харамис.

— А как насчет еды?

— Захвати с собой поднос с достаточным количеством пищи, чтобы хватило на целый день. Совершенно ни к чему, чтобы нас прерывали лишь для того, чтобы спросить, готовы ли мы приняться за полдник или ужин.

— Ладно, — вздохнул Файолон, — сейчас приду.

Майкайла подошла к окну и принялась разглядывать пейзаж в ожидании восхода солнца. Как только из-за горизонта показался первый луч, девушка вытащила кусок кости из чаши со слезами и положила его на чистую ткань возле тела. Затем взяла небольшую коробочку, упакованную мастером вместе с самим телом, и принялась извлекать из нее необходимые для исполнения обряда принад-

лежности: кувшинчик с благовониями, белое одеяние, расшитое странной символикой — Майкайла узнала лишь один из символов, виденных ею в храме Мерет, — черный резец, изготовленный из какого-то очень твердого камня, и длинный тонкий нож из того же материала.

Она как раз успела все подготовить, когда появился Файолон. Майкайла указала на стол, куда юноша поставил поднос с едой. Сама она слишком нервничала, чтобы обращать внимание на пищу. Странно, но Файолон, который, как правило, принимался за еду всякий раз, когда перед ним оказывалось хоть что-то съедобное, сейчас полностью разделял ее настроение.

— И что мне теперь делать? — спросил он, так и не прикоснувшись к подносу.

— Читай самое первое заклинание, — ответила Майкайла, протягивая свиток, — пока я буду умащивать тело.

— Тут, кажется, требуется вымочить кусок черепа в слезах девственницы? — с удивлением произнес Файолон, глядясь в надписи на свитке.

— С этим я уже справилась, — ответила Майкайла, — начинай с того места, где значится «Я избороздил небо...»

Она взяла сосуд с благовониями и начала тщательно втирать маслянистый состав во все части деревянного тела, пока Файолон читал свиток. Вскоре Майкайла стала чувствовать легкое покалывание в руках, хотя и не понимала, отчего оно происходит, — оттого, что через них проходит некая магическая сила, или просто от воздействия некоего компонента состава мази. Так или иначе, ощущение было довольно странным.

Файолон продолжал читать заклинание, но голос его стал звучать как-то иначе, будто некие внешние силы говорили через него.

— «Я избороздил небо плугом, я пожал урожай на горизонте, я обошел всю страну вплоть до отдаленнейших границ ее, я полностью овладел собственным духом, ибо я из тех, кто вечно контролирует свою магическую силу. Я вижу глазами моими, я слышу ушами моими, я говорю устами моими, я прикасаюсь руками моими, я хватаю пальцами моими, я бегу с помощью ног моих...»

Майкайла закончила умащивание тела, надела на него приложенный мастером костюм и усадила в кресло. Постепенно она начала чувствовать в той фигуре, с которой занималась магией, действительно настоящее тело, а не просто деревянную статую. Девушка взялась за кусок черепа и аккуратно покрыла его с обеих сторон тем же самым составом из кувшинчика, давая Файолону знак, чтобы он приступал к чтению следующего раздела.

— «...В теле своем я сохранил те свойства, которыми обладал в прошлом; теперь я использую их, чтобы вновь появиться во славе...»

Майкайла осторожно положила кусок кости обратно на матерчатую салфетку, взяла в руку острый нож, взобралась на кресло и соскребла немного вещества с внутренней поверхности отверстия в верхней части корпуса арфы. Собрав получившийся порошок — смесь древесной пыли и высохшей крови Харамис, девушка бросила его в чашу со слезами. Затем, прикоснувшись к острию лезвия ножа, она надрезала себе палец и, держа руку над чашей, выдавила ровно семь капель крови, после чего заставила кровотечение прекратиться, а рану закрыться и полностью исчезнуть. Такие простейшие лечебные заговоры они с Файолоном изучили уже очень давно, в самый первый год ее пребывания в башне, в один из тех долгих вечеров, когда они просиживали целые часы возле Узуна, и тот делился своим богатым и разнообразным опытом. Теперь Майкайла думала о том, как это все-таки здорово — воспользоваться знаниями, полученными когда-то от Узуна, чтобы теперь помочь ему самому. Она протянула нож Файолону, и юноша проделал то же самое со своей кровью, а затем снова принялся за свиток.

Майкайла тщательно перемешала смесь в чаше, чтобы жидкость сделалась совершенно однородной, а затем подняла чашу и вылила содержимое в небольшое отверстие, оставленное на макушке новой головы оддлинга. Жидкость потекла вниз, сквозь голову, шею и грудь, к тому месту, где должно располагаться сердце. Выглядела эта жидкость несколько странно. «Так мог бы выглядеть огонь, если бы был жидким», — подумала девушка. От этой

смеси, кажется, распространяется жар, и Майкайла не удивилась бы, если б от нее и пар повалил — как от подвешенного над огнем котелка с супом.

Жидкость полностью заполнила все пустоты в деревянном теле, пока Файолон читал очередное заклинание:

— «...Слава тебе, о присносильная, госпожа всего сокровенного! Посмотри, вот все нечистое отмыто с сердца моего, и сердце мое рождается вновь, рождается в крови возлюбивших меня, да буду я жить, подпитываясь этой кровью, как живешь ты, подпитываясь ею. Будь милостива, и снизойди до меня, и даруй мне жизнь...»

Майкайла взяла в руки кусок старой черепной коробки Узуна, изо всех сил стараясь его не выронить — благодаря маслу он сделался очень скользким, а руки от волнения тряслись. Начиналась самая важная часть ритуала — соединение частицы старого тела с новым. Для нее в свитке не было никаких особых слов: Майкайле следовало почувствовать все собственным сердцем.

Кость была так горяча, что казалось, на пальцах вот-вот появятся ожоги; Майкайла усилием воли заставила себя не обращать внимания на боль. Через все ее тело текла какая-то неведомая энергия; девушка чувствовала одновременно и холод и жар.

Но вот она осторожно поместила кусочек кости на предназначенное ему место, повторяя не облеченную ни в какие слова молитву о том, чтобы вся эта магия действовала и Узун снова ожил. Майкайла чувствовала, как кость будто чуть подвигается, погружаясь глубже, а может быть, это древесина стремилась получше к кости прикнуться; место соединения сделалось почти незаметным. Затаив дыхание, Майкайла посмотрела прямо в лицо этому новому созданию. Глаза Узуна, в свою очередь, посмотрели на нее, и в них было явно осмысленное выражение. Майкайла вздохнула с облегчением и повернулась, чтобы взять острый каменный резец.

Она осторожно провела резцом между губами деревянного тела, в то время как Файолон читал заклинание, посвященное отверзанию уст:

— «...Я восстал из яйца, которое сокровенно, и уста мои дарованы мне, чтобы я говорил ими в присутствии Богини. Уста мои отверзаются силою Мерет, и то, что скрывало их, сбрасывается избранными ею. Уста мои раскрыты, уста мои широко распахнуты перстами самой земли. Я наполняюсь могучими ветрами небесными и говорю собственным голосом моим...»

Майкайла дрожащей рукой сжимала резец, а Файолон сосредоточенно сворачивал свиток, будто боясь оторвать от него глаза.

— Это все? — послышался голос Узуна. — Вы уже закончили?

— Сработало, — прошептал Файолон, и в голосе его прозвучало нечто среднее между священным благоговением и глубоким изнеможением.

Узун встал на ноги и принялся шагать по комнате, пробуя вновь обретенное тело. Сперва движения его были угловаты и резки, но, попрактиковавшись, он стал двигаться более свободно и плавно. Со стороны могло показаться, будто тело оддлинга затекло во время длительного сна и теперь Узун его разрабатывает.

Он посмотрел сперва на Майкайлу, затем на Файолона, на минуту задумался, взял поднос с едой и поставил между ними.

— Ешьте, — повелительным тоном произнес Узун. — Вы оба выглядите так, будто вот-вот свалитесь, а ведь вам предстоит еще спасти страну.

Прошел час. Майкайла с Файолоном успели насытиться и чувствовали теперь себя гораздо лучше.

— А теперь, — твердо произнес Узун, — пойдемте поговорим с Харамис. Страна больше ждать не может. Надо действовать.

— Забавный, наверное, выйдет разговорчик, — вполголоса пробормотала Майкайла, направляясь по лестнице в сторону спальни Харамис. Файолон все еще продолжал восхищаться новым телом Узуна, наблюдая, как тот двигается.

— Это самое искусное из всех человеческих изделий, какие мне приходилось видеть,— повторил он.— И они так вот просто взяли и отдали его тебе?

— В обмен на то, чтобы я оставалась девственницей на протяжении ближайших семи лет и ежегодно проводила по месяцу у них в храме, как только начинается весна,— напомнила Майкайла.— А будущей весной я буду представлять саму Богиню на тамошнем празднике весны.

— А почему именно ты?

— У них есть особый ритуал, во время которого Богиня избирает ту из своих Дочерей, которая должна его исполнить,— коротко объяснила девушка. В этот самый момент они подошли к дверям спальни, и разговор оборвался.

Увидев вошедших, Харамис, казалось, была совершенно сбита с толку. «Ничего удивительного,— подумала Майкайла,— она не слишком хорошо помнит Файолона, а когда в последний раз видела Узуна, тот был арфой».

— Узун? — с величайшим недоумением произнесла Харамис.— Надо полагать, что я видела какой-то странный сон... Я была уверена, что обратила тебя в арфу...

Оддлинг обеими руками взялся за руку Харамис. Майкайле сделалось вдруг от души жаль старую волшебницу: та наверняка будет шокирована, обнаружив, что ладони Узуна деревянные.

— Так и было, госпожа,— произнес он.— Вы обратили меня в арфу, но это произошло очень давно. Теперь у меня новое тело, и я снова могу видеть и передвигаться.

Он взял табуретку и, пододвинув ее к изголовью кровати, уселся рядом, все еще не выпуская руку Харамис.

— Боюсь, что мне придется сделаться сегодня дурным вестником, госпожа,— мягко проговорил он.— Земля очень серьезно больна.

Харамис нахмурилась и попыталась сесть, но безуспешно.

— Я чувствовала серию землетрясений,— произнесла она.— А что еще случилось?

— В Золотой Топи изменились очертания берегов и водного пространства,— сказала Майкайла,— и высота различных участков земли. В озере Вум появился какой-то яд, убивающий рыбу и местное население — даже людей.

— Увы,— произнесла Харамис,— вот до чего дожила! У меня уже нет силы ни вылечить свою страну, ни защитить ее.

— В таком случае вам придется позволить, чтобы это сделали они,— твердым голосом произнес оддлинг.

Харамис ответила таким взглядом, будто ее старый друг выжил из ума:

— Узун, да это же дети!

— Они всего на год с небольшим младше, чем были вы, когда сделались Великой Волшебницей. К тому же мы оба — вы и я — все это время обучали их. Пожалуй, ни один из них не справился бы с таким делом в одиночку, но вдвоем они смогут устранить по крайней мере самые опасные перемены — в этом я не сомневаюсь. А я буду помогать советом — с вашего разрешения, госпожа.

Последнюю фразу Узун произнес не так, как если бы действительно просил разрешения у Харамис, а та явно устала и сделалась слишком слаба от болезни, чтобы спорить.

— Ну что ж, поступай как знаешь. Так или иначе, ты все равно делал всегда по-своему,— добавила она ворчливо.

— Благодарю вас, госпожа.— Узун нагнулся, поцеловал ей руку, а затем потащил Майкайлу с Файолоном прочь из комнаты. Войдя в кабинет, он дернул за шнурок звонка и приказал Энье принести обед.

Та разглядывала его с недоумением, а затем обернулась к Майкайле:

— Кто это, принцесса? Еще один из ваших старых друзей?

«Ну да, конечно,— поняла Майкайла,— она его не узнает. Никто из слуг никогда не видел его иначе как в образе арфы!»

— Это господин Узун,— уверенным голосом произнесла она.— И госпожа желает, чтобы ты по-прежнему продолжала его слушаться.

— Господин Узун...— Энья продолжала смотреть с подозрением, но все-таки, видимо, решила принять на веру подобный поворот событий.— А вам, господин Узун, теперь тоже потребуется пища?

Оддлинг посмотрел на Майкайлу, и та едва заметно покачала головой.

— Нет,— ответил он,— этому телу пища не нужна.

Обескураженная Энья вышла из комнаты.

— С каждым днем в этом доме дела идут все более и более странно,— бормотала она, шагая по лестнице.

— А теперь,— быстро проговорил Узун,— обсудим, что делать со страной.

— В Золотой Топи произошли серьезные изменения,— заговорила Майкайла,— но там мало кто живет, а весь вред и все опасности, которым могли подвергнуться тамошние обитатели, уже давно стали реальностью. Умерших не воротишь, а оставшиеся в живых, пожалуй, уже почти приспособились к тем формам, что Топь приняла в настоящее время.

— Согласен,— сказал Файолон,— я проехал ее всю, пока добирался сюда, и мне не кажется, что там надо что-то исправлять. А вот озеро Вум — действительно серьезная проблема.

— Зеркало утверждает, что если там умерла уже вся рыба, то и рыба смерть очень скоро тоже умрет,— сказала Майкайла.

— Рыба смерть? — переспросил Узун.

— Это что-то вроде микроскопического растения, вырабатывающего очень сильный яд,— объяснил Файолон.

— Значит, нам остается только вновь развести в озере Вум рыбу,— подытожила Майкайла.— Узун, есть ли у тебя какие-нибудь предложения по поводу того, где эту рыбу раздобыть?

— А много ли бедствий произошло в районе реки Бонорар? — спросил оддлинг.

— Нет.— Майкайла покачала головой.— Дайлекская область от нас слишком далеко к востоку, поэтому ее почти не коснулись свалившиеся на страну бедствия.

— А Бонорар все равно впадает в озеро Вум,— сказал Файолон,— так что, если мы возьмем рыбу, живущую в нижнем течении реки, и переправим ее в озеро, то внесем в природу очень немного изменений, а Вум благодаря этому снова оживет.

Тут вошла Энья и подала обед. Разговор прекратился, и Майкайла с Файолоном принялись за еду.

— Можно будет полететь туда по воздуху,— продолжил Файолон, отправляя грязную посуду на кухню.— Проверим, убедимся, что вода в озере вновь чиста и безвредна, а потом возьмем несколько рыболовных сетей и перетащим рыбу из низовья реки в озеро.

— Да, это, пожалуй, будет лучше, чем попытаться подвергнуть живые существа телепортации,— согласилась Майкайла.

— Но тут есть еще одно затруднение, которого вы оба не заметили,— грустно произнес Узун.— Что подумают местные жители — в особенности скритеки и глисмаки,— видя вас летающими туда-сюда на ламмергейерах и исполняющих обязанности госпожи Харамис? Что они станут думать о госпоже?

— Пожалуй, они подумают именно о том, что и произошло на самом деле,— сказала Майкайла.

— С глисмаками я смогу управиться,— заявил Файолон.

— Разве нам стоит допускать, чтобы население страны узнало, насколько тяжело больна Белая Дама? — спокойно спросил Узун.

— Пожалуй, было бы лучше, если бы они об этом не догадывались,— согласилась Майкайла, немного подумав.

— Вера всегда может служить значительной силой, невзирая на то, основана она на истине или нет... В особенности если это означает, что нам не придется иметь дело со взбунтовавшимися скритеками,— криво улыбнувшись, добавил Файолон.

Майкайла невольно вздрогнула:

— Тут ты абсолютно прав. Так что лучше уж проделаем все это ночью и позаботимся о том, чтобы нас не заметили.

— Но ламмергейеры ночью не летают,— возразил Файолон,— а чтобы добраться туда на фрониале, уйдут месяцы — тем более что мы желаем остаться незамеченными и, следовательно, будем избегать людных мест.

— Красный Глаз по ночам летает просто великолепно,— напомнила девушка.

— Точно! И к тому же он такой большой, что запросто перевезет нас обоих. Вот только согласится ли он?

— Что ж, надо просто спросить его об этом,— сказала Майкайла.— В любом случае я не вижу другого выхода. Мы не можем тянуть с этим делом целый год. Меньше чем через два месяца мне надо уже снова быть в храме Мерет.

Красный Глаз охотно согласился помочь своей подруге Майкайле — не без гордости, что способен сделать кое-что недоступное простому ламмергейеру. Следующей ночью, едва только стемнело, он уже появился у башни и перенес их с Файолоном на южный берег озера Вум. Когда они приземлились там, возле города Тасс, только-только начинало светать.

Следующий день ламмергейер провел, забравшись в чашу деревьев в самом темном углу Зеленой Топи. Пока он спал, Майкайла с Файолоном, натянув водонепроницаемые сапоги, свободные брюки, смазанные маслом, дабы не промокали, и кожаные куртки с капюшонами — самую подходящую для странствований по болотам одежду, бродили по берегам озера, проверяя состояние воды и прибрежной растительности. Как выяснилось, зеркало было право: озеро уже очистилось от рыбьей смерти, и в нем успело вырасти немало вполне съедобных для рыбы маленьких растений. А потому вечером на пристани в городе Тасс они одолжили несколько рыболовных сетей и отправились вверх по течению реки Бонорар до самого Дайлекса и, двигаясь обратно, до отказа набили сети рыбой самых разных размеров и видов, которую и доставили в конце концов в озеро.

Майкайла не могла не заметить, насколько виртуозно способен летать Красный Глаз. Он умудрился протащить

полные рыбы сети вдоль всей реки, ни разу не приподняв ни одну сеть над поверхностью воды, не зацепив за береговые скалы, подводные камни или растопыренные под водою корни деревьев. Примерно за час до утренней зари они добрались до озера Вум и в самом центре водоема раскрыли сети и вытряхнули рыбу — в надежде, что та успеет акклиматизироваться и размножиться, прежде чем ее обнаружат и выловят местные рыбаки. По окончании процедуры Красный Глаз подбросил Майкайлу с Файолоном в город Тасс, чтобы они смогли вернуть сети хозяевам, а сам полетел в свое временное гнездо в Зеленой Топи.

Следующие несколько недель они провели в полетах над страной, проверяя, где и что не в порядке, и по возможности исправляя последствия болезни Великой Волшебницы. Однако скоро стало ясно, что земля и сама постепенно исцеляется.

— Интересно все-таки, насколько здоровье страны связано со здоровьем Харамис? — однажды сказала Майкайла. Они как раз ожидали, когда Красный Глаз проснется и прилетит за ними.

Файолон, каждое утро с помощью шарика разговаривавший с Узун, задумался.

— Думаю, что связь может быть довольно сильной, — сказал он. — Господин Узун говорит, что Харамис довольно быстро поправляется.

— Что ж, я очень рада. К тому времени, когда я вернусь из храма Мерет, она, может быть, будет относиться ко мне несколько более сердечно.

— А что, тебе так уж необходимо туда отправляться? — Майкайла повернула голову и увидела бесшумно приземлившегося у них за спиной Красного Глаза.

— Ты же знаешь, что это необходимо, Красный Глаз, — ответила она. — Я дала обещание. И к тому же в этом году мне предстоит изображать саму Богиню на празднике Весны.

Ламмергейер вздохнул.

— Что ж, в таком случае не забывай и то обещание, которое давала мне: связывайся со мной каждый вечер,— проговорил он.— Когда тебе надо отправляться туда?

— Сегодня,— сказала Майкайла.— Мне надлежит быть там еще до зари.

— А я полечу в башню и сообщу обо всем господину Узуну, если, конечно, Красный Глаз не откажется меня туда подбросить,— проговорил Файолон.— А Узун сам уж там решит, что именно рассказать госпоже Харамис. Потом мне надо будет отправляться в Мутавар и сделать доклад королю. А когда я все эти дела закончу, то, скорее всего, поеду в Лет и останусь там до конца августа, да и, пожалуй, на всю осень.

— В таком случае нам пора отправляться,— произнес Красный Глаз, протягивая крыло.

Глава 26

После всех треволнений последних месяцев Майкайле было очень приятно вновь окунуться в спокойную и умиротворяющую обстановку храма Мерет. Она, как и обещала, каждый вечер связывалась с Красным Глазом, хотя ей и нечего было сообщить ему. Ровным счетом ничего нового по сравнению с прошлым годом здесь не происходило.

Во время праздника Весны Майкайла исполняла обязанности Младшей Дочери, то есть представляла саму Богиню во время процессии и почти весь день провела на носилках, которые таскали служащие при храме юноши. Она восседала на богато изукрашенном резьбой деревянном троне с высокой спинкой, а остальные Дочери Богини, облаченные в зеленые одеяния, маршировали по обе стороны трона с опахалами в руках. Из-за этих опахал большая часть собравшихся на праздник вообще не могла бы разглядеть, есть ли кто-нибудь на троне или он абсолютно пуст. Майкайле не пришлось даже распевать посвященные этому празднику песнопения, которые она разучила год назад.

Все это она, в соответствии с данным обещанием, подробно пересказала Красному Глазу, добавив, что, на ее взгляд, для Младшей Дочери Богини этот ритуал куда более скучен, чем для всех остальных.

— Вместо меня на этот трон можно было уложить еще одно опахало, и никто не заметил бы разницы.

— Что ж, я очень рад это слышать,— произнес Красный Глаз,— может быть, в следующий раз ты не станешь вызывать на подобную роль.

— Никто из нас вовсе не вызывается исполнять эту роль,— напомнила Майкайла.— Богиня сама избирает ту, кого пожелает. А вообще-то я рада, что все уже кончилось.

Когда Супруг Богини Мерет вошел в покои дочерей для исполнения очередного ритуала избрания и жребий пал не на нее, Майкайла с радостью освободила свое место возле Старшей Дочери для очередной избранницы.

Остаток месяца она наслаждалась спокойствием, тишиной и размеренностью жизни, подчиненной исполнению традиционных ритуалов. Когда месяц подошел к концу, Красный Глаз снова встретил Майкайлу и перенес обратно в башню.

В компании Узуна настроение Харамис заметно улучшилось. Арфа, столь долго служившая ему телом, теперь функционировала в качестве обычного инструмента. Харамис уже достаточно поправилась, чтобы каждое утро спускаться в кабинет, и целые дни проводила там, лежа на диване и слушая, как Узун играет и поет для нее старинные баллады, а по вечерам вновь взбиралась по лестнице и укладывалась спать. Казалось, она вполне счастлива от подобной жизни и ничего больше ее не волнует.

Она тепло приветствовала вернувшуюся Майкайлу, воздержавшись от расспросов по поводу того, где та так долго пропадала, и не сказав ни слова о дальнейшем обучении своей преемницы. Вновь обретя старинного друга, Харамис, кажется, сделалась абсолютно безразличной к тому, чем Майкайла занята.

Воспользовавшись этим равнодушием леди Покровительницы, девушка проводила все время после обеда и до самого вечера в ледяных пещерах, изучая зеркало и некоторые другие устройства, оставшиеся там после Орогастуса. Теперь, когда они с зеркалом вполне понимали друг друга, да к тому же Майкайла научилась читать предупреждающие надписи на этикетках, наклеенных на старинные ящики, появилась возможность спокойно рыться в кладовой, не опасаясь, что один из них вдруг ни с того ни с сего загорится или взорвется, разнеся всю башню на куски. По вечерам она разговаривала с Файолоном с помощью своего шарика, который Красный Глаз тут же вернул хозяйке, когда перевез ее из храма обратно. Теперь Майкайла, обнаружив что-нибудь интересное, незамедлительно рассказывала об этом Файолону. Тот, в свою очередь, описывал придворную жизнь Вара, а заодно и тонкости заготовки леса, которой по-прежнему занимался в то время, когда не требовалось его присутствие в столице. Придворную жизнь Мутавари он находил довольно-таки скучной и утомительной и большую часть времени проводил в Лете, в собственном герцогстве.

— Все-таки очень странно,— сказал он как-то, смеясь,— когда тебе поручают одну небольшую область страны и говорят, что теперь ты несешь за нее ответственность. Король и не подозревает, что на мне лежит почти полная ответственность за все его королевство.

— Это даже хорошо,— заметила Майкайла.— В государстве, никогда не обладавшем покровителем и совершенно лишенном на этот счет каких-либо традиций, монарх, пожалуй, стал бы к тебе относиться как к угрозе для собственного трона.

— Да ладно тебе, Майка,— рассмеялся Файолон.— Мне всего-то семнадцать лет. Какой из меня соперник?

— Я вполне серьезно говорю,— сказала Майкайла,— мне довелось прочитать историю Лаборнока: ради интересов большой политики они там предавали смертной казни детей, а мы с тобой давно уже не дети, пусть даже и развиваемся медленнее, чем полагается нормальному человеку.

— Ну, по крайней мере, мы все-таки растем, — возразил Файолон. — Кстати, я уже выяснил, почему волшебники растут и развиваются так медленно. Все оттого, что мы живем значительно дольше, чем обычные люди. В этом и состоит единственная причина, то есть эта задержка не означает, что мы навеки останемся детьми. Даже начав практиковаться в магии в таком юном возрасте, мы достигнем физической зрелости никак не позже, чем годам к тридцати, — это самый поздний срок.

— Что ж, такая перспектива весьма радует. Просто камень с души свалился, — призналась Майкайла. — Мысль о том, чтобы оставаться на протяжении ближайших двух столетий с внешностью двенадцатилетней девочки, не очень-то меня вдохновляла.

По ночам Майкайла частенько незаметно ускользала из башни и отправлялась в длительные полеты с Красным Глазом — до тех пор, пока ей не начало казаться, что днем она, пожалуй, скоро перестанет узнавать страну и будет вынуждена дожидаться ночи, чтобы понять, в каком месте находится или какой район рассматривает. Однако, что ни говори, уже сама компания Красного Глаза была Майкайле в высшей степени приятна, да и ему, по всей видимости, отнюдь не приходилось с нею скучать.

Жизнь в тот год проходила тихо, спокойно и радостно — до той поры, пока однажды весенним утром Майкайла, неожиданно проснувшись еще до зари, почувствовала, что вот-вот снова начнется землетрясение.

— Нет, только не это! — воскликнула девушка и понеслась в комнату Харамис.

Она едва успела войти в спальню волшебницы, как тут же показался Узун, а еще через пару минут вбежала Энья. Майкайла оставила их укладывать Харамис в постель и связываться с Кимбри — впрочем, она не думала, что знахарка сможет чем-нибудь серьезно помочь, — а сама отправилась в ледяные пещеры и, усевшись напротив зеркала, принялась рассматривать Рувенду, выясняя, какие же беды случились на этот раз.

Харамис в таких случаях воспользовалась бы песочным столом, но Майкайла не разделяла пристрастия волшебницы к подобным магическим приспособлениям в ущерб технике, которую Харамис явно недолюбливала. Зеркало отлично покажет все происходящие со страной перемены и при этом не потребует тратить собственную энергию, что совершенно неизбежно, если пытаешься почувствовать землю с помощью ящика с песком. Для того чтобы уладить все возникшие проблемы, Майкайле и так потребуется огромное количество собственной энергии, а вот тратить ее на то, чтобы поддержать полный зрительный контакт с теми участками местности, над которыми работаешь, совершенно ни к чему: с этой задачей куда проще и эффективнее можно управиться с помощью зеркала. Таким образом, она направит все свои силы без остатка на лечение болезней земли.

В тот день до самого вечера Майкайле пришлось заниматься исключительно экстренной помощью: подавлять и смягчать подземные толчки, сглаживать появившиеся разломы и смещения земной поверхности, отводить начинающие широко разливаться реки в сторону от густонаселенных районов. Что касается рыбьей смерти, то оставалось лишь надеяться, что на этот раз природные условия не сделаются для нее благоприятными.

Уже через несколько часов после наступления сумерек, чувствуя себя вконец уставшей и продрогшей — оттого, что не было уже сил даже поддерживать собственное тело и противостоять окружающему холоду, — Майкайла увидела вдруг входящего в комнату Файолона. Тот был закутан в теплую одежду, а в руках держал кувшин горячего сока ладу.

— Меня перевез Красный Глаз, — объяснил он. — Выпей-ка вот это и отправляйся что-нибудь поесть, а потом ложись спать. Я пока тебя сменю.

— Спасибо, — проговорила Майкайла и принялась потирать друг о друга застывшие ладони — до тех пор, пока пальцы вновь не обрели чувствительность и она смогла удерживать в руках кувшин. — Присматривай хорошенько за тем местом, где река Нотар впадает в Верхний Му-

тар. Там такой сильный паводок, что существует угроза затопления обширной территории возле устья, и к тому же последствия землетрясений и отголоски подземных толчков повсюду еще дают себя знать.

— Я обо всем позабочусь,— сказал Файолон,— а ты поешь и хорошенько выпись.

Майкайла лишь слабо кивнула в ответ.

Вскоре после восхода солнца она снова сменила Файолона. На протяжении нескольких последующих дней они продолжали по очереди дежурить у зеркала, готовые предотвратить беды или устранить их последствия. Когда самое худшее оказалось уже позади, а повторные толчки, отголоском основного землетрясения, если еще где-то и происходили, то сделались совсем слабыми, так что их никто не смог бы и заметить, если только не обладал чувством земли,— подежурить у зеркала вызвался Узун. Молодые люди, почти лишенные все это время возможности как следует выспаться, обрели наконец долгожданный отдых.

— Я так рада, что они сделали для него тело достаточно выносливое, чтобы справиться с этими холодами,— заметила Майкайла Файолону. Они возвращались по туннелю в основное здание башни.— То тело, которым он обладал когда-то от природы, в таких условиях его бы не спасло.

— Да, эта его способность нам здорово помогает,— согласился юноша.— Кстати, сколько еще лет тебе придется наведываться в этот храм, пока ты окончательно не считаешься за их услугу?

— Я летала к ним уже два года.— Майкайла начала загибать пальцы.— Значит, остается еще пять. Когда я проведу там последнюю весну, мне будет уже двадцать один.

— А в этом году? — спросил Файолон.— Когда настанет срок отправляться?

— Через две недели.— Она тяжело вздохнула.— Пожалуй, мне действительно надо как следует отдохнуть до тех пор.

— В твоё отсутствие я побуду здесь,— вызвался Файолон.— Узуну может понадобится поддержка. Он, конечно, весьма искусный волшебник, но магия, связанная с землей,— дело особое и довольно сильно отличается от всего остального.

И вот Майкайла уже в третий раз отправилась в храм Мерет. Тамашняя жизнь по-прежнему текла мирно и спокойно, так что девушка ощутила благодатную перемену после того, как надрывалась изо всех сил, чтобы спасти Рувенду от бедствий и разрушений, а в перерывах наблюдала, как медленно выздоравливает Харамис — гораздо медленнее, чем прежде. Однако, когда пришло время обряда избрания Младшей Дочери Богини и выбор вновь пал на Майкайлу, та пришла в уныние.

— Уже второй раз за три года,— принялась она жаловаться Красному Глазу.— Непонятно, почему это Богине не нравится разнообразие. В конце концов, нас ведь здесь пятеро.

— Не говорили ли они чего-нибудь о Юбилее? — взволнованно спросила птица.

— Да,— призналась Майкайла,— о нем что-то упоминалось кратко в тот момент, когда Младшую Дочь Богини представляли общему собранию. Ты даже не поверишь, Красный Глаз, как тяжела эта проклятая золотая шапка! У меня просто голова от нее раскалывается. Так что́ означает этот самый Юбилей?

— Я все подробно расскажу, когда прилечу забрать тебя отсюда через месяц,— ответил Красный Глаз.

— Вот и славно,— сказала Майкайла.— Завтра, после обряда представления Младшей Дочери самой Богине, мне уже не придется таскать на голове эту золотую штуковину, а сам обряд весеннего праздника, когда мне снова предстоит тосковать на этом троне, ожидается только через год.

Очередной месяц службы в храме закончился, и Красный Глаз снова встретил Майкайлу. Однако, вместо того чтобы отнести ее прямо в башню, он направился к

собственной пещере на горе Ротоло. Там он попытался объяснить заключенный в ритуале Юбилея Богини смысл, но девушка отказалась верить.

— Ты с ума сошел, Красный Глаз! — воскликнула она. — Пойми же, они вовсе не собираются меня убивать. Ну какой в этом был бы смысл теперь, когда мне предстоит еще целых три года служить у них в храме после этого самого Юбилея?

— Но в том-то и состоит Юбилей, — настаивал Красный Глаз. — Один раз в каждые два столетия Богине требуется новое сердце, чтобы вдохнуть в нее новую жизнь и еще на два века обеспечить властвование Мерет над Лаборноком. А в жертву они приносят именно Младшую Дочь Богини.

— Если они целых два столетия не делали ничего подобного, — заметила Майкайла, — значит, ты не можешь об этом знать.

— Однако я знаю, — настаивала птица. — Жрецы Времени Мерет — те самые, что меня создали, — как раз и совершают это жертвоприношение. Эти люди — неотъемлемая часть жречества Богини Мерет.

— Как же в таком случае я могла провести в ее храме три года и ни разу не встретить никого из них? — скептически спросила Майкайла.

— Ты провела там всего лишь три месяца, — уточнил ламмергейер, — а не три года, и все это время ты оставалась взаперти вместе с храмовыми девственницами, а в такой ситуации не очень-то легко что-нибудь увидеть из событий, происходящих в самом храме, за пределами этих нескольких маленьких комнаток. Жрецы Времени Тьмы ведут ночной образ жизни. Те обряды, что исполняете вы, длятся от утренней зари и вплоть до Второго часа тьмы, а весь остаток ночи принадлежит им. В дневное время они появляются перед другими обитателями храма лишь с одной целью — чтобы принести жертву.

— Ну, раз уж ты так считаешь, — вежливо проговорила Майкайла, про себя решив, что птица одержима чем-то вроде навязчивой идеи по отношению к собственным создателям, кем бы они ни были, — мне кажется, лучше

бы тебе отнести меня в башню, Красный Глаз. По моим последним сведениям, Харамис не очень-то бодро себя чувствует, так что я там наверняка пригожусь.

Харамис действительно была очень слаба и не могла даже подняться с постели. Узун все время проводил возле нее, а Файолон после возвращения Майкайлы вернулся в Вар, сказав, что ему надо присмотреть за тем, как идут дела в Лете.

Майкайла почти весь остаток года провела в тоске и не могла избавиться от чувства собственной никчемности. Поэтому когда вновь настало время возвращаться в храм, она этому даже обрадовалась. Однако, к немалому удивлению девушки, Красный Глаз наотрез отказался на этот раз доставить ее.

— Я же объяснял, что они тебя там убьют! — закричал он. — Ты просто не можешь туда отправляться!

— Я пообещала, что сделаю это, — сказала Майкайла. — Если ты меня не повезешь, мне придется просто-напросто дожидаться утра и попросить какого-нибудь другого ламмергейера.

— Я сообщу твоему кузену, — проговорил Красный Глаз. — Он сумеет тебя остановить.

— Он в Варе, — заметила Майкайла. — И к тому же отлично знает, как важно для меня держать слово. Нет, Файолон не станет меня останавливать.

Глава 27

Харамис вдруг села в постели совершенно прямо и в ужасе уставилась на Узуну:

— Майкайла собирается... Что ты сказал?

— Она собирается принести себя в жертву Мерет, — полным безысходной тоски голосом произнес оддлинг. — Этого требует сделка, заключенная ею ради того, чтобы заполучить для меня новое тело. Но дело в том, что Майкайла не понимала, на что соглашается! — добавил он торопливо. — Мы просто обязаны ее остановить!

— Когда и где это должно произойти? — спросила Харамис, почувствовав, что ей становится дурно. «Я, конечно, понимала, что девочка здесь несчастна, знала, что она не питает ко мне ни капли любви, но чтобы до такой степени...»

— Послезавтра на рассвете, — мрачно сообщил Узун. — В храме Мерет на горе Джидрис.

— Но почему Майкайла?

Узун вздохнул.

— Ты сказал, что она делает это в качестве платы за твое новое тело, — торопливо продолжала Харамис, — но почему они-то решили принести в жертву именно Майкайлу, а не кого-то еще? Что они в ней находят такого особенного?

— Она царственнородная девственница, — с горечью произнес оддлинг. — Готов поклясться, что они просто тряслись от восторга, когда Майкайла оказалась у них в руках. Мне нельзя было ни единым словом жаловаться на то, что я вынужден жить в виде арфы, — с горестным самоуничижением добавил он.

— Вот уж не думаю, что она единственная царственнородная девственница на свете, — заметила Харамис. — Ее младший брат — тоже принц и наверняка тоже девственник. Сколько ему теперь лет, шестнадцать? Да и Файолон опять-таки королевского рода и, насколько я понимаю, до сих пор тоже не нарушал целомудрия.

— Все они мужского пола, — сказал Узун, — а Майкайла — девственная дочь короля.

— Ну и что? — не задумываясь произнесла Харамис. — Я вот тоже... — Тут она замолчала, осознав смысл собственных слов. — Я тоже, — повторила она, но уже с другой интонацией. — Если они уж так хотят принести в жертву девственную дочь короля... — Голос Харамис умолк, и старая волшебница снова погрузилась в задумчивость.

— Нет, вы не сможете занять ее место! — воскликнул Узун. — Вы ведь даже совершенно не похожи на Майкайлу внешне.

— Самое примитивное заклинание, — заметила Харамис, — способно эту проблему уладить. Ростом мы с нею

почти одинаковы, следовательно, останется просто-напросто обменяться одеждой, вот и все.

— Харамис,— проговорил Узун,— ты ведь не можешь теперь воспользоваться даже самым простым заклинанием. Ты не способна теперь и говорить с ламмергейерами, да что там, даже просто в воду глядеть! Ты ведь уже давно и очень тяжело больна. С тех пор как эта болезнь началась, магические силы тебя покинули и больше не возвращаются.

Харамис молча смотрела на Узунa, и перед нею возникала, будто складываясь из различных кусочков мозаики, вся прожитая жизнь.

— Прости, старый дружище,— произнесла она наконец, мягко и добродушно,— но я все-таки могу занять ее место, более того, я обязана это сделать и ради нее, и ради самой страны. Со мной уже случилось,— продолжала она,— по меньшей мере два серьезных приступа за последние пять лет, и лишь одному Цветку известно...— тут пальцы Харамис легко коснулись висевшего на шее амулета — застывшей в куске янтаря частички Триллиума,— как много со мною случалось приступов, слабых и незначительных. После самого первого из них я напрочь лишилась способности разговаривать с ламмергейерами, и с тех пор болезнь все время наступает. Я делалась чем дальше, тем слабее и немогшее. Заниматься магией я уже практически не способна, да и физически тоже мало на что гожусь. К тому же каждый раз, когда мне становится плохо, плохо становится и стране. Ты только посмотри, что случилось во время моего последнего приступа: бедствия оказались столь значительны, что Файолон тут же примчался сюда из самого Вара! Если уж даже жители Вара замечают, что у нас тут неладно, значит, я, мягко говоря, не справляюсь с обязанностями.

— Нет,— возразил Узун.— Файолон был единственным, кто эти неприятности заметил, и они с Майкайлой сумели привести страну в порядок, да и, кроме того, все это произошло не в последний раз, а в предыдущий. Во время последнего приступа не случилось ничего серьезного.

— Что ты имеешь в виду, говоря, что, кроме Файолона, никто ничего не заметил? Почему это он должен был оказаться единственным?

— Файолон является Великим Волшебником Вара.

— Что?! — У Харамис даже перехватило дыхание. Она готова была услышать что угодно, но только не это. — Ты что же, хочешь сказать, что он до сих пор сохраняет связь с Майкайлой и в то же время...

— Да, и слава Цветку, что это так, потому что именно таким образом мы получаем возможность что-то узнавать и быть в курсе событий: Майкайла и Файолон по-прежнему переговариваются друг с другом каждый вечер.

— Каким образом?

— В древних развалинах на реке Голобар они когда-то нашли пару совершенно одинаковых маленьких шариков — в тот самый день, когда вы забрали их оттуда и перенесли в эту башню. В тот раз вы вскоре отправили Файолона обратно, и они практически сразу же обнаружили, что с помощью этих шариков могут связываться — видеть друг друга и разговаривать. Кстати говоря, Майкайла именно этим шариком пользуется, если хочет увидеть какую-нибудь удаленную местность или находящихся далеко людей. А когда отправляется в храм Мерет, то оставляет шарик своему любимому ламмергейеру: там, в храме, она не могла бы спрятать его от жрецов, а с птицей можно разговаривать без всякого шарика. В свою очередь, Файолон в этот период использует шарик, чтобы связаться с ламмергейером, и тот служит им посредником.

— Так, значит, последние пять лет они постоянно поддерживали связь? — переспросила Харамис. — Даже когда я отослала Файолона обратно в Вар?

— Именно так, — подтвердил Узун. — Вы, наверное, можете припомнить, что Майкайла тогда устроила нечто вроде небольшой истерики...

— Да, она заперлась у себя в комнате и не выходила два дня, — сказала Харамис, напрягая память. — И когда вышла, то несколько дней вела себя поразительно тихо.

— Она тогда закрылась у себя в спальне и тут же связалась с Файолоном, — проговорил Узун. — Потом она мне обо всем рассказывала. Майкайла, видимо, все свои уроки проходила вместе с ним. Вы к тому времени очень много сумели ее обучить — пожалуй, даже большему, чем сами осознаете. Вы тогда еще обладали магической силой и чувством земли — то есть Рувенды; однако никто не обладал этим чувством по отношению к Вару. И вот в тот самый миг, когда Файолон коснулся ногой варской земли, его охватило это самое чувство.

— А Майкайла, разумеется, разделила с ним все море нахлынувших эмоций. — Все это Харамис вполне понимала и без длительных объяснений. — В таком случае неудивительно, что она вдруг начала интересоваться, как возникает чувство земли. Я-то подумала было, что она наконец смирилась с предназначенной ей судьбой, а она просто-напросто пыталась собрать как можно больше сведений, чтобы помочь Файолону, так?

— В общем-то цель у нее была именно такая, — подтвердил Узун.

— Покровитель-мужчина! — Харамис удивленно покачала головой. — А ты в этом уверен?

— Да, вполне. Но если вы сомневаетесь в моей оценке ситуации, можете спросить его самого. — Узун потянулся к шнуру звонка и резко дернул его. Трудно было поверить, что подобный отрывистый и даже какой-то варварский звук способна извлечь рука знаменитого музыканта.

— Так, значит, Файолон здесь? — спросила Харамис. — А я и не знала, что у нас гости.

— Он здесь находится в качестве моего личного гостя, — сказал Узун. — Я не понимаю, что ты против него имеешь, Харамис, кроме того, что он мужчина, но что касается меня, то я этого парня очень люблю.

Тут на пороге появилась Энья. Узун попросил экономку разыскать Файолона и просить его пожаловать в комнату госпожи Харамис.

— Но, господин Узун, он ведь наверняка опять в той пещере; насколько я помню, именно туда он и направлялся...

— Ну что ж, тогда пошли за ним кого-нибудь из ви-
спи,— прервал ее Узун,— госпожа желает его видеть. Я по-
лагаю, вы не хотите, чтобы она сама отправлялась на по-
иски в эти пещеры?

— Разумеется, нет, господин Узун.— Энья сделала ре-
веранс и направилась к выходу.— Я сейчас же его вызову.

Но когда приходится посылать за кем-то в глубокие
подземелья под башней, а потом по длинному коридору
в ледяные пещеры, да еще дожидаться, пока нужный че-
ловек проделает оттуда обратный путь, любое «сейчас же»
растягивается довольно надолго. И во время этой паузы
Узун изо всех сил старался убедить Харамис, что ей про-
сто нельзя заменить Майкайлу в этом путешествии в храм
Мерет. Однако когда пришел Файолон, мнение Харамис
на этот счет не изменилось ни на йоту.

— Здравствуйте, госпожа! — церемонно поклонился
Файолон и улыбнулся, оборачиваясь к Узуну — Госпо-
дин Узун! Чем могу служить вам?

Харамис принялась внимательно рассматривать юно-
шу. Да, он выглядит совсем не так, как все те молодые
люди, с которыми она была знакома, когда сама еще пре-
бывала в нежном возрасте. В нем так ясно видно это не
зависящее от числа прожитых лет качество — внутрен-
няя духовная зрелость, присущая только могучему вол-
шебнику, настоящему магу. Харамис постаралась припом-
нить, сколько же теперь этому парню лет. Он ведь
ровесник Майкайлы, а это значит... Восемнадцать? Да, по-
хоже, восемнадцать. «Значит, Узун прав, по крайней ме-
ре отчасти,— осознала она.— Обыкновенный парень в во-
семнадцать лет так выглядеть не может».

— Ты можешь оказаться нам очень полезен, если по-
можешь мне переубедить госпожу,— заговорил Узун.— Ей
в голову пришла сумасшедшая идея, что она сможет за-
менить Майкайлу в этом проклятом жертвоприношении!

Файолон несколько минут внимательно смотрел на Ха-
рамис, а затем перевел взгляд на оддлинга, и взгляд этот
был полон печали.

— Ты уж меня прости, Узун,— произнес он с боль-
шим сожалением в голосе,— но я вынужден подтвердить,

что госпожа права. Все это вполне возможно, и боюсь, что это и есть самый лучший вариант для страны.

— Для страны! — Узун едва не завопил во весь голос. — Вы, волшебники и покровители, кажется, только об этом и заботитесь — и больше ни о чем!

— Да, — вежливо повторил Файолон, — для страны и ее народа. Так что прости, Узун, я вполне понимаю, что ты не хочешь потерять госпожу. Я тоже этого хочу меньше всего, но вовсе не хочу потерять и Майкайлу.

— Я тоже отнюдь не хочу лишиться Майкайлы! Но ведь это моя вина, что она впуталась в такую историю. Стало быть, именно мне и подобает быть принесенным в жертву вместо нее. Харамис едва способна передвигаться, и уж совершенно точно, что она не сможет воспользоваться заклинанием, дабы изменить внешность так, чтобы они подумали, будто перед ними принцесса. И кроме того, Майкайла происходит из королевской семьи Лаборнока, а Харамис — нет.

— Эти две страны давно объединились — с тех пор как принцесса Анигель вступила в брак с принцем Ангаром, — напомнил Файолон. — Ты-то уж должен быть отлично об этом осведомлен: половина всех баллад, что посвящены тем событиям, написаны именно тобой.

— Из твоих слов получается, — с любопытством произнесла Харамис, — что я покровительница не только Рувенды, но и Лаборнока тоже?

— А разве не так? — Файолон уставился на нее с удивлением.

— Я, просто никогда об этом не задумывалась. — Харамис с безразличием пожала плечами.

Юноша нахмурился, старательно что-то обдумывая, и начал расхаживать взад и вперед по комнате.

— Что ж, пожалуй, это объясняет, почему в Лаборноке до сих пор процветает культ Мерет, — заговорил он. — Если у вас нет и никогда не было чувства земли по отношению к Лаборноку, значит, им, возможно, обладает кто-то другой... или вообще никто не обладает. Скажите, вы хоть раз в жизни бывали в Лаборноке?

— Нет.— Харамис отрицательно покачала головой.— Эта башня — ближайшее место к нашей границе с Лаборноком, а она, несомненно, стоит на стороне Рувенды; Мовис находится примерно на полпути от вершины горы Ротоло к подножию, и даже те ледяные пещеры, в которых я когда-то отыскиала свой талисман, расположены на нашей стороне горы Джидрис. Таким образом, я могу с уверенностью утверждать, что никогда не ступала на землю Лаборнока и даже не пролетала над ней.

— Тогда, видимо, в этом все и дело,— сказал Файолон.— Но в данный момент не это главное. Узун рассказывал вам о жертвоприношении?

— Он сказал только, что оно должно произойти послезавтра на заре.

Файолон кивнул.

— Я как раз смотрел в зеркало...— начал он объяснять.— Кстати, это в высшей степени полезный прибор; с его помощью я смог составить план всего храма.— Он улыбнулся.— Я, наверное, единственный из живущих на земле мужчин, за исключением жреца — того самого, которого они называют Супругом Богини Мерет,— кто заглядывал в комнаты, где они держат храмовых девственниц. Поскольку зеркало способно показать мне по первому требованию любой закуток храма, я запросто могу, находясь здесь, постоянно следить за Майкайлой. Мне нет нужды связываться непосредственно с ней или с ее ламмергейером.

Файолон вздохнул.

— Однако новости довольно скверные,— продолжал он.— Весь завтрашний день ей предстоит проголодать, а следующую ночь провести в одиночестве в одной из выходящих наружу пещер, и притом не смыкая глаз. Подозреваю, что все это имеет целью ослабить жертву до такой степени, чтобы она не смогла особенно сопротивляться, когда поймет наконец, что ее ждет. И все-таки, поскольку той ночью она должна остаться одна, мы с Красным Глазом можем улучшить момент и выкрасть ее так, что никто ничего не успеет заметить.

— С Красным Глазом? — переспросила Харамис.

— Так зовут ламмергейера,— объяснил Файолон.

— Ламмергейеры бодрствуют исключительно днем,— заметила Харамис,— ночью они непременно спят, да к тому же и не могут толком что-нибудь разглядеть в темноте.

— Красный Глаз — исключение. Он альбинос, то есть абсолютно белый, и глаза у него тоже совершенно не окрашены.

— У альбиносов глаза розовые,— поправила Харамис.

— Вот и у Красного Глаза тоже,— сказал Файолон,— просто он отказывается это признавать, считая, что Розовый Глаз было бы просто нелепым именем. Он давно уже дружит с Майкайлой, так что я намерен убедить его принять такой план. В темноте он видит великолепно, а самого его на фоне снега практически невозможно различить.

— Так, значит, ты прилетаешь туда на этом Красном Глазе,— проговорила Харамис,— быстренько хватаешь Майкайлу, что для тебя, очевидно, не составит труда...

— Нет,— возразил Файолон,— это как раз будет не так-то просто. Она добровольно с нами не пойдет. Майкайла утверждает, что дала слово исполнить этот ритуал, и намеревается слово свое сдержать.

— А как насчет ее обещания сделаться Великой Волшебницей?

Файолон улыбнулся странной кривой улыбкой:

— Можете ли вы мне сказать, когда Майкайла давала — хотя бы один раз за все эти годы — подобное обещание?

— Разумеется, тогда, когда она сюда прибыла,— выпалила Харамис и вдруг призадумалась.— Хотя она, кажется, в действительности так никогда и не пообещала стать волшебницей.

— Вы ее даже об этом не спрашивали,— уточнил Файолон.— В то время я как раз был здесь, вы ведь помните. Майкайле вы просто сказали, что ей предстоит заменить вас в роли Великой Волшебницы, а когда она спросила, есть ли у нее выбор, вы ответили «нет». Вы еще

говорили, что дело это слишком важное, чтобы его можно было поставить в зависимость от капризов ребенка.

— Ты прав,— вздохнула Харамис,— именно это я и говорила. Следовало бы мне поменьше разговаривать, да побольше слушать,— Узун, например, явно знает Майкайлу куда лучше, чем я. Ну что ж, теперь уже это не имеет значения. Скажи-ка, Файолон, а сможет ли Красный Глаз отвезти в этот храм вместе с тобой и меня тоже?

— Да,— ответил юноша,— но, откровенно говоря, вам совершенно не обязательно занимать ее место. Я могу просто выкрасть ее, и все.

— И тем самым второй раз вызвать нападение Лаборнока на Рувенду за последние два столетия,— проговорила Харамис.— Нет, раз в сто лет — это слишком. Война, конечно, будет чисто магической, однако дело в том, что в Рувенде абсолютно никто не подготовлен к такому повороту событий.

— Боюсь, что тут вы совершенно правы,— грустно проговорил Файолон,— жрецы Мерет чрезвычайно жестоки и неразборчивы в средствах, хотя Майкайла этого совершенно не понимает. Я имел возможность наблюдать их гораздо больше, чем она, и притом при совершенно других обстоятельствах. Дочерей своей Богини они содержат в полной изоляции, под колпаком, так что те не знают почти ничего о том, что происходит в храме. А насколько я понимаю, Майкайла ни разу не воспользовалась зеркалом, чтобы заглянуть в храм, с того самого дня, как впервые о нем узнала.

Им известно, что Майкайла живет здесь, в башне,— продолжал он,— известно, что она впоследствии должна сделаться Великой Волшебницей. Поэтому если ее начнут искать, то прежде всего именно здесь. А сама она вовсе не будет нам подмогой, если придется отражать нападение. Я даже думаю, Майкайлу пришлось бы запереть в какой-нибудь надежной комнате с толстыми стенами и прочной дверью, чтобы она не вызвала ламмергейера и не отправилась к ним.

— Но она не сможет к ним отправиться, если их самих больше не будет в том месте,— проговорила Харамис.

— Что вы имеете в виду? — с недоумением спросил Файолон.

— Майкайла ведь не знает, что ее должны убить? — уточнила Харамис.

— Красный Глаз попытался ей объяснить, да и я тоже очень долго ей это втолковывал, — уныло проговорил Файолон, — но она просто не желает нам верить. Утверждает, что ее уже избирали Младшей Дочерью Богини два года назад, и «благодарю за заботу, но я отлично все это пережила». Кроме того, она все твердит, что обязалась служить в их храме не только в этом году, но и еще на протяжении трех лет — по месяцу в год. Так с какой, мол, стати они тогда будут убивать ее раньше времени? Майкайла просто не понимает, что настал юбилейный год и праздник теперь будет совсем другим. Ее живьем уложат на алтарь и вырежут сердце, чтобы еще теплым преподнести Богине, благодаря чему та будет жить два следующих столетия.

— Так вот, значит, что они собираются проделать. Ее положат на алтарь и вырежут сердце?

— Да, — подтвердил Файолон, — предназначенным для подобного ритуала черным обсидиановым ножом. А тело Майкайлы предадут реке, которая считается кровью Богини. Я внимательно следил за собранием жрецов, на котором они как раз обсуждали ритуал — избрали непосредственных исполнителей и предусмотрели прочие детали. После этого я стал разбираться в ритуале очень хорошо и тогда попросил зеркало показать ту комнату в Святилище, где совершаются жертвоприношения. Жертвенный алтарь у них стоит как раз над тем местом, где река вытекает из пещеры в скале западной стороны храма.

— А из чего сделан этот алтарь?

— Высечен в скале, как и все Святилище... Ах да, теперь я понимаю, о чем вы говорите. Не может быть сомнения, что и алтарь, и все Святилище составляют единое целое с самой землей. Они не сооружены искусственно — например, из дерева или принесенного со стороны камня. Не только алтарь, но и стены и пол комнаты пред-

ставляют собою поверхность самой горы Джидрис. Если вы сможете воспользоваться силой земли на лаборнокской стороне горного хребта, то и Святилище, и алтарь, и все прочее тоже используете по своему усмотрению.

— Как это? — спросил Узун.

— Покровитель страны приобретает силу оттого, что соприкасается с самой землей, — объяснил Файолон.

«Да, он действительно отлично все это понимает, — призналась себе Харамис, — так что, возможно, Узун и прав. И все-таки мне по-прежнему кажется это неправильным — чтобы у страны был покровитель мужского пола».

— Вообще-то, — продолжал юноша, — Великий Волшебник способен использовать землю любой страны — в какой-то степени. Я это обнаружил, когда помогал Майкайле исправлять последствия произошедших в Рувенде бедствий... — Он искоса посмотрел на Харамис. — Конечно, мне следовало бы попросить вашего разрешения, но дело в том, что в тот момент вы были так больны... — Файолон не закончил фразу и остановился.

— Главное — что сама страна была очень больна, — возразила Харамис. — А кто уж там ее вылечит — это не столь важно.

«Следовало бы мне осознать это еще много лет назад», — подумала она.

— Теперь вернемся к нашему нынешнему плану, — продолжала волшебница. — Завтра к вечеру, Файолон, мы с тобою вместе отправимся туда, где Майкайле надлежит провести в бодрствовании целую ночь. А поскольку у меня, да и у тебя, наверное, тоже, нет никакого желания всю эту ночь предаваться жарким и, вероятно, бесплодным спорам, предлагаю захватить с собой какое-нибудь средство, которое помогло бы быстро и без лишнего шума привести Майкайлу в бессознательное состояние.

— В подвале есть бутылка с некой жидкостью, — кивнул Файолон, — которая для этого как раз подойдет. Это одна из множества вещей, что собрал Орогастус. Однако у меня перед ним есть одно немалое преимущество. — Юноша вдруг ехидно улыбнулся, и внешность его стала

куда лучше соответствовать возрасту. — Дело в том, что я могу прочитать инструкции.

— Ты можешь там что-то прочитать? — Харамис была поражена. — Как ты умудрился выучить язык Исчезнувших?

— Все дело в зеркале, — объяснил Файолон. — Так называемое «магическое зеркало» Орогастуса, кроме всего прочего, может служить еще и обучающим устройством.

— Я всегда знала, что это механизм, — произнесла Харамис, припоминая далекое прошлое, — мне с первого взгляда стало это понятно. А этот тупица Орогастус стоял там с самодовольным видом и усиленно вызывал таинственные темные силы, существовавшие в одном только его воображении, в то время как перед ним находилась древняя машина, уже в то время способная работать лишь с большим трудом.

Файолон расхохотался:

— Весьма жаль, что Орогастус так ничего и не понял. Свою башню он соорудил как раз на верхушке устройства, предназначенного для снабжения машины энергией. — Юноша поймал непонимающий взгляд Харамис и принялся объяснять подробнее: — Это устройство подпитывается солнечным светом, а для этого на поверхности горы, над пещерой, в которой оно находится, Исчезнувшие соорудили площадку с солнечной батареей, которая впитывает лучи света и накапливает их энергию в специальных аккумуляторах.

Харамис не очень-то разобралась, что означает «солнечная батарея» и «аккумуляторы», однако не стала пербивать, ожидая дальнейших разъяснений.

— Орогастус не имел понятия, для чего служит эта ровная черная площадь, — продолжал юноша, — однако, когда он увидел ее — чистенькую, удобную и почти совсем горизонтальную, — он решил, что лучшего места для сооружения башни быть не может. А потом тот остаток солнечной батареи, что не закрыла собою башня, со временем засыпал снег, так что машина оказалась практически не способна подзаряжать свои аккумуляторы. Все это привело к тому, что Орогастус почти лишился воз-

можности пользоваться ею. Это приспособление Майкайла обнаружила в тот период, когда вы из-за болезни оставались в Цитадели. Она очень скоро разобралась в том, что такое солнечная батарея и где она находится, — это было с ее стороны почти гениальной догадкой, хотя надо признать, что в приборах и всевозможной технике она всегда разбиралась великолепно. И вот мы очистили площадь, тем самым выставив солнечную батарею на свет, и после этого зеркало заработало просто прекрасно. Мы им постоянно пользовались, чтобы узнать, как вы себя чувствуете там, в Цитадели, да еще и выучили язык Исчезнувших. Кстати, именно с помощью этого зеркала Майкайла впервые отыскала храм Мерет.

— Зеркало, видимо, показало ей, где он находится, — припомнила Харамис. — Оно точно сообщало местонахождение моих сестер, когда Орогастус мне их показывал.

— Да, — сказал Файолон, — в тот раз Майкайла попросила показать ей людей, практикующих магию, и в конце концов отыскала тех, кто способен изготовить новое тело Узуну. А затем, оставив тут меня, дабы Узун не пребывал в одиночестве, она отправилась в этот храм разузнать подробности.

— Мне следовало бы ни за что не отпускать ее! — взорвался оддлинг.

— Ты не смог бы ее остановить, — вежливо напомнил Файолон. — Думаю, что в тот момент и я не сумел бы этого сделать. Она была в столь дурном настроении, так злилась на саму жизнь, что просто-напросто искала препятствие, которое можно было бы преодолеть. Найти для тебя новое тело оказалось вполне подходящей по трудности и важности задачей.

— Так, значит, ты сможешь ее усыпить, — проговорила Харамис, возвращаясь к основной теме беседы, — вернее, так или иначе обратить в бессознательное состояние. Я после этого смогу поменяться с Майкайлой одеждой, а ты отвезешь ее обратно в башню и будешь здесь держать, никуда не отпуская, достаточно долгое время, чтобы эти жрецы успели совершить свое жертвоприношение. А что касается меня, то, поскольку Майкайла должна там

проголодать целый день и целую ночь, да к тому же сутки не спать в холодной пещере, их, пожалуй, не удивит моя слабость или те трудности, которые я испытываю при ходьбе. Но я ведь теперь не способна воспользоваться даже самым простым заклинанием, чтобы изменить внешность. Сможешь ли ты проделать эту магическую процедуру за меня, прежде чем оставишь одну в пещере?

— Я вполне могу произнести заклинание,— кивнул Файолон,— которое заставит вас выглядеть точно так, как Майкайла,— до тех пор, пока вы живы и на теле у вас нет серьезных ран, однако когда они вытащат из вашей груди сердце, заклинание, скорее всего, перестанет действовать.

— Вот и хорошо,— мрачно улыбнулась Харамис,— надеюсь, что в тот момент смогу еще увидеть выражения их лиц. Что, интересно, они будут предпринимать, когда дело раскроется? Попытаются все-таки добраться до моей преемницы? Полагаю, что не посмеют.

— Я еще произнесу заклинания, которые избавят вас от любой физической боли,— добавил Файолон.— Наверняка мне удастся связать его с тамошней землей, так что оно должно действовать все время.

— Ну, в таком случае у нас не будет никаких затруднений,— подытожила Харамис.— А пока что я отдохну — до тех самых пор, пока не придет время отправляться, а это, наверное, будет завтра около полуночи, насколько я понимаю. Примерно за два часа перед тем попрошу Эню принести тарелку супу и немного хлеба: у меня-то уж точно нет никаких причин соблюдать голодовку. Таким образом, мне удастся собрать силы, чтобы совершить все то, что нам предстоит...

— Но, Харамис...— запротестовал было Узун.

— Прости, Узун,— твердо ответила Харамис,— но мне совершенно необходимо все это сделать. Файолон, вы с Майкайлой ведь обязательно позаботитесь об Узуне, когда меня не станет?

— Да, госпожа, разумеется.— Файолон вымученно улыбнулся.— Хотя, конечно, может случиться и так, что это Узун будет продолжать заботиться о нас.

— Вот и хорошо.— Харамис откинулась на подушки, неожиданно почувствовав огромную усталость.— Теперь мне надо бы отдохнуть.

Юноша поклонился и покинул комнату, захватив с собой Узуна.

Харамис еще некоторое время слышала раздающийся с лестницы голос оддлинга:

— Неужели она действительно думает, что я захочу жить, когда ее уже со мною не будет?

«Бедный мой старый друг,— подумала Харамис, засыпая,— что же я с тобою делала все эти годы? Что я сотворила со всеми нами?»

Глава 28

Весь следующий день Харамис отдыхала. Незадолго до того, как им с Файолоном пришло время отправляться, в комнату вошла Энья, неся белое одеяние с длинными рукавами и очень небольшим вырезом.

— Лорд Файолон велел мне принести это для вас, госпожа,— произнесла она,— он говорит, что эту одежду Майкайла оставила у себя в комнате в последний раз, когда была дома.

Платье оказалось Харамис незнакомо, и она догадалась, что Майкайла, должно быть, носила такое в храме Мерет, а возвращаясь, захватила однажды с собой. Что ж, может, и теперь на ней надето точно такое же, а значит, обмениваться с нею одеждой вовсе не придется, и это очень кстати: раздеваться в пронизанной холодом горной пещере — занятие не из приятных.

— Спасибо, Энья,— сказала Харамис.— Помогите мне, пожалуйста, надеть его.

Энья принялась помогать, а Харамис между делом пристально разглядывала эту низкорослую женщину. Вряд ли справедливо, решила она, расстаться с экономкой после долгих лет ее преданной службы, даже не сказав на прощание доброго слова.

— Энья,— тихо проговорила она,— сегодня я покину башню.

— Кому об этом неизвестно? — фыркнула Энья.— Господин Узун об этом плачется целый день и не перестает причитать, что вы отправляетесь на верную смерть.

— Он, конечно, склонен к мелодрамам,— слабо улыбнулась Харамис,— это всегда было его отличительной чертой, но, боюсь, на сей раз он абсолютно прав. Более чем вероятно, что живой я обратно не вернусь.

— А я-то думала, он, как всегда, пускается в художественные преувеличения! Он же музыкант, ему всегда было свойственно сгущать краски.

— Со мной отправится Файолон,— продолжала Харамис.— Он должен привезти назад Майкайлу. Когда я умру, кто-нибудь из них, а может быть, они оба станут Великими Волшебниками Рувенды.— Она помолчала.— То есть я так полагаю. Ты знаешь, Энья, я поняла, что теперь совершенно не уверена во всех тех вещах, в которых прежде отнюдь не сомневалась.

— Не стоит об этом беспокоиться, госпожа,— торопливо проговорила Энья,— земля сама позаботится обо всем. Она всегда сумеет заботиться о себе, если только ей позволить.

— Да,— согласилась Харамис,— я наконец решила перестать ей противиться. В последнее время я устроила в стране изрядную неразбериху, но мне все же кажется, что еще не поздно дело поправить. Надеюсь, что не поздно.— Она тяжело перевела дух.— Хочу тебя поблагодарить, Энья, за добросовестную службу. Ты всегда была преданной служанкой и очень хорошим другом.— Харамис помедлила.— Не знаю, захочешь ли ты оставаться здесь с Майкайлой или нет, но каково бы ни было твое решение, я заранее благословляю тебя.

Она опустила ладонь на лоб Эньи и на мгновение почувствовала, как тепло начало пульсировать у нее в пальцах. «Похоже, я утратила далеко не все силы,— подумала она.— И это очень хорошо».

Харамис обулась, надела рукавицы и теплую зимнюю мантию в дополнение к оставленному Майкайлой пла-

тью, а затем отправилась разыскивать Узун. Тот сидел перед камином в кабинете и оплакивал судьбу своей покровительницы — на том самом месте, на котором провел долгие годы, будучи арфой.

— Старый мой друг,— начала Харамис, и тут голос вдруг изменил ей.— Ах, Узун! — с трудом произнесла она сквозь душившие слезы, от которых вдруг перехватило горло, помутнело в глазах и все лицо сделалось мокрым.— Куда бы я ни попала после смерти, я неимоверно буду по тебе скучать. А еще я хочу покорно попросить у тебя великодушного прощения за все те неприятности, что успела причинить тебе в жизни.

— Вы никогда не причиняли мне неприятностей, принцесса,— быстро проговорил Узун.

Харамис отлично знала, что он лжет: ей не составляло никакого труда припомнить бесчисленные случаи собственного эгоизма или просто неразумного поведения, когда страдали и Узун, и все прочие, кто ее окружал; но Узун скорей умер бы, чем согласился признать, что Харамис — существо не идеальное.

— Не стоит так обо мне беспокоиться,— всхлипнул деревянный оддлинг.

«А он ведь по-настоящему плачет,— заметила Харамис.— Как же все-таки искусно изготовили они это тело!»

— Я останусь здесь лишь для того, чтобы сочинить еще одну балладу о вашем мужестве и об этом жертвоприношении, а затем отправлюсь вслед за вами. Майкайла давно уже обещала мне, что освободит мой дух от земных оков, как только вас не станет.

— Что ж, поступай как тебе кажется лучше,— проговорила Харамис, обнимая его.— Прощайте же, стариннейший и любимейший из всех моих друзей!

— Прощайте, принцесса.— Узун отвернулся к огню и закрыл лицо руками.

Харамис медленно поднималась по лестнице к балкону, на который всегда садились ламмергейеры. Файолон уже ждал там, держа в руках один из особых спальных

мешков, которые Харамис использовала, чтобы посылать вестников-ниссомов в долины.

— Я тут подумал, что на обратном пути Майкайлу стоило бы положить в такой мешок,— объяснил он.

— Толковая мысль,— согласилась Харамис.

— Да-а-а,— раздался откуда-то сверху, из темноты, голос.

Харамис с удивлением посмотрела наверх и поняла, что Файолон абсолютно прав. На белом фоне — таком, как снег или ее собственная башня,— эта огромная птица совершенно невидима, за исключением разве что розовых глаз.

— Значит, ты и есть Красный Глаз,— произнесла она.

Птица быстро кивнула в знак согласия.

— Благодарю тебя за помощь.

Сама она уже не могла расслышать ответ ламмергейера, но Файолон повторил для нее его слова:

— «Я очень рад помочь вам. Майкайла — настоящий друг».

Ламмергейер спустился ниже, до уровня поверхности балкона, и вытянул вперед крыло.

Файолон помог Харамис взгромоздиться на спину птицы, затем забрался туда сам. Ламмергейер взмахнул крыльями и плавно поднялся в ночное небо.

Весь перелет показался Харамис почти мгновенным; вот они уже приземляются, скалистая поверхность внизу делается все ближе и ближе... Тут громадная птица резко свернула влево и залетела во внушительных размеров пещеру. Расположенные у входа колонны, показавшиеся сперва гигантскими сосульками, стояли друг от друга так далеко, что Красный Глаз пролетел между ними совершенно свободно. Внутри, почти у самого входа, Харамис разглядела небольшую фигурку, сидящую на меховом коврике, скрестив ноги.

— Красный Глаз, что ты здесь делаешь? — удивленно проговорила Майкайла, поднимая глаза.— Мне полагается бодрствовать в одиночестве!

Харамис, конечно, не слышала, что Красный Глаз ответил Майкайле, но готова была держать пари, что смысл его речи составляло что-то вроде: «Ты не можешь на это пойти!»

— Один раз она уже через все это прошла,— проговорил Файолон, соскакивая со спины ламмергейера и протягивая руку, чтобы помочь спуститься Харамис.

— Что касается важных переломных моментов в жизни,— ответила Майкайла, начиная терять терпение,— то ни один человек не знает, на что он действительно идет и что обещает. Родители мои, например, поженились через неделю после того, как познакомились; ты что же, думаешь, они хорошо знали, что именно обещают, когда произносили клятвы перед алтарем?

— Я убеждена, что они гораздо больше знали о содержании своих обещаний, чем ты,— сказала Харамис, слезая со спины Красного Глаза и становясь на меховой коврик. Ноги у нее почти тут же подкосились, старая Покровительница приземлилась на колени и оказалась прямо напротив девушки, которую обучала когда-то для того, чтобы сделать своей преемницей. Они смотрели друг другу прямо в глаза. Тем временем Файолон отступил в тень и стал постепенно заходить Майкайле за спину.

— Госпожа Харамис! — поразилась девушка.— Вам надлежит быть сейчас дома и лежать в постели. Неужели Файолон притащил вас сюда среди ночи и заставил проделать столь длинный путь лишь для того, чтобы вы помогли ему в этом бессмысленном споре со мной?

— Нет,— спокойным голосом ответила Харамис,— дело в том, что я могу занять сейчас твое место.

Майкайла уставилась на нее с недоумением.

— Вы не можете этого сделать,— ответила она.— Вас это дело совершенно не касается. Вы ничего никому не обещали.

— Что ж, может быть, на словах и не обещала,— согласилась Харамис,— но в тот самый момент, когда я забрала Узуна, увезла его от друзей и обрекла на одинокую жизнь в своей башне, я сделалась ответственной за последствия этого шага и за всю его жизнь. Когда я забра-

ла вас с Файолоном из дома ваших родителей и оторвала от семьи, я взяла на себя ответственность за вас обоих. Я не могу позволить тебе вот так просто отдать жизнь, тем более ты еще так молода, что способна исправить последствия моих поступков, которых вообще не следовало совершать.

Майкайла безмолвно смотрела на Харамис, слишком обескураженная словами собеседницы, чтобы подыскать хоть какой-то ответ.

— Не знаю, придет ли к тебе чувство земли по отношению к Рувенде,— продолжала та,— в тот момент, когда я умру. Раньше мне казалось, что тебе надлежит сделаться моей преемницей, однако,— старая волшебница печально улыбнулась,— в последнее время я обнаружила, что очень серьезно ошибалась в отношении множества разнообразных вещей. Так что если тебе суждено стать Великой Волшебницей, то чувство это к тебе придет, а если нет,— она пожала плечами,— то я понятия не имею, что произойдет дальше. Могу только надеяться, что в любом случае ты будешь продолжать жить, и притом счастливо.

Файолон, к тому времени уже оказавшийся у Майкайлы за спиной, неожиданно резко подался вперед и прижал смоченную прихваченной из подвала жидкостью тряпку ко рту и носу девушки. Майкайла начала было сопротивляться, но очень скоро обмякла. Файолон бережно опустил ее тело на коврик и торопливо снял с девушки всю одежду, кроме нижнего белья. Этим нижним бельем, как и подозревала Харамис, оказалось точно такое же платье, что было на ней.

Файолон принялся помогать Харамис сменить мантию, обувь и рукавицы на одежду Майкайлы.

— Подожди! — проговорила она, когда юноша наклонился, чтобы поднять бесчувственное тело Майкайлы.

Харамис вытащила из-под одежды свой талисман, который не снимала ни разу с тех пор, как две сотни лет тому назад нашла в горах, и повесила на шею девушке.

— Я дарую свой талисман, Трехкрылый Диск,— заговорила она торжественным тоном,— моей родственнице Майкайле. Вот теперь ты можешь отвезти ее домой,— до-

бавила она, усевшись на коврик,— и обещай заботиться о девушке как следует.

Файолон поднял тело Майкайлы, осторожно укутал его в спальный мешок и привязал к спине Красного Глаза.

— Теперь я произнесу над вами заклинание,— проговорил он, оборачиваясь к Харамис.— Начнем с того, что обеспечит внешнее сходство с Майкайлой.

Она абсолютно ничего не почувствовала, однако увидела, что птица одобрительно закивала головой.

— Спасибо,— коротко произнес Файолон.

Харамис решила, что ламмергейер как-то прокомментировал работу юноши — произнес нечто, что она не могла услышать.

— А теперь поставим преграду на пути боли,— продолжал Файолон.

Он снял рукавицы, пробормотал несколько слов — слишком тихо, чтобы Харамис смогла что-либо разобрать,— быстро соединил руки над ее головой и провел ладонями по воздуху с обеих сторон от нее. Процедуру эту он закончил, стоя перед нею на коленях и касаясь ладонями каменного пола.

— Пожалуй, теперь заклинание прочно привязано к земле,— сказал он.— Как вы себя чувствуете?

— Вполне нормально,— ответила Харамис, и это было правдой.

Надоедливые болезненные ощущения во всем теле и ломота в суставах, давно уже не покидавшие ее, теперь исчезли. Так хорошо она себя не чувствовала, без преувеличения, уже лет сто.

— Спасибо, Файолон. А теперь отправляйся. И прими мое благословение.— Она коснулась рукой склоненной головы юноши.

— Благодарю вас, госпожа,— ответил он.— Мне остается лишь надеяться, что, когда наступит мой черед отправляться в мир иной, я сумею быть таким же мужественным и мудрым, как вы.

Харамис не знала, что на это ответить. Ей отнюдь не казалось, что она поступает особенно мужественно, а уж по поводу мудрости...

— Прощай, Файолон,— произнесла наконец старая волшебница,— и поторопись, пока кто-нибудь тебя не увидел.

Файолон взгромоздился на спину Красного Глаза позади спального мешка, птица вежливо кивнула Харамис, тут же взлетела, миновала колонны и растворилась в черном небе ночи.

Харамис сидела на том самом месте, где нашла Майкайлу, и старалась не засыпать. Еще несколько часов в природе царил ночная тьма, и старая женщина вспоминала всю свою жизнь. Перед ее мысленным взором проходили родители и сестры, учителя и друзья — в первую очередь Узун; то полное тревог время, когда она сделалась вдруг Великой Волшебницей Рувенды и мучительно старалась понять, что же это на самом деле означает; потом тот нелегкий поход и поиски талисмана...

«Я ведь отыскала свой талисман именно на этой горной вершине,— подумала она,— только на другом склоне...» Харамис вспомнила, как ненадежны были те ледяные пещеры, как в любой момент грозила сорваться откуда-то сверху снежная лавина. «Интересно все-таки, надежен ли склон с этой стороны?» — размышляла она. Харамис сосредоточилась, стараясь исследовать окружающую ее теперь землю силою мысли. Казалось, она немного чувствует эту землю — совсем чуть-чуть, очень слабо... И среди прочего она почувствовала, что где-то над головой, над тем местом, где она ныне сидит, в скале пролегла трещина. «Похоже, трещина эта лежит выше здания храма,— осознала она.— Что ж, хорошо; может быть, я сумею этим воспользоваться — если, конечно, все это не просто игра моего старческого воображения».

За нею пришли как раз перед восходом солнца четыре юные девы, облаченные в светлые синевато-серые одеяния. Они распевали какой-то гимн. Девицам пришлось помочь Харамис подняться на ноги, потому что тело ее от долгих часов сидения в одной позе совсем затекло. С ними были несколько юношей — они несли носилки, на ко-

торых стояло богато украшенное кресло. «Почти что трон»,— подумала Харамис.

Один из парней взглянул на нее и улыбнулся такой злобной, торжествующей и отвратительной ухмылкой, какой старой волшебнице за всю ее долгую жизнь вообще ни разу не доводилось видеть на человеческом лице. «Ну и ну! — подумала она.— Да я видела куда более доброе выражение на мордах скритеков. Чем, интересно, Майкайла сумела ему насолить? И все-таки, как бы то ни было, ничто не может оправдать такое откровенное злорадство по поводу приближающейся смерти девушки».

Харамис перестала обращать внимание на этого парня — вернее, она не обращала внимания вообще ни на кого, поскольку ей было абсолютно неизвестно, кто такие все эти люди. Такое поведение она сочла самым безопасным. Сейчас было бы очень некстати, если бы они вдруг обнаружили подмену: раскрывать истину пока слишком рано. К счастью, видимо, никто не ожидает, что она заговорит. По-прежнему распевая свои религиозные гимны, служители Мерет понесли Харамис в храм.

Мужчины, державшие носилки с креслом, остановились перед перегороденным занавесом сводчатым проходом, а сопровождавшие процессию девушки повели Харамис по устланному коврами полу в комнату для омовений, где главную героиню сегодняшнего представления умыли, расчесали ей волосы, а затем сделали довольно причудливую прическу из множества косичек и все тело обмазали каким-то особым маслом. Харамис обратила внимание, что девушки тщательно смыли этот маслянистый состав со своих рук, когда процедура окончилась. «В него, наверное, примешано какое-то наркотическое вещество,— подумала она.— Может быть, это что-нибудь предназначенное для того, чтобы сделать меня более сговорчивой и послушной? Или какое-то средство, усиливающее боль: такого рода жертвоприношения непременно требуют, чтобы жертва испытывала сильные муки и панический ужас; именно из этих чувств черпается энергия, поддерживающая подобные культы. Судя по всему, я их немало разочарую!»

Девушки облачили Харамис в новую чистую одежду, украсили ей руки причудливыми золотыми браслетами и повели обратно. Там, у входа, ждали мужчины с креслом-носилками, готовые отнести ее в противоположную часть храма — туда, где находилась комната, предназначенная для жертвоприношений.

Харамис с большим интересом разглядывала это помещение, не обращая ровным счетом никакого внимания на двух жрецов, с ног до головы одетых в черное и в масках, которые вышли ей навстречу. Как и говорил прежде Файолон, вся комната оказалась высеченной в монолитной скале. Весьма грубого изготовления статуя Богини, казалось, вырастала прямо из стены в дальнем конце помещения; возле статуи на уровне ее груди располагался алтарь, также высеченный из монолитной горной породы, весь в разводах старой запекшейся крови. Откуда-то снизу из-под алтаря вытекал ручей, в котором Харамис узнала исток реки Ноку. Он тек через всю комнату и возле самой двери перекрывался несколькими досками черного дерева, однако около алтаря никакого помоста над ручьем не было. Харамис сразу заметила, что там расположен участок открытого пространства, достаточно большой, чтоб запросто выбросить в воду мертвое тело. Течение было очень быстрым, а высокогорная вода — наверняка неимоверно холодной.

Жрецы что-то говорили, обращаясь к ней, но Харамис не узнавала языка, которым они пользуются, и не удосужилась ничего ответить. Жрецы обменялись быстрыми многозначительными взглядами, затем протянули руки к Харамис, помогая ей слезть с кресла, причем взялись за золотые браслеты, стараясь не прикасаться к голым рукам будущей жертвы. «Интересно, они просто стараются не дотрагиваться до этого масла или же обряд запрещает этим людям прикасаться к жертвенной Дочери Богини? — подумала Харамис. — Хотя возможно и то и другое одновременно».

И тут она коснулась босыми ногами пола и судорожно вздохнула. Ноги у нее подкосились, и она опустилась на колени. Один из жрецов подхватил ее за талию и под-

держал, но Харамис почти не почувствовала его прикосновения. «Во имя Цветка! — поняла она вдруг. — Ведь Файолон был абсолютно прав». Чувство земли — чувство страны Лаборнок — всей силой нахлынуло на Харамис. «Давным-давно надо было мне приехать сюда, — подумала она. — Неужели все эти долгие столетия земля тщетно ждала меня?»

— Принцесса, — проговорил один из жрецов взволнованным шепотом, голос его заглушала надетая на лицо маска, — возьмите себя в руки. Вы же не хотите стать бесчестьем и позором, не оправдав того великого жребия, к которому призваны!

Харамис некоторое время разглядывала этого человека, пока наконец смысл слов жреца не дошел до нее. Она глубоко вздохнула, собралась с силами и выпрямила ноги.

— Все в порядке, — спокойно ответила она. — Можете меня больше не поддерживать.

Жрец отпустил талию Харамис, однако другие продолжали крепко держать ее за браслеты все то время, пока вели к алтарю, и повернули затем лицом к собравшимся людям. Тут, похоже, столпилось все без исключения население храма. Лишь несколько человек из всего собрания выражали взглядами хоть малое сожаление по поводу судьбы принцессы. Выражение большинства лиц соответствовало той мимике, что появляется на морде скритека во время охоты. «Кажется, я не очень-то буду оплакивать жизни этих людей», — сказала себе Харамис.

— Глядите, вот Избранница! — продекламировал жрец.

— Ура! — ответила толпа.

— Возлюбленная Младшая Дочь Богини, — нараспев произнес второй жрец.

— Ура!

— Отдающая сердце свое Матери своей.

— Ура!

— Отдающая жизнь свою Матери своей.

— Ура!

— Умирающая ради того, чтобы Мать ее была жива.

— Ура!

Харамис возвели на алтарь и уложили на плоскую горизонтальную поверхность так, что она смотрела теперь прямо в лицо Богине. Резьба по камню оказалась действительно в высшей степени грубой. Собственно, перед нею было не лицо, а лишь намек на него — примитивные схематические насечки. Основным назначением этой статуи, кажется, было просто-напросто поддерживать потолок в комнате. Харамис чувствовала, что почти вся тяжесть горы, возвышающейся над этим помещением, опирается именно на этот участок стены.

Собравшаяся толпа стояла теперь позади алтаря, так что она никого не видела. Один из жрецов отошел в сторону, а второй продолжал удерживать Харамис за браслеты на руках; но вот первый жрец вернулся, подошел к алтарю с правой стороны и поднял обсидиановый кинжал — именно такой, как описывал Файолон.

Жрецов явно что-то сильно беспокоило. Тот, что стоял слева от Харамис, по-прежнему крепко держал ее за браслет, как видно ожидая, что жертва попытается сопротивляться. Жрец снова застыл с каменным кинжалом в руке. В его позе угадывалась растерянность.

— Что с тобой? — прошипел первый жрец. — Неужели ты не понимаешь, что сейчас умрешь?

— Разумеется, понимаю. — Харамис сделала круглые глаза.

— И тебе не страшно? — спросил второй жрец.

— А с какой стати мне должно быть страшно?

«Действительно, я давно уже совсем старуха, и мне самое время умереть, а теперь к тому же я умираю ради блага всей земли. Именно так и подобает умереть Великой Волшебнице — так с какой стати я буду пугаться? Хотя они-то, разумеется, — в глубине души потешаясь над своими палачами, подумала Харамис, — не подозревают, насколько я старше, чем им кажется; они-то, бедняги, ожидали, что на этом кровавом алтаре окажется охваченное ужасом дитя. — Харамис представила на своем месте Майкайлу и с трудом подавила дрожь. — Какое счастье, что она им не досталась!»

— Что же нам теперь делать? — прошептал жрец справа.

— Надо продолжать ритуал и принести жертву, — ответил жрец слева. — Что нам еще остается? Да и к тому же где это написано, что жертва должна быть непременно напугана?

— Но уровень энергии совсем не таков, как полагается!

— Знаю, но народу мы это вряд ли сейчас сможем объяснить. Толпа ждет, чтобы мы принесли жертву, и притом прямо сейчас!

Левый жрец протянул руку и вытащил из груди статуи Богини камень-затычку размером чуть больше собственной ладони. Теперь Харамис стало отлично видно, что внутри статуи — пустота.

— Давай же действуй, — зашептал жрец своему напарнику с кинжалом. — Не важно, что мы не получили достаточно энергии из-за того, что жертва не испугалась, — свое дело сделает боль, и мы наверстаем упущенное.

Он помолчал и неуверенно добавил:

— Будем надеяться...

«Ну что ж, надейтесь, — подумала Харамис. — Да пребывает с тобой вовек благословение Владык Воздуха, Файолон! Похоже, нам удалось-таки сделать весь этот ритуал бессмысленным. И все их усилия пойдут насмарку».

Жрец взмахнул кинжалом в направлении Харамис и распорол ей платье на груди. Когда клинок вновь взмыл в воздух, она заметила на нем кровь, однако абсолютно ничего не почувствовала. Оба жреца уставились на спокойное, умиротворенное лицо жертвы. У Харамис появилось ощущение, что она видит сквозь маски их недоумевающие, полные ужаса лица. Она взглянула на своих палачей и невинно улыбнулась. Вот теперь уж нет никаких сомнений, что оба жреца охвачены тем самым морем страха, которого так жаждет их беспощадная Богиня.

Человек с кинжалом едва перевел дух — это наверняка видела вся толпа, — когда рассек грудь жертвы, сломав при этом несколько ребер (Харамис слышала их треск), и вырезал у нее сердце. Никакой боли она не чувствовала.

ла, хотя от потери такого количества крови слегка начала кружиться голова.

Однако, как и предполагал Файолон, заклинание, менявшее внешность Харамис, перестало действовать; заговор же против боли, поддерживаемый благодаря тому, что она лежала на каменной поверхности, через которую сохраняла связь с землей, действовал по-прежнему безукоризненно. Стоявший с левой стороны жрец, который обернулся было, чтобы вытащить из статуи сердце прежней жертвы, остолбенел, увидев лицо Майкайлы, меняющее свое очертание и превращающееся на глазах в физиономию древней старухи. В тот же самый момент другой жрец, поднявший на вытянутых руках вырезанное у жертвы сердце, чтобы показать его толпе, тоже опустил взгляд на алтарь и едва не выронил сердце из дрожащих рук.

— Мерет Святая! — прошептал он в ужасе. — Кто ты такая?

— Как твое имя? — требовательно произнес второй жрец, едва сдерживая дрожь в голосе.

«Неужто он и впрямь думает, что я такая идиотка, что назову собственное имя? — удивилась Харамис, и ей стало даже смешно. — Не зная моего имени, они не смогут найти никакого выхода из положения — неужели он считает, что я этого не понимаю?»

— Ваша богиня ложная, — спокойным, уверенным голосом произнесла она, собирая силы, чтобы не потерять сознание в течение еще нескольких секунд. — Я — сама земля. И я никогда не умираю.

Харамис сосредоточилась и мысленно потянулась к трещине в горе, которую заметила раньше. Она успела ясно почувствовать, как скала подалась, и тут поняла, что миссия ее успешно завершилась.

Затем она легко выскользнула из собственного тела и, воспарив где-то над ним, наблюдала, как ее сердце в руках обьятого ужасом жреца обратилось в пыль. Точно так же обратилось в прах и само тело Харамис, а затем возвышавшаяся над алтарем статуя Богини тоже начала рушиться и развеиваться по ветру. Где-то высоко над головой она уви-

дела яркий свет и устремилась к нему сквозь каменный потолок — легко, как будто его там не было. Она летела вверх по ярко-синему небу в направлении слепящего света, и сами Владыки Воздуха в образе громадных ламмергейеров сопровождали ее. Земная жизнь Харамис окончилась, и работа, что была ей когда-то поручена, завершилась.

Глава 29

Майкайла начала приходить в себя почти сразу же, как только ее вытащили из спального мешка на балконе башни. Красный Глаз посмотрел вниз — сперва на девушку, а затем на Файолона.

— Я, пожалуй, предоставлю тебе объяснять, что произошло,— проговорил он и поторопился взлететь.

— Ах ты, трус,— добродушно усмехнулся Файолон.— Что ж, у тебя было немало шансов познакомиться с характером Майкайлы.

Он наклонился, поднял все еще безвольное тело девушки и перенес ее в кабинет, где уложил на диван возле камина.

— Ну, как она? — взволнованно спросил Узун.— Все в порядке?

— За нее можно не беспокоиться. Через несколько минут она окончательно придет в себя и примется на нас орать.

— А что с госпожой?

— Когда я улетаю, все было в порядке.

Узун безмолвно склонил голову.

Майкайле действительно потребовалась всего лишь пара минут, чтобы окончательно проснуться и, оглядевшись, понять, где она находится.

— Файолон, ты спятил? Немедленно отвези меня обратно, пока они там не хватились!

— Они не станут тебя искать,— заверил Файолон.— Твое место заняла Харамис, ты разве не помнишь?

— Уж Харамис-то — вылитая Младшая Дочь Богини! — язвительно заметила девушка.— Неужели ты думаешь, что

она сумеет их провести? Да она ведь совершенно не знает ритуалов и к тому же уже не способна с помощью заклинаний изменить свою внешность.

— Тем не менее ее внешность изменилась — благодаря моему заговору. Заодно, с помощью другого заговора, я помог ей защититься от боли. Она совершенно ничего не почувствует, когда у нее вырежут сердце, и...

— Не говори глупости! — перебила его Майкайла. — Во имя Цветка, Файолон, сколько можно об этом! Это ведь чистая символика! Тот же самый ритуал я исполняла два года назад и, как видишь, жива и здорова!

— На этот раз настал юбилейный год, — сказал Файолон, — когда это жертвоприношение перестает быть символическим.

Майкайла резко поднялась и села на диване.

— Ну что ж, мы с тобой немедленно пойдем к зеркалу и увидим все собственными глазами, — выпалила она, — вот тогда сам и убедишься!

Ее лицо вдруг приняло озадаченное выражение; она прижала руку к груди, а затем медленно вытащила из-под одежды висящую на шее цепь.

— Что это? — Девушка держала на ладони подвешенный на цепи предмет и пристально разглядывала сверкающий серебром небольшой жезл с кольцом и тремя крыльями на конце. — Я эту штуку вижу в первый раз в жизни.

— Это Трехкрылый Диск, — произнес Узун благоговейным тоном. — Талисман Харамис, принадлежащая ей часть Великого Скипетра Власти.

— Он чем-то мне напоминает... — Майкайла нахмурилась, задумавшись, — корону нашей королевы.

— Трехголовое Чудовище, — подтвердил оддлинг. — Это как раз был талисман Анигель — другая часть Великого Скипетра.

— А что случилось с той частью, что принадлежала Кадии? — с любопытством спросила Майкайла, размахивая талисманом Харамис.

— Она забрала его с собой, отправляясь в глубь болот, и с тех пор ее никто и никогда не видел.

— Следовательно, мы не сможем воспользоваться этой штукой, чтобы сложить Скипетр Власти,— подытожила Майкайла, забыв на время остальные заботы.— В таком случае, что в нем проку и с какой стати он оказался у меня?

— Он оказался у тебя,— устало вздохнул Файолон,— потому что тебе его передала Харамис. Он напрямую связан с настоящей мощной магией — это тебе не какая-нибудь игрушка Исчезнувших,— так что будь с ним очень осторожна. Узун, ты сможешь ее обучить, как с ним обращаться?

— Нет.— Оддлинг медленно покачал головой.— Я об этом ничего не знаю. Им когда-то пользовалась одна только Харамис, и когда она это делала, меня не было с нею.

— А что, это действительно могущественный талисман? — спросила девушка.

— С его помощью можно даже убивать людей,— хором отозвались Файолон и Узун.

— Ох! — Майкайла с опаской потрогала талисман.— В таком случае лучше я его сниму и уберу подальше. Не такая я дурочка, чтобы экспериментировать с вещью, способной убить человека. Я сейчас вернусь,— добавила она, вставая,— и мы сразу же пойдем к зеркалу и посмотрим все, что произойдет в храме Мерет.

— Тебе, пожалуй, лучше на это не смотреть,— услышала она, выходя, голос Файолона, обращенный к Узуну.

Оддлинг ответил так резко и энергично, что Майкайла расслышала его слова, даже спустившись на несколько лестничных пролетов:

— Если я не стану смотреть, то как, по-твоему, я смогу написать подобающую балладу о ее героизме? Нет уж, хватит того, что я пропустил большую часть ее экспедиции за талисманом; на этот раз я буду смотреть все до самого конца, как бы тяжело мне ни было!

Наконец все отправились в пещеру. Майкайла шагала впереди.

— Зеркало, покажи нам принцессу Харамис,— потребовала она.

— Сканирую...— ответило устройство.

Затем появилось изображение Харамис, которой помогли спуститься с установленного на носилках кресла двое жрецов; вот у нее подогнулись колени, и жрецы тут же подхватили ее.

— Что это с ней? — взволнованно выдохнул Узун.

Файолон внимательно всмотрелся в картинку.

— Она босиком,— заметил он.— Следовательно, именно сейчас она впервые коснулась земли Лаборнока.

— Ну и что из того? — недоуменно спросила Майкайла.

— С нею все в порядке, Узун,— заверил Файолон.— Просто-напросто на нее нахлынуло чувство земли по отношению к Лаборноку, а это в данном случае может только помочь ей.

— Очень сомневаюсь,— с недоверием произнесла Майкайла.— Как она может сейчас обрести чувство земли по отношению к Лаборноку, если уже долгие годы у нее нет этого чувства по отношению к Рувенде?

— Майкайла, будь так добра, помолчи немного! — вспыхнул юноша.

Она прикусила язык. «Что это он так раскипятился? На Файолона совсем не похоже»,— удивилась девушка.

— Она снова встала,— прокомментировал Узун,— и мужественно идет навстречу судьбе.

«Он и разговаривает уже, будто балладу распевает,— подумала Майкайла.— Однако “мужественно шагает навстречу своей судьбе” — это уж слишком!» Вслух, однако, она предпочла ничего не высказывать. Девушка не понимала, отчего ритуал на этот раз изменился,— как правило, его участники не проводили столько времени в этой комнате. «Пожалуй, лучше всего мне просто помолчать. Если я права, они сами очень скоро в этом убедятся, после чего смогут отправиться за Харамис, и я верну ей талисман... А если я вдруг окажусь не права... Нет, такого быть не может!»

Но чем дольше длился обряд, тем очевиднее становилось, что Майкайла жестоко ошибалась, а те, кто пытался ее предупредить и отговорить, были совершенно правы. Охваченная ужасом и не веря собственным глазам,

она наблюдала, как жрец рассекает грудь Харамис и вытаскивает сердце. «Как она может выглядеть такой спокойной и умиротворенной во время столь ужасной процедуры?» — стучало у Майкайлы в голове. Затем сердце Харамис обратилось вдруг в горстку пыли; пыль эта просочилась между пальцами жреца и исчезла. Само тело бывшей Великой Волшебницы Рувенды и Лаборнока тоже обратилось в пыль, а затем начала разрушаться комната. С оглушительным треском рухнул потолок, и долгое эхо отозвалось в пустом пространстве между горными вершинами. Последним, что они увидели, прежде чем зеркало потемнело, стала огромная сплошная стена снежной лавины, которая, набирая скорость, неумолимо надвигалась, казалось, прямо на зрителей.

Майкайла без чувств свалилась на пол. Сквозь окутавший сознание туман, будто совсем издалека, она услышала механический голос зеркала:

— Субъект отныне больше не существует. В данном районе нет ни одного живого человека.

И тут пришло то самое ощущение. Вначале Майкайла словно стала погружаться прямо в скалу, как бы становясь частицей горы Бром. Затем в ее тело проникла и гора Джидрис, в свою очередь, сделавшись частицей Майкайлы. Она ясно почувствовала идущую вниз по северному склону, сметая все на своем пути, огромную лавину и успела разделить ее на маленькие и слабые обвалы — чтобы разрушения, которые она вызовет в долине, оказались минимальными. Затем девушка почувствовала и гору Ротоло с ее горячими источниками и скрытыми от постороннего взгляда теплыми долинами. Она успела мельком заметить и спящего, как всегда, в своей пещере Красного Глаза. Укрыв наконец всю горную цепь, чувство земли начало распространяться в обоих направлениях — к северу, вдоль реки Ноку, через весь Лаборнок, до самого Северного моря, и к югу, вдоль реки Нотар, через Тернистый Ад, Дайлекс, Золотую Топь, через Цитадель и Большую дамбу, через Черную и Зеленую Топи, через озеро Вум и Тасские пороги, вдоль реки Большой Мутар и до самой границы Вара — той самой границы,

где ее встретило вдруг стоящее на страже изображение Файолона.

— Файолон? — произнесла она вслух.

— Я тут, Майка.— Сильные руки подняли Майкайлу и вынесли из пещеры. Она услышала позади звук закрывающейся двери и шаги Узуна и в то же время продолжала слышать шум полноводных рек, стремящихся к морю, и гудение насекомых, роящихся в Топях.

«Если Харамис чувствовала нечто подобное, то ничего удивительного, что жрецам пришлось держать ее, чтобы не упала,— мелькнуло в голове у Майкайлы.— Это, пожалуй, куда сильнее, чем те чувства, что нахлынули, когда Файолон ощутил землю Вара... Впрочем, разница-то вполне понятна: мне досталась земля по крайней мере вдвое бо́льшая, и к тому же в прошлый раз я ощущала все опосредованно, благодаря тому, что оставалась связанной с Файолоном...»

— Файолон! Ты чувствуешь землю?

Его голос на мгновение перекрыл царящий в голове Майкайлы беспорядочный шум:

— Только Вар. А ты начинаешь чувствовать Рувенду?

— Да! И Лаборнок тоже!

— Не утруждай себя разговорами,— посоветовал он,— просто расслабься и дай чувствам устояться.

«Дать им устояться? О, как бы мне хотелось, чтобы они действительно сами утряслись!» — думала Майкайла. Файолон внес девушку в кухню, усадил возле очага и попросил Узуна поддерживать ее. Майкайла и не заметила, что они с Узуном поменялись местами,— до тех пор, пока не увидела лицо Файолона прямо перед собой. Юноша держал в руках кружку:

— Выпей-ка вот это.

В кружке оказался горячий адоповый суп. Выпив его, Майкайла стала ощущать, что теперь она действительно скорее человек, чем земля, на которой расположено целых два королевства.

— Ну что, лучше? — спросил Файолон.

Она медленно и осторожно кивнула. Тело все-таки не очень-то хорошо ей повиновалось.

— Ну и славно. А теперь поешь-ка вот этого.— Он протянул кусочек вяленого мяса.

Девушка принялась его жевать, на что потребовалось немало усилий, но когда наконец проглотила последний кусок, то окончательно почувствовала себя прежней Майкайлой. Царивший в голове шум рассеялся, а когда она осторожно попыталась снова вернуть его, то обнаружила, что никаких звуков больше не слышит.

— Файолон,— с ужасом прошептала она,— а я ведь потеряла чувство земли!

— Нет, ты его не потеряла,— заверил юноша,— просто оно на некоторое время отступило. Дело в том, что приобрести чувство земли по отношению сразу к двум королевствам — слишком тяжелое испытание, не говоря уже о том, каково справляться с подобной задачей человеку, больше суток перед этим воздерживавшемуся от пищи и только что пережившему смерть родственницы.

— Харамис! — Майкайла затрясла головой, мечтая о том, чтобы все недавно увиденное оказалось лишь дурным сном.— Узун...— Она виновато посмотрела на оддлинга.— Прости меня...

— Это я виноват,— пробормотал он.— Мне не следовало никого просить о новом теле.

— Что ж, принимая во внимание, что это Харамис обратила тебя в арфу, из-за чего и потребовалось потом добывать для тебя новое тело, чтобы, в свою очередь, ты смог ухаживать за самой Харамис, когда она серьезно заболела,— будем считать, что вину за все случившееся можно в равной мере возложить на всех,— заметил Файолон.— А может, и нет в этом ничьей вины...

— Как вы думаете, она заранее намеревалась разрушить храм? — спросила Майкайла.

— Думаю, что да,— ответил Файолон.— Когда мы планировали все это, она сказала, что ты не сможешь к этим жрецам возвратиться, если их самих не будет на прежнем месте. Я тогда переспросил, что она имеет в виду, но тут разговор повернулся в другую сторону, и она так и не ответила.— Файолон помолчал.— И все-таки я склонен считать, что она намеревалась поступить именно так: разру-

шить этот храм до основания. Ты ведь помнишь, как Харамис относилась к кровавым жертвоприношениям — особенно к тем, в которых принуждают насильно. Знаешь, ведь именно это привело к тому, что весь их ритуал пошел кувырком,— задумчиво добавил он.— Они хотели жертву юную, объятую ужасом и болью, а вместо этого получили умудренную жизнью волшебницу, знатока магии, вполне готовую к смерти и желавшую умереть.

— Вспомните лица этих жрецов,— произнес Узун.— Они же испытывали куда больше страха, чем сама жертва! Подобное событие достойно самой великой из баллад...

Слезы покатались по его щекам.

— Простите,— всхлипнул он и поспешно покинул комнату.

— Сейчас, пожалуй, мне удастся дойти до спальни, Файолон.— Майкайла поднялась на ноги и с трудом сделала несколько шагов.— Больше всего мне хочется сейчас поспать этак с неделю. Я чувствую такую усталость, такую пустоту внутри, что, наверное, вообще не смогла бы ничем заниматься...

— Что ж, сон, пожалуй, для тебя сейчас самое лучшее,— согласился Файолон.— Воспринять чувство земли во сне гораздо легче, потому что при этом не пытаешься заниматься никакими посторонними вещами.

Но девушка даже не слышала его, снова погрузившись в забытье. Файолон осторожно перенес ее в спальню.

Спустя две недели Узун пропел своим молодым друзьям новую балладу, восхвалявшую мужество и мудрость Харамис, ум Файолона, самоотверженную дружескую преданность Майкайлы, виртуозное мастерство Красного Глаза. Завершив песнь, оддлинг немного смутился и оглядел слушателей:

— Ну, как вы находите?

— Это великолепно, Узун! — проговорила Майкайла, украдкой смахивая слезы.— Харамис просто влюбилась бы в такую песню.

— Тебе надо будет обязательно научить этой балладе меня, — горячо начал Файолон. — Мелодия просто потрясающая, и аккомпанемент оригинальный.

Узун задумался.

— Я пропою все зеркалу, — сказал он наконец, — а оно уж сможет научить тебя.

— Очень толковая мысль, — сказала Майкайла. — Таким образом, зеркало сохранит балладу навеки точно в таком виде, в каком ты сам ее поешь, и любой сможет прослушать все в первоначальном авторском исполнении даже спустя сотни лет после твоей смерти.

— Кстати, о смерти, — начал Узун. — Помнишь ли, что обещала мне в тот самый день, когда обнаружила заклинание, с помощью которого Харамис обратила меня в арфу?

«Нет! — воскликнул вдруг внутренний голос в голове Майкайлы. — Я не хочу, не хочу терять еще и его!» Но тут новоявленная Великая Волшебница Руwendy и Лаборно-ка напомнила себе, что не должна быть эгоистичной, какой была ее предшественница, и превращать окружающих в марионеток для исполнения своих прихотей.

— Да, — проговорила она, подавляя дрожь в голосе, — я все хорошо помню. Я пообещала освободить твой дух, как только ты сам попросишь. — Майкайла проглотила подступивший к горлу комок. — Итак, ты просишь об этом сейчас?

Оддлинг кивнул:

— Я думаю, лучше всего сделать это завтра, перед восходом солнца. Таким образом, у меня будет время научить новой балладе зеркало.

— Так, значит, уже завтра... — Майкайла наклонила голову, чтобы скрыть слезы.

— Благодарю тебя, — спокойно проговорил Узун, — и желаю доброй ночи.

Как только он вышел из комнаты, Файолон нагнулся к Майкайле.

— Неужели он только что попросил тебя убить его? — прошептал он.

— В некотором смысле — да, — пояснила Майкайла. — То есть формально, насколько я понимаю, он мертв уже

с тех пор, как Харамис заключила его дух в арфу. Однако он взял с меня слово, что я окончательно освобожу этот дух, когда ее не будет в живых.

— Неужели нельзя обойтись без этого? Мне так будет не хватать его!

— Я тоже буду очень скучать,— проговорила Майкайла, и глаза ее переполнились слезами.— Но, несмотря ни на что, мне придется это сделать. Я дала ему слово.

— Ну что ж, в таком случае,— вздохнул Файолон,— я тебе в этом помогу.

Майкайла и Файолон стояли на каменной крыше башни, у потухшего костра, в пламени которого незадолго перед этим сгорело деревянное тело Узуна. Начинало светать; окружавшее их безмолвие нарушилось с первым порывом ветра, развеявшего и унесшего в бесконечное, необозримое пространство маленькую горстку пепла.

Майкайла сжимала в руке небольшую шкатулку с еще одной горсткой пепла — тем, что осталось от кости, некогда принадлежавшей Узуну. Она высыпала себе в ладонь половину содержимого шкатулки; Файолон последовал ее примеру. Потом они одновременно подставили свои ладони ветру, мгновенно сдувшему пепел.

— Он присоединился к Владыкам Воздуха,— негромко проговорила девушка.

Они направились в кабинет. Файолон взял арфу и, подыгрывая себе, пропел древнюю песнь — самое первое из выученных им творений Узуна.

— Как-то странно сознавать, что теперь это всего-навсего обыкновенная арфа,— проговорил он.— Думаю, что она всегда будет для меня частицей самого Узуна.

— Что ж, в таком случае какая-то его часть навечно останется с нами,— отозвалась Майкайла.

«Если, конечно, мы будем вместе»,— добавила она про себя.

— Что ты будешь делать дальше, Файолон? — Майкайла решила наконец задать мучивший ее вопрос.— Тебе надо вернуться в Вар?

— Мне придется туда наведываться время от времени,— сказал он.— Точно так же, как и тебе придется путешествовать, объезжая свои земли. Однако мне кажется — если у тебя, конечно, нет возражений,— что мы сможем сделать эту башню главным своим домом. Правда, надо будет раздобыть побольше книг,— добавил он, будто желая поддразнить собеседницу.— А то даже я успею прочитать всю эту библиотеку от начала до конца.

Майкайла радостно рассмеялась. Так, значит, он не собирается ее покинуть и ей вовсе не придется вести одинокую жизнь, подобно Харамис!

— Я тоже,— кивнула она,— прочитала все еще много лет назад. Хорошо, раздобудем книг. А что еще потребуется?

— Дети,— нарочито будничным тоном ответил Файолон.— Я, конечно, понимаю, что пока еще рано об этом говорить, но лет через пять—десять ты уже достигнешь достаточной физической зрелости и сможешь рожать детей... Если, конечно, ты не находишь подобную идею по какой-либо причине неприемлемой.

Майкайла отрицательно покачала головой.

— Разумеется, я была бы очень рада завести собственных детей, когда придет время... То есть я хочу сказать — наших с тобой детей,— добавила она торопливо.

— Мы сможем с детства воспитать их так, что они будут знать магию и заботиться о стране,— рассуждал Файолон.— К тому же мы, если пожелаем, сможем иметь столько детей, что у страны будет богатый выбор, когда придет время подыскать нам преемников.

— Так, значит, Харамис ошиблась насчет того, что практикующий магию должен соблюдать обет безбрачия? — спросила девушка.

— Это оправданно лишь в том случае, если магия для человека — единственное дело в жизни, если он задался целью обрести абсолютное могущество. Но если магия просто-напросто инструмент, который используешь в работе, то остается только следить за тем, чтобы не портить себе здоровье, а в остальном поступай как знаешь.— Файолон усмехнулся.— Поскольку нас тут двое, то, если

что и случится, мы сможем друг друга выручать; из нас всегда получалась отличная команда.— Его лицо снова обрело серьезное выражение.— Майкайла, я люблю тебя с тех пор, как нам исполнилось по семь лет. Теперь мы уже достигли совершеннолетия и имеем право не спрашивать ничего разрешения. Итак, выйдешь ли ты за меня замуж?

Майкайла прижалась к его груди:

— Мое сердце навсегда отдано тебе.

Джулиан

МЭЙ

Небесный Триллиум

Посвящается Пэт Брокмейер

Пролог

Старый безумец потерял сознание и уткнулся лицом в объедки, лежащие на столе. Пленник позволил своей руке опуститься, и острое сверкающего стеклянного ножа коснулось темной морщинистой кожи на шее Великого Волшебника.

Один удар. Одно движение руки, и все будет кончено.
Соверши это!

Но обуреваемый противоречивыми чувствами пленник медлил, проклиная себя за сентиментальную трусость. Бокал, в который было налито отравленное вино, опрокинутый, лежал рядом с безжизненной рукой Денби. Лужа растекалась по полированной поверхности из драгоценной древесины гонда, и под ней уже начинал мутнеть лак. Великолепный стол, которому было не менее двенадцати тысяч лет, был безвозвратно испорчен, но его безумному владельцу, вероятно, предстояло выжить. Пленник, замерший над бесчувственным телом Великого Волшебника Нибес с острым как бритва фруктовым ножом в руке, не смог заставить себя убить своего мучителя.

«Почему я медлю? — спрашивал он себя. — Из-за его причудливого нрава? Или приводящего в трепет сана, которым он столь позорно пренебрегает? Или потому, что Денби Варкур спас мне жизнь — правда, лишь затем, чтобы я разделил с ним эту странную ссылку? Или всему ви-

ной магия, защищающая своего древнего адепта, хотя он лежит предо мной, беспомощный как дитя?»

Оставь эти мысли. *Соверши это! Убей его!* Яд просто лишил его чувств. Убей его, пока не стало слишком поздно.

Но пленник не мог этого сделать. Даже силы Звезды было недостаточно для того, чтобы лезвие вошло в плоть. Денби тихо посапывал с блаженной улыбкой на сморщенных губах, а его потенциальный убийца кипел от злости. Какой бы ни была причина этой нерешительности, совершить убийство не получалось.

Покачив головой от отвращения к себе, пленник положил стеклянный нож на блюдо с сочными ладу. Бросив последний взгляд на бесчувственного безумца, он выбежал из комнаты.

Лишь мгновение понадобилось ему на то, чтобы выхватить из шкафа в прихожей мешок с теплой одеждой и украденными магическими инструментами, и он побежал по тускло освещенным коридорам к усыпальнице мертвой женщины, расположенной почти в двух лигах, совсем в другом секторе Луны Темного Человека.

Пленник знал, что времени у него совсем мало. Посыльные и носильщик-синдона, как всегда, удалились на Луну Садов, но невозможно было догадаться, когда одной из этих ужасных живых статуй взбредет в голову прийти сюда в поисках своего выжившего из ума хозяина. Если синдона найдет хозяина бесчувственным, она мгновенно поймет, что случилось, и вызовет стражников.

А если эти прекрасные демоны поймают пленника, его ждет неминуемая смерть. Стражники обнаружат новую силу Звезды, и даже старческой фантазии Денби будет недостаточно, чтобы сохранить ему жизнь.

Беглец на мгновение остановился. Сжав в руке висящий на шее тяжелый платиновый медальон с изображением многоконечной звезды, он призвал его магию исследовать место заточения. Звезда сообщила, что престарелый колдун еще не пришел в себя, а синдон рядом не было. На Луне Темного Человека были только слуги — странные механические приспособления, сновавшие на коленчатых ногах, как огромные металлические лингиты, и выполнявшие

разные обязанности. Одна из таких машин вдруг появилась перед пленником из-за крутого поворота коридора. Она неслла корзину с лампами и неторопливо двигалась по коридору, «вынюхивая» похожими на руки отростками перегревшие потолочные светильники.

— Прочь с дороги, тварь! — Пленник попытался обойти неуклюжую машину, едва не перевернув ее, и опрокинул корзину с горящими лампами. Он наступил на одну из них, потерял равновесие и упал на колени.

— Прошу прощения, хозяин, — почтительно извинился фонарщик. — Вы ранены? Мне вызвать утешителя для вас?

— Нет! Не надо! Запрещаю! — На лбу пленника выступил пот. Он поспешил подняться на ноги и заставил себя говорить нормальным тоном. — Я не ранен. Приказываю выполнять свои обязанности. Не вызывай помощь. Ты меня понял?

Машина изучала его в четыре глаза. Эти причудливые творения Денби были самыми настойчивыми слугами и могли заставить его принять медицинскую помощь синдоны-утешителя, если он действительно в ней нуждался.

«Темные Силы! — взмолился пленник. — Не дайте ему вызвать синдону. Не дайте моему тщательно разработанному плану превратиться в прах, не дайте мне лишиться жизни из-за этой безмозглой машины!»

— Все верно, — согласился наконец фонарщик. — Вы не ранены. Я продолжу работу. Сожалею о причиненных мной неудобствах.

Он мигнул глазами и принялся собирать рассыпавшиеся лампы.

Пленник с нарочито безразличным видом пошел по коридору, но как только фонарщик скрылся из виду, побежал, чувствуя, как в груди нарастает страх. Что, если проклятая машина все-таки вызовет синдон? Что, если стражники уже пустились в погоню?

Он бежал со всех ног, топая сапогами и путаясь в длинных полах официальной обеденной мантии. Ужас сковывал его движения, каждый вдох был болезненным, как удар мечом. Жизнь в этом проклятом месте в течение двух лет

лишила его телесных сил и решительности, но он поправится, лишь бы удалось улизнуть от синдон и воспользоваться вторым даром мертвой женщины...

Он оказался в нежилой части Луны Темного Человека — безмолвном лабиринте пустынных галерей и залов, незаселенных спален, давно покинутых мастерских и библиотек. Именно здесь жил арьергард Исчезнувших двенадцать тысяч лет назад, когда они безнадежно пытались остановить наступление Покоряющего Льда.

Денби охотно дал ему разрешение исследовать призрачные комнаты, не понимая, видимо, что можно было в них найти. В самом начале заточения пленник случайно обнаружил усыпальницу женщины и получил от нее первый драгоценный дар. С его помощью собрал небольшую коллекцию магических устройств, которые, впрочем, оставались бесполезными, пока он был пленником Денби. Темный Человек был неуязвим для обычной магии.

Прошло много времени, прежде чем пленник узнал все о себе и дисбалансе мира и обнаружил второй дар мертвой женщины — способ сбежать из этой странной тюрьмы и от слабоумного тюремщика. Ее третий и последний дар, без которого первые два были совершенно бесполезны, он получил всего два дня назад. Третий дар не был волшебным, и против него не смог устоять Денби. Старик не умер, как надеялся пленник, но если бы глубокий обморок продлился чуть подольше...

Куда ты направляешься, Человек Звезды?

Милосердные Темные Силы! Стражники обнаружили его! Их голоса гудели в его мозгу как огромные медные колокола.

Что ты сделал с Великим Волшебником Небес? Какие украденные вещи ты несешь в мешке? Отвечай нам, Человек Звезды!

Они могли материализоваться рядом с ним в любой момент. Стоило им указать на него карающим перстом, и жизнь закончится в облаке дыма, а пустой череп покажется по коридору.

Человек Звезды, это — последнее предупреждение. Остановись и представь объяснения.

Но он продолжал бежать. Внезапно четверо стражников появились из воздуха всего в десяти элсах позади и решительно бросились в погоню. Синдоны, называемые Стражами Смертного Суждения, напоминали живые статуи из слоновой кости. Они были выше человека и превосходили любого смертного по красоте. На них были только перекрещенные ремни из зелено-синих пластин и радужные шлемы, в руках — золотые черепа, символизирующие их смертоносные обязанности. Шаги стражников были тяжелыми, и пленник был достаточно далеко впереди, но у него уже иссякали силы. Сердце готово было вот-вот разорваться, ноги не слушались. Где ее комната? Он давно должен был добежать до нее! Но жуткий коридор казался бесконечным, а стражники все приближались. У него потемнело в глазах, и сознание едва не покинуло его.

«Все кончено», — успел подумать он и стал проваливаться в темноту, едва не выронив мешок. Упал на пол и с последней надеждой схватился за медальон. Казалось, Звезда придала ему силы. Он смог поднять голову и открыть глаза.

Стражники с золотыми черепами уверенно шли к нему. А еще он увидел, что чудо, о котором так молил, свершилось. Он лежал у массивной металлической двери, украшенной такой же многоконечной звездой, как и та, что украшала медальон. На двери не было ни засова, ни скважины для ключа, и оставалось до нее всего несколько шагов.

Как умирающий зверь, мучительно медленно, он дополз до двери и прикоснулся к ней своим медальоном.

Нем! — закричали стражники и одновременно направили на него правые руки, грозя уничтожением.

Дверь распахнулась. Мертвая женщина, казалось, повернулась к нему и улыбнулась, предлагая убежище.

Его словно втянуло в комнату, и дверь с лязгом захлопнулась. Он был охвачен ночью — ночью, усеянной немигающими звездами. В комнате было так холодно, что дыхание из истерзанных легких вырывалось облаком инея, а стекавший по лицу пот превратился в лед. Из мгно-

венно онемевших губ раздался произвольный стон. Он забыл, что посещать мертвую женщину можно было только по ее согласию.

Почти парализованный болью и холодом пленник достал из мешка плащ, закутался в него и опустил капюшон до самых глаз. Потом он натянул непослушными пальцами меховые перчатки. С трудом поднялся на ноги, прижался спиной к двери и попытался обрести контроль над своим телом и разумом.

Смогут ли синдоны ворваться сюда и схватить его?

Мертвая женщина спокойно улыбалась и словно говорила: *«Нет, не смогут без ясного приказа самого Темного Человека, а он все еще не пришел в чувство»*.

Она сидела на кресле, похожем на трон, и на самом деле не смотрела на него. Одна из стен комнаты представляла собой гигантское окно, ее широко открытые, подернутые пеленой глаза, казалось, смотрели восторженно на открывавшийся вид. Сверкающая сфера висела среди миллионов немигающих звезд. Луны Садов и Луны Смерти не было видно, они летели по своим небесным орбитам где-то позади обиталища Темного Человека, и ничто не мешало наслаждаться умопомрачительной красотой. Похожий на матовый аквамарин Мир Трех Лун парил в небе в бесчисленных лигах от них.

Обреченный мир. Мир, который был его домом, который спасти мог только он. Мир, который был и ее домом, двенадцать тысяч лет назад.

Она умерла, устремив жадный взор на этот голубой шар, сжав в одной руке висевшую на украшенной драгоценными камнями цепи Звезду, а в другой — затейливой формы чашу, в которой оставалось несколько замерзших капель. Ее тело в богатом платье траурно-черного цвета превосходно сохранилось. Ее волосы были темными с седыми прядями. Пленница, как и он сам, была уже немолода, но обладала исключительной красотой. Архивы Темного Человека поведали ему часть ее трагической истории.

Ее звали Неренией Дарал, и была она основательницей могущественной Звездной Гильдии. Человек, любив-

ший ее до безумия, «спас» ее от участи, постигшей почти всех членов группы, лишь затем, чтобы увидеть, как она добровольно уходит из жизни, отдав предпочтение такой судьбе, а не бегству от Покоряющего Льда в его презренном обществе. Из-за потери Нерении Дарал величайший герой Исчезнувших и Великий Волшебник Небес Денби Варкур лишился рассудка.

Пленник приветствовал ее глубоким поклоном, стараясь сдерживать дрожь. Он не сможет долго продержаться в этой наполненной стужей комнате. Если второй дар мертвой женщины окажется бесполезным после стольких тысяч лет бездействия, он замерзнет до смерти, прежде чем Денби очнется и прикажет стражникам схватить его.

— Я так и не смог заставить себя убить его, Госпожа Звезды,— признался он.— Возможно, магия защищает его, но я подозреваю, что протестовала моя душа, неспособная забрать жизнь человека, насытившегося изысканными яствами и вином и лишившегося сознания. Я не задумываясь уничтожу его, если настанет день, когда я смогу сразиться с ним в честном магическом поединке. Этого достаточно?

Голос, который мог принадлежать ей, ответил: *Достаточно. Ты нашел основные инструменты колдовства, которые позволяют тебе возобновить работу?*

— Нашел.— Он поднял мешок.— Звезда в итоге привела меня к каждому из них, хотя на это потребовалось время. Сейчас я готов вернуться в мир, найти все три части Скипетра Власти и выполнить задание, которое ты мне поручила.

Трое постараются помешать тебе.

— Госпожа, ни одному человеку не удастся остановить меня, даже тому, которого я люблю. Клянусь Звездой.

Когда он впервые увидел Нерению Дарал, что-то подсказало ему коснуться своим медальоном ее... и древняя магия Гильдии сработала, наделив его полной силой Звезды. Это было первым даром мертвой женщины.

Вторым даром был виадук — один из многих чудесных проходов, по которым Темный Человек и синдоны передвигались по полым лунам. Но этот виадук, оставав-

шийся закрытым, как и должно было происходить с такими проходами, пока настоящий мастер не прикажет ему открыться, вел с Луны Темного Человека в мир внизу. Его существование было открыто пленнику в один из его последних визитов.

Нерения Дарал предупредила его, что Великий Волшебник Небес мгновенно узнает о том, что кто-то попытался воспользоваться виадуком. Денби мог закрыть его или направить по нему пленника в другое, еще более мрачное место заточения. Проход мог вывести его на свободу только в том случае, если Темный Человек будет убит или лишится сознания.

Крохотная стеклянная чаша в руке Нерении была третьим даром. Всего два дня назад она случайно привлекла его внимание и заставила спросить о содержимом. Узнав о яде, он немедленно начал разрабатывать план бегства.

— Я готов уйти, Госпожа Звезды,— сказал он,— и умоляю открыть мне виадук.

Ты клянешься Звездой воссоздать мою Гильдию и выполнить ее великое предназначение по восстановлению баланса мира?

Он сжал медальон рукой в перчатке. Его пальцы начинали терять чувствительность от холода, который, казалось, уже проникал сквозь плащ.

— Клянусь.

Тогда возьми мою Звезду, мой приемный сын и наследник, и вручи ее тому, кому безгранично доверяешь. С помощью возрожденной Гильдии завладей Скипетром Власти. Он все еще способен изгнать Покоряющий Лед. Научись управлять его опасной силой и заставь засиять Небесный Триллиум.

С благоговением он разжал ее мертвые пальцы, снял украшенную драгоценными камнями цепь с ее шеи и положил медальон в свой мешок.

— Я сделаю все так, как ты приказала... но сейчас, Госпожа, позволь мне отправиться в путь, иначе я замерзну до смерти прямо на пороге свободы.

Ступай. Виадук, откройся!

Раздался кристально чистый мелодичный звон, и слева от трона женщины появилось кольцо света примерно два элса диаметром. Внутри кольца не было ничего, кроме темноты, из которой пахнуло теплым затхлым воздухом.

— Виадук готов принять меня?

Да. Нужно только войти. Когда-то он вел в царство Покрыющего Льда и был для меня бесполезен. Я попала сюда по нему, но не могла воспользоваться им для бегства. Но теперь, когда Вечный Покров временно уменьшился, виадук приведет в безопасное место.

Пленник медлил.

— Могу я спросить, в каком месте мира я окажусь?

Голос Госпожи Звезды стал жестким:

Ты окажешься там, куда тебя послали, и немедленно должен начать выполнять свою миссию. Торопись! Денби вот-вот очнется и окажется у двери через мгновение.

— Прощай, Госпожа.

Крепче прижав к себе мешок, он шагнул в светящееся кольцо и исчез. Снова раздался звон, и кольцо померкло. Мельчайшие кристаллики льда от дыхания пленника кружились в воздухе вокруг сидевшего на троне мертвого тела.

Распахнулась дверь в усыпальницу. Вошли стражники с золотыми черепами на изголовку. Шаркающей походкой за ними последовал очень старый человек с темной морщинистой кожей и белоснежными вьющимися волосами. Он кутался в мантию из золотистого меха воррама.

— Орогастус! — крикнул он громким и звучным голосом, который словно принадлежал совсем молодому человеку. — Ты еще здесь?

Он ушел, — ответил один из стражников.

— Рад это слышать, — сказал Денби Варкур. — Теперь мы можем приступить к спасению мира, если его еще можно спасти! Жаль, что он не прикончил меня, но следовало догадаться, что мне придется дожить до конца.

Он махнул рукой синдонам, приказывая выйти в коридор, а сам подошел к замерзшему мертвому телу.

— Прости меня, любимая Нерения. Я не мог не воспользоваться такой хорошей возможностью. И я не мог позволить, чтобы ему все показалось слишком легким, понимаешь?

Как всегда, она безмятежно улыбалась.

Глава 1

Принц Толивар лежал в темноте, полностью одетый, не считая сапог, и отчаянно старался не уснуть.

Он не посмел оставить зажженной серебряную масляную лампу или даже свечу, боясь, что кто-нибудь заметит свет в щели под дверью. Комнату освещали только редкие вспышки молний и часы на столике рядом с кроватью — памятник Исчезнувших — с циферблатом, светившимся мягким зеленым светом. Часы на последние именины подарила ему тетя Кадия, Дама Священных Очей. Только она, не считая, конечно, старого Ралабуна, не относилась к нему с презрением.

Настанет день, и он покажет всем, особенно ненавистному старшему брату и сестре, кронпринцу Никалону и принцессе Джениль. Настанет время, и они не будут издеваться над ним и называть никчемным вторым принцем. Они будут бояться его и относиться с уважением, которого он заслуживал!

Если ему удастся вернуть сокровища...

Толивар заскрипел зубами от страшного желания заставить тянувшиеся бесконечно секунды двигаться быстрее. Ралабун придет только после двух часов ночи, если придет вообще.

— Он должен прийти! — прошептал принц. Он не посмел объяснить Ралабуну причину столь позднего визита, боясь, что старик посчитает его просьбу мальчишеским капризом. Он мог забыть прийти или просто заснуть в ожидании. Толивар сам с трудом заставлял глаза оставаться открытыми.

— Святой Цветок, не дай мне уснуть, — молился он. Принц уже испытывал страх от предстоящего предприя-

тия,— если бы он уснул и вновь увидел сон, он, скорее всего, отказался бы от своего плана.

Вероятно, не стоило прятать сокровище в Гиблой Топи, но тогда такой поступок казался ему совершенно необходимым. Древние камни Цитадели Рувенды были пропитаны магией, вся возвышенность под светом Трех Лун густо заросла Черным Триллиумом. Хуже всего было то, что его вторая тетя — грозная Великая Волшебница Харамис — слишком часто посещала мать в летней столице, в которой три сестры провели детство. Толивар не мог допустить, чтобы Белая Дама узнала его тайну, поэтому спрятал свои драгоценности на болоте.

Никому не удастся забрать их у него. Никогда.

«Они — мои по праву спасения,— успокаивал себя принц.— Пусть мне всего двенадцать лет и я еще не научился пользоваться ими в полной мере, все равно я скорее умру, чем отдам их кому-то».

В голову снова пришла непрошенная мысль о том, что он может бесследно стинуть сегодня, утонуть в бурном черном потоке.

— Пусть будет так,— пробормотал Толивар,— потому что если я оставлю сокровища в Рувенде, их может унести во время бури. Или они будут погребены под толстым слоем ила, когда я вернусь сюда следующей весной, или их найдет какой-нибудь оддлинг и передаст Белой Даме. Тогда мне незачем будет жить.

Если бы Влажный Сезон не начался в этом году так неудачно рано! Тетя Харамис говорила, что мир потерял равновесие и этим объяснялась такая странная погода, активность вулканов и частые землетрясения.

Река Мутар, огибавшая возвышенность Цитадели, разлилась практически без предупреждения. Король Антар и королева Анигель решили, что Двор Двух Тронов не может ждать до конца месяца переезда в зимнюю столицу Лаборнока Дероргуилу. Вместо этого вся свита должна отправиться в путь в течение шести дней, прежде чем воды болота поднимутся слишком высоко.

Самый младший в королевской семье принц Толивар, услышав это сообщение, испытал ужас. Пока продолжа-

лись грозы, течение Мутара оставалось слишком быстрым для того, чтобы он в одиночку мог подняться вверх на челне, припрятанном специально для его тайных путешествий. Он молился Святому Цветку и Темным Силам, которые помогали волшебникам, чтобы они даровали несколько ясных дней и передышку в наводнении. Но все его страстные просьбы были напрасны. Дата отъезда королевской свиты становилась все ближе и ближе, до нее оставалось всего два дня. На следующий день должны были начать собирать караван. Днем ему не удастся ускользнуть из Цитадели незамеченным. Нужно забрать сокровище ночью или лишиться его навсегда.

Вслушиваясь в шум дождя за окном спальни, Толивар старался побороть отчаяние. Кроме того, этот звук навевал сон. У принца спипались глаза, и ему с трудом удавалось не уснуть. Но время тянулось так медленно, а шум дождя был таким монотонным, что в конце концов он задремал.

И снова начался знакомый кошмар.

Он преследовал его уже два года — ужасающий грохот землетрясения, дым от горящих домов, сам он в плену, по-мальчишески льющий слезы от горести предательства. А потом чудесное бегство! Внезапный прилив храбрости, позволивший ему завладеть бесценным сокровищем! Во сне он поклялся использовать его, чтобы стать героем. Он должен был отразить атаки армии на Дерргуилу, спасти своих родителей и весь народ. Ему было всего восемь лет, но благодаря магической силе...

Во сне он воспользовался волшебным прибором, и все умерли.

Все. Верные защитники и злобные захватчики, король, королева, его брат и сестра, даже Дама Священных Очей и Великая Волшебница Харамис — все умерли из-за его магии! Тела лежали на окровавленном снегу внутреннего двора крепости Зотопанион. В живых остался только он один.

Но как это могло случиться? Была ли в этом его вина?

Он в страхе убегал по улицам опустошенного города от страшного зрелища. С темного неба падал густой

снег, а порывистый ветер разговаривал с ним голосом человека:

— Толо! Толо, послушай меня! Я знаю, что мой талисман у тебя. Видел, как ты взял его несколько лет назад. Берегись, глупый принц! Магия талисмана убьет тебя с такой же легкостью, с какой убила других. Ты никогда не научишься владеть им. Верни его! Ты слышишь меня, Толо? Оставь его здесь, в Гиблой Топи. Я приду за ним. Толо, послушай меня! Толо...

— Нет! Он мой! Мой!

Принц в испуге проснулся. Он лежал в своей спальне в Цитадели Рувенды. Гром едва был слышен за толстыми каменными стенами, а эхо от его собственного крика звенело в ушах. Он посмотрел на часы, увидел, что было еще рано, и откинулся на подушку, бормоча ребяческие проклятия.

Кошмар был таким глупым! Он никого не убивал магией. Его семья была жива и ничего не подозревала. Колдун умер, но по собственной вине, все это знали.

— Я верну себе сокровище, несмотря на дождь,— поклялся принц.— Я заберу его с собой в Дероргуилу и продолжу учиться пользоваться им. И настанет день, когда я стану таким же могущественным, как он.

Наконец часы пробили два раза. Принц Толивар вздохнул, сел и стал натягивать свои самые крепкие сапоги. Его слабое тело все еще спало после дня, потраченного на сбор и упаковку вещей, которые предстояло взять в Лаборнок. Об одежде позаботились слуги, но все остальное нужно было собирать самому. Шесть больших окованных бронзой сундуков стояли в темной гостиной, причем четыре из них были заполнены его драгоценными книгами. Был еще небольшой походный сейф с крепким замком, который принц надеялся заполнить сегодня ночью.

Если бы только Ралабун поспешил.

Прошло уже четверть часа после назначенного времени. Толивар набросил на плечи плащ. Он был вооружен коротким мечом и охотничьим ножом. Принц открыл ок-

но и выглянул на улицу — дождь прекратился, но на за-
паде еще сверкала молния. Реки с этой стороны Цитаде-
ли видно не было, но он знал, что течение будет бурным.

Наконец он услышал, как кто-то тихо царапается в дверь.
Толивар бросился к двери и впустил в спальню старого нис-
сома, одетого в непромокаемую кожаную одежду, богато
украшенную серебряным шитьем. Ралабун — вышедший
в отставку смотритель королевских конюшен — был зака-
дычным другом и доверенным лицом Толиvara. Его ши-
рокое морщинистое лицо, обычно выражавшее сонное до-
бродушие, посерело от тревоги, а выступающие вперед
желтые глаза, казалось, готовы были выпрыгнуть из орбит.

— Я готов, Скрытный, но умоляю, скажи, почему мы
должны куда-то идти в такую плохую погоду.

— Так нужно,— коротко ответил принц. Он уже дав-
но перестал просить Ралабуна присвоить ему какую-ни-
будь более благородную кличку.

— В такую ночь не стоит выходить из дома в Гиблую
Топь,— настаивал старик.— Уверен, твое таинственное
поручение может подождать до утра.

— Нет,— резко ответил принц,— потому что днем нас
обязательно увидят. Кроме того, рано утром лорд-эконом
упакует весь багаж королевской семьи и начнет собирать
караван. Нет, мы все должны сделать сейчас. Поторопись!

Мальчик и абориген спустились по черной лестнице,
которой пользовались только горничные и слуги, убирав-
шие королевские апартаменты. Этажом ниже, на антре-
солях над большим залом, располагалась небольшая ка-
пелла, рядом с которой находились приемные залы
короля Антара, королевы Анигель и королевских мини-
стров. Этаж охраняла ночная стража, но Толивару и Ра-
лабуну легко удалось проскользнуть незамеченными, а вот
и крошечный альков рядом с приемной канцлера, в ко-
тором на высоких стеллажах лежала в коробках королев-
ская корреспонденция.

— Потайной ход здесь,— едва слышно произнес То-
ливар. На глазах у изумленного Ралабуна он отодвинул
одну из коробок и протянул руку. Затем он вернул ко-

робку на место, и весь стеллаж бесшумно повернулся, открыв черный проем.

— Ты взял фонарь, как я тебе приказал? — спросил принц.

Ралабун достал из-под плаща фонарь и открыл отверстие, из которого появился слабый луч свет от находившихся внутри светящихся болотных червей. Они вошли в потайной ход, Толивар закрыл дверь, взял в руку фонарь и быстрым шагом пошел по узкому пыльному коридору. Ниссому оставалось только последовать за ним.

— Я слышал рассказы об этих потайных проходах от няни королевы Имму, — сказал Ралабун, — но никогда не бывал в них. Имму рассказывала, что когда три Живых Лепестка Черного Триллиума были совсем молодыми принцессами, она и Ягун вывели королеву и ее сестру Кадью из Цитадели по одному из таких проходов, чтобы уберечь от верной смерти от рук злобного короля Волтрика. Тебе показала этот ход мать?

Толивар горько рассмеялся:

— Нет, я узнал о его существовании от более заботливого учителя. Смотри под ноги! Мы должны спуститься по этим ступеням, а они влажные и скользкие.

— Кто тебе рассказал об этом проходе? Имму?

— Нет.

— Ты узнал о его существовании в одной из древних книг, которые так внимательно изучал?

— Нет! Перестань задавать вопросы!

Ралабун обиженно замолчал, и они стали осторожно спускаться по ступеням. Стены узкой лестницы были влажными. В щелях росли бледные грибы, в которых обитали тускло светившиеся создания, называемые слезнебоками. Эти маленькие животные ползали по ступеням как светящиеся слизняки, на них было легко поскользнуться, кроме того, они противно воняли, если на них наступить.

— Еще немного, — сказал Толивар. — Мы уже на уровне реки.

Через несколько минут они подошли к другой потайной двери, деревянный механизм которой громко заскри-

пел, когда принц привел его в действие. Они оказались в заброшенном сарае, забитом гниющими бухтами каната, разошедшимися бочками и разбитыми ящиками. Когда Толивар и Ралабун подошли к двери, у них из-под ног с испуганным писком разбежались по щелям варты. Принц прикрыл фонарь и осторожно выглянул на улицу. Было очень темно, и моросил дождь. Стражников здесь не было, потому что пристань была заброшена очень давно, сразу же после войны между Рувендой и Лаборноком.

Они, осторожно ступая, пошли по полусгнившим доскам пристани. Первым шел Ралабун, потому что ниссо-мы видели в темноте гораздо лучше людей, а фонарь зажигать они не решились, чтобы их не увидела с крепостных стен стража.

— Моя лодка вон там,— сказал Толивар,— спрятана под сломанным кнехтом.

Ралабун с сомнением осмотрел лодку.

— Она очень маленькая, а течение Мутара усиливается с каждым часом. Нам далеко плыть вверх по течению?

— Всего около трех лиг. Лодка достаточно крепкая. Я сяду за центральные весла, ты встанешь у кормового, мы пересечем реку, на другой стороне вода будет спокойная, и нам без труда удастся подняться вверх.

— Я не знал, что ты такой опытный гребец.

— Я знаю много того, о чем ты не подозреваешь,— коротко ответил мальчик.— Не будем терять время.

Они сели в лодку и отчалили. Толивар налегал на весла изо всех сил, но их было не так уж много. Ралабун, несмотря на преклонный возраст, был крепким и мускулистым после долгих лет тяжелой работы в конюшнях, и лодка довольно быстро пошла поперек течения широкой реки. Им приходилось обходить обломки, а иногда и целые деревья, вырванные с корнем выше по течению на Черном Болоте. Мимо них проплыло бревно, на котором, как на торговой лодке из Тревисты, сидел огромный злобный раффин. Зверь зарычал, когда они прошли всего на

расстоянии трех локтей, но не попытался прыгнуть с бревна и наброситься на них.

У другого берега, который был топким и практически незаселенным, течение, как и предсказывал принц, было не таким сильным. Толивар устало поднял весла, предоставив вести лодку Ралабуну. Они быстро пошли вверх по течению и смогли даже разговаривать, несмотря на шум реки.

— На северном берегу, там, где река разветвляется чуть выше Рыночной заводи, есть очень мелкий приток,— сказал Толивар.— К нему мы и направляемся.

Ралабун кивнул:

— Я знаю, о чем ты говоришь. Безымянная протока, заросшая папоротником и копыелистом. Но по ней не пройти на лодке...

— Можно, если двигаться осторожно. Я часто ходил по протоке в Сухой сезон, переодевшись простолюдином.

— Ты поступал опрометчиво, Скрытный,— неодобрительно проворчал Ралабун.— Даже находясь рядом с Цитаделью, маленький мальчик не может чувствовать себя в безопасности в Гиблой Топи. Тебе стоило только попросить, и я с радостью согласился бы побродить с тобой...

— Я был в полной безопасности,— высокомерно возразил принц.— Кроме того, дело, которым я занимался на болоте, было серьезным и секретным. Оно не имело ничего общего с обычными нашими проказами.

— Гм... Какую же страшную тайну таит эта протока?

— Это тебя не касается,— отрезал Толивар.

На этот раз ниссом обиделся по-настоящему.

— Смиренно прошу простить меня за назойливость, ваша милость.

— Не обижайся, Ралабун,— попытался оправдаться Толивар. Даже у самых близких товарищей могут быть секреты друг от друга. Я был вынужден просить тебя сопровождать меня только из-за силы течения. Больше я никому не могу доверять.

— И я с радостью согласился помочь тебе. Должен признаться, мне горько, что ты не доверяешь мне свою тайну. Ты знаешь, что я не раскрою ее ни одной живой душе.

Толивар колебался. Ему не хотелось открывать природу сокровищ своему другу, с другой стороны, крайне соблазнительно было поделиться радостью обладания столь чудесными вещами хоть с кем-нибудь. А с кем, как не с Ралабуном?

— Поклянись не рассказывать о моей тайне ни королю, ни королеве,— сказал Толивар.— Даже самой Великой Волшебнице Харамис, если она прикажет.

— Клянусь Тремя Лунами и Цветком! — воскликнул Ралабун.— Каким бы секретом ты ни поделился со мной, клянусь хранить его, пока Владыки Воздуха не унесут меня в загробную жизнь.

Принц мрачно кивнул:

— Хорошо. Ты увидишь мои бесценные сокровища, когда я буду забирать их из тайного места на болоте. Но если ты расскажешь об их существовании кому-нибудь еще, то поставишь под угрозу не только свою жизнь, но и мою.

Глаза Ралабуна засверкали в темноте, и он сделал рукой знак Черного Триллиума.

— Какие же чудесные вещи мы разыскиваем, Скрытый?

— Лучше я их тебе покажу,— сказал Принц и больше не произнес ни слова, несмотря на уговоры Ралабуна.

Прошел еще час, дождь стих, и подул сильный ветер, гнавший рваные темные облака по усеянному звездами небу. На противоположном берегу, на самом западе возвышенности Цитадели, тускло мерцали огни рынка Руwendy. В этом месте ширина Мутара была больше лиги. Потом они оказались среди множества притоков, между которыми в Сухой сезон существовало огромное количество поросших лесом островков. Сейчас почти все они находились под водой, и над поверхностью возвышались только могучие деревья гонда и кала. В этом месте было легко заблудиться, и принцу пришлось несколько раз давать ука-

зания Ралабуну сменить курс. К сожалению, знание бодота старым ниссомом оставляло желать лучшего.

— Вот протока,— наконец сказал Толивар.

— Ты уверен?— с сомнением в голосе спросил Ралабун.— Мне кажется, что нужно пройти чуть дальше...

— Нет. Она здесь. Я уверен. Поворачивай.

Недовольно ворча, ниссом склонился над веслом.

— Джунгли залиты водой и полны обломков, я не уверен, что нам удастся...

— Замолчи! — Принц встал на носу. Лишь несколько звезд освещали их путь. Канал был мелким, с густыми зарослями ирисов, копыелиста и красной колючки между величественными деревьями. Дождь прекратился, и обитатели Гиблой Топи начали подавать голоса. Застрекотали, жажужжали, зазвенели насекомые. Заухали пелрики, защebetали ночные певуны, зашипели и заплескались карувоки, откуда-то издалека донеслось рычание вышедшего на охоту гулбарда.

Скоро протока стала настолько мелкой, что Ралабун уже не мог грести.

— Ты ошибся, Скрытный! — закричал он.

Мальчик с трудом подавил раздражение.

— Работай веслом как шестом, а я буду править лодкой,— сказал он.— Сейчас надо пройти между теми двумя деревьями вилунда. Я знаю дорогу.

Ралабун нехотя повиновался. Несмотря на то, что протока временами казалась полностью закрытой ветками и лианами, перед лодкой всегда оставалась полоса свободной воды, иногда чуть шире самой лодки. Двигаться приходилось крайне медленно, но через час они подошли к небольшой возвышенности. По каменистому периметру росли колючие кусты, плакучие уиделы и высокие калы. Толивар показал место причала, и Ралабун направил лодку к берегу.

— Вот это место? — изумленно произнес он.— Я готов был поклясться, что мы заблудились.

Принц спрыгнул на берег, покрытый прибитой дождем зубчатой травой, и привязал лодку к коряге. Потом он взял фонарь, приоткрыл заслонку и подал ниссому знак

следовать за ним по едва заметной тропе, петляющей среди камней и покрытых каплями дождя деревьев.

Они вышли на поляне к хижине, построенной из обтесанных жердей и пучков травы, крытой тяжелыми листьями папоротника.

— Я сам ее построил, — с гордостью заявил принц. — Здесь я изучал магию.

Ралабун в изумлении открыл рот, обнажив короткие желтые клыки.

— Магию? Такой мальчик, как ты? Клянусь Триуном, не зря тебя прозвали Скрытным!

Толивар открыл плетеную дверь и иронически поклонился:

— Добро пожаловать в мастерскую волшебника.

В хижине было абсолютно сухо. Принц зажег лампу в три свечи, стоявшую на самодельном столе. Из обстановки в хижине был только стул, оплетенная бутылка для питьевой воды, несколько полок на стенах, на которых стояли банки и маленькие бочонки с консервированной едой. Не было видно ни инструментов, ни книг, ни других принадлежностей, которые можно было ожидать увидеть в логове колдуна.

Толивар опустился на колени, смел в сторону листья папоротника и мусор с земляного пола и поднял тонкую каменную плиту. Из полости под плитой он достал два мешка из грубой рогожи, один большой, другой поменьше, и положил их на стол.

— Вот драгоценности, за которыми мы пришли, — сообщил он Ралабуну. — Я не рискнул хранить их в Цитадели.

Старый абориген рассматривал мешки, явно предчувствуя дурное.

— А что с ними станет зимой, когда ты будешь жить в Дероргуиле?

— Я нашел подходящее место в развалинах, за пределами крепости Зотопанион, в которое никто не заходит. Нашел я его четыре года назад во время битвы при Дероргуиле, когда судьба предназначала мне овладеть этими сокровищами.

Мальчик развязал большой мешок и достал из него продолговатый сундук длиной в локоть и шириной в три ладони. Сундук был сделан из темного блестящего материала и украшен серебряной многоконечной звездой.

— Владыки Воздуха! — воскликнул Ралабун. — Этого не может быть!

Не сказав ни слова, Толивар развязал маленький мешок. Что-то ослепительно сверкнуло в свете лампы — это была небольшая корона с шестью маленькими выступами и тремя большими. Она была украшена затейливым орнаментом из морских раковин и цветов. Под каждым большим выступом было изображено лицо: уродливого скритека, гримасничающего человека и отвратительного создания с заплетенными в виде многоконечной звезды волосами, которое, казалось, вопило от нестерпимой боли. Под центральным изображением располагался герб семьи принца Толиvara.

— Трехглавое Чудовище, — прохрипел Ралабун, почти лишившийся рассудка от благоговейного ужаса. — Магический талисман королевы Анигель, который она отдала в качестве выкупа коварному колдуну Орогастусу!

— Теперь он не принадлежит ни моей матери, ни ему, — торжественно провозгласил Толивар и водрузил корону на голову. Его хрупкое тело и ничего не выражающее лицо словно преобразились. — Талисман связан со мной и шкатулкой Звезды, и любой, прикоснувшийся к нему без моего разрешения, превратится в пепел. Я еще не до конца овладел силой Трехглавого Чудовища, но близок тот день, когда оно полностью подчиниться моей воле. И когда этот день настанет, я стану волшебником, более могущественным, чем сам Орогастус.

— О мой Скрытный, — простонал Ралабун.

Прежде чем он успел сказать что-либо, мальчик продолжил:

— Помни о клятве, старый друг.

Он снял корону с головы и положил ее и сундук в мешки.

— Следуй за мной, быть может, нам удастся вернуться домой до начала дождя.

— Взять их! — закричала Кадия.

Огромная сеть, сплетенная из липучки, упала, когда притаившиеся в деревьях кала ниссомы одновременно перерезали канаты. Была глубокая ночь, но ослепительная вспышка молнии осветила момент падения сети на застигнутый врасплох передовой отряд скритеков с яростно сверкавшими оранжевым светом глазами.

Засада была успешной. Более сорока уродливых топильщиков извивались в липкой сети, и их рычание было слышно, несмотря на раскаты грома. Они рвали сеть бивнями и когтями, яростно били хвостами, но все больше безнадежно увязали в топкую почву. Над болотом нависло облако ядовитых испарений от чешуйчатых шкур, но оно не помешало захватившим их в плен ниссомам вогнуть в землю зазубренные палки. Другие ниссомы прыгали вокруг, потрясая трубками для отравленных стрел и копьями и глядя глазами на стебельках на своих извечных врагов.

— Подчинись мне, Рорагат! — крикнула Кадия. — Твой план захвата и разбоя провалился. Теперь ты должен ответить за нарушение Перемирия Гиблой Топи.

Никогда! — ответил лидер скритеков речью без слов. Он был просто гигантом вдвое выше ее ростом и стоял на ногах, несмотря на опутавшую его липкую сеть. — *Перемирие больше не обязательно для нас. Даже если бы мы соблюдали его, мы не сдались бы какой-то женщине. Мы будем сражаться насмерть, но не сдадимся!*

— Значит, ты не узнал меня, вероломный топильщик, — пробормотала Кадия и повернулась к стоявшему рядом низкорослому аборигену. — Ягун, мне кажется, у этих пустоголовых нарушителей перемирия зрение такое же слабое, как и разум. Принесите факелы.

Дождь усилился, но Ягун приказал нескольким ниссомам достать из заплечных мешков пропитанные смолой жгуты тростника, привязать их к длинным палкам и разжечь от искр, высеченных огненными раковинами. Захваченные в плен скритеки яростно зашипели, когда фа-

келы разгорелись, осветив поляну. Потом, когда факельщики подошли ближе и Кадия откинула капюшон, чудовища замолчали.

Она была женщиной среднего роста, но казалась высокой среди низкорослых ниссомов. Каштановые волосы, туго стянуты на затылке. Золотистая кольчуга поверх обычной кожаной одежды лесных жителей, а на груди — эмблема священного Черного Триллиума. Каждый лепесток цветка украшал сверкающий глаз — золотистый, как у аборигенов, карий, как у самой Кадии, и бледный серебристо-голубой со странными золотистыми блестками на темном зрачке, как у Исчезнувших.

Теперь мы узнали тебя, — неохотно признался командир топильщиков. — *Ты — Дама Священных Глаз.*

— Кроме того, я — Верховный адвокат аборигенов, включая и вас — глупых скритеков Южной Топи. Как посмели вы подвергнуть нападению и грабежу земли ниссомов, несмотря на мой указ? Отвечай мне, Рорагат!

Мы не признаем твою власть! Кроме того, человек, наделенной большей властью, рассказал нам правду о фальшивом перемирии. Он сказал, что скоро вернутся Исчезнувшие, и на небесах снова засияет Небесный Триллиум. Тогда будут уничтожены все люди и их рабы оддлинги и мир Трех Лун станет таким, как прежде, — будет принадлежать только скритекам.

Да! Да! — закричали чудовища и стали яростно рвать-ся из сети.

— Кто сказал вам такую гнусную ложь? — спросила Кадия и, не дождавшись ответа, вытащила из ножен странный темный меч с состоящим из трех частей эфесом и тупым лезвием. Она подняла его рукояткой вверх, и плененные жители болот замерли и застонали от ужаса.

— Узнаёте Трехвекий Горящий Глаз? — спросила она зловеще спокойно. Капли дождя стекали по ее лицу и сверкали, как драгоценные камни на доспехах. — Я — хранительница талисмана Исчезнувших. Только я могу решать, имеете ли вы право насмехаться надо мной. Помните, топильщики Южной Топи, если вы будете признаны винов-

ными в мятеже, Глаз охватит вас магическим огнем и мгновенно уничтожит.

Чудовища некоторое время совещались, потом Рорагат сообщил ей:

Мы поверили Человеку Звезды, хотя он ничем не доказал свою правоту, кроме демонстрации владения магией. Быть может... мы ошибались.

— Человек Звезды? — воскликнул Ягун, но Кадия взмахом руки заставила его замолчать.

— Бойкий и шаловливый язык легко произносит ложь, — сказала она Рорагату, — а дураки, неохотно расстающиеся с насилием, слишком охотно верят лжецам и шарлатанам. Я знаю, что твой народ сопротивлялся заключению перемирия. Вы считали, что если вы живете в дальнем уголке болота, на вас не распространяется власть Белой Дамы и мое право на осуществление ее воли. Вы ошибались.

Огромный скритек застонал от отчаяния:

Кадия Глаз, перестань бранить нас, как глупых детей! Пусть твой талисман рассудит нас и, если найдет нужным, уничтожит. По крайней мере, так мы избавимся от позора.

Но Кадия опустила странный меч и вложила его в ножны.

— Быть может, в этом нет необходимости. Пока сам ты, Рорагат, и твоя банда виновны только в разрушении деревни Асамуна и в запугивании ее жителей. Ниссомы пострадали, но никто из них не умер, несмотря на ваши старания. Возможно возмещение ущерба. Я сохраню вам жизни, если согласитесь удалиться на свою территорию и соблюдать условия перемирия.

Огромный скритек несколько мгновений дерзко смотрел на нее, но потом опустил взгляд и встал на колени.

Клянусь сам исполнять и добиться исполнения другими сородичами твоих приказов, Дама Священных Очей, клянусь Тремя Лунами.

Кадия кивнула.

— Отпустите их, — приказала она ниссому. — Пусть Асамун и его советники обсудят условия возмещения

ущерба.— Она повернулась к лидеру скритеков, положив ладонь на вышитую на груди эмблему.— Пусть твое сердце не допустит дальнейшей измены, Рорагат топильщиков. Не забывай, что моя сестра Харамис, Белая Дама и Великая Волшебница Земли, следит за каждым твоим шагом. Она сообщит мне, если ты попытаешься снова нарушить Перемирие Гиблых Топей. Тогда я приду к тебе и безжалостно отомщу.

Мы понимаем,— ответил Рорагат.— Нам дозволено отомстить обманувшему нас человеку? Он приходил к нам лишь однажды, а потом удалился на запад в горы, за пределы Рувенды, ближе к Зиноре. Но мы можем найти его...

— Нет,— перебила его Кадия.— Приказываю вам не преследовать мятежника. Я и Белая Дама разберемся с ним сами. Предупреди других скритеков, чтобы они не верили его лживым рассказам.

Она накинула капюшон, защитив голову от непогашенного огня, сделала Ягуну знак следовать за ней. Дама Священных Очей и ее главный заместитель направились по широкой тропе к реке Виспар.

Понадобилось два дня на то, чтобы собрать отряд ниссомов и устроить засаду на скритеков, после того как Белая Дама Харамис сообщила своей сестре Кадии о неистовствах топильщиков в южной части болот. Сейчас, когда экспедиция закончилась успехом, Кадия чувствовала смертельную усталость. Слова лидера скритеков показались ей загадочными и тревожными, но у нее не было сил обсуждать их сейчас с Великой Волшебницей.

Еще меньше ей хотелось выслушивать нотации сестры, если бы та узнала, как использовался талисман.

Промокшая до нитки Дама Священных Очей, у которой каждая мышца болела от усталости, шла по грязи и сжимала в ладони амулет, висевший на шнурке на ее груди. Амулет светился теплым золотистым светом и был приятно теплым на ощупь. Это был кусочек янтаря с окаменелым Черным Триллиумом внутри.

«Благодарю, тебя, — шептала она, — благодарю, о Триединый Бог Цветка, благодарю за то, что обман опять удался, за то, что дал мне силы. Прости меня за то, что пришлось прибегнуть к хитрости... Я поступила бы иначе, если бы знала как».

Завывавший в ветвях деревьев штормовой ветер, возвещавший о преждевременном наступлении Влажного Сезона, лишал их возможности говорить, пока они не подошли к привязанным лодкам на берегу вздувшейся черной реки. Ниссоны обычно передвигались по реке в выдолбленных из бревен яликах или неповоротливых плоскдонных лодках при помощи шестов или весел. Лодка Кадии была сделана из кожи, натянутой на легкую деревянную раму, — так делало лодки племя вайвило. Лодка была привязана к корням могучего дерева кала, и как только они отвязали ее, из покрытой рябью воды показались две прилизанные морды и уставились на нее в ожидании.

Это были риморики — грозные водные животные, поддерживавшие странные взаимоотношения, которые вряд ли можно было назвать приручением, с народом уйзгу, этими пугливыми родственниками ниссонов, заселявшими Золотое болото к северу от Виспара. Кадия была адвокатом всех народов, включая уйзгу, поэтому пользовалась расположением римориков. Несколько этих животных согласились даже покинуть привычную территорию и поселиться рядом с Замком Глаз Кадии на берегу реки Голлобар, расположенным почти в семидесяти лигах к востоку.

В свете факела Ягуна глаза зверей светились, как черный янтарь. У римориков были пятнистые зеленоватые шкуры, колючие усы и огромные клыки, которые они сейчас дружелюбно, с их точки зрения, обнажили.

— Поделись с нами митоном, госпожа. Мы так долго ждали твоего возвращения.

— Конечно, добрые мои друзья. — Кадия отстегнула с пояса небольшую флягу алого цвета. Вытащив пробку, она сделала глоток, протянула флягу Ягуну, а потом налила священную жидкость в левую ладонь. Животные подплы-

ли поближе и принялись аккуратно лакать жидкость похожими на кнуты острыми языками, которыми они обычно пронзали свою добычу.

Скоро митон оказал свое благотворное воздействие на четырех непохожих друг на друга друзей, прогнав усталость и наполнив тела новой силой. Закончив общение, Кадия вздохнула, и Ягун набросил на римориков сбрую. Животные бесшумно ушли под воду, и лодка помчалась по широкой темной реке по наикратчайшему пути, который должен был привести их домой всего через шесть часов.

Кадия и Ягун устроились под навесом из пропитанного воском брезента и стали ужинать сушеными корнями флопа и походным хлебом.

— Все, как мне кажется, закончилось неплохо, — сказала Кадия. — Твоя идея применить сеть была гениальной и позволила нам избежать кровопролитной схватки с болотными монстрами.

Желтоватое лицо пожилого аборигена было неподвижным как маска, но светящиеся желтые глаза смотрели на нее искоса. Такой взгляд мог означать только сильную тревогу. Кадия едва сдержала стон, зная причину этой тревоги. Она могла избежать, по крайней мере на время, упреков старшей сестры, но не старого друга.

Ягун молчал; Кадия ждала, машинально жевала пищу, не чувствуя ее вкуса; дождь стучал по брезенту, а лодка с шумом мчалась по реке.

Наконец Ягун сказал:

— Провидица, уже четыре года ты с успехом выполняешь обязанности Избранной, несмотря на то что талисман больше не связан с тобой и потерял магические свойства. Никто, кроме меня и твоих сестер, не знает, что Трехвекий Горящий Глаз лишился магической силы.

— Пока нам удавалось хранить это в тайне.

— Я боюсь, что может произойти, если ты продолжишь размахивать своим официальным талисманом, как сделала это сегодня. Если откроется правда, аборигены будут шокированы. Пострадает твоя честь, и будет подорван твой авторитет. Быть может, нужно последовать совету Белой

Дамы и вручить талисман ей на хранение, пока он вновь не обретет силу?

— Талисман принадлежит мне,— отрезала Кадия.— Я никому не отдам его, даже Харамис.

— Если ты просто перестанешь его носить, никто не посмеет усомниться в твоей власти.

Кадия вздохнула:

— Возможно, ты прав. Я много думала об этом, молилась, но решение принять очень трудно. Ты сам видел, как трепетали от ужаса скритеки, увидев Глаз.

Ее рука скользнула к эфесу и сжала три соединенных вместе шара на его конце. Сейчас они были холодными, а когда-то излучали тепло. Трехвекий Горящий Глаз был создан много веков назад Исчезнувшими для каких-то известных только им целей и обладал ужасной магической силой, являясь одной из трех частей великого Скипетра Власти.

Когда-то талисман был связан с душой Кадии, и три доли открывались по ее приказу, показывая живые подобию глаз, вышитых на ее доспехах. Она управляла его силой, и любой прикоснувшийся к талисману без ее разрешения умирал на месте.

Четыре года назад последний оставшийся в живых Человек Звезды украл талисман Кадии и вынудил королеву Анигель отдать ему принадлежавшую ей часть Скипетра. Он связал оба талисмана с собой и надеялся, что любовь к нему заставит Великую Волшебницу Харамис отдать ему третью часть. Вместо этого Орогастус лишился талисмана Анигель и был побежден в решающем сражении магией трех сестер.

Лишившийся владельца меч был передан Кадии, но отказывался, как раньше, объединяться с ее магическим янтарным амулетом, подчиняться ее власти. Трехвекий Горящий Глаз был мертв, как Орогастус.

Тем не менее Кадия не расставалась с ним.

— Я никогда умышленно не лгала аборигенам о возможностях талисмана,— сказала она Ягуну.— Его символическая ценность сохранилась, несмотря на утрату ма-

гической силы. Ты сам видел, как он помог нам сегодня. Без него скритеки сражались бы с нами насмерть. С его помощью я сохранила жизнь им и многим ниссомам.

— Верно,— согласился Ягун.

— Топильщики вернутся в Южную Топь и расскажут соплеменникам о том, как они были побеждены и помилованы Дамой Священных Очей и ее талисманом.— Она пожала плечами.— Перемирие Топи сохранится до следующего кризиса... Кроме того, следует надеяться на то, что Харамис удастся восстановить связь талисмана со мной и его силу.

Маленький абориген недоверчиво покачал головой. Как и его соплеменники, он был похож на людей. У него были маленькие вытянутые ноздри, широкий рот с мелкими острыми зубами и острые уши, торчащие из-под охотничьей шапочки. Много лет назад он был егерем покойного отца Кадии короля Рувенды Крейна. Когда Кадия была маленькой девочкой, Ягун часто гулял с ней по Гиблой Топи, составлявшей большую часть королевства, учил ее тайнам, и дал ей прозвище Провидица из-за ее острого зрения и наблюдательности. Прозвище оказалось пророческим, и Кадия стала хранительницей Трехвекого Горящего Глаза и защитницей аборигенов, которые делили Мир Трех Лун с людьми.

Много лет Ягун был ближайшим другом Кадии и ее заместителем. Иногда, к ее большой досаде, он забывал о том, что она уже давно выросла, и упрекал ее за вспыльчивость и необъяснимое упрямство. Самым неприятным было то, что часто он оказывался прав.

— Ты должна понимать, Провидица,— мрачно произнес Ягун,— что этот конфликт со скритеками является далеко не обычным. Рассказ Рорагата о лживом Человеке Звезды потряс тебя не меньше, чем меня.

— Утверждение о возвращении Исчезнувших является полной чепухой,— возразила она.— И только Владыкам Воздуха известно, каким именно чудом является Небесный Триллиум. Что касается так называемого Человека Звезды...

— А что, если случилось худшее,— перебил ее Ягун,— и из мертвых вернулся сам ненавистный колдун?

— Невозможно! Личный талисман Харамис сообщил ей, что Орогастус мертв.— Кадия скривила губы от отвращения.— А моя глупая сестра до сих пор оплакивает его душу.

— Не смейся над искренними чувствами Белой Дамы,— перебил ее Ягун.— Ты сама еще не испытала любви. Любимых не выбирают, в чем я сам имел несчастье убедиться.

Кадия удивленно взглянула на него. Насколько она знала, у Ягуна не было супруги. Впрочем, не стоило расспрашивать его о столь деликатном деле сейчас.

— Ты думаешь, что Орогастус оставил других продолжить его нечестивые труды? Шесть известных нам приспешников, которых он считал своими Голосами, несомненно, умерли. Поиски учеников в Тузамене, проведенные моим зятем, закончились безрезультатно.

— Они могли сбежать от правосудия короля Антара, когда узнали, какая участь постигла их учителя,— возразил Ягун.— Они могли улизнуть и от Белой Дамы, если не слишком явно использовали магию. Даже ее Трехкрылому Диску не уследить за каждым уголком мира днем и ночью.

Кадия доела хлеб и коренья и стала извлекать небольшим кинжалом ядра из орехов блок.

— Скорее всего, этот так называемый Человек Звезды всего лишь самозванец, агент какого-нибудь врага Лаб-ровенды, намеренного вызвать в стране политические беспорядки. Время для атаки скритеков именно в начале Сезона дождей было выбрано очень мудро. Двор Анигель и Антара вот-вот должен переехать на зиму на равнины Лаборнока, а в Рувенде остается лишь немногочисленный гарнизон. Этому отъявленному негодяю, королю Зиноры Йондримелу, только и надо, чтобы Два Трона погрязли в конфликтах с болотными тварями во Влажный Сезон. В этом случае ему, быть может, удастся захватить западные торговые пути.

— Весьма правдоподобно,— согласился Ягун.— Ророгат сказал, что Человек Звезды ушел в том направлении.

— Если Йондринел задумал нечестную игру, королева Анитель и король Антар скоро узнают о его планах. Он не может столь очевидно недооценивать стабильность Двух Тронов. Другие цивилизованные страны подвергнут его остракизму, и он сможет продавать свой жемчуг только украшенным перьями варварам.

Ягун копался в мешке в поисках штопора. Наконец ему удалось найти его, он открыл бутылку с вином из ягод хала и наполнил две деревянные чаши.

— Пусть Владыки Воздуха предоставят быстрое решение этой проблемы,— произнес он торжественно тост. Они выпили, потом Ягун добавил зловещим тоном:

— Если Звездная Гильдия действительно возродилась, не только Лабровенда, но и весь мир стоит на грани катастрофы. Твой талисман потерял силу, талисман королевы Анигель потерян, у нас не осталось надежды собрать Скипетр Власти, а только он является надежным оружием против древней магии Звездной Гильдии.

Кадия улыбнулась ему поверх чаши:

— Не расстраивайся, старый друг. Мы с сестрами доберемся до истины. Завтра, поспав в своей постели и приведя в порядок мысли, я поговорю с Харамис. А пока давай пить вино и не болтать глупости.

На следующий день, когда Кадия и Ягун попытались вызвать Великую Волшебницу Земли речью без слов, они не получили ответа.

Глава 3

— Ириана! — произнесла Харамис в свой талисман.— Ириана, ты слышишь меня? Я хочу сообщить тебе важные новости и крайне нуждаюсь в твоём совете. Прошу тебя, ответь.

Но на внутренней поверхности Трехкрылого Диска, который она держала в руке как зеркало, были видны лишь

светящиеся перламутровые завихрения. Веселое круглое лицо Великой Волшебницы Моря чуть синеватого оттенка не появлялось.

Харамис нахмурилась в недоумении:

— Талисман, ты можешь сказать мне, почему она не отвечает?

Она защищена магией.

— Она в своем жилище?

Нет. Она сейчас на Полых островах с морским народом крайнего запада.

— Почему она отказывается говорить со мной? — нетерпеливо спросила Харамис.

Вопрос неуместен.

— Тыфу ты! Полагаю, мне придется самой разыскать ее.

Она взяла лежавшую рядом с ней на ковре арфу и сыграла несколько аккордов, чтобы успокоиться и мыслить плодотворно. Рядом с окном в огромном глиняном горшке росло растение с черными, как ночь, цветами. Харамис смотрела на него и чувствовала себя в безопасности.

Весь вечер Великая Волшебница Земли Харамис провела в своем кабинете, наблюдая при помощи Трехкрылого Диска за конфликтом между своей сестрой Кадией и скритеками. Харамис была удивлена и глубоко встревожена словами лидера чудовищ. Как только Кадия одержала победу, Харамис покинула место засады и попыталась поговорить со своей коллегой и учителем Голубой Дамой Моря.

Ни на мгновение молодая Великая Волшебница Земли не подумала, что сможет разобраться в сложившейся ситуации в одиночку. Если появился еще один Человек Звезды, продолжавший подлое дело своего покойного хозяина, значит, миру грозила страшная опасность. Что касалось слов о возвращении Исчезнувших, они были настолько нелепыми, что Харамис не стала думать над ними...

— О, Ириана! — воскликнула она. — Какое неподходящее время ты выбрала, чтобы спрятаться от меня!

Сделав над собой усилие, Харамис попыталась успокоиться игрой на арфе и созерцанием цветов. Не следовало давать волю воображению. Прежде чем отправиться на поиски взбалмошной Великой Волшебницы Моря, следовало выяснить, кто организовал мятеж скритеков. Это племя славилось доверчивостью, и подбить их на враждебные действия мог простой мошенник.

Она отложила арфу и взяла в руки талисман:

— Покажи мне человека, назвавшегося членом Звездной Гильдии.

Трехкрылый Диск послушно показал окутанную ночью поляну в горах, освещенную отблесками угасавшего костра. Рядом с костром кто-то спал.

По приказу Великой Волшебницы изображение увеличивалось, пока не стало таким, словно она сама находилась рядом с костром, могла обойти его, все разглядеть как днем. Со всех сторон поляну окружали горы, некоторые из них были увенчаны ледниками. Рядом с костром снега не было, но дул холодный порывистый ветер, от которого костер то вспыхивал, то почти угасал окончательно.

— Где находится это место? — спросила она у талисмана.

В Охоганских горах над Зинорой, примерной в девятистах лигах от твоей башни.

Когда магия Диска рассеяла темноту, Харамис увидела ухоженного фрониаля с украшенными серебром рогами, стреноженного у журчащего ручья. Он лениво объедал растущие между камней кусты. Седло и сбруя, лежавшие рядом с костром, были очень высокого качества, усеянные жемчугом и серебряными украшениями в зинорианском стиле. Человек, спавший у костра, был так плотно закутан в одеяла из шерсти зуха, что был виден только его нос. Рядом с ним лежали мешки, похожие не седельные сумки, но сделаны они были не из обычной кожи, а из птичьей, на которой сохранились черные и красные перья. Такие сумки могли сделать только саборнианцы — богатые, но довольно нецивилизованные люди, жившие на западных границах известного мира, за пределами Галанара.

У одной из сумок стояло замысловатое устройство из темного металла, и, увидев его, Харамис ощутила столь сильный приступ страха, что не смогла сдержаться от крика. Ее Послание было незаметным для спящего, и он даже не пошевелился, когда Харамис опустилась на колени, чтобы повнимательней рассмотреть устройство.

Оно было примерно пол-эlsa в длину, один конец был плоским и треугольным, похожим на приклад арбалета. Из приклада выступали три тонких цилиндра или стержня, перехваченные кольцами и заканчивающиеся металлической сферой с большим количеством отверстий. В месте соединения стержней с прикладом она увидела нечто похожее на воронку и множество ручек, кнопок и отростков совершенно непонятного назначения.

Такое устройство она видела впервые, но Великая Волшебница видела другие, похожие на него, в своей Пещере Черного Льда, расположенной за башней на скале Бром, и четырем годами раньше во время осады Дероргуилы колдуном Орогастусом. Это устройство, принадлежавшее человеку, называвшему себя членом Звездной Гильдии, было старинным оружием — памятником культуры Исчезнувших, которые еще встречались иногда на руинах осыпающихся городов. Существовал строжайший запрет на использование этого страшного оружия, как людьми, так и аборигенами. Орогастусу удалось завладеть оружием, ограбив склад прежнего Великого Волшебника Земли, вооружить им своих воинов, тузамен и рэктамцев, и использовать его разрушительную силу в войне против короля Антара и Анигель, королевы Лабровенды.

Когда колдун потерпел поражение, Харамис приказала собрать и уничтожить все оружие. Она также сделала непригодным для использования оружие и другие устройства сомнительного свойства, хранившиеся в ее Башне и оставшиеся на частично разграбленном колдуном древнем складе Кимилон.

В течение многих месяцев она при помощи своего талисмана методично обходила все руины и забытые места континента, где могло оставаться исправное древнее

оружие. В итоге она уничтожила его окончательно, и талисман подтвердил это.

Откуда же тогда появился экземпляр, лежащий у ее ног?

Из глубин моря, — сообщил талисман, и Великая Волшебница застонала от собственной глупости. Конечно! Талисман понимал ее слова буквально, а она приказала ему исследовать только землю.

Оружие было немного потертым, но чистым и явно в рабочем состоянии. Продемонстрировав его убийственную силу, человек мог добиться уважения и ужаса и людей, и аборигенов в любой части света, даже если он и не был членом Звездной Гильдии. Несомненно, этот экземпляр был не единственным, извлеченным из подводных тайных хранилищ для использования в гнусных планах заговорщиков.

Харамис выпрямилась и подошла к спящему:

— Талисман, заставь его повернуться, чтобы я смогла увидеть его лицо.

Из-под одеяла донесся приглушенный стон. Мужчина повернулся и раскрыл лицо и верхнюю часть тела. Он был хорошо сложенным и молодым, не больше двадцати двух, с каштановыми волосами и редкой бородкой, отпущенной, вероятно, для того, чтобы лицо с мягкими чертами выглядело более жестким и зрелым. Одет в тунику из серого шелка, изрядно поношенную и грязную, но богато отделанную мехом. На шее, на красивой платиновой цепи, висел диск с изображением многоконечной звезды.

Увеличив его изображение, Харамис поняла, что медальон не был поддельным. Он ничем не отличался от медальона самого Орогастуса, но Великая Волшебница в своем Послании не могла определить, наделял ли он носившего его магической аурой.

— Кто этот человек? — спросила Харамис у Диска. — Откуда он появился?

Вопрос неуместен.

— Он один такой?

Вопрос неуместен.

— Каковы его планы?

Вопрос неуместен.

— Где он взял оружие? Может ли он взять еще?

Вопрос неуместен.

— Почему ты показал его мне, хотя он носит Звезду?

Потому что он новичок и еще не овладел силой Гильдии до конца.

Харамис мрачно рассмеялась. Очень полезный ответ! Теперь она знала, что спящий человек не был шарлатаном, а был действительно принят в древнюю организацию колдунов и овладел знаниями, недостаточными для того, чтобы полностью скрыть себя, как поступал его мертвый учитель, но достаточными для того, чтобы скрыть свою личность и намерения. Отказ талисмана отвечать на вопросы убедил Харамис в том, что у молодого Человека Звезды были сообщники, причем более могущественные и опасные, чем он сам.

Харамис не собиралась брать его в плен или уничтожать оружие. Она хотела проследить за его передвижениями при помощи талисмана и получить ценную информацию о Гильдии. Им самим и его союзниками и товарищами придется заняться в другое время.

— Я видела достаточно,— сказала она.

Она мгновенно оказалась в кресле в своем кабинете. Уютно потрескивал огонь в камине, в нише рядом с окном стоял Черный Триллиум. Она опустила Трехкрылый Диск на грудь и задумалась.

Итак, оружие доставали из моря! Она и не подозревала, что Исчезнувшие жили не только на земле, но и в море, и Голубая Дама никогда не упоминала об этом. Добродушная и ничего не подозревающая Ириана была не слишком строгой правительницей своих наивных подданных. Вполне вероятно, она не заметила, что Звездная Гильдия искала запрещенное оружие в ее владениях. К сожалению, беззаботная Великая Волшебница Моря слишком мало знала о вероломстве людей.

Скрытным аборигенам Ирианы, способным долго жить под водой, придется помочь Харамис в поисках и уничтожении опасного наследия Исчезнувших, все еще

спрятанного на дне моря. Еще сильнее она нуждалась в помощи Ирианы в поисках главной базы Звездной Гильдии. Скорее всего, логово мятежников находилось в дальних и неизведанных западных областях континента или даже на острове.

Харамис вдруг вздрогнула от пришедшей в голову мысли.

— Покажи мне вид на Полые острова в царстве Голубой Дамы с высоты птичьего полета,— приказала она талисману.

Комната исчезла. Харамис, казалось, парила на огромной высоте на крыльях могучих ламмергейеров — наделенных интеллектом, зубастых птиц, которые всегда были ее друзьями и помощниками. Внизу она видела полуостров, выступающий далеко в море на юго-западной границе мира. В море она увидела группу островов, одни были голыми, другие — покрыты незнакомой растительностью. На нескольких островах дымились действующие вулканы. В своем Послании она летала между испещренными входами в пещеры крошечными островками. Человеку местность могла показаться мрачной и пустынной, здесь властвовали только огромные волны, накатывающиеся с бескрайнего Западного моря, и ветер, пролетевший над ним многие тысячи лиг. Она видела поселки аборигенов, но не заметила присутствия их самих.

— Звездная Гильдия поселилась здесь? — спросила она.

Нет,— ответил Трехкрылый Диск.

Она почувствовала некоторое облегчение и принялась изучать местность более внимательно. Она никогда не бывала в этих местах. Люди здесь не жили, они, насколько ей было известно, никогда даже не посещали Полые острова. Представители ее расы, избранные не исчезнуть, а остаться в Мире Трех Лун и попытаться победить Покоряющий Лед, населили более гостеприимные области на юге и востоке. Если какие-то храбрецы и пытались проникнуть во враждебные владения Великой Волшебницы Моря, они возвращались в цивилизованные страны, чтобы рассказать о произошедшем. Сама Харамис бы-

ла слишком занята проблемами собственного царства, чтобы попытаться разобраться во владениях Ирианы.

— Как далеко находятся эти острова от моей Башни? — спросила она.

Более семи тысяч лиг, если лететь по прямой, почти восемь тысяч лиг по морю, если передвигаться привычным для человека способом.

— Святой Цветок! — пробормотала Великая Волшебница. — Хвала тебе за то, что я не должна отправляться сюда на корабле или птице.

Она вышла из видения и оказалась в знакомой обстановке.

Талисман мог перенести ее тело в любое место так же легко, как и отправить Послание. За это исключительно удобное средство передвижения она должна была благодарить Ириану. Именно она научила Харамис мастерски использовать личную магию, научила молодую коллегу овладеть силой Трехкрылого Диска в полной мере, чего не могли добиться ни Кадия, ни Анигель со своими талисманами. Харамис знала, что никогда не сможет отблагодарить Даму Моря за оказанные ей услуги.

— Остается только надеяться, что я разыщу ее быстро.

Она посмотрела на опустевший Диск.

Талисман Харамис не был большим. На одном конце серебряного жезла было закреплено кольцо для цепи, на которой талисман висел на груди, на другом — обруч диаметром чуть более ладони, с тремя крошечными крыльями, окаймлявшими каплю янтаря с окаменелым цветком Черного Триллиума внутри, похожую на янтарные амулеты ее сестер. Сразу же после рождения покойная Великая Волшебница Бина подарила тройне — принцессам Рувенды — волшебные амулеты и назвала их Лепестками Животворящего Триллиума, предсказав странную судьбу и внушающее ужас предназначение.

Харамис, Кадии и Анигель, чтобы выполнить это предназначение, пришлось побороть многие личные слабости. Каждая сестра взяла на себя исполнение страшных, благородных обязанностей. Неужели сегодняшние события являются предвестниками еще более страшных зол, чем

те, с которыми им уже приходилось бороться? Подобно Святому Цветку, они были самостоятельны и едины одновременно. Судьбы Великой Волшебницы, Дамы Священных Очей и королевы были переплетены, хотели они этого или нет...

Харамис была больше чем уверена, что для противодействия Звездной Гильдии она вынуждена будет прибегнуть к помощи сестер. Она приняла решение, что перенесется в дом Кадии немедленно, как только поговорит с Голубой Дамой. Трехкрылый Диск затем перенесет их обеих к королеве Анигель, находящейся в Цитадели Рувенды. Королева была на четвертом месяце беременности, но тем не менее будет работать на равных с мужем, королем Антаром, и главами других государств, чтобы предотвратить вооруженную угрозу Звездной Гильдии стоящему на грани катастрофы миру. Кадия объединит аборигенов — неоценимых, благодаря способности разговаривать без слов друг с другом на огромном расстоянии и отличному знанию местности, союзников в борьбе против Звездной Гильдии.

Харамис решила, что настало на том, чтобы Кадия отдала ей на хранение ставший бесполезным талисман, и пожалела, что не поступила так раньше. Лишенный связи с владелицей талисман мог украсть любой мелкий ворюжка или даже Человек Звезды!

Достаточно было того, что во время войны с Орогастусом был утерян талисман королевы Анигель — Трехглавое Чудовище. Утрата второй части Скипетра Власти была недопустима.

Орогастус... Она не смела произносить это имя в течение четырех лет после его смерти. Существовала ли связь между Господином Звезды, которого она любила всем сердцем, и возрождением Гильдии?

Харамис встала и заходила перед окном. За окном башни, стоявшей высоко в горах, разыгралась буря. Валил снег, и завывал, как демоны из десяти адов, прилетевший с ледяной шапки ветер. Она перебирала пальцами талисман и вспоминала о прошлых событиях.

Когда Орогастус пошел на решающий штурм Дероргуилы — северной столицы Двух Тронов — он владел не только Трехглавым Чудовищем и Трехвеким Горящим Глазом, но и стеклянным сундуком с эмблемой Звездной Гильдии на крышке, который связывал талисман с владельцем или лишал его такой связи. Он использовал этот имевший огромное значение Сундук для того, чтобы связать талисманы Анигель и Кадии с собой.

Сундук, как и корона Анигель, исчезли в пылу сражения.

Некоторое время Харамис была уверена, что магические предметы были найдены неизвестным человеком, который и является сейчас владельцем Трехглавого Чудовища. Ее собственный талисман, который с готовностью указывал ей местонахождение уснувшего Глаза Кадии (и который без промедления привел ее к спавшему Человеку Звезды), упрямо отказывался сообщать что-либо о короне и сундуке, управлявшем связью с ней.

Ириана согласилась с Харамис, это могло означать лишь, что Трехглавое Чудовище обрело полную силу и воссоединилось с новым владельцем.

Тем не менее никакой новоявленный колдун не появился в Мире Трех Лун. Хозяин короны не пользовался ею. Харамис не могла понять почему, если только он не хотел заполучить талисман Кадии и связать его с собой при помощи Звездного Сундука. Став владельцем двух частей Скипетра Власти, человек получал в свои руки магическую силу, едва не превышавшую силу самой Харамис. Если такой человек станет союзником вооруженной волшебным оружием Исчезнувших Звездной Гильдии, ничто не спасет мир от катастрофы.

— Владыки Воздуха,— молилась Харамис,— мы живем в мире уже четыре года, но мир так и не обрел равновесия, нарушенного Орогастусом. Есть в этом моя вина? Неужели моя любовь к мертвому колдуну, которая, вынуждена признать, ничуть не ослабла, сделала нас столь уязвимыми?

Или случилось немыслимое, как уже было один раз?

Нет, хвала Триуну! Это просто невозможно.

Харамис навсегда запомнила день, когда она и ее храбрые сестры обратили силы разрушения, направленные на них Орогастусом, против самого колдуна. Цветок победил Звезду. Тот день принес неожиданную победу Животворящему Триллиуму, уничтожение — Орогастусу, хотя Харамис пыталась спасти ему жизнь.

В сердце был навечно выжжен момент, когда она спросила талисман о судьбе возлюбленного и услышала безжалостный ответ. Она заплакала, стоя у амбразуры рядом с Черным Триллиумом. На покрытом инеем окне оставался прозрачный участок. Гонимые ветром снежинки, казалось, притягивались светом в комнате и разбивались о толстое свинцовое стекло.

Его погубило такое же смертельное притяжение.

Харамис хотела уберечь Орогастуса от конечного наказания. Перед их последней встречей она поместила черный шестигранник, называемый Путеводной Звездой Гильдии, в древнюю тюрьму Исчезнувших. Эта расселина, высеченная в скале глубоко под землей, надежно удержала бы колдуна, вне зависимости от того, к помощи какой магии он попытался бы прибегнуть. Путеводная Звезда должна была притянуть к себе Орогастуса, когда он начнет служить силам Зла. Потом, если он оказался бы в плену, она попыталась бы уговорами и любовью изменить его мысли и убеждения, что позволило бы освободить его.

Но сильнейшее землетрясение потрясло ту часть мира, и скала обрушилась на Путеводную Звезду Гильдии. Она тем не менее выполнила свое предназначение и завлекла Орогастуса, в момент его поражения, в лишенное воздуха нагромождение камней.

Она спросила талисман, что с ним стало, и получила ответ:

Он ушел путем Исчезнувших. Его больше нет в этом мире.

— Он мертв, — сказала Харамис и отошла от окна, вытирая холодной ладонью слезу со щеки. — Ты умер, мой бедный порочный возлюбленный. А я осталась лишь с

мрачной обязанностью, заставившей меня уничтожить единственного человека, которого я любила.

Впрочем, у нее не осталось времени пренебрегать своими обязанностями. Пора было отправляться на поиски Ирианы, а потом навестить сестер. Но сначала...

Она подняла талисман и посмотрела в него.

— Трехкрылый Диск, покажи мне то, на что я до сей поры не смела смотреть, — лицо любимого. Мне так одиноко и тревожно, что только воспоминание о нем сможет успокоить меня.

Талисман ожил, Диск наполнился бледными цветными пятнами.

Просьба неуместна.

— Что? — закричала Харамис. — Ты отказываешь мне в столь простой просьбе, злобный капризный талисман?

Просьба неуместна.

— Ты решил не только разорвать мне сердце, но и лишить рассудка? Покажи мне его!

Нет, — спокойно ответил талисман. — *Я не могу показать тебе мертвое лицо Орогастуса, потому что его не существует.*

— Что ты имеешь в виду? — резко спросила она. — Я знаю, что он превратился в пепел, рассеянный по раскаленным подземным камням. Я прошу лишь напомнить мне его черты. Если мир вновь лишается равновесия, мне предстоят новые опасные испытания. Я хотела бы создать его портрет для утешения, а быть может, и для предупреждения самой себе. В этом нет ничего плохого. Я приказываю изобразить его так, как он выглядел в последние дни своей жизни.

Теперь я могу выполнить твою просьбу.

Беспокойные завихрения цветов стали яркими, словно твердыми. На мгновение она увидела голову, заключенную в серебристый шлем с расходящимися лучами, с двумя ужасными белыми звездами вместо глаз.

— Нет! Я не хочу его помнить таким. Воспроизведи лицо, которое я любила когда-то.

Изображение померкло, потом изменилось. Лицо седовласого человека, измученное и морщинистое, но стран-

но красивое, казалось, смотрело из Диска прямо ей в глаза. У него была сильная челюсть и насмешливая улыбка на губах. У него были такие же, как у нее, глаза — бледно-голубые, с огромными черными зрачками, в которых мерцали золотые блески.

Она наслаждалась его изображением и призвала на помощь собственные магические силы. В правой руке она держала талисман, а в левой вдруг появилось нечто кристаллическое и призрачное, чуть меньше Диска, мерцающее как облачко алмазной пыли.

— Портрет, — приказала она.

Кристаллический туман потемнел и стал копией изображения в талисмане, воспроизведенной на кости хори-ка в золотой рамке. Видение в Диске исчезло, но портрет колдуна остался реальным. Харамис положила его в карман платья и покинула кабинет, чтобы подготовиться к магическому путешествию.

Глава 4

Дав указания смотрительнице замка Магире из племени виспи и дворецкому Шики-Дороку, Великая Волшебница переделалась в теплую одежду и набросила на плечи официальный плащ. Он был сшит из белой ткани, которая при движении, казалось, меняла цвет на нежно-голубоватый, похожий на лежащий в тени снег. Плащ был отделан лентами цвета платины, а на спине была вышита эмблема Черного Триллиума. Она закрыла длинные темные волосы капюшоном, потом натянула перчатки.

В тишине личной спальни она помолилась богам, чтобы они дали ей силы и способствовали успеху. Потом она встала на белый ковер у кровати и подняла талисман.

— Перенеси меня на Полые острова, где находится Великая Волшебница Моря.

Спальня растворилась, и она оказалась словно среди театральных декораций, изображавших пещеру, усеянную иллюзорными бриллиантами, мерцавшими всеми цветами радуги.

Еще через мгновение иллюзия исчезла. Она стояла в настоящей пещере, сырой и исключительно холодной. Сочащиеся каплями сталактиты свисали с потолка, как клыки гигантского истекающего слюной чудовища. Капли с мелодичным звуком капали в иссиня-черные лужи. Ее окружали каменные колонны, похожие на полурастворившиеся в воде скульптуры и другие причудливые по форме образования. Пятна на неровном потолке, которые могли быть грибами или даже колониями слезнебоков, освещали мрачную картину.

— Ириана! — крикнула она.

Никто не ответил, и она обратилась к своему талисману:

— Где находится Великая Волшебница Моря?

И тут же, словно в ответ на ее вопрос, раздался громкий всплеск в одном из прудов. Три аборигена, неизвестного Харамис вида, вылезли из воды, отряхнулись и уставились на нее светящимися золотистыми глазами.

Они были небольшого роста, как ниссомы и уйзгу, но кожа их была покрыта чешуей, как у более крупных лесных жителей. Лица почти не отличались от лиц вайвило и глismaков, а от человеческих — только звериными ноздрями. У них были руки с перепонками между пальцами и ноги с тремя когтистыми пальцами. Предплечья украшены золотыми браслетами с инкрустацией цветными дисками из рыбьей чешуи. Вместо волос головы украшали параллельные гребни от бровей до задней части шеи. Гребни и уши были ребристыми, как плавники рыб. Одежды не было, но чешуя на их телах переливалась, как доспехи, зеленым и синим цветом, поэтому они выглядели чистыми и привлекательными.

— Приветствую вас, — сказала Харамис. — Я — Великая Волшебница Земли и ищу свою подругу Голубую Даму Моря.

— Мы проводим тебя к ней, — хором ответили морские жители. Они говорили на незнакомом языке, но талисман позволял Харамис понимать смысл сказанного.

— Могу я узнать ваши имена и к какому племени вы принадлежите?

Стоявший в центре абориген с ожерельем из цветных дисков на шее указал на себя и произнес:

— Меня зовут Ансебадо, я — первый леркоми, а это — Мирими и Терано, второй и третий, тоже верные подданные Голубой Дамы. Если хочешь посмотреть на нее, следуй за нами.

Посмотреть на нее?

Харамис похолодела от дурного предчувствия. Ириана заболела? Или случилось нечто более страшное?

Леркоми быстро застучали когтями по мокрым камням. Воздух в пещере становился все более холодным, и по мере понижения температуры резко сокращалось количество светящихся существ. Споткнувшись пару раз, Харамис высоко подняла талисман и приказала заключенным в крыльях кусочкам янтаря освещать ей дорогу.

«Какое мрачное место», — подумала она. Этот Полый остров выглядел стерильным и безжизненным, если не считать светящихся пятен, словно ни одно мыслящее существо никогда не посещало его. Не было видно признаков руды или ценных минералов, и аборигены не исследовали, как люди, такие пещеры ради удовольствия. Что могла делать здесь Ириана?

Харамис уже давно не видела подругу и только сейчас поняла, как не хватало ей добрых насмешек и здравого смысла Голубой Дамы. Великая Волшебница Моря не была чересчур погружена в свое волшебство. Она любила вкусно поесть и красиво одеться (причем постоянно подшучивала над равнодушием Харамис и к тому и к другому), и только она понимала муки обреченной любви молодой коллеги по волшебству к Орогастусу.

Харамис подумала: она поняла бы, почему я ношу его портрет, а родные сестры никогда не поняли бы этого.

Благодаря более чем зрелому возрасту и опыту Голубая Дама, несомненно, знала, существовала ли возможность возвращения Исчезнувших, как сказал молодой Человек Звезды скритекам, и предзнаменованием чего может служить так называемый Небесный Триллиум. Возможно, Великая Волшебница Моря могла бы обсудить возрождение Звездной Гильдии с самим Великим Волшеб-

ником Небес. Загадочный Темный Человек Луны неохотно оказывал ей помощь во время последней войны и отказывался связаться с ней после ее завершения.

Казалось, подземное путешествие по Полому острову длилось несколько часов. Они переходили из пещеры в пещеру, все более углубляясь в скованную холодом темноту. Наконец они миновали очередной усеянный сталактитами туннель, и лерками привели Великую Волшебницу в пещеру, коренным образом отличавшуюся от других. Она была наполнена светящимся голубым туманом, который колыхался, как призрачные занавеси, скрывая внутреннюю часть.

— Здесь, — сказал главный лерками, указывая на источник света. — Наша Дама находится здесь.

— Ириана? — нерешительно позвала Харамис и направилась, осторожно ступая по обледеневшему каменному полу, к тусклому свету. Туман мгновенно рассеялся, и увиденное заставило ее остановиться и вскрикнуть от удивления.

Лерками рядами стояли, опустив головы, перед тем, что Харамис сначала приняла за колоссальный сапфир. Камень был вдвое выше ее, с чем-то темным в центре. Подойдя ближе, Харамис поняла, что ошибалась, приняв его за драгоценный камень.

За голубой прозрачной стеной она увидела стоящую женщину. Она была одета в сине-фиолетовое платье, украшенное крошечными драгоценными камнями, узор которых имитировал водоросли. Тонкий, как паутина, плащ скреплен на плечах двумя жемчужными брошками. Ее темные волосы были тщательно сплетены и закреплены красивыми гребнями из раковин и жемчужными заколками.

Изящная рука Великой Волшебницы Моря была протянута вперед в тщетной просьбе о помощи. Открытый рот, казалось, застыл на вскрике, только глаза блестели от ужаса.

— О Триединый Бог, только не это, — прошептала Харамис.

— Да, это так, — прокричали в ответ убитые горем леркоми.

Харамис подбежала к тому, что показалось ей стеклянным футляром, в который была заключена подруга. Только прикоснувшись к нему, она узнала правду.

Веки Голубой Дамы чуть заметно дрогнули.

Она была заключена в гигантскую глыбу голубого льда, но она была жива.

— Кто это сделал? — спросила Харамис Ансебадо после нескольких неудачных попыток освободить Ириану.

— Трое мужчин и женщина, — ответил первый леркоми, — приплыли на маленькой лодке в наш поселок на Острове заката, который находится в полудне пути морем отсюда. Они потребовали, чтобы мы вызвали Голубую Даму.

— Когда это произошло?

— Примерно двенадцать лун назад. Мы были крайне поражены, потому что из людей видели только Оперенных варваров, да и они приходили сюда очень редко, чтобы выменять огненные раковины, золото и драгоценную чешую, и никогда в Сезон Штормов.

Эти люди вели себя высокомерно и ужасно грубо. Каждый носил изображение Звезды на цепи. Они не ответили, когда мы спросили о причинах необходимости аудиенции с Дамой, и убили наших стариков при помощи ужасной магии. Они повторили требование, добавив, что убьют наших детей, а потом истребят все наше племя. Мы вынуждены были подчиниться. У нас не было выбора! Ты понимаешь, Белая Дама?

Харамис промолчала, а житель моря продолжил:

— Мы объяснили, что у нашей Дамы есть магический портал здесь, на Острове миражей. Незнакомцы заставили троих из нас проводить их на остров. Потом... я, как первый леркоми, должен был выполнить печальное задание и вызвать Даму. Если бы мы знали, что произойдет, то предпочли бы смерть.

Он зарыдал, к нему присоединился второй, потом третий леркоми, и скоро вся толпа в наполненной го-

лубым туманом пещере завывала в раскаянии и застучала украшенными гребнями головами по каменному полу. Харамис успокоила их и заставила продолжить рассказ.

— Как только Великая Волшебница Моря вышла из-за своей заколдованной двери (которая и сейчас находится за ее спиной), злодейство свершилось. Женщина с волосами цвета огня при помощи магического устройства облила нашу бедную Даму какой-то ледяной астральной жидкостью. Госпожа окоченела мгновенно. Потом возникла глыба, которую ты видишь перед собой. Огонь не может расплавить ее. От нее нельзя избавиться молитвой. Даже твоей магической силе не справиться с ней! Имя лерками будет считаться позорным во всем морском царстве, потому что мы обрекли нашу Даму на живую смерть.

— Возможно, нет,— возразила Харамис не слишком любезным тоном, поднимая талисман, чтобы предотвратить очередной вопль раскаяния.— Этот лед не является действительно магическим, а относится к Исчезнувшим и их науке. Сейчас я не могу освободить Голубую Даму, но со временем найду способ.

Ансебадо и все другие упали на колени в знак благодарности, но она приказала им встать, взять себя в руки и ответить на вопросы.

Харамис узнала, что все злодеи были одеты в серебристо-черные плащи Звездной Гильдии. Ни один из них не был старше тридцати лет, все были разного телосложения, и у всех, кроме рыжеволосой женщины, были седые или грязно-белые волосы. Каждый член Гильдии был вооружен древним оружием. Одно оружие заставляло закипать кровь, другое извергало смертоносные молнии, третье вызывало смертельные судороги, а четвертое, отличавшееся от других большими размерами и сложностью, сковало льдом Голубую Даму.

— Преступники оставались здесь несколько дней,— продолжил Ансебадо,— и постоянно расспрашивали нас о том, где именно здесь, на дне, жили раньше Исчезнувшие. Потом причалила еще одна лодка с двумя мужчи-

нами. Один из них был молодым и ничем не отличался от других, за исключением громкой и грубой речи, но второй был не похож на остальных. Он был значительно старше, и верхнюю часть его головы, оставляя затылок открытым, укрывал шлем из серебряной кожи, украшенный множеством звездных лучей. Его длинные волосы были бледными, как платина его Звезды.

Харамис невольно вскрикнула. Казалось, ее саму сковал лед. Этого не могло быть. Не должно быть.

— Он был... высоким? — с трудом вымолвила она.

— Выше других, которые относились к нему с почтением и называли учителем. Он появился в этой пещере, вошел в портал Голубой Дамы и исчез. Через несколько часов он появился снова. Все сели в лодки и уплыли отсюда.

— О Владыка Воздуха, — прошептала Харамис. Непослушной рукой в перчатке она достала из кармана платья портрет в золотой рамке и с трудом заставила себя задать вопрос:

— Его называли учителем?

Маленький абориген прищурился, разглядывая портрет, потом ответил:

— Его лицо было частично закрыто шлемом, но это был он. У него были такие глаза, как у тебя, Белая Дама.

Боль, родившаяся в сердце, растекалась по всему телу Великой Волшебницы Земли. Это была боль ликования с примесью страха. Она заговорила дрожащим от переполнявших ее чувств голосом:

— После пленения Голубой Дамы лерками посещали развалины подводных городов Исчезнувших по приказу Людей Звезды?

— Нет, — ответил Ансебадо. — Но мы слышали, что другие племена вынудили так поступить. Они собрали там какие-то странные предметы, глубоко почитаемые Людьми Звезды, но не знали, как и мы, что это за предметы.

Но Харамис знала.

— Я приду к вам еще раз, Ансебадо. Прикажи племени следить за Голубой Дамой. Если кто-нибудь появит-

ся из волшебного портала, немедленно вызови меня, даже если ради этого придется расстаться с жизнью. Теперь прощай.

Она сжала талисман и приказала ему перенести ее к Кадии.

Глава 5

Королева Анигель опустила взгляд на лежавшее на тарелке жареное филе рыбы гарсу с гарниром из заливных клубней доруна и отложила нож с вилок.

— Должна признаться, рассказ Хары о бедной Голубой Даме лишил меня аппетита. У меня сердце разрывается от осознания того, что мы не в силах вызволить ее из чар адского заклинания.

— Если Ириана заморожена, она не испытывает страдания, — резонно заметила Кадия. — Чем ты ей поможешь, если станешь чахнуть от голода?

— Ты очень практична, — со вздохом заметила Анигель, — но бессердечна.

— Чепуха, — возразила Дама Священных Очей, накладывая в тарелку солидную порцию салата из сурепки и поливая ее густым сырным соусом. — Следует сочувствовать другим, но не подвергая опасности собственное здоровье, особенно если от него зависит исполнение государственных обязанностей. Ты согласна, Хара?

Великая Волшебница кивнула:

— Талисман отказывается подтверждать мои подозрения, но я полагаю, что пленение Ирианы является лишь началом времени больших испытаний для всех нас. Возвращение Звездной Гильдии и возможность того, что Орогастус собирает оружие Исчезнувших, представляют смертельную опасность для мира и равновесия. Возможно, нам еще раз придется соединить усилия, и, если это произойдет, нам понадобятся все физические и умственные силы. А у тебя, любимая сестра, есть и важные личные обязательства.

Королева Анигель выслушала замечания, не сказав ни слова, но с явным неудовольствием стала есть.

Тройняшки обедали в Цитадели Рувенды, сидя за главным столом во главе с королевой, а остальные придворные расположились на нижних ярусах освещенного факелами огромного зала. Присутствовали не все, не было короля Антара и его военных советников, а из-за их отсутствия не хватало ощущения праздника. Менее часа назад магия Харамис перенесла ее и Кадия в Цитадель, где они сообщили королевскому двору Лабровенды не только о несчастье, постигшем Великую Волшебницу Моря, но и об очевидном возрождении Звездной Гильдии под предводительством Орогастуса.

Последняя новость вызвала фурор, так как оставался всего один день до отъезда королевского двора в Лабронок. Король Антар, лорд-маршал Даканило и генерал Горкаин уединились, чтобы в последний раз пересмотреть планы по усилению безопасности каравана, а королева с сестрами остались размышлять, что могут предзнаменовать последние события

— Сейчас,— заметила Великая Волшебница,— только Владыки Воздуха могут знать, в чем состоят долгосрочные планы Орогастуса, но можно не сомневаться, что они связаны с завоеванием мира, как физической силой, так и черной магией.

Анигель добавила немного кристаллического меда в чай дарси и размешала его с мрачным видом.

— Трудно поверить, что этому порочному человеку вновь удалось избежать смерти. Кто мог предвидеть такую возможность? Хара, как мог твой талисман сказать о его судьбе неправду?

Неприятный ответ произнесла Кадия:

— Талисман говорил правду, только Великая Волшебница неправильно поняла его слова.

Харамис приняла обвинения и печально кивнула. Она достала портрет Орогастуса и положила перед сестрами на стол.

— Талисман не подчинился, когда я попросила вызвать образ его мертвого лица. Только когда я выразила при-

каз другими словами, опустив слово «мертвое», он создал этот образ, с которого я изготовила портрет.

— Проклятый колдун! — с яростью закричала Дама Священных Очей.— Может быть, он уже нашел Звездный Сундук и связал Трехглавое Чудовище Ани с собой.

— Нет,— твердо возразила Харамис.— Мой талисман показывает, что этого не произошло. Короной и Сундуком владеет другой человек, но Диск отказывается говорить мне, кто именно.

Кадия взяла столовый нож и точным движением отрезала ножку лежавшего на блюде сочного жареного тогара.

— Ставлю платину против косточек пларра, Орогастус попытается отыскать этого застенчивого кудесника и сделать его своим союзником.

— Вероятно, ты права, Кади,— сказала Анигель.— Именно поэтому тебе следует последовать совету Хары и передать ей свой потерявший силу талисман на хранение, чтобы ни один злодей не захватил его.

— Никогда! — воскликнула Кадия с набитым ртом.— Даже если Три Луны упадут с небес!

— О, Кади! — в раздражении произнесла королева.— Ты знаешь, что так надо поступить ради безопасности.

— И ты можешь так говорить,— пробормотала Дама Священных Очей, взмахивая объединенной косточкой,— после того, как сама отдала свой талисман Орогастусу в качестве выкупа...

— Чтобы сохранить жизнь моему мужу королю! — воскликнула обиженная до глубины души Анигель.— По-твоему, я должна была оставить его умирать в плену?

— Ты не дала мне и Харе времени спасти его,— возразила Кадия,— а выполнила условия похитителей неприлично торопливо, открыв им путь для захвата королевства.

Королева заплакала, очень тихо, чтобы этого не заметили придворные.

— Ты права. Я виновата, но не меньше тебя самой. Твой Трехвекий Горящий Глаз неминуемо будет украден

этим неизвестным волшебником или самим Орогастусом. Моя глупость и твое тщеславие могут погубить всех нас.

— Как не стыдно, Кади,— сказала Великая Волшебница, заключив королеву в объятия. Ты забыла, что Ани ждет ребенка и не должна волноваться?

— Она вынослива, как тягловая скотина, рожающая теленка каждый год, несмотря на хрупкий вид,— грубо ответила Кадия.— И не надейтесь убедить меня отдать талисман своей сентиментальной болтовней.

Анигель перестала плакать, выпрямилась, вытерла слезы салфеткой и пожала плечами.

— Попробовать стоило,— сказала она спокойно.

— Клянусь Цветком! — воскликнула Великая Волшебница, огорченная искусным обманом королевы не менее, чем непреклонностью Кадии.— Вы обе сведете меня с ума.

— Нет, дорогая Хара,— возразила совершенно серьезно Анигель.— Мы скорее сделаем все, что потребуется, чтобы помочь тебе победить Людей Звезды и восстановить равновесие мира, чего бы нам это ни стоило.— Она посмотрела на вторую сестру стальным взглядом.— Правда, Кади?

— Какой кошмар! — воскликнула Дама Священных Очей и раздраженно бросила кость на тарелку.— Полагаю, пора сдаваться. Ты получишь Горящий Глаз, Хара. Пусть даже пострадает моя гордость и будет поколеблена вера в меня.

— Все к лучшему,— успокоила ее Великая Волшебница с явным облегчением.

— Могу я оставить талисман у себя, пока мы не расстанемся?

— Конечно. В стенах Цитадели ему ничего не угрожает. Я абсолютно уверена, что здесь нет виадукров, через которые Орогастус или его агенты могли бы проникнуть сюда и украсть Горящий Глаз.

— Эти трижды проклятые дыры! — воскликнула Кадия.

Харамис отодвинула тарелку и приборы, положила перед собой большую чистую салфетку и прикоснулась к ней своим талисманом. Появился легкий запах подпаленно-

го льна, и салфетка превратилась в подробнейшую карту мира-континента.

— Виадук не является магическими по природе, просто кажутся такими нам, ничего не знающим об их создании. Покажи порталы виадуков.

— Так много? — удивленно воскликнула Анигель, когда на карте появились многочисленные красные точки.

— А теперь,— продолжила Великая Волшебница,— когда Орогастус украл у Ирианы книгу, объясняющую их работу, они стали доступны для самого колдуна и членов его Гильдии.

— Злодеи способны выпрыгивать из них,— сказала Кадия,— как зиклу из муравейника, и могут прятаться в них, спасаясь от преследования. Харе пока не удалось разрушить виадук или закрыть их при помощи магии.

— Скорее всего, Исчезнувшие использовали эти проходы для путешествий по миру,— объяснила Белая Дама.— Для обычных людей входы в виадук остаются невидимыми. Но если человек знает более или менее точно, где расположен портал, достаточно лишь произнести команду «Виадук, включись»— и он станет видимым и пригодным для использования. Некоторые виадук были разрушены во время великого конфликта между Исчезнувшими и Звездной Гильдией, но те, что показаны на карте, остались. В прошлом они использовались лишь древними Великими Волшебниками и синдонами для перемещения из Края Знаний.

— Может быть, Ани,— сказала Кадия, ткнув пальцем в одну из точек,— тебе будет интересно узнать, что этот виадук открывается прямо во внутренний двор зимнего дворца в Лаборноке! Именно через него Ириана и синдоны пробрались в крепость в решающий момент битвы при Дероргуиле.

— Святой Цветок! — воскликнула королева.— Никак нельзя избавиться от этих гнусных туннелей?

— Мой талисман говорит, что можно,— ответила Харамис.— Тем не менее он произносит инструкции на архаичном научном языке, и я пока не смогла понять их

смысл. Я займусь вопросом уничтожения виадуков более серьезно, когда вернусь в Башню, а пока нам следует завалить их. Виадуки, расположенные в самых важных местах, должны быть закрыты прочными решетками или засыпаны кучами земли; кроме того, рядом с ними должна быть выставлена вооруженная охрана.

Анигель внимательно изучала карту.

— В Гиблой Топи не так много порталов,— сказала она, но один из них расположен недалеко от Королевской дороги. Я подумала... путь в северную столицу в начале Сезона дождей будет долгим и трудным. Если, по вашим словам, есть виадук, ведущий прямо во внутренний двор Зотопаниона...

— Даже не думай об этом! — в ужасе воскликнула Харамис.— Только человек, познавший науку Исчезнувших, смеет использовать виадуки. Иногда их маршрут остается неизменным, и путешественник не может контролировать пункт назначения. Иногда, если произнести особое заклинание перед входом, виадук доставляет путника к указанному пункту. Но если заклинание произнесено неправильно, путник рискует оказаться под вечным Покровом или даже на дне моря.

Она указала на карту, и сестры увидели, что некоторые красные точки действительно находились в опасных местах.

— Проклятье,— разочарованно прошептала королева.

Ее волосы были стянуты золотыми лентами, настолько темными, что они казались коричневыми. Одета она была в свободное шелковое платье такого же цвета, отделанное мехом воррама и украшенное ожерельем из янтаря Триллиума. Не было заметно, что она уже на четвертом месяце беременности.

— Я с удовольствием переместилась бы по виадуку отсюда в Дероргуилу, вместо того чтобы трястись под дождем.

— Я могу перенести тебя, Антара и детей,— предложила несколько неохотно Харамис,— правда, перемещение других напрягает мои магические силы до предела.

Королева покачала головой:

— Я просто пошутила, Хара. Я не посмела бы даже подумать о том, чтобы изнурять тебя. Нет, мы должны отправиться в Лаборнок с другими придворными, как положено по этикету.

— Я дам вам копии карты,— сказала Харамис.— Ани, ты должна распорядиться, чтобы у виадуков, расположенных в критических местах на территории Лаборнока и Рувенды, была выставлена охрана из солдат, предпочтительно с помощниками-аборигенами. Я прикажу племенам Кади наблюдать за порталами в глухих местах: в Гиблой Топи, Охоганских горах, Тассалейском лесу. Если появятся Люди Звезды, аборигены подадут сигнал речью без слов.

— Что будем делать с виадуками в других странах? — спросила королева.

— Я уже послала им предупреждение,— ответила Харамис.— Люди в каждой цивилизованной стране будут следить за появлением странных людей со звездами.

— Эти мерзавцы не способны на волшебство без своих медальонов,— объяснила Кадия Анигель.— К сожалению, этого не скажешь об их владении оружием Исчезнувших, которое не только является магическим, но сделано с использованием древней науки, как и виадуки. Причем приобрести его можно даже сейчас, если обратиться к определенным торговцам.

— Как мы будем защищаться от Людей Звезды, вооруженных столь грозным оружием? — спросила явно встревоженная королева.

— У нас есть своя магия,— сказала Великая Волшебница.— И если Триун пожелает, скоро мы заручимся поддержкой всех наций под Тремя Лунами в борьбе против малочисленных сил сторонников Звезды. Вместе с предупреждением я послала просьбу выслать в Дероргуилу на быстроходных кораблях специальных послов. Делегации должны прибыть одновременно с появлением на равнинах королевской свиты. Мы проведем тайное совещание по совместной обороне через сорок дней.

— Я с радостью помогу тебе и моему супругу в объединении наций,— сказала королева Анигель.— Полагаю, Кади поступит так же со своими аборигенами.

— Не сразу,— сказала Дама Священных Очей,— потому что мне поручено более важное задание. Лишь одна страна уклонилась от участия в предложенном Харой союзе, это — Саборния.

Королева недовольно поморщилась:

— Мне следовало догадаться. Оперенные Варвары так боятся заговоров со стороны Галанара, Имлита или республики Окамис, что противятся заключению любого договора, который может повлиять на их хваленую независимость. Император Саборнии Деномбо по-своему честный человек, но слишком импульсивный и недальновидный, его не волнуют другие нации, у него достаточно проблем со своими воинственными племенами. Кади, ты попытаешься его уговорить?

— Да, и пусть Цветок защитит меня. Хара приказала сделать это, и я охотно подчиняюсь.

— У нее будет еще одно задание,— совсем тихо сказала Великая Волшебница, хотя музыканты заиграли увертюру к вечернему представлению и подслушать ее было практически невозможно.— Я уже говорила, что наблюдала за молодым Человеком Звезды в горах над Зинорой. У него были седельные сумки, сделанные явно саборнианцами. Это может быть ничего не значащим совпадением... или оказаться ключом к разгадке.

— Ты имеешь в виду расположение штаба Звездной Гильдии! — Глаза королевы Анигель, голубые, как небо в Сухой Сезон, возбужденно заблестели.— Что-нибудь еще указывает на то, что он находится в Саборнии?

— Нет,— призналась Харамис,— потому что мой талисман бессилен обнаружить членов Гильдии, овладевших в полной мере магией Звезды. Только удача, или благожелательность Владык Воздуха, позволила мне обнаружить и рассмотреть этого молодого человека, посеявшего смуту среди скритеков. Он был новичком, не постигшим в полной мере защиту Звезды, которого послали выполнить

не слишком важное задание, в то время как его товарищи, возможно, занимались более важными делами.

Они замолчали, пока пажи убирали со столов блюда, приносили пирожные и свежие фрукты и наполняли графины вином. Затрубили охотничьи рога, и на сцене, под аплодисменты, появилась труппа тузамен-акробатов.

— Каким образом, — спросила королева едва слышным в безумном шуме голосом, — Кади надеется разыскать Гильдию в Саборнии, если это бессильна сделать даже твоя магия?

— Глазами, — коротко ответила Кадия, — но не Трех-веким Горящим, а теми двумя, которыми Бог наделил мою голову. Где бы ни скрывались Люди Звезды, пусть даже в глухой стране Оперенных Варваров, мерзавцы нуждаются в пище и ночлеге. И если они не влачат жалкое существование кочевников, значит, у них есть постоянное жилище достаточного размера, пища, чистая одежда, выючные и верховые животные, на которых они передвигаются, когда не носятся взад и вперед по волшебным виадукам, и слуги, которые поддерживают все, что я перечислила, в порядке. Они не могут оставаться невидимыми постоянно, потому что для этого требуются слишком большие усилия. Я найду их, если они скрываются в Саборнии. Если нет, буду искать в других местах, как прикажет Хара.

— Люди Звезды узнают о том, что ты их ищешь, — прямо сказала Анигель. — Они обнаружат тебя с помощью магии и выследят.

— Ты забыла, — сказала Кадия, делая вид, что с улыбкой наблюдает за представлением, — как мы, совсем молодыми принцессами, спаслись от Орогастуса, его Голосов и даже от самого короля Волтрика? Никому из этих негодяев не удалось отыскать нас при помощи магии, потому что мы были защищены тогда... и защищены сейчас.

Она достала из-под лесной кожаной куртки золотую цепь с янтарным кулоном с окаменелым Черным Триллиумом внутри. Только три талисмана Скипетра Власти способны противостоять магии Цветка.

— Да,— королева облегченно вздохнула,— конечно. Боюсь, я стала относиться к его магии как к чему-то само собой разумеющемуся.

Она коснулась пальцами лифа платья, под которым был спрятан ее амулет.

Харамис улыбнулась. Ее Триллиум в янтаре был заключен в крылья Диска, висевшего на груди.

— Кади будет защищена от тех, кто попытается причинить ей зло при помощи магии. Янтарь обладает и другими способностями, но эта, вероятно, наиболее ценна для нас.

— Люди Звезды и их последователи могут узнать меня,— признала Кадия,— как я могу узнать их по Звездам. Я постараюсь хорошо изменить свой внешний вид и внешний вид моих попутчиков. Возможно, я смогу даже стать невидимой, если мне удастся уговорить янтарь подчиниться моим приказам!

— Ты непременно вызовешь подозрения, если возьмешь с собой в Саборнию жителей моря,— предупредила Анигель.— Говорят, что аборигены тех мест слишком сильно отличаются от жителей Полуострова.

— Я возьму с собой Ягуна, потому что мне необходим его совет и его способность общаться на больших расстояниях речью без слов, чтобы я всегда могла связаться с Харамис. Остальными моими попутчиками будут люди... Ани, я прошу, чтобы меня сопровождали шесть наиболее доблестных добровольцев из числа твоих Почетных Кавалеров. Вайвило доставят нас по большому Мутару до Вара и моря. В варской столице у меня есть друзья, которые предоставят нам корабль и все необходимое для похода в Саборнию.

Акробаты закончили свое эффектное выступление, и королева, как того требовали приличия, захлопала в ладоши.

— Мне кажется, ты все предусмотрела. Конечно, я найду тебе шестерых храбрых рыцарей, и даже больше, если ты хочешь.

— Я хочу путешествовать быстро и налегке. Шестерых будет вполне достаточно.

— Тем не менее предприятие нельзя считать безопасным,— заметила Харамис.— Как ты уже говорила, если Орогастус завладеет рабочим талисманом, даже Триллиум в янтаре не сможет помешать ему наблюдать за нами и подслушивать всех нас. Он легко сможет тебя обнаружить при помощи талисмана, Кади. Не знаю, сможет ли он убить тебя, пока ты носишь янтарь, но ты мало чем поможешь нашему делу, если окажешься внутри глыбы голубого льда, как бедняжка Ириана.

Кадия улыбнулась Великой Волшебнице:

— Ты должна позаботиться о том, чтобы этого не произошло. Держи меня под наблюдением и сообщай об опасности, если сможешь. Я найду гнездо Людей Звезды и выкурю их оттуда, как ночных певунов из улья.

— Ты будешь действовать только по оговоренному плану! — предупредила ее Великая Волшебница.— Ты не должна самостоятельно нападать на Орогастуса или его Гильдию!

Кадия насмешливо поклонилась:

— Конечно нет, Белая Дама.

— Прости меня за резкость,— извинилась Харамис.— Но ради всех богов, Кади, пообещай воздержаться от необдуманных действий.

— Ты должна быть крайне осторожна,— добавила Анигель.— Я чувствую себя виноватой, моя задача значительно легче и безопасней, чем ваши. Милая Кади, я отправилась бы с тобой, вместе со всеми Почетными Кавалерами, если бы носила одного ребенка, а не тройню.

— Тройню? — воскликнули пораженные Кадия и Харамис.

— Имму совсем недавно удостоверилась в этом,— сказала королева, имея в виду маленькую ниссомку, которая была повивальной бабкой их несчастной матери, королевы Каланте, а затем нянькой и доброй подругой трех сестер.

— Может ли твоя беременность быть очередным предзнаменованием? — задумчиво спросила Харамис.— Станут ли твои дети заложниками великой и ужасной судьбы, как и мы трое?

Анигель положила ладонь на руку Великой Волшебницы, чтобы успокоить ее.

— Скорее всего, их появление вполне естественно. Как бы то ни было, Имму говорит, что все мои еще не родившие дети — мальчики, так что Лепесткам Животворящего Триллиума не стоит опасаться узурпаторов.

— Идиотка! — рассмеялась Кадия и повернулась на стуле, чтобы обнять и поцеловать Анигель. — Да благословит Цветок тебя и твоих сыновей. Представляю, как рад Антар.

— Очень, — ответила Анигель, — как и старшие дети. Только Толивара, как мне кажется, не радует перспектива. Двенадцать лет — не простой возраст, мальчик находится на пороге зрелости, его раздражают непонятные чувства. Бедного Толо всегда преследовали неуверенность в себе и зависть к старшим — брату и сестре, а теперь он возмущен предстоящим рождением младенцев. Но уверена, он горячо полюбит их, когда они появятся на свет.

Харамис и Кадия обменялись взглядами над головой сестры. Принц Толивар всего за несколько лет превратился из капризного ребенка в скрытного и завистливого мальчика. Он обижался на то, что находился в зависимом положении по отношению к кронпринцу Никалону, который в пятнадцать лет был не только выше ростом, но и пользовался популярностью у придворных и простолюдинов. Принцесса Джениль была на год младше Ники, отличалась острым умом и постоянно подшучивала над младшим братом, которому, по ее мнению, не хватало твердости характера. Толо, в свою очередь, ненавидел ее всем сердцем.

Уже много лет Кадия пыталась относиться с особой добротой к считавшему себя несчастным молодому принцу, но боялась, что он посчитает ее отношение жалостью. Толивар, казалось, не испытывал особой любви к своим прославленным теткам и лишь вежливо, но холодно поздравлялся с ними перед обедом.

Кадия рассматривала юношу, который сидел с остальными членами королевской семьи и знатными молоды-

ми вельможами за столом, стоявшим недалеко от стола королевы.

Кронпринц Никалон и принцесса Джениль бросали вместе со всеми монеты уходившим со сцены акробатам, а Толивар сидел, положив локти на стол, с непроницаемым лицом.

Его прозвали Скрытным, и Кадия считала, что кличка точно соответствовала характеру.

— Толо следует поручить какую-нибудь важную работу,— сказала она.— Ани, ты не думала о том, что пора оторвать его от подола? Пусть он покинет двор на время, чтобы не сравнивать себя постоянно с Ники и не чувствовать униженным Джениль.

— Он всегда был моим любимым ребенком,— призналась Анигель.— Когда он вернулся ко мне четыре года назад, я старалась находиться ближе к нему, в надежде, что моей любви будет достаточно для поддержания в нем чувства самоуважения. Возможно, ты права. Новорожденные потребуют неотрывного внимания к себе, и Толо может почувствовать себя хуже, чем когда-либо.

— Пусть мальчик сопровождает меня,— вдруг предложила Кадия.— Пусть не до самой Саборнии, хотя бы на первом этапе путешествия. Ягун и я так нагрузим его работой, что у него не останется времени дуться или жалеть себя.

— Он еще так молод,— с сомнением в голосе произнесла Анигель.— У него так мало сил.

— Он пережил захват пиратами и заточение Орогастусом,— с легкой издевкой возразила Кадия.— Он достаточно крепок, несмотря на хрупкое телосложение. Не защищай его излишне, Ани. Мы не должны лишать детей шанса преодолевать трудности. Только так самые застенчивые и капризные из них становятся героями.

— Что я испытала на собственном примере,— с улыбкой согласилась королева.— А ты что думаешь, Хара?

— Идея не лишена здравого смысла,— ответила Великая Волшебница,— при условии, что мальчик будет находиться под присмотром. Он считает своим другом ста-

рого конюха Ралабуна? Старик отличается если не умом, то ответственностью. Быть может, он будет сопровождать Толо?

— Скажем об этом мальчику сами,— предложила Кадия.— Я не буду брать его с собой против воли.

— Хорошо,— неохотно согласилась королева.— Но если он согласится, ты должна обещать мне отослать его домой, прежде чем вы покинете Полуостров.

— Он сможет сесть на быстроходный энджийский корабль на Лаборнок в Мутавари,— сказала Кадия,— и при попутном ветре оказаться в Дероргуиле почти одновременно с королевским двором. Может быть, поговорим с мальчиком прямо сейчас?

— Почему бы и нет.— Королева взмахом руки подзвала пажа и приказала ему позвать к королевскому столу принца Толиvara.

Глава 6

Толо сжал губы, когда ему сообщили о том, что его вызывает мать.

— Что еще ты натворил? — поинтересовалась принцесса Джениль.— Набил слишком много повозок ящиками со своими драгоценными книгами?

— Возможно,— добавил кронпринц Никалон,— он взял так много книг, что не осталось места для обуви и белья.

Все сидящие за столом молодые люди засмеялись. Толо покраснел и опустил голову, чтобы скрыть ярость, потом последовал за пажем к королевскому столу и низко поклонился.

— Чем я могу служить, великая королева и мать? — спросил он.

Сейчас его лицо уже ничего не выражало. Это был худой юноша со светлыми волосами и бледной кожей, словно он проводил большую часть времени в заточении.

— У тети Кадии есть к тебе предложение,— сказала Анигель.

Дама Священных Очей объяснила ему некоторые детали предстоящего путешествия, не скрывая, что оно будет опасным, так как им предстояло спуститься вниз по Мутару в период разлива, а вернуться домой Толо предстояло от Вара по морю, которое в это время года почти всегда штормило.

К удивлению Анигель, апатичность слетела с принца Толивар, как панцирь с вылезающего из земли жука наз.

— Да, тетя Кадия, возьмите меня с Ралабуном с собой! — воскликнул он радостно. — Я обещаю слушаться вас во всем, никогда не жаловаться, не уклоняться от работы и не сердить вас.

— Значит, договорились, — сказала Дама Священных Очей, похлопав мальчика по плечу.

— Я надеюсь только на то, что вы позволите мне помочь вам в борьбе с Людьми Звезды, — энергично заявил Толивар.

Сестры рассмеялись.

— Ты очень храбр, но слишком молод, — сказала Великая Волшебница.

— Мир должен быть спасен от Орогастуса, — тихо произнес принц. — Я лично испытал на себе его зло и вероломство. Если надо, я отдам свою жизнь, чтобы уничтожить его.

— Будет достаточно, если ты будешь верно служить своей тете, — сказала королева. — Более важные проблемы предоставь решать взрослым и мудрым.

— Конечно, мама.

Принц вел себя крайне послушно и уважительно. Он поклонился и поспешил удалиться из зала, чтобы, как он сказал, поскорее сообщить Ралабуну приятные новости.

— Бедный Толо, — сказала Анигель, провожая сына сочувственным взглядом. — На него так повлияло время, проведенное в плену у Орогастуса. Он все еще чувствует вину за то, что поверил лживым обещаниям колдуна сделать его своим наследником и учеником.

— Он был слишком молод, чтобы понимать важность своих поступков, — тихо заметила Великая Волшебница.

Королева покачала головой:

— Ему было уже восемь лет, и он был способен отличить добро от зла. Он снова и снова умолял меня и Антара простить его за то, что он отрекся от нас, и мы искренне пытались его успокоить. Он оставался безутешен. Кадии... будь добра к нему. Попытайся успокоить его мятежный дух.

— Сделаю все, что смогу,— пообещала Дама Священных Очей,— но боюсь, что исцеление Толо зависит только от времени и от того, попытается ли он сам искупить свою вину.

— В наше полное опасностей время,— сказала со вздохом Харамис,— каждому из нас представится возможность совершить героический поступок, даже юному принцу. Молитесь о том, чтобы оказаться способными на это, сестры. Молитесь сердцами и душами, потому что я не могу избавиться от ощущения, что новая беда настигнет нас очень скоро.

Только после полуночи он рискнул открыть свой железный ящик, который не позволил унести слега до самого отправления каравана. Он достал мешок, развернул Трехглавое Чудовище и поднял перед собой дрожащими руками. Серебряная корона засверкала в свете стоявшей на тумбочки свечи, и вырезанные на ней ужасные лица словно ожили.

Смеет ли он? Будет ли сопутствовать ему успех?

Блестящая возможность, на которую он и надеяться не смел, возникла словно по волшебству, но удача не могла продлиться долго. Она водрузил корону на голову, сделал глубокий вдох и постарался говорить не запинаясь.

— Трехглавое Чудовище,— прошептал он,— ты принадлежишь мне! Отвечай. Если я получу Трехвекий Горящий Глаз тети Кадии и положу его в Звездный Сундук, будет ли Глаз связан со мной?

Некоторое время ничего не происходило, потом таинственный голос внутри его головы ответил:

Если ты последовательно нажмешь на драгоценные камни внутри Сундука, Глаз будет принадлежать только те-

бе и убьет любого, кто посмеет прикоснуться к нему без твоего разрешения.

— Глаз будет повиноваться моим приказам?

Будет, если команды будут уместными.

Толивар едва не закричал от восторга.

— Ты можешь сделать меня невидимым, чтобы я пробрался в комнату тети?

Вопрос неуместен.

Принц едва не разрыдался от огорчения. Нет! Только не сейчас!

— Сделай меня невидимым!

Просьба неуместна.

Иногда талисман повиновался ему беспрекословно, особенно если он задавал простые вопросы или просил показать что-нибудь или кого-нибудь, расположенных далеко, но часто он отвечал таким, сводящим с ума, отказом. Его попытки заняться колдовством, которые он предпринимал в хижине на болоте или в другом тайном месте на развалинах Дероргуилы, всегда были робкими и не всегда заканчивались успехом. У Толиvara были все основания опасаться своего талисмана. Иногда, по неизвестным причинам, магические силы обрушивались на того, кто их вызвал. Так случилось с Орогастусом, когда Толивар был его заложником. Впрочем, колдун не сильно пострадал.

Толивар не мог упустить такую счастливую возможность, несмотря на опасность.

— Я не поддамся малодушию, — произнес Толивар про себя. — В конце концов, Чудовище сделало меня невидимым, когда я впервые воспользовался им.

Он закрыл глаза, заставил себя дышать медленно, чтобы успокоиться, и снова заговорил с талисманом, тщательно подбирая слова:

— Объясни, как я могу стать невидимым.

Мысленно представь состояние и прикажи перейти в него.

Неужели так просто? Работа талисмана управлялась мыслями, а не словами? Было ли это ключом к успешному овладению колдовством? Мальчик никогда прежде

над этим не задумывался. Неужели он применял мысленное представление непреднамеренно, когда команды выполнялись?

Пусть будет так! Пожалуйста, пусть будет так!

Не открывая глаз, Толивар представил, как он сидит на кровати в своей комнате с короной на голове, потом представил, что тело его исчезает, рассеивается словно дым. Он не произнес ни слова, пока воображаемая спальня не опустела.

— Талисман,— произнес он нараспев,— сделай меня невидимым.

Он подождал несколько мгновений и открыл глаза, потом поднес к ним руку.

И не увидел ничего, кроме мебели.

Он подбежал к висевшему над умывальником маленькому зеркалу. В нем ничего не отражалось! Талисман подчинился ему.

Он сел на стул и стянул сапоги, которые мгновенно стали видимыми, стоило выпустить их из рук, потом на цыпочках подкрался к двери и замер, пораженный мыслью, вызванной ставшими видимыми сапогами. Станет ли Горящий Глаз невидимым, когда он возьмет его в руки? А если нет и тетя Кадия проснется и увидит, как он улетает по воздуху, и схватится за кинжал? Если так произойдет, он сам будет ранен или даже убит, пусть и невидимый.

Он проверил догадку, подняв с умывальника серебряный кувшин, и застонал от отчаяния. О ужас! Кувшин оставался видимым, он словно парил в воздухе. Потом он взял себя в руки и представил, как кувшин исчезает. На этот раз он отдал команду мысленно, не произнеся ни слова.

«Талисман, сделай кувшин невидимым».

Принц открыл глаза. Пальцы по-прежнему ощущали гладкую поверхность ручки, мышцы руки чувствовали вес. Осторожно он поставил невидимый кувшин на умывальник. Раздался звон, он моментально отдернул руку, потом дотронулся пальцем до невидимого сосуда. Он был на месте.

Принц почувствовал, что едва сдерживает смех. У него получилось! Даже слова оказались не нужными. Для магии были важны только мысли.

— Это — правда? — Спросил он.

И голос внутри него ответил:

— Да.

Он заставил кувшин стать видимым, потом вышел в коридор и направился к комнате тети Кадии.

Она оставила его, как обычно, рядом с кроватью, но когда проснулась утром, Трехвекий Горящий Глаз исчез, остались только ножны. Ягун поклялся, что никто не входил в комнату, потому что он спал у дверей. Слеги и стражники Цитадели не заметили ничего необычного. Тем не менее Горящий Глаз, несомненно, был украден.

Более того, Трехкрылый Диск Харамис отказался показать, где находится магический меч и кто его украл.

— Это может означать, — сказала Белая Дама своим потрясенным сестрам, — только одно — талисман связан с другим владельцем и наделен силой. Нет смысла обыскивать Цитадель Рувенды. Она слишком обширна, с множеством тайников. Кроме того, вор, несомненно, сбежал со своей добычей. Поиски будут не просто тщетными, они возвестят всем о пропаже второго талисмана, что вселит уныние в души людей. Только мы трое и Ягун должны знать об этом.

— Теперь нас ждет поражение, — сказала королева глухим от отчаяния голосом. — Все это время один из моих придворных владел Звездным Сундуком и моей похищенной короной, а теперь ему принадлежит и Горящий Глаз! Подлец находится на пути к Орогастусу, если уже не встретился с ним. Положение безнадежное.

— Не говори глупостей, Ани! — резко возразила Кадия. — Мы продолжим борьбу, как продолжили ее, когда два талисмана находились в руках самого колдуна и положение действительно казалось безнадежным. Мы победили тогда, если на то будет воля Триуна, победим и на этот раз.

Кадия, принц Толивар, Ралабун, Ягун и шестеро доблестных Почетных Кавалеров королевы отправились в путешествие в далекую Саборнию. Принцу разрешили взять с собой железный ящик, в котором, по его словам, лежали наиболее ценные книги.

Риморики в легких лодках перевезут их через озеро Вум, потом они должны будут пройти пороги Тасс и спуститься по Мутару через Тассалейский лес к городу Лет племени вайвило. Оттуда им предстояло на торговом судне аборигенов добраться до королевства Вар и Южного моря.

Караван с королевой Анигель, королем Антаром и придворными отправился в долгий путь к северной столице, который должен был занять не менее тридцати дней. Влажный Сезон вступил в свои права, и нескончаемый дождь поливал бесконечный караван карет, повозок, всадников и пеших, как небесный водопад.

Несмотря на неприветливую погоду, за медленным продвижением каравана по болоту наблюдало множество невидимых глаз.

Глава 7

Прошло всего десять дней, как двор покинул Цитадель, а королеве Анигель до смерти надоело ехать в громяющей карете с Имму и четырьмя придворными дамами. Новая Королевская дорога, построенная всего год назад, оправдывала свое название как чудо света. Она была не менее прочной, чем любая дорога, проложенная по сухой местности, даже несмотря на непрекращающиеся дожди, и королева не видела причин, почему бы ей не проехаться верхом вдоль каравана, осмотреть окрестности, поболтать с друзьями, узнать, чем занимаются ее дети, король Антар и другие представители знати.

Женщины были шокированы ее смелостью и попытались отговорить, но королева твердо отвергла их возра-

жения. В конце концов, это была *ее* дорога. Почти шесть лет она наблюдала за ее строительством, выделяла средства из скудного бюджета, договаривалась с мятежными глисмаками, решала другие проблемы с аборигенами, а также непрестанно поддерживала уверенность строителей, утверждавших, что некоторые участки построить просто невозможно.

Анигель опустила боковое стекло и крикнула проезжавшему мимо пажу:

— Вызови главного конюха.

Она улыбнулась встревоженным дамам:

— Я отказываюсь путешествовать в душной карете, как инвалид, только потому, что беременна. Моим неродившимся детям не повредит прокатиться в седле под ласковым рувендианским дождем.

— Но беременным королевам не подобает так поступать! — воскликнула леди Белиниил. Она была представительницей древнего лаборнокского рода и не упускала возможности высказать неодобрение по поводу слишком беспечного, по ее мнению, поведения рувендиан.

К удивлению Анигель, в поддержку придворной дамы выступила старая ниссомка Имму:

— Эта дорога — совсем не центральная улица Дероргуилы, моя королева. Она проходит по самым опасным местам Полуострова, а в воздухе пахнет отродьем скри-теков. Умоляю, оставайтесь в карете.

— Чепуха, — ответила королева. — Я чувствую только запах ила, прелой листвы, следов безобидных фрониалов и еще чьих-то приторных духов, от которых у меня болит голова.

Она крикнула в окно вызванному ею вельможе средних лет:

— Лорд Карагил, умоляю, прикажите привести моего фрониала и вызовите моих Почетных Кавалеров. Остаток дня я проеду верхом.

— Как неразумно, — проворчала Имму. — Не стоит рисковать, если рядом отродье.

Главный конюх тоже не был в восторге от решения королевы.

— Ваша няня говорит правду о скритеках, моя королева. Разведчики обнаружили свежие следы. Обычно ужасные отпрыски топильщиков не заходят так далеко на восток, но...

— Повинуйся мне,— сказала королева ласково, но твердо.— Если мои Почетные Кавалеры не могут защитить меня от отпрысков скритеков, им пора сменить мечи на иглы для вышивания. Сначала я отправлюсь к моему супругу, который едет впереди.

— Упрямица! — снова проворчала Имму на правах давней слуги королевской фамилии.— Даже если рядом нет скритеков, неприлично беременной знатной даме скакать галопом среди солдат и погонщиков.

— Тем не менее,— беспечно заявила Анигель,— именно так я и поступлю.

— Никто из вас не желает быть рядом с королевой? — обратилась Имму к придворным дамам.

Знатные дамы, однако, продолжали отговаривать королеву и явно не желали скакать верхом.

— Тогда я поеду с ней,— сказала Имму.

Анигель с сомнением посмотрела на ниссомку.

— Если ты настаиваешь, можешь сесть у меня за спиной, но смею заверить, тебе будет там неудобно из-за маленького роста.

Лорд Карагил вдруг просиял улыбкой.

— Кажется, я придумал, как можно все устроить,— сказал он и пришпорил своего фрониала.

Вернулся он с двумя конюхами, один из которых вел под уздцы белого фрониала в богатой королевской сбруе, а второй — небольшого жеребенка с импровизированным седлом и сбруей для Имму.

Довольная Анигель надела плащ и сапоги. В сопровождении двадцати Почетных Кавалеров и Имму, покорно следовавшей на длинноногом жеребенке, королева проскакала вдоль каравана к головному отряду. У одного из новых мостов через вздувшийся приток реки Виркар она нашла короля Антара и его главнокомандующего генерала Горкаина. Они о чем-то говорили с двумя аборигена-

ми в форме Двух Тронов. Лорд-маршал Лаканило и несколько вельмож сидели на своих фронталах чуть поодаль, дожидаясь окончания разговора. На них были только легкие шлемы и кирасы под плащами, как и на Почетных Кавалерах, короле и генерале. Отряд хорошо вооруженных стражников и рыцарь в полных доспехах спустились к берегу реки и собирались сесть на плот, управляемый двумя людьми и проводником-ниссомом.

Король Антар любезно поприветствовал королеву и всех вновь прибывших и показал Анигель карту, которую он изучал вместе с генералом.

— Один из этих дьявольских виадуков, о которых говорила Харамис, находится примерно в шести лигах отсюда вниз по течению, — сообщил он Анигель. — Солдаты под командованием сэра Олевика добровольно вызвались охранять его, пока караван не пройдет опасное место. Они спустятся к виадуку на плоту.

— Но что смогут сделать наши храбрецы, — спросила королева едва слышно, — если злодеи появятся из-за этой магической двери? Солдаты не умеют сражаться с колдунами, а времени надежно забаррикадировать портал у нас нет.

— Нет, моя королева, — признал генерал Горкаин. — На самом деле сэр Олевик со своим отрядом надеется лишь задержать их на какое-то время и дорого продать свои жизни, чтобы проводник-оддлинг смог предупредить нас вовремя.

— Они — настоящие храбрецы, — пробормотала Анигель.

— Вероятность столь быстрой атаки Людей Звезды невелика, — попытался успокоить ее Антар. — Кроме того, Орогастус вряд ли отважится напасть на такую большую и хорошо вооруженную колонну. Мы просто принимаем меры предосторожности.

— В течение двадцати дней, — сказал один из разведчиков, — наше племя, обитающее в этом районе Гиблой Топи, надежно закроет виадук, как приказала Белая Дама и Дама Священных Очей. Мы завалим его камнями и землей и выставим охрану.

— Людям Звезды будет трудно выйти из него незамеченными,— продолжил второй разведчик.— Им придется прибегнуть к магическим силам, чтобы выбраться на поверхность. Мы заметим это и предупредим всех речью без слов.

Анигель посмотрела на карту:

— Следует благодарить судьбу за то, что рядом с дорогой больше нет виадуков почти до самых гор.

Под одобрительные крики Почетных Кавалеров плот с сэром Оливеком и солдатами отчалил от берега.

— Да благословит вас Цветок,— крикнула Анигель и сделала в воздухе знак Триллиума.— Возвращайтесь целыми и невредимыми.

Солдаты на плоту, потрясая оружием, ответили восторженными криками. Затем плот обогнул излучину и скрылся за густыми деревьями.

Передовые всадники двинулись дальше, за ними последовали Антар и Анигель в окружении рыцарей, чуть позади королевы ехала на жеребенке Имму. За ними, почти на две лиги, растянулся караван: волумниалы тянули тяжело груженные фургоны с багажом двора, продуктами и другими припасами, в каретах ехали вельможи, придворные и министры, в повозках попроще — слуги, рыцари ехали верхом и около тысячи слуг сопровождали караван пешим порядком. С обеих сторон шли колонной по два солдаты, и их пение доносилось по пропитанному влагой воздуху до передового отряда.

Королева с гордостью рассматривала дорогу. Существовавшая с незапамятных времен тропа, проходимая только в Сухой Сезон (и только для знавших местность и обладателей секретных карт торговцев), превратилась в мощеную дорогу. Ее полотно, сооруженное из дробленого камня и массивных бревен из Тассалейского леса, возвышалось на три элса над болотом и было вымощено булыжником. Броды сменили деревянные мосты, за исключением только переправы через слишком широкий Виркар на границе области Дилекс, где был предусмотрен паром. Охраняемые постоянные дворы, расположенные на рассто-

янии дня пути друг от друга, являлись безопасным местом отдыха для небольших групп путешественников или купеческих караванов. Огромный королевский караван волей-неволей должен был останавливаться на ночь на самой дороге, только королевская семья и престарелые и дряхлые вельможи уходили на ночь под крыши постоянных дворов.

Средний участок дороги, по которому шел караван, был самым узким и самым сложным для строительства. Протянувшийся почти на двести лиг от замка Бонор до дилекского города Вирк, он проходил по дикой местности, не заселенной людьми. Дорогу окаймляли взмывающие ввысь деревья, густые заросли колючих кустарников, переплетающиеся лианы и практически непроходимая растительность. Ветви деревьев смыкались над головой, и королеве Анигель иногда казалось, что они едут по зеленому туннелю, занавешенному туманом дождя.

Передовой отряд остановился в полдень, чтобы перекусить, и тут на короткое время выглянуло желанное солнце, и дорога почти мгновенно начала парить. Когда всадники вновь сели в седла, вернулись грозные облака и поднялся ветер. Анигель тем не менее задремала в седле, а послушные фронилы все шли вперед, покачивая рогатыми головами, пощелкивая суставами ног и цокая плоскими копытами по заросшим мхом камням. Небо над головой становилось все более гнетущим, но проливной дождь почему-то не начинался.

Королева очнулась от тошнотворного запаха, принесенного порывом ветра. Никто не удивился, когда генерал Горкаин проскакал сквозь строй рыцарей и сообщил королю и королеве неприятные новости:

— Разведчики сообщили, что обнаружили на дороге обглоданные кости раффина, а на камнях — следы скритекского отродья. Мы остановимся здесь, чтобы сократить разрыв между передовым отрядом и основным караваном. Лорд-маршал и Почетные Кавалеры обеспечат защиту ваших величеств, а пешие солдаты пойдут в авангарде вместе с нами, пока опасность не минует. Я послал за кронпринцем Никалоном и принцессой Джениль.

Сейчас небезопасно скакать взад и вперед вдоль каравана с их молодыми друзьями.

— Хорошо,— сказал Антар.— Можешь продолжать.

Генерал прикоснулся к козырьку шлема ладонью и развернул фрониала. Не успел он тронуться с места, как со стороны головы колонны донеслись крики рыцарей:

— Отродье! Отродье на дороге!

Горкаин выругался и прищипорил фрониала, доставая из ножен двуручный меч.

Дюжина Почетных Кавалеров под командованием маршала Лаканило окружили короля, королеву и Имму, взяв копыта наперевес, а остальные рыцари последовали за генералом.

Невыносимое зловоние, казалось, наполнило воздух. Тишину нарушали только цокот копыт, скрип сбруи и шум начавшегося дождя.

— Смотри! — прошептала Имму, указывая на низину справа от дороги, наполовину закрытую зарослями лишенного колючек папоротника высотой в два человеческих роста.

Из покрытых пеной вод поднимались блестящие белые существа, некоторые из которых были размером с человека, некоторые — значительно меньше. Они напоминали мерзких жирных червей или личинок, лишенных выраженных голов, но с похожими на обрубки конечностями, вооруженными острыми как бритва когтями. Подходя к узкой обочине дороги, они раскрывали похожие на пасти передние окончания, усеянные сочащимися ядом зелеными зубами. Слепые чудовища раскачивались из стороны в сторону в поисках добычи, которую они выслеживали при помощи тонкого слуха.

На мгновение всадники замерли в ужасе. Один молодой рыцарь воскликнул:

— Клянусь камнями Зото, что за мерзкие твари, как гигантские трупные опарыши!

Услышав его голос, детеныши скритеков, извиваясь, поползли по насыпи к дороге.

Длинный меч короля Антара с мелодичным звоном выскользнул из ножен.

— За мной, Почетные Кавалеры!

Король послал своего фрониала по крутому склону, за ним последовали рыцари во главе с лордом-маршалом. Одним ударом Антар разрубил ближайшего червя пополам. Червь развалился, забрызгав короля отвратительной желеобразной слизью. Кавалеры пронзили других кровожадных скритеков копьями и предали их мечу, крича от ярости и отвращения, когда на них попадала брызжащая из тел червей зловонная жидкость.

Фрониал Лаканило упал на топкую землю, визжа в агонии — его передние ноги попали в ядовитые челюсти. Почетные Кавалеры бросились на помощь лорду-маршалу и оттащили его в безопасное место, а потом зарубили червя и предали быстрой смерти бившуюся в агонии антилопу.

Скоро все личинки были убиты или в страхе сбежали, оставив Антара и рыцарей облитыми с головы до ног зловонной слизью. Победные крики с дороги возвестили о том, что еще один выводок незрелых скритеков был уничтожен Горкаином и его солдатами.

— Молодцы,— не удержалась от похвалы Анигель.

Король, морщась от отвращения, осмотрел свою заляпанную слизью одежду.

— Только Триун знает, как мы очистимся от этой мерзости, если, конечно, не прыгнем в болото, чтобы замочить слизь на ил.

Словно вняв его мольбам, прогремел гром и начался проливной дождь. Антар снял шлем, засмеялся и подставил лицо под струи.

— Благодарю вас, милосердные Владыки Воздуха! К тому времени, когда подойдет караван, возможно, у нас будет вид, достойный цивилизованного общества.

— Пожалуй, вам следует вернуться в карету, моя королева,— предложил лорд-маршал Лаканило. Это был высокий худой человек, который держал себя с достоинством, несмотря на испачканную одежду. Он был назначен на должность после героической смерти лорда-маршала Ованона в битве при Дероргуиле.

Анигель покачала головой:

— Клянусь небесами, нет, Лако. Из-за этой вони мои дамы непременно закроют лица пропитанными духами ву-алями. Честно говоря, я предпочитаю запах этих чудовищ.

С группой молодых вельмож подскакали кронпринц Никалон и принцесса Джениль и шумно поприветствовали родителей и Почетных Кавалеров.

— Фу! — воскликнула принцесса, закрывая нос ладонью. — Здесь этот запах еще сильнее... Ой! — Она увидела зарубленных чудовищ.

— Они уже мертвы, миледи, — успокоил ее лорд-маршал. — Боятся нечего.

Принц Никалон обнажил свой меч и стал горящими глазами рассматривать поверженных монстров.

— Ты уверен, Лако? Быть может, стоит произвести разведку болота? Я готов!

В свои пятнадцать лет он был похож на взрослого мужчину, носил шлем, нагрудник и военный плащ.

— Готов, готов, готов! — насмешливо произнесла Имму. — Родители и Почетные Кавалеры могут чувствовать себя в безопасности, раз приехал такой герой.

— Имму, — простонал принц.

Рыцари засмеялись, но совсем без злобы, так как все хорошо относились к импульсивному Ники.

— Нет необходимости покидать дорогу, — сказал Антар. — Это даже глупо, учитывая тот факт, что вода продолжает подниматься.

— Жаль, что мне не удалось принять участие в бою. Я никогда не видел детенышей скритеков.

Юноша вложил меч в ножны и принялся расспрашивать рыцарей о бое, а лорд-маршал послал за новым фрониалом.

Джениль подъехала ближе к родителям и няне и облегченно вздохнула, узнав, что единственной жертвой был фрониал.

— Какие ужасные твари эти детеныши! Правда, что они убивают матерей при рождении?

— Чаше убивают, чем нет, — ответила Имму. — Взрослый скритек обладает разумом, по крайней мере так считается, а их детеныши прожорливы и безмозглы. Если мать

достаточно проворна, она успевает отскочить после выхода детенышей из матки, и черви начинают пожирать приготовленное ею мясо. Чаше детеныши пробуждаются до рождения и прогрызают себе путь на волю в стенке материнского тела.

— Какая гадость! — воскликнула Джениль. Ее лицо под капюшоном побелело, и она с радостью покинула бы вызывающее тошноту место, если бы не спокойное поведение королевы Анигель. — Неудивительно, что скритекам неведомо чувство любви или доброты.

— Тем не менее, — со странным воодушевлением произнес принц Никалон, присоединившись к сестре и родителям, — скритеки — старейшая раса в мире, и легенды гласят, что все племена являются их потомками, даже ты, Имму!

— А я думала, что самой древней расой являются люди, — сказала принцесса.

— Мы не являемся коренными жителями этого мира, — сказала королева. — Ваша тетя Великая Волшебница Харамис определила, что люди пришли сюда из Внешних Небес бесчисленное число миллиардов лет назад. Нашими предками были Исчезнувшие.

— Что еще более удивительно, — добавил очень тихо король Антар, — Исчезнувшие использовали кровь скритеков и людей, чтобы вывести новую расу, способную противостать Покоряющему Льду.

— Но почему? — Принцесса, в отличие от своего брата, никогда не слышала эту историю, потому что Великая Волшебница посчитала, что лучше было сохранить ее в тайне, посвятив в нее только королевскую семью и самых близких и проверенных ее людей.

— Древние люди чувствовали вину за то, что оставили мир, разрушенный в основном из-за развязанных ими же войн, — сказал Антар. — Понимаешь, Джан, Исчезнувшие считали, что непреднамеренно созданный ими двенадцать раз по сто лет назад лед поглотит весь мир, за исключением кромок континента и некоторых островов. Они считали, что скритеки неминуемо погибнут и мир останется без разумных существ. Но этого не случилось.

Льду не удалось покорить весь мир, и скритеки стали жить здесь с вновь созданной выносливой расой. И с некоторыми упрямыми людьми, которые остались здесь, а не исчезли во Внешних Небесах.

— Аборигены, которых мы называем виспи,— продолжила королева,— горные жители, которые помогли вашей тете Харамис завладеть талисманом и стали ее особым племенем, появились в результате древнего эксперимента. Они могут считаться первой расой, соединившей в себе кровь скритеков и людей. Конечно, дети у них рождаются, как у людей, как и у остальных аборигенов.

— Но виспи так красивы,— сказала Джан,— а остальные аборигены так...— Она замолчала, поняв, что нельзя говорить подобное в присутствии старой няни-ниссомки.— О, прости меня Имму, я не хотела обидеть тебя.

— Я не обиделась, милая,— спокойно ответила Имму.— Ниссому и уйзгу считают виспи непривлекательными. Ты называешь их красивыми только потому, что они похожи на тебя.

— А как появились другие племена? — спросила Джениль.

— Некоторые из них были созданы новым вливанием крови скритеков,— спокойно объяснила королева.

Принцесса поняла, какой ужас подразумевается под этими словами, и на время замолчала.

— На протяжении многих веков,— добавила Имму,— свежая человеческая кровь участвовала в расовом смешении. В древние времена люди спаривались с аборигенами. Только последние шесть сотен лет люди стали называть нас оддлингами, настаивая на том, что мы являемся низшими существами. В других человеческих королевствах сохраняется пренебрежительное отношение к нам. Только в Лабровенде аборигены признаны разумными существами, а некоторые из нас даже получили право называться гражданами.

— Я позабочусь о том, чтобы люди Рэктама поступили так же,— прямо заявила принцесса Джениль,— когда выйду замуж за Ледавардиса и стану королевой.

— Джан! — сердито воскликнула Анигель. — Я же запретила тебе говорить об этом в присутствии отца.

— О чем ты? — Антар гневно посмотрел на дочь. — Только не говори, что ей все еще нравится король-карлик.

— Ледавардис Рэктамский — храбрый мужчина, — возразила Джениль, — и на карлика похож не больше, чем Ники. Пусть он некрасив телом, но зато благороден сердцем.

— Только ты так думаешь! — прошипел сквозь зубы король, и его светлая борода ошетибилась. — Я же считаю рэктамцев порочными пиратами и не позволю, чтобы моя дочь стала женой их уродливого короля! Неужели ты забыла, что Рэктам и Тузамен стали союзниками презренного Орогастуса и развязали войну против нас?

— Ледо сражался и сдался в плен с честью, — не слavalась Джениль. — Кроме того, он приказал своим подданным отказаться от древних обычаев и вести себя цивилизованно.

— Цивилизованно! — Антар презрительно рассмеялся. — Все осталось неизменным в пиратском королевстве, просто сейчас корсары-рэктамцы совершают преступления тайком, а раньше вели себя нагло, как гадюки Виборна. Ты никогда не станешь женой Ледавардуса.

Принцесса расплакалась.

— Тебя не интересует мое счастье, отец. Ты отвергаешь Ледо только потому, что надеешься выдать меня за этого коварного хвастуна короля Зиноры Йондримела. Ты не заставишь меня принять его. Пусть женится на одной из дочерей королевы Джири.

— Джан, любимая моя, — поспешила вмешаться королева Анигель. — Умоляю тебя, перестань. Здесь не место для таких споров. Давай подождем до следующего постоянного двора...

Ее слова заглушил колоссальный раскат грома. Задрожала, как во время землетрясения, дорога, и всех ослепила молния. Полил чудовищной силы дождь. Закричали рыцари, которые отъехали от королевской семьи, чтобы не мешать разговору. Фрониалы испугались шума, и король

Антар, забыв о своем гневе, бросился к жеребцу дочери, который чуть было не свалился с дороги в бурлящую воду.

Принц Никалон пытался успокоить фрониала матери. Белый зверь королевы пытался встать на дыбы, бил копытами по мокрым булыжникам и мотал рогатой головой. Королева смогла удержаться в седле только потому, что Ники успел взять фрониала под уздцы. В нескольких элсах от них молодой фрониал Имму, дрожа, лежал на животе на левой обочине дороги, а маленькая ниссомка тщетно пыталась поднять его на ноги. Потом вдруг жеребец Джениль вырвался из рук Антара и, едва не растоптав Имму с ее фрониалом, помчался к главной колонне.

— Почетные Кавалеры! — закричала королева. — За принцессой! — Она повернулась к сыну. — Спаси Имму! Кромка дороги рядом с ней вот-вот обрушится!

Принц Никалон вскочил в седло и поскакал по залитой дождем дороге. Наклонившись в седле, он подхватил маленькую ниссомку, и в следующий момент ее жеребец свалился с дороги и без звука исчез в пенистой мутной воде.

— Оставь мне Имму, — крикнула королева, — а потом помоги отцу и сестре!

Анигель не могла понять, почему Почетные Кавалеры не пришли на помощь. Рыцарей едва было видно из-за плотной стены дождя и опускавшейся на дорогу темноты, но она слышала их голоса, даже несмотря на раскаты грома и какой-то странный звук. Посадив Имму за спину и увидев, что принц уже почти подскакал к догнавшему Джениль Антару, она пришпорила фрониала, чтобы подскочить к рыцарям. Но белый зверь вдруг остановился, сделав всего несколько прыжков.

— Мой Бог! Дорога! — закричала Анигель.

Между королевой и ее рыцарями зияла крутая пропасть больше пяти элсов в ширину. Казалось, молния разорвала дорогу на части. Вода, сдерживаемая на одной стороне дороги, устремилась в пропасть, увлекая за собой поваленные деревья и камни. Не успела Анигель оправиться от шока, очередная молния ослепила ее и Королевская дорога

задрожала от громового раската, заставив фрониала королевы закачаться.

— Держись крепче, Имму,— крикнула Анигель и потянула поводья вправо, чтобы фрониал, завизжав от боли, заходил кругами. Ей удалось успокоить животное и повернуть его к королю и детям.

Фрониал снова замер как вкопанный. Анигель вскрикнула, увидев другую пропасть, чуть уже первой, но расширявшуюся с каждой секундой, по мере того как вода размывала основание дороги.

Королева и Имму оказались на маленьком островке мощеной дороги посреди бушующей стихии.

— Ани! — взревел король.

— Мама! — закричали Никалон и Анигель.

Им, словно насмехаясь, ответили раскаты грома. Почетные Кавалеры замерли беспомощно на одном краю пропасти. В этот момент к королю подбежали несколько стражников и подъехали повозки. Один сообразительный парень бросился к королю с веревкой. Отец и сын спешили, чтобы попытаться перекинуть ее через пропасть.

Анигель и Имму тоже слезли с фрониала и присели на краю становившегося все более узким островка. Дважды веревка падала в воду, но на третий раз Имму удалось поймать ее, ниссомка победно завизжала и едва не свалилась в бушующий поток.

— Сюда! — крикнула она Анигель.— Обвяжись вокруг пояса!

Анигель попыталась, но в этот момент вода окончательно подмыла основание дороги и камни раздвинулись под ее ногами. Королева запуталась в длинном плаще и упала в быстро наполнявшуюся водой яму. Бросив веревку, Имму подползла к Анигель и попыталась ей помочь. Королева и няня пытались вскарабкаться вверх по предательскому скользкому склону, а Антар все бросал и бросал веревку через расширявшуюся пропасть.

Веревка не долетала до королевы, и скоро вода должна была смыть островок окончательно.

— Твой янтарный Триллиум! — крикнула Имму, пытаясь перекричать гром. — Прикажи ему спасти нас!

Они обняли друг друга, и Анигель сжала в одной руке амулет, другой прижимая к себе Имму. Белый фронтал бил копытами и хрипел от ужаса, но скоро островок исчез и его унесло течением.

Третий чудовищный раскат грома совпал со вспышкой молнии. В воздух взлетели камни, щепки, комья земли. Королева почти не слышала отчаянных криков уже потерявших надежду спасателей.

Королева Анигель чувствовала, что падает, что Имму вырвало из ее объятий, ощущала странно безболезненные удары веток, потом ее стала медленно поглощать тьма, вода заполнила нос и рот и заглушила ее молитвы Черному Триллиуму.

Потом она перестала чувствовать.

Глава 8

Виадук на горе Бром был расположен в пещере Черного Льда.

Много веков назад он обеспечивал Исчезнувшим доступ к их таинственному складу глубоко в Охоганских горах. И теперь, как и предполагала Харамис, виадук позволил Орогастусу проникнуть в ее башню. Благодаря своему магическому Трехкрылому Диску она смогла увидеть, как он появился из ниоткуда через лишенный плотности диск, который исчез с громким колокольным звоном, как только колдун вышел из него. Он был в полном серебряно-черном костюме Магистра Гильдии, включая латные перчатки и внушающий ужас головной убор с лучами, закрывающий верхнюю часть лица.

Он остановился в центре вымощенного обсидианом пола и поднял взгляд на устремленный ввысь гранитный купол с прожилками кварца, на бесчисленные ниши, отсеки и комнатки. Особое освещение из невидимых источников заставляло ледяные включения в трещинах блестеть подобно полированному ониксу.

Колдун направился к выходу, словно задумавшись о чем-то, возможно о времени, когда пещера Черного Льда и ее чудесное содержимое принадлежали ему. Все двери в ниши и отсеки были открыты. Остались лишь бесполезные для его миссии безделушки. Отсеки, в которых хранилось древнее оружие, предназначенное для устрашения и причинения вреда, были пусты.

— Значит, ты уничтожила их, да? — спросил он пусто-ту, зная, что она наблюдает за ним сквозь талисман. — И сохранила самое смертоносное оружие для себя! Ты никогда не задумывалась о том, что две части Скипетра Власти не будут обладать силой для своей самой важной, самой ужасной цели, если рядом с ними не будет Трехкрылого Диска?

Харамис промолчала. Она задумывалась об этом, думала даже о том, чтобы бросить Круг в один из действующих вулканов на островах Огненного Пояса, когда стало очевидным, что два других талисмана оказались в руках неизвестного человека. Кроме того, начальная цель Триединого Скипетра, достижение которой не удалось двенадцать тысяч лет назад, не переставала интриговать ее. Она не смогла заставить себя расстаться с талисманом.

Орогастус подошел к массивной деревянной двери, покрытой инеем, и снова обратился к ней:

— Ты позволишь мне войти в башню, Белая Дама? В конце концов, она — моя, пусть даже ты владела ею последние шестнадцать лет.

Харамис сделала так, чтобы дверь бесшумно распахнулась. Она позволит ему увидеть ее в последний раз, а потом сделает то, что нужно было сделать.

Колдун поклонился и вошел в длинный коридор, который сам пробурил в скале при помощи одного из древних устройств. Он не мог удержаться от воспоминаний. Здесь, в недрах горы Бром, он провел свой самый неудачный период жизни, связанный с королем Лабернока Волтриком, здесь он обучал своих первых последователей. Зеленый, Синий и Красный Голоса (да даруют им Темные Силы вечные наслаждения!) не только верой и правдой служили ему до самой смерти, но и помогли уси-

лить его дар чудесного предвидения... как и три их менее достойных последователя. Теперь, благодаря Темному Человеку и, конечно, Нерении Дарал, он не нуждался в помощи других людей для использования в полной мере магических сил Звезды.

К сожалению, одной Звезды было недостаточно для достижения конечной цели. Для этого ему был нужен Триединый Скипетр. Двумя частями он мог завладеть сравнительно легко, но третья принадлежала Харамис, и было практически невозможно получить ее силой или принуждением.

Была еще одна возможность, и он пришел сюда сегодня, чтобы выяснить, насколько она осуществима.

Дойдя до конца туннеля, он оказался у нижних ступеней лестницы башни. Орогастус остановился на каменных плитах у главного входа и впитывал в себя ауру своего прежнего дома. Она отличалась от той, что он помнил, — слишком сильна была примесь враждебных чар Черного Триллиума. Теперь эта башня полностью принадлежала Харамис. Он вдруг ощутил приступ страха. Сможет ли Звезда обеспечить его защиту?

На самом деле колдун не знал этого, но все равно пришел сюда.

Кладовые по обе стороны от входа были пустыми, опустели и конюшни, в которых он держал своих любимых фрониалов. Он заглянул в небольшую комнату, в которой находился механизм моста через бездну, и очень удивился, увидев, что устройство, за которым он так старательно ухаживал, было ржавым и грязным. Никто не пользовался больше его поражающим воображение мостом. Белая Дама прибегала к сверхъестественным возможностям для путешествий, а ее слуги, аборигены виспи, летали куда хотели на гигантских птицах, гнездившихся на соседних скалах.

Тишину в башне нарушал лишь едва слышный сквозь толстые стены свист ночного ветра. Ничто не выдавало ее присутствия, но он знал, что она ждет его, и знал, где ее найти. Поднимаясь по винтовой лестнице, Орогастус думал о том, испытывала ли она от предстоящей встре-

чи чувства, подобные тем, что терзали его. Он находил-ся здесь с ее молчаливого согласия. Она с легкостью могла уничтожить виадук, соединявший пещеру с башней, превратив его в тупик, но не сделала этого.

В последний раз, когда он делил с ней кров башни, она была почти еще ребенком, получившим талисман, обладавший неведомой ей силой, безрассудной и поддающейся мольбам зрелого мужчины. Он мог околдовать ее так же легко, как новорожденного древесного варта.

И сам поддался ее колдовским чарам.

Он подошел к библиотеке, где они обменялись первым и последним поцелуем, и открыл дверь. Библиотека была его любимым местом, его святилищем, заполненным самыми редкими и самыми ценными книгами в мире. Высокие окна были задернуты тяжелыми шторами, чтобы ночной холод не проникал в комнату. Два кресла с высокими спинками, обитые ярко-красной камчатой тканью, были придвинуты ближе к приветливому теплу камина. Между ними стоял стол-тумба с кувшином белого вина, двумя низкими хрустальными бокалами, ограненными в стиле ви-спи, и блюдом с печеньем.

Харамис встала с одного из кресел, похожая на темный силуэт на фоне оранжевого пламени. Потом шагнула вперед, чтобы причудливые библиотечные лампы Исчезнувших осветили ее лицо, и он почувствовал, что у него перехватило дыхание. Ее черные волосы спадали локонами до талии. Она была одета в белое платье, манжеты и подол которого были отделаны белым мехом, перетянутое лазурным поясом, украшенным лунным камнем. Сорочка под платьем была из «шалли» зеленовато-голубого цвета с вышивкой в виде крошечных Черных Триллиумов по вороту. На цепи висел Трехкрылый Диск.

— Приветствую тебя, Магистр Звезды,— сказала Харамис.— Ты, как я вижу, в полном боевом одеянии. Как жаль! Я надеялась, что мы заключим перемирие, чтобы обсудить проблемы.

Это было ложью, одной из немногих, к которым прибегала Харамис, став Великой Волшебницей Земли, про-

изнесена она была умышленно, чтобы спровоцировать его на действия, за которыми последует...

Он ничего не ответил, но демонстративно снял латные перчатки и бросил их на застланный ковром пол. Потом он снял головной убор и плащ, и они последовали за перчатками. Сбросив и странный кольчужный жилет с полированными кожаными вставками, он остался в простой тунике из неотбеленной шерсти и темных штанах, заправленных в высокие сапоги. На ремне висела сумка с чем-то тяжелым.

— Приветствую тебя, Великая Волшебница Земли.— Его голос, не искаженный талисманом, был по-прежнему сладкозвучным и вкрадчивым. Лицо выглядело более старым, чем на портрете, изрезанным глубокими морщинами на лбу и в уголках губ.— Смотри! Я сбросил одеяние колдуна и предлагаю перемирие!

— Принимаю,— ответила она, солгав во второй раз, и жестом, который можно было истолковать только как вызов, сняла с груди Трехкрылый Диск и положила его на стол.

За этим последовала напряженная тишина. Он подошел ближе и протянул руку с длинными пальцами к Дisku. Крошечные крылья мгновенно расправились, и окаймленный ими янтарь с Триллиумом предостерегающе замерцал.

— Неужели ты позволишь ему уничтожить меня? — спросил он небрежным тоном.

Она пожала плечами:

— Если ты хочешь взять мой талисман, Магистр Звезды, я разрешаю тебе это сделать. Он не причинит тебе вреда, но окажется для тебя не более полезным, чем обычная ложка или вилка. Ты сам знаешь, что он подчиняется только связанному с ним владельцу, да и то своенравен при этом.

Он засмеялся, взял со стола кувшин с вином и наполнил бокалы.

— Действительно, своенравен. Мы оба должны радоваться тому, что неизвестный владелец двух других частей испытывает не меньшие трудности.

— Значит, ты знаешь, что талисман Кадии был украден?

— Да.

— Одним из твоих агентов?

Он загадочно улыбнулся:

— Вор не является моим союзником... пока.

Она проигнорировала его слова и опустила взгляд на Звезду.

— Я сняла свой талисман. Мы не можем, по крайней мере на время, отказаться от магии и поговорить как мужчина с женщиной?

Он, следуя ее примеру, тоже опустил взгляд. Может ли он позволить себе остаться незащищенным? Он был уверен, что она не позволит себе опуститься до нарушения перемирия, кроме того, он был не менее уверен, что ее любовь к нему сохранилась.

Он снял медальон с груди и положил его на стол рядом с талисманом. Они сели в кресло, она несколько напряженно, а он принял расслабленную позу и вытянул ноги к огню.

— Итак, ты шпионил за моими сестрами,— сказала Харамис.

— Я не мог наблюдать за ними лично, потому что, как ты хорошо знаешь, они защищены янтарем Триллиума, но их компаньоны, сами того не подозревая, сообщали мне обо всем, что происходит. Кража Горящего Глаза явилось для меня досадным и загадочным событием. Нельзя не задаться вопросом, почему этот загадочный вор до сих пор не воспользовался магической силой добычи. Является ли он образцом благоразумия, который намеревается спрятать оба талисмана в надежном месте? Может быть, вор слишком не уверен в себе и опасается их использовать, зная, что даже Исчезнувшие боялись их огромной силы? Или наш коварный воришка просто осмотрителен? Проверял ли он магические приборы незаметно, чтобы приобрести опыт и уверенность в их использовании?

— Полагаю, мы узнаем это очень скоро,— грустно произнесла Харамис,— и не испытаем радости.

— Быть может, Великая Волшебница, нам следует обсудить условия союза против общей угрозы?

Она холодно улыбнулась:

— Я уже не тот глупый ребенок, которого ты пытался сделать союзником Темных Сил, Магистр Звезды.

— Я это хорошо знаю, и скоро ты поймешь, что перед тобой находится совсем не тот человек, что сражался с Лепестками Животворящего Триллиума... и ушел путем Исчезнувших.

Ее лицо на мгновение озарилось надеждой, потом Харамис отвернулась и сжала губы в неумолимой решимости.

— Я могу судить тебя только по действиям, которые свидетельствуют о том, что ты остался прежним — обаятельным, убедительным и абсолютно безжалостным в достижении своих гнусных целей.

Он откинул голову и расхохотался, его белые волосы отражали свет огня камина, как высокие облака на закате солнца. Его удивление было живым, искренним и совершенно лишенным лукавства или цинизма.

— Ты ничего не знаешь о моих намерениях, дорогая Харамис, не знаешь даже, где я находился в заточении, когда ты считала меня мертвым.— Его глаза сверкнули, когда он склонился к ней над столом.— Не хочешь выслушать мою историю?

Она кивнула, боясь заговорить, все еще не доверяя ему.

Орогастус откинулся в кресле и сделал большой глоток вина.

— Меня спасла Великая Путеводная Звезда, этот магический прибор моей Гильдии, созданный в качестве противодействия Скипетру Власти, притягивающий к себе любого носителя Звезды, пораженного магией Скипетра.

Она дважды спасала мне жизнь. В первый раз, когда о существовании Путеводной Звезды никто из нас не подозревал, я был втянут под ледяной покров и провел там двенадцать лет. Я не знаю, как был перенесен в это Царство Огня и Льда. Великая Волшебница Ириана сбежала с Путеводной Звездой, когда та сделала свое дело, а потом, со временем, передала ее тебе. Бессердечная Хара-

мис! Ты хотела заточить меня навечно в той Бездне Заточения под Краем Знаний, даже смерть была бы более милосердной.

— Я... я надеялась, что ты изменишь свой образ жизни, я не могла заставить себя уничтожить тебя, даже косвенно.— Она не поднимала глаз от сложенных на коленях рук. Она чувствовала стыд и знала, что так и должно было произойти. Он снова манипулировал ее чувствами, но на этот раз результат будет другим.

— Так случилось,— продолжил он,— что другой человек разрушил твой план. Уна забрал Путеводную Звезду из бездны, как раз перед тем, как ты и твои сестры победили меня Скипетром во второй раз. Итак, я очнулся в безопасности... внутри одной из Трех Лун.

— Клянусь Цветком! — воскликнула Харамис, внезапно все поняв.— Денби! А потом он прислал тебя сюда, чтобы ты продолжил свое дело. О, вероломный негодяй! Как Великий Волшебник может так играть с равновесием мира?

— По моему мнению, Темный Человек — дряхлый безумец, который, впрочем, многому меня научил. Ты знаешь, кем на самом деле является Великий Волшебник Небес?

— Ириана кое-что рассказала мне о его непредсказуемых манерах. Я знаю, что он очень стар и его совсем не волнуют события в мире. Тем не менее он снизошел до того, чтобы послать нам на помощь синдон, называемых Стражами Смертного Суждения, которые помогли нам победить тебя и спасти Два Трона. Почему он спас тебя...— Она покачала головой.

— Ты рада, что он так поступил? — едва слышно спросил Орогастус.

— Да... да поможет мне Бог,— ответила она, и ее слова были правдой.

— Даже сейчас,— продолжил колдун,— я ничего не знаю о мотивах поступков Темного Человека, но знаю, кто он. Он тот самый древний герой Исчезнувших, который покориł Звездную Гильдию и создал Племена. Он —

Денби Варкур, человек со смуглым лицом, которому двенадцать тысяч лет. Когда Исчезнувшие отступили перед Покоряющим льдом, он остался с группой последователей, в надежде устранить хоть часть вреда, нанесенного человечеством миру. В мастерских этой Луны были созданы виспы и их обладающие телепатическим даром птицы.

Харамис была поражена.

— Луна — полая? Он не живет на ее поверхности, подобно тому, как мы живем в этом мире?

— Все Три Луны являются наследием древней магии. Одна из них, называемая Луной Темного Человека, на которой я томился в заточении, оснащена всем необходимым для цивилизованной жизни, включая чудесные мастерские с чудодейственными инструментами, шикарные жилые помещения, в которых нет ни одной живой души. Вторая планета называется Луной Садов. Хотя мне было запрещено бывать на ней, я знаю, что она является хранилищем растений и животных, и оттуда доставляли нам пищу. Там также живут эти проклятые живые статуи, которые были помощниками для Денби и тюремщиками — для меня.

— Синдоны,— пробормотала Харамис. Она уже пришла в себя от шока, пригубила вино и съела кусочек печенья.

— Третья планета называется Мертвой Луной. Я не знаю почему. Три Луны соединены между собой и с этим миром виадуками. Два года назад мне удалось бежать по одному из таких загадочных проходов. Не буду говорить как. Странно, но Великий Волшебник Небес не предпринял попыток поймать меня, впрочем, он ведь безумец.

— Почему ты так его называешь?

— Из-за его поведения. Он разговаривает с мертвыми и бранит себя за непонятные грехи. Иногда он находится словно в трансе, не видит ничего вокруг. Все время моего заточения он был тактичным, даже внимательным, позволял мне свободно перемещаться по Луне и изучать ее странные сокровища. Но иногда, по неведомым мне причинам, он вдруг начинал выкрикивать злобные прокля-

тия, грозиться сослать меня на Мертвую Луну, говорить, что все члены Гильдии заслуживают лишь мучительной смерти. Эти приступы безумной ярости были особенно пугающими, потому что буквально за мгновение до них он был абсолютно разумным.

— Итак, тебе удалось бежать, — перебила она его. — Ты скрывался два года... где?

Но Орогастус с улыбкой покачал головой:

— Я знаю, что ты пытаешься отыскать штаб Гильдии, как и твоя сестра Кадия. К тому времени, как вам удастся это сделать, знания будут бесполезны. Звездная Гильдия была возрождена, чтобы помочь мне добиться великой цели.

Она смотрела на него с печальным лицом.

— Итак, мы подошли к самой сути дела, Магистр Звезды. В чем заключается твоя цель? Ты собираешься со своей Гильдией покорить мир во славу Темных Сил? Варварское заточение, которому ты подверг бедную Ириану, можно расценивать как предупреждение о том, что такая же участь уготована мне, если осмелюсь тебе противостоять?

Вместо ответа он налил вина в бокал и выпил.

— Ты носишь мой портрет, Харамис, — сказал он чуть позже. — Почему?

— Потому что я — дура, — ответила она, — но, несмотря на это, я полна решимости выполнить свой долг как Великая Волшебница Земли и Лепесток Животворящего Триллиума, чего бы это ни стоило. И на этот раз, если долг потребует уничтожить тебя, я не стану медлить.

Она достала из кармана платья портрет, показала его ему, потом одним быстрым движением встала, подошла к камину и швырнула в него изображение в золотой рамке.

Он склонил голову, а когда заговорил, голос его был нетвердым:

— Я люблю тебя, Харамис. Ты должна мне верить. Ты должна мне поверить также, что мои намерения относительно нашего мира не являются преступными или корыстными.

Она стояла спиной к нему и смотрела на обугливающийся портрет.

— Как мне хотелось бы тебе поверить.

— Я многое узнал, пока оставался узником Денби, о смертельно опасном дисбалансе мира, о себе, о причинах моего существования, о тебе. Ты считаешь, что твоя жизнь неразрывно связана с сестрами. Я уверяю, твое предназначение так же далеко от их ничтожных судеб, как солнце — от светящихся червей Гиблой Топи.

Он открыл сумку на ремне и достал из нее Звезду. Цепь засверкала драгоценными камнями, когда он протянул Звезду ей.

— Это — тебе.

Она повернулась, посмотрела на медальон, и ее лицо искажилось от испуга.

— Никогда!

— Вместе мы сможем сохранить мир. Любимая моя Харамис, мы с тобой владеем божественной магией. Мы похожи друг на друга, но не хотим в этом признаться. Посмотри в зеркало. Ты все поймешь по глазам. У Денби Варкура такие же глаза, они такие же у женщины, которую он любил и которая, даже после смерти, помогла мне спастись бегством. Мы — Исчезнувшие! Ты понимаешь, что это значит?

Харамис ответила лишь через несколько минут:

— Голубая Дама Моря — моя ближайшая подруга, которая обучила меня магии. Она поделилась со мной своими знаниями, поручила мне восстановить равновесие мира, тот хаос, который вызвал ты и твои преступления. Мои сестры заявили, что помогут мне, но я чувствую, что ответственность за это в первую очередь принадлежит мне. В растерянности, разрывающаяся между любовью к тебе и долгом, я отправилась к синдоне, которую называют Учительницей. Она дала мне самое главное наставление: «Любовь допустима, привязанность — нет».

Он улыбнулся и снова протянул ей Звезду на украшенной драгоценными камнями цепи.

— Интригующая загадка, оставляющая мне крупицу надежды.

Но она покачала головой и произнесла едва слышно:

— Я слышала, как Ириана повторяла этот изречение в тот ужасный момент, когда Цветок победил тебя, а Путеводная Звезда похитила из этого мира. Все эти годы, пока я считала тебя мертвым и проклятым за злодеяния, я раздумывала над изречением, пытаюсь понять его скрытый смысл. Только теперь, узнав, что ты жив, я обрела новое видение и силу, скрытую в словах Учительницы... в этом загадочном и замечательном изречении, приносящем созерцателю не утешение, а холодное удовлетворение от выполненного долга.

Она подошла к столу, взяла Звезду Нерении Дарал из его рук, бросила на пол и оттолкнула ногой.

— Ты понимаешь смысл загадки, Магистр Звезды?

Он вскочил со стула и схватил ее в объятия с чувством, граничащим с безумием.

— Я понимаю только то, что люблю тебя, а ты любишь меня.

— Да,— сказала она,— я действительно люблю тебя.

Зрачки ее глаз расширились, и в каждом появилась светящаяся точка.

— Харамис! — простонал он, глядя на нее сверкающими звездным светом глазами.

Его первое объятие было болезненным, потом руки его стали ласковыми, он обнял ее за шею, и их губы соединились.

Тишину в комнате нарушал только треск огня в огромном камине. Наконец поцелуй закончился, огонь в глазах потускнел и угас. Они снова видели реальный мир. Он глубоко вздохнул и задрожал. Она впервые произнесла его имя, склонила голову ему на грудь, а он прижался щекой к ее мягким волосам. Так они стояли неподвижно, пока Харамис не освободилась от его объятий и не отошла. Ее лицо было спокойным, могло показаться, что оно выражает легкое сожаление.

— Любовь допустима,— прошептала она,— привязанность — нет.

— Что это значит? — спросил он с тревогой в голосе.

— Это значит, что дальше не будет ничего, Орогастус. Не будет никаких клятвенных посвящений друг другу. Не будет союза с твоей Звездой, самое главное, не будет телесного поклонения, которое подразумевается привязанностью.

— Ты не можешь отрицать существование созданной нами магии! — закричал он, схватив ее за руки. — Харамис! Это только начало. Ты и я...

— Противники, — сказала она, вырвала свои руки из его рук и отвернулась. — Мы противостоям друг другу, как противостояли Исчезнувшие древней Звездной Гильдии. Я — слуга человечества и аборигенов, моим долгом является помощь и наставление посредством магии. Ты и твои последователи поклоняются Темным Силам и не испытывают угрызений совести, если для достижения своих целей приходится прибегать к преступлениям.

— Ты не понимаешь! Все изменилось. Почему ты не позволяешь мне объяснить...

— Я понимаю, как страдает погребенная заживо Ириана. Я понимаю, что ты спровоцировал скритеков на бунт, знаю, как пострадали от этого безобидные ниссо-мы. Я понимаю, что в твоём распоряжении оказалось страшное оружие, которое ты использовал для бессмысленного убийства невинных лерками. Я не сомневаюсь, что ты и твои прихвостни виновны в других преступлениях, о которых я еще не знаю. — Она повернулась к нему лицом. — Я ошибаюсь?

— Ириана будет освобождена в свое время, — ответил он. — Я сожалею о смертях жителей моря. Мои последователи принадлежат к нации, которая считает их бездушными животными, и я не всегда могу контролировать их поступки. Но я могу гарантировать, что ни один ниссом не погиб от рук топильщиков...

— Освободи Голубую Даму сейчас, — перебила она его. — Уничтожь собранное тобой оружие древних. Откажись от плана завоевать мир.

— Не могу, — ответил он, — потому что намереваюсь сохранить его! Ириана, по неведению, помешала бы осуществлению моих планов, так поступили бы и правите-

ли стран, если бы я не заставил их выполнять мои условия.

— Так поступил бы любой здравомыслящий человек! — громовым голосом произнесла Харамис и схватила свой талисман. — Я знала, что ты придешь сюда, Орогастус, знала, что ты попытаешься завоевать меня, как тебе удавалось это раньше. Решив, как должна поступить, я вырвала из своей груди сердце и обрекла душу на адские муки. Но я поклялась, что ты не покинешь эту башню, чтобы продолжить свои злодеяния. Ни за что, пока у меня есть силы предотвратить это.

Внезапно ее охватила волна дыма, чернее, чем полночь. Колдун, пораженный изменением ее отношения к нему, попятился назад, а тьма обрела форму трех огромных лепестков, вздымавшихся до самого потолка библиотеки.

Черный Триллиум.

Она появилась из центра Цветка — женщина в блестящем белом платье, собравшем в себе все цвета радуги. В правой руке она держала окруженный темной пустотой Трехкрылый Диск, от которого колдун не мог отвести глаз. Пустота расширилась, превратившись в огромное круглое окно, в лишенную лун или звезд ночь, заслонившую сияющий силуэт Великой Волшебницы. Но свет от ее тела все еще пробивался сквозь клубы дыма.

Она не произнесла ни слова, но что-то заставляло его войти в этот Диск, словно он был виадуком в вечность.

— Нет! — закричал он, не желая верить в то, что она обрекла его на смерть, когда любовь и доверие к ней сделали его незащищенным. — Харамис, ты не можешь так поступить!

Диск расширился, поглощая весь свет, за ним исчезли полки с книгами, мебель и огромный каменный камин. Он висел в клубах дыма на расстоянии вытянутой руки до судьбы, ужасной и притягательной, которая манила его войти в бесконечную ночь.

Он был испуган, испуган до смерти. Но несмотря на то что Диск неумолимо надвигался на него, обратил свои молитвы не к Темным Силам, а к ней.

— Харамис, любимая Харамис! Ты не можешь нарушить перемирие, не можешь нарушить клятву Великой Волшебницы. Ради нашей любви, позволь мне уйти!

— Я знаю, что бесчестно убивать тебя таким образом, Орогастус, знаю, что солгала тебе и нарушила клятву, но, поступая так, я смогу уберечь мир от мучений, быть может, предотвратить его разрушение. Без тебя Звездная Гильдия потерпит неудачу и исчезнет, и снова воцарится мир и равновесие.

— Моя единственная любовь, ты сама задумала это бесчестное предательство или виной всему твой вероломный талисман? Это он соблазнил тебя поставить собственную волю выше судьбы? Денби Варкур знал о таящихся в Скипетре Власти опасностях! Он возражал против решения Бины и Ирианы передать тебе и твоим сестрам этот страшный инструмент, даже разделив его на три части. Ты знаешь почему? Потому что талисман может стать хозяином своего владельца!

Харамис молчала. Огромный Диск подступал все ближе, теперь от парализованного ужасом тела колдуна его отделяла длина пальца. За ним была пустота. Исчезновение. Еще одно мгновение, и он уйдет навсегда. Она пошлет его в вечную пустоту, считая, что, растоптав собственные чувства, делает добро.

— Не верь ни себе, ни талисману! — закричал он в ужасном отчаянии. — Пусть Цветок скажет, должна ли ты так поступать! Спроси Черный Триллиум, заслуживаю ли я такой смерти! Спроси, можно ли так восстановить мир.

И тут он ослеп.

«Диск поглотил меня, — подумал он. — Я останусь во тьме навсегда, со мной будет только моя душа, постоянно напоминающая о моих преступлениях. Почему она не выслушала меня? Почему не дала объяснить...»

Он услышал ее плач.

Почувствовал тепло камина.

Ощутил запах старых книг и пергаментов.

Он открыл глаза и увидел ее лежащей на ковре у камина. Диск и цепь на ее груди превратились в обычный обруч, только кусочек янтаря сверкал как крошечное солнце.

Онемев от облегчения, он мог только стоять, едва дыша, и смотреть на нее. Потом она зашевелилась и села, разбросав полы белого плаща Великой Волшебницы.

— Как я могла? — прошептала она, скорее как ребенок, перенесший ужас, а не как раскаивающаяся взрослая женщина. — Святой Цветок, как я могла подумать о таком бесчестии хотя бы на мгновение? Ни на минуту не переставая любить тебя?

— Ответ — в твоей руке, — ответил он мрачно.

Она опустила взгляд на талисман.

— Я не верю тебе.

Тем не менее она разжала пальцы, и талисман закачался на цепи.

— Когда я был пленником Денби, — сказал он, — я многое узнал о Скипетре, о магии трех талисманов, которой тебе придется управлять. Харамис, позволь мне сказать...

— Уходи! — крикнула она хриплым от страданий голосом, и глаза ее вновь заполнились слезами. — Ты всегда был лжецом и обманщиком. А теперь я стала похожей на тебя. Ириана и Учительница ошибались. Наша любовь достойна презрения, и я вырву ее из сердца или умру!

Она попыталась подняться, но ноги не слушались ее. Он помог ей и, прежде чем она успела возразить, на мгновение коснулся своими губами ее.

— Мы встретимся еще раз, — сказал он, — когда ты обдумаешь наш разговор, когда события внесут ясность в твои мысли.

— Убейся! — закричала она, схватив Диск обеими руками и закрыв глаза, чтобы из них не потекли слезы. — Уходи!

Он собрал одежду, поднял вторую Звезду с пола, надел свой талисман и удалился.

Глава 9

Лумому-Ко — Спикер Лета, вождь племени вайвило и преданный друг Дамы Священных Очей — без труда договорился о перевозке ее самой и ее спутников на плос-

кодонном судне, принадлежавшем его двоюродному брату, выходявшем в рейс вниз по Великому Мутару. Несмотря на ее протесты, он настоял на том, что будет сопровождать ее до столицы Вар, расположенной в устье реки на южной оконечности Полуострова.

Все дни, уже проведенные в пути, Кадия была мрачной и напряженной. Великая Волшебница явилась ей в Послании, и Лумому пришлось больше часа прождать ее у носовой рубки, пока сестры о чем-то совещались. Когда наконец Кадия вышла из рубки, вайвило совсем пал духом. Ее тело было напряжено от едва сдерживаемого гнева, а на щеках были видны следы слез.

— Послание Белой Дамы сообщило мне плохие новости, — сказала она. — Я должна немедленно поговорить с Вики-Аа.

— Мой двоюродный брат стоит у руля, — сказал Лумому. — Ступай за мной, только осторожно.

Со спины вождь вайвило был похож на очень высокого мужчину крепкого сложения, но значительная примесь крови скритеков наделила его лицом, похожим на звериную морду, с грозными белыми клыками и выпуклыми золотистыми глазами с вертикальными зрачками. Шея и обратные стороны ладоней были частично покрыты чешуей, а частично — короткими рыжими волосами. Он был одет в пышный наряд, что вполне соответствовало слабости, которую питали аборигены к человеческой одежде. Плащ был сшит из мягкой темно-бордовой кожи, окаймленной по капюшону и полам золотой лентой. Под плащом он был одет в панталоны и куртку из парчи бледно-желтого цвета и безрукавку из изумрудно-зеленой шкуры милингала. Сапоги — на толстой подошве и со шпорами, хотя он никогда в жизни не садился на фрониала. Наряд дополняла усеянная драгоценными камнями перевязь и богатые ножны зинорианской работы.

Постороннему человеку женщина, следовавшая за величественным аборигеном, могла показаться обычной служанкой. Она была одета в костюм из серой шерсти и черной кожи, и только ее гордая осанка и великолепный меч говорили о том, что именно она возглавляет экспедицию.

Кадия и Лумому прошли на корму судна, осторожно обходя тюки, ящики и бочки с грузом. Палуба была скользкой от непрекращающегося дождя. Над рекой нависал густой туман, из-за которого берега не были видны, и казалось, что судно движется по реке крайне медленно. Впрочем, такое впечатление было ошибочным, потому что вода в реке достигла высшего уровня и торговое судно несло по бурной темной воде со скоростью всадника. Предполагалось, что они подойдут к устью реки и варской столице Мутавари через девять дней.

Проходя мимо освещенной фонарями кормовой надстройки, она увидела сквозь толстое пузырчатое стекло принца Толивара и его верного друга Ралабуна. Они наблюдали, как Почетные Кавалеры и не занятые на вахте матросы играли от скуки в кости. Ягун еще несколько лет назад понял, что ему трудно находить общий язык с Ралабуном, поэтому предпочитал проводить свободное время с капитаном судна Викит-Аа.

Кадия и Лумому нашли их в крошечной кормовой рубке, едва защищавшей рулевого от стихии. Вчетвером они с трудом поместились в маленьком помещении.

— Плохие новости, Провидица? — пробормотал Ягун, заметив подавленный вид Дамы.

— Случилась страшная беда, — сказала она и поведала о том, как королеву Анигель унесло потоком рядом с рекой Виркар. — Воины Антара и разведчики ниссомов, сопровождающие королевский караван, искали ее два дня. Им удалось спасти Имму, которую унесло потоком одновременно с королевой, но моя бедная сестра исчезла бесследно.

— Талисман Белой Дамы... — начал было Ягун.

Кадия покачала головой:

— Он не показывает, где находится Ани, ничего не говорит о ее состоянии, даже о том, жива она или мертва. Несомненно, здесь не обошлось без черной магии.

Ягун, Лумому и Викит-Аа опустили головы и произнесли:

— Да не оставит ее милость Триуна и Владык Воздуха.

— В связи с тем, что Королевская дорога была разрушена,— продолжила Кадия,— предположительно молнией, но скорее всего магией Людей Звезды, королевский караван вынужден был вернуться в Цитадель Рувенды. Отремонтировать дорогу станет возможно только с наступлением Сухого Сезона.

— Но поиски королевы продолжаются? — спросил Лумому.

— Конечно,— ответила Кадия.— Подошли подкрепления из замка Бонор и местных селений ниссомов. Впрочем, поиски могут оказаться бесплодными. Перед исчезновением моей сестры на охрану расположенного неподалеку виадука был послан отряд воинов. Все люди бесследно исчезли.

— Клянусь Святым Цветком! — воскликнул Ягун.— Нет сомнений в том, что они были похищены появившимися из виадука Людьми Звезды!

— Это так же очевидно, как смена фаз Трех Лун,— поморщившись, согласилась Кадия.— А всемогущая Белая Дама говорит, что она бессильна что-либо сделать. Бессильна! Она флиртowała с этим подонком Орогастусом, которому снова удалось привести ее в замешательство, а сейчас говорит, что должна обдумать последствия, прежде чем начать действовать! Пока она находится в смятении, моя бедная беременная сестра и другие люди умирают или подвергаются страшным пыткам. Я сама должна спасти их, если Харамис не хочет этого делать. Мы должны немедленно вернуться.

— Нет, Дама! — воскликнул капитан судна полным тревогой голосом.— Ты не понимаешь, как трудно...

— Я приняла решение, Викит-Аа,— перебила его Кадия.— Ты получишь достойное вознаграждение за свои потери.

— Не в этом дело,— сказал Викит.— Я с радостью пожертвую грузом, если это поможет спасти королеву. Но обратный путь к Лету, тем же маршрутом, по разлившемуся Мутару, может продлиться два десятка дней, может быть, три.

— Потом потребуется еще девять дней, — добавил Лумому-Ко, — для того чтобы добраться до замка Бонор через пороги Тасс, озеро Вум и по дороге через болото. Неужели ты надеешься спасти королеву, если даже Белой Даме это не удалось?

— Я буду искать ее, пока Покоряющий Лед не заморозит все десять адов! — твердо заявила Кадия. — Что касается способа... я получила ответ, как только исчезло Послание Великой Волшебницы. Я отправлюсь к виадуку с отрядом храбрых воинов и заставлю его открыться заклинанием, которому научила меня Белая Дама. Мы войдем в виадук, куда бы он ни вел, найдем убежище Людей Звезды, а потом и королеву и других пленников.

— Твоя царствующая сестра уже могла погибнуть, — тихо заметил Ягун.

— Анигель жива! — не согласилась Кадия. — Мы — неразлучны, мы — Лепестки Животворящего Триллиума. Я почувствовала бы, если бы она скончалась. Викита-Аа, приказываю тебе возвращаться.

— Дама Священных Очей, — сказал капитан. — Ты должны понимать, что такое судно не приспособлено для плавания против течения, причем такого сильного. Это всего лишь массивный плот с двумя надстройками, который способен выдерживать быстрое течение, удары бревен и перевозить много груза. Обычно мы продаем такие суда по стоимости леса, когда доходим до Вара и продаем груз. Обрато мы возвращаемся по мелководью на маленьких варских каноэ.

— Значит, ты должен высадить на берег меня и рыцарей в ближайшем селении, — сказала Кадия. — Я найду лодки и гребцов, которые доставят нас в Рувенду. Принц Толивар и Ралабун останутся с тобой и вернуться на судне из Мутавари, как было запланировано.

— В этих местах нет человеческих селений, — сказал Викит. — До заключения Перемирия Гиблой Топи жители Вара были настолько запуганы диким племенем глисмаков, обитающим в этих местах, что даже не помышляли использовать Мутар как торговый путь. Даже мы —

вайвило — остерегались заходить в заселенные глисмаками районы нижнего течения реки, хотя это мешало нашей торговле с варцами. Теперь купцы Мутавари с радостью приветствуют наши суда, но поселений людей на реке практически не существует из-за непредсказуемого характера глисмаков. Есть только торговые посты, в которых агенты купцов Мутавари обмениваются товарами с местными старателями и охотниками. — Он махнул рукой в сторону окутанного туманом правого берега. — Один из таких постов расположен рядом, но это опасное место и...

— Причаливай, — перебила его Кадия. — Мы придумаем, как следует поступить.

Судно причалило около полудня. Агента купца из Мутавари — коренастого бородатого мужчину, на попечении которого находились несколько унылых строений, — звали Турамалаем Йонзом. Он был одет в охотничий костюм из оленьей кожи и отличался подозрительно веселым нравом. Турамалай сердечно поприветствовал Кадия и ее спутников, когда те спустились на берег, и угостил всех национальным напитком Вара — салкой, или горьким сидром. Потом он удалился, пообещав узнать о наличии маленьких лодок с гребцами.

День был пасмурным и туманным, сквозь дырявую крышу веранды, пристроенной к убогой хижине агента, просачивались капли непрекращающегося дождя. Кадия, Лумому, Ягун, Викит и командир шести Почетных Кавалеров лорд Зондиан устроились на грубых стульях за шатким столом.

— По крайней мере, — заметил лорд Зондиан полным надежды голосом, — торговец согласился нам помочь. Не могу сказать, что мне понравился этот парень.

Рыцарь был крупным мужчиной тридцати двух лет с седеющими редкими волосами, уроженцем области Дилек на северо-востоке Рувенды.

Его младшие братья Мелпотис и Калепо остались на судне с тремя другими рыцарями.

— У этого Турмалая улыбка бандита,— мрачно заметил Ягун.— Я видел подобных ему людей на пристанях Дероргуилы и ярмарках в Тревисте. Они могут пообещать все, но не всегда выполняют обещания, особенно если получили плату заранее.

— Сомневаюсь, что в такой поганой норе найдется хорошо оснащенное судно,— пробормотал Лумому-Ко, наблюдая с тревогой за сновавшими по пристани рядом с их судном людьми.— Люди в этих местах живут бедно и не соблюдают законов. Честные купцы из Мутавари относятся к ним с презрением.

— Ты прав,— согласился Викит-Аа.— Эти речные люди относятся к вайвилу с ненавистью, потому что мы больше работаем и процветаем, по сравнению с ними. Мы останавливаемся у этих жалких постов только в случае крайней нужды. Я искренне считаю, что мы должны покинуть это гнусное место как можно быстрее и отправиться дальше.— Он постучал по носу когтистым пальцем.— У меня нос чешется, а среди вайвилу это считается верным признаком надвигающейся опасности.

— Я должна найти способ вернуться в Рувенду! — не сдавалась Кадия.— Мне не нужна королевская трирема, будет достаточно трех-четырех каноэ, которые выдержат меня с Ягуном и рыцарей...

— И меня,— добавил Лумому.— Тебе понадобится заслуживающий доверия проводник по территории глисмаков, а здесь, смею тебя уверить, ты такого не найдешь.

Викит-Аа привычным движением опрокинул в рот кружку салки.

— Путешествие будет опасным даже с твоей неоценимой помощью, дядя,— заметил он.— Быть может, нам следует продолжить путь вниз по реке до Мутавари, где вы сможете вместе с молодым принцем сесть на корабль, который идет в Лаборнок вокруг Полуострова?

— На путешествие по морю уйдет еще больше времени, чем на подъем по реке,— возразил Лумому,— из-за большего расстояния и неблагоприятных ветров в это время года.

— А потом, чтобы подойти к виадуку, нам придется проделать путь по суше от Дероргуилы до Рувенды и пересечь перевал Виспир,— добавила Кадия.— Возможно, из-за муссонов перевал уже покрыт снегом. Нет, я намерена вернуться по Мутару.

Кривобокая дверь заскрипела, и на пороге появился улыбающийся хозяин с подносом, на котором, рядом со стопкой выщербленных тарелок и кучей деревянных ложек, стоял дымящийся горшок.

— Знатные гости! — провозгласил он.— Смиренно прошу вас отведать рагу из свежего каруока. Несмотря на убогое убранство стола, уверяю вас, вы получите удовольствие от блюда, особенно в такой мрачный день.

— Ты очень любезен, Турмалай,— сказала Кадия, нахмурившись,— но мы не заказывали еду.

Бородатый агент хихикнул и принялся накрывать на стол. Он кивнул двум одетым в лохмотья юношам, и те, выйдя через заднюю дверь, понесли к судну накрытый крышкой котел и оплетенную прутьями большую бутыл с салкой.

— Я позволил себе приказать моим сыновьям отнести обед на судно. Уверяю вас, цена будет более чем скромной. Пока вы обедаете, я продолжу поиски лодок с гребцами.

— Судя по запаху,— сказал лорд Зондаин, понюхав положенную на его тарелку порцию рагу,— это можно есть. К тому же я голоден.

— Великолепно! — воскликнул агент, потирая руки.— Я принесу еще салки.

Он поспешно удалился.

Кадия без особого энтузиазма смотрела на блюдо, которое с жадностью уплетал Зондаин.

— Присоединяйтесь,— предложил Кавалер.— На вкус совсем неплохо.

Ягун поднес ложку ко рту и коснулся длинным языком пищи. Его желтые глаза на стебельках чуть не выпрыгнули из орбит. Вскочив на ноги, он опрокинул стол, и все тарелки, ложки, горшок с рагу и кружки с салкой полетели на гниющий пол веранды.

— Святой Цветок! В него добавили корень йистока! Не ешьте это!

Кадия, Лумому-Ко и Викит-Аа бросили ложки и вскочили, схватившись за оружие. Лорд Зондаин остался сидеть на стуле, уронив голову на грудь.

— Отравлен! — закричала Дама Священных Очей. — О, вероломный воррам! Лумому, помоги Зондаину, если это возможно, потом разберись с Турмалаем. Остальные за мной, к судну!

Она побежала по тропинке к реке, размахивая сверкающим стальным мечом, Ягун и капитан еле поспевали за ней. Берег между покосившимися навесами был завален кипами шкур, бревнами и вытащенными на берег лодками. Сыновья агента все еще находились на борту. Три жителя Вара в лохмотьях охраняли трап, один размахивал ржавой саблей, другие сжимали в руках длинные ножи.

— Яд! Яд! — закричала Кадия находившимся на борту матросам. — Не притрагивайтесь к еде!

Она замахнулась мечом на вооруженного саблей злодея. Он неуклюже парировал удар и попытался столкнуть ее с пирса в бурную реку. Она сделала шаг в сторону и нанесла ему удар ногой в тяжелом сапоге. Варец взвыл и потерял равновесие и тут же получил удар по затылку тяжелым эфесом меча. С громким всплеском он упал в мутную воду, и течение унесло его.

Викит-Аа уже разобрался со своим противником, пронзив его насквозь великолепным зинорианским клинком.

— Я посмотрю, что происходит на борту! — крикнул он, оскалив зубы, и побежал по палубе к кормовой надстройке, из которой доносились звуки борьбы.

Кадия развернулась, чтобы помочь Ягуну. Его противник, несмотря на кровоточащую рану на левой ноге, нанесенную Ягуном, загнал низкорослого ниссома в ловушку между двумя кипами шкур фрониалов. Хихикая от предвкушения крови, он уже занес руку, чтобы пронзить ножом горло Ягуна, но Кадия отрубила ему ее

чуть ниже локтя. Варец с криком упал, заливая трап кровью.

В этот момент человек с треском вылетел из окна кормовой надстройки. Это был один из вероломных сыновей агента. На мгновение он повис на леере, потом, получив удар окровавленным мечом рыцаря, с визгом упал в воду. Из рубки донеслись победоносные крики.

Один из Почетных Кавалеров — сэр Бафрик — показался в дверях надстройки.

— Мы разобрались с ублюдками, принцесса! — крикнул он. — Как дела у тебя?

— Ступайте в хижину, — ответила она. — Посмотрите, не нужна ли помощь Лумому.

Рыцари побежали на берег, она повернулась к раненому жителю Вара с посеревшим от боли лицом.

— Хочешь умереть или позволишь мне обработать рану? — спросила она.

— Если вы будете так добры, милостивая Дама.

Дождь прекратился, опускались сумерки. Сэр Бафрик и сэр Сайнлат бесцеремонно выволокли из надстройки залитого кровью юношу в полубессознательном состоянии и бросили его на пирс рядом с трупом. Из рубки появились принц Толивар и Ралабун, наблюдавшие за происходящим широко раскрытыми от ужаса глазами. Викит-Аа отдал несколько приказов команде и встал рядом с Ягуном, с безучастным видом наблюдая, как Кадия обрабатывает рану.

Она наложила жгут из собственного ремня, чтобы остановить кровотечение, потом перевязала руку своим почти чистым платком.

— У вас есть смола халаки? — спросила она своего пациента. — Только она годится для обработки подобных ран.

— Я не знаю, — прошептал раненый. — Агент Турмалай хранит такие лекарства под замком.

— Если смолы нет, мне придется прижечь рану, — предупредила Кадия, — иначе рана загниет и ты умрешь. Мы с капитаном поможем тебе добраться до хижины.

Они подхватили едва не терявшего сознание однорукого злодея под руки и в сопровождении Ягуна повели его к полуразвалившейся лачуге агента. Турмалай, привязанный к крепкому стулу, то выкрикивал проклятия, то рыдал. Его охраняли Лумому и сэр Эдинар. Кадия приказала двум аборигенам отвести раненого в другую комнату и позаботиться о нем. Потом она заметила стоявших на коленях у соломенного тюфяка сэра Мелпотиса и сэра Калепо. На тюфяке неподвижно лежал сэр Зондаин, и лицо его было бледным как воск.

— Как он? — спросила Кадия.

Молодой Мелпотис покачал головой. Его щеки были мокрыми от слез.

— Дама, — сказал Калепо, — наш брат Зондаин ушел в потусторонний мир, его унесли на небеса Владыки Воздуха.

— Да хранит Триун его душу, — прошептала Кадия, не сводя глаз с павшего Кавалера. Потом она подняла горящие карие глаза на не прекращавшего вопить агента.

— Изъеденная червями падаль, — воскликнула она, подходя к злодею. — Ты всегда травишь гостей, чтобы показать свое гостеприимство?

Турмалай Йонз не ответил, только продолжал оплакивать погибших сыновей. Он увидел, чем закончилась схватка, прежде чем его схватил Лумому.

— Тча! — презрительно воскликнул Викит-Аа. — Один ублюдок лишь лишился сознания, получив несколько не-серьезных ран, второй, упавший за борт, выбрался на берег в элсах пятидесяти вниз по течению

— Мои драгоценные мальчишки живы? — закричал агент. — Хвала Сострадательному Животворящему Тездору.

Кадия подняла его лицо за жирные волосы. В руке она держала короткий кинжал.

— Тебе повезло, мешок с блевотиной, — заметила она спокойно. — Твои презренные щенки спаслись от смерти, которой заслуживали.

Острые клинка коснулись горла Турмалай.

— Ты сам предстанешь перед богом минуты через две, если я не получу ответов на свои вопросы.

Агент съехался на стуле и захрипел.

— Почему ты отравил нашу еду? Только для того, чтобы ограбить нас, или... была другая причина?

Турмалай в отчаянии закатил глаза.

— Было... предложение,— прохрипел он.— Всем, кто живет на реке. Нам посулили тысячу платиновых крон, если мы захватим тебя живой или мертвой и доставим к определенному месту до следующего полнолуния.

— Клянусь шпорами святого Зото! — воскликнул сэр Калепо, потому что выкуп был назначен действительно королевский. Он и его брат Мелпотис отошли от смертного ложа и встали рядом с Дамой Священных Очей.

— Кто посулил тебе столь щедрое вознаграждение? — спросила Кадия, отпустив волосы агента и убрав кинжал в ножны.

— Имен они не называли,— угрюмо ответил Турмалай Йонз.— Назвали только место рядом с Двойным Каскадом на реке Ода, которая впадает в Мутар в двадцати лигах вниз по течению отсюда. Я просто не поверил своему счастью, когда ты здесь появилась.

Кадия достала из-под плаща сложенный кусок ткани и развернула его.

— Ты умеешь читать карту, подонок?

— Да, Дама.

Она указала на реку:

— Это — Ода. Тебе должны были заплатить у этой красной точки?

Он, прищурившись, посмотрел на карту.

— Д-да. Именно здесь. Я должен был доставить тебя туда на рассвете в любой день до полнолуния и сразу же получить награду.

— На рассвете.— Кадия кивнула, свернула карту расположения виадуков и повернулась к рыцарям.— Кавалеры, отнесите тело Зондаина на пристань. Мы сложим погребальный костер из товаров этого жалкого убийцы.

— Нет! — закричал Турмалай.— Вы меня разорите!

— Благодарим нас за то,— сказал сэр Калепо,— что ты сам и твои люди не станут топливом для костра.

Он, Эдинар и Мелпотис унесли тело.

Из соседней комнаты вышли Лумому и Викит.

— Мы нашли лекарство и наложили его на рану,— сказал Лумому.— Там же оказалась бутылка хорошего галанарского бренди, которую он выпил, чтобы облегчить страдания. Сейчас он без сознания.

— Вы отдали ему мою последнюю бутылку? — завопил было агент, но тут же умолк, получив удар по уху от сэра Мелпотиса.

— Как мы поступим с этой гнусной тварью, госпожа? — спросил Лумому.

— Пусть остается привязанным к стулу, пока кто-нибудь не освободит его. Если раненый не умрет, он очнется от пьяного оцепенения завтра.

— Ты не отказалась от идеи подняться вверх по течению? — спросил Викит.— Мы нашли несколько подходящих лодок.

— Я передумала. Возвращайтесь на судно и готовьтесь к отплытию. Я останусь здесь с Ягуном на некоторое время.

Кадия и ее друг ниссом вышли из хижины и остановились под ветвями огромного дерева омбако.

— Я хочу, чтобы ты поговорил с Белой Дамой,— сказала она,— и попросил ее явиться мне в Послании.

— Хорошо,— сказал Ягун и закрыл глаза. Тело его замерло, и он послал Вызов речью без слов.

Буквально через мгновение рядом появилась Харамис, такая призрачная и нереальная, что ее невозможно было разглядеть с пяти шагов.

— Что случилось, Кадия?

— Ты видела, что здесь произошло?

— Нет,— ответила Великая Волшебница,— я была занята другими делами.

Кадия быстро рассказала обо всем, и Белая Дама не на шутку встревожилась.

— Я должна была это предвидеть! Как я сглупила. Конечно, они должны были попытаться схватить тебя после того, как пленили бедную Ани!

— Чтобы попытаться повлиять на тебя? — спросила Кадия.

— Несомненно.

— И ты отдала бы свой талисман Орогастусу, если бы увидела меня и Ани закованными в голубой лед?

— Нет,— ответила Великая Волшебница.

Кадия улыбнулась:

— Хорошо! Несомненно, я не могу рисковать и возвращаться вверх по Мутару, если каждый злодей на реке поджидает меня, пуская слюни от предвкушения награды. Мне придется продолжить путь в Саборнию, как мы и договорились.

— Недавно я наблюдала за молодым Человеком Звезды, поднявшим на бунт скритеков. Он находился на борту судна, вышедшего из Талоазина в Зиноре. Он тоже направлялся в Саборнию. Не знаю, действительно ли там расположен штаб Звездной Гильдии, но, как мне кажется, это удачное место для начала поисков.

— Как ты собираешься помочь Ани? Я решила войти в виадук Гиблой Топи и отправиться на ее поиски, независимо от того, одобришь ты мои действия или нет.

— В этом нет необходимости. Я уже решила сама войти в него. Молись за меня, Кади.

Послание исчезло, но Кадия некоторое время смотрела на темную листву, среди которой только что было изображение Харамис. Наконец Ягун положил руку на ее плечо:

— Провидица, уже зажигают погребальный костер Зодаина. Мы должны быть там.

— Да.— Кадия вздохнула, и они направились к пристани под монотонным дождем.

— Ягун,— спросила Кадия через некоторое время,— ты согласен сопровождать меня в путешествии, которое может оказаться более опасным, чем плавание в Саборнию?

— Ты знаешь, что согласен. И пятеро оставшихся Почетных Кавалеров дадут тебе такой же ответ. Куда мы должны идти?

— Мы обсудим это,— сказала Дама Священных Очей,— попрощавшись с Зондаином.

После борьбы королевы Анигель с холодной водой и ее падения в звенящую пустоту последовала полная тишина. Потом, постепенно, она начала приходить в себя. Она лежала на какой-то подпрыгивающей повозке, и страшная боль, накатывавшая из разных частей тела, не позволяла ей мыслить рационально. Она видела зеленоватые сумерки сквозь полуопущенные веки, чувствовала пряный запах леса, слышала голоса незнакомых птиц. Кто-то пытался заговорить с ней, но она не понимала слов, а потом снова провалилась в беспамятство.

Очнулась она ночью от стука копыт по камням. Повозка жутко подпрыгивала, усиливая ее мучения. Она тихо плакала от страданий, пока повозка наконец не остановилась. Грубые мужские голоса смешивались с нервным ржанием животных и ее слабыми, приглушенными одеялами рыданиями. Каждый вдох приносил ей ужасные мучения. Правая нога не двигалась, как и левая рука. Внезапно ее испугал оглушительный взрыв грома, вслед за которым последовала серия раскатов. Животные завизжали от ужаса.

Кто-то отдал команду, и повозка затряслась по дороге дальше. Теперь ее воспаленному мозгу казалось, что они покинули естественный мир и путешествуют по дну всех десяти адов, потому что она видела сквозь опущенные веки огромные языки пламени — ярко-оранжевые на фоне ночного неба. Жар был настолько силен, что она заметалась в страхе по своему ложу, принялась звать мужа слабым голосом.

Король Антар не отвечал. Она услышала только хриплый крик:

— Быстрее, будьте вы прокляты! Подхлестните их! Скоро начнется дождь, и тогда всем нам конец!

Повозка задержалась и затряслась так сильно, что измученная болью королева потеряла сознание, погрузившись в мир бесформенных видений. Она оставалась в таком состоянии до тех пор, пока ярчайший свет, пробившийся даже сквозь веки, не пробудил ее, оставив в глазах мириады

разноцветных звездочек. Она услышала чью-то неразборчивую речь. Нестерпимый жар исчез. Она уже не тряслась на повозке, а лежала на кушетке или кровати в помещении и не могла пошевелиться. Потом что-то твердое и тупое прижалось к ее шее, и она снова потеряла сознание.

Пришла в себя она днем. Было очень тихо. Королева находилась между сном и бодрствованием и иногда сама не понимала, в каком именно состоянии пребывает.

«Я — Анигель, — говорила она себе. — Я — королева Лабровенды. Я упала в воду с переломанными костями и утонула, а теперь — я жива и невредима».

Она сама не понимала, почему так уверена в этом, не помнила, как именно тонула. Лежала она на спине под тонким одеялом. Две подушки, жесткие и неудобные, как мешки с песком, не давали ей повернуть слегка приподнятую голову. Ноги и руки были тоже зафиксированы каким-то образом, но неудобства она не ощущала. Она почувствовала шевеление глубоко в животе и улыбнулась. Дети тоже были живы.

Анигель был виден низкий потолок, окаймленный древними бревнами, и верхний край каменных стен. Справа было окно, с тяжелыми грубыми портьерами, в котором было видно серое небо. Легкий ветерок приносил резкий запах, только она не могла сразу понять, чего именно.

На левой стене висел яркий гобелен. Насколько ей было видно, на гобелене была изображена женщина, закованная ниже шеи в странные пластинчатые доспехи, готовая поразить мечом поверженного врага. Высокие языки пламени, такие же яркие, как волосы женщины, вылетали из скал по обе стороны сражающихся. На заднем плане обгоревшие скелеты деревьев составляли злобный орнамент на фоне мрачного, затянутого грозовыми тучами неба.

В воздухе пахло сгоревшими деревьями, и запах усиливался недавно прошедшим дождем...

Анигель некоторое время озадаченно рассматривала гобелен. Он был выполнен не на ткани. Тогда на чем? Какая страна была показана на нем? И с каким именно вра-

гом собиравалась расправиться эта варварка? Почему-то королеве Анигель было нужно узнать ответы на все эти вопросы, но она сама не понимала почему. Она еще немного напряглась, и ответы появились сами собой.

Перья. Гобелен был составлен из тщательно подобранных разноцветных перьев, а ликующая женщина вот-вот должна была сразить съжившегося от страха странно знакомого рыжебородого мужчину. Он был одет в цветастый плащ и сжимал в руках изысканно украшенный боевой топор.

Перья...

Саборния.

Внезапно она поняла, что находится именно в этой стране, далеко на западе, где погода была мягкой на протяжении всего года и богатые леса заселяло великое множество птиц. Страна Оперенных Варваров представляла собой множество разрозненных королевств и княжеств, царствовал в которых, но не правил которыми самозванный «император» Деномбо. Но Саборния находилась в тысячах лиг от Гиблой Топи. Она могла здесь оказаться только при помощи...

— Нет! — закричала королева и стала изо всех сил, но тщетно вырываться из оков. Она была беззащитна, как связанный товар на столе торговца птицей.

«Но почему, — спрашивала она себя, — мой янтарный Триллиум не спас меня, когда я упала в пучину?»

Потому что она не успела во время произнести молитву? Или по другой причине? *Она потеряла амулет?* Его забрал у нее какой-нибудь злодей? Она не могла определить, так как была закрыта одеялом до самого подбородка и не могла сбросить его, несмотря на самые отчаянные попытки.

Наконец, она прекратила безнадежную борьбу с одеялом и едва не зарыдала от отчаяния. Злость, разочарование и страх пытались овладеть ею, но она не сдавалась, заставила себя дышать глубоко и медленно, чтобы успокоиться. Она попыталась понять, кто захватил ее в плен и зачем, но одурманенный ум не давал ответов и каждая попытка найти его лишь вызывала острую боль.

«Черный Триллиум! — взмолилась она в отчаянии. — Помоги мне! Молю тебя!»

На мгновение ей показалось, что Священный Цветок показался за ее опущенными веками, потом королева Ангель провалилась в лишенный сновидений сон.

Глава 11

— Белая Дама, все слуги твои умоляют, не губи себя!

Слезы текли из нечеловечески огромных глаз Магиры — смотрительницы башни Великой Волшебницы. На мгновение показалось, что стройное тело аборигенки исчезло и в полумраке комнаты Великой Волшебницы остались только два огромных глаза, заполненных печалью и дурными предчувствиями. Потом глаза мигнули, и снова появилась сама Магира в блестящем алом платье с украшенным драгоценными камнями воротником. Ее лицо было почти человеческим по чертам, за исключением огромных глаз и остроконечных ушей, почти закрытых светлыми волосами. Она сама и ее соплеменники верой и правдой служили Харамис с того момента, как только она стала Великой Волшебницей.

Виспи всегда отличались вспыльчивостью, но сейчас тело Магиры сотрясала крупная дрожь и она обнимала себя руками, словно надеялась прогнать озноб.

— Прости меня! — закричала она и снова исчезла, как часто поступали ее соплеменники, если оказывались во власти сильных эмоций. Появилась она в уже более спокойном состоянии.

— Умоляю тебя, передумай. Не входи в виадук, поглотивший твою сестру — королеву.

Харамис сидела за небольшим столиком в небольшой гостиной и делала последние записи на магической доске, касающиеся поисков древнего оружия жителями моря. Близилась полночь — время, которое она выбрала для ухода. Прекратилась снежная буря, бушевавшая над Охоганскими горами, и в окно башни ярко светили Три

Луны, серебрившие своим светом листья и лепестки Черного Триллиума.

— Моя верная подруга Магира,— твердо, но ласково сказала Харамис,— я уже приняла решение. Ты должна успокоить других, убедить их в том, что я поступаю так только потому, что у меня нет выбора. Извини за причиняемые мной мучения...

— Белая Дама,— перебила ее Магира дрожащим шепотом,— все эти годы я ни разу не позволила себе усомниться в твоей мудрости. Но сейчас, когда ты задумала войти в виадук... Ты знаешь, что виспи — самый древний народ, наделенный исчезнувшими Создателями особыми обязанностями. На протяжении тысяч лет наши обязанности становились все менее отчетливыми, многие были забыты или превратились в легенду. Но наш долг относительно виадуков остался неизменным — нам приказано охранять их из-за смертельной опасности, которую они представляют, и не допускать неосторожного проникновения в них других существ. Ты можешь исчезнуть бесследно, если войдешь в один из этих тайных порталов! Только Исчезнувшие понимали, как работают виадуки. Другие отважившиеся войти в них не возвращались. Самым страшным является то, что виадуки ведут нарушителя не к мгновенной смерти, а скорее в царство нескончаемого ужаса, в котором душа обречена на вечные муки без малейшей надежды на спасение.

— Я не могу просто сидеть здесь и ждать развития событий,— решительно заявила Харамис.— Каждый день я обнаруживаю беды, вызванные приспешниками Орогастуса. Я не успела рассказать тебе еще об одном чудовищном преступлении, о котором я узнала сегодня утром. Таинственным образом исчезли семь других правителей, не считая моей сестры Анигель: любезные наши друзья, правители Энджи Уидд и Равия, королева Галанара, король Рэктама и избранные президенты Имлита и Окамиса. Все они исчезли незадолго до пленения Анигель. Никто из жителей этих государств не согласился сообщить мне что-либо, несомненно боясь того, что правители будут убиты. Мне удалось подтвердить их отсутствие толь-

ко при помощи талисмана, после того как мои просьбы установить с ними личную связь были отвергнуты. Я сообщила о произошедшем главам Вара, Зиноры и Тузамена, а также предупредила короля Антара. Все они обещали принять меры, чтобы самим не стать жертвами похитителей.

— Ты считаешь, что похищенные правители были переправлены по виадукам, как и королева Анигель?

— Несомненно. Поэтому я должна лично найти месторасположение штаба Звездной Гильдии, причем как можно быстрее. Я не могу ждать, пока Кадия доберется морем до Саборнии. Если я не буду действовать, сыграю на руку Орогастусу. Не тревожься обо мне, Магира. Я проникну в виадук, поглотивший Анигель, незаметно, под защитой самой сильной магии.

— Но если твои планы будут расстроены...

— Я уверена, что буду в безопасности под защитой Трехкрылого Диска и янтарного Триллиума.— Харамис встала из-за стола, подошла к смотрительнице и положила руку на ее плечо.— У меня нет выбора, понимаешь? Кадия была права, когда говорила, что виадук, через который похитили Анигель, является единственным ключом к тайне местопребывания коварных злодеев. Он должен привести меня близко к тому месту, где находится их оплот, а может быть, прямо в сердце заговора. Я не намереваюсь атаковать Звездную Гильдию или предпринимать какие-либо другие неразумные действия. Я буду просто наблюдать за ними. Если все пройдет хорошо, вернусь под утро.

Смотрительница поклонилась:

— Хорошо, госпожа. Да хранят тебя Владыки Воздуха. Магира вышла из комнаты.

Харамис направилась в спальню и надела прочный костюм, специально сшитый для нее портным башни,— блузка с капюшоном и штаны из водоотталкивающей белой ткани. Костюм дополняли перчатки и сапоги, ремень с сумкой, в которой лежали продукты, фляга с водой и складной нож. Она накинула на плечи плащ Великой Вол-

шебницы и склонилась в короткой молитве, потом выпрямилась и подняла Трехкрылый Диск.

— Талисман, приказываю тебе сделать меня невидимой для всех.

После этого она приказала талисману доставить себя к виадуку в Гиблой Топи, через который была похищена королева.

Когда прозрачное изображение пункта назначения обрело плотность, Харамис оказалась на небольшой кочке посреди залитого водой болота. Стояла ночь, шел унылый дождь, но магия позволяла Харамис внимательно осмотреть окрестности. Она уже бывала здесь раньше, когда искала ключи к разгадке тайны похищения Анигель. Следы ног вокруг входа в виадук давно были смыты непрекращающимся дождем. Место было совсем непримечательным, за исключением почти незаметной прямой линии длиной с элс, рассекавшей пропитанную водой землю. Талисман по ее просьбе сделал бы виадук видимым, но она предпочла на этот раз не прибегать к магии.

Она мысленно представила виадук и едва слышно произнесла:

— Виадук, включись.

Как раз над линией с обычным колокольным звоном появился диск темнее ночи в ореоле жемчужного света. У диска не было толщины, а лицевая и обратная поверхности были идентичными. Не имело значения, с какой стороны потенциальный путешественник входил в виадук.

Из торопливо просмотренной книги Ирианы Харамис знала, что существовало два режима работы виадука. Можно было войти и автоматически оказаться в заранее установленном месте. Однажды она уже пользовалась виадуком, чтобы переместиться от плато Кимилон к дому Ирианы в Утреннем море. Можно было войти и отдать виадуку еще одно сложное мысленное распоряжение, чтобы оказаться в месте по собственному выбору. Харамис не хотела рисковать и прибегать ко второму способу, пока не изучила систему виадуков лучше.

Еще одним знаком того, что чудесное устройство Исчезнувших не являлось непроницаемым черным диском, было едва заметное движение из него воздуха. В прошлый раз, когда Харамис включила этот виадук, но не осмелилась войти в него, ветерок ниоткуда доносил приятный запах леса. На этот раз, каким бы странным это ни могло показаться, из диска явно пахло свежим хлебом!

— Куда ведет этот виадук? — спросила она талисман. *Вопрос неуместен*, — ответил Трехкрылый Диск.

Она вздохнула. Другого ответа она и не ожидала. Оставался только один способ узнать тайну виадука. Она вошла в диск.

И сразу же ощутила приступ страшного удушья, как и во время путешествия в северное царство Голубой Дамы, то же чувство подвешенности тела в пустоте и взрыва в сознании оглушительной вибрирующей музыкальной ноты.

Путешествие на искусственный айсберг Ирианы заняло всего лишь мгновение. Это перемещение длилось дольше, Харамис едва не запаниковала, а взрыв все звучал несмолкаемым аккордом в сознании, разделяя телесные ткани на атомы, казалось, без малейшей надежды на их воссоединение, оставляя душу парить над пульсирующей бездной.

«О мой бог,— подумала она.— Неужели ты оставил меня? Неужели я навеки останусь во власти тьмы...»

— Добро пожаловать.

Она услышала скрипучий голос, почувствовала восхитительный запах свежего хлеба, ощутила тепло и твердый пол под ногами, увидела...

Ей кивал древний старик с темным морщинистым лицом и серебристыми глазами с огромными темными зрачками. Он восторженно улыбался. Можно было не сомневаться, что если талисман и сделал ее невидимой, то только не для него. Его седые вьющиеся волосы торчали во все стороны, как у косматого зуха. Он был одет в пыльный черный плащ до пола, отделанный понизу потускневшими блестками, поверх которого был повязан явно нуждавшийся в стирке фартук.

Она смотрела на него, потеряв от удивления дар речи. Они стояли в холле, центр которого занимал диск виадука и от которого, как спицы колеса, отходили четыре коридора. Старик дал ей знак следовать за ним, прошел по коридору и вошел в открытую дверь. Комната оказалась ярко освещенной, странной и захламленной, но в ней можно было угадать кухню. Вдоль зеленоватой стены протянулся прилавок, заваленный овощами и фруктами, заставленный прозрачными горшками с медом, разноцветными банками с джемами и консервами, небольшими склянками с сушеными специями. С потолка свисали медные кастрюли и сковороды, полки буфета были заставлены небольшими устройствами непонятного назначения и разноцветными керамическими баночками, помеченными буквами незнакомого алфавита.

Центр комнаты занимал стол странной формы с одним-единственным стулом. На столе стояла большая стеклянная чаша, накрытая красным клетчатым полотенцем, рядом лежал противень с остатками пищи, стояло блюдо с какой-то пенистой жидкостью, в которую была опущена кисточка, лежал кусок масла на тарелке, рядом с которой валялся огромный зазубренный нож. Другую стену занимали буфеты с припасами и несколько дверей с небольшими окнами, сквозь одно из которых пробивался тусклый свет. Над дверью медленно мигала красная лампа.

— Как раз вовремя! — захихикал старик. — Знаю, следовало слегка остудить, но он такой вкусный прямо из печи.

Он взял пару толстых рукавиц, открыл дверь в стене, над которой мигала лампочка, и вытащил длинный противень с тремя длинными румяными буханками. Он хлопнул дверь, после чего сразу же погасла лампочка, и перенес буханки на проволочную решетку. Затем он снял фартук и принялся мыть испачканные мукой руки над раковиной без насоса, которая, очевидно, снабжалась горячей и холодной водой лишь по желанию человека.

— Официально мы не знакомы, — продолжил старик, поглядывая на нее через плечо, отряхивая руки и выти-

рая их еще одним клетчатым полотенцем.— Я — Денби Варкур, твой небесный коллега.— Он быстро развернулся, встал в позу и ткнул правым указательным пальцем в дымящийся хлеб.— Уже не терпится! Как вкусно! — Он глупо хихикнул, когда одна из буханок поднялась в воздух, покачалась и опустилась на решетку.— Ну вот, полагаю, она достаточно остудилась!

Достав из буфета великолепный деревянный поднос, он принялся заставлять его продуктами и приборами, открывая один буфет за другим. Он нашел две граненые хрустальные тарелки и кружки к ним и пару серебряных ножей для масла. Он достал кувшин с белой жидкостью из волшебного холодильника рядом с раковиной, затем схватил со стола тарелку с маслом, зазубренный нож и недавно заколдованную буханку хлеба.

— Тебе что больше нравится — джем или мясной паштет?

Харамис могла только покачать головой.

— Ты права, я тоже считаю: чем проще, тем вкуснее. Пошли!

Он пинком распахнул дверь в большую комнату, служившую кабинетом или библиотекой, в которой царил жуткий беспорядок. Полки были заставлены не только книгами, но и прозрачными папками с магическими досками, которые, как она знала, являлись справочниками Исчезнувших. На штативах стояли причудливые металлические устройства, которые могли быть научными приборами. Денби прошел вперед и шлепнул поднос на деревянный стол, стоявший перед стенкой, задернутой синими бархатными шторами. Рядом Харамис увидела высокую круглую дверь с замысловатой украшенной драгоценными камнями пластиной на месте замка или дверной ручки.

Денби шелкнул пальцами, и на покрытый ковром пол со стола посыпались бумаги, книги и странные черные предметы. Он придвинул кожаное кресло, предложив ей присесть, а сам устроился на стуле напротив.

— Забыл салфетки, — сказал он и подмигнул, — но это не важно. Слуга позаботится о них. — Он снова шелкнул

пальцами, и через мгновение удивительная машина, похожая на механического лингвиста с открытым ящиком вместо тела, появилась в дверях и подползла к столу. Одной из членистых рук она достала из заднего отделения две сложенные салфетки и разложила их на столе рядом с тарелками.

— Что-нибудь еще, хозяин? — спросила она жужжащим голосом.

— Быть может, чашку чая? — спросил Денби Харамис. Она покачала головой, все еще не придя в себя от изумления.

— Собери все с пола, — приказал Денби машине, — и положи на письменный стол.

Он сплел искривленные пальцы и повесил голову.

— Хвала Источнику Вечного Света за пищу нашу.

Жадно схватив буханку, он покромсал ее на ломти зазубренным ножом. Хлеб был еще настолько горячим, что от него шел пар. Густо намазав два ломтя маслом, он наполнил чашки жидкостью из кувшина.

— Отличное холодное молоко волумниалов. Вы ведь все еще пьете его?

— Да... — Она взяла кусок хлеба, долго рассматривала его, потом подняла взгляд на хозяина.

— Ты — это он. Великий Волшебник Небес.

Рот старика был набит хлебом, поэтому он лишь кивнул с блаженным видом.

— Значит, это ты захватил мою сестру и других правителей?

Денби покачал головой:

— Только тебя, по необходимости.

Старик сделал глоток молока, потом вытер грязные пальцы салфеткой.

— Временно изменил программу виадуков Оро, чтобы ты смогла нанести мне визит. Конечно, я способен изменить любые приказания, касающиеся перемещений, кем бы они ни были отданы.

— Значит... Анигель и другие находятся не здесь?

— Нет. Зато ты — здесь, в этом нет сомнений! И остаешься здесь, по крайней мере на время.

Он громко захохотал, раскачиваясь на стуле, зачихал, разбрасывая во все стороны крошки. Маленькая машина терпеливо убирала их с пола.

Харамис с трудом сохранила хладнокровие.

— Что ты имеешь в виду?

— Милое дитя, мы так чудесно побеседуем обо всем. Ты расскажешь мне о своей жизни, о жизни твоих сестер. Я с таким отвращением смотрел на погрязший в меланхолическом отчаянии мир внизу. Что делать, что делать! Я сделал так, чтобы Орогастус родился до того, как Бина придумает новый план, хотя с самого начал считал эту затею глупой и бесполезной. Сентиментальной Ириане, впрочем, план понравился, и вдвоем они убедили меня попробовать. Я не мог поверить, что троем молодым девушкам удастся то, что не удалось нам, но вы действительно отыскиали части Скипетра. Скорее всего; в вас было нечто магическое, связанное с тем, как вам удавалось влиять на связующие нити судьбы мира. Лепестки Животворящего Триллиума совместно с возрождением Звезды! Магическая наука против научной магии! Сам я никогда не понимал сути, а теперь это же не имеет значения. Вы потерпите неудачу, как я и предполагал, но я позабочусь о том, чтобы итог был хорошим. Подожди и увидишь.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь,— удивленно воскликнула Харамис.

Он лукаво подмигнул ей:

— В твоём янтарном Триллиуме заключена настоящая магия, находящаяся вне понимания магической науки Звезды и Коллегии Великих Волшебников. Очень увлекательно, но и опасно! Я боялся, что янтарь помешает мне переместить тебя сюда и расстроит все планы, но все случилось просто замечательно!

Она решила, что он, несомненно, безумен, как и говорил Орогастус, но решила ответить спокойно:

— Сожалею, что не могу принять твое любезное приглашение, Великий Волшебник Небес. Честно говоря, я намерена покинуть тебя немедленно. Другие безотлагательные дела требуют моего внимания.

Она сжала в руке Трехкрылый Диск, мысленно поставила свою башню на горе Бром и стала ждать призрачного видения, предшествовавшего магическому перемещению.

Ничего не произошло.

Насмешливое выражение исчезло с лица Денби так же быстро, как след на песке после океанской волны, сменившись выражением мрачного триумфа. Он встал, опершись на стол костяшками пальцев, и в его всего мгновение назад старческом голосе зазвучали металлические нотки:

— Магия, которой ты научилась у Ирианы, здесь не поможет. Она черпает силы из земли, которая является твоим личным царством Великого Волшебства. Не поможет тебе и талисман, получающий силу от планетарных источников, так как ты находишься вне сферы их влияния. Ты можешь выйти отсюда только через виадук, который я контролирую, или через это.— Он фыркнул и кивнул на дверь рядом со шторами. Она была сделана из черного металла и висела на одной гигантской петле.— Но эта дверь ведет к вечному избавлению, и только мне суждено войти в нее.

Лицо Харамис побледнело от гнева.

— Денби, предупреждаю тебя...

— Смирись, Великая Волшебница.— На его лице снова появилась снисходительная улыбка.— Я рассчитываю оставить тебя здесь, пока не настанет время уйти.

— А я говорю, что ты ошибаешься! Я могу прибегнуть к еще одному источнику волшебства, который подвластен мне с самого рождения.

Харамис коснулась серебряных крыльев, окаймлявших янтарь, и они распахнулись, открыв похожий на крошечную звезду красный огонек. Денби в тревоге взвизгнул, когда она направилась к круглой двери.

— Ты был прав, говоря о силе моего амулета,— продолжила Харамис.— Он не зависит от талисмана и может помочь мне разными способами. Жаль, что мне не удастся обсудить это с тобой. Достаточно сказать, что янтарь откроет передо мной любой замок в твоём жилище, и этот не является исключением.

Денби вскочил на ноги, и его морщинистое лицо казалось неподдельной тревогой.

— Харамис, подожди! — закричал он. — Ты не понимаешь! Ты не можешь ее открыть! Тебя ждет там смерть! — Он проковылял к занавешенному окну рядом с дверью и отдернул штору.

Харамис вскрикнула от ужаса. Схватившись рукой за спинку кресла, она смотрела в окно. Она видела ночное небо, усеянное бесчисленными разноцветными звездами. Среди звезд она увидела три освещенных сбоку небесных тела: одно было средней величины и бело-синим, два других — значительно больших размеров, серебристые и лишенные знакомых черт.

— Священный Цветок! — прошептала Харамис. — Ты забрал меня на свою Луну!

— Да, — произнес Денби почти извиняющимся тоном. — Ты не сможешь уйти, пока я не разрешу. Необходимо, чтобы ты осталась здесь, необходимо, чтобы Ириана не вмешивалась в ход событий, по крайней мере пока.

— Что? Ты знаешь о ее коварном пленении и не хочешь помочь? — Харамис, сверкая глазами, решительно подошла к Темному Человеку и схватила его за костлявые плечи. — Дряхлый безумец! Что за глупую игру ты задумал?

— Никаких игр! — завопил он. — Ой! Мне больно. Осторожно, Великая Волшебница! Мне двенадцать тысяч лет, у меня хрупкие кости и слабое сердце. Могу скончаться у тебя на руках от такого грубого обращения, а ты никогда не вернешься домой.

Она отпустила его и заговорила с ледяным презрением:

— Тогда объясни свои поступки. Где находится моя сестра Анигель, если здесь ее нет, как ты посмел помещать мне исполнять свои обязанности?

Он умоляюще поднял руки:

— Королева находится в полной безопасности вместе с другими правителями. Орогастус держит их под замком в одном из замков в Саборнии. Это — часть моего плана.

Капля янтаря поверх Трехкрылого Диска засияла, как маленькое солнце, и лицо Харамис стало зловещим от решимости.

— Денби Варкур,— произнесла она.— Я приказываю, как Великая Волшебница, равная тебе, вернуть меня на землю немедленно, или ты ответишь за ужасные последствия.

Казалось, старик уже справился с волнением. Он откинул голову назад и поджал губы в презрительной гримасе.

— Какие последствия? Собираешься вытрясти зубы из моего древнего черепа, если я не подчинюсь? Или нарушишь клятву и убьешь меня — немошного чудака, который в душе лишь желает помочь миру? Ты можешь это сделать голыми руками. Но умоляю, милая Харамис, сдержи себя. Я недаром переместил тебя сюда.— Его лицо приобрело насмешливо-укоризненное выражение.— Я был уверен, что тебе понравится свежий хлеб.

— Что тебе нужно? — закричала она в отчаянии.

В одно мгновение от безумия и насмешливости не осталось и следа.

— Великая Волшебница, тебе известно, что мир Трех Лун, к которому ты питаешь столь искреннюю любовь, вышел из равновесия и ему грозит катастрофа?

— Мне... известно об этом. Мои сестры и я сама пытались восстановить равновесие, как было предписано судьбой. Однажды, после победы над Орогастусом, нам показалось, что нас ждет успех, но этого не случилось. Сейчас я подозреваю, что только восстановление Скипетра Власти позволит отвести нависшую над миром угрозу.

— Да! — закричал Великий Волшебник Небес.— Тайна скрыта в нем, ты абсолютно права. В Скипетре, в этом проклятом инструменте, способном возродить мир или уничтожить его. У тебя лишь одна его часть, две других...— Старик замолчал и покачал головой.— Но дело не только в этом.

— Объясни,— потребовала она.

Он неуверенно улыбнулся:

— Полагаю, ты поймешь все значительно лучше, если позволишь кое-что показать тебе. Предлагаю отправиться со мной на другую Луну. Виадук находится в нише рядом со средним шкафом.

Она нахмурилась:

— Орогастус говорил о Луне Садов и Луне Мертвых.

— Мы отправимся на последнюю.

По знаку Денби с колокольным звоном возник черный диск виадука.

— Девушка, я не пытаюсь обмануть тебя. Если хочешь, войду в него первым.

Он исчез. Харамис на мгновение замешкалась. «Луна Мертвых! Я безумна ничуть не меньше, чем Денби». Она сжала в руке талисман, пробормотала молитву и последовала за стариком.

Они вышли из виадука и встали рядом на прозрачной платформе, висевшей в туманных красноватых сумерках. Сверху, снизу, со всех сторон, насколько хватало взгляда, их окружали мириады золотистых сфер примерно два элса диаметром, соединенных едва видимыми тончайшими нитями, похожими на тщательно сотканную паутину лигнита, украшенную каплями росы. Когда глаза привыкли к полумраку, Харамис увидела, что сферы были прозрачными, заполненными каким-то светящимся туманом. Внутри каждой сферы она увидела человека в одежде странного покроя.

— Владыки Воздуха! — воскликнула Харамис. — Их здесь тысячи тысяч! Кто они?

— Те, кому не удалось Исчезнуть, — ответил Денби Варкур.

Глава 12

— Они действительно мертвы? — спросила Харамис, охваченная ужасом и жалостью при виде бесчисленных светящихся сфер с телами мужчин, женщин и детей внутри.

— Нет, — ответил Денби. — Они спят и будут продолжать спать, забытые всеми, за исключением меня и оставшихся в живых синдон.

— Почему же тогда ты не можешь освободить их? — закричала Харамис. — Несчастные души, ни живы, ни мертвы. Какой ужас!

— Двенадцать тысяч лет я ждал, когда наступит время, но оно так и не наступило. Если этих людей оживить сейчас...— Он замолчал и покачал головой.

— Что произойдет?

— Я все расскажу тебе, милая,— сказал Денди, взяв ее за руку и повел к виадуку.— Всю правду, а не полуправду, которую ты слышала от Ирианы, когда училась у нее. Но только не здесь, только не на проклятой Луне Мертвых. Пойдем со мной.

Она вновь оказалась в звенящей темноте. Когда перемещение закончилось, они оказались в другом месте, которое на первый взгляд казалось ничем не примечательным — шестиугольной площадке, окаймленной каменным парапетом. Над головой ярко сияло солнце, и Харамис на мгновение испытала радость и облегчение, подумав, что оказалась в мире, в котором родилась.

— Посмотри,— предложил Денди, подойдя к краю площадки и жестом приглашая ее присоединиться.

Встав рядом, Харамис не могла удержаться от крика удивления. Она и Великий Волшебник Небес находились на вершине огромной пирамиды, состоящей из многочисленных террас. Терраса непосредственно под ними представляла собой великое множество клумб геометрической формы, на которых росли синие и оранжевые цветы и между которыми росли орхидеи и небольшие деревья с великим множеством разных фруктов. На третьей террасе сверху росли рощи более высоких деревьев, раскинулись луга, на которых паслись животные, кое-где блестели пруды. А широкие террасы становились все шире и уходили все ниже в туманную глубину. Харамис подняла глаза и удивилась, увидев другие пирамиды, возвышавшиеся повсюду. Горизонта не было, была лишь туманная впадина с бесчисленным множеством загадочных выступов. То, что сначала представлялось ей темными облаками странной формы, оказалось расположенными рядом друг с другом шестиугольниками, причем «солнце» заслоняло самые небольшие из них, расположенные прямо над головой.

Они находились в центре гигантской по размеру сферы с пирамидальными садами и источником света.

— Когда-то здесь жили и играли люди, — пояснил Темный Человек, — но пустота настолько опечалила меня, что я приказал синдонам убрать все, за исключением растений и содержимого Грота Памяти. — Он взял ее за руку. — Мы отправимся в грот немедленно, но я хотел бы, чтобы ты увидела Луну Садов отсюда.

Виадук превратился в темный круг в центре площадки, и Денби, прежде чем она успела вымолвить хоть слово, ступил в него и скрылся из виду.

— Я никогда к этому не привыкну, — пробормотала Харамис, сжав в ладони талисман и последовав за стариком.

Буквально в следующее мгновение она оказалась на залитой солнцем лесной поляне рядом с улыбающимся хозяином. Вблизи сверкал на солнце небольшой пруд. Харамис опустила взгляд на показавшуюся знакомой траву. Она была мягкой, лишенной зазубренных кромок, на освещенных солнцем местах росли странные цветы с мягкими желтыми бутонами.

— В Краю Знаний растут достаточно необычные цветы, — заметила она.

— Да, они составляют часть цветочного архива нашего университета, но мои гораздо красивее, как ты думаешь? — Старик наклонился и сорвал круглый цветок. — Эти растения мы сохранили в обоих мирах ради воспоминаний и в качестве хранителей генов. — Он дунул на цветок, и во все стороны разлетелись семена на крошечных зонтиках. — Миллионы лет назад эти растения послужили основой для выведения гидридов, которые теперь вы считаете наиболее ценными сельскохозяйственными культурами. Конечно, существовало много их разновидностей, прежде чем Покоряющий Лед нарушил экологическое и геофизическое равновесие.

— Я не понимаю.

— Я в этом не сомневался! И это одна из причин, по которой ты здесь оказалась. — Он отвернулся и направился к пруду, заставив ее последовать его примеру. — Грот

памяти находится совсем рядом, между камнями на другом берегу. Я хотел бы кое-что тебе показать, кроме того, мы сможем там отдохнуть.

Идя по берегу, Харамис наслаждалась бело-розовыми цветами в обрамлении плоских листьев на поверхности воды. С плоских листьев за ней наблюдали диковинные животные с выпуклыми золотистыми глазами, мимо, стараясь держаться подальше от сидевших на листьях животных, пролетело гигантское четырехкрылое насекомое.

— Настала пора узнать историю Мира Трех Лун,— сказал Денби, когда они подошли к входу в пещеру, который был широким, но по высоте едва достигал их голов.— Я осведомлен, что Ириана кое-что тебе объяснила, но ты узнала лишь незначительную часть. Войди в пещеру.

Пещера оказалась уютной, похожей на гостиную коттеджа. Откуда-то из тени доносилось мелодичное журчание воды. Стены и потолок обильно поросли папоротником, пол устилал мягкий ковер из мха. В центре стоял низкий пьедестал, увенчанный каменным шаром диаметром примерно элс. За ним стояла резная деревянная скамья.

Денби коснулся камня, и он вдруг наполнился светом, стал темно-синим с небольшим неровным участком темно-коричневого и охрового цвета, усеянным крупными голубыми точками.

— Да ведь это же изображение нашего мира! — воскликнула Харамис.— Я узнаю единственный континент по картам из библиотеки моей Башни, хотя его форма на этом шаре слегка искажена. Но где же Вечный Покров?

— А! — радостно воскликнул Денби.— Здесь изображена планета до появления человечества, когда отвратительные скритеки занимали вершину эволюции животных.— Он ткнул пальцем в коричневый участок.— Ты права в том, что континент тогда был несколько другой формы. Уровень моря был выше, но выше была и суша, не отягощенная толстой ледяной мантией, закрывавшей половину ее поверхности.

Он жестом предложил ей присесть на скамью. Появился один из вездесущих механических слуг, он осторожно прошел сквозь зеленоватый сумеречный свет, неся в коробке на спине два бокала с лилово-красной жидкостью.

— Вы попросили принести напитки, хозяин,— прожужжал он.— Еще что-нибудь нужно?

— Принеси мне схему Триединого Скипетра Власти,— приказал Денби, передавая один бокал Харамис. Слуга скрылся в полумраке пещеры.

Харамис посмотрела в бокал, словно он был жертвенной чашей.

Запах напитка был пьянящим и знакомым. Это был бренди из туманных ягод — один из самых любимых напитков в ее родной Рувенде.

— Скипетр... в нем все дело? — спросила она.

— Да, моя девочка. Он был нашей сверкающей надеждой и основной угрозой с момента ухудшения равновесия мира. Но разреши рассказать историю целиком, как я ее понимаю.

— Полагаю, ты рассказывал ее Орогастусу во время его пребывания здесь.

Старик захихикал:

— Три Лепестка Животворящего Триллиума и Господин Звезды... конечно, я ему рассказал! Еще больше он узнал, изучая мои архивы, и понял, как можно исправить равновесие мира. Для этого он и был рожден. Для этого была рождена и ты!

Старик запел:

Один, два, три: три в одной.

Первая — Корона Презренных,
дар мудрости, усилитель мыслей.

Вторая — Меч Глаз, творящий правосудие
и дарующий жизнь.

Третья — Жезл Крыльев, ключ и объединитель.

Три, два, один: одна в трех.

Приди, Триллиум. Приди, Всемогуший.

— Это формула! В этом секрет! Вот он, способ вызова Небесного Триллиума, способного залечить древние раны

мира! Бина и Ириана думали, что вы трое способны на это, но я поставил на Орогастуса. Невозможно объединить несовместимые нации и племена только нежностью и светом, понимаешь? Это против природы человека, против природы аборигена. Сила — вот единственный способ. Раздавить оппозицию! Мы пробовали прибегать к убеждению и аргументации во время войны магий, и к чему это привело? К беде, вот к чему! И в конце концов к Мертвой Луне. Не могу позволить, чтобы они проснулись в этой первобытной среде. Они уничтожат вашу примитивную цивилизацию высокой магией и снова начнут войну.

Он вскочил на ноги во время своей пламенной речи, глаза его сверкали, изо рта летели брызги слюны. Она попыталась отодвинуться от него подальше.

«Он безумен,— подумала она.— Как безумен весь наш мир...»

— Я знаю, о чем ты думаешь,— радостно воскликнул он. Припадок безумия закончился, и он опустился на скамью рядом с ней; сделав глоток бренди из бокала, он долго смотрел на изображение мира, потом печально вздохнул: — Да, я знаю, о чем ты думаешь, и ты права. Я безумен. Поэтому у меня самого никогда ничего не получалось.

По темным морщинистым щекам потекли слезы.

— Ты собирался рассказать мне историю,— едва слышно вымолвила Харамис.— Прошу тебя, начинай.

— Итак,— сказал Денби Варкур,— неприятности начались двенадцать раз по сто лет назад.

В то время весь мир был похож на этот шар. Континент был усеян бесчисленными озерами с островами, на которых мы строили свои города. Ты видела в глубине Гиблой Топи руины таких великолепных городов, как Тре-виста, со множеством каналов и в окаймлении зеленых парков и садов. Мы изменили флору планеты для удовлетворения своих прихотей, поработали над некоторыми животными, хотя они уже были совместимы с нашей биологией.

Колонизация оказалась успешной для многих сотен. Потом мы оказались предоставленными сами себе, потом внешняя политическая структура потерпела крах, и путешествия по небесному своду стали небезопасными. Для других миров это означало бы катастрофу, но только не для нас. О нет! Наша планета была небольшой, но самодостаточной, население было стабильным, просвещенным и довольным жизнью. Мы жили сколь угодно долго, потом переходили в другой мир, когда считали, что настало время испытать иную плоскость бытия. Многие из нас были рабочими-философами, но было много и художников, а также профессиональных ученых и инженеров, которые следили за исправностью жизненно важных механизмов.

Я был одним из последних, пока не началось Смутное Время.

Мне достаточно сложно объяснить наше Смутное Время такой бесхитростной девушке, как ты, привыкшей к жизни в относительно примитивном доиндустриальном обществе. (Не смотри на меня так! Ты всего лишь варварка, разумный примитивный человек... Хорошо, прошу извинить меня, но тем не менее это правда.)

Для тебя мир, в котором мы тогда жили, мог показаться раем. В нем не было голодных, больных, невежественных или угнетенных. Практически никто не знал, что такое преступление. У каждого была интересная работа и много свободного времени для других занятий. Тем не менее после многих лет безмятежности, словно ниоткуда, появилось странное недовольство. Вдруг люди стали сомневаться в старых обычаях и вере, системе ценностей. Мы горячо заспорили о природе вселенной и нашем месте в ней, о сложных вопросах жизни, мышления, любви и свободы воли.

Сначала споры были цивилизованными и рациональными, но шло время, и философские группы противников становились все более нетерпимыми и фанатичными. Споры стали заканчиваться физическим насилием. Это должно было стать предостережением о том, что ждет нас впереди, но не стало. Мы так долго жили в мире, что у

нас не было оружия. Бесчинства, которые казались сначала веселыми и увлекательными, захватывали наш мир.

Не все, что происходило в Смутное Время, было скверным. Стали многочисленными изобретения, включая чудесные виадуки, способные перенести человека куда угодно буквально за мгновение. Появились новые формы развлечений и новые художественные школы. Были построены Три Луны, которые сначала считались колониями и парками развлечений для тех, кого уже не удовлетворяли обычные способы времяпровождения. Новизна накладывалась на новизну, ссора на ссору. Время было увлекательным и одновременно пугающим для самых мудрых из нас, так как они подозревали, что наше когда-то безмятежное общество никогда уже не будет таким.

Историки затруднялись сказать, кто именно возродил древнее человеческое ремесло, называемое магией... но она появилась словно ниоткуда. Захватывающая история, верно?

Магия стала лишь очередным увлечением. Практики учились манипулировать как внутренними ресурсами человеческого сознания, так и таинственными источниками природного характера, на которые сознание могло влиять. Настоящие волшебники всегда жаждали большей власти, особенно власти, позволяющей контролировать других людей. Мы занимались этим, и, что достаточно интересно, лучшими чародеями становились ученые, как я. Конечно, не все смогли овладеть магией. Те, кто не смог овладеть ей, стали бояться и ненавидеть тех, кто смог.

Волшебники становились все более влиятельными и разделились на две противоборствующие фракции: на магов, которые самонадеянно считали, что используют магию на благо человечества, и колдунов, которые презрительно относились к не овладевшим магией людям и считали, что право доминировать в обществе даровано им богом.

Последней искрой, зажегшей тлеющий в обществе конфликт, оказалась женщина по имени Нерения Дарал. Такого очарования и личного магнетизма наше общество не

видело уже несчетное количество веков. Она была в высшей степени красивой и привлекательной, и не только благодаря физическому совершенству, но и благодаря гениальному интеллекту, силе воли, способности добиваться верности и преданности, глубочайшей преданности.

Она основала организацию колдунов, которую называли Звездной Гильдией, и за ней последовали лучшие колдуны. Точно выраженной целью Гильдии было насильственное преобразование мира при помощи магической науки и восстановление путешествий по небесному своду. Наиболее могущественные маги принадлежали оппозиционной группе, называвшейся Коллегией Великих Волшебников, которая придерживалась более консервативной точки зрения на общество, в котором никто не мог быть угнетен при помощи магии, даже ради всеобщего блага. Возглавлял Коллегию я, и никто не завидовал моему положению.

Конфликт между двумя нашими фракциями перерос в войну, которая продолжалась более двухсот лет. Мы боролись друг с другом самыми изощренными оружием и магией, которые смогли изобрести. Более четырех пятых населения погибло, а в конце словно сама планета умыла руки, хотя маги знали, что винить за нарушение равновесия природы следует человечество.

С самого начала войны сокрушительные землетрясения поражали районы самых ожесточенных битв. Вулканы, созданные неправильной магией, возникали там, где их раньше никогда не было, и огромными тучами дыма превращали день в ночь. Растения и животные исчезали от таинственного мора. Порожденные оккультными конфликтами пожары уничтожали леса и степи. Три Луны, когда они светили, приобретали ужасный цвет, похожий на запекшуюся кровь, словно предсказывая грядущие беды.

Затем стал изменяться климат.

Не думай, что температура вдруг резко понизилась до точки замерзания. Нет! Зимы стали более суровыми, но

действительно обрекло нас на гибель ускорение циклов выпадения атмосферных осадков. Это каким-то образом зависело от пыли в воздухе, выброшенной новыми вулканами, а также дыма от горевших лесов и степей. В низинах дождь практически не прекращался, в горах и на возвышенностях в огромных количествах выпадал снег, который никогда не таял. Его слой становился все толще и превращался в лед под собственным весом. К концу двух столетий магического противостояния сформировался Вечный Покров и начался истинный Ледяной Век.

Даже после того как большая часть населения одумалась, Звездная Гильдия не отказалась от своих планов и не прекратила боевые действия. Даже наши чудесные механические слуги синдоны не смогли победить Звезду. Оставшиеся в живых члены Коллегии Великих Волшебников создали инструмент из трех частей, названный Скипетром Власти, для того чтобы победить магию Звездной Гильдии и восстановить природное равновесие мира.

Скипетр был передан трем главным Великим Волшебникам, среди которых был и я. Мы выступили, чтобы уничтожить штаб Гильдии, расположенный в Охоганских горах на западе мира. Каждый Великий Волшебник обладал частью Скипетра, которые потом вы — Лепестки Животворящего Триллиума — назвали своими талисманами. Мы молились небесам, чтобы нам не пришлось складывать части Скипетра вместе и использовать его полную силу.

Понимаешь, мы его боялись.

Каждый талисман обладал значительной оккультной силой. Это мы уже поняли. Но соединенные вместе, части Скипетра теоретически обладали величайшей магией. Он был способен откачивать жизненные силы целой планеты и всех живущих на ней существ, был способен не только нанести поражение Звезде, но и повернуть вспять экологический процесс, вызвавший Ледяной Век.

Существовала также опасность, что сила Триединого Скипетра способна разорвать потерявший равновесие мир на куски.

Мы не посмели использовать прибор даже в конце войны, разрушившей нашу цивилизацию. Вместо этого три Великих Волшебника использовали три части Скипетра для окончательного штурма твердыни Звездной Гильдии. Нас поддерживала армия синдон, называемых Стражами Смертного Суждения, которые были способны убивать.

Мои коллеги героически сражались против колдунов, но сгинули в затянувшейся битве. Сам я, вооруженный Трехвеким Горящим Глазом, победил членов Гильдии в решающем поединке магии против магии. После этого я передал три части Скипетра синдонам, приказав спрятать их там, где никто не сможет найти.

Горстка выживших колдунов спряталась в скованных ледником горах в центре континента. Нерения Дарал была среди тех членов Гильдии, которых нам удалось схватить и отправить в Бездну Заточения. Большая часть моих коллег требовали предать ее смерти, но я не допустил этого, так как, увидев Госпожу Звезды, влюбился в нее всей душой и сердцем. Я до сих пор люблю ее, да хранят меня небеса.

Когда война магий наконец закончилась, некогда прекрасный Мир Трех Лун лежал в руинах.

В живых осталось менее миллиона человек. Чудовищная ледяная шапка никуда не исчезла, несмотря на титанические усилия науки и магии, предпринимаемые Коллегией Великих Волшебников, скорее, она разрасталась, пока не поглотила всю сушу, за исключением береговой линии и островов. В таком мире могли существовать только примитивные формы жизни. Не могли выжить даже наши подводные колонии, существование которых зависело от относительно теплого океана, в котором стали править айсберги.

Мы знали, как следует поступить. Нам следовало Исчезнуть — покинуть мир и попытаться отыскать другой дом за пределами внешних небес. Население стало готовиться к эмиграции, а Великие Волшебники занялись решением другой проблемы. В связи с тем, что ответственность

за войну лежала и на нас, мы приняли коллективную клятву возместить чудовищный урон, нанесенный планете человечеством.

Наша раса не могла здесь выжить, но могли выжить другие, более выносливые виды. Потом, когда пройдут миллиарды лет и ледники растают, возможно, Мир Трех Лун будет вновь населен мыслящими существами.

Наша Коллегия создала новую расу, совмещающую наследственность человечества и диких скритеков — единственных разумных существ, живших на болотистом Рувендианском плато, на котором еще сохранился относительно мягкий климат. Наши лаборатории находились в подземном Краю Знаний в Гиблой Топи, где когда-то находился наш самый знаменитый университет. Новая раса была наконец создана, это были виспи, красивые умные существа со скромными способностями использовать магию в повседневной жизни. Мы также вывели вид компаньонов-помощников — гигантских, владеющих телепатией птиц, которых вы называете ламмергейерами, или вурами, и которые должны были переносить виспи между разбросанными поселениями надо льдом и снегами.

Тем временем настало время человечеству отправляться на поиски нового дома.

Были созданы и ждали у Трех Лун своих пассажиров три громадных транспортных корабля. В связи с тем, что путешествие могло продлиться бесчисленное количество лет, все люди должны были погрузиться в магический сон и проснуться автоматически, достигнув пригодного для жизни места. Одна из Лун была переделана для пассажиров, так как требовалось время для подготовки их для сна и размещения в специальных контейнерах.

Первые пять кораблей были загружены спящими и отправлены за небесный свод. Оставалось только отправить шестой.

Как ты знаешь, моя дорогая Харамис, в последнюю минуту некоторые люди предпочли остаться. Некоторые из них были упрямыми живучими людьми, не пожелавшими оставить дома, у других был более серьезный мотив.

Понимаешь, возникло новое несчастье.

Нерении Дарал и еще нескольким членам Звездной Гильдии удалось сбежать из Бездны Заточения. Мы считали, что тюрьма неприступна, и не знали о существовании магического прибора Людей Звезды под названием Путеводная Звезда. Это устройство, которое, кстати, дважды спасало Орогастуса от неминуемой смерти, было вынесено с места последней битвы избежавшими пленения колдунами. Эти беглецы нашли убежище в Недосягаемом Кимилоне, включили Путеводную Звезду и вырвали Нерению и еще нескольких лейтенантов из наших рук.

Нам, магам Коллегии Великих Волшебников, не удалось выследить сбежавших членов Гильдии. Пришло время садиться на корабль, но мы медлили, боясь, что могущественным колдунам удастся поработить наивных виспи и сорвать наш благородный план, над которым мы так много работали.

Великие Волшебники, надеясь предотвратить такой поворот событий, остались.

Последняя группа эмигрантов, уже погруженных в сон внутри сфер, ждала транспортировки на корабль через виадук. Мир внизу был скован зимой, и сильнейшие штормы проносились над сушей и морем. Несмотря на огромные трудности, нам удалось дезактивировать почти все наземные виадуки, еще не погребенные под слоем льда, чтобы сбежавшие члены Гильдии не могли ими воспользоваться. Никто из нас не подозревал, что один-единственный виадук, расположенный в Кимилоне, уже был освобожден ото льда сбежавшими колдунами.

Это произошло как раз когда мы устанавливали корабль в нужное положение для погрузки на него пассажиров.

Нерения Дарал и ее когорта ворвалась на корабль через виадук и попыталась взять его под контроль. Это была короткая, но яростная драка. Были убиты девятнадцать из двадцати восьми членов Гильдии и почти все маги.

Только шесть магов остались невредимыми, а одиннадцать получили тяжелые раны. Я захватил в плен Нерению Дарал, но восьми колдунам удалось сбежать на пла-

нету через перепрограммированный виадук и бесследно исчезнуть.

Мы послали наших раненых в Край Знаний, где их могли выходить синдоны, а сами попытались погрузить пассажиров на корабль. Тут мы узнали о новом несчастье — корабль был непоправимо поврежден искусственными молниями, выпускаемыми из оружия колдунов. Корабль обладал машинным разумом и сообщил нам о своем неминуемом уничтожении в течение двух дней, он также сообщил, как его можно отослать от Трех Лун, чтобы они не были повреждены при взрыве.

Мы вывели корабль на другую сторону планеты, где его поглотила вспышка ярче солнца.

Мои друзья Великие Волшебники вернулись в Край Знаний, чтобы предаться скорби. Я остался на Луне, которая носит теперь мое имя, в качестве хранителя Тех, Кому Не Удалось Исчезнуть. Здесь же осталась Нерения Дарал, чье тело ты уже видела. Я надеялся обратить ее своей любовью, но она покинула меня навеки, оставив наедине с беднягами, которым не суждено открыть глаза и увидеть новый мир.

Я всегда был рядом с ними, размышлял о том, как можно изменить их судьбу и, конечно, судьбу мира.

Прошло больше одиннадцати тысяч лет. Ледяной Век пошел на спад. Существование крошечных районов поселений людей было тяжелым и примитивным, но они выжили. Как и потомки колдунов Звездной Гильдии, которые скрыли свое владение магией и попытались смешаться с обычными людьми.

У виспи жизнь была лучше, благодаря оставшимся членам Коллегии Великих Волшебников и их помощникам синдонам, которые были их доброжелательными хранителями. Но милые сердцу создания не размножались так быстро, как нам хотелось бы. Виспи были красивыми, и оставшиеся на планете люди часто сочетались с ними браком. Дети от этих браков (отличающихся лучшей плодовитостью) часто не были похожи на родителей. Некото-

рых оддлингов родители бросали еще в раннем детстве, другие, достигнув зрелого возраста, добровольно покидали общество виспи или людей, чтобы жить со своими собратьями. Шли века, и племена оддлингов становились настоящими расами: ниссомы, уйзгу, дороки, лерками и кодооны, то есть народами болот, морей, гор и джунглей. Свирепые скритеки тоже выжили, и их кровь неминуемо сливалась с кровью других народов, в результате чего появлялись более высокие аборигены, менее похожие на людей: вайвило, глисмаки и алиансы.

На наиболее плодovитой расой, как это ни парадоксально, оказались люди! Им удалось выжить, несмотря на лед, и через несколько тысяч лет они превосходили по численности народы и захватили наиболее пригодные для проживания земли. Возникла новая человеческая цивилизация, более примитивная, чем у Исчезнувших, и история Мира Трех Лун была практически забыта.

Нам, Великим Волшебникам, не удалось размножиться столь успешно. Члены первой Коллегии были долгожителями, но все перешли в иной мир, за исключением меня. Наши последователи покинули Край Знаний и расселились по миру, стали опекунами и хранителями мудрости.

Сейчас нас осталось только трое.

И мир, который, казалось, обретал равновесие, вновь зашатался на краю бездны. Девять сотен лет назад я стал свидетелем зловещей деградации вместе с Ирианой и твоей предшественницей Биной. Я вызвал рождение последнего настоящего Человека Звезды Орогастуса, а Ириана и Бина, в надежде противостоять ему, придумали рождение тебя с сестрами. Как и надеялись Голубая Дама и Белая Дама, тебе и твоим сестрам Анигель и Кадии удалось найти утерянные части Скипетра Власти.

Вам троим и Господину Звезды многое пришлось пережить. Мое предвидение вашей совместной судьбы и судьбы мира туманно и неточно. Я слишком стар, слишком изнурен, слишком истощен, к тому же весьма вероятно, что я уже не совсем нормален.

Как бы то ни было, я уверен, что существует два способа восстановления равновесия мира, причем оба связаны со Скипетром Власти и с крайним риском. Орогастус, несомненно, способен восстановить равновесие. Если он станет властелином мира, он совершит все необходимое при помощи грубой силы и темной магии Звезды.

Цветок и вы трое, как его человеческое воплощение, также способны восстановить равновесие, и ваша победа, несомненно, будет достигнута более элегантными и менее пагубными для человечества средствами, чем победа Звезды. Но я не понимаю смысла Черного Триллиума. Он является частью магического наследия мира, более древнего, чем Коллегия или Звезда, и по этой причине я в него не верю. Логика говорит о том, что Три Лепестка Животворящего Триллиума должны потерпеть неудачу.

Но я могу ошибаться.

Вот почему ты здесь, моя дорогая Харамис! Возможно, нам удастся найти компромиссное решение, возможно — нет.

Но я не позволю тебе покинуть Луну и помешать Орогастусу. Я видел, как ты готова была убить его, невзирая на любовь и клятву. Какая глупость! Он — единственная надежда мира, а не ты со своими ни на что не способными сестрами.

И не смей со мной спорить, Великая Волшебница Земли! Ты здесь — и здесь останешься, пока Орогастус не завоюет мир и не использует Скипетр Власти, чтобы спасти его.

Или уничтожить, раз и навсегда.

Глава 13

По приказу Дамы Священных Очей капитан Викит-Аа привел судно к месту слияния реки Ода с Великим Мутаром. Команда вайвило на веслах подняла судно вверх по течению и поставила на якорь в небольшой заводи, с легким доступом к левому берегу. До заката оставался час, дождь прекратился.

— Прошу тебя послать на берег разведчиков,— сказала Кадия Викиту,— и определить, есть ли проход, параллельный Оде. Я тем временем посоветуюсь со своими людьми.

Она удалилась в кормовую надстройку, где ее ждали Почетные Кавалеры, Лумому-Ко, Ягун, принц Толивар и Ралабун. В каюте прибрались после схватки с людьми агента, одно из двух окон было заколочено, поэтому было сумрачно и в воздухе все еще пахло отравленным рагу из карувока и разлитой салкой.

— Я вновь пересмотрела свои планы,— сообщила Кадия, когда все расположились вокруг нее на койках, табуретах и сундуках.— Новый план зависит от того, удастся ли разведчикам Викита отыскать путь вверх по течению Оды, но думаю, с этим проблем не будет.

— Вы собираетесь продолжить путь по суше, господа? — удивленно спросил юный рыцарь Эдинар.— Но почему?

— Как вы все знаете,— терпеливо объяснила она,— презренный Турмалай Йонз напал на нас по приказу Звездной Гильдии. Главной целью была я. За меня, живую или мертвую, было обещано огромное вознаграждение. Его можно было получить в том случае, если доставить меня в определенное место на этой реке, рядом с так называемым Двойным Каскадом, примерно в двадцати трех лигах вверх по течению от места нашей стоянки.— Она замолчала и обвела взглядом соратников.— Место получения награды совпадает с местом входа в виадук.

— Священные ушные раковины Зото! — вскричал сэр Баффрик, новый командир рыцарей, тридцатилетний чернобородый мужчина крепкого телосложения.— Можно предположить, что магический проход ведет к тому месту, где укрылись люди Звезды?

— Я так полагаю,— сказала Кадия. Все возбужденно заговорили, и ей пришлось поднять руку, чтобы добиться тишины.— Кавалеры, вы могли догадаться о моем следующем заявлении. Я намереваюсь войти в виадук, чтобы кратчайшим путем попасть в царство врагов. Ягун уже

согласился сопровождать меня, и мне бы хотелось, чтобы вы пятеро к нам присоединились.

— Я отвечу за всех,— сказал Бафрик.— Мы пойдем с вами с радостью.

Все остальные одобрительно закричали.

— Я тоже,— сказал вайвило Лумому-Ко,— если вы сочтете это полезным.

— Мой друг,— с сожалением сказала Кадия,— ситуация не изменилась. Твой большой рост и нечеловеческая внешность не позволят тебя остаться незамеченным в стане врага. Прошу тебя позаботиться о принце Толиваре и Ралабуне во время последней части путешествия по Великому Мутару и доставить в безопасности в Дероргуилу, как мы и намеревались.

Абориген кивнул:

— Я буду защищать их ценой своей жизни.

Кадия повернулась к принцу:

— Мой дорогой Толо, должна сообщить тебе плохие новости, которые и заставили меня изменить свой план.

Она рассказала ему, что королева Анигель была, вероятно, похищена через другой виадук в Гиблых Топях и что Великая Волшебница узнала о похищении других правителей.

— Белая Дама ничего не может сделать для спасения моей матери? — спросил мальчик.

— Она сообщила, что не может определить даже место, где держат в неволе королеву и других правителей,— ответила Кадия.— Ее талисман не отвечает. Мы обе считаем, что пленники в руках Людей Звезды и скрыты их черной магией. Есть только один способ узнать, где находится штаб Гильдии в Саборнии,— пройти через виадук у Двойного Каскада.

Рыцари посовещались между собой, потом сэр Калеппо обратился к Кадии:

— Госпожа, вы говорили, что магические проходы не видны невооруженным глазом и могут быть использованы только при помощи волшебства. Как мы найдем вход в него, если вы лишились своего талисмана — Трехвекого Горящего Глаза?

— Виадук может быть открыт любым человеком, произнесшим определенное заклинание,— ответила Кадия.— Обычно вход в них действительно невидим, но я уверена, что мы найдем определенные знаки, указывающие на то, где вознаграждение за меня должно быть выплачено. Виадук будет где-то рядом.

— Если мы не найдем его,— заметил Ягун,— потеряем четыре дня.

— Эти леса,— добавил Лумому,— населены особенно кровожадными глисками. Они, несмотря на указ Белой Дамы, по-прежнему практикуют каннибализм. Быть может, мне и команде Викита следует сопроводить вас до этих двойных порогов.

— Я не позволю, чтобы невинные вайвило из-за нас подвергали свою жизнь опасности,— возразила Кадия.— Достаточно будет, если ты и капитан останетесь здесь, на борту судна, в течение пяти дней. Если мы не вернемся по истечении этого срока, можете предположить, что мы нашли виадук и отправились выполнять нашу новую миссию.

— Или с вами случилась ужасная беда,— пробормотал Лумому,— и вы перешли в иной мир.

— Нужно молиться о счастливом исходе,— сказала Кадия.— Могу заверить, что ни меня, ни моих Кавалеров не удастся захватить врасплох дважды. Мы будем хорошо вооружены и начеку.

— Госпожа,— несколько неохотно произнес самый плотный и бесстрастный из молодых рыцарей, сэр Сайнлат.— Не подумайте, что я намерен не выполнить ваш приказ, но как мы узнаем, что ждет нас на другом конце магического прохода? Нас может встретить сам злобный колдун Орогастус или превосходящие силы Звездной Гильдии...

— Не подумай, что я собираюсь броситься в виадук, как глупый шангар в западню охотника,— перебила его Кадия.— Я придумала благоразумный план действий, который пока обсуждать не хочу и который позволит мне заранее узнать, что ждет нас на другом конце виадука.

— Вы посоветуетесь с Белой Дамой! — Вмешался в разговор Мелпотис.

— Не думаю,— уклончиво ответила Кадия.— Моя сестра Харамис очень занята своими собственными делами. Если нам удастся добраться до страны Людей Звезды, будет достаточно времени с ней посоветоваться.

— Что будет, если ты определишь, что наши шансы безнадежны? — спросил Ягун.

— Если так случится, мы немедленно отказываемся от плана и возвращаемся к судну, чтобы, согласно первоначальному плану, отправиться в Саборнию морем.

— Будет очень жаль,— прорычал сэр Баффрик.— Одна мысль о том, что скоро нам, возможно, удастся встретиться со злодеями, похитившими королеву, заполняет мое сердце жаром!

Другие согласились. Кадия приказала подготовиться к выходу на рассвете следующего дня и удалилась, чтобы поговорить с Викит-Аа. Но едва она успела выйти из каюты на залитую дождем палубу, как следом за ней выскочил принц Толивар с искаженным от волнения бледным лицом.

— Тетя Кадия, умоляю тебя передумать. Позволь мне пойти с тобой и принять участие в спасении матери. Я... я знаю, что не отличаюсь большой силой, но смогу помочь тебе.

Кадия недовольно посмотрела на него:

— Не могу понять как. Нет, ты будешь лишь обузой, Толо. И если бы у тебя был ум, которым Бог наградил хотя бы кубара, ты сам понял бы это и не тратил мое время. Если я не рискую взять с собой такого доблестного воина, как Лумому-Ко, почему я должна думать о том, чтобы взять двенадцатилетнего мальчишку?

— Потому что... потому что...— Он не смог заставить себя продолжить.

Кадия зашагала мимо мальчика в другую каюту. Толивар остался в одиночестве у леера и делал вид, что смотрит на густой лес на берегу, хотя глаза его застилали слезы. Когда к нему подошел Ралабун, он грубо приказал ему уйти.

Но старый ниссом уже заметил слезы гнева.

Кошмар повторился, когда принц стоял на пороге своего самого важного приключения в жизни. На этот раз он был особенно ярким и лишенным выдуманных деталей, которые раньше искажали его воспоминания.

Он был на четыре года моложе и наряжен в безвкусную имитацию королевских регалий Лабровенды. Крошечный меч висел на поясе, на голове красовалась корона с фальшивыми камнями. Армия из Тузамена и пиратского королевства Рэтам взяла в осаду северную столицу Двух Тронов, и город был близок к капитуляции.

Во сне этот грязный прихвостень Орогастуса Фиолетовый Голос и отряд из шести тузаменских стражников вели Толивару через смятение и резню по осажденной Дероргуиле. Мальчик узнал, что Орогастус только притворялся его другом и лгал, обещая, что маленький принц станет его приемным сыном и наследником магической силы. Вместо этого охваченный ужасом мальчик узнал, что после падения Лабровенды он должен стать марионеточным правителем. Более того, судьбой ему уготовано было стать невольным соучастником убийства отца, матери, старшего брата и сестры.

Все они должны были умереть, прежде чем принц Толивар мог унаследовать Два Трона.

Во сне он плакал от ярости и стыда, когда его тащили по опустошенным улицам столицы. Исключительно суровая зима, свидетельствующая о нарушении равновесия мира, держала Дероргуилу в ледяном плену. Везде лежали тела убитых солдат и горожан, снег был залит кровью. Мальчик не мог сдержать кашель и рвоту из-за дыма от горящих зданий и жуткого смрада от трупов.

Покрытые льдом булыжники были слишком скользкими, и он все время падал.

Постоянно выражая недовольство задержкой, Фиолетовый Голос наконец забросил запинавшегося принца на спину, приказав держаться за драгоценный сундук со звездой. Голос вел его к хозяину, который возглавлял атаку на дворец.

Они шли вперед, мимо небольших отрядов защитников, вступивших в последний, безнадежный бой. Вопя-

шие банды рэктамских пиратов и тузаменских солдат сновали по городу, нагруженные трофеями из горящих особняков.

Затем началось землетрясение.

Огромная стена обрушилась на Фиолетовый Голос и шестерых стражников и убила их на месте. Толиvara чудом отбросило в сторону, и он упал невредимый, за исключением ссадин и синяков.

Сундук тоже не пострадал.

Принц действовал быстро, несмотря на то что едва не лишился разума от страха. Он был вооружен лишь крошечным мечом и понимал, что скоро замерзнет до смерти или его постигнет еще худшая участь, если он попытается спрятаться в развалинах и попадет в руки захватчиков. Оставив среди развалин крошечную корону и часть одежды, чтобы Орогастус посчитал его мертвым, отыскав при помощи магии, мальчик поспешил к дворцу по темным переулкам и извилистым аллеям рядом с замерзшей рекой Гуила. Ему удалось проникнуть в королевские конюшни через тайную дверь в крепостной стене, когда-то показанную Ралабуном.

Решающая битва разгорелась во внутреннем дворе крепости Зотопанион — последнем оплоте побежденных лабровендиан. Тысячи рэктамцев и тузамен накатывали на дворец. Сам Орогастус забрасывал двери твердыни шаровыми молниями из Трехвекого Горящего Глаза.

Пробираясь по темным коридорам конюшен к комнате Ралабуна, в которой надеялся найти убежище, маленький принц увидел страшное зрелище. Рядом с дверью в комнаты конюхов в луже крови лежало с вилами в горле тело пирата. На нем, все еще сжимая черенок вил, распластался Ралабун... с рэктамским кинжалом в спине.

— О нет! — закричал принц, склонившись над другом.

Ниссом едва слышно застонал и открыл один затуманенный желтый глаз.

— Быстро ступай в мою комнату, Толо. Спрячься там, пока я не приду за тобой.

Глаз закрылся, и Ралабун не произнес больше ни слова.

Так получилось, что Ралабун не умер, он просто был тяжело ранен и потерял сознание; но во сне, как и в жизни, Толивар посчитал себя лишенным последней надежды. Услышав чьи-то шаги, принц шмыгнул в крошечную комнатку ниссома и спрятался в углу, укрывшись плащом.

Человек, двигаясь крадучись и тяжело дыша, словно спасаясь от смерти, вошел в комнату и закрыл за собой дверь. Принц сжал рукоятку крошечного меча. В тусклом свете от камина Ралабуна он увидел, что вошедший был одет в грязный золотистый плащ. Это был приспешник, которого Орогастус называл Желтым Голосом, и колдун приставил его на время вторжения в качестве адъютанта к молодому королю Рэктама Ледавардису.

Под капюшоном Голоса он увидел серебряный блеск и едва не закричал от удивления. На голове колдуна был талисман, который называли Трехглавым Чудовищем! Орогастус передал его своему миньону, чтобы Голос мог передавать своему хозяину новости с поля битвы.

Толивар понимал, что трусливый Желтый Голос сбежал, забыв про свои обязанности, когда схватка стала слишком неистовой.

Во сне сердце принца наполнилось храбростью и решимостью. (На самом деле он действовал не задумываясь.) Вся комната была погружена в темноту, за исключением части рядом с очагом, где стоял Желтый Голос и доедал оставленный Ралабуном ужин. Толивар подкрался со спины к приспешнику, который накладывал в миску из котелка над огнем горячую кашу. Мальчик прижал острие своего крошечного меча к шее мужчины, проткнув капюшон.

— Стой на месте! — прошипел он. — Брось все на пол.

— Я ничего плохого не сделал, — дрожащим голосом произнес Голос, но Толивар продолжал нажимать на меч, пока не услышал, как миска и половник упали на пол. — Я всего лишь невооруженный горожанин, попавший по ошибке на поле битвы...

— Замолчи, или умрешь! И не смей двигаться!

— Я буду стоять очень смиренно, — пролепетал Желтый Голос. — Даже не подумаю пошевелиться.

Меч с быстротой молнии сорвал с него капюшон и сбил магическую корону с бритой головы. Трехглавое Чудовище пролетело по воздуху, со звоном упало на пол и укачилось в темноту.

— Темные Силы, только не талисман! — завопил приспешник. — *Господин! Помоги мне...*

Принц Толивар понял, что поступил безрассудно, когда Желтый Голос резко повернулся и, издав жуткий крик, повалил его на пол. Мальчику удалось выскользнуть из-под него, правда потеряв меч. Приспешник с трудом поднялся на колени, прижав руки к расплывающемуся на груди темному пятну. Его глаза превратились в сверкающие белые звезды, и Толивар знал, что сквозь них на него смотрел сам Орогастус.

Желтый Голос бился в агонии, тщетно пытаясь вытащить крошечное лезвие, случайно проткнувшее его сердце. Вдруг его голова медленно повернулась, и два сверкающих глаза, словно маяки в темноте, осветили принца Толиvara. Мальчик вжался в угол, широко открыв рот в безмолвном ужасе.

Затем сверкающие глаза мигнули, и Желтый Голос мертвым упал на пол.

Во сне маленький принц встал и вытащил свой меч из мертвого тела, вытерев его о плащ приспешника. Затем он спокойно подошел к кровати Ралабуна и клинком вытащил из-под нее магическую корону. Затем он долго смотрел на Трехглавое Чудовище, зная по звезде под центральным ликом, что оно по-прежнему связано с Орогастусом и убьет его, посмей он прикоснуться к нему голыми руками. Серебристая окружность, являющаяся частью все-сильного талисмана, принадлежала его матери королеве, пока та не отдала ее Орогастусу в обмен на своего мужа короля Антара... и своего младшего сына Толиvara.

Но принц отказался покидать колдуна, ослепленный мечтой о том, что Орогастус любит его и когда-нибудь передаст ему свою магическую силу.

— Ты солгал мне, — прошептал мальчик, чувствуя странное возбуждение. — Тем не менее я овладею силой.

Он взял Сундук, прекрасно зная, для чего он предназначен, открыл его. Внутри он был выложен сеткой, а в углу располагался ряд плоских драгоценных камней.

Толивар мечом опустил корону в Сундук. Яркая вспышка словно сообщила ему о том, что корона больше не связана с Орогастусом. Принц по очереди нажал на плоские камни, и они загорелись. Последним он нажал на белый камень. Раздался мелодичный звук, и все камни погасли. Мальчик смотрел на Трехглавое Чудовище и медлил. Сундук выполнил свою работу? Был ли талисман теперь связан с ним? Если нет, он должен был погибнуть при малейшем прикосновении.

В этот момент он услышал за дверью грубые крики и грохот. Приближались пираты!

Он протянул дрожащую руку к сундуку. Металл короны был теплым на ощупь. Талисман не убил его. Под центральным, ужасным, ликом, где совсем недавно сияла многоконечная звезда, появилось крошечное изображение герба Толиvara.

— Ты моя! — с восхищением прошептал он и надел талисман на голову. Громкие голоса были совсем рядом. — Талисман, сделай меня невидимым, и Звездный Сундук тоже, — приказал он.

Видимо, так и произошло, так как дверь с трескомпахнулась, в комнату ворвались негодяи с окровавленными мечами, с презрением посмотрели на тело Желтого Голоса и куда-то удалились. Принц почувствовал, как сердце его наливается чудесной уверенностью в себе.

— Орогастус, я стану более великим колдуном, чем ты! — провозгласил он. — Я заставлю тебя пожалеть о том, что ты обманул меня.

На этом месте сон закончился, и начался кошмар пробуждения принца.

Толивар! Толивар, принц Лабровенды! Ты слышишь меня?

— Нет... уходи. — Полусонный мальчик закрыл голову грубой подушкой и зарылся поглубже под одеяло.

Я не уйду, Толо, пока ты не согласишься стать моим союзником.

— Нет,— прошептал Толивар.— Ты существуешь только в моем воображении, Орогастус. Ты не говоришь со мной, даже не знаешь, где я нахожусь.

Неправда. Ты лежишь в койке на судне вайвило. Судно пришвартовано на реке Ода недалеко от ее слияния с Великим Мутаром.

— Ты не можешь этого знать,— ответил мальчик голосу в своем сознании.

Но я знаю. И знаешь почему, Толо? Потому что в глубине своего сердца ты сам хочешь, чтобы я это знал! Если бы ты не хотел, два талисмана защитили бы тебя от меня.

— Нет, ты всего лишь сон. Тебя вызывает в воображении моя нечистая совесть. Я чувствую вину потому... потому что однажды променял тебя на родителей. Тогда я их ненавидел...

Ты был слишком молод, чтобы понимать, что делаешь. Твоя ненависть не была настоящей. Твои отец и мать понимают это. Ты давно уже искупил ребяческие грехи. Теперь, когда ты почти достиг совершеннолетия, они не имеют значения. В любом случае все эти детские шалости не имеют никакого отношения к данному мной священному обещанию... которое я собираюсь выполнить.

— Меня не интересует твоя ложь. Оставь меня в покое.

Конечно, интересует. Как может не интересоваться, если ты такой умный? Более всего на свете тебе хочется испытать полную силу, скрытую в этих чудесных предметах.

— Уходи, оставь меня в покое. Уходи из моих снов. Я презираю тебя! Настанет день, и я сам убью тебя, чтобы искупить свои грехи.

Чепуха. Будь честен с самим собой, Толо! Ты знаешь, что только я могу научить тебя полностью использовать талисманы. Сам ты никогда не научишься. Приходи ко мне в Саборнию, мой мальчик. Один шаг в виадук...

— Никогда. Ты пытаешься обмануть меня.

Никто не может причинить вреда обладателю Трехглавого Чудовища и Трехвекого Горящего Глаза. Ты сам знаешь это.

— У меня их нет.

Есть. Я видел тебя в конюшне, когда умер мой Желтый Голос. Только ты мог взять корону и Звездный Сундук. А кто, если не их владелец, мог похитить Горящий Глаз?

— Не я. Не я...

Дорогой Толо, ты знаешь, что собирается сделать завтра твоя тетя Кадия. Следуй за ней! Когда ты войдешь в виадук и окажешься в Саборнии, мои воины встретят тебя и проводят ко мне. Мы устроим великий праздник, чтобы поприветствовать моего давно пропавшего приемного сына и наследника. Тебя мгновенно примут в Гильдию, как я и обещал четыре года назад.

— Я... я не верю тебе.

Должен верить. Только я могу помочь тебе выполнить предназначение.

— Нет!

Толо! Приди ко мне!

— Нет, нет, нет!

Ты знаешь, что должен! Толо... Толо... Толо...

Принц громко застонал и почувствовал, что его трясет за плечо чья-то рука.

— Нет, уйди от меня...

— Толо, проснись, мой мальчик. Это я, тетя Кади. У тебя был плохой сон.

Принц высунулся из-под одеяла. Тетя стояла на коленях рядом с его койкой, и лицо ее освещала капля янтаря Триллиума, висевшая на шее. Была глубокая ночь. Капли дождя стучали по крыше, храп Почетных Кавалеров, Ягура и Ралабуна соперничал по громкости с криками лесных обитателей.

— Прости меня,— жалобно прошептал Толивар.— Сон казался таким реальным.

Кадия поцеловала его в лоб.

— Теперь он ушел, постарайся уснуть.

Он отвернулся к стене каюты.

— Я постараюсь.

Она похлопала его по плечу и вернулась к своему тю-фяку. Принц лежал неподвижно, пока не удостоверился, что она уснула. Потом опустил руку и нащупал кованный сундучок под койкой. Он был на месте, его сокровища никто не похитил.

С широко открытыми глазами принц Толивар стал ждать наступления рассвета.

Глава 14

Прощавшись с Толиваром и Ралабуном, Кадия на-кинула плащ с капюшоном и вышла на палубу, на све-жий утренний воздух.

Было прохладно и очень тихо. Густой туман окутывал реку и берега, но, по крайней мере, не было дождя. Лу-мому-Ко и Викит-Аа помогали у площадки трапа По-четным Кавалерам надевать сумки с запасным оружием, одеждой, провиантом и прочими необходимыми вещами. Ягун уже сошел на берег, чтобы посоветоваться с развед-чиками вайвилу.

— Мы почти готовы, госпожа,— сказал сэр Баф-рик.— Шкипер сказал, что нам следует опасаться дере-вьев-людоедов и ядовитых жуков суну на всем пути до виадука.

— Кстати,— добавил сэр Эдинар с нездоровой стра-стью,— из-за тумана существует особая опасность напа-дения прожорливых нампов, которые обитают только в этих местах. Ужасные твари прячутся в тщательно зама-скированных ямах и ждут, пока в них свалится ничего не подозревающая добыча.

— Я слышала об этих нампах, Эди. Они достаточно устрашающи, но не смогут противостоять такому грозно-му воину, как ты.— Она обратилась к Викит-Аа.— На что похожа тропка? Что говорят разведчики? Сможем ли мы добраться до порогов завтра к полудню?

— Местность в таких низменностях часто бывает залита водой, — ответил капитан судна. — Мои люди наметили короткий запасной путь. На западе — возвышенность, и путь становится свободным. Если удастся избежать неприятностей, на весь путь должно уйти не более полутора дней. Но меня по-прежнему беспокоит возможное присутствие каннибалов-глисмаков.

Кадия машинально дотронулась до герба Триллиума с глазами, украшавшего ее кольчужную кирасу.

— Даже здесь, на диком юге Вара, лесные народы должны были слышать о Даме Священных Очей.

— Боюсь, — сказал Викит-Аа со зловещей мягкостью, — что они также слышали о тысяче крон, предложенных Людьми Звезды за ваше пленение.

Кадия только рассмеялась:

— Я сама назначу за себя выкуп этим злодеям, как только мы пройдем через виадук.

— Мы будем ждать вас пять дней, — пообещал капитан. — Счастливого пути, госпожа.

Она кивнула ему, обняла Лумому-Ко и повернулась к с трудом скрывавшим нетерпение рыцарям. Они были одеты в стальные шлемы и длинные кольчуги под кожаными плащами.

— Кавалеры, — сказала она. — Настало время сойти на берег.

Они сошли по трапу, и Ягун вручил каждому свежесрезанные шесты. Он первым углубился в заросли джунглей, остальные направились за ним. Кадия замыкала шествие, помахав на прощание принцу Толивару, смотревшему на них из открытого окна кормовой надстройки. Через несколько мгновений отряд скрылся из виду.

— Брат, — сказал Лумому, следуя за Викит-Аа, который лично осматривал крепление каждого массивного бревна плота под морозящим дождем, — мне это совсем не нравится. Мой нос непрестанно чешется с тех пор, как мы вошли из Мутара в этот приток. Я должен был настоять на том, чтобы сопровождать экспедицию, по крайней

мере до Двойного Каскада. Не могу отделаться от мысли, что нависла большая беда. Только не могу понять над кем, над Дамой Священных Очей или над нами.

Викит-Аа пожал плечами и закатил огромные глаза.

— Брат, мой нос тоже чешется, но единственная беда, которая угрожает в данный момент нам, это то, что мы можем сорваться с якоря. Левый берег слишком низкий. Скоро начнется дождь, река поднимется и затопит берег. Если нам не хочется, чтобы течение унесло нас к Мутару, следует пересечь реку и пришвартоваться в той бухте к деревьям покрепче. Если тебе действительно хочется избежать несчастья, отправляйся на нос и приготовься работать шестом.

Три часа невероятных усилий потребовалось на то, чтобы переместить неуклюжее судно на более безопасную стоянку. Когда работа была завершена, Лумому-Ко присоединился к шкиперу и остальной команде в носовой надстройке, где кок подал обильный обед. Моросящий дождь превратился в настоящий ливень, команда отправилась вздремнуть, и Спикер забыл о дурных предчувствиях.

Он проснулся к середине дня оттого, что нос чесался совершенно нестерпимо. Что-то подсказало ему осмотреть кормовую надстройку, в которой оставались только принц Толивар и Ралабун. К своему ужасу, он увидел, что мальчик и его друг ниссом исчезли, оставив только открытый кованый сундучок под койкой.

— Я должен отправиться за ними! — заявил Спикер Лета капитану. Оба вайвило стояли под проливным дождем и смотрели на бурный поток, отделявший их от противоположного берега. Река в этом месте была не менее пятидесяти элсов в ширину. — Мы немедленно должны переправиться на тот берег!

Викит-Аа был более практичным.

— Брат, команда устала. Раньше вечера нам это не удастся. Кроме того, высадив тебя на берег, нам придется спуститься по течению к Великому Мутару. Река поднялась, и на том берегу нет безопасной стоянки.

— Я обещал защищать Толивара ценой моей жизни! Если ты не перевезешь меня, я отправлюсь вплавь!

Викит-Аа обнял Спикера за плечи:

— Брат, остановись и подумай! Принцу и Ралабуну удалось сойти на берег, прежде чем мы отчалили от него. Это значит, что они сошли около шести часов назад, почти одновременно с Дамой Священных Очей. Мне кажется, мальчик импульсивно решил последовать за тетей. Конечно, он поступил опрометчиво, но неминуемо догонит отряд, когда тот остановится на ночлег. Тебе не догнать его.

Лумому в отчаянии постучал себя по чешуйчатому лбу.

— Будь проклята глупость этого мальчишки! Будь проклят Ралабун за то, что последовал за ним вместо того, чтобы поступить разумно! Если бы я мог поговорить с Ягуном и предупредить его!

Но вайвило, в отличие от маленьких народов Непроходимого Болота, не могли использовать речь без слов на значительном расстоянии.

— Бесполезно пытаться догнать его,— настаивал Викит-Аа.

— Честь требует, чтобы я попытался!

— Логика говорит, что следует остаться.

Лумому-Ко поднял к небесам когтистые руки и издал жуткий крик ярости и бессилия. Шкипер лишь скрестил руки на груди, покачал головой и стал ждать, когда брат снова, как это обычно бывало, начнет мыслить разумно. Когда это произошло, братья отправились в рубку и налили себе по кружке салки из оплетенной бутылки, любезно переданной Турмалаем Йонзом. Команда уже давно определила, что напиток не отравлен.

Отряд Кадии остановился в полдень под огромным раскидистым бруддоком, чтобы быстро перекусить сыром и сухарями. Все расположились на камнях, которые оказались сухими под покровом густого мха крип. Ягун попытался развести костер, чтобы вскипятить чай, но воздух был настолько пропитан сыростью, что даже его мастер-

ства не хватило на то, чтобы разжечь огонь. Пришлось обойтись холодной водой. Настроение несколько улучшилось, когда маленький ниссому нашел куст с гроздьями белых ягод.

— Это — сифани,— возбужденно воскликнул Ягун.— Они очень вкусны, утоляют жажду и послужат чудесным десертом к нашему скудному рациону.

— Больше всего мне нравится десерт,— заявил сэр Эдинар. Молодой рыцарь стал без долгих разговоров поедать сочные ягоды и бросать гроздья другим.

Дождь немного стих, но видимость оставалась очень плохой. Они вышли из густых зарослей низменности на возвышенность, идти стало немного легче, несмотря на подъем. В некоторых местах проход был завален оползнями, но обойти их не представляло труда, и они шли хорошим шагом. Иногда им встречались смертоносные деревья, о которых предупреждали вайвило. Они были обманчиво красивыми, с толстыми стволами и чашевидными кронами из разноцветных листьев, под которыми прятались щупальца, способные схватить и задушить взрослого человека. Впрочем, никаких ядовитых змей или крупных хищников на пути отряда не попадалось.

— Полагаю, мы прошли уже восемь лиг,— сказал Ягун, пережевывая сыр.— Сможем продолжить путь еще три-четыре часа, но потом придется найти безопасное место в стороне от тропы, где нас не смогут найти глисмаки. Скалы ближе к реке защитят нас от дождя, к сожалению, мы не сможем позволить себе погреться у костра.

— Жаль,— вздохнул Мелпотис. Он и Калепо были братьями отравленного Зондаина. У обоих были длинные лица, светлые бороды и сверкающие темные глаза.— Огонь отпугнул бы диких животных.

— Нам следует опасаться глисмаков,— заметила Кадия,— и, возможно, мародерствующих Людей Звезды, пользующихся виадуком. Мой янтарь Триллиума предупредит об опасности для моей жизни, так что после наступления темноты мы должны быть рядом друг с другом и держать оружие наготове.

— Вы думаете,— с беспокойством спросил сэр Бафрик,— что виадук Двойного Каскада охраняет отряд колдунов?

— Вероломный Турмалай Йонз сказал, что вознаграждение можно получить на рассвете. Скорее всего, Люди Звезды будут каждый день появляться в это время, чтобы проверить, не доставлен ли мой драгоценный труп. Если мы подойдем к виадуку в полдень, как и запланировано, не думаю, что там кто-нибудь будет. Несомненно, прежде чем подойти, мы проведем тщательную разведку.

— Конечно,— сказал Бафрик,— самым мудрым будет дожждаться темноты, прежде чем входить в виадук.

— Если проход ведет прямо в логово Орогастуса,— мрачно заметил огромный Сайнлат,— не имеет значения, войдем мы в него днем или ночью, все равно придется сражаться насмерть.

— Я готов на все! — заявил молодой Эдинар, вытирая с губ сок сифани. Калепо и Мелпотис также с радостью выразили готовность к бою.

— Должна разбить ваши кровавадные надежды,— сказала Кадия,— по крайней мере, на время. Когда мы приблизимся к виадуку, я войду в него первой и одна.

— Нет! — одновременно закричали все мужчины.

Кадия продолжила:

— Мой янтарный амулет скроет меня от враждебных глаз. Если на другой стороне волшебных ворот все в порядке и существует способ пробраться в царство колдуна, я немедленно вернусь за вами.

— А если на другой стороне тебя ждет смертельная опасность, Провидица? — попытался возразить Ягун.

— Ты отлично знаешь, что янтарь Триллиума спасал мне жизнь уже много раз. Не подведет меня и на этот.

Несколько минут пятеро рыцарей молчали, обдумывая слова Кадии, у каждого были серьезные опасения, и каждый боялся высказать их, чтобы не показаться неловким.

— А что нам делать, Провидица,— сказал наконец Ягун,— если ты войдешь в виадук и не вернешься?

— Вы сообщите новости Белой Даме и будете выполнять ее указания.

— Может быть, разумнее посоветоваться с ней заранее?

— Нет,— твердо ответила Кадия.

Ягун склонил голову в немом укор.

Кадия взяла свой ранец.

— Мы достаточно долго здесь задержались, пора продолжить путь.

У племени Ода глисмаков было одно-единственное поселение менее чем на сорок душ в трех днях пути от Двойного Каскада. Большая часть расы вела суровую жизнь и обеспечивала существование охотой и собирательством. Жившие дальше на севере, ближе к территории вайвило, иногда занимались тяжелым ручным трудом для своих родственников и даже для людей. Племя Ода, которому повезло больше других, было обучено Турмалаем Йонзом охоте и выделке шкур славившихся драгоценным мехом голубых диску. Члены этого племени, в отличие от других, были посвящены в тайны коммерции, стали более амбициозными и могли позволить себе определенные предметы роскоши, например крепкие напитки, жемчужные украшения из Зиноры и стальные ножи. Агент Турмалай покупал меха в начале каждого Влажного Сезона, поэтому глисмаки видели его совсем недавно. За тюк мехов высотой с хижину вождя племени, на выделку которого ушло почти полгода, они получили одну золотую варскую крону.

Племя Ода было поражено, когда Турмалай сообщил о сказочном вознаграждении, предложенном Людьюми Звезды за пленение Дамы Священных Очей. Сумма в тысячу платиновых крон была выше понимания глисмаков (на руках у них было по три пальца, поэтому они умели считать только до шести, но понимали, что тысяча — намного больше). Коварно пообещав поделиться наградой с Турмалаем, если им удастся поймать Даму, глисмаки племени Ода вернулись в лес к своим капканам.

Они ставили капканы, но постоянно высматривали красными глазами драгоценную человеческую добычу. И вчера им удалось ее найти.

Судно вайвило вошло в реку на границе владений племени Ода перед закатом. Стоял туман, но притаившимся на берегу наблюдателям удалось рассмотреть у леера пришвартованного судна женщину небольшого роста с заплетенными в косу рыжеватыми волосами. Глисмаки не решились на атаку. Лодочники вайвило, ближайшие их родственники, были слишком грозным противником. Наблюдатели могли только ждать, тосковать и умолять своего трехглавого бога, чтобы Дама Священных Очей спустилась на берег без спутников аборигенов.

Со временем бог услышал их молитвы.

Глисмаки реки Ода были примитивным народом, но глупыми их назвать было нельзя. Они решили подождать, пока добыча и ее вооруженная свита подойдут к Волшебной Двери, чтобы не пришлось далеко нести ее мертвое тело.

На следующее утро погода значительно улучшилась. Дождя и тумана совсем не было, а к тому времени, когда Кадия и ее отряд вернулись к тропе от стоянки на берегу реки, взошло солнце. Они шли четыре часа и не видели ничего необычного, а слышали только шум реки на перекатах, редкое щебетание птиц, иногда крик какого-то зверя.

— Двойной Каскад должен быть совсем рядом, — сказал Ягун, когда солнце было почти в зените.

— Это хорошо, — сказа сэр Сайнлат, — я совсем измотан от лазания по этим скалам и готов отдать душу за оседланного фрониаля.

Остальные рассмеялись и принялись подшучивать над ним, но на самом деле все очень устали, так как не привыкли к длительным пешим переходам в доспехах, да еще с грузом за спиной.

Кадия, по-прежнему замыкавшая колонну, как почти на всем протяжении пути, оглянулась и посмотрела на-

зад. Долина Оды сузилась, характер растительности изменился. Они прошли влажные Тассалейские низины и подошли к подножию Охоганского хребта с юга. Ее взгляд привлекло что-то алое над кронами деревьев. Это был огромный дымчатокрыл, с размахом крыльев больше ее двух ладоней, летавший в поисках нектара. Кадия улыбнулась, увидев прелестное создание, потом повернулась, чтобы продолжить путь. Отряд уже поднялся на гребень гряды, а ей еще предстояло это сделать.

Она увидела, что Ягун подает ей знак, и замерла, машинально протянув руку к эфесу меча. Увидев, что абориген не выглядит встревоженным, она успокоилась и поспешила присоединиться к другим. Впереди она увидела цель их путешествия — два узких сверкающих потока воды, падающих с высоты почти восьмидесяти элсов по склону горы. У основания Двойного Каскада была заводь, покрытая пеной над порогами и сине-зеленая по краям. Поляна вокруг выглядела абсолютно пустынной.

Они скрытно приблизились, никого не встретили и скоро остановились у подножия двойного водопада в густых зарослях странных деревьев. На стволах этих деревьев были вертикальные отверстия, которые то закрывались, то открывались, обнажая пасти, усеянные похожими на гигантские клыки зелеными пиками. У некоторых деревьев «рты» были закрыты и по деревянным губам сочилась кровь или какая-то неизвестная жидкость.

— Вайвило называют эти деревья «лопа», — пояснила Кадия Кавалерам, столпившимся у одного из них и смотревшим на него с некоторым опасением. — Они выглядят отталкивающими, но не опасны для людей, если, конечно, человек не настолько глуп, чтобы сунуть руку в зубастое отверстие. Когда моя сестра Анигель впервые отправилась на поиски своего талисмана Трехглавого Чудовища, она нашла корону внутри гигантского дерева лопа и смогла извлечь ее благодаря храбрости и изобретательности.

Ягун оставил группу, чтобы исследовать окрестности заводи.

— Провидица! — крикнул он. — Кажется, я нашел вход в виадук.

Все подбежали к нему. Они увидели между двух исключительно больших деревьев у самой кромки воды плоский камень, который почему-то был лишен покрова мха или другой растительности. В нем была высечена абсолютно прямая канавка, а к одному из деревьев была прибита дощечка с изображением многоконечной звезды.

— Скоро все мы узнаем, прав ли ты, — сказала Кадия Ягуну и приказала всем отойти. — Система виадука, включись!

С глухим звоном появился высокий темный диск, у которого не было толщины, и рыцари удивленно закричали. Кадия удовлетворенно кивнула и скинула с плеч лямки ранца. Прежде чем кто-либо смог вымолвить хоть слово, она достала из-под куртки сверкающую каплю янтаря, свисавшую на шнурке с ее шеи, и крепко сжала ее в левой ладони. Правую она положила на эфес меча.

— Черный Триллиум, — сказала она. — Молю тебя защитить меня от глаз врагов и уберечь от другой опасности.

Она вошла в черный диск виадука и исчезла.

Воцарилась мертвая тишина, которую нарушил изданный многими глотками дикий вопль разочарования.

Ягун и рыцари быстро оглянулись. Около двух десятков воинов-aborигенов с оскаленными пастями и горящими глазами спускались по склону, держа на изготовку копья со стальными наконечниками.

— Глисмаки! — закричал Ягун.

Его крик еще не успел стихнуть, как аборигены метнули копья. Они были нацелены на Даму Священных Очей и полетели в сторону виадука, но черный диск исчез, и копья просвистели над заводью водопада. Одно копьё случайно попало в не защищенное доспехами горло сэра Баффрика. Он попятился назад, обливаясь кровью, и упал в заводь, вода которой мгновенно стала алой.

Толпа каннибалов на мгновение остановилась, разочарованно рыча от потери добычи. Потом некоторые об-

нажили короткие варские мечи, другие стали потрясать каменными булавами и другим оружием. Они набросились на Ягуна и четверых оставшихся в живых рыцарей в надежде быстро расправиться с ними.

Потом они собирались утешить себя пиром.

Глава 15

Идти невидимым было не так уж просто.

Когда принц Толивар и Ралабун покинули судно и последовали за Кадией и отрядом по пойме, окутанной густым туманом, они скоро поняли, что пары воды не проникают в пространство, занимаемое их невидимыми телами. Если присмотреться, можно было увидеть силуэты человеческих тел, окруженные клубящимся туманом. Он так и не смог придумать команду талисману, чтобы устранить этот недостаток. В конце концов ему и Ралабуну пришлось держаться подальше от других и надеяться, что их не заметят.

Когда туман рассеялся и они стали действительно невидимыми, появилась другая проблема. Ни принц, ни Ралабун не знали, где находится другой в определенный момент. Однажды, когда мальчик остановился по нужде, маленький ниссом продолжил путь, не заметив этого, пока не запаниковал, поняв, что слышит только собственные шаги. Ралабун бросился назад по тропе, отчаянно выкрикивая имя принца.

Толивар резко отругал старого конюха:

— Старый болван! Зачем быть невидимым, если ты выдаешь наше присутствие своими воплями? Не нужно было брать тебя с собой!

— Тогда, Скрытный, тебе пришлось бы тащить Сундук самому, — ответил Ралабун с чувством оскорбленного достоинства, — а также нашу пищу и другие вещи. Кроме того, без моего знания природы такой маленький мальчик, как ты, заблудился бы или попал в беду, не пройдя и поллиги.

Это не было правдой. Принц многое узнал во время своих тайных экспедиций в Гиблую Топь, в то время как Ралабун провел более сорока лет в царских конюшнях, наслаждаясь удобствами цивилизации, и забыл почти все, чему научился в юности. На самом деле он абсолютно бесполезен как проводник.

Он непрестанно призывал принца не трогать деревья-людоеды или липучки и другие очевидно опасные растения, но забыл упоминать менее очевидные опасности, например жуков сунни, свисавших на слюне с ветвей кустов, или снафи, которые напоминали опавшие листья, а на самом деле были небольшими животными, передвигавшимися на множестве маленьких, похожих на пальцы конечностях, способными ввести яд, забравшись под одежду и коснувшись голой кожи. Ралабун, кроме того, раздражал Толивар тем, что постоянно останавливался, чтобы оглядеться, шевелил остроконечными ушами, втягивал ноздрями пропитанный дождем воздух, предупреждал о приближении хищных зверей, которые, конечно, и не думали приближаться.

В конце концов принцу все это надоело и он пошел первым, после чего темп марша ускорился. С этого момента, если нужно было перейти ручей, именно принц выбирал место, в котором они переходили его вброд или прыгая с камня на камень. Толивар также определял, как обходить размывы на тропе, выбирая место с осторожностью, чтобы не вызвать еще один оползень. Когда тропа, казалось, исчезала из-за поваленных деревьев или слишком густых зарослей, принц находил ее снова, хотя Ралабун, конечно, говорил, что с самого начала знал, где она находится.

Пробираясь сквозь дождь, они подошли к месту, где Кадия и Почетные Кавалеры впервые перекусили, и тут же их ждал неприятный сюрприз. Принц указал на множество крупных трехпалых следов на мягкой, пропитанной водой почве.

— Это — не следы животных, — сказал он, стараясь скрыть дрожь в голосе. — Должно быть, это — глисмаки.

Видишь, они перекрывают следы Кадии и Кавалеров? Эти твари преследуют ее.

— Храни нас Святой Цветок! — простонал Ралабун.— Мы должны как-то предупредить отряд госпожи о каннибалах.

— Может быть, я нашепчу ей об этом на ухо, и она подумает, что это говорит ее амулет Черного Триллиума или даже один из Владык Воздуха.

Принц нервно рассмеялся. Ему понравилась идея выдать себя за Небесного Хранителя. Он сжал пальцами края короны, закрыл глаза и приказал талисману показать ему Кадью. Этим приемом он пользовался очень часто и овладел в полной мере.

— Ты видишь госпожу? — встревоженно спросил Ралабун.

— Да.

В сознании Толиvara возникло ясное изображение Кадии и ее спутников, поднимавшихся по крутой тропе в клубах тумана.

— Сообщи ей об опасности,— слышал он голос Ралабуна.— Быстрее!

— Тетя! Ты слышишь меня?

Но Кадия продолжала идти, несмотря на то что Толивар звал ее снова и снова, не открывая глаз, чтобы не потерять Видение.

— Бесполезно,— наконец сказал мальчик.— Вероятно, чтобы обращаться к кому-то, нужно особое мастерство, которым я еще не овладел.

— Похоже. Тогда узнай, что задумали каннибалы.

Толивар приказал короне показать ему глисмаков. Талисман мгновенно подчинился, и принц увидел очень высоких грозного вида аборигенов, шедших гуськом по заросшей колючками и другими растениями узкой тропе.

— Где находятся глисмаки относительно меня? — прошептал мальчик.

— Приблизительно в лиге от речной тропы и движутся от тебя.

— Они преследуют мою тетю Кадью?

— Они двигаются и от нее. Невозможно определить их намерения, так как они не говорят о них и являются существами свободной воли..

Толивар сообщил Ралабуну то, что сказал талисман, и маленький ниссом сразу приободрился.

— Быть может, каннибалы решили, что у Дамы Священных Очей слишком сильный отряд. В конце концов, они всего лишь глуповатые дикари. Ты должен время от времени проверять их при помощи талисмана, чтобы убедиться в том, что они не вернулись. Следует спешить. Не следует слишком далеко отставать от Дамы Священных Очей, если мы хотим войти в виадук сразу же следом за ней.

Они выступили снова, стараясь идти самым быстрым шагом, на который были способны, но, к сожалению, ни один из них не отличался длинными ногами. Ситуация усложнялась тем, что тропа шла в гору и им приходилось часто останавливаться, чтобы перевести дыхание и подождать, пока утихнет боль в боку.

Затем стало темнеть.

Толивар сделал их видимыми, испугавшись, что в темноте они могут потерять друг друга.

— Все равно пора подумать о ночлеге. Попросить Трехглавое Чудовище найти сухую пещеру или дерево с дуплом? Или использовать магию Горящего Глаза, чтобы срубить деревья и сделать навес?

— Мне все равно.— Маленький ниссом совсем упал духом.— Я согласен на пару сухих башмаков и... средство от мозолей на правой пятке.

— Позволь, я попробую помочь тебе,— сказал Толивар.

Он достал темный обрубленный меч из-за пояса и взял его за лезвие, как это делал Орогастус.

— Трехвекий Горящий Глаз! Приказываю вылечить ступню Ралабуна и сделать его башмаки сухими.

Приказы выполнялись прямо на глазах принца.

Три века, составлявшие эфес меча, раскрылись, и три магических глаза уставились на ноги Ралабуна.

— О! О! Как горячо! Как горячо!

Клубы пара вдруг повалили от башмаков, и Ралабун отчаянно запрыгал, выкрикивая аборигенские проклятия.

Принц поспешил извиниться:

— Прости меня! Я не знал, что так получится. Возможно, следовало воспользоваться короной. Я совсем забыл, что талисман тети Кадии — скорее оружие, а не волшебная палочка. Гм... как твой мозоль?

— Откуда я знаю,— жалобно простонал старик,— если ноги горят огнем. В следующий раз позволь, по крайней мере, снять башмаки, прежде чем начнешь ставить на мне опыты. А еще лучше, учись магии на ком-нибудь другом, например на этих людоедах глисмаках!

— Надеюсь, не придется,— едва слышно сказал мальчик.— Тебе я тоже советую на это надеяться.

Ралабун вздохнул. Ноги быстро остыли, а мозоль действительно пропала.

— Извини, Скрытный. Я знаю, ты действительно хотел мне помочь, но я так устал и промок...

Толивар прикоснулся пальцами к короне:

— Талисман, ты можешь привести нас к сухому месту, где мы сможем провести ночь в безопасности?

Да. Есть достаточно просторная ниша в склоне горы справа от тебя. Следуй за зеленой искрой.

Маленький изумрудный огонек появился из открытого рта центрального лика короны и медленно заскользил в сторону от тропы. Толивар взял Ралабуна за руку:

— Пошли. Пора отдохнуть и поесть. Если повезет, попробую высушить нашу одежду при помощи магии. Не бойся, мой друг, на этот раз я сначала попробую на себе.

Утром они проснулись отдохнувшими, и Толивар быстро определил, что Кадия и отряд завтракали на берегу Оды менее чем в четверти лиги впереди.

— Глисмаки преследуют нас или их?

Нет.

Принц, удовлетворенный тем, что его смелый план пока осуществляется столь успешно, сделал себя и Ралабу-

на невидимыми. Они выступили одновременно с отрядом Кадии и шли несколько часов. Солнце поднималось все выше, они уставали все больше, но не отставали от отряда.

И вдруг они обнаружили пересекавшие тропу свежие следы глисмаков.

Толивар остановился и с ужасом осмотрел зловещие следы.

— Странно,— сказал Ралабун.— Я думал, твоя корона сказала, что каннибалы никого не преследуют.

Принц мгновенно понял страшную истину:

— Нет, они кружили вокруг нас, готовясь к засаде! Я был слишком глуп, чтобы спросить талисман о такой возможности, а он всегда отвечает на вопросы буквально. Скорее! Мы должны попробовать их предупредить!

Он бросился вперед, часто падая и продолжая бежать на четвереньках, так как в этом месте подъем был особенно крут.

— Я не успеваю за тобой, Скрытный,— задыхаясь, произнес старый конюх.— Беги без меня и...

Вдруг издалека донесся страшный звериный вой, за которым последовал предсмертный крик человека.

Дрожа от страха, невидимые друзья добрались до каменистого гребня. Ниже они увидели небольшую поляну рядом с двойным водопадом, окруженную чудовищными деревьями. Вся она, казалось, была заполнена огромными существами, которые, беспрестанно вопя, прыгали и размахивали мечами, каменными булавами и ржавыми варскими топорами. На них не было одежды, спины, плечи и верхние части рук были защищены блестящими чешуйками кожи. Остальные части тела были покрыты рыжеватыми волосами, особенно длинными, как гривы, на головах. Лица их были похожи на вайвило, но глаза горели не желтым, а красным огнем. Огромные белые зубы сверкали в пастьях, а руки и ноги были увенчаны когтями.

Толпа глисмаков вступила в решительный бой с четырьмя Почетными Кавалерами. Пятого рыцаря, Ягуна и Дамы Священных Очей нигде не было видно.

— Что будем делать? — завопил старый Ралабун.—
Смотри, еще один Кавалер убит. О нет! Дикари рубят их
на куски!

— Ты должен сделать то, что я тебе прикажу,— ска-
зал принц, вдруг почувствовав странную решимость.—
Сойди с тропы влево, спустись по склону к скале рядом
с водопадом и начинай бросать в глисмаков камни. Ве-
рещи так, словно ты дух из Колючего Ада. Это отвлечет
злодеев, может быть, заставит их обратиться в бегство. А я
тем временем сделаю все, что смогу, при помощи талис-
манов.

— Но...

— Торопись! — прошипел принц. Он сполз с тропы,
вынимая из-за пояса Трехвекий Горящий Глаз. Выйдя на
поляну и подойдя к сражавшимся так, чтобы видеть каж-
дого отчетливо, он опустил на колено, взял талисман
за тупое лезвие и направил на самого высокого глисма-
ка, нападавшего на поверженного рыцаря.

В своем воображении мальчик представил мерзкую
тварь испепеленной.

— Горящий Глаз, уничтожь его.

Раскрылись три века, составляющие эфес, и три гла-
за уставились на гигантского глисмака. Из человеческо-
го глаза вырвался золотистый луч, из глаза аборигена —
зеленый, и из глаза Исчезнувших — ослепительно белый.
Тело воина охватило трехцветное свечение. В мгновение
была поглощена его плоть, потом исчезли светящиеся
кости, и от воина осталась только кучка серого пепла на
сырой земле. Остальные каннибалы в изумлении отсту-
пили. Рыцарь сел и уставился в изумлении на горстку пра-
ха. Его лицо было до неузнаваемости залито кровью.

Принц бы не менее удивлен, что новый талисман под-
чиняется ему так покорно. Его сердце наполнилось ли-
кованием, и он направил Горящий Глаз на двух других
глисмаков, застывших над рыцарем как остолбеневшие,
и испепелил их волшебной молнией. Остальные канни-
балы что-то закричали друг другу на гортанном языке, по-
том побежали в панике и через несколько мгновений ис-

чезли в лесу. Толивар, невидимый для всех, не смог удержаться от триумфального крика.

— Кто здесь? — закричал сэр Эдинар. На ногах из всех Кавалеров оставался только он, Калепо и Мелпотис. Они были ранены, но раны не представляли угрозы для жизни.

— Нам на помощь пришел какой-то колдун, — сказал сидевший рыцарь, который вдруг застонал и упал навзничь. По голосу принц узнал сэра Сайнлата, с дюжиной ран. Одна его ступня была отрублена топором глисмака, и из ноги алым фонтаном била кровь.

Толивар поспешил к нему. Коснувшись двумя пальцами короны на голове, он представил Сайнлата высоким и сильным, каким видел его утром на судне.

— Талисман, — прошептал он, — сделай его таким.

Тело Сайнлата окутало зеленое сияние. Сильный рыцарь зашевелился, потом сел. Рот его открылся от удивления — лицо было отмыто от крови, все раны исчезли. Даже его доспехи и одежда были чистыми и невредимыми.

— Святой Цветок! — завопил Эдинар. Он подбежал к воскресшему товарищу, за ним последовал Мелпотис, потом — Калепо, и все трое подняли Сайнлата на ноги, стали хлопать по спине и хохотать. Пока они ликовали, принц приказал Трехглавому Чудовищу исцелить остальных. Тройная вспышка изумрудного света возвестила о том, что задание выполнено. Рыцари словно онемели от потрясения и восторга.

— О Волшебник, появиись перед нами и прими нашу благодарность! — наконец вымолвил Калепо.

— Где остальные? — нарочито грубым голосом спросил Толивар. — Где Дама Священных Очей?

— Вы слышали? — воскликнул Сайнлат. — Он где-то рядом.

Кавалеры заговорили одновременно, и Толивару пришлось крикнуть:

— Эдинар, отвечай мне!

Молодой рыцарь взял себя в руки.

— Невидимый Волшебник, Дама Священных Очей прошла через виадук, как мы надеемся, в страну Людей

Звезды, и обещала вернуться к нам вскоре. Сэр Баффрик был смертельно ранен и упал в заводь, боюсь, он скончался. Что касается ниссома Ягуна, я не знаю, где он может быть, потому что не видел с момента нападения диких глисмаков. Но кто ты? Один из слуг виспи Белой Дамы? Невидимые Глаза в Тумане?

«Баффрик жив?» — мысленно спросил Толивар у талисмана.

Нет, — ответил голос в его голове. — *Он перешел в мир иной, и его тело унесло течением.*

«Где Ягун?»

В данный момент он стоит на краю ямы нампа и думает, кого мог проглотить зверь.

— Намп! — закричал принц. — Нет, только не это!

Он бросился прочь, спотыкаясь о камни и пробираясь сквозь кусты. Рыцари увидели, как колышутся кусты, и поспешили следом, не переставая удивляться.

Через несколько минут Толивар увидел Ягуна, стоявшего с мрачным видом у ямы с неровными краями, диаметром примерно два элса. Было видно, что совсем недавно она была замаскирована ветками, листьями и другим мусором. Что-то или кто-то провалился сквозь тонкий настил внутрь.

— Горящий Глаз, вытащи его оттуда! — пронзительно закричал Толивар. — Спаси Ралабуна.

Просьба неуместна.

Невидимый мальчик упал на колени на краю ямы напротив Ягуна и посмотрел вниз. В яме было темно, но на дне можно было заметить гигантское существо, наполовину зарывшееся в землю и листья. Оно напоминало оплывшую жиром лысую голову с двумя яркими голубыми глазами, смотревшими из-под морщинистых век. Намп пошевелился и, казалось, улыбнулся, при этом его пасть растянулась от одной стороны головы до другой. Очень короткие конечности, похожие на тонкие пальцы, появились там, где у этой твари должны были быть уши.

— Этот... этот мерзкий зверь съел Ралабуна? — спросил принц у талисмана дрожащим голосом.

Да.

Толивар расплакался.

— О нет! Мой бедный друг! Если бы ты был лучше знаком с природой... Если бы я не заставил тебя сойти с тропы! Теперь ты ушел, и даже магия не способна тебя вернуть.

Ягун, нахмурившись, смотрел на то место, где колени мальчика примяли опавшие листья. Подошли Почетные Кавалеры, которые, остановившись на краю ямы, опасно поглядывали вниз. Намп, увидев их, облизнул лиловые губы и стал скрести землю крошечными конечностями.

— Принц Толо? — спросил охотник-ниссом. — Это ты?

И тут намп икнул, задрожал и часто заморгал. Толивар, Ягун и рыцари поспешили отскочить от края ямы. Тварь икнула снова, обнажив многочисленные ряды грязных остроконечных зубов. Дрожь превратилась в спазмы, раздалась похожие на рвоту звуки. Потом пасть открылась так широко, что стала похожа на гигантский, окаймленный клыками мешок, потом тварь громогласно рыгнула.

В воздух взлетел тонкий серебристый ящик в туче слизи и приземлился у ног Ягуна. Обегчившись таким образом, намп вздохнул, содрогнулся и зарылся так, что в темноте остались видны только его тускло светящиеся глаза.

Раздался треск кустов, и появилась Кадия.

— Ты вернулась! — воскликнул Ягун. — Хвала Триуну!

— Вот именно, — ответила она, — причем достигла некоторого успеха. Но прежде чем рассказать о нем, позвольте представить вам одного волшебника. Она быстро обогнула яму нампа, подошла к тому месту, где на земле были отчетливо видны следы, и схватила то, что на первый взгляд казалось пустотой. — Кстати, можешь стать видимым, Толо.

Появился принц с Трехглавым Чудовищем на голове и Трехвеким Горящим Глазом в грязной руке. Его щеки были залиты слезами. Кадия держала его за кожаную куртку, и хотя они были почти одного роста, Толивар выгля-

дел беспомощным, как только что пойманная, смирившаяся со своей участью добыча в зубах лотока.

— Это волшебник, который спас нам жизни? — задыхаясь, произнес сэр Эдинар.

— Невозможно! — воскликнул Сайнлат.

— На нем волшебная корона, — заметил Мелпотис, — а в руке — волшебный талисман, украденный у Дамы Священных Очей.

— Но он всего лишь ребенок, — презрительно произнес Калепо.

— Я уничтожил глисмаков и исцелил ваши раны, — вяло ответил Толивар. — Я — волшебник и не перестану им быть из-за вашего презрения.

— К тому же ты — вор, — спокойно заметила Кадия, — но это между прочим. — Она подвела принца к покрытому слизью Звездному Сундуку. — Открой!

Толивар повиновался, словно не мог поступить иначе от смертельной усталости. Кадия приказала ему положить в Сундук Трехвекий Горящий Глаз, и он беспрекословно повиновался. Затем Дама Священных Очей пробежалась пальцами по драгоценным камням внутри Сундука. Вспыхнул свет, раздался мелодичный звук. Мгновение спустя с триумфальной улыбкой Кадия достала волшебный меч и взяла его обеими руками за тупое лезвие, подняв эфес вверх.

— Талисман, — спросила она, — ты снова принадлежишь мне, восстановилась ли твоя сила?

Между соединенных выступов на головке эфеса, словно огонек в сгущающихся сумерках, сиял янтарь Триллиума Кадии. Темные веки раскрылись, и на нее посмотрели три сверкающих глаза — точная копия глаз на ее кирасе.

Я связан с тобой, госпожа, и сила моя полностью восстановлена.

— Отлично, — сказала она. — Я приказываю тебе защитить меня и моих Кавалеров от глаз Орогастуса и всех членов его Гильдии.

Сделано.

Глаза закрылись, Кадия сунула меч за пояс.

— Ягун, возьми Звездный Сундук.

— Конечно, Провидица.

— Мы не можем оставаться здесь,— сказала Кадия.— Солнце садится, мы должны войти в виадук. На другом конце ждет человек, обещавший проводить нас до города Брандоба, где властвует император Деномбо, но он не будет ждать долго.

— Проход действительно ведет в Саборнию? — воскликнул Эдинар.

— Да.

— А Люди Звезды? — спросил Мелпотис.— Они уже завоевали страну?

— Еще нет,— ответила Кадия. Она повернулась к принцу Толивару.— Прежде чем мы отправимся в путь, я хочу, чтобы ты отдал мне Трехглавое Чудовище на хранение. Ягун! Открой Сундук.

Мальчик сделал шаг назад. Жизнь вернулась на его лицо. Его глаза расширились от ужаса, и он обеими руками вцепился в корону.

— Нет! — прошептал он, задыхаясь.— Я никогда не отдам свой талисман, пока я жив!

— Он не твой,— сказала Кадия.— Он принадлежит твоей матери, как Трехкрылый Диск — Великой Волшебнице Харамис, а Трехвекий Горящий Глаз — мне.

— Мать отдала талисман Орогастусу,— не сдавался мальчик.

— Чтобы выкупить тебя и твоего отца! — сердито ответила Кадия. Она выхватила Сундук из рук Ягуна и подошла к Толивару.— Положи сюда корону.

— Нет,— прошептал мальчик.

Она достала тупой меч из-за пояса и подняла до уровня лба Толивар так, что до короны оставалось не более толщины пальца. Три глаза открылись.

— Толо, делай что говорят. Отдай талисман.

— Не прикасайся к нему! — отчаянно воскликнул Толивар.— Ты знаешь, что он убьет тебя, если ты попытаешься взять его у законного владельца. Я смог сделать это только потому, что Орогастус передал его Желтому Голосу, не наделенному такой защитой.

Несколько мгновений она испепеляла его взглядом, но его воля была слишком сильна.

— Хорошо, оставь его у себя, правда, не знаю зачем.

Кадия опустила меч и заткнула его за пояс. Трехвекий эфес выглядел не более чем темным металлом.

— Сайнлат, Мелпотис, отведите Толо к судну.

— Нет! — закричал принц. — Я поклялся спасти мать! Если вы попытаетесь вернуть меня, я воспользуюсь магией, чтобы помешать вам.

— Провидица, — торопливо сказал Ягун Кадии. — Быть может, лучше взять его с собой. Он может помочь нам спасти королеву Анигель, ведь он продемонстрировал свое владение талисманом.

— Его фокус с невидимостью произвел впечатление, — заметил сэр Эдинар.

— А наше исцеление, — одобрительно добавил сэр Сайнлат, — произвело еще большее впечатление. Я был на грани смерти, а сейчас не только исцелился, а словно налился новой силой.

Остальные рыцари пробормотали что-то подобное.

Кадия посмотрела на мальчика задумчивым взглядом.

— Когда его мать окажется среди нас, — продолжил Ягун, — он сможет передать ей талисман. — Маленький ниссом повернулся к принцу. — Ты поступишь так, Скрытый?

Услышав кличку, которой его называл только Ралабун, мальчик вздрогнул, но ничего не ответил.

— Толо, — сказала Кадия более спокойно, — если я разрешу тебе принять участие в экспедиции, обещаешь ли ты беспрекословно повиноваться мне и не использовать магию короны без моего разрешения?

Принц медлил, крепко сжав зубы.

— Обещаю, — сказал он наконец.

Кадия хотел потребовать у него обещание вернуть корону Анигель, но решила этого не делать, так как испугалась, что мальчик может закапризничать или даже убежать, став невидимым. Кроме того, он с большей готовностью отдаст талисман по просьбе самой королевы.

— Хорошо,— сказала она, вздохнув.— Приготовимся к проходу через виадук. Людей Звезды на той стороне нет, но человек, вернее абориген, что ждет нас и который обещал быть проводником, нервничает и чего-то боится, поэтому не станет ждать долго и уйдет без нас, если мы не поторопимся.

— Подождите! — закричал принц.— Тетя, эта жалкая тварь убила моего лучшего друга Ралабуна. Не знаю, убьет ли ее моя волшебная корона, но я спрашиваю разрешения попробовать.

— Но намп не способен на убийство,— сказала Дама Священных Очей.— Он — дикое животное, лишенное разума. Дикое животное ищет добычу привычным им способом без злого умысла. Будет несправедливо убить его так хладнокровно. Понимаешь меня, Толо?

— Нет,— ответил мальчик, не глядя на Кадию.

— Тогда пускай тварь живет,— сказала она грубо,— потому что я тебе приказываю.

Она отвернулась от него и направилась вниз по склону. За ней последовали рыцари и Ягун.

— Но я должен убить его! — отчаянно закричал принц.— Должен!

Кадия бросила на него взгляд:

— Не должен и не убьешь, потому что намба нельзя винить в смерти Ралабуна. Винить следует другого, и ты понимаешь кого, в глубине сердца.

Лицо Толивара побледнело. Он не произнес ни слова, а поспешил за другими.

Глава 16

Дверь открылась, и королева проснулась окончательно от этого едва слышного звука, но глаза не открыла. Она почувствовала приближающиеся к кровати шаги. Женский голос, звонкий и властный, произнес:

— Она должна была полностью восстановиться, Господин Звезды.

Мужчина проворчал что-то, соглашаясь с ней.

— Однако мы так и не смогли снять с нее Черный Трилиум. Недостаточно было даже силы Звезды. При прикосновении амулет и цепь словно раскалялись добела. Они не обжигали ее плоть, только человека, к ним прикасавшегося. Мы использовали клещи и другие инструменты, но они либо вспыхивали, либо становились такими горячими, что их невозможно было держать в руках.

— Ничего страшного, не думаю, что янтарь способен причинить нам вред. Он только защищает ее. Дай мне диагностический прибор.

— Да, Господин.

— Королева Анигель.— Голос мужчины был слишком знакомым.— Просыпайтесь.

Она открыла глаза.

Рядом с кроватью стояли два человека в черно-серебристых плащах Звездной Гильдии. Одной из них была высокая женщина, изображение которой она видела на вытканном из перьев гобелене на стене своей спальни.

Рядом стоял Орогастус.

— Теперь я все понимаю! — сказала ему Анигель ледяным тоном.— Когда твой план утопить меня провалился, ты похитил меня через этот проклятый виадук.

— Добрый день, ваше величество,— вежливо поздоровался колдун. В руке он держал небольшой металлический прибор, которым коснулся лба королевы. Прибор издал короткий писк, колдун удовлетворенно кивнул и приложил его к животу. Королева протестующе крикнула, но он не обратил на это никакого внимания, только улыбнулся и убрал прибор под плащ.

— Вы будете рады узнать, что вполне поправились после нанесенных вам травм. Ваши неродившиеся сыновья также находятся в добром здравии. Что касается вашего утопления, оно совсем не входило в мои планы, а неуклюжий дурак, так бездарно все придумавший, уже понес заслуженное наказание.

— Где моя нянюшка-ниссом Имму? — спросила Анигель.— Ее унесло потоком вместе со мной. Ты ее тоже держишь в заточении?

Колдун покачал головой:

— Я ничего о ней не знаю. Был один рувендианский рыцарь и несколько стражников, которые атаковали моих слуг, когда они несли вас к виадуку.

— Сэр Олевик! Что с ним случилось?

Орогастус пожал плечами:

— Он и его люди были убиты в схватке, испепелены нашим непобедимым оружием.

Бесцеремонность колдуна наполнила королеву еще большим негодованием.

— Освободи меня! — закричала она, пытаясь вырваться из оков. — Как ты посмел привязать меня к кровати как обыкновенную преступницу?

— Мы ограничили свободу ваших движений только для того, чтобы вы лежали неподвижно в течение шести дней, которые потребовались для выздоровления. Не хотелось, чтобы ваши драгоценные кости срослись криво.

— Почему ты похитил меня? Предупреждаю заранее, ни мой муж, ни Великая Волшебница Харамис не подчинятся тебе, чтобы спасти мою жизнь или жизнь детей, которых я ношу. Я уже не та трусливая женщина, которая без возражения отдала тебе свой талисман четыре года назад! Сейчас я готова умереть, лишь бы не допустить осуществления твоих гнусных планов.

Орогастус улыбнулся и откинул назад тонкой изящной рукой свои белые волосы.

— Я предпочел бы, чтобы вы остались в живых, королева Анигель, но решение целиком зависит от вас. Мы обсудим этот вопрос в другое время.

Он повернулся к своей спутнице:

— Наелора, освободи королеву, помоги ей одеться и отведи в охраняемый зал. Я буду ждать с другими.

Он вышел из комнаты и закрыл за собой дверь.

Не скрывая своего презрения, Женщина Звезды сдернула одеяло с тела Анигель.

— Королева, это — единственный раз, когда я выступаю в роли вашей камеристки. Если бы решала я, вы поправляли бы свое здоровье в подземелье, вместе со своими надменными друзьями-правителями.

— Что? Вы держите в плену и других монархов? Кого именно?

Наелора склонилась над лодыжками, освобождая их, затем расстегнула мягкие наручники на запястьях.

— Вы все узнаете, причем достаточно скоро.

Не слишком вежливо Женщина Звезды помогла королеве сесть.

Анигель увидела, чтобы была спеленута как ребенок и совсем обнажена, не считая амулета Черного Триллиума на груди. Она медленно спустила ноги на пол, с ее правой голени, левого предплечья и левой стороны грудной клетки клочьями свалился странный желтоватый материал, нежный и сморщенный, как шкура вареного яркила. Еще один лоскут упал с ее левого плеча и мгновенно рассыпался на чешуйки, едва коснувшись простыни.

— Что это? — спросила Анигель, сбрасывая остатки материала с тела.

— Исцелитель костей, — коротко ответила рыжеволосая женщина. — Часть чудодейственных средств Господина.

Она порылась в комод и достала белье, потом из шкафа появилось платье странного фасона из парчи травяного цвета. Оно было очень легким и украшенным великим множеством розеток из перьев, окаймленных вышивкой.

Анигель потянулась и провела рукой по незаплетенным светлым волосам. Они показались ей чистыми.

— Полагаю, моя одежда была испорчена?

— Как и ваше королевское тело, пока Господин не произнес над ним свое исцеляющее заклинание. — Губы Наелоры брезгливо искривились. — В нише вы найдете таз и кувшин для умывания, все необходимое — за маленькой дверью. Не теряйте зря времени.

Анигель не удостоила ее ответом и закончила туалет так быстро, как только могла. Она надела белье и платье, заплела волосы на затылке и закрепила их двумя деревянными позолоченными шпильками. Наелора приготовила для нее желто-зеленый пояс из перьев и шерстяной плащ цвета охры. Наряд дополняли мягкие туфли из коричневой кожи, украшенные изумрудными перьями.

Анигель с удовольствием осмотрела себя и поправила на груди янтарный амулет Черного Триллиума.

— Благодарю за подходящий наряд, Наелора.

— Вашу одежду выбирала не я,— бесцеремонно ответила Наелора,— а Господин. Осталось еще одно украшение.— Она протянула пару позолоченных наручников, соединенных тонкой цепочкой. Анигель молча позволила себя заковать.

— Следуйте за мной,— приказала Наелора.— Нас уже ждут.— Она направилась к двери.

— Один вопрос,— сказала Анигель, остановившись перед ковром из перьев, на котором была изображена воительница среди огненных гор.— Это ваше изображение?

— Нет,— ответила Женщина Звезды, и улыбка, неомраченная невоспитанностью, впервые коснулась ее губ.— Это — моя прародительница, в честь которой меня называли и которая построила этот замок. Она была несправедливо лишена своей империи. Она, она вернула ее... я тоже скоро верну.

Анигель шла за Наелорой по каменным коридорам, с любопытством осматриваясь. Неужели именно здесь находился штаб Гидьии Звезды, который так безуспешно пыталась отыскать Харамис? Если она действительно находилась в самой Саборнии, а не в одном из ее отсталых подкоролевств, она могла сбежать при помощи Черного Триллиума и отдать себя на милость императора Деномбо. Он не вступал в союз ни с одной из наций, но отличался исключительным благородством и, несомненно, предоставил бы ей убежище, до прибытия Харамис или какого-нибудь другого спасителя...

— Сюда,— сказала Наелора, указывая на открытую дверь. За ней был небольшой зал, похожий на гостиную с узкими бойницами вместо окон. Дополнительное освещение обеспечивали развешанные на стенах серебряные масляные лампы. Тем не менее понадобилось несколько минут, прежде чем глаза Анигель привыкли к полумраку и она узнала других обитателей комнаты.

Вокруг большого круглого стола в центре комнаты были расставлены девять стульев. Орогастус сидел на одном из них, место рядом с ним не было занято и, вероятно, предназначалось для нее. На других стульях расположились пятеро мужчин и две женщины, все закованные, как и Анигель, в позолоченные наручники. За каждым пленником стоял Человек Звезды, вооруженный странным оружием Исчезнувших.

— Добро пожаловать, королева Лабровенды, — произнес Орогастус, учтиво склонив голову. — Думаю, среди присутствующих нет незнакомых.

Он говорил правду. В ужасе от увиденного, королева Анигель обвела взглядом собратьев по несчастью, на лицах которых можно было увидеть все: от едва сдерживаемой ярости до жизнерадостной беспечности.

Справа от колдуна сидела безразличная ко всему престарелая пара в старомодных придворных нарядах — Вечный Принц Уидд и Вечная Принцесса Равия островов Энджи. Тремя мужчинами, сидевшими напротив, были президент Окамиса Хакит Ботал, а также дуумвиры Приго и Га-Бондис, совместно правившие республикой Имлит. Почтенная женщина с насмешливой улыбкой в малиновом платье была королевой Галанара Джири. Между ней и местом, предназначенным для Анигель, сторбившись на стуле и глядя сердито, как загнанный градолик, сидел двадцатилетний король Рэктама Ледавардис, которого называли королем-карликом из-за уродливого тела и непривлекательного лица.

Анигель видела его три месяца назад, когда он приехал в Цитадель Рувенды, чтобы просить руки ее дочери Джениль. Великолепно одетого молодого монарха, приехавшего тогда в Цитадель, едва можно было узнать. На Ледавардисе была рваная и заляпанная грязью одежда — видимо, пленить его легко не удалось. Испачканная повязка закрывала его левый глаз, правый глаз был налит кровью, а кожа вокруг него посинела. Цепи на его кандалах были вдвое толще, чем у других.

— О, мои бедные друзья, — пробормотала Анигель. — Какая печальная встреча.

— Очень удивлена, что им удалось схватить и тебя, милая,— пропищала Вечная Принцесса Равия.— Веселенькая история, правда?

Вечный Принц Уидд добродушно усмехнулся:

— Семь дней назад мы играли на лужайке в крикет с нашими внуками, как вдруг пара звездных личностей появилась словно ниоткуда у голубых ворот и утащила нас. Подлецы предупредили молодых, что убьют нас, если они кому-нибудь сообщат о похищении.

— Люди Звезды пригрозили искалечить всех моих драгоценных дочерей, если кто-нибудь узнает о моем пленении,— сказала королева Джири.

Избранные властители Окамиса и Имлита кивнули в унисон. Все они женились на трех из девяти принцесс королевской династии Галанара.

— Каждый из нас был похищен через эти странные люки, или как там они называются,— сказал президент Ботал.

— Мы называем их виадуками,— вежливо подсказал Орогастус.— Прошу вас занять свое место, королева Анигель, и мы начнем нашу маленькую конференцию.

Наелора подвела Анигель к пустому стулу. Затем Женщина Звезды закрыла свои огненные волосы серебристым капюшоном, достала маленький предмет из внутреннего кармана и встала за спиной королевы.

— Презренный фокусник! — закричал Ледавардис, вскочив со стула и угрожающе подняв руки в кандалах.— Ты ничего не добьешься моим пленением. Неужели ты думаешь, что суверенная страна Рэктам признает тебя правителем? Скорее Три Луны превратятся в колющие дыни!

Он продолжил бы свою речь, но Орогастус нахмурился и сделал нетерпеливый жест. Наелора резко отошла от стула королевы, подняла тонкий металлический прибор и постучала им по плечу Ледавардиса.

От крика короля задрожали стропила. Другие пленники сначала замерли от шока, потом набросились с гневной руганью на Женщину Звезды. Молодой король, задыхаясь, упал на стул.

— Мы не будем сейчас обсуждать, признает или нет Ракут меня своим правителем,— сказал Орогастус, когда шум прекратился.— Достаточно того, что его правитель, как и все остальные, у меня в плену. Вы останетесь здесь, в Огненном замке, в качестве заложников повиновения ваших народов, пока не созреет один мой определенный план.

— Что это за план? — невинно спросила королева Джири.

— Мы обсудим его подробно в свое время, ваше величество, когда познакомимся поближе.

— Гм,— хмыкнул дуумвир Приго. Это был худощавый мужчина с хитрым взглядом и чопорной манерой поведения ученого.— Как долго ты собираешься держать нас здесь, колдун?

— Возможно, достаточно долго, ваше превосходительство,— признал Орогастус.

— Пока не будут захвачены лидеры других стран? — настаивал Хакит Ботал.— И управление миром превратится в хаос.

Улыбка исчезла с лица Орогастуса.

— К сожалению, Харамис предупредила их о расположении виадуков. Думаю, правители, еще оставшиеся на свободе, примут меры против похищения. Но это не имеет значения. Самые значительные из правителей уже в моей власти.

«Да,— подумала Анигель.— За исключением одного — моего мужа Антара! Другие правители либо не обладают реальной властью, как старый король Вара Фьомадек, или готовы заключить союз с колдуном, как король Зиноры Йондримел или король Тузамена Эмилинг...»

Бесцветные глаза Орогастуса заблестели страшно и безжалостно.

— Вы останетесь в качестве заложников, чтобы обеспечить невмешательство ваших подданных в мои действия, пока Небесный Триллиум не возвестит о моей победе всему миру.

Пленники молча смотрели на него. Наконец Вечный Принц Уидд погрозил ему костлявым пальцем:

— Послушайте меня, юноша! Я могу смириться с жизнью в холодном подземелье, и, смею предположить, с ней справятся и другие мужчины. Но моя бедная жена страдает ишиасом. Если вам не чужда порядочность, переведите женщин в другие помещения.

— Это можно устроить,— спокойно произнес Орогастус.— До сегодняшнего дня содержание под арестом всех вас, за исключением королевы Анигель, которой необходимо было исцелиться от ран, было намеренно строгим, чтобы вы почувствовали серьезность положения. Но с этого момента, если вы согласитесь соблюдать достаточно простые условия, вам будут отведены хорошие комнаты и относиться к вам будут скорее как к почетным гостям, а не обычным преступникам. Вам решать, собираетесь ли вы провести время здесь в хороших апартаментах, соответствующих вашему рангу, или в камерах без окон в компании грязных преступников.

Главы государств начали перешептываться между собой. Король Ледавардис снова встал, но не произнес ни слова.

— Если вы согласитесь на условия содержания,— продолжил колдун,— в вашем распоряжении будет весь Огненный замок. Но можете верить мне на слово, из него невозможно сбежать, его невозможно взять штурмом. Ни одна сила под Тремя Лунами не способна спасти вас.

Анигель сжала в руке свой янтарный амулет на золотой цепочке. Он был теплым и, казалось, придавал ей силы.

— Что мы должны пообещать?

— Поклянитесь, что не причините никому вреда и будете вести себя достойно, пока остаетесь здесь.

— Хорошо,— сказала Анигель едва слышно.— Клянусь этим священным Черным Триллиумом.

Орогастус задал вопрос каждому правителю по очереди. Все дали честное слово, за исключением короля пиратов, который поднял свое изуродованное лицо и плюнул на невозмутимого колдуна.

Женщина Звезды достала из-под плаща какое-то другое устройство, непохожее на то, что использовала для пыт-

ки, и приложила его к шее Ледавардиса. Король глубоко вздохнул и без чувств упал лицом на стол.

— Его уберут надзиратели,— сказал Орогастус, вставая из-за стола.— Наелора, покажи гостям их новые покои. Остальные члены Гильдии пойдут со мной в обсерваторию.

— Да, Господин,— хором ответили семеро стражников и удалились за колдуном из комнаты.

— Сюда,— приказала Наелора, и сила ее личности была настолько велика, что закованные в кандалы правители последовали за ней, не проронив ни слова. Они прошли на верхний этаж укрепленной части крепости и попали в центральный коридор с верхним фонарем, в который выходили двери хорошо обставленных апартаментов. Каждый пленник получил свою комнату (Уидд и Равия — самую большую), и Наелора сняла со всех наручники.

— К вам будут приставлены слуги,— грубо сообщила Наелора,— которые сообщат о правилах, которые здесь существуют. Вы можете свободно перемещаться по Огненному замку, за исключением тех помещений, в которые вас не пустят стражники. На ночь вы будете запирались в своих комнатах. Если вы попытаете сбежать или нарушите любое из условий содержания, немедленно попадете в подземелье.

Анигель получила комнату последней. Когда наручники были сняты, она спросила вежливо и добродушно:

— Вы говорили, что вас лишили империи. Как случилась такая несправедливость?

— Я была старшей в семье,— неохотно ответила Наелора,— но наш покойный отец, император Агалибо, объявил наследником младшего брата Деномбо, а его приемником — моего второго брата Гиоргибо, если Дено умрет бездетным. Отец поступил так, несмотря на то что я превосходила братьев мудростью и мужеством, сказав, что вассалы никогда не признают меня правительницей из-за того, что я — женщина.

— Понимаю, но в некоторых странах это строго соблюдаемый обычай.

— Только не здесь! — с исключительной злобой закричала Женщина Звезды. — Более двух сотен лет назад Саборнией правила императрица Наелора Могущественная, в честь которой меня назвали, и это было время небывалого процветания. Гегемония Саборнии распространялась на все побережье Южного моря! Галанар был всего лишь провинцией, а бесхребетные вожди Имлита и Окамиса на коленях стояли у трона Наелоры. Даже гордая Зинора платила нам ежегодную дань в размере одного судна лучшего жемчуга.

— Значит, вы надеетесь, что Орогастус и Звездная Гильдия помогут вам свергнуть вашего брата Деномбо?

Глаза Наелоры горели.

— Я не надеюсь, я ожидаю этого, всего через три коротких дня!

Не сказав больше ни слова, она вышла из комнаты и громко захлопнула за собой дверь.

Королева постояла, задумавшись. Затем, машинально потирая запястья, прошла по комнате, остановилась у открытого окна и посмотрела в него. Солнце только что зашло, и пасмурное небо было затянуто серыми, малиновыми снизу, облаками.

Вид поражал воображение. Замок Звездной Гильдии располагался на вершине крутого холма высотой более четырехсот элсов, который возвышался в центре широкой чашевидной котловины. Высокие скалы образовывали далекий зубчатый периметр чаши. Дно было почти ровным, с обширными пластами черной скальной породы и грязно-зелеными, похожими на болото, участками. Центральную вершину, увенчанную замком, покрывал лес, но по его нижней границе словно прошел пожар, оставив за собой лишь обожженные стволы и ветви. От подножия холма к скалистому хребту в нескольких лигах от замка шла извилистая дорога.

— Как все уныло! — сказала Анигель. Она сжала в ладони янтарный амулет и почувствовала, что дрожит. — Владыки Воздуха, не дайте моим трем сыновьям родиться в этом ужасном месте! Помогите мне вновь обрести свободу.

Она услышала звук за спиной, обернулась и увидела стоявшую в дверях королеву Галанара Джири.

— Бедняжка! — пробормотала добрая королева. — Боюсь, на это мало надежды. Колдун слишком хорошо выбрал место для своей крепости.

— Значит, этот замок действительно охраняет темная магия?

Джири подошла и встала рядом с Анигель у окна.

— О, в этом царстве Звездной Гильдии достаточно колдовства... но в нем нет необходимости, чтобы обеспечивать неприступность Огненного замка. Когда я сидела в темнице, мой саборнианский стражник, кстати, его звали Ванн, многое мне рассказал об этом месте в обмен на кольца и другие побрякушки. — Она показала пухлый указательный палец. — Видишь? Остался всего один рубин. Еще больше я узнала от парня по имени Гиор, который сидел в соседней камере.

— Гиор? Ты говоришь, его зовут Гиор? Что это за человек?

— Его лица я не видела, потому что он сидел за стеной, он мало говорил о себе и за что попал в заточение, но развлекал меня страшными историями о духах, которые населяют замок. Кроме того, он обладает обширными знаниями о том, каким образом Орогастусу удалось завладеть замком два года назад.

— Но почему отсюда невозможно сбежать, если колдовство ни при чем?

— Осмотрись внимательно вокруг. Ты видишь или слышишь хоть одно живое существо?

Анигель долго смотрела в окно. Стояла мертвая тишина. Не пела ни одна из знаменитых птиц Саборнии, в воздухе не было видно вуров, луру или других пернатых хищников, ни насекомые, ни звери не возвещали об окончании дня. В долине двигался только редкий туман, который поднимался над болотами и медленно распространялся между похожими на скелеты деревьями, остановившись на уровне леса, который еще оставался живым.

— Я не вижу ни одного животного, — сказала Анигель.

— Потому что они не могут там жить,— сказала Джери.— Из-под земли сочатся вредные испарения. Не туман, который безвреден, а невидимый пар с едва ощутимым запахом. Он покрывает все дно котловины до уровня сгоревших деревьев. Сильный ветер иногда уносит его прочь, но он всегда возвращается, невидимый и смертоносный.

— Но есть же дорога,— возразила Анигель.— Я помню, что меня привезли сюда на какой-то повозке...

— Ты помнишь огонь? — перебила ее Джери.

Анигель нахмурилась.

— Да, а что?

— Только так можно одурачить ядовитую атмосферу. Понимаешь, она горит. Если Господину Звезды или его прихвостням нужно пересечь котловину, испарения поджигают. Появляются огненные гейзеры. Через несколько минут их горения на смену ядовитому воздуху приходит чистый. Только в этот момент можно выезжать на дорогу. Но необходимо двигаться очень быстро, потому что только небеса могут помочь тому, кто не успел добраться до замка или периметра из скал, когда гейзеры погаснут! Поток подземного газа может прекратиться в любой момент, тогда погаснут гейзеры и возобновится поступление смертоносных паров. Сильный дождь может потушить огонь. Обычные люди до смерти боятся Огненного замка, который когда-то был секретным убежищем давно усопшей императрицы Саборнии. Только минионы Орогастуса смеют сюда приходить. Гейзеры — это реальная опасность, но помимо нее, согласно легенде, замок населяют призраки людей, которых эта императрица сожгла живо.

— Посмотри! — воскликнула Анигель.— Они открывают главные ворота замка! Кто-то собирается выехать из него.

— Давай понаблюдаем,— предложила Джери.

Королевы встали рядом у открытого окна. Сгустились сумерки, котловина заполнилась непроницаемыми тенями, а облака на западе стали лиловыми. Стены замка и заросли живых деревьев мешали наблюдать за выходом из замка отряда.

Зрелище загоревшихся газовых гейзеров было просто поразительным.

У подножия холма вдруг появился приплюснутый шар тускло-пунцового цвета. Через мгновение женщины услышали глухой взрыв, потом продолжительный треск, как во время фейерверка. Из огненного шара потянулись горизонтальные щупальца, распавшиеся на множество ответвлений, разбежавшихся по земле во всех направлениях. Раздался второй взрыв, за ним последовали другие, более сильные и слабые, голубая огненная сеть становилась все ярче, пока не превратилась в золотистое свечение, покрывавшее все дно котловины. Свечение, впрочем, исчезло так же быстро, как и появилось. На его месте возникли сотни огненных гейзеров, красно-золотых фонтанов, которые то поднимались, то опускались, танцевали вокруг Огненного замка как живые, освещая скелетопоподобные сгоревшие деревья и отражаясь в темной воде болот.

— Вот они,— воскликнула королева Джири.— Великая Богиня, да это маленькая армия!

— А во главе — Орогастус и Женщина Звезды Наелора,— уверенно сказала Анигель.

Огненные точки факелов, которые несли всадники, пустившие животных в галоп, мелькали по извилистой дороге между неподвижными колоннами гейзеров. Анигель молча наблюдала за ними, пока последний огонек не скрылся из вида. Ей показалось, что замок покинули сотни всадников и несколько повозок.

— Теперь ты видишь,— сказала королева Джири,— почему побег невозможен. Даже если бы нам удалось выбраться из замка, мы не смогли бы пересечь котловину. Мы либо задохнулись бы, либо выдали свое присутствие, когда подожгли газ. Положение безнадежно, как и говорил мне Гиор.

— Возможно, нет,— едва слышно произнесла Анигель и коснулась янтарного амулета, который загорелся ярче, ощутив ее прикосновение.— Видишь этот амулет? Его волшебная сила поможет нам обрести свободу.

— Тогда почему Орогастус оставил его у тебя? — прямо спросила пожилая королева.

— Во-первых, его люди не смогли его снять с меня. Но главное то, что он не понимает, в чем его сила, которая совсем не похожа на колдовство. С самого рождения я и мои сестры Харамис и Кадия носим эти капли янтаря с окаменелыми лепестками священного Черного Триллиума внутри. Наши амулеты являются символами нашего предназначения и защищают нас. Они ведут нас по жизни, указывая путь, когда мы заблудимся. Если нашим жизням угрожает магия, янтарь находит способ нас спасти. Я сама становилась невидимой с его помощью, он открывает любой замок, стоит только его коснуться.

— Не может быть! — восхищенно прошептала королева Галанара.

— Но это так, — подтвердила Анигель. — Из нас троих именно я не отличаюсь особой храбростью. Но я приложу все усилия, и, если Владыкам Воздуха будет угодно, моя магия поможет нам всем выбраться из неволи.

— Совсем не обязательно спрашивать разрешение у ангелов, — заметила Джири. — Мы должны все обсудить с другими пленниками.

— Несомненно, причем прямо сейчас. Мне кажется, нам представилась уникальная возможность побега, учитывая, что так много членов Звездной Гильдии покинули замок.

Джири мгновенно приняла решение.

— Обсудим все во время обеда, — сказала она. — Я немедленно обойду всех и попрошу присутствовать на обеде.

— Ничего не говори о разговоре с соседом по камере. Я полагаю, никто не знает его имени?

— Нет, — удивленно ответила Джири, явно ожидая продолжения. — Они были слишком заняты собственными проблемами, чтобы заботиться о нем.

— Думаю, я знаю, кто он и почему оказался в заточении. Возможно, он окажет нам неоценимую помощь.

Анигель объяснила свои слова, затем вкратце обрисовала план побега, который, казалось, пришел ей в голову внезапно. Джири слушала, задумчиво прищурившись.

— Магия,— сказала наконец королева Галанара,— и не очень надежная! Хорошо, милая, мне не терпится попробовать, но придется потрудиться, чтобы убедить остальных.

После ухода королевы Джири Анигель еще долго стояла у окна, наблюдая, как постепенно гаснет пламя. Один за другим огненные гейзеры исчезали, и скоро остался только один сине-золотой столб, извивавшийся на ночном ветру как призрачный танцор.

Когда в дверь королевы Анигель постучал слуга, сообщивший, что ужин накрыт, исчез и последний гейзер, и окружающая замок котловина снова стала чашей, наполненной ядовитой темнотой.

Глава 17

— Но почему мы должны предпринять попытку именно сегодня? — недовольно спросил президент Хакит Ботал.— Мы едва оправились от лишений подземелья! Мы даже не обследовали замок и не нашли лучший путь к спасению.

— Есть только один путь, мой дорогой зять,— отрезала королева Джири.— Каким мы сюда попали — через главные ворота.

Анигель кивнула:

— А сегодня это следует сделать потому, что сейчас тюремщики меньше всего ожидают от нас таких поступков. Вас только что освободили из подземелья, а я только что очнулась от колдовского сна... к тому же Орогастус выступил со своей армией воевать против императора Деномбо.

Плененные правители неторопливо вышли из столовой, где им подавали ужин, причем каждый захватил с собой оловянную кружку и полную бутылку крепкого вина. По плану, который Анигель объяснила за ужином, они должны были пить и весело смеяться, делая вид, что рассматривают портьеры из перьев и экзотические статуи,

стоявшие в нишах между горящими светильниками. Постепенно они подходили все ближе и ближе к широкой лестнице, которая вела на нижние этажи замка. Горстка стражников, стоявших с безразличным видом на постах, не обращала внимания на слоняющихся пленников. В замке почти не было слуг Звездной Гильдии, а те, что были, остались в зале пить и веселиться.

— Не знаю, выдержу ли я такие приключения,— прошептал Га-Бондис.— Возможно, вам придется оставить меня здесь.

Дуумвир Га-Бондис, деливший высшую выборную должность Имлита с Приго, выглядел крайне бледным. Это был полный, вечно недовольный мужчина средних лет, с редеющими рыжеватыми волосами.

— Встряхнись, приятель,— сказал Приго. Продолжая притворяться, он пронзительно расхохотался и приложился прямо к горлышку бутылки.— Если готовящаяся стать матерью королева Анигель способна на это, то что говорить о тебе.

— Какая отвратительная еда! — простонал Га-Бондис.— Жирные колбасы, тошнотворные вареные овощи, хлеб, настолько грубый, что скрипит на зубах, пудинг с нутряным жиром, а запить все это можно только такой отвратительной дешевкой! Каша и вода, которую нам давали в подземелье, по крайней мере, легко усваивались пищеварительным трактом. Сейчас же я чувствую такое расстройство желудка, что меня может вырвать в любую минуту.

— Бедняжка,— озорно сверкая глазами, сказала принцесса Равия и приветственно подняла пустую кружку.— Быть может, не стоило брать третью порцию колбасы.

Кто-то хихикнул. Га-Бондис достал носовой платок и промокнул потный лоб.

— Мадам, я умирал от голода после шести дней заточения. Можно было подумать, что у колдуна, намеревающегося завоевать мир, будет приличная кухня. Но нет! Нам всучили дрянь, которую не стали бы есть и простые крестьяне.

— Кот из дома, мыши в пляс,— сказала королева Джирри.— Готова биться об заклад, здесь все стали бездельничать, стоило Оро и его армии уйти. Вы заметили, как молоды были два члена Гильдии, присутствовавшие на ужине?

— На посту оставили учеников со старшими слугами,— сделала заключение Равия,— и дюжины три воинов. В зале могло поместиться раз в десять больше людей.

— Примерно столько их покинуло замок на наших с Анигель глазах,— сказала Джирри.

— Интересно, кого колдун собирается завоевать с такой маленькой армией? — спросил Уидд.

— Он выступил против толпы суеверных варваров,— мрачно пояснил Приго.— Так что у него хорошие шансы.

— И эта армия забрала с собой лучшую еду,— горько подтвердил Га-Бондис, не переставая думать о своих расстроенных внутренностях.— Повышать боевой дух войск, и наплевать на тех, что остались.

— Думаю, Оро, совсем не просто снабжать продовольствием свое предприятие,— проницательно заметил принц Уидд.— Крайне трудно заставить хорошего поставщика совершать ежедневные поездки через этот ядовитый ад.

— Не сомневаюсь, что колдун добывает продовольствие черной магией,— сказал президент Хакит Ботал,— примерно так же, как он похитил нас из родных домов.

— Когда похищали меня и Га-Бондиса,— заметил Приго,— мы вышли из магического портала в чаще леса. Стражники из расположенного рядом лагеря были уже готовы сопровождать нас в замок. Дорога сюда заняла день и ночь, и я не видел не то что поселка, но даже хижины охотника. Дорога, по которой мы шли, была узкой и заросшей, словно пользовались ею достаточно редко. Если продовольствие сюда и доставляют, то только не по ней.

Все, за исключением Анигель, рассказали подобные истории. Несмотря на то что места похищения были разными, в Огненный замок все попали от одного и того же выхода из виадука. Никто, кроме Анигель, не знал, как

работает виадук, даже не подозревал, что может быть больше одного выхода.

— Есть один критически важный вопрос, который мы не обсудили за ужином,— сказал Хакит. Он остановился, якобы с интересом рассматривая гобелен, на котором была изображена вилла в зинорианском стиле, столь ценимом саборнианской знатью,— золотистая черепичная крыша, белые стены.— Предположим, нам удастся убежать из замка и пересечь котловину огненных гейзеров. Куда мы направимся потом?

— В столицу Саборнии Брандобу,— ответила Анигель.— Мы попросим убежища у дружественного монарха Деномбо или, если это не удастся, убедим капитана какого-нибудь судна перевезти нас в Галанар, где окажемся под защитой воинов королевы Джири.

— Но как мы найдем дорогу по незнакомой территории? — настаивал Хакит Ботал.— Пойдем по следам Орогастуса?

Анигель кивнула:

— Волшебная сила янтаря Триллиума укажет нам путь, кроме того, мы можем ожидать помощи еще и с другой стороны.

— Мы даже не знаем, насколько далеко находится столица Саборнии!

— Приблизительно в четырехстах лигах,— сказала королева Джири,— если мои разговорчивые тюремщики сказали правду в обмен на украшения.

У президента Хакита отвисла челюсть.

— В четырехстах?

— О боги,— дрожащим голосом произнесла принцесса Равия.— Как далеко.

— А поближе убежища не найдется? — спросил принц Уидд.

— Нет, по крайней мере такого, которое будет действительно безопасным,— сказала Джири.— Не сомневаюсь, Звездная Гильдия в достаточной степени запугала местных вождей.

Дуумвир Приго не скрывал тревоги.

— Какой ужас! Почему вы не сказали нам об этом за столом, когда мы обсуждали план?! Я полагал...

— Больше месяца потребуется на то, чтобы проделать такой путь верхом,— перебил его Га-Бондис.— Я не выдержу. Я нездоров.

Хакит бросил сердитый взгляд на Анигель:

— Королева, вы были неоткровенны с нами. Ни у кого из нас нет опыта путешествия по дикой местности. Безумие рассчитывать на то, что нам удастся добраться до двора императора Деномбо, если он находится так далеко. Преследователи из замка, несомненно, нас схватят.

— Нет, если моя магия поможет нам так, как я думаю.— Анигель с жалостью посмотрела на мертвенно-бледного Га-Бондиса.— Вам не придется испытывать тяготы долгого пути, дуумвир. Всего несколько дней.

— Не думаете ли вы воспользоваться адской дырой, по которой доставили нас сюда?! — воскликнул Хакит.

— Нет,— сказала Анигель.— Виадук может охраняться, кроме того, мы не можем даже подозревать, куда он нас приведет. Мне говорили, что только эксперты способны изменять пункт назначения определенных виадуков. Виадук, по которому нас доставили сюда, наверняка является изменяемым. Среди нас нет колдунов, поэтому мы не можем рассчитывать на то, что нам удастся им управлять.

— Так что мы будем делать? — настаивал Хакит.— Объясните королеву, в противном случае я отказываюсь следовать за вами.

Президент Окамиса был импозантным мужчиной, с чисто выбритой челюстью, которую он любил выдвигать вперед, подчеркивая свои слова. Он привык к почти диктаторской власти в своей процветающей стране. Чуть раньше, когда Анигель объясняла за ужином начальную часть плана побега, Хакит Ботал покровительственно насмеялся над самой идеей вверить свою судьбу сомнительной магической силе янтарного амулета. Потом, увидев, что всем остальным идея использовать магию против колдовства Орогастуса не кажется смешной, он потребовал назначить лидером побега себя, а не доверять руководство «утончен-

но воспитанной даме, подобной ее величеству, которая не обладает достаточным опытом участия в столь рискованных предприятиях».

Королева Анигель мило улыбнулась президенту Окамиса и сказала, что он, несомненно, может предложить собственный план и возглавить его, если все этот план одобряют. Тем не менее конкретного плана у Хакита, конечно, не было, и он неохотно согласился, когда все поддерживали Анигель.

— Я понимаю ваше волнение, — сказала ему Анигель, — но у меня есть веские основания держать вторую часть плана в тайне. Я делаю это ради нашей безопасности, на тот случай, если кто-нибудь из нас... попадет в руки врага во время побега.

Правители обдумали ее слова в тягостной тишине, так как в них был скрытый смысл. В отличие от особ королевской крови, продемонстрировавших личную неприязнь к Орогастусу во время ужина, три лидера республик неоднократно намекали на готовность помочь колдуну и его Звездной Гильдии, если это пойдет на пользу их странам.

Они направились дальше, стараясь не смотреть друг другу в глаза.

Наконец Приго попытался изменить тему, заговорив подчеркнуто небрежно:

— Полагаю, ни у кого не вызывает сомнений тот факт, что Люди Звезды должны обладать магическими средствами перемещения, если они намереваются атаковать Денombo через три дня, как эта женщина, Наелора, сказала Анигель.

— Должна с вами согласиться, — сказала Анигель, — и надеюсь добраться до столицы Саборнии при помощи именно этих средств.

— Но как?

— Есть человек, дуумвир, который может сказать нам не только это, но сообщить еще много полезной информации. Королева Джири и я скоро отправимся в подземелье, чтобы освободить этого человека и позволить ему принять участие в побеге.

— Только не этого смутьяна Ледавардиса! — воскликнул полный негодования Га-Бондис. — Только не короля пиратов!

— Мы не можем оставить его в заточении, — уклончиво ответила Анигель.

— Ледо сам виноват в том, что не передвигается свободно по замку вместе с остальными, — фыркнул Приго.

— Вы намереваетесь освободить его, — спросил принц Уидд, — открыв замки янтарным амулетом?

— Да, — ответила Анигель, — я собираюсь поступить именно так.

— Вы также надеетесь на то, что ваша заколдованная безделушка в мгновение ока перенесет нас всех в Брандобу? — спросил Хакит с издевкой.

— Мой янтарь Триллиума, к сожалению, не способен на такое чудо, — ответила она мягко. — Но с милостью Триуна он может помочь нам обрести свободу.

— *Может?* — Хакит нахмурился. — Этот ваш план *может* стоить нам всем жизни.

— Уверенности нет ни в чем, — невозмутимо сказала Анигель, — только в том, что настанет день и все мы перейдем в мир иной. Но я пока не собираюсь ни умирать... ни отдавать свою страну и власть над ней низкому колдуну, хотя другие правители, возможно, и согласны на это. Я и мои сестры давно знаем Орогастуса, и магия нашего Черного Триллиума не один раз спасала нас от него. Если Владыки Воздуха нам улыбнутся, Цветок еще раз поможет нам.

— Наше предприятие кажется мне все более сомнительным, — сказал Хакит с кислой гримасой. — Я начинаю задумываться, не отказаться ли от него, особенно потому, что вы так и не продемонстрировали нам силу магии.

Анигель кивнула, словно уступая.

— Раньше это было невозможно, так как амулет работает только в том случае, если необходимо меня спасти от опасности или указать мне выход из сложной ситуации. Таким образом, я спущусь и открою двери подземелья, чтобы освободить Ледавардиса, и это станет критической проверкой моего плана. Если янтарь не вы-

полнит это задание, мы будем знать, что Орогастус наложил на Огненный замок заклятие, с которым не в силах справиться даже Черный Триллиум.

— И что тогда? — спросил принц Уидд.

— Если двери подземелья не откроются, я вернусь в свою комнату и буду молиться о нашем счастливом освобождении или выкупе, а потом лягу спать... Советую тем, кто не уверен во мне, поступить так немедленно! Я не намерена терять время на разговоры. Пусть те, кто согласен со мной, продолжат изображать пьяное веселье, потому что мы почти подошли к лестнице, и я вижу двух стражников.

После секундного колебания все последовали за ней. Уидд и Равия взяли друг друга под руки и запели энджийскую балладу о девушке, которая влюбилась в моряка. Приго заплясал вокруг них, а Хакит сделал вид, что пьет из горлышка, заткнув его большим пальцем. Га-Бондис просто волочился следом и выглядел так, словно его вот-вот стошнит.

Подойдя к лестнице, королева Анигель, хихикнув, пожелала доброго вечера стражникам, которые, удивленно посмотрев на нее, отдали честь.

— Ребята, а мы собираемся сбежать,— сказала она весело.— Поднимайте тревогу! Вызывайте Орогастуса и его фокусников!

Заскучавшие стражники даже не попытались остановить высокопоставленных заложников, которые стали с песнями и смехом спускаться по лестнице.

На уровне земли замка был арочный зал с колодцем, лотками и привязями. На полу валялся навоз фрониалов, разорванный мешок с зерном и друтой мусор, оставленный армией колдуна. Широкий проход вел от подножия лестницы к барбакану и помещениям над воротами, а коридоры справа и слева огибали внутренний двор, в котором находились казармы, конюшни, кухня, пекарня и другие службы хорошо оборудованного замка. За исключением прохода к барбакану, весь двор был полон пугающих теней и тускло освещался только висящими све-

тильниками. Стражников, кроме стоявших у ворот в эл-сах сорока, не было.

Анигель села на широкую плиту водосточного желоба, сложила руки, зачерпнула воду и сделала вид, что умывает лицо.

— А теперь,— прошептала она,— соберитесь вокруг меня, и мы обсудим, как следует поступить дальше.

— Я все еще плохо себя чувствую,— пролепетал Габондис.

Королева только улыбнулась ему.

— Вы, принцесса Равия, Хакит и Приго направитесь к барбакану. Там вы должны определить, сколько именно стражников охраняют ворота и как. Приго должен внимательно осмотреть проход в воротах, через который нам предстоит выйти, и запомнить расположение засовов, замков и перекладин, которые предстоит отпереть.

— Стражники могут заподозрить неладное, если мы задержимся надолго,— заметил Хакит.

— Продолжайте разыгрывать пьяное веселье,— посоветовала Анигель.— Говорите всем, кого повстречаете на пути, как вы счастливы выбраться из подземелья, как приятно свободно ходить по замку, даже несмотря на то что он кажется вам зловещим. Не забывайте о плане! Спросите у стражников, есть ли в коридорах привидения. Скажите, что видели нечто странное, похожее на духа, пока бродили по замку. Спросите, уверены ли они, что Господин Звезды изгнал всех демонов и злых духов из замка. Когда увидите, что стражники взволновались не на шутку, возвращайтесь сюда, к колодцу, где вас будет ждать Уидд. Присоединяйтесь к нему и выполняйте его указания.

— Все будет сделано,— твердо пообещала принцесса Равия.

Анигель повернулась к престарелому Вечному Принцу, глаза которого под тяжелыми веками искрились от возбуждения.

— Дорогой друг, не забудьте, что вам необходимо отыскать конюшню, которые, я в этом не сомневаюсь, находятся где-то во внутреннем дворе. Развеселите конюхов и грумов, если они там есть. Угостите их вином.— Она

передала ему свою бутылку, королева Джири последовала ее примеру.— Придумайте, как узнать, сколько осталось фрониалов. Проверьте кладовую с упряжью, определите, найдутся ли там для нас водонепроницаемые плащи. Для побега нам нужны девять быстрых и выносливых фрониалов.

— Девять? — удивленно спросил Уидд.— Но нас только восемь, включая короля Ледавардиса.

— Девять,— твердо повторила Анигель.— Закончив осмотр, извинитесь перед конюхами, скажите, что вам так понравилась их компания, что вы принесете еще вина. Возвращайтесь сюда, соберите остальных и возьмите с собой в конюшню, якобы посмотреть на животных и познакомиться с вашими новыми друзьями. Отдайте оставшиеся бутылки с вином. Когда конюхи достаточно опьянеют, по возможности тихо свяжите их и заткните им рты. Но помните, что мы поклялись не причинять никому вреда в этом замке! Оседлайте фрониалов, седельные сумки заполните едой и водой, если сможете их найти. Нам также понадобятся факелы и огниво. У каждого должен быть какой-нибудь плащ с капюшоном, в крайнем случае попона. Вы все должны прятаться в конюшне, пока не вернемся мы с Джири.

— Я обо всем позабочусь,— успокоил ее Вечный Принц.

— Будет лучше,— не сдавался Хакит,— если заданием в конюшне займусь я. Я значительно крепче Уидда и смогу постоять за себя, если возникнут неприятности.

— Но Вечный Принц совершенно безобиден по виду,— рассудительно заметила Анигель,— и ему проще завоевать доверие конюхов. Они могут настороженно отнестись к такому крепкому человеку, как вы, если их рассудок не замутнен вином.

Хакит недовольно хмыкнул, но не произнес ни слова. Анигель посмотрела на янтарь Триллиума:

— Я попрошу амулет показать, где находятся конюшни.

Она подняла амулет так, чтобы его было видно Вечному Принцу и всем остальным, и прошептала просьбу.

Внутри тускло светящейся капли янтаря появилась точка, превратившаяся в луч, показавший на правый коридор.

— Какое счастье! — воскликнула Равия. — В нем действительно заключена магия.

— Мне тоже так показалось, — сказал Приго, и его худое лицо растянулось в довольной улыбке.

— А теперь, Черный Триллиум, — сказала Анигель, глядя прямо на крошечный цветок внутри, — покажи мне дорогу в подземелье.

Светящаяся линия повернулась в другую сторону и показала на темный участок за лестницей, тускло освещенный одним светильником.

— Все в порядке, — подтвердила Джири. — Все остальные и так слишком хорошо изучили дорогу. Пойдем, милая. Пора спасти этого короля-карлика.

— Сначала мы определим, способен ли мой янтарь открыть верхнюю дверь подземелья.

— Проверка! — прошептал Приго.

Все тихо направились за лестницу. Дверь была тяжелой, сделанной из древесины гонда, массивно укрепленной железом. В ней была одна скважина размером с указательный палец. Анигель сжала светящийся в темноте, как фонарь, янтарь и коснулась им замка.

Дверь в подземелье распахнулась на смазанных петлях. За ней оказалась крутая лестница, освещенная факелами, установленными вдалеке разнесенных друг от друга кронштейнах на стенах.

— Сработало! — прошептал Приго. — Магия действует! Назад пути нет.

Га-Бондис едва слышно испуганно застонал.

— Пусть удача сопутствует всем нашим начинаниям, — тихо произнесла принцесса Равия. — Пошли, ребята. — Она направилась к сторожке у ворот в сопровождении троих правителей.

Старый принц Уидд нежно поцеловал Анигель в щеку и направился прочь, напевая песню моряков островов Энджи и размахивая в такт бутылками с вином.

— Готова? — спросила Джири у Анигель.

— Возьми меня за руку,— приказала молодая королева. В другой она сжала амулет и громко приказала ему:

— Черный Триллиум, сделай так, как ты делал в моей молодости, чтобы уберечь меня от смерти. Скрой меня от взгляда всех людей.

Королева Галанара удивленно вздрогнула. Она вдруг осталась в одиночестве у высокой двери.

Но в своей руке она чувствовала теплую ладонь Анигель.

— Все начинается только сейчас,— раздался голос из воздуха. Джири почувствовала, как ее потащили вперед, и начала спускаться по лестнице в подземелье.

Глава 18

— Ты поступила мудро,— сказала Джири, спускаясь с невидимой спутницей в глубины замка,— не поверив Хакиту или дуумвирам. Мои зятья — компетентные правители, но они также законченные прагматики, готовые заключить сделку с Демонами Мороза или даже Вечным Покровом, если решат, что это обеспечит коммерческое процветание Имлита или Окамиса.

— Я знаю,— сказала Анигель.— Поэтому я послала с ними к воротам Равию, чтобы, так сказать, предотвратить возможность предательства в последнюю минуту.

— О, им не терпится сбежать ничуть не меньше, чем остальным, милая. Но они боятся за собственные шкуры. Мы, члены королевских семей, пользуемся любовью народа. Я знаю, что мои подданные не остановятся ни перед чем, чтобы вернуть меня живой и невредимой, уверена, твой народ поступит так же. Но избранные правители не могут похвастаться такой преданностью. Бедняги! Их заменить так же просто, как одно яйцо грисса в рецепте пирога на другое, случайно разбитое. Если говорить о Хакит Ботале, многие люди пустились бы в пляс на улицах, узнав, что его похитили.

— Конечно нет! Их остановит хотя бы национальная гордость, если не другие чувства.

— Возможно,— глаза Джири коварно блеснули.— Тем не менее такой надутый осел, как Хакит, раздражен до глубины души тем, что его спасение зависит от женщины, даже такой бесстрашной, как ты.

Раздался тихий смех.

— Тогда ему следует познакомиться с моими сестрами! Я наименее грозный Лепесток Животворящего Триллиума и особой храбростью не отличаюсь, какой бы бесстрашной ни казалась. В этом предприятии мне придется во многом полагаться на тебя, Джири. Вот у тебя действительно геройский характер.

— Чепуха,— насмешливо ответила королева Галана.

Голос, который она слышала, был полон предостережения:

— Моя магия может вывести нас за ворота замка, но от них до Брандобы еще очень долгий путь, как заметила милая Равия. Мы связаны клятвой не причинять вреда никому внутри замка, но она потеряет силу, когда мы окажемся за его пределами и будем спасать наши жизни. Когда-то очень давно я убила человека. Тем не менее я знаю, что не смогу заставить себя нанести увечья человеческому существу, даже если на нас набросятся преследователи. И все же мы, возможно, будем вынуждены сражаться, если попытка к бегству удастся.

Джири пожала невидимую руку спутницы.

— Предоставь это мне и остальным.

Двигаясь быстро и бесшумно, женщины спустились по лестнице и оказались в своего рода прихожей. С одной стороны они увидели ржавую дверь с надписью «АРСЕНАЛ», с другой — решетчатые ворота, которые вели к камерам заключенным и караульному помещению стражников.

— Давай заглянем в арсенал,— предложила Джири.— Вдруг найдем там оружие, которое может нам пригодиться.

От прикосновения янтаря Анигель дверь распахнулась внутрь темного как ночь помещения. Королевы поспешили войти и закрыть за собой дверь. Анигель мгновенно стала видимой, а амулет загорелся так ярко, что в помеще-

нии стало светло как днем. В сырой каменной комнате, потолок которой украшали пыльные паутины лингитов, смотреть было не на что. Армия Орогастуса взяла лучшие мечи, алебарды и булавы, оставив здесь только тупые и зазубренные клинки, чересчур тяжелые секиры и копья с кривыми древками. В нескольких деревянных ящиках лежали более мелкие орудия войны, а также помятые шлемы и рваные кольчуги. Чудесного оружия Исчезнувших, о котором упоминала Харамис, не было совсем.

— Ты видишь хоть что-нибудь, что может пригодиться тебе самой или другим?

Джири рылась в одном из ящиков.

— Ну, воином меня трудно назвать. Если племенные короли Саборнии совершали набеги на западные границы Галанара, этим занимался мой покойный муж Колло. Но это может пригодиться, к тому же я легко могу его спрятать.

Она держала в руке простое устройство, состоящее из деревянной рукоятки, соединенной цепью с коротким толстым стальным цилиндром.

— Боевой цеп. Девочкой я часто помогала молотить на королевской усадьбе, где мы иногда проводили выходные и выращивали разные деликатесы для королевского стола. Для отделения зерен от колосьев я использовала примерно такой же инструмент, правда менее смертоносный.— Она мрачно улыбнулась.— Тогда я могла прихлопнуть им овода или сбить один-единственный лепесток с цветка. Может быть, не совсем разучилась.

Анигель с трудом подавила дрожь.

— Не забудь о клятве никому не причинять вреда в замке.

— Клятва, данная по принуждению, не является обязательной. Это знает самый дешевый адвокат.— Она убрала цеп в карман платья.

— Прошу тебя! Мы должны обойтись без насилия! Я не могу отречься от Черного Триллиума.

Джири вздохнула:

— Хорошо.

— Мне понадобится твоя помощь, чтобы переодеться,— сказала Анигель.— Я решила устроить небольшой маскарад или что-нибудь. Так будет убедительнее.

Джири хихикнула.

— Думаю, ты права. Есть другие изменения плана?

Анигель покачала головой:

— Просто устрой хорошее представление в караульном помещении, чтобы получше их подготовить к моему торжественному выходу.

Три тюремщика сидели за грубым столом и доедали ужин из хлеба, сыра и пива. Узников в данный момент слышно не было, они вели себя спокойно, насытившись более скромной пищей. К тому же заключенных, после того как заложников освободили из камер, было совсем немного.

— Я по ним почти скучаю,— сказал коренастый сержант по имени Ванн,— без них здесь так уныло.

— Особенно ты скучаешь по толстой королеве Галана,— ехидно заметил один из стражников — жилистый мужчина без одного уха, с иссеченным шрамами лицом.

— Заткнись, Уло,— прорычал сержант,— если не хочешь неприятностей.

— Весь караул знает, как ты любил с ней поболтать,— сказал третий стражник, вытирая пивную пену с усов. Ему было не меньше шестидесяти, но он был все еще крепким мужчиной.— И не только потому, что она была воплощением красоты, верно? — Он гнусно хихикнул, и к нему присоединился другой стражник.

Ванн ударил кулаком по столу:

— Заткнитесь, ублюдки.

— Или что? — надменно спросил Уло.— Надаешь нам по носам? Кобит прав. Ты брал взятки у королевы Джири. Только Матута знает, какие секреты ты раскрыл ей в обмен на драгоценности. Это — предательство. Попробуй только тронуть нас хоть пальцем, и мы все расскажем Людям Звезды наверху.

— Вы ничего не докажете,— проревел Ванн.— А если попробуете...

— Тсс! — Стражник по имени Кобит вскочил со стула, выпучив глаза.— Вы слышали?

Ванн встал и проковылял к двери караульной комнаты. Одна его нога ниже бедра была деревянной.

— Милосердная мать Матута! — воскликнул он, отступая в изумлении.— Это — она!

Королева Галанара Джири, великолепная в лиловом бархатном платье и белой шелковой вуали, с диадемой из покрытых эмалью листьев и цветов, вошла в комнату.

— Добрый вечер.

Тюремщики что-то промямлили в ответ, почтительно коснувшись пальцами лбов.

— Мадам,— несколько встревоженно обратился Ванн к высокопоставленной гостье,— вам запрещено здесь появляться.

— Да? — удивилась королева Джири.— Но двери были открыты, никто их не охранял, и я решила...

— Двери открыты? — воскликнул Ванн.— Но это невозможно!

— Стражников почти не осталось,— ухмыльнулся Уло.— Почти все здоровые ушли с Господином и его толпой колдунов.

— Я хотела лишь переговорить с королем Ледавардисом, чтобы подбодрить его,— произнесла Джири успокаивающим тоном.— Эта женщина Наелора так грубо обошлась с ним. Сержант, уверяю вас, в этом нет ничего страшного.— Она специально поправила вуаль, чтобы рубин сверкнул в свете факелов.

— Ну...

Королева коснулась руки Ванна:

— Если хотите, можете пойти со мной. Должна сказать, что сегодня тени выглядят особенно зловещими. Я едва не лишилась чувств от страха, когда спускалась по винтовой лестнице в подземелье, и мне казалось, что передо мной движется какой-то почти невидимый призрак.— Она нервно рассмеялась.— Быть может, это был один из духов, которые населяют эту грудку камней.— Она пошла по коридору, ведущему к лишенным окон камерам, Ванн заковылял за ней.

— Ты видел этот рубин? — с горечью спросил Уло.— Готов биться об заклад, что...

Кобит насторожился.

— Слушай,— встревоженно прошептал он. Оба стражника встали у открытой двери, посмотрели вслед удалявшимся Джири и Ванну, а потом стали смотреть в другую сторону.

Факелы на стенах длинного коридора, который вел к лестнице, постепенно гасли один за другим. Из темноты доносились тяжелое дыхание и стоны боли.

Рука Уло потянулась к мечу.

— Какого дьявола?

Когда погас последний светильник, по коридору разнесся жуткий вой. Потом воцарилась мертвая тишина. Коридор освещался только светильником караульного помещения и еще одним, висевшим в пятнадцати элсах у входа в камеры.

— Слезы Матуты! — прохрипел Кобит.— Смотри!

Из темноты вышла невероятная фигура. Она была одета в разодранную кольчугу с короткими рукавами, старомодный шлем, железные перчатки и наколенники. Но доспехи, казалось, не поддерживались человеческим телом или костями и были видны лишь потому, что подсвечивались изнутри кольчуги, там, где должно было находиться сердце. Привидение держало над головой ржавый меч.

— Горе! — прокричало привидение скрипучим голосом.— Горе тем, кто живет в проклятом замке, ибо будут они мертвы, как и я!

Привидение сняло шлем, под которым не оказалось головы, и зашагало к охваченным ужасом стражникам.

Уло и Кобит взвыли и побежали в сторону камер, забыв об оружии.

Надежно спрятав рубин в поясную сумку, сержант Ванн устроился в конце блока камер, на каменной скамье под светильником. Королева Джири купила разговор с глазу на глаз с горбатым королем пиратов.

— Ледо, дорогой,— прошептала она быстро.— Будь готов. Мы пришли освободить тебя. Здесь трое стражников, и нам может понадобиться твоя помощь, чтобы затолкать их в пустые камеры.

Король Ледавардис, бешено сверкая одним глазом (второй по-прежнему был скрыт запятнанной кровью повязкой), смачно выругался. Джири успела произнести те же слова заключенному в соседней камере, и тут раздались испуганные крики стражников. Ванн вскочил на ноги и заковылял к двери, и тут в помещение, едва не сбив его с ног, ворвались Уло и Кобит.

— Призрак! Призрак! — вопил Кобит.

— Закрывай дверь! — орал Уло.

Тут к ним быстро подошла королева Джири, а ее дородное тело являлось практически непреодолимым препятствием на пути к двери.

— Идиоты! — заорал Ванн на своих подчиненных.— А вы, мадам, отойдите в сторону, чтобы я мог видеть...

— Горе! Горе всем в этом проклятом месте! Горе!

Безголовый воин, размахивая мечом и со шлемом под мышкой, появился в дверях и издал жуткий вопль. Ванн попятился назад, попал деревянной ногой в трещину на полу и беспомощно повалился на спину. Ремни порвались, искусственная нога отвалилась от кульги, и сержант взвыл от боли. Стражники побежали вдоль камер, к решетчатым дверям которых, раскрыв рты от изумления, прильнули заключенные.

Привидение отбросило в сторону шлем и стащило стальные перчатки. Что-то, сверкавшее, как звезда, и летевшее по воздуху, как светлячок, коснулось замка камеры Ледавардиса. Решетка распахнулась. Стремительный, как атакующий риморик, Ледавардис вылетел в коридор, схватил Ванна под мышки и затащил в освободившуюся камеру. Привидение снова прикоснулось к замку, и дверь захлопнулась.

— Это — Гиор,— сказала королева Джири, указывая на едва напоминавшее человека существо со спутанными рыжими волосами и длинной бородой в соседней камере.

Привидение заговорило женским голосом:

— Выходите, мой друг, потому что вам предстоит спастись бегством вместе с нами.

Дверь камеры распахнулась.

— Но кто вы! — спросил ошеломленный пленник. — Или что?

Привидение, напоминавшее ожившую кольчугу и пару наколенников без ног, не удостоило его ответом. Оно повернулось и направилось к вжавшимся в дальний угол коридора Кобиту и Уло.

— Горе! Готовьтесь к смерти! — взвыло оно, размахивая ржавым мечом. Остальные, испуганные до полусмерти, заключенные подняли ужасный шум.

— Стражники! — закричала королева Джири. — Спасайтесь от демона-мстителя! Войдите в камеру и закройте дверь. Призраки не способны проходить сквозь железные решетки.

Нелогичность ее слов осталась незамеченной. Кобит и Уло нырнули в пустую камеру и захлопнули дверь. Привидение остановилось, и стражники раскрыли от удивления рты, когда под кольчугой начало материализовываться тело. Это была прелестная женщина с глазами, голубыми, как сапфиры, и распущенными светлыми волосами. Под драной кольчугой она была одета в зеленое, поднятое до колен, платье. Она опустила меч и бросила его на пол.

Королева Анигель подняла янтарь Триллиума и поднесла его к замку камеры со стражниками. Раздался громкий щелчок. Она повернулась к Джири и освобожденным из неволи мужчинам. Из камер доносилось удивленное бормотание.

— Мой амулет не только отпирает, но и запирает. — Она улыбнулась Ледавардису. — Не поможете мне снять эту чудовищно тяжелую кольчугу? Ее придется взять с собой, как другие доспехи и меч.

Рэктамский король расхохотался:

— Значит, привидением были вы, моя возможная теща! Великолепно!

Он помог ей снять кольчугу, потом расстегнул наколенники на ногах. Джири уже подобрала шлем и перчатки.

Рыжеволосый пленник, называвший себя Гиором, опустился на колено и поцеловал руку Анигель.

— Мадам, я — ваш вечный должник, хотя и не знаю, кто вы и почему решили меня спасти.

Анигель представилась и спросила:

— Ваше полное имя не Гиоргибо? Вы — не младший брат императора Деномбо и Женщины Звезды Наелоры?

— Я — Гиоргибо, эрцгерцог Намбита, — ответил он, не скрывая изумления. И я действительно брат императора. Но вы так и не ответили на мой вопрос...

— Эй! — крикнул какой-то пленник из камер. — А как же мы? Вы оставите нас гнить здесь?

— Что это за люди? — едва слышно спросила Анигель у Гиоргибо.

— Воры, драчуны, и трое пленников взбунтовались и отказались следовать за армией Орогастуса, выступившей сегодня с гнусной миссией.

— Вы не знаете точно, в чем заключается эта миссия? — взволнованно спросила королева Джири.

— Знаю, ваше величество. Моя порочная сестра приходила насмехаться надо мной, перед тем как отправиться в поход вместе с колдуном. Через три дня — день рождения императора, который празднуется в столице одновременно с Фестивалем Птиц. Наелора и Орогастус намереваются атаковать Брандобу, когда ее жители будут отвлечены празднованием. Они возьмут штурмом дворец при помощи чудесного оружия Исчезнувших и убьют Деномбо. Затем сестра, учитывая то, что я считаюсь мертвым, по закону взойдет на трон. В обмен на помощь Звездной Гильдии Наелора поклялась использовать все ресурсы нашей империи, чтобы помочь Орогастусу завоевать мир.

Анигель подошла ближе к Гиоргибо. Это был высокий мужчина, с приятными чертами лица, если не обращать внимания на грязь и спутанные рыжие волосы и бороду.

— Орогастус планировал пролететь четыреста лиг в Брандобу вместе с армией, чтобы начать войну вовремя? — спросила она, не сводя с него напряженного взгляда.

— Конечно нет. Существует магический проход, называемый Великий Виадук, менее чем в двух часах от Огненного замка, за пределами огненной котловины. Он заканчивается в горном лесу над самой столицей.

— Второй виадук! — воскликнула Джири. — Конечно, он просто необходим для снабжения дворца. — Она указала пальцем на Анигель. — Как ты и подозревала...

Анигель подняла руку, призывая к тишине.

— Существует множество виадуков по всему миру, уверена, что несколько из них расположены в Саборнии. У меня была карта их расположения, но я не помню подробностей, — сказала она Гиоргибо. — Скажите, что вам известно об этом магическом проходе. Он охраняется?

— Нет. Колдун решил, что в этом нет необходимости. Великий Виадук — огромное отверстие, в которое может въехать повозка или человек на фрониале. Меня самого доставили сюда через него, после того как восемь месяцев назад Наелора и ее приспешники схватили меня во время охоты в Коллумских горах. С того времени я узнал, что Великий Виадук служит не только для снабжения замка продовольствием, но в качестве постоянного маршрута перемещения шпионов Звездной Гильдии, уже давно проникнувших в Брандобу.

— Как близко к столице он подходит? — спросила Анигель.

— Я не уверен. Он находится в глубине Лирдского леса — огромного императорского заповедника в Коллумских горах, вход в который простолюдинам запрещен. Небольшая армия может укрыться в этом лесу, а ночью атаковать Брандобу, используя преимущество праздника.

— Это в стиле старого Оро, — процедил Ледавардис. — Сорвать день рождения императора! Помните, как он сорвал коронацию Йондримела?

— Никто не может помнить это более отчетливо, чем я, — мрачно сказала королева Анигель. — Именно тогда вы сговорились с Орогастусом похитить моего мужа и детей.

Король пиратов явно смутился.

— Это был не я, а моя злобная бабка, да сгноит ее Господь. И я уже попросил у вас прощения за невольное участие, будущая теща.

Анигель промолчала.

— Как мы заставим Великий Виадук открыться для нас? — нетерпеливо спросил Гиоргибо. — Когда меня похитили, вход в него был невидимым, пока Наелора не произнесла какое-то заклинание. Я не расслышал точно, что она произнесла.

— Я знаю слова, — успокоила их Анигель. — Нам пора уходить отсюда, но нужно захватить из арсенала кое-что из оружия для наших друзей.

— А остальные заключенные? — едва слышно спросила Джири.

Покачав головой, Анигель знаком попросила всех пройти вперед. Решетчатая дверь, оставленная, когда сержант сопровождал королеву Галанара, захлопнулась, стоило Анигель прикоснуться к ней своим амулетом. Немедленно раздалось проклятие оставшихся взаперти заключенных.

Анигель уже собиралась уходить, когда почувствовала на себе взгляд сержанта Ванна, он сидел на полу камеры и не мог встать без помощи деревянной ноги, но губы его растянулись в сардонической улыбке.

— Совсем неплохо, мадам, — сказал он. — Очень неплохо, на самом деле. Но опасайтесь дьяволицы Наелоры. Ее императорское высочество не верит в привидения.

Королева кивнула:

— Спасибо за предупреждение, сержант. Надеюсь, рубин принесет вам удачу.

Глава 19

Они понеслись к барбакану галопом, во главе с безголовым призраком. Остальные восемь всадников закрыли лица капюшонами. Подскакав к высоким воротам барбакана, они стали размахивать факелами и выть как проклятые души, заставили рогатых фрониалов крутиться на ме-

сте, чтобы произвести как можно больше шума. Сбитые с толку стражники выскочили из караульного помещения и тут же попятились назад, увидев прыгнувшего с фрониа́ла духа. Лишенные тела доспехи светились изнутри, как лампа в форме человеческого тела. Он размахивал старым мечом, завывал и изрыгал проклятия, грозя смертью и разрушением, а его спутники скакали по двору, посыпая булыжники искрами от факелов.

Прежде чем начальник караула собрался с мыслями и смог отдать связный приказ, танцующий призрак подлетел к двери в левой части ворот, сквозь которую мог проехать всадник. Искра света скользнула по железным замкам и двум запиравшим дверь балкам, и она распахнулась. Привидение издало победоносный вопль. Всадники в развевающихся плащах с факелами поскакали прочь из замка.

— Смерть! — завопил призрак и, схватив поводья, взлетел на спину своего фрониа́ла. — Смерть в огне всем, кто посмеет преследовать нас!

Призрак умчался, а дверь, словно по волшебству, захлопнулась и заперлась на все замки. Несмотря на все усилия, стражникам не удалось открыть ее.

— Объявить тревогу! — закричал начальник караула. — Вызвать Людей Звезды!

Он так и не понимал, что произошло, но был старым пройдохой и собирался поступить как обычно — свалить ответственность на вышестоящего начальника.

Обитатели замка некоторое время возились у необъяснимо неоткрываемых ворот. Оба Человека Звезды, смотритель, сенешаль и другие старшие слуги были одурманены многочасовой пьянкой. Принесли топоры, но всем было ясно, что для того, чтобы прорубить толстые доски ворот, потребуется несколько часов. Потом были обнаружены связанные конюхи (пока никто не догадался проверить подземелье), и личности призрачных всадников были установлены.

Один Человек Звезды протрезвел, очевидно осознав значение катастрофы, и догадался принести свое чудес-

ное оружие. Оружие испустило тонкий красный луч, способный плавить металл и камень, и прошел сквозь дверь в воротах, как рапира сквозь творог. К тому времени беглецы уже получили драгоценное преимущество в четверть часа.

— Сообщим... сообщим Господину о происшествии при помощи наших звезд? — спросил все еще затуманенный алкоголем колдун у своего почти протрезвевшего коллеги.

— Лучше подождем, пока не поймаем беглецов, — ответил тот после минутного раздумья. — Не стоит беспокоить его без надобности, верно?

Они собрали отряд из тридцати воинов и бросились в погоню.

В воздухе пахло дождем и смолой игольчатых деревьев, тучи сгушались, и без факела Анигель едва различала извилистую дорогу, спускавшуюся по склону холма, на котором стоял замок.

— Святой Цветок, освети мне дорогу!

Амулет на шее вспыхнул, и она пришпорила фрониала, чтобы догнать своих спутников с факелами. На ходу она сорвала с головы шлем и сбросила тяжелые перчатки, составлявшие часть ее костюма. Сбросить тяжелую кольчугу или расстегнуть пряжки наколенников, не спешившись, она не могла, но сейчас останавливаться было нельзя ни в коем случае. Она должна была продолжать скакать вслед за другими, несмотря на неудобство, и молиться, чтобы магия амулета сделала ворота неприступными.

«Я свободна!» — говорила она себе.

Странно, но она не чувствовала восторга. Сейчас, когда первая волна восторга от удавшегося побега прошла, она чувствовала усталость и апатию. Уверенность в себе исчезала, а вера в Черный Триллиум, поддерживавшая ее до этого момента, казалось, иссякала, как вода в прибрежной заводи во время отлива.

Анигель легла на шею фрониала, схватившись за поводья, грубые звенья тяжелой кольчуги натирали плечи

сквозь тонкую ткань платья. Животное прыгало и скользило по крутой каменистой дороге, но широкие копыта крепко держались за почву. Мимо мелькали стволы игольчатых деревьев, которыми густо порос холм, колючие ветви едва не смыкались над ее головой. Она замерзла и чувствовала страшную усталость, что было, впрочем, не удивительно. Она, в конце концов, только утром очнулась от шестидневного сна, несомненно исцеленной, но тем не менее лишенной сил.

Заморосил дождь.

Анигель шелкнула языком, подгоняя фрониала, но инстинкты животного отменили приказ, и фрониал продолжал идти осторожной рысью. Дорога стала слишком крутой и извилистой для быстрой езды.

Морось усилилась, превратилась в несильный, но непрерывный дождь. Буквально через несколько минут Анигель промокла до нитки, но даже не подумала накинуть привязанный сзади к седлу военный плащ. Совершенно разбитая и несчастная, она отдала себя на волю фрониала.

Внезапно фрониал заржал и остановился. Она обнаружила, что находится в окружении спутников, некоторые из которых спешили и о чем-то взволнованно совещались. Они остановились среди обугленных стволов, чуть выше уровня смертоносного газа.

Хакит Ботал, который был среди спешившихся, обратился скрипучим голосом к Гиоргибо:

— Что вы имеете в виду, говоря о том, что, возможно, он не загорится во время дождя?

— Я могу сказать только то, что узнал за месяцы заточения в подземелье, — ответил эрцгерцог. — Были случаи, когда дождь вызывал взрыв горючих испарений, а не их возгорание. Вспыхивали деревья, а многие люди погибали от взрыва, хотя стояли достаточно далеко от края.

— Но другого пути отсюда нет, — простонал Га-Бондис.

— Я только хотел предупредить вас об опасности, — сказал саборнианец.

— Я не собираюсь сдаваться и возвращаться в подземелье! — прорычал Хакит. — Вы боитесь попробовать? Тогда передайте факел мне!

— Зазнавшийся бюрократ! — насмешливо произнес Гиоргибо. — Что вы знаете об опасности гейзеров!

— Ради богини, перестаньте спорить, — вмешалась в разговор Джири Галанарская. — Вот наш лидер, и она скажет, как следует поступить. Помогите бедной девушке спешиться и снять доспехи. Она промокла до нитки.

Джири и король Ледавардис помогли Анигель переодеться в шерстяное платье и плащ, потом все устали на нее в ожидании.

— Гиоргибо, — сказала она вяло, — вы согласны поджечь газ, даже если существует опасность?

— Да, — просто ответил тот. — Прошу всех сесть на фрониалов и подготовиться.

Саборнианец обнажил взятый им из арсенала короткий меч, срубил обугленное молодое деревце и очистил его от веток. В результате получился шест высотой в два человеческих роста. Гиоргибо затем привязал к шесту факел и направился пешком к котловине, держа шест прямо перед собой.

— Следуйте за мной, и не забудьте моего фрониала, но держитесь от меня не ближе броска камнем.

Ветра не было, тишину нарушал стук копыт фрониалов, шорох камней и шелест ласкового дождя. Наконец они вышли на ровное место, лишенное какой бы то ни было растительности. Оно заканчивалось обрывом в котловину высотой порядка двадцати элсов.

Подав остальным знак остановиться, Гиоргибо на четвереньках подкрался к краю и опустил шест.

Оглушительный треск потряс землю, за которым последовал звук, похожий на долгий, мелодичный вдох.

Первая вспышка была ослепительно белой. Она разрослась в приплюснутый оранжево-красный шар, возникший прямо под обрывом. Эрцгерцог поспешил присоединиться к своим спутникам, которые с трудом сдерживали возбужденных животных, а шипение продолжалось, пре-

рываемое частыми небольшими взрывами. Узкие вены лазурного огня, похожие на ветвистые молнии, разбежались по котловине во всех направлениях на высоте примерно пяти элсов. Огненная сеть разрасталась, пока не превратилась в светящееся полотно, накрывшее все дно котловины. Через мгновение в воздух взметнулись огненные гейзеры, и светящийся туман исчез.

Вечный Принц и Вечная Принцесса бурно заплодировали.

— Подождите несколько минут, — приказал Гиоргибо, испытывая явное облегчение, — пока чистый воздух не придет на смену ядовитым миазмам. Потом можно начать спуск по этому склону.

Фрониалы успокоились, успокоились и наездники. Анигель шепотом поблагодарила короля Ледавардиса за то, что тот помог ей удержать едва не взбесившегося фрониала.

— Если позволите, будущая теща, я поеду рядом с вами через огненный ад и буду следить за вашей безопасностью.

— Я с радостью принимаю вашу помощь, так как, вынуждена признаться, устала до смерти.

Она ни слова не сказала о беременности, но ее постоянно мучил вопрос, как переживут это испытание ее неродившиеся сыновья. Она не переставала чувствовать их движения задолго до ужина.

— Вперед! — закричал Гиоргибо и направил фрониала по склону в долину огненных фонтанов. Свой факел он потерял, у Анигель его и не было, но остальные, высоко подняв факелы, последовали за ним. Спустившись на плоское, словно посыпанное пеплом дно котловины, они смогли пустить фрониалов быстрой рысью.

Королева вверила себя заботам короля пиратов, схватилась за переднюю луку седла, передав ему поводья. По обе стороны от дороги из скальных выступов высились столбы пламени, отражавшиеся в иссеченной дождем темной воде болот. Это было зрелище дьявольской красоты. Гейзеры были высокими и низкими, некоторые до-

стигали лишь высоты колена, другие взметались ввысь более чем на десять элсов. Все они хаотично пульсировали, то взрывались снопами искр, то горели спокойно. Иногда в некоторых из них иссякал газ, и они гасли, чтобы через несколько мгновений вспыхнуть снова от случайной искры и разгореться с новой силой.

Анигель должна была направлять пугливого фрониала, поэтому примерно через пол-лиги она обернулась и посмотрела назад. За ней скакал Хакит Ботал, за спиной президента Окамиса она увидела поросшую лесом возвышенность, которую венчал подсвеченный огнем гейзеров Огненный замок.

По склону холма быстро двигалась цепочка оранжевых огоньков.

— Смотрите! Смотрите! — закричала королева. — Они преследуют нас.

Король Ледавардис разразился пиратским проклятием.

— Пришпорьте фрониалов, — закричал Хакит.

Но сделать это было совсем не просто. Днем они могли бы с легкостью рассмотреть извилистую дорогу, но ночью из-за обманчивых теней и слепящих глаза огненных гейзеров они несколько раз почти сбивались с пути, к тому же фрониалы, направляемые сбитыми с толку наездниками, натывались друг на друга.

— Так ничего не получится! — закричал наконец Гиоргибо. — Мы должны сдерживать фрониалов, по крайней мере пока не выберемся из этой проклятой котловины.

Колонна преследователей, которым дорога была явно знакома, быстро приближалась. Дождь усилился, огненные гейзеры начали уменьшаться в размерах и гаснуть.

— Что будем делать? — завопил Га-Бондис. — Мы все задохнемся от паров!

— Они тяжелее воздуха, — ответил Гиоргибо. — Мы можем продолжать путь, пока головы фрониалов и наши находятся выше. Погасите факелы! Если газ загорится снова, риск будет слишком велик. Королева Анигель, выез-

жайте вперед, пусть огонь вашего волшебного янтаря ука-
зывает нам дорогу... Вперед!

Они поскакали дальше и все не спускали глаз с кро-
хотного огонька в голове колонны. Скоро из-за дождя и
сгустившегося над болотами тумана они потеряли из ви-
ду преследователей. Контур котловины становились все
более размазанными, а огненные гейзеры продолжали гас-
нуть. Наконец между окутанными туманом скалами оста-
лось только два едва тлеющих желто-синих огонька. Ког-
да погасли и они, беглецы остались в полной темноте и
могли полагаться только на тусклый свет амулета Анигель.

Небо словно издевалось над ними, потому что дождь
внезапно прекратился.

Фрониала Королевы вел под уздцы эрцгерцог Ги-
оргибо, а самой Анигель было уже все равно, умрет она
или будет жить. Она была слишком подавлена, слишком
устала, слишком сильно было отчаяние, чтобы молить о
чуде. Их поймают. Она знала, что вина за неудачу лежит
на ней, что смерть спутников будет тяжким бременем ле-
жать на ее душе до самого перехода в мир иной. Потом
она почувствовала резкий смолистый запах, мгновенно
вызвавший приступ тошноты. Ядовитые пары! С огром-
ным усилием она заставила себя выпрямиться в седле и
открыть глаза. Янтарь осветил густой туман, подняв-
шийся до груди фрониала. Теперь уже недолго...

— Они почти нас догнали! — закричал Хакит Ботал.

Анигель слышала стук копыт, но ничего не видела. Пре-
следователи из замка тоже погасили свои факелы.

— Примите нас, Владыки Воздуха,— прошептала
она.

— Мы почти добрались до края,— сказал Ледавардис.—
Я вижу откос. Быстрее! Пришпорьте фрониалов! Мы
должны подняться на насыпь, прежде чем нас настигнет
враг!

— Он прав,— крикнул Гиоргибо.— Еще есть шанс!

Анигель почувствовала, что ее фрониал прибавил шаг.
Потом они поскакали вверх по вязкому склону, выбира-
ясь из смертоносных миазмов, как из озера. Утесы края

котловины высоко вздымались в затянутое рваными облаками небо. Выглянула одна из лун, посеребрив жуткий пейзаж.

Гиоргибо уже не возглавлял колонну, он галопом вернулся назад по каменистой дороге, чтобы подогнать других и спасти их жизни. Проезжая мимо каждого фрониала, он наносил ему удар плащом своим коротким мечом. Животные ржали, трясли рогатыми головами и бросались вперед по каменистому склону навстречу спасению.

Преследователи были отчетливо видны — воины в доспехах, пробиравшиеся сквозь туман на, казалось, безногих животных, напоминавших скорее странные лодки, а не фрониалов. Впереди скакали два Человека Звезды на белых скакунах. Один из них что-то закричал и приложил к плечу оружие, которое так легко разрезало ворота.

Гиоргибо резко развернул фрониала и послал его вверх по склону.

— Берегитесь! Все назад! — закричал он отчаянно. Поднявшись, он натянул поводья, заставив фрониала встать на дыбы, и бросил свой меч в котловину.

Ржавое стальное лезвие завертелось в воздухе и упало со звоном на скалы где-то далеко внизу.

Ничего не произошло, и саборнианец выругался в отчаянии.

— Я думал, меч высечет искру и подожжет пары, а теперь...

Анигель отчетливо услышала смех Человека Звезды, поднявшего к плечу оружие. Он ехал впереди, и не успел еще подъехать к началу подъема, как выпустил луч магического красного огня.

Оглушительный взрыв едва не сбросил бывших заложников с седел.

Анигель на мгновение оглохла и едва не потеряла сознание. Ее фрониал пошатнулся, потом оправился от первого шока и стал взбрыкивать и крутиться на месте от боли и ужаса. Она схватилась за недоуздок, чтобы остаться в седле, пока животное не успокоится. В котловине раскинулось море огня, и сквозь треск были слышны крики умирающих людей. Прошло совсем немного времени,

крики стихли, всеохватывающий пожар исчез, и в долине вновь забили огненные гейзеры.

Несколько минут беглецы из Огненного замка потратили только на то, чтобы успокоить взбесившихся животных. Удивительно, но никто не был сброшен с седла, и скоро все девятеро подъехали к краю котловины, чтобы посмотреть на ее дно.

На дороге лежали обугленные черные кучи. Из них поднимались струйки дыма, подкрашенные красным цветом от мерцающих гейзеров.

— Будь милостлива, Великая Богиня,— прошептала королева Джери, не сводя глаз с ужасной сцены.— Они сами в этом виноваты.

Никто не сказал ни слова. Через несколько минут они развернули фронялов и отправились в путь.

Глава 20

Кадия последней вышла из виадука и сразу же отключила его. После тишины лесов на берегах Ода, какофония джунглей Саборнии словно нанесла ей физический удар. Ее спутники, вышедшие из виадука чуть раньше, толпились под огромным раскидистым гнездовым деревом, ошеломленные оглушительными криками, гиканьем, клекотом и негармоничными трелями и свистом.

— Лодыжки Зото! — воскликнул сэр Эдинар.— Что за крикливые твари обитают в этой Саборнии!

— Мне говорили, что здесь живут только их знаменитые птицы,— сказала Кадия.— Надеюсь, мы привыкнем к этому шуму.

Сэр Мелпотис настороженно огляделся, схватившись за эфес:

— Вы не видели следов Людей Звезды?

Кадия покачала головой:

— Только их эмблему, прибитую к дереву йондер. Они уже ушли, даже если и приходили на рассвете. Подозреваю, предложение вознаграждения было не более чем обманом. Если бы глисмаки попытались его получить, то,

скорее всего, получили бы смерть в оплату за свои труды.

Она огляделась и сказала:

— А вот и наш проводник, ждет нас, как и обещал.

Из-за густой листвы даже исключительно зоркие глаза Кадии не сразу увидели стоявшего рядом со стволом дерева всего в десяти элсах человека. Он был высоким и стройным, его туника и штаны были покрыты переплетенными перьями, серыми и пятнистыми, как кора дерева. У остроконечной шляпы, закрывавшей седую голову, спереди был козырек, с которого свисала закрывавшая верхнюю часть лица грубая вуаль. Нижняя часть лица была замазана каким-то темным, скрывавшим черты, веществом. Он не пошевелился, даже когда Кадия подошла и громко поздоровалась, пытаясь перекричать птиц.

— Спасибо, что дождался нас, Критч. Это — друзья, о которых я говорила и которые поклялись сражаться со злыми Людьми Звезды.

Критч отошел от дерева и поднял вуаль, под которой оказалось лицо, совсем похожее на человеческое, правда слегка искаженное подозрительностью. Только его глаза, огромные и золотистые, и трехпалые руки, сжимавшие острый резак на длинном древке, свидетельствовали о том, что он абориген.

Кадия представила спутников, закончив принцем Тোলиваром, который без колебаний задал слишком щекошливый для остальных вопрос:

— Критч, к какой расе ты принадлежишь? Я сказал бы, что ты — виспи, если бы у тебя были зеленые глаза.

— Я — кадоон,— неохотно ответил абориген мальчику.— Виспи — наши ближайшие родственники, но в связи с тем, что у нас больше примесь человеческой крови, мы не обладаем сверхъестественными способностями и вынуждены зарабатывать на жизнь более скромными способами.— Он сердито посмотрел на принца и повернулся к Кадии: — Расскажи, почему вооруженный отряд разведчиков сопровождает мальчик? И почему ты и этот мальчик носите устройства, обладающие огромной магической силой?

— Я удивлена, что ты их узнал, — сказала Кадия.

— Мой народ не столь искусен в постижении колдовства, как виспи, — ответил Критч, — но мы не совсем несведущи в этом вопросе... Дама Священных Очей. Когда я обещал тебе помочь, я полагал, что ты обычная женщина. Но если ты колдунья...

— Не очень хорошая. — Кадия удрученно пожала плечами. — И мой племянник Толивар тоже не может считаться знатоком.

— Я не стану помогать колдунам, даже некомпетентным! — Критч указал на доску со знаком Звезды. — Эти злодеи почти два года угнетали мой народ. Они даже убивали невинных собирателей перьев, которые посмели приблизиться к этому месту, которое было одним из самых лучших, пока Люди Звезды не захватили его менее одной луны назад. Я нахожусь здесь только потому, что случайно увидел, как воины Гильдии, обычно его охранявшие, поспешно куда-то ускакали.

— Превосходно! — воскликнул сэр Мелпотис. — Ты знаешь, куда они направились?

— Нет. — Абориген поднял большой рюкзак из-за ствола дерева и сделал шаг назад.

— Ты видел настоящих членов Гильдии, с медальонами Звезды, — спросила Кадия, — или всего лишь приспешников?

— Не задавай мне вопросов! Я не хочу иметь с вами дел!

Кадия протянула к нему руки, пытаясь успокоить:

— Друг, я не собиралась тебя обманывать. Я всего лишь дочь короля Лабровенды, страны далеко на востоке, и пришла на поиски сестры, королевы Анигель. Она была захвачена Людьми Звезды и может находиться в этой стране в заточении. Если ты проводишь нас в столицу Брандобу...

— Этого я не обещал, — грубо перебил ее кадоон. — Я сказал, что *могу* показать вам дорогу, причем долгую и трудную

— Ты также говорил, что есть более короткий путь на твоей лодке.

— Даже если бы ты не была колдуньей, я вряд ли отправился бы в столицу. Уже несколько недель ходят слухи, что что-то ужасное случится в Брандобе во время Фестиваля Птиц, который начнется через два дня.

— Какие именно слухи? — взволнованно спросила Кадия. — Они связаны с Звездной Гильдией? Император в опасности?

Критч ничего не ответил.

— Прощу тебя, подумай, — взмолилась Кадия. — Люди Звезды похитили и других правителей, не только мою бедную сестру. Вероятно, колдуны намереваются похитить или даже убить самого императора Деномбо. Мы надеемся предупредить его, а также заручиться его помощью в спасении моей сестры Анигель.

— Кадооны не являются большими друзьями императора. Люди Саборнии презирают нас, но безумно любят перья, которые мы для них собираем. Нет... вам придется самим добираться до Брандобы.

Критч начал медленно отступать в заросли, и тут вперед вышел Ягун.

— Подожди! — крикнул он, пытаясь перекричать птиц. — Не торопись. Эта госпожа — не колдунья, а мы — не негодяи. Позволь мне все объяснить.

Критч остановился, но рука его по-прежнему крепко сжимала древко резака.

— Как ты видишь, я сам — абориген, как и ты, — сказал ему Ягун. Дама Священных Очей, которую также называют Провидицей, Дочерью Трех и принцессой Кадией, была моим добрым другом с самого детства. В нашей стране Кадия является Верховным Адвокатом и Защитником всех аборигенов. Уже долгие годы она верно защищает ниссомов, уйзгу, дороков, вайвило, миролюбивых глисмаков и даже скритеков Гиблой Топи в их спорах с людьми. Всего год назад Дама заключила мир между жестокими альянсами с Виндлорских островов и торговцами Зиноры. Виспи с Охоганских гор посещают ее дом как почетные гости. Талисман, который ты видишь у госпожи Кадии, не является инструментом темной ма-

гии, скорее он — символ ее высокого положения. Даже сейчас он защищает нас от злобных глаз Людей Звезды.

— Ты можешь доказать правдивость своих слов? — спросил Критч.

Кадия недовольно скривилась.

— Если найдем тихое и спокойное место, где можно будет услышать собственные мысли, я могу попытаться вызвать другую сестру, Великую Волшебницу Земли, речью без слов. Она с радостью попросит своих друзей виспи поручиться за меня.

Кадоон указал пальцем на Толивара, корона на голове которого тускло блестела в зеленых сумерках.

— А он?

Кадия вздохнула:

— С ним есть проблемы, но я обещаю, что он не причинит вам вреда.— Она обратилась к племяннику.— Толо, поклянись ему.

— Клянусь,— сказал принц.— Умоляю, помогите нам. Я готов жизнь отдать, лишь бы спасти свою мать, королеву Анигель.

Кадоон задумался и наконец сказал:

— Я закончил собирать здесь перья и готов отправить-ся домой на побережье. Вы можете сопровождать меня, если обещаете не путаться под ногами и не мешать охотиться.

— А далеко до твоего дома? — спросила Кадия.

Критч пожал плечами:

— Не очень. Когда мы подойдем к скалам над морем, у тебя будет шанс доказать, что ты действительно являешься другом наших родичей виспи. Сделай это, и я подумаю, стоит ли вам помочь добраться до столицы Саборнии.

Много часов они шли за ним по шумному лесу, часто останавливаясь, пока он собирал перья под гнездовыми деревьями и складывал их в рюкзак. Наступила ночь, но он не остановился и продолжил путь. Как и все аборигены, Критч хорошо видел в темноте, но люди обрадова-

лись, когда взошли три луны и тускло осветили узкую тропу.

В сумрачное время перед самым рассветом они наконец вышли из джунглей на более открытую, поросшую широколиственным кустарником равнину. Крики птиц стали более редкими и музыкальными. Вдруг кадоон приказал им остановиться и ждать. Он сделал несколько шагов вперед, опустился на колени и снял с пояса сеть не больше носового платка, к углам которой были привязаны маленькие камешки. Он умело бросил ее над самой землей под один из кустов, откуда сразу же раздалось отчаянное чириканье. Очень осторожно Критч подобрал добычу — крошечную птицу с хвостом, состоящим из одного пера, которое искрилось в лунном свете, словно усеянное бесчисленными бриллиантами.

— Какая прелесть! — воскликнула Кадия.

— Витт — самая редкая птица в Саборнии, — с гордостью сообщил ей Критч. — В этом месте я ни разу не встречал ее. Обычно их можно видеть у горячих источников высоко в горах, но в этом году снежный покров сохранился необычно долго.

Маленькими ножницами он отрезал сверкающее перо и отпустил птицу. Прежде чем улететь, она до крови клюнула его в ладонь острым клювом. Охотник только весело рассмеялся и поднял вверх добычу.

— За него торговцы перьями в Брандобе заплатят столько, что я смогу кормить семью целых полгода. Ты принесла мне сегодня большую удачу, или я должен благодарить твою магию?

— Только свое мастерство, — сказала Кадия. — Маленькая птичка не пострадает, утратив свое украшение?

— Нет, пострадала только ее гордость. Законы Саборнии и религия кадоонов запрещают причинять вред птицам. В основном мы собираем сброшенные перья птицы. Только встретив действительно редкую птицу, как этот витт, мы используем сети или липкий птичий клей.

Они продолжили путь, а когда небо начало светлеть, вышли на каменистую пустошь. Наконец, когда Кадия и ее усталые спутники, казалось, не могли уже сделать и ша-

га, чтобы не упасть, они вышли к скалистому утесу над гладью свинцово-серой воды. На противоположном берегу были едва видны окутанные дымкой холмы, над которыми, на фоне восточного, тронутого рассветом неба, возвышались горы. Холодный ветерок налетал с неба, а снизу доносился шелест волн.

— Это — самая большая бухта, врезающаяся в берег Саборнии,— пояснил Критч,— на другом берегу расположена Брандоба.

— Сколько часов нужно, чтобы добраться до нее морем? — спросил сэр Мелпотис.

— Не менее десяти,— ответил Критч.— К сожалению, ветры в это время года слабы и неблагоприятны.

— Мы слишком устали и должны поспать,— сказала Кадия,— но времени у нас достаточно. Если столице грозит беда, лучше будет войти в нее после наступления темноты, когда Фестиваль Птиц уже начнется и горожане будут слишком увлечены, чтобы обращать внимание на незнакомцев.

Абориген уже давно спрятал резак в чехол на спине, но в этот момент он насторожился.

— Я никуда не стану тебя провожать, Дама Священных Очей,— сказал он,— пока ты не представишь доказательства. Выполни обещание и вызови виспи речью без слов, иначе вы все останетесь здесь. Дорога на Брандобу находится слева, за оврагом. Вам потребуется не менее двенадцати дней, чтобы добраться до Брандобы пешком вокруг бухты, а потом вам предстоит миновать бдительных стражников на мосту с платным проходом на острова Зандел.

Она решила не обращать внимания на его враждебный тон.

— Мои спутники могут отдохнуть? — спросила она.— Потом я поговорю с моей Белой Дамой, которая вызовет одного из своих друзей виспи, чтобы успокоить тебя.

Критч склонил голову и нехотя согласился.

Кадия и ее спутники с облегчением сбросили тяжелые рюкзаки. Рыцари и Ягун упали на траву между камней,

а принц Толивар остался стоять, глядя на свою тетю с любопытством и едва скрываемым страхом. Он знал, что она обязательно скажет Великой Волшебнице Земли о том, что у него Трехглавое Чудовище, и о том, что он украл Трехвекий Глаз.

Кадия вытащила из-за пояса волшебный меч и взяла его за тупое лезвие.

— Талисман,— произнесла она нараспев,— покажи мне и всем здесь присутствующим образ Харамис, Великой Волшебницы Земли.

Одна из сфер на эфесе земного меча открылась, обнажив сверкающий карий глаз. Мгновенно между кадооном и Кадией материализовалась высокая фигура Белой Дамы с раскинутыми руками, в жемчужном официальном плаще. Критч издал изумленный крик.

— Привет, сестра,— сказала Кадия.— Мы добрались до Саборнии, и у меня есть просьба к тебе.

Великая Волшебница Земли оставалась неподвижной и не произнесла ни слова.

— Хара! Поговори со мной!

Просьба неуместна.

Прежде чем огорченная Кадия успела повторить просьбу, принц Толивар сказал покровительственным тоном:

— Это — не настоящая Харамис, а только ее безжизненное изображение. Я тоже часто совершал эту ошибку и неправильно отдавал приказ талисману.

— Тогда,— раздраженно сказала она,— почему бы тебе не воспользоваться Трехглавым Чудовищем и не поставить вопрос правильно?

Лицо Толиvara побледнело от унижения.

— Я совсем не умею разговаривать на расстоянии, еще не успел научиться этому. Прости меня, тетя, было невежливо с моей стороны поправлять тебя.

Кадия вздохнула:

— В следующий раз говори менее ехидным тоном, и я с радостью приму любую помощь, какую ты способен оказать, лишь бы справиться с этими проклятыми штуковинами. Мой талисман не работал четыре года, и я сов-

сем отвыкла от него... Горящий Глаз! Я хочу поговорить с Белой Дамой через многие лиги. Позволь мне это сделать, а также покажи нам ее образ.

Фигура исчезла, и талисман громко повторил:

Просьба неуместна.

— Почему?

Она не в нашем мире.

У Кадии кровь застыла в жилах.

— Что? Ты хочешь сказать, что моя сестра мертва?

Она не мертва.

— Тогда где она? — в отчаянии закричала Кадия.

Вопрос неуместен.

Кадоон посмотрел на нее с холодным скептицизмом, а Ягун и рыцари пришли в ужас. Кадия улыбнулась, с трудом подавляя растерянность.

— Я же предупреждала, что плохая колдунья. Мой магический талисман часто капризничал и не подчинялся мне, даже когда я часто им пользовалась.

— Ты можешь попытаться вызвать Магиру, — подсказал Толивар.

— Гм-м. С этим не должно быть трудностей, потому что она — абориген и умеет пользоваться речью без слов. — Кадия сделала глубокий вдох. — Талисман! Я хочу говорить и видеть образ Магиры, смотрительницы башни Белой Дамы. Ее должны видеть и слышать мои спутники.

Мгновенно появилась женщина виспи. Она стояла перед Кадией с выражением изумления на красивом лице. Виспи была одета в привычное алое платье с кружевным воротником. Ее светлые волосы, не закрывавшие остро-конечные уши, казалось, развевались на морском ветерке.

— Дама Священных Очей, — произнесла Магира. — Чем могу служить?

— Скажи ему, — Кадия указала на кадоона, — кто я, что я не колдунья и не союзница коварных Людей Звезды, а уважаемая женщина, пришедшая на поиски своей сестры.

Виспи послушно кратко описала высокое положение Кадии в Лабровенде и подтвердила похищение правите-

лей. Услышав слова Магиры, охотник за перьями замет-
но успокоился. Успокоились и рыцари с Ягуном.

— Я безуспешно пыталась поговорить при помощи талисмана с сестрой,— сказала Кадия Магире, когда та закончила свой рассказ.— Ты не знаешь, что с ней случилось?

— Очень печальные новости, Дама Священных Очей! Два дня назад Белая Дама вошла в виадук, поглотивший королеву Анигель, в надежде, что он приведет ее к Орогастусу и логову Гильдии. С той поры мы о ней не слышали.

— Харамис нет в Саборнии,— нетерпеливо произнесла Кадия.— Иначе Талисман сообщил бы мне об этом.

— Если она была похищена Людьюми Звезды, то может находиться в том же заколдованном месте, что и королева Анигель с другими правителями. Талисман Великой Волшебницы отказался показать ей пленников, из чего она сделала вывод, что их скрывает ужасная темная магия.

— Полагаю, этим можно объяснить ее молчание. Но почему мой талисман говорит, что ее нет в нашем мире? Магира заплакала в ужасе.

— О нет! Скажи, что он так не говорил!

— Харамис определенно не мертва,— поспешила успокоить ее Кадия.— Горящий Глаз подтвердил мне это. Но что могут означать его слова?

— Возможно, я не должна этого говорить...— неохотно произнесла смотрительница.— Но к моей госпоже в башню приходил колдун Орогастус. Она... любит его, не смотря ни на что.

— Я знаю,— скупно ответила Кадия.— Ну и что?

— Она считала его мертвым, когда он исчез в Бездне Заточения, потому что ее Трехкрылый Диск сообщил, что «его нет в этом мире». В действительности Орогастус был спасен Великим Волшебником Небес и находился в заточении на Луне Темного Человека, которая находится вне пределов досягаемости и познания — *вне нашего мира*. Может быть, Белая Дама там?

— Святой Цветок,— прошептала Кадия.— Думаю, это вполне возможно. Пункт назначения виадуков может изменяться теми, кто умеет ими пользоваться. Но Харамис никогда бы не направилась в такое место, не сказав нам! И почему Человек Луны удерживает ее насильно? Считается, что его не интересуют дела людей.

— Кому дано понять деяния Великих Волшебников? — с безысходностью в голосе произнесла Магира.

— Спасибо за помощь,— сказала Кадия. Она отпустила виспи и повернулась к друзьям.— Еще одна загадка! И мой талисман бессилен ее разгадать.

— Может быть, два талисмана способны сделать то, на что не способен один,— предположил Толивар.

Во взгляде Кадии появилась надежда.

— Можно попробовать. Возьми меня за руку, другую положи на Горящий Глаз.

Принц боялся прикоснуться к мечу, который теперь был связан с ней.

— Я разрешаю тебе! Он не причинит тебе вреда.

Он протянул руку, и все присутствовавшие не смогли сдержать крика изумления, когда женщину и мальчика вдруг окружил радужный ореол. Горящий Глаз перестал быть тусклым и темным, он стал похож на расплавленное серебро, а из трех его глаз вырвались золотистый, зеленый и белый лучи. Корона на голове Толиvara тоже засверкала, и из открытых ртов трех чудовищ вырвались такие же лучи.

— Давай! — закричала Кадия.— Задавай вопрос вместе со мной! Где Харамис? — воскликнули они вместе и тут же услышали ответ:

Она гостит у Великого Волшебника Небес.

— Еще раз, мой мальчик. Проси, чтобы она поговорила с нами.

На этот раз они услышали прежний неутешительный ответ:

Приказ неуместен.

Ягун и Почетные Кавалеры застонали от разочарования.

Кадия и принц попытались выяснить другие подробности о Харамис, но талисманы отказывались отвечать.

— Вот и все,— сказала Дама Священных Очей.— По крайней мере, сейчас мы знаем больше, чем знали раньше.

— А что с моей матушкой королевой? — взволнованно спросил Толивар.— Может быть, нам удастся узнать, где именно она находится в заточении?

— Умница! — похвалила его Кадия.— Почему я об этом не подумала?

Они вновь соединили руки и приказали талисманам сказать, где находится королева Анигель.

Она едет верхом по Лирдскому лесу.

— Священные кости Зото! — воскликнул Сайнлат.— Значит, королева на свободе?

— Толо,— сказала Кадия,— мы должны увидеть ее образ, сначала без ее ведома, чтобы она неумышленно не выдала нас врагу, который может находиться рядом. Ты знаешь, как это сделать?

— Быть может, лучше, чем ты, тетя,— ответил принц.— Нужно закрыть глаза и отдать приказ.

Они поступили так, и их взору открылась удивительная картина. Фрониалы медленно шли по предрассветному, мрачному лесу. На одном из них дремала, повесив голову, королева. Ее фрониала вел под уздцы не кто иной, как король пиратов, а в остальных всадниках без труда можно было узнать похищенных правителей Галанара, Имлита, Окамиса и Энджи. Некоторые дремали в седлах, как Анигель, другие бодрствовали, но выглядели изможденными и уставшими. Возглавлял колонну незнакомый мужчина с подозрительной внешностью, с медно-красными волосами и бородой.

— Помоги мне вызвать мать! — подтолкнула Кадия племянника.— Мысленно произнеси ее имя, используя всю силу воли.

Несмотря на их отчаянные попытки, Анигель не обращала на них внимания, продолжая пребывать в оцепенении, и не отвечала на магические вызовы. Кадия

спросила у талисмана, угрожает ли ее сестре и остальным путникам опасность.

Да.

— Можешь сказать, как мы можем им помочь?

Нет.

— Куда они направляются?

В Брандобу.

Она рассмеялась:

— Конечно, куда же еще... Скажи, замышляют ли Люди Звезды совершить преступление во время Фестиваля в Брандобе?

Вопрос неуместен.

Кадия и Толивар открыли глаза и обменялись удрученными взглядами.

— Думаю, наши талисманы ничего не скажут о гнусном колдуне и его приспешниках, потому что они находятся под защитой Звезды. Когда твоя мать проснется, мы попытаемся поговорить с ней, и, быть может, нам это удастся.

Они разомкнули руки, и радужный ореол исчез.

— Госпожа, — сказал сэр Эдинар, — как выглядит наша дорогая королева и ее спутники? Они не ранены?

Кадия рассказала о том, что видела, остальным. Когда она говорила о нечесаном лидере, Критч вдруг воскликнул:

— Быть может, этот рыжеволосый оборванец — младший брат императора эрцгерцог Гиоргибо. Она пропал много месяцев назад во время охоты в Лирдском лесу.

— Где это место? — спросила Кадия.

Кадоон указал на гряды гор на другом берегу бухты.

— Это — королевский заповедник, место обитания свирепых зверей и плотоядных птиц, таких как ужасные ниары, и находится он в восточных горах с другой стороны Брандобы. Уже давно его запретили посещать простолудинам и всем аборигенам. Только знатные саборнианцы охотятся там, да и то редко. В последние два года Лирдский лес прославился как пристанище колдунов. Когда исчез эрцгерцог, все люди из его свиты, кроме одного,

были найдены убитыми. Остававшийся в живых охотник был смертельно ранен, но перед смертью успел сказать, что эрцгерцога захватили Люди Звезды под предводительством мятежной эрцгерцогини Наелоры. С той поры никто не смел входить в лес, кроме лордов, поддерживающих притязания Наелоры на трон. Если ваша королева попала в Лирдский лес, ей грозит страшная опасность.

— Спутники моей матери не выглядели испуганными, не похоже также, что они спасают свои жизни бегством,— сказал принц Толивар.— Они выглядели просто смертельно уставшими, да и их фрониалы совсем выдохлись.

Кадия медленно покачала головой:

— Не могу представить, как мы можем им помочь. Но есть еще один человек, с которым мы можем поговорить. Это — король Антар. Ты должен снова помочь мне, Толо, я никогда не умела говорить с обычными людьми, как твоя тетя Харамис.

Они послали вызов, закрыв глаза, и на их глазах король Антар внезапно пробудился ото сна в Цитадели Рувенды. Король был поражен тем, что Кадия вновь обрела свой Горящий Глаз, а талисман вновь обрел магическую силу.

Кадия сразу приступила к делу:

— Дорогой зять, у меня есть обнадеживающие новости.

Она рассказала королю о том, что талисман помог ей узнать об Анигель.

Радость Антара несколько омрачилась, когда он узнал о том, какая участь постигла Харамис.

— Быть может,— предположил он,— Белая Дама отправилась на Три Луны, чтобы заручиться помощью Великого Волшебника Небес. Быть может, он знает способ, как уничтожить этого гнусного Орогастуса раз и навсегда.

— Полагаю, это возможно. В конце концов, Денби помогал нам раньше... Я должна сообщить тебе о возможных беспорядках в столице Саборнии. Орогастус и его люди уже готовы к действиям.

— Я могу что-нибудь сделать? — спросил Антар.— Я чувствую себя абсолютно беспомощным, находясь так далеко.

Кадия на мгновение задумалась.

— Думаю, ты должен попросить друга ниссома вызвать побольше своих приятелей речью без слов.

— Имму может это сделать. Мы спасли ее на болоте.

— Превосходно. Если нам удастся спасти Ани и других правителей и выйти в море из Саборнии, виспи могут использовать своих ламмергейеров, чтобы сообщить правительствам всех стран это известие.— Она замолчала.— Если нас постигнет неудача или если Орогастус все-таки совершит успешный переворот и свергнет Деномбо, информацию об этом тоже нужно будет передать побыстрее.

— Как бы то ни было,— сказал король,— все страны Полуострова должны немедленно подготовиться к войне. Не стоит тратить время на конференции, на которые так надеялась Харамис.

— Боюсь, ты прав.

— Бóльшая часть двора вернулась со мной в Цитадель из-за того, что дорога разрушена,— сообщил Антар,— но генералу Горкаину и маршалу Лаканило с маленьким отрядом стойких воинов удалось прорваться в Дероргуилу. Они объединят наших подданных на низинах, а я соберу здесь армию для защиты Гиблой Топи. Но даже в этом случае мы не сможем противостоять колдовству без помощи Белой Дамы. Мы должны молиться о ее быстром возвращении и надеяться на то, что ты ошибаешься, говоря о намерении Орогастуса развязать войну.

— Если он захватит Саборнию, то, несомненно, воспользуется большим флотом галер для завоевания восточных стран. Как только Ани и другим правителям перестанет угрожать опасность, я намереваюсь приложить все усилия, чтобы предупредить императора Деномбо и оказать ему всю помощь, на которую способна сама и способен мой талисман.

— Да помогут тебе Владыки Воздуха,— сказал Антар.

Еще несколько минут они обсуждали важные вопросы, потом попросились. Кадия и принц открыли глаза.

— Ты не сказала отцу, что волшебная корона у меня,— сказал едва слышно Толивар.

— Не сказала. Пусть он узнает об этой глупости, когда ты вернешь талисман своей матери. Это несколько смягчит его страдания и гнев.— Она попросила Толивар соединить руки еще раз.— Мы попробуем сообщить императору Саборнии о нависшей над ним опасности.

Они отдали приказ талисманам и увидели правителя. Деномбо крепко спал в роскошной спальне в полном одиночестве, не считая свернувшегося на ковре у кровати снитта. Его любимая жена Рекаи умерла шесть лет назад вместе с мертворожденным сыном, который должен был стать наследником престола. Несмотря на отчаянные призывы советников и мелких правителей этой разрозненной варварской империи, во второй раз Деномбо не женился.

— Император! Император Саборнии, проснитесь.

Спящий заворочался под огромной грудой пуховых одеял. Он был в расшитом золотом ночном колпаке, а лицо его было скрыто подушкой. Когда Кадия позвала его еще раз, он открыл один заспанный глаз.

— Кто здесь? — пробормотал Деномбо в неряшливые кирпично-красные усы.

— Я — Кадия, сестра королевы Лабровенды Анигель. Я говорю с вами посредством магии.

Император резко сел, мгновенно проснувшись, и огляделся вокруг. Естественно, он никого не увидел.

— Прочь, демон снов! — прохрипел Деномбо. Испуганный снит, ошетинив спинные пластины и приглушенно жалобно скуля, подошел к хозяину.

Кадия попыталась успокоить правителя:

— Я не демон, император, а ваш друг, который хочет передать важное сообщение. Не бойтесь меня.

Глаза Деномбо выпучились, а лицо стало лиловым от ярости.

— Саборнианцы ничего не боятся! Покажись, или будь проклят.

Но Кадия хоть и могла обращаться с талисманом несколько лучше Толивара, не умела посылать образы, не смогла она этого сделать и сейчас, даже при помощи двух талисманов. Когда она попыталась объяснить это императору, тот вдруг выхватил из-под подушки кинжал, отбросил одеяла и одним прыжком соскочил с кровати

— Я знаю, кто ты! — закричал он. — Ты — злобный колдун, один из украшенных звездами лакеев моей вероломной сестры! Стража! Ко мне! Стража!

— Император, колдун Орогастус, возможно, намеревается напасть на вас! Послушайте меня...

Но Деномбо только орал не умолкая. Дверь в спальню распахнулась, и в нее ворвалось с дюжину воинов, вооруженных мечами и боевыми топорами. Начался жуткий переполох. Император, до смерти напуганный бестелесным голосом, отдавал своим людям непоследовательные приказы, а его люди, жутко вопя и грохоча сапогами, в поисках притаившихся злодеев из Звездной Гильдии переворачивали комоды, столы и стулья, резали портьеры и ворошили подушки и одеяла на кровати императора.

Дама Священных Очей горестно вздохнула и сказала:

— Талисман, достаточно...

Жуткая сцена исчезла.

Она отпустила руку Толивара и сунула Горящий Глаз за пояс.

— Бесполезно. Император так напуган Людьми Звезды, что не обращает внимания на сообщения даже с легкой примесью магии. Придется предупредить его лично.

Она повернулась к Критчу:

— Мой друг, ты понимаешь теперь, что мы не причиним тебе вреда? Ты довезешь нас до столицы Саборнии на своей лодке? Конечно, мы тебе хорошо заплатим.

— Я отвезу вас в Брандобу бесплатно, — сказал кадоон, — так как убедился в том, что вы — враги Людей Звезды. Но в моей хижине есть товар, который вы, возможно, захотите купить, я придержал его из-за тревожных слухов.

Сэр Эдинар презрительно рассмеялся:

— Перья? Ха! Ты, верно, шутишь! Зачем они нам?

— Мой дом на берегу, недалеко отсюда,— сказал Критч.— Посмотрите, что я предлагаю, а потом посмотрим, кто будет смеяться.

Глава 21

В Лирдский лес пришел рассвет.

Легко позавтракав в королевских апартаментах охотничьего домика, Орогастус подошел к застекленной двери, ведущей на балкон, открыл ее и вышел. Домик располагался на краю высокого утеса, а в каньоне внизу грохотали между огромных камней странно белые, бурные потоки реки Доб.

Утренний холод проникал сквозь льняное белье, которое колдун надел, прежде чем облачиться в доспехи, но Орогастус не обращал на это внимания и вышел за угол, чтобы посмотреть на открытую площадку, окаймленную высокими деревьями. Здесь провела ночь его немногочисленная армия. Воины медленно двигались в утреннем тумане, сворачивая палатки и собирая вещи, кашляя, сплевывая и огрызаясь на сержантов, которые пытались их поторопить. Квартирмейстер капитан Праксинус Тузаменский разносил конюхов из-за какой-то неразберихи с повозками с провиантом. Армия выступит к месту последнего сосредоточения перед вторжением в Брандобу с явным опозданием.

Уже не в первый раз Орогастус посмотрел на небо и спросил у Нерении Дарал, почему именно Саборнию она выбрала для возрождения великой Гильдии. Жители этой страны были достаточно умны, но также упрямы и своенравны и пытались оспорить даже самый простой приказ.

И если эти, так сказать, лучшие воины были настолько недисциплинированны, не стоило и надеяться на нормальное управление армией партизан, мобилизованных в столице тайными последователями эрцгерцогини Наелоры. Головорезы могли просто обезуметь, получив в руки оружие Исчезнувших. Даже власть Звезды могла

оказаться недостаточной, чтобы сдерживать тысячи варваров, почуявших смертоносную силу высоких технологий и впавших в неистовство. Крайне необходимо было получить талисман, чтобы нападение на Деномбо прошло по тщательно разработанному им плану.

Пора было решительно надавить на мальчика.

Орогастус вернулся с балкона в отделанные в псевдодеревенском стиле королевские апартаменты с резными стропилами, стенами из полированных бревен, украшенными драгоценными камнями подсвечниками и коврами из перьев. Он сел за стол, за которым совсем недавно позавтракал фероловой кашей и фруктами, и попытался собраться с мыслями. Потом он сжал в ладони медальон Звезды и вызвал образ Толивара.

Впрочем, сейчас был не самый подходящий момент говорить с мальчиком, и Орогастус решил выполнить более трудную задачу — связаться с Харамис. В отличие от Толо, двойственные чувства которого оставляли брешь в защите талисмана, Белая Дама и ее сестра Кадия были полностью защищены от его наблюдения и мысленных посланий. Он надеялся лишь на то, что любовь Харамис заставит ее ответить на вызов.

Он снова поднял Звезду.

Любовь моя! Я знаю, что ты слышишь меня, если хочешь услышать. Ответь мне! Это твой последний шанс предотвратить войну. Скажи, что придешь ко мне. Вместе мы сможем восстановить равновесие мира и предотвратить его разрушение. Умоляю, ответь мне!

Он ничего не услышал, кроме далекого рычания нинора или какого-то другого хищника и жалобного ржания фрониалов, которых седлали во дворе. Харамис молчала, как молчала вчера, когда он попытался вызвать ее, прежде чем покинуть Огненный замок.

Харамис! Ты должна поверить, что я изменился в душе за время моего заточения на Луне Темного Человека. Я уже не стремлюсь к управлению миром, я хочу лишь спасти его! Я совершу это силой лишь в случае, если не будет других способов... Ты можешь заставить сестру Кадия и племянника Толивара отдать тебе их талисманы. Потом мы с то-

бой соберем Триединый Скипетр и используем его для исцеления земли и избавления от Покоряющего Льда навечно. Харамис! Поговори со мной!

Он встал со стула и подошел к выходящему на расположение лагеря окну. Щелкали кнуты, возчики орали на фронялов. Сначала отправится в путь медленный обоз, за ним последует основной отряд воинов. Он и члены Гильдии покинут охотничий домик последними, после военного совета.

Харамис... Я даже соглашусь, чтобы ты сама использовала Триединый Скипетр для восстановления равновесия планеты. Только приди ко мне, любимая! Позволь рассказать тебе все, что я узнал из архивов Исчезнувших, все те страшные сведения, на которые Денби не обращает внимания.

Он нахмурился от ярости, вспомнив равнодушное отношение старика к его открытиям, его идиотский смех и высокомерный тон, которым он рассуждал о судьбе мира: «Путь так и будет, юноша. Нет смысла вмешиваться, становиться на пути колес космоса. Тебе удастся отсрочить неизбежное на какое-то время, но в итоге все случится так, как должно случиться...»

Если Денби и знает о приближающемся несчастье, он в своем безумии не делает ничего, чтобы его предотвратить. Поговори со мной, любовь моя. Скажи, что придешь, и я поверну армию назад и отступлю в замок. Если ты не придешь, война начнется по моему плану и я не смогу ее остановить. Ответь, моя любимая Харамис!

Закрыв глаза, он увидел ее в своих воспоминаниях, попытался всем сердцем защитить свою любовь и почти поверил сам в то, что откажется от насилия, лишь бы она пришла к нему. Ответа не было. У него опустились плечи, пальцы, до боли сжимавшие Звезду, разжались. Он открыл глаза, и в глубине темных зрачков загорелся холодный свет.

Хорошо, пусть будет так, как того желают Темные Силы Звездной Гильдии.

Словно в ответ, он почувствовал, как задрожал домик. Дрожь вызвало одно из слабых и безопасных землетря-

сений, достаточно часто происходивших в этих местах. Местные жители называли их Вздохами Матуты, символизировавшими терпимость богини к грехам человечества. Эти толчки беспокоили Орогастуса, когда он впервые оказался в Саборнии, но Наелора сказала, что никогда в истории страны землетрясения не были разрушительными, а в высоких горах над Брандобой не было обнаружено ни малейших признаков вулканической или сейсмической активности.

Колдун коснулся Звезды.

— Темные Силы, эти подземные толчки — симптомы еще большего нарушения равновесия мира? Предвещают ли они ужасные бедствия?

Он закрыл глаза и замер, чтобы все мысли оставили разум и сделали его более чувствительным к ответу. Но Темные Силы никогда не говорили с ним через Звезду, не дали они ясного ответа и теперь. От второго толчка, едва ощутимого в обычных обстоятельствах, задрожал пол домика под ногами.

Возможно, это было лишь совпадением, возможно Темные Силы ответили так, как могли. Он вздохнул, понимая, что узнает истину, лишь задав вопрос Трехглавому Чудовищу. Потом он надел доспехи, кроме сверкающего шлема, украшенного остроконечными лучами, и, зажав его под мышкой, спустился на совет с колдунами.

Действительных членов Гильдии было всего тридцать, но двое остались в замке приглядывать за заложниками, а Праксинус был занят управлением неповоротливой армией. Остальные собрались в главном зале охотничьего домика с огромным камином, в котором едва теплился огонь, и чудовищной мебелью, сделанной из костей убитой вельможами дичи. Стены были увешаны пыльными головами животных и чучелами зловещих на вид птиц, потрескавшимися кожаными щитами и примитивным оружием.

Собрав членов Гильдии перед камином, Орогастус повторил каждому его обязанности в предстоящей оса-

де, в последнюю очередь он обратился к эрцгерцогине Нелоре:

— Корабль с волшебным оружием войдет в бухту Брандобы завтра вечером. Мы можем быть уверены, что какой-нибудь назойливый чиновник не поднимется на него?

Женщина Звезды презрительно рассмеялась:

— Владельцы пристани и акцизные агенты отправятся по домам готовиться к Фестивалю Птиц и забудут о своих обязанностях. Праздник официально начинается фейерверком в полночь, но весь город начинает бражничать сразу же с наступлением темноты. Бояться нечего, Господин. Мой верный друг Дасинзин разгрузит корабль без помех.

— Я боюсь только одного,— заметил он холодно.— Некомпетентность твоих приверженцев может лишить нас элемента неожиданности.

Она мгновенно пожалела о своих словах.

— Простите, если я говорила неуважительно. Клянусь, все пройдет хорошо! Вельможи, поддерживающие мои притязания на трон и желающие свергнуть узурпатора, возможно, грубы и горячи, но совсем не глупы. Они понимают, что мой шанс взойти на трон целиком зависит от вашей магии. Они с радостью умрут за меня, но предпочитают жить и вернуть утраченную власть.

— А наша маскировка? Моя Звезда не показала никаких признаков того, что твои люди подвозят все необходимое к месту сосредоточения.

— Повозки тайно покинут город завтра вечером, когда люди начнут собираться в городе в предвкушении праздника. Костюмы будут доставлены вовремя, причем черные, как вы и приказали. Верные нам люди будут одеты в алые костюмы, и мы без труда узнаем друг друга.

Колдун кивнул. Когда вопросы были исчерпаны, он обратился к собравшимся членам Гильдии:

— Мне осталось только сообщить нашим товарищам в Огненном замке, что все в порядке. Вы можете готовиться к походу.

Все разошлись, осталась только Наелора, которая стояла тихо, пока Орогастус при помощи Звезды вызывал молодых членов Гильдии, оставшихся охранять заложников. Установить с ними связь, по необъяснимой причине, оказалось невозможно. Колдун вынужден был использовать магию, чтобы увидеть и услышать обычных обитателей замка, и мгновенно узнал о побеге заложников и страшной участи, постигшей их преследователей.

— Будьте милостливы, Темные Силы! — прошептал он в ужасе.

— Что случилось, Господин? — встревоженно спросила Наелора.

— Случилась страшная беда, — сказал он и почти шепотом рассказал ей о происшедшем. — Это означает, что мы должны отложить или даже отменить нашу кампанию.

— О нет! Вы намеревались использовать плененных правителей только после завоевания Саборнии. Со временем мы поймем их снова.

— Я также рассчитывал на то, что королева Анигель станет главным козырем при получении Трехглавого Чудовища от принца Толивара. Без этого талисмана вся моя стратегия может обратиться в прах.

Эригерцогиня хотела что-то сказать, но он жестом остановил ее и попытался при помощи Звезды отыскать беглецов.

— Вот они, — пробормотал он, — едут по дороге недалеко от Великого Виадук. Анигель я не вижу, но она должна быть среди них, и ее защищает янтарь Триллиума. — Он тихо выругался. — Они в шести часах пути от охотничьего домика! Если я пошлю за ними членов Гильдии, армия лишится командиров в критический момент вторжения... но я не могу поручить столь важное задание обычным воинам. Их верность Звезде, мягко говоря, сомнительна, а правители, конечно, предложат взятки, от которых будет невозможно отказаться. — Он в бессильной ярости ударил закованным в серебряную перчатку кулаком по ладони. — Выбора нет. Мы от-

ложим вторжение до момента пленения беглецов. Это означает задержку по крайней мере на день и лишает нас преимущества нанесения удара во время Открытия, когда император наиболее уязвим.

Он взял шлем и последовал за покинувшими домик членами Гильдии.

— Господин, не спешите! — воскликнула Наелора встревоженно. — У меня есть идея, как спасти положение.

— Какая? — он быстро повернулся.

— План достаточно отчаянный, — призналась она, — но думаю, стоит попробовать.

Она объяснила.

Орогастус сначала отнесся к ее плану скептически, но быстро понял, что другого пути нет.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Если ты хочешь рисковать тронem ради этой глупости, я не стану тебя останавливать. Но помни, что армия должна покинуть место сосредоточения не позднее чем через час после заката, чтобы занять позиции к началу фейерверка.

— Я сделаю это с верным другом Тазором, — сказала она с сияющим лицом. — Я приведу к вам королеву Ангиль, а он посторожит остальных заложников в охотничьем домике, пока не падет Брандоба.

Колдун улыбнулся Женщине Звезды:

— Теперь я лучше понимаю, почему люди считают тебя достойной претенденткой на императорский трон. — Он сжал ее руку. — Да помогут тебе Темные Силы.

— И вы. — Она склонила голову, чтобы он не видел, как сильные чувства исказили ее лицо. Потом она надела шлем и бросилась на поиски Тазора.

Глава 22

Эрцгерцогиня Наелора рассматривала двух высоких бескрылых птиц, привязанных за ошейники к стене императорского охотничьего домика, и хмурилась, чтобы не показывать усиливавшийся страх.

— Друг мой,— сказала она,— если бы наша миссия не имела столь решающего значения для наших судеб, ничто на свете не заставило бы меня и близко подойти к этим тварям.

Пернатые хищники достигали двух элсов ростом, а их перья отливали синевато-стальным блеском на солнце. Птицы были временно парализованы заклинанием, но их налитые яростью красные глаза следили за колдунами, явно свидетельствуя о том, что магия могла сдерживать их тела, но не их дух.

— Пока у нас есть Звезды и мы командуем этими созданиями со всей твердостью,— сказал Тазор,— они не причинят вреда ни нам, ни людям, которых мы преследуем.

Он надевал на птиц уздечки, а Наелора наблюдала, испытывая одновременно и отвращение, и непонятный восторг. Орогастус и другие члены Гильдии проследовали за армией около часа назад. Именно столько времени понадобилось Тазору, чтобы вызвать ниоров из чаши, даже при помощи Звезды.

— Ты абсолютно уверен, что эти чудовища не набросятся на нас? — спросила она.

— Конечно, ваше императорское высочество. Риск есть, но им стоит пренебречь, о чем я сказал Господину Звезды.— Он осторожно надел уздечку на устрашающий зубастый клюв.

— Ниары! Только такой безумец, как ты, мог додуматься приручить этих опасных хищников, тем более оседлать их. Что дернуло тебя заняться этим безумием?

— Я рассматривал задачу как вызов, брошенный Звезде,— пояснил Тазор, похлопывая птицу по шее, толстой, как одно из бревен, из которых был сложен охотничий домик.— Эта пара часто подходила к домику, потому что я угощал ее соленой пищей. Когда их ярость чуть уменьшилась, у меня родилась идея их приручить, и, должен признаться, я был поражен, когда магия сработала и ниары стали послушными. Это помогало мне коротать время, когда я изнывал в этом богом забытом месте от тоски шесть месяцев назад, лишенный радости вашего общества и занятый лишь снабжением замка продовольствием.

— Ха! — презрительно воскликнула Наелора в ответ на его лесть, но улыбнулась, потому что они действительно были старыми друзьями. Тазор был старшим экономом на вилле Наелоры в пригороде Брандобы. Теперь они были членами Гильдии и теоретически занимали равное положение, но каждый понимал, что это не так.

— Если Темные Силы нам улыбнутся,— сказал Тазор,— птицы помогут возместить ущерб, нанесенный этими болванами в замке. Ниары стремительны как ветер. Даже безрогий скаковой фрониал не может сравниться с ними. Мы должны догнать беглецов часа через три.

— Если я не смогу из-за них участвовать в битве за Брандобу,— процедила Наелора сквозь зубы,— я поджарю печень того, кто задумал и осуществил побег.

— Думаю, мы оба знаем, кто это. Единственная женщина, которую Господин не смог разглядеть даже при помощи магии, потому что ее защищал янтарь Триллиума.

— Будь проклята эта королева-ведьма! Я знала, что мы должны были каким-то образом снять с нее талисман... или оставить без чувств до момента, когда ее можно было без риска лишить жизни. Но Орогастус не захотел меня слушать. Остается только надеяться, что Анигель находится вместе с другими беглецами.

— А где еще она может быть? Мы найдем ее, ваше императорское высочество. Не беспокойтесь. Вы не пропустите битву, и никому не удастся лишить вас победы над Деномбо.

— Какой длинный путь проделали мы всего за два года, мой друг! Кто мог подумать, что, открыв дверь виллы на властный стук, ты впustiшь колдуна? Что он поможет нам превратиться из разобщенной толпы политических изгнанников в группу людей, способную завоевать империю?

— Я понял, что Орогастус опасен, едва увидев его,— сухо заметил Тазор.— Вы тоже.

— Именно по этой причине я поверила в него.

— И именно поэтому вы влюбились в него?

— Дерзкий ублюдок,— сказала она и рассмеялась, но в ее глазах веселья не было видно, и скоро она замолчала и поспешила застегнуть седло на второй птице.

Тазор был пропорционально сложенным мужчиной и ростом превосходил даже статную Наелору. Его умные глаза были расположены близко друг к другу над широким носом. Как и у многих членов Гильдии, за исключением рыжеволосой Наелоры, его волосы преждевременно поседели из-за невзгод посвящения в тайны Темных Сил.

— Тазор,— сказала она странно нерешительным тоном.— Ты действительно считаешь, что Орогастус выполнит данные мне обещания?

— Я верю, что он сделает тебя императрицей Саборнии,— ответил бывший эконо́м.— Но я не совсем уверен в осуществимости его грандиозных планов завоевания мира при помощи колдовства, а также в том, что он сделает тебя своей помощницей. Звезда — чудесна, но мир велик... и последние события напомнили нам о том, что существуют другие волшебники, не только Орогастус и его Звездная Гильдия.

— Должна признаться, я сильно встревожилась, когда Господин сказал нам о том, что молодой принц отдал один талисман этой ведьме болот Кадии. Но, позволив мальчику и колдунье проникнуть в Саборнию через виадук, Орогастус поступил мудро. Теперь можно легко завладеть обоими талисманами.

— Легко? — Тазор покачал головой.— Так же легко, как свергнуть Деномбо.

— Пусть он только окажется на расстоянии удара мечом от меня!.. В любом случае мы лишь ускорим события, если захватим Анигель и других беглецов. Пора в путь!

Они оседлали бескрылых птиц, стоявших неподвижно, как статуи, во дворе охотничьего домика. Наелора подняла свой медальон Звезды и коснулась им шеи пернатого скакуна. Ниар широко раскрыл клюв и издал громоподобное рычание. Услышав команду наездницы, он помчался как метеор по ведущей к Великому Виадуку дороге, а спутник Наелоры закашлялся от поднявшихся клубов пыли.

Выругавшись, Тазор последовал за ней.

Только по счастливой случайности Вечный Принц Уидд успел подхватить Вечную Принцессу Равию, когда она стала сползать с седла во время перехода вброд небольшой мутной речушки.

— Помогите! — отчаянно закричал он. — С Равией что-то случилось!

Президент Хакит Ботал быстро развернул своего фрониаля, вернулся в реку и подхватил сильной левой рукой престарелую принцессу. Она повисла как тряпка. Чувства оставили ее, а лицо посерело. Вместе с принцем Уиддом президент перенес пожилую женщину на другой берег реки, где все, за исключением Гиоргибо, сразу же спешились и окружили Равию. Королева Анигель и королева Галанара Джири бережно положили женщину на землю.

— Пощади ее Триун! — заголосил Уидд. — О, моя бедная Равия. Трудности побега оказались ей не по силам.

— Она дышит, — сообщила Джири, ослабив корсаж принцессы. — И сердце бьется ровно. Уверена, ей стало дурно от усталости и напряжения.

Га-Бондис презрительно фыркнул.

— Как и всем нам! Ехать дальше — безумие. Наши фрониаля обессилели от усталости и ядовитых паров, которыми им пришлось дышать вчера. Они, несомненно, падут, если мы не дадим им отдохнуть, как, впрочем, и я сам. Каждая косточка моего тела стонет от боли, и я умираю от голода.

— Тогда умри тихо, — посоветовал не знавший жалости король пиратов. Крепкий горбатый монарх сбросил с себя плащ и накрыл им принцессу Равию. Веки ее затрепетали, и она застонала.

Принц Уидд вздохнул:

— Если бы она хоть что-нибудь съела и немного поспала.

Пища и вода, которую им удалось захватить с собой из конюшни замка, кончились еще вчера вечером, когда они отдыхали, испуганно вздрагивая и едва не лишаясь чувств от зловещих звуков, издаваемых ночными обита-

телями Лирдского леса. После этого они питались лишь водой и безвкусными дикими фруктами, которые, по заверению Гиоргибо, не были ядовитыми.

— Сейчас слишком опасно останавливаться на отдых,— сказал эрцгерцог.— Днем птицы и звери почти не представляют опасности, но если Люди Звезды узнали о нашем побеге, они могут отправиться на поиски.

— Иногда мне кажется, что лучше бы они так и поступили,— проворчал Га-Бондис.

— Мы постоянно двигались на запад, в сторону от гор,— продолжил Гиоргибо.— Очень скоро мы должны увидеть знакомые мне ориентиры, и тогда появится возможность сойти с тропы. Есть несколько коротких дорог в Брандобу в нижней части Лирдского леса, которыми мы сможем воспользоваться, чтобы избежать погони.

— Если Орогастус не воспользуется магией, чтобы нас отыскать,— сказал Приго.

— Если Люди Звезды придут, мы не сможем себя защитить,— несколько раздражительно произнес Хакит Ботал.— Но я полагаю, что колдун и его армия заняты совсем другим. Они могут быть уже в столице и штурмовать императорский дворец.

— Почему мы должны скакать в таком убийственном темпе? — спросил Приго.— Абсолютно невозможно вовремя предупредить императора. Мы должны подумать о себе... а также о наших странах, ввергнутых в хаос в результате похищения правителей. Зачем было убегать от колдуна, если все мы сгинем в этом вопящем и рычащем лесу?

День назад, после пересечения огненной котловины, они скакали часа два, чтобы добраться до Великого Виладука, который можно было легко заметить из-за вытоптанной земли вокруг. Анигель произнесла заклинание, и беглецы прошли сквозь виадук без происшествий. Они провели беспокойную ночь на поляне рядом с выходом и с первыми лучами солнца продолжили путь.

Скакать по широкой дороге было просто, слишком просто. Эрцгерцог и король Ледавардис, как самые искусные наездники, по очереди выезжали вперед на разведку, что-

бы случайно не наткнуться на армию колдуна. Остальные медленно двигались вперед под убаюкивающее пение птиц. Иногда они вздрагивали от рева какого-то невидимого зверя, но в основном дремали в седлах, до происшествия с Равией.

Вечная Принцесса очнулась и произнесла слабым голосом:

— Я хорошо себя чувствую. Помогите мне сесть на фрониаля, и я смогу продолжить путь.

— Нет, моя дорогая, не сможете,— возразила Анигель.— Приго прав. Мы проделали достаточно большой путь и должны отдохнуть.

— Если этот лес — императорский заповедник, здесь должны быть какие-нибудь шалаши или хижины. Что скажешь, Гиор?

Саборнианский эрцгерцог беспомощно развел руками:

— Есть отличный охотничий домик на реке Доб, есть хижины и комфортабельные засидки и даже оборудованный лагерь, но, к сожалению, эта дорога мне незнакома. Люди Звезды, должно быть, прорубили ее, чтобы было удобнее добираться до Великого Виадука. Эта река может быть верхним течением Доба, но я сомневаюсь в этом, вода в ней слишком мутная от белого ила. Река Доб берет начало в Коллумских горах из кристально чистых родников и является основным источником воды для Брандобы. Она никогда не бывала мутной, даже в сезон сильных дождей.

— Быть может,— предложила Анигель,— мой янтарь Триллиума укажет нам путь.— Она поднесла кулон к припухшим от усталости глазам.— Святой Цветок, укажи нам направление к безопасному пристанищу.

Янтарь продолжал светиться, но путеводная искра в нем не появилась.

— Не работает. Быть может, моей жизни ничто не угрожает?

— Быть может,— продолжила Джери,— поблизости нет безопасного пристанища для нас. Спроси у своего амулета, мы должны остановиться или продолжить путь?

Анигель так и поступила, и едва не закричала от разочарования, когда амулет вдруг ярко вспыхнул и почти сразу же потускнел.

— Что-то не так...

Птицы вокруг них вдруг встревоженно закричали. Гиоргибо, единственный оставшийся в седле, обнажил ржавый меч и поднялся в стременах, напряженно глядя вдоль идущей по берегу реки дороги. Но нападение произошло совсем с другой стороны. Из зарослей внезапно появилась туча пернатых созданий, ярко-синих, зеленых и желтых, которые начали кружить над головами потрясенных правителей, бросаться им в лица и бить крыльями по телам. Равия пронзительно вскрикнула, мужчины забормотали проклятия. Испуганные фрониалы встали на дыбы и забибли копытами. Затем животные без всадников бросились через реку на противоположный берег, а Гиоргибо с трудом удалось удержаться в седле. Правители пытались защититься от острых клювов, закрыв головы плащами, и размахивали руками, тщетно пытаясь отогнать маленьких птиц.

— Достаточно! — произнес чей-то громоподобный голос.

Туча птиц исчезла так же внезапно, как появилась.

Анигель выглянула из-под плаща и увидела двух страшных призраков всего на расстоянии броска камнем. Это были огромные длинношеие птицы с массивными чешуйчатыми лапами, крупнее, чем все когда-либо виденные ею вуры. Их тела были темно-синими, зубастые клювы широко открыты, а глаза горели как угли. На них сидели колдуны в серебряно-черных одеяниях Звездной Гильдии, стальных кирасах и блестящих, украшенных лучистыми диадемами шлемах.

Один из наездников выехал вперед, доставая из футляра оружие Исчезнувших.

— Гиоргибо Намбитский! Приказываю спешиться и сдаться!

Анигель узнала голос, а также струившиеся из-под шлема рыжие волосы. Это была Наелора.

Ненависть исказила грязное лицо эрцгерцога. Вместо того чтобы сдаться Женщине Звезды, он пришпорил

фрониала и послал его в галоп, подняв меч для удара. Наелора подняла оружие, последовали золотистая вспышка и пронзительный свист. Фрониал Гиоргибо заржал, упал на тропу со сломанными рогами, забил ногами и жалобно замычал. Всадник вылетел из седла, кувырком покатылся по земле и замер без чувств под огромным гнездовым деревом.

— Кто-нибудь еще желает сразиться? — Тазор подвел своего ниара к Наелоре и навел оружие на раненого фрониала. Алый луч вонзился между глаз животного, мгновенно убив его.

— Мы сдаемся! — крикнул президент Хакит Ботал, поднимая руки. — Пощадите нас!

Га-Бондис жалобно заскулил, упал на колени и поднял руки. Полузакутанный в плащ Приго стоял с широко раскрытыми глазами. Принц Уидд, король Ледавардис и королева Джири, которые пытались защитить принцессу Равию от нападения обезумевших птиц, стояли, склонившись над пожилой женщиной, и злобно смотрели на колдунов. Анигель, не обращая внимания на ниаров и их грозных наездников, подошла к Гиоргибо и склонилась над ним.

— Оставь его! — приказала Наелора. Она соскочила с замершей птицы и направилась к королеве.

— Твой брат ударился головой, — спокойно сказала Анигель, — но, кажется, он приходит в чувство. Позволь мне...

— Молчать! Подойди ко мне.

Анигель с достоинством выпрямилась и подошла к Женщине Звезды, направившей на нее древнее оружие.

— Ближе не надо, — остановила ее Наелора. — Сними свой янтарный амулет и положи на землю перед собой.

— Нет, — сказала Анигель. — Можешь убить меня на месте, но я не сниму Черный Триллиум.

— Тогда прими смерть, глупая шлюха.

— Ваше императорское высочество! — Тазор соскочил со своей словно окаменевшей птицы и подошел к Наелоре. — У меня есть предложение.

— Говори, — разрешила колдунья.

— В нашей власти два дуумвира Имлита, а для того, чтобы страна подчинилась, достаточно одного.— Тазор поднял оружие и схватил Га-Бондиса за воротник.— Быть может, если я отрежу руку старику...

— Нет! — завопил сжавшийся от страха дуумвир.— Пощадите!

— ...королева Анигель передумает и станет послушной.

— Приступай,— приказала Наелора.

Га-Бондис истерически зарыдал, а Анигель немедленно сняла с шеи янтарный амулет и положила его на влажную землю берега реки. Женщина Звезды с гнусной ухмылкой направила на амулет оружие, но ослепительная вспышка не смогла разрушить янтарь. Наелора раздраженно выругалась.

— Тазор! Попробуй ты разрушить эту штуку.

Смертоносный алый луч оказался не более разрушительным, чем золотистая вспышка.

— Ваше высочество, магия Черного Триллиума сделала его неуязвимым, но у меня есть другая идея.

Он взял выроненный Гиоргибо старый меч и поднял им с земли амулет за цепочку. Несмотря на то что меч мгновенно раскалился, он успел закинуть кулон в густые кусты. Тазор бросил меч на землю и усмехнулся:

— Пускай дикие звери ломают голову над амулетом темными ночами.

Наелора откинула назад голову и расхохоталась. Она грубо схватила Анигель за плечо и подтолкнула к ниару.

— Тазор, помоги мне взвалить ее на птицу. Мне пора торопиться на битву, и она поедет сзади, а ты займешься этими важными персонами.

— Злобный колдун всех нас убьет! — завопил Га-Бондис.

Наелора с отвращением посмотрела на тучного дуумвира.

— У нас по поводу тебя другие планы, толстячок. Господину нужна только эта королева-ведьма, чтобы она заставила сына отдать талисман.

Анигель напряглась в руках бывшего эконома. У нее перехватило дыхание.

— Моего сына? Какого сына ты имеешь в виду?

— Твоего сына Толивара, кого же еще,— ответила эригерцогиня.— Того, что носит Трехглавое Чудовище. У него был Звездный Сундук и второй талисман — Горящий Глаз, но твоя сестра Кадия заставила его вернуть талисман ей.

— Толо... мой талисман... Это невозможно! Мальчик сейчас в Варе, за тысячи лиг отсюда, и Кади с ним. И у Толо нет короны.

Наелора снова рассмеялась:

— Разве мать может знать на самом деле своего сына? Он владел ею и использовал ее уже четыре года, а все оставались в неведении, за исключением Господина Звезды, разговаривавшего с мальчиком во сне. Сейчас твой драгоценный сын, твоя сестра и ее приспешники находятся здесь, в Саборнии. Не сомневаюсь, скоро ты встретишься с ними, на вашу общую беду.

Тазор поднял оцепеневшую от шока королеву в седло. Затем он связал ей руки и закутал в плащ.

— Я разберусь с остальными и догоню, ваше императорское высочество,— сказал он Наелоре.— Пусть Господин не медлит из-за меня с вторжением.

Наелора кивнула и села на птицу. Подняв руку в серебряной перчатке, она попрощалась с Тазором, и ни-ар умчался прочь.

— Ты отвезешь нас обратно в Огненный замок? — спросил Ледавардис Рэктамский у Человека Звезды. Он и королева Джири поднялись с земли, а старый Уидд стоял на коленях, обняв Равию, и лица их были бледными, но спокойными.

— Нет,— ответил Тазор, глядя на Гиоргибо, который начал стонать и шевелиться от ударов сапога колдуна.— Я запру всех вас в императорском охотничьем домике, в котором наша армия провела ночь. Он находится в восьмидесяти лигах вниз по течению, всего в шести-семи часах пути. Вас будут охранять свирепые обитатели Лирдского леса, пока мы не закончим дела в Брандобе и не вернемся.

— Господин президент,— обратился он к Хакиту Боталу.— Ты и король-карлик отправитесь на другой берег и поймаете фрониалов. Поторопитесь, иначе я обожгу уши одной из дам огненным пистолетом.— Положив оружие на плечо, он повернулся к дуумвиру Приго.— Ты! Возьми этот старый меч и выруби два длинных шеста и крепкую лиану. Нам придется сделать носилки для принцессы Равии.— Он повернулся к Га-Бондису.— Сними упряжь и попону с мертвого фрониала, затем расстегни ремни, чтобы получились отдельные ленты.

Когда здоровые мужчины отправились выполнять его поручения, Тазор подошел к перешептывавшимся между собой Джири, Равие и Уидду.

— Как дела у старой дамы? — не без участия спросил он.

— Вечная Принцесса в основном страдает от усталости,— ответила королева Галанара.— Вы прекрасно придумали насчет носилок. Может быть, сделаете еще одни, для бедного эрцгерцога?

Человек Звезды мерзко хихикнул.

— Он проделает путь связанным и перекинутым через седло, как мертвый нунчик. Это не имеет значения, все равно он долго не проживет, когда его сестра взойдет на трон.

— Не найдется ли у вас вина,— вкрадчивым тоном спросила Джири,— для бедной принцессы Равии? Это придаст ей силы.

— Возьмите флягу в седельной сумке.

Джири с подозрением посмотрела на высокого ниара.

— Ой, нет! Я не посмею подойти к этой ужасной птице...

— Я заколдовал ее своей Звездой. Она не пошевелится и не причинит вам вреда, если я не прикажу.

Джири направилась к огромной птице и стала рыться в седельной сумке, которая висела чуть выше ее головы.

— Быть может, фляга с другой стороны,— сказала она и обошла ниара, тем самым спрятавшись от Тазора. Через минуту раздался ее голос:

— Я не могу ее найти.

Человек Звезды с ворчанием пошел ей помочь. Пожилая полная королева отошла с извиняющимся видом, спрятав обе руки в широких рукавах. Держа оружие в одной руке, Тазор другой рукой принялся шарить в отделанной перьями седельной сумке.

Джири сделала шаг ему за спину. Промежуток между нижним краем лучистого шлема колдуна и верхним краем кирасы был узким, не более двух пальцев. Королева вытащила из рукава боевой цеп, размахнулась над головой и послала тяжелый цилиндр на конце цепи точно в промежуток между доспехами. Раздался мерзкий хруст. Тазор, не издав ни звука, свалился на землю со сломанной шеей.

Ниар мгновенно ожил, взревел и отскочил назад. Он принялся царапать землю одной огромной когтистой ногой, затем напрягся перед прыжком на Джири.

Из кустов на четвереньках вылетел человек. Это был эрцгерцог Гиоргибо. Он схватил оружие Исчезнувших, выпавшее из безжизненных рук Тазора, и выстрелил прямо в открытый зубастый клюв угрожавшего Джири чудовища. Голова ниара исчезла в ослепительной красной вспышке, и огромное тело упало на землю.

— Шупальца Хелдо! — вскричал король Ледавардис.

Он стоял на другом берегу узкой реки вместе с Хаки-том Боталом, пораженный поступком королевы и Гиоргибо.

— Мне действительно жаль Тазора, — сказала Джири. — Он не был таким отъявленным негодяем, как Наелора.

Слезы сверкнули в ее глазах, и Гиоргибо обнял королеву за плечи, чтобы успокоить.

Оба дуумвира стали рядом, не сводя глаз с мертвого Человека Звезды и обезглавленного хищника.

— Любезная теща, — дрожащим голосом произнес Приго. — Я поражен, я восхищаюсь вашей воинской доблестью.

— Чем вы его ударили, скажите на милость? — спросил Га-Бондис.

— Старым боевым цепом, который взяла в подземелье замка.

Она освободилась из объятий Гиоргибо.

— Я должна пойти к Равии. Это насилие, вероятно, ввергло ее в шок.

Но Вечная Принцесса уже сидела на земле и приводила в порядок спутавшиеся белоснежные волосы. Рядом с ней на корточках сидел Уидд.

— Полагаю, вам не удалось найти вино,— сказала принцесса.

Королева улыбнулась:

— Оно было в первой сумке. К счастью, ниар упал не на нее. Там была еще и еда.

— Мы разделим ее на всех,— объявила принцесса.— А потом немедленно отправимся в путь. Я буду в полном порядке, если хотя бы немного поем.— Она посмотрела на мужа.— Чего ты ждешь, старик? Забирай еду у этого чудовища и накрывай на стол.

Король Ледавардис перешел через реку и отвел королеву Джири в сторону.

— Вы считаете, что Равия достаточно хорошо себя чувствует, чтобы продолжить путь? — спросил он.

Джири задумалась.

— Сейчас ей лучше, но долгого пути она не выдержит. Будет лучше, если мы понесем ее на носилках. Следы ниара приведут нас к императорскому охотничьему домику, в котором нас собирались заточить. Если этот дом должен был стать нашей тюрьмой, значит, в нем есть приличная еда и кровати.

— Может оказаться, что в доме живут приспешники Орогастуса.

— Значит, нам придется их победить,— просто сказала Джири.

Король пиратов подмигнул ей здоровым глазом.

— Вот именно! Думаю, возвращения Наелоры нам нечего бояться. Если учесть, что она должна сторожить Анигель, а Орогастус намеревается учинить скандал в столице.

— Анигель...— Лицо доброй королевы помрачнело.— Бедное дитя. Боюсь, нам придется верить ее судьбу Владыкам Воздуха.

— Думаю, я смогу кое-что предпринять.— Лицо короля Ледавардиса озарилось радостью. Если вы займетесь приготовлениями к походу, я попытаюсь отыскать амулет. Не думаю, что он причинит вред другу, тем более будущему зятю хозяйки. Кто знает? Быть может, Черный Триллиум согласится помочь одному пирату спасти королеву Анигель.

— Вы направитесь на ее поиски? — глаза Джири расширились от удивления.

— Меч покойного Человека Звезды и древнее оружие поможет мне сразиться на равных с похитителями королевы.

— Какой вы храбрец, Ледо.

Король поцеловал ей руку:

— В ваших устах это звучит лучшим комплиментом.

Глава 23

Несмотря на страшную усталость, принц Толивар спокойно ворочался на пуховых перинах в хижине кадо-она Критча. Они легли спать днем, но на верхнем этаже жилища было прохладно и темно, свет пробивался только через два решетчатых окна, расположенных под навесами соломенной крыши. С голых балок свисали сетки, наполненные перьями разных цветов. Храп четверых Почетных Кавалеров, спавших на другой стороне, едва не заглушал шум прибоя и крики гриссов, поти и других морских птиц.

Кадия и Ягун сказали, что будут отдыхать внизу, но Толивар слышал, что они долго о чем-то беседовали с аборигеном и его семьей. Обещание, данное тете, не позволило Толивару воспользоваться короной для подслушивания, впрочем, его не очень сильно интересовало, что за таинственный товар Дама Священных Очей

покупает для завтрашнего налета на Брандобу. Кадия, тоном, не терпящим возражений, сказала, что *он* останется в лодке с Ягуном и Критчем, а она с рыцарями отправится в город предупредить императора о том, что Люди Звезды замышляют какой-то обман, и заручиться его помощью в деле спасения королевы Анигель и других заложников.

Толивар снял волшебную корону с головы и засунул себе под рубашку. Он приказал талисману немедленно разбудить его, если кто-нибудь приблизится к его постели. Он лежал и дремал, крепко сжимая в руке драгоценный талисман.

«Ты — мой», — повторял он снова и снова.

И Трехглавое Чудовище всегда отвечало: *Да*.

Толивар желал возвращения матери всем сердцем, но его постоянно мучило то, что взрослые обязательно постараются уговорить его вернуть корону матери.

Как несправедливо!

Королева отдала талисман Орогастусу под давлением, это верно, но по собственной воле, а Толивар, в свою очередь, забрал ее у приспешника колдуна. Были ли притязания матери на Трехглавое Чудовище более оправданными, чем у Орогастуса? Даже когда корона принадлежала ей, королева просто хранила ее в тайном месте и использовала магическую силу только для того, чтобы поговорить с сестрами на расстоянии.

«Талисман мой, — убеждал себя Толивар. — Мой по праву, несмотря на то что думают или говорят другие».

Но ненадолго.

«Кто... Это говорит не мой талисман!»

Нет, это я, Господин Звезды, твой господин, Толо.

«Нет! Никогда! Уйди из моих снов!»

Я тебе не снюсь. И я уже упоминал, что не смогу говорить с тобой, если ты этого не захочешь.

«Это ложь».

Это правда, как тебе хорошо известно. Ты все еще восхищаешься мной, все еще хочешь разделить мою власть и силу как приемный сын и наследник. Стыдно это отрицать...

не менее стыдно, чем отрицать то, что ты стал причиной смерти ниссома Ралабуна.

«Ралабун! Мой бедный старый друг. Я не хотел, чтобы он умер. Это был несчастный случай, хотя тетя Кадия и говорит...»

Ответственность не обязательно должна быть виной. Послушай меня, Толо. Если бы ты не приказал Ралабуну сопровождать тебя вдоль реки Ода, он остался бы в живых. Прими это бремя как подобает любому командиру! Он не испытывает мучений от чувства вины. Жестокая Дама Священных Очей пытается управлять тобой, называя тебя морально виновным в смерти друга, но это не так

«...Правда?»

Неужели ты думаешь, что Ралабун позволил бы тебе одному отправиться в столь опасное путешествие?

«Нет. Даже если бы я не приказал ему, он все равно пошел бы со мной».

А ты знал, что рядом притаился намп, приказывая Ралабуну сойти с тропы?

«Конечно нет!»

Таким образом, он погиб в результате несчастного случая, а не по твоей вине или небрежности. Понимаешь?

«Да. Спасибо, что объяснил, Орогастус».

Толо, мы не были вместе уже много лет, и большая часть вины лежит на мне. Настало время отбросить прочь отчуждение. Оставь этих бессердечных, невнимательных людей, которые не могут оценить твои достоинства. Когда-то ты любил меня как приемного отца. Вернись ко мне, займи достойное место рядом. Важные дела помешали мне и моим друзьям встретить тебя у виадука. Но я могу встретиться с тобой в любом другом месте.

«Нет!»

Завтра ты отправишься на лодке в Брандобу. Я тоже буду в этом городе. Используй свой талисман, чтобы ускользнуть от Кадии, и приходи ко мне. Не забудь Звездный Сундук. Мы можем встретиться у...

«Нет! Орогастус, однажды ты уже обманул меня, но тогда я был глупым злопамятным ребенком. Такое не повторится. Ты просто захочешь забрать у меня талисман».

Я не могу забрать его. Ты сам знаешь. Я хочу, чтобы ты отдал его мне по собственной воле, как отдал Трехвекий Горящий Глаз, украденный тобой у тети.

«Там... все было по-другому».

Ты не знаешь, как использовать правильно страшную силу короны. Она предназначена для восстановления равновесия мира, а не для глупых фокусов. Ты знаешь, что так и не научился пользоваться талисманом, ты просто играл им в своей хижине на Гиблой Топи.

«Я понимаю талисман лучше, чем ты думаешь!»

Толо, есть единственный способ стать компетентным колдуном — верни корону мне и стань членом Звездной Гильдии. Вернись ко мне, дорогой мой. Я прошу твое предательство и вновь сделаю тебя приемным сыном и наследником. А когда я умру, Трехглавое Чудовище снова станет твоим, только тогда ты будешь его настоящим господином, господином всего мира.

«Орогастус, ты однажды использовал меня как марионетку. Это не повторится никогда».

В глубине души, Толо, ты все еще хочешь стать моим сыном.

«Возможно. Но желание — не более чем детская фантазия. Это соблазн, спрятанный глубоко внутри и появляющийся только во сне. Когда я бодрствую и контролирую свои чувства, я тебя отвергаю. Отвергаю!»

Я надеялся, что ты придешь ко мне по собственной воле... Последний вопрос. Тебя волнует, останется твоя мать, королева Анигель, в живых или умрет?»

«Конечно!»

Тогда вызови при помощи короны ее образ. Ее судьба целиком зависит от тебя, в отличие от судьбы Ралабуна.

«О чем ты говоришь?»

Королева находится в плену у моей союзницы, эригерцогини Наелоры, опасной и безжалостной женищины.

«Неправда! Я уже видел мать. Она на свободе, где-то в лесу над Брандобой вместе с другими похищенными тобой правителями».

Королеве Анигель удалось сбежать из моего замка с другими правителями, но ее поймали. Корона покажет ее те-

бе как жалкую пленницу во власти Наелоры. Проснись и прикажи Трехглавому Чудовищу подтвердить мои слова.

«Я... я дал слово тете Кадии не использовать магию талисмана без ее разрешения».

Что? Спрашивать разрешение? Ты что, хныкающий школьник, который должен спрашивать у няни разрешение воспользоваться гардеробом, или владелец части великого Триединого Скипетра Власти? Ты не должен держать данное тете слово. Она получила это обещание, воспользовавшись твоим горем. Оно ничего не стоит. Используй талисман, чтобы убедиться в пленении твоей матери. Немедленно!

«Я... я верю тебе на слово».

Глупый мальчишка. Задумал поиграть со мной.

«Зачем мне это?»

Быть может, ты все еще тешишь себя надеждой, что тебе самому удастся спасти мать! Толо, мне надоела твоя мальчишеская болтовня. Королева Анигель и ее еще не родившиеся сыновья примут ужасную смерть от меча Наелоры, если ты не поспешишь в столицу Саборнии, чтобы передать мне Трехглавое Чудовище и Звездный Сундук.

«Я тебе не верю...»

В центре Брандобы расположен императорский дворец, а перед ним — огромный парк, в котором люди, празднующие Фестиваль Птиц, соберутся в полночь посмотреть на фейерверк. Будь там, рядом с фонтаном Золотого Грисса! Я найду тебя и верну твою мать, как только ты передашь мне талисман и Сундук.

«Корона принадлежит мне по праву!»

А жизнь твоей матери принадлежит мне... Не ошибись, мой мальчик! Если ты мне не подчинишься, найдешь у фонтана ее выпотрошенный труп.

«Святой Цветок, только не это!»

И на этот раз вина ляжет на тебя безвозвратно. Ты будешь страдать до самой смерти.

«Нет... нет... нет!...»

Принцу показалось, что он видит лицо матери, слезы, текущие из ее глаз. Она снова и снова повторяла его имя,

умоляла отдать корону колдуну, чтобы спасти жизнь ей и ее неродившимся сыновьям. Но Толивар почему-то онемел и не мог ей ответить. Как бы ни старался, не мог произнести слово «да», которое освободило бы его мать.

Не мог отдать свой талисман.

Он вдруг проснулся, поднялся на локти и окинул беззвучным взглядом комнату. Прошло много времени. Пылилки танцевали в лучах солнца. Рыцари, очевидно, уже проснулись и спустились вниз. Было тихо, только в его сознании все еще звучали отчаянные мольбы матери и его позорный отказ.

Может быть, это был только сон.

Придется выяснить правду. Обещание, данное им тете, сейчас казалось не более чем словами доверчивого испуганного ребенка. Какое право имела Дама Священных Очей требовать, чтобы он отказался от магии, если от нее зависела жизнь матери?

— Талисман,— прошептал он, еще крепче сжав металлический обруч.— Покажи мне королеву Анигель.

Толивар закрыл глаза, и в его сознании возникло изображение, словно он летел на одной из саборнианских птиц, а потом опустился на ветку дерева, всего в нескольких элсах над землей.

На просторной лесной поляне отдыхало несколько сотен тяжеловооруженных воинов. Некоторые из них были Людьюми Звезды в нагрудниках поверх костюмов колдунов и в украшенных многоконечными звездами шлемах. В центре поляны стоял брезентовый навес без стен. Под ним сидел и пил вино из позолоченного кубка Орогастус. Рядом с навесом стояла Наелора в сверкающих черно-серебристых доспехах и улыбалась восторженно приветствующим ее воинам. Она держала в руке длинный меч.

Перед ней стояла привязанная к дереву королева Анигель.

Платье пленницы было грязным и рваным, светлые волосы спутанными, а запястья и лодыжки сочились кровью от сыромятных шнурков. Толивар с ужасом увидел, как Наелора опускала меч, пока его острие не оказалось

на уровне груди Анигель. Потом лезвие скользнуло вниз к животу, сделав вертикальный разрез в грубой ткани платья.

Как всегда, изображение было лишено звука. Эрцгерцогиня, казалось, задавала королеве вопросы, но Анигель не обращала на них внимания и смотрела вперед затуманенными глазами. Толпа солдат и колдунов хохотала.

— Мама! — простонал Толивар. — О мама.

Королева Анигель, очевидно, не слышала своего сына, но его услышал Орогастус. Он повернулся, и принцу показалось, что он смотрит прямо на него. Лучи на шлеме Господина Звезды были длиннее и красивее, чем на шлемах его приспешников. Забрало закрывало верхнюю часть лица, но его злобные серебристые глаза были ясно видны. Губы его не шевелились, но Толивар отчетливо услышал голос:

Никому не говори о том, что видел, иначе твоя мать и твои неродившиеся братья будут казнены здесь и сейчас. Запомни, я жду тебя у фонтана в полночь. Я буду в карнавальном костюме, но ты меня узнаешь. Принеси корону и Звездный Сундук. Понимаешь?

Толивар наконец смог произнести нужное слово.

— Да, — прошептал он. — Я сделаю так, как ты говоришь.

Изображение исчезло, остался только красноватый туман. Горькие слезы потекли по щекам Толивара. Мальчик не замечал их, лежал неподвижно, сжав в руках талисман, пока беспомощная ярость не превратилась в отчаяние. Потом он услышал, как тетя Кадия зовет его ужинать.

— Иду, — крикнул он и спрятал корону под рубашку так, что острые зубцы впивались в тело.

На следующий день, через час после заката, парусная лодка, управляемая одним Критчем, вошла в бухту Брандобы. На западе, над другим берегом бухты, собирались мрачные, с лиловым оттенком тучи — предвестники бури. Легкий ветерок, замедлявший плавание, изменил направление и помогал аборигену провести небольшое су-

денышко в бухте, забитой галерами, торговыми судами с высокими мачтами и великим множеством мелких яхт и лодок, бросивших якорь на рейде. Многие суда были украшены разноцветными масляными лампами в честь Фестиваля Птиц.

Столица Саборнии сверкала огнями. Огненные корзины на высоких столбах освещали бульвары и главные улицы, гирлянды фонарей свисали с каждого здания. Дорога вдоль пристани была забита людьми в карнавальных костюмах, которые танцевали, прыгали и даже висели на декоративном парапете набережной. Несколько духовых оркестров на ступенях дороги явно устроили нечто вроде соревнования, кто кого переиграет.

Пока лодка подходила к берегу, пассажиры Критча оставались в трюме, так как незнакомые люди на судне аборигена могли вызвать подозрение. Кадия и рыцари наблюдали за представлением в иллюминаторы, пока Критч не пришвартовался к пристани, предназначенной только для торговцев-кадоонов и расположенной в некотором отдалении от главной бухты.

Охотник за перьями сошел на пристань, чтобы переговорить с местными жителями, потом поднялся на борт и крикнул в трюм:

— Все спокойно, можете подниматься и сходить на берег.

Сначала по трапу поднялись Ягун и принц, за ними последовали те, кому предстояло сойти на берег. Кадия и Почетные Кавалеры были одеты в купленные у Критча маскарадные костюмы, позволявшие им оставаться незамеченными в толпе участников празднества. В трюме было темно и тесно, и только сейчас они смогли увидеть друг друга в костюмах, в которые им помогли облачиться Ягун и Толивар.

Дама Священных Очей была одета в плащ и платье из прекрасных переливающихся лиловых перьев. Капюшон венчал высокий желтый гребень, а верхнюю часть лица закрывал золотистый клюв. Талисман в ножнах был скрыт под плащом.

— Ты выглядишь великолепно, Провидица,— сказал Ягун, и она поклонилась в ответ.

Братья Калепо и Мелпотис были одеты в одинаковые темно-синие костюмы, изображавшие ниаров. Их головные уборы, закрывавшие головы целиком, спереди представляли собой широко открытые зубастые клювы, сквозь которые можно было смотреть. Наряд Эдинара был ярко-красным со странным плоским клювом на капюшоне. Когда Мелпотис стал посмеиваться над шутовским нарядом молодого рыцаря, Эдинар нашел в головном уборе специальное устройство и так пронзительно крикнул, что оба ниара едва не лишились чувств от хохота.

Последним на пристань вышел сэр Сайнлат. Из-за могучего телосложения ему смогли подобрать только один костюм — морской птицы поти. Он был сделан из ярко-розовых перьев и украшен сзади нелепым широким хвостом. Капюшон из перьев оставлял лицо рыцаря открытым, только нос был закрыт огромным конусовидным черным клювом.

— Чувствую себя полным идиотом,— весело сообщил огромный рыцарь.

— А выглядишь еще хуже,— заверил его Эдинар.

— Мастерство твоей семьи поразительно,— похвалила Кадия Критча.— Костюмы просто превосходны. Они не стесняют движений, а доспехи и оружие практически незаметны.

Кадоон открыл стоявшую на палубе плетеную корзину и достал из нее сетку, заполненную круглыми разноцветными предметами.

— Быть может, возьмете и их. Это яйца гриссов, заполненные конфетти и чихательными спорами и закупоренные воском. По древнему карнавальному обычаю их следует разбивать и бросать содержимое в толпу. Они могут пригодиться, когда придется пробираться сквозь толпу.

— Спасибо,— поблагодарила его Кадия,— думаю, нам будет вполне достаточно моей магии. Не хочется таскать лишнее. Итак, если мы не вернемся завтра на рассвете или если в городе возникнут серьезные беспорядки, вы-

ходи в море с Ягуном и Толиваром. Я свяжусь с Ягуном при помощи талисмана и передам дальнейшие указания.

Она кивнула рыцарям, те сошли по трапу на берег и стали ждать ее на пристани. В отличие от толпы на главной пристани, в этой части можно было увидеть лишь нескольких моряков, сошедших на берег с судов, похожих на лодку Критча, лениво покачивающихся на темных волнах. Кадооны не обращали ни малейшего внимания на причудливо одетых людей.

Прежде чем уйти, Кадия подошла к сидевшему на носу лодки Толивару, чтобы дать несколько наставлений. Он сказал, что сделает так, как она говорит. Затем Кадия вернулась к Ягуну и Критчу.

— Внимательно следите за мальчиком, — едва слышно сказала она. — Не спускайте с него глаз. Он крайне подавлен и, как мне кажется, не совершит никаких опрометчивых поступков, но если это случится, немедленно вызовите меня.

— Мы позаботимся о нем, Провидица, — заверил ее старый ниссом.

Она уже собиралась уходить, но ее остановил Критч:

— Госпожа, у меня есть странные известия, которые я должен тебе передать. Их сообщил мне знакомый лодочник, когда я крепил тросы. — Он указал на почти скрытый туманом край бухты. — Видишь этот огромный корабль с единственным красным фонарем на корме?

Кадия кивнула.

— Он пришел сегодня днем под флагом Зиноры. Мой друг сообщил, что это не обычное каботажное торговое судно, а трехмачтовая трирема, то есть самое быстрое судно на свете. Команда состоит не из зинорианцев и из саборнианцев, а владельцем является важный вельможа по имени Дасинзин, известный сторонник эрцгерцогини Наелоры.

Кадия едва слышно пробормотала проклятие и достала талисман. Направив меч на загадочный корабль, выглядевший черным силуэтом на фоне темнеющего вечернего неба, она спросила:

— Горящий Глаз, скажи, этот корабль принадлежит Людьми Звезды?

Вопрос неуместен.

— Покажи мне его трюм.

Приказ неуместен.

Кадия помрачнела и убрала меч в ножны.

— Думаю,— сказал Ягун,— талисман ответил на твой вопрос, ничего не ответив.

— Люди Звезды...— Она повернулась к Критчу.— Ты не знаешь, портовые чиновники поднимались на его борт?

— Нет, в связи с предстоящим праздником все осмотры были отложены. Мой друг и другие лодочники подвозили к триreme продукты, и члены ее команды не стесняясь разговаривали в их присутствии, как люди часто поступают, считая нас бестолковыми и неполноценными. Лодочники узнали, что корабль пришел не с востока, где находится Зинора и другие населенные людьми страны, а из дальних северо-западных широт, где не живут даже не признающие законов племени, а только малочисленный народ моря.

Кадия прищурилась.

— Ты имеешь в виду водных аборигенов, хранительницей которых является Великая Волшебница Моря Ириана?

— Именно, но говорят, что Голубая Дама мертва, а народ поработен Звездной Гильдией.

Кадия и Ягун обменялись взглядами. Оба знали о заточении Ирианы в глыбе льда и подозревали, что Орогастус заставил народ моря собрать со дна оружие Исчезнувших. Если корабль действительно принадлежал Людьми Звезды и перевозил такое загадочное оружие, он мог быть предвестником вторжения.

— Спасибо за важную информацию,— поблагодарила Кадия Критча.— Прошу тебя предупредить кадоонов, чтобы обходили корабль стороной. Кому бы корабль ни принадлежал, он пришел в Брандобу не с добрыми намерениями.

— Сделаю так, как ты говоришь.

— Сейчас я не могу рисковать и осматривать корабль лично. Сначала я должна сообщить императору Деномбо о захвате Орогастусом правителей и предупредить о том, что стране и его жизни угрожает страшная опасность. Я также сообщу ему о триreme, чтобы он сам с ней разобрался.

— Мы будем следить за загадочным кораблем, Провидица. Если матросы попытаются переправить на берег подозрительный груз или станут действовать как явные захватчики, я сразу же сообщу об этом тебе.

— Молись о том, чтобы Владыки Воздуха не покинули нас сегодня.

Кадия приказала талисману защитить ее и рыцарей от магического зрения Людей Звезды. Потом она сбежала по трапу на берег, где ее в нетерпении ждали четверо Почетных Кавалеров. Через несколько минут лазутчики в костюмах скрылись за складами.

— Сегодня будет непросто добраться до императора, — заметил кадоон. — Сначала он будет занят на церемонии в честь богини Матуты, затем должен лично руководить фейерверком. Рядом с дворцом соберется огромная толпа, иногда там возникают беспорядки. Стражники будут особенно осторожны. Впрочем, обычно толпа ведет себя мирно, особенно если ей нравится фейерверк, а император раздает после него щедрые подарки.

— Что это за подарки? — поинтересовался Ягун.

— Подарки на счастье, которые император раздает простолюдинам в честь фестиваля. Маленькие свертки бросают в толпу девушки, разъезжающие на специальных разукрашенных повозках. Большинство подарков представляют собой клочок бумаги с мудрым или шутливым изречением, в который завернута конфета или леденец, но в некоторых лежат серебряные или золотые монеты, кроме того, есть подарок с платиновой монетой, который достается самому удачливому.

Шум веселящейся толпы стал громче. К грохоту духовых оркестров присоединились ритмичные взрывы шу-

ма, издаваемого сотнями свистулек, в которые не устанавливали дуть проходившие импровизированным парадом по улицам люди. Кадоон Критч отвел глаза от буйства красок на берегу и посмотрел мрачно на стоявшую на якоре трирему.

— Сегодня ветер приносит запах дождя и большой беды,— сказал он и указал на воду за бортом.— Видишь, какого странного цвета вода? Она серая, как жидкая детская каша, я ее никогда такой не видел, даже не слышал о том, что она такой может быть. Я очень жалею, что согласился доставить вас в Брандобу, друг Ягун.

— Сделав так, ты помог моей госпоже спасти жизни многих людей.

— Жизни людей! — пробормотал Критч.— Как ты можешь служить госпоже, принадлежащей к расе угнетателей?

— В нашей стране Гиблой Топи,— пояснил Ягун,— многие аборигены стали близкими союзниками людей уже несколько сотен лет назад и завоевали уважение и даже любовь. В последнее время благодаря трем женщинам, которых называют Лепестками Животворящего Триллиума, одним из которых является моя госпожа, древняя вражда между людьми и аборигенами была почти забыта. Мы знаем, что в наших жилах течет одна и та же кровь, и стараемся стать братьями и сестрами, несмотря на различия во внешности.

— Саборнианцы думают по-другому,— сказал Критч,— как и кадооны. Почему ты так уверен, что твои убеждения соответствуют истине?

Ягун рассказал ему об истории Исчезнувших, о великой войне между Великими Волшебниками и Звездной Гильдией, которая привела к почти полному уничтожению мира, о том, как уцелевшие в войне жили до настоящего момента сто двадцать раз по сто лет. Когда Ягун закончил рассказ, кадоон Критч поразился услышанному и испытал некоторое мрачное удовлетворение, узнав, что мир непостижимым образом вышел из равновесия и это подтвердило его предположения. Потом оба абори-

гена стояли молча у леера, пока к ним с носа не подошел принц Толивар.

— Я плохо спал прошлой ночью,— сказал мальчик.— Можно я спущусь вниз? Не очень весело наблюдать за праздником издалека.

— Я пойду с тобой,— сказал Ягун.

Принц улыбнулся:

— В этом нет необходимости.

— Тем не менее,— настаивал старый охотник,— мы пойдем вместе.

Он подождал, пока мальчик начал спускаться по трапу, и последовал за ним.

Толивар помог Ягуну убрать одежду и мусор, оставшиеся после переодевания, затем забрался на одну из узких коек в носовом отсеке и притворился спящим.

Около часа ниссом сидел в крошечном камбузе лодки, затем тихо поднялся на палубу. Толивар надеялся, что именно так он и поступит.

Все иллюминаторы судна были не более двух ладоней в ширину, кормовой люк был задраен, так что ему оставалось только воспользоваться трапом. Толивар был уверен — Ягун или Критч будет охранять трап всю ночь, он также был уверен, что ни один из них не подозревает, что мальчик попытается сбежать. Аборигены думали, что Толивар все еще скорбит по Ралабуну и намерен сдержать обещание не пользоваться магией. Полагая, что Толивар не знал о пленении королевы Анитель, Ягун и Критч решили, что у него нет причин отправляться на ее поиски.

«И они ошибаются,— мрачно сказал принц сам себе,— причем в каждом случае».

Соскочив с койки, он надел башмаки, потом водрузил на голову корону.

«Талисман,— отдал он мысленный приказ,— скажи, где Ягун спрятал Звездный Сундук?»

Он в центральном ящике на камбузе.

Затем Толивар приказал талисману сделать его невидимым. Он достал Сундук, положил в сумку, в которой лежал один из костюмов, и привязал длинный сверток к

спине. Когда сумка и корона тоже стали невидимыми, он отдал короне следующий приказ:

«Скажи, как я могу погрузить Ягуна и Критча в заколдованный сон?»

Просто представь их в этом состоянии и отдай приказ.

«Заклинание... не причинит им вреда?»

Они со временем могут умереть от жажды и голода, если ты не пробудишь их или не изменишь заклинание.

«Могу я приказать им проснуться на рассвете?»

Конечно.

Принц Толивар закрыл глаза и представил аборигенов лежащими на палубе и постепенно теряющими сознание, потом он представил их просыпающимися на рассвете, отдал приказ и открыл глаза.

«Они спят?»

Да.

Облегченно вздохнув, мальчик поднялся по трапу на палубу. Аборигены лежали, свернувшись калачиком, по обе стороны от корзины с разноцветными яйцами. Толивар подтащил маленького Ягуна поближе к Критчу и накрыл их обоих брезентом, чтобы защитить от холода и возможного дождя. Он посмотрел задумчиво на корзину, достал из нее сетку с метательными снарядами, привязал к поясу и сделал невидимой.

«Талисман, скажи, где моя мать?»

Вопрос неуместен.

Принц почувствовал, как бешено забилось его сердце.

«Она скрыта силой злобной Звезды?»

Вопрос неуместен.

Но принц уже знал ответ. Ведь когда Орогастус хотел, чтобы он узнал, какой опасности подвергается его мать, принц видел ее абсолютно отчетливо.

— Я знаю, как ее найти, — сказал себе Толивар.

Он посмотрел на небо. Пелена высоких облаков окружила Три Луны призрачным ореолом, поднявшийся ветер свистел в такелаже, в разноголосицу со звуками далеких духовых оркестров. Он понятия не имел, сколько

времени оставалось до полуночи, до его встречи с Орогастусом.

Толивар должен был задать талисману последний вопрос, от ответа на который зависела его последняя надежда.

«Орогастус сможет увидеть меня, даже если я буду невидимым?»

Да, так как ты еще не решительно отвергаешь его.

Принц так и думал.

Оставаясь невидимым, он сошел по трапу на набережную, не глядя на корабли в бухте. Один из них — огромная трирема — поднял якорь и медленно подходил к берегу.

Глава 24

Армия Орогастуса тайно проникла в Брандобу небольшими отрядами через редко используемые Охотничьи ворота в северо-восточной части беспорядочно разросшегося города. По приказу Господина Звезды члены Гильдии и воины смешались с пестрой толпой празднующих. В назначенное время они должны были встретиться с партизанами эрцгерцогини Наелоры в центральном парке, где, если все пройдет удачно, захватчики получают приказ на штурм дворца.

Все приверженцы Гильдии были одеты в одинаковые костюмы из черных перьев, на масках были изображены характерные золотистые глаза. Единственным исключением был небольшой человек, ехавший позади одной из черных птиц, в скромном черно-белом наряде грисса поверх простого шерстяного платья.

— Перестань извиваться,— прошипела Наелора своей пассажирке,— а то прикажу Звезде сковать тебя болую.

— Если бы ты развязала мне руки,— сказала королева Анигель,— я смогла бы схватиться за седло и не боялась бы в любой момент потерять равновесие. Кроме того, голова этой проклятой птицы постоянно опускается мне на глаза.

Эригерцогиня рассмеялась:

— Освободить тебя? Только не это, королева-ведьма! Не сомневаюсь, ты способна на колдовство, даже лишившись своего противного цветка.

— Я — не ведьма,— спокойно ответила Анигель,— и Черный Триллиум, которого ты так боишься, просто защищает меня и не способен никому причинить вреда.

— Ха! Расскажи это колдунам, которые пытались снять его с тебя, пока ты валялась без чувств в Огненном замке. Их пальцы сгорели до костей, стоило им только прикоснуться к этому проклятому амулету.

— Правда? Не знала, что мой янтарь Триллиума способен на такое. Я не собиралась причинять твоим людям боль умышленно.

— Полагаю,— произнесла Наелора язвительным тоном,— ты также не хотела причинить боль тем, кого сожгла заживо во время побега в долине Огненных гейзеров!

— Я сожалею о смерти наших преследователей,— сказала Анигель,— но они стреляли в нас из древнего оружия и угрожали моей жизни и жизни моих спутников. Пары вспыхнули от их же оружия.

— По *твоим* словам,— сказала Наелора,— они сами виноваты в своей смерти.— И едва Анигель попыталась возразить, приказала ей замолчать.

Орогастус, въехавший в город последним, скакал за Наелорой и ее пленницей. Он прищипорил фрониала и поравнялся с ними. Светлые глаза бешено сверкали из-под птичьей маски.

— Я выдвинусь вперед,— сказал он Наелоре,— чтобы попытаться разглядеть в толпе наших врагов. Скорее всего, Звезда не сможет показать мне Кадью — она, несомненно, находится под защитой талисмана, но я постараюсь обнаружить ее спутников, лишь бы они отошли от нее подальше. Будьте наготове и опасайтесь женщины с коротким темным мечом.

Колдун направил своего фрониала вперед, сквозь собиравшуюся толпу, Наелора и Анигель последовали за ним. Скоро их подхватил поток людей в карнавальных ко-

стюмах, которые на фрониалах, а чаще пешком направлялись к центральному парку в предвкушении фейерверка. Музыканты, идущие в толпе и стоящие на балконах зданий, пытались заглушить жуткий шум от свистулек и гудков и пьяное пение. Время от времени какой-нибудь гуляка бросал в толпу яйцо с блестящим конфетти или чихательными спорами, и в ответ тут же раздавался смех, чихание и добродушные проклятия. Орогастус и Наелора при помощи Звезды отгоняли шекочущий нос порошок, а также убирали с пути мешавших им людей.

Наконец, когда до императорского дворца оставалось всего несколько кварталов, колдуны со своей пленницей свернули с шумной, забитой людьми центральной улицы в более тихий переулок. По обеим сторонам стояли внушительных размеров особняки, украшенные изображениями птиц и знаменами с перьями. Мерцающие фонари золотисто-зеленого цвета, то есть геральдических цветов Саборнии, висели на ветвях деревьев и высоких побеленных стенах особняков. Здесь тоже были люди в карнавальных костюмах, но они вели себя необычно тихо — стояли группами под деревьями или сидели на поребриках. Было темно, но Анигель удалось рассмотреть, что все люди были одеты в костюмы из красных перьев.

Наелора ехала, выпрямившись в седле и натянув поводья, и ни разу не оглянулась на Анигель. Было видно, что она сдерживает фрониала, чтобы держаться позади Орогастуса.

— Расскажи мне о своей сестре Харамис,— сказала она вдруг.

Удивленная королева начала рассказывать ей об обязанностях Великой Волшебницы Земли, но Женщину Звезды это явно не интересовало.

— Твоя сестра красива? Опиши мне ее.

— Харамис гораздо выше меня,— сказала Анигель.— У нее черные волнистые волосы и серебристо-голубые глаза с большими зрачками, в которых вспыхивают золотистые искорки. Она, несомненно, красива, но люди в основном обращают внимание на ее властный внешний вид

и ауру сверхъестественной силы, которая словно окружает ее.

— Она... она любит *его* так, как он любит ее?

Ошеломленная Анигель тем не менее инстинктивно поняла, кого она имеет в виду, а также причину, по которой был задан вопрос.

— Я думаю, что Харамис всем сердцем и душой хочет не любить Орогастуса. Его жизненные цели совершенно не совпадают с ее. Она не в состоянии не любить его, но уже давно отказалась от надежды завершить любовь браком.

Женщина Звезды заметно успокоилась, словно огромная ноша была снята с ее плеч. Затем она продолжила расспросы, но уже менее грубым тоном.

— Я знаю, что твоя сестра Харамис владеет третьей частью Скипетра Власти. Как выглядит этот чудесный прибор?

— Трехкрылый Диск — короткий жезл с обручем на конце. Сами крылья, совсем крошечные, расположены в верхней части обруча и закрывают кусочек янтаря Триллиума, похожий на мой. Харамис носит жезл на цепочке, надетой на шею.

— Она умеет использовать магию Диска в полной мере или только по минимуму, как ведьма Кадия и твой блудный сын.

Анигель на мгновение задумалась, не понимая, почему Женщина Звезды не задала этот вопрос Орогастусу, затем подумала, что, вероятно, она его задала, но... Тем не менее причин не отвечать на него не было.

— Я сомневаюсь, что кто-либо живой понимает, как работает Скипетр Власти. Это — артефакт Исчезнувших, вероятно, настолько грозный, что даже создавшие его люди боялись его использовать. Отдельно три части Скипетра, называемые талисманами, обладают значительно меньшей силой. Харамис, несомненно, более мастерски владеет своим талисманом, чем Кадия, но ее магическая сила не зависит от Крылатого Диска, ее источником является скорее занимаемая ею священная и милосердная должность.

— Милосердная? Но она — тиран, как и Великие Волшебники и Волшебницы Моря и Небес. Господин Звезды говорил, что они манипулировали и людьми, и аборигенами с незапамятных времен. Они противостоят научно-му и социальному прогрессу, который грозит их власти.

— Чепуха, — сказала Анигель. — Я не могу говорить о Темном Человеке на Луне, но и моя сестра, и Великая Волшебница Моря Ириана являются добрыми хранителями, которые даже думать не могут об угнетении. Они дали клятву никогда не использовать магию во вред живой душе.

— Тем не менее, — сказала Наелора, — Харамис один раз собрала Скипетр и попыталась убить Господина Звезды.

— Нет, — возразила Анигель, — Харамис, Кадия и я использовали Скипетр, чтобы обратить колдовство Орогастуса против него, когда он пытался уничтожить всех нас и завоевать наше маленькое королевство.

— Господин говорит другое!

— Орогастус часто искажает истину по своему усмотрению.

— Он никогда не лгал ни мне, ни другим членам Гильдии.

Анигель вздохнула:

— И он пообещал, что твоя Гильдия будет править миром, если ты поможешь осуществить его тщеславные планы? Должна сказать, что однажды он пытался соблазнить Харамис таким же нелепым предложением...

Саборнианка резко развернулась в седле, кипя от бешенства.

— Дура! — прошипела она. — Что ты знаешь о великих и благородных намерениях Господина? Править? Он будет править! Но не ради того, чтобы удовлетворить свои личные амбиции. Орогастус хочет спасти мир от ужасного катаклизма, к которому он катится.

— Какого катаклизма? О чем ты говоришь?

— Мы все обречены, если Орогастус нас не спасет. Наш мир стоит на краю бездны разрушения из-за таинственных внутренних болезней, возникших в далеком прошлом.

Господин Звезды узнал об ужасной опасности, пока находился в заточении у Великого Волшебника Небес. И только Господин знает, как можно спасти мир.

— Тогда почему,— спросила Анигель рассудительно,— он не продолжил выполнять эту благородную миссию? Вместо этого он разослал по всему континенту тайных агентов подстрекать людей к мятежу и разжигать междоусобицы. Он похитил и сделал заложниками законных правителей шести стран. И здесь, в Брандобе, если я не ошибаюсь, он находится для того, чтобы попытаться свергнуть императора Деномбо, чтобы ты могла взойти на саборнианский трон! Если действительной целью Орогастуса является спасение мира, почему он развязывает завоевательные войны?

— Мир спасти можно только радикальным средством,— искренне веря в свои слова, ответила Наелора,— связанным с жертвами населения и применением непреодолимой магии. Зазнавшиеся невежественные правители не смогли бы сами справиться с населением во время восстановления равновесия. Вы слишком трусливы, слишком непредсказуемы и самолюбивы, чтобы сделать то, что должно быть сделано. Необходимо, чтобы вас вынудил всемогущий правитель.

Анигель хотела было с негодованием ей возразить, но Наелора продолжала, словно впад в транс:

— Я сама всего лишь усердно служу Господину Звезды. Когда я стану императрицей Саборнии, сделаю все, что он прикажет, лишь бы удался его грандиозный план. Потом, когда работа будет сделана и над нами засияет Небесный Триллиум, когда Вечный Покров будет побежден навсегда, когда Исчезнувшие снова будут жить среди нас, я разделю с Господином победу. Возможно, даже завоюю его любовь, если этого пожелают Темные Силы.

Анигель потеряла дар речи.

Огромный ледяной континент растает? Исчезнувшие вернутся? Какой абсурд!

Но мир действительно лишился равновесия, причем фундаментального. Харамис была убеждена в этом, ссылаясь на страшные землетрясения, повсеместные извер-

жения вулканов и убийственную погоду, установившуюся почти на всем континенте в последние годы. Тем не менее Великая Волшебница никогда не намекала на то, что эти явления могут быть предвестниками гибели планеты.

Или намекала?

Королева машинально подняла связанные руки к горлу, чтобы ее успокоил амулет Черного Триллиума. Но Цветка не было, как не было Харамис, и никто не мог дать ответа на вопросы, кроме нее самой...

Орогастус тем временем подъехал к резиденции с прочными железными воротами, рядом с которой было особенно много людей в красных костюмах. Он поднял свою Звезду, и привратник мгновенно распахнул ворота. Подав Наелоре знак следовать за ним, он въехал в ворота. Фрониалы застучали копытами по проходившей по парку посыпанной гравием дорожке и остановились у освещенного входа в дом. Девять саборнианцев в богатых доспехах и красных плащах из перьев выстроились у портика, держа в руках украшенные перьями шлемы.

Рядом стояло несколько слуг в ливреях. Орогастус спешился и передал поводья одному из них, потом снял плащ и передал его другому. Саборнианские вельможи открыли рты от изумления, увидев экзотические доспехи Звездной Гильдии. Отмахнувшись от третьего слуги, Орогастус помог Наелоре спуститься с фрониала, оставив Анигель в седле.

Одним движением эрцгерцогиня сбросила с себя костюм птицы. На ней тоже были серебристо-черные регалии Гильдии колдунов, не было только лучистого шлема, но ее доспехи были украшены золотом и бриллиантами. На украшенной драгоценными камнями цепи висела звезда Нерении Дарал. Ее огненные волосы были частично закрыты короной из платины и золота в виде птицы с опущенными крыльями, голова которой была сделана из одного гигантского изумруда, усеянного сотнями сверкающих белых и желтых бриллиантов. Она протянула руку Господину Звезды, который почтительно поклонился и подвел ее к вельможам.

— Господа,— произнес торжественно Орогастус,— представляю вам императрицу.

Вельможи обнажили зазубренные мечи и подняли их в салюте верности.

— Наелора! — закричала они. — Да здравствует ее императорское величество императрица Наелора!

По очереди они подходили к ней и протягивали мечи для благословения. Затем двое самых величественных из вельмож принесли и набросили на плечи Наелоры великолепный плащ из перьев, ярко-алый цвет которого на капюшоне и плечах постепенно переходил в цвет граната. Когда непродолжительная церемония закончилась, она обратилась к собравшимся с речью:

— Преданные вассалы и сторонники! Благодарю вас за то, что вы присоединились к нам в эту судьбоносную ночь, которая останется в истории, пока существует наша страна. Наконец настало время исправить чудовищную несправедливость. С вашей помощью и с помощью собравшейся здесь армии мы свергнем незаконно захватившего власть Деномбо и займем принадлежащее нам по закону место на троне Саборнии. Потом, насладившись первой победой, мы лично поведем имперскую армаду к Южному морю, чтобы вернуть в состав империи земли, которыми правила наша предшественница, первая прославленная Наелора.

— Да здравствует победоносная императрица Наелора! — Девять вельмож ударили закованными в стальные перчатки кулаками в нагрудники. — Да здравствует Наелора Великая! Да здравствует Наелора-Завоеватель!

Они еще долго выкрикивали бы приветствия и боевые кличи, если бы Орогастус вдруг не поднял руку, после чего мгновенно воцарилась мертвая тишина. Лорды варваров словно окаменели, не в силах пошевелить ни единым мускулом.

— Праздновать будем потом,— сухо произнес колдун. — Кому из вас принадлежит стоящая в бухте трирема?

Следующим жестом Орогастус вернул вельможам подвижность. Они были поражены и напуганы такой небреж-

ной демонстрацией силы, и никто даже не попытался протестовать. Наелора, казалось, потеряла к происходившему интерес. Она положила руку на плечо женщины с пышными усами, в украшенных синей эмалью доспехах, одного из тех, кто держал ее плащ.

— Господин Звезды,— сказала она,— это лорд адмиралтейства Дасинзин, наш верный союзник и друг юности. Именно его корабль доставил груз, столь необходимый для успеха нашего предприятия.

Дасинзин откашлялся и сердито посмотрел на Орогастуса, положив руку на эфес вложенного в ножны меча.

— Значит, это ты, тот великий волшебник, который обещал возродить империю?

Колдун только улыбнулся.

— Ты снизойдешь до обсуждения стратегии с нами? — угрожающе вежливо спросил Дасинзин.— Или полагаешь, что мы последуем за толпой фокусников вслепую?

Орогастус сделал вид, что не услышал оскорбления.

— Милорд, вы приказали команде переправить запечатанные ящики на берег?

— Их должны доставить сюда не позднее чем через час. Ваши люди передали, что груз следует перевозить тайно, по несколько ящиков.

— А ваши полководцы и заместители рядом? — продолжил колдун.

— Они собрались в заднем парке и ждут приказа.

Колдун кивнул:

— Очень хорошо. Вскоре я подойду к ним. Я видел воинов на улице. Какую по численности армию вам удалось собрать?

— Более четырех тысяч. Все одеты в одинаковые костюмы, как приказала ее императорское величество, все хорошо вооружены. Но мы не сможем победить императорскую гвардию, если...

— Если нам не поможет магия,— закончил Орогастус тихо.— И она поможет.

Заговорил еще один вельможа, высокий, с красным лицом:

— Мы сделали все, что ты просил, даже не зная плана битвы, только из-за преданности императрице. Настало время поделиться с нами тайнами, волшебник. Прежде чем мы продолжим, ты должен обрисовать нам свою стратегию и продемонстрировать разрушительную силу оружия Звездной Гильдии.

Ему ответила Наелора:

— Не волнуйся, Лукайбо. Как только сюда доставят груз с корабля Дасинзина, ты своими глазами увидишь, какое чудесное оружие нам удалось собрать. Более того, ты сам получишь в руки это оружие, как и остальные лорды и многие воины.

Саборнианцы возбужденно заговорили, но Наелора заставила их замолчать, подняв руку.

— Друзья,— сказала она,— сохраняйте спокойствие. Ждать осталось недолго. Приглашаю всех в дом Дасинзина, где Господин Звезды все объяснит.

Вельможи одобрительно заворчали, а Дасинзин поклонился эрцгерцогине и предложил руку, чтобы проводить в дом.

Анигель осталась сидеть на фрониае Наелоры, опустив глаза и положив связанные руки на заднюю луку седла.

— Мой господин,— робко спросил слуга,— что делать с пленницей?

Орогастус внимательно посмотрел на Анигель, затем приказал отвести ее к хозяйке дома, чтобы она могла отдохнуть и подкрепиться.

— Скажи своей госпоже, чтобы она стерегла эту женщину так, словно от этого зависит ее жизнь, что не так далеко от истины.

По мере того как он подходил ближе к парку Бранлобы, Толивар все отчетливее понимал: быть невидимым в плотной толпе так же нелепо, как и в окутанном туманом лесу. Он не мог, возможно из-за страшного шума, незаметно убирать со своего пути людей при помощи магии, поэтому ему приходилось расталкивать их, как и всем

остальным. «Пустое» пространство, занимаемое его невидимым, но материальным телом, вызывало подозрения, поэтому он забрался на одно из богато украшенных деревьев и, спрятавшись от глаз толпы в густой листве, снова стал видимым.

— Талисман,— сказал он.— Мне нужен костюм птицы. Ничего вызывающего. Сделай мне такой, как у того юноши.

Он показал на мальчика в простом плаще с капюшоном из коричневых перьев и одновременно представил себя в таком наряде.

Костюм мгновенно оказался на нем. Сумка со Звездным Сундуком осталась привязанной к спине, а корона спряталась под головным убором. Довольный, Толивар спустился с дерева и продолжил путь.

Он не ожидал, что Брандоба окажется такой большой и такой богатой. Ведь здесь, в конце концов, жили варвары, крайне подозрительно относившиеся к чужестранцам и свято верившие в свое превосходство и самостоятельность. В Саборнии и присоединившихся к ней странах не было университетов, не создавалось литературы, не развивались традиции изобразительного искусства и классической музыки. Здесь по-прежнему существовало рабство и угнетение аборигенов, а также терпимость к кровавым развлечениям. Кроме торговли сырьем и некоторыми специями, только уникальное мастерство обработки перьев позволяло обеспечивать торговлю с более цивилизованными восточными странами. Цивилизованные соседи презрительно относились к «культуре» Саборнии, считая ее смесью заимствований: музыки и драмы от Вара, искусства и архитектуры от Галанара и республик, экстравагантной моды и ювелирного искусства от Зинойри. Империя переняла судостроение Рэктама и Энджи, а оружейное дело и военную науку взяла от Лаборнока.

«С другой стороны,— подумал принц Толивар, глядя на сверкающие дома и богато одетых горожан,— у саборнианцев Брандобы, по крайней мере, дела идут совсем неплохо. Как, видимо, и у Орогастуса, выбравшего для на-

чального этапа операции по завоеванию мира эту процветающую столицу варваров».

И колдун предложил поделиться этим с ним...

Толивар задумался, не сгруппил ли он, отклонив предложение. Даст ли ему Орогастус возможность передумать? Он коснулся короны, раздумывая, не задать ли этот вопрос, потом вспомнил спокойную и непокоренную мать, стоявшую под мечом Наелоры, отдернул предательскую руку и поспешил к центру города.

Он подошел к парку, когда до полуночи оставалось всего полчаса. Принц снова решил забраться на дерево, на этот раз чтобы осмотреть местность. Внизу волновалось море людей, заполнивших огромный прямоугольник земли, с участками, засаженными декоративными деревьями. Парк с трех сторон был ограничен бульварами, на которые кареты и фрониалы знати и других привилегированных горожан могли попасть, миновав кордоны, охраняемые императорскими гвардейцами, вооруженными крепкими деревянными дубинами с железными наконечниками. На бульварах рядами стояли богато украшенные общественные здания и особняки, обнесенные высокими каменными стенами.

На востоке парк подходил к императорскому дворцу. Это было огромное здание, освещенное с наружной стороны бесчисленными светильниками, выстроенное в архитектурном стиле, представлявшем собой смесь фортификационного искусства и потрясающей вульгарности. Главный фасад был выполнен из белого мрамора и алой яшмы с витыми колоннами из зеленого малахита. Вокруг центрального корпуса громоздились башни с амбразурами и бесчисленные флигели, соединенные сводчатыми галереями и контрфорсами. На каждом углу крыши были установлены гаргульи, и они, как черепица крыши и купол внутреннего двора, были позолоченными. Сверкающий купол венчал столб из красной яшмы, на котором была установлена золотая статуя птицы с расправленными крыльями. Все это нагромождение было украшено разноцветными эмалированными щитами, расписными бордюрами, замысловатыми лепными украшениями и статуями

в нишах. Сотни окон с золочеными рамами освещались изнутри тысячами подсвечников.

Дворцовые земли были обнесены толстой каменной стеной высотой семь элсов, украшенной декоративными зубцами, огненными корзинами и флагштоками, на которых развевались зелено-золотистые знамена. Позолоченные железные ворота, охраняемые гвардейцами в парадных доспехах, закрывали широкую лестницу, которая вела в зал для торжественных выходов. По обе стороны ворот располагались караульные помещения, украшенные флагами, а перед ними находился широкий двор, окруженный стражниками.

В западной части парка, где сидел на дереве Толивар, стояла эстрада, на которой императорский духовой оркестр играл популярные в Окамисе и Варе мелодии, за ней находилось застекленное хранилище редких птиц и храм национальной богини Матуты. Часть западного бульвара, ведущего к священному зданию, была огорожена и окружена стражниками с копьями и обнаженными мечами, охранявшими пиротехнические материалы, которые скоро должны были превратиться в фейерверк.

Толивар коснулся короны и прошептал:

— Покажи мне фонтан Золотого Грисса, у которого я должен встретиться с Орогастусом.

Там, — прозвучал голос в его голове.

Одновременно в его сознании возникло изображение чего-то блестящего, расположенного в центре огромного открытого участка, между двух небольших рощ. Это была струя воды, взметавшаяся ввысь из центра декоративной чаши. Ее окружали позолоченные статуи морских птиц, из клювов которых били более слабые струи воды. Ветер далеко уносил брызги фонтана, и люди старались держаться подальше от него с той стороны, где фонтан граничил с передним двориком дворца. Люди, не боявшиеся воды, почему-то были все как один одеты в черные костюмы.

— Вот где будет меня ждать колдун, — сказал про себя Толивар.

Он убрал из сознания изображение, спустился с дерева и быстро, как только мог, зашагал через площадь. Он в полной мере пользовался преимуществом небольшого роста и, не обращая внимания на крики и проклятия, прокладывал себе путь сквозь толпу локтями, безжалостно наступал на ноги, бил каблуками по лодыжкам.

— Ой! — услышал он раздраженный мужской голос. — Проклятый мальчишка! Я тебя проучу!

Сильные руки схватили Толивару за плечи и затрясли так сильно, что у него застучали зубы. В панике, он хотел было уже обратиться за помощью к талисману, но поднял взгляд на лицо коренастого мучителя, потерявшего в свалке головной убор.

Лицо было широким и исключительно безобразным, один глаз был завязан, второй сверкал от ярости. Человек был хорошо знаком Толивару, он не стал скрывать изумления и воскликнул:

— А ты что здесь делаешь?

— Вероятно, то же самое, что и ты, — ответил король Ледавардис.

Глава 25

Чуть раньше короля и эригерцога Гиоргибо задержала толпа на одной из главных торговых площадей, примерно в четверти лиги от парка. Первокласные магазины были закрыты стальными жалюзи, зато торговля продовольствием, спиртным и праздничными новинками шла очень бойко. В углу площади стояла эстрада, на которой ансамбль музыкантов играл разухабистые мелодии на трубах, волынках, флейтах и барабанах. Из-за тесноты люди, которым не терпелось пуститься в пляс, ограничивались прыжками и размахиванием рукавами маскарадных костюмов. Освещенный циферблат часов на фасаде солидного банковского учреждения показывал, что до полуночи оставалось полтора часа.

— Так ничего не получится, Ледо,— сказал эрцгерцог королю пиратов.— Толпа настолько плотная, что мы не можем сдвинуться с места.

— Но искра в амулете указывает в этом направлении! Только Бог знает, зачем злодеям понадобилось приводить королеву в центр города, но они поступили именно так. Посмотри сам, Гиор.

Саборнианец уставился на янтарь Триллиума под своим носом.

— Да, да, я вижу. Но послушай, улица на другой стороне площади забита людьми, пытающимися добраться до парка. По ней нам не пройти, надо искать другую дорогу.

Гиоргибо и Ледавардис оставили других правителей в императорском охотничьем домике, к которому их послушно привел найденный амулет королевы Анигель. В домике никого не было, и король и эрцгерцог несколько драгоценных часов спали беспробудным сном. Проснувшись незадолго до рассвета, они плотно поели тем, что королеве Джири и дуумвиру Га-Бондису удалось отыскать в кладовых домика. Гиоргибо невозможно было узнать, после того как он привел в порядок волосы, побрился и переоделся в чистую одежду. Молодые люди пожелали всего хорошего своим спутникам, наказали им далеко не отходить от домика и отправились в Брандобу по знакомой Гиоргибо окружной дороге. Дорога заняла у них весь день и половину вечера. Сами того не зная, они едва не догнали арьергард армии Звездной Гильдии.

Прежде чем войти в Охотничьи ворота, пара оставила фрониалов, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания. Попав в город, они купили себе пару дешевых костюмов на деньги, оставшиеся от покойного Тозара, и начали при помощи путеводной искры в самом центре янтарного талисмана искать королеву Анигель, пока толпа не сделала дальнейшее движение практически невозможным.

— Как мы найдем другую дорогу? — с горечью спросил Ледавардис.— Если только волшебный Цветок не превратит нас в настоящих птиц и мы не взлетим.

— Следуй за мной,— приказал эрцгерцог. Он открыл решетку между двумя зданиями и скользнул в прямой как стрела переулок, настолько узкий, что по нему мог пройти только один человек. Переулок был темный, со сточной канавой по центру, и он круто уходил вниз. Ядовитый запах свидетельствовал о том, что канава была открытой канализацией, в которой собирались сточные воды с расположенных по обеим сторонам зданий.

— Фу! — воскликнул Ледавардис.— Куда мы направляемся? Искра в амулете показывает противоположное направление!

Но саборнианец поспешил вперед без объяснений, и скоро они подошли к забитому мусором грязному каналу. Вдоль канала шла узкая дорожка, на которую выходили стены без окон с расположенными далеко друг от друга дверями.

— Это один из небольших каналов, которые сбрасывают сточные городские воды в нижнее течение реки Доб и море,— пояснил Гиоргибо.— Каждый день на рассвете по каналам проходит баржа, и городские мусорщики опорожняют в нее выставленные на набережную баки.— Он показал вверх по течению, где небо было светлым.— Если мы пойдем туда, то неминуемо выйдем к одной из больших сточных труб, обслуживающих дворец. В детстве мы с Деномбо убегали по туннелям от учителей, чтобы побродить по городу.

Эрцгерцог быстро пошел по скользкой дорожке и скоро подошел к толстой стене. На уровне воды в стене зияло полукруглое отверстие высотой в два человеческих роста, закрытое крепкой металлической решеткой.

— Стена является частью северного периметра дворца. Решетка сточной трубы закрыта на замок. Когда-то у нас с Деномбо был ключ, а сейчас у тебя есть нечто лучшее!

Король Ледавардис кивнул и коснулся каплей янтаря замка решетки. Раздался щелчок, решетка открылась, и Гиоргибо скрылся в вонючей темноте. Амулет Анигель стал ярким как фонарь.

— Над уровнем воды есть узкая полка. Не отставай от меня и, ради всего святого, не свались в дерьмо. Идти сов-

сем недалеко. Чуть дальше есть ответвление, которое служит стоком для фонтанов парка.

Они прошли вперед, потом повернули направо, в более узкий туннель. К счастью, по нему текла практически чистая вода, правда немного сероватая. В этом туннеле никакой полки не было, и им пришлось идти по шиколотку в воде. К удивлению короля пиратов, туннель тускло освещался равномерно расположенными, закрытыми на уровне земли решетками, вертикальными шахтами. Пройдя несколько сотен элсов, они поняли, что находятся под парком. Шум толпы проникал под землю, как раскаты грома.

— Думаю, следует подняться здесь,— сказал Гиоргибо,— указывая на вмурованные в стену шахты металлические ступени.— Мы должны попасть в одну из рощ.

Быстро перебирая руками, он поднялся по ступеням и откинул решетку. Ледавардис поднялся на поверхность и увидел, что они оказались в одном из миниатюрных парков, отгороженных от площади для прогулок металлической решеткой. Люди стояли плотной толпой вдоль решетки и ждали начала фейерверка. Шум был просто оглушительным.

Король пиратов посмотрел на янтарь Триллиума. Увидев, какой яркой стала линия направления в его глубине, он взволнованно спросил:

— Твоя хозяйка близко?

Искра внутри амулета быстро замигала. Ледавардис издал победный клич и наклонился к уху Гиоргибо:

— Королева Анигель находится где-то в той стороне рядом с большим фонтаном.

Гиоргибо покачал головой:

— Невероятно! Не могу понять, зачем Людям Звезды приводить ее именно сюда?

— Какая разница. Пошли!

Больших усилий стоило им войти в толпу, а уж продвигаться сквозь нее пришлось со скоростью ледника. Часы на одном из общественных зданий показывали почти полночь.

И вдруг какой-то сорванец в костюме, двигавшийся в том же направлении, больно наступил Ледавардису на ногу, ткнул под ребро локтем, а потом еще и лягнул в лодыжку. Король схватил мальчишку, стал трясти и закричал:

— Проклятый мальчишка! Я тебя проучу!

Головные уборы слетели с дерущихся, когда они упали на землю. Глаза мальчишки широко раскрылись от удивления, он перестал сопротивляться, и Ледавардис увидел, что решил проучить Толиvara, принца Лабровенды. Более того, на голове мальчишки он увидел серебристую корону, которая, вероятно, была тем самым сказочным Трехголовым Чудовищем, талисманом королевы Анигель.

— А ты что здесь делаешь? — воскликнул Толивар.

— Вероятно, то же самое, что и ты, — ответил король. Они стояли на четвереньках на вытоптанной лужайке, и их окружал лес ног. Никто в толпе не обращал на них ни малейшего внимания.

— Моя мать... — начал было принц.

— Находится где-то здесь, на площади, — перебил его король, — и будет лучше, если ты предоставишь возможность мне спасти ее.

— Ты не понимаешь, — закричал мальчик. — Мою мать схватили Орогастус и злобная Женщина Звезды Наелора. Они пообещали убить ее, если я не отдам им талисман. Мне приказали встретиться с колдуном у этого фонтана во время фейерверка.

— Он сказал, где именно? — спросил король.

— Нет, он сказал, что найдет меня. Пообещал отпустить мать, как только я отдам ему выкуп.

Ледавардис быстро подумал.

— Сомневаюсь! Скорее всего, колдун возьмет в плен вас обоих. Королева Анигель слишком ценная заложница, чтобы ее отпустить. Что скажешь, Гиор?

Эригерцог присел рядом с ними на корточки.

— То же самое, что и ты, — ответил он.

— Почему ты не воспользовался магией короны, чтобы спасти королеву? — спросил король.

— Я не слишком хороший колдун,— с горечью ответил мальчик.— Я надеялся стать невидимым, чтобы спасти ее, но талисман сказал, что Орогастус все равно меня увидит.— От отчаяния на глазах мальчика выступили слезы.— Пожалуйста, король Ледо! Не вмешивайся. Только я могу спасти маму. Пусть Люди Звезды схватят нас обоих, лишь бы они не убили ее.

На эстраде заиграли трубы, и почти одновременно грянули фанфары со стороны дворца, на другом конце площади. Толпа восторженно завопила.

— Император,— сказал Гиоргибо.— Сейчас он выйдет, чтобы дать сигнал к началу воздушного представления.

Все трое встали на ноги. Двойная колонна факельщиков спускалась из дворца по широкой лестнице. За ними шли слуги с переносным тронem и позолоченными стульями, императорские гвардейцы в парадных доспехах и толпа придворных в великолепных костюмах из перьев.

Снова заиграли трубы, и толпа принялась скандировать имя императора. Дворцовая лестница была настолько высокой, что придворные были отчетливо видны поверх ворот. Они спустились на террасу, делившую лестницу на две секции. Был установлен трон и стулья для знати. Император поднял руки, и рукава его наряда, казалось, превратились в сверкающие крылья. Мгновенно воцарилась тишина.

— Пусть небеса провозгласят славу Матуте и ее верному слуге Деномбо,— объявил император.

Раздался оглушительный взрыв. Шесть ракет взлетели в облачное небо с площади перед храмом, оставляя за собой шлейфы искр. Достигнув верхней точки траектории, они взорвались облаком золотистых и зеленых звезд. Толпа вновь восторженно завопила. Оркестр на эстраде заиграл веселые мелодии, и люди получили возможность наслаждаться долгожданным зрелищем.

— У меня есть идея,— сказал эрцгерцог, наклоняясь к Ледавардису. Они посоветовались несколько минут, но Толивар не расслышал ни слова.

Наконец король пиратов сказал:

— Толо, видишь небольшую рощу, слева от фонтана?

Мальчик кивнул, и Ледавардис объяснил ему весь план и что именно принцу нужно сделать для его осуществления.

Мальчик смертельно побледнел.

— Если нас постигнет неудача, маму убьют!

— Колдуну королева Анигель нужна живой,— коротко произнес Ледавардис.— Он не намеревался убивать ее, хотел только напугать тебя, чтобы ты отдал талисман. Смотри! — Король достал янтарь Триллиума из потайного места и объяснил мальчику, как он направлял его и Гиоргибо в поисках королевы.— Святой Цветок будет продолжать защищать твою мать, как делал это с самого ее рождения. Ты должен верить в это, Толо. Теперь ступай, но прежде чем уйдешь, отдай мне это.

Король показал на висевшую на ремне сетку.

Королева Джери вошла в главный зал охотничьего домика, где потягивали подогретое вино у очага Уидд, Хакит Ботал, Приго и Га-Бондис.

— Друзья, у нас возникла проблема. После того как я помогла принцессе Равии подняться наверх, я вышла на балкон подышать воздухом и увидела нечто, сильно меня обеспокоившее.

Президент Хакит Ботал раздраженно вздохнул:

— Только не стаю лесных хищников, обнюхивающих конюшни! Уверяю вас, ваше величество, хищники не смогут пробраться в конюшню и загрызть фрониалов, тем более не смогут они причинить вред нам. Стены этих построек слишком крепки для них.

— Меня не волнует то, что дикие звери могут сожрать нас или фрониалов,— резко осадил его королева.— Посмотрите сами, что происходит, а уже потом делайте выводы.

Она резко повернулась и направилась к ведущей на второй этаж лестнице. Мужчины неохотно последовали за ней.

Джири открыла дверь на балкон в конце коридора. Все вышли за ней в темноту. Было сыро, лучи Лун едва пробивались сквозь темные облака.

— Что скажете на это? — Королева указала на промежуток между деревьями, за которыми возвышались зубчатые вершины Коллумских гор на фоне розового неба.

— Очень унылый закат, — неуверенно произнес принц Уидд.

— Горы расположены на востоке, — оборвала его Джири.

— Может быть, игра лунного света, — задумчиво предположил дуумвир Приго. — Все три светила расположены высоко на небе, хотя и скрыты облаками. Полагаете, это лесной пожар?

— Дыма нет, — сказала королева. — Сначала я подумала, что приближается буря, а свечение вызвано далекими молниями. Но ветер дует с другой стороны, и, несмотря на то что его интенсивность иногда изменяется, свечение слишком постоянное, чтобы быть отблесками молний.

— Д-думаете, это может быть м-магией? — заикаясь от страха, произнес Га-Бондис. — Орогастус осаждаст столицу Саборнии сверхъестественным огнем?

— Дурак, — рявкнул Хакит Ботал. — Брандоба находится в другой стороне, на западе.

— Тем не менее свечение может быть вызвано магией, — сказал принц Уидд. — Я понимаю беспокойство Джири.

— Есть еще кое-что, — сказала грозная королева. — Прислушайтесь!

Все мгновенно наострили уши, потом Приго объявил:

— Я слышу только шум реки, но мне кажется, что он стал тише.

— Лесные звери молчат, — сказала королева. — А это странно.

— Гм. Молчат не только животные, но и птицы, — сказал президент, и на его лице появились первые призна-

ки беспокойства.— Да, очень странно. Они чем-то напуганы.

— Но чем? — прошептал Га-Бондис.

— Не знаю,— призналась Джири.— Но есть еще одно, более зловещее явление, на которое я хочу обратить ваше внимание. Лучше перейти на другой конец балкона.

Мужчины последовали за ней туда, где был слышнее грохот реки Доб в каньоне. Королева предложила им посмотреть вниз, но Луны скрылись за облаками и ничего не было видно. Потом облака расступились, и правители увидели поразительную картину.

Глубина каньона уже не составляла двести элсов, как утром. Сверкающий в лунном свете поток заполнил каньон наполовину, и по нему плыли бесчисленные вырванные с корнем огромные деревья. Мусор плыл вниз по течению поразительно медленно, и только через несколько минут мужчины поняли, что вода загустела почти как тесто.

— Это грязь! — воскликнул принц Уидд.— Колоссальный поток грязи спускается с гор. Что бы это значило?

— По моему мнению,— сказала королева Джири,— это значит, что мы должны улепетывать отсюда так, словно за нами гонятся демоны всех десяти адов.

Глава 26

Как только начался фейерверк и люди замерли, подняв глаза на небо, стало значительно проще пробираться сквозь толпу. Толивар подошел к фонтану Золотого Грисса, у которого стояло много народа. Затем, следуя указаниям Ледавардиса, он стал медленно обходить широкую декоративную чашу, двигаясь к северо-восточной ее стороне, где из-за брызг почти не было людей.

«Черный Триллиум! — молился мальчик.— Не дай Орогастусу или Наелоре найти меня».

Ширина мокрого, вымощенного булыжником участка дороги составляла примерно двадцать элсов. Ближай-

шие столбы с огненными корзинами находились по обе стороны ворот дворца, над караульными помещениями. Еще один столб стоял элсах в тридцати, и участок освещался только фейерверком. К северу находилась обнесенная оградой роща из плотно посаженных деревьев и цветущего кустарника. Толивар обошел мокрый участок, напряженно вглядываясь в редеющую толпу в поисках Людей Звезды. Но видел он только саборнианцев в карнавальных костюмах: изысканных, скромных, смешных, страшных. Люди-птицы вскрикивали «О!» или «А!» при взрыве каждой ракеты, а особенно красивые взрывы фейерверка сопровождались аплодисментами, свистом и криканием. Очень многие в толпе явно хорошо запаслись спиртным, на мостовой валялись кружки и кувшины, а кое-где на булыжниках посапывали лишившиеся чувств гуляки.

Подойдя к ограде рощи, принц облегченно вздохнул. Больше всего он боялся, что его заметят слишком рано. Рядом стояла лишь небольшая группа людей в костюмах. Император и блестящий двор наслаждались зрелищем со ступеней дворца, оркестр играл не умолкая, и горожане все более бурно выражали свой восторг.

Принц все явственнее ощущал тяжесть Звездного Сундука на спине и давление волшебной короны на голове. Тело реагировало усталостью на физические усилия, которые пришлось приложить для того, чтобы добраться от пристани до центра города. Он тихонько опустил на влажные булыжники и прислонился спиной к кованой ограде.

— О талисман,— в отчаянии прошептал он.— Ты еще мой?

Да.

— Существует ли способ сохранить тебя и спасти бедную маму?

Вопрос неуместен.

— Я знаю, но не мог не спросить.

— Толо! — услышал он чей-то голос.

Принц открыл глаза и увидел перед собой на фоне сверкающего разноцветными огнями неба высокую фигуру в

костюме из черных перьев. Принц не успел произнести ни слова, как незнакомец сбросил капюшон, открыв приводящий в трепет лучистый шлем Звездной Гильдии. Его глаза сверкали, как огни маяка.

— Вставай,— сказал Орогастус.— Время пришло.

Двигаясь нарочито медленно, Толивар поднялся на ноги и встал перед колдуном.

Во время короткого перехода от особняка Дасинзина до фонтана Золотого Грисса королева Анигель, помимо печали и отчаяния, чувствовала какое-то странное безразличие, от которого ее не мог отвлечь даже огненный разноцветный калейдоскоп на небе. Запястья развязали, но за руки ее крепко держали два неразговорчивых Человека Звезды, которых звали Занагра и Гавинно. Заставляло опасаться и смертоносное древнее оружие, которое было скрыто под их черными плащами. Стражники вели ее за Орогастусом, который при помощи магии прокладывал путь в толпе так, что люди даже не замечали их присутствия.

Через несколько минут они должны были подойти к фонтану, у которого глупый бедный Толивар передаст колдуну корону и столь необходимый Звездный Сундук, надеясь, что она обретет свободу. Но сама она была уверена, что Орогастус не отпустит ее, как не отпустит он и других правителей, которые находились сейчас в плену у Тазора где-то в Лирдском лесу. Она поняла это, когда сидела на кухне особняка Дасинзина под присмотром испуганных саборнианок.

Ее и других глав государств похитили не для того, чтобы обеспечить какое-то непонятное «сотрудничество» стран с колдуном. С самого начала Орогастус преследовал только одну цель — добиться максимальной власти над Харамис, чтобы заставить Великую Волшебницу отдать свой талисман в обмен на их жизни.

А теперь этот ужасный выбор предстояло сделать и Кадии.

«Триединый Бог Цветка,— молилась она,— дай моим сестрам силы выдержать испытание, задуманное колду-

ном, и мудрости, чтобы не пойти на уступки в его подлых замыслах и позволить нам умереть достойно...»

Они подошли к фонтану, и она почувствовала, как холодные брызги смешиваются со слезами на ее щеках. Высокая центральная струя раскачивалась из стороны в сторону независимо от направления ветра, а вода, струившаяся по позолоченным украшениям в чашу, была мутной, словно смешанной с молоком.

Орогастус тронул Звезду, довольно кивнул и сказал:

— Мальчик здесь. Сидит у ограды маленькой рощи слева. Оставайтесь с королевой в толпе, пока я вас не позволю.

Анигель хотела криком предупредить сына, но Зангара рукой в грубой перчатке зажал ей рот, и она почувствовала острие кинжала на животе.

— Веди себя тихо,— прошипел Человек Звезды,— или твои дети умрут, даже если магия Господина сохранит тебе жизнь.

Она перестала сопротивляться. Если бы у нее был янтарь Триллиума! Но без амулета и его Святого Цветка она была лишена сил. Она увидела, что Толивар встал и повернулся к Орогастусу. Но королева ничего не слышала из-за грохота фейерверка над головой. Потом колдун подал знак. Ее, все еще в костюме грисса из серых и белых перьев, подвели к ограде, у которой стоял сын. Он сбросил капюшон дешевого костюма, чтобы было хорошо видно Трехглавое Чудовище на его светловолосой голове, которое, казалось, излучало серебристый свет.

— Мама,— произнес он встревоженно.— Они не сделали тебе больно?

— Честно говоря, нет,— ответила она.— Болит только сердце, оттого что мне стало известно, как ты втайне от меня владел моим талисманом целых четыре года...

— Достаточно, королева! — перебил ее Орогастус и повернулся к принцу.— Толо, отдай мне Сундук.

На небе распускались гигантские цветы из фиолетовых, синих и зеленых звезд, лепестки которых рассекали ракеты, оставляя за собой белые и золотые следы. Зазву-

чали заключительные величественные аккорды, и император, эсах в пятидесяти от них, встал с трона и поднял руки.

— Деномбо! Деномбо! Деномбо! — начала скандировать толпа.

Принц Толивар развязал шнурок сумки и достал из нее длинный узкий сундук с изображением Звезды на крышке.

— Открой,— приказал колдун,— положи в него корону. Мальчик стиснул зубы.

— Только после того, как ты освободишь маму!

Орогастус сделал знак поднятой рукой. Из толпы вышли шестеро мужчин в костюмах из черных перьев, из отверстий в их плащах торчало оружие Исчезнувших. Они подошли к державшим королеву членам Гильдии и встали плотным полукругом вокруг принца и колдуна. Принц только сейчас заметил, как много людей на площади были одеты в черные костюмы. Конечно! Все они были приспешниками Орогастуса!

Мальчик коснулся пальцами короны:

— Приказываю освободить королеву!

Ничего не произошло. Орогастус презрительно улыбнулся и взмахнул рукой. Люди Звезды освободили рыдающую Анигель, и она протянула к Толивару руки. Он бросился в ее объятия, и они стояли, прижавшись друг к другу, пока не прогремел голос:

— Талисман! Немедленно.

Орогастус и его помощники стояли плечом к плечу, и их глаза злобно сверкали. Анигель покачнулась и опустилась на колени, застонав и прижав руки к животу.

— Не делай этого, Толо! — закричала она. — Он будет использовать талисман для завоевания мира! Не поддавайся ему, сынок! Не думай обо мне! Он не сможет отобрать у тебя корону силой. А-а-а!

Услышав крик боли, мальчик воскликнул:

— Отпусти ее!

Он сорвал с головы корону и бросил ее в открытый Сундук. Яркая вспышка была почти незаметна из-за фейерверка.

— Нет! О нет! — простонала королева.

— Наконец! — Орогастус наклонился, чтобы поднять Сундук. Принц помог королеве подняться на ноги и отвел к ограде, рядом с густыми зарослями. Господин Звезды снял лучистый шлем и передал его Гавинно. Его белые волосы развевались на ветру. Затем он стал нажимать на драгоценные камни внутри Сундука, чтобы связать талисман с собой.

Практически одновременно из кустов вылетела дюжина круглых предметов, которые, ударившись о булыжники, выпустили тучи сверкающих блесков и спор грибов, которые разлетелись во все стороны, несмотря на брызги воды и туман. Орогастус взревел от ярости и тут же зачихал.

Королева Анигель почувствовала, что ее поднимают над невысокой оградой. Ветки царапали ее лицо, она закричала и попыталась вырваться.

— Не надо! — раздался чей-то грубый голос. — Мы — друзья. Задержи дыхание!

Она услышала, как чихают и ругаются Люди Звезды и воины в черном, потом она почувствовала, как кто-то пригибает ее к земле и опускает головой вперед в зияющее, окаймленное железом отверстие. Ее подхватили руки другого человека, они провалились в какой-то вертикальный канал и с громким всплеском упали в воду. Тусклый свет струился сверху, и она увидела, как Толивар быстро спускается по металлическим скобам. Человек, державший ее, крикнул:

— Быстрее! Взрывай люк, пока Люди Звезды не пришли в себя!

— Все назад! — закричал человек сверху и быстро спустился по ступеням. Анигель отвели по воде в полную темноту, она услышала, как Толивар пытается ее успокоить. Затем ослепительная рубиновая вспышка озарила коренастую бесформенную фигуру, сжимавшую что-то в руках. Она услышала грохот камней. Некоторые из них были раскалены докрасна и шипели, попав в воду. Туннель заполнили клубы пара.

— Не останавливайтесь! — крикнула горбатая тень. Она подняла странный предмет и едва успела отскочить от лавины камней.

Королева машинально накинула капюшон на лицо, чтобы стало легче дышать, и на четвереньках поползла вперед по воде и скользкому илу. Непонятное возбуждение сменило апатию, приглушавшую ее чувства. В горбатой тени она узнала молодого короля Рэктама.

— Ледо? Это ты? Хвала Владыкам Воздуха!

— Да, нареченная теща. А также хвала эрцгерцогу Гиоргибо, который вспомнил об этом лабиринте туннелей, твоему амулету Черного Триллиума, который привел нас прямо к тебе, и даже молодому Толо, который догадался захватить чихательные яйца.

Ей помогли подняться на ноги. Золотой свет, видимый даже сквозь переплетенные перья капюшона, рассеял темноту. Воздух, как по волшебству, стал чистым. Анигель сбросила свой промокший костюм грисса и увидела, что находится в сводчатом туннеле, по которому текла вода. Рядом стояли и улыбались двое мужчин и Толивар. Он не смогла сдержать крик радости, когда король Ледавардис отложил древнее оружие, снял с шеи цепочку со сверкающей каплей янтаря Триллиума и надел кулон на нее.

— Мы не можем здесь оставаться, — сказал Гиоргибо. — Люди Звезды скоро поймут, что в этот туннель ведут и другие люки с площади. Они бросятся в погоню. Нам придется завалить туннель, и останется только надеяться, что им не удастся нас опередить.

— Но куда мы пойдем? — спросил Толивар, ликование которого мгновенно сменилось паникой.

— Смотрите! — воскликнула Анигель. — Янтарь!

Кулон быстро мигал, а в самом его сердце цветок пересекала тонкая линия с яркой точкой на конце.

— Он показывает в сторону дворца моего брата, — сказал Гиоргибо, — только там мы сможем найти убежище. Бежим!

Орогастус, движения которого были стеснены Сундуком с драгоценным содержимым, который он инстинктивно прижал к груди, сначала мог думать только о том, как защитить Трехглавое Чудовище. Он связал его с собой в тот момент, когда полетели дьявольские яйца, и успел, даже согнувшись пополам и отчаянно чихая, достать корону из Сундука и водрузить на голову. Под центральным ликом Чудовища появилась крошечная копия сверкающей на его груди Звезды.

— Талисман! — прохрипел он. — Убери проклятые споры! Исцели меня и моих людей от чихания! Слышишь меня?

Сделано.

Его глаза и нос очистились, и он бросился к ограде роши. Раздвинув кусты, он увидел отверстие в земле и валяющуюся рядом решетку. Орогастус повернулся, чтобы отдать своим воинам приказ, и вдруг услышал доносившиеся из-под земли голоса:

— ...взрывай люк... все назад...

— Берегись! — закричал он и, попятившись назад, упал на одного из воинов, крепко сжимая в руках Сундук. — У них есть волшебное оружие.

Через мгновение отверстие озарилось красной вспышкой, раздался оглушительный грохот, в воздух взметнулся столб пыли. Раздался еще один взрыв. Проклиная все на свете, Орогастус при помощи талисмана еще раз очистил воздух и тут же увидел, что отверстие в земле завалено камнями.

— Талисман, покажи мне королеву Анигель.

Просьба неуместна.

— Почему ты не можешь ее показать? — в бешенстве спросил он.

Она защищена Черным Триллиумом.

— Этого не может быть! — простонал колдун. — Если, конечно... — Он замолчал и попросил показать принца Тогливара. Мальчик тоже был защищен близостью матери, как и остальные спасители Анигель.

— Тогда покажи мне план системы стоков парка и расположение этого люка.

На этот раз корона повиновалась, и в его сознании отчетливо возникла схема туннелей, на которой мигающей точкой было отмечено место, в котором королева и принц скрылись под землю.

— Покажи люки, расположенные рядом с этим!

На схеме замигали еще два огонька, и в сердце колдуна забрезжила надежда, когда он понял, что один люк находится за спиной рядом с фонтаном, а второй — не более чем в двадцати элсах за рощей, на охраняемом стражниками огибающем парк бульваре.

Он не успел отдать приказ своим людям, когда почувствовал еще одну вспышку, едва заметную сквозь толпу, свет от которой вырвался сквозь решетку. Беглецы закрывали проходы на бегу, но он сможет поймать их в ловушку, если внимательно изучит схему туннелей...

— Господин! — Ворота императорского дворца открылись. — Начинается церемония раздачи подарков!

Орогастус снова застонал. Он услышал трубы и барабаны. Времени не оставалось. Армия ждала приказа о наступлении, а Наелора с группой знати ждала успешного исхода атаки. Он сжал Звезду и связался с членами Гильдии, командовавшими партизанами:

— Приготовьтесь к штурму дворца по приказу.

Глава 27

— Что это было? — удивленно воскликнул Сайнлат. — Готов поклясться, мостовая только что вздрогнула под ногами, но эта толпа так вопит, что полной уверенности нет.

— Это был всего лишь взрыв фейерверка, — крикнул ему Мелпотис.

— Или грохот твоих огромных башмаков по булыжникам, — рассмеялся Эдинар.

Четверо Почетных Кавалеров пробирались сквозь плотную толпу в южной части парка. Кадия шла в центре с талисманом в руке и с его помощью раздвигала толпу. Она сняла головной убор и маску, чтобы лучше видеть, а Сайнлат потерял клюв, который был прикреплен

к носу, в остальном их костюмы были в полном порядке. Кадия была наряжена в лиловые перья, Мелпотис и Калепо — в синевато-стальные, а Сайнлат — в пышный наряд из розовых.

Талисман с вставленным в эфес янтарным амулетом Кадии привел их от пристани прямо к входу для аудиенций в южном крыле дворца, через который посетителей обычно пропускали в приемный зал императора. Но здесь они застряли. Трехвекий Горящий Глаз не смог убедить императорского привратника пропустить их во дворец, не убив его, что, конечно, было недопустимо. Слуга был непреклонен: Деномбо никого не примет, даже эмиссара короля и королевы Лабровенды, Кадии было сказано, чтобы она приходила утром.

Но утром будет уже слишком поздно.

— Рядом с фонтаном, украшенным золотыми птицами, толпа редеет,— заметила Кадия.— Оттуда мы достаточно легко сможем подойти к главным воротам дворца, но я не уверена, что у них нам повезет больше, чем у входа для аудиенций. Совершенно ясно, что император и придворные не хотят, чтобы их беспокоили во время представления.

— Вам следовало уничтожить этого наглого лакея волшебным огнем талисмана,— пробурчал Сайнлат.— Или пробить дыру в наружной стене.

— Нет,— возразила Кадия,— я уже говорила, что успех нашего предприятия зависит от расположения Деномбо. Вряд ли он воспринял бы благосклонно наш визит или поверил бы нашему предупреждению, если бы мы ворвались в его дворец силой или причинили вред его слугам. Он явно боится магии. Если бы мне в голову пришла какая-нибудь хитрость...

— А-а-а! — Сайнлат вдруг почувствовал, что не может сдвинуться с места.— Проклятый костюм! Хвост опять за что-то зацепился. Помогите мне!

— Лучше *мне!* — пропищала возмущенно полная женщина, которую Сайнлат тащил за собой.— Этот болван вот-вот порвет мой прекрасный костюм!

Кавалеры, хихикая, отцепили своего розового коллегу от дамы, оранжевые перья костюма которой были украшены аляповатыми оборками из золотой сетки, усеянной огромными остроконечными звездами из блесков. Распущенный хвост огромного рыцаря доставлял ему мучения весь вечер, и Сайнлат тут же потребовал отрезать его и выбросить. С этим им пришлось подождать, пока не подойдут к фонтану, потому что люди постоянно натыкались на них, несмотря на магию Кадии. Наконец они пришли в укромный уголок, образованный позолоченными плитами чаши фонтана. Мелпотис достал кинжал и принялся отпиливать хвост от плаща Сайнлата. Фонтан осыпал их мелкими брызгами, оглушительно грохотала музыка, а небо было покрыто ажурным, сотворенным огнем рисунком.

Хвост был приделан надежно, и на ампутацию ушло несколько минут, костюм при этом не был поврежден. Кадия решила связаться с другом-ниссомом на борту лодки кадоона и узнать, что происходит на загадочной триреме.

— Талисман. Я хочу мысленно поговорить с Ягуном.

Он не может говорить с тобой, так как находится в заколдованном сне.

— Что? — удивленно воскликнула она. — Немедленно пробуди его!

Просьба неуместна.

— Почему?

Я не могу снять заклинание, наложенное другим талисманом.

Поняв, в чем дело, Кадия раздраженно стукнула себя по лбу:

— Толо! Ничтожный сопляк!

Не обращая внимания на вопросы встревоженных спутников, которые не могли услышать ответы талисмана, она попросила показать ей каждый уголок лодки аборигена. Талисман подчинился и не стал возражать, что непременно сделал бы, находишься Толивар на борту. Поздирательная, накрытая брезентом куча на палубе оказа-

лась мирно похрапывающими Ягуном и Критчем. Кадия расширила обзор, чтобы охватить бухту, и увидела, что трирема теперь стояла у одного из торговых доков. Никаких подозрительных движений на корабле или рядом она не заметила.

— Груз с корабля уже доставлен на берег? — спросила она.

Да.

— Что это за груз?

Вопрос неуместен...

Пока Кадия задавала талисману другие важные вопросы и получала на них ответы, Калепо и Мелпотис продолжили заниматься хвостом Сайнлата, Эдинар обошел фонтан с другой стороны, где было меньше брызг и откуда было лучше видно императора Деномбо. Пиротехническое представление приближалось к завершению, и что-то любопытное происходило рядом с главными дворцовыми воротами, слева от широкой парадной лестницы. Появились запряженные волумниалами четырехколесные повозки, на которых стояли безвкусно украшенные нелепые конструкции. Распорядитель выстраивал повозки, а стражники начали открывать огромные позолоченные ворота перед дворцовой лестницей!

Эдинар подбежал к небольшой группе празднующих, одетых, как и он, в красные костюмы.

— Привет! Что дальше? — спросил он, когда пронзительно грянули фанфары и застучали барабаны.

Только один человек обратил на него внимание, и, когда он повернулся, Эдинар заметил блеснувшие под алым костюмом доспехи.

— Возвращайся на свой пост, тупица! — проревел он. — Император начинает раздавать подарки, и приказ о наступлении может прийти в любую минуту.

Эдинар бросился назад, сквозь тучу брызг, чувствуя, как бешено стучит сердце и холодеет желудок. Только услышав объяснявшие все слова, он увидел, как много людей в красных костюмах собралось у фонтана. Он видел, что они были буквально везде, их было много, и все они

стояли небольшими группками и не сводили глаз с императора Деномбо и его придворных. Среди красных птиц встречались и черные, которые целеустремленно ходили между группами и давали какие-то указания.

— Госпожа Кадия! — пронзительно закричал он и поспешил сообщить о своем открытии. Она и другие Кавалеры заметили открывающиеся ворота и оживленно обсуждали возможность проникнуть сквозь них невидимыми.

В это время император о чем-то громогласно объявил, барабаны начали отбивать ритм, и запряженные волумниалами повозки выехали из ворот и повернули на огибающий парк бульвар. Из толпы раздался свист, все восторженно заорали. Каждая повозка, сопровождаемая трубачами и барабанщиками, везла огромное сплетенное из прутьев изображение фантастической птицы, украшенное перьями, блестками и стеклянными «драгоценными камнями». На каждой повозке стояли по четыре молодые женщины в прозрачных костюмах, держащие позолоченные корзины, из которых они разбрасывали крошечные пакетики с подарками.

Императору Деномбо и придворным угодливые слуги подали напитки, а разрозненные группы красных птиц под руководством черных объединялись в единую массу. Услышав от Эдинара новости, Кадия огляделась в нерешительности. Обычных зрителей грубо отпихивали в сторону, а у открытых дворцовых ворот становилось все больше людей в красных и черных костюмах. Порыв ветра распахнул красный плащ одного из них, и Кадия увидела в его руке странный прибор. Руки остальных, скрытые под плащами, тоже выглядели не пустыми.

— Бог Триун! — воскликнула она, наконец все поняв. — У них оружие Исчезнувших! Они собираются атаковать дворец. Этого я и опасалась.

— Что будем делать? — спросил встревоженно Мелпотис. — Можно ли сейчас подходить к Деномбо даже невидимыми? Он решит, что мы наемные убийцы!

Кадия была парализована нерешительностью. Деномбо находился слишком далеко от них, площадь кишела

Людьми Звезды, и в любой момент мог начаться бой... Кроме того, где-то в толпе был молодой принц Толивар с драгоценным Трехглавым Чудовищем на голове.

Повозки с подарками завершили путь вдоль стены дворца и повернули на бульвар, огибающий парк с севера. Сопровождавшие их музыканты играли не умолкая, а женщины продолжали разбрасывать щедрые дары императора. Только немногие в толпе поняли, что происходит нечто странное, остальные, не замечая ничего вокруг, прилипли к ограде бульвара, стараясь поймать хоть какой-нибудь подарок.

— Посмотрите на струю фонтана! — удивленно воскликнул Калепо. Высокий фонтан стал раскачиваться из стороны в сторону, и практически одновременно земля под ногами задрожала.

— Землетрясение, — рассеянно произнесла Кадия. — Причем не сильное, беспокоиться не о чем.

— Наелора! — раздались крики со всех сторон. Их подхватывали все больше и больше людей, пока повторяемое эхом имя не заглушило музыку.

— Наелора! Наелора!

Штурм начался.

Воины в костюмах, стоявшие рядом с воротами, плотным строем бросились вперед и без труда одолели сопротивление охранявших лестницу гвардейцев. Еще один отряд захватчиков появился из толпы, разделился на два, обходя фонтан, и присоединился к передовой группе. Воины были вооружены двуручными мечами и безжалостно уничтожали всех, встававших на их пути. Кадия и Кавалеры прижались друг к другу на маленьком островке безопасности, а армия Орогастуса ворвалась в ворота дворца, напоминая цветами своих костюмов поток крови с черными сгустками. Разноцветные вспышки, похожие на взлетевшие слишком низко заряды фейерверка, пробежали по фасаду дворца. Захватчики, получившие в руки оружие Исчезнувших, использовали его в полной мере. Еще один залп с середины лестницы говорил о том, что люди колдуна вступили в схватку с императорскими воинами,

попытавшимися окружить и защитить императора и придворных.

Только через несколько минут пришедшая в замешательство толпа поняла, что с их праздником творится что-то неладное. Потом все додумались только до одного — поскорее спастись бегством. Кордон императорских гвардейцев, охранявших дорогу, дрогнул и рассеялся, и толпа хлынула на бульвар, перегородив дорогу повозкам с подарками. Подобно обезумевшему, вопящему от ужаса животному, толпа пыталась покинуть парк, давя и отпихивая все на своем пути, стараясь поскорее раствориться и скрыться в боковых улицах.

Кадия стояла неподвижно с затуманенными глазами и крепко сжимала талисман.

Толо,— звала она.— Толо! Ради всего святого, сообщи, где ты находишься!

— Люди колдуна победили Деномбо и его защитников! — воскликнул Мелпотис. — Смилуйтесь над ними, Владыки Воздуха!

— И над нами,— мрачно добавил Эдинар. — Пора уходить отсюда!

Но Кадия не обращала внимания ни на панику, ни на Кавалеров. Талисман уже показал ей императора Деномбо в руках Людей Звезды, и теперь она задала мучительные вопросы себе самой и Трехвекому Горящему Глазу:

Где может находиться мальчик? Почему он нарушил данное мне обещание не использовать магию? Я не могу поверить, что Толо заколдовал Ягуна и Критча из ребяческой шалости. Он неосторожен, но его нельзя назвать совершенно непослушным. Святой Цветок, неужели существовала другая причина, по которой он вынужден был покинуть лодку?

Но волшебный меч не умел читать чужие мысли и всегда отвечал:

Вопрос неуместен.

Потом что-то подсказало ей истинную причину, она даже не поняла, что именно, — может быть, талисман или Черный Триллиум, может быть, собственные инстинкты. Поняла она только одно — принц Толивар сошел на берег, чтобы попытаться спасти мать.

Кадия обратилась к талисману вслух:

— Горящий Глаз, моя сестра Анигель в Брандобе?

Да.

— Где?

Она в канализационном туннеле под императорским дворцом.

Кадия едва сдержала крик радости.

— Что она делает в таком странном месте?

Убегает от Орогастуса. Сейчас она — не в заточении.

— Колдун преследует ее под землей? Ей грозит опасность пленения?

Орогастус ее не преследует, в настоящий момент пленение ей не грозит. Ситуация может измениться, если она выйдет из туннеля.

— Невероятно! Куда Анигель направляется?

Она идет к императору Деномбо.

Кадия быстро передала рыцарям все, что сообщил ей талисман. Они очень взволновались и заговорили одновременно, умоляя ее связаться с королевой и предупредить о грозящей опасности. Авангард захватчиков уже ворвался во дворец, а на площади, среди населения, царила паника. Впрочем, Кадия сейчас интересовала только безопасность сестры.

— Подойдите ко мне ближе,— приказала она Почетным Кавалерам.— Я должна поговорить с королевой Анигель. Она, несомненно, находится в страхе и смятении, и будет трудно привлечь ее внимание без помощи второго талисмана.— Она присела, рыцари накрыли ее плащами, сделав что-то вроде навеса, потом уставились на коричневый глаз обрубленного меча.

— Талисман, позволь мне найти сестру Анигель,— взмолилась Кадия,— и поговорить с ней, чтобы я могла спасти ей жизнь. Я прошу об этом ради Триуна и Черного Триллиума.

На мгновение ей показалось, что она потерпела неудачу. Потом шум и паника вокруг нее исчезли, словно остались за закрытой дверью. Она увидела освещенный янтарем Триллиума туннель, сложенный из поросших влажной плесенью гранитных блоков, по дну которого бежал руче-

ек сероватой воды. В туннеле неподвижно стоял, широко открыв рот от изумления, король Рэктама Ледавардис, державший в объятиях мощных рук королеву Анигель. Еще один мужчина, с волосами цвета меди, стоял за его спиной и был изумлен ничуть не меньше. Рядом с ним стоял принц Толивар.

— Дама Священных Очей! — прохрипел пират. — Что вы здесь делаете?

Анигель робко улыбнулась:

— Дорогая Кади! Ты решила присоединиться к нам в путешествии по канализации Брандобы? Отпусти меня, Ледо.

Кадия поняла, что ее затея удалась, даже чересчур хорошо. Она не только обнаружила королеву и ее спутников и заговорила с ней, но и послала в подземелье свое изображение.

— Как ты здесь оказалась? — спросила Кадия. — Ты не ранена?

— Ледо и его друг вырвали меня из когтей Орогастуса, — ответила Анигель. — Я в полном порядке, только подвернула ногу во время побега и теперь с трудом могу идти.

— Мы рады вас видеть, госпожа Кадия, — сказал король пиратов, — а ваш могущественный талисман еще больше.

— Я явилась вам не во плоти, — сказала Кадия. — Это — всего лишь изображение моего тела, которое осталось на поверхности земли рядом с золотым фонтаном. Я пришла, чтобы сообщить вам ужасные новости. Орогастус и его армия атаковали императорский дворец. Вы немедленно должны вернуться...

— Не можем, — спокойно произнес рыжеволосый мужчина, державший на плече оружие Исчезнувших. — Чтобы избежать погони, мы время от времени взрывали туннель позади нас при помощи волшебной молнии из этого чудесного оружия. Так что вернуться мы не можем.

— Через несколько минут дворец будет принадлежать Орогастусу и Звездной Гильдии, — сказала Кадия. — Император уже схвачен.

— Бедный Деномбо! — Незнакомый Кадии мужчина склонил голову.— Моя сестра непременно казнит его. Да упокоит Матута его душу.

— Это — Гиор, младший брат императора,— пояснила Анигель.— Они играли в канализации, когда были мальчиками. Мы спустились сюда, чтобы попытаться предупредить Деномбо о заговоре.

— Сестра, о которой говорит Гиор,— добавил Ледавардис,— это эрцгерцогиня Наелора, ярая сторонница Звездной Гильдии и сушая дьяволица, вступившая в сговор с Орогастусом, чтобы захватить трон.

— А другого выхода из туннеля нет? — в отчаянии спросила Кадия.— Только через дворец?

Эрцгерцог поднял заплаканное лицо.

— Мы идем не по обычной канализации, а по ливневой. Шахты впереди служат для отвода воды от висячих садов и крыши дворца. Но если мы спустимся ниже под северным крылом дворца, то попадем в другой туннель. Там грязно и шумно, и я старался в него не входить, но знаю, что он выходит в канал, впадающий в реку Доб. К сожалению, выходы из этого туннеля находятся только на территории дворца, и нужно пройти почти пол-лиги, чтобы добраться до канала.

— Вы продолжите путь к каналу,— приняла решение Кадия.— Я со своими людьми найду способ проникнуть в канализацию при помощи талисмана, и мы встретимся с вами. Найдите безопасное место и ждите нас. Вместе мы спустимся по реке к морю. Только Бог знает, что произойдет потом. В нашем распоряжении лодка аборигена, но сам абориген погружен в заколдованный сон...

Все забыли о принце Толиваре, который в этот момент вступил в разговор:

— Ягун и Критч очнутся от моего заклинания на рассвете, тетя Кади. Ты сможешь вызвать их, и мы все уплывем на лодке.

Изображение Кадии долго молча смотрело на Толивару, потом спросило:

— Толо, где твой талисман?

Королева Анигель вдруг заговорила звенящим голосом:

— Мой любимый сын отдал его в обмен на мою жизнь и жизни его неродившихся братьев! Трехглавое Чудовище сейчас у Орогастуса, но бесполезно оплакивать случившееся. Мы больше не будем говорить об этом.

— Хорошо,— произнесла Дама Священных Очей, стиснув зубы.— Я не могу оставаться с вами. Пусть вас хранит и направляет Святой Цветок до самой нашей встречи.

Послание исчезло.

Кадия рассказала Почетным Кавалерам все, что ей стало известно в туннеле. Они страшно обрадовались тому, что королева Анигель и принц Толивар находятся в безопасности и объявили, что с радостью проложат себе путь с площади оружием, если Кадия согласится использовать против врагов волшебную силу Трехвекого Горящего Глаза.

— Нашему побегу мешают скорее бедные жители Брандобы,— пристыдила она их,— а не приспешники Орогастуса. Посмотрите вокруг, почти все люди в красных или черных костюмах участвуют в осаде дворца. Окружающая нас беснующаяся толпа состоит в основном из обычных горожан.

Она снова присела, сжав в руках талисман. Вокруг раздавались жуткие крики и страшный грохот, люди давили друг друга, пытаясь выбраться из парка.

— Мы должны спуститься в туннели, как это сделала Анигель, и под землей пройти к определенному каналу, впадающему в реку Доб. Именно там нас будет ждать Анигель с ее спутниками. Я спрошу у Горящего Глаза, как это сделать.

Рыцари стояли неподвижно с мрачным видом, пока Кадия бормотала вопросы и получала ответы, не слышные для обычных людей. Потом она подняла опечаленное лицо.

— Ближайшие к нам участки туннелей были умышленно взорваны спасителями моей сестры, чтобы предотвратить погоню Людей Звезды. Для того чтобы обойти

препятствие, нам придется выйти на Северный бульвар и пройти по нему два квартала. В туннель мы попадем, подняв решетку в саду перед одним из особняков.

— Это означает, что нам предстоит проникнуть в самое сердце бунта,— предупредил Мелпотис.— Думаю, вам не удастся отодвигать людей в сторону мягко, как раньше, им будет просто некуда деваться.

— Если бы я была более опытной волшебницей,— пожаловалась Кадия.

— Госпожа,— твердо заявил Мелпотис,— вам придется прокладывать путь огнем талисмана. Иначе нам не пройти сквозь обезумевшую толпу.

— Я не могу убивать невинных людей! — закричала она.

Сайнлат отчаянно выругался, сорвал с себя смешной розовый костюм и с наслаждением растоптал его. Потом он обнажил меч.

— Мы не можем оставаться здесь и дрожать от страха! Я готов прорубить проход к туннелю.

— Я тоже,— сказал Мелпотис, сбрасывая костюм и надевая шлем.

— Придумал! — воскликнул Эдинар, сияя молодым безбородым лицом.— Госпожа, прикажите талисману погрузить этих людей в заколдованный сон, как поступил Толивар с Ягуном и Критчем. Они упадут на землю, и нам останется только перепрыгивать через них.

— Я никогда так не делала, но могу попробовать,— произнесла Кадия неуверенно.

Снова, как и в случае с неожиданным Посланием, она собрала все силы, чтобы успокоиться. Она поморщилась, когда со стороны дворца прогремел оглушительный взрыв и из нескольких окон верхнего этажа вырвались языки пламени, отчего толпа обезумела еще больше. Потом она заставила себя успокоиться, сконцентрировав внимание на бедолаге в разорванном костюме, который рыдал у фонтана всего в нескольких элсах от нее.

— Засни и проснись на рассвете,— сказала она, закрывая глаза и представляя его мирно спящим. Открыв глаза, она увидела, что мужчина лежит в луже сероватой воды с блаженной улыбкой на губах.

— Получилось! — воскликнула она. Она попробовала еще раз, выбрав в качестве подопытных пару бесцельно дубасивших друг друга драчунов. На этот раз она не стала закрывать глаза, а просто представила, как они опускаются на влажные булыжники, и произнесла заклинание. Пара заснула мирно, как дети, отправившиеся в страну сновидений.

— Кавалеры, — сказала она, сделав глубокий вдох, — мы готовы выступить.

Она сняла костюм, оставшись в кольчуге с вышитым Триллиумом Глаза, и надела висевший на поясе шлем. Потом она подняла талисман. Капля янтаря между долями озарила ее лицо мягким светом.

— Держитесь рядом со мной, — приказала она рыцарям. — Я постараюсь проложить достаточно широкий путь, чтобы нам не пришлось наступать на спящих.

Они направились сквозь брызги фонтана к роше, где Анигель и Толивар спустились под землю, и достаточно легко миновали край толпы. Кадия водила талисманом из стороны в сторону, останавливаясь лишь на мгновение на каждом загораживающем дорогу человеку. Бунтовщики, которые мгновение назад истерически кричали и в ярости размахивали руками, мирно засыпали, упав на землю. Те люди, которых магия не коснулась, в ужасе пятились назад.

— Колдунья! — закричал кто-то.

Толпа жалобно взывала и закричала:

— Колдовство! Берегись!

Люди торопливо освобождали путь, вжимались в стены, свято веря, что упавшие на землю были насмерть сражены колдовством.

Кадия и Кавалеры быстро шли вперед, перешагивая через тела. Все ее внимание было сосредоточено на магическом усыплении, и она полагалась на то, что рыцари будут направлять ее в нужную сторону. Миновав небольшую рощу, они направились к бульвару, толпа на котором была более плотной, а ее настроение более угрожающим. Повозки с подарками были перевернуты, волумниалы с пе-

ной на губах били копытами. Мародеры растащили сундуки с императорскими дарами и теперь дрались за обладание ими, разбрасывая разноцветные пакетики. Одна из раздававших подарки женщин, залитая кровью, неподвижно застыла на земле после удара копытом волумниала. Было много убитых и раненых, но Кадия и рыцари могли только продолжать путь по кишевшему людьми бульвару, оставляя за собой бесчувственные тела и отражая редкие нападения обезумевших хулиганов.

До нужного им особняка оставалось не более тридцати элсов, он стоял на углу боковой улицы, заполненной улюлюкающей толпой. Парадоксально, но люди, находившиеся на таких улицах, стремились скорее попасть на площадь, а не убежать от нее подальше. Сначала казалось, что людьми движет только праздное любопытство зевак.

Однако когда Кадия и Кавалеры попытались пробиться сквозь эту массу тел, их до этой поры не знавшая поражения тактика дала осечку. Слишком много народу было вокруг. Сколько бы людей ни падало, другие сразу же занимали их места. Неумолимое давление толпы не позволяло Кадии использовать магию. Оправданный страх, что уснувшие по ее воле люди будут раздавлены толпой, мешал ей сосредоточиться.

Эдинар и Сайнлат, стоявшие по правую руку и подвергшиеся наиболее ожесточенному нападению, поняли, что даже их мечи не могут остановить человеческий поток. Они не могли двигаться дальше. Толпа подхватила их и понесла по бульвару в сторону парка.

Кадия услышала с севера, со стороны забитой людьми боковой улицы, характерный свист и жужжание древнего оружия, увидела ослепительные вспышки, за которыми последовали жуткие крики горевших заживо людей. Кадия поняла, что оттуда двигалась вторая волна захватчиков, которая гнала перед собой впавших в истерику людей, убирала с дороги слишком неповоротливых с вызывающей ужас эффективностью.

— Люди Звезды! — закричал ей на ухо Эдинар. — И другие негодяи на фрониалах! Срази их смертоносной молнией талисмана...

Голос молодого рыцаря перешел в крик. Его оттеснили от Кадии, и рыцарь исчез в темной массе тел. Через мгновение исчез Сайнлат, а Мелпотис и Калепо были сбиты с ног и распростерлись на земле.

— Талисман! — в отчаянной мольбе вскричала Кадия. — Помоги.

Она высоко подняла обрубленный меч, и в тот же момент почувствовала, что падает. Трехвекий Горящий Глаз выскользнул из ее пальцев. Она увидела ослепительную зеленую вспышку, услышала чей-то крик. Толпа била и трепала ее как лист на ветру, и сознание она потеряла, прежде чем упала на булыжную мостовую.

Она пришла в сознание и почувствовала, что едва может дышать от придавившего ее веса, а шевелиться не может совсем. Сводящий с ума шум бунта стих, и она слышала только стоны, плач, крики о помощи, ржание фрониалов и побряхтывание и ругань мужчин, занятых тяжелым трудом.

С нее снимали трупы.

Одно колено сильно болело, но доспехи, или магия талисмана, уберегли ее от худшей участи. Шлем все еще находился на голове, и она лежала лицом на чем-то или ком-то.

— Кавалеры! — прохрипела она. — Это я, Кадия. Как вы?

— Твои воины тебе уже не помогут, — услышала она звонкий женский голос.

Прежде чем Кадия смогла издать хоть звук, последнее тело было сброшено с нее и руки в стальных перчатках грубо схватили ее и подняли на ноги. От головокружения она плохо видела, колено жутко болело, и она не устояла бы на ногах, если бы ее не поддерживали два воина-саборнианца.

Кадия медленно подняла голову. Зрение почти вернулось к ней, и она увидела, что толпа исчезла с бульвара, оставив за собой горы тел. Ее окружали фрониалы в усыпанной драгоценностями сбруе, нервно перебиравшие ногами среди мертвых тел. Всадники были вооружены с ног

до головы и одеты с варварской роскошью. Все были в красных плащах из перьев.

Командовала ими взрывающая на Кадия с презрительной улыбкой на губах женщина в великолепной короне в виде птицы на голове. Ее доспехи были серебристо-черными, а на шее висела платиновая Звезда.

— Свяжи ведьму, Лукайбо, — приказала она, — потом займись талисманом. Сделай так, как я сказала, если не хочешь, чтобы тебя постигла участь Кифоро, Теджа и других жалких тварей.

Один из воинов держал Кадия, а другой связал ее по рукам и ногам. Потом мужчина по имени Локайбо снял с пояса ножны и положил на мостовую. Опустив взгляд, Кадия увидела, что Трехвекий Горящий Глаз лежит на залитых кровью булыжниках. Капля янтаря в эфесе была тусклой. Рядом валялся мертвый мужчина с широко открытыми глазами, чуть дальше — пять кучек пепла, которые недавно были человеческими существами. Они явно пытались поднять волшебный меч и были испепелены за старания. Но несгоревшее тело...

Кадия чуть не разрыдалась, узнав Сайнлата. Рыцаря не затоптала толпа, из его горла вертикально торчал двуручный саборнианский меч.

— Ступай в мир иной, Кавалер, — прошептала она, чувствуя, как по щекам потекли слезы.

Она почти не обратила внимания на то, что Локайбо стальным сапогом надвинул ножны на тупое лезвие талисмана. Затем он поднял Горящий Глаз и привязал его к Кадии, прижав ее руки к туловищу и обмотав несколькими витками крепкого каната.

— Перебрось ее через седло, — приказала женщина в короне. — Пора торопиться во дворец, там все готово.

— Где мои остальные рыцари? — спросила едва слышно Кадия. — И кто вы?

— Твои приспешники мертвы, ведьма, их смела толпа. Я — императрица Наелора.

Тебе выпала большая честь присутствовать при моем восшествии на трон, после того как я передам талисман Орогастусу.

Великий Волшебник Небес поселил Харамис в уютных апартаментах рядом со своей огромной библиотекой, предложив пользоваться ею, когда она пожелает. Он также приставил к ней синдон разных видов, которые должны были выполнять любые ее поручения, — носильщиков, посыльных, прислужников, утешителей и охранников, и показал фиксированные виадуки, по которым она могла путешествовать с одной Луны на другую. Потом, сказав, что вернется, когда настанет время, он удалился в свой кабинет.

— Настанет время для чего? — хотела узнать Харамис, поспешив за ним по коридору.

Старик только хихикнул и захлопнул дверь кабинета перед ее носом.

Когда она открыла дверь своим, в других случаях совершенно бесполезным, янтарным талисманом, Денби в кабинете не оказалось. Он, очевидно, воспользовался расположенным здесь виадуком, который не открылся в ответ на заклинания Харамис. Талисман же, очевидно, не считал виадук нормальной дверью.

Кипя от разочарования, Харамис направилась в библиотеку и попыталась отыскать в книгах подсказку, как ей убежать. Прошло три дня, но она так и не нашла стоящей информации о виадуках. Тем не менее древние письмена совместно со схемой Скипетра, которую ей передал Темный Человек, казалось, подтверждали слова Орогастуса. Три талисмана, соединенные вместе, если воспользоваться ими умело, могли восстановить то состояние мира, каким оно было до наступления ледника. К сожалению, восстановление гармонии должно было сопровождаться ужасными изменениями климата, в результате которых наступал крах цивилизации на континенте, если только не найдет-ся человек, который установит строгий порядок железной волей и непобедимой магией.

Тиран... подобный Орогастусу.

Получив ужасное подтверждение, Харамис направилась на Луну Мертвых и принялась взывать к спящим Исчезнувшим:

— Разве нет другой надежды? Есть только выбор между Покоряющим Льдом и безжалостным режимом Звездной Гильдии?

Прекрасные тела в золотистых пузырях не подсказали ей другого варианта, так же как не помогли и ее отчаянные обращения к Черному Триллиуму. Мудрость и здравый смысл, казалось, покинули ее, оставив вместо себя только отчаяние.

— Если бы я могла вернуться на землю, на твердую почву, которая питает мою магию! Пока я остаюсь здесь в заточении, нет надежды на то, что удастся изменить ужасную судьбу, предначертанную Денби.

Или есть?

В конце концов, Темный Господин Небес был Великим Волшебником и брал на себя такие же обязательства, как и она. Ни он, ни она не могли умышленно причинить вред мыслящему существу...

Она долга обдумывала это вопрос. Успех зависел от внимания старика, а добиться этого можно было одним-единственным способом. Она пошла в Грот Памяти на Луне Садов, села на скамью рядом со сверкающим глобусом мира и стала молиться в тишине. Через несколько часов появилась синдона-утешительница, принявшая форму женщины в золотой тунике, с телом гладким и твердым, как слонобая кость, но тем не менее способным двигаться плавно и грациозно, как человеческое. Существо проявило доброту и заботу и попросило Харамис вернуться в апартаменты, поужинать и лечь спать.

Она отказалась.

— Если ты действительно хочешь утешить меня,— сказала она живой статуе,— попроси Денби отпустить меня с этих Лун. Пусть позволит мне вернуться на землю, где я снова стану направлять живущих на ней людей. В противном случае я останусь в этом гроте, не буду ни есть, ни пить, пока не перейду в мир иной. И вина за мою

смерть ляжет на Денби, который несправедливо обрек меня на заточение.

Синдона склонила голову с золотыми волосами:

— Я передам Великому Волшебнику Небес все, что вы сказали.

Существо удалилось через виадук в дальнем конце пещеры, который Харамис раньше не заметила.

Она продолжала бдение в течение трех дней, постепенно слабая от голода и ужасно страдая от жажды. Она уже не могла встать с поросшего мхом пола, когда услышала, как Темный Человек укоризненным тоном произносит ее имя.

Харамис подняла голову и прошептала:

— Ты пришел слишком рано, Темный Человек. Я еще не умерла, а талисман, который так необходим тебе, все еще связан со мной.

— О чем ты говоришь, моя дорогая? — спросил дрожащим голосом старик с видом оскорбленной невинности.

Она с трудом села.

— Неужели мы не можем быть честными друг с другом? Совершенно ясно, что ты собираешься держать меня здесь, пока я не отдам тебе Трехкрылый Диск или не умру, после чего связь моей души с талисманом исчезнет. Иначе зачем ты заманил меня сюда?

Его лиловые губы растянулись в озорной улыбке.

— Быть может, для того, чтобы получше узнать тебя, быть может, чтобы научить тебя кое-чему для спасения мира! Сумасшедшему трудно понять собственные мотивы.

Она умышленно отвернулась, чтобы не смотреть на этот отвратительный спектакль.

— Я думаю, что ты совсем не безумен. Ты просто стар и устал жить, но все же решил увидеть конец игры, затеянной тобой и другими Великими Волшебниками в глубокой древности.

— Почему ты так считаешь?

— Я нашла ответ в твоей библиотеке, там же, где и Орогастус. Двенадцать тысяч лет ты управлял судьбами або-

ригенов и людей, тщетно пытаясь исправить ошибку, совершенную во время войны магий. Быть может, сначала тебя действительно интересовала судьба мира. Но потом ты стал нетерпеливым. Твое вмешательство становилось неосторожным и странным, в результате чего начальная дисгармония мира, которая, кстати, постепенно исправлялась, резко обострилась. А теперь планета обречена на полное оледенение из-за твоего высокомерия.

— Ты права во всем, кроме последнего утверждения, — сказал он спокойно.

Она с трудом поднялась на ноги и повернулась к нему лицом.

— Бина и Ириана не понимали, что причиной последнего ухудшения ситуации в мире был ты. Эти две Великие Волшебницы были действительно бескорыстны и милосердны. В соответствии с их планом, Три Лепестка Животворящего Триллиума должны были возродить Скипетр Власти и осуществить великое исцеление. Они верили, что пагубные природные последствия восстановления равновесия могут быть сглажены нежным влиянием Цветка.

Денби бесцеремонно махнул рукой:

— Эта схема заслуживала внимания.

— Но ты только притворялся, что соглашаешься с нами, — продолжила Харамис. — Ты уже придумал более быстрое и радикальное решение. Это был Орогастус! Ты принял темную философию Звезды, согласно которой свободные души должны подчиниться деспоту, предположительно ради их собственного блага.

— Если ждать вмешательства Триуна, — холодно произнес старик, — можно ждать вечно. Я ждал двенадцать тысяч лет, и мне надоело ждать.

Харамис посмотрела на него и вдруг все поняла окончательно.

— Ты умираешь.

— Да. И прежде чем уйду, я увижу равновесие восстановленным или конец мира! Ты и твои драгоценные сестры нашли для меня утерянные части Скипетра. Я не мог

этого сделать, несмотря на силу и власть. Талисманы были спрятаны синдонами так, чтобы ни один человек не мог воспользоваться ими для агрессии. Я был поражен, когда магия Цветка привела вас к ним. Я хотел, чтобы Орогастус использовал Путеводную Звезду Гильдии для их поиска. Вместо этого мне пришлось использовать Путеводную Звезду, чтобы спасти его от вас.

— Мы только защищались от его пагубной магии...

— Хватит болтать! Почему я должен оправдываться перед малолетней выскочкой? Ты и твои сестры так же трусливы, как и первые Великие Волшебники! При первом нарушении равновесия они решили вывезти людей за небесный свод! Вы неинтересны мне, потому что боитесь использовать Скипетр. Только Орогастус имеет значение.

— Мои сестры и я сама не понимали полностью природу нашего предназначения, а также природу талисманов. Со временем мы, возможно, поняли бы, что Скипетр — единственная надежда мира, и нашли бы способ, как использовать его без опасности для мира.

— Со временем! — презрительно рявкнул старик. — Времени нет! Орогастус уже завладел Горящим Глазом и Трехглавым Чудовищем. Он должен получить третью часть Скипетра немедленно и сразу же использовать его. Возвещающие конец света землетрясения уже начались. Очень скоро континентальная кора треснет в тысяче мест. Новые вулканы изрыгнут пепел, который закроет солнце и отравит замерзшее море навечно. Выживет только Вечный Лед!

Произнеся это ужасное пророчество, он пошатнулся, словно почувствовав страшную усталость, и слабо взмахнул искривленной рукой. Из виадука грота появились два Стража Смертного Суждения. Живые статуи в коронах и поясах из сверкающих синих и зеленых пластин замерли, зажав под левыми руками золотые черепа.

— Харамис, — прошептал Денби, — отдай мне Трехкрылый Диск. Прикажи ему не причинять мне вреда, и я тут же отпущу тебя, чтобы ты успела спасти Анигель и Кадью. Ответишь отказом, и их ждет мучительная смерть.

Она снова встала на ноги и коснулась пальцами висевшего на шее янтаря Триллиума.

— Нет. Я думаю, ты блефуешь.

— Да? Посмотри сама!

Он подошел к глобусу и коснулся его рукой. Моря и континенты исчезли, и шар наполнился перламутровым дымом. Из дыма возникли образы, и Харамис увидела мрачную камеру с орудиями пытки. На соломе, прикованная к одной из стен, сидела Кадия, и лицо ее не выражало ничего, кроме безнадежности. Вооруженные всадники с хохотом внесли в камеру четверых бесчувственных пленников. Одним из них был незнакомый Харамис рыжеволосый мужчина, вторым — король Ледавардис Рэктамский, третьим — принц Толивар, а последней — сама Анигель в наполовину сорванном с тела рваном платье.

Мерзавец со Звездой на груди грубо швырнул королеву на солому и стал надевать на нее ржавые кандалы.

Харамис закричала от ужаса, и изображение в шаре мгновенно исчезло.

— Они — в Саборнии, — лишенным эмоций тоном произнес Денби. — В плену у новой императрицы Наелоры, которая взойшла на трон этой страны, лично обезглавив своего брата Деномбо. Тебе следует знать, что завтра утром твои сестры и их спутники будут замучены до смерти, если Орогастус не получит твой талисман на рассвете.

— Он... не посмеет так поступить! — возразила Харамис. — Даже ради Трехкрылого Диска.

— Возможно, ты права, — согласился Великий Волшебник Небес. — Но прекрасная Наелора сделает это с удовольствием, особенно после того, как таинственный магический голос подсказал ей эту мысль. Императрица крайне раздражена тем, что Орогастус не присутствовал на ее коронации, не способствовал установлению ее власти после переворота. Вместо этого он закрылся в одной из комнат дворца с двумя талисманами. Он пытается вспомнить, как они работают... чтобы найти тебя.

— Меня?

— Тебя.

— Чтобы уговорить меня отдать ему мой талисман?

— Совсем не для этого. Одурманенный глупец просто хочет поговорить с тобой, продолжить тщетные попытки привлечь тебя на свою сторону при помощи того, что он считает логикой. И при помощи любви.— Денби презрительно хмыкнул.— Тьфу! Как он меня разочаровал! Сентиментальный идиот, которого всегда надо направлять на путь истинный. Императрица Наелора позаботится об этом... с моей помощью.

— Я... я не понимаю.

Старик истерически расхохотался и овладел собой, только когда смех сменился сильнейшим приступом кашля.

— О, какая восхитительная ирония. Наелора сгорает от любви к Орогастусу, как он сгорает от любви к тебе, моя дорогая! Императрица уже приподнесла любимому колдуну талисман Кадии. Бедняжка была так удручена его холодной реакцией. Теперь она думает, что Орогастус станет более любезным, если она сможет передать ему и твой талисман. Особенно если такая любезность будет условием передачи... как нашептал ей на ушко таинственный голос.

— Гнусный манипулятор! — закричала Харамис с отвращением.— Неужели ты ко всем относишься как к фигурам на доске?

— Очевидно, да, хотя для вас это и неприятно.— Он протянул руку.— Диск. Отдай его мне или возьми на себя ответственность за установление окончательного господства Льда.

— Самонадеянный подлец! — закричала она.— Я не верю, что Орогастус — единственная надежда мира, и считаю, что даже ты сомневаешься в этом. Ты так высокомерен, так поглощен своими чувствами и ощущениями, что не способен рассмотреть ни одного решения, кроме своего!

— Отдай мне Диск,— повторил старик,— или я прикажу стражникам отобрать его у тебя. Ты знаешь, они способны убивать.

— Ты нарушишь клятву Великого Волшебника? — спросила она, уже зная ответ.

— Не глупи,— ответил он.— Я сделаю все, что необходимо.

Харамис вдруг бросилась на старика, выставив вперед руки. От резкого толчка он попятился назад, удивленно вскрикнув, и упал на руки стражников. Прежде чем он успел ее остановить, Харамис бросилась в глубь грота.

— Система виадука, включись! — сказала она, вошла в черный круг и исчезла.

— Ты не должна презирать меня! — закричал Денби. — Как это делала она!

Он проковылял к виадуку и вошел в него, приказав стражникам следовать за собой.

Он запрограммировал этот магический портал так, чтобы тот заканчивался в его собственном кабинете на Луне Темного Человека. Выйдя из виадука, Денби увидел, что Харамис подходит к огромному круглому окну для наблюдений. Это было то самое окно, которого он посоветовал остерегаться при первой встрече шесть дней назад.

— Остановись! — закричал он.

— Мой янтарь Триллиума откроет любой замок, — сказала она, поворачиваясь к нему лицом. — Даже этот.

Харамис подняла обруч, и золотистая капля между крыльями вспыхнула в ответ.

— Не надо! — закричал он, остановившись в нерешительности между двумя стражниками. — Это окно осталось со времен Исчезнувших и выходит в безвоздушное пространство между Лунами. Мы оба умрем, если ты откроешь его, а талисман будет утерян навсегда!

— Пусть будет так, — сказала Харамис. — По крайней мере, закончится твоя дьявольская игра. Пусть наш мир постигнет судьба, уготованная Триуном, а не тобой.

— Остановите ее! — пронзительно крикнул Денби стражникам.

Прежде чем Харамис успела приказать окну открыться, синдоны подняли правые руки, направив пальцы прямо на нее. Она увидела, как появились два луча почти невидимого света. Лучи остановились буквально на расстоянии ладони от нее и вернулись назад, как только ослепительно вспыхнул янтарь Триллиума. Оглушительный взрыв потряс комнату. Харамис едва не ослепла и закашлялась от поднявшейся пыли. Ее отбросило к закрытому

люку, и она машинально закрыла лицо руками. Девушка ждала мгновенной смерти, стражники, должно быть, испепелили ее тело, оставив жить только иссушенный череп. Потом она услышала страшный грохот, словно на комнату обрушился разрушительный град. Наконец воцарилась тишина, нарушаемая редкими стонами.

Опустив руки, она увидела сквозь тучи пыли, что кабинет был разрушен полностью, за исключением небольшого участка вокруг нее. Кожаные кресла были разорваны, от письменного стола и буфета остались только щепки. Книжные полки упали и развалились, древние научные приборы превратились в бесформенные груды металла. На полу лежали кучи осколков цвета слоновой кости, перемешанных с синими и зелеными пластинами. К ее ногам подкатился практически неповрежденный золотой череп.

Денби лежал в куче мусора и истекал кровью из сотни ран. Харамис подошла к нему, опустилась на колени и подняла его голову. Лицо было изуродовано до неузнаваемости, на кровавой, припорошенной пылью маске невинным остался только рот.

— Я позову утешительницу, — начала было она, — одну из синдон-целительниц...

— Слишком поздно. — Она с трудом разбирала его слова. — Черный Триллиум... Мне следовало догадаться... старше Коллегии... старше Звезды... Три Лепестка и Великий Волшебник Небес для наставления, если ты хочешь, Харамис... любовь допустима, привязанность — нет... я только хотел спасти его... бедный мир.

— Я знаю. — Она нежно обняла его. Капля янтаря была ослепительно яркой. — Скажи, как мне вернуться?

— Виадук... Нерении, — произнес он на последнем дыхании.

Денби Варкур, последний герой Исчезнувших и Великий Волшебник Небес, мирно отошел в мир иной.

Она вызвала одну из синдон-утешительниц, чтобы избавиться от последствий голодания. Процедура была неполной, потому что она больше всего нуждалась в креп-

ком сне, но после нее она смогла поесть и попить и сама надеть тунику, штаны и официальный плащ и подготовиться к возвращению. Выйдя из апартаментов, она с удивлением увидела поджидавшую ее толпу живых статуй. Всего здесь было семнадцать прислужников, двенадцать носильщиков, пять посыльных, еще одна утешительница и двадцать два стражника.

— Эти слуги готовы беспрекословно подчиняться тебе,— сказала исцелявшая ее утешительница,— так как Великого Волшебника Небес больше нет.

— Вы покажете мне, как работает система виадуков, чтобы я могла выбрать пункт назначения?

Один из посыльных вышел вперед:

— Я могу это сделать, Великая Волшебница, при условии, что вы будете использовать программируемый виадук. В некоторых системах существуют фиксированные маршруты. Изучение процесса программирования занимает примерно двадцать часов.

— Так долго? — воскликнула Харамис в отчаянии.— Но я должна спасти моих бедных сестер и их спутников до восхода солнца в Саборнии!

— Виадук в комнате Нерении Дарал фиксированный,— сообщил посыльный.— Он доставит вас по назначению, стоит только в него войти. Более того, если вы возьмете меня с собой, я смогу перепрограммировать другие виадуки согласно вашим указаниям.

— Хвала Цветку! — Она облегченно вздохнула и на минуту задумалась.— Все, кроме этого посыльного, ждите здесь моих указаний.

Головы с вечными улыбками на губах склонились.

— Ты,— сказала она выбранной синдоне,— проводи меня немедленно к виадуку Нерении Дарал.

Глава 29

Магический портал доставил ее в небольшую рощу. Выйдя в сопровождении посыльного на открытое место, Харамис увидела грунтовую дорогу, проходившую вдоль

отвесных морских скал. Три Луны сверкали над головой в обрамлении бешено несущихся по небу облаков, свежий ветер принес несколько капель приближающегося дождя. Далеко над морем сверкали молнии, изредка доносились раскаты грома. Местность была каменистой и пустынной, если не считать возведенную из белого камня виллу на выступающем далеко в море мысе. По обе стороны от виллы далеко протянулись каменистые пляжи, на которые накатывали странно светящиеся и медлительные волны.

— Где именно мы находимся? — спросила Харамис у Трехкрылого Диска. Синдона знала только, что виадук должен был привести их в Саборнию.

Это бывшая вилла императрицы Наелоры, — ответил талисман. — *Она находится в трех и одной четверти лиги к югу от столицы страны Брандобо.*

— В ней кто-нибудь живет?

Она была покинута два года назад, когда Наелора и ее главный эконо́м Тазор вступили в Звездную Гильдию.

Харамис кивнула с довольным видом и повернулась к стоящей рядом синдоне:

— Значит, ее займем мы.

Приказав талисману защитить дом от взора Орогастуса и других врагов, она открыла замо́к и вошла. Внутри было темно, воздух затхлый, из мебели осталось всего несколько предметов. Гостиная выходила окнами на море, из нее открывался вид на Брандобу. Казалось, в некоторых частях города бушевали пожары — облака над ним полыхали мрачными малиновым и оранжевым оттенками. Странное прерывистое свечение на востоке невозможно было принять за рассвет.

Несколько минут Харамис озадаченно смотрела на открывшуюся перед ней картину, потом обратилась к талисману:

— Почему горит Брандоба?

Пожары начались во время беспорядков, вызванных вторжением Орогастуса.

Она задала Диску еще несколько вопросов, пока не сложилась полная картина успешного переворота и плене-

ния Кадии, Анигель и их спутников. До рассвета оставалось еще три часа. Столица находилась под контролем приверженцев Наелоры и Звездной Гильдии. Деномбо, его придворные и почти все его гвардейцы были убиты, многие тысячи людей погибли во время бунта, который был уже практически подавлен. Организованного сопротивления завоевателям оказано не было. Новая императрица была поспешно коронована, подчиненные короли и вожди племен, приехавшие в Брандобу на Фестиваль Птиц, наперегонки бросились к ней в стремлении выразить свое почтение.

Печальные новости не удивили Харамис. Она не попыталась увидеть Орогастуса, вспомнив, что, когда во время осады Дероргуилы, много лет назад, у него были оба талисмана, он каким-то непостижимым образом узнавал, где она находится. Время противостояния с ним еще не наступило. Она попыталась определить точное место заточения сестер, но быстро поняла, что императорский дворец по-прежнему защищен магией Звезды, как и в первый раз, когда она хотела предупредить императора Деномбо о нависшей над ним опасности. К сожалению, внутри дворца или рядом с ним не было виадука, поэтому синдона не могла оказать ей помощь в спасении. Она вынуждена была сама отправиться во дворец, чтобы освободить сестер и ее спутников. Перенос был возможен, но это требовало огромного напряжения магических сил, кроме того, Орогастус мог легко сорвать планы спасения при помощи двух талисманов.

Альтернативы тем не менее не было.

Харамис едва не забыла спросить у Трехкрылого Диска, что значило загадочное свечение на востоке. Она была просто потрясена ответом.

Это отражение расплавленной лавы, вытекающей из некоторых кратеров в Коллумских горах в сотне лиг отсюда. Эти горы — вулканического происхождения, с толстым слоем пепла на склонах, совсем недавно покрытых снегом и льдом. Поднявшаяся лава расплавила лед и вызвала образование гигантских грязевых потоков, объем которых увеличивается с каждым часом.

— Поток достигнет Брандобы? — прошептала Харамис.

Он течет по руслу рек. Главным каналом является река Доб, делящая город на две части. Грязь в итоге заполнит котловину, в которой расположена Брандоба, на глубину до пятидесяти элсов.

— Сколько времени осталось...

Меньше четырех часов.

— О боги! Орогастус знает, что происходит?

Нет.

— Покажи мне угрожающий городу грязевой поток.

Она закрыла глаза и увидела поросшую лесом, залитую лунным светом долину. Многие деревья качались и падали в вязкий серый поток, несущийся между их стволов. Ее внимание привлекло особенно огромное дерево, с нижними ветвями толщиной два элса. Оно стояло, несмотря на то что было окружено бурными потоками, а другие деревья вокруг падали, подчиняясь стихии.

На верхних ветвях дерева сидели люди.

— Святой Цветок,— пробормотала Великая Волшебница, стараясь понять, кем могут быть эти люди.

Она сконцентрировала на них внимание и мгновенно узнала принцессу Равию и принца Уидда, королеву Галанара Джири, президента Окамиса Хакита Ботала и думвиров Имлита Приго и Га-Бондиса. Прямо на ее глазах приютившее их дерево задрожало и наклонилось — поток подмывал его корни.

Харамис выронила талисман и замерла у окна. Если она использует магию, чтобы перенести попавших в беду правителей, у нее не останется сил на спасение сестер. Но дерево могло упасть в любую минуту, а Ани и Кадии были в безопасности, по крайней мере до рассвета...

Приняв решение и сделав глубокий вдох, она исчезла, как пламя свечи на ветру.

Хрустально чистые образы, являвшиеся признаком магического перемещения, потемнели и превратились в трепетавшие на ветру ветви. Харамис остановилась в

воздухе рядом с деревом. Она подняла руки, и ее плащ Великой Волшебницы заискрился, как снег на солнце, ослепительно белый с голубыми тенями. Янтарь Триллиума в высоко поднятом талисмানে сверкал как путеводная звезда.

— Друзья мои! — Голос Великой Волшебницы звенел как колокол. — Я пришла спасти вас.

Главы государств приветствовали ее восторженными криками и тут же начали задавать вопросы, за исключением бубнившего что-то нечленораздельное Га-Бондиса.

— Нет времени все объяснять, — остановила их Харамис. — Я должна спасти вас и сразу же вернуться в Брандобу, чтобы попытаться предотвратить катастрофу.

— Да поможет тебе Бог, — сказала королева Джири со своей ветки. — Грязь течет прямо на город. Мы попытались объехать ее слева, когда у нас еще были фрониалы, но путь нам преградил еще один поток.

— Вы унесете нас при помощи магии, дорогуша? — спросила престарелая принцесса Равия.

— Да, — ответила Харамис. — По двое. Сначала вас и Уидда. Встаньте рядом друг с другом, чтобы я смогла накрыть вас плащом.

Престарелая пара встала на ноги. Сделать это было совсем не просто, так как ветер усилился и дерево раскачивалось и все сильнее клонилось к потоку. Харамис подлетела ближе, обняла принцессу и принца, и все трое мгновенно исчезли. Прошло несколько минут, Великая Волшебница вернулась одна, ее магическая аура потускнела, а лицо было напряжено.

— Теперь, — сказала она, — Джири и Га-Бондис.

— Куда вы нас переносите? — испуганно спросил тучный дуумвир.

— На виллу у моря, к югу от Брандобы. Это лучшее, на что я способна в данный момент. Перенос физических тел очень истощает мои магические силы.

Она обняла их и снова исчезла.

На этот раз ее возвращение заняло значительно больше времени. Она появилась с опущенной головой, стала

молиться, чтобы боги дали ей силы, сильный ветер раздувал ее плащ и грозил повалить дерево в любую минуту. Оставшиеся мужчины сидели, боясь пошевелиться, на ветке всего в элсе от зловещего потока.

— Вы уверены, что сможете это сделать, Великая Волшебница? — спросил Приго.

— Нет, — призналась Харамис. — И если я остановлюсь на полпути, мы все можем исчезнуть в неизведанном царстве тьмы.

Дерево резко наклонилось и упало, в конце концов лишившись опоры. Оно закрутилось в потоке, а серая грязь подступила к ногам правителей.

— Спаси нас, — закричал Хакит Ботал. — Любая смерть предпочтительней исчезновению в этой грязи.

Харамис бросилась на них, как вур на добычу.

— Талисман! Перенеси нас на виллу у моря.

Прозвенел колокольчик, возвестивший о начале магического перемещения, но звук его был фальшивым и едва слышным. Она попыталась ясно представить пункт назначения, но магическое изображение задрожало, стало зловеще изменчивым и наконец потеряло форму. Несколько секунд Харамис и ее спутники словно висели в центре калейдоскопа. Они не могли дышать, а звон усилился до боли в ушах. Приго и Хакит почувствовали, как ослабели руки Великой Волшебницы. Сверхъестественное изображение потускнело. Они стали выскальзывать из ее рук в бездну безумного грохота и шума.

Святой Цветок, будь моей защитой и силой!

Свет! Дом, состоящий из радуг и стоящий словно на гигантском бриллианте... постепенно изменялся, становился обычным, становился реальным. Едва не лишившиеся чувств правители смогли наконец дышать. Они ощутили запах моря, почувствовали капли дождя на лицах, увидели каменные стены виллы в пронизываемой ветром темноте. Их ноги коснулись камней, и они выпрямились, поддерживая друг друга, чтобы не упасть.

Открылась дверь дома, появилась высокая фигура, и вспышка молнии показала, что она была не живым че-

ловеком, а превосходно вырезанной из слоновой кости и золота статуей женщины, которая почему-то могла двигаться. Приго и Хакит Ботал в страхе прижались друг к другу, а существо вышло из дома, не обращая внимания на дождь, наклонилось и подняло бесчувственное тело Великой Волшебницы.

— Вы не ранены? — спросила утешительница правилей.

Они только покачали головами, потеряв дар речи. Живая статуя направилась к дому с телом Харамис на руках. Потом она остановилась и обернулась.

— Входите, — сказала статуя. — Внутри есть еда и напитки, а также теплая одежда. Не бойтесь. Я — синдона, одна из слуг Белой Дамы.

— С ней все будет в порядке? — робко спросил Приго.

— Она скоро очнется и займется своей работой, — сказала утешительница. — О других сказать ничего не могу.

Любовь моя... поговори со мной!

Талисманы поведали мне, что тебя уже нет на Луне Темного Человека, но отказались сообщить, где именно ты находишься, сказав только, что ты — в Саборнии. Я знаю, что Денби мертв. Я знаю, что ты сохранила Трехкрылый Диск. Ты здорова? Сумасшедший не причинил тебе вреда, пытаюсь отнять талисман?

Харамис, скажи хоть слово!

Только заговори, и я увижу и приду. Мы не можем больше ждать. Земля дрожит под дворцом, и я не в силах унять эту дрожь своей магией. Я не знаю, являются ли эти землетрясения предвестниками окончательной катастрофы. Талисманы отказываются говорить об этом.

Скажи, если ты знаешь правду.

Ты знаешь, что гласит древнее заклинание: Крылатый Диск — ключ Скипетра и его объединитель. Без него Горящий Глаз и Трехглавое Чудовище бесполезны.

Я бесполезен.

Приди ко мне, сюда, в этот покрытый перьями варварский дворец, или позволь мне прийти к тебе! Мы должны

вместе собрать Скипетр Власти и использовать его, пока еще не поздно.

Харамис! Харамис, моя единственная любовь... поговори со мной.

— Рассвет... Скажите, что он еще не наступил! — Она с трудом поднялась на импровизированной соломенной постели.

Рядом с ней на коленях стояла королева Джири и вытирала ей лоб влажным платком. За ее спиной стояла бесстрастная синдона-утешительница с тазом. Небо в окне виллы было затянуто бледными розовато-лиловыми облаками.

— Их убьют на рассвете! — закричала Харамис. — Помогите мне встать...

— Успокойся, милая! — Королева Галанара обняла ее за плечи. — До восхода солнца еще полчаса. Эта... эта странная прислужница рассказала нам о нависшей над твоими сестрами опасности. Она также сказала, что тебе нужно поспать как можно дольше, чтобы восстановить силы, если ты хочешь их спасти.

Великая Волшебница успокоилась.

— Полчаса. Да. Этого вполне достаточно.

Она медленно села и повернулась к синдоне:

— Принеси мой плащ.

Когда синдона вышла, Харамис выпила немного предложенного Джири вина.

— Где остальные правители?

— Другая статуя отвела их к виадуку на противоположной стороне дороги, — ответила королева, — объяснив, что доставит их целыми и невредимыми в родные страны. Я решила остаться с тобой, хотя эта статуя-няня попыталась мне помешать. Она сказала, что когда грязевой поток захлестнет Брандобу, возникнет гигантская приливная волна, которая смоет виллу и части Брандобы, еще не погребенные под слоем грязи. Это правда?

Харамис провела трясущейся рукой по лбу:

— Произойдут страшные события... если я не смогу предотвратить.

Джири выпрямилась и спокойно посмотрела на Волшебницу:

— А ты сможешь?

«Сказать ей? — задумалась Харамис. — Сказать, что не только Брандоба, но и весь мир стоит на грани разрушения?»

Ее пальцы коснулись висевшего на шее талисмана. Крылья Диска были расправлены, а капля янтаря с окаменелым Черным Триллиумом внутри пульсировала в унисон с ее сердцем.

«Святой Цветок, дай мне совет. Если я отдам третью часть Скипетра, он, возможно, предотвратит окончательную утрату равновесия. Он, несомненно, сможет повернуть вспять потоки грязи. Неужели мне уготовано судьбой подчиниться Звезде? Черный Триллиум, я должна поступить именно так?»

Но цветок внутри янтаря, как всегда, промолчал, и она побоялась вновь задать вопрос талисману.

Полными слез глазами Харамис посмотрела на стоявшую рядом с ней на коленях пожилую женщину. На добром лице королевы она увидела грустную улыбку вечно живой надежды. Глядя сквозь слезы на эту улыбку, Харамис вспомнила другую, давно умершую женщину, которая вручила ей и ее сестрам амулеты, которая послала их на поиски талисманов, которая в конце жизни передала Харамис свой драгоценный плащ.

Не теряй самообладания, дочь Триллиума.

— Бина? — прошептала удивленно Харамис.

Белая Дама, которая была крестной Лепестков Животворящего Триллиума, сказала:

Годы приходят и быстро уходят. Вознесшийся высоко может упасть, дорогое сердцу может быть утрачено, спрятанное может быть обнаружено. И тем не менее я говорю тебе, что все закончится хорошо. Верь в это, дочь моя! Помни последние слова Великого Волшебника Небес. Помни...

Харамис смахнула слезы. Королева Джири встревоженно смотрела на нее. Синдона-утешительница с белым плащом в руках спросила:

— Волшебница, с вами все в порядке?

— Да,— ответила она.— Помоги мне встать.

Джири и синдона помогли ей подняться. Харамис на-
кинула плащ и повернулась к живой статуе:

— Немедленно проводи эту добрую женщину в Гала-
нар.

Она поцеловала Джири в щеку.

— Дорогой друг,— сказала она,— что бы со мной ни
случилось, можешь быть уверена, что скоро твоему на-
роду понадобится вся твоя мудрость, все твое мужество.
Не подведи его. Если Триуну будет угодно, скоро я по-
могу тебе. Прощай.

Харамис сжала талисман и исчезла.

— Что она имела в виду? — спросила Джири у син-
доны. Впервые она действительно выглядела напуганной.

— Она имела в виду, что настало время, когда Небес-
ный Триллиум должен расцвести над небом,— ответила
живая статуя,— но только Владыкам Воздуха известно, что
может вызвать это событие. Ступайте за мной, королева,
я провожу вас к семье и верным подданным. То, что спря-
тано, со временем будет обнаружено.

Глава 30

Лязг и грохот возвестили о том, что наружная дверь
императорской тюрьмы открылась. Королева Анигель
проснулась, медленно открыла глаза и зевнула.

— Друзья мои,— сказала она,— уже наступил рассвет?

— Боюсь, что так,— тихо произнес король Ледавар-
дис.

Все они были прикованы к стене и сидели на кучах
вонючей соломы. Под самым потолком камеры для пы-
ток были узкие амбразуры, сквозь которые виднелись туск-
лые лиловые облака.

Анигель выпрямилась и попыталась очистить и при-
вести в порядок рваное платье.

— Тогда нам следует попытаться умереть достойно...
Я жалею только о том, что Кади и меня лишили наших

янтарных амулетов. Святой Цветок, быть может, вернул бы мне хоть какую-нибудь храбрость.

— Не говоря уже о том, что он помог бы нам избавиться от кандалов,— насмешливо добавила Кадия.— Ну что, следует, по крайней мере, утешиться тем, что мы страдали не напрасно.

Голубые глаза Анигель словно увидели нечто приятное и успокаивающее.

— Когда-нибудь нам всем предстоит перейти в мир иной, но только самым счастливым суждено умереть, защищая мир. Пусть Владыки Воздуха придут за нами быстро.

Король и эрцгерцог Гиоргибо согласились с ее словами, потом согласилась и Кадия. В отличие от королевы, которая выглядела спокойной, на грани оцепенения, они не могли оторвать глаз от зловещих орудий пыток, развешанных на противоположной стене, и покрытой подозрительными пятнами и выщерблинами гранитной плиты в центре камеры. Плита, длиной в три элса, была установлена наклонно, и в нижней ее части были предусмотрены кандалы для запястий и лодыжек, а рядом с другим ее концом возвышалась кирпичная конструкция, напоминающая кузнечный горн. Мехи, приводимые в действие деревянными шестернями, соединенными, по словам Гиоргибо, с ветряком, работали всю ночь, иногда в камеру заходил испачканный сажей слуга, который добавлял уголь в топку и шуровал в ней кочергой. Две массивные цепи вели к чему-то, зарытому глубоко в раскаленных углях. Подвешенные буквой V цепи вели еще к одной, более массивной цепи, перекинутой через блок, висевший на железной балке под потолком. Гиоргибо упрямо отказывался говорить о том, что могло быть зарыто в углях.

Послышались приближающиеся голоса, и звонкий женский смех эхом разнесся по сводчатому коридору за дверью камеры.

— Моя высокородная сестрица решила лично руководить пытками,— заметил эрцгерцог.— Кажется, настроение у нее хорошее.

— Пускай позабавится,— мрачно проворчала Кадия.— Скорее всего, Великая Волшебница Харамис все еще находится у Человека Луны и ничего не знает о нашем заточении. Хотела бы я видеть лицо Наелоры, когда она узнает, что лишила жизни ценных заложников и ничего не получила взамен.

— А я не хотел бы,— сказал король Ледавардис и вздохнул.

Он повернулся к Анигель:

— Кажется, мне не суждено стать вашим зятем, дорогая королева. Могу я, по крайней мере, просить вашего благословения и прощения за вред, причиненный вам лично и вашему королевству?

— Я даю его и делаю это с радостью. И... я изменила свое мнение о тебе, Ледо. Если бы нас постигла другая участь, я с удовольствием отдала бы тебе руку своей дочери Джениль.

Принц Толивар, прикованный между королем и Анигель жалостливым тюремщиком, вел себя так тихо, что взрослые решили, что он спит.

— Для меня тоже большая честь стать твоим братом,— сказал вдруг он.— То, как ты спас королеву и меня, было... легендарно!

— Ты сам проявил исключительную храбрость, не поддавшись колдуну, Толо.— Король сжал правый кулак, отставив мизинец, который протянул принцу как крючок.— Соедини свой мизинец с моим! Не медли. У меня есть последний подарок для тебя... Толивар, принц Лабровенды. Я посвящаю тебя в пираты Рэктама и объявляю своим братом и товарищем по плаванию! Сюда. Теперь мы братья.

С благоговейным трепетом и восторгом принц смотрел на сцепленные пальцы.

— Теперь я — настоящий пират?

— Как же иначе! Только помни, что мы, рэктамцы, сильно изменились, и теперь это считается почетным титулом.

— Я... я постараюсь умереть достойно под пытками,— пообещал Толивар дрожащим голосом.— Но если я буду сильно кричать, не считай это слабостью.

— Пираты никогда не страдают молча! Кричи сколько хочешь, а я буду кричать еще громче, потому что я — король пиратов.

Обитая железом дверь распахнулась. Вошли четверо голых до пояса мужчин с кожаными колпаками на головах. За ними в камеру вошла императрица Наелора в темно-бордовом бархатном платье, отделанном серебристо-голубым мехом диксу. Волосы ее были украшены простой платиновой диадемой, а на шее висела Звезда Нерении Дарал.

— Доброе утро, — поздоровалась она и презрительно улыбнулась, не услышав ответа. — Вы скоро научитесь хорошим манерам! Если, конечно, Великая Волшебница не решит, что ценит ваши презренные жизни выше своего талисмана.

Она кивнула палачам:

— Проверьте все.

Палачи мгновенно стали выполнять ее приказ. Один принялся кочергой шуровать в топке, двое с грохотом закрутили лебедку за горном, а четвертый принялся проверять кандалы на зловещей каменной плите.

Императрица встала в эффектную позу, высоко подняв руки, и закричала:

— Харамис! Великая Волшебница Земли! Я знаю, что ты можешь видеть нас и слышать. У меня тоже есть тайные друзья в царстве магии! Один из них нашептал мне на ухо, как именно можно получить Трехкрылый Диск. Приходи, Великая Волшебница! Поклонись мне и отдай свой талисман, и я обещаю сохранить жизнь пленникам. Отклонишь мою просьбу, и они примут мучительную смерть.

Палачи налегли на лебедку, поднимая что-то из углей. Медленно появился раскаленный добела стальной барабан длиной примерно в элс и в две ладони диаметром. Сквозь него проходила стальная балка, к кольцам на концах которой были прикреплены цепи. Когда цилиндр был поднят над плитой и немного остыл, пленники увидели, что он представлял собой нечто вроде катка, раскаленная поверхность которого была усеяна острыми шипами.

— Священные ляжки Хелдо! — воскликнул в ужасе Ледавардис.

Остальные, за исключением Гиоргибо, который отлично понимал, что их ожидает, не могли произнести ни слова.

— Харамис! — Наелора подняла Звезду. — Не мешкай! Уже рассвет. Установленный мною срок истек.

Ничего не произошло.

— Императрица, — обратилась к ней Кадия, — Господин Звезды знает о пытках и дал на них согласие?

— Замолчи, ведьма! — прошипела Наелора.

Но Кадия не сдавалась:

— Еще вчера я говорила, что моя сестра Харамис находится на Трех Лунах и не может ответить на магический вызов. Я сама не могла поговорить с ней даже при помощи двух талисманов. Твоя хитрость ни к чему не приведет.

— Сестра, почему ты так поступаешь? — закричал Гиоргибо. — Убей меня, если хочешь, но эти люди не причинили тебе вреда.

— Она причинила! — в гнев закричала императрица. — Высокомерная Белая Дама! И если она жива, то должна услышать их крики, хоть на Луне Темного Человека, хоть в пекле самого нижнего из десяти адов.

Она снова позвала Харамис, и в голосе ее все отчетливее звучало бешенство.

Эригерцог покачал головой:

— Ее рассудок помутился от игр в колдовство.

— Нет, — печально возразила Анигель. — Причина ее расстройства совсем в другом.

— Молчать! — закричала Наелора. — Или я прикажу вырвать вам языки!

Пленники замолчали. Один из мужчин в колпаках произнес:

— Все готово, императрица.

Лицо Наелоры покраснело, на лбу выступили капли пота. Она ходила перед прикованными к стене пленниками, нервно сжимая в руке Звезду.

— Кто первый желает насладиться ласками огненно-го катка? Безобразный и безрассудно смелый король пиратов? Нет, не думаю. Его недостаточно уважает Белая Дамма. Почему она должна обменять свой талисман на жизнь одноглазого, горбатого морского бандита? И по этой же причине я не выберу тебя, мой любезный брат, хотя испытала бы от твоих мучений исключительное наслаждение.— Она рассмеялась.

Лицо Гиоргибо превратилось в каменную маску, и он не соизволил ей ответить.

Императрица остановилась перед Анигель.

— Может быть, первой станет эта убитая горем грязная королева? Жалкая тварь. Ты подвернула ножку и от боли потеряла сознание, когда мои воины тащили тебя сюда. Боюсь, ты и твои неродившиеся сыновья слишком быстро умрете под пытками, быть может, даже раньше, чем Великая Волшебница услышит твои крики.

— Попробуй тронуть меня, выродок скритека! — прошипела Кадия, пытаясь вырваться из оков.

Наелора, казалось, обдумывала ее предложение.

— Храбрая ведьма, которая едва не сорвала вторжение и не лишила меня трона! Но ты заплакала, когда я отдала твой талисман Господину Звезды. Ты скулила, как побитый щенок снита! Я бы с радостью посмотрела, как ты будешь рыдать и умолять меня о милосердии,— она сделала шаг вперед и схватила за волосы принца Толивару,— когда этот коварный ублюдок будет расплачиваться за свои грехи.

— Он прощен всеми нами! — закричала Кадия.

Но Наелора властно махнула рукой, и два палача подскочили к Толивару, сняли с него кандалы и подтащили к гранитной плите. Они долго возились, приспособливая кандалы к маленькому телу Толивару, но наконец им удалось закрепить принца неподвижно у нижнего края наклонной плиты.

Императрица подошла и убрала с глаз принца прядь волос.

— Ты должен все видеть, маленький храбрец,— произнесла она вкрадчивым голосом и посмотрела на пото-

лок.— И Великая Волшебница Харамис тоже должна все видеть! Смотри на его лицо, Белая Дама, когда огненный каток раздавит его тело от кончиков пальцев до головы.

Она шелкнула пальцами. Двое палачей склонились над лебедкой, на этот раз опуская груз. Двое других ухватились за толстый канат, чтобы подтянуть подвижный блок и тали вперед и опустить раскаленный барабан точно на верхний край плиты в полтора элсах от ног принца. Усаженный шипами цилиндр коснулся плиты и мучительно медленно, пронзительно скрипя на оси, покатился к мальчику. Палачи отошли в сторону от лебедки и замерли, а двое других у каната притормаживали движение цилиндра, чтобы попытка не закончилась слишком быстро.

— Харамис! — крикнула Наелора, остановившись у каменной плиты рядом с головой Толивару.— Ты видишь?

Выложенный плитами пол пыточной камеры задрожал.

— Землетрясение! — закричал Ледавардис, но никто не обратил на него внимания, менее всех — императрица. Она не спускала глаз с приближающегося барабана, схватившись руками за край пыточной плиты.

Когда пол камеры задрожал, огненный цилиндр качнулся в сторону, но Наелора только еще сильнее напряглась в ожидании. Шипы заскрежетали по каменной поверхности, разбрасывая во все стороны искры, все палачи налегли на канат, чтобы вернуть дымящийся барабан на место. Он снова покатился к Толивару.

Произошел еще один толчок, более сильный, чем первый.

Палачи, изрыгая проклятия и налетая друг на друга, танцевали вокруг каната, стараясь не наступить на рассыпавшиеся из треснувшего горна угли. Огромная трещина расколола противоположную от пленников стену, и орудия пытки с лязгом посыпались на пол. Из-под пола камеры донесся грохот, сопровождаемый скрипом и сверхъестественными стонами.

Усаженный шипами цилиндр быстрее покатился по плите. Палачи выпустили из рук канат и выбежали из ка-

меры, несмотря на крики императрицы. Толивар почувствовал, что раскаленный барабан коснулся подошв его башмаков, и с его губ сорвался крик испуганного ребенка.

Над ним вдруг появилась фигура в сверкающем белом плаще. Он увидел, как Харамис направила на него свой талисман. Кандалы раскрылись, его беспомощное тело взмыло в воздух, и ничем не удерживаемый цилиндр покатился туда, где он лежал мгновение назад.

У конца плиты барабан закачался на цепях как раскаленный маятник. Императрица Наелора попыталась увернуться от него, в панике забыв использовать магию Звезды. Цилиндр ударил ее прямо в лицо. Толивар, жалобно звавший маму, почувствовал, что опускается на пол. Под раскачивающимся, раскаленным докрасна цилиндром извивалась и дергалась еще живая императрица.

Тошнота подступила к горлу мальчика, когда он почувствовал запах жженой ткани и плоти. Он упал на колени, желудок его, казалось, вывернулся наизнанку. Принц попытался подняться, когда услышал, как Великая Волшебница произносит его имя. Она уже освободила других пленников и вела их к двери.

— Толо! Быстрее!

Когда он остановился, чтобы обернуться и еще раз посмотреть на ужасную смерть Наелоры, которую мог пережить он сам, Харамис подлетела к нему и схватила за руку. Что-то оглушительно треснуло над головой, и со сводчатого потолка камеры посыпались камни. Принц буквально вылетел над каменными плитами в коридор вслед за фигурой в белом плаще.

Скоро он вновь почувствовал твердый пол под ногами. Землетрясение, казалось, прекратилось, стены коридора выглядели вполне прочными. Почти все светильники посыпались с крюков, но все еще мерцали в насыщенном пылью воздухе. Королева Анигель порывисто обняла принца. Остальные восторженно кричали что-то и кашляли.

Когда все немного пришло в себя, Харамис сказала:

— Сестры, у меня кое-что есть для вас. Я забрала это у ваших тюремщиков.

В руках она держала сверкающие капли янтаря на простых шнурках. Анигель и Кадия взяли свои амулеты, поцеловали их и надели на шеи.

Из-под обломков стен разрушенной камеры пыток не доносилось ни звука, но едва слышные крики раздавались с другой стороны.

Ледавардис, который слишком хорошо помнил землетрясение во время осады Дероргуилы, быстро сказал:

— Нам следует выбраться на открытое место как можно быстрее. Если будет еще один толчок, весь дворец может обрушиться прямо нам на уши.

— Ты можешь перенести нас при помощи магии? — обратилась к Великой Волшебнице Кадия.

— К сожалению, нет. Это потребует больших затрат сил, а мои истощились, когда я спасала правителей других стран.

— Они целы? — воскликнула Анигель. — Хара! Хвала Богам!

— Тогда придется бежать, — сказала Кадия.

— Сюда, — крикнул Гиоргибо, — вверх по лестнице. Мы сможем пробраться через казармы императорской гвардии к северному трансепту большой ротонды, а оттуда выйти в один из дворов.

— Тем не менее я способна нас защитить, только магический перенос пока для меня недоступен.

— Ани, ты можешь идти? — спросила Кадия.

— Святой Цветок исцелил меня от ран. Я снова здорова и так счастлива, что едва могу удержаться от слез!

— Попробуй удержаться, — посоветовала Дама Священных Очей, — по крайней мере, пока мы не выберемся отсюда. А потом можешь рыдать сколько душе угодно. Может быть, я даже присоединюсь к тебе...

Они бегом поднялись по узкой лестнице в прихожую казармы, которая сильно пострадала от землетрясения. Упало несколько стропил, и обрушилась часть стены. Крайне осторожно они прошли между обломками. Здесь никого не было, за исключением одного-единственного императорского гвардейца — седого ветерана в полудо-

спехах, припорошенных пылью, сидевшего на куче мусора и сжимавшего руками ногу.

— Все убежали,— прохрипел он, когда к нему подошли Харамис и Гиоргибо.— Вон та стена на меня упала. Товарищи решили, что я — покойник. Палачам, пробежавшим мимо несколько минут назад, было на меня наплевать, вот я и остался здесь со сломанной ногой.

Великая Волшебница наклонилась и коснулась ноги талисманом. Гвардеец удивленно выругался и принялся ощупывать место, на котором только что была рана.

— Святая Матута! Ты меня вылечила, колдунья! — Он вскочил на ноги и посмотрел на нее в замешательстве.— Но если ты — одна из них... где твоя Звезда?

— Она ей не нужна,— раздался мужской голос.

Харамис выпрямилась и медленно повернулась. У дальней двери полуразрушенной прихожей стоял Орогастус. Он был одет в полный серебристо-черный наряд Гильдии, включая медальон, не хватало только устрашающей звездной маски. Его лицо было хмурым от напряжения, белые волосы были распущены, а голову венчало Трехглавое Чудовище. Горящий Глаз был вложен в ножны на поясе колдуна, и рука его лежала на тройном эфесе.

— Оставь нас! — приказал он сжавшемуся от страха гвардейцу, который тут же убежал.

— Итак, ты нашел нас, Орогастус,— сказала Харамис,— как я и думала.

— Я узнал о твоём присутствии, как только ты материализовалась в камере пыток. Я искал тебя на протяжении многих часов.

— Тогда ты знаешь, что Наелора мертва.

Его правильной формы губы сжались от ярости.

— Дура! Поверь, я ничего не знал о ее планах. Полагал, что она просто заставит тебя отдать свой талисман.

— Она намеревалась приподнести его тебе и завоевать с его помощью твою любовь.

Он раздраженно махнул рукой:

— Любовь? Любовь к *ней*? Какой вздор! С того момента, как оба талисмана оказались у меня, я думал только о тебе.

— Чтобы заставить меня отдать тебе мой талисман своим способом? Тем не менее... я рада, что ты не одобряешь пыток.

— Человек, который задумал такое, перестал бы существовать, Харамис. Почему ты не веришь в это? — Колдун пошел вперед, протянув к ней руки. — Почему ты не можешь понять...

— Я отлично тебя понимаю, ничуть не хуже этого надменного подлеца Денби Варкура, который тебя создал! Вы оба — манипуляторы человеческими чувствами и поступками, ослепленные тщеславием и высокомерием.

Его руки бессильно опустились, а выражение надежды на лице сменилось отчаянием.

— Моя любовь к тебе честна, и я не боюсь заявить об этом. Ты тоже любишь меня, но можешь только оскорблять меня, не давая шанса объясниться.

— Нежное воссоединение и взаимные оскорбления могут подождать, — твердо вмешалась в их разговор Кадия. — Ты тоже должен понимать, что в любой момент может начаться землетрясение. Весь город может быть разрушен! Ты должен что-то сделать!

Орогастус отвел в сторону взгляд светлых глаз.

— Я не могу контролировать движение земли при помощи талисманов. Я пробовал, когда толчки не были столь сильными, но безрезультатно.

— Это потому, что землетрясения являются лишь симптомами потери миром равновесия, — сказала Харамис, — как и колоссальный грязевой поток, который несетя на город с гор.

— Какой грязевой поток? — хором спросили колдун, Кадия, Ледавардис и Гиоргибо. Анигель и Толивар стояли, раскрыв рты от удивления.

Харамис подняла свой талисман:

— Брандоба лежит точно на его пути. Смотрите!

Половина полуразрушенной комнаты, казалось, растворилась, а они словно оказались на одном из высоких утесов над Лирдским лесом. Утреннее небо было затянуто грозовыми тучами, закрывавшими поросшие лесом вершины,

как полуопущенный занавес. Из-под этого занавеса, заполняя долину Доба как зеленый желоб, вытекала грязнопенная масса, издавала похожая на серую кашу.

— Темные Силы, защитите нас! — прошептал Орогастус. — Я не знал... Талисманы! Как близко подошел поток к Брандобе?

— Он в шести лигах.

— Он будет здесь через полчаса, — сказала Харамис. — И погребет под собой город.

Она взмахнула талисманом, и изображение исчезло.

— Мой бедный народ, — простонал Гиоргибо. — Мой бедный город.

Ледавардис бросил на него полный сочувствия взгляд:

— Да, ты теперь — император.

— Император забвения! — Он стоял, подбоченясь и сердито глядя на Орогастуса и Харамис. — Что теперь? Ты уведешь своих людей подальше от опасности, Господин Звезды? А Великая Волшебница спасет своих близких, оставив Саборнию и ее ничтожных обитателей варваров на волю стихии.

Орогастус повернулся к Харамис:

— Мы так и поступим?

Харамис взглянула на сестер и своих друзей, молча смотревших на нее. Нужно ли сказать им всю правду? Возможно, следует это сделать в ближайшем будущем, но только не сейчас. Еще оставалась надежда, пусть ничтожно малая.

— Орогастус и я должны поговорить наедине, — сказала она. — Прошу нас извинить.

Она подала колдуну знак следовать за ней и отошла так, чтобы их не было слышно, но было видно.

— Мы расстаемся навсегда? — спросил он. — Мое саборнианское приключение закончилось. Я должен начать все сначала в другом месте, если это еще возможно. У тебя останется твой талисман, у меня — мои. По отдельности они чрезвычайно сильны, но не непобедимы, особенно учитывая тот факт, что я практически не умею ими пользоваться. Полагаю, у тебя есть доступ к виадукам?

Она кивнула.

— Значит, мы можем путешествовать по ним, пока их выходы не будут заблокированы. Тебе нужно будет только собрать своих друзей, а потом ты сможешь покинуть эту обреченную страну. Я могу вернуться с членами Гильдии в свой старый дом в Тузамене. Если ты обещаешь не нападать на меня там, я скажу, как освободить Ириану из заточения в голубой ледяной глыбе. Затем мы подождем, пока мир не погрузится в ледяное безмолвие, ты — в своем убежище, я — в своем, и наши подчиненные ничего не узнают. До самого конца. Ты это намереваешься сделать, Харамис? Сбежать?

— Сбегать некуда, даже если бы мы этого захотели,— ответила она.

— О чем ты говоришь?

— Великий Волшебник Небес — самый большой знаток магии, когда-либо живший на земле,— сообщил мне, что именно сейчас начнется решающая фаза потери равновесия миром. Саборнианская катастрофа, какой бы ужасной она ни казалась, лишь начало великого множества подобных катастроф, которые затронут все страны нашего мира. Для нас нет убежища, Орогастус, нам некуда бежать. С этого момента начинается постепенное скольжение вниз, пока весь мир не будет принадлежать Покоряющему Льду.

— Значит, так! Я не был уверен...

— Денби Варкур считал, что только один деспот, обладающий Триединым Скипетром Власти, может предотвратить гибель планеты. Он потребовал отдать ему мой талисман, чтобы он смог передать его тебе. Я отказалась.

— Как отказываешься до сих пор,— добавил колдун.

— Да.

— Ты предпочитаешь увидеть мир разрушенным, но только не спасенным и покоренным мной?

— Я предпочла бы увидеть его спасенным... другим способом.— Она глубоко вздохнула.— Ты готов отдать мне свои талисманы, чтобы я попыталась исцелить мир без его порабощения?

— Никогда! Я знаю, что тебе это не удастся. Процесс исцеления очень мучительный. Простые люди и их наивные правители не смогут понять, как в нем выжить. Твои мягкие увещевания ничего не дадут. Люди сойдут с ума от ужаса.

— Думаю, я нашла ответ на этот вопрос.

— Тогда скажи мне! — Он схватил ее за руку, но она вырвалась и покачала головой, и он не попытался удержать ее.

— Однажды, — напомнила она, — ты обещал позволить мне использовать Скипетр.

— Только если... — начал было он, но замолчал, не в силах произнести ни слова.

— В последние минуты жизни Денби Варкур изменил мнение о своем тираническом замысле. Умирая, он упоминал Черный Триллиум, говоря о нем с иронией и странным смирением. Потом он сказал мне: «Любовь допустима, привязанность — нет».

— Эта проклятая загадочная фраза! — воскликнул Орогастус. — Ты произнесла ее, когда отрекалась от меня в Башне... Тогда какая разница?

— В первом случае, — сказала она, — любящие люди остаются верными себе. Они объединяются без потерь, без подчинения. Никто не остается униженным, напротив, они нравятся друг другу все больше. — Она замолчала и опустила глаза такого же цвета, как и его. — Я люблю тебя, но Звезда требует превосходства над ее приверженцами. Цветок не требует.

Он стоял перед ней, сжимая длинными пальцами висевший на шее медальон.

— Я должен сделать то, для чего был рожден. Денби здесь ни при чем. Он выполнил свою роль, позволив мне узнать правду о моем предназначении, позволив отказаться от глупых убеждений и сосредоточиться на одной и единственной цели, для достижения которой я существую. Я не откажусь от моего предназначения ни ради кого-то, ни ради чего-то. Харамис, любимая моя Харамис, ты должна понять меня.

Она холодно улыбнулась:

— Я понимаю. Быть может, ты сам еще не достиг полного понимания. Денби также сказал мне: «Три Лепестка и Великий Волшебник Небес для наставления... если ты этого хочешь».

Орогастуса ошеломила ее дерзость.

— Ты! Если ты этого хочешь? Что это значит? Ты считаешь, что старик передал тебе и твоим сестрам ответственность за Скипетр Исчезнувших?

— Возможно. Бина и Ириана были уверены, что мы сможем его использовать. У меня такой уверенности не было, и, может быть, именно из-за моей нерешительности Денби предложил четвертого, который должен был нас наставлять.

— Великий Волшебник Небес мертв,— сердито произнес Орогастус.— Как он может вам помочь? Денби Варкур был сумасшедшим и даже в последние минуты жизни находился в бреду.

— Есть еще один источник, подтверждающий право Трех Лепестков Животворящего Триллиума использовать Скипетр совместно. Это древняя песня, которую цитировал Денби:

Один, два, три: три в одной.

Первая — Корона Презренных, дар мудрости,
усилитель мыслей.

Вторая — Меч Глаз, творящий правосудие
и дарующий жизнь.

Третья — Жезл Крыльев, ключ и объединитель.

Три, два, один: одна в трех.

Приди, Триллиум. Приди, Всемогуший.

Он издевался надо мной. Я слышала эту песню раньше от аборигенов уйзгу нашей Гиблой Топи. Они говорили, что она восходит ко времени зарождения их расы.

Орогастус покачал головой:

— Она лишена смысла. Обычная мистическая чепуха.

— В связи с тем, что Трехкрылый Диск является главным элементом Скипетра, его ключом, я буду управлять им, но не как Великая Волшебница, а как одна из трех сестер. Если бы все зависело от меня, я предпочла бы, что-

бы Животворящий Триллиум усиливался и направлялся мужественным другом, как во время использования, так и после него. Но мы трое никогда не позволим, чтобы нашим наставником был Человек Звезды.

— Ты играла со мной, Харамис.— В его голосе на этот раз не было гнева, только отчаяние.— Без Звезды — я ничто! Ты унизишь меня при помощи своего Цветка, потребуешь преданности, но откажешься покориться сама.

Она взяла его руку и поднесла к висевшему на шее Трехкрылому Диску. Он напрягся, все еще ощущая страх и не веря ее словам.

— Я люблю тебя,— повторила она.— И никогда не причиню вреда, даже не подумаю унижить нового Великого Волшебника Небес.

— Нового...

— Я назначаю человека на эту должность, как последний активный член Коллегии. Уверена, Ириана согласится со мной. Согласятся, как я думаю, и спящие Исчезнувшие. Мы — одни из них, ты и я.

— Харамис, разве такое возможно?

— Это зависит, я думаю, от тебя, от твоей любви.

Она коснулась пальцами Цветка. Он почувствовал, как расправляются крошечные крылья талисмана, а под ними появляется что-то, от чего пламя охватывает его сердце. Он на мгновение потерял равновесие и вынужден был опереться на нее, обняв при этом.

— Конечно, я люблю тебя! О, Харамис, я люблю тебя больше жизни! Больше...— Он застонал, не в силах произнести ни слова.

Орогастус пришел в себя и ослабил свои безумные объятия. Они придали им новых объединяющих их обоих сил.

Им трудно было разомкнуть объятия, но действительность требовала их вмешательства.

— Корона! — прошептала она.

Нахмурившись от растерянности, Орогастус снял корону и долго смотрел на нее. Под центральным ликом чудовища, где только что было крошечное изображение звезды, появился герб трех полумесяцев. То же самое произошло с Трехвеким Горящим Глазом.

Звезда с разорванной цепочкой лежала у его ног в ку-
че мусора.

Новый толчок потряс дворец.

К ним подошли Анигель и Кадия.

— Хара,— сказала королева.— Ты должна немедленно решить, что мы будем делать.

Орогастус и Харамис сообщили им о принятом решении.

Глава 31

Позолоченный купол дворца был увенчан высоким шпилем из красной яшмы, внутри которого спиральная лестница вела к гигантскому изображению птицы. Три сестры и Орогастус вышли на небольшую площадку на вершине шпиля и посмотрели на огромную скульптуру.

— Да это же вур! — удивленно воскликнула Кадия.— Птица, созданная Исчезнувшими, которая должна была стать помощником и спутником виспи. Я думала, что в этой части света они вымерли.

— Именно так,— сказал Орогастус.— Поэтому они считаются священными.

— Это соответствует нашему плану,— сказала Харамис и попросила колдуна поднять всех четверых на спину статуи. Он обнажил обрубленный меч и отдал приказ. Три доли превратились в глаза, а из открытых ртов ликов короны появились лучи белого, зеленого и золотого света. Они взлетели в облачное небо, с которого падали редкие капли дождя, и опустились на широкую поверхность из позолоченного камня.

— Теперь мы должны собрать Скипетр,— сказала Харамис. Сняв талисман с шеи, она перенесла каплю янтаря из гнезда между крыльями в кулон.

Гигантская статуя задрожала под их ногами. Они напрыглись, но не потеряли равновесия. Птица медленно раскачивалась из стороны в сторону. Далеко внизу горел город, крыши и стены многих домов обвалились, но

основные разрушения Брандобы были скрыты клубами дыма и тумана.

Харамис повернулась к Орогастусу:

— Скажи своим талисманам, что мы, Три Лепестка Животворящего Триллиума, можем к ним прикасаться.

Он подчинился, стиснув зубы, потом протянул им корону правой рукой, а меч — левой. Королева Анигель и Кадия стали рядом. По команде Великой Волшебницы они положили руки на талисманы, которыми когда-то владели. Амулеты на их шеях зажглись золотистым светом, и им ответила капля янтаря на груди Харамис.

Харамис вставила обруч в канал на лезвии меча, потом завела Трехглавое Чудовище внутрь Диска, чтобы он и корона образовали меридиан и экватор. Крылья Диска раскрылись и стали большими, а в их центре засиял Черный Триллиум в куске янтаря размером с кулак. Харамис высоко подняла собранный Скипетр, а сестры встали рядом и положили свои руки поверх ее.

— Приди, Триллиум, — сказала Великая Волшебница Земли. — Приди, Всемогуший.

Скипетр, казалось, вспыхнул желтым пламенем. Его части уже не были серебристыми или черными, все они стали золотыми. Кадия, Анигель и Орогастус почувствовали, как тепло распространяется по их телам от кончиков пальцев, достигая сердец.

— Скипетр! — Голос Харамис был торжествующим, и все поняли, что она тоже чувствует магическое тепло. — Вознеси нас высоко на небо и убери все облака, чтобы мы ясно видели землю.

Позолоченная птица не ожила. Они не увидели хлопающих крыльев, не почувствовали никакого движения, даже малейшего ветерка, но вдруг взлетели вверх в ясное голубое небо. Птица остановилась. Восходящее солнце выглянуло из-за угрожающе дымящих Коллумских гор. Потоки грязи текли с гор по многочисленным расщелинам, извивались по лесу, а самый могучий из них подошел к окраине города у затвора реки Доб. Широко раскинувшаяся Брандоба лежала раненая внутри городских стен и дымила, как затоптанный костер. В огромной бух-

те еще стояли корабли, но вода у берегов приобрела серый оттенок, оставаясь аквамариновой дальше от берега.

На западе низко над землей висели Три Луны. Дым в воздухе придал им грязно-оранжевый оттенок.

— Теперь, — сказала Харамис Скипетру, — нам нужна вся сила твоей магии. Вскрой неистощимые источники духа этого мира, его растений, его животных, его людей. Поверни вспять угрожающий Брандобе грязевой поток, успокой землю под ним и, если так угодно Триуну, восстанови разрушенные части города. Пусть это будет сделано без потери жизней аборигенами или людьми.

Свечение Скипетра усиливалось, пока он едва не затмил светило на востоке. Люди, державшие его, вздрогнули под напором струившейся из него силы, отвели и закрыли глаза. Ужасный скрежет, грохот и вой ударил их по ушам, но они не выпустили Скипетр и остались твердо стоять на спине парящей в небе позолоченной птицы. Потом шум стих, все, кроме Харамис, убрали руки со Скипетра и посмотрели вниз.

По периметру города на месте стены поднимался высокий вал. Поднимавшиеся из-под земли камни создавали дамбу, которая преграждала путь грязевому потоку, отводила его на север, в долину другой реки, из которой он мог, не причиняя вреда, попасть в море. Другие движения земной коры, похожие на работу колоссального подземного животного, превращали холмы в долины и изменяли течения небольших рек. Земля вздымалась и опускалась, как вытряхиваемый ковер под аккомпанемент жуткого грохота. А потом все стихло. Прямо под ними засиял город. Окутывавшая его пелена дыма исчезла.

— Покажи нам Брандобу поближе, — приказала Харамис. Они устремились вниз, не теряя равновесия, и зависли над парком и дворцом. Сам дом императора и окружающие его постройки сверкали на солнце. Улицы и бульвары уже не были завалены мусором и обломками.

Но тела убитых во время бунта и землетрясения лежали как прежде.

— Скипетр, — прошептала Харамис. — Ты можешь вернуть жизнь людям?

Только не мертвым. Живым я могу вернуть здоровье, если к ним прикоснуться моими частями.

— У нас нет времени на это, — сказал Орогастус. — Если мы не сможем восстановить равновесие, живые будут завидовать мертвым.

— Он прав, — сдержанно похвалила его Кадия.

— Мы поможем раненым потом, — добавила Анигель. — Если сможем.

— Хорошо, — согласилась Харамис. — Скипетр, пусть наша золотая птица поднимется выше, выше, еще выше, лишь бы мы оставались в безопасности.

Они поднялись на такую высоту, что небо стало темно-синим. Были видны не только звезды, но и солнце, и все луны. Они не чувствовали ни холода, ни недостатка воздуха. Континент с его прекрасным и смертоносным Вечным Покровом лежал посреди лазурного моря, затянутого облаками. Над самим континентом облаков почему-то не было.

— Если Скипетр попробует восстановить равновесие и потерпит неудачу, — сказал Орогастус Харамис, — мы все умрем, потому что наша золотая птица свалится вниз. Тем не менее ты выбрала правильное место для попытки. Мы сразу же пойдем, исцелен ли мир и побежден ли Лед.

Он стоял прямо перед ней, Анигель и Кадия стояли рядом. Харамис улыбнулась ему.

— Ждет нас успех или нет, — сказала она, — я рада, что в конце концов Цветок благословил нашу любовь.

— Я женюсь на тебе, — сказал он. — Я буду жить и работать с тобой вечно, если это возможно.

— Я желаю этого всей душой и сердцем, мой любимый, но сейчас не время думать об этом.

— Тем не менее я хочу, чтобы ты знала.

Харамис кивнула. За спиной Орогастуса, над западным горизонтом, плотной группой висели на небе Три Луны. Она попросила всех соединить с ней руки, подняла Скипетр и сказала ему:

— А теперь соверши то, для чего был создан! Осуществи мечты давно умерших, переселившихся за наружные небеса, спящих в заточении, тех, кто заставил нас родить-

ся. Осуществи и наши мечты, теперь, когда мы наконец решили использовать тебя и исцелить наш раненый мир. Устрани дисбаланс, приговоривший нас к покорению Льдом, в угодное Богу время. Возьми все прекрасное, магическое и истинное из наших сердец и из земли под нами. Сделай это сейчас! Приди, Триллиум! Приди, Всемогуший!

На этот раз не было бури света и шума, раздался только шорох, словно звезды вздохнули и замолчали. Ощущение магического напряжения, пронизывающего Скипетр, исчезло. Скипетр потускнел, крылья закрылись вокруг янтаря и уменьшились до нормальных размеров. Скипетр, казалось, исчерпал себя. Три глаза на эфесе закрылись, и лики чудовищ на короне стали тусклыми и безжизненными.

В это время нечто другое засветилось на темно-синем западном небосклоне.

Глаза Харамис широко раскрылись от изумления, а остальные, увидев ее взгляд, опустили руки с иссякшего Скипетра и обернулись посмотреть, что происходит.

Находящиеся рядом друг с другом Три Луны изменили свой свет с бледно-охрового на чистый, сверкающий, серебристый. Вокруг них появились три радужных лепестка. Центральный взлетал вверх до самого зенита, два других, казалось, охватывали весь горизонт.

— Мой Бог,— прошептала Анигель.— Что это?

— Небесный Триллиум,— ответила Кадия.

— И это все? — разочарованно произнес Орогастус.

— Мы просили,— сказала Харамис,— исцелить мир в угодное Богу время... Посмотрите на ледяной покров.

Они так и сделали и увидели крошечные клубы пара, поднимающиеся со сверкающей поверхности. Они разрастались и соединялись между собой, пока весь континент не скрылся под облаками. Масса облаков удлинилась, подхваченная ветром, и медленно поползла на восток.

— Что происходит? — спросила Анигель.

— Я не совсем уверена,— ответила Харамис,— но мне кажется... он начал таять.

Она обратилась к Скипетру:

— Ты можешь вернуть нас в императорский дворец Брандобы?

Да. Мы полетим чуть медленнее.

Они начали спускаться. Спина статуи птицы была ничуть не меньше, чем пол коттеджа. Орогастус, Кадия и Анигель с интересом смотрели вниз на мир, а утомленная от избытка чувств Харамис тихо сидела в центре.

— Быть может,— сказал Орогастус, когда они спустились ниже и смогли лучше разглядеть границы ледяного покрова,— пламя внутри мира, приводившее к извержениям вулканов в условиях дисбаланса, теперь спокойно сконцентрировалось под ледяным покровом? Облака пара, которые мы видели, стали дождевыми тучами. Несмотря на то что бóльшую часть влаги они сбросят над морями, сильные штормы и наводнения могут возникнуть в восточных частях, особенно в моем родном Тузамене и Рэктаме.

— Бедный Ледо,— сказала Кадия.— Впрочем, у его страны достаточно кораблей. А здесь, в западной части мира, достаточно пустых земель для колонизации пиратами. Что касается Тузамена, это — малонаселенная страна, с очень тяжелыми условиями жизни. Сомневаюсь, что его жители будут слишком сожалеть, если им придется переселиться.

— Быть может, последствия не будут слишком тяжелыми,— предположила Анигель.

— Уровень моря поднимется,— сказал Орогастус.— Оно будет постепенно захватывать прибрежные города во всех странах мира, исчезнут многие острова. Огромное число людей и аборигенов будут вынуждены покинуть свои дома. Изменятся русла рек, будут залиты угодья. Снова возникнут огромные озера, существовавшие до появления Покоряющего Льда. Ваша Гиблая Топь, королева Анигель, когда-то была таким озером.

— О! — воскликнула она.— О...

— Поднимутся новые горы,— продолжал он,— когда земля освободится от бремени Льда. Из-за этого изменятся времена года. Это будет страшное время для людей,

сравнимое с Темными Веками, даже если мы объясним им, что происходит и что все делается для их блага. Всеобщий деспотизм мог бы обеспечить контроль и надзор за восстановлением. Без него... кто знает?

— Я уверена,— твердо заявила Анигель,— что вы, Хара и Ириана сделаете все возможное.

— Может оказаться, что наших усилий будет недостаточно,— сказал он и тяжело вздохнул.

— У нас будут другие помощники,— вдруг сказала Харамис.

Все посмотрели на нее с удивлением. Золотая птица стремительно спускалась к Брандобе, но, как и раньше, ощущения полета у сидевших на ее спине не было.

— Какие помощники? — спросила Кадия.— Ты имеешь в виду синдон? Но их осталось не так много.

— На одной из Трех Лун,— пояснила Харамис,— погружены в заколдованный сон более миллиона человек. Это те, кто не смог Исчезнуть, наши предки, создавшие значительно более передовую цивилизацию, чем наша. Денби Варкур так и не смог заставить себя освободить их. Их количество и их способности непоправимо изменили бы ход нашей жизни. Он знал, что несправедливо и жестоко возрождать их в таком мире, как наш. В конце концов, равновесие было нарушено в результате их войн.

Но Денби никогда не терял надежды, что наступит день, когда он сможет восстановить разрушенное. Он знал, что после уничтожения Вечного Покрова, если это когда-нибудь произойдет, спящие окажут нам неоценимую помощь в исцелении земли и моря. И они окажут ее под руководством нового Великого Волшебника Небес и старых Великих Волшебниц Моря и Земли, последняя из которых в данный момент устала до смерти, но надеется чувствовать себя лучше уже завтра.

— Да! — радостно воскликнул Орогастус и заключил ее в свои объятия.

Золотая птица коснулась шпилья императорского дворца и замерла, снова превратившись в неподвижное каменное изваяние. Анигель и Кадия соскользнули с ее спины

и увидели ждавших их возвращения короля Ледавардиса, императора Гиоргибо и принца Толиvara.

— Мама! — крикнул мальчик. — Ты ни за что не поверишь в то, что здесь произошло!

— Поверю, — сказала Анигель и ласково погладила сына по щеке. — Были чудеса, будет мучительная боль, но в итоге все будет хорошо.

Она положила руку на живот и почувствовала едва заметное движение. Ее детям суждено было родиться в странном мире, в мире, где магия и наука будут союзниками. Станут ли ее сыновья принцами или кем-нибудь еще?

Все было в руках Владык Воздуха. Протянув руку Ледавардису, она начала спускаться вниз.

Кадия удивленно посмотрела на оставшихся на спине птицы людей.

— Думаю, нам следует оставить их наедине, — сказала она новоиспеченному императору. — Я должны разыскать своих друзей Ягуна и Критча, оставшихся на борту лодки в бухте Брандобы. Ты не одолжишь мне фрониаля?

Гиоргибо поклонился, взмахнув рванными и грязными рукавами:

— Дама Священных Очей, я отвезу вас сам в императорской карете, если кто-нибудь в конюшне узнает меня.

— Если не узнают, — сказала ему Кадия по-свойски, — мы просто украдем эту телегу.

Когда они ушли, Орогастус помог Харамис спуститься. Она все еще сжимала Скипетр в руках. Они встали рядом и стали смотреть на город.

— Нужно позаботиться о пострадавших, — сказала Харамис.

— Мы можем вызвать синдон из Края Знаний и Лун, — предложил Орогастус. — Они могут использовать виадук рядом с виллой, а потом ты при помощи Скипетра перенесешь их сюда...

— Нет, любовь моя, — возразила Харамис. — Пусть синдоны сами добираются до Брандобы и приступают к работе. Скипетр следует разобрать здесь и сейчас и никогда больше не использовать.

Орогастус не смог скрыть огорчения.

— Ты права, конечно. И все три талисмана должны принадлежать тебе.

Она разобрала волшебный прибор на части и вставила свой янтарный амулет между крыльями Диска.

— Я думаю иначе,— сказала она и передала ему корону.— Ты будешь хранить Чудовище, Великий Волшебник Небес.— Ее губы тронула озорная улыбка.— У меня есть на это свои причины.

— Благодарю тебя!

— Мы свяжем Трехвекий Горящий Глаз с Ирианой. Она слишком покладиста, и людям, особенно Неисчезнувшим, иногда придется напоминать о ее полномочиях.

Он водрузил корону на голову.

— Я принесу Звездный Сундук. Надеюсь, Голубая Дама простит меня за то, что я ее заморозил, и за грубое обращение членов Гильдии с ее народом.

— Мы вместе отправимся на Полые острова, освободим Ириану и обо всем ей расскажем. Думаю, она захочет вернуться сюда, чтобы руководить синдонами, и также использовать свой новый талисман для исцеления. Мы поможем ей в этой работе, но сначала отправимся на Луны.

— Чтобы начать пробуждение?

Она улыбнулась:

— И не только.

Он взял ее за руку. Стоя рядом, они посмотрели на запад. Небесный Триллиум уже заходил, но она не сомневалась, что он взойдет завтра и будет всходить каждое утро до тех пор, пока не выполнит свою работу.

Содержание

ЗОЛОТОЙ ТРИЛЛИУМ <i>перевод И. Гуровой</i>	9
ЛЕДИ ТРИЛЛИУМА <i>перевод М. Шикова</i>	239
НЕБЕСНЫЙ ТРИЛЛИУМ <i>перевод Н. Берденникова</i>	577

Андрэ Нортон
ЗОЛОТОЙ ТРИЛЛИУМ
Мэрион Зиммер Брэдли
ЛЕДИ ТРИЛЛИУМА
Джулиан Мэй
НЕБЕСНЫЙ ТРИЛЛИУМ

Ответственный редактор *Д. Малкин*

Редактор *Е. Полуянова*

Художественный редактор *А. Сауков*

Технический редактор *О. Шубик*

Компьютерная верстка *С. Жуков*

Корректоры *Е. Васильева, О. Крылова*

В оформлении переплета использована иллюстрация
художника *Майкла Уэлана*

Оригинал-макет подготовлен издательством «Домино»
197198, Санкт-Петербург, ул. Блохина, 20/7.
Тел./факс (812) 325-13-28

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

*По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.*

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:

109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2.

Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16.

Многоканальный тел. 411-50-74. E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 932-74-71.

127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.

www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

*Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве
в сети магазинов «Новый книжный»:*

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12

(м. «Сухаревская», ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.

Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

ООО Дистрибьюторский центр «ЭКСМО-УКРАИНА».

Киев, ул. Луговая, д. 9. Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49;

e-mail: sale@eksmo.com.ua

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Санкт-Петербурге:

РДЦ СЗКО, Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.

Сеть книжных магазинов «Буквоед»:

«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34

и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Сеть магазинов «Книжный клуб «СНАРК»

представляет самый широкий ассортимент книг издательства «Эксмо».

Информация о магазинах и книгах в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Подписано в печать с готовых монтажей 20.09.2004.

Формат 84x108¹/₃₂. Печать офсетная.

Бум. тип. Усл. печ. л. 49,56.

Доп. тираж 4000 экз. Заказ 4622.

ОАО «Тверской полиграфический комбинат»

170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5. Телефон: (0822) 44-42-15

Интернет-Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

Андре
НОРТОН

A. Norton

Мэрион Зиммер
БРЭДЛИ

M. Bradley

Джулиан
МЭЙ

J. May